

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

РАБОЧІЕ НА СИБИРСКИХЪ ЗОЛОТЫХЪ ПРОМЫСЛАХЪ.

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗСЛѢДОВАНІЕ

В. И. СЕМЕВСКАГО.

Томъ II.

Положеніе рабочихъ послѣ 1870 г.

Изданіе И. М. Сибирякова.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія М. Стасюлевича, Вас. Остр., 5 л., 28.

1898.

KF 4320

Constance J. Ford

2683

ОГЛАВЛЕНИЕ II-го ТОМА.

СТРАН.

Глава I. Правила о рабочих Устава о золотопромышленности 1870 г.	1
Глава II. Законодательныя и административныя мѣры относительно рабочихъ на частныхъ золотыхъ промыслахъ съ 1870 г. до половины 1890-хъ гг. Циркуляры о присковыхъ рабочихъ генер. губ. Вост. Сибири Синельникова.—Правила 1872 г. о рабочихъ ссыльно-каторжныхъ на промыслахъ.—Предложенія Иркутскихъ комитетовъ 1873 и 1875 гг.—Циркуляръ Шелашникова.—Инструкція горнымъ исправникамъ 1874 г.—Правила 1876 г. объ охраненіи присковыхъ рабочихъ Восточной Сибири при выходѣ ихъ съ промысловъ.—Циркуляры бар. Фредерикса.—Законъ 1876 г. о двухлѣтнемъ наймѣ на амурскіе промыслы.—Правила 1880 г., утвержденныя Шелашниковымъ, о производствѣ работъ.—Циркуляры ген. губ. Вост. Сибири Анучина 1883 г. и гр. Игнатъева 1886 г.—Вопросъ о высылкѣ рабочихъ на присеки въ Западной Сибири.—Преобразование горной администраціи въ Сибири въ 1888 г.—Правила для производства горныхъ работъ 1892 г.	8
Глава III. Общеcontrактные рабочіе на промыслахъ Тобольско-Акмолинскаго и Семипалатинско-Семирѣченскаго округовъ съ 1870 до половины 1890-хъ годовъ. Рабочіе—киргизы и другіе инородцы. — Меньшая продолжительность рабочаго дня, чѣмъ въ другихъ горныхъ округахъ Сибири.—Воскресный отдыхъ.—Вознагражденіе за трудъ.—Пища.—Жизнь киргизовъ въ юртахъ и землянкахъ.—Неудовлетворительная организація медицинской помощи.—Отсутствіе школъ.—Размѣръ заработка	66
Глава IV. Общеcontrактные рабочіе на промыслахъ Томской губ. съ 1870 г. до начала 1890-хъ гг. Наемъ рабочихъ и контракты съ золотопромышленниками.—Размѣръ задатка.—Неявившіеся рабочіе.—Праздники.—Продолжительность рабочаго дня.—Разряды рабочихъ.—Размѣръ уроковъ.—Подземныя работы.—Вознагражденіе за трудъ.—Пища.—Винныя порціи.—Жилища.—Заборъ товаровъ и припасовъ изъ присковыхъ лавокъ.—Семейства рабочихъ.—Народныя чтенія и спектакли.—Артельныя расправы.—Денежныя штрафы.—Списки рабочихъ, не подлежащихъ найму.—	

Горные исправники.—Продолжительность операций.—Медицинская помощь.—Несчастные случаи.—Школы.—Побѣги съ промысловъ.—Величина заработка и додачи.—Долги рабочихъ.—Разсчетъ.—Рабочіе, оставшіеся на зиму. . . . .

88

Глава V. Общепопутные и отрядные рабочие на промыслахъ Енисейскаго округа съ 1870 г. до начала 1890-хъ гг. Арендная система.—Доходъ золотопромышленниковъ.—Наемъ рабочихъ.—Размѣръ задатка.—Контракты.—Право передачи рабочихъ другимъ золотопромышленникамъ.—Обращеніе общепопутныхъ въ золотничниковъ.—Круговая порука.—Срокъ найма.—Время явки и путешествіе на пріиски.—Зимовья.—Количество неявившихся.—Техника золотопромышленности.—Разряды рабочихъ.—Продолжительность рабочаго дня.—Ночныя работы.—Экстренныя работы.—Уроки на торфахъ и пескахъ общепопутныхъ рабочихъ.—Уроки на торфахъ отрядныхъ рабочихъ.—Уроки на ортовыхъ работахъ.—Недоработка уроковъ.—Соединеніе урочныхъ и старательскихъ работъ.—Мѣсячное жалованье.—Поурочное вознагражденіе.—Поденная плата.—Плата за старательское и подземное золото.—Жилища рабочихъ.—Пища.—Винныя порціи.—Торговля виномъ.—Пріисковая пѣсня.—Женщины на пріискахъ.—Несовершеннолѣтніе рабочие.—Пріисковыя лавки и таксы.—Лѣченіе рабочихъ.—Праздничные дни.—Кровопусканія.—Смертность рабочихъ.—Церковь и школа.—Тѣлесныя наказанія и артельныя расправы.—Выдвореніе изъ тайги.—Карьеры.—Аресты.—Списки рабочихъ, не подлежащихъ найму.—Досрочный разсчетъ рабочихъ.—Штрафы.—Пріисковая правительственная администрація.—Побѣги рабочихъ.—Заработки.—Додачи.—Долги и ихъ отработка.—Разсчетъ и выходъ рабочихъ.—Зимняя операція. . . . .

141

Глава VI. Общепопутные рабочие и смыльнопопутные на промыслахъ Олекминскаго округа съ 1870 до начала 1890-хъ гг. Наемъ рабочихъ.—Задатки.—Путь на пріиски.—Контракты.—Техника работъ.—Доходы предпринимателей.—Продолжительность рабочаго дня.—Подземныя работы.—Величина уроковъ.—Старательскія работы.—Вознагражденіе за трудъ.—Подземное золото.—Жилища и пища рабочихъ.—Винная порція.—Продажа вина на пріискахъ.—Спиртоносы.—Пріисковыя лавки.—Таксы.—Условія нравственной жизни рабочихъ.—Гигіеническія условія.—Медицинская помощь.—Несчастные случаи и вознагражденіе за нихъ.—Школы.—Наказанія.—Горная администрація.—Побѣги рабочихъ.—Величина валового заработка.—Додача.—Выходъ рабочихъ съ промысловъ.—Смыльнопопутные рабочие . . . . .

290

Глава VII. Общепопутные рабочие на золотыхъ промыслахъ Амурской и Приморской областей. Историческія свѣдѣнія о золотопромышленности.—Число рабочихъ.—Предложеніе рабочихъ рукъ превышаетъ теперь спросъ на нихъ.—Задатки.—Путешествіе рабочихъ на пріиски.—Техника работъ.—Доходность золотого дѣла.—Продолжительность рабочаго дня.—Величина уроковъ.—Плата за трудъ.—Подземное и старательское золото.—Пища.—Винныя порціи.—Тайная продажа вина.—Жилища.—Пріисковыя лавки.—Семейства рабочихъ.—Денежные штрафы и другія наказанія.—Горная администрація.—Праздники и льготные дни.—Болезни.—Врачебная помощь.—Школы.—Побѣги.—Заработки.—Додачи.—Долги.—Возвращеніе съ пріисковъ . . . . .

505

Глава VIII. Смыльно-попутные и вольнонаемные рабочие на Нерчинскихъ кабинетскихъ промыслахъ послѣ 1861 года. . . . .

565

Глава IX. Старатели-золотничники съ 1870 г. до половины 1890-хъ гг. Старатели-золотничники на частныхъ промыслахъ въ округахъ Енисейскомъ, Семипалатинскомъ, Тобольско-Аymoлинскомъ, Мариинскомъ, Алтайскомъ, Ачинскомъ, Минусинскомъ, Канскомъ, Нижнеудинскомъ и областяхъ Забайкальской и Амурской.—Старатели-золотничники на кабинетскихъ промыслахъ Алтайскаго и Нерчинскаго округовъ	588
Глава X. Волненія и стачки рабочихъ на сибирскихъ золотыхъ промыслахъ съ 1870 по 1895 г.	647
Глава XI. Законодательное регулированіе положенія рабочихъ на золотыхъ промыслахъ въ послѣдніе годы. Законъ 20 февраля 1895 г. о наймѣ рабочихъ на частныя золотыя промыслы и его подготовка.—Основанія на немъ обязательныя постановленія Томскаго горнозаводскаго присутствія.—Законъ 2 іюня 1897 г. о продолжительности рабочаго дня.—Необходимость различныхъ другихъ мѣръ на пользу приисковыхъ рабочихъ.—Вопросъ объ обезпеченіи увѣчныхъ и семействъ увѣчныхъ приисковыхъ рабочихъ.—Капиталъ имени М. А. Сибирякова.—Общество вспомошествованія горнорабочимъ въ Томскѣ.—Необходимость законодательныхъ мѣръ для обезпеченія рабочихъ на случай болѣзни и лишенія трудоспособности.—Хищническая добыча золота и необходимость ея легализованія.	720
Дополненія	845

ГЛАВА I.

Правила о рабочих Устава о золотопромышленности 1870 г.

Весною 1870 г. было утверждено имп. Александром II мнѣніе Государственнаго Совѣта относительно новаго Устава о частной золотопромышленности и повелѣно было ввести этотъ уставъ въ дѣйствіе. По этому уставу завѣдываніе золотыми промыслами сосредоточено было въ горномъ департаментѣ министерства государственныхъ имуществ¹⁾. Производство золотого промысла было дозволено лицамъ всѣхъ состояній, пользующихся гражданскою правоспособностью, какъ русскимъ подданнымъ, такъ и иностранцамъ²⁾, за нѣкоторыми исключеніями³⁾; собственно къ ра-

---

¹⁾ Главный мѣстный надзоръ по управленію сибирскими промыслами былъ порученъ: по Восточной Сибири—генералъ-губернатору и въ извѣстныхъ случаяхъ Совѣту Главнаго Управленія; по Западной Сибири—начальнику Алтайскихъ горныхъ заводовъ (за исключеніемъ частной золотопромышленности Березовскаго округа Тобольской губерніи, подчиненной вѣдѣнію главнаго начальника Уральскихъ горныхъ заводовъ). Ближайшій надзоръ надъ промыслами на мѣстѣ ихъ производства былъ возложенъ на окружныхъ ревизоровъ и полицію. Въ округахъ, гдѣ находятся значительныя золотныя промыслы, мѣстные губернаторы должны были назначать особыхъ исправниковъ. Полиція и особые исправники, при исполненіи своихъ обязанностей, должны были руководствоваться правилами Устава и инструкціею, утверждаемою министромъ внутреннихъ дѣлъ по соглашенію съ министромъ государственныхъ имуществъ.

²⁾ Выс. утверж. мнѣніемъ Государственнаго Совѣта 22 января 1885 г. занятія золотопромышленностью въ Приморской области дозволено было впредь исключительно русскимъ подданнымъ. *Розановъ*. „Сводъ дѣйств. узак. о частной золотопр.“, изд. 2-ое 1891 г., стр. 2.

³⁾ Лицамъ бѣлаго духовенства дозволено было имѣть участіе въ золотопромышленныхъ товариществахъ, но личное производство золотого промысла имъ воспрещалось. Занятіе золотопромышленностью и участіе въ ней были воспрещены также служащимъ въ министерствѣ государственныхъ имуществъ по горному управленію повсемѣстно, чинамъ полиціи, судебнаго и горнаго вѣдомствъ, а также служащимъ по главному и

ботамъ на прискахъ допускаются и ссыльно-поселенцы, какъ еврейскаго, такъ и прочихъ вѣроисповѣданій.

Добычу золота, какъ поверхностными, такъ и подземными работами слѣдуетъ производить безъ вреда для здоровья и опасности для жизни рабочихъ. Въ работы на золотые промыслы дозволено было наниматься русскимъ подданнымъ и иностранцамъ по условіямъ, заключаемымъ съ золотопромышленниками по одиночкѣ или артелями. Въ Амурской и Приморской областяхъ наемъ рабочихъ изъ иностранцевъ ограниченъ былъ одними китайцами; прочіе же иностранцы могли допускаться лишь по особымъ каждый разъ разрѣшеніямъ главнаго начальника Восточной Сибири. Въ работы на сибирскіе золотые промыслы (за исключеніемъ промысловъ, находящихся въ областяхъ Акмолинской и Семипалатинской и въ населенныхъ мѣстахъ сѣверо-восточной и восточной части Алтайскаго горнаго округа) могли наниматься ссыльно-поселенцы; увольненіе ихъ на работы и наемъ производился на основаніи особыхъ узаконеній о паспортахъ ссыльныхъ (Уст. о Пасп.) и о наймѣ (Зак. Гражд., ст. 2250—2268), съ соблюденіемъ особыхъ правилъ (см. ниже). На золотыхъ прискахъ, разрабатываемыхъ исключительно старательскими работами, рабочіе допускались къ этимъ работамъ только артелью, не менѣе 10 человекъ ¹⁾.

Правила о наймѣ рабочихъ на сибирскіе золотые промыслы состояли въ слѣдующемъ. Сроки найма опредѣлены были для сибирскихъ крестьянъ и мѣщанъ не долѣе одного года и для крестьянъ и мѣщанъ прочихъ частей имперіи не долѣе семи лѣтъ (послѣднее правило противорѣчило общему закону о томъ, что наемъ долженъ производиться не долѣе, чѣмъ на пять лѣтъ). Договоры о наймѣ рабочихъ должны были совершаться не иначе, какъ явочнымъ порядкомъ. Въ условіяхъ о наймѣ должны быть означены: присекъ, на который нанимается рабочій, число рабочихъ часовъ въ сутки, родъ работъ, для которыхъ онъ нанимается, а также и размѣръ особаго вознагражденія за старательскія работы, праздничные дни, въ которые нанимающійся свободенъ отъ работъ, условія о помѣщеніи и удовлетвореніи рабочаго пищею, вещами и припасами, размѣры вычетовъ за самовольное уклоненіе отъ работъ и за

общему губернскимъ управленіямъ Восточной и Западной Сибири—въ предѣлахъ той части Сибири, гдѣ они состоятъ на службѣ, и женамъ, и неотдѣленнымъ дѣтямъ означенныхъ лицъ въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ воспрещено ихъ мужьямъ и отцамъ. (Позднѣйшее по этому предмету разъясненіе см. у *Розанова*, изд. 2-ое, стр. 14). Къ производству золотого промысла и къ участію въ немъ также не допускались: евреи въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ имъ воспрещено постоянное жительство, и лишенные всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ, лично и по состоянію присвоенныхъ,—повсемѣстно. (Позднѣйшее разъясненіе относительно евреевъ см. *Розановъ*, стр. 14—15).

¹⁾ П. С. З. т. XLV, № 48399.

другія нарушенія хозяйственныхъ интересовъ золотопромышленника, размѣръ вычета въ случаѣ неявки на пріискъ въ извѣстный срокъ, размѣръ наемной платы и задатковъ, выдаваемыхъ рабочему, какъ деньгами, такъ и вещами. Рабочіе могли наниматься артелями, и въ этомъ случаѣ въ условіи о наймѣ долженъ быть опредѣленъ и порядокъ внутреннего управленія ими. Исправное выполненіе рабочими заключеннаго артелью договора могло быть обезпечено или круговою порукою цѣлой артели, или ручательствомъ того сельскаго или мѣщанскаго общества, къ которому причислены рабочіе, составляющіе артель. Если рабочий опоздаетъ явиться на пріискъ къ условленному сроку, вслѣдствіе трудной болѣзни или прекращенія сообщенія, засвидѣтельствованныхъ священникомъ, полиціею или сельскимъ начальствомъ, онъ освобождается отъ опредѣленнаго въ условіи вычета за просрочку. По прибытіи на пріискъ рабочий отдаетъ свой паспортъ золотопромышленнику и получаетъ отъ него расчетный листъ, въ которомъ могутъ быть обозначены условія найма. Всякая выдача рабочему деньгами, вещами или припасами, а также произведенные съ него вычеты вносятся въ расчетный листъ въ собраніи артели или одиночныхъ рабочихъ. Для сохраненія внутреннего порядка между рабочими и для болѣе удобнаго производства самыхъ работъ каждому промышленнику дозволялось раздѣлять своихъ рабочихъ на рабочія партіи. Въ каждую такую партію промышленникъ назначаетъ отъ себя старосту, а рабочіе съ своей стороны двухъ выборныхъ, которые вмѣстѣ со старостой составляютъ партіонную расправу, которой предоставлялось подвергать рабочихъ по словесному приговору за маловажные проступки денежнымъ взысканіямъ до 3 руб., или аресту до 7 дней, или наказанію розгами до 20 ударовъ. Если рѣшеніемъ партіонной расправы золотопромышленникъ или рабочий останется недоволенъ, то они могли жаловаться мѣстному исправнику. Если золотопромышленникъ дозволитъ рабочему отлучиться съ пріисковъ, то онъ выдаетъ ему особый билетъ за своею подписью. Если рабочий, при производствѣ работъ, подвергнется, вслѣдствіе непринятія золотопромышленникомъ предписанныхъ въ законѣ мѣръ предосторожности, смерти или тяжкому увѣчью, сдѣлавшему его, по удостовѣренію ближайшаго врача и мѣстнаго исправника, неспособнымъ къ труду, то золотопромышленникъ обязанъ вознаградить его семейство или его самого выдачею тройной за весь наемный срокъ платы. При легкомъ же увѣчьи, происшедшемъ вслѣдствіе непринятія золотопромышленникомъ узаконенныхъ мѣръ предосторожности и требующемъ врачебнаго пособія и временнаго призрѣнія, больной помѣщается въ лазаретъ до совершеннаго выздоровленія, безъ всякаго вычета изъ условленной платы. Вознагражденіе рабочихъ или ихъ семействъ въ тѣхъ случаяхъ, когда смерть или увѣчье рабочаго послѣдовали отъ вины золотопромышленника,

должно было производиться по правиламъ, изложеннымъ въ ст. 657—661 Зак. Гражд. Расчетъ между предпринимателемъ и рабочимъ производится ежегодно по окончаніи промысловой операціи. По исполненіи срока найма рабочій получаетъ отъ золотопромышленника свой паспортъ и окончательно рассчитывается по условію. Если рабочіе, по соглашенію съ золотопромышленникомъ, останутся на промыслахъ на позднее осеннее время, послѣдній обязанъ принять на свой счетъ всѣ мѣры къ благополучному возвращенію рабочихъ до тѣхъ пунктовъ, откуда дальнѣйшій ихъ возвратъ въ мѣста жительства становится безопаснымъ. Удовлетвореніе рабочихъ слѣдующею имъ по условію платою производится предпочтительно предъ всякими другими взысканіями съ золотопромышленника изъ суммъ, причитающихся за добытое золото. Лицо, завѣдующее полицейскою частью на золотомъ приискѣ, обязано удостовѣриться до наступленія времени отправленія золота, добытаго во второй половинѣ промысловаго года, опросомъ золотопромышленника, имѣется ли у него достаточное количество денегъ для расчета съ рабочими, и, въ случаѣ недостаточности средствъ приискаго управленія, поступить такъ, какъ предписано Высоч. утв. мнѣніемъ Комитета министровъ 30 мая 1867 г. (см. т. I, стр. 527).

Правила о наймѣ ссыльно-поселенцевъ на сибирскіе золотые промыслы были раздѣлены на правила объ увольненіи ихъ и правила о наймѣ. По правиламъ объ увольненіи при выдачѣ паспортовъ для работъ на золотыхъ промыслахъ долженъ былъ взыскиваться съ ссыльно-поселенцевъ годовой окладъ податей, съ нихъ причитавшихся, недоимки же за предшествующіе годы предписывалось отмѣчать на паспортѣ съ тѣмъ, чтобы золотопромышленникъ взыскивалъ ихъ при расчетѣ съ рабочимъ. Ссыльно-поселенцу, оставшемуся въ долгу по найму на золотой приискѣ, паспортъ не выдается до уплаты имъ долга, и наняться къ другому золотопромышленнику дозволялось не иначе, какъ если этотъ послѣдній приметъ на себя долгъ прежнему хозяину. Волостное правленіе или смотритель поселенія, въ случаѣ нарушенія двухъ предшествующихъ правилъ, подвергается взысканію числящихся на ссыльно-поселенцѣ долговъ. По наступленіи времени, удобнаго для отправленія на золотые прииски, выдается ссыльно-поселенцу мѣстнымъ волостнымъ правленіемъ или смотрителемъ поселенія особый путевой видъ; они же наблюдаютъ за своевременною отправкою ссыльно-поселенцевъ. Явившіеся на приискъ рабочіе, а также бѣжавшіе съ промысловъ, должны были препровождаться мѣстнымъ сельскимъ полицейскимъ начальствомъ къ золотопромышленникамъ для выполненія своихъ обязанностей по найму. За увольненіе каждаго ссыльно-поселенца, явившагося на приискъ, золотопромышленникъ былъ обязанъ, по окончаніи работъ, уплатить по 1 р. 50 к. въ экономическій капиталъ ссыльныхъ и по 1 р. для

устройства осѣдлости ссыльно-поселенцевъ. Паспортъ неявившагося на золотой приискъ ссыльно-поселенца золотопромышленникъ отсылаетъ, при удостовѣреніи исправника о неявкѣ, въ мѣстное казначейство и кромѣ того извѣщаетъ о томъ волостное правленіе или смотрителя поселенія, которымъ выданъ паспортъ.

Что касается постановленій о наймѣ ссыльно-поселенцевъ, то прежде всего слѣдуетъ замѣтить, что правила о наймѣ рабочихъ на сибирскіе золотые промыслы (за исключеніемъ того, что паспортъ ссыльно-поселенца выдавался на руки не рабочему, а нанимателю) примѣнялись и къ ссыльно-поселенцамъ. Затѣмъ относительно поселенцевъ въ правилахъ, приложенныхъ къ Уставу о частной золотопромышленности, мы встрѣчаемъ слѣдующія особые постановленія. Ссыльно-поселенцы отправляются изъ мѣстъ ихъ водворенія на золотые прииски партіями подъ начальствомъ старосты и двухъ или болѣе помощниковъ, избираемыхъ ссыльно-поселенцами, которые и вручаютъ этому старостѣ выданные имъ путевые виды. За неповиновеніе на пути старостѣ ссыльно-поселенцы подвергаются наказанію розгами до 20 ударовъ, по приговору большинства лицъ, составляющихъ партію. Наблюденіе за безостановочнымъ слѣдованіемъ партіи было возложено на мѣстные полицейскія и волостныя управленія. По прибытіи на приискъ путевые виды отдаются золотопромышленнику, который вручаетъ рабочимъ расчетные листы ¹⁾.

Наиболѣе обстоятельную критику новаго Устава о золотопромышленности мы находимъ въ статьѣ горнаго инженера А. Лоранскаго „Наши законы о золотопромышленности“, которая имѣетъ тѣмъ большее значеніе, что она была напечатана въ официальномъ изданіи того правительственнаго учрежденія, которому принадлежитъ завѣдываніе горными промыслами ²⁾. Авторъ такимъ образомъ объясняетъ необходимость особыхъ постановленій о приисковыхъ рабочихъ: „Въ тайгѣ за тысячи верстъ не только отъ городовъ, гдѣ можно найти работу, но даже отъ простого жилого мѣста, вдали отъ судебныхъ учреждений, рабочіе находятся въ полной зависимости отъ нанимателя, должны исполнять его прихоти и подчиняться его произволу. На фабрикѣ или заводѣ, расположенномъ близъ села или города, рабочій, въ случаѣ нарушенія заводчикомъ контракта или вообще притѣсненій, можетъ легко найти себѣ работу въ другомъ мѣстѣ и кромѣ того получить болѣе или менѣе скорое удовлетвореніе въ судѣ; въ тайгѣ же, удаленной на громадное разстояніе отъ жилыхъ мѣстъ, онъ не можетъ оторваться легко отъ промысла и идти искать себѣ другихъ работъ: для этого нужны средства и силы. Вслѣдствіе этого рабочій долженъ безропотно переносить многія притѣсненія,

¹⁾ П. С. З. т. XLV, № 48401.

²⁾ „Горный Журналъ“ 1872 г. №№ 3, 7—8.

и только когда они дойдутъ до чрезмѣрности, когда всякому терпѣнію наступаетъ конецъ, тогда ему остается одно—бѣжать и можетъ быть умереть отъ голода и изнуренія... Подобныя-то обстоятельства обязываютъ принять особыя мѣры для гарантированія интересовъ рабочаго класса и порождаютъ нужду въ законодательствѣ, специальномъ для золотыхъ промысловъ“.

Разобравъ прежніе законы о золотопромышленности и существенные ихъ недостатки, Лоранскій переходитъ къ разсмотрѣнію новаго Устава о золотопромышленности 1870 г. Между прочимъ онъ съ сочувствіемъ отмѣчаетъ устраненіе монополіи относительно права занятія золотопромышленностью и предоставленіе его всѣмъ, за небольшими исключеніями. Разсматривая измѣненія и дополненія, внесенныя новымъ уставомъ въ законы о наймѣ рабочихъ, онъ совершенно не одобряетъ того, что при указанія условий, которыя должны быть, оговорены въ контрактѣ при наймѣ рабочаго, исключенъ параграфъ, которымъ прежде опредѣлялось, что работы должны продолжаться не долѣе, какъ съ 5 ч. утра до 8 ч. вечера. „Такимъ образомъ“, говоритъ Лоранскій, золотопромышленникамъ данъ полный произволъ“. Изъ новыхъ дополненій онъ считаетъ полезнымъ постановленіе, что въ случаѣ просрочки рабочаго въ явѣ на пріискъ къ условленному сроку, происшедшей вслѣдствіе трудной болѣзни или прекращенія сообщенія, золотопромышленникъ не имѣетъ права производить опредѣленнаго въ условіи вычета: авторъ полагаетъ, что эта статья можетъ несомнѣнно принести пользу рабочимъ.

Совершенно иного мнѣнія авторъ о статьѣ, обязывающей золотопромышленника вознаграждать рабочаго или его семейство выдачею тройной за весь наемный срокъ платы въ случаѣ, если рабочій при производствѣ работъ, вслѣдствіе непринятія золотопромышленникомъ предписанныхъ въ законѣ мѣръ предосторожности, подвергнется смерти или тяжкому увѣчью. Лоранскій полагаетъ, что она „можетъ принести гораздо болѣе пользы золотопромышленникамъ, чѣмъ рабочимъ“. Прежде въ подобныхъ случаяхъ прісковое управленіе привлекалось къ суду и присуждалось къ уплатѣ вознагражденія на основаніи ст. 657—661 т. X 1 ч. Зак. Гражд., по которымъ взысканіе несравненно болѣе строго, теперь же многіе случаи, которые должны быть разсмотрѣны на основаніи этихъ статей, будутъ причисляться къ новой статьѣ. Хотя въ примѣчаніи къ этой статьѣ и говорится, что въ тѣхъ случаяхъ, когда смерть или увѣчье рабочаго послѣдовали отъ вины золотопромышленника, вознагражденіе производится по правиламъ, изложеннымъ въ 657—661 ст., но такъ какъ съ одной стороны непринятіе мѣръ предосторожности есть вина золотопромышленника, а съ другой, почти что всякая вина можетъ быть разсматриваема, какъ несоблюденіе золотопромышленникомъ мѣръ предосторожности, то, слѣдовательно, вознагражденіе рабочихъ будетъ выполняться отъ усмотрѣнія полицейскихъ властей. А кому неизвестно, что эти власти въ большинствѣ случаевъ тянутъ на сторону сильнѣйшаго. Самая 107 ст. новаго золотопромышл. Устава („добычу золота... надлежитъ производить безъ вреда для здоровья и опасности для жизни рабочихъ“), „несоблюденіе которой

можетъ повести къ штрафованію золотопромышленника въ пользу рабочаго, выражена крайне глухо. Если бы при этомъ были изданы правила промысловыхъ работъ, несоблюденіе которыхъ влекло бы за собою наказаніе золотопромышленника, то эта статья принесла бы пользу рабочимъ, но пока подобныхъ правилъ нѣтъ, пока ясно и точно не опредѣлено, въ какихъ случаяхъ пострадавшій рабочий долженъ получить вознагражденіе по той или другой статьѣ, до тѣхъ поръ новое правило въ большинствѣ случаевъ пользы рабочимъ приносить не будетъ" ¹⁾. Г. Лоранскій недоумѣваетъ также, „почему жизнь или здоровье челоуѣка, нанявшагося на полгода, стоитъ дешевле, чѣмъ того, кто нанялся на годъ, на два и т. д., притомъ же самое вознагражденіе во многихъ случаяхъ будетъ очень незначительно“. Чернорабочіе обыкновенно получали трехрублевое мѣсячное жалованье, слѣдовательно, нанявшійся на 5 лѣтнихъ мѣсяцевъ и получившій тяжкое увѣчья, слѣдовавшее его неспособнымъ къ пропитанію, получилъ бы всего 45 руб., значительную часть которыхъ онъ изстратилъ бы на проѣздъ домой; ремесленникъ же, получающій 10 руб. въ мѣсяцъ, получилъ бы, при наймѣ на 5 мѣсяцевъ, 150 руб., но на принсахъ всего болѣе чернорабочихъ“.

Оказывается такимъ образомъ, что недостатки и пробѣлы, существовавшіе въ прежнихъ законахъ о наймѣ рабочихъ на золотые промысла, не были пополнены новымъ Уставомъ о золотопромышленности: итъ, по словамъ Лоранскаго, „не введено никакихъ существенныхъ измѣненій и улучшеній“, и „вопросъ объ улучшеніи положенія промысловыхъ рабочихъ все еще стоитъ на очереди и требуетъ разрѣшенія“ ²⁾. Дѣйствительно, новыя правила не регулировали продолжительности рабочаго дня, не опредѣляли количества праздниковъ, не ограничивали труда женщинъ и малолѣтнихъ рабочихъ, не опредѣляли размѣра пищевого довольствія рабочаго, весьма въ недостаточномъ размѣрѣ устанавливали вознагражденіе за увѣчья, не указывали причинъ, дающихъ рабочему возможность прекратить договоръ и проч. Впрочемъ эти недостатки закона 1870 г. во многихъ отношеніяхъ объясняются крайнею неудовлетворительностью тогдашняго общаго фабричнаго законодательства. Многія изъ этихъ сторонъ жизни рабочаго не регулированы или неудовлетворительно регулированы и закономъ 1895 г. (см. ниже). Сохраненіе на принсахъ тѣлесныхъ наказаній по правиламъ 1870 г. даже и для полноправныхъ рабочихъ (по приговору артельной расправы) также объясняется тѣмъ, что тѣлесныя наказанія во всей Россіи допущены въ томъ же размѣрѣ по приговорамъ волостныхъ судовъ.

---

¹⁾ Замѣтимъ съ своей стороны, что на основаніи этого правила все-таки мѣстная администрація заставляла золотопромышленниковъ выдавать пособія (на одежныя нужды) промысламъ до 900 р.) пострадавшимъ рабочимъ, на что въ болѣе раннюю эпоху мы не встрѣчали указаній.

²⁾ „Горный Журналъ“ 1872 г. № 3, стр. 509—511, № 7—8, стр. 340—353, 355—356, 363—368.

ГЛАВА II.

Законодательныя и административныя мѣры относительно рабочихъ на частныхъ золотыхъ промыслахъ съ 1870 г. до половины 1890-хъ гг.

Циркуляры о приисковыхъ рабочихъ генер. губ. Вост. Сибири Синельникова.—Правила 1872 г. о рабочихъ ссыльно-каторжныхъ на промыслахъ.—Предложенія иркутскихъ комитетовъ 1873 и 1875 гг.—Циркуляръ Шелашникова.—Инструкція горнымъ исправникамъ 1874 г.—Правила 1876 г. объ охраненіи приисковыхъ рабочихъ Восточной Сибири при выходѣ ихъ съ промысловъ.—Циркуляры бар. Фредерикса.—Законъ 1876 г. о двухлѣтнемъ наймѣ на амурскіе промысла.—Правила 1880 г., утвержденныя Шелашниковымъ о производствѣ работъ.—Циркуляры ген. губ. Вост. Сибири Анучина 1883 г. и гр. Игнатьева 1886 г.—Вопросъ о высылкѣ рабочихъ на прииски въ Западной Сибири.—Преобразование горной администраціи въ Сибири въ 1888 г.—Правила для производства горныхъ работъ 1892 г.

При изложеніи постановленій устава о золотопромышленности 1870 г. относительно приисковыхъ рабочихъ было указано на то, что этотъ уставъ не могъ измѣнить къ лучшему ихъ положенія, а между тѣмъ многія стороны ихъ быта заслуживали самаго серьезнаго вниманія. Для этого необходимы были законодательныя мѣры, болѣе благопріятныя для рабочихъ, но многое могла сдѣлать и мѣстная высшая администрація. Къ сожалѣнію, вниманіе администраціи нерѣдко отвлекалось отъ болѣе существенныхъ къ менѣе важнымъ явленіямъ жизни рабочихъ, и она принимала мѣры не столько для улучшенія ихъ быта на самыхъ приискахъ, сколько для устраненія условій, содѣйствующихъ непроизводительной тратѣ рабочими ихъ заработка по выходѣ съ промысловъ. Намъ уже извѣстны мѣры, принятыя съ этою цѣлью генералъ-губернаторомъ Вост. Сибири Муравьевымъ въ 1848 г. и затѣмъ ежегодно подтверждаемыя. Мы упоминали также о нѣкоторыхъ другихъ распоря-

женіяхъ съ этою цѣлю: такъ въ 1866 г. Совѣтъ Главнаго Управленія Восточной Сибири постановилъ, чтобы рабочіе, выходящіе съ енисейскихъ промысловъ, во избѣжаніе разврата и мотовства, получали расчетъ не въ Енисейскѣ, а въ промысловыхъ конторахъ. Затѣмъ въ 1870 г., разсмотрѣвъ вновь вопросъ о принятіи мѣръ противъ пьянства приисковыхъ рабочихъ, тотъ же Совѣтъ пришелъ къ заключенію, что, кромѣ существующаго запрещенія открывать питейныя заведенія ближе 50 вер. отъ золотыхъ промысловъ, необходимо такое же запрещеніе и относительно устройства оптовыхъ винныхъ складовъ, изъ которыхъ рабочіе „легко пользуются виномъ“. Заключеніе это было одобрено генералъ-губернаторомъ Восточной Сибири Корсаковымъ, и 19 сентября 1870 г. онъ обратился къ министру финансовъ съ просьбою объ утвержденіи законодательнымъ порядкомъ предположенія Главнаго Совѣта Управленія, а въ слѣдующемъ году преемникъ Корсакова, Синельниковъ, просилъ министра финансовъ возможно скорѣе рѣшить это дѣло, такъ какъ указанная мѣра совершенно необходима для предупрежденія пьянства между рабочими.

Въ іюлѣ 1871 г. начальникъ енисейскаго губернскаго жандармскаго управленія, подполковникъ Банинъ, заявилъ высшей администраціи Восточной Сибири, что ежегодный обзоръ частныхъ золотыхъ промысловъ Енисейскаго округа и наблюденія за выходомъ оттуда рабочихъ привели его къ заключенію, что выдача денегъ, заработанныхъ въ тайгѣ на промыслахъ, порождаетъ много преступленій и причиняетъ вредъ рабочимъ: вся масса рабочихъ сѣверной и южной тайги (до 14 тысячъ чел.) останавливается на зимовьяхъ, „гдѣ, несмотря на запрещеніе, продается спиртъ, очень часто даже приправленный одурѣвающимъ веществомъ; рабочихъ опиваютъ, обираютъ, и очень часто и убиваютъ, и слѣды убійства въ тайгѣ пропадаютъ, потому что эта толпа движется на пространствѣ 300 вер. безъ всякаго надзора“, промысловая же полиція „безсильна остановить или предотвратить преступленія, вслѣдствіе чего много рабочихъ гибнетъ и почти всѣ выходятъ безъ гроша“. Имѣя въ виду постановленія Совѣта Главнаго Управленія Восточной Сибири о томъ, чтобы рабочіе рассчитывались непременно въ тайгѣ, подполковникъ Банинъ просилъ разрѣшить, въ видѣ опыта, по окончаніи работъ на промыслахъ дѣлать на мѣстѣ полный расчетъ рабочимъ на расчетныхъ листахъ, а для полученія по нимъ денегъ отправлять рабочихъ сѣверной системы въ Енисейскъ, а южной системы въ село Каргино, такъ какъ рабочіе должны неминуемо слѣдовать черезъ эти пункты ¹⁾. Очевидно, что предложеніе Банина не

¹⁾ Подполковникъ Банинъ считалъ необходимымъ наблюдать за правильностью расчета рабочихъ, такъ какъ онъ производится „не всегда добросовѣстно“.

заключало въ себѣ никакихъ существенныхъ мѣръ, а только переносило мѣсто растраты денегъ изъ тайги опять въ Енисейскъ, гдѣ, какъ видно изъ постановленія Совѣта Главнаго Управленія Восточной Сибири 1866 г., выходящія послѣ расчета присковныя рабочіе предавались особенному разврату и мотовству.

Генералъ-губернаторъ Восточной Сибири Синельниковъ не нашелъ достаточныхъ оснований къ отміну постановленія 1866 г. о расчетѣ рабочихъ въ присковныхъ конторахъ, но, въ виду предложенія Банина, онъ написалъ енисейскому губернатору 7 августа. 1871 г. слѣдующее: „Представленія подполковника Банина обнаруживаютъ, что... указанныя Главнымъ Управленіемъ въ 1848 г. правила и мѣры для охраненія рабочихъ отъ пьянства мало или вообще слабо исполняются ближайшими начальствами, и что главная причина зла заключается въ пьянствѣ“. „Возможность пріобрѣтать вино даже по таежнымъ ночлегамъ . . . превосходить уже всякій предѣлъ послабленій со стороны ближайшаго мѣстнаго начальства“. Синельниковъ просилъ енисейскаго губернатора, во-первыхъ, сдѣлать распоряженіе о соблюденіи правилъ 1848 г. и о томъ, чтобы мѣстные исправники и засѣдатели во время прослѣдованія съ промысловъ рабочихъ неослабно наблюдали за устраненіемъ продажи вина по таежнымъ зимовьямъ и вообще по тѣмъ мѣстамъ, гдѣ это не разрѣшено“, и во вторыхъ обратить особенное вниманіе на оптовые винныя склады, расположенныя вблизи золотыхъ присковъ.

Отвергнувъ предложеніе Банина, Синельниковъ не остался однако равнодушнымъ къ растратѣ рабочими ихъ заработковъ, добытыхъ такимъ страшно тяжелымъ трудомъ, и хотя и понималъ, что, на основаніи существующихъ законовъ, онъ можетъ сдѣлать весьма немного въ этомъ отношеніи, однако пожелалъ испробовать новую мѣру. „Я признаю священнымъ долгомъ“, писалъ Синельниковъ енисейскому губернатору, „приступить къ испытанію мѣръ болѣе дѣйствительныхъ, чтобы трудовая копѣйка рабочихъ служила не только къ безбѣдному прокормленію ихъ съ семействами, но и къ улучшенію земледѣльческаго и промышленнаго быта поселенцевъ вообще, подорваннаго пьянствомъ и всякаго рода распущенностью. Въ этихъ видахъ“ онъ просилъ енисейскаго губернатора ¹⁾ „войти нынѣ же въ сношенія и соглашенія съ золото-промышленниками и управляющими присками о томъ, чтобы нанима-

¹⁾ „Пользуясь правилами, изъясненными въ примѣчаніи къ 2484 ст. Горн. Уст. (изд. 1857 г.), гдѣ въ договорѣ о наймѣ должно быть, между прочимъ, обусловлено, пунктъ ж“, весь размѣръ наемной платы, размѣръ задатка, а „также остальное, когда, гдѣ и кому именно выдавать“. Любопытно, что Синельниковъ ссылается не на новый Уставъ о золотопромышленности 1870 г., а на старыя правила, которыя давали болѣе опоры для защиты интересовъ рабочихъ.

тели въ предстоящую новую золотопромышленную операцію, съ сентября 1871 г., постарались включить въ договоры съ рабочими изъ крестьянъ, поселенцевъ и разночинцевъ Восточной Сибири, конечно, съ согласія наемщиковъ... о выдачѣ одной половины заработной платы по окончаніи работъ на золотыхъ промыслахъ въ руки трудившимся рабочимъ, а другой половины по прибытіи наемщиковъ на мѣсто жительства и причисленія; эту послѣднюю половину я полагаю“, продолжаетъ Синельниковъ, „получать чрезъ особо командируемыхъ довѣренныхъ отъ меня адъютантовъ и чиновниковъ особыхъ порученій, отъ горныхъ исправниковъ, при расчетныхъ книжкахъ, и раздавать рабочимъ на мѣстахъ жительства и причисленія“ чрезъ адъютантовъ и чиновниковъ особыхъ порученій (1). Синельниковъ просилъ енисейскаго губернатора предложить земскимъ и горнымъ исправникамъ разъяснить нанимающимся на промысла рабочимъ цѣль предпринимаемой мѣры, а также и то, что „вѣрность полученія“ ими денегъ „на мѣстахъ жительства и причисленія“ будетъ вполне обезпечена генералъ-губернаторомъ.

Какъ ни наивны были нѣкоторые мѣропріятія Синельникова, но онъ принималъ въ сердцу интересы присковскихъ рабочихъ; это видно изъ того, что черезъ два дня послѣ того, какъ онъ предложилъ енисейскому губернатору принять вышеизложенныя мѣры для охраненія выходящихъ съ промысловъ рабочихъ отъ пьянства и преступленій, онъ вновь писалъ тому же лицу (9 августа 1871 г.): „Я не могу не обратить особаго вниманія на тѣ обстоятельства, которыя способствуютъ обираію пьянствующихъ рабочихъ съ происходящимъ при этомъ скупомъ выноскимаго съ присковъ краденаго золота. По дошедшимъ до меня свѣдѣніямъ, на мѣстахъ выхода и прослѣдованія рабочихъ осенью стекаются мелкіе барышники и торговцы, преимущественно изъ евреевъ, а также непотребныя женщины, которыя, пользуясь разгуломъ рабочихъ, доходящихъ до безобразій, разными приманками, играми въ карты и кости и другими ухищреніями выманиваютъ заработанныя деньги... до тѣхъ поръ, пока у рабочихъ ничего не останется; вслѣдствіе этого несчастные труженики, лишась средствъ къ прокормленію въ теченіе наступающаго холоднаго времени, нанимаются вновь на приски, пропивая такимъ же образомъ взытыя задаточныя деньги“.

Синельниковъ предписывалъ мѣстной полиціи: 1) Въ мѣстахъ выхода съ присковъ и дальнѣйшаго прослѣдованія рабочихъ тщательно осмотрѣть всѣ винныя подвалы и питьевныя заведенія, чтобы убѣдиться, соблюдаютъ ли ихъ хозяева требованія закона. 2) Пересмотрѣть паспорта и виды людей, прибывающихъ на промысловыя дороги для эксплуатированія рабочихъ, и за всякую неисправность въ паспортахъ, а также людей, „замѣченныхъ въ злонамѣренныхъ видахъ“, тотчасъ же возвращать подъ надзоромъ полиціи въ мѣста ихъ жительства, а также всѣхъ „непотребныхъ женщинъ.“ 3) Наблюдать, „чтобы не было игры въ карты и спанванья“, для чего у питьевныхъ домовъ и вездѣ, гдѣ производится какая бы

то ни было торговля, ставить жандармовъ и людей, „удиченныхъ въ отступленіи отъ законнаго порядка, немедленно отправлять въ свои мѣста жительства“ и вообще стараться, чтобы рабочіе нигдѣ не оставались и совершали свое путешествіе возможно скорѣе. „Я вполне увѣренъ“, наивно прибавляетъ Синельниковъ, „что если бы исправники и прочіе чины убѣждали бы рабочихъ не предаваться соблазну, то всѣ эти неустройства были бы въ гораздо меньшемъ размѣрѣ“. Онъ просилъ губернатора командировать съ тою же цѣлью чиновниковъ особыхъ порученій, а, если можно, и председателя губернскаго правленія, обѣщая также отправить своихъ адъютантовъ и попросить жандармскаго офицера выѣхать съ командою ¹⁾).

Синельниковъ заботился также и объ упорядоченіи совершенія договоровъ о наймѣ между рабочими и золотопромышленниками. Въ то же время, когда онъ писалъ енисейскому губернатору объ охраненіи рабочихъ при выходѣ съ промысловъ, онъ отправилъ (18 августа 1871 г.) губернаторамъ въ Восточной Сибири слѣдующій циркуляръ: „По дошедшимъ до меня свѣдѣніямъ наемъ рабочихъ на частные золотые промысла, въ особенности изъ ссыльно-поселенцевъ, совершается во время разгула по выходѣ рабочихъ съ промысловъ. Увлекаемые большими задатками и находясь въ пьяномъ состояніи, наемщики привыкли къ написанію за нихъ контрактовъ самими нанимателями, безъ предварительнаго взаимнаго соглашенія условій найма, какъ бы слѣдовало по закону; послѣ сего контракты свидѣлствуются и выдаются волостными правленіями и смотрителями поселеній промышленникамъ и довѣреннымъ отъ нихъ безпрепятственно. Признавая такой вкоренившійся порядокъ злоупотребленіемъ и вредомъ для нанимающагося класса рабочихъ“, Синельниковъ просилъ сдѣлать распоряженіе „о совершеніи найма на частные золотые промысла не иначе, какъ по взаимнымъ соглашеніямъ между нанимателями и нанимающимися и по прочтеніи симъ послѣднимъ составленныхъ договоровъ, которые свидѣлствовать не прежде исполненія этого обряда“ ²⁾).

По окончаніи выхода рабочихъ съ промысловъ осенью 1871 г. Синельниковъ нашелъ нужнымъ обратиться и къ содѣйствію гласности и съ этою цѣлью напечаталъ въ „Иркутскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ“ (1871 г. № 59) циркуляръ губернаторамъ и начальникамъ областей отъ 26 октября, въ которомъ повторилъ факты, приведенные имъ въ предложеніяхъ енисейскому губернатору и въ циркулярѣ о совершеніи договоровъ. „Для устраненія этихъ безпорядковъ“, продолжаетъ онъ, „я предложилъ... губернаторамъ и начальникамъ областей принять и съ своей стороны принялъ надлежащія мѣры, которыя... принесли свою долю пользы до того, что даже нѣкоторые изъ рабочихъ внесли на сохраненіе командированному мною полковнику Купенкову 2050 руб.“ Повторивъ

¹⁾ Арх. Горн. Департ., дѣло отдѣл. частн. золотопром. 1871 г. № 58, л. 2—15.

²⁾ Арх. Иркут. Горн. Управ. К. 2549, № 126¹/₇₁, л. 34.

уже извѣстныя намъ распоряженія, Синельниковъ продолжаетъ: „Для предупрежденія злоупотребленій со стороны волостныхъ писарей при выдачѣ билетовъ нанимающимся на частные золотые прінски поставить въ непремѣнную обязанность, какъ горныхъ исправниковъ, такъ и вообще всѣхъ городскихъ и земскихъ полицій, казачьихъ и инородческихъ управленій, чтобы при засвидѣтельствovanіи условій было объясняемо, сколько вычтено изъ получаемыхъ задатковъ у каждаго рабочаго въ счетъ подаей и другихъ разрѣшенныхъ начальствомъ сборовъ по каждому предмету особо... Въ особенности предписать горнымъ исправникамъ, ревизорамъ и прочимъ лицамъ, на частные прінски командирваемымъ, строго наблюдать, чтобы рабочимъ была производима свѣжая и здоровая пища въ положенномъ количествѣ, чтобы они были помѣщаемы опрятно и просторно, чтобы больницы были устроены со всѣми удобствами и вообще за всѣмъ, что относится до охраненія ихъ здоровья, предупреждая притомъ, что для повѣрки этого важнаго и необходимаго для охраненія рабочихъ устройства я буду посылать довѣренныхъ лицъ, и если ими будутъ открыты упущенія, то исправники будутъ удалены отъ должностей... Горные ревизоры особенно наблюдаютъ за правильностью работъ, а въ случаѣ возникающихъ жалобъ и за справедливымъ распределеніемъ ихъ между рабочими. А къ обязанности ближайшей горныхъ исправниковъ относится добросовѣстное составленіе таксъ на продукты и вещи, какъ-то: сахаръ и прочее продовольствіе изъ магазиновъ, устраиваемыхъ золотопрмышленниками. Я никакъ не могу думать“, продолжаетъ Синельниковъ, „чтобы сами они участвовали въ возвышеніи платы до безобразныхъ размѣровъ, и полагаю, что это — дѣло приказчиковъ, но не менѣе того золотопрмышленники обязаны близко слѣдить за этимъ, ибо *до меня доходятъ весьма грустныя по этому предмету свѣдѣнія*. Все это подлежитъ, наблюденію и губернскихъ жандармскихъ управленій, и я прошу оныя, чтобы объѣзды по наблюденію *совершались не безплодно*; повѣрку эту можно... дѣлать оцѣнкою вещей, состоящихъ на рабочихъ, купленныхъ ими въ магазинахъ, что частью и мною лично или моими адъютантами и при мнѣ чиновниками будетъ исполняемо при обратномъ слѣдованіи рабочихъ.“ Въ заключеніе Синельниковъ требовалъ, чтобы волостныя правленія, при наймѣ рабочихъ, объявили имъ изъ этого циркуляра все до нихъ относящееся ¹⁾.

Не прошло и мѣсяца, какъ генераль-губернаторъ Восточной Сибири разослалъ новый циркуляръ по вопросу объ огражденіи интересовъ пріисловыхъ рабочихъ (отъ 20 ноября 1871 г.) ²⁾.

¹⁾ Циркуляръ этотъ перепечатанъ изъ „Иркутскихъ Губернскихъ Вѣдомостей“ въ книгѣ *Стрикаловскаго* „Сборникъ узаконеній о частныхъ золотомъ и горномъ промыслахъ.“ Иркут. 1877 г., ч. I, стр. 94—98.

²⁾ Напечатанъ въ „Иркут. Губерн. Вѣдом.“ 1871 г., № 70.

„Свѣдѣнія о безпорядках“, говорятъ въ немъ Синельниковъ, „которыя вынудили меня принять мѣры, объявленныя въ циркулярѣ 26 октября... подтвердились изслѣдованіями на мѣстахъ и вмѣстѣ съ тѣмъ открылись новыя неустройства... Командированный мною, завѣдующій работами каторжныхъ, полковникъ Купенковъ, между прочимъ, донесъ:

„Что часть рабочихъ, не исполнившихъ своихъ работъ или по болѣзни, или по нерадѣнію, отправляются съ работъ безъ средствъ къ прокормленію себя въ дорогѣ по мѣстамъ, большею частью мало населеннымъ, а тѣ, которые... имѣютъ средства, должны проживать ихъ во время пути отъ несообразныхъ цѣнъ даже за хлѣбъ.

„Что въ селѣ Витимѣ, гдѣ обыкновенно часть рабочихъ получаетъ разсчетъ, на 124 дома содержится 4 винныхъ склада купцовъ Домбровскаго, Голдобина, Мятлева и Исаева, 3 трактира, 5 ренсковыхъ погребовъ, 15 питейныхъ заведеній, кромѣ 25 закрытыхъ; въ складѣ купца Домбровскаго полковникъ Купенковъ открылъ противозаконную продажу вина, запрещенныхъ специн, о чемъ составилъ актъ; кромѣ того почти всѣ дома въ Витимѣ приспособлены къ противозаконной продажѣ вина и разгулу. Крестьяне хлѣбопашествомъ почти совсѣмъ не занимаются; тамъ же проживаютъ 37 еврейскихъ семействъ съ цѣлюю, какъ оказалось по дознанію, приобрѣтенія хищническаго золота и обирания рабочихъ.“ Полиція нашла, что вывѣшиваніе на домахъ флаговъ и иллюминація во время выхода рабочихъ съ промысловъ возбуждаетъ разгулъ и потому воспретила и то, и другое. Рабочіе сдали на сохраненіе полковнику Купенкову 3365 руб.

Синельниковъ сдѣлалъ распоряженіе, чтобы рабочіе, возвращающіеся съ промысловъ, не проводились черезъ Енисейскъ, и потому большая часть ихъ, по переправѣ черезъ Енисей, направлялись по енисейскому тракту и старой ачинской дорогѣ до г. Ачинска; только 500 рабочихъ получили разрѣшеніе зайти не надолго въ Енисейскъ. Принудительный обходъ этого города присковыми рабочими былъ, конечно, крайне невыгоденъ для мѣстныхъ жителей, и енисейское городское общество просило Синельникова отмѣнить сдѣланное имъ распоряженіе, но тотъ въ разсматриваемомъ циркулярѣ выразилъ ему за это порицаніе въ слѣдующихъ энергическихъ выраженіяхъ, живо характеризующихъ личность этого генералъ-губернатора: „Енисейское городское общество, вѣроятно, полагало, что я дѣлаю мои распоряженія относительно охраненія благосостоянія народа только по тѣмъ свѣдѣніямъ, которыя получаю съ почтою, и не знало, что въ проѣздъ мой по Енисейской губерніи немного было станцій, на которыхъ бы я не говорилъ съ собравшимся народомъ часами объ ихъ бытѣ. Вотъ на чемъ, т.-е. на живомъ словѣ народа, я основываю мои распоряженія, и когда шла рѣчь о работахъ (на промыслахъ), то объясненіе въ народѣ сводилось къ одному отзыву,—что при слѣдованіи до г. Енисейска заработанная копѣйка еще держится, а тамъ ужъ ухнешь все до остатка: такая ужъ, видно, доля наша. Разсматривая же приговоръ (енисейскаго) общества съ другой стороны“, продолжаетъ Синельниковъ, „я нахожу, что не въ видахъ правительства помогать благоустройству города въ ущербъ благосостоянію народа, т.-е. поднять

временно торговлю, давъ поводъ увлекшемуся рабочему израсходовать послѣднюю, тяжкимъ трудомъ добытую, копейку“.

Въ томъ же циркулярѣ Синельниковъ объявилъ, что золотопромышленники, для предотвращенія затрудненій въ продовольствіи возвращающихся съ промысловъ рабочихъ, вызвались разсчитывать ихъ въ своихъ резиденціяхъ, „гдѣ будутъ устроены больницы и гдѣ рабочіе будутъ... приобретать покупкою на дорогу сухари... Выѣстъ съ тѣмъ на пути слѣдованія рабочихъ по незаселеннымъ мѣстностямъ до станціи Жигаловой, въ такъ называемыхъ сухарницахъ, будутъ заготавливаемы сухари для продажи рабочимъ, по выдаваемымъ отъ конторъ ассигновкамъ, по возможно сходнымъ цѣнамъ и даже часть пути рабочіе будутъ дѣлать на пароходахъ, принадлежащихъ компаніямъ, что сниметъ тяжесть съ населенія кормить рабочихъ, и рабочіе будутъ проходить Витимъ безостановочно“¹⁾.

Въ своихъ заботахъ объ уменьшеніи пьянства приисковъ рабочихъ Синельниковъ не ограничился принятыми мѣрами; препровождая только что изложенный циркуляръ министру финансовъ Рейтерну, онъ писалъ ему: „Золотопромышленность, приносящая государству значительные доходы, конечно, должна быть поддержана энергически и во всѣхъ отношеніяхъ, но поддержаніе золотопромышленности вмѣстѣ съ виноторговлею невозможно безъ явнаго ущерба правительственныхъ доходовъ, самой золотопромышленности и упадка нравственнаго и физическаго состоянія народа, какія бы денежные средства ни были употребляемы для поддержанія населенія... Я воздержался объяснить въ циркулярахъ моихъ о тѣхъ безпорядкахъ, которые найдены на золотыхъ промыслахъ, гдѣ по большей части рабочіе помѣщались весьма неудобно, содержались скудно, черезъ что должны были покупать изъ приисковыхъ же складовъ по высокимъ цѣнамъ необходимыя для жизни продовольственные припасы и потребности и по окончаніи работъ возвращаться *большею частью не только съ весьма умеренными заработками, но и съ домами управленія золотыхъ приисковъ* потому, что и *самые разсчеты заработанныхъ денегъ не всегда были справедливы*; кончающіе же работы съ успѣхомъ и сохранившіе заработанные деньги составляютъ меньшую половину. Всѣ эти неустройства едва ли доходили прежде до свѣдѣнія начальства, ибо лица, обяванныя близко наблюдать за порядкомъ, были *широко вознаграждаемы за молчаніе*... Конечно, при этомъ можетъ возродиться вопросъ: почему же рабочіе идутъ на золотыя прииски? идутъ потому, что имъ выдаются впередъ задатки даже до 75 руб. сер., контракты заключаются частію во время разгула по окончаніи работъ, и рабочіе, пропивъ деньги и вида, что возвращаться домой по пустыннымъ мѣстамъ не съ чѣмъ, опять поступаютъ на работу и, наконецъ, идутъ на „авось будетъ лучше“.

Указывая далѣе на сильное развитіе пьянства вообще, Синельниковъ утверждалъ, что „необходимо принять немедленно энергическія мѣры“: уменьшить число питейныхъ домовъ и подваловъ, а на разстояніи 50 верстъ отъ золотыхъ приисковъ

¹⁾ „Иркут. Губ. Вѣд.“ 1871 г. № 70; перепечатано Стрѣкаловскимъ въ „Сборникѣ узаконеній о частныхъ золотомъ и горномъ промыслахъ“. Иркут. 1877 г., ч. I, стр. 98—108.

закрыть ихъ вовсе, въ особенности подвалы, которые, будучи почти исключительно въ рукахъ евреевъ, еще вреднѣе питьевыхъ домовъ; не допускать до продажи вина ссыльно-поселенцевъ и предоставить мнѣ право распорядиться этимъ на тѣхъ началахъ, которыя необходимы, по моему усмотрѣнію, для блага народа.“ Сообщая дажѣ, что торговля хищническимъ золотомъ, особенно въ питьевыхъ домахъ, производится въ весьма широкихъ размѣрахъ, Синельниковъ винилъ въ этотъ и золотопромышленниковъ, „которые за приносимые рабочими самородами платятъ весьма умѣренно, что и поставлено имъ на видъ.“

Письмо Синельникова къ министру финансовъ Рейтерну съ приложеніемъ его циркуляра отъ 20 ноября 1871 г. изъ горнаго департамента были сообщены въ департаментъ неокладныхъ сборовъ, который 18 февраля 1872 г. отвѣчалъ слѣдующее: „Изъ письма сего и циркуляра видно, что генераль-губернаторъ находитъ необходимымъ, въ числѣ прочихъ мѣръ, во 1-хъ) воспретить открытіе оптовыхъ складовъ на разстояніи 50 вер. отъ золотыхъ приисковъ, во 2-хъ) воспретить питьевую торговлю ссыльно-поселенцамъ и въ 3-хъ) чтобы продажа крѣпкихъ напитковъ была производима не иначе, какъ по полученіи особой записки за подписью и печатью исправниковъ или командированныхъ генераль-губернаторомъ чиновниковъ.“ Нужно замѣтить, что послѣдней мѣрѣ, которою Синельниковъ въ своемъ циркулярѣ грозилъ нѣсколькимъ виноторговцамъ, особенно эксплуатировавшимъ выходящихъ съ промысловъ рабочихъ, онъ, очевидно, вовсе не желалъ придать общаго значенія (отчего и не упомянулъ о ней въ письмѣ къ Рейтерну); онъ находилъ ее полезною лишь какъ наказаніе за злоупотребленія отдѣльныхъ торговцевъ и, вѣроятно, только во время прохода рабочихъ съ приисковъ.—По словамъ департамента неокладныхъ сборовъ, министерство финансовъ отвѣчало 2 декабря 1871 г., что воспрещеніе открывать оптовые склады вина на разстояніи 50 вер. отъ золотыхъ приисковъ, „какъ неудобопримѣнимое на практикѣ и ведущее къ развитію тайной безпатентной торговли виномъ“, не можетъ быть допущено. Относительно воспрещенія ссыльно-поселенцамъ питьевой торговли министерство финансовъ нашло нужнымъ предварительно снестись съ генераль-губернаторомъ Западной Сибири. „Наконецъ, что касается до требованія, чтобы производство питьевой торговли было допускаемо не иначе, какъ по особымъ запискамъ отъ исправниковъ или командированныхъ генераль-губернаторомъ чиновниковъ, то такое требованіе (?), какъ неимѣющее законнаго основанія, не можетъ быть признано правильнымъ и потому, по мнѣнію департамента, подлежитъ отміну (?).“ Мѣра, которою грозилъ Синельниковъ четыремъ виноторговцамъ-эксплуаторамъ, изъ которыхъ у одного были даже найдены одуряющія спеціи, была, конечно, нѣсколько наивна, такъ какъ обнаруживала вѣру въ правильность дѣйствій тѣхъ самыхъ исправниковъ, о подкупности которыхъ онъ писалъ Рейтерну, но пока это была только угроза и, слѣдовательно, отмигнуть было нечего¹⁾. Были ли достаточны или нѣтъ мѣры, предложенныя Синельниковымъ для ограниченія пьянства приисковыхъ рабочихъ, во всякомъ случаѣ онъ былъ вынужденъ ему искреннимъ желаніемъ блага народа. Въ 1873 г. Синельниковъ вновь возобновилъ ходатайство о дозволѣніи винныхъ складовъ не ближе 50 вер. къ приисковому району, но вновь встрѣтилъ отказъ, а въ 1879 г. было отклонено такое же ходатайство одного изъ преемниковъ Синельникова²⁾.

Мы видѣли, что главное вниманіе сибирской администраціи было обращено на охраненіе рабочихъ отъ пьянства и мотовства во время

¹⁾ Арх. Горн. Департ., отдѣл. частн. золотопр., дѣло 1872 г. № 4, л. 2—7.

²⁾ Арх. Ирк. Горн. Управл. К. 2763, № 6/12, т. I, л. 57—59, т. II, л. 242—243.

выхода ихъ съ пріисковъ, между тѣмъ, хотя и въ меньшей степени, рабочіе пропивали также не мало денегъ, идя на промысла. Поэтому енисейскій губернаторъ въ январѣ 1870 г. представилъ Совѣту Главнаго Управленія Восточной Сибири предложеніе енисейскаго губернскаго совѣта, обязать золотопромышленниковъ отправлять рабочихъ на пріиски артелями отъ 25 до 50 чел. подъ командою, сверхъ артельного старосты,—приказчиковъ и казаковъ съ тѣмъ, чтобы во время прохода рабочихъ черезъ селеніе закрывались питейныя заведенія. Предсѣдательствовавшій въ Совѣтѣ Главнаго Управленія В. С. генералъ-маіоръ Дитмаръ нашелъ, что предложенный порядокъ препровожденія рабочихъ можетъ быть приведенъ въ исполненіе не иначе, какъ по соглашенію золотопромышленниковъ. Въ октябрѣ 1871 г. енисейскій губернаторъ Лохвицкій представилъ отзывы золотопромышленниковъ, которые отказывались отправлять рабочихъ на промысла небольшими партіями и потому считалъ необходимымъ, чтобы партіи рабочихъ слѣдовали на промысла подъ наблюденіемъ казаковъ. Совѣтъ Главнаго Управленія, соглашаясь съ предложеніями енисейскаго губернатора, считалъ достаточнымъ назначить для этого 15 казаковъ. Синельниковъ въ январѣ 1872 г. ходатайствовалъ передъ министромъ финансовъ о разрѣшеніи закрывать па время прохода рабочихъ кабаки въ селеніяхъ, расположенныхъ по тракту, и предлагалъ отнести расходъ на содержаніе 15 казаковъ на счетъ золотопромышленниковъ. Но ни та, ни другая мѣра не были разрѣшены центральною администраціею: министръ финансовъ Рейтернъ высказался противъ первой мѣры на томъ основаніи, что въ дѣйствующемъ уставѣ о питейномъ сборѣ нѣтъ правила, которымъ мѣстному начальству предоставлялось бы прекращать въ подобныхъ случаяхъ торговлю виномъ и потому такое распоряженіе могло бы подать виноторговцамъ поводъ взыскивать тѣ убытки, которые они понесли. Отнесеніе расхода на содержаніе 15 казаковъ на счетъ золотопромышленниковъ было бы также несогласно съ духомъ Устава о частной золотопромышленности 1870 г., которымъ, въ видахъ развитія этого промысла, прекращены „всѣ существовавшіе косвенные сборы съ золотопромышленниковъ“¹⁾.

Выше было упомянуто о постановленіи Совѣта Главнаго Управленія Восточной Сибири относительно того, что квитанціи на простой бумагѣ, выданныя промысловыми конторами рабочимъ въ случаѣ неимѣнія денегъ съ обязательствомъ произвести платежи не тотчасъ по окончаніи срока найма, должны быть удостовѣрены мѣстнымъ полицейскимъ начальствомъ и тогда онѣ должны быть принимаемы за безспорные документы, по которымъ слѣдуетъ производить взысканія непременно исполнитель-

¹⁾ Арх. Горн. Департ., отд. золотопр., дѣло 1872 г., № 4, л. 14—22.

нымъ порядкомъ. Хотя вскорѣ послѣ того правительство приняло мѣры для охраненія въ подобныхъ случаяхъ интересовъ рабочихъ и расплаты съ ними наличными деньгами, подобныя квитанціи все-таки иногда выдавались. Поэтому въ 1871 г. енисейская контрольная палата замѣтила, что по существующимъ законамъ подобнаго рода документы не должны быть принимаемы къ свидѣтельству и просила разъясненія, какъ поступать въ виду противорѣчія постановленія Совѣта Главнаго Управленія Восточной Сибири съ существующими законами.

Синельниковъ въ циркулярѣ отъ 23 февраля 1872 г., напечатанномъ въ „Иркутскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ“ (№ 72), опубликовалъ постановленіе Совѣта Главнаго Управленія Восточной Сибири (24—31 января того же года), въ которомъ указывалось, что, въ виду установленныхъ правительствомъ мѣръ на случай неимѣнія золотопромышленникомъ средствъ для расчета, рабочіе по окончаніи срока найма должны всегда получать вознагражденіе за свой трудъ наличными деньгами и что пріемъ отъ золотопромышленниковъ квитанцій „нельзя считать обязательнымъ для рабочихъ. Но, принимая во вниманіе, что... при допущеніи выдачи рабочимъ квитанцій люди эти пріобрѣтутъ возможность сберегать трудовыя деньги отъ мотовства и пропоя на домашнія нужды и хозяйство, Совѣтъ Главнаго Управленія положилъ удерживать въ своей силѣ заключеніе Совѣта (1851 г.) о выдачѣ рабочимъ квитанцій съ тѣмъ: а) что ежели рабочіе пожелаютъ воспользоваться“ этою мѣрою, то могутъ оставлять свои деньги въ промысловыхъ конторахъ и брать отъ мѣстныхъ горныхъ исправниковъ расчетныя книжки для полученія по нимъ денегъ изъ рукъ лицъ, уполномоченныхъ генералъ-губернаторомъ, а именно его адъютантовъ и чиновниковъ особыхъ порученій; б) чтобы выдаваемые промышленниками квитанціи писались на гербовой бумагѣ, а въ случаѣ неимѣнія ея оплачивались гербовыми пошлинами при самомъ засвидѣтельствованіи на счетъ золотопромышленниковъ; в) чтобы выдача этихъ квитанцій производилась только въ такихъ случаяхъ, когда сами рабочіе добровольно изъявляютъ на то свое желаніе, причѣмъ въ квитанціяхъ должно быть указано время и мѣсто полученія денегъ ¹⁾).

Утверждая это постановленіе Совѣта, Синельниковъ, безъ сомнѣнія, руководствовался желаніемъ хоть такимъ образомъ сохранить отъ растраты заработка рабочихъ, но цѣль эта далеко не всегда достигалась, такъ какъ появились особаго рода промышленники, занимавшіеся скупомъ квитанцій. Вслѣдствіе этого въ 1876 г. въ газетахъ появился слухъ, что предполагается воспретить перепродажу квитанцій и подвергать отвѣтственности скупающихъ ихъ лицъ и что кромѣ того

¹⁾ Перепечатано въ сборникѣ *Стрѣкаловскаго*, ч. I, 108—110.

имѣется въ виду организовать особую комиссію для изысканія мѣръ съ цѣлью уменьшенія пьянства между пріисковыми рабочими ¹⁾).

Если стремленія Синельникова ограничить пьянство рабочихъ встрѣчали препятствія въ интересахъ виноторговцевъ и въ фискальной системѣ, основанной на продажѣ вина, то тѣ мѣры, которыя отвѣчали потребностямъ золотопромышленниковъ и казны, легко находили осуществленіе. Такою мѣрою было обращеніе ссыльно-каторжныхъ на пріисковыя работы, удовлетворявшее съ одной стороны потребности золотопромышленниковъ въ рабочихъ рукахъ и съ другой уменьшавшее расходы казны на содержаніе ссыльныхъ.

Въ „Иркутскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ“ 1871 г. (№ 82) былъ напечатанъ циркуляръ по этому предмету Синельникова отъ 21-го декабря того же года, въ которомъ онъ заявлялъ, что еще его предшественникомъ сдѣлано представленіе объ устройствѣ центральной тюрьмы, что онъ самъ возобновилъ это представленіе и что тюрьму эту предполагается устроить въ упраздненномъ Александровскомъ винокуренномъ заводѣ. Отсюда каторжныхъ, безнадежныхъ къ исправленію, предполагалось назначать на Сахалинъ, на Карійскіе золотые промыслы, или на самыя трудныя изъ частныхъ золотопромышленныхъ работъ, подающихъ надежду къ исправленію на болѣе легкія промышленныя работы и, наконецъ, „надежныхъ, но слабыхъ силами“, на исправленіе и проведеніе дорогъ, что теперь составляетъ „тяжкую обязанность для народа“. „При распредѣленіи такимъ образомъ каторжныхъ на работы, по недостатку рудничныхъ, совпадающихъ и съ Высочайшею волею, объявленной одному изъ моихъ предмѣстниковъ, о работахъ каторжныхъ на заводахъ, они будутъ выносить кару, опредѣленную закономъ за ихъ преступленія. Есть работы на частныхъ пріискахъ, которыя не легче рудничныхъ, напр., работы въ Олекминской системѣ почетнаго гражданина Базанова, углубленныя свыше 10 саж., на которыхъ находятся уже посланные для опыта 160 чел. каторжныхъ; подобныя же работы имѣются и на другихъ системахъ“. Синельниковъ по вопросу о примѣненіи труда ссыльно-каторжныхъ на промыслахъ высказывалъ слѣдующія соображенія: 1) замѣна свободныхъ рабочихъ каторжными можетъ возратить земледѣлію много рабочихъ рукъ, теперь отъ него отрываемыхъ. 2) Казна сохранить тѣ средства, которыя были бы употреблены на содержаніе каторжныхъ, отправленныхъ на пріисковыя работы, а сами каторжные приобрѣтутъ средства на обзаведеніе хозяйствомъ по окончаніи срока каторги, слѣ-

¹⁾ „Сибирь“ 1876 г. № 37, стр. 5—6. Ср. ниже правила объ охраненіи рабочихъ, утвержденныя генералъ-губернаторомъ Восточной Сибири бар. Фредериксомъ 21 апрѣля 1876 г.

довательно, казна сдѣлаетъ сбереженіи и на ихъ хозяйственномъ устройствѣ. 3) Предполагая испросить имъ нѣкоторыя льготы для поощренія усердія къ работѣ и хорошаго поведенія, Синельниковъ выражалъ надежду, что льготы эти принесутъ большую пользу, содѣйствуя успѣшности работъ и исправленію каторжныхъ. 4) Синельниковъ выражалъ надежду, что когда каторжные привыкнутъ къ работамъ и въ особенности когда, по истеченіи года, они будутъ имѣть заработки, составляющіе ихъ собственность, котѣры, до окончанія ихъ сроковъ каторги, будутъ храниться въ банкѣ, то не будетъ надобности и въ конвоѣ, и вслѣдствіе этого заработки еще болѣе увеличатся (такъ какъ содержаніе конвоя должно было производиться на счетъ каторжныхъ); тогда конвой будетъ замѣненъ круговою порукою. 5) Золотопромышленники не будутъ терпѣть убытковъ вслѣдствіе побѣговъ ссыльно-каторжныхъ, такъ какъ имъ не будутъ выдавать задатковъ. 6) Хищничество золота при работахъ каторжанъ невозможно, такъ какъ находимые самородки будутъ принадлежать всей партіи, находящейся на работѣ, а не одному нашедшему, а потому всѣ будутъ наблюдать, чтобы самородки представлялись въ конторы золотопромышленниковъ, да и пьянства на пріискахъ будетъ менѣе, такъ какъ арестанты не будутъ имѣть права отлучаться съ промысловъ далѣе определенной границы. Наконецъ, каторжные будутъ оставаться на работы и на зимнее время.

Синельниковъ приглашалъ къ себѣ золотопромышленниковъ въ Красноярскъ и Иркутскъ, и они „безъ затрудненій“ приняли его предложеніе о присылкѣ каторжныхъ къ нимъ на промысла. Правда, они выражали сомнѣніе въ томъ, будетъ ли возможно назначать каторжныхъ на работы мелкими партіями, но Синельниковъ высказалъ въ циркулярѣ убѣжденіе, что нѣкоторыя затрудненія въ этомъ отношеніи представляются, быть можетъ, лишь въ первый годъ. Золотопромышленники, кромѣ того, какъ видно, побаивались каторжниковъ, но Синельниковъ заявлялъ „по опыту“, что они не хуже въ нравственномъ отношеніи ссыльно-поселенцевъ, нанимаемыхъ на пріиски: „преступленія первыхъ были, можетъ быть, дѣломъ минутнаго увлеченія, подъ вліяніемъ пьянства и проч., послѣдніе же, большею частью, не принимаемые обществами... люди, дошедшіе до ссылки постоянно порочною жизнью. Самъ проникшись извѣстною идеею, Синельниковъ немедленно требовалъ сочувствія ей и отъ другихъ, и потому онъ высказываетъ въ циркулярѣ нѣсколько рискованное мнѣніе, что изъ золотопромышленниковъ „только тѣ могутъ не желать работъ каторжныхъ на ихъ пріискахъ, которые не сочувствуютъ пользѣ края или тѣ, которые по неустройству на промыслахъ удобныхъ помѣщеній или ненадлежащему продовольствію рабочихъ, не желаютъ посѣщеній администраціи, хотя во всякомъ слу-

чаѣ“, прибавляетъ онъ, „я не оставлю безъ наблюденія какъ содержаніе, такъ и вообще устройство рабочихъ на пріискахъ“ ¹⁾.

16 августа 1872 г. послѣдовало Высочайшее повелѣніе, которымъ генераль-губернатору Восточной Сибири было временно предоставлено отправлять ссыльно-каторжныхъ на частные золотые промыслы съ согласія владѣльцевъ. Вслѣдствіе этого 21 ноября того же года Синельниковымъ были одобрены временныя правила по этому предмету, по которымъ арестанты, посылаемые на промысла, должны были удовлетворять слѣдующимъ условіямъ: а) принадлежать къ категоріи осужденныхъ въ работы на срокъ не болѣе 12-лѣтняго; б) имѣть отъ роду не болѣе 45 лѣтъ и в) пользоваться здоровьемъ, способнымъ къ перенесенію тяжкаго труда ²⁾. Арестантамъ, отправляющимся на пріиски, предоставлялось право, по взаимному соглашенію, раздѣляться на артели по 10 чел. въ каждой, и артель должна была по круговой порукѣ отвѣчать за проступки каждаго изъ своихъ членовъ. Они снабжались казенною одеждою по положенію и кормовыми деньгами до мѣста работы, а затѣмъ всякое довольство отъ казны прекращалось. Содержаніе конвоя въ дорогѣ, заготовленіе подводъ для перевозки арестантскихъ вещей, паузковъ или баржъ для перевозки по рѣкамъ, лѣкарствъ, кухонной посуды и проч. производилось на счетъ арестантскаго заработка. Пищевое довольствіе на пути выдавалось арестантамъ въ слѣдующемъ размѣрѣ въ день: 2 ф. сухарей, 1 ф. солонины, 12 зол. крупы, 8 зол. соли и $\frac{1}{60}$ кирпича чая. Конвойному офицеру разрѣшалось 2 раза въ недѣлю выдавать арестантамъ винную порцію въ размѣрѣ $\frac{1}{100}$ ведра и улучшать пищу прибавленіемъ овощей и проч. На пріискѣ арестанты производятъ обыкновенныя и старательскія работы на тѣхъ же условіяхъ, какъ и вольнонаемные рабочіе и за одинаковую съ ними плату; но вознагражденіе за подъемное золото поступаетъ не лицу, нашедшему его, а дѣлится между десяткомъ, стоявшемъ въ заборѣ, поровну на каждаго. Пища арестантамъ и конвою производится на промысловый счетъ и въ томъ же размѣрѣ, какъ вольнонаемнымъ рабочимъ; больные, также на счетъ пріиска, лѣчатся въ пріисковой больницѣ. Путевые расходы и по содержанію управленія распредѣляются между арестантами поровну и въ концѣ года вычитаются изъ заработка каждаго. Приобрѣтеніе одежды и добавочныхъ къ обязательному пищевому до-

¹⁾ Перепечатано въ Сборникѣ *Стрѣкаловскаго*, ч. I, 103—107.

²⁾ На основаніи отзыва министра внутреннихъ дѣлъ генераль-губернатору Восточной Сибири отъ 28 ноября 1875 г., въ работы на пріиски слѣдовало назначать ссыльно-каторжныхъ, окончившихъ установленный срокъ испытанія и перешедшихъ въ разрядъ исправляющихся, т.е. освобожденныхъ отъ оковъ. По распоряженію генераль-губернатора отъ 4 сентября 1875 г. на частные золотые промысла не должно было назначать менѣе 100 чел. ссыльно-каторжныхъ.

вольствію припасовъ (чаю, сахару, масла, табаку, мыла и проч.) производится также на счетъ арестантовъ. При окончательномъ разсчетѣ 50% чистаго заработка отчислялось въ запасный капиталъ ссыльно-каторжныхъ, а остальная половина, составлявшая собственность арестантовъ, поступала на храненіе въ кредитное учрежденіе и выдавалась имъ при выходѣ на поселеніе. Офицеръ, заведовавшій арестантами на промыслахъ, имѣлъ право подвергать ихъ за маловажные проступки слѣдующимъ взысканіямъ: денежнымъ штрафамъ изъ заработка до 3 р., наложенію оковъ, содержанію въ карцерѣ болѣе или менѣе продолжительное время (на хлѣбѣ и водѣ или на полномъ пищевомъ довольствіи) и тѣлесному наказанію розгами до 100 ударовъ. По артельному ручательству офицеръ могъ подвергать находящихся съ провинившимися въ одной артели только денежнымъ взысканіямъ. За побѣгъ арестанта на каждаго изъ находящихся съ нимъ въ одной артели офицеръ налагаетъ штрафъ въ 3 р., а за другіе проступки не болѣе 1 р. на каждаго ¹⁾.

О работахъ ссыльно-каторжныхъ на промыслахъ Олекминскаго округа мы будемъ говорить ниже, теперь же упомянемъ только о тѣхъ каторжанахъ, которые находились на другихъ промысловыхъ системахъ. Каторжные (47 чел.), находившіеся на промыслахъ Верхнеамурской компаніи, заработали съ іюня 1872 по январь 1873 г., за исключеніемъ расходовъ, 1754 руб., т.-е. въ среднемъ по 37 руб. Затѣмъ въ 1873 г. было отправлено (до 13 марта), по желанію промысловыхъ управленій, на пріиски Переяславцевой 113 чел., купца Тетюкова въ Приморской области 75 чел., Переяславцевой въ Нерчинскомъ округѣ 70 чел. каторжныхъ ²⁾. О трудѣ ссыльно-каторжныхъ на пріискахъ мы находимъ также нѣкоторыя свѣдѣнія въ циркулярѣ преемника Синельникова бар. Фредерикса отъ 26 марта 1876 г. Въ 1875 г. ссыльно-каторжныхъ находилось на пріискахъ Нерчинскаго округа: Дарасунскихъ братьевъ Бутиныхъ до 460 чел., Маломальскомъ Переяславцевой 85 чел. и Елизаветинскомъ купца Голдобина 60 чел. Изъ отчета нерчинскаго горнаго исправника видно, что при поступленіи на пріиски большая часть каторжныхъ, по непривычкѣ къ тамошнимъ работамъ, не отрабатывала уроковъ, выполнявшихся вольными людьми, такъ что пріисковое управленіе Бутиныхъ уменьшило для нихъ уроки сравнительно съ вольными рабочими и такимъ образомъ дало каторжнымъ возможность постепенно, безъ потери силъ, пріучиться къ работамъ ³⁾.

¹⁾ Розановъ „Сводъ дѣйствующихъ узаконеній о частной золотопромышленности“. Спб. 1883 г., стр. 102—111.

²⁾ Арх. Иркутск. Горн. Управл., К. 2544, № 48/103, л. 206. Ср. „Записки сенатора Н. П. Синельникова“, „Историч. Вѣст.“ 1895 г. № 5, стр. 695, 697, 700, 701; № 6, стр. 30, 34.

³⁾ „Иркут. Губерн. Вѣдом.“ 1876 г. № 27 или Сборникъ *Стрѣкаловскаго*, ч. I, стр. 132—133.

Въ 1876 г. бар. Фредериксъ сдѣлалъ распоряженіе, чтобы ссыльно-каторжные, находящіеся на работахъ на частныхъ золотыхъ промыслахъ, получали заработанныя ими деньги во время слѣдованія ихъ черезъ Иркутскъ отъ Главнаго Управленія Восточной Сибири, а на мѣстахъ причисленія чрезъ волостныя правленія, и чтобы полицейскимъ начальствомъ не принимались къ засвидѣтельствуванію довѣренности и передаточныя надписи ссыльныхъ на полученіе этихъ денегъ. При этомъ былъ указанъ такой случай: одинъ арестантъ заработалъ 423 р. и передалъ талонъ на эти деньги политическому (т.-е. за польское возстаніе) ссыльному Дрелингу за 6 ведеръ спирта для тайной продажи на приискахъ ¹⁾.

Еще въ концѣ 1871 г. (15 декабря) состоялось въ высшей степени важное постановленіе Совѣта Главнаго Управленія Восточной Сибири по вопросу о возвращеніи на прииски бѣжавшихъ и доставленія неявившихся рабочихъ, которое тогда же было утверждено Синельниковымъ и препровождено циркулярно губернаторамъ Восточной Сибири, но не было еще тогда напечатано. „На основаніи 7 ст. Высочайше утвержденныхъ въ 24 день мая 1870 г. правилъ о наймѣ ссыльно-поселенцевъ на сибирскіе золотые промысла неявившіеся на прииски рабочіе, а также бѣжавшіе съ промысловъ препровождаются мѣстнымъ начальствомъ къ золотопромышленникамъ для выполненія своихъ по найму обязанностей до истеченія срочнаго времени и что посему это узаконеніе въ отношеніи рабочихъ изъ ссыльно-поселенцевъ должно быть исполняемо безъ отступленія. Что же касается рабочихъ изъ крестьянъ, мѣщанъ и проч. свободныхъ состояній, то такъ какъ приведенное выше узаконеніе, касаясь однихъ ссыльно-поселенцевъ, къ упомянутымъ рабочимъ относиться не можетъ, и въ правилахъ о наймѣ рабочихъ вообще не помѣщено никакого узаконенія о высылкѣ бѣжавшихъ и неявившихся, посему Совѣтъ Главнаго Управленія *не считаетъ возможнымъ устанавливать какія бы то ни было мѣры касательно препровожденія бѣжавшихъ или неявившихся рабочихъ, крестьянъ, мѣщанъ и проч.*, тѣмъ болѣе, что въ 4 ст. правилъ о наймѣ ихъ изложены условія, какія должны быть помѣщаемы въ договорахъ, и въ томъ числѣ: п. е—размѣры вычетовъ съ рабочаго за самовольное уклоненіе отъ работъ и за другія дѣянія, клонящіеся къ нарушенію хозяйственныхъ интересовъ золотопромышленниковъ и п. ж—размѣръ вычета съ рабочаго въ случаѣ неявки его на приискъ въ условленный срокъ. Слѣдовательно, золотопромышленники могутъ включать въ договоры найма и условія объ отвѣтственности рабочихъ въ случаѣ неявки или побѣга. Самая пересылка бѣжавшихъ и неявившихся рабочихъ изъ ссыльно-поселенцевъ

¹⁾ „Сибирь“ 1877 г. № 1, стр. 1.

должна производиться на счет золотопромышленника, и для этого золотопромышленники каждой системы обязаны имѣть общаго довѣреннаго, которому и выдавать авансомъ извѣстное количество денегъ на кормовыя и одежду пересылаемыхъ рабочихъ. По поимкѣ бѣглыхъ сельскія полицейскія начальства должны обращаться къ упомянутымъ довѣреннымъ съ требованіемъ о высылкѣ денегъ и, по полученіи таковыхъ, высылать рабочаго. Для высылки же неявившихся довѣренные должны представлять деньги при самыхъ требованіяхъ своихъ о высылкѣ. Причемъ само собою разумѣется, что употребленные на пересылку деньги золотопромышленники могутъ относить на счетъ пересылавшихся рабочихъ. Препровожденіе рабочихъ по жилымъ мѣстамъ, согласно 7 ст. правилъ, должно лежать на обязанности сельскихъ полицейскихъ начальствъ; по мѣстамъ же таежнымъ, т.-е. въ районѣ золотыхъ промысловъ, обязанность эту, согласно 19 ст. Уст. о частной золотопр., должны относить воинскіе чины, командированные въ распоряженіе мѣстной полиціи“¹⁾).

Циркуляръ этотъ произвелъ очень сильное впечатлѣніе и вызвалъ негодованіе золотопромышленниковъ. Вотъ что говорилъ по этому поводу одинъ довѣренный золотопромышленника: „прежде, года два тому назадъ... былъ обычай, какъ срокъ подходитъ идти рабочимъ на пріиски, такъ сейчасъ ихъ формируютъ въ партіи и подъ конвоемъ доставляютъ на пріискъ, а нынѣшній генераль-губернаторъ (Н. П. Синельниковъ) разослалъ циркуляръ всѣмъ полицейскимъ и волостнымъ правленіямъ, въ которомъ и объяснилъ, что на договоръ золотопромышленниковъ съ рабочими слѣдуетъ смотрѣть, какъ на чисто гражданскую сдѣлку, гдѣ потерпѣвшая сторона можетъ искать свои убытки только судомъ, а внимательство администраціи въ эти договоры совсѣмъ не у мѣста, и препровождать на пріиски рабочихъ людей, не лишенныхъ правъ состоянія, какъ каторжниковъ, подъ конвоемъ не только не слѣдуетъ, но даже имъ, генераль-губернаторомъ, будетъ строго преслѣдоваться. Этимъ циркуляромъ онъ подрѣзалъ крылья золотопромышленникамъ. Безъ большихъ задатковъ народъ не пойдетъ, а получивъ ихъ, не является подъ разными предлогами. До циркуляра-то стоило намъ написать въ волостное правленіе, что, молъ, такой-то не явился, и дѣло въ шляпѣ; его, какъ арестанта, подъ карауломъ къ намъ и предоставлять; а теперь—извольте вѣдаться съ нимъ судомъ! Такъ этимъ генераль-губернаторъ огорчилъ всѣхъ золотопромышленниковъ, что они сообща подавали жалоуу министру финансовъ, указывая въ ней тотъ страшный

¹⁾ „Иркут. Губерн. Вѣд.“ 1873 г. № 21 или въ Сборникѣ *Стрѣкаловскаго*, I, 111—112.

вредъ, который можетъ послѣдовать отъ отмины обязательной явки рабочихъ на приски, и представьте: просьбу ихъ не уважили!“¹⁾

Однако золотопромышленники не падали духомъ и старались такъ или иначе обезпечить себѣ исправную доставку рабочихъ на приски. Въ январѣ 1873 г. иркутскій окружной исправникъ подалъ Синельникову записку, изъ которой оказывалось, что золотопромышленники, нанимая крестьянъ и поселенцевъ, сдаютъ этихъ людей въ Иркутскъ для отправки этапнымъ порядкомъ на мѣсто работы; военный караулъ доводитъ партію только до селенія Хомутово (24 вер. отъ Иркутска), а затѣмъ отсюда до самыхъ присковъ. Обязанность эта возлагается на сельскія общества, которыя для присмотра за рабочими должны наряжать караульных, отводить квартиры рабочимъ, доставлять имъ пищу на отпускаемыя отъ золотопромышленника деньги по 10 к. на чел. въ сутки и для отвоза нѣкоторыхъ нарядать подводы, что крайне стѣсняетъ крестьянскія общества, обремененныя и безъ того многими повинностями, „тѣмъ болѣе, что при скудно выдаваемомъ рабочимъ содержаніи на пищу многіе изъ нихъ переводятъ (т.-е. продаютъ) свою одежду и при воспрещеніи никого не хотятъ слушать, считая себя не арестантами, а людьми свободными, послѣдствіемъ чего является необходимость снабжать рабочихъ, въ особенности въ зимнее время, отъ станціи до станціи теплою одеждою“. Получивъ эту записку иркутскаго исправника, Синельниковъ разослалъ ее начальникамъ губерній и областей при особомъ циркулярѣ отъ 27 января 1873 г., въ которомъ, напомнивъ правила о наймѣ рабочихъ на золотые промысла 1870 г. и приведя утвержденныя имъ постановленія Совѣта Главнаго Управленія Восточной Сибири 15 декабря 1871 г., въ заключеніе просилъ cadaго губернатора: 1) предписать немедленно объ исполненіи узаконеннаго и подтвержденнаго порядка относительно препровожденія на приски бѣжавшихъ и неявившихся рабочихъ изъ ссыльно-поселенцевъ на счетъ золотопромышленниковъ, которые должны имѣть для каждой системы общаго довѣреннаго, снабженнаго потребнымъ количествомъ денегъ на про-

¹⁾ Мишля (М. И. Орфановъ). „Въ дали. (Изъ прошлаго). Рассказы изъ вольной и невольной жизни“. М. 1883 г. стр. 64—65. Повидимому ко времени генераль-губернаторства Синельникова относится такой фактъ, рассказываемый Лопатынымъ: „Въ настоящее время на южной системѣ енисейскаго округа... за то только, что бѣлаго рабочаго поймали и привязали на веревку, прогнаны всѣ служащіе и исправникъ лишился мѣста“. „Замѣтки о положеніи рабочихъ на енисейскихъ золотыхъ прискахъ“. „Извѣст. Вост. Сиб. Отд. Геогр. Общ.“ т. II, № 4 (1871 г.), стр. 41. Отраженіе жалобъ золотопромышленниковъ на отмину высылки бѣглыхъ рабочихъ этапнымъ порядкомъ см. въ „Енисейск. Губернск. Вѣдом.“ 1874 г. № 31, стр. 119. На отмину высылки бѣглыхъ рабочихъ этапнымъ порядкомъ енисейскіе золотопромышленники жаловались, между прочимъ, и въ запискѣ, представленной министру госуд. имуществъ въ 1892 г.

питаніе и одежду пересылающихся рабочихъ и 2) строжайше подтвердить о нераспространеніи этого порядка на рабочихъ изъ крестьянъ, мѣщанъ и проч. свободныхъ сословій. Это распоряженіе Синельниковъ приказалъ напечатать въ „Иркут. Губерн. Вѣдом.“¹⁾.

Въ декабрѣ 1872 г. уполномоченный по дѣламъ компаній Сибирякова, Базанова и Нѣмчинова Н. Черныхъ и уполномоченный компаніи наслѣдниковъ Трапезникова, Ѳ. К. Трапезниковъ (Олекминскаго округа) представили Синельникову докладныя записки, въ которыхъ жаловались на то, что рабочіе не выполняютъ контрактныхъ условій, не доработываютъ уроковъ, вслѣдствіе чего и золота намыто менѣе, чѣмъ въ прежніе годы, оказываютъ неповиновеніе служащимъ, предаются пьянству, поддерживаемому спиртоносами, похищаютъ подъемное золото изъ разрѣзовъ; они указывали также на то, что волостныя правленія не содѣйствуютъ высылкѣ рабочихъ и взысканію съ нихъ долговъ и что вообще администрація оказывается безсильною въ прекращеніи этихъ безпорядковъ.

По полученіи названныхъ записокъ, а также и представлений нѣкоторыхъ другихъ лицъ, Синельниковъ въ январѣ 1873 г. нашелъ нужнымъ рассмотреть возбужденные по частной золотопромышленности вопросы въ особомъ комитетѣ подъ предсѣдательствомъ окружнаго ревизора, инженеръ-полковника Таскина, въ составъ котораго входили окружные ревизоры Кокшаровъ и Дубровинъ, полковникъ Купенковъ и горный исправникъ Лукьяновъ и кромѣ того приглашенные, въ качествѣ членовъ комитета, по усмотрѣнію предсѣдателя, золотопромышленники и уполномоченные. Въ засѣданіи 3 февраля 1873 г. комитетъ этотъ постановилъ: по отзывамъ присутствовавшихъ въ засѣданіи комитета золотопромышленниковъ, явленія эти, „хотя и бывали прежде, но значительно усилились въ послѣднее время вслѣдствіе той безнаказанности, въ какую нынѣ поставлены рабочіе изъ мѣщанъ и крестьянъ съ освобожденіемъ ихъ отъ тѣлеснаго наказанія, замѣнить которое на промыслахъ другимъ почти не представляется возможнымъ, потому что денежные штрафы не достигаютъ цѣли, такъ какъ подвергаются имъ преимущественно рабочіе, состоящіе и безъ того у управленія въ значительномъ долгу, безнадежномъ во взысканію, а на аресты, при немѣннѣи на промыслахъ одиночныхъ карцеровъ, рабочіе смотрятъ, какъ на отдохновеніе. Не раздѣляя этого убѣжденія золотопромышленниковъ и находя съ своей стороны, что однѣми принудительными и карательными мѣрами нельзя достигнуть въ отношеніи успѣха работъ того, что можно сдѣлать справедливымъ денежнымъ вознагражденіемъ и добровольнымъ въ полномъ смыслѣ слова соглашеніемъ“, комитетъ подробно разобралъ жалобы золотопромышленниковъ. 1) „Практика показала, что

¹⁾ См. 1873 г. № 21, изв. Сборникъ *Стрѣкаловскаго*, ч. I, 110—113.

когда рабочему задають урокъ, превышающій его силы, то онъ работаетъ лѣнливо. Кромѣ того, справедливость требуетъ замѣтить, что не всегда недоработку слѣдуетъ относить къ лѣности, и по мнѣнію комитета недоработка часто происходитъ отъ грязи и мокроты въ разрѣзахъ, крайне затрудняющихъ работу, и отъ истощенія рабочихъ вслѣдствіе недостатка времени на отдыхъ и малопитательной пищи, получаемой рабочимъ отъ хозяина. Одна несправедливость влечетъ за собою другую, и рабочій, не получая, что слѣдуетъ отъ хозяина, считаетъ и себя въ правѣ небрежно относиться къ своимъ обязанностямъ. По контракту рабочій бываетъ ежедневно на работѣ въ лѣтнее время 13, а въ зимнее около 8 часовъ. При совершенномъ отсутствіи растительной пищи, при постоянно одной и той же похлебкѣ, приготовленной изъ ячныхъ крупъ и солонины, безъ всякихъ овощей, отпускаемого нынѣ 1 ф. мяса недостаточно. Дурное качество якутскаго мяса извѣстно, а если къ этому прибавить еще далекій перегонъ скота по мѣстностямъ, неимѣющимъ достаточно подножнаго корма, отъ чего онъ худѣетъ, небрежный засолъ, неимѣніе на прискахъ опытныхъ скотобойцевъ и то, что покупаемое въ Томскѣ мясо доставляется нерѣдко изъ Иркутска въ омулевыхъ бочкахъ, придающихъ ему отвратительный запахъ, то нельзя и не согласиться, что приготовляемая изъ него пища едва ли можетъ возратить рабочему потраченные силы, для восстановленія которыхъ онъ вынужденъ на свой счетъ улучшать пищу въ прямой ущербъ своего заработка. Изъ этого слѣдуетъ, что золотопромышленники должны обратить вниманіе на пищу рабочихъ, и если нельзя увеличить дачу мяса, то по крайней мѣрѣ чаще варить кашу, заготавливать капусту, рыбу, гдѣ возможно, для разнообразія, и слѣдить за кашеварами, не позволяя имъ, какъ было замѣчено, готовить обѣдъ съ вечера. Не менѣе необходимы и дни отдыха, увеличить число коихъ до начала промывки не представляется особенно затруднительнымъ...

2) Примѣры неповиновенія рабочихъ служащимъ, не оставшіеся, впрочемъ, безнаказанными, въ этомъ году бывали въ большемъ ли числѣ противъ прежнихъ лѣтъ, рѣшить трудно, такъ какъ прежде подобные случаи всегда оканчивались словесными разбирательствами, и потому навести справку въ дѣлахъ горнаго исправника не представлялось возможнымъ; но неповиновеніе это вызывалось самими же служащими—дурнымъ и крайне грубымъ обращеніемъ. Справедливыя требованія рабочихъ не всѣми своятся терпѣливо и нерѣдко оканчиваются самоуправствомъ со стороны служащихъ. Разбирательства подобныхъ жалобъ часто доказывали, что обѣ стороны были неправы". 3) „Пьянство (впрочемъ не вездѣ) оказалось преимущественно предъ окончаніемъ работъ во время наемки на новую операцію, когда взаимнѣ запрещенныхъ бутылокъ съ водкою, для привлеченія къ найму, отпускались

усиленные винныя порціи. Въ остальные мѣсяцы на иныхъ прискахъ даже вовсе не было спирту. Способствовали пьянству и спиртоносы... Но чтобы доказать, что пьянство дошло до крайнихъ предѣловъ, на это нужны и факты, которыхъ не представлено". 4) „Радикальною мѣрою къ пресѣченію хищничества золота можетъ быть... возвышеніе платы за него, по примѣру присковъ Кабинета Его Величества, гдѣ плата доведена уже до 2 руб. за золотн." 5) „Жалобы на волостныя правленія вполне справедливы. Дѣйствительно, послѣднія неохотно выполняютъ требованія присковыхъ управленій о высылкѣ рабочихъ, отказываютъ во взысканіи съ нихъ долговъ и весьма часто задерживаютъ присылку паспортовъ и билетовъ, а иногда, получивъ деньги въ подати и уплаты ими частныя долги за рабочихъ, требуютъ таковыя вновь, а при невысылкѣ вызываютъ рабочихъ въ мѣста причисленій подъ предлогомъ неувольненія обществомъ или по семейнымъ обстоятельствамъ". Горный исправникъ верхнеудинскаго и баргузинскаго округовъ предложилъ чаще выдавать рабочимъ винныя порціи, „необходимыя по условіямъ таежной жизни и трудной присковой работы". Комитетъ пришелъ къ убѣжденію, что необходимо составить проектъ нормальнаго контракта, гарантирующаго права и рабочихъ, и владѣльцевъ присковъ, а пока опредѣлилъ, что необходимо устроить на прискахъ на счетъ золотопромышленниковъ одиночныя карцеры, чтобы примѣнять эту мѣру взысканія къ лицамъ, изъятымъ отъ тѣлеснаго наказанія, предложить золотопромышленникамъ обратить вниманіе на улучшеніе пищи рабочихъ и назначеніе дней отдыха, а для прекращенія хищничества увеличить плату за подъемное золото; ходатайствовать въ законодательномъ порядкѣ объ отнесеніи винныхъ складовъ и питейныхъ заведеній отъ присковыхъ резиденцій, по крайней мѣрѣ, на 30-верстное разстояніе и объ утвержденіи нормальнаго контракта.

Нѣкоторые изъ указанныхъ комитетомъ мѣръ были предложены или предписаны Синельниковымъ въ его циркулярѣ отъ 13 марта 1873 г., въ которомъ онъ предлагалъ начальникамъ губерній и областей: 1) Воспретить по всѣмъ золотымъ промысламъ выдачу спирта рабочимъ при наймѣ ихъ даже чарками. 2) Предложить золотопромышленникамъ озаботиться устройствомъ летучихъ кордоновъ для преслѣдованія спиртоносовъ и хищниковъ золота. 3) Обязать золотопромышленниковъ въ Верхнеудинскомъ и Баргузинскомъ округахъ немедленно привести въ удовлетворительное состояніе казармы и больницы и позаботиться о заготовленіи необходимыхъ для продовольствія рабочихъ припасовъ хорошаго качества. 4) Предупредить рабочихъ, что виновные въ разныхъ проступкахъ будутъ подвергаемы промысловою полиціею аресту въ одиночныхъ карперахъ на время до 7 дней и проч. ¹⁾.

¹⁾ Арх. Ирк. Горн. Управ. К. 2544, № 48/103, л. 82—97, 146 об.—151, 210—215.

Иркутскій комитетъ 1873 г. нашелъ нужнымъ составленіе нормальнаго контракта для найма рабочихъ. Вслѣдствіе этого 8 февраля 1874 г. Синельниковъ разослалъ губернаторамъ Восточной Сибири циркуляръ ¹⁾, въ которомъ предписывалъ горнымъ исправникамъ заняться составленіемъ нормальнаго контракта, на основаніи проекта договора, выработаннаго въ 1866 г. (см. т. I, стр. 530—531). Вслѣдствіе этого предписанія былъ составленъ проектъ нормальнаго контракта олекминскимъ горнымъ исправникомъ Винниковымъ (см. ниже), получены были также мнѣнія начальниковъ Енисейской губ. и Якутской области. Затѣмъ 7 марта 1875 г. преемникъ Синельникова, генералъ-губернаторъ Восточной Сибири, бар. Фредериксъ, приказалъ учредить для составленія нормальнаго контракта комитетъ изъ нѣсколькихъ окружныхъ ревизоровъ и горныхъ исправниковъ съ правомъ приглашать золотопромышленниковъ въ свои засѣданія. Въ комитетъ этотъ былъ переданъ, кромѣ ранѣ полученныхъ матеріаловъ, и проектъ контракта, присланный въ мартѣ 1875 г. военнымъ губернаторомъ амурской области, бар. Оффенбергомъ. Къ концу апрѣля проектъ контракта былъ составленъ комитетомъ и затѣмъ, по предложенію его, было предписано окружнымъ ревизорамъ, во время поѣздки лѣтомъ 1875 г. по промысламъ, показывать его болѣе опытнымъ золотопромышленникамъ. Олекминскій золотопромышленникъ Ѳ. К. Трапезниковъ представилъ въ комитетъ свои замѣчанія на составленный этимъ послѣднимъ проектъ нормальнаго контракта, въ которыхъ онъ доказывалъ неудобство и стѣснительность его для обѣихъ сторонъ въ виду большого разнообразія въ условіяхъ пріисковой жизни въ разныхъ мѣстностяхъ Сибири ²⁾.

Иркутскій комитетъ 1873 г. высказался также за устройство одиночныхъ кардеровъ на промыслахъ для лицъ, изъятыхъ отъ тѣлесныхъ наказаній. Вопросъ этотъ имѣетъ свою исторію. Нѣкоторые промысловыя управленія обратились къ олекминскому горному исправнику Лукьянову съ заявленіемъ, что было бы полезно, „по примѣрамъ прежняго времени“, подвергать рабочихъ изъ мѣщанъ и крестьянъ за пьянство, лѣность и грубость наказанію розгами, такъ какъ на пріискахъ только эта мѣра можетъ служить средствомъ къ исправленію. Полковникъ Купенковъ, осматривавшій пріиски Олекминской системы, къ которому обращались съ подобными же заявленіями, пришелъ къ убѣжденію о необходимости устройства при каждомъ пріискѣ помѣщеній для одиночнаго заключенія рабочихъ. Исправникъ Лукьяновъ въ августѣ 1872 г. вошелъ съ представленіемъ къ якутскому губернатору о разрѣшеніи учредить на золотыхъ пріискахъ одиночные карцеры для содержанія

¹⁾ Арх. Иркут. Горн. Управ. К. 2566, № 206/152, л. 1.

²⁾ Арх. Иркут. Горн. Управ. К. 2566, № 206/152, л. 189—192.

въ нихъ на хлѣбѣ и водѣ рабочихъ изъ мѣщанъ и крестьянъ, а якутскій губернаторъ, соглашаясь на это предложеніе, просилъ генераль-губернатора утвердить его распоряженіе объ устройствѣ карцеровъ на главныхъ резиденціяхъ. Совѣтъ Главнаго Управленія Восточной Сибири, на обсужденіе котораго генераль-губернаторъ передалъ этотъ вопросъ, рѣшилъ 25 апрѣля 1873 г. предложить эту мѣру на разрѣшеніе сената. Но сенатъ въ 1875 г. опредѣлилъ отмѣнить распоряженіе объ учрежденіи карцеровъ на золотыхъ промыслахъ и ходатайство генераль-губернатора объ узаконеніи этой мѣры оставить безъ разсмотрѣнія, давъ ему знать, что съ представленіемъ по этому предмету онъ можетъ обратиться въ министерство внутреннихъ дѣлъ и государственныхъ имуществъ ¹⁾.

Черезъ нѣсколько лѣтъ якутское областное начальство вновь вошло съ ходатайствомъ объ устройствѣ на золотыхъ промыслахъ карцеровъ для одиночнаго заключенія на хлѣбѣ и водѣ. Совѣтъ Главнаго Управленія Восточной Сибири запросилъ по этому предмету представителей мѣстной администраціи. Исправники Забайкальской области отнесли къ этому предложенію отрицательно, находя, что „мѣра эта явится излишнею жестокостію, озлобляющею рабочихъ, и что ею, при неудовлетворительномъ составѣ присковыхъ служащихъ, будутъ злоупотреблять“, если же предоставить примѣненіе этой мѣры однимъ исправникамъ, то цѣль была бы не достигнута въ виду обширности района, находящагося въ завѣдываніи исправниковъ. Енисейскій губернский совѣтъ также нашелъ ненужнымъ устройство карцеровъ, которое затѣмъ было отвергнуто и Совѣтомъ Главнаго Управленія Восточной Сибири въ засѣданіи 24 августа 1878 г. ²⁾.

Въ 1874 г. Синельниковъ оставилъ постъ генераль-губернатора Восточной Сибири, и отъѣздъ его неблагоприятно отразился на характерѣ распоряженій относительно присковыхъ рабочихъ. Мы видѣли, что Синельниковъ требовалъ возвращенія бѣжавшихъ и отсылки невзвизшихся на приски рабочихъ лишь тогда, если они были изъ ссыльно-поселенцевъ, но и то подъ условіемъ, чтобы довѣренные золотопромышленниковъ были снабжены средствами на прокормленіе этихъ рабочихъ

¹⁾ Разсматривая представленія якутскаго генераль-губернатора Синельникова, сенатъ замѣтилъ, что одиночное заключеніе на хлѣбѣ и водѣ допускается Сводомъ военныхъ постановленій, какъ специальное дисциплинарное наказаніе для нижнихъ воинскихъ чиновъ (строгій арестъ), и не относится къ мѣрамъ полицейскаго исправленія и что учрежденіе на счетъ частныхъ лицъ особыхъ карцеровъ, какъ мѣстъ заключенія рабочихъ на золотыхъ прискахъ, составляетъ отступленіе отъ ст. 2 XIV т. Свода Законовъ, Устава содержащихся подъ стражею. Арх. Иркут. Горн. Управ. К. 2544, № 48/103, л. 253—255. Сравни ниже въ главѣ объ енисейскихъ промыслахъ.

²⁾ Изъ бумагъ А. К. Субботина.

и одежду для нихъ. Инымъ духомъ проникнуть циркуляръ отъ 8 мая 1874 г. предсѣдательствующаго въ Совѣтъ Главнаго Управленія Восточной Сибири генераль-лейтенанта Шелашникова. „Господа земскіе исправники“, говоритъ онъ, „вопреки неоднократныхъ распоряженій, какъ г. генералъ-губернатора, такъ и моихъ, не обращаютъ должнаго вниманія на побѣги рабочихъ съ золотыхъ промысловъ и неявку наемщиковъ на пріиски“. При этомъ Шелашниковъ уже не дѣлаетъ никакого различія между рабочими ссыльно-поселенцами и рабочими изъ крестьянъ и другихъ сословій. Далѣе онъ указываетъ на бездѣйствіе волостныхъ правленій въ дѣлѣ высылки бѣжавшихъ и неявившихся рабочихъ. Когда бѣжавшій является на мѣсто своего жительства, то мѣстныя власти, не обращая вниманія на производившуюся о немъ переписку, безъ всякихъ справокъ выдаютъ новый билетъ; по всей вѣроятности не ведется списковъ бѣжавшихъ съ пріисковъ и неявившихся туда рабочихъ. Между тѣмъ „бѣжавшій, нанявшись на другой пріискъ, старается взять побольше задатокъ и сдѣлать, сколь возможно больше, забора вещами и товарами и снова бѣжать, рассчитывая на такое же снисхожденіе и покровительство своего начальства“. Шелашниковъ винитъ волостныя правленія и въ томъ, что нѣкоторые нанявшіеся рабочіе высылали иногда вмѣсто себя другихъ лицъ, неспособныхъ къ пріисковымъ работамъ, иной разъ несовершеннолѣтнихъ или стариковъ старше 50 лѣтъ. Нерѣдко волостное и сельское начальство дозволяютъ также рабочимъ, оставшимся послѣ окончанія операціи въ долгу, наниматься въ работы на слѣдующую операцію къ другому золотопромышленнику, не обращая никакого вниманія на незаработанный долгъ, несмотря на заблаговременное о немъ заявленіе. Шелашниковъ предписывалъ земскимъ исправникамъ производить съ волостныхъ правленій въ извѣстныхъ случаяхъ денежныя взысканія въ пользу золотопромышленниковъ. Наконецъ, Шелашниковъ обратилъ вниманіе на то, что волостныя правленія медлятъ высылкою паспортовъ, требуя съ пріисковыхъ рабочихъ податей и повинностей въ большихъ размѣрахъ, „почему-то не обозначавшихся въ прежде выданныхъ паспортахъ“ ¹⁾. Обращая вниманіе начальниковъ губерній и областей на всѣ эти безпорядки, Шелашниковъ просилъ сдѣлать распоряженіе, чтобы волостными правленіями и другими присутственными мѣстами 1) велись шнуровыя книги для записи нанявшихся на пріиски рабочихъ съ обозначеніемъ срока найма, свѣдѣній о взысканіи податей и повинностей, побѣга, неявки, долговъ рабочихъ и т. п. и 2) „тѣмъ рабочимъ, которые будутъ завиняемы въ подобныхъ поступкахъ, ни подъ какимъ предлогомъ не дозволять въ послѣдующіи

¹⁾ Въ циркулярѣ приведены въ видѣ примѣра 7 взысканій съ крестьянъ Верхнеудинскаго и Иркутскаго округовъ отъ 96 до 258 руб.

операціи наниматься къ другимъ золотопромышленникамъ, не отработавъ предварительно прежнихъ долговъ; или же по желанію золотопромышленниковъ долги эти должны быть взыскиваемы изъ получаемыхъ вновь при наймѣ задатковъ и немедленно высылаемы прежнимъ нанимателямъ съ предупрежденіемъ¹⁾, что если это не будетъ исполняться волостными правленіями и другими присутственными мѣстами, то взысканія будутъ обращаться на нихъ¹⁾.

Во всемъ этомъ циркулярѣ, если не считать требованія болѣе аккуратнаго записыванія уплачиваемыхъ нанимателями, податей, что предписывалось и интересами золотопромышленниковъ, нѣтъ ни одного слова въ защиту присковыхъ рабочихъ. Распространяясь такъ много о дѣйствіяхъ волостныхъ правленій, вредныхъ преимущественно для золотопромышленниковъ, Шелашниковъ вовсе не затронулъ ни дурного положенія рабочихъ на прискахъ, ни той эксплуатаціи, которой они подвергались при выходѣ съ нихъ.

Въ 1874 г. министромъ внутреннихъ дѣлъ была утверждена инструкция для горныхъ исправниковъ частныхъ золотыхъ промысловъ, нѣкоторые пункты которой касаются положенія рабочихъ. Горные исправники должны были надзирать за сохраненіемъ общественнаго порядка на золотыхъ промыслахъ. Исправникъ обязанъ также наблюдать, чтобы рабочимъ отпускалась хорошая пища, какъ слѣдуетъ устроены были жилища и больницы, чтобы были въ исправности дороги на приски, мосты и переправы и были бы теплыя помѣщенія для остановокъ въ разстояніи не далѣе 20 вер. одно отъ другого, чтобы соблюдались правила о слѣдованіи рабочихъ на приски и обратно. Горный исправникъ разсматриваетъ жалобы, приносимыя рабочими на рѣшеніе партіонной расправы. Онъ обязанъ неослабно наблюдать, чтобы работы на промыслахъ производились безъ вреда для здоровья и опасности для жизни рабочихъ, чтобы контракты соблюдались обѣими сторонами. „Не вмѣшиваясь въ хозяйственныя распоряженія промышленниковъ, исправникъ приглашаетъ ихъ или управляющихъ дѣлами въ собраніе въ своемъ присутствіи съ требованіемъ отъ нихъ за ихъ подписью описи припасовъ и вещей, которые приобрѣтены для снабженія рабочихъ, съ показаніемъ ихъ цѣнности при заготовленіи, а также и процента на употребленный для того капиталъ, росписи эти повѣряетъ и сличаетъ цѣны въ общемъ собраніи съ надлежащими документами, а вѣрность цѣнъ удостовѣряетъ“ своею подписью. Свѣренныя такимъ образомъ росписи или таксы должны были храниться въ конторахъ и выставляться на дверяхъ магазиновъ, для вѣдома рабо-

¹⁾ „Ирк. Губерн. Вѣдом.“ 1874 г. № 58; перепечатано въ Сборникѣ *Стрѣкаловскаго*, ч. I, 113—119.

чихъ, за подписью исправника. Горный исправникъ обязанъ былъ слѣдить, чтобы расчетныя книги съ рабочими велись исправно, а расчетные листы находились на рукахъ у послѣднихъ и въ случаѣ справедливыхъ жалобъ рабочихъ на неправильный расчетъ и дороговизну припасовъ и товаровъ сравнительно съ установленными таксами оказывать рабочимъ законное удовлетвореніе, а также принимать мѣры для того, чтобы хозяева могли дать полный расчетъ рабочимъ. Исправникъ обязанъ былъ оказывать золотопромышленникамъ содѣйствіе въ вытребованіи нанявшихся рабочихъ, въ поимкѣ и возвращеніи бѣжавшихъ, подвергая ихъ взысканію по закону, а за грубость, лѣность, игру въ карты и кости и т. п. проступки, по рѣшенію партіонной расправы, производить надлежащее наказаніе виновнымъ. Исправникъ содѣйствуетъ прекращенію похищенія золота, наблюдаетъ, чтобы не было на промыслахъ и по близости ихъ продажи и разноса спиртныхъ напитковъ и чтобы золотопромышленники не давали рабочимъ вина въ счетъ платы и не дозволяли себѣ держать его безъ ограниченія, а сообразовались бы всегда „съ самою необходимою ихъ потребностью по числу рабочихъ и служащихъ“ для раздачи его порціями и съ тѣмъ, чтобы на провозъ туда вина въ опредѣленномъ количествѣ золотопромышленники получали каждый разъ свидѣтельство отъ губернатора. „Въ случаѣ возникновенія между рабочими на частныхъ золотыхъ промыслахъ явнаго неповиновенія установленнымъ властями цѣлыми массами, а равно въ случаѣ бунта или возмущенія, горный исправникъ можетъ призывать на помощь военныя команды, руководствуясь Высочайше утвержденными 18 іюля 1872 г. правилами о разграниченіи правъ и обязанностей военныхъ и гражданскихъ властей при усмиреніи народныхъ безпорядковъ. Но при этомъ строго воспрещается употреблять въ отношеніи зачинщиковъ неповиновенія, если они не изъ поселенцевъ, тѣлесное наказаніе, а слѣдуетъ таковыхъ, по подробномъ и возможно скоромъ изслѣдованіи дѣла, отправлять по принадлежности къ суду“ ¹⁾).

¹⁾ О всѣхъ происшествіяхъ на прискахъ исправникъ представляетъ генералъ-губернатору и мѣстному губернатору ежемѣсячныя вѣдомости. О всѣхъ дѣйствіяхъ и распоряженіяхъ своихъ по надзору за частными промыслами исправникъ ведетъ особый журналъ, который, по окончаніи лѣтнаго періода работъ, онъ представляетъ на ревизію въ общее губернское или областное управленіе. Кроме того, исправникъ представляетъ начальнику губерніи ежегодный отчетъ о состояніи ввѣренныхъ ему золотыхъ промысловъ, губернскому статистическому комитету годичную вѣдомость о числѣ всѣхъ находившихся на промыслахъ разнаго званія лицъ, о количествѣ добытаго золота, а также о разнаго рода преступленіяхъ и происшествіяхъ и, наконецъ, экспедиціи о ссыльных свѣдѣнія о суммахъ, подлежащихъ поступленію въ поселенческой капиталъ отъ золотопромышленниковъ за находившихся у нихъ въ работѣ ссыльно-поселенцевъ. „Собраніе узаконеній“ 1874 г. № 47; перепечатано въ книгѣ Л. Розанова „Сводъ дѣйствующихъ узаконеній о частной золотопромышленности въ Россіи“. Спб. 1888 г., стр. 78—83.

21 апрѣля 1876 г. генераль-губернаторъ Восточной Сибири, бар. Фредериксъ, утвердилъ временныя (на 2 года) правила для охраненія рабочихъ частныхъ золотыхъ промысловъ при выходѣ ихъ послѣ работъ, выработанныя Совѣтомъ Главнаго Управленія Восточной Сибири на основаніи свѣдѣній, доставленныхъ губернаторами.

По этимъ правиламъ земскій исправникъ въ своемъ округѣ обязанъ былъ лично и чрезъ подвѣдомственныхъ ему чиновъ земской и волостной полиціи принимать дѣятельное участіе въ сопровожденіи рабочихъ. Предъ наступленіемъ времени выхода рабочихъ окружной исправникъ требуетъ, если встрѣтится надобность, отъ начальника мѣстной команды необходимое число нижнихъ чиновъ для содѣйствія полиціи. Исправникъ распределяетъ подвѣдомственныхъ ему земскихъ чиновниковъ и казаковъ, ненужныхъ на прискахъ и переданныхъ въ его распоряженіе горными исправниками, по главнымъ пунктамъ прохода рабочихъ, имѣя въ виду прежде всего селенія, лежащія въ смежности съ тайгою, селенія многочисленныя и переправы черезъ рѣки; распределеніе же волостныхъ и сельскихъ начальниковъ по остальнымъ пунктамъ слѣдованія рабочихъ предоставляется участковымъ засѣдателямъ ¹⁾. Въ видахъ сохраненія рабочими ихъ заработка горные исправники обязаны постоянно приглашать рабочихъ къ передачѣ имъ, по окончаніи работъ, денегъ, заработанныхъ на прискахъ, для отсылки въ волостныя правленія и инородчныя управы и выдачи рабочимъ по возвращеніи ихъ въ мѣста жительства. По окончаніи промысловыхъ работъ, въ присутствіи горныхъ исправниковъ, гдѣ это возможно (такъ какъ они не могутъ быть въ день расчета на всѣхъ прискахъ) и въ присутствіи другихъ административныхъ лицъ, находящихся на промыслахъ, золотопромышленники обязаны сдѣлать рабочимъ полнѣйшій расчетъ и выдать каждому квитанцію на причитающуюся ему сумму, а деньги вывозить въ резиденцію. По прибытіи рабочихъ въ резиденцію, горные исправники, получивъ лично деньги отъ тѣхъ, которые довѣрили отослать ихъ въ мѣста ихъ причисленія, записываютъ эти деньги, выдаютъ рабочимъ квитанцію, а полученные суммы немедленно отсылаютъ по принадлежности въ волостныя правленія и инородчныя управы и въ то же время подробно увѣдомляютъ земскихъ исправниковъ, которымъ вмѣняется въ обязанность слѣдить за точной и безотлагательной ихъ выдачей рабочимъ, сельскимъ же и инородческимъ управленіямъ

¹⁾ Такое распределеніе должно производиться ежегодно не позже 1 сентября для того, чтобы чиновники, подвѣдомственные исправнику, могли сдѣлать предварительныя распоряженія: 1) относительно учрежденія секретныхъ постовъ при началѣ дорогъ, ведущихъ въ тайгу, для наблюденія за выѣзжающими на встрѣчу рабочимъ съ цѣлью тайной скупки золота, запрещенной продажи спирта и проч.; 2) относительно высылки изъ селеній, лежащихъ на пути рабочихъ, всѣхъ тѣхъ пріѣзжихъ, которые не имѣютъ вполнѣ законныхъ видовъ или не могутъ съ точностью опредѣлить цѣли своего пріѣзда, а также извѣстныхъ полиціи развратныхъ женщинъ и учрежденія строгаго надзора за появленіемъ лицъ, которыя были замѣчены въ прежніе годы въ эксплуатаціи рабочихъ; 3) относительно предупрежденія жителей, что имъ воспрещается принимать и держать у себя лицъ, прибывшихъ съ цѣлью обирать рабочихъ и что въ случаѣ стачки для непомернаго повышенія цѣнъ на хлѣбъ и другіе жизненные припасы они будутъ подвергаться строгой законной отвѣтственности, равно какъ и за противозаконную продажу вина и выманиваніе денегъ у рабочихъ и 4) относительно тщательнаго освидѣтельствованія питейныхъ заведеній.

предписывается, чтобы они, по предъявленіи квитанцій, немедленно и безъ малѣйшаго притѣсненія производили уплату по нимъ денегъ и не удерживали изъ нихъ безъ согласія рабочихъ никакихъ взысканій; если же квитанція будетъ предъявлена къ платежу не тѣмъ лицомъ, отъ котораго высланы деньги, а постороннимъ, и передаточная надпись на квитанціи не будетъ засвидѣтельствована полицейскимъ управленіемъ, то, не производя по такой квитанціи уплаты денегъ, доносили бы объ этомъ исправнику для разслѣдованія, не была ли эта квитанція приобретена отъ владѣльца какимъ нибудь незаконнымъ способомъ ¹⁾. Если откроется, что сельскія и породческія управленія будутъ замедлять выдачу денегъ по квитанціямъ, дѣлать по этому поводу какія либо притѣсненія, или требовать отъ нихъ платы за выдачу денегъ, то виновныхъ въ этомъ слѣдовало подвергать суду, какъ за лихоимство. При этомъ, однако, всѣмъ исправникамъ ставилось на видъ, что „предлагаемая мѣры охраненія заработанныхъ денегъ отнюдь не должны имѣть характера принудительнаго и могутъ быть приводимы въ дѣйствіе не иначе, какъ съ добровольнаго, сознательнаго согласія самихъ рабочихъ.“ На основаніи мнѣнія, что рабочіе „большую часть денегъ проматываютъ изъ задатковъ при наймѣ на золотые прииски“, получая по 60 руб. и болѣе, въ разсматриваемыхъ правилахъ предлагалось: „пригласить золотопромышленниковъ единодушными мѣрами стараться принимать на промысла рабочихъ съ задатками не болѣе, какъ отъ 20 до 30 руб. каждому.“ Горнымъ исправникамъ было поставлено въ обязанность строжайше слѣдить, чтобы расчисланные рабочіе не оставались въ тайгѣ, а немедленно высылались въ жилия мѣста. Пути слѣдованія рабочихъ съ промысловъ должны были оставаться тѣ самыя, какіе установились годами, лишь съ нѣкоторыми измѣненіями ²⁾. Во время слѣдованія партій рабочихъ лица, обязанныя наблюдать за ними, между прочимъ должны были: а) смотрѣть за тѣмъ, чтобы рабочіе слѣдовали съ промысловъ въ мѣста жительства безостановочно лишь съ необходимымъ отдыхомъ; б) учреждать въ селеніяхъ, гдѣ ночуютъ рабочіе, особые караулы около питейныхъ домовъ, чтобы не допускать продажи вина въ недозволенное время, а также и около частныхъ домовъ, хозяева которыхъ заповѣрны въ спаваніи рабочихъ, въ допущеніи у себя игры въ карты, кости и орлянку; в) не допускать никакой торговли въ селеній. Проходъ черезъ Енисейскъ и селеніе Казачинское, Енисейскаго округа, какъ пункты ближайшіе къ приискамъ, безусловно воспрещался, такъ какъ въ противномъ случаѣ они переполнялись бы рабочими и сдѣлалось бы невозможнымъ соблюденіе порядка; дозволялось приходить только мастеровымъ, набравшимъ этотъ городъ постояннымъ мѣстомъ жительства и оставившимъ въ немъ и въ селѣ Казачинскомъ свои семейства. Губернаторы командировать ежегодно во время выхода рабочихъ особыхъ чиновниковъ для контроля за соблюденіемъ всѣхъ установленныхъ правилъ и для участія въ сопровожденіи партій ³⁾.

¹⁾ Последнее правило, очевидно, было вызвано случаями скупки квитанцій, о чемъ мы упоминали выше.

²⁾ Напр., по Иркутской губ. дозволить находиться въ селеніи Витимскомъ самое короткое время лишь для заготовленія нужныхъ на дорогу припасовъ; по забайкальской области, въ Нерчинскомъ округѣ, рабочіе не должны были допускаться на правый берегъ Шилки въ селеніе Срѣтенское, а въ читинскомъ округѣ указывался такой путь, чтобы значительная часть присковыхъ рабочихъ миновала Читу; въ Якутской области не дозволялось останавливаться въ Олекминскѣ.

³⁾ При составленіи этихъ правилъ Совѣтъ Главнаго Управленія Восточной Сибири не принялъ, между прочимъ, слѣдующихъ предложеній губернаторовъ: а) о воспрещеніи

Въ циркулярѣ отъ 26 марта 1876 г. бар. Фредериксъ опубликовалъ тѣ замѣчанія, какія онъ нашелъ нужнымъ сдѣлать по поводу представленныхъ ему официальныхъ отчетовъ о дѣйствіи частныхъ золотыхъ промысловъ въ операцію 1875 г. Бар. Фредериксъ нашелъ повтореніе тѣхъ же, допускаемыхъ волостными правленіями безпорядковъ (относительно найма рабочихъ на промыслы), на которые уже было обращено вниманіе Главнаго Управленія Восточной Сибири. „Кромѣ того,“ говоритъ бар. Фредериксъ, „нѣкоторыя изъ окружающихъ полицейскихъ управленій на ходатайства пріисковыхъ управленій и горныхъ исправниковъ о высылкѣ бѣжавшихъ или неявившихся рабочихъ изъ числа нелишенныхъ правъ состоянія отзывались, что, за силою журнала Совѣта Главнаго Управленія Восточной Сибири 30 октября—4 декабря 1871 г..., золотопромышленники должны командировать за такими рабочими своихъ довѣренныхъ.“ Въ названномъ здѣсь журналѣ, утвержденномъ Синельниковымъ 15 декабря 1871 г. и выше нами изложенномъ, рѣзко различались рабочіе—изъ сильно-поселенцевъ и изъ другихъ сословій и было прямо сказано, что „Совѣтъ Главнаго Управленія не считаетъ возможнымъ устанавливать какія бы то ни было мѣры касательно препровожденія бѣжавшихъ или неявившихся рабочихъ крестьянъ, мѣщанъ и проч.“, а для пересылки рабочихъ изъ сильно-поселенцевъ золотопромышленники обязывались имѣть общаго довѣреннаго; поэтому полицейскія управленія, руководствуясь этимъ циркуляромъ, имѣли полное основаніе отклонять отъ себя высылку рабочихъ, нелишенныхъ правъ состоянія. Правда, послѣ того былъ опубликованъ иного рода циркуляръ Шелашникова по этому вопросу, но Синельниковъ опирался на Высочайше утвержденныя правила о наймѣ рабочихъ, приложенныя къ новому уставу, а Шелашниковъ болѣе имѣлъ въ виду интересы золотопромышленниковъ. Теперь бар. Фредериксъ уже относилъ исполненіе предписанія Синельникова къ числу безпорядковъ.

Считая необходимымъ прекратить перечисленные въ его циркулярѣ „безпорядки“, бар. Фредериксъ рекомендовалъ къ исполненію слѣдующія мѣры: 1) требованіе о высылкѣ билетовъ для находящихся уже на золотыхъ пріискахъ рабочихъ возложить преимущественно на горныхъ исправниковъ, обязавъ ихъ взыскивать за этихъ рабочихъ деньги въ подати и повинности съ пріисковыхъ управленій и высылать по принадлежности, а волостныя правленія и другія полицейскія мѣста

отлучекъ съ мѣста жительства лицамъ, замѣченнымъ въ прежніе годы въ эксплуатаціи рабочихъ, такъ какъ подобное запрещеніе, по его мнѣнію, было бы вообще стѣснительно, б) объ отправкѣ въ волостныя правленія денегъ, заработанныхъ на золотыхъ промыслахъ рабочими безъ нихъ на то согласіе, „такъ какъ подобная мѣра была бы противна законамъ о правахъ собственности.“ „Иркут. Губерн. Вѣдом.“ 1876 г., № 34; перепечатано въ книгѣ *Стрыкаловскаго*, ч. I, стр. 184—140.

должны немедленно высылать квитанціи съ точнымъ обозначеніемъ, сколько и за какое время уплачено. 2) Допустить горныхъ исправниковъ къ контролю (относительно взысканія съ увольняемыхъ податей и повинностей) волостныхъ правленій и другихъ мѣстъ, отъ которыхъ зависятъ увольненіе на пріиски рабочихъ. 3) „Разъяснить полицейскимъ мѣстамъ и лицамъ, что по заключенію Совѣта Главнаго Управленія Восточной Сибири, изложенному въ журналѣ“ 30 октября—4 декабря 1871 г., „напавшіеся на золотые промысла рабочіе люди изъ нелишенныхъ правъ состоянія, въ случаѣ неявки ихъ туда или побѣга, хотя и не должны быть высылаемы этапнымъ порядкомъ, но тѣмъ не менѣе мѣстные власти, въ случаѣ обнаруженія подобныхъ личностей, должны обязывать ихъ подписками къ непремѣнной явкѣ на пріиски, выдавая для сего проходные виды, по которымъ безъ законныхъ причинъ нигдѣ проживать нельзя, а слѣдовать по назначенію, съ отсылкою этихъ подписокъ пріисковымъ управленіямъ, куда должны явиться рабочіе, и затѣмъ, въ случаѣ нарушенія ими подписокъ, поступать съ подобными людьми, какъ съ неисполнителями контрактовъ и нарушителями обязательствъ, данныхъ правительственному лицу или мѣсту.“ Нужно замѣтить, что ничего подобнаго нѣтъ въ журналѣ Совѣта 30 октября—4 декабря 1871 г., утвержденномъ Синельниковымъ 15 декабря того же года, и только что изложенное предписаніе въ циркулярѣ бар. Фредерикса составляетъ не разъясненіе циркуляра Синельникова, а значительное измѣненіе его правилъ относительно полноправныхъ рабочихъ. Наконецъ, въ циркулярѣ бар. Фредерикса предписывалось „полицейскимъ мѣстамъ и лицамъ о неупустительномъ исполненіи циркулярнаго распоряженія Главнаго Управленія Восточной Сибири, напечатаннаго въ 58 номерѣ „Иркут. Губерн. Вѣдом.“ 1874 г.¹⁾ относительно отработки наемщиками на золотыхъ промыслахъ остающихся владѣльцамъ долговъ или взысканія таковыхъ изъ вновь получаемыхъ рабочими задатковъ“.

Но если бар. Фредериксъ своимъ „разъясненіемъ“ уничтожилъ циркуляръ Синельникова о невысылкѣ на пріиски бѣжавшихъ и неявившихся рабочихъ, нелишенныхъ правъ состоянія, и подтвердилъ циркуляръ, подписанный Шелашниковымъ, то онъ, по крайней мѣрѣ, не оставилъ безъ вниманія и положенія рабочихъ и даже въ условіяхъ ихъ вознагражденія за трудъ нашелъ объясненіе и для развитія тайной продажи спирта и хищенія золота. Бар. Фредериксъ свидѣтельствуетъ, что незаконная торговля спиртомъ дошла „въ послѣднее время, преимущественно въ Олекминской системѣ, до огромныхъ размѣровъ“ и подобно своимъ предшественникамъ, находить, что этому много способствуютъ существующіе вблизи золотыхъ промысловъ и резиденцій вин-

¹⁾ Отъ 8 мая 1874 г. подписанное Шелашниковымъ и изложенное нами выше.

ные склады, „изъ которыхъ, какъ извѣстно, вино отпускается даже дробно и о необходимости отвесенія которыхъ на 50-верстное разстояние было заявлено министерству финансовъ уже неоднократно.“ Преслѣдованію спиртоносовъ, по словамъ бар. Фредерикса, мѣшали: 1) неудовлетворительность казаковъ, командируемыхъ на пріиски, неспособность ихъ къ исполненію полицейскихъ обязанностей и даже незнаніе нѣкоторыми изъ забайкальскихъ казаковъ русскаго языка и 2) незначительное денежное вознагражденіе, выдаваемое за подъемное золото, удержаніе изъ причитающихся за него денегъ долговъ“, состоящихъ за рабочими „и непринятіе отъ нихъ мелкаго золота въ счетъ подъемнаго ¹⁾. Для улучшенія казачьихъ отрядовъ на пріискахъ бар. Фредериксъ сдѣлалъ распоряженіе о назначеніи вмѣсто забайкальскихъ казаковъ иркутскихъ, причемъ выбрано было для этой службы много грамотныхъ, но такъ какъ срокъ службы на пріискахъ годовой и долѣе можно оставлять лишь тѣхъ казаковъ, которые изъявляютъ на то согласіе, то, слѣдовательно, составъ ихъ отрядовъ постепенно мѣнялся; поэтому бар. Фредериксъ рекомендовалъ золотопромышленникамъ въ ихъ собственныхъ интересахъ составлять на свой счетъ особые отряды изъ отставныхъ солдатъ и другихъ благонадежныхъ людей для помощи горной и земской полиціямъ ²⁾. Съ цѣлью прекратить тайную продажу съ пріисковъ подъемнаго золота бар. Фредериксъ просилъ губернаторовъ предложить золотопромышленникамъ, „какъ самую раціональную противъ этого мѣру и въ видахъ собственной ихъ выгоды, возвысить вознагражденіе, выдаваемое рабочимъ за подъемное золото, принимать въ счетъ его не только крупный, но и мелкій металлъ, не удерживать изъ слѣдуемыхъ за него денегъ долговъ, допущенныхъ подъ общую отработку и не уменьшать этого вознагражденія при уплатѣ за подъемное золото припасами изъ пріисковыхъ магазиновъ. Съ осуществленіемъ этого предложенія“, продолжаетъ бар. Фредериксъ, „и при достаточной подачѣ рабочимъ людямъ винныхъ порцій, необходимость которыхъ при тяжеломъ пріисковомъ трудѣ едва ли будетъ кто либо оспаривать ³⁾, можно вполне разсчитывать, что пріобрѣтеніе спирта тайно и дритомъ за баснословную цѣну черезъ промѣнъ въ большинствѣ случаевъ на хищническое золото потерять свою приманку для рабочихъ,

¹⁾ Спиртоносы за золотникъ золота давали бутылку спирта, правда, разбавленнаго на половину водою, а олекинскіе золотопромышленники отъ 60 к. до 1 руб. „Сибирь“, 1875 г., № 11, стр. 5.

²⁾ Тоже предложеніе бар. Фредериксъ повторилъ въ слѣдующемъ 1877 г. См. „Иркут. Губерн. Вѣдом.“ 1877 г. № 34 или Сборникъ *Стрѣкаловскаго*, ч. I, стр. 148—149.

³⁾ Заявленіе о необходимости подачи рабочимъ винныхъ порцій мы встрѣчаемъ и въ сибирской печати. См. „Сибирь“ 1875 г., № 11, стр. 5.

и они сознають собственныя свои выгоды отъ сдачи подъемнаго золота по принадлежности присковымъ управлѣніямъ, а не на сторону спиртоносамъ почти задаромъ, не говоря уже о томъ, что при сдѣлкахъ съ послѣдними рабочіе рискуютъ подвергнуться въ случаѣ обнаруженія продажи золота строжайшему наказанію по закону.“ Въ виду признанной такимъ образомъ необходимости выдачи рабочимъ на прискахъ винныхъ порцій, бар. Фредериксъ нашелъ возможнымъ размѣръ допускаемаго на приски ввоза спирта, по свидѣтельствамъ губернаторовъ ¹⁾, увеличить на первое время до 1½ вед. на чел. съ разрѣшенія губернаторовъ. Основываясь на доставленныхъ ему официальныхъ отчетахъ, бар. Фредериксъ утверждалъ, что „казармы для помѣщенія на прискахъ рабочихъ находились въ удовлетворительномъ состояніи, а больничныя помѣщенія, въ особенности на промыслахъ Олекминской системы, были содержимы вполне безукоризненно; „но, къ сожалѣнію,“ продолжаетъ онъ, рядомъ съ такимъ отраднымъ явленіемъ выступаютъ нѣкоторые факты весьма неутѣшительные... Въ пищу рабочимъ отпускались хотя и удовлетворительныя припасы, но безъ различія въ количествѣ ихъ на нѣкоторыхъ промыслахъ (Витимской системы Якутской области)“, гдѣ это „было необходимо по качеству... припасовъ, напримѣръ, при отпускѣ солонины вмѣсто свѣжаго мяса, выдававшихся въ одинаковомъ размѣрѣ по 1 ф. на чел. въ день. Между тѣмъ при крайне тяжелыхъ на нѣкоторыхъ прискахъ земляныхъ работахъ и неблагоприятныхъ климатическихъ условіяхъ, для рабочаго одного обѣда изъ фунта мяса было недостаточно, особенно если принять въ соображеніе, что изъ солонины, заготавливаемой до наступленія морозовъ на круглый годъ, не только не получается хорошаго навара, но и самыя порціи выходятъ незначительныя“, и вслѣдствіе этого рабочіе „для поддержанія своихъ силъ выписываютъ изъ присковыхъ магазиновъ пшеничную муку, масло, чай, сахаръ и проч., затрачивая такимъ образомъ на добавочную пищу не мало изъ своей заработанной платы.“ Бар. Фредериксъ замѣтилъ также, что на частныхъ прискахъ Нерчинскаго округа, несмотря на незначительность разстоянія нѣкоторыхъ изъ нихъ одинъ отъ другого, рабочихъ кормятъ весьма неодинаково: „на однихъ прискахъ выдается рабочему въ сутки мяса 1½ ф., хлѣба 4½ ф. и чай, на другихъ мяса отъ 1 до 1¼ ф., хлѣба отъ 3½ до 4 ф. и квасъ, а на иныхъ рабочіе

¹⁾ Во 2-мъ примѣчаніи 2588 ст. Горнаго Устава (изд. 1857 г.) сказано: „Въ 1850 г. постановлено правиломъ, съ строгимъ наблюденіемъ посредствомъ мѣстныхъ властей, чтобы въ черту присковъ горячіе напитки ввозились лишь въ самомъ ограниченномъ размѣрѣ собственно для употребленія на порцію рабочимъ людямъ, опредѣливъ даже по усмотрѣнію главнаго мѣстнаго начальства самое количество, какое потребно будетъ по числу рабочихъ, и съ тѣмъ, чтобы на провозъ туда вина заводскія конторы получали особня каждый разъ свидѣтельства губернаторовъ“.

не получаютъ ни чая, ни квасу“ и, утоляя жажду во время лѣтнихъ работъ сырою водою, разстраиваютъ себѣ желудокъ. „Судя по частнымъ свѣдѣніямъ“, продолжаетъ бар. Фредериксъ, „нѣкоторые изъ прискоковыхъ управленій допускали замѣну заработной платы разными продуктами и товарными вещами, съ наложеніемъ при отпускѣ ихъ рабочимъ значительныхъ на дѣйствительную стоимость процентовъ ¹⁾, уменьшая этимъ и безъ того незначительный у большинства рабочихъ заработокъ вслѣдствіе невоздержности ихъ къ горячимъ напиткамъ. Наконецъ, бар. Фредериксъ упомянулъ въ своемъ циркулярѣ о томъ, что на двухъ прискахъ во время работъ обваломъ земли задавило двухъ людей.

Бар. Фредериксъ нашелъ нужнымъ обратить вниманіе губернаторовъ Восточной Сибири на приведенные факты и просить ихъ внушить черезъ горныхъ исправниковъ уполномоченнымъ и управляющимъ присками необходимость болѣе внимательнаго съ ихъ стороны наблюденія за безопаснымъ производствомъ земляныхъ работъ подъ опасеніемъ за повтореніе несчастныхъ случаевъ отъ обваловъ земли строжайшаго взысканія по закону. Бар. Фредериксъ предписалъ вмѣстѣ съ тѣмъ и окружнымъ горнымъ ревизорамъ преслѣдовать виновныхъ въ небрежномъ веденіи земляныхъ работъ на прискахъ, но всѣ эти предписанія едва-ли достигали цѣли, такъ какъ въ это время не было даже выработано еще точныхъ правилъ о производствѣ прискоковыхъ работъ. Бар. Фредериксъ поручилъ также губернаторамъ предложить черезъ горныхъ исправниковъ золотопромышленникамъ, въ случаѣ неимѣнія свѣжаго мяса, выдавать рабочимъ солонину въ большемъ противъ перваго количества, непременно во время лѣтнихъ работъ снабжать ихъ для питья кирпичнымъ чаемъ или квасомъ и внимательно слѣдить, чтобы рабочимъ отпускали изъ прискоковыхъ магазиновъ только самые необходимые товары и припасы, не принадлежащіе къ предметамъ роскоши и притомъ по таксамъ, составляемымъ добросовѣстно и утверждаемымъ мѣстною горною полиціею. Горные исправники должны были заботиться и о томъ, чтобы рабочіе получали за свой трудъ условленное въ контрактѣ вознагражденіе деньгами и чтобы ихъ не принуждали брать вмѣсто денегъ товары и разные продукты изъ прискоковыхъ складовъ ²⁾.

¹⁾ Приводя этотъ фактъ изъ циркуляра бар. Фредерикса, газета „Сибирь“ прибавляетъ: „подобному способу расплаты одинъ изъ нашихъ корреспондентовъ приписываетъ и частіе побѣги рабочихъ.“ „Сибирь“ 1876 г., № 19, стр. 1—2.

²⁾ „Иркут. Губерн. Вѣдом.“ 1876 г., № 27; перепечатано въ книгѣ *Стрѣкаловскаго* ч. I, стр. 123—133. Въ газетѣ „Сибирь“ (1877 г., № 1) появилось слѣдующее извѣстіе: „Вслѣдствіе циркуляра г. генералъ-губернатора о безпорядкахъ на золотыхъ прискахъ главноуправляющіе присками Олекминской системы согласились увеличить дачу рабочимъ соленатаго мяса на $\frac{1}{4}$ ф., варить кашу вмѣсто двухъ по три раза въ недѣлю и лѣтомъ отпускать рабочимъ квасъ“.

Циркуляръ этотъ былъ полезенъ уже тѣмъ, что официально подтверждалъ существованіе большихъ злоупотребленій относительно рабочихъ на нѣкоторыхъ приискахъ, но онъ не могъ, конечно, достигнуть своей цѣли, такъ какъ имѣлъ характеръ скорѣе увѣщанія, чѣмъ обязательнаго постановленія. Въ этомъ скоро убѣдился и самъ бар. Фредериксъ, которому не далѣе, какъ въ слѣдующемъ году пришлось принять болѣе рѣшительныя мѣры.

Не прошло и полугода со времени опубликованія циркуляра 1876 г., какъ до бар. Фредерикса стали доходить свѣдѣнія о повтореніи на нѣкоторыхъ промыслахъ и въ операцію 1876 г. ранѣе замѣченныхъ безпорядковъ, причемъ ему указывали на то, что они опять главнымъ образомъ вызываются незаконною торговлею виномъ спиртоносими, съ которыми присковая казачья команда имѣла даже серьезное столкновеніе ¹⁾. На приискахъ одной компаніи начиналось даже волненіе, вызванное, по словамъ бар. Фредерикса, также дѣйствіями спиртоносовъ, для прекращенія котораго ему пришлось прибѣгнуть „къ особеннымъ экстреннымъ мѣрамъ“.

Въ виду этихъ фактовъ и другихъ полученныхъ имъ свѣдѣній о безпорядкахъ въ дѣлѣ частной золотопромышленности, бар. Фредериксъ нашелъ нужнымъ въ концѣ 1876 г. образовать особый временный комитетъ для внимательнаго обсужденія указанныхъ безпорядковъ и мѣръ къ ихъ искорененію. Познакомившись со всѣми имѣющимися по этому предмету данными, комитетъ поставилъ слѣдующіе вопросы, которые бар. Фредериксъ передалъ на разсмотрѣніе и заключеніе мѣстныхъ золотопромышленниковъ и ихъ уполномоченныхъ: 1) на какое разстояніе отъ золотыхъ промысловъ и ихъ резиденцій должны быть отнесены винные склады? 2) Не слѣдуетъ ли установить ежедневную выдачу винныхъ порцій присковымъ рабочимъ, въ какомъ размѣрѣ и на чей счетъ? Въ случаѣ установленія подачи порцій на счетъ золотопромышленника, чѣмъ замѣнить ихъ для рабочихъ, не пьющихъ вина? 3) Не должно ли установить нормы вознагражденія за подъемное золото особо по каждой системѣ? 4) Какую проектировать мѣру наказанія за противозаконный провозъ спирта въ округъ золотыхъ промысловъ, а въ особенности за промѣнъ его на шиховое золото? 5) Не слѣдуетъ ли исходатайствовать увеличенія вознагражденія за открытіе хищническаго золота? 6) „Такъ какъ правительство, освободивъ золотопромышленниковъ отъ процентной подати съ золота, взимавшейся до 1877 г. въ доходъ казны ²⁾ и сдѣлавъ имъ такимъ образомъ громадное облегченіе,

¹⁾ См. „Иркут. Губерн. Вѣдом.“ 1876 г. № 71.

²⁾ Процентная подать съ золота не взималась въ 1877—1880 гг. *Штофъ*. „Горныя подати на Западѣ Европы и у насъ“. „Горн. Журн.“ 1889 г. № 10, стр. 143—144.

въ правѣ требовать, чтобы промышленники позаботились съ своей стороны о благосостояніи многочисленнаго класса* присковыхъ рабочихъ, „то чѣмъ именно возможно улучшить положеніе рабочихъ не только во время работъ, но и въ пути слѣдованія на приски и обратно? (напримѣръ: увеличеніемъ дачи говядины до 1½ ф. въ день на человѣка и выдачею чая съ масломъ, а въ пути — даровыми помѣщеніями и отпускомъ пищи по таксѣ съ умѣренными цѣнами)“.

Изъ отвѣтовъ, полученныхъ на эти вопросы отъ золотопромышленниковъ и ихъ уполномоченныхъ, оказалось слѣдующее: 1) За необходимость удаленія винныхъ складовъ отъ золотыхъ промысловъ и ихъ резиденцій на значительное разстояніе высказались почти всѣ золотопромышленники, но при этомъ большинство голосовъ, опредѣлившихъ минимумъ этого разстоянія въ 50 верстъ, признало неизбѣжнымъ вовсе прекратить торговлю виномъ по рѣкѣ Ленѣ между городами Киренскомъ и Олекминскомъ. 2) Большинство голосовъ высказалось за подачу рабочимъ винныхъ порцій по 1/100 ведра каждому на счетъ золотопромышленниковъ съ замѣною этихъ порцій для людей, непьющихъ вина, выдачею извѣстнаго количества, соотвѣтственной стоимости, масла, сахару и чаю, но только одни изъ этого большинства предлагали производить выдачу винныхъ порцій ежедневно, а другіе — по усмотрѣнію присковыхъ управленій. 3) Относительно нормы вознагражденія за подъемное золото высказаны были весьма разнообразныя мнѣнія, но минимумъ вознагражденія былъ указанъ въ 1 руб. 44 к. 4) Вознагражденіе за открытіе хищническаго золота большинствомъ голосовъ было признано необходимымъ увеличить до 2 руб. за золотникъ, съ распространеніемъ этого вознагражденія, какъ на частныхъ лицъ, такъ и на состоящихъ на государственной службѣ. 5) Большинство голосовъ изъявило согласіе на выдачу рабочимъ на промыслахъ говядины по 1½ ф. въ день на чел. и на бесплатное снабженіе ихъ въ пути не только хлѣбомъ и сухарями, но также чаемъ и приваркомъ при проходѣ отъ резиденціи до присковъ, а при возвращеніи оттуда по таксѣ съ тѣмъ, чтобы хлѣбъ и сухари отпускались также бесплатно.

Обо всемъ этомъ бар. Фредериксъ объявилъ въ циркулярѣ отъ 22 апрѣля 1877 г., напечатанномъ въ „Иркут. Губерн. Вѣдом.“, причемъ выразилъ золотопромышленникамъ и ихъ уполномоченнымъ „признательность за сочувствіе къ присковымъ рабочимъ и за готовность помочь имъ“ и выразилъ надежду, „что и всѣ прочіе владѣльцы золотыхъ промысловъ Восточной Сибири и ихъ уполномоченные, не имѣвшіе возможности принять личнаго участія въ разсмотрѣніи возбужденныхъ комитетомъ вопросовъ, отнесутся къ положенію присковыхъ рабочихъ такъ же сочувственно, какъ и ближайшіе промышленники“. Заявленіе, сдѣланное золотопромышленниками на нѣкоторые вопросы

комитета, говорить бар. Фредериксъ, „вполнѣ подтверждаетъ мнѣніе мое, выраженное“ въ циркулярѣ 1876 г., „о необходимости въ видахъ собственной пользы золотопромышленниковъ подачи рабочимъ винныхъ порцій въ достаточномъ количествѣ и увеличеніи вознагражденія за подъемное золото съ улучшеніемъ пищевого довольствія“. Выражая надежду, что золотопромышленники будутъ болѣе, чѣмъ прежде, заботиться объ улучшеніи быта прискоковыхъ рабочихъ, бар. Фредериксъ ставилъ имъ на видъ, что для этого дана имъ и полная возможность дарованнымъ правительствомъ громаднымъ облегченіемъ—отмѣною процентной подати съ золота, на счетъ которой относились всѣ издержки по содержанію управленія частною золотопромышленностью и особаго полицейскаго надзора на прискахъ, доходящія до 168 тысячъ руб. въ годъ, которыя теперь падаютъ на счетъ государственнаго казначейства. Бар. Фредериксъ обѣщалъ возобновить ходатайство передъ правительствомъ объ отнесеніи винныхъ складовъ отъ золотыхъ промысловъ и ихъ резиденцій по крайней мѣрѣ на 50-верстное разстояніе и ходатайствовать „въ свое время“ объ увеличеніи вознагражденія за открытіе хищническаго золота до 2 руб. за золотникъ съ распространеніемъ этого вознагражденія на лицъ, состоящихъ на государственной службѣ.

Желая немедленно привести въ исполненіе одобренныя имъ предположенія золотопромышленниковъ, не требующія сношеній съ министерствами и другими правительственными учрежденіями, бар. Фредериксъ предписалъ горнымъ исправникамъ предложить всѣмъ золотопромышленникамъ и ихъ уполномоченнымъ, чтобы прискоковые рабочіе съ наступающей же операціи снабжались говядиною въ размѣрѣ, признанномъ необходимымъ большинствомъ лицъ, заинтересованныхъ въ золотопромышленномъ дѣлѣ, „а именно по 1½ ф. въ день на чел. съ выдачею въ пути отъ резиденцій и другихъ ближайшихъ жилыхъ мѣстъ до присковокъ и обратно того пищевого довольствія“, какое этимъ большинствомъ также признано необходимымъ, „чтобы рабочимъ отпускались достаточныя для поддержанія силъ винныя порціи, въ особенности въ ненастное время“ съ выдачею взаменъ этихъ порцій непьющимъ вина рабочимъ соотвѣтственнаго количества масла, чая и проч., за исключеніемъ предметовъ роскоши, или съ занесеніемъ въ расчетныя листы денежной стоимости винныхъ порцій тѣмъ изъ рабочихъ, которые отъ нихъ откажутся, и чтобы за подъемное золото выдавалось увеличенное вознагражденіе, наименьшій размѣръ котораго опредѣленъ экспертами изъ золотопромышленниковъ въ 1 руб. 44 к. за золотникъ. Наблюденія за исполненіемъ этого распоряженія бар. Фредериксъ возложилъ на горныхъ исправниковъ¹⁾.

¹⁾ „Иркут. Губерн. Вѣдом.“ 1877 г., № 34 или сборникъ *Стрѣкаловскаго*, ч. I, стр. 142—149.

Циркуляры Синельникова и бар. Фредерикса показываютъ, что мѣстная администрація обратила въ 70-хъ гг. вниманіе на положеніе присковыхъ рабочихъ, но законодательная дѣятельность по этому предмету въ рассматриваемое время, послѣ изданія новаго Устава о золотопромышленности, была крайне недостаточна. Мы видѣли какъ несовершенны были постановленія этого Устава относительно присковыхъ рабочихъ, и однако его недостатки исправлены не были.

Министръ финансовъ, препровождая въ 1870 г. генераль-губернатору Восточной Сибири новый Уставъ о золотопромышленности, между прочимъ, сообщилъ о Высочайшемъ повелѣніи допустить частную золотопромышленность въ областяхъ Амурской и Приморской и въ туркестанскомъ генераль-губернаторствѣ на основаніи новаго Устава съ тѣми измѣненіями, какія могутъ быть признаны необходимыми по мѣстнымъ условіямъ по соглашенію мѣстнаго начальства съ министерствомъ финансовъ. Вслѣдствіе этого у военныхъ губернаторовъ Амурской и Приморской областей были затребованы свѣдѣнія.

Между тѣмъ Совѣтъ Главнаго Управленія Восточной Сибири зимою 1870—71 г. рассматривалъ вопросъ о продленіи годового срока найма рабочихъ на приски Амурской области до 2 лѣтъ и оставленіи рабочихъ по окончаніи работъ на Амурѣ. Въ заключеніи своемъ, утвержденномъ генераль-губернаторомъ Синельниковымъ въ апрѣлѣ 1871 г., Совѣтъ принялъ во вниманіе, что разрѣшеніе найма на 2 года могло бы поставить рабочихъ въ полную зависимость отъ золотопромышленниковъ, что правилами объ амурской золотопромышленности разрѣшенъ наемъ на золотые промысла китайцевъ, которые отличаются трудолюбіемъ и спокойствіемъ, что кромѣ нихъ можно нанимать еще и корейцевъ, съ охотою переселяющихся въ Южноуссурійскій край и что по окончаніи годового срока найма золотопромышленники могутъ тотчасъ же возобновлять условія съ рабочими. Въ виду всего этого Совѣтъ Главнаго Управленія остался при прежнемъ заключеніи, которое онъ высказывалъ еще въ журналѣ 6 февраля—20 марта 1870 г. и не нашелъ основанія ходатайствовать о дозволѣніи нанимать рабочихъ на амурскіе золотые промысла на 2 года. По вопросу объ оставленіи рабочихъ по окончаніи работъ въ Амурской области Совѣтъ Главнаго Управленія остался также при своемъ мнѣніи, что если послѣ 10 сентября будутъ оставаться на Амурѣ только рабочіе, вновь нанятые на золотые промысла, а также и тѣ, которые найдутъ себѣ заработокъ по селеніямъ и казачьимъ станицамъ Амурской области, „то затрудненія, предвидѣнныя отъ праздно остающагося простого народа, устранятся сами собою, при чемъ, конечно, ненашедшіе себѣ работы на прискахъ и по селеніямъ области должны быть обращаемы къ мѣстамъ своего постоянного жительства“.

Военный губернаторъ Амурской области генераль-маіоръ Педашенко въ своемъ донесеніи отъ 16 ноября 1873 г., между прочимъ, писалъ, „что, сообразивъ просьбы золотопромышленниковъ объ измѣненіи Устава съ дѣйствительною необходимостью, согласно мѣстнымъ условіямъ, онъ находитъ, что необходимо продлить срокъ найма рабочихъ на промысла Амурской и Приморской областей до 2 лѣтъ. По поводу возраженій противъ этой мѣры Совѣта Главнаго Управленія Восточной Сибири онъ замѣтилъ: 1) что подданнымъ Китайской имперіи, живущимъ по близости Амурской области, ихъ начальство не разрѣшаетъ наниматься; 2) корейцы не выносятъ тяжелыхъ работъ на прискахъ; 3) возобновить тотчасъ же договоръ найма по окончаніи годового срока паспорта золотопромышленникамъ крайне трудно въ виду требованій 2251 ст. X т. Гр. Зак. ч. I.¹⁾, которыя на прискѣ почти невыполнимы по дальности разстоянія золотыхъ промысловъ отъ мѣстъ наемки рабочихъ, рассчитывать же на полный порядокъ въ дѣлопроизводствѣ волостныхъ правленій при настоящей степени развитія крестьянскаго населенія невозможно“ и 4) закабаленіе рабочихъ зависитъ, по мнѣнію Педашенко, не отъ срока найма, а отъ того, въ какой степени мѣстная полиція исполняетъ свои обязанности.

Разсмотрѣвъ донесеніе военнаго губернатора Амурской области, Совѣтъ Главнаго Управленія Восточной Сибири въ мартѣ 1874 г. на этотъ разъ согласился ходатайствовать передъ высшимъ начальствомъ о продленіи срока найма рабочихъ на приски Амурской и Приморской областей до 2 лѣтъ и кромѣ того, согласно мнѣнію г.-м. Педашенко, Совѣтъ нашелъ нужнымъ еще разъ ходатайствовать (предъ министромъ государственныхъ имуществъ, въ вѣдѣніе котораго съ 1874 г. поступило горное управленіе) о запрещеніи открытія питейныхъ заведеній и оптовыхъ складовъ. Совѣтъ Главнаго Управленія призналъ также необходимымъ просить нашего посланника въ Пекинѣ, чтобы онъ вошелъ въ сношеніе съ китайскимъ правительствомъ объ отиѣвѣ запрещенія китайцамъ наниматься на приски и о дозволеніи нанимать туда же и манджуръ.

Въ 1875 г. министерство государственныхъ имуществъ внесло въ государственный совѣтъ представленіе о дозволеніи сибирскимъ крестьянамъ, мѣщанамъ и ссыльно-поселенцамъ наниматься на золотые промысла Амурской и Приморской областей на сроки до 2 лѣтъ, что и было дозволено Высочайше утвержденнымъ мнѣніемъ государственнаго совѣта

---

¹⁾ „Сибирскій поселенецъ или крестьянинъ нанимающійся въ работу, долженъ имѣть дозволеніе отъ мірскаго общества того селенія, въ коемъ онъ состоитъ. Дозволеніе сіе дается не болѣе, какъ на одинъ годъ, а потомъ можетъ быть возобновлено; оно должно быть явлено и записано въ волостномъ правленіи“.

въ началѣ 1876 г. съ тѣмъ, чтобы при выдачѣ паспорта ссыльно-поселенцамъ, нанимаемымъ на промыслы этихъ областей, подати съ нихъ взыскивались за все время разрѣшенной имъ отлучки и чтобы сборы съ золотопромышленниковъ взымались въ двойномъ количествѣ, если срокъ найма ссыльно-поселенца будетъ болѣе года ¹⁾).

Увольняемымъ на сибирскіе золотые промыслы крестьянамъ и мѣщанамъ выдавались паспорта, которые, по прибытіи на пріискъ, они отдавали золотопромышленникамъ и получали отъ нихъ расчетные листы. Такъ какъ при такомъ порядкѣ для рабочихъ оказывалось возможнымъ наниматься сразу къ пѣсколькимъ золотопромышленникамъ, получать въ значительныхъ размѣрахъ задатки и затѣмъ совсѣмъ не являться на работу, то генераль-губернаторъ Восточной Сибири призналъ необходимымъ сдѣлать распоряженіе, чтобы рабочіе, нанимающіеся на пріиски, по полученіи паспортовъ, оставляли ихъ у нанимателей, а эти послѣдніе взамѣнъ того выдавали засвидѣтельствованные городскими и сельскими властями печатные на гербовой бумагѣ виды для слѣдованія къ мѣсту назначенія. По всеподданнѣйшему докладу министра внутреннихъ дѣлъ Государь соизволилъ въ 1879 г. на утвержденіе этого распоряженія ²⁾).

Объ указаннаго законодательныя мѣры были вызваны потребностями золотопромышленниковъ, потребности же рабочихъ пока вызывали вниманіе лишь мѣстной администраціи ³⁾).

Въ 1878 г. въ горномъ департаментѣ была составлена новая форма годовыхъ отчетовъ по дѣламъ частной золотопромышленности, представляемыхъ министру государственныхъ имуществъ и въ горный департаментъ горнымъ отдѣленіемъ Главнаго Управленія Восточной Сибири и алтайскимъ горнымъ правленіемъ; по этой формѣ требовалось сообщеніе многихъ статистическихъ свѣдѣній и относительно рабочихъ;

¹⁾ Арх. Горн. Департ., отд. частн. золотопр., № 650/68, ч. II, л. 152—174 и по описи всеподд. докладовъ 1875 г. № 34; „Сборникъ главнѣйшихъ официальныхъ документовъ по управленію Восточною Сибирью, изд. по распоряженію генераль-губернатора Восточной Сибири Д. Г. Анучина“, т. VII, Иркут. 1884 г., стр. 108—122; 2-е П. С. З. т. 52, № 57223.

²⁾ П. С. З. т. LIV, № 59863.

³⁾ Упомянемъ еще объ одномъ правительственномъ распоряженіи. Въ новомъ Уставѣ о частной золотопромышленности нѣтъ никакихъ постановленій относительно обязанностей жандармскихъ штабъ-офицеровъ Енисейской и Иркутской губ. по надзору за частными золотыми промыслами. Но такъ какъ на пріискахъ въ началѣ 70-хъ годовъ находились среди служащихъ и рабочихъ политическіе преступники (поляки, сосланные за возстаніе 1863 г.), то генераль-губернаторъ Восточной Сибири вошелъ съ представленіемъ объ оставленіи тамъ жандармскаго надзора на прежнемъ основаніи. По докладу министра финансовъ, Государь въ январѣ 1871 г. на это соизволилъ. Арх. Горн. Департ. по описи всеподд. докладовъ 1871 г. № 21.

отчеты по ней стали составляться съ 1879 г. Хотя эти отчеты и не во всѣхъ отношеніяхъ заслуживаютъ довѣрія, но во всякомъ случаѣ важно, что центральная администрація выразила желаніе подробнѣе ознакомиться съ положеніемъ пріисковъ рабочихъ. Это повліяло и на мѣстную администрацію. Въ 1880 г. Главное Управление Восточной Сибири разослало горнымъ исправникамъ и горнымъ ревизорамъ программы для ихъ годовыхъ отчетовъ, въ которыхъ относительно рабочихъ требовалось сообщить свѣдѣнія еще болѣе подробныя, чѣмъ для отчетовъ въ горный департаментъ ¹⁾).

Въ 1880 г. въ „Иркут. Губерн. Вѣдом.“ были опубликованы „для неупустительнаго руководства и исполненія въ видѣ опыта“ правила о производствѣ земляныхъ работъ на золотыхъ пріискахъ, составленныя для промысловъ Восточной Сибири по распоряженію пресѣдательствовавшего въ Совѣтѣ Главнаго Управленія Восточной Сибири генералъ-лейтенанта Шелашникова. При производствѣ работъ предписывалось руководствоваться слѣдующими правилами относительно рабочихъ: 1) запрещалось назначать въ какія бы то ни было работы въ ортахъ (подземныя работы) мальчиковъ моложе 14 лѣтъ, а женщинъ и дѣвушекъ какого бы то ни было возраста. 2) Работа мальчиковъ не моложе 10 лѣтъ, женщинъ и дѣвушекъ въ открытыхъ разрѣзахъ и вообще на поверхности земли опредѣляется условіями между нанимающимися и нанимателями. 3) Ночныя работы, съ 9 ч. веч. до 5 ч. у., для мальчиковъ, женщинъ и дѣвушекъ не допускаются. 4) Въ каждый періодъ рабочаго времени, продолжающійся не менѣе 5 ч., долженъ быть перерывъ для приѣма пищи не менѣе, какъ на полчаса и не менѣе полутора часа при 8-часовой работѣ. 5) Не должно допускать къ присмотру за дѣйствующими механизмами и машинами на пріискахъ мужчинъ моложе 18 лѣтъ, погонщиковъ же при лошадяхъ моложе 12 лѣтъ. 6) Всѣ подземныя работы, когда на нихъ задолжается болѣе 25 чел., должны быть подъ ближайшимъ и отвѣтственнымъ наблюденіемъ уставщиковъ или смотрителей работъ. 7) Высота песковаго забоя не должна быть болѣе 2 арш. Въ томъ случаѣ, если горнымъ ревизоромъ будутъ найдены при исполненіи работъ существенныя упущенія, послѣдствіемъ которыхъ можетъ быть вредъ или опасность для рабочихъ, владѣлецъ или управляющій пріискомъ, независимо отъ исполненія указаній ревизора, обязаны по его требованію замѣнить уставщика или смотрителя работъ другимъ болѣе знающимъ и способнымъ. Въ концѣ этихъ правилъ указаны взысканія за ихъ нарушенія, но такъ какъ эти послѣднія мѣры

---

¹⁾ „Сборн. главнѣйшихъ оффич. докум. по управленію Восточной Сибирью“. Изд. по распор. генер.-губер. Вост. Сиб. Д. Г. Анучина, т. VII, вып. I. Иркут. 1884 г., стр. 319—327, 330—347, 360—362.

подлежали утверждённому въ законодательномъ порядкѣ, то генераль-лейтенантъ Шелашниковъ представилъ ихъ министру государственныхъ имуществъ, но онѣ не были утверждены ¹⁾.

Въ 1879 г. генераль-губернаторомъ Восточной Сибири былъ назначенъ генераль-лейтенантъ Анучинъ. При отправленіи его на этотъ постъ иркутскій голова Катышевцевъ представилъ ему записку, въ которой, между прочимъ, касался и золотопромышленности. Хотя авторъ ея самъ былъ прежде золотопромышленникомъ, тѣмъ не менѣе онъ описываетъ положеніе рабочихъ на приискахъ Олекминскаго округа весьма мрачными красками. Катышевцевъ предлагаетъ слѣдующія мѣры для улучшенія положенія рабочихъ: 1) Учредить въ Иркутскѣ одну общую контору для найма рабочихъ, въ которую съ каждаго прииска заблаговременно заявляли бы, сколько нужно рабочихъ и къ какому времени ихъ доставить. Съ учрежденіемъ такой конторы рабочіе также знали бы, куда имъ обращаться съ предложеніемъ своего труда и препровождались бы на мѣсто работъ партіями за присмотромъ довѣреннаго отъ конторы и отъ правительства. Задатки выдавались бы конторой въ размѣрахъ дѣйствительно необходимыхъ для удовлетворенія неотложныхъ нуждъ ищущихъ работы—для уплаты податей, приобрѣтенія одежды и пр., и путешествіе рабочихъ на прииски совершалось бы въ большемъ порядкѣ, чѣмъ теперь. 2) Пищу улучшить и расходовать на нее вдвое болѣе, чѣмъ теперь. Это было бы выгодно и для самихъ золотопромышленниковъ, такъ какъ рабочіе, получая улучшенное довольствіе и винную порцію, не стали бы продавать золото спиртовосамъ и съ болѣе стараніемъ исполняли бы уроки. 3) Устроить для рабочихъ помѣщенія, удовлетворяющія требованіямъ гигиены. 4) Для завѣдыванія больницами, которыя слѣдуетъ обставить на подобіе городскихъ, пригласить знающихъ свое дѣло докторовъ. 5) Неспособныхъ къ работамъ отправлять съ приисковъ на лошадахъ въ пріюты, которые необходимо устроить въ извѣстномъ количествѣ по ленскому тракту и поручить завѣдыванію волостного начальства. 6) Установить съ общаго согласія золотопромышленниковъ однообразную таксу безъ наложенія процентовъ на товары и припасы въ козійскихъ магазинахъ. 7) Условиться относительно заработной платы рабочимъ и за старательскія работы, при чемъ уроки назначать добросовѣстно. 8) Учредить вспомогательную кассу для рабочихъ ²⁾.

¹⁾ „Иркут. Губерн. Вѣдом.“ 1880 г. №№ 11 и 12; перепечатано (кроме отдѣла о взысканіяхъ) въ книгѣ Л. Розанова „Сводъ дѣйствующихъ узаконеній о частной золотопромышленности въ Россіи“. Сиб. 1883 г., стр. 87—94; ср. изд. 2-е 1891 г., стр. 99—101.

²⁾ „Восточ. Обзор.“ 1882 г., № 12, стр. 6—7.

Въ мартѣ 1880 г. нѣкоторые золотопромышленники подали генералъ-губернатору Восточной Сибири записку по вопросу о подати съ золота, въ которой было, между прочимъ, сказано, что „положеніе многочисленнаго рабочаго на промыслахъ сословія, мы должны въ томъ сознаться, требуетъ существеннаго улучшенія“ ¹⁾.

Въ предписаніи, данномъ окружнымъ ревизорамъ въ маѣ 1881 г., генералъ-губернаторъ Анучинъ, между прочимъ, просилъ ихъ представить свое мнѣніе относительно изысканія мѣръ къ тому, чтобы зарабатываемыя рабочими деньги не употреблялись на разгулъ, а поступали бы въ ихъ семьи на улучшеніе хозяйства. Черезъ годъ предѣлательствующій въ Совѣтѣ Главнаго Управленія Восточной Сибири генералъ-лейтенантъ Педашенко подтвердилъ окружнымъ ревизорамъ, чтобы они обратили вниманіе на „отсутствіе твердыхъ отношеній между золотопромышленниками, ихъ довѣренными и служащими съ одной стороны и рабочими съ другой“, на „обирание возвращающихся съ приисковъ рабочихъ разными аферистами и виноторговцами“ и на „изысканіе мѣръ, чтобы заработанныя деньги не употреблялись на разгулъ“. „Изъ отчетовъ горныхъ исправниковъ Олекминской и Енисейской системъ“, говоритъ Педашенко, „усматривается, что несчастные случаи при горныхъ работахъ далеко не такъ рѣдки, чтобы не обратить на нихъ особенное вниманіе“. Однако, еще черезъ годъ, въ маѣ 1883 г., генералъ-губернатору Восточной Сибири пришлось вновь подтверждать окружнымъ ревизорамъ относительно внимательнаго изслѣдованія причинъ несчастныхъ случаевъ на приискахъ; что касается продолжавшейся работы несовершеннолѣтнихъ, на которую обратилъ вниманіе Педашенко, то генералъ-лейтенантъ Анучинъ считъ необходимымъ, чтобы въ непродолжительномъ времени были выработаны наставленія о порядкѣ употребленія въ работы малолѣтнихъ соотвѣтственно ихъ возрасту и разнымъ мѣстнымъ условіямъ, для чего онъ и просилъ представить ему не позже 1 ноября свѣдѣнія и соображенія, необходимыя для установленія такихъ правилъ ²⁾.

Въ циркулярѣ отъ 22 февраля 1883 г. начальникамъ губерній и областей Восточной Сибири генералъ-лейтенантъ Анучинъ объявилъ, что по дошедшимъ до него свѣдѣніямъ „на нѣкоторыхъ частныхъ золотыхъ приискахъ Восточной Сибири продолжаютъ повторяться различные беспорядки и злоупотребленія. Свѣдѣнія, полученные генералъ-гу-

¹⁾ Труды Комитета, учрежденнаго генералъ-губернаторомъ Восточной Сибири 29 октября 1880 г. по вопросамъ золотопромышленности“. Вып. I-й. Сборникъ матеріаловъ. Иркут. 1880 г., стр. 29.

²⁾ „Приложеніе первое къ вып. I Сборника главнѣйш. офиц. документовъ по управл. Восточн. Сиб.“ Печат. по распор. Д. Г. Анучина, т. VII, Иркут. 1884 г., стр. 4—14.

бернаторомъ, указывали прежде всего на различныя нарушенія закона, допускаемыя присковою полиціею, такъ напр. оказалось: „что заведенный однимъ горнымъ исправникомъ особый штрафной журналъ... и выданный завѣдывающему полицейскою частью на прискѣ, никогда и никѣмъ не былъ ревизуемъ; что записанныя въ этотъ журналъ наказанія за маловажные проступки налагались всегда на рабочихъ по личному усмотрѣнію присковой полиціи, а часто даже по заявленіямъ служащихъ промысловаго управленія, безъ всякаго участія партіонной расправы; что при назначеніи наказанія рабочимъ присковая полиція не руководствовалась подлежащими законами и подвергала даже тѣлесному наказанію“ (полноправныхъ рабочихъ?), „и кромѣ того практиковалось также заключеніе рабочихъ на хлѣбъ и на воду даже до 9 сутокъ; что по нѣкоторымъ уголовнымъ преступленіямъ присковая полиція, какъ видно изъ упомянутаго штрафного журнала, не производила надлежащаго изслѣдованія для привлеченія виновныхъ къ законной отвѣтственности, а назначала имъ произвольныя наказанія по личному своему воззрѣнію, какъ, напр., одинъ крестьянинъ за кражу часовъ во время пожара былъ выдержанъ подъ арестомъ 6 сутокъ, и что присковая полиція оставляетъ безъ разслѣдованія даже такія происшествія объ увѣчьяхъ, причиненныхъ рабочимъ при производствѣ работъ, отъ которыхъ черезъ нѣсколькой дней послѣдовала смерть“. Между тѣмъ, продолжаетъ ген.-лейт. Анучинъ, закономъ и распоряженіями правительства установлено, чтобы присковые рабочіе за маловажные проступки подвергались наказаніямъ по приговорамъ партіонной расправы, чтобы горные исправники не подвергали тѣлесному наказанію рабочихъ, если они не изъ ссыльно-поселенцевъ; чтобы ссыльно-поселенцы за преступления и проступки, подлежащіе по общимъ законамъ наказанію, не восходящему до заключенія въ рабочемъ домѣ, и признаваемые въ отношеніи къ ссыльно-поселенцамъ маловажными (803 ст. Уст. о ссыльн.), подвергались наказанію болѣе или менѣе строгому въ предѣлахъ, указанныхъ 804 ст. Уст. о ссыльн. по непосредственному усмотрѣнію и распоряженію мѣстнаго начальства, но съ соблюденіемъ правилъ, установленныхъ 838 ст. того же закона ¹⁾ и чтобы заключеніе присковыхъ рабочихъ на хлѣбъ и на воду отнюдь не практиковалось (см. выше разъясненія сената въ указѣ по 1-му департаменту 9 апрѣля 1875 г.).

Генераль-губернаторъ обратилъ также вниманіе на неисполненіе

¹⁾ А именно, наказаніе „розгами до 80 ударовъ и заключеніе подъ стражу или употребленіе въ городскую или сельскую общественную работу на время до 7 дней опредѣляются виновнымъ окончательно и приводятся въ исполненіе: въ селеніяхъ—волостными правленіями, земскими засѣдателями или мѣстными смотрителями; наказаніе розгами свыше 30 ударовъ или отдача въ работу или заключеніе на срокъ долѣе 7 дней могутъ быть приведены въ дѣйствіе не иначе, какъ съ разрѣшенія полиціи“.

правилъ о наймѣ рабочихъ на золотые промысла. Оказалось, что въ контрактахъ, заключаемыхъ съ рабочими, нерѣдко, вопреки закону, не называется пріискъ, на который нанимается рабочій, а также не указывается опредѣленно и самый родъ работъ, и что пріисковья управленія, взявшись доставить рабочихъ на пріискъ за условленную плату, потомъ вносятъ ее въ расчетные листы въ увеличенномъ размѣрѣ и прочее.

Въ заключеніе генераль-губернаторъ просилъ начальниковъ губерній и областей объявить горнымъ исправникамъ, что они должны позаботиться объ учрежденіи на промыслахъ партіонныхъ расправъ (какъ это разъяснено уже журналомъ Совѣта Главнаго Управленія Восточной Сибири 24 августа 1878 г.), рѣшенію которыхъ подлежатъ по закону и ссыльно-поселенцы, и предписать окружнымъ полицейскимъ управленіямъ выдавать штрафныя книги для записыванія въ нихъ исполненныхъ приговоровъ партіонной расправы и наказаній, налагаемыхъ на ссыльно-поселенцевъ самими горными исправниками съ тѣмъ, чтобы книги эти подвергались своевременно ревизіи полицейскихъ управленій ¹⁾).

Въ томъ же 1883 г. генераль-губернаторъ Восточной Сибири обратилъ вниманіе на выдачу рабочимъ вина на пріискахъ. Въ циркулярѣ отъ 28 іюня начальникамъ губерній и областей онъ говоритъ: „Изъ дѣлъ Главнаго Управленія Восточной Сибири усматривается, что на нѣкоторыхъ золотыхъ пріискахъ, кромѣ порцій, водка рабочимъ отпускается на отливъ и даже въ значительныхъ размѣрахъ. Отъ такого порядка выдачи на отливъ, порождающаго между рабочими взаимную торговлю ею, является пьянство, влекущее за собою не только уменьшеніе заработковъ, но и разнаго рода преступленія“. Генераль-губернаторъ просилъ, чтобы горные исправники строго и неуклонно наблюдали за точнымъ исполненіемъ закона, разрѣшающаго выдачу водки рабочимъ только въ порцію, чтобы винныя порціи отпускались только тѣмъ рабочимъ, которымъ онѣ назначены пріисковымъ управленіемъ безъ права передачи другому лицу, чтобы онѣ не уносились въ казармы или вообще на сторону и чтобы размѣръ суточной выдачи вина не превышалъ двухъ сотыхъ ведра водки одному человѣку. Правила эти генераль-губернаторъ приказалъ напечатать и разослать горнымъ исправникамъ съ тѣмъ, чтобы они были вывѣшены въ казармахъ рабочихъ, пріисковыхъ магазинахъ и вообще на самыхъ видныхъ мѣстахъ. Дневная порція вина была опредѣлена въ нихъ такимъ образомъ: не болѣе „двухъ сотыхъ ведра водки въ 40° на полугарь“.

¹⁾ „Сборн. главнѣйш. офиц. докум. по управ. Восточ. Сиб.“ Изд. по распор. Д. Г. Анучина, т. VII, вып. I, Иркут. 1884 г., стр. 424—431.

Въ тотъ же день, 28 іюня 1883 г., генералъ-губернаторъ Анучинъ далъ еще другое, болѣе подробное предписаніе по тому же предмету, въ которомъ говорить: устройство питейныхъ заведеній ближе 50 вер. отъ золотыхъ приисковъ воспрещено, относительно же ввоза вина на приiski закономъ и основанными на немъ распоряженіями правительства постановлено: чтобы въ черту приисковъ крѣпкіе напитки ввозились лишь въ самомъ ограниченномъ размѣрѣ, собственно для употребленія на порцію рабочимъ людямъ; чтобы ввозъ вина на приiski не превышалъ одного ведра на каждого рабочаго въ годъ; чтобы ввозимое вино употреблялось собственно на порціи рабочимъ, въ видѣ улучшенія ихъ содержанія, а отнюдь не на продажу (распоряженіе генералъ-губернатора Восточной Сибири 28 августа 1850 г. и подтвержденіе его въ циркулярѣ 13 марта 1873 г.) и чтобы золотопромышленники не давали рабочимъ вина въ счетъ платы и не дозволяли себѣ держать его въ неограниченномъ количествѣ. „Между тѣмъ изъ дѣлъ Главнаго Управленія Восточной Сибири усматривается..., что нѣкоторыми промысловыми управленіями расходовалось на каждого приискаваго рабочаго въ операцію до трехъ ведеръ спирта..., что кромѣ порціи промысловое управленіе отпускало рабочимъ водку на отливъ даже цѣлыми бутылками; что водка, въ видѣ вознагражденія, отпускалась рабочимъ въ дополненіе къ установленной платѣ за подъемное золото...; что однимъ приисковымъ управленіемъ покупалось на водку и самое золото“. Однако, генералъ-губернаторъ находилъ и смягчающія обстоятельства относительно этихъ нарушеній золотопромышленниками существующихъ правилъ: золотопромышленники отступаютъ отъ установленныхъ правилъ по ввозу и расходованію вина главнымъ образомъ для устраненія хищничества золота, противъ котораго всѣ мѣры оказываются безсильными. Развитію его сильно способствуютъ спиртоносы „или же, подъ предлогомъ поисковъ, развѣдки и разработки золотосодержащихъ росыпей. Личности послѣдней категоріи считаются самыми опасными, такъ какъ, поселившись вблизи богатыхъ приисковъ на мѣстности, занятой ими подъ приискъ, и получивъ свидѣтельство на провозъ спирта“, привозятъ его „въ неограниченномъ размѣрѣ и затѣмъ, сдѣлавъ соответственную обстановку для тайнаго скупа хищническаго золота, приобретаютъ послѣднее на спиртъ, почти всегда ускользая отъ законнаго преслѣдованія. При этомъ нельзя не замѣтить, что успѣшной покупкѣ золота немало помогаетъ и недостаточная выдача приисковыми управленіями рабочимъ водки въ порцію. Поэтому для удержанія всего находимаго рабочими золота въ рукахъ приисковыхъ владѣльцевъ, довѣренныя отъ нихъ лица старались прибѣгать къ разнымъ средствамъ, и такъ какъ одно увеличеніе платы за подъемное золото оказалось мѣрою неэффективною, то они и стали выдавать рабочимъ за каждые 3 золотн. сдаваемого ими металла, сверхъ установленной денежной платы, еще, въ видѣ награды, по одной сотой ведра водки. А какъ на нѣкоторыхъ приискахъ рабочія артели находили золото до 30 и болѣе золотн. въ день и какъ употребленіе за одинъ разъ всего причитающагося имъ за сданное золото вина невозможно, то и установили отпускъ водки на отливъ даже цѣлыми бутылками... По всѣмъ выше изъясненнымъ причинамъ общій годовой расходъ спирта простирается.. собственно на приисковыхъ рабочихъ до двухъ ведеръ на каждого годового работника, а со включеніемъ того количества вина, которое расходуется на служащихъ, казачью команду, разныхъ поставщиковъ и воячиковъ отъ 2½ до 3 вед. спирта въ 80° на приискаваго работника, вмѣсто установленнаго въ 1850 г. одного ведра собственно на лѣтнаго рабочаго.

„Имѣя въ виду, что въ лѣтній періодъ рабочихъ на приискахъ бываетъ въ 2½ раза болѣе, чѣмъ въ зимній, вслѣдствіе чего средняя цифра рабочихъ въ годъ

(годовых работников) составляет только 70% лѣтнихъ; что тѣ обстоятельства и условія, при которыхъ установлена въ 1850 г. норма для ввоза вина на пріиски, съ теченіемъ времени сильно измѣнилась; что въ дѣлахъ Главнаго Управленія не только не содержится никакихъ указаній на соблюденіе установленной въ 1850 г. нормы для ввоза вина на пріиски, но, напротивъ того, изъ сообщенныхъ золотопромышленниками свѣдѣній усматривается, что количество ввозимаго на пріиски вина всегда превышало установленную норму; что при трудной, особенно ортовой работѣ, нерѣдко въ сырости и на дождѣ или зною при сильномъ морозѣ выдача рабочему двухъ сотыхъ ведра водки въ день, не опьяняя, производить подкрѣпляющее на его здоровье дѣйствіе; что употребленіе водки въ размѣрѣ до полуторыхъ сотыхъ (трехъ рюмокъ) ведра въ день лицомъ, даже не занятымъ физическимъ трудомъ, считается въ обыкновенномъ быту совершенно умѣреннымъ; что умѣренная выдача рабочимъ водки признается полезною и всеми бывшими на пріискахъ врачами; что несогласный съ дѣйствительною потребностью ввозъ крѣпкихъ напитковъ въ черту золотыхъ пріисковъ и недостаточное удовлетвореніе рабочихъ винными порціями ведетъ къ развитію спиртносничества и тайной торговли золотомъ⁴⁾, генералъ-губернаторъ Восточной Сибири пришелъ къ заключенію, что „опредѣленный въ 1850 г. размѣръ годовой пріисковой потребности въ винѣ, по ведру на одного рабочаго въ годъ, представляется недостаточнымъ. Поэтому „въ виду ходатайства золотопромышленниковъ и съ цѣлю возможнаго уменьшенія хищничества золота“, ген.-лейт. Анучинъ призналъ возможнымъ разрѣшить ввозъ на пріиски „спирта или вина и проч. крѣпкихъ напитковъ въ количествѣ, не превышающемъ 2½ вед. спирта въ 80° на каждаго годового пріисковаго работника“⁴⁾.

Несмотря на то, что этотъ циркуляръ написанъ въ смыслѣ защиты золотопромышленниковъ отъ обвиненія въ незаконныхъ выдачахъ вина рабочимъ, онъ въ сущности подтверждаетъ заявленія мѣстной печати о томъ, какъ съ помощью вина золотопромышленники умѣли эксплуатировать рабочихъ.

Въ 1879 г., по соглашенію между генералъ-губернаторомъ Восточной Сибири бар. Фредериксомъ и архіепископомъ иркутскимъ Веніаминомъ, возникло предположеніе о принатіи мѣръ къ улучшенію правственности рабочаго населенія золотыхъ пріисковъ, находящихся въ предѣлахъ Иркутской губерніи. Архіепископъ Веніаминъ предполагалъ назначать особыхъ священниковъ съ псаломщиками тамъ, гдѣ находится рабочихъ не менѣе 200 чел., а для того, чтобы они могли безпрепятственно посѣщать богослуженіе, опредѣлить нерабочіе дни: 3 дня въ великій постъ для говѣнія, исповѣди и причастія, два послѣднихъ дня страстной недѣли, по крайней мѣрѣ 3 дня Пасхи и затѣмъ 12 дней изъ двенадцатыхъ праздниковъ и царскихъ дней (итого 20 дней въ году), а въ прочіе праздники и воскресные дни освобождать рабочихъ для присутствія на ранней литургіи съ дозволеніемъ начинать послѣ

⁴⁾ Въ примѣчаніи къ циркуляру пояснено, что „подъ числомъ годовыхъ пріисковыхъ работниковъ (среднее число рабочихъ за весь годъ) разумѣется частное, полученное черезъ раздѣленіе всѣхъ бывшихъ на пріискѣ поденщинъ рабочихъ людей на число дней въ году“. „Сборн. главн. офиц. докум. по управ. Вост. Сиб. Изд. по распор. генер.-губ. Анучина, т. VII, вып. 1-й, стр. 464—475, стр. 544—545.

нея работы. Бар. Фредериксъ по вопросу объ освобожденіи присковыхъ рабочихъ отъ работъ въ главнѣйшіе праздники вошелъ въ сношеніе съ министромъ государственныхъ имуществъ гр. Валуевымъ, прося его исходатайствовать освобожденіе рабочихъ отъ работы всего на 13 дней въ году, но на это ходатайство не послѣдовало никакого отвѣта.

Въ декабрѣ 1880 г. архіепископъ иркутскій обратился къ новому генералъ-губернатору Восточной Сибири Анучину съ просьбою поддержать ходатайство бар. Фредерикса, а затѣмъ частнымъ образомъ сообщилъ ему свои „соображенія о церквахъ и причтахъ на золотыхъ приискахъ“, въ которыхъ, между прочимъ, перечисляя праздничные дни (счетомъ 24), когда должна, по его мнѣнію, прекращаться и обязательная, и старательская работа, онъ дѣлалъ, однако, слѣдующую оговорку: „освобожденіе отъ работъ въ эти дни можетъ замѣниться освобожденіемъ отъ работъ въ тѣ 2 дня въ мѣсяцъ, какіе золотопромышленники обязаны давать рабочимъ для отдыха“.

Въ 1884 г. ген.-лейт. Анучинъ просилъ министра государственныхъ имуществъ статсъ-секретаря Островскаго увѣдомить его, какое послѣдовало распоряженіе по ходатайству бар. Фредерикса объ освобожденіи рабочихъ отъ работъ въ главнѣйшіе церковные праздники и нѣкоторые высокаторжественные дни. Министръ государственныхъ имуществъ отвѣчалъ, что ходатайству бар. Фредерикса бывшій министръ государственныхъ имуществъ гр. Валуевъ не далъ дальнѣйшаго хода, и при этомъ прибавилъ, что и онъ съ своей стороны не считаетъ возможнымъ входить съ представленіемъ объ утвержденіи предположенія бар. Фредерикса въ виду того, что оно касается „весьма важнаго общаго вопроса о праздничныхъ дняхъ для рабочихъ, разрѣшеніе коего не можетъ послѣдовать по частному случаю“¹⁾.

Въ 1881 г. циркулиромъ отъ 29 апрѣля горное отдѣленіе Главнаго Управленія Восточной Сибири, по приказанію генералъ-губернатора, предписало горнымъ исправникамъ и завѣдующимъ присками о каждомъ несчастномъ случаѣ сообщать отдѣленію свѣдѣнія о причинахъ его и о принятыхъ по этому поводу мѣрахъ. Несмотря на то, свѣдѣнія эти или вовсе не представлялись, или представлялись не въ полномъ видѣ и въ большинствѣ случаевъ долго спустя послѣ происшествія.

¹⁾ „Сборн. глав. офиц. докум.“, изд. Д. Г. Анучинымъ, т. VII, вып. 1-й, стр. 517—547. Нѣсколько лѣтъ позднѣе появилось слѣдующее газетное извѣстіе: „Святѣйшій синодъ озаботился скорѣйшимъ осуществленіемъ постройки на золотыхъ приискахъ церквей съ учрежденіемъ особыхъ причтовъ и освобожденія рабочихъ на тѣхъ приискахъ въ праздничные дни отъ работы для посѣщенія церкви“ („Нов. Время“ 1889 г., № 4790). Черезъ годъ въ той же газетѣ мы находимъ извѣстіе, что заботами св. синода пристушено къ постройкѣ на приискахъ церквей, но объ освобожденіи отъ работъ рабочихъ уже ничего не упоминалось (1890 г. № 5141).

Вслѣдствіе этого предсѣдательствующій въ Совѣтъ Главнаго Управленія ген.-лейт. Педашенко просилъ въ августѣ 1884 г. подтвердить горнымъ исправникамъ о томъ, чтобы они доносили о каждомъ несчастномъ случаѣ и представляли копію съ акта ¹⁾).

Синельниковъ приказалъ не впускать рабочихъ, возвращающихся съ золотыхъ присковъ, въ г. Енисейскъ въ видахъ охраненія ихъ отъ разгуда и кутежей въ этомъ городѣ (см. выше).

По словамъ корреспондента „Вост. Обзор.“, послѣдствія этой мѣры были неблагоприятны: „распоряженіе генералъ-губернатора Синельникова о невпускѣ присковыхъ рабочихъ въ городъ и большія торговля села много лѣтъ возбуждало недовольство въ средѣ населенія и преимущественно торговаго люда, который ходатайствовалъ объ измѣненіи этого распоряженія, но безуспѣшно, и присковый рабочій попрежнему съ перевоза, гдѣ стояла земская и городская полиція, гнался, какъ преступникъ, подъ конвоемъ казаковъ до ближайшей деревни, и въ городъ попадали только тѣ, „чей путь лежалъ черезъ него“, и люди татовые, заплатавшие оброкъ въ пользу полиціи. Рабочему предоставлялось мотать деньги по деревнямъ, но въ городъ путь ему былъ безусловно закрытъ и попадали въ него лишь рабочіе безденежные или пропившіеся по деревнямъ, изъ которыхъ они возвращались или окольными путями, или въ то время, когда конвой съ перевоза былъ снятъ... Торговля, вынуждаемая обстоятельствами, должна была искать другихъ путей для своего сбыта. И вотъ съ тѣхъ поръ на встрѣчу рабочимъ стали выѣзжать торговцы въ ближайшія деревни, лежавшія на пути выхода рабочихъ; не обходилось, конечно, при этомъ безъ поборовъ, которые брала съ торговцевъ земская власть, допускавшая послѣ этого явныя нарушенія закона“, какъ напр. продажу вина изъ лавокъ, торговавшихъ одеждою, обувью и проч. товарами. „Дома терпимости также высылали своихъ агентовъ въ ближайшія деревни и результатомъ всего этого былъ“, по мнѣнію корреспондента, едва ли не болѣйшій вредъ для рабочаго, съ котораго за все брали втридорога.

При проѣздѣ лѣтомъ 1885 г. новаго генералъ-губернатора Восточной Сибири гр. Игнатъева, крестьяне Казачинской волости обратились къ нему съ просьбою о дозволеніи пропуска рабочихъ чрезъ село Казачинское, мотивируя ее тѣмъ, что слѣдованіе рабочихъ чрезъ ближайшія деревни, минуя это село, вызываетъ со стороны общества новыя повинности въ видѣ караула за проходомъ рабочихъ. Гр. Игнатъевъ разрѣшилъ впускать рабочихъ какъ въ Енисейскъ, такъ и въ село Казачинское съ предупрежденіемъ, что если при этомъ откроются безпорядки, то прежнее распоряженіе опять войдетъ въ силу ²⁾).

¹⁾ „Сборн. главн. офиц. док.“, т. VII, вып. 1-й, приложение, стр. 44—45.

²⁾ „Восточное Обозрѣніе“ 1886 г., № 1, стр. 6—7. Послѣдствія допущенія рабочихъ въ Енисейскъ сказались немедленно: „Вслѣдствіе начавшихся кражъ и разбоевъ полиція начала водворять рабочихъ изъ города по мѣстамъ ихъ причисленія. Золотопромышленники, нанявшіе рабочихъ, начали вопіять, потому что выданные задатки пропадутъ за рабочими съ удаленіемъ ихъ изъ города. Въ виду этого, слышно, золотопромышленники намѣрены ходатайствовать о томъ, чтобы выпускъ рабочихъ въ

Желаніе охранить заработки приисковыхъ рабочихъ отъ растраты по окончаніи работъ побудило администрацію Восточной Сибири разрѣшить выдачу на промыслахъ вмѣсто денегъ квитанцій, по которымъ рабочій могъ получить деньги въ приисковой резиденціи; но мѣра эта не только не достигла своей цѣли, а даже повела къ злоупотребленіямъ, на которыя обратилъ вниманіе гр. Игнатьевъ въ 1886 г. Оказалось, какъ видно изъ его циркуляра, что рабочіе нерѣдко не получали полного расчета немедленно по окончаніи работъ, а вмѣсто того имъ выдавали ордера для полученія заработанныхъ денегъ въ какомъ-либо городѣ съ назначеніемъ срока иногда даже въ нѣсколько мѣсяцевъ; однако и такія обязательства не оплачивались золотопромышленниками въ срокъ, вслѣдствіе чего рабочіе обращались съ жалобами въ различныя присутственныя мѣста. Кромѣ того, рабочіе бывали вынуждены сбывать ордера по дешевой цѣнѣ, и торговцы сосѣднихъ съ приисками мѣстностей скупали ихъ подъ условіемъ взять у нихъ часть платы товаромъ. Гр. Игнатьевъ потребовалъ, чтобы не была допускаема выдача ордеровъ на извѣстный срокъ, но чтобы въ случаѣ желанія рабочихъ имъ выдавались вмѣсто денегъ квитанціи, написанныя на гербовой бумагѣ, уплата по которымъ производилась бы безъ замедленія въ ближайшей приисковой резиденціи; если же рабочіе пожелаютъ, чтобы деньги были выданы на приискѣ, то требованіе ихъ должно быть удовлетворено. Случалось также, что приисковыя управленія на вопросъ горнаго исправника, хватить ли у нихъ денегъ для расчета съ рабочими, отвѣчали утвердительно, а при расчетѣ средствъ для этого не хватало. Графъ Игнатьевъ грозилъ за подобныя неправильныя заявленія владѣльцамъ приисковъ или ихъ уполномоченнымъ отвѣтственностью по закону¹⁾.

Въ 1888 г. начальнику горнаго управленія Восточной Сибири Карпинскому вновь пришлось дать горнымъ исправникамъ предписаніе о недопущеніи выдачи ордеровъ на извѣстные сроки, и онъ приказалъ вывѣсить на всѣхъ приискахъ на видныхъ мѣстахъ объявленія, чтобы рабочіе не принимали ордеровъ на полученіе денегъ отъ довѣренныхъ, а если они ихъ примутъ, то жалобы объ удовлетвореніи по нимъ ра-

Енисейскъ на слѣдующее время былъ вновь окончательно запрещенъ, такъ какъ отъ этого страдаютъ и золотопромышленники, и сами рабочіе, и остаются въ барышахъ только торговцы, кабатчики и дома терпимости". „Сибирская Газета“ 1886 г. № 49, стр. 1483.

¹⁾ „Иркут. Губер. Вѣд.“ 1886 г., № 24. „Восточное Обзорѣніе“, уважаемый органъ, посвященный защитѣ интересовъ сибирскаго населенія, скептически отнеслось къ этому циркуляру: „Мы вѣримъ въ добрыя пожеланія администраціи“, сказано было въ этой газетѣ, „но отнюдь не можемъ думать, чтобы подобныя циркуляры, хотя и проникнуты похвальною любовью къ рабочему, могли имѣть желанное дѣйствіе... Все это заставляетъ возможно скорѣе подумать о болѣ радикальномъ огражденіи интересовъ рабочихъ“ (1886 г. № 31, стр. 2—3).

бочихъ будутъ оставлены безъ послѣдствій ¹⁾). Въ 1891 г. мы были въ Иркутскѣ свидѣтелями, какъ рабочіе приходили жаловаться въ горное управленіе на выдачу имъ ордеровъ и встрѣчали лишь отказъ на свою жалобу.

Восный губернаторъ Забайкальской области опубликовалъ въ мѣстныхъ вѣдомостяхъ циркуляръ отъ 12 февраля 1886 г. о порядкѣ найма рабочихъ на золотые промыслы: это было только разъясненіе и указаніе надлежащимъ учрежденіямъ и лицамъ относительно примѣненія существующихъ въ законѣ правилъ; разъясненія эти были сдѣланы по порученію приамурскаго генералъ-губернатора въ отвѣтъ на ходатайство Забайкальскаго областного совѣта о возобновленіи дѣйствія циркуляра бывшаго военнаго губернатора Забайкальской области ген.-лейт. Педашенко отъ 20 декабря 1878 г., воспрещавшаго наемъ рабочихъ не въ мѣстахъ причисленія, а вблизи пріисковъ или на самыхъ пріискахъ. „Основаніемъ къ этому ходатайству“, сказано въ циркулярѣ, „было желаніе областного начальства оградить рабочихъ, выходящихъ съ пріисковъ въ мѣста осѣдлага населенія или такъ называемыя резиденціи пріисковъ, какъ-то: с. Горбицы, Баргузинъ, с. Укырское и др., гдѣ рабочіе послѣ невольнаго воздержанія на пріискахъ, имѣя въ рукахъ деньги, заработанныя тяжелымъ трудомъ, подвергаются цѣянству, разгулу, картежной игрѣ и обману со стороны недобросовѣстныхъ людей, проматываютъ, иногда въ одинъ-два дня, заработокъ цѣлаго лѣта, а часто и послѣднюю одежду и затѣмъ“ „принуждены бываютъ „принимать вновь невыгодныя предложенія о новомъ наймѣ со стороны золотопромышленниковъ, зачастую недобросовѣстно относящихся къ печальному положенію проматывающагося рабочаго. Нанимаясь такимъ образомъ изъ года въ годъ въ работы на пріиски, безъ личной явки въ мѣста причисленія по просроченнымъ паспортамъ или свидѣтельствамъ объ отсрочкѣ, а иногда и вовсе безъ видовъ, если личность нанимающагося хорошо извѣстна нанимателю,—рабочіе разстраиваютъ окончательно свое домохозяйство, оставленное часто на однихъ женщинъ или малолѣтнихъ, вынуждаютъ общество въ силу круговой поруки платить за отсутствующихъ подати и нести повинности. Между тѣмъ, при соблюденіи въ точности существующихъ на наемъ рабочихъ законоположеній“, по мнѣнію забайкальскаго губернатора, „достаточно ограждающихъ нанимающагося отъ эксплуатаціи нанимателя“, а общество въ своевременной уплатѣ и выполненіи повинностей, „подобныя печальныя послѣдствія найма рабочихъ и промотаніе задаточныхъ денегъ, по неявкѣ въ мѣста причисленія, если совершенно не уничтожатся, то значительно умалятся“. Приведа затѣмъ и разъяснивъ требуемыя закономъ условія, безъ соблюденія которыхъ договоры о наймѣ признаются недѣйствительными, забайкальскій губернаторъ указывалъ на то, что золотопромышленники могутъ принимать рабочихъ на пріиски и не въ мѣстахъ причисленія, а въ городахъ, резиденціяхъ и проч. лишь тогда, когда нанимающійся представитъ разрѣшеніе общества на наемъ на новый срокъ, засвидѣтельствованное въ томъ волостномъ правленіи или соотвѣтствующемъ учрежденіи, въ вѣдомствѣ котораго состоитъ нанимающійся. Въ заключеніе губернаторъ говоритъ: при соблюденіи всѣхъ указанныхъ правилъ „устранится существующій незаконный порядокъ найма рабочихъ на промысла, влекущій за собою вредныя послѣдствія одинаково и для золотопромышленниковъ, и для рабочихъ, какъ напримѣръ: неповиновеніе рабочихъ и бунты, бывшіе въ прежнее

¹⁾ Арх. Иркут. Горн. Управ. К. 2773, № 148/137, л. 15 об.

время въ Забайкальѣ на пріискахъ Оновской системы бр. Сабашниковыхъ и Чинской—кунда Краузе“, причемъ на послѣднихъ волненіе возникло, „какъ было довано слѣдствіемъ, исключительно отъ несоблюденія законныхъ правилъ при наймѣ рабочихъ на золотые промысла и послѣдовавшихъ затѣмъ дѣйствій хозяина, необусловленныхъ договоромъ“; такимъ образомъ возстановится также „право общества не увольнять въ работы на пріиски и другія мѣста своихъ членовъ, замѣченныхъ въ пьянствѣ, въ нерадѣніи къ поддержанію оставленнаго домохозяйства высылкою денегъ, неисправно оплачивающихъ подати“ и проч.¹⁾

„Восточное Обзорѣніе“ отрицательно отнеслось и къ этому циркуляру: „Не знаемъ, насколько важно опредѣленіе мѣста наемки рабочихъ, т.-е. на пріискахъ, въ мѣстахъ ли выхода, или въ мѣстахъ жительства: ни отъ кого не тайна, что въ одномъ мѣстѣ рабочій попадаетъ въ силы управляющаго, въ другомъ спеціально нанятаго для закабаленія рабочихъ довѣреннаго, а въ третьемъ угодливаго и подкупливаго волостного писаря. Весь актъ найма рабочаго заключается въ закабаленіи его посредствомъ задатковъ; совершеніе же акта—пустая формальность, о которой онъ не думаетъ... Можно смѣло сказать, что, такъ называемый, „общій контрактъ“ не бываетъ извѣстенъ нанимающемуся. Каждый рабочій, зная, что подъ этимъ актомъ уже подписались многіе, не обращаетъ вниманія на тѣ условія, подъ которыми онъ подписывается или подписываются за него другіе. Часто пьяный, съ тяжелой головой послѣ похмѣлья, онъ только жаждетъ поскорѣе вять задаточныя деньги и погрузиться въ попойку... Что рабочіе не знаютъ своего контракта, это общеизвѣстный фактъ“.

Говоря о распоряженіяхъ сибирской администраціи относительно пріисковыхъ рабочихъ послѣ 1870 г., намъ приходилось до сихъ поръ приводить данныя, касающіяся Восточной Сибири; въ Западной Сибири принималось въ этомъ отношеніи гораздо менѣе мѣръ.

Мы видѣли, что въ 1871 г. генераль-губернаторъ Восточной Сибири Синельниковъ запретилъ приводить по этапу неявившихся на пріиски рабочихъ. Въ 1875 г., при производствѣ разслѣдованія по жалобѣ одного рабочаго генераль-губернатору Западной Сибири на задержаніе заработанныхъ имъ денегъ и нанесеніе ему золотопромышленникомъ побоевъ, оказалось, что почти по всей Томской губ. вошло въ обыкновеніе рабочихъ изъ крестьянъ и мѣщанъ, заключившихъ контракты, но не явившихся на пріиски, высылать туда этапнымъ порядкомъ, примѣняя къ нимъ п. 7 приложенія къ ст. 111 Устава о частн. золотопр., относящейся только къ ссыльно-поселенцамъ, при чемъ предварительно рабочихъ сажали даже въ тюрьмы. Вслѣдствіе этого 24 іюля 1876 г. состоялось постановленіе томскаго губернскаго правленія, въ которомъ, между прочимъ, было сказано: „окружныя полицейскія управленія, высылая этапнымъ порядкомъ для работъ на частныя золотыя промыслы нанявшихся на оныя, но не явившихся или отлучившихся крестьянъ и мѣщанъ, поступаютъ не на основаніи закона, а самопроизвольно, ибо въ закодѣ, какъ вообще въ правилахъ о личномъ наймѣ въ работу, такъ

¹⁾ „Забайкальскія Областныя Вѣдомости“ 1886 г., №№ 8—9, стр. 1—4.

и въ частности по найму въ работу на частные золотые промыслы не содержится предписанія отправлять мѣщанъ и крестьянъ этапнымъ порядкомъ для работъ къ частнымъ лицамъ. Полиціямъ предоставлено только закономъ (2275 ст. I-й ч. X т.) понуждать рабочихъ стать непременно въ урочное время на работу, мѣры же взысканія съ подобныхъ рабочихъ за уклоненіе отъ работъ и неявку на оныя законъ указываетъ: 1) обусловливать контрактомъ денежные вычеты изъ платы (п. е., ж. § 4 прилож. къ ст. 110 Устава о частн. золотопр.), 2) подвергать взысканіямъ по распоряженію партіонной расправы. За такимъ яснымъ указаніемъ въ законѣ мѣры на подобные случаи полиціи не имѣютъ права и слѣдовательно не должны придумывать и примѣнять по своему усмотрѣнію правила для большаго еще обезпеченія золотопромышленниковъ въ исправномъ исполненіи рабочими своихъ обязанностей, а тѣмъ болѣе полиціи не должны брать подобныхъ рабочихъ подъ арестъ и заключать въ тюрьмы, что иногда бывало. И безъ такихъ тяжкихъ мѣръ для рабочихъ со стороны полиціи золотопромышленники могутъ находить большее для себя обезпеченіе въ исправности рабочихъ при исполненіи слѣдующихъ условий на основаніи закона: а) нанимать крестьянъ и мѣщанъ въ силу 5 и 6 §§ прилож. къ 110 ст. Устава о частн. золотопр. артелями подъ круговымъ ручательствомъ артели или общества въ исправности работъ, и въ этомъ случаѣ трудъ отлучившагося или неявившагося ляжетъ на поручителей и ущерба нанимателю не послѣдуетъ; б) не задолжать рабочихъ до такой степени, чтобы при расчетѣ долгъ могъ превышать дозволенную 2268 ст. I-й ч. X т. Св. Зак. сумму, т.-е. 1 р. 50 к.; в) не обременять рабочихъ работою сверхъ условленныхъ контрактомъ на основаніи п. 5 § 4 прилож. къ 110 ст. Устава о частн. золотопр. часовъ въ сутки“.

Вслѣдствіе циркулярнаго распоряженія о томъ, томскіе золотопромышленники подали 19 марта 1877 г. докладную записку томскому губернатору съ просьбою отиѣнить это распоряженіе и распространить на рабочихъ изъ крестьянъ и мѣщанъ 6, 7 и 13 п. п. правилъ о наймѣ ссыльно-поселенцевъ, т.-е. подвергать ихъ приводу по этапу. Эта докладная записка была предложена губернаторомъ на разсмотрѣніе томскаго губернскаго совѣта, который въ журналѣ своемъ отъ 11 августа 1877 г., опираясь на вышеуказанную 2275 ст. I-й ч. X т. и воиолѣ соглашаясь съ доводами золотопромышленниковъ, нашелъ, что было бы справедливо предоставить полицейскимъ управленіямъ право отсылать неявившихся на промысла „этапнымъ порядкомъ не въ родѣ арестантовъ, на представленныя для этого золотопромышленниками деньги; впрочемъ, въ предупрежденіе произвола, право это предоставить полиціямъ въ томъ только случаѣ, когда неявившіеся на пріиски въ заключенномъ контрактѣ предоставлять это право нанимателю“. Но такъ какъ это заключеніе

было основано не на буквальномъ постановленіи закона, а только на примѣненіи его, то Совѣтъ положилъ представить объ этомъ на благо-усмотрѣніе генераль-губернатора Западной Сибири. Однако Совѣтъ Главнаго Управленія Западной Сибири нашелъ, что предложенное губернскимъ совѣтомъ примѣненіе 2275 ст. было бы произвольнымъ измѣненіемъ какъ этого закона, такъ и правилъ о наймѣ на пріиски рабочихъ изъ мѣщанъ и крестьянъ. Что касается до предложенія губернскаго совѣта о включеніи въ договоры условія о правѣ золотопромышленника отправлять рабочаго по этапу, то это предложеніе противно 1528 ст. 1-й ч. X т. Затѣмъ Совѣтъ не нашелъ никакого основанія ходатайствовать о распространеніи на рабочихъ изъ крестьянъ и мѣщанъ правилъ, установленныхъ для ссыльно-поселенцевъ, по совершенному отсутствію къ тому достаточныхъ основаній, кромѣ выгоды такой мѣры для самихъ золотопромышленниковъ ¹⁾.

Въ 80-хъ гг. золотопромышленники опять возобновляли такое же ходатайство. Уполномоченный золотопромышленника Асташева подалъ министру внутреннихъ дѣлъ записку съ просьбою о возстановленіи отмененной генераль-губернаторомъ Западной Сибири Казнаковымъ высылки на пріиски рабочихъ посредствомъ сельской и этапной стражи ²⁾, но это ходатайство было, разумѣется, оставлено безъ послѣдствій.

Въ 1882 г. въ „Томскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ“ появилось извлеченіе изъ журнала Томскаго Губернскаго Совѣта 31 марта 1882 г., разсматривавшаго вопросъ объ упорядоченіи взаимныхъ отношеній между золотопромышленниками и пріисковыми рабочими, главнымъ образомъ съ цѣлью устранить побѣги рабочихъ съ промысловъ. Фактическій матеріалъ о пріискахъ Томской губ. былъ доставленъ Совѣту горнымъ исправникомъ Марининской тайги и Алтайскаго округа, но въ виду Совѣта имѣлись и другіе официальные и частные матеріалы.

Горный исправникъ предложилъ, между прочимъ, слѣдующія мѣры для сокращенія побѣговъ: 1) ограничить количество ввозимаго на пріиски спирта до одного ведра въ годъ на каждого рабочаго и чтобы, при выдачѣ рабочимъ порцій, разбавленный спиртъ былъ не ниже 40°, чѣмъ и можетъ уменьшиться стремленіе рабочихъ къ тайной покупкѣ спирта; 2) обязать золотопромышленниковъ отпускать по 1½ ф. мяса на каждого рабочаго, такъ какъ при крайне тяжелыхъ на нѣкоторыхъ пріискахъ земляныхъ работахъ и неблагоприятныхъ климатическихъ условіяхъ одного обѣда изъ фунта мяса для рабочаго недостаточно и проч. По мнѣнію губернскаго совѣта мѣры, предложенныя горнымъ исправникомъ, не исчерпывали вопроса и мало могли бы улучшить положеніе рабочихъ. Ограниченіе ввоза спирта на пріиски однимъ ведромъ на каждого человека, съ предоставленіемъ горному исправнику контроля за правильностью его расходованія, едва-ли можетъ оказать сколько-нибудь благоприятное вліяніе. Не говори уже о томъ, что контроль горнаго исправника окажется совершенно фиктивнымъ, повѣстно, что

¹⁾ Арх. кузнецкаго горн. исправ. (томской губ.), нарядъ бумагамъ къ свѣдѣнію и руководству, дѣло 1890 г. № 52, л. 14—17.

²⁾ „Восточн. Обзоріе“ 1886 г., № 17, стр. 3.

спиртъ отпускается золотопромышленниками въ порцію рабочимъ ежедневно, если они исполнятъ заданный имъ урокъ въ размѣрѣ, условленномъ по контракту. Затѣмъ вино отпускается рабочимъ за случайно поднятое во время работъ золото, т.-е., по мнѣнію губернскаго совѣта, за услугу мнимую, такъ какъ хозяинъ, еслибы не опасался похищенія золота рабочими, могъ бы воспретить подъемъ его, и тогда золото было бы снято съ машины безъ особаго за него вознагражденія. Съ другой стороны тайная торговля виномъ въ сосѣдствѣ съ золотыми промыслами и скупъ краденаго золота спиртоносамъ приняли огромные размѣры. Не имѣя возможности оказывать спиртоносамъ противодѣйствіе собственною властью, не рискуя подвергнуться обвиненію въ самоуправствѣ, золотопромышленники вынуждены были силою обстоятельствъ скупать у своихъ собственныхъ рабочихъ поднятое ими во время работъ и утаенное золото за отпускъ вина, которое является такимъ сильнымъ средствомъ въ рукахъ спиртоносовъ. По мнѣнію золотопромышленниковъ адѣсь нѣтъ нарушенія закона (695 ст. Улож. о наказ.)¹⁾, такъ какъ вино отпускается не въ видѣ платы за произведенную работу, а за случайно поднятое золото изъ песковъ, за вывозку которыхъ на промысловыя машины рабочіе получаютъ полную установленную плату. Если бы не отпускалось вино, то рабочій получилъ бы деньги въ силу установившагося обычая выдавать вознагражденіе за подъемное золото, чтобы устранить переводъ его, при чемъ вознагражденіе выдается, несмотря на то, отработалъ ли рабочій взятый впередъ задатокъ; но рабочій всегда предпочтетъ продать золото на сторону за вино, если онъ не можетъ получить его на пріискѣ; приходится давать вино, чтобы противодѣйствовать спиртоносамъ и уменьшитъ похищеніе подъемнаго золота. Мы видимъ такимъ образомъ, что Губернскій Совѣтъ старается оправдать спяваніе рабочихъ золотопромышленниками.

Въ существующихъ законоположеніяхъ о личномъ наймѣ, продолжаетъ Совѣтъ, встрѣчаются пробѣлы, ставящіе администрацію въ затрудненіе при разбирательствѣ жалобъ, возникающихъ изъ условій найма. Въ виду этого, по мнѣнію Губернскаго Совѣта, никакія частныя мѣропріятія помочь не могутъ и необходимо коренное измѣненіе въ законодательномъ порядкѣ существующихъ постановленій и изданіе новаго устава о личномъ наймѣ, который съ точностью опредѣлитъ бы юридическія права и взаимныя обязательства обѣихъ сторонъ, а также указалъ бы вполне ясно обязанности и полицейской власти относительно способовъ понужденія нанявшихся рабочихъ къ выполненію условій найма.

Въ виду этихъ соображеній Губернскій Совѣтъ считалъ необходимымъ, чтобы въ дѣйствующемъ уставѣ о золотопромышленности (прилож. IV къ 2412 ст. т. VII Уст. горнаго по продолж. 1876 г.) были сдѣланы слѣдующія дополненія и измѣненія: 1) Волостныя правленія, инородныя и мѣщанскія управы сибирскихъ губерній обязаны при выдачѣ паспортовъ отмѣчать въ платежныхъ книгахъ количество денегъ, взысканныхъ въ государственныя подати, въ губернскіе и земскіе налоги, мірскіе сборы и натуральныя повинности и въ пополненіе недоимокъ прежнихъ лѣтъ. 2) Рабочіе, желающіе, по окончаніи срока паспортовъ, возобновить условія найма, не обязаны являться сами въ мѣста причисленій для полу-

¹⁾ „За продажу питей изъ мѣстъ раздробительной продажи въ долгъ....., а также за платежъ виномъ вмѣсто денегъ, по обязательствамъ или за произведенныя работы, виновные въ томъ подвергаются въ 1—3-й разъ денежному взысканію отъ 5 до 50 р.; изобличенные въ семь нарушеній закона болѣе 3-хъ разъ подвергаются денежному взысканію 100 р. и лишаются права производить торговлю напѣтками“. „Уложеніе о наказаніяхъ“ 1866 г., ст. 695.

ченія новыхъ видовъ, но золотопромышленнику, у котораго они ваялись, предоставляется самому обращаться въ подлежащія мѣста для истребованія новыхъ видовъ, причѣмъ волостныя правленія, инородныя и мѣщанскія управы, если золотопромышленникъ вмѣстѣ съ требованіемъ паспорта представить въ уплату за рабочаго сумму, равную той, какая показана по платежной книгѣ, взысканную за минувшій годъ, обязаны не позже 6 дней по полученіи о томъ заявленія выслать золотопромышленнику для рабочаго вида, если къ тому не встрѣтятся законныхъ препятствій и съ тѣмъ, чтобы при требованіи золотопромышленниками новыхъ паспортовъ непременно были прилагаемы и засвидѣтельствованныя горнымъ исправникомъ просьбы о томъ самихъ рабочихъ. 3) Число рабочихъ часовъ не должно превышать 12 въ сутки, за исключеніемъ времени на обѣдъ, отдыхъ и завтракъ, при чемъ на тѣхъ принскахъ, гдѣ работы пронаводятся не по часамъ, а по урокамъ, размѣръ уроковъ долженъ быть рассчитанъ на 12-часовую работу средняго рабочаго. Могущіе возникнуть недоразумѣнія и споры разрѣшаются горнымъ исправникомъ. Далѣе Губернскій Совѣтъ проектировалъ слѣдующія правила. Горный исправникъ строго наблюдаетъ, чтобы на каждомъ разрабатываемомъ принскѣ были устроены партіонныя расправы и чтобы никакія наказанія рабочихъ не производились безъ ихъ приговора; за отступленіе золотопромышленника или его служащихъ отъ этого правила виновные подвергаются наказанію, какъ за самоуправство. Помѣщенія рабочихъ должны быть построены изъ бревенъ, просторны, свѣтлы, сухи, съ деревяннымъ поломъ, имѣть двойныя рамы зимою и внутри казармы должны быть не ниже 4 арш. Помѣщенія рабочихъ должны быть приспособлены къ этимъ требованіямъ въ теченіе 3 лѣтъ послѣ изданія настоящихъ правилъ. Далѣе слѣдуютъ правила объ обязанности для золотопромышленника имѣть больницу, если у него болѣе 70 чел. рабочихъ, а также о высылкѣ на принскъ полиціею и волостными правленіями неявившихся и бѣжавшихъ рабочихъ ¹⁾.

Напечатаніе этого документа вызвало появленіе въ газетѣ „Сибирь“ статьи „Къ вопросу о принсковыхъ рабочихъ“, написанной г. Вагиннымъ, авторомъ монографіи въ газетѣ „Амуръ“ — „Договоры найма на золотые прински“, съ содержаніемъ которой мы уже знакомы. Привѣтствуя появленіе этого документа въ печати, какъ рѣдкое исключеніе изъ правила вершить мѣстныя дѣла подъ покровомъ канцелярской тайны, г. Вагинъ не скрываетъ однако же своего удивленія по поводу многихъ мнѣній, высказанныхъ въ этомъ документѣ. Онъ повторяетъ не разъ уже высказанную имъ справедливую мысль, что не слѣдуетъ называть „побѣгами“ неявку рабочихъ на промысла или самовольную съ нихъ отлучку. „По общепринятымъ юридическимъ понятіямъ, подъ словомъ „побѣгъ“ разумѣется тайная отлучка изъ мѣста пребыванія, обязательнаго по закону. Это — преступленіе, подлежащее извѣстному наказанію. Отлучка солдата изъ полка, арестанта изъ тюрьмы, каторжнаго съ работъ, ссыльнаго изъ мѣста причисленія — будутъ побѣги. Но неявка работника на условленную работу и самовольный уходъ его отъ хозяина прежде срока найма считаются гражданскими правонарушеніями, неисполненіемъ частнаго договора; они влекутъ за собой только гражданскія послѣдствія и то лишь въ такомъ случаѣ, если будетъ предъявленъ искъ къ на-

¹⁾ Спиртоносовъ Губернскій Совѣтъ предлагалъ подвергать высшей мѣрѣ взысканія, опредѣленной въ 694 ст. Улож. о наказ. въ первый разъ — денежному взысканію въ 300 руб. и конфискаціи всѣхъ найденныхъ у нихъ напитковъ, а во второй разъ — сверхъ того еще и 3-мѣсячному аресту. „Томск. Губерн. Вѣд.“ 1882 г., №№ 29 и 30.

рушителю". Далѣ авторъ обращаетъ вниманіе на то, что Губернскій Совѣтъ признаетъ спиваніе рабочихъ золотопромышленникомъ законнымъ и предпочитаетъ его спиванію спиртоносами. Переходя къ разбору его предложеній для улучшенія положенія рабочаго, г. Вагинъ указываетъ на то, что совѣтъ признаетъ новыя правила необходимыми только „для лицъ свободныхъ состояній". „Слѣдовательно", продолжаетъ онъ, „огромный процентъ пріисковыхъ рабочихъ, а именно, ссыльные, должны быть исключены изъ дѣйствія новыхъ правилъ. Или положеніе ссыльных на пріискахъ не требуетъ улучшенія? Скажутъ, что въ самомъ проектѣ нѣтъ такого ограниченія. Правда; но зачѣмъ же было говорить объ немъ раньше. И притомъ нѣкоторые изъ предлагаемыхъ совѣтомъ правилъ уже существуютъ, хотя и въ другомъ видѣ въ отношеніи къ ссыльнымъ; слѣдовательно ясно, что предлагаемыя имъ нынѣ правила относятся только къ свободнымъ лицамъ". Далѣ авторъ указываетъ на то, что процентъ неявки и отлучекъ рабочихъ такъ незначителенъ, что нѣтъ никакой надобности въ новыхъ мѣрахъ къ обезпеченію въ этомъ отношеніи промышленниковъ, тѣмъ болѣе, что относительно ссыльных уже существуютъ принудительныя правила.

Губернскій Совѣтъ, продолжаетъ г. Вагинъ, „установилъ подробныя правила о понужденіи рабочихъ къ исполненію принятыхъ на себя обязательствъ; но совѣтъ ничего не говоритъ о такихъ же мѣрахъ понужденія золотопромышленниковъ... Рабочіе, какъ извѣстно, нерѣдко впадаютъ на пріискахъ въ неоплатные долги. Обязанность отработать эти долги создаетъ кабалу. Губернскій совѣтъ не предполагаетъ никакихъ мѣръ противъ закабаленія рабочихъ и даже косвенно узаконяетъ его, предоставляя самому золотопромышленнику требовать паспорта на рабочихъ. Правда, онъ обусловливаетъ это подачей просьбъ самими рабочими, но развѣ трудно золотопромышленнику достигнуть и подачи такихъ просьбъ, и засвидѣтельствованія ихъ горнымъ исправникомъ даже въ тѣхъ случаяхъ, когда безграмотные рабочіе вовсе на подачу ихъ не согласны... Пріисковыя расправы по закону должны существовать и теперь, но законъ этотъ, очевидно, не исполняется. Будетъ ли онъ исполняться по изданіи предположенныхъ совѣтомъ правилъ? И почему совѣтъ ничего не говоритъ о запрещеніи самому исправнику и другимъ полицейскимъ чинамъ подвергать рабочихъ наказаніямъ по своему усмотрѣнію? Вѣдь произволъ ихъ въ этомъ отношеніи навѣрно будетъ побольше произвола золотопромышленниковъ... Предположенія исправника о томъ, чтобы рабочимъ давали не менѣе 1½ ф. мяса въ сутки совѣтъ, очевидно, считаетъ плодомъ исправничьяго легкомыслія и не считаетъ даже нужнымъ упомянуть о немъ... Каковы бы ни были проектируемыя губернскимъ совѣтомъ мѣры, но чтобы онѣ были дѣйствительны, слѣдовало обезпечить ихъ исполненіе. Развѣ это возможно при нынѣшнемъ пріисковомъ надзорѣ, состоящемъ на жалованьи у золотопромышленниковъ? Развѣ это возможно безъ контроля общественнаго мнѣнія, безъ гласности вообще и безъ гласнаго суда въ частности? Не останутся ли мѣры эти только на бумагѣ?" 1)

Предложенія томскаго губернскаго Совѣта не имѣли никакихъ послѣдствій отчасти, быть можетъ, потому, что вскорѣ за тѣмъ начались подготовительныя работы по составленію проекта новыхъ правилъ о наймѣ рабочихъ на золотыя промысла; мы скажемъ о нихъ ниже, а

1) „Сибирь" 1882 г., №№ 39—42.

теперь остановимся на нѣкоторыхъ измѣненіяхъ въ управленіи горнымъ промысломъ, происшедшихъ въ 80-хъ гг.

Въ 1888 г. горныя управленія въ Сибири преобразованы на слѣдующихъ основаніяхъ: для завѣдыванія горною промышленностью въ Сибири и Степномъ генералъ-губернаторствѣ учреждены горныя управленія въ гг. Томскѣ и Иркутскѣ съ непосредственнымъ подчиненіемъ ихъ министерству государственныхъ имуществъ по горному департаменту ¹⁾. Томское горное управленіе должно завѣдывать горными промыслами въ губерніяхъ тобольской, томской и енисейской (кромя золотосной Бирюсинской системы) и въ областяхъ: Акмолинской, Семипалатинской и Семирѣченской; а иркутское въ мѣстностяхъ, входящихъ въ составъ Приамурскаго генералъ-губернаторства, въ Якутской области, въ Иркутской губ. и въ золотосной Бирюсинской системѣ Енисейской губ. Въ инструкціи горнымъ управленіямъ ²⁾ было, между прочимъ, предписано окружнымъ инженерамъ руководствоваться закономъ 1 іюня 1882 г. (112—126 ст. Уст. о промышл., изд. 1887 г.) о рабочихъ малолѣтнихъ ³⁾.

2 іюля 1888 г. была издана инструкція по надзору за частною горною промышленностью въ горныхъ округахъ Европейской Россіи, Урала и Кавказа, но въ 21 § инструкціи томскому и иркутскому горнымъ управленіямъ, утвержденной министромъ государственныхъ имуществъ 7 октября 1888 г., окружнымъ инженерамъ относительно работъ на промыслахъ предписано было также руководствоваться инструкціею 2 іюля ⁴⁾. Въ „Правилахъ для веденія горныхъ работъ въ видахъ ихъ

¹⁾ Томское горное управленіе, впрямь до устройства въ Томскѣ славочной лабораторіи и необходимыхъ для горнаго управленія помѣщеній, было оставлено въ Барнаулѣ, откуда оно было переведено въ Томскъ въ 1891 г.

²⁾ Инструкція эта для Томскаго и Иркутскаго горныхъ управленій была подписана 7 октября 1888 г.

³⁾ *Розановъ*, изд. 2-е, 69—77. Распредѣленіе подвѣдомственныхъ горнымъ управленіямъ территорій на горные округа по числу горныхъ инженеровъ см. *Ibid.* стр. 80—81; распредѣленіе частныхъ золотыхъ приисковъ на горно-полицейскіе округа по надзору горныхъ исправниковъ. *Ibid.*, стр. 82—83.

⁴⁾ Въ инструкціи этой, между прочимъ, указаны тѣ мѣры, какія долженъ принять окружной инженеръ въ случаѣ неисполненія правилъ, имѣющихъ въ виду безопасность работъ; въ крайнемъ случаѣ, если будетъ усмотрѣна непосредственная опасность для рабочихъ, для предупрежденія которой не остается времени, нужнаго для принятія указанныхъ въ инструкціи мѣръ, окружной инженеръ могъ потребовать немедленнаго прекращенія работъ, представляющихъ опасность. Получивъ извѣстіе о несчастномъ случаѣ, сопровождавшемся увѣщемъ или смертью, окружной инженеръ былъ обязанъ немедленно отправиться на мѣсто происшествія для изслѣдованія причины несчастія и принятія надлежащихъ мѣръ къ устраненію дальѣйшихъ опасностей или къ спасенію пострадавшихъ; сдѣлавъ надлежащій допросъ, онъ составляетъ о случившемся протоколъ съ своимъ заключеніемъ. Взысканія, проектированныя ген.-лейт. Шелашниковымъ (см. выше), не были установлены.

безопасности“, приложенныхъ къ „инструкціи по надзору за частною горною промышленностью“, мы находимъ разныя техническія постановленія и кромѣ того было сказано, что къ работамъ въ подземныхъ выработкахъ никоимъ образомъ не должно допускать женщинъ ¹⁾).

16 января 1892 г. министромъ государственныхъ имуществъ были утверждены „Правила для производства горныхъ работъ на золотыхъ промыслахъ въ видахъ безопасности“, содержащія въ себѣ лишь техническія предписанія о производствѣ работъ въ открытыхъ разрѣзахъ уступами, о подземныхъ работахъ и проч. Съ изданіемъ этихъ правилъ утратили значеніе „Правила о производствѣ пріисковыхъ подземныхъ и открытыхъ работъ“, составленныя по распоряженію ген.-лейт. Шелашникова (см. выше). Правилами 1892 г. было между прочимъ предписано вскрытіе торфовъ и выемку золотоносныхъ пластовъ въ глубокихъ разрѣзахъ производить уступами не болѣе 3 аршинъ высоты ²⁾. По наблюденію пріисковаго врача, эта высота уступовъ слишкомъ значительна (см. ниже гл. V).

---

¹⁾ Розановъ, „Сводъ дѣйств. узакон. о частн. золотопр. въ Россіи“. Спб. 1891 г., Изд. 2-е, стр. 84—98.

²⁾ Васильевъ. Дополненія къ „Своду дѣйств. узакон. о частн. золотопр. въ Россіи“, составленному Л. Розановымъ. Спб. 1892 г., стр. 25—28.

ГЛАВА III.

Общеконтрактные рабочіе на промыслахъ Тобольско-Акмолинскаго и Семипалатинско-Семирѣченскаго округовъ съ 1870 до половины 1890-хъ годовъ.

Рабочіе-киргизы и другіе инородцы. — Меньшая продолжительность рабочаго дня, чѣмъ въ другихъ горныхъ округахъ Сибири. — Воскресный отдыхъ. — Вознагражденіе за трудъ. — Пища. — Жизнь киргизовъ въ юртахъ и землянкахъ. — Неудовлетворительная организація медицинской помощи. — Отсутствіе школъ. — Размѣръ заработка.

Положеніе рабочихъ въ разныхъ золотопромышленныхъ округахъ Сибири въ общихъ чертахъ болѣе или менѣе одинаково: оно измѣняется лишь въ зависимости отъ того, развита ли болѣе крупная или мелкая золотопромышленность, преобладаютъ ли хозяйскія работы или рольностарательскія (артели, такъ называемыхъ, золотничниковъ). Но бытъ пріисковыхъ рабочихъ областей Акмолинской, Семипалатинской и Семирѣченской представляетъ рѣзкія, особенности вслѣдствіе того, что рабочими на пріискахъ этой мѣстности являются преимущественно киргизы. По официальнымъ свѣдѣніямъ восьмидесятихъ годовъ, рабочіе на промыслахъ Акмолинской и Семипалатинской областей были преимущественно или даже исключительно киргизы. По новѣйшимъ свѣдѣніямъ (1893—94 гг.) если не всѣ, то по крайней мѣрѣ 90% рабочихъ пріисковъ Семипалатинской области киргизы, а въ Семирѣченской области рабочіе изъ калмыковъ и дунганъ. Что касается Тобольско-Акмолинскаго округа, то, по отчетамъ Томскаго горнаго управленія за 1889—90 гг., инородцы составляли на здѣшнихъ пріискахъ 28—30% всѣхъ рабочихъ ¹⁾).

---

¹⁾ Арх. Томск. Горн. Упр.; „Горн. Журн.“ 1891 г. № 12, стр. 520.

Всего рабочих на промыслах Семипалатинской области было въ 1870 г.—1382 ч., въ 1879 г. въ Семипалатинской области 1776 ч., Акмолинской 90 ч., въ 1882—89 гг., въ среднемъ за 8 лѣтъ, на промыслахъ Семипалатинской области было 1458 ч., Акмолинской области (со включеніемъ золотничниковъ) 1522 ч.; въ 1890 г. въ Семипалатинско-Семирѣченскомъ горномъ округѣ — 2155 ч., въ Тобольско-Акмолинскомъ — 1536 ч. об. п.¹⁾; въ 1896 г. въ Семипалатинско-Семирѣченскомъ — 5219 ч. об. п., въ Тобольско-Акмолинскомъ 1591 ч. об. п.²⁾.

На промыслахъ Киргизской степи всѣ условія иные, чѣмъ въ другихъ горныхъ округахъ Сибири: здѣсь рабочіе въ теченіе всей операціи живутъ на прискахъ съ семьей, со всѣмъ домашнимъ инвентаремъ и скотомъ. Здѣшніе рабочіе киргизы „кочуютъ лѣтомъ и живутъ зимою на такъ называемыхъ „зимнихъ стойбищахъ“ и „кыстау“ (зимовка), въ районѣ которыхъ по преимуществу расположены приски для добычи золота. Отрабатывъ въ день заданное или урокъ, киргизъ идетъ десятка два сажень отъ разрѣза (иногда и полверсты) въ свою юрту, домой, къ своимъ семьѣ и очагу и тутъ остается свободнымъ до слѣдующаго утра... Кончилась операція, киргизъ-рабочій также всѣмъ коштомъ двигается къ зимовкѣ. Такое передвиженіе въ Семипалатинской области не превышаетъ 40—60, а въ Акмолинской 15—20 верстъ³⁾. По словамъ г. Коцовскаго, «на прискахъ Семипалатинской области рабочіе состоятъ исключительно изъ мѣстныхъ киргизовъ», русскіе же, которыхъ здѣсь сравнительно мало, занимаютъ мѣста, гдѣ необходимо профессиональное знаніе, какъ-то: кузнецовъ, плотниковъ, шорниковъ и т. д. Тяжелое впечатлѣніе „производитъ рабочій-киргизъ. Весь въ рубищѣ, а зачастую наполовину обнаженный, онъ съ какимъ-то наивнымъ выраженіемъ лица“ лѣниво исполняетъ свою работу. „Вся тяжесть непривычнаго труда, все неумѣнье выражается въ его жестахъ и обращеніи съ инструментами. Киргизъ по природѣ своей склоненъ къ лѣни... Вся тяжесть работы у нихъ лежитъ на женахъ, самъ же киргизъ является повелителемъ, посвящая всѣ дни сну, ѣдѣ и разѣздамъ по сосѣднимъ ауламъ. Но не прочно ихъ благосостояніе, все построенное на скотоводствѣ. Достаточно одного или двухъ лѣтъ падежа скота, составляющаго, въ степи обыкновенное явленіе, благодаря безопасности киргизовъ, какъ все благосостояніе послѣдняго разрушается прахомъ, и онъ, окруженный большой семьей, съ удѣлѣвшимся отъ падежа скотомъ, незначительнымъ домашнимъ скарбомъ и юртой, отправляется на прискъ

¹⁾ Свѣдѣнія о числѣ рабочихъ съ 1870 г. см. въ *Дополненіи I* (въ концѣ этого тома).

²⁾ „Вѣстн. Золот.“ 1897 г. № 11, стр. 249.

³⁾ „Вѣстникъ Золотопр.“ 1892 г. № 12, стр. 168; 1894 г. № 3, стр. 72.

наниматься рабочимъ¹⁾. По официальному свидѣтельству, „кромя безвыходной нужды и взысканія податей, киргиза ничто не заставитъ идти въ работу и отказаться отъ приводья лѣтнихъ кочевковъ“²⁾.

Въ Семипалатинско-Семирѣченскомъ горномъ округѣ киргизы нанимаются на приски большею частію изъ ближайшихъ волостей; наемъ производится зимою, съ октября по январь. Являются они на прискъ сами, безъ понудительныхъ мѣръ, начиная съ послѣднихъ чиселъ марта, хотя срокъ явки по договорамъ, заключеннымъ ими съ золотопромышленниками, назначается обыкновенно 1-го апрѣля; впрочемъ большинство рабочихъ приходитъ въ апрѣлѣ, а нѣкоторые и въ маѣ. Оканчивается срокъ найма 1-го октября³⁾. По договору рабочихъ-киргизовъ Усть-Каменогорскаго уѣзда Семипалатинской области съ золотопромышленницею Степановою 1888 г., они обязались явиться на ея прискъ „по первому извѣщенію черезъ управляющаго, никакъ не позже 1-го апрѣля“, или тогда, когда они будутъ извѣщены, „въ противномъ случаѣ, за неявку кого-либо изъ насъ, по какимъ бы-то ни было причинамъ, къ означенному сроку подвергаемъ себя отвѣтственности по 30 к. за каждый просроченный день, а по окончательной неявкѣ къ работамъ до истеченія условленнаго срока, то есть по 1-е октября, виновный долженъ возратить полученный имъ задатокъ и обязанъ уплатить неустойки 25 руб. сер. единовременно“⁴⁾. На случай неявки къ назначенному сроку и неотработки долга къ 1-му октября, нанявшіеся киргизы ставили „въ обезпеченіе по себѣ“ поручителей, которые „съ приложеніемъ тамги“ отвѣчали „за неявку и неотработку долга всецѣло“. Расходы при полученіи паспортовъ рабочіе принимали по этому договору на свой счетъ.

Относительно размѣра задатка мы имѣемъ мало точныхъ свѣдѣній. На прискъ Смирнова въ Зайсанскомъ уѣздѣ Семипалатинской области, въ операцію 1892—93 г., средній размѣръ задатка—8 р.; на прискъ Степановой того же уѣзда, въ операцію 1893 г., средній задатокъ—16 руб. По свидѣтельству г. Коцовскаго, задатокъ въ Семипалатинской области рѣдко превышаетъ трехтысячный окладъ⁵⁾. На только что упомянутомъ прискъ Смирнова задатокъ въ операцію 1893 г. составлялъ 43% всего заработка, на прискъ Степановой въ томъ же году—50%. По официальному свидѣтельству, задатки нерѣдко пропа-

¹⁾ „Вѣстн. Золот.“ 1894 г. № 9, стр. 170.

²⁾ Донес. окруж. ревиз. Семип.-Семирѣч. окр. въ Арх. Томск. Горн. Упр.

³⁾ „Горн. Журн.“ 1891 г. № 12, стр. 522, 1894 г. № 8, стр. 215.

⁴⁾ Арх. Томск. Горн. Упр. По договору киргизовъ того же уѣзда съ золотопромышленникомъ Брюхановымъ неустойка за неявку назначена та же, а за просроченные дни опредѣлена пеня по 15 к.

⁵⁾ „Вѣстн. Золот.“ 1894 г. № 20, стр. 333; № 22, стр. 373; № 9, стр. 170.

даютъ, а оставшіеся паспорта вызываютъ недоразумѣнія, такъ какъ иногда оказывается, что взявъ задатокъ не тотъ, кому выданъ паспортъ; но мы увидимъ ниже, что побѣги вовсе не составляютъ особенно частаго явленія ¹⁾).

Большинство присковъ рабочихъ Семипалатинской области нанимается по контрактамъ ²⁾. На Кокчетавскихъ промыслахъ (нынѣ Тобольско-Актюбинскаго горнаго округа) приски, въ первое время по ихъ открытіи (т.-е. съ конца 30-хъ годовъ) работали также контрактными рабочими; теперь же здѣшніе приски разрабатываются старателями-золотничниками, и контрактными рабочими производятся работы только на весьма немногихъ прискахъ съ болѣе богатыми россыпями и обильныхъ водою. Золотопромышленники нанимаютъ тутъ мѣстныхъ киргизовъ безъ всякихъ задатковъ, а если и даютъ ихъ, то товарами и припасами, а не деньгами ³⁾.

Не явилось на приски Семипалатинской области въ 1879 году 5% нанятыхъ рабочихъ, въ 1880 г.—4%, въ 1881 г.—2%, въ 1884 г.—4%, въ 1889—болѣе 2%, въ 1890 г. въ Семипалатинско-Семирѣченскомъ округѣ—2%, въ 1891 г. болѣе 2%, въ 1892 г.—менѣе 1%; слѣдовательно число неявившихся рабочихъ постепенно уменьшается. Въ Тобольско-Актюбинскомъ округѣ въ 1890 г. неявившихся не было вовсе, что, впрочемъ, объясняется малымъ количествомъ контрактныхъ рабочихъ ⁴⁾.

Приски киргизской степи по своему внѣшнему виду не похожи на приски въ тайгѣ: это скорѣе дѣтнее стойбище киргизовъ. „Только присутствіе среди дѣлаго ряда разбросанныхъ тамъ и сямъ киргизскихъ юртъ нѣсколькихъ невзрачныхъ на видъ домиковъ, въ которыхъ помѣщаются управляющіе, служащіе и мастерские или, какъ тутъ называютъ, заводъ“, — указываютъ, по словамъ г. Коцовскаго, на то, что это не стойбище киргизовъ ⁵⁾.

Такъ какъ среднее содержаніе золота на промыслахъ Семипалатинско-Семирѣченскаго округа весьма ничтожно, то существованіе здѣсь золотого промысла въ его нынѣшней формѣ хозяйскаго предпріятія оказывается возможнымъ лишь благодаря незначительной толщинѣ

¹⁾ Запѣч. окружн. инженера Семип.-Сем. окр. (1889 г.) на проектъ правилъ о наймѣ рабочихъ въ дѣлѣ Томск. Горн. Упр.

²⁾ „Вѣстн. Золот.“ 1894 г. № 9, стр. 170; 1897 г. № 11, стр. 249.

³⁾ „Вѣстн. Золот.“ 1893 г. № 23, стр. 356.

⁴⁾ Отч. о золотопр. Запад. Сиб. въ Горн. Деп.; „Горн. Жур.“ 1882 г. № 9, стр. 384; *Н. Боголюбскій*, „Краткій очеркъ горн. пром. въ Запад. Сибири“, 1891 г. стр. 23; „Горн. Жур.“ 1891 г. № 12, стр. 520; 1894 г. № 8, стр. 214.

⁵⁾ „Вѣстн. Золот.“ 1894 г. № 10, стр. 182.

торфовъ ¹⁾, отсутствію работъ, требующихъ откачиванія воды, отведенія руслъ рѣкъ и т. п., а также дешевизнѣ рабочихъ рукъ и „неприхотливости требованій рабочихъ“.

Орудіемъ горныхъ работъ являются здѣсь ломъ (необходимый въ Семипал. обл. потому, что въ золотоносномъ пластѣ встрѣчается очень много камней), кайла и лопата. Промываютъ пески на промыслахъ Семипалатинской области на ручныхъ бутарахъ и иногда кулибинкахъ. Доставленные въ бутарѣ пески выгружаются на ея чугунное рѣшето, на которомъ и подвергаются протиркѣ. При постоянномъ притоцѣ воды протиришки перемѣшиваютъ пески и разбиваютъ глину гребками. Только на одномъ прискѣ Степанова г. Коцовскій нашелъ золотопромывательную машину, приводимую въ дѣйствіе наливнымъ колесомъ ²⁾.

Относительно продолжительности рабочаго дня на промыслахъ Киргизской степи мы имѣемъ слѣдующія официальные свѣдѣнія. Въ 1879 г. рабочій день въ Семипалатинской и Акмолинской областяхъ равнялся 12 часамъ; въ 1880 г. въ Акмолинской также, а въ Семипалатинской число рабочихъ часовъ колебалось между 8 и 12 часами, въ среднемъ же равнялось 10-ти; въ 1881 году въ Семипалатинской—7—12 ч., въ среднемъ 9 ч., въ Акмолинской до 10 ч.; въ 1883—84 гг. въ обѣихъ областяхъ не болѣе 10 ч. Въ 1889 г. въ Семипалатинско-Семирѣченскомъ округѣ maximum 12 ч., minimum 10 ч., въ среднемъ 10 ч.; въ Тобольско-Акмолинскомъ шах. 10 ч., minim. 7 ч., среднее 8 ч. Въ 1890 г. продолжительность времени, употребляемаго на исполненіе урока при горныхъ работахъ въ Семипалатинско-Семирѣченскомъ и Тобольско-Акмолинскомъ округахъ, колебалась между 8 и 11 часами, а средняя продолжительность рабочаго дня считалась въ первомъ округѣ 9 ч., а во второмъ 9½ ч. Въ 1891 г. въ Тобольско-Акмолинскомъ округѣ съ 1-го марта по 1-е мая продолжительность рабочаго дня показана въ 7 ч., а съ 1-го мая по 1-е октября—10 ч., въ Семипалатинско-Семирѣченскомъ съ 1-го марта по 1-е мая—8 ч., а съ 1-го мая по 1-е октября—12 ч. По словамъ горнаго исправника Крахалева, продолжительность рабочаго дня на промыслахъ киргизской степи „не превышаетъ 12 ч., *включая сюда и тѣ три часа, которые идутъ на завтракъ* (съ 7 до 8 ч. утра) и на обѣдъ (съ 12 до 2 ч. дня), слѣдовательно работа продолжается не болѣе 9 ч.“ Въ 1893 г., по свидѣтельству мѣст-

¹⁾ Толщина торфовъ въ этомъ округѣ колеблется между ¼ и 3 аршинами, въ среднемъ же равняется въ Усть-Каменогорскомъ уѣздѣ 2,07 ар., въ Зайсанскомъ 2,45 ар. „Горн. Журн.“ 1894 г. № 8, стр. 212, Н. Боголюбскій, стр. 16.

²⁾ Прежде, въ 1868—70 гг., на прискахъ Семипалатинской и Семирѣченской областей было 8—10 золотопромывательныхъ чашъ. „Вѣстн. Золот.“ 1893 г. № 28, стр. 356; 1894 г. № 7, стр. 141—142, „Горн. Журн.“ 1871 г. № 7, стр. 140, ст. *Сборовскаго* въ „Зап. Зап. Сиб. Отд. Геогр. Общ.“ т. XIX, 89—90.

наго окружнаго инженера, на однихъ промыслахъ Семипалатинско-Семирѣченскаго горнаго округа продолжительность рабочаго дня колебалась между 7 и 10 часами, на другихъ 7—8 ч., средняя же продолжительность рабочаго дня, по его мнѣнію, равняется 8 ч.; въ 1896 г. на промыслахъ Тобольско-Акмолинскаго округа продолжительность рабочаго дня равнялась 5—10 час. По словамъ г. Коцовскаго, на промыслахъ Семипалатинской области работы начинаются съ разсвѣтомъ, идутъ до 11—12 ч., затѣмъ для обѣда и отдыха дается одинъ или два часа, послѣ чего снова приступаютъ къ работамъ. Уроки на большинствѣ приисковъ оканчиваются между 3 и 5 часами, но на нѣкоторыхъ приискахъ Колбинской системы работы легче и оканчиваются къ 2 ч. ¹⁾ Такимъ образомъ, судя по официальнымъ свѣдѣніямъ, можно было бы думать, что продолжительность рабочаго дня за послѣдніе 15 лѣтъ уменьшилась. Но, по болѣе подробнымъ свѣдѣніямъ въ отчетѣ мѣстнаго окружнаго инженера, на промыслахъ Семипалатинской области за 1888 годъ оказывается, что изъ 33 приисковъ на 4-хъ продолжительность рабочаго дня равнялась 12 ч., на 1-мъ—11 ч., на 6-ти—10 ч., на 5-ти—10—12 ч., на 6-ти—9 ч., на 2-хъ 9—10 ч., на 3-хъ—8 ч., на 1-мъ—8—10 ч., на 1-мъ—8—9 ч., на 4-хъ—7—8 ч., слѣдовательно на половинѣ приисковъ продолжительность рабочаго дня равнялась 10—12 ч., въ среднемъ же на всѣхъ промыслахъ нѣсколько менѣе 10 ч. ²⁾ Такимъ образомъ, измѣненія сравнительно съ началомъ 80 годовъ не замѣтно, но во всякомъ случаѣ продолжительность рабочаго дня на золотыхъ промыслахъ киргизской степи менѣе, чѣмъ въ другихъ горныхъ округахъ Сибири.

Въ контрактахъ продолжительность рабочаго дня не всегда точно обозначается: такъ въ договорѣ Степановой (Усть-Каменог. у. Семипал. обл.) съ рабочими-киргизами (1888 г.) сказано: „изъ рабочаго дня должно полагаться намъ на завтракъ 1 ч., на обѣденное время и отдыхъ 2 ч. въ день; работа должна быть даваема намъ урочная,“—и затѣмъ слѣдуетъ опредѣленіе размѣровъ урока. Количество рабочихъ часовъ не обозначено очевидно потому, что оно зависѣло отъ времени окончанія урока ³⁾. Въ договорѣ съ Брюхановымъ (того же уѣзда) киргизы обязывались работать съ 5 ч. утра до 7 ч. вечера, за исключеніемъ полуторачасоваго отдыха для обѣда, слѣдовательно 12¹/₂ ч., но тутъ же пояснено, что урочную работу они обязываются выполнять безъ недоимки.

¹⁾ Отч. о золот. Запад. Сиб. въ Горн. Деп., „Горн. Жур.“ 1882 г. № 9, стр. 385; 1891 г. № 12, стр. 521, 1894 г. № 8, стр. 216; 1895 г. № 11, стр. 299; Арх. Томск. Горн. Упр.; *Н. Боголюбовскій*, стр. 18; „Вѣстн. Золот.“ 1892 г. № 12, стр. 169; 1894 г. № 10, стр. 182; 1897 г. № 11, стр. 249.

²⁾ Дѣло Том. Горн. Упр., отчетъ за 1888 г. № 31/2, л. 47—52.

³⁾ Ibid.

Хотя приведенныя выше официальные показанія о продолжительности рабочаго дня и не вполнѣ одинаковы, но все-таки видно, что рабочій день на промыслахъ киргизской степи не такъ великъ, какъ, напр., въ Енисейскомъ или Олекминскомъ округахъ. По условію, выработанному мѣстными золотопромышленниками на сѣздѣ въ Усть-Каме-ногорскѣ въ 1894 году, опредѣлено: „начинать работу въ 5 ч. утра и продолжать до окончанія урока, полагая при этомъ на завтракъ 1 ч. и на обѣдъ 2 ч., *но оканчивая урокъ въ 8 рабочихъ часовъ.*“ Въ этомъ же условіи указанъ и размѣръ урока (см. ниже), за неисполненіе котораго назначенъ денежный штрафъ. Въ условіи не пояснено, дозволяется-ли рабочимъ, не окончившимъ урока въ 8 часовъ, продолжать работать и долѣе, или работа непремѣнно прекращается въ 4 ч. пополудни и съ неокончившаго урокъ берется штрафъ ¹⁾. Въ первомъ случаѣ опредѣленіе продолжительности рабочаго дня оказывается призрачнымъ, во второмъ рабочій терпитъ большой матеріальный ущербъ, а невыработка возможна, такъ какъ хотя урокъ назначенъ умѣреннымъ, чѣмъ на промыслахъ Восточной Сибири, но максимальное разстояніе отвоза (100 сажень) слишкомъ велико. Точное регулированіе продолжительности рабочаго дня должно было-бы вызвать отмену урочной системы и замѣну ея задѣльною платою безъ всякаго опредѣленія размѣра урока. Золотопромышленники могутъ возразить, что на готовомъ пищевомъ довольствіи дурной рабочій, пожалуй, готовъ будетъ получать и самую небольшую плату лишь бы только имѣть возможность мало работать, но отъ излишней лѣности въ работѣ золотопромышленники защищены правомъ досрочнаго расчета рабочихъ.

Въ горныхъ работахъ продолжительность рабочаго дня зависитъ отъ размѣра урока. До сихъ поръ въ Семипалатинской области размѣръ уроковъ колебался весьма значительно; по свидѣтельству г. Коцовскаго, на большинствѣ присковъ уроки не превышаютъ 1 куб. сажени на 1-го забойщика, 1-го накладчика и 1-го возчика, хотя бываютъ уроки и значительно большіе, а именно—2 куб. саж. на 1 забойщика, 1-го накладчика и 2-хъ возчиковъ ²⁾; но бываютъ уроки и болѣе значительные: по по договору со Степановою, на пескахъ и торфахъ, на двухъ человѣкъ и 1 лошади, полагалось добыть и вывезти, съ начала промывки по 1¹/₄ куб. саж. (съ 1-го августа по 1-е октября по 1 куб. саж.). Бываютъ уроки и 1¹/₂ куб. саж. на 2-хъ человѣкъ и 1 лошади ³⁾. Если вскрытіе торфа будетъ производиться съ ручною откаткою на тачкахъ, то урокъ на 3 человѣкъ назначался тотъ же, что при лошади на двухъ. По договору

¹⁾ „Вѣст. Золот.“ 1894 г. № 3, стр. 72.

²⁾ „Вѣст. Золот.“ 1894 г. № 9, стр. 170.

³⁾ Шостакъ. „Золот. въ Томск. Горн. обл.“, 1896 г., табл. 5-я.

съ Брюхановымъ назначено вырабатывать и отвозить одну куб. саж. золотоноснаго пласта двумя рабочими на одной хозяйской лошади, а торфа вскрывать двумя рабочими и одною лошадию $1\frac{1}{2}$ куб. саж. съ отвозомъ не далѣе ста сажень, а безъ лошади, ручнымъ откатомъ, тремъ человѣкамъ полагалась одна куб. саж. съ откатомъ не далѣе 50 саж., а если отвалъ будетъ ближе, то $1\frac{1}{2}$ куб. саж. Если вѣрить показанію горнаго исправника Крахалева, уроки на прискахъ Семипалатинской области исполняются безъ напряженія силъ и на столько не велики, что рабочіе не рѣдко оканчиваютъ ихъ къ 4—5 ч. вечера. Г. Крахалевъ говоритъ, что, окончивъ довольно рано свой урокъ, киргизы „работаютъ тогда по доброй волѣ, на правахъ старателей, получая за то особую плату (60—70 к. съ куб. саж. вскрытаго торфа). „Такимъ образомъ“ (?), продолжаетъ г. Крахалевъ, „физическому переутомленію рабочихъ здѣсь нѣтъ мѣста“ (?) ¹⁾. Напротивъ г. Коцовскій въ своемъ описаніи присковъ Семипалатинской области, хотя и утверждаетъ, что уроки на большинствѣ промысловъ оканчиваются между 3 и 5 часами, но рѣшительно отрицаетъ существованіе сверхъурочныхъ старательскихъ работъ контрактныхъ рабочихъ. „Сверхъ контрактнаго урока“, говоритъ онъ, „рабочіе не вырабатываютъ ничего болѣе, и здѣсь, какъ мнѣ сообщали управляющіе присками, невозможно ввести старательскую работу, т. - е. работу сверхъурочную, за которую назначается отдѣльная плата“ ²⁾.

По условію, выработанному золотопромышленниками въ 1894 г. на сѣздѣ въ Усть-Каменогорскѣ, „рабочіе должны вырабатывать ежедневно на двухъ человѣкъ и одну лошадь до 1 куб. саж. золотоноснаго пласта съ зачисткою по почвѣ“ и до $1\frac{1}{2}$ куб. сажени торфовъ. Этотъ урокъ можетъ быть задаваемъ только при отвозѣ не далѣе 100 с., а затѣмъ присковое управленіе или прибавляетъ по 1 лошади съ человѣкомъ на 2 саж. или уменьшаетъ урокъ на одну четверть.

Въ томъ же условіи относительно экстренныхъ работъ сказано: „по выполненіи заданнаго урока, присковое управленіе не должно задавать рабочимъ, въ тотъ же день, другую работу, но въ случаѣ несчастія: наводненія, прорыва плотинъ и канавъ или пожара, рабочіе обязуются явиться по первому призыву днемъ и ночью и *взаимъ этого пользоваться отдыхомъ въ слѣдующій день столько часовъ, сколько будетъ употреблено на сверхъурочную работу*“. Это правило, хотя оно должно было-бы существовать повсемѣстно, является нѣкоторою новостью. Въ другихъ горныхъ системахъ, на нѣкоторыхъ прискахъ полагается денежное вознагражденіе за экстренныя работы, но въ большинствѣ случаевъ оно

¹⁾ „Вѣстн. Золот.“ 1892 г. № 12, стр. 169.

²⁾ „Вѣстн. Золот.“ 1894 г. № 10, стр. 182.

отсутствует, и присковья управленія, повидимому, ограничиваются поднесеніемъ винной порціи. Въ условіи, выработанномъ усть-каменогорскими золотопромышленниками, далѣе сказано: „не вышедшіе на таковую (экстренную) работу подвергаются наказанію, какое будетъ постановлено правилами артельной расправы“ ¹⁾.

Очень важная и выгодная для рабочихъ особенность промысловъ киргизской степи состоитъ въ томъ, что по воскресеньямъ здѣсь работъ не бываетъ ²⁾, всегда празднуются также, такъ называемые, „высокопраздничные дни“. Впрочемъ по воскресеньямъ рабочіе отработываютъ иногда такіе дни, въ которые они почему-либо не могли работать. Такъ напр., киргизы, чтобы быть свободными въ праздникъ Байрама (24, 25 и 26 іюня), должны работать три воскресенья. Въ наши церковные праздники, кромѣ воскресенья, киргизы работаютъ ³⁾. Впрочемъ на нѣкоторыхъ прискахъ и „высокопраздничные дни“ рабочимъ приходится отработывать въ другіе дни. Такъ напр., по договору со Стапановою (усть-камен. у.), рабочіе киргизы обязываются „работать ежедневно, исключая воскресные и высокопраздничные дни“; но если послѣдніе будутъ приходиться въ рабочіе дни, то киргизы обязывались безпрекословно отработать ихъ въ первый воскресный день до этого праздника. По официальнымъ отчетамъ 1879—1890 гг. среднее количество рабочихъ дней въ теченіе операціи въ Семипалатинской области колебалось между 86 и 108, но чаще было ближе къ этой послѣдней цифрѣ, а въ Акмолинской области между 76 и 122. Въ 1893 году въ Семипалатинско-Семирѣченскомъ округѣ наибольшее количество дней достигало на одномъ прискѣ 173, а наименьшее на 4 прискахъ — 22—39 дней. Наиболѣе же обычнымъ числомъ рабочихъ дней, въ теченіе операціи, т. е. съ 1-го апрѣля по 1-е октября, мѣстный горный инженеръ считаетъ 100—170. Въ Тобольско-Акмолинскомъ округѣ въ 1893 и 94 гг. среднее число рабочихъ дней равнялось 82 и 115, наименьшее 12, наибольшее 274 ⁴⁾.

Зимою горныхъ работъ на промыслахъ киргизской степи вообще не производится, и на прискахъ оставляютъ лишь караульныхъ. Исключенія очень рѣдки. Относительно Семипалатинской области только въ отчетѣ за 1887 годъ мы находимъ извѣстіе, что на промыслахъ Свято-Макарьевского товарищества, *„на которыхъ ведутся исключительно подземныя работы, рабочіе задолжаны круглый годъ“*. Но въ отчетѣ за слѣдующій годъ сказано, что золотоносные пески добывались на этомъ

¹⁾ „Вѣстн. Золот.“ 1894 г. № 3, стр. 72.

²⁾ „Вѣстн. Золот.“ 1892 г. № 12, стр. 169.

³⁾ „Вѣстн. Золот.“ 1894 г. № 10, стр. 182; „Сводъ замѣч. на проектъ прав. о наймѣ раб. въ дѣлахъ Том. Горн. Упр.

⁴⁾ „Горн. Жур.“ 1894 г. № 8, стр. 216; 1895 г. № 11, стр. 298.

прискъ въ открытыхъ разръзахъ ¹⁾. По словамъ окружного инженера Сборовскаго, „въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Семипалатинской области и можно бы производить работы до 1-го ноября и даже дольше, но... рабочіе, въ особенности изъ инородцевъ, до того привыкли къ установленнымъ срокамъ операціоннаго времени, что позже 1-го октября ни за что не остаются“, и потому „зимнія работы не прививаются“. Въ Кокчетавской системѣ Тобольско-Акмолинскаго округа промывка песковъ производится въ зимніе мѣсяцы лишь на двухъ-трехъ прискахъ; но она весьма ничтожна, и, по словамъ г. Крахалева, представляетъ „скорѣе избавленіе отъ голодовки тѣхъ бѣднѣйшихъ... старателей, которымъ ни жить зимою нечѣмъ, ни дѣваться некуда ²⁾. Плата за работу на промыслахъ киргизской степи весьма ничтожна. По официальному отчету о золотопромышленности въ Западной Сибири въ 1879 году, рабочіе за 6 мѣсяцевъ получали въ Семипалатинской области 25—30 р., слѣд. по 4—5 р. въ мѣсяцъ. Дѣйствительно это было наиболѣе обычною платою, но изъ отчета о золотопромышленности въ Семипалатинской области за 1879 г. видно, что на нѣкоторыхъ промыслахъ плата падала и ниже 3 р. въ мѣсяцъ, а на одномъ прискѣ поднималась до 8 р. ³⁾. Въ 1883 году, по отчету о золотопромышленности въ Западной Сибири, рабочіе въ Семипалатинской области получали 20—50 р. въ лѣто, на нѣкоторыхъ же прискахъ полагалось мѣсячное жалованье отъ 4 р. до 5 р. 50 к. Въ отчетахъ за 1884—87 гг. указана та же плата за все лѣто, а мѣсячное жалованье иногда повышалось до 6 р. Въ 1889 г. въ Семипалатинско-Семирѣченскомъ округѣ, по свидѣтельству мѣстнаго окружного инженера, рабочая плата падала иногда и до 2 р. въ мѣсяцъ. ⁴⁾ Въ 1888 г. въ Семипалатинской области, если считать операцію въ 6 мѣсяцевъ, вознагражденіе въ мѣсяцъ колебалось между 2 р. 50 к. и 7 р. 50 к., то есть равнялось 8—25 к. въ день, а по отчету за 1889 г. максимумъ платы на двухъ прискахъ доходилъ до 60—65 р. въ операцію ⁵⁾. Въ 1890 г. плата въ Семипалатинско-Семирѣченскомъ

¹⁾ Арх. Том. Гор. Упр. Въ 1895 г. подземныя работы были на одномъ прискѣ Тобольско-Акмолинскаго округа. *Сборовскій* въ „Зап. Запад. Сиб. Отд. Геогр. Общ.“, кн. XIX, 89.

²⁾ „Горн. Жур.“ 1894 г. № 8, стр. 216; „Вѣстн. Золот.“ 1894 г., № 12, стр. 169.

³⁾ На прискахъ арендатора Никонова рабочіе получали 4—5 р. въ мѣсяцъ; на прискахъ Степановыхъ 20—50 р. за 6 мѣсяцевъ; на прискахъ Касаткиныхъ 25—30 р. за 6 мѣсяцевъ; на прискахъ Симоновыхъ 17 р. 50 к.—30 р. за то же время; на прискѣ Перфильева 4—5 р. въ мѣсяцъ; у Сабурова 22 р. 50 к. за шесть мѣсяцевъ; на прискѣ Сурова и Пухова и на прискахъ Проскуряковыхъ 30 р. Арх. Том. Горн. Упр. № 1046/220, л. 100.

⁴⁾ Дѣла Горн. Деп. и Томск. Горн. Упр.

⁵⁾ А именно: въ 1888 г. на прискахъ Валитова 4 р. 50 к. въ мѣсяцъ, на прискахъ Самсоновыхъ 30—40 р. за 6 мѣсяцевъ, на прискахъ Степановой 4 р.

округѣ равнялась 3 р. 60—7 р. 50 к. въ мѣсяцъ и 20—70 р. въ операцію. Въ 1891 г., по свидѣтельству Н. Боголюбскаго, въ томъ же горномъ округѣ мѣсячное жалованье равнялось 4—6 р., а за операцію—22 р. 50 к.—60 р.; мы видѣли, что операція продолжалась 6 мѣсяцевъ, слѣдовательно тахіиш платъ въ мѣсяцъ равнялся 10 р. Въ 1893 г., по свидѣтельству мѣстнаго окружного инженера, плата мужчинамъ равнялась въ мѣсяцъ 3—6 р., въ среднемъ 5 р., а за операцію 18—93 р. въ среднемъ—27 р. 50 коп. Максимальную плату получали безъ сомнѣнія, мастеронные. По крайней мѣрѣ на Ивановскомъ прискѣ Сурова въ Семирѣченской области таранчинцы и киргизы получали по 5 р., русскіе по 7 р., мастерские отъ 15 до 25 р. въ мѣсяцъ ¹⁾). По свидѣтельству г. Коцовскаго, на прискахъ Семипалатинской области рабочіе получали слѣдующее мѣсячное жалованье: забойщикъ и накладчикъ 3 р. 50 к.—6 р., возчикъ 3 р.—5 р., пробойщикъ (протирщикъ) 3 р. 50 к.—6 р., табунщикъ 7 р.—7 р. 50 к., поторжные до 5 р. Ремесленники, по ббльшей части изъ русскихъ, получали мѣсячное жалованье: кузнецы 10—25 р., плотники и шорники 10—20 р. Въ Акмолинской области рабочему платили на золотыхъ промыслахъ 4—8 р. въ мѣсяцъ или 20—25 р. за операцію. Нужно впрочемъ помнить, что контрактныхъ рабочихъ на Кокчетавскихъ промыслахъ Тобольско-Акмолинскаго округа весьма немного: въ 1890 г. хозяйственнымъ способомъ разрабатывалось 4 приска, причемъ плата мужчинамъ равнялась 8 р. 85 к. въ мѣсяцъ, вѣроятно на собственномъ продовольствіи, по крайней мѣрѣ на трехъ прискахъ, работавшихся хозяйственными работами въ 1893 году, мѣсячная плата забойщику въ 9 р. была назначена на своемъ содержаніи.

Поденная плата на прискахъ Тобольско-Акмолинскаго и Семипалатинско-Семирѣченскаго округовъ равнялась 15 к.—1 р. 30 к., но платою наиболѣе обычною было 30 к. ²⁾).

50 к. въ мѣсяцъ, у Касаткиныхъ 30—35 р. во всю операцію, на прискѣ Сильверстова 30—40 р. въ операцію, у Брюханова 15—25 р. (!) въ операцію, на прискѣ арендаторши Хотимской 4 р. 50 к. въ мѣсяцъ, на прискахъ компаніи Степанова и Попова 25—35 р. въ лѣто, на прискахъ Москвина 5 р.—7 р. 50 к. въ мѣсяцъ, у Степановыхъ 25—40 р., у Афонина и Грековой 20—40 р., за операцію, на прискѣ Смирнова 50 р. Въ операцію 1889 г. плата была почти вездѣ та же, что и въ предыдущій годъ, но на нѣкоторыхъ показана нѣсколько выше: такъ на прискѣ Брюханова мы не находимъ уже 15 р. платы за все лѣто, на прискахъ компаніи Степанова и Попова плата значительно повышена (45—65 р. въ операцію), на прискахъ Степановыхъ 30—60 р. въ операцію. Дѣло Том. Горн. Упр., отчетъ за 1888 г. Изъ договора со Степановою видно, что мѣсячная плата у нея колебалась между 3 р. 30 к. и 5 р. 65 к.

¹⁾ „Горн. Жур.“ 1891 г. № 12, стр. 522; 1894 г. № 8, стр. 216; Н. Боголюбскій, стр. 19; „Вѣстн. Золот.“ 1892 г. № 16, стр. 234.

²⁾ „Вѣстн. Золот.“ 1894 г. № 9, стр. 170, № 10, стр. 182; 1893 г. № 10, стр. 156,

Плата подросткамъ-возчикамъ Семипалатинской области въ 1879 г. равнялась 18 р. за 6 мѣсяцевъ. Подростки нанимались въ этой мѣстности не моложе 15-лѣтняго возраста. Въ Тобольско-Акмолинскомъ округѣ подросткамъ платили въ 1890 г. 4 р. 50 к. въ мѣсяцъ, а по свидѣтельству Крашенинникова, въ 1893 г. подросткамъ-возчикамъ — 4 р. на собственномъ содержаніи! ¹⁾

Женщины, находящіяся при различныхъ занятіяхъ на приискахъ Семипалатинско-Семирѣченскаго округа, получали мѣсячную плату 3 р. 50—5 р. 50 к., на хозяйскомъ содержаніи. Въ Тобольско-Акмолинскомъ округѣ 6 р.—6 р. 75 к. въ мѣсяцъ на своемъ продовольствіи ²⁾.

При ничтожной мѣсячной платѣ, вычетъ за недоработку уроковъ назначается весьма большой. По договору со Степановою (1888 г.) за каждую недоработанную куб. сажень вычитали изъ мѣсячной платы на пескахъ 1 р. 20 к., на торфахъ—60 к. По условію, составленному Усть-Каменогорскими золотопромышленниками на сѣздѣ 1894 г., неокончившіе урокъ должны платить приисковому управленію за каждую недоработанную $\frac{1}{4}$ куб. саж. по 75 к., разлагая отвѣтственность эту на дѣйствительно виновныхъ.

Кромѣ мѣсячнаго жалованья, на многихъ приискахъ Семипалатинско-Семирѣченскаго округа существуетъ плата за подъемное золото, „т.е. такое, которое поднято въ заборѣ или снято съ вашгердовъ, какъ непроскочившее черезъ отверстіе рѣшетъ“. За это золото платятъ отъ 1 р. до 1 р. 50 к. за золотникъ. Есть такіе прииски, какъ Казанскій Москвина, на которомъ подъемное золото составляетъ чуть ли не четверть всего добытаго на этомъ приискѣ золота, благодаря его крупности ³⁾. По договору со Степановою за самородки менѣе 1 ф. платили по 1 р. за золотникъ, а за самородокъ болѣе 1 ф. плата назначалась по усмотрѣнію управляющаго, причемъ вообще плата за самородки выдавалась нашедшему его, а не дѣлилась „на компанію“.

По договору съ Брюхановымъ, ему предоставлялось передавать рабочаго по своему усмотрѣнію другому золотопромышленнику. На сѣздѣ въ Усть-Каменогорскѣ въ 1894 г. было постановлено, что вообще въ случаѣ перевода рабочаго съ одного прииска на другой ему должно было платить на пути прежнее жалованье, перевозить и кормить семью рабочаго на счетъ хозяина.

№ 23, стр. 356; „Горн. Жур.“ 1891 г. № 12, стр. 523; 1895 г. № 11, стр. 299; *Шо-стакъ*, табл. 5-я.

¹⁾ Дѣла Горн. Деп. и Том. Горн. Упр.; „Горн. Жур.“ 1891 г. № 12, стр. 523; „Вѣстн. Золот.“ 1893 г. № 23, стр. 356.

²⁾ „Горн. Журн.“ 1891 г. № 12, стр. 522—523; 1894 г. № 8, стр. 217; „Вѣстн. Золот.“ 1893 г. № 23, стр. 356.

³⁾ „Горн. Жур.“ 1894 г. № 8, стр. 216.

Горныя работы на промыслахъ киргизской степи производятся не всегда за мѣсячное вознагражденіе, а иногда изъ подряда, но за скудную плату. Такъ въ 1889 и 93 гг. за вскрышу торфовъ и добычу песковъ съ подряда платили 60—80 к. за 1 куб. саж. ¹⁾. По словамъ г. Коцовскаго, торфа очень рѣдко снимаются въ Семипалатинской области контрактными рабочими и, по большей части, на эту работу за-должаются вольные киргизы съ платою за добытую кубическую сажень отъ 50 к. до 1 р., причемъ инструменты, таратайка и упряжь хозяйскіе, а торфовщикъ долженъ имѣть свою лошадь или быка и *кормиться на свой счетъ* ²⁾. На кокчетавскихъ промыслахъ Тобольско-Акмолинскаго округа за вскрышку торфа и отвозъ на отваль платятъ по 1 р., а за перевалку по 60 к. съ кубической сажени; за добычу песковъ и подвозку ихъ на бутару по 1 р. 20 к. съ кубической сажени; за добычу и промывку песковъ на ручныхъ бутарахъ—по 5 к. съ таратайки, что составляетъ немного болѣе 2 р. 40 к. съ кубической сажени. Плата эта назначается при возѣ не далѣе 100 саж. При вскрышѣ торфа рабочіе должны имѣть здѣсь при такомъ способѣ найма не только свое содержаніе и своихъ лошадей, но также свои таратайки и свои инструменты. При добычѣ же и промывкѣ песковъ (по 5 к. съ таратайки) золотопромышленникъ даетъ отъ себя рабочимъ бутару, таратайку и необходимые инструменты ³⁾.

На одномъ прискѣ Семипалатинской области въ 1888 г. добывалось рудное золото; средняя плата за поденщину равнялась здѣсь мужчинамъ—40 к., женщинамъ—30 к. и дѣтямъ—10 к. Въ 1889 г. средняя плата рабочему на томъ же прискѣ считалась—37 к. въ день ⁴⁾.

Относительно продовольствія хозяйскихъ рабочихъ на промыслахъ Семипалатинской области въ отчетѣ о тамошней золотопромышленности за 1879 г. годъ сообщаются слѣдующія свѣдѣнія: „пища рабочимъ готовится въ весеннее время отъ приска; а въ лѣтнее время женами ихъ и родственниками изъ отпускаемыхъ имъ отъ приска на каждаго рабочаго: въ мартѣ и апрѣлѣ крупы $\frac{1}{4}$ фунта, мяса 1 ф. и печенаго хлѣба, со дня прихода на работу и до окончанія операціоннаго времени, по 4 ф. въ сутки, а съ 1-го мая по 1-ое октября, первыхъ двухъ предметовъ“ (т.-е. крупы и мяса) не выдается; слѣдовательно лѣтомъ рабочіе получали отъ присковскаго управленія только одинъ хлѣбъ. Точно такое же пищевое довольствіе выдавалось рабочимъ Семипалатинско-Семирѣченскаго округа въ 1889 г., т.-е. 10 лѣтъ

¹⁾ Арх. Том. Горн. Упр.; „Горн. Журн.“ 1894 г. № 8, стр. 216.

²⁾ „Вѣстн. Золот.“ 1894 г. № 7, стр. 141, № 10, стр. 182.

³⁾ „Вѣстн. Золот.“ 1893 г. № 23, стр. 356.

⁴⁾ Арх. Том. Горн. Упр., дѣло 1888 г. № 31/2 и отчетъ за 1889 г.

позднѣе, только весной рабочимъ выдавалась еще соль ¹⁾. Въ отчетѣ за 1890 г. сказано, что на нѣкоторыхъ пріискахъ мясо, крупа, соль, печеный ржаной хлѣбъ и иногда кирпичный чай отпускаются во всю операцію ²⁾. Водки киргизы не пьютъ ³⁾, и потому винной порціи имъ не выдается. По отчету за 1893 г. на тѣхъ промыслахъ, гдѣ пищевое довольствіе не измѣняется въ теченіе всей операціи, рабочимъ постоянно отпускали и кирпичный чай. На такихъ пріискахъ припасы выдавались въ слѣдующемъ количествѣ: печенаго ржаного хлѣба отъ 110 до 120 ф. въ мѣсяцъ, бараньяго мяса 25—35 ф., поваренной соли 4—6 ф., крупъ (просо, гречиха и пшено) 15—30 ф., кирпичнаго чаю $\frac{1}{4}$ — $\frac{1}{2}$ ф. Число пріисковъ, на которыхъ отпускался лѣтомъ одинъ хлѣбъ, было не особенно велико,—по свидѣтельству г. Сборовскаго, не болѣе семи (изъ 69 работавшихся пріисковъ). „На послѣднее обстоятельство, впрочемъ“, продолжаетъ г. Сборовскій, „обращено вниманіе“ мѣстной полицейской власти, „и вѣроятно въ 1894 г. болѣе не будетъ продолжаться подобное, черезъ чуръ скромное довольствіе“ (въ 1894 г. на большинствѣ пріисковъ рабочимъ выдавали еще по 1 ф. сала). Женщины, занимавшіяся приготовленіемъ пищи для служащихъ и рабочихъ, получали готовое содержаніе, а также мастеровые изъ русскихъ — плотники, кузнецы и т. п. ⁴⁾. На съѣздѣ золотопромышленниковъ къ Усть-Каменогорскѣ въ 1894 г. относительно продовольствія рабочихъ было постановлено, что „пріисковое управленіе обязано выдавать на рабочихъ ежедневно по 4 ф. ржаного печенаго хлѣба, по 1 ф. свѣжаго или соленого мяса ⁵⁾, по 1 ф. просяной крупы, пшена или пшеничной муки; продукты эти должны быть вполнѣ годные къ употребленію; кромѣ сего полагается ежемѣсячно по четверти кирпича чаю и 3 ф. соли; такая же порція выдается по воскресеньямъ и праздничнымъ днямъ“. На этомъ же съѣздѣ постановлено, что „не вышедшіе на работу по лѣности или притворству не получаютъ никакого содержанія“. Когда мы увидимъ, въ какомъ жалкомъ положеніи находится врачебное дѣло на здѣшнихъ промыслахъ, мы поймемъ весь вредъ этого постановленія, такъ какъ пріисковое управленіе само совершенно не компетентно въ томъ, чтобы рѣшить, боленъ ли рабочій, или притворяется, да и вообще не слѣдуетъ дозволить лишать пищи на промыслахъ рабочаго, нанятаго на хозяйскомъ

¹⁾ Арх. Том. Горн. Упр., дѣло № 1046—220, л. 101 и отч. за 1889 г.

²⁾ „Горн. Журн.“ 1891 г. № 12, стр. 522; нѣкоторыя подробности см. въ „Сиб. Вѣстн.“ 1891 г. № 96.

³⁾ „Вѣстн. Золот.“ 1892 г. № 12, стр. 169—170.

⁴⁾ „Горн. Жур.“ 1894 г. № 8, стр. 216—217; „Вѣстн. Золот.“ 1894 г. № 10, стр. 182—183; *Шостаковъ*, табл. 5-я; ср. *Сборовскій* въ „Зап. Зап. Сиб. Отд.“, XIX, 87.

⁵⁾ Съ 1895 г. дѣйствительно стали выдавать по 1 ф. мяса на всѣхъ промыслахъ Семипалатинско-Семирѣч. окр. „Вѣстн. Золот.“ 1896 г. № 14, стр. 268.

продовольствіи. А между тѣмъ подобное правило, только въ еще болѣе рѣшительной формѣ, мы встрѣчаемъ и въ договорѣ Степановой съ киргизами, по которому рабочіе до 1-го мая получали 4 ф. ржаного хлѣба и 1 ф. мяса въ день, а съ 1-го мая только хлѣбъ, но они лишались и его, если „въ случаѣ болѣзни или лѣности“ не выйдутъ на работу. По договору же съ Брюхановымъ, во все время пребыванія на промыслахъ съ 1-го апрѣля, рабочіе должны были получать только одинъ хлѣбъ по 4 ф. въ день ¹⁾.

Въ Тобольско-Акмолинскомъ округѣ на большинствѣ присковъ работали старатели-золотничники, а потому въ 1890 г. на 24 прискахъ (изъ 26 дѣйствовавшихъ въ это время) рабочіе были на собственномъ продовольствіи.

На Ивановскомъ прискѣ Сурова въ Семирѣченской области содержаніе чернорабочихъ въ 1890—92 гг. стоило 3—4 рубля, мастеровыхъ 6—8 р. въ мѣсяцъ; есть указаніе, что въ Усть-Каменогорскомъ округѣ въ 1889 г. содержаніе рабочаго во всю операцію стоило 15 р. ²⁾.

Никакихъ барачковъ для рабочихъ золотопромышленники въ степныхъ областяхъ не строятъ, потому что киргизы почти всегда являются на работы со своими юртами, семействами и скотомъ. Въ нѣкоторыхъ контрактахъ включено обязательство рабочихъ имѣть свое помѣщеніе; иногда холостые рабочіе живутъ въ юртахъ семейныхъ товарищей, но бываетъ и хуже. „Многіе изъ рабочихъ киргизовъ“, говоритъ г. Коцовскій, „до такой степени обнищали, что не имѣютъ юртъ и помѣщаются въ какихъ-то жалкихъ землянкахъ, привести которыя въ состояніе болѣе или менѣе удобное для жилья рабочій не можетъ, владѣлецъ же приска не считаетъ своею обязанностію заботиться объ устройствѣ помѣщенія для рабочихъ. Освобождать золотопромышленниковъ киргизской степи отъ постройки жилья для рабочихъ, основываясь только на томъ, что киргизъ привыкъ жить въ юртѣ, не основательно... Большинство нынѣшнихъ рабочихъ киргизовъ принадлежитъ къ числу людей, матеріальное благосостояніе которыхъ раньше было значительно лучше; въ то лучшее время у нихъ имѣлось достаточное количество всякаго скота, въ томъ числѣ и овецъ, изъ шерсти которыхъ выкатывалась кошма, необходимая для юрты. Въ силу обстоятельствъ (падежа скота и т. д.) киргизъ потерялъ все и отправился наниматься на прискъ. Отъ прежняго благосостоянія у него осталось только двѣ-три головы скота и юрта. Последняя

¹⁾ Въ Семипалатинской области существуетъ на прискахъ такое правило: если три холостыхъ киргиза помѣщаются въ юртахъ семейнаго, и жена этого послѣдняго приготовляетъ для нихъ пищу, то ей разрѣшается ежемѣсячно брать изъ лавки на 1 р. товара. Впрочемъ холостыхъ рабочихъ киргизовъ очень мало. „Вѣстн. Золот.“ 1894 г. № 10, стр. 182.

²⁾ „Вѣстн. Золот.“ 1892 г. № 16, стр. 234; „Сиб. Вѣстн.“ 1891 г. № 96.

изъ года въ годъ приходитъ въ ветхость, ремонтировать же ее или построить новую рабочій не имѣетъ возможности... Съ увѣренностью можно сказать, что всѣ нынѣ существующія юрты сооружены въ то лучшее время, когда матеріальное благосостояніе киргизовъ было иное, и не пройдетъ нѣсколько лѣтъ, какъ эти юрты придутъ въ такую ветхость, что киргизы-работіе принуждены будутъ ихъ бросить и перейти въ землянки или какое-либо другое помѣщеніе... Привычка киргиза проводить лѣто въ юртѣ будетъ оставлена, и онъ принужденъ будетъ искать другое жилище, о постройкѣ котораго, какъ мнѣ кажется, и долженъ озаботиться золотопромышленникъ". Г. Коцовскій совершенно основательно наставляетъ на томъ, что золотопромышленниковъ слѣдуетъ обязать устраивать для рабочихъ жилища или по крайней мѣрѣ исправлять существующія у нихъ юрты „согласно тѣмъ условіямъ, къ которымъ привыкли киргизы". Въ Зайсанскомъ у. Семипалатинской области юрты замѣнены землянками, вырытыми въ горахъ самими рабочими; эти землянки безъ половъ и печей походятъ скорѣе на ямы, чѣмъ на жилища помѣщенія ¹⁾).

Въ присковскихъ лавкахъ за деньги или въ счетъ заработка рабочіе могутъ получать съѣстные припасы, разный красный товаръ, обувь, табакъ, и т. под. ²⁾). Къ сожалѣнію, по словамъ г. Сборовскаго, мѣстною полицейскою властью обнаружено, что не всѣ золотопромышленники относятся къ дѣлу снабженія рабочихъ товарами одинаково добросовѣстно: одни дѣйствительно преслѣдуютъ цѣль доставить рабочему товаръ по возможности лучше и сравнительно недорогой по цѣнѣ; другіе же на этой продажѣ строятъ чуть-ли не все благополучіе приска, сбывая рабочему за дорогую цѣну викада негодный товаръ ³⁾). Правда, въ 1889 г. горный исправникъ Семипалатинско-Семирѣченскаго округа составилъ таксу, въ которой были приняты во вниманіе интересы рабочихъ, но золотопромышленники нашли себѣ защитника въ лицѣ мѣстнаго окружнаго инженера Игнатѣва, который въ своемъ донесеніи въ томское горное управленіе, 28 ноября 1889 г., писалъ: „Въ настоящее время горнымъ исправникомъ составлена такая такса цѣнъ на товары, что нѣкоторые золотопромышленники ради избѣжанія убытка при продажѣ спрашивали меня, имѣютъ ли они право" не держать товара на прискахъ. „Многіе мелкіе золотопромышленники не имѣютъ

¹⁾ „Вѣстн. Золот." 1894 г. № 9, стр. 170; № 10, стр. 182—8; 1896 г. № 24, стр. 447.

²⁾ Въ договорѣ со Степановою (1888 г.) сказано: „выдача намъ въ плату изъ присковаго магазина припасовъ и товарныхъ вещей должна быть производима по отработкѣ долга или взятаго при наймѣ задатка, — словомъ по усмотрѣнію управляющаго".

³⁾ „Горн. Журн." 1894 г. № 8, стр. 217—218.

возможности покупать товаръ если не изъ первыхъ рукъ, то отъ большихъ фирмъ; поэтому при таксѣ, составленной по цѣнамъ какой-нибудь большой оптовой фирмы, мелкій золотопромышленникъ всегда долженъ продавать въ убытокъ. „Я не могу согласиться“, продолжаетъ Игнатьевъ, „съ замѣчаніемъ исправника, ...что нельзя имѣть никакой вѣры въ заявленіе золотопромышленниковъ въ дѣлѣ назначенія цѣвъ. Они должны быть спрошены, такса должна быть выработана совмѣстно съ ними, при ихъ согласіи безъ всякаго давленія и послѣ того утверждена“ ¹⁾. Немудрено, что, находя себѣ такихъ защитниковъ, многіе золотопромышленники путемъ продажи припасовъ и товаровъ на прискахъ эксплуатируютъ рабочихъ. „Таксы на прискахъ киргизской степи“, говоритъ г. Коцовскій, „хотя и нельзя считать особенно высокими, но во всякомъ случаѣ, принимая во вниманіе незначительное жалованье рабочихъ, вполне достаточны, чтобы въ концѣ операциі поглотить у рабочаго весь денежный заработокъ“. Онъ находитъ, что нужно уменьшить цѣны на необходимые товары и припасы. „Не знаю“, продолжаетъ онъ, „почему сложилось убѣжденіе, что золотопромышленникъ долженъ получать на товары и припасы десять, пятнадцать и двадцать процентовъ барыша. Я думаю, что для золотопромышленника вполне достаточно тѣхъ выгодъ, какія онъ получаетъ отъ разработки, приска. и онъ не долженъ гнаться въ ущербъ рабочимъ за барышами на товарахъ и припасахъ. Но даже допустивъ, что это послѣднее необходимо, такъ такъ пріобрѣтеніе товаровъ связано съ нѣкоторыми заботами и трудомъ, то и тогда барышъ 5—8% вполне достаточенъ, чтобы вознаградить эти труды“ ²⁾.

Въ санитарномъ отношеніи, по словамъ окружнаго инженера Сборовскаго, положеніе рабочихъ на промыслахъ Семипалатинско-Семирѣченской области „не можетъ считаться не только блестящимъ, но даже порядочнымъ, ибо юрты, въ коихъ живутъ киргизы, благодаря присущей имъ неряшливости, содержатся въ самомъ неопрятномъ видѣ“. Точно также „далеко не на всѣхъ прискахъ можно видѣть, чтобы помѣщеніе для служащихъ и рабочихъ, такъ сказать, привилегированнаго на прискахъ сословія, соответствовало самымъ неприхотливымъ гигиеническимъ условіямъ. Если иногда и встрѣчаются болѣе или менѣе чистыя помѣщенія, то все-таки они выстроены изъ сырцоваго кирпича, обыкновенно тѣсны, низки, сыры, а потому и не могутъ быть полезны для здоровья проживающихъ въ нихъ, и пожалуй юрты, которыя, благодаря своему

¹⁾ Арх. Томск. Горн. Управ.

²⁾ „Вѣстн. Золот.“ 1894 г. № 10, стр. 182—3. По таксѣ Устькаменогорскаго и Зайсанскаго уѣздовъ 1894 г. пудъ ржаной муки стоилъ 55—90 к., пудъ мяса 1 р. 40 к., 1 ф. сахару 25 к., сапоги выростковые 3 р. 50 к.—7 р. пара. „Вѣстн. Золот.“ 1894 г. № 3, стр. 72. Срав. другую таксу въ „Вѣстн. Золот.“ 1892 г. № 12, стр. 168.

устройству, могут постоянно провѣтриваться, въ видахъ сохраненія здоровья, будутъ болѣе безопасны. Впрочемъ есть пріиски, на которыхъ имѣются, не только для управляющихъ, но и для служащихъ и рабочихъ, очень хорошія деревянные постройки; но такихъ пріисковъ очень немного. Правда, лѣсъ довольно дорогъ и доставать его надо издалека¹⁾.

Относительно медицинской помощи на промыслахъ киргизской степи, мы находимъ слѣдующія свѣдѣнія въ официальныхъ источникахъ. Въ отчетѣ о золотопромышленности въ Западной Сибири за 1879 г. сказано, что „на пріискахъ Семипалатинской и Акмолинской областей медицинской частью завѣдуетъ Усть-Каменогорскій уѣздный врачъ“ (слѣдовательно особаго пріисковаго врача нѣтъ). „Лекарей не имѣется, а замѣняются они вольнонаемными фельдшерами; *медикаменты имѣются не на всѣхъ пріискахъ, а только на нѣкоторыхъ*“²⁾ (много ли поможетъ фельдшеръ безъ лекарствъ? Въ 1887 г. только на нѣкоторыхъ пріискахъ Семипалатинской области находились вольнонаемные фельдшера; лекарства были также не на всѣхъ промыслахъ, а только на нѣкоторыхъ³⁾. Въ подобномъ же видѣ организована была медицинская помощь и въ 1890 году; что же касается Тобольско-Акмолинскаго округа, то въ отчетѣ за 1890 годъ весьма категорически сказано, что „на пріискахъ этой мѣстности *не имѣлось ни больницъ, ни аптекъ, ни фельдшеровъ, ни ветеринаровъ*; заболѣвающіе рабочіе обращались за медицинской помощью въ городъ Кокчетавъ, гдѣ по желанію и поступали въ уѣздную больницу на свой собственный счетъ“. Это и объясняетъ, почему въ отчетахъ 1880—87 гг. совершенно умалчивается о медицинской части на промыслахъ Акмолинской области. Въ 90-хъ годахъ въ центрѣ кокчетавскихъ пріисковъ была учреждена, на счетъ золотопромышленниковъ, одна больница съ аптекой на 10 кроватей и при ней фельдшеръ, но и то золотопромышленники считали это для себя непосильнымъ бременемъ. Въ 1893 году въ Семипалатинско-Семирѣченскомъ округѣ было 13 фельдшеровъ и фельдшерицъ на пріискахъ 18-ти золотопромышленныхъ компаній и единоличныхъ хозяевъ. Тамъ, гдѣ находились фельдшера, были устроены больничные или пріемные покои, но бывало и такъ, что существовали больничные покои при отсутствіи фельдшеровъ. Аптеки были на 15 пріискахъ⁴⁾. По словамъ г. Коцовскаго, „санитар-

¹⁾ „Горн. Журн.“ 1894 г. № 8, стр. 218—219.

²⁾ Буквально то же повторено относительно пріисковъ Семипалатинской области въ отчетахъ за 1880, 81, 83, 84 и 85 гг.

³⁾ А именно: наслѣдниковъ Самсонова, купца Касаткина, купчихи Степановой, купцовъ Москвина, Степанова, Брюханова и Валитова.

⁴⁾ Арх. Горн. Деп.; „Горн. Журн.“ 1882 № 9, стр. 387; 1891 г. № 12, стр. 523; 1894 г. № 12, стр. 219; 1895 г. № 11, стр. 299. „Вѣстн. Зол.“ 1894 г. № 4, стр. 88; ст. *Сборовскаго* въ „Зап. Запад. Сиб. Отд.“ кн. XIX, 86, 88; „Вѣстн. Золот.“ 1897 г. № 11, стр. 249.

ное состояніе приісковъ“ Семипалатинской области неудовлетворительно, аптеки также неудовлетворительны. „Фельдшера хотя и имѣются почти на каждомъ приіскѣ, но большинство изъ нихъ изъ какихъ-то отставныхъ солдатъ, яко-бы исполнявшихъ въ полку обязанности фельдшеровъ и, какъ мнѣ кажется, имѣющихъ очень слабое представленіе о медицинѣ. Впрочемъ, рабочіе изъ киргизъ... какъ-то недовѣрчиво относятся къ русской медицинѣ“ (развѣ можно при такихъ условіяхъ и говорить объ истинной медицинской помощи?) „и при болѣзняхъ всегда обращаются къ своимъ народнымъ лекарямъ и медицинскимъ средствамъ, въ родѣ ртуты, киновари, ...александрійскаго листа, опія, стручковаго перца и т. п., которые, по ихъ мнѣнію, излечиваютъ отъ всѣхъ болѣзней“. На сѣздѣ золотопромышленниковъ Усть-Каменогорскаго и Зайсанскаго уѣздовъ въ 1894 году было постановлено „имѣть на каждомъ приіскѣ нормальную аптеку и пріемный покой“, но это постановленіе не было исполнено, какъ видно изъ того, что, по словамъ officialнаго отчета за 1896 г., „больницъ и пріемныхъ покоевъ на приіскахъ нѣтъ, но фельдшера были почти на каждомъ приіскѣ“. На томъ же сѣздѣ постановлено, что лекарства должны выдаваться бесплатно, но рабочіе не могутъ брать ихъ для передачи постороннимъ лицамъ ¹⁾).

На томъ же сѣздѣ въ Усть-Каменогорскѣ въ 1894 г. былъ поставленъ вопросъ, должно ли выдавать жалованье больнымъ рабочимъ, и рѣшено было, что за время болѣзни жалованья рабочимъ вовсе не полагается, кромѣ случаевъ ушиба и пораненія на самой работѣ или же отъ свойства работы (напр., въ водѣ), когда рабочіе должны получать половинное жалованье. Если же болѣзнь произошла по винѣ самага управленія, то больные получаютъ полное жалованье. До этого постановленія рабочіе, какъ и въ другихъ золотопромышленныхъ системахъ, въ случаѣ болѣзни и нахожденія въ больницѣ, жалованья не получали, такъ какъ мѣсяцъ считается въ тридцать рабочихъ дней ²⁾, но въ другихъ мѣстахъ они получали въ это время все необходимое пропитаніе. Относительно этого сѣздъ въ Усть-Каменогорскѣ постановилъ, что больнымъ наружными болѣзнями или поврежденіями выдается не менѣе половины порціи, назначенной для здоровыхъ, а больнымъ внутренними болѣзнями по особому указанію фельдшера.

Въ 1890 г. на приіскахъ Семипалатинско-Семирѣченскаго округа всего чаще бывали слѣдующія болѣзни: перемежающіяся лихорадки, воспаленіе горла, горячки, ревматизмы, цынга и др. По словамъ г. Ко-

¹⁾ „Вѣстн. Золот.“ 1894 г. № 10, стр. 188; № 24, стр. 416; № 3, стр. 72; 1897 г. № 11, стр. 249.

²⁾ По крайней мѣрѣ такое условіе мы находимъ въ договорахъ Степановой (1888 г.) и Брюханова.

цовскаго, несмотря на неудовлетворительное санитарное состояніе приисковъ, „процентъ заболѣванія здѣсь очень незначительный, что можно объяснить хорошимъ, здоровымъ климатомъ, а главное тѣмъ, что приисковая обстановка степи очень мало нарушаетъ народныя привычки киргизовъ. Между рабочими-киргизами замѣтно развитіе, главнымъ образомъ, слѣдующихъ болѣзней: цынги, сифилиса и въ особенности лихорадки и ревматизма—послѣднія отъ условій приисковыхъ работъ“ ¹⁾).

Несчастныхъ случаевъ на приискахъ Семипалатинско-Семирѣченской области бываетъ, повидимому, немного; это объясняется тѣмъ, что работы ведутся, за немногими исключеніями, въ довольно мелкихъ разрѣзахъ, глубиною ниже человѣческаго роста. Впрочемъ, прежде о незначительныхъ случаяхъ не заставляли сообщать, и только недавно повсюду завели книги для записки несчастныхъ случаевъ и завѣдующихъ приисками обязали доносить мѣстнымъ властямъ о всѣхъ подобныхъ случаяхъ, какъ бы ни были они маловажны ²⁾).

На сѣздѣ въ Усть-Каменогорскѣ въ 1894 г. было постановлено, что увѣчные и разнаго рода неспособные къ работѣ, сдѣлавшіеся таковыми благодаря работѣ на приискахъ, должны получать пособіе отъ золотопромышленниковъ. Но на составленіе необходимаго для этого капитала золотопромышленники согласились жертвовать слишкомъ мало: всего по 10 коп. съ рабочаго въ годъ! Разсчитывая собрать такимъ образомъ всего по нѣсколько сотъ рублей въ годъ, золотопромышленники все-таки просили Усть-Каменогорскаго уѣднаго начальника выработать уставъ о выдачѣ пособій изъ капитала, который такимъ образомъ составитъ ³⁾).

Подобные факты показываютъ, что добротныя даянія гг. золотопромышленниковъ будутъ очень мало помогать увѣчнымъ, и необходимо, чтобы государство установило или единоличную отвѣтственность предпринимателей за несчастные случаи въ приличномъ размѣрѣ, или государственное страхованіе.

Школъ и церквей на степныхъ приискахъ нигдѣ нѣтъ ⁴⁾).

Въ договорахъ съ рабочими здѣсь, какъ и въ другихъ золотопромышленныхъ системахъ, установлены штрафы за провинности. Такъ, по договору со Степановою, за самовольную отлучку, мнимую болѣзнь и наемъ другого лица вмѣсто себя, безъ согласія управляющаго, полагается за каждый день штрафъ по 30 коп.; такой же штрафъ назначенъ и за жестокое обращеніе съ животными. По договору съ Брюха-

¹⁾ Вѣстн. Золот.“ 1894 г. № 10, стр. 183.

²⁾ „Горн. Журн.“ 1894 г. № 8, стр. 220. Въ 1896 г. несчастныхъ случаевъ на приискахъ Семип.-Сем. окр. было 2. „Вѣстн. Золот.“ 1897 г. № 11, стр. 249.

³⁾ „Вѣстн. Золот.“ 1894 г. № 24, стр. 416.

⁴⁾ Ст. *Оборовскаго* въ Зап. Запад. Сиб. Отд. Гогр. Общ., кн. XIX, 1896 г. стр. 91.

новымъ, за самовольную отлучку съ приска опредѣленъ штрафъ по 50 коп. за каждый прогульный день. Начальникъ Томскаго горнаго управленія въ отчетѣ за 1889 годъ увѣряетъ, что „неустойки взыскиваются очень рѣдко, штрафы также, хотя обо всемъ этомъ и говорится въ договорахъ“¹⁾. Въ договорѣ со Степановою на рабочихъ возлагается обязанность „составить изъ среды своей артельную расправу“ на основаніи правилъ, установленныхъ въ законѣ, и исполнѣ подчиняться ей. Въ договорѣ съ Брюхановымъ упоминается о правѣ хозяина расчитать рабочаго и ранѣе срока.

Полицейская власть на промыслахъ киргизской степи находилась въ рукахъ горнаго исправника Семипалатинско-Акмолинскаго горно-полицейскаго округа, но 1-го мая 1893 г. эта должность упразднена, и обязанности исправника возложены на уѣздныхъ начальниковъ²⁾.

Бѣжало съ присковъ Семипалатинскаго округа въ 1879 г. 6,7% рабочихъ, поймано 42% бѣжавшихъ; въ 1880 г. бѣжало 2,7%, поймано 12% бѣжавшихъ; въ Акмолинской области въ томъ же году бѣжало 17% рабочихъ, пойманныхъ не было. Въ 1881 г. въ Семипалатинской области бѣжало 1,5% рабочихъ, изъ числа ихъ поймано 50%; въ 1888 г. бѣжало 1,7%, изъ нихъ поймано 12%. Въ 1890 г. съ присковъ Семипалатинскаго округа бѣжало 4,7%, изъ нихъ поймано 35%; въ 1893 г. бѣжало 2,5%, изъ нихъ поймано 61%; въ 1896 г. бѣжало 0,4%³⁾. Эти цифры показываютъ, что жалобы въ нѣкоторыхъ газетныхъ корреспонденціяхъ⁴⁾ на громадные побѣги съ присковъ Семипалатинскаго округа сильно преувеличены.

Общій размѣръ вознагражденія рабочихъ въ теченіе всей операціи былъ указанъ выше, данныхъ же о томъ, какую часть заработка составляли задатокъ, заборъ на промыслахъ и додача, мы имѣемъ очень мало. На Ильинскомъ прискѣ Смирнова, въ Зайсанскомъ уѣздѣ Семипалатинской области, въ теченіе операціи 1893 г., продолжавшейся съ 1-го февраля по 1-е октября, 146 рабочихъ заработали въ среднемъ всего по 30 рублей. Въ томъ числѣ задатокъ составлялъ 43%, заборъ деньгами на прискахъ 5%, заборъ припасами и товарами 28% и додача 24%. На Михайловскомъ прискѣ Степановой того же уѣзда 72

¹⁾ Арх. Томск. Горн. Упр.

²⁾ „Горн. Жур.“ 1894 г. № 7, стр. 75. Казачьей команды на промыслахъ Семипалатинской области въ 1879 г. было 9 ч. Съ 1 мая 1880 г. казаки замѣнены вольнонаемными полицейскими стражниками, которыхъ въ 80-хъ гг. было на промысл. Семипал. обл. отъ 14 до 26, въ 1890 г. въ Семип.-Семирѣч. горн. окр. 23, въ Тоб. Акм. 2.

³⁾ Дѣло Горн. Деп.; „Горн. Журн.“ 1882 г. № 9, стр. 384; 1891 г. № 12, стр. 521; 1894 г. № 8, стр. 214, 215; Арх. Том. Горн. Управ.; „Вѣстн. Золот.“ 1897 г. № 11, стр. 249.

⁴⁾ Напр. въ „Сибир. Вѣстн.“ 1888 г. № 37, стр. 3.

рабочихъ въ операцію 1893 г. (съ 28 марта по 21 авг.) заработали въ среднемъ всего по 34 р., въ томъ числѣ задатокъ составлялъ 50%, заборъ деньгами на промыслахъ 19%, заборъ припасами и товарами 7% и додача 24%.¹⁾ Мѣстный окружный инженеръ въ донесеніи своемъ въ томское горное управленіе (1889 г.) говоритъ: рабочимъ киргизамъ при окончательномъ разсчетѣ „приходится получить пустяки“, а именно за вычетомъ задатка „половину годовой платы (рублей 14), которую они постепенно помѣсячно и получаютъ“. На сѣздѣ золото-промышленниковъ въ Усть-Каменогорскѣ было постановлено: всѣ разсчеты съ рабочими производить только деньгами, выдавая на одну треть всей заработанной въ операцію платы такой лишь товаръ, какъ сапоги, шапка и рубаха“. Судя по отчетамъ пріисковъ Смирнова и Степановой, правило это (по крайней мѣрѣ для нѣкоторыхъ пріисковъ) не уменьшаетъ, а скорѣе увеличиваетъ выдачу товарами и припасами, такъ какъ эта выдача составляла на пріискѣ Смирнова 28%, а на пріискѣ Степановой даже лишь 7% всего заработка. Въ 1894 г. въ Семипалатинско-Семирѣченскомъ округѣ средній размѣръ заработка на 40 пріискахъ равнялся 44 р., причемъ додача составляла 18%.²⁾

Время разчета на промыслахъ киргизской степи позже, чѣмъ на многихъ другихъ золотопромышленныхъ системахъ, а именно 1-го октября.

Въ продолженіе всего года оставалось рабочихъ для карауловъ и корма скота въ 1879 г. на промыслахъ Семипалатинской области лишь 3%, въ Акмолинской 5%, въ 1880 г. въ первой 1,5%, во второй 6%. Въ 1888 г. на Свято-Макарьевскомъ пріискѣ съ руднымъ золотомъ задолжалось на весь годъ 177 человекъ, такъ что въ этомъ году годовые рабочіе составляли въ Семипалатинской области 8,5% всѣхъ рабочихъ. Но въ 1890 г. на промыслахъ Семипалатинско-Семирѣченскаго округа оставалось на весь годъ опять 1,4% рабочихъ, а въ Тобольско-Акмолинскомъ округѣ—около 3%.³⁾

¹⁾ „Вѣстн. Золот.“ 1894 г. № 20, стр. 333; № 22, стр. 373.

²⁾ Шостакъ, табл. 5-я.

³⁾ Дѣла Горн. Деп. и Томск. Горн. Упр.; „Горн. Жур.“. 1882 г. № 9, стр. 385; 1890 г. № 12, стр. 520.

ГЛАВА IV.

Общеконтрактные рабочіе на промыслахъ Томской губ. съ 1870 г. до начала 1890-хъ гг.

Наемъ рабочихъ и контракты съ золотопромышленниками. — Размѣръ залатка. — Неявившіеся рабочіе. — Праздники. — Продолжительность рабочаго дня. — Разряды рабочихъ. — Размѣръ уроковъ. — Подземныя работы. — Вознагражденіе за трудъ. — Пища. — Винныя порціи. — Жилища. — Заборъ товаровъ и припасовъ изъ присковъ лавокъ. — Семейства рабочихъ. — Народныя чтенія и спектакли. — Артельныя расправы. — Денежныя штрафы. — Списки рабочихъ, не подлежащихъ найму. — Горные исправники. — Продолжительность операціи. — Медицинская помощь. — Несчастные случаи. — Школы. — Побѣги съ промысловъ. — Величина заработка и додачи. — Долги рабочихъ. — Разсчетъ. — Рабочіе, оставшіеся на зиму.

Золотые промыслы Томской губ. состоятъ изъ промысловъ Маріинскаго округа (за разработку которыхъ уплачивается 3⁰/₀-ая подать съ золота и подесятинная за землю) и Алтайскаго горнаго округа; эти послѣдніе въ свою очередь можно раздѣлить на промыслы въ мѣстахъ, разрѣшенныхъ для частной промышленности (правый берегъ Томи, система Абакана, Телецкаго озера и пріиски по рѣчкамъ Сюри и Ѳедоровкѣ, на которыхъ уплачивается отъ 5 до 15⁰/₀ подати съ золота) и на промыслы двухъ большихъ компаній по лѣвому берегу рѣки Томи (Асташевыхъ и Южно-Алтайской компаніи) съ уплатою 17⁰/₀ со всего добытаго золота ¹⁾. Во время управленія Алтайскимъ горнымъ округомъ Ю. И. Эйхвальдомъ лучшія золотоносныя площади округа, до тѣхъ поръ изыятны изъ частной эксплуатаціи, въ 1880 г. были отданы въ аренду В. И. Асташева и К⁰; черезъ годъ контрактъ былъ заключенъ на другія площади съ золотопромышленною компаніею Мальцева ²⁾.

¹⁾ „Вѣстн. Золот.“ 1893 г. № 15, стр. 252.

²⁾ „Алтай“, сборникъ, изд. подъ редак. Голубева, Томскъ 1890 г., стр. 381.

Договоръ съ Асташевымъ намъ неизвѣстенъ, но Мальцевъ по контракту, между прочимъ, обязался „не допускать при разработкѣ промысловъ старательскихъ работъ“, при чемъ подъ старательскими слѣдовало понимать „работы, производимыя отдѣльными рабочими въ разбросъ безъ заранѣе составленной технической смѣты и безъ технического надзора за горными работами со стороны арендатора“ ¹⁾. Вѣроятно, такое же условіе было включено и въ договоръ съ Асташевымъ, по крайней мѣрѣ, въ одной корреспонденціи изъ Барнаула въ 1882 г. сказано слѣдующее: „Зло отъ отдачи сказаннымъ компаніямъ лѣваго берега рѣки Томи уже осязательно выразилось тѣмъ, что компаніи немедленно согнали съ золотоносныхъ рѣчекъ золотничниковъ, запретивъ имъ не только добычу золота, но даже жительство тамъ, лишивъ этимъ способомъ хозяйства, осѣлости и заработковъ не одну тысячу народа“ ²⁾.

Всего рабочихъ въ Маріинскомъ округѣ было въ 1882—89 гг. въ среднемъ по 2138 рабочихъ ежегодно, въ Алтайскомъ округѣ по 2841 чел. Въ 90-хъ годахъ количество рабочихъ въ Маріинскомъ округѣ уменьшилось, и въ 1894 г. ихъ было 1825 чел., а въ Алтайскомъ въ томъ же году 3435 ³⁾.

На промыслахъ Алтайскаго округа золотопромышленность представляетъ болѣе крупныя формы предпріятій, чѣмъ въ Маріинскомъ: въ 1882—89 гг. на одинъ присекъ Маріинскаго округа приходилось въ среднемъ по 22 рабочихъ, а въ Алтайскомъ по 50 чел.

Общеконтрактныхъ рабочихъ на присекахъ Маріинскаго округа въ 1891 г. было 62% всего числа (остальные 38% составляли золотничники) ⁴⁾.

По официальному отчету о состояніи частныхъ золотыхъ промысловъ Алтайскаго горнаго округа за 1887 г. наемъ рабочихъ производился частію на промыслахъ осенью во время общаго разсчета, но большею частію въ волостяхъ, куда они выходили по окончаніи работъ, „не употребляя при этомъ ни спаиванія, ни другихъ какихъ либо приманокъ“ ⁵⁾, но это послѣднее свидѣтельство опровергается показаніями частныхъ лицъ, по крайней мѣрѣ относительно нѣкоторыхъ промысловъ ⁶⁾. Часть рабочихъ нанималась съ 1-го октября, т.-е. послѣ раз-

¹⁾ Арх. Главнаго Управленія Алтайскаго горнаго округа въ Барнаулѣ, дѣло № 6322/53, л. 11.

²⁾ „Восточное Обозрѣніе“, 1882 г. № 22, стр. 7.

³⁾ См. въ концѣ тома *Дополненіе I* и *Шостакъ*, „Золотопромышленность въ Томск. горн. области“. Т. 1896 г., таблица II.

⁴⁾ Дѣло отд. части. золотопром. Горнаго Департ., № 80, донесеніе 24 декабря 1891 г. начальника Томскаго Горнаго Управленія.

⁵⁾ Дѣла Горн. Департ.

⁶⁾ „Сибирскій Вѣстникъ“, 1886 г., № 77, стр. 3.

счета, на цѣлый годъ, остальные же заключали контрактъ осенью въ городахъ и волостяхъ и являлись на промысла въ теченіе зимнихъ мѣсяцевъ (съ декабря до марта). Срокомъ окончанія найма въ Маринскомъ и Алтайскомъ округахъ теперь всегда назначается въ договорахъ 1-ое октября, но въ дѣйствительности въ нѣкоторыхъ мѣстахъ работы оканчиваются ранѣе. Такъ по отчетамъ томскаго горнаго управленія за 1889 и 90 гг. въ Томскомъ горномъ округѣ „работы продолжаются до послѣднихъ чиселъ сентября, кромѣ системы весьма быстрыхъ рѣчекъ Терсей“ (Алтайскаго округа), „гдѣ расчетъ производится нѣсколько ранѣе“ ¹⁾. По отчету горнаго исправника Алтайскаго горнаго округа за 1888 г., промывка золота начиналась въ половинѣ апрѣля и продолжалось до 1-го октября ²⁾. По договору съ К^о Иваницкаго, Жилля и Потапова 1888 г. (Алтайскаго округа) присковое управленіе обязывалось, согласно Горному Уставу, „во время дурной погоды послѣ 10 сентября имѣть при промывальняхъ теплое помѣщеніе для вашгердовъ“, если присковое управленіе „пожелаетъ опредѣлять насъ для производства на оныхъ ручной промывки эфелей и пробъ“, а также обязывалось, на основаніи „Правилъ о наймѣ рабочихъ“, съ окончанія работъ 1-го октября „принять на свой счетъ всѣ мѣры къ благополучному выходу“ рабочихъ „до тѣхъ пунктовъ, откуда дальнѣйшее путешествіе становится безопаснымъ“; такое же условіе постановлялось и относительно тѣхъ рабочихъ, которые согласятся остаться на промыслахъ послѣ 1 октября. Для промысловъ, расположенныхъ въ Алтайскомъ округѣ по верховьямъ р. Томи, срокъ найма 1-го октября слишкомъ поздній: рабочимъ приходится спускаться въ лодкахъ внизъ по Томи, и здѣсь ихъ захватываетъ иногда шуга (нѣчто въ родѣ снѣга, или такъ называемаго сала, образующагося въ водѣ), такъ что ѣдутъ какъ въ кашѣ. Иногда послѣ этого рѣка становится, а не то вновь дѣлается оттепель.

Какъ и въ другихъ округахъ, присковыя управленія предоставляли себѣ въ контрактахъ право рассчитать рабочаго во всякое время и по какимъ бы то ни было причинамъ, иной разъ даже съ угрозой возложить на виновнаго происшедшіе отъ того убытки; иногда же перечислялись въ договорѣ причины, по которымъ рабочій можетъ быть уволенъ до срока. Въ договорѣ съ К^о Плотникова и Жилля (1890 г., Мар. окр.) такими причинами являются: неспособность къ работѣ, часто повторяющіяся недоработки, лѣность, неповиновеніе и „всякіе предосудительныя поступки“,—условія, не отличающіяся особенною опредѣленностью. Въ договорѣ Иваницкаго, Жилля и Потапова (1888 г., Алтайск. окр.)

¹⁾ Арх. Томск. Горн. Управленія; „Горный Журналъ“, 1891 г., № 12, стр. 524.

²⁾ Арх. горн. исправника въ Кузнецкѣ.

поводомъ къ досрочному разсчету могутъ быть, кромѣ „предсудительныхъ поступковъ“, „наличество“ рассчитываемаго рабочаго и „сокращеніе работъ“.

Пріисковыя управленія предоставляли себѣ право переводить рабочихъ съ одного пріиска на другой; въ нѣкоторыхъ договорахъ определяется количество верстъ, которое они должны были проходить въ день (25—30 вер.) и дневное вознагражденіе, которое должны были пріеѣмъ получать (20—30 к. въ день). За неисполненіе требованія о переходѣ на другой пріискъ въ нѣкоторыхъ договорахъ опредѣленъ штрафъ 3 руб. въ день.

Какъ и въ другихъ округахъ, пріисковыя управленія предоставляли себѣ даже право передавать рабочихъ другимъ компаніямъ. Иногда это условіе не сопровождается въ договорѣ никакими оговорками, иногда пояснено, что рабочіе на пріискахъ другой К^о должны исполнять тѣ же правила, каковыя они должны были подвергаться и у нанявшаго ихъ золотопромышленника, но иногда, наоборотъ, они обязываются подчиняться условіямъ, установленнымъ на томъ пріискѣ, куда ихъ передавали ¹⁾; встрѣчаемъ также оговорку, что принимающее рабочихъ пріисковое управленіе уплачиваетъ передающему ихъ долги рабочихъ.

За неявку на промысла рабочіе подлежали по договорамъ извѣстнымъ денежнымъ пенямъ. Такъ, по договору съ Плотниковымъ и Жилемъ (1890 г., Мар. окр.), въ случаѣ неявки рабочаго на пріискъ пріисковому управленію предоставлялось просить о понужденіи его къ выполненію контракта или взыскать съ него исполнительнымъ порядкомъ выданныя въ задатокъ и вообще неотработанныя деньги съ неустойкою въ 10 руб. ²⁾. За несвоевременную явку на пріиски въ извѣстныхъ намъ договорахъ обыкновенно назначается штрафъ по 1 р. въ сутки и лишь въ одномъ контрактѣ 50 к. Въ одномъ договорѣ (1871 г.) рабочіе обязываются отработать просроченные дни послѣ 1-го октября, хотя бы они и не были въ долгу.

Задатки при наймѣ на пріиски Томской губ. колебались въ 80-хъ и первой половинѣ 90-хъ гг. отъ 10 до 80 р.; есть извѣстіе, что при наймѣ въ 1882 г. на пріиски Данилова (Бійскаго окр.) въ с. Каратузѣ (Минус. окр. Енис. губ.) задатокъ доходилъ даже до 100 р. ³⁾. Сред-

¹⁾ Впрочемъ, такое правило мы встрѣтили лишь въ одномъ контрактѣ 1870 г. съ золотопромышленникомъ Триполитовымъ, Марин. окр.

²⁾ Въ нѣкоторыхъ же контрактахъ за неявку на промысла рабочимъ грозила „отвѣтственность по закону какъ за нарушеніе святости контракта, такъ и за захватъ чужой собственности подъ видомъ взятаго задатка, и всѣ убытки отъ этого“ рабочіе обязывались „заплатить, на основаніи общихъ гражданскихъ законовъ, своею собственностью или отработать по первому требованію“.

³⁾ „Сибирская Газета“, 1882 г., № 7, стр. 1198.

ними задатками въ 1889—90 гг. томское горное управленіе считало 25—40 р. ¹⁾ Весьма значительная часть задатка шла на уплату податей. Изъ списка рабочихъ, нанятыхъ на Неожиданный принскъ Южно-алтайской К^о въ 1888 г., видно, что весь задатокъ колебался между 15 и 60 р., въ томъ числѣ на руки выдавалось деньгами (иногда въ два—три приема) 5—50 р.; не всѣ, но многіе рабочіе дѣлали заборъ и товарами, который иногда доходилъ до 25 р.; на подати въ нѣкоторыхъ случаяхъ оставалось до 30 р. ²⁾ Горная администрація жаловалась въ своихъ отчетахъ на то, что волостныя правленія эксплуатировали рабочихъ, требуя съ нихъ непомерно высокія суммы въ уплату податей, такъ что нерѣдко приходилось выплачивать по 30—40 р. въ годъ ³⁾.

Въ контрактахъ съ рабочими принсковыя управленія договаривались, что могутъ отправлять ихъ на промысла по своему усмотрѣнію, пѣшкомъ или на лошадяхъ; въ послѣднемъ случаѣ рабочіе принимали прогоны на свой счетъ и обязывались не дѣлать дневокъ на пути; въ нѣкоторыхъ договорахъ рабочіе обязывались дѣлать въ сутки (подъ угрозой штрафа по 1 р. за каждую самовольную дневку) не менѣе извѣстнаго разстоянія (20—25 вер.). Иногда назначалось, черезъ сколько дней по заключеніи контракта рабочіе должны были явиться на принскъ. Въ договорѣ съ Даниловымъ (1877 г., Алт. окр.) рабочіе обязывались прилично вести себя на дорогѣ, не пьянствовать, слушаться партіоннаго прикащика, въ противномъ случаѣ они подвергали себя „артельной или полицейской расправѣ тотчасъ же на мѣстѣ сдѣланныхъ проступковъ или по прибытіи на принскъ“. Въ нѣкоторыхъ договорахъ назначалось рабочему на пути между послѣднимъ жилымъ мѣстомъ и принскомъ по 2¹/₂—3 ф. хлѣба въ день каждому. Въ Алтайскомъ округѣ рабочіе обыкновенно отправлялись на прински на подводахъ, нанимаемыхъ въ складчину. По договору съ Хотимскимъ (1871 г., Мар. окр.) во время пути на принскъ рабочіе отвѣчали артелью за побѣгъ каждаго должника; въ извѣстныхъ намъ позднѣйшихъ договорахъ такого условія мы не встрѣчаемъ. Нужно замѣтить, что нѣкоторые прински Томскаго горнаго округа находятся въ самомъ близкомъ разстояніи отъ жилыхъ мѣстъ, но есть и такіе, разстояніе которыхъ отъ селеній доходитъ до 180 вер.

Не явилось на промысла Томской губ. въ 1870 г. всего 1,4%, нанятыхъ рабочихъ, въ 1871 г. 0,5%, въ 1876 г.—1,1%, въ 1878 г.—

¹⁾ Отчетъ за 1889 г. въ Арх. Том. Горн. Управл., за 1890 г.—въ „Горномъ Журналѣ“ 1891 г., № 12, стр. 525.

²⁾ Арх. Неожиданнаго принска Южноалтайской К^о.

³⁾ Ср. „Вѣстн. Золотопром.“, 1893 г., № 14, стр. 230—231.

2,4%, въ 1879 г.—1,2%, въ 1880 г.—1,3%, въ 1881 г.—1,4%, въ 1883 г.—0,5%, въ 1885 г.—0,7%, въ 1889 г.—6,2%, въ 1890 г.—1,3%, въ 1891 г.—0,6% ¹⁾). Такимъ образомъ число неявившихся рабочихъ, за исключеніемъ 1889 г., было ничтожно.

Рабочіе на приискахъ Томской губ., какъ и въ другихъ мѣстностяхъ Сибири, обязывались въ договорахъ работать ежедневно, не исключая воскресныхъ дней. Праздниковъ въ извѣстныхъ намъ договорахъ назначалось весьма немного—отъ 9 до 13 (наименьшее количество, т.-е. 9, въ договорахъ К^о Жилля, Иваницкаго и Потапова, Алтайскаго округа, и на приискѣ Попова, арендуемомъ имъ у Южно-алтайской К^о). Въ Маріинскомъ округѣ, по словамъ чиновника Соколова, посѣтившаго его въ 1890 г., наиболѣе обычнымъ являлось предоставленіе рабочимъ 10 праздничныхъ дней, въ томъ числѣ одинъ день Рождества, Новый годъ, одинъ день масленицы, три дня Пасхи, Троица, Ильинъ день ²⁾); но по нѣкоторымъ договорамъ праздновали еще 1-е октября (Покровъ Св. Богородицы), 6-го декабря (Николинъ день), не одинъ, а два дня Рождества и масленица, но не праздновали Ильина дня. Въ договорахъ упоминается еще объ одномъ льготномъ днѣ въ мѣсяцъ, но съ различными оговорками: по однимъ только въ теченіе лѣтней операции, по другимъ въ тѣ мѣсяцы, въ которые не приходится какого либо праздника или праздниковъ Рождества, масленицы, Пасхи. При такихъ оговоркахъ установленіе одного льготнаго дня въ мѣсяцъ мало увеличивало количество дней отдыха.

По договорамъ Маріинскаго и Алтайскаго округовъ рабочіе всего чаще обязывались работать, за исключеніемъ времени отдыха, 13—13½ ч. ³⁾), но иногда продолжительность рабочаго дня доходитъ въ нихъ и до 15 ч. Въ нѣкоторыхъ контрактахъ не опредѣляется даже вполне точно продолжительность отдыха. Такъ, въ договорѣ съ золотопромышленникомъ Даниловымъ (1877 г.), по которому рабочіе обязывались работать на его золотыхъ промыслахъ, „находящихся по разнымъ мѣстамъ Восточной и Западной Сибири и въ Алтайскомъ округѣ“, сказано: „На работу выходить, не исключая воскресныхъ и табельныхъ

¹⁾ „Томск. Губер. Вѣдом.“, 1874 г. № 6; Арх. Горн. Департ.; „Горный Жур.“, 1882 г., № 9, стр. 384; „Сибирь“, 1877 г., № 5, стр. 3; 1879 г., № 14, стр. 1—2; Отчетъ Томск. Горн. Упр. за 1889 г. (Дѣло Томск. Горн. Управ., л. 11); „Горный Журналъ“ 1891 г. № 12, стр. 520; *Н. Боголюбскій*, „Краткій очеркъ состоянія горнаго промысла въ Западной Сибири“, Том., 1893 г., стр. 23.

²⁾ Арх. Том. Горн. Управ., Дѣло 1891 г., № 12.

³⁾ Впрочемъ, въ договорѣ съ Щепетильниковымъ (1871 г., Мар. окр.) рабочий день долженъ былъ продолжаться съ 5 ч. у. до 6 ч. веч. съ отдыхомъ съ 15 мая по 1 августа 2 ч. и съ 1 августа по 1 сентября 1 часъ, такъ что рабочий день былъ опредѣленъ въ 11—12 ч.

дней, каждое число не позже 5 ч. утра и сходить не ранее 8 ч. полудни безъ всякихъ отговорокъ на неудобство времени, какъ-то холода и ненастье, съ тѣмъ, однакоже, чтобы въ продолженіе этихъ часовъ мы могли пользоваться необходимымъ временемъ на продолженіе нашего обѣда съ необходимымъ отдыхомъ *по существующему уже на то порядку*. Если же къ назначеннымъ 8-ми часамъ, т.-е. къ концу дневной работы, заданный и принятый урокъ не будетъ исполненъ по очевидной лѣности и нерадѣнію, что легко можетъ быть видимо по сравненію съ другими усердными работниками, то всякій изъ насъ обязанъ работать и позже 8-ми часовъ, дабы отдать урокъ сполна". Въ договорахъ Южноалтайской К^о конца 80-хъ и начала 90-хъ гг. также встрѣчаемъ обязательство начинать работу *не позже 5 ч. у.*, и здѣсь это правило дѣйствительно примѣнялось, такъ какъ на Неожиданномъ пріискѣ этой К^о работа начиналась номинально въ 5-мъ часу у., но по такимъ часамъ, которые шли на 2 ч. впередъ, такъ что въ дѣйствительности горныя работы начинались въ 3-мъ часу утра: такъ было по крайней мѣрѣ во время посѣщенія нами въ 1891 г. пріисковъ этой К^о. Золотопромышленникъ Поповъ, арендующій одинъ изъ пріисковъ Южноалтайской К^о, въ договорѣ 1890 г. откровеннѣе назначаетъ начало работъ въ 4 ч. у., окончаніе въ 8 ч., съ тѣмъ, что съ 1 октября по 1 мая на обѣдъ съ отдыхомъ полагался 1 ч., завтракать же рабочіе должны были до начала работъ; съ 1 мая по 1 августа— $\frac{1}{2}$ ч. на завтракъ и $\frac{1}{2}$ ч. на обѣдъ и отдыхъ, а съ 1 августа по 1 октября также $\frac{1}{2}$ ч. на завтракъ и $\frac{1}{4}$ ч. на обѣдъ и отдыхъ, слѣдовательно лѣтомъ продолжительность рабочаго дня, за исключеніемъ отдыха, равнялась 14 часамъ. Мы видимъ въ этомъ договорѣ, какъ золотопромышленники дорожатъ каждою четвертью часа рабочаго времени. Въ договорѣ К^о Иваницкаго, Жилия и Потапова (1887 г.) начало работъ назначено въ 4 ч. у., окончаніе въ 8 ч. веч., „съ тѣмъ, однако, чтобы въ продолженіе этихъ часовъ“ рабочіе „могли пользоваться необходимымъ временемъ“ на обѣдъ и отдыхъ „по существующему уже на то порядку“, т.-е. продолжительность отдыха точно не опредѣлена.

По официальнымъ отчетамъ о золотопромышленности въ Западной Сибири на пріискахъ Маринскаго и Алтайскаго округовъ продолжительность рабочаго дня указана въ 1879 г.—12 ч.; въ 1881 и 85 гг.—maximum 11 ч., minimum 7 ч. (вѣроятно зимою), среднее 9 ч., въ 1883—84, 1887, 1889, 1890 гг.—не болѣе 10 ч.¹⁾; по отчету 1888 г. среднее

¹⁾ Мы увидимъ ниже, что въ отчетѣ одной К^о Алтайскаго округа за 1887 г. указано высшее число часовъ 15; въ отчетѣ горнаго исправника о пріискахъ Алтайскаго округа за 1890 г. maximum числа рабочихъ часовъ указано 12 (Арх. горн. исправника въ Кузнецкѣ).

число рабочихъ часовъ въ сутки—10 ¹⁾). Въ 1891 г. по официальнымъ свѣдѣніямъ съ 1 октября по 1 марта число рабочихъ часовъ равнялось 8, съ 1 марта по 1 мая—10 ч., съ 1 мая по 1 октября—12 ч. ²⁾). По донесенію томскаго окружнаго инженера Реутовскаго (1892 г.) на пріискахъ лучшихъ компаній рабочий день продолжается не болѣе 10 ч. ³⁾). Въ передовой статьѣ „Вѣстника Золотопромышленности“ 1894 г. (№ 23, стр. 384), редактируемаго г. Реутовскимъ, указана еще меньшая продолжительность дѣйствительной работы: „на пріискахъ Томскаго горнаго округа число рабочихъ часовъ въ день... можно принять въ среднемъ въ 10²/₃ и 11¹/₂ часовъ, изъ коихъ 1¹/₂ ч. дается на обѣдъ и послѣобѣденный отдыхъ, по ¹/₄ ч. на утренній и вечерній чай и 8²/₃ и 9¹/₂ ч. собственно на работы“. По нашему мнѣнію, редакторъ „Вѣстника Золотопромышленности“, указывая эти нормы, прикрасилъ дѣйствительность, увлекаясь гуманнымъ желаніемъ опредѣлить законодательнымъ путемъ болѣе умѣренную норму продолжительности рабочаго дня (въ статьѣ обсуждается вопросъ о сокращеніи рабочихъ часовъ). По крайней мѣрѣ на пріискахъ Южноалтайской К^о, принадлежащей къ числу благоустроенныхъ, въ 1891 г. мы слышали, что рабочий день, за исключеніемъ отдыха, продолжался лѣтомъ 11—13 ч., причемъ уроки отрабатывались къ 6—8 ч. по мѣстнымъ часамъ, но случалось, что запаздывали и болѣе. Случилось, напримѣръ, что во время порчи промывальной машины работа была остановлена на 3 ч. и подвозка песковъ была невозможна, а между тѣмъ отъ рабочихъ потребовали окончанія урока, такъ что они окончили его въ 1-мъ часу ночи съ берестяными свѣчами ⁴⁾). Нѣкоторыя компаніи не скрываютъ въ своихъ отчетахъ большой продолжительности рабочаго дня. Такъ въ отчетѣ Южноалтайской К^о о дѣйствіи въ 1887 г. пріисковъ по системѣ р. Балыксы сказано, что высшее число рабочихъ часовъ 15, среднее 13, меньшее 11; впрочемъ въ отчетахъ о тѣхъ же пріискахъ за 1889 и 1890 г. указано уже высшее число рабочихъ часовъ 12, среднее 10¹/₂, меньшее 9, а въ отчетѣ за 1890 г. о пріискахъ той же К^о по системѣ р. Лебеди—высшее число рабочихъ часовъ 12, среднее 10, меньшее 8 ⁵⁾). Въ 1896 г. мѣст-

¹⁾ Арх. Горн. Департ.; „Горный Журналъ“, 1882 г., № 9, стр. 385; 1891 г., № 12, стр. 521.

²⁾ Н. Боголюбскій, „Кратк. очеркъ сост. горн. промыс. въ Запад. Сиб. и въ Енис. губ. въ 1891 г.“, Том. 1893 г., стр. 18.

³⁾ Арх. Горн. Департ., отд. частн. золотопром., 1882 г. № 80.

⁴⁾ Какой вздоръ пишутъ нѣкоторые золотопрмышленники въ своихъ отчетахъ, видно изъ отчета Ивановскаго пріиска (Алт. окр.) К^о Иваницкаго, Жили и Потапова за 1888 г., въ которомъ сказано, что число рабочихъ часовъ въ сутки высшее 10, меньшее 3, среднее 5! (Арх. горн. исправника въ Кузнецкѣ).

⁵⁾ Арх. Южноалтайской К^о на Неожиданномъ пріискѣ.

ный окружный инженеръ г. Реутовскій въ своемъ журналѣ говорить, что лѣтомъ общая продолжительность рабочаго дня, за исключеніемъ отдыха, равняется 10—12 ч., а зимою не болѣе 7—8 ч., такъ что въ среднемъ „годовая продолжительность рабочаго дня едва ли будетъ больше 10 ч.“ ¹⁾.

Въ нѣкоторыхъ контрактахъ золотопромышленникамъ предоставляется право назначать рабочихъ и на ночныя работы, продолжительность которыхъ равняется 12 ч., но въ дѣйствительности ночныхъ работъ, если не ошибаемся, здѣсь не бывало; случается, впрочемъ, что, при поломкѣ золотопромысловой машины, ее заставляютъ поправить ночью. На экстренныя работы (тушеніе пожаровъ, укрѣпленіе плотинъ и проч.) рабочіе должны были выходить во всякое время дня и ночи. Вознагражденія за эти работы въ извѣстныхъ намъ договорахъ не назначается; въ одномъ договорѣ Алтайскаго округа рабочіе даже прямо обязываются „никакой особой платы“ за этотъ трудъ „не требовать“, а въ другомъ изъ имѣющихся у насъ договоровъ (Миллера 1885 г., Мар. окр.) сказано, что вознагражденіе за помощь со стороны рабочихъ во время пожаровъ и наводненій будетъ зависѣть отъ золотопромышленника.

Рабочіе на приискахъ Томскаго горнаго округа распредѣлялись по своимъ занятіямъ въ 1889 г. слѣдующимъ образомъ: горными работами при разработкѣ присковъ занято было 40—60%, развѣдками не болѣе 5% ²⁾, ремесленниковъ 15—20%, поторжныхъ 15—40% ³⁾. По свидѣтельству того же окружного инженера въ 1891 г. на горныя работы въ Маріинскомъ округѣ „задолжалось“ не болѣе $\frac{1}{2}$ всѣхъ рабочихъ, „а собственно на выемку торфа и пласта не болѣе $\frac{1}{3}$, и то тогда, когда дѣло обставлено образцово и примѣрно“ ⁴⁾. Подробнѣе и нѣсколько иначе говоритъ объ этомъ начальникъ томскаго горнаго управленія въ своемъ донесеніи въ горный департаментъ въ 1891 г. По его словамъ, въ 1889 г. изъ 1350 общеконтрактныхъ рабочихъ Маріинскаго округа 1160 чел. состояло на приискахъ, работающихъ открытыми разрѣзами, и 190 чел.—подземными (ортовыми) работами. Изъ 1160 чел. общеконтрактныхъ рабочихъ на приискахъ, работающихъ открытыми разрѣзами, „собственно горными работами занята только половина, а остальные — конюхи, хлѣбопеки, кашевары, кузнецы, слесари, плотники, поторжные и присковая прислуга; изъ 580 чел., употребляемыхъ только на горныя работы, $\frac{1}{3}$ забойщиковъ, $\frac{1}{3}$ воз-

¹⁾ „Вѣстникъ Золотопр.“, 1896 г., № 11, стр. 228—224.

²⁾ Въ другомъ мѣстѣ отчета за тотъ же годъ 5—7%.

³⁾ Арх. Томск. Горн. Управ. дѣло съ отчетами окружныхъ инженеровъ за 1889 г.

⁴⁾ Арх. Томск. Горн. Управ., дѣло 1891 г., № 12.

чиковъ и $\frac{1}{3}$ состоящихъ при машинахъ, отвальщиковъ, галечниковъ и машинистовъ; очевидно, что занимается добычею золотосодержащихъ песковъ только $\frac{1}{3}$ часть, т.-е. 200 чел.¹⁾ Н. Боголюбскій число забойщиковъ и возчиковъ на приискахъ Западной Сибири и Енисейскаго округа принимаетъ въ 30% всей команды; наконецъ мѣстный окружной инженеръ Реутовскій полагаетъ, что одни забойщики составляютъ отъ 15 до 20% всѣхъ рабочихъ²⁾.

Въ отчетахъ разнымъ приисковымъ управленіямъ можно найти также свѣдѣнія, выраженные въ числѣ поденщинъ для опредѣленія процентнаго отношенія различныхъ работъ. Въ 1890 г. на Андабискомъ приискѣ Южноалтайской К^о Лебедской системы горныя работы заняли 66% рабочихъ поденщинъ, а поторжныхъ рабочихъ, ремесленниковъ и конюховъ 34%; на Царево-Александровскомъ приискѣ той же системы горныя работы составили 70% поденщинъ, а поторжныхъ, ремесленниковъ и конюховъ 30%; на Албасскомъ приискѣ той же системы горныя 60%, остальные 40%³⁾. Печатные отчеты разныхъ приисковъ составляются нѣсколько иначе, а именно тутъ же указываются число больныхъ поденщинъ и проведенныхъ на отдыхѣ. Въ 1893 г. на Боголюбскомъ, Анастасіевскомъ и Стефановскомъ приискахъ Р. Буткевича Маріинскаго округа поденщинъ горнорабочихъ было 55%, разночинцевъ, конюховъ, мастеровыхъ и проч. 37%, поденщинъ на отдыхѣ 5%, больныхъ поденщинъ 3%⁴⁾. Въ томъ же году на Кундустульскихъ приискахъ Маріинскаго округа Р. Буткевича поденщины горнорабочихъ составляли 57%, равныхъ другимъ рабочихъ 35%, поденщинъ на отдыхѣ 5% и больныхъ поденщинъ 3%⁵⁾.

На промыслахъ Томской губ. горныя работы производятся также поурочно, какъ и въ другихъ мѣстахъ. О неудобствѣ этой системы для рабочихъ томскій губернаторъ Тобизенъ писалъ въ 1892 г. въ министерство государственныхъ имуществъ: „Понятно, что успѣхъ земляныхъ работъ, производимыхъ на поверхности, находится въ прямой зависимости отъ состоянія погоды, такъ что работы идутъ гораздо успѣшнѣе въ сухую погоду, чѣмъ въ ненастье, между тѣмъ эта разница не принимается во вниманіе при заключеніи условій съ рабочими, что и служитъ поводомъ къ постояннымъ спорамъ и пререканіямъ. Очень часто случается, что при хорошей погодѣ опытные рабочіе кончаютъ свой урокъ за 2—3 ч. до конца рабочаго дня и уходятъ съ работы. Но нерѣдко случается, что при ненастной погодѣ, проработавъ

¹⁾ Арх. Горн. Департ., дѣло отд. части. золотопр., № 80.

²⁾ „Вѣстникъ Золотопр.“ 1896 г., № 11, стр. 224.

³⁾ Арх. Южноалтайской К^о.

⁴⁾ „Вѣстн. Золотопр.“, 1894 г., № 3, стр. 76.

⁵⁾ „Вѣстн. Золотопр.“, 1894 г., № 5, стр. 113.

цѣлый рабочий день, забойщикъ не имѣетъ возможности исполнить опредѣленнаго условіемъ урока, и тогда золотопромышленникъ, желающій злоупотребить своимъ правомъ, можетъ штрафовать рабочаго или заставлять его работать послѣ окончанія рабочаго дня безъ особаго за это вознагражденія ¹⁾“.

Процессъ возрастанія уроковъ на горныхъ работахъ продолжался и въ 70-хъ, и въ 80-хъ гг.

По договорамъ золотопромышленниковъ Маринскаго округа Петрова и Триполитова (1870 г.) 4 чел. съ ручною откаткою (на тачкахъ) не далѣе 20 саж. должны были добыть $1\frac{1}{4}$ куб. саж. торфа или песку, а съ двумя лошадьми зимою вдвое болѣе— $2\frac{1}{2}$ куб. саж. торфа, а лѣтомъ 3 саж. торфа или песку (въ 1863 г. на приискѣ Триполитова полагалось добыть зимою 2 саж. на 4 чел. при 2 лошадяхъ). По договорамъ маринскихъ золотопромышленниковъ Щепетильникова и Никифорова (1871 г.) урокъ былъ уже болѣе, а именно при *ручной* откаткѣ 2 чел. должны были добыть на торфахъ $1\frac{1}{4}$ куб. саж. (при чемъ $\frac{1}{4}$ куб. саж. считалась старательскою), а на пескахъ добыть и промыть 3 чел. — $1\frac{1}{4}$ куб. саж. (причемъ также $\frac{1}{4}$ куб. саж. считалась старательскою). Наконецъ, по договору золотопромышленника Маринскаго округа Хотимскаго урокъ былъ еще болѣе: 2 чел. при *ручной* откаткѣ на тачкахъ должны были добыть $1\frac{1}{2}$ куб. саж. талого торфа или песку, при мерзлой же землѣ ставилось такое количество людей, сколько потребуется. Во второй половинѣ 80-хъ и началѣ 90-хъ гг. ручная откатка встрѣчается нѣсколько рѣже. По договорамъ золотопромышленниковъ Пушкинова 1886 г. (маринскаго окр.) и Иванова 1888 г. (алт. окр.) при ручной откаткѣ не далѣе 50 саж. 1 куб. саж. торфа или песку должны были добыть 2 чел., а при разстояніи болѣе 50 саж. 3 чел.; по договорамъ золотопромышленника алтайскаго округа Данилова (1877 и 80 гг.) 3 чел. на тачкахъ должны были добыть 1 куб. саж. торфа, а работа сверхъ того считалась старательскою. По договорамъ Южно-алтайской К^о (80-хъ и 1890 г.) 3 чел. на тачкахъ съ 1 октября по 1 мая должны были добыть не менѣе 1 куб. саж. торфа или песку. При добычѣ торфа и песку на лошадяхъ съ 1 октября по 1 мая 2 чел. по разнымъ договорамъ второй половины 80-хъ и 1890 г. обязывались добыть $1-1\frac{1}{2}$ куб. с. ²⁾, а съ 1 мая по 1 октября $1\frac{1}{2}-1\frac{3}{4}$ куб. с., причемъ въ нѣкоторыхъ договорахъ пояснялось, что $\frac{1}{4}-\frac{3}{4}$ с. (сверхъ 1 куб. с.) считалось старательскою работою. ³⁾

Томскій окружной инженеръ Реутовскій въ отчетахъ за 1889 и 1890 гг. говорить: „на выработку 1 куб. с. торфа или пласта по общепринятому положенію для людей, непривыкшихъ къ труду, задолжается 2 чел. и 1 лошадь, что постоянно и принимается за хозяйскій урокъ. Но практика показала, что эта производительность работы съ приобрѣтеніемъ навыка,

¹⁾ Дѣло Горн. Департ., отд. частн. золотопром. о выработкѣ проекта закона 1895 г. о наймѣ рабочихъ на золотые промысла, 1882 г. № 80.

²⁾ $1\frac{1}{2}$ куб. с. съ 15 февраля по 1 мая по договорамъ Пушкинова (1886 г. Мар. окр.) и Иванова (1888 г., Алт. окр.).

³⁾ По договору Миллера (1885 г., Мар. окр.) $1\frac{3}{4}$ куб. с. торфа на 2 чел. и лошадь полагалось добыть съ 1 апрѣля, а песку съ начала промывки.

а главное съ измѣненіемъ величины и формы кайлы и лопаты сообразно свойствамъ грунта, можетъ быть значительно увеличена (до $1\frac{1}{2}$ и даже $1\frac{3}{4}$ куб. с.), не отягощая (?) дневныхъ усилій рабочаго ¹⁾). Горный исправникъ Алтайскаго горнаго округа въ отчетѣ за 1890 г. наиболѣе обычными уроками считаетъ на торфахъ на двухъ человѣкъ съ одною лошадыю: съ 1 октября по 1 марта 1 куб. с., съ 1 марта по 1 октября $1\frac{1}{2}$ куб. с., на пескахъ съ 1 мая по 1 октября добычу и промывку на машинѣ $2\frac{1}{2}$ куб. с. тремя рабочими при двухъ хозяйскихъ лошадяхъ ²⁾). Въ замѣчаніяхъ на проектъ правилъ о наймѣ рабочихъ, составленный горнымъ департаментомъ въ 1892 г., г. Реутовскій говоритъ, что урокъ въ $1\frac{1}{2}$ с. на 2 чел. при хозяйской лошади существуетъ на большинствѣ промысловъ Томскаго горнаго округа, что при средней крѣпости пластовъ и хорошемъ забойщикѣ урокъ этотъ исполняется въ теченіе 10 ч., что лучшія присковья управленія не задаютъ урока болѣе $1\frac{1}{2}$ куб. с. и увеличеніе его до $1\frac{3}{4}$ куб. с. считаетъ уже нежелательнымъ (въ 1889—90 гг. онъ не находилъ еще его обременительнымъ). Наконецъ, въ статьѣ о прискахъ Томской губ. ³⁾ г. В. Р. говоритъ: „Размѣръ уроковъ съ октября по мартъ на двоихъ обыкновенно бываетъ въ 1 с. ⁴⁾ для забойщика и возчика, съ марта по май $1\frac{1}{2}$ с. и съ мая по октябрь $1\frac{1}{2}$ с. и очень рѣдко $1\frac{3}{4}$ с. ⁵⁾“. „Чтобы понять значеніе этого замѣра“, продолжаетъ г. В. Р., „должно обратить вниманіе на то, что въ случаѣ рыхлыхъ пластовъ, при совокупности хорошихъ условий (хорошаго состоянія дороги, недалекой возки, а главное хорошей погоды) эта работа не превышаетъ обыкновенныхъ нормъ, т.-е. усиліе, скорость и работа рабочаго, выраженная въ пудофутахъ, не болѣе той, которая можетъ примѣняться безъ вреда для здоровья рабочихъ. Въ случаѣ же вязкихъ, мясниковатыхъ пластовъ эта работа больше нормальной, но не столько по величинѣ развиваемаго усилія, сколько по затратамъ употребляемаго на то времени; такъ, для мясниковатыхъ пластовъ замѣръ въ $1\frac{1}{2}$ с. великъ, такъ такъ рабочій долженъ работать на два часа болѣе обыкновеннаго или употреблять болѣе усилія и обна-

¹⁾ Дѣло Томск. Горн. Управ. съ отчетомъ за 1889 г.; „Горный Журналъ“, 1891 г. № 12, стр. 524.

²⁾ Арх. алт. горн. исправника въ Кузнецкѣ.

³⁾ „Вѣстн. Золотопром.“, 1894 г. № 17, стр. 277.

⁴⁾ На Андабинскомъ прискѣ Южноалтайскаго Дѣла, въ операцію 1895/6 г. въ октябрѣ мѣсяцѣ, сверхъ 1 урочной куб. с. на 2 чел., работали еще $\frac{1}{4}$ куб. с. за добавочную плату. „Вѣстн. Золотопром.“, 1895 г., № 24, стр. 418.

⁵⁾ Замѣтимъ отъ себя, что урокъ въ $1\frac{3}{4}$ с. на 2 рабочихъ и 1 лошадь въ лѣтнее время мы встрѣтили: въ договорѣ Миллера 1885 г. (Мар. окр.), Пушкинова 1886 г. (Мар. окр.), Иванова 1887 и 88 гг. (Алт. окр.), въ отчетѣ за 1888 г. К^о Иванничаго, Жилия и Потапова (Алт. окр.); урокъ въ $1\frac{2}{3}$ с. на пескахъ въ отчетѣ Асташева 1888 г. (Алт. окр.).

руживать большую скорость пропорционально указанному числу лишней работы. Но работа въ масниковатыхъ, сильно связанныхъ пластахъ, какими нужно считать пласты сравнительно немногихъ присковъ, рѣдко когда бываетъ съ замѣромъ въ $1\frac{1}{2}$ с., обыкновенно же въ $1\frac{1}{4}$ или 34 куб. арш. А при такихъ замѣрахъ она близко подходитъ къ нормальной¹⁾.

В. Р. на основаніи наблюденій на трехъ прискахъ (одинъ Ачинскаго и двухъ Алтайскаго округа) произвелъ „опытъ исчисленія работы присковаго рабочаго“. При этомъ онъ пришелъ къ слѣдующимъ выводамъ, не подтвердившимъ столь категорически высказаннаго г. Реутовскимъ мнѣнія въ его отчетѣхъ за 1889 — 90 г.: 1) Работа въ масниковатыхъ пластахъ при урокѣ въ $1\frac{1}{2}$ куб. с. больше нормальной на $\frac{2}{3}$ часа“ (нормальною работою авторъ считаетъ 8 ч. дѣйствительнаго труда). „2) Урокъ въ $1\frac{3}{4}$ с. даже при самыхъ рыхлыхъ пластахъ долженъ быть набѣгаемъ, такъ какъ, хотя напряженіе и не выше напряженія нормальной работы, но такая работа имѣетъ всѣ условія для большой продолжительности“ (т.-е. длится на 1 ч. 39 м. долѣе нормальной). „3) Во время дождя и ненастной погоды урокъ долженъ быть уменьшенъ по крайней мѣрѣ на $\frac{1}{4}$ куб. с. 4) Работа возчика въ большинствѣ случаевъ можетъ считаться нормальной только“ при разстояніи „забоя отъ машины не болѣе, какъ на 87 с.“ (не многовато ли ?); „во всѣхъ другихъ случаяхъ она выше нормальной по продолжительности²⁾“.

Ортовые (подземныя) работы также встрѣчаются въ Томскомъ горномъ округѣ, хотя и не такъ часто, какъ въ нѣкоторыхъ другихъ, напримѣръ, въ Олекминскомъ. Въ отчетѣ за 1889 г. окружной инженеръ Томскаго округа говоритъ: „Съ каждымъ годомъ количество ортовыхъ работъ увеличивается вслѣдствіе открытія такъ называемыхъ увальныхъ россыпей, т.-е. такихъ, которыхъ положеніе не въ площади данной рѣчки, а въ увалахъ, ограничивающихъ длину“. Мы уже указывали на то, что въ Маринскомъ округѣ въ 1889 г. изъ числа 1160 чел. общеконтрактныхъ рабочихъ 190 чел., т.-е. $16\frac{0}{100}$, занимались ортовыми работами.

Въ договорахъ золотопромышленниковъ Маринскаго округа Триполитова (1870 г.) и Петрова (1870 г.) такъ опредѣленъ урокъ ортовыхъ работъ: „становясь въ забой по 3 чел., должны вырабатывать, съ откаткою на тачкахъ въ указанное мѣсто разстояніемъ не ближе 15 с., по 2 арш., а далѣе (т.-е. при большемъ разстояніи откатки) по 6 четвертей въ день, заготовляя сами нужный для укрѣп-

¹⁾ „Вѣстн. Золот.“, 1894 г., № 17, стр. 277.

²⁾ „Вѣстн. Золот.“ 1894 г., № 20, стр. 326—328; № 23, стр. 391—392; ср. слова г. Реутовскаго въ „Вѣстн. Золот.“ 1896 г., № 11, стр. 224.

ленія лѣсъ, какъ-то: стойки, огнивы, столбы и подхваты. Размѣръ выработки опредѣленъ здѣсь такъ: $1\frac{1}{2}$ —2 арш., но это не значитъ $1\frac{1}{2}$ —2 куб. арш., а указываетъ величину такъ называемаго „погона“, т.-е. сколько при известной высотѣ и ширинѣ забоя должны рабочіе выработать по длинѣ подземнаго хода. Если принять высоту и ширину забоя равными 1 с., то при выработкѣ въ длину въ $1\frac{1}{2}$ арш. 3 чел. добудутъ всего $\frac{1}{2}$ куб. с., или $13\frac{1}{2}$ куб. арш., а при выработкѣ 2 арш. въ длину добудутъ всего $\frac{2}{3}$ куб. с., или 18 куб. арш. Во второй половинѣ 80-хъ гг. и въ 1890 г. наиболѣе обычнымъ размѣромъ урока было $\frac{1}{2}$ куб. с. уже не на 3, а на 2 чел., но бываетъ и болѣе—до $20\frac{1}{4}$ куб. арш.¹⁾ Напримѣръ въ договорѣ съ К^о Плотникова и Жилия (1890 г., маріинскаго округа) на присакахъ Александровскомъ и Ивановскомъ, „при добычѣ песковъ изъ орты, заложенныхъ изъ открытаго разрѣза, т.-е. безъ подъема въ шахты, 2 чел. должны выработать $\frac{1}{2}$ куб. с. съ закрѣпленіемъ орты огнивами и подхватами, причѣмъ подвозка и заготовленіе крѣпей дѣлается особыми рабочими. Нужно замѣтить, что ширина и высота забоя, какъ и въ вышеупомянутыхъ договорахъ 1870 г., не указаны, а это открывало возможность для злоупотребленій. Этотъ недостатокъ устраненъ въ договорѣ Южноалтайской К^о, гдѣ 2 чел., т.-е. забойщикъ и возчикъ, обязывались выработать, „при 1 с. ширины и высоты орты, погону $1\frac{1}{2}$ арш.²⁾“, съ откаткой песковъ не болѣе 30 с., съ закрѣпленіемъ означеннаго погону готовыми огнивами и стойками, которыя должны мы сами подтащить съ поверхности къ забою орты“. По договору съ золотопромышленникомъ Пушниковымъ (1886 г. мар. окр.) рабочіе обязывались въ 12-часовую смѣну (слѣдовательно, и въ случаѣ установленія ночныхъ работъ) выпрабатывать зимою вдвоемъ $\frac{1}{2}$ куб. с. „съ откатомъ песковъ на машину или въ запасныя кучи на указанное мѣсто не болѣе 50 с. отъ мѣста работъ, далѣе же этого разстоянія на откатъ песковъ прибавлять людей по расчету“, а лѣтомъ 2 чел. должны были выработать $20\frac{1}{4}$ куб. арш. По одному договору маріинскаго округа (1890 г.) зимній урокъ 2 рабочихъ съ 1 октября по 15 марта равнялся $17\frac{1}{2}$ куб. арш., а съ 15 марта по 1 октября—20 куб. арш. съ откатомъ на тачкахъ не далѣе 35 с., съ закрѣпленіемъ орты огнивами и подхватами, причѣмъ подвозить и заготавливать крѣпи должны были особые рабочіе. При работѣ въ открытыхъ разрѣзахъ нерѣдко часть выработки (свыше 1 куб. с. на 2 рабочихъ и 1 лошадь) считалась старательскою; такъ и при ортовой работѣ по договору съ К^о Плотникова и Жилия (1890 г.) 9 куб. арш. считались хозяйскою работою, а $4\frac{1}{2}$ куб. арш. старательскою.

Какъ мы видѣли, вмѣстѣ со старательскою работою урокъ на двоиныхъ рабочихъ и 1 лошадь доходилъ въ сутки, при работѣ въ открытыхъ разрѣзахъ, до $1\frac{3}{4}$ куб. с., но въ одномъ договорѣ Алтайскаго округа для такъ называемыхъ отрядныхъ рабочихъ онъ былъ еще болѣе. „Если управленіе выгоднымъ найдетъ производить выработку торфовъ въ увеличенномъ количествѣ“, сказано въ этомъ договорѣ, „чѣмъ, конечно, дастъ возможность и къ увеличенной зарработкѣ рабочаго въ видѣ отрядной работы, то каждый изъ наемниковъ такое

¹⁾ Урокъ при ортовыхъ работахъ болѣе 18 куб. аршинъ на 2 рабочихъ окружный инженеръ Реутовскій считаетъ обременительнымъ. „Вѣстн. Золот.“ 1896 г. № 11, стр. 224.

²⁾ Впрочемъ съ 1 мая по 1 октября назначено погону 2 арш.

распоряженіе обязать принять безпрекословно, на слѣдующихъ основаніяхъ, а именно: каждые 2 чел. при 1 лошади обязаны вырабатывать каждодневно—въ будни и праздники—по 2 куб. с. (!), изъ которыхъ 1 с. должна считаться хозяйскою, а вторая—старательскою..., раздѣляя плату на обоихъ рабочихъ поровну“. Работы эти называются отрядными, а потому и должны производиться артелями, количество которыхъ опредѣляется управленіемъ, а также управленію предоставляется право и назначенія въ эту работу людей по своему выбору, отказываться же никто не имѣетъ права, а также и настоятельно требовать въ оную назначенія“.

Въ случаѣ недоработки урока присковымъ управленіемъ предоставлялось договорами право или оставить рабочего на работѣ послѣ 8 ч., или присоединить недоработку къ уроку слѣдующаго дня, или произвести вычетъ изъ заработной платы. По одному договору Алтайскаго округа, въ случаѣ недоработки, плата, причитающаяся въ этотъ день, должна быть уменьшена на $\frac{1}{3}$ поденнаго заработка. По договору К^о Жилля и Плотникова (1890 г., Мар. окр.) „всякая недоработка на торфахъ и пескахъ всегда вычитается изъ старательскаго заработка“. По договору съ Щепетильниковымъ (1871 г., Мар. окр.) рабочий въ этомъ случаѣ подвергался взысканію по усмотрѣнію хозяина. По договору съ Хотимскимъ (1871 г., Мар. окр.) за каждый недоработанный часъ контора могла вычесть съ рабочего 50 к., за половину дня 2 руб. и за цѣлый день 3 руб.

Плата за исполненіе уроковъ на горныхъ работахъ устанавливалась въ слѣдующемъ размѣрѣ. По договорамъ съ золотопромышленниками маріинскаго округа 1871 г. Щепетильникова и Никифорова 2 чел. на торфахъ за очень большой урокъ (1 хозяйская сажень и $\frac{1}{4}$ старательской съ *ручнымъ откатомъ*) получали вознагражденіе за хозяйскую сажень 3-рублевое мѣсячное жалованье, слѣдовательно по 10 к. въ день на каждого, а за старательскую сажень по 1 руб., т.-е. за $\frac{1}{4}$ с. 25 к. на двоихъ, значить, каждый рабочий получалъ въ день всего 22 $\frac{1}{2}$ к.; на пескахъ за старательскую сажень была назначена плата въ будни 2 руб. (слѣдовательно, всего въ день приходилось на каждого (по 35 к.) и въ праздники 3 руб. (т.-е. всего на каждого по 47 $\frac{1}{2}$ к.). По договору съ Даниловымъ (1877 г., алт. окр.) при вскрышѣ торфа зимою до 1 мая на торфахъ 2 чел. при 1 лошади должны были вырабатывать $1\frac{1}{4}$ куб. с., а съ 1 мая по 1 октября— $1\frac{1}{2}$ с. (1 с. хозяйская, а остальное—старательская работа). За урочную сажень въ будни была назначена плата въ 40 к., а за старательскую—60 к., слѣдовательно, до 1 мая каждый рабочий получалъ за исполненіе урока по 27 $\frac{1}{2}$ к., а лѣтомъ по 35 к. При добычѣ песковъ съ начала промывки до 1 октября 2 чел. при 1 лошади должны были выработать $1\frac{1}{2}$ куб. с. (1 хозяйская и $\frac{1}{2}$ с. старательская) съ платою въ будни за хозяйскую сажень 40 к., а за старательскую 80 к., слѣдовательно, каждый рабочий получалъ за исполненіе урока въ будни 40 к. Въ праздничные и табельные дни вся выработка, какъ на торфахъ, такъ и на пескахъ считалась старательскою; слѣдовательно, лѣтомъ въ праздники на торфахъ каждый рабочий получалъ за исполненіе урока 45 к., а на пескахъ 60 к. По договору съ тѣмъ же

золотопромышленникомъ Даниловымъ (80-хъ гг.) при томъ же размѣрѣ урока, плата была нѣсколько повышена, а именно на торфахъ за урочную сажень въ будни платили 56 к., за старательскую 1 р.; при такой платѣ на каждого рабочаго въ будни приходилось зимою 40 к., лѣтомъ 53 к. На пескахъ за урочную сажень въ будни платили 60 к., за старательскую 1 р. 20 к., слѣдовательно, каждый рабочій получалъ за исполненіе урока въ будни 60 к. Такъ какъ въ праздничные дни вся выработка, какъ на торфахъ, такъ и на пескахъ, считалась старательскою, то въ такіе дни лѣтомъ на торфахъ каждый рабочій получалъ за исполненіе урока 75 к., а на пескахъ 90 к. Въ 1888 г. на пріискахъ Данилова (Алт. окр.) забойщики, свальщики и промывальщики (какъ видно, безъ различія будней и праздниковъ) получали на торфахъ до 1 мая по 40 к. въ день, а на пескахъ съ 1 мая до 1 октября по 75 к., возчики же и отвальные на торфахъ зимою—35 к., на пескахъ лѣтомъ 65 к. По договору съ золотопромышленникомъ Миллеромъ (Мар. окр., 1885 г.) при выработкѣ на торфахъ двумя человѣками и одною лошадью 1 куб. с. забойщикъ получалъ въ будни всего 24 к., въ воскресенье и табельные дни 60 к.; за выработку 1 $\frac{1}{4}$ куб. с. забойщику платили въ будни 30 к. и въ праздники 85 к., за выработку 1 $\frac{1}{2}$ куб. с. въ будни 36 к. и въ праздники 1 р., за выработку 1 $\frac{3}{4}$ куб. с. забойщику въ будни 42 к., въ праздники 1 р. 5 к. На пескахъ за выработку 1 $\frac{1}{4}$ куб. с. вдвоемъ при 1 лошади съ отвозкою на машину забойщикъ долженъ былъ получать въ будни 60 к., въ праздники 1 р. 30 к. Плата возчикамъ была нѣсколько менѣе. По договору съ К^о Плотникова и Жилия (1890 г., Мар. окр.) съ 1 мая изъ 1 $\frac{1}{2}$ с. торфу и песку, добываемыхъ двумя человѣками при 1 лошади изъ открытыхъ разрѣзовъ, 1 с. считалась хозяйскою, а $\frac{1}{2}$ старательскою; за хозяйскую сажень торфа и песку платили 20 к., а за старательскую торфа 1 р. 20 к. и песку 1 р. 40 к., причемъ изъ каждого выработаннаго рубля забойщикъ получалъ 53 к., а возчикъ или откатчикъ 47 к. По воскресеньямъ и праздникамъ вся выработка считалась старательскою.

По отчету горнаго исправника 1890 г. о золотыхъ промыслахъ Алтайскаго округа, горнорабочіе (забойщики, свальщики, промывальщики, возчики и отвальщики) на торфахъ съ 1 октября по 1 марта, за выработку 1 куб. с. двумя рабочими при 1 лошади, получали въ будни каждый 30—35 к., въ праздники 45—50 к.¹⁾), съ 1 марта по 1 мая за выработку 1 $\frac{1}{2}$ куб. с. тѣмъ же количествомъ рабочихъ они получали въ будни каждый 40—45 к. (въ Южноалтайскомъ Дѣлѣ 35—40 к.), въ праздники 60—65 к. (въ Южноалтайскомъ Дѣлѣ 52 $\frac{1}{2}$ до 80 к.), а съ 1 мая по 1 октября въ будни 60—65 к., въ праздники 90—95 к. На пескахъ съ 1 мая по 1 октября за добычу и промывку на машинѣ 2 $\frac{1}{2}$ куб. с. тремя рабочими при 2 хозяйскихъ лошадяхъ каждый рабочій получалъ въ будни 70—75 к., въ праздники 1 р. 5 к.—1 р. 10 к. (въ Южноалтайскомъ Дѣлѣ 40—60 к. въ будни и 90 к.—1 р. 20 к. въ праздники²⁾). Весьма близкія къ этимъ цифрамъ вознагра-

¹⁾ Въ Южноалтайскомъ Дѣлѣ до 70 к.

²⁾ Арх. горн. исправника Алтайск. округа въ Кузнецкѣ. Въ 1887 г. плата въ Алтайскомъ округѣ, судя по отчету горнаго исправника, была менѣе (Дѣло Горнаго Департа.).

женія каждому рабочему за исполненіе тѣхъ же уроковъ приводить и окружной инженеръ Томскаго горнаго округа въ своихъ отчетахъ 1889—90 гг., а именно съ 1 октября по 1 марта въ будни 30 к., въ праздники 45 к., съ 1 марта по 1 мая—40 к. въ будни и 60 к. въ праздники, съ 1 мая по 1 октября на торфахъ въ будни 60 к., въ праздники 90 к., на пескахъ въ будни 60—65 к., въ праздники 1 р. 5 к.—1 р. 20 к.¹⁾

За ортовые работы по договору съ золотопромышленникомъ Ивановымъ (1888 г.) платили зимою забойщику 30 к., откатчику 20 к., лѣтомъ забойщику 60 к., откатчику 45 к. въ день. Въ Южноалтайскомъ Дѣлѣ въ 1890 г. при ортовыхъ работахъ забойщикъ въ разное время года получалъ въ будни 35—60 к., въ праздники 70 к.—1 р. 20 к., откатчикъ въ будни 30—50 к., въ праздники 60 к.—1 р.

Добыча торфа у нѣкоторыхъ золотопромышленниковъ Томскаго горнаго округа производилась отрядными рабочими съ платою въ 1889—90 гг. отъ 1 р. 30 к. до 2 р. за сажень²⁾.

Въ зимнее время обыкновенно, а нерѣдко и лѣтомъ вознагражденіе за исполненіе хозяйскаго урока горнорабочіе получали въ видѣ мѣсячнаго жалованья. Размѣръ его за послѣднія 25 лѣтъ значительно увеличился.

По договорамъ съ золотопромышленниками Триполитовымъ и Петровымъ (1870 г., Мар. окр.) зимою рабочимъ назначена была плата по 4 р., а лѣтомъ съ 1 апрѣля по 1 октября 3 р. 15 к. въ мѣсяцъ, считая каждый мѣсяцъ въ 30 рабочихъ дней (за старательскую работу при промывкѣ песковъ сверхъ того назначалась плата по 10 к. съ каждой вывезенной таратайки). По договору съ Хотимскимъ (1871 г. Мар. окр.) до открытія промывки горнорабочіе получали мѣсячное жалованье 3 р. 15 к. въ мѣсяцъ, а лѣтомъ поленную плату за исполненіе урока. По договорамъ съ Шепетильниковымъ и Никифоровымъ (1871 г. Мар. окр.) мѣсячное жалованье равнялось 3 р., а за старательскую сверхурочную добычу торфа и песковъ назначена была повышенная задѣльная плата. По договорамъ съ Пушкиновымъ (Мар. окр., 1886 г.) и Иванова (1880 г.) за вскрышу торфа и добычу песковъ въ зимнее время ручнымъ откатомъ назначена была плата зимою по 4 р. въ мѣсяцъ,

¹⁾ Дѣло Томск. Горн. Управл. по отчету за 1889 г.; „Горн. Журналъ“, 1891 г. № 12, стр. 524—525. Горный инженеръ поясняетъ, что въ нѣкоторыхъ договорахъ хозяйская сажень отличается отъ старательской, и за первую платятъ 12—20 к., а за старательскую на торфахъ не менѣе 1 р. 20 к. и на пескахъ не менѣе 1 р. 50 к. (мы видѣли, что бываетъ и менѣе), причемъ въ праздники выработка считается старательскою. Въ другихъ договорахъ нѣтъ различія между хозяйскою и старательскою саженью, но плата въ праздники увеличивается въ 1½ раза. Зимою вознагражденіе бываетъ вдвое менѣе, чѣмъ лѣтомъ. На нѣкоторыхъ прискахъ Маринскаго округа плата въ день за исполненіе урока ниже указанной. См. „Вѣсти. Золотопр.“, 1893 г., № 15, стр. 252.

²⁾ Отчеты окруж. горн. инж. въ дѣлахъ Томск. Горн. Управл.; „Горный Журналъ“, 1891 г., № 12, стр. 525.

лѣтомъ по 10 р.; при работѣ съ лошадью за исполненіе извѣстнаго урока полагалась зимою мѣсячная плата отъ 5 до 10 р.; въ развѣдкахъ и поисковыхъ партіяхъ по договору назначена была плата отъ 4 до 12 р. По договору съ К^о Иванничаго, Жилия и Потапова (1888 г.) мѣсячная плата зимою до 1 апрѣля назначена 4 р., лѣтомъ 3 р. 50 к., за старательскія же работы зимою п лѣтомъ полагалась особая плата съ сажени. По договору съ К^о Плотинова и Жилия (1890 г., Мар. окр.) на приискахъ Вавиловскомъ, Александровскомъ и Ивановскомъ назначена мѣсячная плата съ 1 октября по 1 марта забойщику 8 р., возчику, откатчику, отвальнымъ и проч. по 6 р.; съ 1 марта по 1 мая при выработкѣ урока прибавляется $\frac{1}{4}$ часть жалованья; съ 1 мая выработка и плата за нея раздѣлялись на хозяйскую и старательскую; въ поисковыхъ и развѣдочныхъ партіяхъ назначено жалованье 7—12 р. въ мѣсяц ¹⁾.

На нѣкоторыхъ приискахъ и лѣтомъ горные рабочіе получали мѣсячное жалованье: такъ, въ 1886 г. на промыслахъ Ц—го забойщикъ получалъ 23—27 р., возчикъ 20—23 р. въ мѣсяц ²⁾. Въ 1888—89 г. по отчетамъ окружного инженера Томскаго горнаго округа нѣкоторые золотопромышленники платили горнорабочимъ мѣсячное жалованье отъ 10 до 23—25 р. (какъ всегда, на хозяйскомъ содержаніи), въ 1891 г. отъ 12 до 23 р. ³⁾. По словамъ томскаго окружного инженера въ замѣчаніяхъ (1892 г.) на проектъ горнаго департамента о наймѣ рабочихъ на золотые промысла забойщикъ получаетъ жалованья не менѣе 21 р., возчикъ 19 р. ⁴⁾.

Плата за подъемное золото на частныхъ промыслахъ Томской губ., какъ и въ другихъ мѣстахъ, за послѣднія 25 лѣтъ значительно повысилась. Въ 1870—72 гг. за подъемное золото платили 1 р.—1 р. 50 к. за золотн., въ 1876 и 78 гг. 1 р. ⁵⁾. Бывала плата общеконтрактнымъ рабочимъ за золотн. золота и менѣе 1 р. (по крайней мѣрѣ по контрактамъ). По договору съ золотопромышленникомъ Даниловымъ Алтайскаго округа (1877 г.) за мелкое подъемное золото (не болѣе 5 золот.) назначена была плата по 96 к. за золот., при вѣсѣ золотинны отъ 5 до 24 золотн. по 70 к., отъ 24 до 48 золотн. по 50 к. съ золотн., а за вѣсящее болѣе $\frac{1}{2}$ ф. по усмотрѣнію приискаго управленія. По договору съ тѣмъ же Даниловымъ 80-хъ гг. и съ Пушниковымъ 1876 г. за найденное золото вѣсомъ до 1 ф. назначена была плата по 2 р. за золотникъ. По договору съ К^о Иванничаго, Жилия и Потапова (1888 г.) за мелкое золото до 5 золотн. плата назначена по 1 р. 50 к. съ золотн., за

¹⁾ Такая же плата въ поисковыхъ и развѣдочныхъ партіяхъ назначена по договору съ Даниловымъ 1877 г.

²⁾ „Сибирскій Вѣстн.“ 1886 г., № 77, стр. 3.

³⁾ Дѣла Томск. Горн. Управл.; *Н. Боголюбскій*, стр. 19.

⁴⁾ Дѣло Отд. Частн. Золот. Горн. Департ., № 80.

⁵⁾ „Томск. Губерн. Вѣдом.“ 1874 г., № 6, стр. 5; „Сибирь“, 1877 г., № 5, стр. 3 1879 г., № 14, стр. 1.

золотины отъ 5 до 24 золотн. по 1 р., а отъ 24 золотн. по усмотрѣнію управленія. По договору съ золотопромышленникомъ Ивановымъ (1888 г.) за подъемное золото до $\frac{1}{8}$ ф. платили по 80 к. съ золотн., отъ $\frac{1}{8}$ до $\frac{1}{2}$ ф. по 30 к., а болѣе 1 ф. не менѣе 25 к. съ золотн. По договорамъ съ Южноалтайской К^о 80-хъ и 1890 г. назначена плата по 1 р. 44 к., въ дѣйствительности же платили по 1 р. 92 к.; по договору съ Поповымъ (1890 г., Алт. окр.)—2 р. По договору съ К^о Жилля и Плотникова на прискахъ Вавиловскомъ, Александровскомъ и Ивановскомъ (1890 г., Мар. окр.) плата за подъемное золото равнялась 2 р. 40 к. съ золотн. По отчету томскаго окружного инженера за 1889 г. плата за золотникъ золота, добытаго на старательскихъ работахъ по окончаніи контрактнаго дневнаго срока, равнялась 2—3 р.¹⁾

Мастеровые на прискахъ всегда получали и теперь получаютъ мѣсячное жалованье. Въ 1870—72 г.г. жалованье машинистамъ, плотникамъ, кузнецамъ и проч. равнялось 5—25 р., въ 1876—78 г.г. — 5—30 р.²⁾ Въ 1878 г. на Варваринскомъ прискѣ Цыбульскаго (Алтайскаго) округа плотники получали 6—10 р., машинисты 10—15 р., кузнецы 7—15 р., хлѣбопеки 7—13 р. По договору съ золотопромышленникомъ Даниловымъ 1877 г. разночинцы, т.-е. артельные старосты, нарядчики, кузнецы, молотобойцы, слесари, плотники, угольщики, промывальщики, конюхи, коновалы, хлѣбопеки и проч. должны были получать мѣсячнаго жалованья 5—10 р. По договорамъ съ золотопромышленниками Алтайскаго округа Даниловымъ (80-хъ гг.), Южноалтайской К^о (1890 г.) и Поповымъ (1890 г.) плотники получали жалованья 8—21 р., кузнецы 12—25 р., молотобойцы 8—15 р., караульные 6—20 р., конюхи 8—15 р. и проч.³⁾ Въ 1894 г., если перевести мѣсячное жалованье мастеровыхъ на поденное, они получали на 4 прискахъ Маринскаго округа 60—70 к., а на 48 прискахъ Алтайскаго округа отъ 40 до 85 к. (по показаніямъ золотопромышленниковъ)⁴⁾,

Женщины⁵⁾ въ Южноалтайской К^о по договорамъ 1880-хъ и 1890 г. должны были получать 3 р.—4 р. 50 к. въ мѣсяцъ, но въ дѣйствительности въ 1890 г. на Неожиданномъ прискѣ женщины, исполнявшія обязанности прислуги и занимавшіяся печеніемъ хлѣба, получали 4—6 р.; на прискахъ Лебедской системы Южноалтайской К^о въ 1890 г. огородницы, прачки, стряпки, квасоварки, поломойки, коров-

¹⁾ Дѣло Томск. Горн. Управл. съ отчетами за 1889 г.

²⁾ „Томск. Губерн. Вѣдом.“ 1874 г., № 6; „Сибирь“, 1877 г., № 5, 1879 г., № 14, стр. 1.

³⁾ См. Дополненіе II.

⁴⁾ М. Шостахъ. „Золотопр. въ Томской горн. области“. Томск. 1896 г., таб. V.

⁵⁾ Женщины во всемъ Томскомъ горномъ округѣ составляли въ 1896 г. $6\frac{1}{2}\%$ рабочихъ. „Вѣст. Золот.“ 1897 г., № 11, стр. 249.

ницы и др. получали 4 р. 50 к.—12 р. мѣсячнаго жалованья. На прискахъ Алтайскаго окр. Асташева женщины получали въ 1887 г. въ мѣсяцъ жалованья отъ 3 до 12 р. и на прискахъ Кузнецовыхъ въ томъ же году 3—6 р. На промыслахъ Алтайскаго округа женщины несутъ иногда и нѣкоторыя мужскія обязанности, напр. бываютъ отвозчицами, если умѣютъ справляться съ лошадьми, и тогда получаютъ рублей по 14 въ мѣсяцъ. На прискѣ, арендуемомъ Поповымъ, я видѣлъ въ 1891 г. бабу, одѣтую въ мужскіе штаны, которая работала наравнѣ съ мужчинами на промывальной машинѣ, протирая на ней песокъ и гальку; она получала 15 р. въ мѣсяцъ.

Несовершеннолѣтніе рабочіе въ возрастѣ 14—17 л., какъ видно изъ отчета томскаго окружнаго инженера за 1889 г., исполняли „легкія поторжныя работы“, преимущественно погонщика лошади при уборкѣ изъ - подъ люковъ эфеля и гальки. Въ томъ же отчетѣ сказано, что работа подростковъ является исключеніемъ¹⁾. Въ 1890 г., по отчету алтайскаго горнаго исправника, несовершеннолѣтніе рабочіе старше 16 л. получали за отвозъ гальки 5—12 р. въ мѣсяцъ. На Неожиданномъ прискѣ Южноалтайской К^о въ 1890 г. подростки не менѣе 14 л. зимою чистили снѣгъ и служили при конномъ дворѣ, а лѣтомъ отвозили отъ промывальной машины эфель и гальку; зимой они получали 5—8 р., лѣтомъ 8—14 р. въ мѣсяцъ. Средняя заработная плата подросткамъ на прискахъ Южноалтайскаго Дѣла Балыксинской системы равнялась въ 1889 г.—7 р., въ 1890 г.—8 р. На Андабинскомъ прискѣ Лебедской системы Южноалтайской К^о въ 1890 г. подростки получали 4—12 р. На прискахъ Асташева они получали въ 1887 г. 5—12 р., на прискахъ Кузнецовыхъ въ 1887 г. 7—15 р. въ мѣсяцъ²⁾.

Продовольствіе общеcontrактныхъ рабочихъ на прискахъ Томскаго горнаго округа было такое же, какъ и въ другихъ горныхъ округахъ Сибири, за исключеніемъ тѣхъ, гдѣ работаютъ киргизы.

По договору съ золотопромышленникомъ Триполитовымъ (1870 г. Мар. окр.) общеcontrактные рабочіе должны были получать на каждого человѣка въ мѣсяцъ ржаной муки по 2 п. 20 ф., говядины свѣжей или соленой по 35 ф., крупы ячной 7½ ф., соли 2 ф., скоромнаго масла и топленнаго сала 1 ф. Въ договорахъ съ Нивноровымъ (1871 г., Мар. окр.) и Щепетильниковымъ (1871 г., Мар. окр.) относительно продовольствія мы находимъ очень оригинальное условіе: рабочіе должны были получать пищу, „установленную Горнымъ Уставомъ“ (?) и обязывались „особыхъ прихотей, закономъ не установленныхъ, не требовать“. Какъ извѣстно, Горнымъ Уставомъ вовсе не былъ опредѣленъ размѣръ пищевого пайка рабочихъ, который этими договорами вполне предоставлялся, слѣдовательно, про-

¹⁾ Въ 1896 г. подростки на промыслахъ Томскаго горнаго округа составляли 4% рабочихъ. Ibid.

²⁾ Арх. горн. исправ. въ Кузнецкѣ.

изволу присковского управленія. По договору съ Хогимскимъ (1871 г., Мар. окр.) рабочіе должны были получать печенаго хлѣба, „сколько кто можетъ употребить въ пищу“, (но обязываясь его не разбрасывать), мяса свѣжаго или соленого по 1 ф. въ день, крупы по $\frac{1}{4}$ ф., и только! По договорамъ съ Даниловымъ (1877 г., Алт. окр.) и съ К^о Иваницкаго, Жилия и Потапова полагалось говядины свѣжей или соленой по 1 ф., ячной крупы по $\frac{1}{4}$ ф. въ день, соли, сколько понадобится, ржаной муки 2 п. 20 ф. въ мѣсяцъ; если же кто захочетъ въ постные дни поститься, тотъ вмѣсто 1 ф. говядины долженъ довольствоваться 1 ф. крупы или гороху. По договору съ тѣмъ же Даниловымъ 80-хъ гг. продовольствіе рабочихъ нѣсколько улучшено: вмѣсто 1 ф. говядины они должны были получать $1\frac{1}{4}$ ф. и прибавленъ въ мѣсяцъ 1 ф. топленого сала, хотя, конечно, продовольствія этого все-таки весьма недостаточно. По договору съ золотопромышленникомъ Миллеромъ (1885 г., Мар. окр.) мяса полагалось $1\frac{1}{4}$ ф. въ день, а о салѣ или маслѣ нѣтъ и помину. По договорамъ съ Пушкиновымъ (1886 г.) и Ивановымъ (1888 г.) назначено $\frac{1}{2}$ ф. топленого сала въ мѣсяцъ, но за то мяса — всего по 1 ф. въ день. По договору съ К^о Плотникова и Жилия 1890 г. на прискахъ Вавиловскомъ, Александровскомъ и Ивановскомъ рабочіе должны были получать мяса по 1 ф. въ день, масла въ мѣсяцъ $\frac{1}{4}$ ф. и сала $\frac{1}{2}$ ф.; въ поисковыхъ же партіяхъ взаменъ печенаго хлѣба они должны были получать по 2 п. сухарей, а вмѣсто свѣжаго или соленого, вяленое мясо по $22\frac{1}{2}$ ф. По договорамъ съ Южноалтайской К^о 1880-хъ и 1890 г. рабочимъ было назначено 2 п. 20 ф. ржаной муки (въ дѣйствительности же въ 1891 г. выдавалось 2 п. ржаной муки и 20 ф. пшеничной), а съ 1 мая по 1 сентября еще 5 ф. на квасъ, 8 ф. крупъ, 4 ф. соли, по 1 ф. масла или сала, говядины по $1\frac{1}{2}$ ф. Въ поисковыхъ партіяхъ сверхъ этого пайка рабочимъ полагалось по $\frac{1}{2}$ кирича чаю въ мѣсяцъ, если же не случится свѣжаго или соленого мяса, то рабочіе должны были получать по 1 ф. въ день вяленого и не требовать квасу.

По отчету о золотопромышленности въ Западной Сибири за 1881 г., на промыслахъ Томской губ. свѣжаго или соленого мяса отпускалось рабочимъ отъ $1\frac{1}{4}$ до $1\frac{1}{2}$ ф. и въ праздничные дни масло ¹⁾; по отчетамъ 1883—84 г.—масла $\frac{1}{2}$ ф. или взаменъ его 1 ф. сала, по отчету за 1887 г. сала или масла 1 ф. ²⁾ На нѣкоторыхъ прискахъ и во второй половинѣ 80-хъ гг. выдавали по 1 и $1\frac{1}{4}$ ф. мяса. По отчетамъ мѣстнаго окружнаго инженера въ 1889—90 гг. въ Томскомъ горномъ округѣ выдавали рабочимъ на прискахъ муки 2 п. 10 ф. (въ 1891 г. до 2 п. 25 ф.), крупы 10 ф., мяса до 1 п. 5 ф., сала 1 ф., масла $\frac{1}{2}$ ф. (въ 1891 г. о маслѣ не упоминается), соли 5 ф. въ мѣсяцъ ³⁾.

Окружной инженеръ Томскаго округа говоритъ: „пищевое довольствіе... не на всѣхъ прискахъ одинаково, къ тому же зимою оно меньше, чѣмъ лѣтомъ... На очень немногихъ пзъ присковъ уцѣлѣлъ обычай выдавать всего 1 ф. мяса въ день, $\frac{1}{4}$ ф. масла, $2\frac{1}{2}$ п. ржаной муки, 6—7 ф. крупы, 3 ф. соли“. Въ пайкѣ средней величины прибавляется

¹⁾ „Горн. Журн.“, 1882 г., № 9, стр. 386.

²⁾ Дѣла Горнаго Департамента.

³⁾ „Горный Журналъ“, 1891 г. № 12, стр. 526; *Н. Боголюбскій*, стр. 20.

$\frac{1}{4}$ ф. мяса въ день и $\frac{1}{4}$ ф. масла въ мѣсяцъ. Въ большинствѣ случаевъ, однако, встрѣчается максимальный паекъ, состоящій изъ $2\frac{1}{4}$ п. ржаной муки, $\frac{1}{4}$ п. пшеничной, 8 ф. крупы, 1 ф. масла, 4 ф. соли, 1 п. 5 ф. мяса ¹⁾, причемъ, говоря вообще, продовольствіе на приискахъ Алтайскаго округа лучше, чѣмъ въ Маринскомъ ²⁾).

Провизія, получаемая рабочими, не всегда доброкачественная. По словамъ чиновника министерства государственныхъ имуществъ Соколова, посѣтившаго приiski Маринскаго округа въ 1890 г., на Ивановскомъ приискѣ, принадлежащемъ Савелію Буткевичу, рабочихъ въ продолженіе 2 мѣсяцевъ кормили тухлымъ мясомъ. „Остатки этого мяса, вывѣшенные между амбарами“, говоритъ г. Соколовъ въ своемъ донесеніи министерству, рабочіе „показывали мнѣ“: они „не могли его ѣсть и питались все время чаемъ ³⁾).

Женщины, исполнявшія разныя работы на приискахъ, получали по нѣкоторымъ договорамъ меньше мяса, чѣмъ мужчины, а именно вмѣсто $1\frac{1}{4}$ — $1\frac{1}{2}$ ф. по 1 ф. ⁴⁾.

Относительно приготовленія пищи въ договорѣ Данилова (80-хъ гг. Алт. окр.) сказано: „варить пищу, печь хлѣба и готовить квасъ мы должны сами, не требуя ни хлѣбопека, ни кашевара. Для болѣе удобнаго учета... мы должны соединиться въ небольшія артели; изъ каждой... мы должны выбрать по одному человѣку для полученія припасовъ“. Напротивъ, на приискахъ Асташева (системы рр. Мраса и Кондомы Алтайскаго округа) въ операцію 1887 г. для одинокихъ людей во время лѣта давался кашеваръ, который приготавливалъ пищу для артели; припасы получалъ онъ для артельного котла ежедневно. Женатые брали припасы на руки и готовили пищу для себя сами, кромѣ хлѣба, который отпускался всѣмъ готовый изъ пекарни. Зимой нѣкоторые одинокіе люди столовались у семейныхъ, если находили это удобнымъ по роду и мѣсту работъ ⁵⁾).

Относительно времени принятія пищи рабочимъ г. Реутовскій говорить: „въ 6 ч. они пьютъ чай, употребляя на это 1 ч.; за часъ или полтора до обѣда нѣкоторые подобѣдываютъ съ тратою на это $\frac{1}{2}$ часа; на обѣдъ, считая въ томъ числѣ и отдыхъ, идетъ 2 ч., на вечерній

¹⁾ „Вѣстн. Золотопр.“, 1896 г., № 11, стр. 222.

²⁾ „Вѣстн. Золотопр.“, 1898 г., № 16, стр. 259.

³⁾ Дѣло Томск. Горн. Управл. 1891 г., № 12.

⁴⁾ Договоры съ золотопромышленниками Алтайскаго округа Даниловымъ 80-хъ гг. Южноалтайскою К^о 80-хъ и 1890 г., Попова 1890 г.

⁵⁾ Арх. алт. горн. испр. въ Кузнецкѣ. Въ договорѣ съ Южноалтайскою К^о 1880-хъ гг. сказано: „обѣдать и ужинать должны мы за общимъ столомъ, кромѣ людей семейныхъ, если они пожелаютъ“. Въ договорѣ 1890 г. оговорка относительно семейныхъ исключена.

чай въ 4 ч.—1 ч. и на паузинъ— $\frac{1}{2}$ ч. Ужинъ... всегда происходитъ по окончаніи работъ“ ¹⁾).

О выдачѣ рабочимъ винныхъ порцій встрѣчаемъ упоминаніе въ нѣкоторыхъ контрактахъ еще начала 70-хъ гг. По договору съ Хотимскимъ (1871 г. Мар. окр.) управленіе общало рабочимъ „въ видѣ награды за усердіе къ работѣ... въ теченіе лѣта отпускать нѣсколько винныхъ порцій въ праздничные и табельные дни“. По договору съ Южноалтайской К^о 80-хъ гг. уже точно опредѣлено было выдавать рабочимъ винную порцію 2 раза, а въ поисковыхъ партіяхъ 3 раза въ недѣлю, но если кто не будетъ наказанъ артелью за дурное поведеніе, то управленіе можетъ лишить артель винныхъ порцій (въ договорѣ 1890 г. эти постановленія были исключены) ²⁾. Въ нѣкоторыхъ договорахъ конца 80-хъ и начала 90-хъ гг. сказано, что рабочіе не имѣютъ права сами требовать винныхъ порцій и что выдача ихъ зависитъ отъ прискаго управленія.

По отчету горнаго исправника Алтайскаго округа за 1890 г., „винныя порціи на нѣкоторыхъ прискахъ подаются по 2 раза, а на нѣкоторыхъ 1 разъ въ недѣлю въ размѣрѣ $\frac{1}{100}$ ведра, крѣпостью 40° и кромѣ того особо, при усиленныхъ работахъ въ праздничные дни и въ дни отдыха, по назначенію управленій присками, отъ 1 до 3 порцій. Въ поисковыхъ и развѣдочныхъ партіяхъ подаются винныя порціи 3 раза въ недѣлю“. На прискахъ Данилова въ 1888 г. винныя порціи давались въ недѣлю до 1 мая $\frac{1}{80}$, а съ 1 мая $\frac{2}{80}$ ведра крѣпостью 36—40°. На Ивановскомъ прискѣ Иванецкаго, Жилля и Потапова (1888 г.) винныя порціи отпускались 1 разъ въ недѣлю по $\frac{1}{100}$ ведра и кромѣ того въ дождливую погоду лѣтомъ ³⁾. По словамъ г. Реутовскаго, на прискахъ Томской губ. еженедѣльно выдается рабочимъ $\frac{1}{80}$ — $\frac{1}{100}$ ведра водки, что составляетъ на рабочаго отъ $\frac{1}{2}$ до 1 ведра въ годъ ⁴⁾. По свидѣтельству чиновника минист. госуд. имуществъ Соколова (1890 г.) на нѣкоторыхъ прискахъ Мари-

¹⁾ Дѣло Отд. Частн. Золотопр. Горн. Департ., № 80.

²⁾ Въ дѣйствительности въ Южноалтайской К^о по системѣ р. Балыксы подавалось рабочимъ въ 1887 г. 2 винныхъ порціи въ недѣлю и особо въ праздничные дни. Въ отчетѣ за 1890 г. о тѣхъ же прискахъ прибавлено: „и въ дни отдыха по назначенію прискаго управленія отъ 1 до 3 порцій“. Тоже въ отчетѣ о прискахъ Южноалтайской К^о по системѣ р. Лебедь за 1890 г. (Арх. Южноалтайской К^о на Неожиданномъ прискѣ).

³⁾ Арх. алт. горн. испр. въ Кузнецкѣ. Въ 1884 г. на Веселовскомъ прискѣ Томской губ. водка выдавалась не менѣе 2 разъ въ недѣлю всей безъ исключенія командѣ при обыкновенной работѣ; работавшіе же въ сырости получали чарку ежедневно. „Сибирскій Вѣстникъ“, 1885 г., № 25, стр. 3.

⁴⁾ Дѣло Томск. Горн. Управ. 1891 г., № 12; „Вѣстн. Золотопр.“, 1894 г., № 24, стр. 415; 1893 г., № 15, стр. 253, № 16, стр. 259.

инскаго округа порціи „пропиваются заранѣе съ согласія хозяевъ на Пасхѣ и по большимъ праздникамъ. Такъ на пріискѣ Буткевича хорошему работнику нынѣ была выдана бутылка спирта и рубашка за всѣ порціи во всю операцію, а худшему работнику—бутылка водки въ придачу съ рубашкой“ ¹⁾. Нѣкоторыя компаніи дозволяли рабочимъ уступать, т.-е. перепродавать другъ другу свои порціи ²⁾.

Не довольствуясь винными порціями, выдаваемыми пріисковыми управленіями въ слишкомъ незначительномъ количествѣ, рабочіе покупали спиртъ у спиртоносовъ, а не то и у самихъ золотопромышленниковъ. По словамъ журнала томскаго губернскаго совѣта 31 марта 1882 г., тайною торговлею спиртомъ занимаются „сами золотопромышленники, ихъ управляющіе, а главное, такъ называемые, спиртоносы“ ³⁾.

Стоимость содержанія и помѣщенія рабочаго, по свидѣтельству томскаго окружнаго инженера въ его отчетѣ за 1889 г., обходится въ 6^{1/2}—8 р. ⁴⁾, въ статьѣ же г. В. Р. о пріискахъ Томской губ. (1893 г.) оно опредѣлено на промыслахъ Маріинскаго округа вмѣстѣ съ леченіемъ въ 5 р., а безъ расходовъ на это послѣднее въ 3 р. 6 к.—3 р. 33 к., на промыслахъ же, арендуемыхъ у Кабинета, дѣйствующихъ на общемъ основаніи и расположенныхъ въ Алтайскомъ горномъ округѣ по правую сторону р. Томи, по системѣ Абакана и частью по лѣвому берегу р. Томи, содержаніе рабочихъ стоитъ 6 р. въ мѣсяцъ, что объясняется нѣсколько улучшеннымъ содержаніемъ, большею стоимостью припасовъ и болѣшими тратами на медицинскую часть ⁵⁾.

По нѣкоторымъ договорамъ Маріинскаго округа начала 70-хъ гг. рабочіе обязывались выстраивать для себя жилища на промыслахъ въ свободное отъ работъ время и безъ всякой платы. Въ договорѣ съ золотопромышленникомъ Даниловымъ (1877 г., Алт. окр.) сказано: „помѣщеніе на пріискахъ для жилища нашего, состоящее въ общихъ казармахъ, должно быть отъ хозяина, а если кто (изъ семейныхъ) не пожелаетъ жить въ таковыхъ, тотъ устраиваетъ жилье для себя своимъ счетомъ и не иначе, какъ съ дозволенія пріискаваго управленія“ ⁶⁾. По договору съ К^о Плотникова и Жилля 1890 г. (мар. окр.) „помѣщенія для жительства и баня должны быть устроены пріисковымъ управ-

¹⁾ Дѣло Томск. Горн. Управл. 1891 г., № 12.

²⁾ „Сибирскій Вѣстникъ“, 1888 г., № 19, стр. 3—4.

³⁾ „Томск. Губер. Вѣдом.“, 1882 г., № 29. О торговлѣ водкой на пріискахъ Маріинскаго округа см. еще „Сиб. Вѣстн.“, 1886 г., № 77, стр. 3; „Сибирская Газета“, 1884 г., № 13, стр. 340.

⁴⁾ Дѣло Том. Горн. Управл. съ отчетами за 1889 г.

⁵⁾ „Вѣстн. Золотопр.“, 1893 г., № 15, стр. 253, № 16, стр. 259.

⁶⁾ Тоже и въ договорѣ съ нимъ 80-хъ гг. и въ договорѣ съ К^о Иваницкаго, Жилля и Потапова 1888 г.

леніемъ, во временныхъ же командировкахъ въ поисковыхъ и развѣдочныхъ партіяхъ, гдѣ нѣтъ постоянного жительства, тамъ устраивать для себя шалаши“.

Рабочіе на прискахъ Маріинскаго и Алтайскаго округовъ, по словамъ „Сибирской Газеты“, помѣщались „въ казармахъ длиною и шириною отъ 8 до 10 арш. съ нарами кругомъ стѣнъ съ чрезвычайно узкими окошечками, пропускающими весьма слабые лучи свѣта, и, конечно, безъ всякой вентиляціи. Въ подобныхъ-то помѣщеніяхъ тѣснятся отъ 20 до 25 чел. При этомъ полы никогда не моются, накапливается толстый слой грязи, а съ нею появляется безчисленное множество насѣкомых“ ¹⁾. Въ 1883 г. маріинскій окружной врачъ нашелъ на Благонадежномъ прискѣ Королева, что „помѣщеніе рабочихъ, казармы содержатся грязно и неопратно; по размѣрамъ своимъ они не соответствуютъ помѣщающемуся въ нихъ числу рабочихъ людей, такъ что на cadaго человека не приходится даже и $\frac{1}{2}$ куб. с. воздуха“ ²⁾. По свидѣтельству чиновника Соколова (1890 г.) отвратительныя помѣщенія для рабочихъ были на Петровскомъ прискѣ Савелія Буткевича: здѣсь лѣтомъ 8, а зимою 11 рабочихъ жили въ такомъ помѣщеніи, которое ежеминутно грозило разрушеніемъ. Эта казарма была подперта полусгнившими бревнами, такъ какъ углы ея обвалились. Все строеніе сгнило и было настолько ветхо, что г. Соколовъ не рѣшился оставаться въ немъ болѣе 5 мин. „Остальныя казармы на Петровскомъ прискѣ представляютъ не лучшее помѣщеніе, а между прочимъ по официальнымъ даннымъ и по заявленію самого Буткевича на его прискѣ работаютъ 40 чел.“ Въ возраженіи на донесеніе Соколова мѣстный горный исправникъ сообщаетъ, что лѣтомъ рабочіе не живутъ въ казармахъ, а устраиваютъ себѣ шалаши.

Изъ отчета томскаго окружного инженера за 1889 г. видно, что количество воздуха, приходящагося на 1 рабочаго на нѣкоторыхъ прискахъ, весьма недостаточно: „величина помѣщеній рабочихъ“, говоритъ онъ, „весьма разнообразна: на большинствѣ присковъ Маріинскаго округа, праваго берега р. Томи, на прискахъ Асташева и К^о на cadaго рабочаго приходится 6—10 и даже 12 куб. арш. воздуха“ ³⁾. Это количество увеличивается вдвое для присковъ Абакана и К^о Мальцева (Южноалтайскаго Дѣла). „Казармы на прискахъ Королева даютъ рабочему

¹⁾ „Сибирская Газета“, 1882 г., № 20.

²⁾ Арх. Дмитріевскаго волостного правленія въ с. Тисулѣ, дѣло Маріин. горн. испр., № 6/14, л. 249.

³⁾ Слѣдовательно, напрасно въ своемъ донесеніи въ горный департаментъ по поводу записки Соколова г. Реутовскій утверждаетъ, что въ помѣщеніяхъ для рабочихъ на прискахъ Маріинскаго округа приходится на человека „minimum $\frac{3}{4}$ куб. с.“ Дѣло Том. Горн. Управл. 1891 г., № 12.

до 50 куб. арш. воздуха. Нужно, впрочем, замѣтить, что показанное количество воздуха лѣтомъ значительно увеличивается вслѣдствіе помѣщенія нѣкоторыхъ рабочихъ въ отдѣльныхъ небольшихъ избушкахъ". Въ другомъ мѣстѣ отчета г. Реутовскій говоритъ, что рабочій лишень „сноснаго помѣщенія" ¹⁾. Но въ 1892 г. въ замѣчаніяхъ на проектъ правилъ о наймѣ рабочихъ, составленный горнымъ департаментомъ, г. Реутовскій сообщаетъ, что „лучшія присковныя управленія строятъ прекрасныя казармы для рабочихъ (5 арш. высоты, 12 арш. ширины и 12 арш. длины), съ сѣнями для просушки бѣлья, одежды и обуви, съ койками отдѣльно для каждаго человѣка и съ расчетомъ, чтобы на каждаго приходилось не менѣе 1 куб. саж. воздуха ²⁾).

Жилища рабочихъ на частныхъ прискахъ Томской губ. раздѣляются, по словамъ В. Р., на три разряда. У рабочихъ Южноалтайскаго Дѣла „отлично устроенныя казармы", въ которыхъ каждымъ двумъ человѣкамъ предоставляется отдѣльная койка, на каждаго рабочаго приходится значительно болѣе 1 куб. с. воздуха (?) ³⁾ и для всѣхъ отдѣльныя сѣни для сушки бѣлья, одежды и обуви. По этому типу строятся всѣ новыя казармы и перестраиваются старыя. Ко второму разряду относятся помѣщенія рабочихъ на промыслахъ Алтайскаго Золотопромышленнаго Дѣла, товарищества Кузнецовыхъ, золотопромышленниковъ Данилова, Родионова, Королева, Буткевича и др. Казармы на этихъ промыслахъ, „хотя и представляютъ свѣтлыя, высокія и сухія помѣщенія, но уступаютъ казармамъ перваго разряда рабочихъ: онѣ не имѣютъ особыхъ сушильныхъ отдѣленій, въ нихъ нѣтъ также отдѣльныхъ коекъ и теплыхъ сѣней. Онѣ не менѣе 4—4½ арш. высоты и такихъ размѣровъ, что на каждаго рабочаго приходится не менѣе 1 куб. саж. воздуха. „Впрочемъ, на многихъ прискахъ", продолжаетъ г. В. Р., „уже приступлено къ перестройкѣ этихъ казармъ" по типу перваго разряда. Высота казармъ третьяго разряда до 3½—4 арш. съ содержаниемъ воздуха въ большинствѣ случаевъ не менѣе 1 куб. с. „На 20 такихъ прискахъ было произведено измѣреніе казармъ, причемъ оказалось, что 9 изъ нихъ давали рабочему немного менѣе 1 куб. с., но другія значительно превосходили 1 куб. с. для каждаго рабочаго ⁴⁾.

Одежду, разныя вещи и сѣстные припасы, добавочные къ получаемому отъ присковыхъ управленій пищевому довольствію, рабочіе

¹⁾ Дѣло Том. Горн. Управл.

²⁾ Дѣло Горнаго Департ., Отд. Части. Золотопр., № 80.

³⁾ Въ 1891 г., какъ сообщилъ намъ кузнецкій врачъ, на всѣхъ прискахъ Южноалтайскаго Золотого Дѣла приходилось въ среднемъ 5½ куб. метр. воздуха на 1 рабочаго, на прискѣ Данилова на р. Оедоровкѣ 5 куб. метр. и на прискѣ Иванецкаго въ Усинской системѣ 5½ куб. метр., т.-е. всего нѣсколько болѣе ½ куб. саж.

⁴⁾ „Вѣстн. Золотопр.", 1894 г., № 17, стр. 276, 1896 г., № 12, стр. 241, 248.

приобрѣтала въ счетъ заработка изъ присковыхъ лавокъ. Въ нѣкоторыхъ договорахъ начала 70-хъ гг. не упоминалось еще о томъ, что цѣны за всѣ вещи и припасы опредѣляются таксою, утвержденною горнымъ исправникомъ (хотя въ дѣйствительности такое утвержденіе уже требовалось), напримѣръ, по договору съ золотопромышленникомъ Маринскаго округа Хотимскимъ (1870 г.) заборъ производился изъ присковыхъ магазиновъ „по установленной управленіемъ цѣнѣ“. Въ нѣкоторыхъ договорахъ того же времени устанавливается правило, что выдача вещей изъ присковыхъ лавокъ въ счетъ заработка производится всего одинъ разъ въ мѣсяцъ; такъ въ договорахъ Щепетильникова и Никифорова (Маринскаго округа 1871 г.) сказано: „товарныя вещи изъ амбара получаютъ намъ 1-го числа каждаго мѣсяца, а въ прочіе дни отпуска просить не должны“. Въ договорѣ съ Даниловымъ (1877 г.) упоминается объ „утвержденной“ таксѣ; съ своей стороны рабочіе по этому договору „строго“ обязывались „въ излишество ничего не требовать и не брать, и взявши никуда не проматывать“, за что, въ противномъ случаѣ, они подвергались „отвѣтственности и должному исправительному взысканію“ (sic!) ¹⁾.

Бывшій томскій губернаторъ Тобианъ, въ своей запискѣ въ горный департаментъ 1892 г. сообщаетъ, что „магазины многихъ большихъ присковъ снабжены не только продуктами и товарами, составляющими предметы первой необходимости, но и весьма значительнымъ количествомъ предметовъ роскоши, совершенно несоотвѣтствующихъ потребностямъ рабочихъ. Въ магазинахъ имѣются бакалейные товары, почти никогда не потребляемые въ домашней жизни рабочаго класса, а также довольно дорогія матеріи, употребляемыя только на праздничные костюмы, въ какихъ нѣтъ никакой надобности на прискахъ. Отпускъ подобныхъ товаровъ сокращаетъ выдачу заработковъ наличными деньгами при полученіи окончательнаго расчета... Нѣкоторые присковые магазины запасаются и извѣстнымъ количествомъ аптечныхъ товаровъ самаго низкаго сорта (одеколона, киндербальзама и т. п.). Это становится уже явнымъ обходомъ закона, безусловно воспрепятствующаго продажу спирта, потому что рабочіе цѣлыми бутылками берутъ, напримѣръ, одеколонъ и, несмотря на сравнительно высокую цѣну, пьютъ его вмѣсто спирта или водки, разстраивая этимъ свое здоровье“ ²⁾. Если въ этихъ словахъ мы и находимъ слишкомъ широкое обобщеніе отдѣльныхъ случаевъ (какъ напр., питье одеколона), то во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что рабочіе весьма значительную часть своего заработка оставляютъ въ присковыхъ лавкахъ ³⁾. По свѣдѣніямъ, сообщаемымъ

¹⁾ Тоже, въ договорѣ съ Даниловымъ 80-хъ гг.

²⁾ Дѣло Горн. Департ., отд. частн. золотопромышл. 1882 г., № 80.

³⁾ См. ниже о распредѣленіи заработковъ.

сибирскими газетами, хозяева присковъ Маринскаго и Алтайскаго округовъ получали въ 1880 г. на разныхъ вещахъ и припасахъ отъ 50 до 112% барыша, въ 1881 г.—отъ 26 до 92%, и въ 1882 г.—отъ 40 до 180%. Такъ напимѣръ, кирпичъ чаю, стоимвшій съ доставкой 1 р.—1 р. 20 к., продавался на прискахъ 1 р. 40—1 р. 80 к.; фунтъ сахару, обходившійся съ доставкой 31—35 к., продавался за 50 к. и проч. ¹⁾ По словамъ чиновника Соколова (1890 г.), на маринскихъ прискахъ ржаная мука продавалась по 1 р. 20 к. за пудъ въ то время, когда пудъ съ доставкой стоилъ не болѣе 60 коп., пудъ соли 1 р. 50 к. вмѣсто 70 коп. Окружной же инженеръ Томскаго горнаго округа увѣряетъ въ возраженіи на записку Соколова, что присковья управленія получаютъ на товарахъ барыша всего 10—20%. Однако, тотъ же окружной инженеръ г. Реутовскій, въ своемъ отчетѣ за 1889 г., писалъ: „нельзя не отмѣтить, что таксы составляются въ широкихъ размѣрахъ (sic!); онѣ“ (т.-е. цѣны въ нихъ) „настолько велики, что даже солидныя компаніи, повидимому не гонящіяся за барышемъ отъ продажи товара, имѣють 15—20 тысячъ чистаго дохода на 600—700 чел. команды. Это приблизительно“, означаетъ, „что каждый рабочій несетъ въ кассу золотопромышленной фирмы свой лѣтній мѣсячный заработокъ, который рѣдко ниже 23—25 рублей“. Въ другомъ мѣстѣ того же отчета авторъ упоминаетъ „о высокихъ цѣнахъ товаровъ и ихъ недоброкачественности“ ²⁾. Въ замѣчаніяхъ (1892 г.) на проектъ правилъ о наймѣ рабочихъ на сибирскіе золотые промысла, г. Реутовскій говоритъ, что „года четыре тому назадъ... въ таксахъ, утверждаемыхъ горнымъ исправникомъ, былъ крайній произволъ, и доходъ съ присковыхъ товаровъ и припасовъ давалъ мѣстами 80—100%, но всегда не ниже 50—60%; въ настоящее время крайній процентъ барыша 20—25%“ ³⁾.

Въ „Вѣстникѣ Золотопромышленности“ мы находимъ слѣдующіи свѣдѣнія о размѣрѣ забора рабочихъ на промыслахъ Томскаго горнаго округа и барышахъ золотопромышленниковъ. „Величина забора измѣняется отъ 3 р. 90 к.—5 р. въ мѣсяцъ до 6, 8 и даже 9 рублей. Это увеличеніе забора зависитъ отъ количества женщинъ и дѣтей на прискахъ. На Абаканскихъ, напимѣръ, прискахъ Кузнецовыхъ (Алтайскаго горнаго округа), „гдѣ на 373 годовыхъ рабочихъ приходится

¹⁾ Данныя эти сгруппированы г. Соловьевъ въ статьѣ „Государственная защита присковыхъ рабочихъ въ Сибири“. „Юридическій Вѣстникъ“ 1887 г., № 11, стр. 442.

²⁾ Томск. Горн. Управ. дѣло 1891 г., № 12 и дѣло съ отчетомъ за 1889 г.

³⁾ Въ печатной статьѣ 1893 г. г. В. Р. утверждаетъ, что прибыль золотопромышленниковъ Томскаго горнаго округа отъ продаваемыхъ ими товаровъ и припасовъ составляетъ 20% ихъ стоимости. „Вѣстн. Золотопр.“, 1893 г., № 15, стр. 253—254, № 16, стр. 259.

303 женщинъ и дѣтей, ежемѣсячный заборъ на челоѣка доходить до 8¹/₂ руб. Двѣ трети этой суммы идетъ собственно на товары и треть на припасы. Рабочій, кромѣ присковаго положенія, беретъ: ¹/₂ кирпича чаю, сахару 2—3 фунта, масла 2 ф., сала 2 ф., пшеничной муки ¹/₂ пуда, многіе берутъ и крупчатку“ ¹). Въ сборникѣ „Алтай“ авторъ статьи о частной золотопромышленности сравниваетъ лавки на золотыхъ прискахъ и на обь-енисейскомъ каналѣ: „на прискахъ лавочки содержатся самими золотопромышленниками и составляютъ для нихъ одну изъ доходнѣйшихъ статей предпріятія. На многіхъ бѣдныхъ прискахъ эта статья является иногда единственной доходной статьёй, возмѣщая убытки отъ самаго промысла... Въ этихъ лавочкахъ рабочіе спускали едва не всѣ свои заработки, такъ какъ цѣны на всѣ предметы здѣсь тройныя. На каналѣ это дѣло поставлено совершенно иначе, и цѣны на всѣ главные предметы здѣсь почти одинаковы съ томскими. Управление канала заключило условіе съ торговцемъ Колозовымъ, по которому этотъ послѣдній, открывая здѣсь на каждомъ стану свои лавочки, обязывается продавать изъ нихъ товары по опредѣленной въ контрактѣ цѣнѣ и непремѣнно установленной доброкачественности; образцы этихъ товаровъ за печатами хранятся въ конторѣ каждаго стана, и рабочіе, получивъ недоброкачественный товаръ, могутъ всегда его обмѣнить или отдать обратно“ (стр. 425) ²).

Это показываетъ, что горные исправники плохо охраняли интересы рабочихъ въ дѣлѣ составленія таксъ, какъ и въ другихъ отношеніяхъ, за что иногда и получали замѣчанія отъ высшаго начальства. Такъ наприкладъ, въ 1878 г. томскій губернаторъ писалъ горному исправнику частныхъ золотыхъ промысловъ томской губерніи: „Вы представили ко мнѣ при отчетѣ о дѣйствіи частныхъ золотыхъ промысловъ за 1876—1877 операціонный годъ таксу припасамъ и матеріаламъ, продававшимся въ томъ году на частныхъ золотыхъ промыслахъ Томской губерніи. По сравненію показанныхъ въ таксѣ цѣнъ съ цѣнами справочными, существующими въ г. Томскѣ, первыя далеко превышаютъ послѣднія, и повышение это положительно ничѣмъ не оправдывается. Если взять затрату на провозъ этихъ матеріаловъ и припасовъ, что, конечно, должно имѣть вліяніе на повышение цѣнъ присковыхъ, то съ другой стороны нужно взять въ разсчетъ оптовую покупку тѣхъ матеріаловъ, которая всегда влечетъ за собою значительное пониженіе цѣнъ раздробительныхъ“. Губернаторъ предписывалъ горному исправнику „обратить особенное вниманіе на столь значительное возвышеніе

¹) „Вѣстн. Золотопром.“, 1893 г., № 15, стр. 253, № 16, стр. 259.

²) Рабочіе Южноалтайской К°, какъ намъ передавали въ 1891 г., выражали неудовольствіе на то, что имъ не позволяли покупать у крестьянъ кое-что изъ сѣбѣстнаго: масло, капусту, огурцы.

присковыхъ цѣнъ на припасы и матеріалы и принять самыя строгія мѣры“ для ихъ пониженія, „дѣйствуя въ этомъ случаѣ, гдѣ представится возможность, и путемъ убѣжденія, такъ какъ произвольное повышение цѣнъ разоряетъ рабочихъ“ ¹⁾. При сравненіи цѣнъ на прискахъ съ томскими цѣнами, оказывалось, что первыя превосходили вторыя (не принимая во вниманіе стоимости доставки) на 5—150% (одинъ товаръ даже на 300%). Такъ напримѣръ, ситцевая рубашка стоила въ Томскѣ 1 рубль, на прискахъ 2 р., рубашка холщевая въ Томскѣ 60 коп., на промыслахъ 1 р. 20 к., сукно крестьянское аршинъ въ Томскѣ 13 коп., на промыслахъ 25 коп. ²⁾; а между тѣмъ это были еще цѣны „общей таксы“ на прискахъ, которая, повидимому, представляетъ среднія цифры; по крайней мѣрѣ, при сравненіи цѣнъ такой общей таксы за 1883 г. съ цѣнами на отдѣльныхъ промыслахъ, оказывается, что на различныхъ прискахъ можно было встрѣтить цѣны и болѣе, и менѣе общей присковой таксы.

Если мы сравнимъ присковыя цѣны 1878 г. съ цѣнами 1851—52 г. ³⁾, мы замѣчаемъ весьма сильное вздорожаніе нѣкоторыхъ товаровъ: такъ напримѣръ, въ 1851 г. бродни стоили 1 р. 35 к.—1 р. 45 к., въ 1878 г.—2 р.—2 р. 60 к., сапоги кунгурскіе въ 1851 г.—1 р. 90 к.—2 р. 40 к., въ 1878 г. 4 р. 50 к.—6 р.; цѣна другихъ товаровъ, какъ напримѣръ, азамовъ, измѣнилась менѣе: въ 1851 г. разные сорта ихъ стоили отъ 1 р. 90 к. до 5 р. 75 коп., въ 1878 г. отъ 2 р. 75 к. до 6 р. 50 к.

Кромѣ присковыхъ лавокъ бываютъ и другіе способы эксплуатаціи рабочихъ: такъ въ 1888 г. на Петропавловскомъ прискѣ бр. Должиновыхъ (Абаканской системы) у старшаго стражника была большая лотерея (болѣе чѣмъ на 400 р.), гдѣ подписчиками были одни рабочіе ⁴⁾.

Приводить на промысла женъ и дѣтей рабочіе могли только съ согласія присковаго управленія. По договору съ Триполитовымъ (1870 г., Мар. окр.), если кому и дозволялось привести ихъ съ собою, присковое управленіе могло употреблять ихъ въ домашнія работы, а за ослушаніе и дурное поведеніе высылать съ приска во всякое время. Въ договорѣ съ Даниловымъ 80-хъ гг. пояснено, что за исполняемыя ими работы (мытье половъ и бѣлья, уходъ за коровами и огородами, приготовленіе пищи, шитье бѣлья и т. п.) женщины должны получать по-денную или мѣсячную плату по назначенію управленія; исполняющія постоянныя обязанности кухарки, прачки и проч. должны были полу-

¹⁾ Архивъ Дмитріевскаго волостного правленія въ селѣ Тисулѣ, дѣло 1878 г. № 21.

²⁾ См. *Дополненіе III*.

³⁾ См. т. I нашего труда, стр. 551—552.

⁴⁾ „Сибирскій Вѣстн.“, 1888 г., № 19, стр. 4.

чать пищу отъ управленія (хотя и въ меньшемъ размѣрѣ, чѣмъ мужчины), тѣ же, на которыхъ не будетъ лежать никакихъ обязанностей, получаютъ только муку и соль, и то за плату по присковой таксѣ; по договору съ Южноалтайской комп. 1890 г., венанятія на постоянныя работы женщины должны были платить въ мѣсяцъ 2—3 р., а за уклоненіе отъ работъ управленіе могло штрафовать женщинъ отъ 3 до 6 р. въ мѣсяцъ (также и по договору съ Поповымъ 1890 г. Алт. окр.). По договору съ комп. Иваницкаго, Жилля и Потапова (1888 г.), женщины могли быть высланы съ присковъ не только за дурное поведеніе, но и за уклоненіе отъ работъ, плата же за продовольствіе женщинъ, не имѣющихъ постоянныхъ занятій, назначалась по усмотрѣнію управленія. По договору съ Поповымъ (1890 г. Южноалтайская комп.) женщины, пришедшія на прискъ съ мужьями, не могли уходить съ приска до общаго срока контракта. Въ договорѣ съ золотопромышленникомъ Пушниковымъ (1886 г., Мар. окр.) не упоминается о необходимости согласія присковаго управленія на приводъ женщинъ, а сказано только, что рабочій, приведшій съ собою жену на прискъ, обязанъ платить за ея содержаніе 3 р. въ мѣсяцъ ¹⁾. По договору съ комп. Плотникова и Жилля (1890 г.) на прискахъ Вавиловскомъ, Александровскомъ и Ивановскомъ (Мар. окр.) за продовольствіе хлѣбомъ и помѣщеніе жены рабочаго съ него производился вычетъ 2 р. въ мѣсяцъ, остальные же припасы онъ долженъ былъ брать въ амбарѣ по таксѣ или покупать, у кого найдетъ возможнымъ. Въ договорахъ обыкновенно поясняется, что высылка женщинъ за дурное поведеніе должна производиться на счетъ того лица, съ кѣмъ онѣ пришли.

Въ Томскомъ горномъ округѣ семейная жизнь на промыслахъ развита болѣе, чѣмъ гдѣ либо на другихъ сибирскихъ прискахъ, и женщины допускаются сюда всего свободнѣе, если не считать промысловъ, гдѣ работаютъ киргизы, перекочевывающіе въ кибиткахъ съ своими семействами (см. гл. III): въ 1889 г. въ томскомъ горномъ округѣ при 5183 рабоч. м. п. было на промыслахъ 3378 женщ. и 1330 дѣтей ²⁾; въ 1890 г. на 5093 раб. м. п. было 2012 женщ. и 2188 дѣтей ³⁾. На прискѣ Южноалтайской комп. я видѣлъ въ 1891 г. одного рабочаго, живущаго въ особой избушкѣ съ 8-ю дѣтьми. И тѣмъ не менѣе женщинъ все еще недостаточно: въ 1890 г. на прискахъ Южноалтайской комп. по системѣ р. Балыксы былъ случай скотоложства.

Въ нѣкоторыхъ контрактахъ встрѣчались условія, чтобы рабочіе не держали на прискахъ скота и собакъ, по крайней мѣрѣ безъ раз-

¹⁾ Тоже по договору съ золотопромышленникомъ Ивановымъ 1888 г. Алт. окр.

²⁾ Дѣло Том. Горн. Управл. съ отчетомъ за 1889 г.

³⁾ „Горный Журналъ“, 1891 г., № 12, стр. 520.

рѣшенія. Но на промыслахъ Южноалтайской комп. по системѣ р. Балыксы рабочимъ дозволяли держать свой скотъ; до 1891 г. рабочіе, имѣвшіе скотъ, платили управленію за сѣно по 12 р. въ годъ (т. е. по 2 р. за каждый изъ 6-ти зимнихъ мѣсяцевъ), но съ этого времени управленіе нашло такой порядокъ для себя невыгоднымъ и предоставило рабочимъ самимъ заготовлять сѣно.

Жизнь рабочихъ на промыслахъ крайне однообразна, всякія разумныя развлеченія совершенно отсутствуютъ и потому пріятно упомянуть, какъ о рѣдкомъ исключеніи, что на Неожиданномъ присѣкѣ Южноалтайской комп. недавно устроено особое зданіе для народныхъ чтеній и спектаклей, которые живо интересуютъ рабочихъ и приносятъ имъ большую пользу: несмотря на то, что приходится рано вставать, рабочіе простаиваютъ весь спектакль, какъ бы поздно онъ ни оканчивался ¹⁾. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ на этомъ присѣкѣ рабочіе послѣ спектакля, устроеннаго служащими, получили разрѣшеніе устроить свое театральное представленіе и сыграли „Короля Максимилиана“ ²⁾.

Во многихъ договорахъ рабочихъ съ золотопромышленниками упоминается объ устройствѣ артельныхъ расправъ (двухъ выборныхъ въ которыя выбирали рабочіе, старосту же назначало присковое управленіе), а также о „полицейскомъ исправленіи“ или „взысканіи“ у горнаго исправника.

Объ артельной расправѣ упоминается, напр., въ договорѣ съ Триполитовымъ (1870 г., Мар. окр.), въ договорѣ же съ Щепетильниковымъ (1871 г., Мар. окр.) вмѣсто артельной расправы говорится только о „полицейскомъ взысканіи“. Въ договорѣ съ Даниловымъ (1877 г.) хотя и сказано объ избраніи артелью двухъ выборныхъ, но главное значеніе придается назначаемому управляющимъ артельному старостѣ, „который“, какъ сказано въ договорѣ, „по силѣ закона за проступки наши, лѣность и вообще за дурное поведеніе можетъ насъ наказывать; но если предоставленная мѣра на исправленіе (sic) не будетъ достигать цѣли, то о таковыхъ долженъ вести свой журналъ для преставленія его горному исправнику на зависящее распоряженіе“. По этому же договору за дурное поведеніе на пути на промысла рабочіе подвергали себя „артельной или полицейской расправѣ на мѣстѣ сдѣланныхъ проступковъ или по прибытіи на присѣкъ“ ³⁾. По договору съ Даниловымъ 80-хъ гг. артельный староста могъ „наказывать“ рабочихъ и „штрафовать“ отъ 1 до 3 р. въ сутки“. За побѣгъ съ присѣка, кромѣ другихъ каръ, бѣжавшій подвергался „законному исправительному взысканію“; „полицейскому взысканію“ подлежали также виновные въ „самовольной и тайной перестановкѣ

¹⁾ „Вѣст. Золотопр.“ 1896 г., № 12, стр. 241, № 20, стр. 353; 1897 г., № 14, стр. 316.

²⁾ Одинъ изъ вариантовъ этой комедіи напечатанъ въ сборникѣ „Народный театр“, изд. Е. Лавровой и Н. Попова, М. 1896 г., стр. 48—61.

³⁾ По договору съ Даниловымъ 80-хъ гг. приказчикъ, сопровождавшій артель, могъ передавать „буйнаго наемника ближайшему начальству для законнаго взысканія и дальнѣйшаго отправленія съ тою же артелью“.

урочныхъ колебѣтъ“ и кромѣ того лишенію платы за этотъ день (тоже въ договорѣ съ Южноалтайскою К^о и Поповымъ 1890 г., Алт. окр., и по договору съ Ивановымъ 1887 г., Алт. окр.; по послѣднему контракту они лишались даже не обычной, а старательской платы). О наказаніи артели за дурное поведение и „законномъ исправительномъ взысканіи“ за побѣгъ упоминается и въ договорахъ Южноалтайскій К^о 80-хъ и 1890 г.; но очевидно присковому управленію не всегда удавалось добиться желательнаго ему приговора, такъ какъ въ договорахъ этихъ сказано, что если за ослушаніе и дерзости виновный не будетъ наказанъ артелью, то присковое управленіе можетъ или само оштрафовать его, или жаловаться полиціи ¹⁾. По договору съ К^о Иванецкаго, Жилия и Потапова (1888 г., Алт. окр.) также устанавливается артельная расправа, по приговору которой виновный подвергался денежному штрафу за каждый проступокъ до 3 р. или наказанію розгами до 20 ударовъ, а если эти мѣры не достигали цѣли, то такихъ рабочихъ слѣдовало представлять горному исправнику на зависящее распоряженіе ²⁾.

Во время посѣщенія нами въ 1891 г. присковъ Южноалтайской комп. намъ рассказывали о нѣкоторыхъ случаяхъ тѣлесныхъ наказаній по приговору артельной расправы.

Томскій губернский совѣтъ въ своемъ журналѣ 31 марта 1882 г. одною изъ причинъ побѣговъ рабочихъ съ присковъ считалъ „строгость взысканій“. Горный исправникъ Маринскаго и Алтайскаго округовъ въ своемъ представленіи губернскому совѣту считалъ необходимымъ „безусловно воспретить золотопромышленникамъ, ихъ управляющимъ и служащимъ подвергать рабочихъ по собственному усмотрѣнію за проступки какому-либо наказанію, а тѣмъ болѣе позволять по отношенію къ рабочимъ ручную расправу“. Губернскій совѣтъ нашелъ, что это предложеніе не можетъ даже представлять „предмета обсужденія, такъ какъ подобныя дѣйствія не только воспрещены, но и караются закономъ“ и считалъ необходимымъ, чтобы никакія наказанія рабочихъ не производились безъ приговора партіонной расправы ³⁾. Но эти пожеланія не осуществлялись; по крайней мѣрѣ въ 1884 г. въ „Сибирскую Газету“ сообщили съ присковъ Маринской системы слѣдующій фактъ: „золотопромышленникъ К—въ задаетъ громадныя уроки своимъ рабочимъ. Недавно, сидя у окна, онъ увидѣлъ, что рабочій уменьшилъ замѣръ на нѣсколько вершковъ, переставивъ колышекъ. К—въ тотчасъ же зазвалъ этого рабочаго и съ помощью урядника Н—дова, живущаго

¹⁾ Также въ договорѣ съ Поповымъ (1890 г. алт. окр.).

²⁾ Въ договорѣ съ Алтайскимъ Золотопромышленнымъ Дѣломъ В. И. Асташева находимъ такое оригинальное постановленіе: „если кто либо изъ устроенныхъ нами самими при наймѣ или въ работахъ на прискѣ артелей окажется виновнымъ въ ослушаніи или въ оскорбленіи заведывающихъ работами и не будетъ наказанъ артелью, то присковое управленіе имѣетъ право лишить артель, въ которой находится виновный, половины порціи мяса, а также винныхъ порцій“.

³⁾ „Том. Губерн. Вѣдом.“, 1882 г., №№ 29 и 30.

на сосѣднемъ пріискѣ Б—лина, повалилъ его на полъ и билъ пинками до тѣхъ поръ, пока рабочій не лишился чувствъ и тогда еле живой былъ отправленъ въ пріисковую больницу ¹⁾).

Въ 1887 г. въ „Сибирскомъ Вѣстникѣ“ появилась корреспонденція съ алтайскихъ пріисковъ о дурномъ обращеніи съ рабочими на пріискахъ К^о Мальцева (впослѣдствіи Южноалтайское Дѣло) ²⁾. Томскій губернаторъ послалъ по этому поводу запросъ горному исправнику, и тотъ отвѣчалъ слѣдующее: Въ теченіе 6-лѣтняго моего завѣдыванія промыслами Мальцева и К^о не было ни одного случая, чтобы кто-либо изъ рабочихъ и служащихъ принесъ жалобу на дерзкое обращеніе г. Сычева... Не то время, чтобы рабочіе добровольно подставляли свои спины подъ арапникъ, и никто изъ управляющихъ на это, при всемъ желаніи, не рѣшится, зная, какія послѣдствія отъ этого неминуемо произойдутъ. Рабочимъ хорошо извѣстно, что управленіе пріиска подвергать ихъ тѣлесному наказанію не можетъ, и никто изъ нихъ не допуститъ до этого. При нанесеніи оскорбленія не только дѣйствіемъ, но словами кѣмъ-либо изъ служащихъ, рабочій обязательно обратится въ первый же пріѣздъ горнаго исправника на пріискъ съ жалобой и тогда только успокоится, когда на виновнаго будетъ наложена мѣра взысканія. Рабочіе, дѣйствительно за маловажные проступки, согласно 110 ст. Устава о Частн. Золотопр., по словесному приговору артельной расправы, подвергаются тѣлесному наказанію; при этомъ пріисковый полицейскій стражникъ активнаго участія не принимаетъ, а наблюдаетъ, чтобы наказаніе было приведено въ исполненіе и чтобы не было какихъ-либо истязаній ³⁾.

Въ нѣкоторыхъ договорахъ начала 70-хъ гг. мы находимъ еще условіе, чтобы съ рабочими обходились „безъ обиды и притѣсненія, человеколюбиво, не причиняя“ имъ „нибавкихъ побоевъ или какихъ либо жестокостей, вредныхъ здоровью“; въ контрактахъ же 80-хъ гг. мы не находимъ уже этой послѣдней прибавки и предписывается обхожденіе съ рабочими „безъ притѣсненій и жестокостей“, или „безъ обидъ“,

¹⁾ № 31, стр. 779. Въ печати было заявлено еще о слѣдующемъ случаѣ самоуправства пріисковой администраціи: управляющій на пріискѣ въ К—мъ округѣ арестовалъ двухъ инородцевъ „по подозрѣнію будто бы въ скупѣ золота, заковалъ ихъ въ кандалы и закованныхъ выгонялъ нѣсколько дней на работу. Освободившись, инородцы жаловались кому-то, но жалобы ихъ остались гласомъ вопіющаго въ пустыни“. „Сибирскій Вѣст.“, 1886 г., № 77, стр. 3.

²⁾ Въ ней было между прочимъ сказано, что управляющій С—въ бьетъ арапникомъ рабочихъ, „а если найдется изъ нихъ такой, что вздумаетъ вооружиться противъ начальническаго арапника, то онъ немедленно отправляется съ пріиска за конвоемъ до р. Б—сы и тамъ прежде, чѣмъ онъ сядетъ въ лодку, его предварительно, по распоряженію того же управляющаго, при помощи стражниковъ и конюховъ, угодятъ березовой кашей такъ, что онъ плыветъ до жилого мѣста еле живой. Жаловаться у насъ не полагается, да и каждому рабочему извѣстно, къ чему ведутъ жалобы: какъ разъ челобитчика ждетъ отъ непосредственнаго пріискаго начальника, къ которому онъ обратится съ жалобой, угощеніе еще обидѣе. „Сиб. Вѣстн.“, 1887 г., № 44, стр. 3.

³⁾ Арх. Кузнецк. Горн. испр., 1890 г., № 27, нарядъ т. 1.

нобоевъ и притѣсненій“, или „человѣколюбиво, безъ обидъ и притѣсненій“¹⁾).

Въ видѣ наказанія рабочихъ переводили иногда на другую работу: такъ напр., забойщика, если онъ неправильно велъ забой или въ чемъ либо провинится, дѣлали галечникомъ; это не только давало меньшій заработокъ, но и считалось постыднымъ.

Штрафы по контрактамъ разсматриваемаго времени опредѣлялись въ размѣрѣ 50 к.—1 р. 50 к. за прогульный день (всего чаще 1 р.)²⁾, за дурное поведеніе и разныя провинности до 3 р. По договору съ Ивановымъ (1887 г., Алт. окр.) съ невышедшаго самовольно на работу золотопромышленникъ имѣлъ право „сдѣлать вычетъ, замѣняя прогульный день праздничнымъ, т.-е. старательскимъ, а за самовольную отлучку съ приска „виновный“ подвергается штрафу отъ 3 до 5 р. за каждый прогульный день“. По договорамъ съ Южноалтайской комп. (80-хъ и 1890 г.) и Поповымъ (Алт. окр., 1890 г.) за несвоевременный выходъ на работу промысловое управленіе могло налагать штрафъ за каждый просроченный часъ по 30 к.; „за неявку на работы, за самовольную отлучку, лѣность, пьянство, неповиновеніе, драку и буйство управленіе“ могло штрафовать рабочихъ „по своему усмотрѣнію отъ 1 до 3 р. или же предать законной отвѣтственности, какъ нарушителей порядка и контракта³⁾“.

Въ отчетахъ 1887 и 1890 гг. о прискахъ Алтайскаго округа мѣстный горный исправникъ говоритъ: „штрафами за ослушаніе и неисполненіе договора рабочихъ не обременяютъ; хотя иногда и случается записка штрафовъ въ расчетные листы, но это дѣлается лишь для острастки; при окончательныхъ же расчетахъ штрафы обыкновенно прощаются⁴⁾“. Тоже говорили намъ и на прискахъ Южноалтайской комп. въ 1891 г.

Въ Алтайскомъ округѣ, какъ и во многихъ другихъ горныхъ системахъ, золотопромышленники пользовались съ разрѣшенія горнаго исправника совершенно незаконно правомъ лишать рабочихъ возможности вновь наниматься на промысла, давая о нихъ, безъ всякой про-

¹⁾ Въ договорѣ съ Триполитовымъ (1870 г., Мар. окр.) за „явное неповиновеніе, оказанное на прискѣ“, виновнымъ грозили наказаніемъ на основаніи ст. 263, 266, 268, 269 и 273 Улож. о Наказ., какъ за „возстаніе противъ властей, правительствомъ установленныхъ“.

²⁾ Впрочемъ, по договору съ Миллеромъ (1885 г.), за самовольную отлучку съ работъ назначенъ штрафъ въ 3 р.

³⁾ По договору съ К^о Плотнокова и Жилия (1890 г., Мар. окр.), на прискахъ Вавиловскомъ, Александровскомъ и Ивановскомъ штрафы, взысканные по приговорамъ артельной расправы, должны были по окончаніи операціи быть внесены въ мѣстное отдѣленіе общества Краснаго Креста.

⁴⁾ Арх. Горн. Департ. и горн. испр. въ Кузнецкѣ Томск. губ.

нѣрки, самыя неодобрительныя аттестаціи. Горные исправники не только разрѣшали, но даже прямо требовали представленія списковъ „такихъ людей, коихъ не слѣдуетъ имѣть въ работѣ на промыслахъ“. На основаніи такихъ списковъ, представленныхъ отдѣльными приисковыми управленіями, горный исправникъ составлялъ сводный списокъ и разсылалъ его на промысла. Въ списокѣ за 1884—85 г., составленномъ горнымъ исправникомъ Томской губ., было поименовано 719 рабочихъ (!)¹⁾, въ томъ числѣ противъ именъ 225 человекъ нѣтъ никакого объясненія, почему ихъ не слѣдуетъ нанимать, а противъ именъ остальныхъ 494 раб. стоитъ одна изъ слѣдующихъ отмѣтокъ: „по слабости“, „по негодности и неспособности“, „старъ“, „негодный“, „больной“, „по лѣности и бѣгству съ приисковъ“, „по слабости и грубости“, „грубіянь“, „продавецъ вина“, „бѣглець“, „бунтовщикъ“, „буйный“, „грубіянь и лѣнтая“, „грубіянь, бѣгаетъ и картежникъ“, „спиртонось“, „скупщикъ золота“, „по негодности и дрянъ“, „слабоумный“, „разстройщикъ“, „воръ“, „крайне вредный“, „говорунъ и требовательный“, „опасный негодяй“, „бунтовщикъ, возмутитель команды, крайне вредный“. Противъ одной характеристики: „грубіянь“ написано карандашомъ: „вздоръ“, но зачеркнуто чернилами. Противъ именъ нѣкоторыхъ рабочихъ не только нѣтъ свѣдѣній, почему ихъ не слѣдуетъ нанимать, но даже не указано, у какого золотопромышленника они работали и, слѣдовательно, на основаніи чьего отзыва они внесены въ списокъ²⁾. Все это показываетъ, какія злоупотребленія были возможны при пользованіи этимъ правомъ аттестаціи рабочихъ, неизвѣстно на основаніи какого закона предоставленнаго золотопромышленникамъ.

Въ 70-хъ и 80-хъ годахъ до 1889 года всѣми частными промыслами Томской губ. завѣдывалъ одинъ горный исправникъ. До 1 іюля 1881 года онъ получалъ ничтожное жалованье (280 р. въ годъ), а съ этого времени, по новому штату, содержаніе его было увеличено³⁾. Но горный исправникъ этимъ не довольствовался и получалъ еще нѣсколько тысячъ рублей отъ золотопромышленниковъ. Въ 1889 г., когда въ Том-

¹⁾ У золотопромышленниковъ Васильева, Цибульскаго, Данилова, Королева, Петрова, Сорокина, Иванецкаго, Ильина, Лелюхина, Асташева, Навалихина, Оедорова, Алексѣева, Михайлова и Буткевичъ.

²⁾ Арх. Томской Полиціи, дѣло гори. исправ. Томск. губ. 1884—85 г. № 82/12, л. 61—93. Въ архивѣ кузнецкаго горнаго исправника мы видѣли представленный въ 1887 г. К^о Иванецкаго, Потапова и Жилла „списокъ рабочихъ людей, коихъ не слѣдуетъ по разнымъ уважительнымъ причинамъ имѣть въ работѣ на золотыхъ промыслахъ. Къ слову „уважительнымъ“ кто-то прибавилъ „не“, очевидно считая несерьезными причины, на основаніи которыхъ этимъ рабочимъ воспрещаютъ наемку на промысла.

³⁾ Назначено 800 руб. жалованья, 400 столовыхъ и 400 квартирныхъ; въ 1890 г. онъ кромѣ того получалъ на разъѣзды и наемъ писцовъ для канцеляріи 600 р.

скомъ горномъ округѣ было уже два горныхъ исправника, все-таки районъ, находящійся въ ихъ завѣдываніи, былъ слишкомъ великъ, а именно, подъ вѣдѣніемъ одного исправника состояло 118 присковъ, другого—70 присковъ, которые, при крайне неудобныхъ путяхъ сообщенія, нелегко обозрѣвать, какъ слѣдуетъ. По словамъ томскаго губернатора Тобизена, въ 1892 году въ Маринскомъ округѣ разрабатывалось 106 присковъ ¹⁾. „Для того, чтобы одинъ разъ въ годъ въ теченіе лѣтней операціи посѣтить каждый изъ разрабатывающихся присковъ, исправникъ имѣетъ лишь 3 лѣтнихъ мѣсяца, въ теченіе которыхъ общее состояніе дороги только и дѣлаетъ возможнымъ проѣздъ по тайгѣ. При этомъ, не считая немногихъ мѣстностей, по которымъ объѣздъ присковъ можно совершать въ колесныхъ экипажахъ, исправнику приходится проѣхать не менѣе 1500 верстъ верхомъ по таежнымъ тропамъ, совершенно недоступнымъ для какихъ бы то ни было повозокъ. Сверхъ того, въ тайгѣ существуютъ болотистыя мѣстности, гдѣ въ лѣтнее время даже верхомъ нельзя безопасно проѣхать и приходится пользоваться, такъ называемыми, волокушами, т.-е. двумя длинными жердями, передніе концы которыхъ прикрѣпляются къ бокамъ вьючныхъ лошадей, а задніе волокутся по болоту; по серединѣ этихъ жердей устраивается сидѣнье и такимъ примитивнымъ экипажемъ долженъ пользоваться чиновникъ, который не можетъ рисковать потерей въ болотахъ провозимыхъ имъ официальныхъ бумагъ, документовъ и, нерѣдко, шлиховаго золота и довольно крупныхъ денежныхъ суммъ. Понятно, что при такихъ условіяхъ путешествія по тайгѣ исправнику остается менѣе сутокъ на посѣщеніе и проѣздъ съ одного приска на другой, и онъ не имѣетъ возможности внимательно слѣдить за всѣми подробностями присковой жизни и точнымъ исполненіемъ требованій закона. Обширность общей золотоносной площади, подвѣдомственной одному горному исправнику, во многихъ экстренныхъ случаяхъ не позволяетъ ему быстро и своевременно являться на приски, на которыхъ присутствіе его могло бы быть полезнымъ и даже необходимымъ. Наконецъ, горные исправники буквально завалены массою разнообразной, чисто канцелярской работы, отвлекающей ихъ отъ точнаго исполненія прямыхъ обязанностей администраторовъ и отъ постоянного личнаго наблюденія за подробностями хода живого дѣла. Въ матеріальномъ отношеніи исправники не могутъ считаться вполне обезпеченными опредѣленнымъ имъ по штату содержаніемъ, почему... они до извѣстной степени находятся въ зависимости отъ золотопромышленниковъ, дающихъ имъ пособія въ видѣ канцелярскихъ, разъѣздныхъ и т. п.“ ²⁾.

¹⁾ Въ дѣйствительности ихъ было въ этомъ году 99. „Сборн. Стат. Свѣд. о горно-заводск. производ. Россіи въ 1892 г.“, стр. 66—74.

²⁾ Дѣло Горн. Департ., отд. част. зол., 1882 г., № 80.

Указанная зависимость горных исправниковъ отъ золотопромышленниковъ мѣшала имъ, какъ слѣдуетъ, исполнять свои обязанности, и допросъ рабочихъ исправникомъ при объѣздѣ пріисковъ нерѣдко обращался въ простую формальность или подавалъ лишь поводъ къ добавочному побору съ золотопромышленника ¹⁾. Исправникъ Некрасовъ (80-хъ гг.) оставилъ по себѣ память, какъ человѣкъ крайне жестокой. Другого исправника Алтайскаго округа не обвиняли въ жестокости, но зато алчность его въ срываніи кушей истощила даже великое терпѣніе Южноалтайской Комп. и, какъ я слышалъ отъ покойнаго А. И. Деспота-Зеновича, жалоба этой компаніи доходила даже до министерства внутреннихъ дѣлъ. Одинъ рабочий маріинской тайги, бесѣдовавшій со мною въ 1891 г., сказалъ: „исправники мазу держать компанейскую“ (т.-е. золотопромышленныя компаніи подмазываютъ ихъ своими взятками).

Въ 70-хъ гг. въ распоряженіи томскаго горнаго исправника состоялъ казачій отрядъ, а въ концѣ 80-хъ и началѣ 90-хъ гг. на промыслахъ Томскаго горнаго округа были вольнонаемные стражники ²⁾. Стражники получали въ 1888 г. въ Алтайскомъ округѣ жалованья по 120 руб. въ годъ. По словамъ томскаго губернатора Тобизена, „стражники распределяются по большимъ пріискамъ, должны имѣть наблюденіе за порядкомъ и на нѣсколькихъ мелкихъ пріискахъ и поочередно переѣзжаютъ съ мѣста на мѣсто. При этомъ они получаютъ отъ 8 до 10 р. мѣсячнаго жалованья, а столъ и квартиру... отъ владѣльцевъ пріисковъ“. Очевидно, что при такихъ условіяхъ стражники болѣе зависятъ отъ золотопромышленниковъ, за дѣйствіями которыхъ должны наблюдать, чѣмъ отъ ближайшаго своего начальника, котораго нерѣдко видятъ только зимой, послѣ окончанія лѣтней операціи, *и въ сущности играютъ роль пріисковъхъ прикащиковъ*“.

Окружной инженеръ одинъ на весь Томскій горный округъ; въ 1892 г. въ его завѣдываніи было 173 пріиска.

Работы на большинствѣ пріисковъ Томскаго горнаго округа производятся только до 1 октября. По официальнымъ отчетамъ алтайскаго горнаго управленія, на промыслахъ Маріинскаго и Алтайскаго округовъ

¹⁾ Обычный поборъ мѣстнаго горнаго исправника въ 1877 г. равнялся 1 р. 50 к. — 2 р. за каждаго нанятаго рабочаго. „Это берется открыто и узаконено обычаемъ, такъ что были случаи, когда горные исправники съ неаккуратно вносящихъ эту плату золотопромышленниковъ взыскивали ее черезъ полицейскія управленія, вѣдѣнію коихъ въ Сибири подлежатъ иски, истекающіе изъ бесспорныхъ обязательствъ, и полиція признавала такіе иски горныхъ исправниковъ подлежащими ея юрисдикціи и чинила по нимъ удовлетвореніе“. „Вост. Обзоръ“, 1887 г., № 45, стр. 5.

²⁾ Въ 1870—72 гг. казаковъ было 73 ч., въ 1879—45 ч. Въ 1889 г. вольнонаемныхъ стражниковъ было 35 и урядниковъ 12.

высшее число рабочихъ дней въ 1879 г., въ теченіе весенней и лѣтней операціи, доходило до 240, меньшее до 180. Въ 1880—81 гг. maximum числа рабочихъ дней въ операцію было 263, minimum 144; сверхъ лѣтнаго операціоннаго времени, т.-е. послѣ 1 октября, высшее число рабочихъ дней равнялось 60, minimum 30. Въ 1883 г. въ операцію maximum 280, minimum 200; сверхъ операціоннаго времени maximum 90, minimum 35. Въ 1889 г. maximum числа рабочихъ дней во время операціи доходило до 300, minimum 120; сверхъ операціи maximum 85, minimum 30 ¹⁾. Слѣдовательно, продолжительность операціи все увеличивалась.

Мы видѣли, что рабочимъ давали слишкомъ недостаточное количество дней отдыха, но, не вынося почти непрерывной работы, они отъ времени до времени оставались въ казармахъ, чтобы отдохнуть. Вотъ что говоритъ мѣстный горный инженеръ г. Реутовскій, доказывая необходимость воскреснаго отдыха для рабочихъ: „Необходимо установить одинъ день въ недѣлѣ (воскресный), который былъ бы общимъ отдыхомъ для всей команды. Противъ такихъ общихъ отдыховъ всей команды всегда возстаютъ наши промышленники; они возражаютъ: „сибирское лѣто очень короткое, каждый день дорогъ, и въ такіе свободные для всѣхъ рабочихъ дни придется совершенно напрасно и непроизводительно продовольствовать всю команду“. Такія возраженія „не имѣютъ достаточныхъ основаній“, такъ какъ все равно „рабочій отыскиваетъ способы къ отдохновенію и подъ видомъ болѣзни или же другихъ ка-кихъ-нибудь причинъ остается въ казармѣ и не выходитъ на работу... Въ Томскомъ горномъ округѣ рабочіе въ операцію (принимая операцію въ 5 мѣсяцевъ) создаютъ себѣ свободныхъ дней отъ 7 до 15% (отъ 10 до 22 дней) сверхъ тѣхъ дней, въ которые они дѣйствительно были больны ²⁾. Въ другой статьѣ г. Реутовскій говоритъ: „Количество льготныхъ дней увеличивается едва не съ каждымъ годомъ вслѣдствіе мало-по-малу вырабатываемаго сознанія самихъ заведующихъ дѣлами, что отъ отдохнувшаго рабочаго можно ожидать большей производительности ³⁾“.

Въ 1883 г. маріинскій окружной врачъ нашелъ на Благондежномъ приискѣ Королева (Мар. окр.), что „команда рабочихъ на половину состоитъ изъ людей изнуренныхъ, слабосильныхъ“, что, кромѣ тяжести работъ, объяснялось дурными помѣщеніями, отвратительнымъ состояніемъ больницы, вообще нарушеніемъ „закономъ установленныхъ гигие-

¹⁾ Дѣла Горн. Департ. и Том. Горн. Управл.; „Горный Журн.“, 1882 г., № 9, стр. 385.

²⁾ „Вѣстн. Золотопр.“, 1894 г., № 23, стр. 384.

³⁾ „Вѣст. Золотопр.“, 1896 г., № 12, стр. 243.

нических и диетических правил" ¹⁾. На приисках Южноалтайской Комп. въ 1891 г. мы слышали, что только немногіе, самые сильные рабочіе легко отрабатываютъ урокъ; большинство же такъ устаетъ, что, починивъ себѣ одежду, спѣшитъ лечь отдыхать.

Во всѣхъ извѣстныхъ намъ контрактахъ золотопромышленниковъ Томской губ. они обязываются лечить рабочихъ бесплатно ²⁾. Иногда, впрочемъ, въ этомъ отношеніи встрѣчаются довольно странныя оговорки. Въ договорѣ 1870 г. съ золотопромышленникомъ Триполитовымъ сказано: „если же кто изъ насъ будетъ боленъ, то за все время нахождения въ больницѣ никакой платы съ управленія не получать и пользоваться содержаніемъ, по назначенію фельдшера, но если кто подъ предлогомъ (болѣзни) находился въ больницѣ или будетъ притворяться больнымъ съ цѣлю уклоняться отъ работъ, то управленіе не только дѣлаетъ вычетъ за всѣ употребленные медикаменты, но вычитаетъ изъ заработка за каждый прогульный день по 1 р. 50 к.“. Допуская, слѣдовательно, что фельдшеръ не умѣетъ отличить притворной болѣзни отъ дѣйствительной, присковое управленіе тѣмъ самымъ признавало, что и въ случаѣ дѣйствительной болѣзни возможны подобные вычеты, какъ бы по недоразумѣнію. Въ договорѣ съ Даниловымъ 80-хъ годовъ сказано: „если кто изъ насъ заболѣетъ, то за все время нахождения въ больницѣ никакой платы съ управленія требовать мы не вправѣ; равнымъ образомъ управленіе съ больного никакого вычета производить не должно ни за время болѣзни, ни за самое леченіе. Но если кто изъ насъ скроетъ при наймѣ какія либо застарѣлыя болѣзни и, явившись на приискъ, вступить для излеченія таковыхъ въ больницу, то съ такого рабочаго управленіе вправѣ не только сдѣлать вычетъ за медикаменты, но и вправѣ заставить отработать время, потерянное для излеченія даже и послѣ 1 октября ³⁾).

Г. Реутовскій въ докладѣ о бытѣ присковыхъ рабочихъ въ Томской губ. говоритъ: „преобладающею болѣзнью является ревматизмъ, какъ слѣдствіе частаго промоканія на открытыхъ работахъ въ дождливое время и несовершеннаго высушиванія непромокаемыхъ шапокъ, куртокъ и сапоговъ, которые выдаются рабочимъ „на счетъ“ прискового управленія во время работъ въ мокрыхъ разрывахъ и водянистыхъ

¹⁾ Арх. Дмитр. волостн. правл. въ Тисулѣ, дѣло маріинскаго горн. испр. 1884 г., № 6/14, л. 249—252.

²⁾ О безвозмездности леченія упоминается и въ отчетахъ о золотопромышленности въ Западной Сибири.

³⁾ Въ договорѣ съ Поповымъ (1890 г., Алт. окр.) сказано: „кто изъ насъ будетъ боленъ, то обязываемся являться каждое утро на раскомандировку и заявлять объ этомъ смотрителю работъ, а иначе подвергаемся той же отвѣтственности, какъ за неявку на работы“.

шурфахъ ¹⁾. Количество больныхъ измѣняется отъ 3,5 до 7% (поденщинъ). Но мы встрѣчаемъ въ отчетахъ (напр., Лебедской системы Южно-алтайской Комп.) указанія и на 10—12% больныхъ поденщинъ.

Въ 70-хъ и 80-хъ г.г. на промыслахъ Томской губ. не было особаго врача, постоянно тамъ живущаго, и присковья больницы посѣщали врачи маринскій, бійскій и кузнецкій ²⁾. По отчету томскаго горнаго управленія за 1890 г. „главный надзоръ за больницами имѣли маринскій и кузнецкій окружные врачи, которые, въ теченіе присковаго года, осматривали больницы нѣсколько разъ. На средства золото-промышленныхъ компаній лѣваго берега р. Томи и Абаканскихъ промысловъ содержался особый врачъ, который въ теченіе всей операціи безотлучно находился въ тайгѣ ³⁾. На содержаніе медицинской части на промыслахъ Алтайскаго округа золотопромышленники издерживали отъ 2 до 3 р. на годового рабочаго ⁴⁾.

При каждой больницѣ находился фельдшеръ; обыкновенно, они получали жалованья отъ 240 до 500 р. въ годъ, но иногда и болѣе, напр. фельдшеръ на Неожиданномъ прискѣ Южноалтайской К^о получалъ въ 1890 г. 700 р. жалованья и 308 р. столовыхъ ⁵⁾.

Состояніе больницъ въ началѣ 80-хъ г.г. „Сибирская Газета“ характеризуетъ слѣдующими словами: „Что предлагаетъ большинство присковыхъ управленій для больныхъ? Нѣчто похожее на больницу съ съ голыми нарами и фельдшера съ его универсальными и неизмѣнными лѣкарствами: слабительнымъ и рвотнымъ. При этомъ, заподозривая каждаго рабочаго въ отлыниваніи отъ работъ, ему даютъ уменьшенную порцію сѣбстнаго, вполне надѣясь, что голодъ скорѣе всего принудитъ больного возвратиться къ работамъ и такимъ образомъ пополучить обыкновенную порцію“ ⁶⁾. А вотъ официальное описаніе больницы на Благонадежномъ прискѣ Королева (мар. окр.), сдѣланное маринскимъ окружнымъ врачомъ въ 1883 г.: „больница представляетъ собою какую-то отвратительную трущобу. Въ ней я засталъ 20 ч. рабочихъ въ грязномъ оборванномъ отрёпѣ, валяющихся безъ всякой подстилки,

¹⁾ Выдача такой обуви и одежды въ этомъ случаѣ обязательна для присковыхъ управленій.

²⁾ До 1885 г. одинъ маринскій, затѣмъ и кузнецкій, а въ отчетѣ за 1887 г. упоминается и бійскій.

³⁾ „Горный Журналъ“, 1891 г., № 12, стр. 526; ср. „Вѣст. Золотопр.“, 1894 г., № 24, стр. 415.

⁴⁾ „Вѣст. Золотопр.“, 1893 г., № 16, стр. 259.

⁵⁾ Въ 1883 г. маринскій окружной врачъ нашелъ, что фельдшеръ на Благонадежномъ прискѣ Королева „не имѣетъ требуемыхъ закономъ аттестацій и въ познаніяхъ своихъ далеко не соответствуетъ своему назначенію“. Арх. Дмитр. волостн. прав. въ Тисулѣ, дѣло горн. испр. 1884 г., № 6/14, л. 250—252.

⁶⁾ „Сиб. Газета“, 1882 г., № 20.

частью на грязных нарахъ, частью на голомъ полу. Пища, даваемая больнымъ, не сообразуется съ родомъ болѣзни и скорѣе способствуетъ окончательной потерѣ силъ, чѣмъ ихъ восстановленію и укрѣпленію. Такъ напр., рабочій, получившій ушибъ или одержимый другою какою нибудь наружной болѣзнію, долженъ довольствоваться $\frac{1}{4}$ ф. мяса, что въ совокупности съ отсутствіемъ всего другого, кромѣ воды, и ограниченнаго количества ржаного хлѣба, при удушливой и зловонной атмосферѣ норы, называемой больницей, вполне здороваго человѣка можетъ истощить, сдѣлать слабосильнымъ и повергнуть въ болѣзнь¹⁾. Только въ январѣ 1885 г., т. е. почти черезъ 2 года съ управленія Благонажнаго прииска взята была подписана съ обязательствомъ „принять всѣ зависящія“ отъ него „мѣры къ устраненію на будущее время подобныхъ недостатковъ“ (дурныхъ казармъ, невѣжественнаго фельдшера, недостаточнаго продовольствія больныхъ и ихъ ужаснаго помѣщенія¹⁾).

Въ 1892 г. томскій губернаторъ Тобизенъ въ запискѣ, представленной въ горный департаментъ и рисующей вообще въ слишкомъ розовомъ свѣтѣ приисковые порядки, говоритъ: „Медицинскую часть на большихъ приискахъ, гдѣ работаетъ по 100 и больше чел., можно признать, если не обезпеченною, то все же болѣе удовлетворительно обставленною. На такихъ приискахъ устроены больницы съ просторными и соответствующими требованіямъ гигиены помѣщеніями, аптеки снабжены въ достаточномъ количествѣ разнообразными медикаментами, содержатся опытные фельдшера..... Нельзя того же сказать о приискахъ мелкихъ золотопромышленниковъ, не имѣющихъ возможности обставить медицинскую часть собственными средствами и не предпринимающихъ ничего для устройства ея общими силами“²⁾. Такъ какъ большинство приисковъ, особенно въ Маріинскомъ округѣ, принадлежит мелкимъ золотопромышленникамъ, то уже и этотъ отзывъ о состояніи медицинской части мало утѣшителенъ. Еще болѣе ясное понятіе объ этомъ дѣлѣ даетъ мѣстный окружной инженеръ, г. Реутовскій. Въ докладѣ (1894 г.) о бытѣ рабочихъ на приискахъ Томской губ. онъ говоритъ: „При разсмотрѣніи устройства 30 имѣющихся на приискахъ больницъ установлено, что въ большинствѣ случаевъ онѣ совсѣмъ не удовлетворяютъ требованіямъ гигиены: помѣщенія не имѣютъ правильной вентиляции и отапливаются желѣзными печами, обуславливающими значительныя и рѣзкія колебанія температуры, по количеству воздуха не всегда достаточны для наличнаго числа людей, не всегда содержатся въ долж-

¹⁾ Арх. Дмитр. волост. правл. въ Тисулѣ, дѣло маріинскаго горн. испр. 1884 г. № 6/14, л. 249—252.

²⁾ Дѣло Горн. Департ., отд. частн. золотопр., № 80.

ной чистотѣ. Большинство (sic!) такихъ помѣщеній имѣетъ характеръ временныхъ построекъ, плохо приспособленныхъ для зимы¹⁾.

Недавно на Неожиданномъ прискѣ Южноалтайскаго Дѣла образованъ пріютъ для роженицъ на 4 кровати (и столько же кроватей для дѣтей²⁾).

Смертность въ присковыхъ больницахъ составляла въ 1870 г. 1⁰/₀ всѣхъ рабочихъ, въ 1871 г.—0,6⁰/₀, въ 1872 г.—1,3⁰/₀, въ 1876 г.—1,4⁰/₀, въ 1878—79 г.—1,1⁰/₀³⁾. Въ 1888 г. на промыслахъ Алтайской системы умерло рабочихъ 0,5⁰/₀, дѣтей 3,2⁰/₀⁴⁾.

Относительно несчастныхъ случаевъ на промыслахъ мы могли найти въ официальныхъ источникахъ лишь слѣдующія данныя. Въ 1878 г. 5 ч. было „задавлено забоями“⁵⁾. Въ 1879 г. было убитыхъ во время горныхъ работъ 1 и во время рубки лѣса 2. Въ 1881 г. убитыхъ во время работъ 1, въ 1883 г.—2⁶⁾. Въ 1884 г. на прискѣ Кузнецкаго округа было сразу завалено землею 24 ч.; изъ нихъ 2 тотчасъ же умерло, остальные сильно пострадали⁷⁾. Въ 1885 г. убитъ во время работъ 1, получило увѣчья 6. Въ 1887 г. общее число пострадавшихъ 6 (всѣ поправились); въ 1888 г. пострадалъ 1 (поправился). Въ 1889 г. пострадало при горныхъ работахъ 8, изъ нихъ 6 поправилось, а 2 умерло. Въ 1890 г. несчастныхъ случаевъ при горныхъ работахъ было 15, поправилось 10 ч., умерло 5. Въ 1891 г. изъ 10 пострадавшихъ умеръ 1; въ 1892 г. изъ 13 пострадавшихъ всѣ поправились; въ 1893 г. изъ 15 пострадавшихъ умерло 5⁸⁾.

Въ отчетѣ за 1889 г. г. Реутовскій говоритъ: „для рабочаго, лишеннаго силы, престарѣлаго и искалѣченнаго, остается одно средство—помощь міра, сума“.

Школъ на прискахъ Томскаго горнаго округа въ 1890 г. было только 2, съ курсомъ сельскихъ народныхъ училищъ министерства народнаго

¹⁾ „Вѣстн. Золотопр.“, 1894 г., № 24, стр. 415. Тоже повторяетъ г. Реутовскій и въ позднѣйшей статьѣ въ „Вѣстн. Золотопр.“, 1896 г., № 12, стр. 243.

²⁾ „Вѣст. Золотопр.“, 1896 г., № 20, стр. 353.

³⁾ „Томск. Губ. Вѣд.“, 1874 г., № 6; „Сибирь“, 1877 г., № 5, стр. 3, 1879 г., № 14, стр. 2; „Сибирская Газета“, 1881 г., № 7.

⁴⁾ Отчетъ алтайскаго горн. испр. въ его архивѣ въ Кузнецкѣ.

⁵⁾ Арх. Дмитр. волости. правл. въ с. Тисулѣ, переписка исправника 1878 г., № 13.

⁶⁾ Отчеты о золотопромышленности въ Западной Сибири въ Горномъ Департаментѣ.

⁷⁾ „Алтай“, стр. 426.

⁸⁾ Отчеты въ Горномъ Департаментѣ и Томскомъ Горномъ Управленіи; „Горн. Журналъ“, 1891 г., № 12, стр. 527; *Н. Боголюбскій*, 22; „Сборникъ стат. свѣдѣн. о горнозав. производ. Россіи“ (Сборники за 87—92 гг.); „Вѣст. Золотопр.“, 1896 г., № 12, стр. 243.

просвѣщенія: 1) на Неожиданномъ пріискѣ Балыкисинской системы Южно-алтайской комп., Кузнецкаго округа ¹⁾, въ которой преподаваніемъ занималась учительница, а затѣмъ учитель, окончившій курсъ въ омской учительской семинаріи; въ продолженіе 1889—90 г. въ ней было 24—42 мальчика и 9—20 дѣвочекъ, и 2) на Андабинскомъ пріискѣ Лебедской системы Южноалтайской комп. (Бійскаго округа), построенное на 30 ч., гдѣ преподавала учительница; кромѣ того 3 дѣтей рабочихъ учились на счетъ компаніи въ городскомъ училищѣ въ Бійскѣ ²⁾. Въ февралѣ 1894 г. была открыта школа въ Маріинскомъ округѣ на пріискахъ системы р. Кундата на 20 ч. на счетъ золотопромышленниковъ Маріинскаго округа, которые обязались давать на школы по 1 р. съ cadaго рабочаго и еще нѣкоторую сумму на содержаніе учениковъ. При открытіи школы въ нее вступило 16 мальчиковъ ³⁾, а въ 1896 г. въ ней училось 25 мальчиковъ и 2 дѣвочки; изъ нихъ дѣвочки и 4 мальчика приходили съ сосѣдняго пріиска, а 21 мальчикъ находились постоянно при школѣ въ домѣ общежитія. Желающихъ поступить въ школу очень много, но вслѣдствіе тѣсноты школьнаго помѣщенія приходилось отказывать. Одеждой дѣти были снабжены достаточно. Мѣстное пріисковое населеніе относится къ школѣ весьма сочувственно ⁴⁾. Въ 1894 г. разрѣшено было открыть школу съ курсомъ сельскаго приходскаго училища для дѣтей обоего пола на Пророко-Ильинскомъ пріискѣ Абаканской системы (Бійскаго окр.), принадлежавшемъ гг. Кузнецовымъ и комп. ⁵⁾. Въ началѣ 1896 г. горный исправникъ Маріинскаго округа ссылавъ золотопромышленниковъ и, по желанію начальника губерніи, предложилъ имъ устроить на пріискахъ домашнія школы грамотности, гдѣ дѣти рабочихъ обучались бы читать, писать и нѣкоторымъ молитвамъ, на что золотопромышленники согласились, принявъ на свой счетъ расходы на покупку учебниковъ и письменныхъ принадлежностей. На Неожиданномъ пріискѣ Южноалтайскаго Дѣла въ 1895 г. была открыта воскресная школа.

Въ 1896 г. въ Томскомъ горномъ округѣ было всего 5 школъ и въ нихъ около 150 учениковъ, а именно, въ школѣ на Пророко-Иль-

¹⁾ Учреждена въ 1887—88 гг.

²⁾ Отчетъ Южноалтайскаго Дѣла въ Архивѣ этой компаніи на Неожиданномъ пріискѣ.

³⁾ „Вѣст. Золотопр.“, 1894 г., № 23, стр. 398.

⁴⁾ Программа пріисковой школы равна программѣ народныхъ училищъ; сверхъ того старшимъ ученикамъ школы были сообщены нѣкоторыя свѣдѣнія о сельскомъ хозяйствѣ, огородничествѣ и садоводствѣ; изъ сада и огорода при школѣ цѣлое лѣто получались овощи для ученическаго стола. Ученики записывали также метеорологическія наблюденія и приучались заниматься съ младшими отдѣленіями. „Вѣст. Золотопр.“, 1896 г., № 21, стр. 372.

⁵⁾ „Томскій Справочный Листокъ“, 1894 г., № 40.

нискомъ прискѣ Т-ва Кузнецовыхъ 30 ч. учащихся (въ томъ числѣ 16 дѣтей), на Неожданномъ прискѣ Южноалтайскаго Дѣла 42 ч. (въ томъ числѣ 16 дѣтей), на Андабинскомъ прискѣ Южноалтайскаго Дѣла 29 ч. (въ томъ числѣ 7 дѣтей), на Адіаксинскомъ прискѣ Алтайскаго Дѣла 15 ч. (въ томъ числѣ 6 дѣтей) и на Больше-Никольскомъ пр. въ Маріинскомъ округѣ 30 ч. По свидѣтельству г. Реутовскаго, рабочіе еще плохо понимаютъ пользу школы и, несмотря на даровое обученіе, посылаютъ въ нее дѣтей только подъ вліяніемъ принужденія и долгихъ убѣжденій ¹⁾.

Въ 1896 г. на прискахъ Томскаго горнаго округа было 4 церкви ²⁾. Требы исполнялись или особыми священниками, живущими на промыслахъ, или священниками сосѣднихъ селеній, или, наконецъ (на Андабинскомъ прискѣ Южноалтайской комп.), прѣзжающимъ 2 раза въ годъ миссіонеромъ. Томскій губернаторъ Тобизенъ въ запискѣ, представленной въ 1892 г. въ горный департаментъ, скорбитъ о томъ, что на прискахъ священники (гдѣ нѣтъ своихъ) „бываютъ очень рѣдко, чтобы не сказать никогда, такъ что въ большинствѣ случаевъ нѣтъ даже возможности пригласить и доставить священника для исполненія требъ“; окружной же инженеръ Реутовскій въ отчетѣ за 1889 г. справедливо замѣчаетъ, что и существующія на прискахъ церкви были „недоступны“ рабочему „вслѣдствіе требованія работать постоянно: цѣлый день и почти всѣ праздники“.

Отношенія между служащими или хозяевами и рабочими, какъ свидѣтельствуется мѣстный окружной инженеръ, г. Реутовскій, „въ высшей степени ненормальны... Съ одной стороны золотопромышленники и служащіе, вмѣсто того, чтобы смягчить эти отношенія, представляющія результатъ нашей печальной исторіи, всепрощеніемъ грубыхъ выходокъ рабочаго, человѣческимъ къ нему вниманіемъ, устроеніемъ его быта въ самомъ широкомъ смыслѣ слова и облегченіемъ его труда, требуютъ возврата ко временамъ невозвратнымъ, когда лучшимъ возмездіемъ ошибокъ рабочаго служило грубое и звѣрское наказаніе, недостойное ни образованнаго человѣка, ни просто человѣка. Съ другой стороны, рабочіе, озлобленные часто исполнѣ несправедливыми требованіями, нерѣдко непосильнымъ трудомъ и отсутствіемъ исполнѣ нормальныхъ условій жизни, выказываютъ столько ненависти, столько злобы, что они переходятъ всѣ границы разумнаго и справедливаго“ ³⁾.

Рабочіе рѣдко рѣшаются жаловаться на разныя притѣсненія и злоупотребленія со стороны присковаго управленія, по крайней мѣрѣ

¹⁾ „Вѣст. Золотопр.“, 1895 г., № 24, стр. 418, 1896 г., № 3, стр. 57, № 12, стр. 244.

²⁾ „Вѣстн. Золотопр.“, 1896 г., № 12, стр. 244.

³⁾ „Вѣстн. Золотопр.“, 1896 г., № 12, стр. 244.

мы встрѣтили объ этомъ мало извѣстій. Въ 1885 г. въ Томскѣ пришла цѣлая партія рабочихъ (26 ч.) съ пріиска Батурина жаловаться хозяину и властямъ на притѣсненія управляющаго промыслами. Всѣ они единогласно заявили, что имъ задавали непосильную работу, мучили штрафами и скверно кормили ¹⁾).

Главною формою протеста рабочихъ было бѣгство съ промысловъ, которое въ 70-хъ гг. происходило въ значительныхъ размѣрахъ: въ это десятилѣтіе бѣжало съ промысловъ Томской губерніи отъ 4 до 9% рабочихъ (изъ нихъ было поймано отъ 9 до 52%), въ 80-хъ гг. бѣжало отъ 1,2 до 6% рабочихъ (изъ нихъ поймано отъ 29 до 51%) ²⁾. Въ 1890 г. бѣжало 2% рабочихъ (изъ нихъ поймано 36%), въ 1891 г. бѣжало 1,4% (поймано 74% бѣжавшихъ) ³⁾, въ 1896 г. бѣжало около 2% всѣхъ рабочихъ.

За побѣгъ съ пріиска по договору съ золотопромышленникомъ Даниловымъ (80-хъ гг., Алт. окр.) „сверхъ законнаго исправительнаго взысканія бѣжавшій подвергается: отработкѣ всѣхъ дней, которые онъ находился въ отлучкѣ съ пріиска, всѣхъ расходовъ по поимкѣ и возвращенію его и одновременному взысканію 3 р. въ пользу поимщика“. По договорамъ съ Южноалтайскою К^о (80-хъ гг. и 1890 г.) постановлено тоже, но въ пользу поимщика должно было взыскивать 6 р. Пойманные рабочіе отправляются еще, какъ видно изъ нѣкоторыхъ документовъ, къ горному исправнику съ просьбою подвергнуть ихъ „законной мѣрѣ взысканія ⁴⁾“.

Относительно размѣра заработка рабочихъ въ лѣтнюю операцію мы имѣемъ слѣдующія свѣдѣнія. По официальнымъ отчетамъ рабочіе, трудившіеся съ половины марта до 1 октября, зарабатывали (при готовомъ продовольствіи) въ 1887 г. отъ 90 до 130 р., въ 1889 г. также до 130 р. на человѣка, въ Алтайскомъ округѣ въ 1890 г. отъ 90 до 150 р. ⁵⁾. По словамъ Н. Боголюбскаго (1891 г.), въ Томскомъ горномъ округѣ рабочіе могли заработать на торфахъ отъ 60 до 90 р., на пес-

¹⁾ „Сибирскій Вѣстн.“, 1885 г., № 15, стр. 7—8.

²⁾ „Том. Губ. Вѣдом.“, 1874 г., № 6; „Сибирь“, 1877 г., № 5, 1879 г., № 14. Отчеты о золотопромышленности въ Западной Сибири въ Горномъ Департ. и Томск. Горн. Управл., „Горный Журналъ“, 1882 г., № 9, стр. 384.

³⁾ „Горн. Журналъ“, 1891 г. № 12, стр. 520; Н. Боголюбскій, 23; „Вѣстн. Золот.“, 1897 г., № 11, стр. 249.

⁴⁾ Напр., прошеніе К^о Ненашева и Чернядовой горному исправнику 1887 г. Арх. горн. исправн. въ Кузнецкѣ.

⁵⁾ Дѣла Горнаго Департ. Том. Горн. Управл. и горн. испр. въ Кузнецкѣ. По вычисленію „Сибирской Газеты“ (1882 г., № 20) заработокъ рабочаго въ 5 лѣтнихъ мѣсяцевъ доходилъ, хотя и рѣдко, до 105 р. На Веселомъ пріискѣ Иванничаго (Алт. окр.) въ 1890 г. „полугодовой заработокъ рабочаго простирался до 75 р.“ (отчетъ въ Арх. Кузнец. горн. исправн.).

кахъ отъ 90 до 180 р. (стр. 19). Пересмотрѣвъ 24 расчетныхъ книжекъ рабочихъ Неожиданнаго приска Южноалтайской К^о за 1890 г., мы нашли, что заработокъ ихъ колебался отъ 94 до 189 р. На Нижне-тулуньскомъ и Николаевскомъ прискахъ Буткевича (Мар. окр.) въ 1893 г. рабочіе, трудившіеся съ февраля и апрѣля по октябрь, зарабатывали въ среднемъ по 113 р. ¹⁾“.

Въ другихъ источникахъ мы находимъ свѣдѣнія о годовомъ заработкѣ рабочихъ. По отчету о золотопромышленности въ Западной Сибири за 1879 г., „рабочій персоналъ мужского пола получилъ годовой заработной платы въ сложности, кромѣ безвозмездныхъ помѣщеній и продовольствія въ Алтайскомъ округѣ, до 180 р., въ Маріинскомъ и Томскомъ 170 р., въ 1881 г. по официальнымъ свѣдѣніямъ, въ обѣихъ системахъ до 180 р. ²⁾ По вычисленію „Сибирской Газеты ³⁾“, за 5 лѣтнихъ мѣсяцевъ рабочій могъ заработать до 105 р., въ 7 зимнихъ до 70 р., слѣдовательно, во весь годъ до 175 р. На Ивановскомъ прискѣ по р. Усѣ Жилла и К^о на одного годового рабочаго причиталось платы въ 1884—89 гг. отъ 125 до 146 р.; на Георгіевскомъ прискѣ Алтайскаго округа той же компаніи отъ 133 до 151 р. ⁴⁾ По отчету о золотопромышленности въ Западной Сибири въ 1885 г., рабочіе м. п. получали „годовой заработной платы въ сложности, кромѣ безвозмездныхъ помѣщенія и продовольствія, въ Маріинскомъ и Алтайскомъ округахъ до 180 р.“ По свѣдѣніямъ „Сибирскаго Вѣстника ⁵⁾“, плата присковому рабочему колебалась отъ 100 до 180 р. въ годъ. Въ 1890 г. въ Алтайскомъ горномъ округѣ, по отчету горнаго исправника, годового заработка рабочаго колебался отъ 120 до 300 р. ⁶⁾ На Неожиданномъ и Андабинскомъ прискахъ Южноалтайской К^о въ 1890 г. средній годового заработка рабочаго равнялся 180 р. ⁷⁾ По свѣдѣніямъ Н. Боголюбскаго (19 стр.), за 1891 г. вознагражденіе годовымъ рабочимъ колебалось отъ 120 до 250 р. въ годъ. По словамъ г. Реутовскаго (1892 г.).

¹⁾ „Вѣстн. Золотопр.“, 1894 г., № 24, стр. 420.

²⁾ „Том. Губ. Вѣдом.“, 1882 г., № 24. На Александровскомъ прискѣ Данилова (Мар. окр.) въ 1879 г. средняя заработная плата мужчинамъ равнялась 125 р., на Успенскомъ прискѣ Цыбульскаго (1881 г., Алт. окр.)—120 р., на Ивановскомъ прискѣ Цыбульскаго до 140 р., на Александровскомъ прискѣ Данилова (Алт. окр., 1880 г.)—125 р., на Веселомъ прискѣ Цыбульскаго (1880 г., Алт. окр.)—170 р., на Петропавловскомъ прискѣ Цыбульскаго (1880 г.)—118 р.

³⁾ 1882 г., № 20.

⁴⁾ Свѣдѣнія эти сообщены мнѣ г. Жиллемъ.

⁵⁾ 1886 г., № 48, стр. 3.

⁶⁾ Арх. горн. испр. въ Кузнецкѣ.

⁷⁾ Отчетъ въ Архивъ К^о на Неожиданномъ прискѣ. Пересмотрѣвъ здѣсь 32 рабочихъ книжекъ годовыхъ рабочихъ за 1890 г., мы нашли, что заработка годовыхъ рабочихъ колебался отъ 75 до 314 р.

годовой средній заработокъ рабочихъ томской тайги не болѣе 180—200 р.¹⁾, а раздѣляя его по мѣстностямъ, онъ принимаетъ средній заработокъ на пріискахъ Маріинскаго округа 140 р., на пріискахъ Алтайскаго округа, дѣйствующихъ на общемъ основаніи, въ 154 р. (въ томъ числѣ 14 р. за подъемное и старательское золото²⁾, въ компаніи Асташева 169 р. (въ томъ числѣ 6 р., за подъемное золото), въ Южноалтайской К^о—218 р. (въ томъ числѣ 14 р. за подъемное золото, и 20—30 р. за старательское³⁾). Въ 1894 г. средній годовой заработокъ на 4 пріискахъ Маріинскаго округа равнялся 123 р. и на 48 пріискахъ Алтайскаго округа 180 р.⁴⁾.

Мастеровые въ 1888 г., на пріискахъ Асташева (Алт. окр.) зарабатывали отъ 120 до 300 р., на Ивановскомъ пріискѣ К^о Ивапицкаго, Потапова и Жилля (того же округа) въ 1888 г. отъ 100 до 200 р. По отчетамъ томскаго окружного инженера и горнаго исправника Алтайскаго округа, мастеровые зарабатывали въ 1888—90 гг. на пріискахъ Томскаго горнаго округа 120—250 р.⁵⁾.

Женщины за изготовленіе пищи, стирку бѣлья и домашнее услуженіе получали на пріискахъ въ 1881 г. отъ 40 до 60 р. въ годъ, въ 1885 г. отъ 40 до 70 р., а иногда и болѣе⁶⁾.

Средній заработокъ всѣхъ рабочихъ въ одну поденщину на Воскресенскомъ, Козьмо-Воздвиженскомъ и Нижне-Воскресенскомъ пріискахъ Буткевича (Мар. окр.) равнялся въ 1893 г. 45 к.; на пріискахъ Боголюбскомъ, Анастасіевскомъ, Стефановскомъ, Антонидіевскомъ и Отрадномъ Буткевича (Мар. окр.) въ 1893 г.—48 к.⁷⁾, т.-е. гораздо менѣе, чѣмъ въ Восточной Сибири: на промыслахъ Витимской системы Олекминскаго округа средній заработокъ въ поденщину равнялся въ 1888 г. 98 к., въ Зейскихъ К^о Амурской области въ 90-хъ гг.—1 р. 31 к.

¹⁾ Записка, представленная въ Горный Департаментъ.

²⁾ На пріискахъ Маріинскаго округа годовой рабочій зарабатываетъ: забойщикъ 150—174 р., возчикъ 133—150 р., поторжной 106—123 р. „Вѣсти. Золотопр.“, 1893 г., № 15, стр. 258. По свидѣтельству г. Голубева, забойщикъ можетъ заработать до 166 р. другіе рабочіе до 141 р. „Алтай“, 428.

³⁾ „Вѣсти. Золотопр.“, 1893 г., № 15, стр. 252, № 16, стр. 259—260; ср. 1896 г., № 11, стр. 224—225.

⁴⁾ М. Шостахъ. „Золотопр. въ Томск. горн. обл.“, Том., 1896 г., табл. V.

⁵⁾ Архивы Горн. Депарг. и горн. испр. въ Кузнецкѣ.

⁶⁾ „Том. Губ. Вѣдом.“, 1882 г., № 24, стр. 263—264; Дѣла Горнаго Департамента. На пріискахъ Алтайскаго округа Данилова женщины въ 1879—80 г. и на Веселомъ пріискѣ Цыбульскаго въ 1880 г. получали въ годъ 36 р., на Успенскомъ пріискѣ его же въ 1880—81 г.—30 р. Арх. Дмитр. волостн. правл. въ Тисуль, дѣла горнаго исправника.

⁷⁾ „Вѣсти. Золотопр.“, 1894 г., № 4, стр. 94 и № 6, стр. 138 (не считая больныхъ и льготныхъ поденщинъ).

Относительно размѣра додачи, т. е. суммы, получаемой рабочимъ при разсчетѣ, за вычетомъ изъ общей суммы заработка, задатка и забора деньгами и припасами на промыслахъ, мы имѣемъ слѣдующія свѣдѣнія. По отчетамъ томскаго окружного инженера Реутовскаго за 1889 и 1890 гг., „величина додачи послѣ операціи не превышала 100 р. и всегда находилась въ зависимости отъ размѣра полученнаго при наймѣ задатка ¹⁾“. Но, не говоря уже о томъ, что это показаніе слишкомъ неопредѣленно, нужно помнить, что далеко не всѣ рабочіе получаютъ додачу: нѣкоторымъ при разсчетѣ не приходится никакой доплаты, а другіе остаются въ долгу. По свидѣтельству чиновника Соколова, посѣтившаго прінски Марінскаго округа въ 1890 г., на прінскѣ Савелія Буткевича изъ 40 рабочихъ только 3 въ концѣ операціи должны были получить додачу ²⁾. На Веселомъ прінскѣ Иваницкаго, по отчету прінскаго управленія за 1890 г., додача рабочимъ „была и бываетъ различна: отъ 12 до 50 р. и болѣе на человѣка, а всего при разсчетѣ за операцію 1890 г. на 16 ч.—500 р. ³⁾, слѣдовательно, въ среднемъ на каждого около 31 р. По отчету Южноалтайской К^о за 1890 г., на Неожиданномъ прінскѣ высшій размѣръ додачи равнялся 100 р., но большинство получило отъ 25 до 50 р. ⁴⁾. На Андабинскомъ прінскѣ той же компаніи Лебедской системы, по отчету за 1890 г., размѣръ додачи указанъ отъ 30 до 90 р. ⁵⁾. В. Р. въ статьѣ о промыслахъ Томской губ. считаетъ среднюю додачею на промыслахъ Марінскаго округа 30 р. ⁶⁾. Тотъ же авторъ раздѣляетъ общеконтрактныхъ рабочихъ (на промыслахъ Томской губ.), составляющихъ $\frac{4}{5}$ всѣхъ рабочихъ, на 3 разряда: къ первому изъ нихъ относятся тѣ ($\frac{1}{5}$ всѣхъ рабочихъ: рабочіе Южноалтайскаго Дѣла), которые могутъ получить при разсчетѣ до 100 р. Высокій размѣръ заработка зависитъ, какъ отъ нѣскольکو увеличенной платы, въ сравненіи съ таковою же на другихъ прінскахъ, такъ и отъ платы за большее количество подъемнаго и старательскаго золота: эта послѣдняя, къ сожалѣнію, распредѣляется крайне неравномѣрно, такъ какъ дозволеніе стараться вполнѣ зависитъ отъ прінскаго управленія. Такіе рабочіе—аристократы тайги, они имѣютъ... заработокъ такого раз-

¹⁾ Дѣло Томск. Горн. Управл.; „Горн. Журн.“, 1891 г., № 12, стр. 525.

²⁾ Дѣло Томск. Горн. Управл., 1891 г., № 12.

³⁾ Арх. горн. испр. въ Кузнецкѣ.

⁴⁾ Изъ 82 рабочихъ Неожиданнаго прінска Южноалтайской К^о, нанятыхъ на весь годъ, разсчитаны книжки которыхъ за 1890 г. мы просмотрѣли, додачу получили 25 ч. отъ 1 до 76 р., а изъ 18 рабочихъ, работавшихъ съ декабря и января по октябрь, додачу получили 12 ч. въ размѣрѣ отъ 1 до 52 р.

⁵⁾ Арх. Южноалтайской К^о на Неожиданномъ прінскѣ.

⁶⁾ „Вѣстн. Золотопр.“, 1893 г., № 15, стр. 258, 254 (при этомъ наименьшія величины додачи при разсчетѣ указаны въ 6—20 р., наибольшія—58—95 р.).

мѣра, что изъ него могутъ дѣлать сбереженія, даже и въ томъ случаѣ, когда они на присѣхъ съ семьей... Ко второму разряду рабочихъ (другая $\frac{1}{2}$ часть всѣхъ рабочихъ: рабочіе Алтайскаго Золотопромышленнаго Дѣла, т-ва Кузнецовыхъ, Данилова, Родюзова, Королева, Буткевича и др.) относятся тѣ, чистый доходъ" (т.-е. додача) „которыхъ не выше 65—70 р., который, однако, нерѣдко значительно увеличивается подъемнымъ и старательскимъ золотомъ... Наконецъ третій разрядъ общихъ рабочихъ ($\frac{2}{3}$ всѣхъ рабочихъ), чистый дивидендъ" (т.-е. додача) „которыхъ не можетъ быть болѣе 50 р. ¹⁾. Но тутъ указанъ максимальный размѣръ додачи, что же касается наиболѣе обычной ея величины, то, какъ мы сейчасъ видѣли, тотъ же авторъ считаетъ среднюю додачу для Маринскаго округа 30 р. Въ 1894 г. на 4 присѣкахъ Маринскаго округа средній размѣръ додачи равнялся 36 р., а на 48 присѣкахъ Алтайскаго округа 48 р. ²⁾.

На основаніи отчетовъ нѣкоторыхъ промысловъ мы можемъ вычислить, какъ распределяется заработокъ рабочаго. На присѣкахъ Маринскаго округа, перечисленныхъ ниже въ примѣчаніи, задатокъ составлялъ отъ 7 до 31,5% всей выдачи, выдача деньгами въ операцію равнялась 8—37%, заборъ припасами и товарами 13,5 до 40%, уплата податей 3—10% и додача 20—32% ³⁾. В. Р. наиболѣе обычнымъ распределеніемъ заработка рабочихъ Маринскаго округа считаетъ: изъ 140 (145?) р., приходящихся на долю годового работника, онъ истратываетъ: 72 р. (50%) на припасы и товары, 18 р. (12%) на уплату податей, 25 р. (17%) онъ получаетъ въ задатокъ и 30 (21%) составляетъ додачу при окончательномъ разсчетѣ. Тутъ совершенно не упомянуто о выдачѣ деньгами во время операціи: вѣроятно, часть этой суммы слѣдуетъ искать подъ рубрикою —

¹⁾ „Вѣстн. Золотопр.“, 1894 г., № 17, стр. 276—277.

²⁾ Шостахъ, „Золотопром. въ Томск. горн. обл.“ Том. 1896 г., табл. V.

³⁾ На присѣкѣ Боголюбскомъ, Анастасіевскомъ и Стефановскомъ Р. Буткевича (Мар. окр.) въ операцію 1892—93 г. задатокъ составлялъ 20% всей выдачи, сумма, выданная въ продолженіе всей операціи 8%, выдано припасами и товарами 40%, уплачено податей и паспортныхъ 4% и додача при разсчетѣ 28% („Вѣст. Золотопр.“, 1894 г., № 4, стр. 94). На присѣкахъ Воскресенскомъ, Козьмо-Воздвиженскомъ и Нижне-Воскресенскомъ М. и Р. Буткевичей (Мар. окр.) въ операцію 1892—93 г. задатокъ составлялъ 21% всей выдачи, сумма, выданная въ продолженіе операціи 9,5%, выдано припасами и товарами 33,5%, уплачено податей 4% и додача 32% („В. З.“, 1894 г., стр. 138). На Александровскомъ присѣкѣ Авксентьева (Мар. окр.) въ операцію 1893 г. задатокъ составлялъ 7% всей выдачи, сумма, выданная во время операціи.—37%, выдано припасами и товарами 33%, уплачено податей 3%, додача 20% („В. З.“, 1894 г. № 21, стр. 351). На промыслахъ Ново-Покровскомъ, Вольше-Никольскомъ и Варваринскомъ Родюкова (Мар. окр.) въ операцію 1892—93 г. выдача деньгами составляетъ 53%, а товарами и припасами 47% („В. З.“ 1894 г., № 23, стр. 397). На Нижне-Тулунскомъ и Николаевскомъ присѣкахъ Из. Буткевича (мар. окр.) въ операцію 1893 г. задатокъ составлялъ 31,5% всей выдачи, выдано деньгами во время операціи 21%, забрано припасами и товарами 13,5%, уплачено податей 10%, додача 24% („В. З.“, 1894 г. стр. 420).

„на уплату податей“, а другую часть—въ рубрикѣ забора припасами, такъ какъ иногда, подѣ видомъ выдачи денегъ, рабочимъ отпускается на сибирскихъ промыслахъ вино ¹⁾. По отчету Южноалтайской К^о на Неожданномъ прискѣ въ операцію 1890 г., при среднемъ годовомъ заработкѣ въ 180 р., средній заборъ рабочаго въ амбарѣ — 80 р. (44%, всего заработка) ²⁾. В. Р. говоритъ, что изъ своего заработка въ 218 р. годовой рабочій Южноалтайской К^о 58 р. (26%) употребляетъ на приобрѣтеніе припасовъ и товаровъ (первыхъ на 28 р., вторыхъ на 30 р.), 20 р. на подати (9%) и не менѣе 120 р. получаетъ на прискѣ деньгами (55%). На промыслахъ К^о Асташева В. Р. принимаетъ заработокъ годового рабочаго въ 169 р., изъ которыхъ 77 р. (46%) онъ оставляетъ въ магазинѣ (забирая на 34 р. припасами и на 43 р. товарами), 20 р. уплачивается въ видѣ податей и получаетъ вообще деньгами 65—70 р. (около 40% всего заработка ³⁾).

Нужно замѣтить, что на основаніи контрактовъ выдача рабочимъ денегъ на прискахъ во время операціи до разсчета вполне зависѣла отъ усмотрѣнія присковаго управленія..

Золотопромышленники постоянно жаловались, что за рабочими пропадаетъ очень много долговъ. Подѣ вліяніемъ такихъ жалобъ, томскій губернаторъ Тубизенъ, въ запискѣ, представленной въ горный департаментъ въ 1892 г., даже утверждалъ, будто бы „всякій золотопромышленникъ отчисляетъ 20—25% оборотнаго капитала на безнадежные долги ⁴⁾“. Это опровергается точными указаніями В. Р., что на прискахъ Маріинскаго округа въ 1892 г., при общей суммѣ расходовъ 47319 р., долговъ за рабочими осталось всего 5910 р., т.-е. около 1,5%; а на прискахъ Алтайскаго округа, арендуемыхъ у Кабинета на общемъ основаніи (кромѣ Южноалтайской К^о и промысловъ Асташева), въ 1890 г., при общей суммѣ расхода въ 389,116 р., долговъ за рабочими осталось 3211 р., т.-е. менѣе 1% всѣхъ расходовъ ⁵⁾. Такъ какъ всѣхъ рабочихъ (годовыхъ) на Маріинскихъ прискахъ, по словамъ того же автора, считалось 1088, то слѣдовательно на 1 годового рабочаго приходилось долгу 5 р. 43 к., т.-е. ничтожная прибавочная сумма къ стоимости рабочаго ⁶⁾. На прискахъ алтайскихъ, арендуемыхъ у Кабинета на общемъ основаніи, годовыхъ рабочихъ числилось 1148; слѣдовательно, раздѣляя всю сумму долга (3211 р.) на число всѣхъ годовыхъ рабочихъ, мы получимъ на каждаго изъ нихъ добавочный расходъ въ 2 р. 80 к.

Но если жалобы золотопромышленниковъ на убытки отъ пропажи

¹⁾ „Вѣстн. Золотопр.“, 1893 г. № 15, стр. 253.

²⁾ „Арх. Неожданнаго приска Южноалтайской К^о“.

³⁾ „Вѣстн. Золотопр.“, 1893 г., № 16, стр. 260; 1896 г., № 11, стр. 225.

⁴⁾ Дѣло Горн. Депарг., Отд. Частн. Золотопр., № 80.

⁵⁾ „Вѣст. Золотопр.“, 1893 г., стр. 253 и 259.

⁶⁾ По отчету томскаго окружного инженера за 1889 г. стоимость ~~лѣтнимъ~~ рабочаго со всѣми накладными расходами (т.-е. при раздѣленіи ~~всѣхъ~~ расходовъ на число рабочихъ) равнялась 300 р.

долговъ за рабочими крайне преувеличены, то для отдѣльныхъ рабочихъ долгъ, оставшійся послѣ разсчета, нерѣдко является тяжелымъ бременемъ, такъ какъ сплошь и рядомъ они остаются отработывать его на слѣдующую операцію. Правда, прежде всего должниками числятся неявившіеся, бѣжавшіе и умершіе рабочіе, но и за работавшими до разсчета нерѣдко оставались долги ¹⁾. По словамъ чиновника Соколова, посѣтившаго пріиски Маріинскаго округа въ 1890 г., на пріискахъ Савелія Буткевича изъ 40 рабочихъ только 3 не имѣли долгу и получили въ концѣ операціи додачу. За нѣкоторыми рабочими числилось долгу по 150 р. и болѣе, а между тѣмъ къ числу ихъ принадлежали люди семейные и не кутящіе ²⁾. По словамъ „Сибирскаго Вѣстника“ ³⁾, рабочіе, бывшіе на пріискахъ Ц—го, рассказывали, что они по нѣсколько лѣтъ не могли разсчитаться и вырваться съ этихъ промысловъ. Около Тисули (Мар. окр.) намъ попался въ 1891 г. одинъ имщикъ, который рассказывалъ, что должниковъ, не желающихъ остаться для отработки долга, теперь отпускаютъ, а прежде Цыбульскій не давалъ послѣ разсчета паспортовъ, заставляя отработывать долгъ съ зачетомъ по 1 р. въ день. „И нашего брата хвалить нельзя“, прибавилъ имщикъ: „есть лодыри,—деньги возьмутъ, а работать не хотятъ,—только мало такихъ людей. Такихъ исправники прежде сѣкли,—оно по моему и стоитъ, но только битьемъ не заставишь людей работать, а у которыхъ золотопромышленниковъ рабочимъ хорошо жить, у тѣхъ всѣмъ интересно работать“.

По контрактамъ рабочіе, оставшіеся должными, обязывались уплатить долгъ при разсчетѣ или дать росписку и расплатиться немедленно, какъ только найдется къ другому хозяину, или остаться отработывать долгъ и послѣ разсчета. По договору съ Триполитовымъ (1870 г., Мар. окр.) золотопромышленникъ могъ даже передать должниковъ другимъ хозяевамъ.

Разсчетъ съ рабочими и выдачу денегъ золотопромышленники обязывались по договорамъ произвести на пріискѣ или по выходѣ съ него въ первомъ жилищѣ мѣстѣ.

О томъ, какого рода эксплуатаціи золотопромышленниками подвергаются иногда рабочіе при разсчетѣ, видно изъ слѣдующихъ словъ г. Соколова, посѣтившаго пріиски Маріинскаго округа въ 1890 г.: „Если есть среди нихъ счастливыя, у которыхъ остаются остаточныя деньги за работу къ концу операціи, то хозяева-евреи практикуютъ слѣдующую систему уплаты этихъ денегъ, которая производилась при

¹⁾ Въ одной изъ пересмотрѣнныхъ нами разсчетныхъ книжекъ Южноалтайской К^о (1890 г.) мы нашли у одного лѣтняго рабочаго долгъ въ 58 р.

²⁾ Арх. Том. Горн. Управ., дѣло 1891 г., № 12.

³⁾ 1886 г., № 77, стр. 8.

мнѣ на глазахъ въ бытность мою въ с. Тисулѣ въ первыхъ числахъ октября, когда производится обыкновенно расчетъ рабочимъ и происходитъ возвращеніе послѣднихъ съ присковъ. Хозяева на прискахъ отговариваются неимѣніемъ денегъ и выдаютъ квитанціи на остаточную заработанную сумму. Въ с. Тисулѣ Дмитріевской волости, которое является, такъ сказать, центромъ маріинской тайги, находится масса еврейскихъ лавокъ, принадлежащихъ присковымъ хозяевамъ. Послѣдніе обязываютъ рабочихъ покупать по даннымъ квитанціямъ необходимые товары, при чемъ подразумеваются самыя ненужныя и излишнія вещи—разныя шали, шарфы, гармоніи и проч. Рабочему предоставляется выборъ—или совѣсть не получить денегъ, или взять означенную въ квитанціи сумму предлагаемыми товарами. Конечно, товары при этомъ „отпускаются“ по невозможнымъ цѣнамъ. Рабочій долженъ прибѣгнуть къ послѣднему средству и брать вовсе иногда ненужныя для себя вещи единственно для того, чтобы хоть что нибудь получить по квитанціи и выбрать поставленную тамъ сумму хотя бы товарами по возвышенной цѣнѣ. Чтобы очистить себѣ деньги, эти товары потомъ закладываются въ кабакахъ или у тѣхъ же евреевъ и въ большинствѣ случаевъ пропиваются. Въ результатѣ получается рабочій такъ или иначе безъ денегъ и, доведенный до крайности, онъ идетъ къ тому же обобрававшему его хозяину-еврею. Подобная система практиковалась во всей силѣ въ первыхъ числахъ октября въ Тисулѣ и вызвала вмѣшательство земскаго засѣдателя, который поставилъ сотника въ лавкѣ Романа Буткевича для надзора и пресѣченія означеннаго злоупотребленія. Но что значитъ одинъ сотникъ въ борьбѣ съ цѣлой стачкой присковыхъ хозяевъ? Рабочему поставлены такія ловушки, которыхъ онъ не минетъ, если только не будетъ принято особыхъ экстраординарныхъ мѣръ для уничтоженія злоупотребленій, развращающихъ все присковое населеніе“ ¹⁾).

Въ 1889 г. на промыслахъ всего Томскаго горнаго округа оставалось на весь годъ мужчинъ 850 (въ томъ числѣ въ Алтайскомъ округѣ до 600 и въ Маріинскомъ до 250), женщинъ 550 и дѣтей 370 (вмѣстѣ—19% всего лѣтняго *присковаго населенія*); въ 1890 г. 800 ч. мужчинъ, 320 женщинъ и 188 дѣтей (14% лѣтняго присковаго населенія) ²⁾.

Для нанявшихся въ зимнія работы на промыслахъ Алтайскаго округа въ 1888 г. давался двухнедѣльный отдыхъ.

¹⁾ Дѣло Том. Горн. Управл., 1891 г. № 12. О кутежахъ рабочихъ и эксплуатаціи ихъ мѣстнымъ населеніемъ при возвращеніи ихъ съ промысловъ Томской губ., см. въ разсказѣ *Наумова*: „Паутина“. О продажѣ рабочими въ Тисулѣ краденаго золота см. „Вѣст. Золотопр.“, 1894 г., № 18, стр. 293.

²⁾ „Горный Журналъ“, 1891 г., № 12, стр. 520.

ГЛАВА V.

Общеконтрактные и отрядные рабочіе на промыслахъ Енисейскаго округа съ 1870 г. до начала 1890-хъ гг.

Арендная система. — Доходъ золотопромышленниковъ. — Наемъ рабочихъ. — Размѣръ задатка. — Контракты. — Право передачи рабочихъ другимъ золотопромышленникамъ. — Обращеніе общеконтрактныхъ въ золотничниковъ. — Круговая порука. — Срокъ найма. — Время явки и путешествіе на пріиски. — Зимовья. — Количество неявившихся. — Техника золотопромышленности. — Разряды рабочихъ. — Продолжительность рабочаго дня. — Ночныя работы. — Экстренныя работы. — Уроки на торфахъ и пескахъ общеконтрактныхъ рабочихъ. — Уроки на торфахъ отрядныхъ рабочихъ. — Уроки на ортовыхъ работахъ. — Недоработка уроковъ. — Соединеніе урочныхъ и старательскихъ работъ. — Мѣсячное жалованье. — Поурочное вознагражденіе. — Поденная плата. — Плата за старательское и подъемное золото. — Жилища рабочихъ. — Пища. — Винныя порціи. — Торговля виномъ. — Пріисковая пѣсня. — Женщины на пріискахъ. — Несовершеннолѣтніе рабочіе. — Пріисковыя лавки и таксы. — Лѣченіе рабочихъ. — Праздничные дни. — Кровопусканія. — Смертность рабочихъ. — Церковь и школа. — Тѣлесныя наказанія и артельныя расправы. — Выдвореніе изъ тайги. — Карцеры. — Аресты. — Списки рабочихъ, не подлежащихъ наемкѣ. — Досрочный расчетъ рабочихъ. — Штрафы. — Пріисковая правительственная администрація. — Побѣги рабочихъ. — Заработки. — Долача. — Долги и ихъ отработка. — Расчетъ и выходъ рабочихъ. — Зимняя операція.

Въ Енисейскомъ округѣ золотопромышленность съ самаго ея начала (въ концѣ 30-хъ годовъ) стала развиваться необыкновенно быстро и достигла своего апогея въ 1847 году, когда въ обѣихъ частяхъ этого округа было добыто 1212 пудовъ шлиховаго золота; затѣмъ до 1853 г. количество добываемаго золота стало быстро уменьшаться, въ слѣдующіе 4 года оно вновь пошло въ гору и въ 1857 году равнялось 992 п., но затѣмъ начинается быстрый упадокъ золотопромышленности этого округа. Всего очевидное уменьшеніе количества добываемаго золота, если мы возьмемъ среднія цифры по десятилѣтіямъ: въ 40-хъ годахъ въ Енисей-

скомъ округѣ добывалось въ среднемъ по 714 п. въ годъ, въ 50-хъ годахъ—по 831 п., въ 60-хъ—по 501 п., въ 70-хъ по 358 и въ 80-хъ по 224 п. ¹⁾). Среднее количество рабочихъ въ обѣихъ частяхъ Енисейскаго округа было слѣдующее: въ 40-хъ годахъ (1841—49 г.) въ среднемъ по 14757 человекъ, въ 50-хъ — по 20968 ч. ²⁾, въ 60-хъ — по 14398, въ 70-хъ—по 12668, въ 80-хъ — по 9659 ч. въ годъ. Если мы сравнимъ среднюю годовую добычу золота въ 40-хъ и 80-хъ годахъ, то увидимъ, что количество добываемаго золота уменьшилось болѣе чѣмъ втрое и въ то же время, несмотря на нѣкоторые техническія улучшенія, на добычу 1 пуда требуется вдвое большее количество людей: въ 40-хъ годахъ для добычи каждаго пуда нужно было въ теченіе всей операціи 21 человекъ, въ 50-хъ—25 ч., въ 60-хъ—28 ч., въ 80-хъ годахъ 43 ч. Это главнымъ образомъ объясняется обѣднѣніемъ присковъ золотомъ, такъ какъ самые богатые промысла были уже выработаны: въ 1842 г. среднее содержаніе золота въ ста пудахъ песку равнялось въ Енисейскомъ округѣ 5 зол. 29 дол., а въ 1890 г. въ сѣверной части Енисейскаго округа всего 31 долъ, въ южной же части даже 28 дол. Но отчасти это объясняется и тѣмъ, что техническія улучшенія были не особенно велики, да это и не удивительно, такъ какъ съ половины 60-хъ годовъ въ Енисейскомъ округѣ все болѣе развивается мелкая золотопромышленность, все болѣе увеличивается количество старателей золотничниковъ, частью въ видѣ самостоятельныхъ артелей, частью въ видѣ артелей, содержимыхъ подрядчиками, и вмѣстѣ съ тѣмъ развивается арендная система.

Сравнительно съ прежними громадными барышами, золотопромышленности Енисейскаго округа въ рассматриваемый періодъ стала дѣломъ гораздо менѣе выгоднымъ, но все-таки далеко не столь убыточнымъ, какъ это хотѣли представить нѣкоторые. Золотопромышленникъ Н. Латинъ въ концѣ 60-хъ годовъ писалъ о сѣверно-енисейской системѣ: „Въ настоящее время выгоднымъ считаютъ работать приски, которые даютъ сами по себѣ безъ лажа отъ 20 до 30 к. сер. пользы. если же какой-либо прискъ даетъ болѣе 30⁰%, то это считается уже богатымъ дѣломъ; такихъ промысловъ, какіе были прежде, которые давали отъ рубля до 2 рублей на рубль выгоды, теперь встрѣчается

¹⁾ См. о 40-хъ и 50-хъ годахъ таблицы золотопромышленности Восточной Сибири, составленныя Л. Карпинскимъ въ „Извѣстіяхъ восточно-сибирскаго отдѣла географическаго общества“, 1890 г., т. XXI, № 4. О слѣдующихъ десятилѣтіяхъ см. данныя въ I т. моей книги, стр. 559 и во II т. *Дополненіе* I.

²⁾ Для тѣхъ годовъ, относительно которыхъ не приведено данныхъ въ I т. нашего труда, мы беремъ свѣдѣнія изъ неизданной таблицы, сообщенной намъ г. Савинскимъ.

очень рѣдко" ¹⁾. Мы понимаемъ lamentaцiи золотопромышленника, вспоминающаго о барышахъ въ 100—200%, но все таки и съ барышами въ 20—30% жить было можно. Нѣкоторые официальные лица представляютъ дѣло такъ, какъ будто енисейскiе золотопромышленники работаютъ едва ли только не изъ одной чести. Такъ окружной инженеръ сѣверно-енисейской системы въ отчетѣ за 1889 г. говоритъ. „При разработкѣ россыпей съ существующимъ нынѣ малымъ содержанiемъ золота и при томъ несовершенными способами, добыча золота обходится немногимъ дешевле нарицательной стоимости его при теперешнемъ курсѣ кредитнаго рубля, и если золотой промыселъ даетъ какiя-либо выгоды, то только немного болѣе капитальнымъ лицамъ, ведущимъ дѣло на наличныя деньги и то благодаря только существующей еще разницѣ въ курсѣ; всѣ остальные, занимающiеся золотымъ промысломъ лица ведутъ дѣло вслѣдствiе неподготовки ихъ къ какому нибудь иному труду, другiе въ силу сдѣланныхъ уже на постановку дѣла специальныхъ затратъ и наконецъ третьи потому, что золотой промыселъ составляетъ почти единственную отрасль промышленности въ округѣ“. Окружной инженеръ южно-енисейской системы въ отчетѣ за тотъ же 1889 г. уже прямо утверждаетъ, что золотое дѣло въ его округѣ принесло въ этомъ году убытокъ: „явленiе крайне неутѣшительное“, продолжаетъ онъ, „и показывающее дѣйствительно, что люди живутъ одной надеждой на счастливый годъ, могущiй съ избыткомъ вознаградить убытки прежнихъ лѣтъ“. Авторъ отчета указываетъ, что ежегодно налагаютъ много „арестовъ“ на золото вслѣдствiе несостоятельности золотопромышленниковъ въ расплатѣ съ рабочими и на плачевное положенiе золотопромышленности и ея сомнительное будущее въ виду зависимости отъ чисто случайныхъ причинъ—большаго или меньшаго содержанiя золота и величины лажа: „съ ихъ увеличенiемъ золотопромышленникъ оживаетъ, съ уменьшенiемъ приближается къ безвыходному положенiю" ²⁾. Однако дѣло оказалось не безнадежнымъ, и изъ отчета за 1890 г. Томскаго горнаго управленiя мы узнаемъ, что при средней цѣнѣ въ этомъ году полумпериала въ 6 р. 50 к. золотопромышленники южно-енисейской системы получили 6% чистаго дохода. „Расчетъ этотъ показываетъ“, сказано далѣе въ отчетѣ, „что положенiе золотопромышленности не настолько печально“, какъ это можетъ казаться; но если принять во вниманiе, что въ исчисленiе расходовъ „не вошла уплата подесятинной подати за прiиски и аренды, и что только незначительное число промышленниковъ производитъ разработку россыпей на свои капиталы и

¹⁾ „Очеркъ золотыхъ промысловъ Енисейскаго округа“, 1869 г., стр. 47—48.

²⁾ Дѣло по отчету томскаго горнаго управленiя за 1889 г. въ канцелярiи этого управленiя.

на своихъ собственныхъ прискахъ, а что остальные независимо отъ высокой аренды должны пользоваться кредитомъ, уплачивая отъ 10 до 20%, то дѣлается понятнымъ, что значительная часть заработка лицъ занимающихся на мѣстѣ золотопромышленностью, распределяется между ничѣмъ не рискующими владѣльцами присковъ и тѣми, кто снабжаетъ товарами присковые магазины" ¹⁾). Это послѣднее вѣтъ всякихъ сомнѣній, но тутъ мы имѣемъ уже дѣло не съ неотвратимыми природными условиями (содержаніе золота въ пескахъ), а съ причинами социальными, которыя указываютъ не на невозможность золотопромышленности въ данной мѣстности, а на необходимость измѣненія ея существующихъ формъ. Относительно 1892 г. къ болѣе утѣшительнымъ выводамъ пришелъ и окружной инженеръ южно-енисейской системы г. Стемпневскій, столь мрачно настроенный два года ранѣе: „чистый дивидендъ отъ разработки золотыхъ росыпей составилъ“, по его словамъ, „въ общемъ... 10,5%. Конечно, отдѣльныя компаніи, какъ напр., наслѣдниковъ Асташева, Переплетчикова, М. Шарыпова, Потапова, Лысова, Прейна и немногихъ другихъ, получили гораздо больше 10,5%; другія работали безъ прибыли и убытка; третьи же, особенно получившія обстановку присковъ въ кредитъ за высокіе проценты, повесли убытокъ" ²⁾).

Мы можемъ привести однако очень вѣское доказательство, что и компаніи, которыя вели дѣло въ кредитъ и платили большіе проценты, могли получать доходы, значительно превышающіе тѣ среднія цифры, какія мы находимъ въ официальныхъ отчетахъ. Мы возьмемъ для этого приски В. И. Базилевскаго въ періодъ времени съ 1877 по 1887 г. Обстановка дѣла велась здѣсь въ кредитъ, вслѣдствіе чего все покупалось приблизительно на 10% дороже; затѣмъ эта компанія принадлежить какъ разъ къ числу тѣхъ, на золото которыхъ, вслѣдствіе несостоятельности въ расплатѣ съ рабочими, верѣде налагался арестъ; наконецъ, она не упомянута въ числѣ болѣе богатыхъ и въ приведенныхъ выше словахъ окружного инженера Стемпневскаго (въ отчетѣ за 1892 г.). И что же однако оказывается? Общій расходъ на прискахъ этой компаніи за 11 лѣтъ (1877 — 1887 г.) равнялся 2,281,760 р., а барыша получено 732,162 р., т. е. компанія имѣла чистаго дохода 32% ³⁾. Г. Ячевскій обращаетъ вниманіе на то, что свѣдѣнія о барышахъ золотопромышленниковъ обыкновенно относятся къ оборотному капиталу, такъ какъ, по здѣшнимъ понятіямъ въ золотомъ дѣлѣ, основ-

¹⁾ „Горный Журналъ“, 1891 г., № 12, стр. 535.

²⁾ „Вѣстникъ Золотопр.“, 1892—93 г., № 16, стр. 234; благопріятенъ отзывъ того же горнаго инженера и объ операціи 1893 г., „Вѣст. Золотопр.“, 1897 г., № 15, стр. 248.

³⁾ „Статистика по золотымъ прискамъ В. И. Базилевскаго съ 1877 по 1887 г.“ (рук. сообщ. Л. О. Пантелѣевымъ).

ного капитала, погашаемаго въ болѣе или менѣе значительный періодъ времени, не полагается“ (стр. 12). Въ данномъ случаѣ можно не сомнѣваться въ томъ, что основной капиталъ К^о Базилевскаго, являющейся наследницею старинной богатой К^о Малевинскаго, давно уже погашенъ, но если даже изъ 32% и отчислить кое-что въ процентъ погашенія, то все-таки нельзя не признать, что енисейскимъ золотопромышленникамъ жить еще было можно. Укажемъ и на болѣе новыя данныя. Изъ отчета южно-енисейскихъ промысловъ Н. В. Асташева за 1892—93 г. видно, что за золото, за исключеніемъ казенныхъ пошлинъ и арендъ, было получено 331,392 р., чистой прибыли считалось 83,245 р., слѣдовательно расходовъ было произведено 248,147 р.; на эту сумму прибыль въ 83,245 р. составляетъ 33% ¹⁾. Впрочемъ въ 1895 г. золотые промысла сѣверно-енисейской системы, если вѣрны вычисленія мѣстнаго окружнаго инженера г. Внуковскаго, принесли въ среднемъ только 3½% прибыли на затраченный капиталъ. Указавъ на высокую арендную плату, онъ утверждаетъ, что „большинство работаетъ, сводя лишь концы съ концами или даже въ убытокъ“ ²⁾.

Горный инженеръ Ячевскій, посѣтившій въ 1891 г. пріиски сѣверно-енисейской системы, свидѣтельствуетъ, что срокъ аренды опредѣляется тамъ отъ 2 до 5 лѣтъ, и что о болѣе долгосрочной арендѣ онъ не слыхалъ.

„Въ основѣ арендныхъ условій ставится обязательство арендатору нести на себя какъ всѣ казенныя, такъ и внутреннія ташенныя повинности и поставить на работы опредѣленное минимальное число людей; затѣмъ, изъ сдаваемого арендаторомъ золота, согласно условію... отчисляется въ пользу владѣльца пріиска известное число полуимперіаловъ, которое колеблется въ предѣлахъ отъ 300 до 750 полуимперіаловъ съ пуда, т.-е. достигаетъ свыше 20%. Средняя арендная плата стоитъ на 450—500 полуимперіалахъ. Конечно, въ сравненіи съ этими цифрами казенная 3-хъ-процентная подать перестаетъ играть въ дѣлѣ какую бы то ни было роль, и становится понятнымъ, что при такихъ тяжелыхъ арендныхъ условіяхъ нельзя работать бѣдныхъ пріисковъ, т.-е. нельзя работать ихъ съ правильнымъ коммерческимъ расчетомъ. Въ числѣ условій арендной платы ставится обыкновенно и параграфъ, обуславливающий родъ работъ, т.-е. должны ли онѣ быть общехозяйскія ³⁾ или старательскія, или же опредѣляется процентное отношеніе тѣхъ и другихъ. На такихъ условіяхъ берутъ въ аренду пріиски, какъ отдѣльныя довольно самостоятельныя личности, такъ и цѣлыя компаніи, даже такія, какъ напр., Базилевскаго и Ратькова-Рожнова.

„Второй типъ аренды пріисковъ составляетъ переходъ къ мелкой стара-

¹⁾ „Вѣстн. Золот.“, 1894 г., № 1, стр. 21. Правда въ 1895 г. южноенисейскіе промысла Асташева принесли убытокъ, однако на нихъ нашлись и покупатели, и арендаторы. Ibid. 1896 г., стр. 15 и 398.

²⁾ „Вѣстн. Золот.“, 1896 г., стр. 150.

³⁾ Т.-е. съ наймомъ, такъ называемыхъ, общеконтрактныхъ рабочихъ на хозяйскомъ продовольствіи.

тельской работѣ и отличается отъ предыдущаго тѣмъ, что арендаторъ сдаетъ добываемое имъ золото не непосредственно въ золотосплавочную, а владѣльцу приска или его довѣренному и получаетъ съ нихъ условленную плату за золотникъ шлиховаго золота. Арендаторами на такихъ условіяхъ бывають обыкновенно лица, необладающія никакими средствами, а пользующіися необыкновенно легкимъ, но за то чрезвычайно дорогимъ кредитомъ¹⁾. Крупные капиталисты кредитуютъ мелкихъ предпринимателей, и эта операція зовется здѣсь „обстановленіемъ приска“. Иногда такого мелкаго золотопромышленника обстановкаиваетъ владѣлецъ приска или его довѣренный, но чаще всего благодѣтелемъ является постороннее лицо, причѣмъ кредитъ дается не денежный, а товарный, и при этомъ выставляются цѣны не рыночныя и къ нимъ прибавляются еще проценты; утверждаютъ, что обстановка, приобретенная въ кредитъ, обходится процентовъ на 50 дороже приобретенной на наличныя деньги или при условіи матеріально-обезпеченнаго кредита¹⁾. Обставленный разъ такимъ образомъ золотопромышленникъ является безответнымъ работникомъ капиталиста, и только случай можетъ сдѣлать его самостоятельнымъ. Естественно, что такой режимъ вызываетъ отпоръ со стороны арендатора, выражающійся въ утайкѣ части золота и въ сбываніи его на сторону по курсовой цѣнѣ... Вообще положеніе этого типа арендаторовъ, а ихъ очень много,—крайне жалкое.

„Артельная старательская работа существуетъ почти на всѣхъ прискахъ, а на многихъ является единственнымъ средствомъ эксплуатаціи.

„Промежуточною формою между арендою приска съ золотника и артельною работою является особый типъ старательской работы, состоящей въ томъ, что нѣкоторый участокъ приска сдается съ золотника мелкому предпринимателю, который съ своей стороны ставитъ на немъ или собственныя, или артельныя работы. При этой операціи дѣлается напр. слѣдующій коммерческій оборотъ: арендаторъ приска получаетъ по 3 р. 50 к. за золотникъ, старатель“ (мелкій предприниматель) „довольствуется уже 3 р. или даже 2 р. 80 к., а артельщику“ (т.-е. члену артели) „отдаетъ за 1 р. 80 к. до 2 р. 50 к.“.

Такимъ образомъ, по словамъ г. Ячевскаго, существуетъ „4 разновидности арендной и старательской работы: 1) аренда за попудную плату; 2) аренда цѣлаго приска съ полученіемъ арендаторомъ платы съ золотника шлиховаго золота; 3) аренда части приска на такихъ же условіяхъ; 4) артельная золотничная работа“²⁾.

Такъ какъ большинство присковъ Енисейскаго округа разрабатывается не золотничными, а хозяйскими рабочими, то мы и будемъ говорить здѣсь о положеніи общеконтрактныхъ рабочихъ, о золотничникахъ же скажемъ въ особой главѣ.

¹⁾ По словамъ г. Стемниевскаго, за обстановку дѣла въ кредитъ приходится платить нерѣдко до 30% за операцію или за 10 мѣсяцевъ. „Вѣст. Золотопр.“ 1895 г. № 1, стр. 10. Въ сѣверно-енисейской системѣ въ 1896—97 г. платили „обстановкаивающимъ“ 20%. „Вѣст. Золот.“ 1897 г. стр. 140.

²⁾ Ячевскій. „Очеркъ современнаго состоянія причинъ упадка и условій для возрожденія енисейской золотопромышленности“. „Горный Журналъ“, 1892 г., августъ—сентябрь. Ср. Уманьскій. „Очерки золотопромышленности въ Енисейской тайгѣ“, 1888 г., стр. 55—67; „Вѣст. Золот.“, 1896 г., № 7, стр. 150.

Наемъ рабочихъ, если онъ производился не на самыхъ принскихъ, золотопромышленники обыкновенно поручали особымъ довѣреннымъ, съ которыми и заключали съ этою цѣлью подробное условіе. Такъ напр., по договору, заключенному осенью 1870 г. Удереискою Комп. Бенардаки и Рязановыхъ, довѣренный долженъ былъ нанимать на годовой срокъ рабочихъ не моложе 18 и не старше 40 лѣтъ, женатыхъ брать не болѣе 3% (по договору съ Комп. Малевинскаго 1868 г.—5%), задатокъ давать не болѣе 50 р., а въ среднемъ до 40 р., стараясь уменьшать по возможности эти цифры, на прински высылать рабочихъ партиями по 50 чел. Изъ числа неявившихся компанія принимаетъ на свой счетъ не болѣе 3%, остальные же ставятся на счетъ нанимателя. За наемку на этихъ условіяхъ довѣренный долженъ былъ получать отъ компаніи по 5 р. съ человѣка съ тѣмъ, чтобы всѣ расходы по найму падали на его счетъ. Иной разъ эти довѣренные имѣли на мѣстахъ наемки своихъ факторовъ, которые взыскивали съ рабочаго за посредничество по наемкѣ нѣсколько рублей. ¹⁾

Рабочіе нанимаются на промыслы Енисейскаго округа въ Красноярскомъ и Ачинскомъ округахъ Енисейской губерніи и въ Маріинскомъ и Томскомъ Томской губерніи, такъ что ихъ жилища отстоятъ отъ южной системы на 300—500 верстъ, а отъ сѣверной на 500—1,000 верстъ ²⁾; впрочемъ, наемка производится также въ Енисейскѣ, Енисейскомъ и Канскомъ и отчасти Минусинскомъ округахъ. Наиболѣе обычное время наемки съ октября до конца февраля.

Въ сѣверно-енисейской системѣ ссыльно-поселенцы составляли въ 1880—87 гг. отъ 24 до 39% рабочихъ, въ южно-енисейской системѣ въ 1882—84 гг.—41—47%, а въ 1889—90 гг.—17—18%.

Иногда рабочимъ не по доброй волѣ приходится наниматься на прински. „Много рабочихъ“, сообщаетъ авторъ статьи объ Енисейскѣ (1878 г.), „отдано на промысла за недоимки, которыя нынѣ, какъ и подати, усиленно, какъ говорятъ крестьяне, по случаю войны взыскивались съ нихъ. Недоимки же числятся болѣе за поселенцами“ ³⁾. Другой корреспондентъ изъ Енисейска той же газеты говоритъ: „Случается весьма нерѣдко, что крестьянъ, на которыхъ числится недоимка, почему-либо не нанимаютъ золотопромышленники. Тогда сельскіе старосты берутъ недоимщиковъ-крестьянъ и ведутъ въ городъ и тутъ подыскиваютъ нанимателя, какой только подвернется подъ руку, не спрашивая уже ни желанія, ни согласія недоимщиковъ, не выторговывая ни жалованья,

¹⁾ Ср. „Восточное Обозрѣніе“, 1892 г., № 22, стр. 7; „Сибирскій Вѣстникъ“ 1892 г., № 52, стр. 4.

²⁾ Записка, поданная енисейскими золотопромышленниками министру государственныхъ имуществъ въ 1892 г.

³⁾ „Сибирь“, 1878 г., № 26, стр. 5.

ни содержанія, а лишь только стараются сполна получить числящіеся на них долги. Такого рода запродажа людей за недоимки не составляет исключенія, а едва ли не обыкновенное явленіе въ нашемъ округѣ“¹⁾. Я также слышалъ на прискахъ, что бываютъ случаи принудительной отдачи на промысловыя работы недоимщиковъ. На приски рабочаго гонятъ не только необходимость уплатить подати и недоимки, но и долги. По выходѣ съ промысловъ одинокій рабочій поселяется въ какой-нибудь крестьянской семьѣ; проживъ заработокъ, онъ поступаетъ на ховайское содержаніе и живетъ такимъ образомъ до весны, когда „мужикъ-кормилецъ отправляется въ городъ и, имѣя въ рукахъ паспортъ, запродастъ своего нахлѣбника“ и получаетъ въ свои руки задатокъ, нерѣдко съ лихвою возвращая свои затраты²⁾.

Въ прежніе годы золотопромышленники чувствовали недостатокъ въ рабочихъ и потому ихъ агенты прибѣгали ко всякимъ способамъ достать нужное количество рабочихъ—подпаиваніе, подкупъ волостного писаря или старшины и проч.³⁾. Но въ началѣ 90-хъ годовъ золотопромышленники не терпѣли недостатка въ рабочихъ. „Повидимому, Сибирь входитъ въ тотъ фазисъ“, говоритъ г. Ячевскій, „когда предложеніе начинаетъ превышать спросъ: не только на енисейскіе промысла, но даже на олекминскіе стремится вольный, незаконтрактованный людъ, и ѣдетъ онъ туда не изъ одной Сибири, но и изъ Европейской Россіи“⁴⁾. Это, впрочемъ, признаютъ и нѣкоторые изъ золотопромышленниковъ: такъ г. Саввинныхъ, золотопромышленникъ южно-енисейской системы, говоритъ, что „съ каждымъ годомъ процентъ вольнаго народа, идущаго на приски, увеличивается настолько, что въ послѣдніе годы нѣкоторымъ приходится, не найдя работы, возвращаться въ деревни“⁵⁾.

По свидѣтельству горнаго исправника сѣверной части Енисейскаго округа, въ 1875 г. при наймѣ выдавали задатки отъ 40 до 60 руб.⁶⁾. Въ 1876 г. въ Енисейскѣ давали присковимъ рабочимъ задатки отъ

¹⁾ „Сибирь“, 1886 г., № 27, стр. 7—8. Тоже подтверждаетъ и начальникъ енисейскаго жандармскаго управленія въ отчетѣ за 1882 г., прибавляя, что волостное начальство получаетъ отъ нанимателя до 3 руб. за каждаго отпущеннаго изъ волости рабочаго. Такъ какъ сильно-поселенцамъ предоставлено закономъ наниматься въ отхожіе промыслы, то они „являются, какъ бы приуроченными рабочими къ дѣлу золотопромышленности“. Арх. Иркут. Горн. Упр. К. 2768 № 63/53, л. 832, 835.

²⁾ „Сибирь“ 1878 г. № 26, стр. 5.

³⁾ „Волжско-Камская газета“ 1873 г., № 73, стр. 289.

⁴⁾ Въ 1892 г., по официальнымъ свѣдѣніямъ, на промыслахъ Енисейской губерніи было „болѣе чѣмъ достаточное предложеніе рабочихъ рукъ со стороны населенія Тобольской и другихъ губерній“, пришедшаго на присковыя работы вслѣдствіе неурожаа 1891 г. въ этихъ губерніяхъ. „Вѣст. Золот.“ 1893 г. № 10, стр. 155.

⁵⁾ „Сибирскій Вѣстникъ“ 1890 г. № 64.

⁶⁾ Арх. Горн. Испр., дѣло № 130, л. 122.

20 до 50 р. ¹⁾). По отчету горного исправника сѣверной части енисейскаго округа за 1881 г., задатки выдавались въ размѣрѣ отъ 25 до 70 р. Г. Ячевскій, посѣтившій сѣверно-енисейскій округъ въ 1891 г., свидѣтельствуетъ, что размѣръ задатковъ уменьшился.

Въ подписяхъ на контрактахъ мы находимъ указанія на тѣ задатки, какіе рабочіе получали при самомъ наймѣ; но на пути на промыслы размѣръ задатковъ увеличивался, такъ какъ, пропивая разные вещи, они вновь забирали ихъ у сопровождавшаго партію довѣреннаго въ счетъ будущаго заработка. На основаніи отчетовъ горныхъ исправниковъ за 80-ые годы, мы можемъ указать средніе размѣры тѣхъ суммъ, которыя рабочіе сѣверно-енисейской системы (считая въ томъ числѣ и золотничниковъ) забирали деньгами и натурою до прихода ихъ на прииски. Въ 1881 г. 4213 рабочихъ „получили въ задатокъ, на уплату податей, вещами, вообще до прибытія ихъ на приискъ въ среднемъ по 58 р.“, въ 1882 г. 3058 рабочихъ получили въ среднемъ по 54 р., въ 1883 г. 3401 человекъ въ среднемъ по 59 р., въ 1884 г. 3610 ч.—по 55 р., въ 1885 г. 3151 ч.—по 57 р., въ 1886 г. 3124 ч.—по 47 р. ²⁾, въ 1888 г. 2650 рабочихъ по 57 р., въ 1889 г. 2560 чел. по 41 р. ³⁾. Данные 1886 и 1889 годовъ показываютъ, что задатки дѣйствительно обнаруживали тенденцію къ пониженію. Въ 1892 г. бывали случаи, что рабочіе, нанявшіеся въ Томскѣ подѣ влияніемъ голода съ маленькими задатками (5—10 р.), узнавъ въ Енисейскѣ, что задатки тамъ гораздо выше, отказывались идти на промысла ⁴⁾. По свѣдѣніямъ мѣстнаго окружного инженера, задатки равняются теперь въ сѣверно-енисейской системѣ 25—50 р. ⁵⁾.

На основаніи отчетовъ горныхъ исправниковъ можно также опредѣлить, какую часть составляла общая сумма задатковъ изъ всей суммы, выданной присковымъ рабочимъ даннаго округа въ извѣстную операцію деньгами или натурою. Такъ въ сѣверной части Енисейскаго округа задатки деньгами и вещами составляли въ операцію 1881 г. 36% всѣхъ выданныхъ рабочимъ денегъ, въ операцію 1882 г.—32%, въ 1883 г.—34%, въ 1884 г.—32%, въ 1885 г.—31%, въ 1886 г.—30%, въ 1888 г.—32%, въ 1889 г. только 23%. Нужно замѣтить впрочемъ, что

¹⁾ Въ имѣющихся у насъ контрактахъ сѣверно-енисейской системы мы находимъ слѣдующіе задатки: въ контрактахъ Базилевскаго 1870 г.—въ одномъ min. 20 р., max 60 р., въ другомъ—поселенцамъ по 7 р., крестьянамъ 40—50 р.; въ контрактѣ 1875 г.—min. 2, max 10 р., въ контрактѣ 1877 г. 15—40 р., въ договорѣ 1878 г. 18—70 р., 1883 г. 12—50 р.; въ контрактахъ Кытманова 1871—72 г. 5—60 р.

²⁾ Арх. Гор. Испр. сѣв.-енис. округа.

³⁾ Отчеты томскаго горнаго управленія въ его канцеляріи въ Томскѣ.

⁴⁾ „Сиб. Вѣст.“ 1892 г. № 128, стр. 2.

⁵⁾ „Вѣст. Золот.“ 1896 г. № 7, стр. 149.

такъ какъ многіе золотничники, а также отрядные рабочіе (нанимающіеся на вскрытіе торфа) вовсе не берутъ задатковъ, то процентъ, составляемый задатками общепокупательныхъ въ общей суммѣ выданныхъ имъ денегъ, въ дѣйствительности выше.

Въ южно-енисейской системѣ, по отчету мѣстнаго горнаго исправника за 1880 г., задатки равнялись 25—60 р.¹⁾ Въ отчетѣ за 1883 г. горный исправникъ той же системы, желая объяснить побѣги рабочихъ выдачею имъ большихъ задатковъ, говоритъ: „При наймѣ крестьянина наниматель прежде всего оплачиваетъ за него подати и повинности, которыя взимаются въ размѣрѣ отъ 25 до 30 р., а за ссыльно-поселенца менѣе; затѣмъ временемъ вошло въ обычай выдавать наемнику на руки отъ 20 до 40 р., а иногда и по 50 р. Добавивъ къ суммѣ податей, количество полученное на руки, да заборъ, дѣлаемый почти всегда вещами на дорогу, а также на наемъ подводъ и продовольствіе въ дорогѣ, каждый (?) такой рабочій является на прискъ съ долгомъ въ 80 р. и только въ рѣдкихъ случаяхъ 50 или 60 р.“. Но изъ данныхъ, приводимыхъ въ томъ же отчетѣ, видно, что эти цифры сильно преувеличены, а именно оказывается, что 3499 ч. получили „въ задатокъ при наймѣ деньгами и вещами до прибытія на прискъ“ въ среднемъ по 42 р.; въ 1884 г. 2597 рабочихъ получили въ среднемъ по 41 р. и въ 1885 г. по 50 р.²⁾ Сравнивъ эти среднія цифры съ такими же средними Сѣверно-енисейской системы, мы видимъ, что въ этой послѣдней задатки больше: это вполне естественно въ виду большей отдаленности отъ жилыхъ мѣстъ сѣверно-енисейскаго округа³⁾. Въ 1895 г. енисейскіе золотопромышленники рѣшили выдавать рабочимъ, нанимаемымъ на промыслахъ, не болѣе 10 р., а въ мѣстахъ причисленія — не болѣе 40 р.⁴⁾

Общая сумма задатка, выданная рабочимъ на промыслахъ южно-енисейской системы, составляла въ 1883 г. 25% всей выдачи, въ 1884 и 1885 гг. — 22%, въ 1888 г. — 17,5%. Но нужно помнить, что такъ какъ задатокъ чаще получали повидимому общепокупательные рабочіе⁵⁾,

¹⁾ Въ контрактахъ 70-хъ годовъ мы встрѣтили задатки: въ договорѣ съ Асташевымъ 1875 г. 11—61 р., Удереиской К^о 1872 г. — 25—47 р. Въ 5 контрактахъ, заключенныхъ осенью 1870 г. на прискахъ, задатки гораздо менѣе; по контракту К^о Кузнецова и Щеголева поселенцы получили при наймѣ по 7 р., крестьяне 10—24 р., по двумъ контрактамъ Черныхъ 3—20 р., по двумъ другимъ 3—50 р.

²⁾ Арх. Горн. Испр. южно-енис. округа.

³⁾ Въ 1893 г. на прискахъ Асташева (южно-енисейскаго округа) средній задатокъ равнялся всего 24 р. „Вѣстн. Золот.“ 1894 г., стр. 47.

⁴⁾ „Вѣст. Золот.“ 1895 г., стр. 408.

⁵⁾ Отрядные рабочіе, нанимающіеся артелью для вскрытія торфа, чаще нанимаются безъ задатка. Ср. *Ячевскій*, 26, 36.

тѣмъ золотничники и притомъ получали его въ большемъ размѣрѣ, то въ заработкѣ первыхъ задатки составляли большій процентъ.

Полученный задатокъ истрачивается еще до прихода на пріиски. Весьма часто значительная часть его,—по мнѣнію одного мѣстнаго наблюдателя треть или даже половина,—выдается одеждой, „безъ которой оборванные наемщики не могутъ двинуться въ путь и которая оцѣнивается значительно выше ея стоимости“; 25—30 р. уходитъ немедленно на уплату податей, около 5 р. на выправку билета, да на пути еще рабочий израсходуетъ 10—15 р.¹⁾ Сходны съ этимъ и показанія г. Уманьскаго: „Частью... задатка пользуется волостной писарь, который кладетъ въ карманъ съ каждаго рабочаго по 2 р. 50 к., вписываемыхъ въ расчетный листъ рабочаго подъ наименованіемъ „за засвидѣтельствованіе контракта“²⁾, берутъ еще иногда и на „пожарные инструменты“ (рубля два), что также идетъ въ карманъ волостного писара“ (который, впрочемъ, безъ сомнѣнія, дѣлится этими поборами съ своимъ начальствомъ). „Остальное идетъ на уплату податей или квартирному хозяину..., а часть еще... пропивается“ (стр. 73)³⁾. Но нужно замѣтить, что въ пьянствѣ рабочихъ во время найма очень часто бывають виновны сами золотопромышленники. Вотъ что мы узнаемъ изъ отчета томскаго управленія за 1888 г. о Енисейскомъ горномъ округѣ: „Выдача задатковъ рабочимъ, нанимающимся на промыслахъ послѣ окончанія операціи, производилась большею частью вещами, частью же и водкой, какъ это особенно водится на южныхъ промыслахъ, въ виду будто бы трудностей найма и несогласія остаться на зимнія работы при другихъ условіяхъ.

Въ 1872 г. генераль-губернаторомъ Восточной Сибири былъ вновь возбужденъ вопросъ объ ограниченіи размѣра задатковъ. Золотопромышленники въ 1873 г. высказались за то, чтобы дозволено было выдавать задатки: крестьянамъ отъ 40 до 70 и *болѣе* рублей (т.-е. были противъ всякаго ограниченія относительно крестьянъ), а поселенцамъ 25—40 р. Но енисейскій губернаторъ Лохвицкій находилъ достаточнымъ задаткомъ 30—40 р. для крестьянъ и 10—20 р. для поселенцевъ, съ тѣмъ, чтобы эти нормы были обязательны для всѣхъ золотопромышленниковъ. Онъ считалъ также „необходимымъ допустить уплату денегъ изъ зара-

¹⁾ „Устон“ 1882 г. № 12, стр. 6.

²⁾ Въ договорахъ 1877 г. съ К^о Зотовыхъ (сѣверно-енисейскаго округа) прямо сказано, что „всѣ расходы по заключенію договора“ падаютъ на рабочихъ и входятъ въ число выданныхъ задатковъ.

³⁾ Ср. „Устон“ 1882 г. № 12, стр. 24. Въ договорѣ съ Харченко 1882 г. рабочіе принимали на свой счетъ „расходы во время найма, какъ-то подати, гербовыя пошлины и другія повинности, которыя должны причисляться къ суммѣ задатка“. О томъ, что нѣкоторые золотопромышленники ставили на счетъ рабочихъ расходы по заключенію контракта, свидѣтельствовалъ въ 1882 г. и начальникъ енисейскаго жандармскаго правленія.

ботка по требованію волостныхъ правленій“ за тѣхъ крестьянъ и поселенцевъ, которыхъ „общества за неплатежъ податей и неисполненіе разныхъ повинностей отдають на промысла“. Генералъ-губернаторъ приказалъ передать предложеніе енисейскаго губернатора на обсужденіе золотопромышленниковъ, но, повидимому, этого сдѣлано не было ¹⁾.

При наймѣ рабочихъ на промысла составлялись, какъ и въ прежнее время, контракты, содержаніе которыхъ измѣнялось сообразно съ тѣмъ, нанимались ли общеcontrактные рабочіе, рабочіе на вскрытіе торфа, ремесленники или старатели-золотничники. Рабочіе, сами приходившіе на промысла, нанимались иногда и безъ всякихъ письменныхъ договоровъ, хотя это и противорѣчило закону 1870 г. Свидѣтельствовались контракты обыкновенно въ волостныхъ и окружныхъ полицейскихъ управленіяхъ, а также у горныхъ исправниковъ, но при этомъ никто не наблюдалъ за тѣмъ, чтобы договоры не заключали въ себѣ противозаконныхъ условий ²⁾. Содержаніе контрактовъ не всегда было извѣстно нанявшимся, тѣмъ болѣе, что они нерѣдко подписывали ихъ въ пьяномъ видѣ ³⁾. Въ 1874 г. вновь возникло-было вопросъ о составленіи нормальнаго контракта, и исправникъ южно-енисейской системы доставилъ проектъ такого договора енисейскому губернатору, причемъ рѣшилъ эту задачу очень просто, списавъ съ небольшими измѣненіями контрактъ Асташева. Впрочемъ, никакихъ практическихъ примѣненій эти предположенія не имѣли.

Золотопромышленники обыкновенно выговаривали себѣ не только право переводить рабочихъ съ одного приска на другой (причемъ о вознагражденіи за теряемое при этомъ время ими не упоминается, или размѣръ его предоставляется усмотрѣнію компаніи), но даже право передавать ихъ и другимъ золотопромышленникамъ, противъ чего протестовала сибирская печать еще въ 60-хъ годахъ. Въ нѣкоторыхъ контрактахъ такая передача устанавливалась безъ всякихъ оговорокъ или даже съ поясненіями, что для совершенія ея нѣтъ надобности въ согласіи рабочаго; въ другихъ договорахъ выговаривалось право такой передачи лишь въ случаѣ сокращенія или прекращенія работы; въ третьихъ пояснялось, что рабочіе могутъ передаваться подъ условіемъ соблюденія заключаемаго ими договора, въ четвертыхъ дѣлалась оговорка, что при такой передачѣ золотопромышленникъ, передающій рабочихъ, долженъ получить всѣ числящіеся за ними долги; въ пятыхъ передача допускалась лишь для отработки у другого золотопромышленника своего долга первой компаніи. По словамъ г. Уманьскаго, рабочіе

¹⁾ Арх. Горн. Испр. сѣв.-енис. окр., дѣло 1874 г. № 18.

²⁾ Встрѣчаются, впрочемъ, контракты, и вовсе незасвидѣтельствованные.

³⁾ Отчетъ начальника енис. жанд. упр. за 1882 г. въ Арх. Ирк. Горн. Управ.

часто передавались „отъ одного хозяина къ другому (особенно если они должны хозяину) или en masse, или по одиночѣ“. Въ циркулярѣ исправника сѣверно-енисейскаго округа Федорова (1885 г.) было сказано: „Передача рабочихъ отъ одного золотопромышленника другому и условия о такой передачѣ въ контрактѣ, какъ прямо противорѣчащія закону, воспрещаются, и переходъ отъ одного къ другому можетъ совершиться лишь по добровольному согласію заинтересованныхъ лицъ, т.-е. рабочихъ и золотопромышленника“¹⁾.

Въ нѣкоторыхъ контрактахъ золотопромышленники предоставляли себѣ право обратить общеконтрактныхъ рабочихъ въ старателей-золотничниковъ²⁾. Едва ли можно было считать законнымъ такое условие контракта, не только дозволявшее золотопромышленнику измѣнять по своему усмотрѣнію систему работъ, но даже не гарантировавшее рабочему заранее опредѣленнаго вознагражденія за трудъ. Въ договорахъ компаній Григоровыхъ и Полежаева (1877 г.) и Харченка (1883 г., сѣверно-енисейскаго округа) устанавливалось подобное же право компаній обращать общеконтрактныхъ рабочихъ въ золотничниковъ, но по крайней мѣрѣ была опредѣлена плата за золотникъ по 1 р. 50 к., по договору же Удереиской К^о 1872 г. (юж.-енис. окр.) въ этомъ случаѣ плата по усмотрѣнію компаніи назначалось въ размѣрѣ отъ 1 р. 20 к. до 1 р. 50 к.

Нерѣдко въ договорахъ съ общеконтрактными устанавливалась круговая порука рабочихъ (на основаніи 2486 ст. VII т. Св. Зак.), а въ нѣкоторыхъ договорахъ съ рабочими, нанятыми для добычи торфа, пояснялось, что они обязываются круговою порукой отработать или уплатить свои долги.

Послѣ изданія новаго устава о золотопромышленности 1870 г. положеніе рабочихъ измѣнилось въ томъ отношеніи, что былъ уничтоженъ прежній обязательный срокъ прекращенія промывки золота 10 сентября вездѣ, гдѣ нѣтъ теплыхъ промываленъ, и вслѣдствіе этого срокъ работъ былъ продленъ до 1 октября. Срокъ этотъ впрочемъ установился не сразу. Срокомъ найма общеконтрактныхъ рабочихъ въ первой половинѣ 70-хъ годовъ назначалось въ договорахъ какъ сѣверной, такъ и южной части Енисейскаго округа 10 или 11 сентября. Однакоже и тогда конюхи и „состоящіе при разныхъ заведеніяхъ“

¹⁾ „Сибирская Газета“ 1885 г. № 17, стр. 420.

²⁾ Такъ напр., въ договорѣ 1875 г. В. И. Базилевскаго (сѣв. енис. окр.) сказано: „если управленіе найдетъ нужнымъ поставить на тѣхъ и другихъ промыслахъ, такъ называемыхъ, золотничныхъ работъ, то мы обязываемся безирекословно производить „работы по указанію управленія съ платою за каждый золотникъ шлиховаго золота“, какаа будетъ производиться прочимъ золотничнымъ рабочимъ, при этомъ совершенно не считаясь тѣмъ условіемъ, „какія будутъ заключены съ другими золотничниками.“

нанимались до 1 октября; съ первой же половины 70-хъ гг. срокомъ найма общепокупныхъ рабочихъ назначалось обыкновенно 1 октября ¹⁾. Это отдаленіе осенняго срока работъ, особенно для рабочихъ сѣверно-енисейской системы, очень неудобно: прежде рабочіе успѣвали уходить съ промысловъ еще въ теплое время, а теперь они подвергались всѣмъ послѣдствіямъ холодной погоды, задерживались на той сторонѣ Енисея вслѣдствіе ледохода, который прекращаетъ движеніе карбазовъ. Соединеніе съ другимъ берегомъ поддерживается тогда только лодками, которыя въ виду опасности перевоза берутъ слишкомъ дорого и задерживаютъ народъ, скопленіе котораго содѣйствуетъ развитію пьянства, кражъ и грабежей ²⁾. Впрочемъ, въ дѣйствительности большинство золотопромышленниковъ сѣверно-енисейской системы рассчитывало рабочихъ гораздо ранѣе 1 октября ³⁾. Операционный годъ на прискахъ стали считать съ 1 октября по 30 сентября ⁴⁾. Тѣ рабочіе, которые оставались на промыслахъ лишь на зимнюю операцію, нанимались до 1-го марта, 1-го апрѣля или до конца апрѣля ⁵⁾.

Что касается найма рабочихъ на добычу торфа, то для этого не существовало такихъ однообразныхъ сроковъ, но очень часто рабочіе нанимались для этой работы на октябрь мѣсяцъ (а въ первой половинѣ 70-хъ гг. съ 10 сентября), но такіа работы бывають иногда и лѣтомъ.

Относительно времени явки на промысла въ общихъ договорахъ всего чаще попрежнему постановлялось, что рабочіе обязаны явиться по первому извѣщенію или на приски, или въ извѣстное сборное мѣсто для отправленія подъ надзоромъ нанимателя. Иногда прибавлялось, что послѣ заключенія договора рабочіе не должны оставлять мѣсто жительства до полученія вызова на работу, въ другихъ же договорахъ сказано, что срокъ явки долженъ быть опредѣленъ въ расчетныхъ листахъ. По договору съ В. И. Базилевскимъ 1891 г. (сѣв.-енис. окр.) явка на приски рабочихъ ранѣе назначеннаго срока была воспрещена.

Въ контрактахъ обыкновенно постановлялось, что путь на приски и обратно рабочіе должны совершать на свой счетъ, и только во время путешествія по нежилымъ мѣстамъ въ тайгѣ имъ выдавали отъ золотопромышленника сухари—по контрактамъ сѣверно-енисейскаго округа по 2—3 ф. въ день (съ обязательствомъ пройти 25—30 в. ежедневно) или 20 ф. на весь путь отъ Енисейска до промысловъ, а въ контрак-

¹⁾ „Устой“ 1882 г. № 12, стр. 23, 25; „Вост. Обоз.“ 1882 г. № 36, стр. 7—8; „Сибирь“ 1880 г. № 5, стр. 5.

²⁾ „Восточное Обозрѣніе“ 1882 г. № 36, стр. 7.

³⁾ „Сибирская Газета“ 1882 г. № 47, стр. 1198.

⁴⁾ „Вост. Обозр.“ 1883 г. № 22, стр. 8; „Вѣст. Золот.“ 1896 г., стр. 149.

⁵⁾ Какъ и въ старыя годы, бывали иногда случаи, что въ формальномъ и засвидѣ-
тельствующемъ договорѣ вмѣсто точнаго обозначенія срока оставалось пустое мѣсто.

тахъ южно-енисейской системы 10—12 ф. За самовольную дневку въ контрактахъ сѣверно-енисейскаго округа Харченко (1882 г.) и Кытманова (1884 г.) назначенъ штрафъ въ первомъ по 1 р., во второмъ по 2 р. съ человѣка. Въ нѣкоторыхъ договорахъ ясно выражено обязательство рабочихъ *платить* на приски на свой счетъ, если это будетъ признано необходимымъ присковымъ довереннымъ ¹⁾. Въ договорѣ съ К^о Иванничаго, Жилия и Потапова (1888 г., юж.-енис. окр.) сказано: „Всѣ путевые расходы по доставкѣ насъ къ мѣсту работъ, какъ-то прогоны и продовольствіе пищею, не превышающіе стоимостью 25 к. въ сутки на человѣка, какъ намъ, такъ и сопровождающимъ насъ довереннымъ (1), должно быть отнесено на нашъ счетъ въ томъ количествѣ, какое будетъ причитаться по общему расчету на каждого человѣка“.

Мѣстные наблюдатели свидѣлствуютъ объ эксплуатаціи рабочихъ во время пути на промысла. Вещи, пропитія рабочими за безцѣнокъ, вновь скупаются у заимщиковъ по самой сходной цѣнѣ и выдаются почти совершенно голымъ рабочимъ, которомъ онѣ ставятся на счетъ по присковой таксѣ, какъ совершенно новыя, такъ что по приходѣ на мѣсто рабочіе иногда состояли должными компаніи болѣе 60—70 р. ²⁾. Окружной инженеръ сѣверно-енисейскаго округа Внуковский въ замѣчаніяхъ на проектъ правилъ о наймѣ рабочихъ свидѣлствуетъ, что на счетъ рабочихъ ставили всѣ путевые расходы не только по ихъ доставкѣ, но и „по командировкѣ довереннаго“ ³⁾. Онъ же въ отчетѣ за 1888 г. говорить, что „дорожныя издержки рабочихъ (одежда, прогоны и содержаніе въ дорогѣ) составляли отъ 10 до 50 р., что зависѣло отъ большей или меньшей дальности“ пути „и отъ большей или меньшей честности прикащика, сопровождавшаго партію“. По отчету южно-енисейскаго горнаго исправника за 1882 г., расходы на одежду, прогоны и дорожное содержаніе рабочихъ составили на каждого отъ 6 до 18 р., на нѣкоторыхъ промыслахъ даже до 40 р.

По словамъ сѣверно-енисейскаго окружного инженера, г. Внуковского, въ отчетѣ за 1888 г., „лишь очень немногіе золотопромышленники“ отпускали на свой счетъ на путевое довольствіе рабочимъ сверхъ 3 ф. сухарей, по 1 ф. мяса и кирпичный чай ⁴⁾. А по отчету южно-

¹⁾ Такъ въ договорахъ съ Асташевымъ 1870 и 1887 гг.

²⁾ „Сибирь“ 1881 г. № 29, стр. 5; „Сибирская Газета“ 1884 г. № 82, стр. 791, ср. Уманьскій, стр. 73.

³⁾ Дѣло канцеляріи томск. горн. упр.

⁴⁾ Въ статьѣ о сѣверно-енисейскихъ промыслахъ, напечатанной въ „Вѣст. Золот.“ (1896 г. № 7), г. Внуковский говорить о выдачѣ на пути 2 ф. сухарей и 1 ф. мяса въ сутки уже какъ объ общемъ правилѣ. Ср. обязательное постановленіе томскаго присутствія по горнозаводскимъ дѣламъ 16 и 23 февраля 1896 г. въ „Вѣст. Золот.“ 1896 г. № 6, стр. 133.

енисейскаго окружнаго инженера Стемпневскаго за тотъ же годъ, „при слѣдованіи на промысла, нѣкоторыя изъ управленій выдавали рабочимъ порціонныя деньги по расчету на 3 ф. сухарей и 1 ф. мяса въ сутки, другія же вовсе этого не дѣлали, отпуская лишь на руки небольшія дополнителныя къ задаткамъ суммы и то въ счетъ будущихъ заработковъ“ ¹⁾).

На пути въ тайгѣ встрѣчаются только зимовья, таежныя почтовые станціи, въ разстояніи 30 слишкомъ верстъ одно отъ другого; на половинѣ этого разстоянія находятся такъ называемыя „половинки“, гдѣ проѣзжающіе лошадей не перепрагаютъ, но остаются отдохнуть, напиться чаю и первоначальная цѣль которыхъ состояла въ томъ, чтобы дать пріютъ рабочимъ, высылаемымъ зимою для поправки дороги. На нѣкоторыхъ зимовьяхъ Ново-нифантьевской присковой дороги казармы для рабочихъ имѣли въ первой половинѣ 80-хъ гг. очень печальный видъ: стѣны всѣ въ щеляхъ, окна были закрыты рогожами, потолки сгнили и еле-еле держались на подставкахъ. Это объясняется тѣмъ, что въ то время енисейская казенная палата стала считать зимовья, построенныя золотопромышленниками на отведенной имъ землѣ, казенными оброчными статьями и сдавала ихъ съ торговъ (сенатъ позднѣе уважилъ жалобы золотопромышленниковъ и отдалъ ихъ обратно въ полное ихъ распоряженіе). Золотопромышленники не соглашались на поправки, не зная получаютъ ли они обратно зимовья, взятые въ аренду однимъ лицомъ. Казармы были настолько тѣсны, что на нарахъ едва помѣщалось 100 человекъ, остальнымъ же приходилось валяться подъ нарами, несмотря на то, что казармы содержались крайне нечисто. Въ нѣкоторыхъ пунктахъ присковыхъ дорогъ были устроены казачьи кордоны, которые должны были не допускать провоза въ тайгу спирта и водки безъ особаго разрѣшенія губернатора. Но торговля спиртомъ тайно все-таки производилась, и на самой дорогѣ были пустопорожныя мѣста, заявленныя въ качествѣ присковъ, хозяева которыхъ занимались исключительно продажей спирта, составлявшею главный доходъ зимовщиковъ. Зимовщики забрали въ свои руки и „половинки“ и на нихъ также устроили безпатентныя кабаки. Каждый изъ нихъ обязанъ имѣть въ зимовьяхъ нѣкоторый запасъ хлѣба, мяса и овса и отпускать эти продукты проѣзжающимъ и прохожимъ по цѣнамъ, утверждаемымъ, какъ и на прискахъ, горнымъ исправникомъ. Цѣны на зимовьяхъ въ 1891 г. въ сѣверной части Енисейскаго округа были слѣдующія: 1 ф. чернаго хлѣба — 6 к., фунтъ сухарей — 7 к., фунтъ соленого мяса 10 к., пудъ овса 1 р. 20 к., яйца — 10 к. за штуку, курица — 1 р. 50 к., фунтъ бѣлаго хлѣба — 15 к. Такія цѣны

¹⁾ Дѣло томск. горн. управ.

возможны только потому, что въ тайгѣ не допускается свободного поселенія всѣхъ желающихъ и вслѣдствіе этого, здѣсь нѣтъ никакой конкуренціи ¹⁾.

Извѣстная часть нанявшихся рабочихъ не являлась на прииски. Въ контрактахъ золотопромышленникамъ предоставлялось право ходатайствовать о высылкѣ ихъ при помощи внутренней стражи съ возложеніемъ расходовъ на неявившихся или дозволялось на мѣсто ихъ нанять другихъ, хотя бы и „съ передачею въ цѣнѣ“ и съ возложеніемъ расходовъ также на виновнаго, обязаннаго въ этомъ случаѣ отвѣчать всѣмъ своимъ имуществомъ.

Количество рабочихъ, неявившихся на промысла сѣверной части Енисейскаго округа изъ всего числа нанятыхъ рабочихъ въ 1873—77 г., было ниже 1%, въ 1878 г. нѣсколько болѣе, а въ 1879 г. это количество сразу поднялось до 3,65%, въ среднемъ же за 7 лѣтъ оно равнялось 1,17%. Въ началѣ 80-хъ гг. количество неявившихся изъ числа всѣхъ нанятыхъ было болѣе значительно (въ 1880 г. 4,7%, въ 1881 г.—4,1 и въ 1882 г. 3,6%), а въ среднемъ за 9 л. этого десятилѣтія оно равнялось 2,4%. Гораздо менѣе колеблется процентъ неявившихся на промысла Южно-енисейской системы: въ среднемъ за 7 лѣтъ 70-хъ гг. онъ равнялся 1,07, а въ среднемъ за 8 л. 80-хъ гг.—1% ²⁾. Мы видимъ такимъ образомъ, что процентъ неявившихся былъ весьма не великъ, и потому жалобы на неявку рабочихъ въ запискѣ, поданной енисейскими золотопромышленниками въ 1892 г. министру государственныхъ имуществъ и директору горнаго департамента, были крайне преувеличены. Нѣсколько усилилась неявка рабочихъ во время работъ по проведенію Сибирской желѣзной дороги ³⁾.

Общеконтрактные рабочіе обыкновенно обязываются договоромъ исполнять всѣ работы, какія прикажутъ: быть на развѣдкѣ, работать въ открытомъ разрѣзѣ или ортѣ, наконецъ исполнять какія-либо негорныя работы. Развѣдка производится посредствомъ шурфовки преимущественно осенью и зимою ⁴⁾. Когда золотоносный пластъ найденъ, его из-

¹⁾ Уманскій, стр. 40—41, 104—105; „Сибирская Газета“ 1884 г. № 18, стр. 461; „Вост. Обзор.“ 1890 г. № 31, стр. 10; Ячевскій, стр. 18.

²⁾ „Приложеніе I къ выпуску I сборника главныхъ официальныхъ документовъ по управленію Восточною Сибирью“, т. VII, отч. горн. отд. глав. управ. за 1882 г.; Архивъ горныхъ исправниковъ; отчеты окружныхъ инженеровъ и томск. горн. управ. „Сборн. статист. свѣд. о горныхъ промш. Россіи за 1891 г.“ и ст. Н. Ботомобскаго въ „Вѣст. Золотопр.“ 1892 г. №№ 11 и 16.

³⁾ „Вѣст. Золотопр.“ 1895 г., стр. 107, 163, 403, 1896 г. стр. 18.

⁴⁾ Шурфами называютъ глубокія квадратныя ямы, каждая сторона которыхъ равняется 3 арш.... Осенняя шурфовка дѣлается позднею осенью... почвенную воду выкачиваютъ въ это время изъ шурфовъ посредствомъ ручныхъ помпъ. Зимняя шурфовка дѣлается съ „выморозкой“: прокапываютъ землю, разогрѣвая до незамерзшаго

влекаютъ или посредствомъ открытыхъ разръзовъ, снимая сверху таѣтъ называемый торфъ, или посредствомъ „орть, проводимыхъ отъ боковъ разръзовъ вглубь; иногда при очень значительной глубинѣ орты замѣняются шахтами, отличающимися отъ первымъ тѣмъ, что входъ въ нихъ идетъ не горизонтально и пески извлекаютъ не въ тачкахъ, а бадьями¹⁾. Открытыя работы производятся только весной и лѣтомъ, а ортовые и шахтовые и зимою.

Вскрытіе торфовъ въ лѣтнее время производится обыкновенно урочными работами общеконтрактныхъ рабочихъ, осенью же и зимою чаще вольными торфовщиками. Добыча торфа и песковъ производится какъ и въ другихъ горныхъ округахъ Сибири, самыми простыми приемами при помощи кайлы, лопаты и лома. Порохъ и динамитъ употребляли въ огромномъ размѣрѣ, преимущественно для разрыва крупныхъ валуновъ. Подвозка на промывальныя машины, а также отвозка торфа, эфеля и гальки производится на лошадяхъ въ двухколесныхъ опрокидывающихся таратайкахъ²⁾, но изрѣдка еще и въ ручныхъ тачкахъ³⁾. Подземными работами добыча песковъ въ сѣверной части Енисейскаго округа производилась рѣдко: въ 1889 г. только на 7 приискахъ. Въ южной части Енисейскаго округа ортовые и шахтовые работы встрѣчались чаще: въ 1880 г. изъ 141 прииска на 18, въ 1884 г. на 22 приискахъ, а въ 1894 почти $\frac{2}{3}$ волота получилось въ южно-енисейскомъ горномъ округѣ изъ ортовыхъ и шахтовыхъ выработокъ⁴⁾.

Промывальными машинами чаще всего бываютъ бочки и чаши⁵⁾, причемъ къ паровымъ двигателямъ прибѣгаютъ очень рѣдко. По словамъ г. Ячевскаго, во всей сѣверной енисейской тайгѣ не было въ 1891 г. ни одной дѣйствующей паровой машины; напротивъ, въ южно-енисейской системѣ на Дополнительномъ участкѣ Прокопьевскаго прииска Асташева мы видѣли чашу, приводимую въ движеніе паровою силою. Впервые паровая машина появилась въ южной части Енисейскаго округа въ

мѣста, оставляютъ замерзать, потомъ, разогрѣвъ осторожно дно, копаютъ дальше; опять оставляютъ замерзать и т. д. Такимъ образомъ замерзшія стѣнки шурфа не позволяютъ просачиваться почвенной водѣ⁶⁾. *Уманскій*, 128.

¹⁾ *Уманскій*, 124—125.

²⁾ На Дополнительномъ участкѣ Прокопьевскаго прииска Асташевыхъ (южн. енис. окр.) по желѣзнымъ рельсамъ.

³⁾ Пакулевскій или американскій шлюзовой способъ теперь совершенно забытъ въ енисейской тайгѣ. *Ячевскій*, стр. 41.

⁴⁾ Отч. горн. испр. въ его архивѣ; „Вѣст. Золотопр.“ 1895 г. № 1, стр. 10. Описание ортовыхъ работъ см. *Уманскій*, стр. 125.

⁵⁾ Описание бочки см. *Ячевскаго*, стр. 37—39, ср. „Вѣст. Золотопр.“ 1893 г. № 6, стр. 86. Описание зимней золотопромывальной чаши на приискахъ Асташева см. „Вѣст. Золотопр.“ 1895 г. № 1 и 3.

1883 г. ¹⁾). Довольно распространена также теперь на промыслахъ Енисейскаго округа, такъ называемая, „кулибинка“ ²⁾—усовершенствованный видъ прежней бутары: она представляетъ систему двухъ параллельныхъ шлюзовъ, на которыхъ промывка песковъ производится движениемъ ихъ водою безъ всякихъ другихъ растирочныхъ механизмовъ ³⁾).

Устройство золотопромывальныхъ машинъ значительно усовершенствовалось: въ 50-хъ гг. бочешныя машины промывали отъ 15 до 20 тысячъ пудовъ песку въ день, а въ настоящее время бочка промываетъ болѣе легкихъ песковъ 40—50 тысячъ, а болѣе связанныхъ и слегка маслянистыхъ 25—30 тысячъ пудовъ. Въ прежнее время чаши стариннаго устройства едва могли протирать отъ 5 до 6 тысячъ пудовъ въ день, а теперь даже сильно связанныхъ и глинистыхъ песковъ чашечныя машины протираютъ отъ 15 до 20 тысячъ пудовъ въ день ⁴⁾). Постепенное развитіе техники видно изъ количества песка, промытаго въ теченіи года на каждого рабочаго, хотя извѣстное значеніе тутъ должны также имѣть увеличеніе интенсивности труда (такъ какъ добыча песковъ производится трудомъ рабочихъ безъ помощи машинъ) и замѣна ручной отвозки отвозкою на лошадахъ. Въ сѣверно-енисейской системѣ въ 1846—49 гг. на 1 промысловаго рабочаго приходилось среднимъ числомъ 9984 п. промытыхъ песковъ въ годъ; въ первой половинѣ 50-хъ гг. (въ 1850, 51 и 54 гг.) промывали среднимъ числомъ въ годъ на 1 рабочаго по 14574 п. золотоноснаго песку; въ 60-хъ гг. въ среднемъ (за все десятилѣтіе) промывали въ годъ уже по 23060 п. и затѣмъ въ два слѣдующія десятилѣтія среднее количество промываемаго песку остается то же: въ 70-хъ гг. (по выводу за 7 л.—1870, 74—79 гг.), въ 80-хъ гг. (по выводу за 9 л.—1880, 82—89 гг.) на каждого работника промывалось болѣе 23000 пудовъ. Напротивъ, въ южно-енисейской тайгѣ количество песку, промываемаго въ теченіе года каждымъ рабочимъ, продолжаетъ увеличиваться: въ 1846—49 гг. это количество рав-

¹⁾ Арх. горн. испр. южно-енис. окр. 1883 г. № 56.

²⁾ По имени ея изобрѣтателя, горнаго инженера К. А. Кулибина.

³⁾ Описаніе „кулибинки“ см. у Ячевскаго, стр. 39—40 и въ книгѣ „Сибирь и великая сибирская желѣзная дорога“, 1893 г. стр. 191, ср. „Вѣст. Золотопр.“ 1893 г. № 6, стр. 86. Въ 1889 г., по отчету томскаго горнаго управленія, въ сѣверной части енисейскаго округа изъ всѣхъ 161 промывальныхъ приборовъ было 95 бутаръ (59%), 31 бочка (19%), 31 шлюзъ системы К. А. Кулибина (19%) и 4 американки (менѣе 3%). Въ томъ же году въ южноенисейской системѣ изъ 205 приборовъ для промывки золота было бутаръ 102 (50%), бочекъ 55 (27%), „кулибинокъ“ 32 (15,5%), чашъ 13 (6%) и американокъ 3 (1,5%). „Сбор. стат. свѣд. о горноз. промыш. Россіи въ 1889 г.“, ч. I, стр. 100—112. Слѣдовательно, чаши употреблялись только въ Южно-енисейской системѣ.

⁴⁾ Н. Латкинъ. „Енисейская губернія, ея прошлое и настоящее“. Сиб. 1892 г., стр. 247.

нялось въ среднемъ 7240 п. въ годъ, въ 1850, 51 и 54 гг. въ среднемъ 11326 п., въ 60-хъ гг. по 19258 п., въ 70-хъ (1870, 74—79 гг.) болѣе 23000 п. и, наконецъ, въ 80-хъ (1880, 82—89 гг.) въ среднемъ болѣе 29000 п. въ годъ. При сравненіи съ прошлымъ слѣдуетъ впрочемъ принять во вниманіе, что въ послѣднее время много промывалось прежнихъ отваловъ, не требующихъ труда для вскрытія.

Положеніе присковъ рабочихъ не одинаково: оно значительно измѣняется въ зависимости отъ того, на какихъ условіяхъ поступаетъ рабочій на приску. Сравнительно съ положеніемъ рабочихъ *общеконтрактныхъ*, составляющихъ главный контингентъ рабочихъ на промыслахъ, нѣсколько лучше положеніе *отрядныхъ*, нанимаемыхъ артелью изъ задѣльной платы (обыкновенно для вскрыши торфа) и *окладныхъ*, которые получаютъ опредѣленную мѣсячную плату. Общеконтрактные могутъ быть подраздѣлены на 2 разряда—зимнихъ и лѣтнихъ, изъ которыхъ гораздо хуже положеніе первыхъ. Такъ какъ главные работы въ тайгѣ производятся лѣтомъ, то на зиму оставляютъ лишь меньшую часть рабочихъ, и конкуренція ищущихъ заработка значительно понижаетъ плату зимнихъ рабочихъ. Окладные и отрядные рабочіе приходили въ тайгу въ началѣ мая на свой собственный счетъ, такъ какъ въ это время оказывалась нужда въ большомъ количествѣ рабочихъ. Пользуясь этимъ, окладные и отрядные нанимались на условіяхъ гораздо болѣе выгодныхъ, чѣмъ общеконтрактные.

Общеконтрактные рабочіе раздѣлялись на 2 большихъ разряда—песковыхъ и поторжныхъ. Къ первому разряду причислялись рабочіе, добывавшіе или промывавшіе пески, ко второму—состоявшіе при всѣхъ вспомогательныхъ работахъ. Песковые въ свою очередь раздѣлялись на забойщиковъ, непосредственно добывающихъ пески, подкатчиковъ, вожиковъ, отвальныхъ, подхватчиковъ (въ подземныхъ работахъ), а лѣтомъ на машинистъ—свальщиковъ, эфельщиковъ, галечниковъ и промывальщиковъ. Къ поторжнымъ причисляются конюхи, плотники, кузнецы, молотобойцы и различные чернорабочіе ¹⁾.

Забойщики, принимаясь за работу, сначала „подкайливаютъ“ пластъ земли снизу; при глубокомъ подкайливаніи и при нѣкоторой рыхлости пласта иногда большая глыба вдругъ обрушивается на рабочихъ и калячитъ ихъ или убиваетъ до смерти. Подкайливающіе глыбу забойщики вбиваютъ въ нее сверху желѣзные ломы и ими отворачиваютъ эту глыбу; затѣмъ они разбиваютъ ее кайлами и вмѣстѣ съ vznikами складываютъ въ таратайки. Всего тяжелѣе работа забойщика, но весьма непріятна и работа галечника, котораго изъ нижняго люка машины обдастъ грязною

¹⁾ Уманьскій, стр. 69, 74, 98—99.

водою, пока онъ сваливаетъ промытую уже гальку въ таратайку для отвоза на отваль ¹⁾).

По закону о частной золотопромышленности 1838 г. было определено время начала работы (5 ч. утра) и окончаніе ея (8 ч. вечера) и требовалось, чтобы въ договорѣ была указана продолжительность отдыха. По уставу о золотопромышленности 1870 г. всѣ эти требованія, регулирующія продолжительность рабочаго дня, были уничтожены и предписывалось только, чтобы въ договорѣ между золотопромышленникомъ и рабочимъ было назначено определенное по соглашенію количество часовъ работы. Ослабленіе охраны труда немедленно отразилось неблагоприятно для рабочихъ на ихъ контрактахъ съ хозяевами. Такъ уже въ контрактѣ, заключенномъ въ сентябрѣ 1870 г. съ К^о Рязанова, Горохова и другихъ (сѣв.-енис. сист.) начало работъ было определено въ 4 ч. утра (вмѣсто установленныхъ прежнимъ закономъ 5 ч.), окончаніе въ 8 ч., а на обѣдъ и отдыхъ дано было всего полтора часа, слѣдовательно продолжительность рабочаго дня равнялось 14½ ч. ²⁾ Въ южной части Енисейскаго округа въ договорѣ Черныхъ 1870 г. рабочий день определенъ въ 13 ч. дѣйствительной работы и въ контрактахъ съ Вилимовскимъ и съ К^о Кузнецова и Щеголева (того же года) въ 13½ ч. Въ договорѣ съ Асташевымъ (1870 и 75 гг.) продолжительность рабочаго дня была определена въ 14 ч. (начало работъ въ 5 ч. утра, конецъ въ 8 ч. и 1 ч. на обѣдъ и отдыхъ) ³⁾, а по договору 1887 г. начало работъ въ 4 ч. утра и 2 часа перерывовъ въ 3 приема. Даже въ договорѣ на ортовую работу съ Драминымъ (1890 г. въ сѣвер.-енис. сист.) определена продолжительность рабочаго дня въ 13 ч.

Но мы видѣли, что уже и ранѣе, еще въ 50-хъ гг., определеніе количества рабочихъ часовъ во многихъ контрактахъ совершенно уничтожалось оговоркой, устанавливающей, вмѣсто извѣстной продолжительности рабочаго дня, размѣръ урока, до окончанія котораго рабочіе не должны были оставлять работы ⁴⁾. Въ контрактѣ съ Кытмановымъ

¹⁾ „Сибирь“ 1881 г. № 29 стр. 5.

²⁾ Зимой продолжительность рабочаго дня была естественно менѣе и потому въ договорѣ съ тою же К^о (1872 г.) на зимнюю операцію было определено начинать работу не позже 5 ч. утра и оканчивать не позже 7 ч. вечера „или по окончаніи уроковъ“.

³⁾ Горный исправникъ Южно-енисейскаго округа въ проектѣ нормальнаго контракта (1874 г.) предлагалъ установить продолжительность рабочаго дня въ 13 часовъ.

⁴⁾ Такъ напр. въ договорѣ съ В. Базилевскимъ (1875 г.) сказано: „Хотя на основаніи горныхъ положеній и определяется для работъ время съ 5 ч. утра до 8 ч. вечера“ (въ это время такого закона относительно золотыхъ промысловъ уже не существовало), „за исключеніемъ времени, обыкновенно даваемого на чай утромъ и пополудни и обѣдъ съ отдыхомъ, всего около 2 ч., но мы, зная по опыту, что усердный и здоровый работникъ заданную ему работу можетъ окончить и ранѣе этого времени, а потому

(1885 г., сѣв.-енис. сист.) рабочіе обязывались „выходить въ зимнее время не позже 5 ч. утра и не оставлять работы безъ дозволенія до 7 ч. вечера (причемъ продолжительность отдыха вовсе не опредѣлена), въ лѣтнее же время производить работу по общепринятому правилу, т. е. выходить на работу не позже 4 ч. утра ¹⁾ и не оставлять ее до 8 ч. вечера (продолжительность отдыха и здѣсь не опредѣлена), а „на урочной работѣ—до окончанія заданныхъ уроковъ“. Опредѣленіе продолжительности отдыха отсутствуетъ и въ нѣкоторыхъ другихъ контрактахъ, а установленіе времени окончанія работы также сопровождается оговоркою: „или до окончанія урока“. Въ договорѣ съ К^о Иваницкаго, Жилля и Потапова (1888 г., юж.-енис. сист.) сказано: „такъ называемые разночинцы, а равно находящіеся на всѣхъ безурочныхъ, такъ называемыхъ поторжныхъ работахъ, должны работать безъ опредѣленія суточного числа рабочихъ часовъ, насколько потребуетъ самое дѣло, во всякомъ-же случаѣ выходить на работу не позже 4-го часа утра и оставлять работу не раньше 8-го ч. вечера“ (продолжительность отдыха не опредѣлена), „но съ тѣмъ, что въ случаѣ дѣйствительной надобности (!) сказанное время работъ можетъ быть увеличено мѣстнымъ управленіемъ“ (??). Изъ этого видно, какъ ловко г. Жилль умѣетъ составлять свои контракты съ рабочими ²⁾.

Въ договорѣ 1875 г. съ отрядными рабочими, нанявшимися на промысла Асташева (юж.-енис. окр.) на вскрышу торфа также опредѣлено лишь обычное время начала и окончанія работъ (5 ч. утра и 8 ч. вечера, въ договорѣ 1887 г. 7—8 ч. вечера), а продолжительность отдыха не указана.

Таковы постановленія о контрактахъ относительно продолжительности рабочаго дня; посмотримъ, какова она была въ дѣйствительности. Въ официальномъ отчетѣ о золотопромышленности въ Восточной Сибири за 1879 г., представленномъ министру государственныхъ имуществъ, сказано, что въ сѣверной части Енисейскаго округа высшее число часовъ

для собственной пользы своей желаемъ производить работы, не стѣсняясь временемъ, а поурочно.“ Такое же условіе въ договорахъ съ Удерейскаго К^о (1872 г.) и Востротинныхъ (1881 г.); срав. т. I нашего труда, стр. 357.

) Въ контрактѣ съ Игн. Кытмановымъ (1884 г.) сказано, что „на основаніи горныхъ положеній опредѣляется время для работъ отъ 4 ч. утра“ (?) и потому рабочіе обязываются выходить на работу не позже этого времени. Тутъ мы находимъ уже прямо фальсификацію закона въ интересахъ золотопромышленника.

²⁾ Въ договорахъ съ Базилевскимъ 1890 и 91 г. рабочий день опредѣленъ въ 18 ч. дѣйствительнаго труда, но съ слѣдующею оговоркою: „при случаяхъ, бывающихъ отъ общаго нерадѣнія и нежеланія выполнить урка или, такъ называемой, *общей стачки* между всею артелью съ цѣлью вынудить сбавку урка, управленію предоставляется право держать насъ на работѣ до выработки заданнаго урка“.

работы въ сутки въ теченіе лѣтней операціи было 13, меньшее 11, среднее 12 ¹⁾ По отчету горнаго исправника сѣверно-енисейскаго округа за 1880 г., въ лѣтнее время (съ мая до 20 сентября) количество рабочихъ часовъ было отъ 8 до 13; впрочемъ, исправникъ оговаривается, „что хорошіе и прилежные работники“ (т. е. вѣроятно, особенно сильные) „заданные имъ уроки оканчивали въ 3, 4 и 5 ч. пополудни“ (т. е. начиная работу въ 4—5 ч., работали все-таки 10—12 ч.). Какъ было уже упомянуто, уставомъ о частной золотопромышленности 1870 г. было уничтожено опредѣленіе времени начала и окончанія работъ; результатомъ этого было то, что лѣтомъ на нѣкоторыхъ промыслахъ стали начинать работу не раннимъ утромъ, а даже ночью. Въ томъ же отчетѣ за 1880 г. исправникъ сѣверно-енисейской системы говоритъ, что „на нѣкоторыхъ приискахъ для облегченія работъ въ жаркіе дни съ согласія рабочихъ былъ заведенъ порядокъ высылать... на работы въ 2 и 3 ч. утра“ (!) и „оканчивать ихъ ранѣе или въ обѣдъ давать отдыхъ на 2 и 3 часа“. Въ весеннее время (отъ прихода рабочихъ на приискъ для лѣтнихъ работъ до открытія промывки) и осенью (отъ 20 сентября до 1 ноября) число рабочихъ часовъ, по словамъ того же исправника, равнялось 8—10 ²⁾, а на утренній чай и обѣдъ давалось въ день 2 ч. Зимой работы начинались съ разсвѣтомъ и оканчивались съ сумерками, при чемъ „въ виду краткости зимняго дня“ на обѣдъ рабочимъ назначался всего 1 ч., а чай они должны были пить предъ выходомъ на работу и по окончаніи ея ³⁾. По словамъ начальника енисейскаго жандармскаго управленія въ отчетѣ за 1882 г., горныя работы на промыслахъ „оканчиваются нерѣдко очень поздно вечеромъ“ и „въ концѣ лѣта... производятся даже при огнѣ... Работая до 18 ч. (!), иногда по колѣно въ водѣ, рабочіе, едва успѣвъ кое-какъ отдохнуть и просушить намочшее платье и обувь, снова выходятъ на работу, начинающуюся съ ранняго утра“ ⁴⁾. По отчету 1887 г. о золотопромышленности Вост. Сибири тахіт. числа рабочихъ часовъ доходить до 14 (махіт. 14, мин. 8, среднее 12). Тотъ же мин. и тахіт. указанъ и въ отчетѣ томскаго горнаго управленія за 1888 г., а между тѣмъ въ томъ же дѣлѣ томскаго горнаго управленія есть несомнѣнные данныя, указывающія на болѣе высокій тахіт. количества рабочихъ часовъ, а въ отчетѣ за 1888 г. окружной инженеръ сѣверно-енисейскаго округа писалъ: „Присковая работа несомнѣнно тяжела, а въ тѣхъ случаяхъ, когда число рабочихъ

¹⁾ Дѣло Горнаго Департамента.

²⁾ Золотопромышленникъ А. Саввинныхъ въ заявленіи горному исправнику 1878 г. говоритъ, что „осенью обыкновенно почти на всѣхъ приискахъ работаютъ вечерами при освѣщеніи“ (Арх. горн. испр. южн.-енис. окр., дѣло № 9545).

³⁾ Арх. испр. сѣв.-енис. окр., дѣло 1880 г. № 24.

⁴⁾ Арх. Ирк. Горн. Управ. К. 2768 № 63/53, л. 834 об.

часовъ доводилось до 15 въ сутки, она положительно изнурительна; поэтому слѣдуетъ лишь удивляться“, продолжаетъ г. Внуковский, „что при такихъ условіяхъ изъ числа 2650 ч.“ (нанятыхъ въѣ присковъ) „не явилось только 65 ч. (2,5%) и бѣжало 77 ч. (3%)¹⁾. Окружной инженеръ южно-енисейскаго округа въ отчетѣ за 1889 г. говоритъ, что съ 1 октября по 1 апрѣля, когда производятся подготовительныя работы, „число рабочихъ часовъ въ сутки не превышаетъ 9—11“, лѣтомъ же при промывкѣ песковъ работы въ разрѣзахъ продолжаются 11—14 ч.²⁾. Наконецъ, по отчету томскаго горнаго управленія за 1890 г. тахитимъ числа часовъ, употребляемыхъ рабочими для исполненія урока въ лѣтнюю операцію на промыслахъ сѣверно-енисейской системы, равняется 15, min. 9, среднее 10 ч., а въ южно-енисейской тахитимъ 15¹/₂ (!), min. 9 ч.; въ зимнюю операцію въ сѣверно-енисейской системѣ тахитимъ 9, min., 6, среднее 8, и южно-енисейской тахитимъ 10, min. 7³⁾. Такимъ образомъ, даже по свѣдѣніямъ окружныхъ инженеровъ, имѣющихъ основаніе не представлять положеніе рабочихъ въ слишкомъ мрачномъ свѣтѣ, количество рабочихъ часовъ въ лѣтнюю операцію доходило до 15—15¹/₂, а что средняя, наиболѣе обычная продолжительность рабочаго дня была не такова, какъ можно думать на основаніи показанія томскаго горнаго управленія, опредѣляющаго ее въ 10 ч. дѣйствительнаго труда, это видно изъ словъ г. Ячевскаго, командированнаго горнымъ департаментомъ въ 1891 г. въ сѣверноенисейскую тайгу, слѣдовательно, лица также оффиціальнаго, но независимаго отъ золотопромышленниковъ: „время работы на прискахъ“, говоритъ г. Ячевскій, „крайне продолжительно. Становой“ (управляющій „станомъ“, т.-е. прискомъ) „выгоняетъ“ рабочихъ до свѣта въ 3—4 ч., и они, не позавтракавши, сейчасъ отправляются по своимъ мѣстамъ; затѣмъ около 7—8 ч. утра они пьютъ чай, т. е. завтракаютъ. Чаепитіе происходитъ тутъ же, вблизи работъ, или чаще рабочіе идутъ въ казармы. На это уходитъ около полчаса времени. Въ 12 ч.—обѣдъ, на который дается 1—1¹/₂ ч., и около 5 ч. пополудни дается ¹/₂ ч. на второй чай, а послѣ окончанія работъ около 9 ч. вечера ужинъ“ (т. е., 14¹/₂—16 ч. работы). „На самомъ дѣлѣ въ лѣтнее время на“ (ночной) „отдыхъ приходится рабочему не болѣе 6 ч.: съ 9 ч. вечера до 3 ч. утра. Во всякомъ случаѣ, за вычетомъ всѣхъ перерывовъ, лѣтній

¹⁾ Дѣло канцеляріи томскаго горн. управ. отч. за 1888 г. № 81/2. Напротивъ, въ печатной статьѣ тоже лицо увѣряетъ, что „число часовъ лѣтней работы не превышаетъ 13, но до этой предѣльной цифры... доходитъ рѣдко“ („Вѣст. Золот.“ 1896 г. № 7, стр. 149). Очевидно окружные инженеры открovenіе въ донесеніяхъ начальству, чѣмъ въ печатныхъ статьяхъ.

²⁾ Дѣло канц. томск. горн. управ. отч. за 1889 г., л. 899.

³⁾ „Горный Журналъ“ 1891 г. № 12, стр. 521.

рабочій день не менѣ 14—15 ч. ¹⁾ Послѣ этого настъ не удивить уже слѣдующія показанія неофициальныхъ лицъ. „По обычаю работа на приискахъ, говоритъ г. Уманьскій, начинается въ 3 ч. утра, а на нѣкоторыхъ даже раньше, а оканчивается, при всей интензивности урочной работы, для худшихъ рабочихъ въ 7—8 вечера, а на нѣкоторыхъ приискахъ даже въ 10. Особенно часто случается это осенью, въ дождливые дни“. Въ это время окончаніе уроковъ затягивается, да и приисковая администрація становится требовательнѣй. Весною рабочимъ дѣлаются различныя послабленія изъ опасенія побѣговъ, „но осенью этой опасности нѣтъ“. На многихъ приискахъ съ неумолимою строгостью требуютъ въ это время выполненія уроковъ... Осенью дни становятся коротки, работа начинается въ сумеркахъ, при огнѣ, и съ огнями оканчивается. У забоевъ, гдѣ кайляютъ землю, и по дорогѣ къ машинѣ зажигаютъ факелы изъ березовой коры, иногда смоляные костры; красной точкой пылаетъ огонекъ на эфельномъ и галечномъ отвалахъ... На нѣкоторыхъ приискахъ въ это время работа... оканчивалась въ 9—10, иногда даже въ 11 ч. вечера“ (стр. 79, 156). Корреспондентъ одной газеты съ сѣверныхъ промысловъ Енисейскаго округа также говоритъ о работѣ „съ 3 ч. утра до 10 и болѣе часовъ вечера, за исключеніемъ 1 часа на два чая и 1 ч. на обѣдъ“ ²⁾. По словамъ другого мѣстнаго наблюдателя, рабочіе „выходятъ на работу часа въ 2 или 3 утра, а кончаютъ ее около 9—10 ч. вечера и около 7 осенью; на обѣдъ въ 11 ч. полагается 1½ ч., на чай въ 3¼ ч.—½ ч.“, слѣдовательно они работали въ сутки отъ 14 до 18 ч. ³⁾ Если даже признать тахішимъ работы 18 ч. исключеніемъ, то во всякомъ случаѣ мы видимъ, что 13—15 ч. составляетъ явленіе довольно обычное во время лѣтней операціи. Понятно, что приисковые рабочіе въ нѣсколько лѣтъ совершенно вырабатывались, и необходимость установленія законодательнымъ путемъ посильной для приисковаго рабочаго нормы труда вполне ясна.

¹⁾ „Горн. Журн.“ 1892 г. августъ—сентябрь. Въ 1891 г., по словамъ горн. инж. Н. Боголюбскаго, продолжительность рабочаго дня равнялась съ 1 октября по 1 марта въ сѣверно-енисейскомъ округѣ 8 ч., въ южно-енисейскомъ—9 ч., съ 1 марта по 1 мая въ сѣверно-енисейскомъ—10, въ южно-енисейскомъ 11, съ 1 мая по 1 октября въ первомъ—15, во второмъ—14 ч. „Обыкновенно“, говоритъ г. Боголюбскій, „изъ означеннаго числа часовъ въ періодъ времени съ 1 октября по 1 мая дается отъ 1½ до 2 ч. на обѣдъ, а съ 1 мая по 1 октября—1½ ч. на обѣдъ и сверхъ того по ½ до ¾ ч. на утренній и вечерній чай или завтракъ“. („Вѣст. Золот.“ 1892 г. № 16, стр. 225). Предположеніе г. Боголюбскаго, что въ официальныхъ отчетахъ, откуда онъ заимствовалъ свои данныя, продолжительность рабочаго дня, показана *со включеніемъ отдыха*,—совершенно произвольно, ни на чемъ не основано. Свидѣтельство г. Ячевскаго показываетъ это очень наглядно.

²⁾ „Сиб. Вѣст.“ 1886 г. № 43, стр. 3.

³⁾ „Сибирь“ 1881 г. № 29, стр. 5. Тотъ же авторъ говоритъ: „на отдыхъ рабочимъ дается ночью часа 4 лѣтомъ и 6 осенью“.

Въ извѣстныхъ намъ контрактахъ мы встрѣтили только одно указаніе на ночныя работы въ Енисейскомъ округѣ въ разсматриваемый періодъ ¹⁾. Въ проектѣ нормальнаго контракта, составленномъ южно-енисейскимъ исправникомъ въ 1874 г., послѣ предложенія установить днемъ 13 рабочихъ часовъ въ сутки, далѣе сказано: если же присковское управленіе признаетъ нужнымъ производить работы днемъ и ночью по-смынно, то мы обязываемся работать и въ ночное время, лишь бы работа эта не превышала 12 рабочихъ часовъ ²⁾.

Въ случаяхъ экстренныхъ и не терпящихъ отлагательства, какъ-то укрѣпленія плотинъ, канавъ, ортъ, шурфовъ, устройства водопровода, отвода воды и тушенія пожаровъ, рабочіе должны были по всѣмъ контрактамъ работать во всякое время дня и ночи „со всевозможною скоростью и усердіемъ“ подѣ страхомъ ответственности за всѣ убытки въ случаѣ уклоненія отъ работы; при томъ о какомъ либо вознагражденіи за эту работу въ контрактахъ не упоминается, а въ нѣкоторыхъ договорахъ, какъ напр. 1882 г. съ Харченко (сѣв.-енис. окр.) и прямо опредѣляется: „никакой особой платы за оную не требовать“. Только въ контрактѣ 1875 г. рабочихъ, нанятыхъ для вскрыши торфа на промысла Базилевскаго (сѣв.-енис. окр.), въ случаѣ „какихъ-либо экстренныхъ работъ, какъ-то: укрѣпленія плотинъ и дамбъ, отвода русла“ они обязывались „по требованію управленія работать, получая за таковыя дни плату, равную общей заработнойъ за вскрышу торфа; а въ такихъ случаяхъ, какъ тушеніе пожаровъ, огражденіе отъ наводненія и пр. должны *безвозмездно* выходить по первому требованію“. Что безвозмездность этихъ работъ была, по крайней мѣрѣ для общеконтрактныхъ рабочихъ, общимъ правиломъ, видно изъ того, что она устанавливалась и проектомъ контракта, составленнымъ южно-енисейскимъ исправникомъ въ 1874 году.

Переходя къ разсмотрѣнію величины уроковъ на горныхъ работахъ, мы напомнимъ, что въ первой половинѣ 60-хъ гг. наиболѣе обычный урокъ на торфахъ былъ слѣдующій: при талой землѣ безъ лошадей, т. е., при ручной откатѣ, полагалось вскрывать 1 куб. сажень 4 рабочими, а при 1 хозяйской лошади двумя, но по мѣрѣ того, какъ старательскія работы сливались съ урочными, размѣръ обязательнаго урока увеличивался, и уже въ первой половинѣ 60-хъ гг. въ нѣкоторыхъ контрактахъ является обязательная прибавка $\frac{1}{4}$ или даже $\frac{1}{2}$ кубич. сажени. Въ началѣ 70-хъ гг. изрѣдка встрѣчаются еще прежніе умѣренные уроки ³⁾, но вообще въ 70-хъ и 80-хъ гг. уроки имѣютъ болѣе значи-

¹⁾ Въ контрактѣ съ Асташевымъ 1870 г. при ортовыхъ работахъ.

²⁾ Арх. испр. юж. енис. окр. дѣло 1874 г. № 10, л. 36.

³⁾ Такъ напр., по договору съ Фунтусовымъ (1870 г., сѣв.-енис. окр.).

тельный размѣръ. Въ договорѣ съ Кытмановымъ (1884 г.) до 10 мая на талыхъ и мерзлыхъ торфахъ 2 человѣка при 1 хозяйской лошади должны были вырабатывать 1 куб. сажень, а съ 10 мая по 1 октября они должны были вскрывать $1\frac{1}{2}$ куб. сажени. Въ контрактахъ съ В. И. Базилевскимъ мы уже въ самомъ началѣ 70-хъ гг. находимъ тяжелыя нормы уроковъ, притомъ недостаточно опредѣленные, т.-е. указанія на minimum и maximum работы, дающія широкій просторъ произволу пріисковой конторы. Такъ уже по контракту 1870 г. послѣ упоминанія объ урочныхъ и старательскихъ работахъ, рабочіе, нанявшіеся на его промысла, обязываются на талыхъ торфахъ вырабатывать отъ 1 до $1\frac{3}{4}$ куб. саж. на 2 рабочихъ, а съ ручнымъ откатомъ на 2—3 и не болѣе 4 ч., смотря по свойству торфа и близости откати въ отваль, а на мерзлыхъ торфахъ и до открытія промывки назначеніе уроковъ предоставлялось усмотрѣнію пріисковаго управленія. Въ договорѣ съ Базилевскимъ и Малевинскимъ (1875 г.) повторяются тѣ же самыя условія, но при ручной откатѣ назначается выработка 1 куб. саж. на 2 или 3 ч. (о 4 уже не упоминается) ¹⁾. Въ договорѣ съ К^о Базилевскаго (1877 г.) уже вовсе откинута минимальная норма лѣтней выработки торфа (1 куб. саж. на 2 ч. при 1 хозяйской лошади) и опредѣлено, что до 1 іюля 2 человѣка при 1 лошади обязываются вырабатывать $1\frac{1}{2}$ куб. сажени, а съ 1 іюля— $1\frac{3}{4}$ куб. саж. ²⁾ Въ договорѣ съ Базилевскимъ 1883 г. (сѣв.-енис. окр.) повышается еще болѣе максимальная норма выработки, а именно въ лѣтнее время на 2 человѣкъ при 1 лошади назначено отъ 1 до 2 куб. саж. Наконецъ въ договорѣ съ Базилевскимъ 1891 г. совершенно откинута минимальная и удержана новая максимальная норма (2 человѣка при 1 лошади должны были вырабатывать отъ $1\frac{1}{2}$ до 2 куб. саж. при отвозкѣ не далѣе 50 саж.) и при томъ установлена весьма тяжелая норма для работы съ ручною откаткою (1 саж. должны были вырабатывать не болѣе 2 человѣкъ, тогда какъ въ 1870 г. для такого же урока назначалось 2—4 человѣка. ³⁾ Эта исторія контрактовъ В. И. Базилевскаго наглядно показываетъ, какъ усиливались требованія, предъявляемыя рабочимъ, какъ увеличивалась напряженность труда: такъ какъ добыча торфа производилась, какъ въ 60-хъ гг., такъ и позднѣе, руками рабочихъ, то слѣдовательно это увеличеніе уроковъ несомнѣнно сопровождалось увели-

¹⁾ Тоже и въ договорѣ 1877 г. съ К^о Григоровыхъ и Полежаева, сѣв.-енис. окр.

²⁾ Въ этомъ договорѣ точно опредѣлена и выработка мерзлыхъ торфовъ, причемъ установлена не легкая норма, а именно $1\frac{1}{2}$ куб. саж. мерзлаго торфа должны были вырабатывать, смотря по свойству его, 3—5 человѣкъ.

³⁾ По договору съ Востротиннымъ (1880 г.) 2 человѣка при 1 лошади должны были вырабатывать $1\frac{1}{2}$ —2 куб. сажени, а то же количество при ручномъ откатѣ 2—3 ч.; тутъ, слѣдовательно, урокъ при ручномъ откатѣ еще болѣе повышенъ.

ченіем напряженности труда. Въ настоящее время, по словамъ мѣстнаго окружнаго инженера г. Внуковскаго, „въ лѣтнюю операцію *средній* урокъ земляныхъ работъ въ породахъ болѣе или менѣе рыхлыхъ и при отвозкѣ до 100 с.“ (1) равняется на торфахъ $1\frac{3}{4}$ куб. саж. на 2 рабочихъ при 1 лошади, въ породахъ же болѣе или менѣе связныхъ— $1\frac{1}{4}$ саж. ¹⁾

Въ извѣстныхъ намъ контрактахъ южной части Енисейскаго округа мы лишь однажды встрѣтили ту минимальную норму, которая иногда упоминается въ контрактахъ начала 70-хъ гг. сѣверно-енисейскаго округа (1 куб. саж. на 2 человѣка при хозяйской лошади во время лѣтней операціи ²⁾: тутъ уже въ договорахъ 1870 г. требуется при этихъ условіяхъ выработка $1\frac{1}{4}$ до $1\frac{3}{4}$ куб. саж. ³⁾. Разсматривая коллекцію контрактовъ Асташева 70-хъ и 80-хъ годовъ, мы видимъ, что урокъ при выработкѣ торфа съ отвозкой на лошадахъ остается почти безъ измѣненія, такъ какъ съ начала 70-хъ гг. онъ былъ установленъ въ повышенной нормѣ, при ручной же откаткѣ онъ нѣсколько увеличивается ⁴⁾. Изъ другихъ извѣстныхъ намъ договоровъ южно-енисейскаго округа упомянемъ, что по контракту 1872 г. съ Удереискою К^о въ лѣтнюю операцію 2 человѣка при 1 лошади должны были выработать 1— $1\frac{3}{4}$ к. с., а при ручной откаткѣ то же количество 2—4 человѣка. Тяжелыя условія установлены въ договорѣ съ Вилимовскимъ 1870 г.: 2 рабочихъ должны были вскрыть 1 к. с. въ день *ручнымъ* откатомъ, а съ лошадыю 2 человѣка обязывались выработать 1 к. с. не только талаго, но даже и мерзлаго торфа; если же сажень вырабатывали при 1 лошади болѣе 2 человѣкъ, то это считалось уже лѣтностью, и плата съ сажени повижалась.

Что касается добычи золотоносныхъ песковъ, отвозки ихъ къ

¹⁾ „Вѣст. Золот.“ 1896 г. № 7, стр. 149.

²⁾ Въ договорѣ 1870 г. съ К^о Кузнецова и Щеголева, но при ручномъ откатѣ то же количество должны были выработать 3 человѣка.

³⁾ Въ договорѣ 1871 г. К^о Ячменева и Хотимскаго 2 человѣка при 1 лошади должны были выработать $1\frac{1}{4}$ к. с., въ договорѣ 1870 г. Черныхъ съ 1 февраля до 1 мая 2 человѣка при 1 лошади— $1\frac{1}{2}$ куб. с. и съ 1 мая по 11 сентября 2 человѣка при 1 лошади— $1\frac{3}{4}$ к. с.

⁴⁾ По договору съ Асташевымъ (1870 г.) 3 человѣка при 2 лошадахъ должны были выработать 2 к. с., а при ручномъ откатѣ 3 человѣка 1 куб. с.; по другому договору того же года 2 человѣка съ 1 лошадыю должны были выработать $1\frac{1}{2}$ к. с. талаго торфа, а при ручномъ откатѣ 1 к. с. 3—4 человѣка. Въ договорѣ съ нимъ же 1876 г. различается выработка торфа въ зимнюю и лѣтнюю операцію; съ 1 октября по 1 мая 2 человѣка при одной хозяйской лошади должны были вырабатывать 1 к. с., а при ручномъ откатѣ то же количество 4 чел.; съ 1 же мая по 1 октября 2 чел. при 1 лошади обязывались вырабатывать $1\frac{1}{2}$ к. с., а ручнымъ откатомъ 3 чел. 1 к. с. Наконецъ, въ договорѣ съ Асташевымъ 1887 г. уроки при конной отвозкѣ остаются тѣ же, а при ручной откаткѣ 2 человѣка обязывались выработать 1 к. с. торфа, — урокъ очень большой.

машинѣ и промывки съ уборкою эфеля и гальки, то въ первой половинѣ 60-хъ гг. наиболѣе типичнымъ урокомъ было исполненіе всѣхъ этихъ работъ по 1 к. с. песковъ на 3 человекъ съ необходимымъ количествомъ лошадей. Такой урокъ мы и находимъ въ договорѣ съ Фунтусовымъ (1870 г., сѣв.-енис. окр. ¹⁾), въ другихъ же известныхъ намъ контрактахъ сѣверно-енисейскаго округа назначаются уроки лишь на добычу и отвозку песковъ на машину.

Въ сѣверной части Енисейскаго округа по контрактамъ Базилевскаго (1870, 75, 78 и 83 гг.) при добычѣ и отвозкѣ песковъ на машину (безъ промывки) 3—4 человекъ должны были вырабатывать 3—4 к. с. песку при 2 лошадяхъ ²⁾. По словамъ г. Ячевскаго (стр. 28), урокъ доходить до 2 к. с. песковъ на 2 рабочихъ и 1 лошадь. По договору съ К^о Кытманова и Фунтусова (1871 г.) 4 человекъ должны были добыть и отвезти 3 к. с. при 2 лошадяхъ ³⁾. По договору съ Базилевскимъ (1890 г.) 2 человекъ должны были вырабатывать при отвозкѣ не далѣе 50 саж. и удобномъ грунтѣ не менѣе 2 к. с., а при связномъ и крѣпкомъ не менѣе 1½ к. с., при ручномъ же откатѣ не менѣе ½ к. с. на каждого человекъ. По договорамъ съ Харченко (1883 г.) и Кытмановымъ (1884 г.) 2 человекъ при 1 лошади должны были вырабатывать по 1½ куб. саж. песку ⁴⁾.

По договору съ Асташевымъ (1870 г) при паймѣ на его промысла Енисейской губерніи добыть 2 к. с. должны были 3 человекъ, а добыть 1 к. с., промыть на машинѣ, перепустить на ваггердахъ и отвезти гальку и эфель въ отвалы должны были не болѣе 3 человекъ. По контракту съ Асташевымъ 1862 г. 1 к. с. должны были добыть 2 человекъ, а въ 1870 г. 2 к. с. должны были добыть уже не 4, а 3 человекъ: такимъ образомъ напряженность труда несомнѣнно возросла, но сравнительно съ договоромъ 1867 г., по которому 5 человекъ должны

¹⁾ По договору съ Кытмановымъ (1872 г.) не болѣе 3 человекъ на 1 к. с. съ нужнымъ количествомъ лошадей; по договору же съ Вилимовскимъ (1870 г.) на добычу и промывку 1 к. с. песковъ (но безъ отвозки эфеля и гальки) полагалось всего 2 человекъ.

²⁾ Такой же урокъ установленъ въ договорѣ К^о Григоровыхъ и Полежаева (1877 г.) и Востротина (1880 г.).

³⁾ Такой же урокъ въ контрактѣ съ Кытмановымъ (1884 г.) и Харченко (1883 г.).

⁴⁾ По словамъ г. Внуковского, на промыслахъ сѣверно-енисейскаго округа теперь въ лѣтнюю операцію „средній урокъ въ породахъ болѣе или менѣе рыхлыхъ и при отвозкѣ до 100 с.“ на пескахъ равняется 1½ с. на 2 человекъ при 1 лошади, въ породахъ болѣе или менѣе связныхъ 1 с. „Вѣстн. Золот.“ 1896 г. № 7, стр. 149. Но по свидѣтельству самихъ золотопромышленниковъ максимумъ урока на 2 человекъ при 1 лошади равняется 2 саж. *Шостака*. „Золотопродышленность Томской области“. Т. 1896 г., таб. 5.

были добыть 4 к. с. песковъ, урокъ нѣсколько уменьшенъ ¹⁾. По договору съ Асташевымъ 1875 г. южно-енисейскаго округа при добычѣ золотосодержащихъ песковъ съ отвозкою на машину (но безъ промывки) на 3 человекъ полагалось при 1 лошади 2 к. с. ²⁾, а по договору съ нимъ же 1887 г. южно-енисейскаго округа 4 человекъ при 2 лошадяхъ должны были добыть и отвезти на машину 3 куб. с. ³⁾.

Упомянемъ еще о двухъ договорахъ южной части Енисейскаго округа. По контракту съ К^о Кузнецова и Щеголева (1870 г.) одинъ забойщикъ долженъ былъ добыть 1 куб. с. песковъ съ накладкою въ таратайки (но безъ отвозки), а добыть, отвезти къ машинѣ и промыть съ уборкою эфеля и гальки 1 куб. с. должны были 2 человекъ съ необходимымъ количествомъ лошадей: слѣдовательно, уроки здѣсь были тяжелѣе, чѣмъ по контракту Асташева 1870 г. По договору съ Удерейскою К^о 3—4 человекъ при 2 лошадяхъ должны были вырабатывать и отвозить на машину 3—4 куб. с.

Что касается отрядныхъ рабочихъ, нанимавшихся специально для вскрытія торфа, то въ 60-хъ гг. въ Енисейскомъ округѣ въ громадномъ большинствѣ случаевъ въ контрактахъ устанавливался для нихъ такой урокъ: 2 человекъ на хозяйской лошади должны были вскрыть 1 куб. с. торфа. Такой урокъ мы встрѣчаемъ нерѣдко въ 70-хъ и 80-хъ гг. ⁴⁾. Въ договорѣ съ Асташевымъ 1887 г. (южн. части енис. окр.) отрядныхъ рабочихъ, нанявшихся на работу въ октябрѣ мѣсяцѣ, условія нѣсколько болѣе льготныя, а именно въ верхнемъ пластѣ торфа рабочіе должны были выполнять такой же урокъ, т.-е. 2 человекъ при 1 лошади вскрывать не менѣе 1 куб. с. въ день, но въ нижнемъ пластѣ торфа не менѣе $\frac{3}{4}$ с. и въ ненастную погоду вообще не менѣе $\frac{1}{2}$ с. По договору съ Базилевскимъ 1878 г. на работу въ октябрѣ „или до тѣхъ поръ, пока не будетъ въ торфахъ сильной мерзлоты“, 2 рабочихъ при 1 лошади и при отвозкѣ отъ разрѣза не далѣе 100 с. должны были вырабатывать уже не менѣе $1\frac{1}{2}$ куб. с., а по договору съ нимъ

¹⁾ Сравнительно съ договоромъ 1867 г. нѣсколько уменьшены уроки и на добычу съ промывкою песковъ: по договору 1876 г. добыть 1 куб. с. песковъ, промыть на машинѣ и отвезти гальку и эфель въ отвалы должны были $2\frac{1}{2}$ человекъ вмѣсто прежнихъ 3, какъ было по договору Асташева 1861—62 ч.; въ договорѣ же 1870 г. мы находимъ возвращеніе къ прежней нормѣ добычи съ промывкой песковъ 1 куб. с. на 3 человекъ.

²⁾ И при этомъ сдѣлана оговорка, что при подвозкѣ песковъ на машину вагонами присковое управленіе должно давать сверхъ того по 1 погонщику на каждую лошадь.

³⁾ А при подвозкѣ вагонами 3 человекъ должны были добыть 2 куб. с., для доставки же песковъ на машину управленіе должно давать нужное количество лошадей съ погонщикомъ.

⁴⁾ Г. Уманскій также считаетъ его наиболѣе обычнымъ.

же 1882 г. въ лѣтнее время съ 1 іюня по 1 октября 2 рабочихъ должны были вскрывать и отвозить въ отваль при 1 лошади отъ 1 до 2 куб. с. ¹⁾).

Таковы свидѣтельства контрактовъ. Дѣйствительный размѣръ выработки вычисленъ Н. С. Боголюбскимъ. Принявъ, „что на разръзныя работы, т.-е. на вскрышу торфовъ, на добычу и промывку песковъ“ употребляется 60% рабочихъ ²⁾, г. Боголюбскій вычислилъ, что въ сѣверной части Енисейскаго округа на 1 такого рабочаго выработано въ годъ 32,23 куб. с. торфовъ и 21,49 куб. с. песковъ, итого 53,72 куб. с., а въ южной части Енисейскаго округа 43,65 куб. с. торфовъ и 26,62 куб. с. песковъ, итого 70,27 куб. с. Но авторъ поясняетъ, что тутъ „для опредѣленія объема выработки приняты всѣ рабочіе, задолжаемые въ разръзкахъ; если же нужно знать количество земляной выработки, причитающейся на 1 изъ числа занятыхъ только горными работами, т.-е. забойщиковъ и воячиковъ, тогда число этихъ послѣднихъ нужно принять въ 30% общаго числа рабочихъ команды или вдвое менѣе противъ ввѣстаго... числа рабочихъ, поэтому приведенныя... количества земляной выработки нужно увеличить вдвое“. Слѣдовательно, *добыто* и отвезено на машину (но не промыто) торфовъ и песковъ въ сѣверной части Енисейскаго округа 107,44 куб. с., а въ южной части 140,54 куб. с. на каждого человѣка, занятаго въ собственно горныхъ работахъ. Продолжительность операціи авторъ принимаетъ съ марта по октябрь, т.-е. 7 мѣсяцевъ и считаетъ по 27 рабочихъ дней въ мѣсяцъ, что составитъ 189 рабочихъ дней ³⁾, при чемъ максимальная средняя выработка равняется (въ юж.-енис. окр.) 0,74 куб. с. на человѣка въ 1 поденщину. „Эта дневная выработка“, по мнѣнію г. Боголюбскаго, „хотя и требуетъ значительнаго мускульнаго труда, но не превосходитъ нормы, существующей въ Высочайше утвержденномъ положеніи для строительныхъ работъ (§ 30, б) ⁴⁾... Такимъ образомъ 3 привычныхъ забойщика при 1 воячикѣ и 2 лошадей подаютъ на промывку 3 куб. с. песковъ въ поденщину или по ³/₄ куб. саж. на человѣка, а нѣкоторые болѣе ловкія и дружныя въ работѣ артели вырабатываютъ по 0,8 куб. с. въ день на 1 человѣка. „Эта работа“, продолжаетъ г. Боголюбскій, „по всчисленію, составленному на основаніи научнаго источника ⁵⁾ не представляетъ чрезмѣрной затраты рабочей силы и не превосходитъ обыкновенной работы здороваго человѣка“.

Вычисления г. Боголюбскаго требуютъ многихъ поясненій и оговорокъ. Во первыхъ, г. Боголюбскій (судя по даннымъ промысловъ В. И. Базилевскаго за 11 л.) принялъ слишкомъ высокій процентъ рабочихъ (60%), занятыхъ вскрышею

¹⁾ Лошадей и орудія труда отрядные рабочіе получаютъ отъ хозяевъ.

²⁾ Цифра эта вѣроятно нѣсколько велика, по крайней мѣрѣ на промыслахъ В. И. Базилевскаго за 11 л. (1877 — 87 гг.) поденщины на торфахъ и на пескахъ составляли 46% всего числа рабочихъ поденщинъ, не считая больныхъ и льготныхъ. „Статист. по золот. прииск. В. И. Базилевскаго“, рукопись, сообщенная Л. О. Пантелѣевымъ.

³⁾ Окружной инженеръ южно-енисейскаго округа въ отчетахъ за 1889 и 90 гг. также считаетъ операціонный годъ 190 дней рабочихъ и 20 дней льготныхъ.

⁴⁾ Для копанія земли изъ рововъ, глубиною до 2 арш. и шириною не менѣе 2 арш. съ выбрасываніемъ или накладываніемъ прямо на тачки на кубическую сажень полагается землекопаль 1,5—2 чел. „Урочное положеніе для строит. работъ“, изд. Н. К. Мартынова. Сиб. 1897 г., стр. 16.

⁵⁾ Авторъ ссылается на сочиненіе Недзьяковскаго „Собраніе таблицъ и формулъ“.

торфювъ, добычею и промывкою песковъ: на промыслахъ Базилевскаго эти работы требуютъ 46%¹⁾ всѣхъ поденщинъ, не считая больныхъ и льготныхъ. А если мы уменьшимъ число поденщинъ на этихъ работахъ въ такой пропорціи, то выработка одной поденщины соответственно возрастетъ и дойдетъ до 0,96 куб. с. въ южной части Енисейскаго округа и до 0,74 въ сѣверной части Енисейскаго округа¹⁾. Затѣмъ нужно помнить, что возчики не болѣе половины своего времени или даже менѣе отдають собственно земляной работѣ, а въ остальное время сопровождаютъ лошадей²⁾, и слѣдовательно забойщику приходится добыть гораздо болѣе вычисленнаго г. Боголюбскимъ средняго количества земли. Наконецъ, нужно обратить вниманіе на то, что далеко не всѣ горныя приисковыя работы производятся съ помощію лошадей; во многихъ контрактахъ 70-хъ и 80-хъ гг. наряду съ конною сплюю при отвозкѣ торфювъ и песковъ упоминается о ручной откаткѣ, что же касается золотничниковъ, то среди нихъ ручная откатка преобладаетъ, а между тѣмъ весьма большой процентъ приисковъ Енисейскаго округа разрабатывается золотничниками. Это обстоятельство значительно измѣняетъ дѣло. Изъ контрактовъ мы видѣли, что урокъ на торфахъ въ 1½ куб. с. на 2 человѣкъ при 1 лошади сталъ появляться въ 70-хъ гг. (въ 60-хъ гг. урокомъ считалась 1 к. с., а ¼ или ½ к. с. обыкновенно добывалось за повышенное вознагражденіе), а въ нѣкоторыхъ договорахъ дошелъ въ 1891 г. и до 2 с., при ручной же откаткѣ въ началѣ 70-хъ гг. назначался урокъ въ 1 куб. с. на 4 человѣка, а въ 1891 г. мѣстами на 2 человѣкъ. Слѣдовательно—максимальный урокъ 1 куб. с. на торфахъ на 1 человѣка и ½ лошади при конной отвозкѣ или ½ с. на 1 человѣка при ручной откаткѣ. Когда г. Боголюбскій получаетъ средний урокъ въ ¾ с. на 1 человѣка для всей южно-енисейской системы, то, при значительномъ количествѣ золотничниковъ, очевидно, что этотъ урокъ приближается къ максимальному, какъ его опредѣляютъ по договорамъ золотопромышленники. Важную роль при опредѣленіи размѣровъ уроковъ играетъ также промерзаніе почвы, и мы видѣли, что урокъ въ осенніе мѣсяцы бываетъ обыкновенно меньше, чѣмъ въ лѣтніе. Этимъ отчасти можетъ объясняться и то, что средняя выработка въ сѣверно-енисейской системѣ менѣе, чѣмъ въ южной. Наконецъ, имѣетъ значеніе большая или меньшая дальность откатки. Все это не позволяетъ признать правильнымъ выводъ г. Боголюбскаго ни относительно размѣра дневной выработки, ни относительно необременительности горныхъ работъ.

По свидѣтельству енисейскихъ золотопромышленниковъ въ запискѣ, поданной г. директору горнаго департамента въ 1892 г., „въ общемъ средняя величина выработки земли на 2 рабочихъ при 1 лошади колеблется между ¾³⁾ и 2 куб. с. въ день. „Выработка эта“, продолжаютъ золотопромышленники, „не составляетъ шахимш'а напряженія физическихъ силъ рабочаго, что наглядно и подтверждается тѣмъ, что такіе же рабочіе, но пришедшіе по волѣ для заработка на золотые промысла и получающіе плату съ выработанной куб. сажени земли“

¹⁾ На приискахъ Кузнецова Алтайскаго и Минусинскаго округовъ поденщины на торфахъ и пескахъ составили 53,7%, принимая во вниманіе больныхъ и льготныхъ поденщинъ. „Отч. общ. врач. Енис. губ. за 1891—92 г.“, стр. 103.

²⁾ Ср. докладъ Кузнецова, *ibid.*, стр. 102.

³⁾ Очевидно при мерзлой почвѣ.

(т.-е. отрядные) „при совершенно одинаковыхъ съ общеконтрактными условіяхъ ¹⁾ вырабатываютъ въ день отъ $1\frac{3}{4}$ до $2\frac{1}{2}$ куб. с. (т.-е. на 2 человѣкъ при 1 лошади ²⁾). Но такая выработка не можетъ считаться среднею нормою для цѣлаго года.

Приведемъ еще данныя относительно промысловъ Базилевскаго сѣверно-енисейскаго округа за 1877—87 гг.: въ 11 лѣтъ было добыто 139.798 куб. саж. торфа въ 221.691 людскихъ поденщинъ; слѣдовательно, среднимъ числомъ на каждую сажень нужно было 1,58 людскихъ поденщинъ (и 0,59 лошадиныхъ поденщинъ), т.-е. 1 человѣкъ съ помощію лошадиной силы добывалъ и отвозилъ въ отвалъ въ день 0,63 куб. саж. торфа (процентъ ручной работы на этихъ промыслахъ не великъ: всего 3% торфа было добыто при отвозкѣ на тачкахъ ³⁾). Нужно помнить, что при опредѣленіи средней добычи торфа принимается во вниманіе и осенняя выработка на мерзлыхъ торфахъ.

Что касается добычи и *промывки* песковъ, то на промыслахъ Базилевскаго сѣверно-енисейскаго округа въ 1877—87 гг. на производство такой работы для 1 куб. сажени требовалось въ среднемъ 2,6 человѣка и 1 лошадь ⁴⁾.

Уроки на ортовыхъ работахъ указываются въ слѣдующихъ размѣрахъ въ извѣстныхъ намъ контрактахъ Енисейскаго округа. По договору Черныхъ (1870 г., юж.-енис. сист.) урокъ на ортовыхъ работахъ назначенъ слѣдующій: въ каждую орту опредѣлялись 2 человѣка, т.-е. забойщикъ и откатчикъ, которые, разрабатывая орты вышиною по толщинѣ золотосодержащаго пласта, но не менѣе, какъ до 3 арш., а шириною въ $3\frac{1}{2}$ арш., должны были добыть и выкатать песковъ „погону не менѣе 6 четвертей въ каждомъ забой ежедневно“ (т.-е. $15\frac{3}{4}$ куб. арш. или болѣе $\frac{1}{2}$ к. с. на двоихъ, т.-е. почти по 8 куб. арш. на каждого, и раскрѣплять орты приготовленнымъ лѣсомъ. По договору съ К^о Ячменева и Хотимскаго (1871 г., юж. енис. окр.) 2 человѣка, забойщикъ и откатчикъ на тачкѣ, должны были вырабатывать въ ортахъ $\frac{1}{2}$ куб. с. и вмѣстѣ съ тѣмъ крѣпить орты и ставить стойки и подхваты. По договору съ Асташевымъ (1870 г.) при подземныхъ работахъ рабочіе должны были вырабатывать въ смѣну „съ каждой погонной сажени по длинѣ ортъ по 1 арш. съ поставкою 3 стоекъ или огнивъ съ выкаткою песковъ на указанное мѣсто.“ По договору съ Стениновымъ (1891 г., сѣв. част. енис. окр.) рабочіе на принскѣ Вознаграждающемъ на 2 забойщиковъ и 1 возчика при $4\frac{1}{2}$ арш. ширины и $2\frac{3}{4}$ вышины, добывали погону 6 четвертей (т.-е. всѣ около $\frac{2}{3}$ куб. с.). Уроки на подземныхъ работахъ были въ Енисейскомъ округѣ больше, чѣмъ въ Олекминскомъ.

¹⁾ Это несправедливо: пища отрядныхъ нѣсколько лучше, — они получаютъ болѣе мяса.

²⁾ Дѣло отд. част. золотопр. гор. деп. по состав. проект. правилъ о наймѣ рабочихъ.

³⁾ По отдѣльнымъ годамъ были слѣдующія колебанія: отъ 0,73 до 1,78 чел. на 1 куб. саж. торфа и отъ 0,47 до 0,68 лошади на 1 куб. саж. торфа въ день

⁴⁾ „Статистика по золотымъ промысламъ В. И. Базилевскаго“, рукопись, сообщенная Л. Θ. Пантелѣевымъ.

Относительно недоработки уроковъ на торфахъ и пескахъ рабочіе или обязывались въ контрактахъ отработать на другой день сверхъ слѣдующаго урока, или еще сверхъ того рабочій лишался платы за недоработанное количество ¹⁾. По договору К^о Кузнецова и Щеголевыхъ рабочіе, лишаясь платы за недоработку урока, обязуются исполнить ее на другой день сверхъ урока или подвергаются вычету вдвое противъ слѣдующей имъ платы; но недоработку, происшедшую вслѣдствіе причинъ, отъ нихъ независящихъ, въ вину имъ ставить не слѣдовало. По контрактамъ золотопромышленника Харченко (1882 г.) и Кытманова (1884 г., сѣв.-енис. окр.) въ случаяхъ недоработки на торфахъ или пескахъ дневной заработокъ уменьшался на $\frac{1}{3}$. По контракту съ Асташевымъ (1887 г., юж.-енис. окр.) за невыработку уроковъ „виновные лишаются полной назначенной имъ за выработку поденной платы, а рассчитываются изъ оклада 3 р. въ мѣсяцъ“. Отрядные рабочіе, нанявшіеся для вскрытія торфа на приски Асташева въ 1875 г., выговорили, чтобы въ ненастную погоду вычета за недоработку урока съ нихъ не дѣлали. Впрочемъ, г. Уманскій утверждаетъ, что условія контрактовъ объ отработкѣ на другой день недоработанныхъ уроковъ не выполнялись. По его словамъ, „на прискахъ принято“ что „всякій день отвѣчаетъ за себя“, такъ какъ плата вписывается поденно, и никогда не заставляютъ рабочихъ отработать на другой день недоработанное сегодня, потому что это было бы нарушеніемъ обычнаго права“, а видимое и рѣзкое нарушеніе этого права „влечетъ за собою со стороны рабочихъ глухой протестъ, выражающійся въ упорно дурной работѣ скопомъ, что иногда заставляетъ компанію сдѣлать уступку, и во всякомъ случаѣ возбуждаетъ опасеніе вызвать подобный протестъ (стр. 79)“.

Общія старательскія работы, составляющія продолженіе урочныхъ работъ, которыя были прежде добровольными, въ 60-хъ гг. на громаднѣмъ большинствѣ присковъ сдѣлались обязательными и слились съ урочными работами. О такомъ сліяніи упоминается и въ нѣкоторыхъ контрактахъ (какъ это мы видѣли и въ договорахъ конца 60-хъ годовъ ²⁾“.

Въ разсматриваемый періодъ мы не встрѣтили уже ни одного контракта Енисейскаго округа (не исключая и договоровъ съ отрядными рабочими и ремесленниками), по которому праздничная работа была бы необязательною, и о прежнемъ существованіи праздничныхъ старательскихъ работъ напоминаетъ только повышенная плата въ праздничные дни. Къ тому же въ законѣ 1870 г. не было указано

¹⁾ По контрактамъ Асташева (1870 и 75 гг.) рабочіе лишались за недоработку въ будни старательской платы.

²⁾ Напр. въ контрактахъ съ Базилевскимъ 1870 и 75 гг. и въ контрактѣ съ Востротиннымъ 1881 г.; послѣдній см. въ „Устояхъ“ 1882 г. № 12, стр. 27.

дней, въ которыхъ не должно было производиться работъ, тогда какъ по закону 1838 г. въ контрактахъ не должно было заключать обязательства работать въ воскресные и „торжественные“ дни. Въ 60-хъ гг. слияніе старательскихъ работъ съ прежними урочными выразилось въ прибавѣ къ прежней обязательной куб. сажени еще $\frac{1}{4}$ или $\frac{1}{2}$ куб. с. Намекъ на эти полуторные уроки мы встрѣчаемъ въ контрактѣ съ Асташевымъ (1870 г.) по которому рабочіе обязывались „сверхъ определенной выше... старательской, т.-е. *полуторной* работы, никакихъ другихъ стараній не требовать, если само управленіе не сочтетъ для себя полезнымъ гдѣ-либо по мѣстнымъ удобствамъ допустить ихъ“; а въ договорѣ съ К^о Жилия, Иванецкаго и Потапова (1888 г., сѣв. част. енис. окр.) установленъ обязательный въ будни и праздники „старательскій“ урокъ въ $\frac{1}{4}$ саж. или песковъ по 10 таратаекъ къ хозяйскому уроку на двоихъ съ 1 лошадыю—зимомъ въ 1 куб. с. на торфахъ, а лѣтомъ въ $1\frac{1}{4}$ куб. с. на торфахъ и пескахъ.

Послѣ того, какъ бывшія старательскія работы окончательно слились съ прежними „хозяйскими“, нѣкоторыми контрактами допускались по окончаніи такихъ, уже значительно увеличенныхъ, уроковъ необязательныя „старанія“. Такъ въ договорѣ 1870 г. съ К^о Кузнецова и Щеголевыхъ южно-енисейскаго округа сказано: „когда сверхъ урочныхъ работъ пожелаемъ мы стараться на торфахъ или пескахъ въ будничные или праздничные дни послѣ окончанія обязательныхъ... урочныхъ выработокъ, то за выработанную такимъ образомъ кубическую сажень торфовъ и песковъ съ промывкою послѣднихъ компанія должна платить“, какъ въ праздничные дни. Въ 1871 г. управляющій промыслами К^о Малевинскаго предложилъ главной конторѣ, во избѣжаніе накопленія долговъ за рабочими, дозволить: 1) вольное стараніе на золотѣ и 2) вскрытіе торфа изъ отрядной платы въ случаѣ надобности вмѣстѣ съ отрядными рабочими. И то, и другое было разрѣшено ¹⁾. Но иногда золотопромышленникъ предоставлялъ себѣ право *требовать* работы въ усиленномъ размѣрѣ. Такъ напр. по договору золотопромышленника Харченко (1882 г., сѣв.-енис. окр.) были установлены слѣдующіе уроки на торфахъ: до 10 мая на торфахъ талыхъ и мерзлыхъ 2 человека при 1 лошади должны были выработать 1 куб. с., а съ 15 мая $1\frac{1}{2}$ куб. с. Хотя это урокъ весьма значительный, но въ договорѣ сказано было слѣдующее: „если управленіе выгоднымъ найдетъ производить выработку торфовъ въ увеличенномъ количествѣ, то каждый изъ наемниковъ таковое распоряженіе обязанъ принять безпрекословно на слѣдующихъ основаніяхъ, а именно: каждые 2 чело-

¹⁾ Арх. В. И. Базилевскаго въ Енисейскѣ, операція 1870 — 71 г., дѣло по описи № 11.

вѣка при 1 лошади обязаны выработать каждодневно въ будни и праздники по 2 (!) куб. с., изъ которыхъ 1 должна считаться хозяйскою, а другая* старательскою и оплачиваться повышенною платою. „Помянутыя въ семъ пунктѣ работы называются отрядными, а потому и должны производиться артелями, количество которыхъ опредѣляется управленіемъ, а также управленію предоставляется право назначенія людей по своему выбору; отказываться же никто не имѣетъ права, а также и настоятельно требовать въ оную назначенія“. Обыкновенно такими отрядными работами занимаются особыя артели рабочихъ, приходящія въ тайгу и заключающія контракты на вскрышу торфа; установленіе же подобныхъ артелей отрядныхъ рабочихъ по желанію присковскаго управленія мы встрѣтили въ Енисейскомъ округѣ только въ контрактѣ Харченко.

Переходя къ вопросу о вознагражденіи за трудъ присковскихъ рабочихъ, мы остановимся прежде всего на мѣсячномъ жалованьи. Въ 60-ые годы мѣсячное вознагражденіе для горныхъ рабочихъ было въ обычаѣ лишь въ зимнюю операцію. Теперь, послѣ того, какъ прежнія старательскія работы окончательно слились съ „хозяйскими“, мы встрѣчаемъ мѣсячное жалованье и для горнорабочихъ.

По контракту съ К^о Хотимскаго и Ячменева (1871 г., южн.-енис. окр.) они должны были получать съ 10 сентября по 1 мая 7 р., а съ 1 мая по 10 сентября не менѣе 15 р. въ мѣсяцъ. По договору 1872 г. съ Игн. Кытмановымъ (сѣв.-енис. окр.) забойщики должны были получать 20 р., возчики песковъ и турфовые вообще, „какъ и при другихъ занятіяхъ“, отъ 15 до 18 р. съ начала промывки песковъ, а зимою 8—10 р. въ мѣсяцъ. По договору съ тѣмъ же Кытмановымъ 1884 г., жалованье горнорабочихъ нѣсколько выше: до 10 мая за вскрышу торфовъ они должны были получать 10—12 р. въ мѣсяцъ, а съ 10 мая по 1 октября забойщикамъ, свальщикамъ и промывальщикамъ полагалось 20—22 р.¹⁾, возчикамъ 18—19 р. въ мѣсяцъ, люковщикамъ и пробщикамъ 17—18 р., галечнымъ и эфельнымъ 14—16 р. По договору съ Харченко (1882 г., сѣв.-енис. окр.) плата нѣсколько менѣе: до 10 мая рабочіе на торфахъ должны были получать 8—12 р., а съ 15 мая до 1 октября на торфахъ забойщикъ 17—18 р., возчики 16—17 р. а на пескахъ забойщики 18—20 р., возчики 17—18 р., при отвозѣ гальки и эфеля 14—16 р. По договору съ К^о Базилевскаго и Малевинскаго (1878 г. сѣв. енис. окр.) рабочіе зимою до 1 апрѣля должны были получать 6—10 р. въ мѣсяцъ, съ апрѣля до промывки 10—15 р., а затѣмъ на торфахъ и пескахъ поденную плату. Въ договорахъ Асташева 1870 и 87 гг. при обозначеніи мѣсячной платы указано, что мѣсяцъ долженъ былъ считаться въ 30 рабочихъ дней.

На ортовыхъ (подземныхъ) работахъ по договору Черныхъ (1870 г., южн.-енис. окр.) до открытія промывки забойщики и откатчики песковъ изъ орты должны были получать по 7 р. въ мѣсяцъ. По договору Дрямина (1890 г.) на присковъ Вознаграждающемъ (сѣв.-енис. окр.) рабочимъ за ортовую работу пола-

¹⁾ Въ подписяхъ къ договору съ Кытмановымъ (1885 г.) встрѣчаемъ также плату въ 23 и 25 р.

галось съ 1 октября по 1 мая 8—12 р. въ мѣсяцъ, а съ 1 мая по 1 октября отъ 12 р. до 20 р. 50 к. по разрядамъ, опредѣленіе которыхъ должно было зависѣть отъ управленія, смотря „по работѣ и усердію къ ней“. Въ 1891 г. пріискъ этотъ принадлежалъ Сѣкистову, и по контракту съ нимъ рабочіе должны были получать въ зимнюю операцію 10—12 р., а въ лѣтнюю 15—23 р. По словамъ хозяина пріиска, забойщики получали лѣтомъ 22—25 р., возчики около 22 р.

Въ шурфовыхъ и поисковыхъ партіяхъ по договору съ К^о Кузнецова и Шеголевыхъ (1870 г., юж. енис. окр.) назначена была рабочимъ плата, „по усмотрѣнію компаніи“, отъ 15 до 25 р. въ мѣсяцъ „съ тѣмъ, что за эту плату они обязаны работать непремѣнно дни мѣсяца будничные и праздничные и никакой особой платы за праздничные дни, равно какъ никакого старанія не требовать“. По договору съ Асташевымъ (1875 г., южна.-енис. окр.) рабочіе въ развѣдочныхъ и поисковыхъ партіяхъ въ зимніе и осенніе мѣсяцы должны были получать плату по 6 р., а въ весенніе и лѣтніе 15—20 р., „включая въ то число и праздничные дни“, въ которые они должны были работать обязательно, не требуя повышенной платы. На пріискахъ Базилевскаго и Малевинскаго (въ сѣверной части енис. окр.) въ операцію 1874—75 г. въ развѣдкахъ было назначено мѣсячное жалованье рабочимъ 7—10 р. Такое же жалованье полагалось въ поисковыхъ и развѣдочныхъ партіяхъ въ лѣтнее время по договору 1888 г. съ К^о Иваницкаго, Жили и Потапова (южна. енис. окр.).

Въ нѣкоторыхъ контрактахъ горнорабочіе не выдѣляются изъ числа другихъ рабочихъ, и при томъ указывается лишь въ общихъ чертахъ maximum и minimum платы рабочимъ. Такъ по договору съ К^о Базилевскаго и Черемныхъ (1890 г., южна. енис. окр.) рабочіе „за общую работу“ съ 1 октября по 1 мая должны были получать отъ 8 до 15 р. въ мѣсяцъ, „смотря по усердію и старанію“, а съ 1 мая по 1 октября отъ 13 р. 50 к. до 24 р., „по 8 разрядамъ, опредѣленіе коихъ вполне должно зависѣть отъ управленія по работѣ и усердію къ ней. Въ случаѣ, если кто выговоритъ особую плату, то должно быть оговорено при подписи.“ По договору же съ Базилевскимъ 1891 г., при наймѣ на его промысла сѣверно-енисейскаго округа, опредѣлена плата зимою отъ 9 до 14 р., а лѣтомъ отъ 12 до 22 р. въ мѣсяцъ. Такое неопредѣленное назначеніе рабочей платы въ контрактѣ очевидно слишкомъ мало гарантируетъ интересы рабочихъ и оставляетъ большой просторъ произволу пріискаго управленія.

Въ отчетахъ горныхъ исправниковъ мы находимъ данныя о мѣсячномъ жалованіи „чернорабочихъ“, подъ которыми, очевидно, разумѣются горнорабочіе. Въ южно-енисейскомъ округѣ, по отчету 1880 г., они получали зимою 6—9 р., а лѣтомъ, т.-е. со времени промывки, 9—24 р.; по отчетамъ 1883—85 гг., зимою 7—14 р., а лѣтомъ „въ будни отъ 15 до 25 р., въ праздники отъ 30 до 45 р.“, т.-е. это означаетъ, что за 30 буднихъ дней рабочіе получали отъ 15 до 25 р., а въ праздничные дни повышенную плату отъ 1 р. до 1 р. 50 к. въ день. По отчету 1888 г., чернорабочіе получали зимою 6—10 р., лѣтомъ 12—22 р., по отчету 1889 г., зимою 8—10, лѣтомъ 15—22 р., по отчету 1890 г., „средняя заработная плата“ чернорабочихъ зимою 8—10 р., лѣтомъ 18—22 р. Въ сѣверно-енисейскомъ округѣ, по отчетамъ горнаго исправника за 1881—82 гг., чернорабочіе получали въ мѣсяцъ платы отъ 8 до 30 рублей. По даннымъ за 1891 г., рабочіе получали

зимой въ обѣихъ частяхъ Енисейскаго округа 8—10 р., а лѣтомъ въ сѣверной части 18—27 р., а въ южной 15—22 р. мѣсячнаго жалованья. „Вольные рабочіе“, т.-е. вѣроятно отрядные, нанимавшіеся преимущественно на вскрышу торфа, получали въ сѣверно-енисейскомъ округѣ отъ 20 до 25 р. и рѣдко до 28 р. По свидѣтельству окружного инженера южноенисейскаго округа, рабочіе получаютъ тамъ мѣсячное жалованье (лѣтомъ?) отъ 18 до 25 р., а въ сѣверно-енисейскомъ округѣ, по словамъ г. Внуковского, зимою 8—12 р. въ мѣсяцъ, лѣтомъ 18—25 р. ¹⁾

Въ 80-хъ годахъ, по свидѣтельству г. Уманьскаго, лѣтнее жалованье конюхамъ, забойщикамъ и подкатчикамъ доходило до 22 р. въ мѣсяцъ, а на крупныхъ прискахъ до 24 р., возчикамъ и различнымъ чернорабочимъ 15—18 р., весной въ апрѣлѣ мѣсяцъ рабочіе первой категоріи получали 12 р., второй 8 р. Для средняго рабочаго, какимъ г. Уманьскій считаетъ подкатчика, наиболѣе обычная мѣсячная плата была весной 10 р., лѣтомъ 21 р. (мѣсяцъ считали въ 30 рабочихъ дней). По словамъ г. Чудновскаго, среднее жалованье забойщика въ мѣсяцъ въ лѣтнее время на торфахъ 19—20 р., возчика 17—18 р., на пескахъ же забойщикъ получалъ 22—24 р., возчикъ 18—19 р., другіе рабочіе 15—18 р. ²⁾

Мѣстный золотопромышленникъ г. Саввинныхъ, сравнивая вознагражденіе за трудъ въ 50-хъ и 80-хъ годахъ, говоритъ: „какъ могъ быть довольнымъ своимъ положеніемъ въ то время (въ первой половинѣ 50-хъ годовъ) рабочій на прискахъ, когда онъ получалъ зимой и лѣтомъ плату отъ 3 до 4 р. 50 к. въ мѣсяцъ? Есть ли что-нибудь схожее въ положеніи, прежняго рабочаго съ положеніемъ нынѣшняго получающаго въ мѣсяцъ зимой отъ 9 до 15 р. и лѣтомъ отъ 18 до 34 р.? ³⁾ Но дѣло въ томъ, что хотя, какъ мы увидимъ, *легальные* заработки рабочаго въ настоящее время выше, чѣмъ въ 50-ые года (нелегальные, похищеніе золота, нужно думать, сильно уменьшились съ истощеніемъ присковъ Енисейскаго округа), но во всякомъ случаѣ не въ такой степени, какъ это можно думать на основаніи размѣровъ жалованья, указанныхъ г. Саввинныхъ. Онъ не поясняетъ, что прежнее жалованье 3 р.—4 р. 50 к. въ мѣсяцъ представляло лишь вознагражденіе за такъ называемую хозяйскую или урочную работу, и оно дополнялось гораздо болѣе значительнымъ вознагражденіемъ за старательскій трудъ; а жа-

¹⁾ „Вѣстн. Золот.“ 1892 г. № 16, стр. 225 и ст. г. Ячевскаго въ „Горномъ Журналѣ“ 1892 г., августъ—сентябрь; „Вѣст. Золот.“ 1893 г. № 15, стр. 247; 1896 г. № 7, стр. 149.

²⁾ Уманьскій стр. 69—70; С. Чудновскій. „Енисейская губернія“, Т. 1885 г. стр. 108; ср. „Сибирь“ 1878 г. № 36, стр. 5, 1881 г. № 29, стр. 5, „Сибирская Газета“ 1888 г. № 2, стр. 43.

³⁾ „Сибир. Вѣст.“ 1890 г. № 66.

лованье, указываемое г. Саввинныхъ для настоящаго времени, заключается въ себѣ, по крайней мѣрѣ, относительно чернорабочихъ, и прежнюю старательскую плату ¹⁾).

Относительно мѣсячнаго жалованья мастеровыхъ и, такъ называемыхъ, разночинцевъ мы имѣемъ свѣдѣнія, во-первыхъ, въ контрактахъ, а во-вторыхъ, въ особыхъ „окладахъ“ или „назначеніяхъ“ относительно вознагражденія на томъ или другомъ пріискѣ. Въ контрактахъ очень часто опредѣлялось жалованье только въ зимнее время, а относительно лѣта указывалась лишь прибавляемая къ этому мѣсячному жалованью старательская плата.

Такъ по договору съ Базилевскимъ 1870 г. опредѣлено, что за производство ремесленныхъ работъ и конюхамъ назначеніе платы зависитъ отъ управленія, и затѣмъ указано назначенное имъ вознагражденіе въ зимніе мѣсяцы отъ 6 до 12 р., съ открытія же промывки по усмотрѣнію управленія прибавляется еще такъ называемая старательская плата. По контрактамъ 70-хъ годовъ на нѣсколькихъ промыслахъ Енисейскаго округа зимнее вознагражденіе мастеровымъ и разночинцамъ было почти совершенно одинаково: кузнецамъ 8—12 р., плотникамъ и столярамъ 7—12 р., хлѣбопекамъ 8—12 р. На пріискахъ Базилевскаго (Маріинскомъ, Константиновскомъ и Татьянинскомъ сѣв.-енис. окр.) въ 1871 г. весной съ 1 апрѣля до начала промывки рабочіе по „назначеніямъ платы“ получали повышенный сравнительно съ зимою мѣсячный окладъ: кузнецы 15—20 р., плотники 12—17 р., молотобойцы 10—12 р., хлѣбопеки 10—18 р., кашевары 10—12 р., конюхи 10—15 р. Въ лѣтнее время въ 1871 г. отъ начала промывки до 11 сентября на Маріинскомъ пріискѣ Базилевскаго одни рабочіе получали такую же или почти

¹⁾ Впрочемъ, въ нѣкоторыхъ контрактахъ 70-хъ и 80-хъ годовъ можно встрѣтить прежнее ничтожное мѣсячное жалованье, которое дополнялось въ такихъ случаяхъ особымъ добавочнымъ вознагражденіемъ. Такъ по контракту съ Асташевымъ 1870 г. назначено было чернорабочимъ зимою до открытія промывки золота жалованье по 3 р. въ мѣсяцъ, какими бы работами они ни занимались, а съ начала промывки было назначено *сверхъ того* за выполненіе опредѣленныхъ уроковъ поденная и праздничная плата. Разница прежней и новой системы наглядно видна изъ расчетныхъ книгъ Асташева: такъ въ расчетной книгѣ по Сергіевскому пріиску 1870—71 г. мы встрѣчаемъ чаще всего мѣсячное жалованье отъ 3 р. до 7 р. 50 к. и лишь изрѣдка болѣе—12—18 р., но за то находимъ еще значительный заработокъ на старательскихъ работахъ, который въ суммѣ для всѣхъ рабочихъ почти равнялся мѣсячной платѣ. Напротивъ, въ расчетной книгѣ 1881 г. по управленію Гудкова совсѣмъ не встрѣчаемъ трехрублеваго жалованья, а находимъ оклады въ 6—30 р., но за то совсѣмъ отсутствуютъ старательскіе заработки. По договору съ К^о Иванецкаго, Жилла и Потапова (1888 г. юж. енис. окр.) *сверхъ* „хозяйскихъ“ уроковъ назначены были еще „старательскіе уроки“ на торфахъ и пескахъ (по $\frac{1}{4}$ куб. с. торф. или по 10 таратаекъ песковъ), за которые для понужденія рабочихъ къ выработкѣ большихъ уроковъ и установлено было двойное вознагражденіе. „Чернорабочіе, состоящіе на земляныхъ урочныхъ работахъ“, сказано въ этомъ контрактѣ, „за исполненіе хозяйскихъ уроковъ получаютъ въ мѣсяцъ съ 1 мая по 1 октября по 3 р. 15 к., съ 1 октября по 1 мая 4 р.“, считая 30 буднихъ дней труда, а за „старательскія работы“ производится особая повышенная плата съ сажени или поденно.

такую же мѣсячную плату, но съ прибавленіемъ повышенной поденной платы въ праздники (1 р.—2 р. 50 к.) или нѣсколько повышенное мѣсячное жалованье (напр. сторожа весною 10—12 р., а лѣтомъ 18 р.), но уже безъ старательской платы; на прискахъ же Константиновскомъ и Татьянинскомъ „разночинцы“ и ремесленники получали поденную плату (въ праздники повышеннаго размѣра). На Прокопьевскомъ прискѣ Асташева и Дополнительномъ къ нему участкѣ разночинцы и ремесленники получали въ 1872 г. слѣдующее мѣсячное жалованье: кузнецы зимою 9—25 р., лѣтомъ 14—25 р., слесарь весь годъ по 25 р., плотники зимою 7—12 р., лѣтомъ 13—25 р., молотобойцы зимою 8—9 р., лѣтомъ 14—15 р., хлѣбопеки зимою 8—10 р., лѣтомъ 12—15 р., кашевары зимою 8, лѣтомъ 15 р., конюхи зимою 8 р., лѣтомъ 15—16 р., причемъ никакой старательской платы лѣтомъ не полагалось ¹⁾.

По отчетамъ горнаго исправника южно-енисейскаго округа (а съ 1888 г. окружныхъ инженеровъ), жалованье мастеровымъ (плотникамъ, кузнецамъ, шорникамъ и пр.) равнялось въ 1880 г. зимою 9—16 р., лѣтомъ 12—26 р., въ 1883—85 гг. кузнецамъ зимою 14—20 р., лѣтомъ 20—30 р., плотникамъ зимою 10—20 р., лѣтомъ 19—30 р.; въ 1888—89 гг. кузнецамъ зимою 10—12 р., лѣтомъ 18—25 р., плотникамъ зимою 10—15 р., лѣтомъ 18—25 р. По отчетамъ исправника сѣверно-енисейскаго округа, въ 1881 г. кузнецы получали 10—30 р., плотники 10—23 р.; въ 1882 г. плотники 10—35 р. По свидѣтельству г. Ячевскаго (1891 г.) мастеровые—плотники и кузнецы, нанмаившіеся по особому контракту, получали жалованья отъ 25 р. до 40 р. По словамъ г. Внуковскаго, въ сѣверно-енисейскомъ округѣ мастеровые (плотники, кузнецы, шорники и др.) получаютъ 25—35 р. въ мѣсяцъ. ²⁾ Слѣдовательно, плата мастеровымъ за послѣднюю четверть вѣка несомнѣнно повысилась.

Мѣсячное жалованье женщинъ было, какъ и въ другихъ системахъ, ниже вознагражденія за мужской трудъ.

На Константиновскомъ прискѣ Базилевскаго (сѣв.-енис. окр.) въ 1871 г., стрипки получали съ 1 апрѣля по 11 сентября 3—6 р. (но стрипка управляющаго 13 р.), прислуга служащихъ и управляющаго 5—6 р., прачки 6 р. мукосѣйки и кусочницы по 3 р., на Татьянинскомъ и Преображенскомъ прискахъ его же женщины получали въ 1871 г. въ апрѣлѣ 3—6 р., а затѣмъ лѣтомъ поденную плату, кромѣ стрипокъ, которыя получали 4—10 р. въ мѣсяцъ. Зимою 1874—75 г. на прискахъ Малевинскаго (сѣв. енис. окр.) женщинамъ платили 3—8 р. въ мѣсяцъ. На Петропавловскомъ прискѣ Кытманова женщины получали въ 1882—83 г.: зимою 3—6 р., лѣтомъ 5—18 р. въ мѣсяцъ. На Прокопьевскомъ промыслѣ и Дополни-

¹⁾ По нѣкоторымъ контрактамъ назначеніе мѣсячнаго жалованья нѣкоторыхъ разрядовъ рабочихъ предоставлялось усмотрѣнію промисловаго управленія; по контракту съ К^о Иванцкаго, Жилия и Потапова (1888 г. южн. енис. окр.) разночинцамъ, а по договору съ Востротиннымъ (1880 г. сѣв.-енис. окр.) ремесленникамъ и конюхамъ.

²⁾ „Вѣст. Золот.“ 1896 г. № 7; стр. 149.

тельномъ къ нему участіѣ Асташева мѣсячное жалованье женщинъ въ 1872 г. равнялось зимою 4—6 р., лѣтомъ 6 р. По отчетамъ горнаго исправника сѣверно-енисейскаго округа женщины получали въ 1881 г. 3—18 р., въ 1882 г. 3—15 р. въ мѣсяцъ; въ южно-енисейскомъ округѣ, по отчетамъ исправника, въ 1884—85 гг. зимою 3—8 р., лѣтомъ 6—18 р., въ 1888—89 гг. зимою 3—5 р., лѣтомъ 7—15 р.

Что касается вознагражденія несовершеннолѣтнимъ, то на прискахъ Базилевскаго (сѣв.-енис. окр.) въ 1872—73 гг., мальчики получали, смотря по возрасту, 3—6 р., а на Петропавловскомъ прискѣ Кытманова (сѣв.-енис. окр.) несовершеннолѣтнимъ платили лѣтомъ 1873 г. 15—17 р. въ мѣсяцъ. Вообще, по отчетамъ горныхъ исправниковъ въ сѣверно-енисейскомъ округѣ, несовершеннолѣтніе получали въ 1881—82 гг. 3—18 р., а въ южноенисейскомъ въ 1883—85 гг. лѣтомъ 9—18 р., въ 1889 г. 9—12 р.

Кромѣ общеcontrактныхъ, на прискахъ бываютъ окладные и отрядные рабочіе, приходящіе въ тайгу въ началѣ мая на собственный счетъ и нанимающіеся на болѣе выгодныхъ условіяхъ. Окладные получали въ 80-хъ годахъ жалованья отъ 25 до 35 р. въ мѣсяцъ, и оно выдавалось помѣсячно, а не за 30 дней.¹⁾ Въ 1887 году вслѣдствіе счастливой операціи и обилія золота плата вольнымъ рабочимъ доходила до 40 р., за то въ предшествовавшемъ году они возвращались домой съ пустыми руками, не найдя работы на промыслахъ²⁾.

Сравнительно съ 60-ми годами мѣсячное вознагражденіе рабочихъ сдѣлалось явленіемъ болѣе частымъ, напротивъ, вознагражденіе съ сажени добытаго торфа или добытаго и промытаго песка стало менѣе распространеннымъ; это находится несомнѣнно въ связи съ окончательнымъ соединеніемъ старательскихъ работъ съ „хозяйскими“. Тѣмъ не менѣе мы все-таки встрѣчаемъ въ контрактахъ Енисейскаго округа вознагражденіе съ куб. сажени.

Такъ, въ общемъ контрактъ съ Фунтусовымъ (1870 г. сѣв.-енис. окр.) за вскрышу 1 куб. с. торфа съ откаткою въ отваль 2 рабочими назначено въ будни 1 р., въ праздники 2 р., при 1 лошади въ будни 80 к., въ праздники 1 р. 60 к. По договору Кытманова (1872 г. сѣв. енис. окр.) за вскрышу 1 куб. с. торфа съ откаткою на тачкахъ платили 2 рабочимъ въ будни 1 р., въ праздники 1 р. 50 к., а при 1 хозяйской лошади въ будни 80 к., въ праздники 1 р. Слѣдовательно, на cadaго человека приходилось въ будни 40—50 к., въ праздники 50—75 к. За добычу песковъ, вывозку на машину и промывку съ уборкой эфеля и гальки за каждую выработанную и промытую сажень въ будни 1 р. 20 к. на человека, а въ праздники и воскресенье плата неизвѣстна, такъ какъ въ контрактѣ оставлено пустое мѣсто, несмотря на то, что онъ былъ засвидѣтельствованъ волостнымъ правленіемъ. Такъ какъ по контракту 1870 г. для исполненія всѣхъ этихъ работъ

¹⁾ Уманьскій, стр. 111.

²⁾ „Сиб. Вѣстн.“ 1887 г. № 94, стр. 3.

полагалось по 3 ч. на 1 к. с. въ день, то, слѣдовательно, рабочіе по контракту Кытманова 1872 г. на пескахъ могли заработать въ среднемъ лишь по 40 к.; размѣръ праздничнаго заработка неизвѣстенъ. По договору съ Асташевымъ (1870 г. сѣв.-енис. окр.) рабочіе за выработку 1 к. с. на двоихъ съ 1 хозяйскою лошады должны были получать въ будни 60 к., въ праздники 1 р. 20 к. (т.-е. на человѣка въ будни по 30 к., въ праздники по 60 к.) за выработку въ будни болѣе сажени полагалась „старательская“ плата въ размѣръ праздничнаго вознагражденія по 1 р. 20 к. съ сажени.

Если мы припомнимъ данныя о вознагражденіи за добычу торфа въ сѣверпо-енисейскомъ округѣ въ 60-хъ годахъ, то увидимъ, что плата при конной отвозкѣ мало измѣнилась, при ручной же откаткѣ, хотя вознагражденіе съ *сажени* осталось почти то же, но за то урокъ, который назначался прежде на трехъ, стали давать на 2 человѣкъ, т. е., трудъ сталъ интенсивнѣе, и, слѣдовательно, увеличеніе вознагражденія на каждаго работника сопровождалось увеличеніемъ напряженности работы.

Оригинальное условіе, какъ было уже упомянуто, мы находимъ въ договорѣ съ золотопромышленникомъ Харченко (1882 г., сѣв. енис. окр.). За выработку урока на торфахъ (до 10 мая по 1 куб. с. на 2 человѣкъ при 1 хозяйской лошади, а съ 15 мая по 1 октября по 1^{1/2} куб. с. на торфахъ, а также при добычѣ и промывкѣ песковъ) рабочіе получали мѣсячное жалованье; но управленіе предоставляло себѣ право „производить выработку торфовъ въ увеличенномъ количествѣ“, а именно по 2 куб. с. на 2 человѣкъ при 1 лошади; при этомъ 1 с. должна была считаться хозяйскою, а другая старательскою, и за первую рабочіе должны были получать по 80 к., а за вторую по 1 р. 60 к., раздѣляя эту плату на обоихъ рабочихъ поровну, слѣдовательно, при такой работѣ рабочіе могли получать по 1 р. 20 к. каждый въ день, но едва ли многіе могли вырабатывать по 1 куб. с. торфа на каждаго рабочаго и едва ли такое чрезмѣрное напряженіе силъ могло продолжаться долго.

Въ контрактѣ съ Вилимовскимъ (1870 г. южн.-енис. окр.) установлены весьма тяжелыя условія относительно вознагражденія за трудъ (какъ и относительно размѣра урока). За вскрышу 1 куб. сажени торфа *ручнымъ откатомъ* 2 рабочими платили въ будни 95 к., въ воскресенье и праздники 2 р.; за вскрышу 1 куб. с. на хозяйской лошади съ отвозкою въ отвалъ 2 рабочими *мерзлаго* торфа 80 к. въ будни и 1 р. 60 к. въ праздники, при чемъ мерзлымъ считался лишь тотъ торфъ, „когда мерзлота залегаеетъ не менѣе $\frac{3}{4}$ арш. по стѣнѣ забоя“; за выработку 2 рабочими на 1 хозяйской лошади талаго торфа полагалась уже меньшая плата—50 к. въ будни и 1 р. 20 к. въ праздники съ сажени (за выработку сверхъ урока въ будни платили какъ въ праздники). Если же при 1 лошади на выработку 1 с. торфа потребуется болѣе 2 человѣкъ, то это считалось уже *гѣнностью*, и въ такомъ случаѣ была назначена еще меньшая, никогда не встрѣчавшаяся намъ плата 40 к. съ сажени въ будни (въ праздники 1 р.). При промывкѣ песковъ на машинѣ 2 человѣка, считая въ томъ числѣ забойщика, возника

и промывальщика, должны были получать за каждую добытую и промытую сажень 80 к. въ будни и 1 р. 60 к. въ праздники; за сверхурочную выработку песковъ въ будни назначена была праздничная плата, но лишь въ томъ случаѣ, если на пару лошадей вырабатывалось не менѣе 1 лишней куб. с. По договору Черныхъ (1870 г. южн.-енис. окр.), рабочіе на Александровскомъ прискѣ за вскрышу 1 к. с. на 2 человекъ при 1 лошади должны были получать 70 к., а за выработку сверхъ урока 1 р. 70 к. съ сажени, при чемъ о повышенной платѣ въ праздники не упомянуто.

По договору съ комп. Кузнецова и Шеголевыхъ (1870 г. южн.-енис. окр.) плата съ сажени производилась лишь въ праздничные дни (въ будни же полагалось мѣсячное жалованье), а именно, зимою и лѣтомъ за добычу и отвозку 1 к. с. торфа 2 рабочими при 1 лошади 2 р., а ручнымъ откатомъ 3 р.; лѣтомъ за 1 к. с. промытыхъ въ праздники песковъ по 3 р. съ сажени.

„Вскрыша турфовъ въ лѣтнее время“, говоритъ г. Ячевскій, „производится обыкновенно урочными работами“ (общеконтрактными рабочими), „осенью же и зимою чаще задѣльно, такъ называемыми турфовщиками“. Плата такимъ отряднымъ рабочимъ, нанимавшимся почти исключительно для вскрыши торфа, иногда выше, по крайней мѣрѣ въ будни, чѣмъ общеко́нтрактнымъ, что отчасти объясняется большею трудностью работы осенью и весною сравнительно съ лѣтней работой. Иногда въ такихъ контрактахъ совершенно уничтожается различіе въ вознагражденіи между будними и праздничными днями. Въ контрактахъ съ отрядными рабочими, обыкновенно, также назначается minimum ежедневной выработки, но съ оговоркой о возможности большей выработки, иногда за повышенную плату, а не то прямо назначается задѣльная плата съ сажени.

По договору съ Асташевымъ „на отрядную вскрышу торфа“ (1875 г. южн.-енис. окр.) 2 человекъ съ 1 хозяйскою лошадию обязывались вырабатывать не менѣе 1 куб. с. съ платою 1 р. 50 к. за 1 с., какъ въ будни, такъ и въ праздники. Въ договорѣ съ Асташевымъ 60-хъ годовъ (1862, 65, 67 гг.) плата на торфахъ отряднымъ рабочимъ колебалась отъ 80 к. до 1 р. съ сажени въ будни и отъ 1 р. 70 к. до 3 р. въ праздники (на 2 рабочихъ при 1 хозяйской лошади). Сравнительно съ этимъ вознагражденіемъ плата 1 р. 50 к. съ сажени въ будни и праздники, назначенная по договору 1875 г., конечно, выше. По этому послѣднему договору рабочіе должны были вскрывать торфъ съ 11 сентября „до того времени, пока не будетъ возможности работать по случаю мерзлоты“. По договору съ Асташевымъ 1887 г. „отрядная вскрыша торфа“ должна была производиться еще поздѣе—въ октябрь мѣсяцъ, и потому вслѣдствіе болѣе трудной выработки въ осеннее время плата съ сажени въ будни и праздники назначена еще выше—по 2 р., но вслѣдствіе исполненія работы въ болѣе позднее время пришлось оговорить возможность выработки менѣе 1 к. с. на 2 человекъ съ хозяйскою лошадию (въ нижнемъ пластѣ торфа; въ ненастную же погоду даже $\frac{1}{2}$ саж. на 2 человекъ), слѣдовательно, дневной заработокъ каждаго рабочаго могъ быть и не выше, чѣмъ въ 1875 г.

Въ сѣверной части Енисейскаго округа, по договору съ Базилевскимъ 1872 г., отрядные рабочіе должны были получать въ будни за сажень торфа при

конной отвозкѣ 70 к., а въ праздники и за выработку сверхъ урока въ будни по 1 р. 40 к.; по договору 1875 г. плата еще ниже,—65 к. въ будни и 1 р. 35 к. въ праздники. По контракту 1878 г. рабочіе, нанявшіеся для отрядныхъ работъ на вскрышу торфа, обязывались добывать на 2 человекѣ при 1 лошади не менѣе 1¹/₂ к. с., причѣмъ и получали 1 р. за куб. сажень, а по договору съ тѣмъ же Базилевскимъ 1882 г., при ежедневномъ урокѣ отъ 1 до 2 к. с., назначено было вознагражденіе 1 р. 20 к. съ сажени безъ различія въ будни и праздники ¹⁾. Въ 60-хъ годахъ по договорамъ съ тою же компаніей (тогда комп. Малевинскаго, 1866, 68 и 69 гг.) за 1 куб. с. платили въ будни 2 человекѣмъ при 1 лошади 80 к., въ праздники 1 р. 50 к.—1 р. 80 к. съ сажени. Плата 1878 г. почти та же, что и въ 60-хъ гг., но minimum урока съ 1 с. повысился до 1¹/₂ куб. с. на 2 рабочихъ при 1 лошади, а по договору 1882 г. плата нѣсколько выше (если считать въ извѣстный періодъ времени, напр. въ мѣсяцѣ), но также есть стремленіе натянуть размѣръ ежедневнаго урока до 2 с. въ день на 2 человекѣ. Въ договорахъ съ Кытмановымъ 1872 и 1883 гг. удержано различіе вознагражденія въ будни и праздники: по договору 1872 г. послѣ 11 сентября рабочіе обязались вскрывать каждую куб. саж. торфа на 2 человекѣ и 1 лошадь за плату 1 р. 50 к. въ будни и 3 р. въ праздники, а за выработку въ будни болѣе 1 с. назначена была „старательская“, т.-е. праздничная плата; по договору же 1883 г. рабочіе должны были получать меньшую плату по 1 р. въ будни и по 2 р. въ праздники съ сажени, и также за выработку въ будни болѣе 1 с. на 2 человекѣ имъ давалась праздничная плата. Въ 60-хъ годахъ по договорамъ той же комп. (тогда Рязановыхъ или Рязановыхъ и Баландина, 1863, 65 и 67 гг.) отрядные рабочіе должны были получать за 1 с. торфа 1 р.—1 р. 40 к. въ будни и 2 р.—2 р. 40 к. въ праздники; слѣдовательно, въ 1872 г. плата была повышена сравнительно съ 60-ми годами, а въ 1883 г. понижена до minimum'а платы 60-хъ годовъ. Судя по свидѣтельству г. Уманскаго, можно думать, что плата отряднымъ рабочимъ съ сажени во второй половинѣ 80-хъ гг. была вообще не выше, а скорѣе ниже, чѣмъ въ 60-хъ годахъ. „Обыкновенно отрядные“, говоритъ г. Уманскій, „обязываются по контракту при 2 людяхъ вывести въ день 1 куб. с. земли, за что получаютъ отъ 80 к. до 1 р., смотря по свойству почвы и разстоянію отвоза. За землю, вывезенную сверхъ обязательной сажени, что соответствуетъ прежнимъ общимъ старательскимъ работамъ, они получаютъ двойную плату, а за недовозъ дѣлается двойной вычетъ“. Въ 60-хъ годахъ средняя плата для отрядныхъ рабочихъ на торфахъ равнялась съ сажени 86 к. въ будни, но за то была повышенная плата въ праздники, о которой теперь г. Уманскій не упоминаетъ, какъ о явленіи, по его словамъ, рѣдкомъ. Если однако г. Уманскій утверждаетъ, что при такихъ условіяхъ отрядной сильный и ловкій рабочій могъ заработать въ мѣсяцъ отъ 35 до 40 р., то это могло быть достигнуто лишь страшною напряженностью труда; отрядные или рабочіе средней силы зарабатывали, по его словамъ, 25—30 р. въ мѣсяцъ ²⁾.

¹⁾ Г. Уманскій указываетъ на это, какъ, на явленіе весьма распространенное: „Прежде“, говоритъ онъ, воскресенья и праздники „работали съ увеличенною платою“, но теперь это почти вышло изъ моды“ (стр. 119).

²⁾ Отличается отъ другихъ контрактовъ вознагражденіемъ за трудъ договоръ К^о Иваницкаго, Жилия и Потапова (1888 г. юж.-енис. окр.). Урочною работою считалась на двухъ при 1 лошади добыча торфа зимою 1 куб. с., лѣтомъ 1¹/₄ к. с. (а при ручной откаткѣ 3 людьми) или добыча и отвозка на машину такого же количества песку; за исполненіе такого урока рабочіе получали мѣсячное жалованье 3 р. 15 к.—

По словам г. Внуковского, отрядные рабочіе сѣверно-енисейскаго округа зарабатываютъ теперь до 35 р. въ мѣсяцъ ¹⁾.

Очень распространена была прежде на промыслахъ Енисейскаго округа поденная плата, обыкновенно неодинаковая, въ будни и въ праздники; она назначалась и горнымъ рабочимъ, и мастеровымъ, и разночинцамъ.

Весьма обычною была она на промыслахъ В. И. Базилевскаго. По договору съ нимъ (1870 г.), до открытія промывки горнорабочіе должны были получать на торфахъ въ будни по 10 к. ²⁾, въ праздники по 50 к.; при добычѣ и отвозкѣ песковъ забойщики, свальщики въ бочки и промывальщики 1-го разряда должны были получать въ будни по 40 к., а въ „старательскіе“ (т.-е., праздничные) дни по 1 р. 25 к.; возчики песковъ въ будни по 35 к., въ праздники 1 р.; отвозчики гальки и эфеля, пробщики и промывальщики 2-го разряда въ будни 35 к., въ праздники 80 к.; отвальные на галькѣ и эфеляхъ, уборщики камней отъ забоевъ, караульные при машинахъ въ будни 25 к., въ праздники 80 к.; при всѣхъ прочихъ работахъ чернорабочій получалъ ежедневно до промывки 10 к., а въ старательскіе дни 50 к., съ начала же промывки „въ горныхъ поторжныхъ работахъ“ 35 к. въ будни и 80 к. въ старательскіе дни; ремесленникамъ и конюхамъ назначена по этому контракту мѣсячная плата ³⁾. Въ дѣйствительности же плата на промыслахъ Базилевскаго была нѣсколько выше определенной въ этомъ контрактѣ ⁴⁾. Вслѣдствіе этого, въ болѣе позднемъ контрактѣ съ Базилевскимъ и комп. Малевинскаго (1878 г., сѣв.-енис. окр.), мы находимъ нѣкоторое повышение платы, а именно, со времени промывки на торфахъ каждый работникъ долженъ былъ получать въ будни по 40 к., въ старательскіе же дни 1 р. 25 к.; при добычѣ и отвозкѣ песковъ забойщики, свальщики и промывальщики 1-го разряда должны были получать въ будни 50 к., въ старательскіе дни 1 р. 50 к., возчики песковъ 40 к., въ праздники 1 р. 25 к., отвальные гальки и эфеля, пробщики и промы-

4 р. въ мѣсяцъ. Но сверхъ того они были обязаны заработать $\frac{1}{4}$ к. с. „старательскаго урка“ и за него получали на торфахъ зимою 2 р., лѣтомъ 1 р. 50 к., а на пескахъ 2 р. за сажень. Слѣдовательно къ 10—13 коп. платы въ день изъ мѣсячнаго жалованья прибавлялась еще каждому рабочему на торфахъ 16—25 к., на пескахъ 18 к., т.-е. въ суммѣ получался заработокъ, ничтожность котораго прикрывалась хитросплетеніями контракта.

¹⁾ „Вѣстн. Золотопр.“ 1896 г. № 7, стр. 149.

²⁾ По контракту 1875 г. (сѣв. енис. окр.) по 20 к.

³⁾ Напротивъ, по договору съ К^о Фунтусова (1870 г., сѣв.-енис. окр.) мастеровые и разночинцы должны были получать поденную плату, а именно, съ начала промывки машинисты въ будни 50 к., въ праздники 1 р. 50 к., кузнецы въ будни 30—50 к., въ праздники 1 р. — 1 р. 50 к., плотники и конюхи въ будни 30—40 к., въ праздники 1 р.—1 р. 30 к., слесари въ будни 40 к., въ праздники 1 р. 50 к., хлѣбопеки въ въ будни 40 к., въ праздники 1 р.; бондари, кашевары и сторожа въ будни 30 к., въ праздники 1 р.; молотобойцы въ будни 25 к., въ праздники 1. До начала промывки всѣ они должны были получать ежедневно такую плату, какая лѣтомъ полагалась въ будни. Находящіеся въ остальныхъ промысловыхъ работахъ, кромѣ горныхъ, должны были получать 3 р. въ мѣсяцъ, а съ открытіемъ ея — въ будни по 50 к., въ праздники по 80 к. Такова же плата въ договорѣ съ Кытмановымъ 1872 г.

⁴⁾ См. табл. въ Дополненіи IV.

вальщики 2-го разряда въ будни 35 к., въ старательскіе дни 1 р., уборщики камней и караульные при машинахъ въ будни 30 к., въ праздники 80 к. Въ горныхъ поторжныхъ работахъ рабочіе должны были получать съ начала промывки по 35 к. въ будни и по 1 р. въ старательскіе дни, а въ разныхъ поторжныхъ работахъ по приску въ будни по 30 к., въ старательскіе дни 80 к. ¹⁾

Въ южно-енисейскомъ округѣ по договору съ Асташевымъ въ 1887 г. плата была выше, чѣмъ по договору съ нимъ же 1870 г.: за вскрышу торфа лѣтомъ съ 1 мая по 1 октября забойщики и возчики должны были получать въ будни 50 к. (въ 1870 г. 40 к.), въ праздники 1 р.; на пескахъ забойщики, промывальщики и пробщики въ будни 60 к. (въ 1870 г. 40 к.), въ праздники 1 р. 20 к. (въ 1870 г. 1 р.), свальщики въ будни 80 к. (въ 1870 г. 40 к.), въ праздники 1 р. 60 к. (въ 1870 г. 1 р.), разборщики, отвальные въ будни 50 к. (въ 1870 г. 40 к.), въ праздники 1 р., за разные поторжныя работы въ будни 40 к., въ праздники 80 к. (въ 1870 г. въ будни 25 к., въ праздники 1 р.) ²⁾.

По показаніямъ золотопромышленниковъ, поденная плата рабочимъ и мастеровымъ колебалась въ 1894 г. въ южно-енисейскомъ округѣ отъ 35 до 70 к. и въ сѣверно-енисейскомъ отъ 45 к. до 1 р. ³⁾.

Кромѣ обязательныхъ работъ, на всѣхъ прискахъ рабочими добровольно промывалось еще старательское золото. „Добываютъ его рабочіе“, говоритъ г. Уманскій, „послѣ окончанія урочныхъ работъ изъ прежнихъ отваловъ, изъ заброшенныхъ ортъ, а часто и изъ ортъ, еще работающихся, что есть уже кража, часто также съ чужого приска. Промытое въ свободные часы золото это сдается въ контору, причемъ рабочіе получаютъ за него плату большею частью „особыми припасами“. Записывается старательское золото рабочему въ листикъ лишь въ томъ случаѣ если количество его превышаетъ золотникъ, что случается рѣдко ⁴⁾. Кромѣ старательскаго золота, на многихъ прискахъ попадаетъ такъ называемое „подъемное“, за которое выдается „особая плата“. Эта „фартовый“ сторона присковой жизни и возможность частенько добывать старательское золото на выпивку особенно привлекаютъ рабочихъ на приски, заставляя смотрѣть сквозь пальцы на темныя стороны ихъ существованія“. „Практика присковой жизни“,

¹⁾ По договору съ Востротиннымъ (1880 г. сѣв.-енис. окр.) плата нѣсколько меньше.

²⁾ Плату на промыслахъ Шанявскаго (1874 г. юж.-енис. окр.) см. въ табл. *Дополненія IV*.

³⁾ *Шостаковъ*. „Золотопр. въ Томской горной области“. Т. 1896, табл. V.

⁴⁾ Крестьянинъ Реймерсъ въ своемъ заявленіи министру государственныхъ имуществъ говоритъ, что не всегда вознагражденіе за старательское золото рабочій получаетъ деньгами, а вмѣсто того ему выдаютъ порцію спирта и затѣмъ предлагаютъ товарныя вещи, сахаръ, масло и проч. Изъ журнала на записку старательскаго золота на Надеждинскомъ прискѣ купцовъ Крутовскаго и Водовозова (1874 г.) видно, что нѣкоторые рабочіе зарабатывали иногда на золотѣ въ день отъ 15 к. до 4 р., но и здѣсь рабочимъ вмѣсто денегъ выдавалось иной разъ мясо, сало, масло и проч.

говорить г. Уманьскій въ другомъ мѣстѣ, „привела къ необходимости уплачивать рабочему деньги за находимые имъ во время работы самородки изъ-за опасенія утайки ихъ со стороны рабочего“, (стр. 77, 144). Обычай платить за подъемное золото, дающій рабочему возможность нѣсколько увеличивать свой заработокъ, выводитъ изъ себя золотопромышленниковъ и лицъ, служащихъ ихъ интересамъ. какъ напр. горнаго инженера В. Кулибина ¹⁾). Обычай платить за подъемное золото оплачиваютъ золотопромышленники и въ запискѣ, поданной ими въ 1892 г. министру государственныхъ имуществъ.

„Названіе „подъемнаго золота“, сказано въ этой запискѣ, „остается у насъ отъ старыхъ временъ, когда золотопромышленныя компаніи въ силу необходимости должны были разрѣшать рабочимъ поднимать крупныя золотины и самородки, которые, не проходя по своему объему сквозъ промывальныя приборы, не могли быть улавливаемы и потому непроизводительно пропадали въ отвалахъ, а теперь, подъ видомъ „подъемнаго золота“, намъ приходится выкупать у рабочихъ уже мелкое и пылеобразное, которое должно быть отвозимо вмѣстѣ съ песками на машину. Такое золото рабочіе или уносятъ съ песками въ казармы, или промываютъ тутъ же, въ разрѣзахъ,—на лопатахъ, и запретить имъ дѣлать это золотопромышленникъ, въ виду разныхъ угрозъ, стачекъ и открытаго съ ихъ стороны сопротивленія, опять-таки не имѣетъ возможности. Сплошь и рядомъ (?) случается, что рабочіе совершаютъ по ночамъ цѣлые походы (?) съ цѣлью кражи богатыхъ песковъ, а на слѣдующій день или уклоняются отъ работы подъ предлогомъ боѣзни, или просто оказываются пьяными, такъ какъ результатъ ихъ ночного воровства преимущественно реализуется тотчасъ же, благодаря расплодившимся въ тайгѣ скупщикамъ спироторговцамъ.“ Какъ ни непріятенъ золотопромышленникамъ этотъ обычай, но рабочіе умѣютъ отстаивать въ этомъ отношеніи свои интересы. „Изъ-за энергичной охраны отъ хищенія золотосодержащихъ песковъ“, жалуются далѣе золотопромышленники, *„всегда происходитъ цѣлый рядъ серьезныхъ столкновений рабочихъ съ прискоковыми управленіями, и подобныя случаи на бѣдныхъ золотомъ прискахъ обуславливались уже однимъ тѣмъ, что рабочіе, не имѣя возможности поживиться привычною кражею, въ своемъ озлобленіи дѣлали управленію всевозможныя придирки. Выкупая хитиническое золото, называемое рабочими подъемнымъ, золотопромышленникъ допускаетъ и такія уступки, какъ напр., немедленная уплата за него денегъ ²⁾ безъ малѣйшаго намека на возмѣщеніе состоящаго за принесшимъ золото долга, протирающагося иногда до сотни рублей, и уплачиваетъ ему за это золото отъ 2 р. 40 к. до 3 р. за золотникъ, тогда какъ другой разъ, особенно, если прискъ золотопромышленникомъ арендуется, оно самому ему приходится въ 3 р. 50 к. и 4 р. Кроме того, у нѣкоторыхъ золотопромышленниковъ принято еще подавать ^{1/100} ведра даровой водки, но тѣмъ не менѣе все же изъ такого подъемнаго золота владѣльцамъ прискоковъ достается лишь какая-нибудь ^{1/4} или ^{1/2} часть его (?), а остальное уносится рабочими“ ³⁾. Очевидно, рабочіе иначе смотрятъ на это*

¹⁾ См. его замѣчанія на проектъ правилъ о наймѣ рабочихъ въ Арх. Иркут. Горн. Управ.

²⁾ Мы видѣли изъ приведенныхъ выше свидѣтельствъ Уманьскаго и Реймерса что это бываетъ далеко не всегда.

³⁾ Дѣло отд. частн. золотопр. горн. департ. 1882 г. № 80.

дѣло, стараясь такимъ путемъ увеличить свой заработокъ; подобно тому, какъ крестьяне не считаютъ тайный увозъ дѣса кражей, потому что дѣсъ „Божій“, никто его не растилъ, такъ и рабочіе смотрятъ на скрытое въ землѣ золото, какъ на общее достояніе.

Плата за подъемное золото въ теченіе разсматриваемаго періода постепенно возрастала.

По контрактамъ первой половины 70-хъ годовъ она обыкновенно равнялась 1 р.—1 р. 20 к. съ золотника, причемъ иногда дѣлалась оговорка, что эта плата выдается, если найденное золото не превышаетъ $\frac{1}{2}$ ф., за золото же бѣдшаго вѣса и за самородки она выдавалась по усмотрѣнію присковаго управленія. По контракту съ Базилевскимъ (1875 г., сѣв.-енис. окр.) вознагражденіе уже повышено до 1 р. 50 к. съ золотника золота, если оно не тяжелѣе 1 ф.¹⁾ Впрочемъ, въ нѣкоторыхъ контрактахъ вознагражденіе было ниже указанной нормы. Такъ по договору съ Асташевымъ 1870 г. за подъемное золото вѣсомъ до $\frac{1}{2}$ ф. назначена была плата всего по 75 к. за золотникъ, а при большемъ вѣсѣ самородка даже по 50 к.; по договору съ нимъ же 1875 г. (юж.-енис. окр.) за подъемное золото вѣсомъ до 12 зол. полагалось по 1 р. за золотникъ, отъ 12 до 48 в. по 75 к., отъ 48 з. до 1 ф. и болѣе—по 50 к., а „за прочіе драгоцѣнности и рѣдкости“ (какъ это часто прибавлялось и въ другихъ контрактахъ), по усмотрѣнію присковаго управленія. Во второй половинѣ 70-хъ и первой—80-хъ годовъ плата за подъемное золото повышается, и въ контрактахъ нерѣдко назначено по 2 р. за золотникъ, но встрѣчается и меньшая плата, какъ напр. въ договорѣ съ Востротиннымъ (1880 г., сѣв.-енис. окр.) всего 1 р. съ золотника. Изъ отчета горнаго исправника сѣверно-енисейскаго округа за 1882 г. видно, что въ это время плата за подъемное и старательское золото колебалась между 2 и 3 р., причемъ она была выше тамъ, гдѣ возможно было сбывать золото тайнымъ скупщикамъ²⁾. Но плата въ 3 р. была въ это время явленіемъ не частнымъ, а крестьянинъ Реймерсъ въ своемъ заявленіи министру государственныхъ имуществъ (1880 г.) справедливо говоритъ, что золотопромышленники платятъ рабочимъ за подъемное и старательское золото отъ 2 р. до 2 р. 50 к. за золотникъ. Во второй половинѣ 80-хъ годовъ, по свидѣтельству г. Уманьскаго (стр. 144), за подъемное золото платили 2—3 р. за золотникъ, если же вѣсъ самородка превышалъ 1 ф., то по усмотрѣнію компаніи. По договору съ Базилевскимъ (1891 г., сѣв. части Енис. окр.) плата съ золотника подъемнаго золота назначена 2 р. 40 к., по договору К^о Базилевскаго и Черемныхъ (1890 г., юж.-енис. окр.) нѣсколько менѣе—2 р. 24 к. и по договору съ Асташевымъ (1887 г., юж.-енис. окр.) и съ Дряминымъ (1890 г., сѣв.-енис. окр. на орковыя работы) по 3 р. за золотникъ, но и въ эти годы встрѣчались золотопромышленники, ставшіеся и въ этомъ отношеніи утѣзять рабочаго. Такъ, столь искусная въ такомъ утѣзваніи К^о Жили, Иванцкаго и Потапова въ договорѣ 1888 г. (юж.-енис. окр.) назначила плату за золотникъ всего по 1 р. 50 к., если вѣсъ подъемнаго золота не болѣе 1 ф., а при большемъ вѣсѣ плата полагается по усмотрѣнію компаніи, но не менѣе, какъ за 1 ф.; эта послѣдняя прибавка давала возможность расчитать рабочихъ и за

¹⁾ Въ дѣйствительности на промыслахъ Базилевскаго (сѣв.-енис. окр.) 1870—73 гг. за подъемное и старательское золото платили по 2 р. за золотникъ.

²⁾ Арх. горн. испр. сѣвер. енис. окр. 1882 г., дѣло № 29.

болѣе тяжелый самородокъ, какъ за 1 ф. Въ 1894 г. плата за золотникъ золота, по показаніямъ золотопромышленниковъ Енисейскаго округа, колебалась отъ 2 р. 20 к. до 3 р. 50 к. ¹⁾).

Очень важно отмѣтить, насколько значительный процентъ составляла плата за старательское и подъемное золото въ общемъ заработкѣ рабочаго. Мы видѣли выше, что на промыслахъ Базилевскаго въ 1877—87 гг. плата за старательское и подъемное золото *даже вмѣстѣ со всею платою старателямъ-золотничникамъ* составляла 5,4% всей платы, выданной рабочимъ. Изъ этого видно, насколько вздуты жалобы золотопромышленниковъ о томъ, что рабочіе посредствомъ подъемнаго золота обогащаются на хозяйскій счетъ. Замѣтимъ еще, что, напр., въ 1882 г. подъемное и старательское золото, добытое на промыслахъ сѣверно-енисейскаго округа, составляло лишь 3% всего добытаго золота.

Относительно жилыхъ помѣщеній рабочихъ въ старыхъ контрактахъ Енисейскаго и другихъ округовъ мы встрѣчали обязательства рабочихъ выстраивать ихъ для себя безъ всякаго вознагражденія въ дни, предоставляемые имъ для этого присковымъ управленіемъ по приходѣ на прискъ. Въ извѣстныхъ намъ контрактахъ 70-хъ годовъ мы почти не встрѣчаемъ, а въ договорахъ 80-хъ годовъ и вовсе не встрѣчаемъ такого условія ²⁾).

Въ официальныхъ источникахъ мы нерѣдко встрѣчаемъ указаніе на неудовлетворительное состояніе жилищъ для рабочихъ на золотыхъ промыслахъ. Такъ въ 1871 г. начальникъ енисейскаго жандармскаго управленія Банинъ въ донесеніи Главному Управленію Восточной Сибири говорить, что нѣкоторыя изъ казармъ для рабочихъ „ветхи и требуютъ значительнаго исправленія“ ³⁾. Въ 1875 г. горный исправникъ сѣверно-енисейскаго округа Лукьяновъ сообщалъ, что помѣщенія для

¹⁾ Шостахъ, табл. V.

²⁾ Переживаніе старыхъ условій мы находимъ въ договорѣ съ Асташевымъ 1870 г., по которому рабочіе обязываются сами строить помѣщенія, если ихъ не будетъ устроено отъ хозяина, но въ другомъ договорѣ съ тѣмъ же золотопромышленникомъ и въ томъ же году (сѣв.-енис. окр.) сказано: „постройка жилищъ нашихъ на прискахъ должна быть отъ управленія“. Въ договорѣ съ Асташевымъ 1875 г. (юж.-енис. окр.) вновь повторяется обязательство рабочихъ строить для себя жилища на промыслахъ, если это окажется нужнымъ, а въ поисковыхъ и развѣдочныхъ партіяхъ устраивать для себя палатки и балаганы. Въ договорѣ съ К^о Зотовыхъ (1877 г., сѣв. енис. окр.) рабочіе на такихъ прискахъ или мѣстахъ, гдѣ нѣтъ построекъ, обязывались не требовать жилыхъ помѣщеній во время работъ и должны были жить въ приготовленныхъ ими самими шалашахъ. По договору съ Удереискою К^о (1872 г., юж. енис. окр.) рабочіе обязывались бесплатно строить для себя жилища въ свободное отъ работъ время только „при расшурфовкахъ или разработкахъ новыхъ присковъ“.

³⁾ Арх. Иркут. Горн. Управл. К. 2545 № 57/112, л. 295 и К. 2563, л. 235 об

рабочихъ „лишь на немногихъ прискахъ удовлетворяютъ потребностямъ, а большею частью состоятъ изъ тѣхъ остатковъ, которые выстроены еще до обѣднѣнія здѣшней тайги золотомъ и только кое-какъ поддерживаются. Но выносливость русской натуры и давняя привычка къ подобной обстановкѣ дѣлаютъ незамѣтными эти недостатки, и мнѣ нигдѣ не приходилось слышать жалобъ на дурное помѣщеніе, а потребовалъ лишь я, чтобы нѣкоторыя казармы, устроенныя съ двойными нарами, были передѣланы какъ вредныя въ гигиеническомъ отношеніи, потому въ нихъ на верхнихъ нарахъ нестерпимый жаръ, а на нижнихъ холодъ, не уменьшающійся и при постоянной топкѣ желѣзныхъ печей“ ¹⁾. Въ отчетѣ исправника сѣверной части Енисейскаго округа за 1881 г. мы находимъ также неблагопріятныя свѣдѣнія о жилищахъ рабочихъ: казармы „отопливались кирпичными и желѣзными печами, вентилировались послѣдними и устроенными въ потолкахъ и стѣнахъ отдушинами. Казармы рабочихъ вообще нельзя назвать вполне удовлетворительными въ гигиеническомъ отношеніи“: онѣ „бываютъ опрятными и съ чистымъ воздухомъ только въ то время, когда рабочіе находятся на работахъ, возвращаясь же съ нихъ, они приносятъ съ собою грязь и мокрую одежду, которая тутъ же и сушится; начинается куреніе табаку, ѣда черемши, и атмосфера, въ особенности ночью, несмотря на открытіе вентиляторовъ, дѣлается невыносимою“ ²⁾. Крайне неутѣшительны и болѣе позднія свѣдѣнія въ отчетѣ за 1888 г. окружного инженера сѣверной части Енисейскаго округа. По его словамъ „помѣщенія для рабочихъ устроены въ высшей степени плохо. Не говоря уже о томъ, что въ общей казармѣ, нераздѣленной даже перегородкою, помѣщаются мужчины, женщины и дѣти, что, конечно, не остается безъ вліянія на нравственность, но онѣ тѣсны, отапливаются желѣзными печами, у которыхъ рабочіе сушатъ промокшую обувь и одежду, не провѣтриваются и содержатся крайне грязно, короче—помѣщенія эти невозможны и въ гигиеническомъ отношеніи“ ³⁾. Г. Ячевскій обратилъ особенное вниманіе на вредное вліяніе казарменной жизни на рабочихъ. Столь же неблагопріятны официальные извѣстія о жилищахъ рабочихъ на промыслахъ южно-енисейскаго округа. Начальникъ енисейскаго жандармскаго управленія въ отчетѣ за 1882 г. далъ дурной отзывъ о жилищахъ рабочихъ на 7 тамошнихъ промыслахъ ⁴⁾. Мѣстный окружной инженеръ въ отчетѣ за 1888 г. прямо говоритъ, что казармы, гдѣ помѣщались рабочіе, „за немногими исключеніями,

¹⁾ Ibid. К. 2574 № 189/243, л. 234.

²⁾ Арх. горн. испр. южн. енис. окр., дѣло 1882 г. № 19.

³⁾ Дѣло канцеляріи Томскаго Горнаго Управленія № 31/2.

⁴⁾ Арх. Иркут. Горн. Управ. К. 2768 № 73/53, л. 837.

устроены крайне неудовлетворительно, какъ по несоответствующему количеству заключающагося въ нихъ воздуха сравнительно съ числомъ людей, такъ и въ отношеніи опрятности. На нѣкоторыхъ промыслахъ казарменные зданія по своей ветхости не отвѣчали своему назначенію, доставляя рабочимъ въ дождливое время даровымъ души" (sic!) ¹⁾.

Послѣ приведенныхъ официальныхъ свидѣтельствъ такихъ лицъ, которыя имѣютъ основанія вовсе не представлять дѣло въ слишкомъ мрачномъ свѣтѣ, не покажутся невѣроятными и подобныя же показанія представителей печати ²⁾. Докторъ Крутовскій совершенно справедливо говоритъ: золотопромышленники обыкновенно „ссылаются на то, что не стоитъ расходоваться на основательныя постройки при такомъ ненадежномъ дѣлѣ, какъ золотое: сегодня принскъ работаетъ, а черезъ годъ-два приходится все бросать. Однако мы видимъ одну и ту же безобразную картину на всѣхъ промыслахъ, и тѣхъ даже, которые работаютъ десятки лѣтъ. Заботясь о своей экономіи и сокращеніи расходовъ, владѣлецъ принска забываетъ, что вся эта экономія тяжелымъ гнетомъ ложится на здоровье рабочихъ, вынужденныхъ въ подобномъ ужасномъ помѣщеніи проводить свой отдыхъ отъ утомительнаго дневного труда" (стр. 8).

Общеконтрактные рабочіе попрежнему получали готовое содержаніе отъ хозяевъ, количество котораго опредѣлялось въ контрактахъ. Главною составною частью его было мясо, и въ договорахъ 70-хъ годовъ въ громадномъ большинствѣ случаевъ его назначено было, какъ и прежде, по 1 ф., причемъ всегда встрѣчаемъ оговорку, что мясо можетъ быть свѣжее или соленое. Въ южной части енисейскаго округа уже въ началѣ 70-хъ (и даже во второй половинѣ 60-хъ) годовъ находимъ въ договорѣ назначеніе мяса болѣе 1 ф. ³⁾. Напротивъ, въ 80-хъ годахъ, по крайней мѣрѣ въ извѣстныхъ намъ контрактахъ, чаще назначается въ день по 1¹/₄ ф. мяса, хотя встрѣчается иногда и 1 ф., какъ напр. въ договорѣ Харченко (1882 г.) ⁴⁾. Крупы ячной или гречневой обыкновенно назначалось и въ 70-хъ и въ 80-хъ годахъ по 1¹/₄ ф. ежедневно (или 7—8 ф. въ мѣсяцъ) и лишь въ рѣдкихъ случаяхъ болѣе ⁵⁾; изъ нея варили ежедневно такъ называемыя „щи“,

¹⁾ Дѣло Томск. Горн. Управ. 1881 г. № 31/2.

²⁾ „Сибирь“ 1881 г. № 29, стр. 5—6; *Уманьскій*, стр. 107.

³⁾ Такъ по договору Черныхъ (1870 г.) опредѣлено выдавать говядины въ мѣсяцъ 37¹/₂ ф., а по договору съ К^о Калининныхъ-Шушляевыхъ даже 1¹/₂ ф. въ день.

⁴⁾ Въ нѣкоторыхъ договорахъ, какъ напр. Кытманова (1871 и 84 гг.), прибавлена оговорка относительно выдачи рабочимъ вмѣсто мяса потроховъ, которые рабочіе должны были принимать безпрекословно, а именно, по договору 1871 г. голова, осердіе и проч. за 1 пудъ, а по договору 1884 г. голова и осердіе за 20 ф. мяса.

⁵⁾ По договору съ К^о Рязановыхъ и Горохова 10 ф.; въ договорѣ съ Асташевымъ (1887 г.) опредѣлено выдавать ячной крупы зимою по 1¹/₄ ф., лѣтомъ по 1¹/₂ ф. въ день.

а въ нѣкоторые дни и кашу. Соль выдавалась или въ неограниченномъ количествѣ, или по 2—3 ф. въ мѣсяцъ. Въ нѣкоторыхъ договорахъ 1870—72 гг. о выдачѣ сала еще вовсе не упоминается ¹⁾, въ большинствѣ же извѣстныхъ намъ контрактовъ 70-хъ годовъ назначено по $\frac{1}{2}$ ф. топленого сала, а въ 80-хъ и 90-хъ годахъ по 1 ф. въ мѣсяцъ ²⁾. Только въ договорѣ съ Вилимовскимъ (1870 г.) была нѣсколько болѣе удовлетворена сильная потребность рабочихъ въ жировыхъ веществахъ, а именно, назначено сала по 4 ф. въ мѣсяцъ. Ржаной хлѣбъ выдавался по однимъ договорамъ въ неограниченномъ количествѣ, по другимъ по 4 ф. въ день, а не то назначалось печеного хлѣба или ржаной муки на хлѣбъ и квасъ по 2 п. 20 ф. въ мѣсяцъ ³⁾. Въ нѣкоторыхъ контрактахъ встрѣчаемъ условія относительно постной пищи, такъ, въ договорѣ съ К^о Кытманова и Фунтусова (1871 г., сѣв.-енис. окр.) сказано: „кто изъ насъ пожелаетъ имѣть пищу постную, то отпускать намъ крупы $\frac{1}{4}$ ф. въ день, $\frac{1}{4}$ ф. масла постнаго въ мѣсяцъ и затѣмъ, по окончаніи поста, мы не можемъ за оный требовать мяса“; по договору съ Асташевымъ (1870 г., сѣв.-енис. окр.) во время постовъ для желающихъ вмѣсто мяса отпускалось постное масло; по договору съ К^о Жилли, Иванецкаго и Потапова порція мяса замѣнялась ежедневнымъ отпускомъ $\frac{1}{4}$ ф. крупы или гороха. Въ договорѣ съ К^о Ячменева и Хотимскаго (1871 г.), сверхъ обычныхъ условій относительно содержанія рабочихъ, прибавлено: „пищу съ 10 сентября по 1 мая мы должны имѣть 3 раза въ сутки, а съ 1 мая по 10 сентября 4 раза, т.-е. время на завтракъ, обѣдъ, паузинъ и ужинъ“. Въ договорѣ съ Харченко (1882 г.) сказано: „пища должна приготовляться на общей для всѣхъ рабочихъ, такъ называемой, артельной кухнѣ“, приготовленіе же ея отдѣльно безъ разрѣшенія управленія не дозволялось. Наконецъ въ нѣкоторыхъ договорахъ есть постановленія относительно пропитанія рабочихъ въ поисковыхъ партіяхъ и т. п.; такъ, въ контрактѣ съ К^о Кузнецова и Щеголевыхъ 1870 г. послѣ обычныхъ условій относительно пищи рабочихъ сказано: „тамъ же, гдѣ не будетъ возможно имѣть всѣхъ этихъ припасовъ (напр. въ партіяхъ и командировкахъ), получать

¹⁾ Такъ напр., въ договорахъ съ Асташевымъ, Фунтусовымъ, Базилевскимъ и съ К^о Рязановыхъ и Горохова (1870 г. сѣв.-енис. окр.).

²⁾ По договору съ Асташевымъ 1887 г. масла зимомъ $\frac{1}{2}$ ф., лѣтомъ $\frac{3}{4}$ ф. въ мѣсяцъ или замѣнъ сало въ двойномъ количествѣ; по договору съ К^о Жилли, Иванецкаго и Потапова (1888 г.) по $\frac{1}{2}$ ф. топленого масла и сала.

³⁾ Очень часто въ контрактахъ прибавлялась угроза штрафомъ за разбрасываніе хлѣба по стоящей компаніи цѣнѣ или по двойной цѣнѣ, а не то и по усмотрѣнію прискаго управленія. Въ договорѣ съ К^о Зотовыхъ (1877 г.) прибавлено, что если не будетъ обнаружено, кто именно растратилъ или утангъ хлѣбъ, то штрафу подвергаются всѣ помѣщающіеся въ казармахъ.

намъ на продовольствіе наше сушеной говядины или крупы (одно взаѣмнъ другой) по $\frac{3}{4}$ ф. и сухарей ржанныхъ по $2\frac{1}{2}$ ф. въ день на человѣка, затѣмъ болѣе никакой пищи для продовольствія нашего не требовать". Въ договорѣ съ Асташевымъ 1875 г. вовсе не упоминается о выдачѣ въ подобныхъ случаяхъ сушеной говядины, а назначено только по $2\frac{1}{4}$ ф. ржанныхъ сухарей и по $\frac{1}{4}$ крупы, но въ договорѣ 1887 г. къ этому прибавлено $\frac{3}{4}$ ф. сушеной говядины.

Въ договорахъ съ отрядными рабочими, нанявшимися на вскрышу торфа, мяса назначалось въ большемъ количествѣ—отъ $1\frac{1}{4}$ до $1\frac{1}{2}$ ф. на человѣка, а остальные припасы въ томъ же размѣрѣ, какъ и для общеконтрактныхъ. „Стряпка“ по нѣкоторымъ договорамъ (напр., съ Базилевскимъ 1882 г., сѣв. енис. окр.) назначается отъ пріискаго управленія; по контракту съ Кытмановымъ (1872 г.) рабочіе обязывались „стряпку для приготовленія пищи имѣть на свой счетъ“, съ тѣмъ, что за содержаніе ея компанія не должна была производить вычета; а по договору Кытманова съ отрядными рабочими (1883 г.) они должны были сами готовить пищу, не требуя за то отъ управленія никакой платы, дрова же полагались отъ пріиска. Напротивъ, по договорамъ Базилевского съ отрядными рабочими (1878—82 гг.) стряпка должна была быть отъ пріискаго управленія.

Если мы сравнимъ контракты съ „положеніями о содержаніи рабочихъ“, то увидимъ, что въ дѣйствительности оно было нѣсколько лучше, чѣмъ было назначено по контракту: такъ напр., по договору съ Базилевскимъ (1870 г.) общеконтрактные рабочіе должны были получать мяса 1 ф., а сала вовсе не было назначено, между тѣмъ по „положенію“ чернорабочіе получали мяса по $1\frac{1}{4}$ ф. (и только женщины по 1 ф.) въ день и сала по $\frac{1}{2}$ ф. въ мѣсяцъ, чернорабочіе же отрядные, ремесленники, мужская прислуга, хлѣбопеки, конюховскіе старосты и др. должны были получать по $1\frac{1}{2}$ ф. мяса, а послѣдніе сверхъ того въ мѣсяцъ по 20 ф. пшеничный муки, 2 ф. масла, $\frac{1}{2}$ ф. фамильнаго чая и коновалы по $\frac{1}{2}$ кирпича чая. По общему контракту съ Кытмановымъ (1885 г.) при наймѣ на Петропавловскій пріискъ назначено мяса по $1\frac{1}{4}$ ф., а по свѣдѣніямъ, сообщеннымъ пріисковымъ управленіемъ за операцію 1883 г., рабочіе получали по $1\frac{1}{2}$ ф. мяса.

По официальнымъ отчетамъ о золотопромышленности Восточной Сибири, въ 1880 г. въ сѣверно-енисейскомъ округѣ рабочій получалъ въ мѣсяцъ 1 п. мяса, масла и сала вмѣстѣ $1\frac{1}{2}$ ф., крупы 8 ф., соли 3 ф.; въ слѣдующемъ году муки или печенаго хлѣба 3 п., мяса отъ $37\frac{1}{2}$ ф. до 1 п. 5 ф.; въ южно-енисейскомъ округѣ въ 1883 г. мяса отъ 35 ф. до 1 п. 10 ф., сала отъ $\frac{1}{2}$ до 1 ф. По отчету за 1886 г., количество сала уже повышено до $1\frac{1}{2}$ ф. и, кромѣ того, указано $1\frac{1}{2}$ ф. масла, но едва-ли

это справедливо ¹⁾. По отчетамъ окружного инженера сѣверно-енисейской системы за 1888—91 гг., рабочіе получали въ мѣсяцъ мяса свѣжаго или соленого отъ 37 $\frac{1}{2}$ ф. до 1 п. 5 ф., крупы 7—9 ф., соли 3 ф., сала или масла 1 $\frac{1}{2}$ ф. ²⁾. Кромѣ того разъ или два въ недѣлю рабочимъ приготавливали кашу; лѣтомъ на всѣхъ прискахъ они получали также и квасъ. Кирпичный чай отпускался лишь въ счетъ платы. По отчетамъ окружного инженера южно-енисейской системы за тѣ же годы, мясо выдавалось отъ 37 ф. до 1 п. 10 ф., сала или масла $\frac{1}{2}$ —1 ф., крупы до 8 ф., хлѣба и соли, сколько потребуется. По словамъ г. Ячевскаго, посѣтившаго сѣверно-енисейскій округъ въ 1891 г., всѣ рабочіе получаютъ мяса 1 $\frac{1}{4}$ ф. ³⁾, почти всегда соленого; свѣжее только въ концѣ лѣта и осенью, что подтверждаетъ и окружной инженеръ сѣверно-енисейской системы въ отчетѣ за 1889 г. ⁴⁾. Существенный недостатокъ питанія рабочихъ—крайнее однообразіе пищи: они неизмѣнно ѣдятъ мясной супъ съ крупой. „Ни картофеля, ни капусты нѣтъ на прискахъ“, говоритъ г. Ячевскій, „но не потому, чтобы ихъ нельзя имѣть, а потому, что объ этомъ не заботятся, и что привозъ въ тайгу вольными людьми овощей воспрещается изъ опасенія, что они будутъ скупать золото и торговать спиртомъ. Въ прежнее время Лопатинъ, а въ послѣднее у Базилевскаго и Черемныхъ заводили въ тайгѣ огороды, доставлявшіе необходимую для правильнаго питанія рабочихъ зелень“. Горный исправникъ южно-енисейскаго округа въ 1882—83 гг. предложилъ золотопромышленникамъ заготовлять, по мѣрѣ возможности, соленую капусту, „стоимость которой при покупкѣ ея въ зимнее время не превышаетъ цѣны крупы“, а, между тѣмъ, приготовленіе изъ нея щей вносило бы нѣкоторое разнообразіе въ пищу рабочихъ и было бы полезно на случай заболѣванія цынгой. Предложеніе это, по словамъ исправника, было принято многими золотопромышленниками; рабочіе, получавшіе капусту, были этимъ очень довольны, и на 1884 г. многіе заготовили ее въ значительномъ количествѣ ⁵⁾.

Оффиціальныя лица неоднократно даютъ одобрительные отзывы о пищѣ присковъ рабочихъ, какъ, напр., начальникъ енисейскаго жан-

¹⁾ Въ отчетѣ за 1887 г. приведено совершенно фантастическое свѣдѣніе, будто масла полагается отъ 4 до 10 ф., а мяса отъ 1 $\frac{1}{2}$ до 3 п. на 1 рабочаго.

²⁾ Позднѣ давали сала 1 ф., рѣже масла $\frac{1}{2}$ ф. въ мѣсяцъ. *Шостакъ*, таб. V. „Вѣст. Золотонр.“ 1896 г. № 7, стр. 149.

³⁾ Такое количество мяса считалъ наиболѣе обычнымъ и г. Уманьскій (стр. 70).

⁴⁾ Докторъ Крутовскій упоминаетъ въ своемъ докладѣ въ обществѣ енисейскихъ врачей объ употребленіи, кромѣ солонины, зимняго мерзлаго мяса.

⁵⁾ Золотопромышленникъ южной части енисейскаго округа также свидѣтельствуетъ, что употребленіе соленой капусты и соленой черемши, какъ приправы къ щамъ, довольно распространено. „Сибир. Вѣст.“ 1890 г. № 66.

дармскаго управленія въ 1871 и 74 гг. и горные исправники сѣверно-енисейской системы въ 1881 г. и южно-енисейской въ 1883—85 гг. ¹⁾). По мѣнью г. Уманьскаго, пищу, получаемую обще-контрактными рабочими, нельзя признать дурною, если сравнить ее съ содержаніемъ чернорабочаго въ Россіи, но „слѣдуетъ замѣтить“, продолжаетъ онъ, „что у сибирскихъ промысловыхъ рабочихъ потребности развиты гораздо больше“, чѣмъ въ европейской Россіи: такъ, напр., сахаръ составляетъ „неизбѣжную потребность“, такъ какъ употребленіе его „вошло въ обычай среди пріисковыхъ рабочихъ“ (стр. 70—72).

Однако не всегда рабочіе на промыслахъ Енисейскаго округа получали хорошую пищу. Врачъ, служившій въ южной системѣ енисейской тайги, говоритъ: „на всѣхъ промыслахъ, безъ исключенія, въ пищу дается солонина“, которая „нерѣдко бываетъ испорчена“; на одномъ пріискѣ „меня остановили рабочіе, прося посмотрѣть, чѣмъ ихъ кормятъ. Это было какъ разъ во время обѣда. На столѣ около помѣщенія рабочихъ стоялъ большой чанъ, изъ котораго поднимался густой паръ. Вокругъ стола сидѣли рабочіе. Еще не доходя до стола, я ощущалъ гнилой запахъ испорченнаго мяса. Щи изъ него, наполнявшія чанъ, имѣли видъ краснобурой жидкости весьма непріятнаго запаха, на поверхности которой плавала густая красноватая пѣна и значительное количество червей. Вынутые куски мяса представлялись темногрязноватыми и были пронизаны большимъ количествомъ червей. Такіе случаи, конечно, рѣдки, но, какъ показываетъ приведенный примѣръ, все-таки возможны“ ²⁾). Впрочемъ, по словамъ золотопромышленника Саввинныхъ, рабочіе довольно зорко смотрятъ за качествомъ пищи; „кому неизвѣстно“, говоритъ онъ, „что если хлѣбопекъ на пріискѣ испекъ неудачно хлѣбъ, то эти хлѣбы не будутъ съѣдены рабочими, а будутъ брошены, да и мало того: это даетъ поводъ рабочимъ иногда, смотря по настроенію, заявить свое неудовольствіе въ такой грубой формѣ, что это и возможно только на пріискахъ“ ³⁾). Какъ бы то ни было, крайнее однообразіе пищи, весьма ничтожное количество жировъ и обыкновенно отсутствіе приправъ составляютъ существенные недостатки пріисковой пищи. Нужно обратить также вниманіе на то, что солонина бываетъ не всегда свѣжа и что въ опредѣленной рабочему порціи мяса есть и извѣстная доля костей; наконецъ, лучшее мясо вообще, конечно, идетъ на долю служащихъ, казаковъ, конюховъ и т. д., а рабочимъ даютъ похуже, что останется.

¹⁾ Арх. Ирк. Гор. Упр. К. 2545, № 57/112, л. 295, К. 2568 № 167/221, л. 235 об. и Арх. Горн. Испр. юж.-енис. сист.

²⁾ Н. Д. „Санитарный очеркъ золотыхъ промысловъ“ „Сборн. сочин. по судебн. медиц.“, 1875 г., т. I, 157—158.

³⁾ „Сибир. Вѣстн.“ 1890 г. № 64.

Изъ приведенныхъ выше данныхъ видно, что о выдачѣ чая на счетъ присковаго управленія въ 70-хъ и 80-хъ годахъ *просто* рабочимъ нигдѣ не упоминается, и что это составляло привилегію лишь нѣкоторыхъ „разночинцевъ“; поэтому свидѣтельство доктора Крутовскаго, что „чай 1 разъ въ день отпускается рабочимъ отъ конторы“ въ примѣненіи къ Енисейскому округу не подтверждается. Есть, впрочемъ, указаніе на попытку (1893 г.) замѣнить квасъ чаемъ, но она вызвала неудовольствіе рабочихъ ¹⁾.

Бывали случаи, хотя и рѣдко, что на прискахъ не хватало заготовленнаго для рабочихъ продовольствія: такой случай былъ въ 1881 г. на Боголюбскомъ прискѣ Черноколпакова (южн.-енис. окр.) и обнаружился онъ вслѣдствіе жалобы присковаго управленія на „самовольное уклоненіе отъ работы команды рабочихъ“. По этому поводу мѣстный горный исправникъ Кубе далъ такой приказъ 18 января 1881 г.: „Такъ какъ по заявленію конюха, доставившаго донесеніе“ (объ ослушаніи рабочихъ), „на прискѣ г. Черноколпакова нѣтъ муки и прочихъ припасовъ для содержанія команды рабочихъ людей и въ 17 число сего января они были голодны цѣлыя сутки (!), то поэтому прошу промышленное управленіе предварительно, до моего прибытія на прискъ, озаботиться заготовленіемъ для содержанія рабочихъ муки и проч., а въ противномъ случаѣ рабочіе будутъ мною съ приска уволены и обо всемъ этомъ донесено г. начальнику Енисейской губерніи“ ²⁾.

Приготовленіемъ пищи занимались на прискахъ повара, стряпки и кашевары, а наблюдали за этимъ на болѣе значительныхъ промыслахъ матеріальныя и становые, а на мелкихъ сами владѣльцы или арендаторы. „Хлѣбъ готовится однимъ хлѣбопекомъ на весь прискъ и“, по словамъ г. Ячевскаго, „почти всегда очень хорошо. Обѣдъ варится артельнымъ кашеваромъ въ громадномъ котлѣ. Когда мясо сварено, онъ вынимаетъ его, разрѣзываетъ на мелкіе кусочки и раскладываетъ порціями на доскахъ. Рабочіе приходятъ со своими котелками; каждый беретъ свою кучку мяса, наливаетъ въ котелокъ щей и отправляется обѣдать. Все это дѣлается довольно чисто и опрятно. Изъ отчетовъ окружныхъ инженеровъ (1888—89 гг.) видно, что хотя пища готовилась въ общихъ котлахъ, но нѣкоторые семейные рабочіе получали провизію на руки и готовили себѣ отдѣльно.

Рабочіе являются на приски изъ мѣстъ своего постоянного жительства сильно истощенными. Объясняя это ихъ зимнимъ голоданіемъ въ промысловѣ, енисейскіе золотопромышленники въ своей запискѣ 1892 г. говорятъ: „Положительно замѣчено, что въ первый мѣсяцъ по

¹⁾ „Вѣсти. Золотопр.“ 1894 г. № 7, стр. 145.

²⁾ „Арх. Горн. Испр. южн. енис. окр., дѣло 1881 г. № 5.

приходѣ на пріискъ рабочіе употребляютъ пищи гораздо болѣе, чѣмъ въ послѣдующіе затѣмъ мѣсяцы и, несмотря на физическій трудъ, замѣтно полнѣютъ"; но при этомъ сами золотопромышленники свидѣтельствуютъ, что весной, въ началѣ операціи, и уровни задаются болѣе умѣренные, чѣмъ впоследствии. Это истощеніе рабочаго, кромѣ зимней голодовки", признаваемой золотопромышленниками и не особенно хорошо рекомендуемой пріисковые заработки и вліяніе пріисковыхъ порядковъ, объясняется также и утомительнымъ путешествіемъ на пріиски, во время котораго рабочіе обыкновенно получали лишь нѣкоторое количество сухарей и принуждены были проходить безъ дневокъ до 25 верстъ въ сутки. „При такомъ способѣ путешествія", говоритъ г. Клеменцъ, „устаютъ до полного изнеможенія и рабочіе, идущіе впервые на пріиски, сытые деревенскіе парни" ¹⁾). Этимъ, вѣроятно, и объясняется, что нѣкоторые пріисковыя управленія предпочитаютъ везти рабочихъ на промысла на лошадяхъ, конечно, на счетъ самихъ рабочихъ.

Стоимость „содержанія" (т.-е. прокормленія) рабочаго на нѣкоторыхъ промыслахъ Енисейскаго округа въ 1861—63 гг. равнялась 5 р.—6 р. 60 к. въ мѣсяцъ. Въ 1871 г. золотопромышленникъ Лопатинъ опредѣлялъ стоимость пропитанія рабочаго въ Енисейскомъ округѣ въ 7—8 р. въ мѣсяцъ. На пріискѣ, гдѣ служилъ г. Уманьскій (въ половинѣ 80-хъ годовъ), содержаніе рабочаго обошлось по 7 р. 50 к. Наконецъ, по отчету томскаго горнаго управленія за 1888 г., помѣщеніе и содержаніе рабочихъ на подвѣдомственныхъ ему промыслахъ обходились въ 6 р.—6 р. 50 к. Мы вычислили стоимость содержанія общеконтрактнаго рабочаго въ день на промыслахъ В. И. Базилевскаго, сѣверно-енисейскаго округа, за 11 лѣтъ (1877—87 гг.) на основаніи отчета его управленія за эти годы. Оказалось, что въ 1877 г. стоимость дневного прокормленія равнялась 22,3 к., въ 1878—79 гг.—21,2 к., въ 1880 г.—28,5 к., въ 1881 г.—36,9 к., въ 1881 г.—39,2 к., въ 1883 г.—35,9 к., въ 1884 г.—37,8 к., въ 1885 г.—30 к., въ 1886 г.—27,1 к., въ 1887 г.—25,9 к., а въ среднемъ за всѣ 11 лѣтъ—30,5 к. ²⁾). Въ контрактахъ В. И. Базилевскаго содержаніе рабочихъ за эти годы не измѣнялось (только сала вмѣсто $\frac{1}{2}$ ф. въ мѣсяцъ было позднѣе назначено 1 ф.) и, слѣдовательно, измѣненіе стоимости содержанія нерѣдко объясняется колебаніемъ цѣнъ на сѣбствныя припасы, но не всегда. Такъ, напр., по даннымъ того же отчета, въ 1881 г. ржаная мука обошлась пріисковому управленію 1 р. 56 к., а въ 1887 г.—1 р. 66 к., говядина въ 1881 г.—3 р. 11 к., въ 1887 г.—3 р. 50 к., соль въ 1881 г.—1 р.

¹⁾ „Восточное Обозрѣніе" 1892 г. № 11, стр. 13.

²⁾ „Статистика по золот. пріискамъ В. И. Базилевскаго", рукопись, сообщенная Л. О. Пантелѣевымъ.

19 к., въ 1887 г.—2 р. 24 к., масло коровье въ 1881 г.—10 р. 74 к., въ 1887 г.—11 р. 30 к. за пудъ; т.-е. всѣ эти припасы были дороже въ 1887 г., а между тѣмъ стоимость дневного пропитанія рабочаго равнялась въ 1881 г.—36,9 к., а въ 1887 г.—25,9 к., т.-е. на 11 к. дешевле. Удешевленіе это нельзя объяснить и тѣмъ, что пища стала готовиться для нѣсколько большаго количества рабочихъ (въ 1881 г.—101,563 поденщины, въ 1887 г.—107,611.). Не объясняется ли это явленіе качественнымъ ухудшеніемъ пищи рабочихъ въ дѣйствительности, несмотря на то, что по контрактамъ оно оставалось почти неизмѣннымъ? Впрочемъ, всего дороже обошлось прокормленіе рабочихъ въ 1882 г., и горный исправникъ сѣверно-енисейскаго округа объясняетъ это въ своемъ отчетѣ дороговизною припасовъ и уменьшеніемъ числа рабочихъ въ этомъ году.

Въ шестидесятыхъ годахъ администрація два раза поднимала вопросъ о выдачѣ рабочимъ винныхъ порцій въ виду ихъ привычки къ употребленію вина и чтобы предупредить какъ тайное его приобрѣтеніе на прискахъ, такъ и тѣ кутежи при выходѣ изъ тайги, которые вызывались долгимъ воздержаніемъ. У золотопромышленниковъ спрашивали мнѣнія по этому предмету, собирали свѣдѣнія о томъ, въ какихъ размѣрахъ выдаются винныя порціи, но все это ни къ чему не привело. Въ 1873 г. начальникъ енисейскаго жандармскаго управленія Банинъ вновь обратилъ вниманіе на этотъ вопросъ: „Торговля спиртомъ и водкой не уменьшается“, писалъ онъ. „Рабочіе послѣ страшнаго труда съ жадностью бросаются на приносимую тайно водку и спиртъ и не щадятъ ничего для уплаты; зато, конечно, за неимѣніемъ денегъ крадется золото и идетъ спиртоносамъ. Небезполезно было бы разрѣшеніе выдавать рабочимъ передъ обѣдомъ и ужиномъ винную порцію за плату, утвержденную начальствомъ, которую золотопромышленники должны были бы вносить въ расчетные листы рабочихъ. Это подкрѣпляло бы ихъ силы, особенно благотѣльно бы дѣйствовало въ сырые, ненастные дни, и они, пользуясь порціей за ничтожную плату (не дороже 5 к.), не бросались бы такъ на приносимую тайно водку, продаваемую за вышнюю цѣну“ ¹⁾. Въ подтвержденіе своего предположенія Банинъ могъ бы сослаться на опытъ, сдѣланный въ половинѣ 60-хъ годовъ на Пріютинскомъ прискѣ Даниловыхъ (южн. ч. енис. окр.), гдѣ, по желанію рабочихъ, но на ихъ счетъ выдавались въ ненастное время винныя порціи по $\frac{1}{100}$ ведра и даже именно съ тою платою, какую Банинъ предлагалъ установить, т.-е. по 5 к. за порцію, плату умѣренную, если принять во вниманіе, что въ 1863 г. ведро полугара обходилось въ 4—7 р.

По поводу предложенія Банина были затребованы мнѣнія золото-

¹⁾ Арх. Иркут. Горн. Управ. К. 2555 № 106/160, л. 300.

промышленниковъ, но нѣкоторые изъ нихъ, какъ видно изъ предписанія генераль-губернатора Восточной Сибири Синельникова (24 іюля 1874 г.), „жестоко возстали на такое предложеніе потому“, ѣдко, но справедливо замѣчаетъ генераль-губернаторъ, „что если рабочіе будутъ знать, что они могутъ получать отъ золотопромышленниковъ винную порцію за 5 или 6 к., то не станутъ платить тому же золотопромышленнику за ту же порцію 50 или 60 к. и что означеннымъ разрѣшеніемъ подрывается тайная продажа спирта и водки самими золотопромышленниками“. Въ виду такого отношенія къ дѣлу владѣльцевъ промысловъ, Синельниковъ потребовалъ точнаго исполненія 20-ой статьи инструкціи, данной министромъ внутреннихъ дѣлъ 10 мая 1874 г. ¹⁾, „съ предвареніемъ исправниковъ, что, въ случаѣ допущенія золотопромышленниками продолжающагося зла— тайной продажи этими господами вина и спирта и отпуску винныхъ порцій рабочимъ по несоразмѣрнымъ цѣнамъ, горные исправники будутъ удаляемы не только отъ должностей, но и отъ службы“ ²⁾.

Въ 1876 г. при генераль-губернаторѣ Восточной Сибири, баронѣ Фредериксѣ, былъ вновь поставленъ, какъ мы видѣли (см. гл. II), вопросъ: не слѣдуетъ ли установить ежедневную выдачу винныхъ порцій приисковымъ рабочимъ, въ какомъ размѣрѣ и на чей счетъ. Въ учрежденномъ для рѣшенія этого и другихъ вопросовъ комитетѣ большинство голосовъ высказалось за подачу рабочимъ винныхъ порцій по $\frac{1}{100}$ ведра каждому на счетъ золотопромышленниковъ съ замѣною этихъ порцій для людей, не пьющихъ вина, выдачею соотвѣстственнаго количества масла, сахару и чаю, но только одни изъ этого большинства предлагали выдавать порціи ежедневно, а другіе—по усмотрѣнію приисковыхъ управленій. На основаніи такого рѣшенія комитета, баронъ Фредериксъ и предписалъ циркуляромъ 22 апрѣля 1877 г. предложить золотопромышленникамъ отпускать рабочимъ достаточныя для поддержанія силъ винныя порціи, въ особенности въ ненастное время, съ выдачею взамѣнъ ихъ порцій тѣмъ изъ рабочихъ, которые вина не пьютъ, соотвѣстственнаго количества масла, чая и другихъ предметовъ, за исключеніемъ относящихся къ предметамъ роскоши или съ занесеніемъ въ расчетные листы денегъ по стоимости порцій тѣмъ изъ рабочихъ, которые отъ нихъ откажутся“. Предложенія Фредерикса, относительно выдачи вина рабочимъ, все-таки привели къ нѣкоторымъ практическимъ

¹⁾ По этой статьѣ инструкціи горный исправникъ обязанъ былъ наблюдать, чтобы не было на промыслахъ и вблизи ихъ продажи спиртныхъ напитковъ, „чтобы золотопромышленники не давали рабочимъ вина въ счетъ платы“, чтобы они могли пить вино лишь въ самомъ необходимомъ количествѣ для раздачи его порціями и наконецъ, чтобы на провозъ его получали каждый разъ свидѣтельство отъ губернатора.

²⁾ Арх. Горн. Испр. южно-ениск. окр. дѣло 1874 г. № 34, л. 46—47.

послѣдствіямъ: на прискахъ въ 1891 г. на видныхъ мѣстахъ были прибиты объявленія съ распоряженіемъ генералъ-губернатора объ обязательной подачѣ рабочимъ два раза въ недѣлю винной порціи по $\frac{1}{100}$ ведра, причемъ запрещалась только одновременная подача рабочимъ болѣе 2 порцій ¹⁾.

Въ контрактахъ золотопромышленниковъ мы рѣдко встрѣчаемъ условіе о выдачѣ вина рабочимъ, а если и встрѣчаемъ, то, обыкновенно, въ такой формѣ, которая мало связывала владѣльцевъ присковъ. Такъ, въ договорѣ съ Фунтусовымъ (1870 г.) сказано: „въ видѣ награды за наше усердіе къ работамъ управленіе общаетъ намъ въ теченіе лѣта отпускать нѣсколько винныхъ порцій въ праздничные и табельные дни“. Въ такомъ видѣ обѣщаніе винныхъ порцій очевидно служило лишь побужденіемъ къ аккуратной выработкѣ очень тяжелыхъ уроковъ. И дѣйствительно, по этому контракту полагалось, напр., на двохъ вскрыть и отвезти въ отвалъ безъ лошади 1 куб. с. торфа. Тутъ поневолѣ приходилось посулить рабочимъ за столь тяжелый трудъ самую дорогую для нихъ награду—винную порцію. Точно такое же условіе повторяется въ договорѣ Кытманова (1872 г.), а въ официальномъ отчетѣ о Петропавловскомъ прискѣ Кытманова за 1883 г. присковое управленіе сообщало, что „винная порція дается рабочимъ сообразно времени года, а также состоянію погоды и степени способности работъ: отъ 2 до 4 порцій въ недѣлю“; слѣдовательно, и здѣсь винная порція была наградой за исполненіе трудной работы. По договору Черныхъ (1870 г.) было установлено, чтобы въ праздничные дни, въ которые рабочіе для своей „пользы“ будутъ находиться на старательскихъ работахъ, за выработку уроковъ подавалась имъ винная порція, полагая въ среднемъ на каждого изъ нихъ въ мѣсяцъ по $\frac{1}{20}$ ведра или „полумштофу вина полугарнаго“. Наконецъ, въ договорѣ съ Асташевымъ 1887 г. (южн.-енис. окр.) сказано: „подача винныхъ порцій предоставляется усмотрѣнію г. управляющаго промыслами или довѣреннаго его, сами же требовать ихъ мы никакого права не имѣемъ“. Такимъ образомъ, выдача винныхъ порцій оставалась и по этому недавнему договору необязательною для присковаго управленія. Какъ же часто въ дѣйствительности выдавались винныя порціи?

По словамъ горнаго исправника сѣверно-енисейскаго округа въ отчетѣ за 1875 г., „винныя порціи подносились отъ одного до трехъ разъ въ недѣлю, при трудныхъ же работахъ или въ сырую погоду ежедневно“ ²⁾. Изъ отчета горнаго исправника того же округа за 1881 г. видно, что желаніе усилить напряженность труда горно-рабочихъ

¹⁾ Ячевскій въ „Горномъ журналѣ“ 1892 г. № № 8—9.

²⁾ Арх. Иркут. Гор. Упр. К. 2574 № 189/243, л. 231.

заставило золотопромышленниковъ еще увеличить выдачу вина: „Винныя порціи, какъ улучшеніе содержанія“, писалъ этотъ исправникъ, „подавались вообще рабочимъ для поддержанія ихъ силъ отъ 2 до 5 разъ въ недѣлю, исключая экстренныхъ случаевъ, когда порціи эти давались не только каждый день, но и по 2 и по 3 въ день въ случаяхъ стѣсныхъ и нетерпящихъ отлагательства работъ. Также на нѣкоторыхъ пріискахъ давалось по 2 и по 3 порціи вина каждому рабочему въ праздничные дни, когда никакихъ работъ на пріискахъ этихъ не производилось“. Исправникъ южно-енисейскаго округа въ отчетѣ за 1880 г. сообщаетъ, что „винныя порціи подаются рабочимъ ¹⁾ два раза въ недѣлю, а старательные рабочіе за выработку уроковъ ²⁾ получаютъ порціи ежедневно, а также и тѣ, которые работаютъ въ водянистыхъ мѣстахъ“. Изъ отчета за 1883 г. южно-енисейскаго горнаго исправника видно, что и здѣсь въ праздничные дни, въ которые совсѣмъ не бываетъ работъ (а такихъ дней было очень мало), винныя порціи (по $\frac{1}{100}$ ведра) подавались два раза въ день. Въ 1888 г. въ сѣверно-енисейскомъ округѣ, какъ видно изъ отчета мѣстнаго окружного инженера, рабочіе отъ двухъ до четырехъ разъ въ недѣлю получали по винной порціи: „послѣдняя однако же въ большинствѣ случаевъ отпускалась *только какъ поощрительная мѣра* за исполненіе заданнаго урока“. Въ южной части Енисейскаго округа въ томъ же году, по словамъ мѣстнаго окружного инженера, „винныя порціи выдавались рабочимъ большею частью 2 раза въ недѣлю, на нѣкоторыхъ же промыслахъ, смотря по трудности работъ, ежедневно“. Въ число этихъ порцій не входятъ отпущавшіяся за подъемное золото. „Къ подобной мѣрѣ прибѣгаютъ однако же только малкіе золотопромышленники, не стѣсняясь за 30-ую водку взимать по 7 доль изъ сданнаго золота, т.-е., иначе говоря, продавать ведро 80° спирта по 75 р.“ Не знаемъ, выдавалась ли у крупныхъ золотопромышленниковъ водка лучшаго качества, но что во всякомъ случаѣ водка отпускалась рабочимъ за принесенное золото, мы были этому сами свидѣтелями въ 1891 г. на одномъ изъ наиболѣе богатыхъ пріисковъ южно-енисейской системы. Золотопромышленники Енисейскаго округа въ своей запискѣ 1892 г. говорятъ: „Долголѣтнее наблюденіе и опытъ убѣдили насъ въ неудержимомъ, доводящемъ до болѣзненной жадности, стремленіи рабочихъ къ спиртнымъ напиткамъ, а потому мы, на основаніи циркулярнаго распоряженія генералъ-губернатора Синальникова“ (т.-е. барона Фредерикса), „и ввели уже въ обычай выдачу имъ винныхъ порцій не менѣе двухъ-трехъ разъ въ недѣлю, а при трудныхъ работахъ почти ежедневно. Такой обычай въ глазахъ рабочихъ пере-

¹⁾ Въ отчетѣ 1883 г. сказано: „всѣмъ рабочимъ“.

²⁾ Въ отчетѣ за 1883 г. прибавлено: „съ начала промысли“.

шелъ уже теперь въ безусловное право, и они настоятельно требуютъ себѣ винныхъ порцій даже тогда, когда и не заслуживаютъ оныхъ. Мало того, они требуютъ передачи такихъ же порцій за непьющихъ таварищей,—присковымъ же управленіямъ, въ виду ихъ полного безсилія (?), приходится удовлетворять подобныя требованія“. Такимъ образомъ, несомнѣнно, что количество вина, выдаваемое рабочимъ на прискахъ, сравнительно съ прежнимъ временемъ значительно возросло, но оно выдавалось, главнымъ образомъ, за исполненіе извѣстныхъ уроковъ или вмѣсто платы за подземное золото. „Крѣпко вошло въ обычай“, говоритъ г. Ячевскій, „чтобы за всякую сверхурочную работу платить спиртомъ. Это дѣлается какъ по отношенію къ отдѣльнымъ рабочимъ, такъ и по отношенію къ цѣлымъ командамъ. Я никогда не слышалъ, чтобы рабочему кто-нибудь посулилъ хоть гривенникъ за особую его услугу; напротивъ, всегда приходится слышать одну неизмѣнную фразу: получишь порцію. Результатомъ явился то, что масса присковыхъ рабочихъ страдаетъ алкогольнымъ отравленіемъ, при которомъ, какъ при морфинизмѣ, спиртъ становится органической потребностью. Неоспоримо, что и прежніе золотопромышленники пользовались изъ-за личной выгоды склонностью рабочихъ къ водкѣ и, такимъ образомъ, постепенно приучили ихъ къ обидію винныхъ подачекъ, какъ къ необходимому атрибуту присковой жизни“. Но, справедливо осуждая допущеніе винной порціи не какъ удовлетвореніе извѣстной потребности рабочихъ, а какъ орудіе выжиманія изъ нихъ большей прибавочной стоимости, г. Ячевскій перегибаетъ дугу въ другую сторону и высказывается противъ всякой обязательной выдачи вина рабочимъ, хотя, если бы такая выдача производилась въ извѣстномъ ограниченномъ количествѣ, она вовсе не должна была вызывать „алкогольнаго отравленія“ рабочихъ. Г. Ячевскій съ сожалѣніемъ говоритъ о томъ, что обычай покупать всякую сверхурочную работу винными порціями „повліялъ и на высшую въ краѣ административную власть“, и затѣмъ сообщаетъ о вывѣшенномъ на прискахъ распоряженіи генералъ-губернатора относительно обязательной выдачи два раза въ недѣлю винной порціи (см. выше). Онъ не замѣчаетъ, что между порицаемымъ имъ обычаемъ и заботой администраціи о выдачѣ рабочему вина въ весьма умѣренномъ количествѣ нѣтъ рѣшительно ничего общаго, и потому между указанными двумя явленіями вовсе нѣтъ причинной связи. „Мотивомъ такого распоряженія“, продолжаетъ г. Ячевскій, „какъ утверждаютъ, было сознаніе, основанное на заявленіи врачей“, что при „тяжелой присковой работѣ водка необходима, какъ поддерживающее питательное (?) средство... Указываютъ еще на другой мотивъ“, что, съ установленіемъ обязательной выдачи водки, „она сама по себѣ должна потерять часть привлекательности въ глазахъ рабочаго и должна, съ другой стороны, въ

нѣкоторой степени, ослабить ея значеніе въ рукахъ золотопромышленниковъ“. Въ дѣйствительности, задумываясь еще въ 1863 г. надъ введеніемъ обязательныхъ ежедневныхъ винныхъ порцій въ обиходъ пріисковой жизни, высшее начальство Восточной Сибири надѣялось такимъ образомъ достигнуть того, что рабочіе не будутъ съ такою жадностью набрасываться на запретное для нихъ вино и не будутъ пропивать своихъ заработковъ. Возобновленіе этого вопроса въ 1876 г. при баронѣ Фредериксѣ было вызвано особеннымъ усиленіемъ спиртоношества и вызваннымъ имъ на одномъ пріискѣ волненіемъ, для усмиренія котораго администрація прибѣгла „къ особеннымъ экстреннымъ мѣрамъ“. Такимъ образомъ, г. Ячевскій не совсѣмъ правильно понимаетъ мотивы дѣйствія администраціи, а между тѣмъ ему кажется, что онъ побѣдоносно разбираетъ ихъ: „ни мотивы этихъ распоряженій“, говоритъ онъ, „не выдерживаютъ критики, ни послѣдствія не оправдываютъ надеждъ, возлагавшихся на эту мѣру. Пріисковая работа по своему характеру никоимъ образомъ не можетъ быть причислена къ разряду тяжелыхъ работъ (?!). Она и легче, и здоровѣе рудничной и заводской работы ¹⁾, видѣть же въ спиртѣ постоянно подкрѣпляющее или питательное средство“ (кто это считалъ водку питательною?) „для врача, по меньшей мѣрѣ, непростительно. Но разъ обычай получилъ санкцію высшей мѣстной власти, то онъ не допускаетъ борьбы со зломъ со стороны нѣкоторыхъ разумныхъ предпринимателей. Пристрастившійся къ водкѣ рабочій находитъ поощреніе (?) въ этомъ отношеніи даже въ высшемъ начальствѣ“. Все приведенное показываетъ, что г. Ячевскій не уяснилъ себѣ этого вопроса и, самъ того не замѣчая, говоритъ, быть можетъ, со словъ золотопромышленниковъ, недовольныхъ тѣмъ, что ихъ обязываютъ къ новымъ затратамъ и притомъ мѣшаютъ дѣлать изъ вина орудіе эксплуатаціи силъ рабочаго.

Г. Ячевскій винить врачей въ томъ, что они доказываютъ необходимость обязательныхъ выдачъ винныхъ порцій, а между тѣмъ, за полгода до напечатанія его статьи, одинъ изъ наиболѣе извѣстныхъ сибирскихъ врачей, В. М. Крутовскій, высказался, напротивъ, за уничтоженіе на пріискахъ обычая выдавать винныя порціи, такъ какъ частая выдача ихъ создаетъ у рабочихъ привычку къ вину. Но этотъ пунктъ его симпатичнаго доклада вызвалъ совершенно справедливыя возраженія въ „Восточномъ Обзорѣ“. „Авторъ, увлекаясь теоретическими научными

¹⁾ Нужно замѣтить, что въ другомъ мѣстѣ своей статьи г. Ячевскій самъ указываетъ на слишкомъ большую продолжительность лѣтняго рабочаго дня на пріискахъ, который, по его словамъ, „не менѣе 14—15 часовъ“ и на то, что „урокъ дается далеко не малый—до 2 куб. с. песковъ на 2 рабочихъ и 1 лошадь“. Напомнимъ еще, что на пріискахъ, особенно южно-енисейскаго округа, есть и подземныя работы.

соображеніями“, говорить въ этой газетѣ г. Клеменцъ, „приписываетъ разстройство здоровья рабочихъ такимъ явленіямъ, которыя вовсе не составляютъ принадлежности одной присковой жизни, напр., употребленію табаку и водки. Употребленіе того и другого распространено не на однихъ прискахъ. Гигіенисты могутъ, сколько угодно, доказывать вредность спиртныхъ напитковъ для организма и употребленія наркотическихъ веществъ, но тѣмъ не менѣе, начиная отъ голаго дикаря и оканчивая англійскою лэди, всѣ прибѣгаютъ къ нимъ... Пьютъ рабочіе и напиваются не отъ порцій, а отъ вина, покупаемаго на сторонѣ или у своего же хозяина за свой собственный счетъ, пьютъ при наймѣ и при расчетѣ“¹⁾.

Заработки рабочихъ на прискахъ значительно уменьшаются, а иногда и сводятся къ нулю, благодаря высокимъ цѣнамъ на товары въ присковыхъ лавкахъ. Весьма важнымъ средствомъ эксплуатаціи рабочихъ является также продажа спирта рабочимъ, которою, не смотря на противозаконность такой торговли, занимались многіе изъ золотопромышленниковъ. Въ подтвержденіе этого сошлемся на свидѣтельство лица, управлявшаго позднѣе промыслами Асташева (въ южн.-енис. окр.) П. Гудкова: „всякому изъ золотопромышленниковъ извѣстно (хотя открыто никто ни на кого не укажетъ)“, писалъ онъ въ 1877 г., „что въ средѣ ихъ есть такіе, которые злоупотребляютъ выдачею рабочимъ спирта, а чаще водки... *прямо съ плату* или за вещи, принесенныя... съ чужого приска, а, можетъ быть, даже и за золото, тоже, конечно, съ другого приска“²⁾. Горный исправникъ южно-енисейскаго округа въ отчетѣ за 1883 г. также свидѣтельствуешь, что „сбытомъ и распродажею спирта... занимаются нѣкоторые золотопромышленники... преимущественно еврейской націи“. По словамъ г. Уманьскаго, „крупные капиталисты... гнушаются мелочною торговлею спиртомъ, доставляя спиртъ оптомъ мелкимъ арендаторамъ, а тѣ уже производятъ раздробительную продажу. Торговля эта, благодаря ея запрещенному характеру и страсти къ спирту присковыхъ рабочихъ, приноситъ и арендаторамъ крупные барыши. За бутылку спирта въ 30—40° (воды прибавлять не жалѣютъ) берутъ отъ 1 до 2 р., а такъ какъ изъ ведра спирта получается бутылокъ 40“, то такое ведро, стоящее въ Енисейскѣ около 10 р., продается за 40—80 р. Торговля спиртомъ прикрывалась тѣмъ, что для выдачи вина рабочимъ „въ порцію“, мѣстная администрація дозволяла ввозъ на приски опредѣленнаго количества спирта, соотвѣтственно числу рабочихъ. Но на всякомъ прискѣ, по свидѣтельству г. Уманьскаго, его держали въ количествѣ, далеко превышавшемъ дѣйствительную въ немъ

¹⁾ „Вост. Обзор.“ 1892 г. № 11, стр. 13—14.

²⁾ Дѣло Арх. Горн. Испр. юж.-енис. окр. 1877 г. № 81.

потребность, и нередко выдавали за старательское золото какъ своимъ рабочимъ, такъ и чужимъ. По свидѣтельству мѣстнаго наблюдателя, въ южноенисейской тайгѣ расчетные листы рабочихъ были наполнены (въ 1880 г.) выдачами „со счета кассы“, что означало спиртъ, проданный по 2 р. за бутылку, т.-е. по 32 р. за ведро ¹⁾. Нѣкоторые золотопромышленники устраивали двойную спекуляцію на пьянствѣ рабочихъ: во-первыхъ, они дорого продавали имъ вино, а, во-вторыхъ, донимали штрафами за пьянство. Рабочіе, находившіеся на присекѣ X — въ 1884 г., рассказывали, что управленіе присека въ уплату за подъемное золото выдавало водку по 20 к. за кружокъ, а также и бутылками, смотря по количеству принятаго золота, и если рабочіе, взявшіе водку, съ похмѣлья на другой день не выходили на работу, ихъ штрафовали 3 р., которые и удерживались при расчетѣ, но тѣмъ изъ оштрафованныхъ рабочихъ, которые послѣ расчета поступали вновь въ работу на слѣдующую операцію, штрафъ слагался со счета ²⁾. Начальникъ енисейскаго жандармскаго управленія говоритъ въ своемъ отчетѣ за 1872 г.: „носится слухъ, и весьма основательный, что въ число платы идутъ водка и спиртъ по баснословнымъ цѣнамъ (бутылка спирта до 5 р.), но доказать этого невозможно: рабочіе не выдадутъ“ ³⁾. „Прежде бывало“, рассказываетъ авторъ одной изъ статей о енисейской золотопромышленности, „торговали водкою и спиртомъ такъ называемые „спиртоносы“; цѣлыя состоянія сколачивали они этою торговлею. Теперь же кулаки-золотопромышленники, изъ которыхъ иные раньше были сами спиртоносами, совсѣмъ отбили у нихъ хлѣбъ“. По словамъ г. Уманьскаго, прибрѣтеніе краденаго золота въ обмѣнъ на спиртъ мелкими золотопромышленниками „въ значительной степени уменьшило въ послѣднее время“ (во второй половинѣ 80-хъ годовъ) „спеціальное спиртоношество“ ⁴⁾. Отъ самихъ управляющихъ присеками намъ приходилось слышать, что спиртоносамъ не зачѣмъ ходить, такъ какъ на многихъ присекахъ и безъ того можно купить вино. И спиртоносы иногда являются лишь агентами мелкихъ золотопромышленниковъ или подрядчиковъ-

¹⁾ Уманьскій, стр. 62, 147; „Сибирь“ 1880 г. № 5, стр. 5. О продажѣ на присекахъ спирта 50—60° по 2 р. за бутылку см. также „Сибирь“ 1878 г. № 36, стр. 5; ср. „Сибир. Газ.“ 1885 г. № 9, стр. 218, 1884 г. № 37, стр. 914.

²⁾ „Сиб. Газ.“ 1884 г. № 46, стр. 1131. О громадныхъ барышахъ золотопромышленниковъ отъ торговли водкой см. „Сибир. Вѣстн.“ 1886 г. № 43, стр. 3; ср. № 93, стр. 3 и „Сиб. Газ.“ 1884 г. № 40, стр. 981. По словамъ золотопромышленника Черемныхъ, рабочіе платили за бутылку спирта по 3 — 5 р. „Вѣстн. Золот.“ 1892 г. № 11, стр. 154.

³⁾ Арх. Иркут. Горн. Упр. К. 2555 № 106/160, л. 296. О солидарности въ этомъ отношеніи рабочихъ свидѣтельствуетъ и г. Ячевскій.

⁴⁾ „Сибирь“ 1881 г. № 29, стр. 5; Уманьскій, стр. 148.

золотничниковъ. Про такихъ золотопромышленниковъ, дающихъ спиртъ въ обмѣнъ на краденое золото, говорятъ, что они „могутъ золото на деревянной бочкѣ“.

О настоящихъ спиртоносахъ сообщилъ въ 1880 г. слѣдующія свѣдѣнія крестьянинъ (бывшій титулярный совѣтникъ) Карлъ Реймерсъ: „Спиртоношествомъ занимаются крестьяне и поселенцы, живущіе въ ближайшихъ отъ промысловъ деревняхъ, люди—или бросившіе хлѣбопашество, или не желающіе заняться какимъ-либо честнымъ трудомъ... Одни изъ нихъ, побѣднѣе, отправляются пѣшкомъ, а побогаче—на лошадяхъ, всегда вооруженные револьверами и ножами, пробираются по извѣстнымъ имъ... тропинкамъ и такимъ порядкомъ достигаютъ до промысловъ, гдѣ собираются партіями, имѣя изъ среды своихъ опытныхъ по ихъ профессіи начальниковъ. Заготовленный ими спиртъ складываютъ въ „зарапѣ вырытыя“ ямы. Послѣ этого спиртоносы „подъ видомъ рабочихъ“ разсыпаются по пріискамъ, отыскиваютъ знакомыхъ имъ рабочихъ и сообщаютъ имъ, что спиртъ пришелъ. При этомъ извѣсти рабочіе, имѣющіе золото, являются въ лѣсъ, сдаютъ золото, а неимѣющие его приносятъ одежду и обувь... Если кто изъ спиртоносовъ настигается казаками, то старается откупиться, а въ случаѣ несогласія доставляется въ канцелярію горнаго исправника, гдѣ отъ него отбираютъ спиртъ, вещи, золото и проч. Куда все это поступаетъ“, говоритъ Реймерсъ, „это тайна или, по крайней мѣрѣ, мнѣ не извѣстно... Спиртоносы, имѣя на каждомъ пріискѣ на своей сторонѣ рабочихъ, дѣйствуютъ смѣло, и дерзость ихъ до того доходитъ, что они являются въ домъ золотопромышленника вооруженными, требуютъ мяса, хлѣба, за что платятъ. Отказатъ спиртоносу не посмѣетъ ни одинъ золотопромышленникъ, арестовать его и представить къ исправнику—тѣмъ менѣе. Попытка золотопромышленниковъ организовать на свой счетъ летучую команду казаковъ для ловли спиртоносовъ не привела ни къ какимъ результатамъ ¹⁾. По словамъ другого лица, спиртоносы отправлялись изъ Енисейска, начиная съ іюня мѣсяца, и особенно увеличивалось ихъ число въ августъ, когда у рабочихъ появляются деньги и золото: „идутъ они, кто на лодкахъ до рѣки Пита, а кто горою, смотря по количеству спирта (возять ведеръ по 40 на одного), который разливаютъ въ мелкую посуду и везутъ на лошадяхъ по тропамъ, имъ только извѣстнымъ... Денежные рабочіе иногда покупаютъ у нихъ спиртъ для перепродажи на пріиски своимъ товарищамъ“. Спиртоносы и сами появляются ночью на пріискахъ, въ рабочихъ казармахъ, когда служащіе спятъ. При дѣлежѣ добычи артелью спиртоносовъ, дѣло оканчивалось иногда убійствомъ, чтобы завладѣть долей товарища; случалось, что спиртоносы убивали среди пріиска рабочихъ, сдѣлавшихъ на нихъ доносъ. Спиртоносы, по словамъ г. Уманьскаго, „составляютъ идеалъ для каждаго рабочаго“: объ ихъ подвигахъ „любятъ поговорить вечеромъ или въ минуты отдыха среди работы“ ²⁾.

Начальникъ енисейскаго жандармскаго управленія въ отчетѣ за 1882 г. прямо приписываетъ развитіе спиртоношества недостаточной выдачѣ водки рабочимъ на промыслахъ: онъ говоритъ, что спиртоносовъ „почти не замѣчается тамъ, гдѣ рабочіе довольствуются водкою

¹⁾ Арх. Горн. Деп., дѣло отдѣленія частной золотопромышленности 1880 г. № 71.

²⁾ „Сибирь“ 1876 г. № 46; Уманьскій, стр. 148.

ежедневно“ ¹⁾. Въ новѣйшее время вновь встрѣчаемъ жалобы на усиленіе спиртовошества ²⁾.

Прісковая жизнь самымъ развращающимъ образомъ дѣйствуетъ на рабочихъ, среди которыхъ есть безнадежные пьяницы и игроки. По словамъ одного мѣстнаго наблюдателя, „хотя на отдыхъ рабочимъ и дается ночью часа 4 лѣтомъ и 6 осенью, но и этимъ временемъ рабочіе не всегда пользуются для отдыха; иные цѣлыя ночи на пролѣтъ проводятъ въ азартныхъ играхъ, какъ-то: штось, стуолка, „трынка“ и проигрываютъ до послѣдней копейки свой заработокъ,—иные же уходятъ съ краденнымъ золотомъ на другіе станы, проводя тамъ ночи въ кутежахъ; на утро въ конецъ истощенный рабочій едва тащится на работу, гдѣ „залѣнь“ будутъ угощать его ругательствами, а иногда и побоями ³⁾. Золотопромышленники стараются выдворить картежниковъ съ своихъ промысловъ, такъ какъ выигрышъ они сейчасъ же несутъ продавать, кутать, поднимаютъ ссоры. Особенно сильная картежная игра бываетъ во время расчета. Впрочемъ, не всѣ прісковые рабочіе пьяницы: по словамъ золотопромышленника Черемныхъ, „на пріскахъ случается до 10% и совсѣмъ непьющихъ рабочихъ, получающихъ въ замѣнъ спирта масло, сахаръ и проч... Попадаются изъ сибирскихъ крестьянъ такіе, которые не прочь выпить даровой хозяйскій кружекъ водки, но въ то же время расходовать на это своихъ денегъ не станутъ... Это явленіе въ послѣднее время стало встрѣчаться все чаще и чаще“ ⁴⁾.

Горемычная доля прісковыхъ рабочихъ хорошо изображена въ слѣдующей пѣснѣ, которую до сихъ поръ распѣваютъ на енисейскихъ золотыхъ промыслахъ:

„Молодцы отъ Мясникова
Съ молодцами Голубкова“)
Въ кабацкѣ сошлись.
Они водки много пили,
Очень рѣзко говорили,
Ну и... подрались!
Подрались и помирились,
А потомъ развеселились,
Стали пѣсни пѣть:

¹⁾ Арх. Иркут. Горн. Упр. К. 2768 № 63/53 л. 835.

²⁾ „Вѣст. Золот.“ 1894 г. № 10, стр. 190—191.

³⁾ В—съ. „Замѣтки о золотопрмышленности въ Енисейскомъ округѣ“, „Сибирь“ 1881 г. № 29, стр. 5. Въ неизданномъ письмѣ золотопромышленнику Крутовскому (1873 г.) мы находимъ извѣстіе, что „весь Надеждинскій пріскъ сплился, сломали казенку запечатанную, и кутили всѣ, сколько есть на пріскѣ; нарочный конюхъ посланъ за помощникомъ исправника для разбирательства“. О развращающемъ вліяніи золотыхъ промысловъ на рабочихъ см. „Сибирь“ 1881 г. № 29; *Уманьскій*, стр. 119.

⁴⁾ „Вѣст. Золот.“ 1892 г. № 11, стр. 154.

⁵⁾ Мясниковъ и Голубковъ—енисейскіе золотопромышленники 40—50-хъ годовъ.

„Мы по собственной охотѣ
 Были въ каторжной работѣ—
     Въ Сѣверной тайгѣ.
 Тамъ пески мы промывали,
 Людямъ золото искали,—
     Себѣ не нашли.
 Пріисковые порядки
 Для однихъ хозяевъ сладки,
     А для насъ—бѣда!
 Какъ исправникъ съ ревизоромъ
 По тайгѣ пойдутъ дозоромъ,
     Ну, тогда смотри!
 Одинъ спяна, другой сдуру
 Такъ отлупятъ тебѣ шкуру,
     Что только держись.
 Тамъ не любятъ шутить шутки,
 Тамъ работали мы въ сутки
     Двадцать два часа!
 Щи хлебали съ тухлымъ мясомъ,
 Запивали жидкимъ квасомъ—
     Мутною водой.
 А, бывало, хлѣба корка
 Станетъ въ горлѣ, какъ распорка,
     Ничѣмъ не прогнешь.
 Много денегъ намъ сулили,
 Только мало получили:
     Вычетъ одолѣлъ.
 Выпьемъ съ горя на остатки,
 Поберемъ мы всѣ задатки—
     И опять въ тайгу!“ ¹⁾

Въ контрактахъ 70-хъ и 80-хъ годовъ, какъ и въ прежнее время, мы находимъ обыкновенно условіе, что рабочіе не могутъ приводить своихъ женъ на промысла безъ разрѣшенія пріискаго управленія ²⁾, причемъ женщины должны исполнять возложенную на нихъ работу за извѣстное вознагражденіе; въ такомъ случаѣ онѣ получали содержаніе, обыкновенно, наравнѣ со всѣми рабочими, если же отказывались исполнять работу, то мужья должны были уплачивать за нихъ или отрабо-

¹⁾ Пѣсня эта записана въ 1887 г. Ѳ. В. Стратоновичемъ со словъ рабочаго на Александровскомъ (бывшій Алымовскій) пріискѣ Базилевскаго и Черемныхъ въ южно-енисейскомъ округѣ. Одинъ недостающій куплетъ этой пѣсни заимствованъ изъ варианта, напечатаннаго въ „Русской Жизни“ 1894 г. № 50. Другой вариантъ напечатанъ въ „Сиб. Газ.“ 1886 г. и перепечатанъ въ книгѣ „Отголоски Сибири“, сборникъ стихотвореній, изд. подъ ред. Ив. Брута. Т. 1889 г., стр. 85—86.

²⁾ Въ случаѣ нарушенія этого правила по договорамъ съ Асташевымъ (1875 и 87 гг.) пріисковое управленіе могло выслать женщину въ первое жилое мѣсто, а съ виновнаго вычесть по 5 р. „съ каждой личности“.

тивать отъ 3 р. до 7 р. 50 к. въ мѣсяцъ ¹⁾, а иногда прибавляется, что въ случаѣ уклоненія женщины отъ возлагаемой на нее работы, какого-либо ослушанія или дурного поведенія пріисковое управленіе можетъ выслать ее съ промысла, причемъ мужья не должны оставлять своихъ работъ и обязаны отправить женъ на свой счетъ.

Въ двухъ изъ извѣстныхъ намъ договорахъ (съ Асташевымъ въ 1875 и 87 гг.) прибавлено, что за дѣтей рабочіе должны вносить половину, а по договору съ К^о Кузнецова и Щеголевыхъ (1870 г.) назначенъ вычетъ за содержаніе женъ и дѣтей по 3 р. 50 к., въ договорѣ же съ К^о Ячменева и Хотимскаго (1871 г.) за жену, дѣтей и родственниковъ полагается вычетъ по 4 р. за каждого. По отчетамъ южно-енисейскаго горнаго исправника за 1883 и 85 гг., за женщинъ окружныхъ инженеровъ, за женъ и дѣтей одинаково по 3—5 р. Въ нѣкоторыхъ договорахъ прибавлено, что указанный вычетъ производится только за хлѣбъ, или за хлѣбъ, соль и крупу, т.-е. жена рабочаго имѣла право за вносимыя ей мужемъ деньги получать не полное содержаніе, а только хлѣбъ и названные припасы. Въ договорѣ съ Кытмановымъ (1872 г.) сказано: „женщинъ и родственниковъ при себѣ на пріискѣ мы безъ дозволенія управленія имѣть не должны, въ противномъ же случаѣ, должны платить назначенную сумму за ихъ содержаніе по 4 р. с. въ мѣсяцъ“; такой договоръ какъ будто давалъ рабочему право держать при себѣ женщину и безъ разрѣшенія управленія, лишь внося за нее ежемѣсячно извѣстную сумму; но, быть можетъ, это только недостаточно умѣло выраженное запрещеніе приводить ихъ съ собою; по крайней мѣрѣ, въ договорѣ съ Кытмановымъ 1885 г. сказано, что рабочіе безъ дозволенія управленія не имѣютъ права держать на пріискѣ женъ и дѣтей ²⁾. Изъ расчетныхъ книгъ видно, что вычеты за содержаніе женщинъ, дѣйствительно, производились. Впрочемъ, на пріискахъ сѣверно-енисейскаго округа я слышалъ, что путная баба можетъ выработать вычитаема за нея содержаніе деньги мытьемъ бѣлья на рабочихъ (по 50 к. въ мѣсяцъ) и работою на сѣнокосѣ. Въ отчетѣ горнаго исправника сѣверно-енисейскаго округа (1881 г.) сказано, что на содержаніе членовъ семейства рабочаго, не исполнявшихъ никакихъ обязанностей на промыслахъ, выдавалась (конечно, за указанный вычетъ) одна ржаная мука, какъ это мы, впрочемъ, видѣли и изъ нѣкоторыхъ договоровъ ³⁾.

По условію на наемку рабочихъ для К^о Бенардаки и Рязанова (1870 г.), наниматель обязывался принимать не болѣе 3% женатыхъ

¹⁾ Последняя цифра—въ договорѣ съ Асташевымъ 1875 г., а по договору съ нимъ же 1887 г.—4 р. Въ нѣкоторыхъ договорахъ опредѣленіе размѣра вычета представляется усмотрѣнію промысловаго управленія.

²⁾ Отмѣтимъ еще, что по договору съ Базилевскимъ (1878 г.) съ общеконтрактныхъ рабочихъ вычетъ за женъ полагался въ размѣрѣ 5 р., а съ отрядныхъ, нанятыхъ на вскрышу торфа, по 3 р. На промыслахъ Асташева въ 1895 г. взыскивали за содержаніе женщинъ по 4 р. въ мѣсяцъ. „Вѣст. Золот.“ 1896 г. № 1, стр. 15.

³⁾ Нерѣдко въ томъ же пунктѣ договора, гдѣ запрещается приводить съ собою женъ безъ разрѣшенія пріисковаго управленія, мы находимъ запрещеніе имѣть при себѣ лошадей, рогатый скотъ и собакъ, а въ расчетныхъ книгахъ иногда вычеты за содержаніе женъ и лошадей ставились въ одной графѣ.

рабочихъ, но въ дѣйствительности ихъ было болѣе. По официальнымъ даннымъ количество женщинъ на промыслахъ Енисейскаго округа въ 1880, 82—84 и 86—87 гг. колебалось между 7 и 9%, въ 1884 г. спустилось въ южно-енисейскомъ округѣ почти до 5%, а въ 1887 г. было даже менѣе 2%; въ 1881 г. женщины на промыслахъ всего Енисейскаго округа составляли 6% рабочихъ ¹⁾. (Если же взять всѣхъ рабочихъ, находившихся на прискахъ и резиденціяхъ со всѣми женщинами и дѣтьми, то женщины, работавшія и не работавшія, составляли въ 1871 г. въ сѣверно-енисейскомъ округѣ 9%, а въ южно-енисейскомъ въ 1883 и 85 гг. 11%, въ 1884 г. 8%). Позднѣе количество женщинъ на промыслахъ сѣверно-енисейскаго округа осталось то же, а именно, въ 1889—90 гг. 7—9%, но на промыслахъ южной части этого округа оно значительно возросло, а именно, въ 1888—90 гг. равнялось 14—15% ²⁾, а потомъ опять уменьшилось, такъ что въ 1895 г. въ южно-енисейскомъ округѣ всѣ женщины составляли 9% ³⁾.

Относительно несовершеннолѣтнихъ рабочихъ енисейскій губернаторъ Педашенко разослалъ въ 1886 г. горнымъ исправникамъ запросъ, работаютъ ли на золотыхъ промыслахъ малолѣтніе, сколько ихъ, и какими работами они занимаются. На это исправникъ сѣверно-енисейской системы отвѣчалъ, что малолѣтніе рабочіе въ его округѣ находятся лишь на нѣкоторыхъ промыслахъ, что ихъ всего 65 человекъ въ возрастѣ отъ 13 до 16 л. и что большая часть ихъ состоитъ въ погонщикахъ лошадей при доставкѣ на промывальныя машины песковъ и при отвозкѣ торфовъ и гальки, нѣкоторые же находятся въ услуженіи въ конторахъ и у служащихъ ⁴⁾. Въ 1888—89 гг. несовершеннолѣтніе рабочіе нанимались въ Енисейскомъ округѣ въ возрастѣ отъ 14 до 17 л. ⁵⁾.

Какъ видно изъ официальныхъ данныхъ, количество дѣтей, работавшихъ на промыслахъ въ Енисейскомъ округѣ, колебалось прежде отъ 1 до 4% ⁶⁾; то же было и въ 1889—90 гг. на промыслахъ сѣверно-

¹⁾ Судя по отчетамъ горнаго исправника южно-енисейской системы за 1883—84 гг. и сѣверно-енисейской за 1881 г., въ этихъ официальныхъ свѣдѣніяхъ показано только число женщинъ, находившихся въ работѣ.

²⁾ Повидимому въ южно-енисейскомъ округѣ показано не число работавшихъ, а число всѣхъ женщинъ.

³⁾ „Вѣст. Золот.“ 1896 г. № 7, стр. 149.

⁴⁾ Арх. Горн. Испр. сѣв.-енис. окр. 1886 г. № 13.

⁵⁾ Дѣла канцеляріи томскаго горнаго управленія.

⁶⁾ Тутъ, очевидно, имѣются въ виду только несовершеннолѣтніе, находившіеся въ работѣ; если же взять все присковое населеніе, то несовершеннолѣтніе въ сѣверно-енисейскомъ округѣ составляютъ въ 1881 г. 4%, а въ южно-енисейскомъ въ 1883 г. — 7%, въ 1884 и 85 гг. 5% всѣхъ рабочихъ, находившихся тогда на прискахъ и резиденціяхъ. Арх. юж.-енис. горн. испр., отчеты за эти года.

енисейскаго округа, а въ южно-енисейскомъ число дѣтей значительно возрасло и равнялось 8—9% ¹⁾).

Золотопромышленники стремились къ уменьшенію числа женщинъ на промыслахъ, считая ихъ лишь обремененіемъ въ виду обязанности давать имъ хлѣбъ, хотя и за извѣстный вычетъ. Они указываютъ обыкновенно на то, что присутствіе женщинъ на промыслахъ вызываетъ среди рабочихъ раздоры, такъ какъ они, обыкновенно, живутъ съ нѣсколькими мужчинами; бываютъ случаи, когда рабочій прямо заявляетъ золотопромышленнику, что онъ не ручается за себя и можетъ убить такую-то, живущую съ нимъ, женщину, и ее приходится выдворять. Мнѣ самому приходилось слышать такіе рассказы; отраженіе ихъ можно встрѣтить и въ печати ²⁾. Несомнѣнно, присковая жизнь дѣйствуетъ развращающимъ образомъ на женщинъ ³⁾, но лица, рассказывающія все это, мало задумываются надъ тѣмъ, что виноваты въ этомъ золотопромышленники, которые стараются, какъ можно больше, сократить притокъ на приски женатыхъ мужчинъ: пока на промыслахъ одна женщина будетъ приходиться на 11—14 мужчинъ (какъ это было въ 1889—90 гг. на промыслахъ сѣвер.-енис. окр.), иныхъ нравовъ и быть не можетъ. Дайте рабочему возможность приводить съ собою жену, и онъ не будетъ предаваться разврату ни на прискахъ, ни при выходѣ съ нихъ и сохраненіе донесетъ свой заработокъ.

Въ общихъ контрактахъ рабочихъ съ золотопромышленниками, обыкновенно, упоминается о томъ, что нужны имъ обувь и одежду рабочие должны брать изъ хозяйскихъ лавокъ на прискахъ въ счетъ платы за работу. Хотя въ рассматриваемое время, на основаніи циркуляровъ высшей мѣстной администраціи, таксы товаровъ должны были утверждаться горными исправниками и, дѣйствительно, утверждались ими, но въ контрактахъ, особенно первой половины 70-хъ годовъ, о цѣнахъ товаровъ говорится въ такихъ выраженіяхъ, какъ будто они исключительно зависѣли отъ самихъ золотопромышленниковъ. Такъ, напр., въ договорѣ съ К^о Фунтусова (1870 г.) сказано: „одежду и обувь должны имѣть свою собственную, но въ случаѣ надобности брать намъ оную и другія вещи въ счетъ нашей заработной изъ запасовъ управленія *по установленной отъ онаго цѣнѣ*“; впрочемъ, въ договорѣ того же года съ К^о Базилевскаго (сѣв.-енис. окр.) говорится уже объ установленной по таксѣ цѣнѣ ⁴⁾. По договору К^о Горохова, Рязанова и др. (1870 г.)

¹⁾ Вѣроятно, тутъ показаны несовершеннолѣтніе не только работавшіе, а всѣ находившіеся на промыслахъ.

²⁾ См. напр., въ газетѣ „Сибирь“ 1878 г. № 26, стр. 5.

³⁾ Это видно, напр., изъ книги г. Уманьскаго, стр. 117, 157, 158.

⁴⁾ Также и въ договорѣ съ Асташевымъ 1870 г., а въ договорѣ съ нимъ же 1887 г. говорится объ „утвержденной таксѣ“. Въ договорахъ съ Базилевскимъ 1877 и 83 гг. упоминается объ „утвержденной мѣстнымъ начальствомъ таксѣ“.

товарныя вещи, одежду и обувь рабочіе должны были „получать на приски по выпискамъ въ расчетные листы по цѣнамъ, стоящимъ компаніи, съ наложеніемъ процентовъ на задолженный капиталъ“ (слѣдовательно, о таксѣ тутъ также не упоминается), полученные вещи рабочіе обязывались „отнюдь не растрчивать и не продавать“. Въ договорѣ той же компаніи 1872 г. также говорится о цѣнѣ, „установленной“ присковымъ управленіемъ, но въ договорѣ 1885 г. рѣчь идетъ уже о „цѣнахъ таксы, утвержденной исправникомъ“; относительно размѣра выдачи въ этомъ послѣднемъ договорѣ сдѣлана оговорка, что онъ долженъ зависѣть отъ „усмотрѣнія управленія“ и величины заработка, „настоятельно же требовать“ выдачи рабочіе не имѣли права. Въ договорахъ съ Асташевымъ (1870 и 87 гг.) воспрещается требовать изъ присковыхъ лавокъ „предметы, къ роскоши относящіеся и званію рабочихъ неприличные“. К^о Иваницкаго, Жилия и Потапова (южно-енис. окр.) въ договорѣ съ рабочими 1888 г. установила и въ этомъ отношеніи очень стѣснительныя для рабочихъ правила: „одежда и обувь“, сказано въ этомъ договорѣ, „должны быть наши собственныя, если же у кого изъ насъ таковыхъ собственныхъ не окажется, то *въ случаѣ крайней необходимости* ¹⁾, онъ можетъ въ счетъ заработка брать изъ хозяйскихъ запасовъ необходимыя одежныя вещи, но таковыя имѣть право получать *не болѣе 1 раза въ 2 мѣсяца* ²⁾; азамъ, полушубокъ, шапку и опояску рабочій можетъ получать не болѣе, какъ по 1 штукѣ во весь срокъ работъ; изъ тѣхъ же хозяйскихъ запасовъ рабочіе могутъ пріобрѣтать чай, сахаръ и другіе предметы или чрезъ покупку ихъ на наличныя деньги, или въ счетъ заработной платы, но въ послѣднемъ случаѣ не иначе, какъ по усмотрѣнію управленія“; „требовать отпуща въ долгъ этихъ предметовъ безъ разрѣшенія управленія никто не имѣетъ права“. Въ заключеніе пояснено, „что всѣ одежныя вещи, чай, сахаръ, табакъ и прочіе припасы, полученные рабочими изъ хозяйскихъ запасовъ, должны отпущаться по утвержденной начальствомъ таксѣ“.

Продажа рабочимъ необходимыхъ для нихъ товаровъ играетъ теперь большую роль въ промысловомъ бюджетѣ. По словамъ г. Уманьскаго, „нерѣдко можно встрѣтить любопытное явленіе, что приски, признанные негодными въ промышленномъ отношеніи, при существующей въ тайгѣ нормѣ содержанія золота, въ соединеніи съ торговлею начинаютъ приносить барышъ (стр. 61)“.

¹⁾ Лишь „въ крайнихъ случаяхъ“ допускается заборъ изъ присковыхъ запасовъ „самыхъ необходимыхъ вещей“ и въ проектѣ нормальнаго контракта, составленномъ исправникомъ южно-енисейскаго округа въ 1874 г. (постановленіе это было взято изъ контракта Асташева).

²⁾ По договору съ К^о Ячменева и Хотимскаго (1871 г.) 1 разъ въ мѣсяцъ.

Въ нѣкоторыхъ контрактахъ рабочимъ воспрещалось брать изъ присковыхъ лавокъ предметы роскоши; такія же предписанія, напоминающія старыя времена золотопромышленности, пытались давать и нѣкоторые горные исправники. Въ 1885 г. исправникъ сѣверно-енисейскаго округа разослалъ циркуляръ, которымъ запрещалъ рабочимъ на прискахъ носить купгурскіе сапоги, красныя рубахи, ѣсть соленую рыбу, сласти, закуски и т. п., принадлежащія, по мнѣнію исправника, къ предметамъ роскоши ¹⁾. Подобныя попытки регламентаціи потребленія (вмѣсто болѣе строгаго нормированія цѣвъ въ таксахъ) не достигаютъ цѣли. „Прежде“, говоритъ золотопромышленникъ Саввинныхъ, „не каждому давали на прискахъ и по $\frac{1}{2}$ ф. сахару въ мѣсяцъ. А теперь даже большимъ должникамъ даютъ“ (т.-е. отпускаютъ въ счетъ заработка) „ежемѣсячно, кромѣ нужныхъ вещей, 2—3 ф. сахару и столько же масла или сала, не говоря уже о другомъ“ (но вѣдь сахаръ, масло и сало не должны считаться для рабочаго предметомъ роскоши при его крайне напряженномъ трудѣ). Рабочіе, имѣющіе небольшой долгъ, „берутъ больше и много выписываютъ муки пшеничной, мяса, крупчатки и проч., а одежда и обувь доходятъ до франтовства. Попробуйте теперь,“ продолжаетъ г. Саввинныхъ, „какъ было лѣтъ 20 тому назадъ, дать“ много задолжавшему рабочему „холста на шаравары и рубашку. Да это для него будетъ такимъ оскорбленіемъ, что онъ и дня послѣ этого не пробудетъ на прискѣ (?). Пунцовая рубашка, плисовые или триковые шаравары, сапоги, однорядка (а не азамъ: они уже вышли изъ моды)—вотъ въ общемъ виѣшность присковаго рабочаго теперь“ ²⁾. Г. Саввинныхъ забываетъ только пояснить, когда рабочему удавалось на прискахъ франтить такимъ образомъ при почти непрерывной работѣ. По крайней мѣрѣ, при проѣздѣ по енисейскимъ промысламъ въ 1891 г., мы видѣли такими франтами, и то рѣдко, только конюховъ, которые отвозили насъ съ одного приска на другой.

Золотопромышленники пользуются монополіею торговли на прискахъ. „Въ настоящее время въ золотоносныхъ районахъ“, говоритъ г. Ячевскій, „рабочій, въ силу существующихъ узаконеній, въ періодъ промысловой операціи является“ какъ бы „крѣпостнымъ человекомъ, потому что онъ на это время подчиняется особымъ узаконеніямъ. Въ золотоносную тайгу не можетъ явиться никто, кромѣ человека со свѣдѣтельствомъ на право заниматься золотымъ промысломъ; въ районѣ присковъ нельзя открыть лавки, нельзя поселиться какому-нибудь ремесленнику,—все это запрещается“ и „смѣлыхъ пришельцевъ моментально выдворяютъ изъ тайги подъ конвоемъ казаковъ“. По мнѣнію г. Ячев-

¹⁾ „Сиб. Газ.“ 1885 г. № 15, стр. 369.

²⁾ „Сиб. Вѣстн.“ 1890 г. № 64.

скаго, „необходимо, чтобы рабочій получалъ деньги не сразу, а по частямъ, чтобы онъ имѣлъ возможность расходовать ихъ по своему усмотрѣнію, чтобы не былъ обязанъ приобретать нужныя ему вещи въ одномъ присковомъ магазинѣ, а пользовался для того свободнымъ выборомъ“.

Однако, вольные торговцы начинаютъ понемногу проникать въ енисейскую тайгу. Въ 1882 г. мѣстные золотопромышленники просили высшее начальство о воспрещеніи частной свободной торговли на промыслахъ, которая, однако, „если и велась, то велась съ большими стѣсненіями, была обложена большими поборами въ пользу горныхъ исправниковъ и ихъ семей, которые обирали въ долгъ бѣднаго торговца“. Енисейскій губернаторъ, по словамъ одной газеты, нашелъ просьбу золотопромышленниковъ неправильной, такъ какъ не нашелъ въ законѣ дозволенія стѣснять эту торговлю въ районѣ промысловъ. По словамъ этой газеты, „допущеніе свободной торговли неминуемо повліяетъ на пониженіе присковыхъ таксъ, которыя хотя и утверждались горнымъ исправникомъ, но были всегда на руку хозяевамъ, содержавшимъ его на свой счетъ“ ¹⁾. По словамъ г. Уманьскаго, „въ половинѣ 80-хъ годовъ появились частныя лавочки, развѣзжаютъ торговцы, притомъ рабочему не воспрещаютъ покупать и на чужихъ прискахъ, но торговая монополія удерживается въ рукахъ золотопромышленниковъ, благодаря тому, что рабочіе получаютъ плату только въ концѣ операций, по сдачѣ золота, а до тѣхъ поръ принуждены брать все въ кредитъ“ (стр. 130). В. Кулибинъ, усердный защитникъ интересовъ золотопромышленниковъ въ замѣчаніяхъ 1887 г. на выработанный въ Иркутскѣ проектъ правилъ о наймѣ рабочихъ на золотые промысла говоритъ: „Слѣдовало бы опредѣлить, имѣютъ ли право въ районахъ золотопромышленныхъ округовъ производить торговлю дозволенными вещами и припасами привозящіе вольные торговцы, какъ „это, напр., практикуется въ Енисейскомъ округѣ“. Но даже и онъ полагаетъ, что „нельзя обязать рабочаго брать все ему необходимое непременно въ магазинахъ приска, на которомъ онъ работаетъ, если цѣна на эти предметы будетъ ниже на другомъ прискѣ“. Въ отчетѣ томскаго горнаго управленія за 1888 г. мы находимъ указанія, что „въ тайгу въ лѣтнее время иногда изъ ближайшихъ деревень привозились овощи, покупаемыя рабочими на расхватъ“. По словамъ г. Кулибина, „везутъ на приски и рыбу, и картофель, и капусту.., и многое другое“ ²⁾.

Относительно того, что цѣны, опредѣленныя въ присковыхъ таксахъ нерѣдко были слишкомъ обременительны для рабочихъ, можно

¹⁾ „Восточ. Обзоръ.“ 1882 г. № 36, стр. 7.

²⁾ „Вѣст. Золот.“ 1894 г. № 7, стр. 145.

найти указанія и въ официальныхъ источникахъ. Такъ, начальникъ енисейскаго жандармскаго управленія, подполковникъ Банинъ, въ 1871 г. писалъ: въ нѣкоторыхъ присковыхъ лавкахъ „цѣны непомерно высоки“. что дѣлаетъ рабочихъ „постоянными должниками хозяевъ“. Даже побѣги съ присковъ Банинъ объясняетъ тѣмъ, что золотопромышленники, „желая на всемъ имѣть наживу, назначаютъ на товарныя вещи двойную цѣну и тѣмъ ставятъ рабочаго неоплатнымъ должникомъ, потому что товары, отпускаемые изъ магазиновъ, составляютъ необходимую потребность рабочаго ¹⁾“. Подобное же официальное свидѣтельство мы имѣемъ и относительно конца 80-хъ годовъ. „Нельзя не замѣтить“, сказано въ отчетѣ томскаго горнаго управленія за 1888 г., „что таксы бываютъ иногда слишкомъ высоки, такъ что даже солидныя компаніи, повидимому не гоняющіяся за барышемъ отъ продажи упомянутыхъ товаровъ по таксамъ, имѣютъ 15—20 тысячъ *чистой дохода* на 600—700 человекъ рабочей команды; такимъ образомъ каждый рабочій оставляетъ въ пользу золотопромышленника или компаніи“ не менѣе 23—25 р. изъ своего лѣтнаго заработка ²⁾.

Присковыя таксы въ рассматриваемый періодъ утверждались горными исправниками, съ собраній же золотопромышленниковъ съ цѣлью регулированія таксъ, подобныхъ тѣмъ, какія были въ 60-хъ годахъ, не происходило, несмотря на то, что они предписывались § 14 инструкціи горнымъ исправникамъ 1874 г. ³⁾; по крайней мѣрѣ, мы не нашли указаній на такія собранія.

О порядкѣ утвержденія таксъ горный исправникъ сѣверно-енисейскаго округа сообщаетъ въ 1881 г. слѣдующее: „Исполняя (?) § 14 инструкціи горныхъ исправниковъ, я ежегодно требую отъ подвѣдомственныхъ лицъ присковыхъ управленій, чтобы они представляли на мое утвержденіе таксы въ 2 экземплярахъ для каждаго работающагося приска... Онѣ рассматриваются мною, исправляются, въ чемъ окажутся преувеличенныя цѣны, и одна изъ представленныхъ экземпляровъ каждой таксы, по сдѣланіи на немъ надписи объ утвержденіи его и послѣдовавшихъ исправленіяхъ, отсылается въ приславшее ихъ присковое управленіе для руководства и помѣщенія на дверяхъ присковаго магазина“, чтобы рабочимъ и служащимъ были извѣстны утвержденныя цѣны; другой же экземпляръ съ исправленіями на немъ цѣнъ, сдѣланными мною въ отосланномъ экземплярѣ, остается отпускомъ при моемъ дѣлопроизводствѣ“. Утвержденіе таксъ, по словамъ этого исправника, производилось имъ въ апрѣлѣ и маѣ, причемъ для проверки цѣнъ, выставленныхъ золотопромышленниками, исправникъ руководствовался справочными цѣнами въ Енисейскѣ на 1 марта ⁴⁾.

¹⁾ Арх. Ирк. Горн. Упр. К. 2545, № 57/112, л. 295.

²⁾ Дѣло канцеляріи Томскаго Горнаго Управленія 1888 г. № 31/2, л. 562 об.

³⁾ Розановъ. „Сводъ дѣйств. узакон. о частн. золотопр.“ изд. 2, стр. 128.

⁴⁾ Дѣло Ирк. Горн. Упр., 1881 г. № 35, л. 39—40, 84.

Исправникъ южно-енисейскаго горнаго округа въ отчетѣ за 1883 г. говоритъ: „Неравномѣрность цѣнъ на нѣкоторые предметы является вслѣдствіе того, что состоятельные золотопромышленники закупаютъ все на наличныя деньги и потому приобрѣтаютъ все дешевле и доброкачественнѣе; тѣ же, которые берутъ товары въ кредитъ, не только не пользуются уступкою, но иногда съ трудомъ запасаются ими по возвышеннымъ цѣнамъ и еще съ надбавкою немалыхъ процентовъ, а вовсе немущіе берутъ эти товары здѣсь на прискахъ, и тѣмъ они уже приходятся еще несравненно дороже. Ввиду этого“ уравнивать цѣны „на всѣхъ прискахъ“, по мнѣнію горнаго исправника, „невозможно“ ¹⁾. Г. Уманскій также говоритъ: хозяева сами берутъ товары въ кредитъ у городскихъ торговцевъ съ платою“ (управленіе присковъ, гдѣ онъ служилъ платило 12⁰/о), „а если къ этому прибавить стоимость провоза, то и имъ товары не обходятся дешево“ (стр. 130). Мы видѣли, однако, что, по свидѣтельству томскаго горнаго управленія (1888 г.), болѣе крупныя компаніи наживали хорошія деньги на продажѣ товаровъ и припасовъ рабочимъ. Что касается времени утвержденія таксъ, то, по крайней мѣрѣ относительно нѣкоторыхъ присковъ, оно затягивалось до іюля и даже до августа мѣсяца.

На основаніи дѣлъ о таксахъ архива горнаго исправника южной части Енисейскаго округа, мы составили таблицы цѣнъ на промыслахъ этого округа за 1879, 1880, 1888 и 1889 гг. Если мы сравнимъ цѣны за эти годы на наиболѣе нужныя для рабочихъ товары съ цѣнами 1864 г., то увидимъ, что подешевѣлъ только сахаръ, остальные же товары изъ тѣхъ, на которые обратило вниманіе собраніе золотопромышленниковъ 1864 г., вздорожали, не смотря на то, что цѣны 60-хъ годовъ были въ свою очередь, за исключеніемъ чая, дороже цѣнъ 50-хъ годовъ ²⁾. Для сѣверной части нисейскаго округа, мы имѣемъ данныя относительно 1878 — 80 и 1889 гг. Сравнивая цѣны на промыслахъ сѣверной и южной частей Енисейскаго округа мы замѣчаемъ странное явленіе, что онѣ на сѣверно-енисейскихъ промыслахъ въ большинствѣ случаевъ дешевле, не смотря на то, что сѣверные промысла отстоятъ далѣе отъ торговыхъ центровъ Сибири и, слѣдовательно, доставка туда должна быть дороже. То же самое явленіе мы замѣчали въ 60-хъ годахъ относительно промысловъ Олекминскаго округа сравнительно съ Енисейскимъ. Быть можетъ, это объясняется тѣмъ, что въ сѣверно-енисейскомъ округѣ мы находимъ болѣе крупныя промышленныя предпріятія, чѣмъ въ южномъ.

Исправникъ сѣверно-енисейскаго округа писалъ въ началѣ 80-хъ

¹⁾ Дѣло Арх. Горн. Испр. южн.-енис. окр. 1883 г. № 56.

²⁾ Это можно видѣть изъ таблицы цѣнъ, напечатанной въ *Дополненіи V*.

годовъ, что при утвержденіи таксъ онъ руководствуется енисейскими справочными цѣнами на 1 марта. Мы имѣемъ справочныя цѣны г. Енисейска за мартъ 1889 г.: 1 п. сахара стоилъ тамъ 7 р. 80 к. За провозъ въ тайгу платили въ 1884 г., по словамъ г. Уматъскаго (стр. 60), 50—60 в. съ пуда; если мы примемъ 60 в. съ пуда, то, слѣдовательно, 1 п. сахара обходился золотопромышленнымъ компаніямъ 8 р. 40 к. за пудъ, т. е., по 21 к. за фунтъ, а продавался по 32—40 к., т. е., съ барышемъ въ 52—90%. Если даже исключить отсюда проценты, уплачиваемые многими золотопромышленниками за кредитъ, то все-таки они получали на сахарѣ весьма немалый барышъ. Кирпичъ чаю стоилъ въ Енисейскѣ 1 р. 10 к., въ тайгѣ 1 р. 30 к.—1 р. 60 к., 1 ф. черкаскаго табаку въ Енисейскѣ 24 к., въ тайгѣ 30—35 к., аршинъ холста (1-й сортъ) въ Енисейскѣ 11¹/₂ к., въ тайгѣ 15—22 к., т. е. на нѣкоторыхъ промыслахъ почти вдвое; конецъ дабы въ Енисейскѣ 2 р. 65 к., на промыслахъ 2 р. 80 к.—3 р. 40 к., пара барановыхъ рукавицъ въ Енисейскѣ 35 к., на промыслахъ 55—65 к., киргизскіе полушубки въ Енисейскѣ 2 р. 40 к., въ тайгѣ 3 р. 50 к.—4 р. 50 к. и проч. ¹⁾. Промысла южно-енисейской системы лежатъ ближе къ Красноярску, чѣмъ сѣверно-енисейскіе, и слѣдовательно при большей дешевизнѣ доставки товара должны бы стоить дешевле, а между тѣмъ очень часто мы видимъ обратное ²⁾. Закупа на промыслахъ хлѣба, по отчету горнаго исправника за 1889 г., производилась преимущественно въ Канскомъ и Енисейскомъ округахъ, и лишь весьма немногіе, болѣе состоятельные, золотопромышленники имѣли устроенные на берегу Енисея близъ села Усть-Тунгузскаго склады, куда и закупали во время лѣтней навигаціи сплавной хлѣбъ изъ Минусинскаго округа. На мѣстѣ покупки въ этомъ году пшеничная мука стоила 1 р.—1 р. 30 к., а съ перевозкою изъ Енисейскаго и Канскаго округовъ 1 р. 40 к.—1 р. 95 к. за пудъ, на промыслахъ же она продавалась за 2 р.—2 р. 60 к.; если взять среднюю стоимость пуда пшеничной муки съ доставкою (около 1 р. 70 к.) и среднюю продажу на промыслахъ 2 р. 30 к., то окажется, что прибыль

¹⁾ Арх. Горн. Испр. сѣв. енис. окр., дѣло 1889 г. № 4.

²⁾ Относительно стоимости доставки на южно-енисейскіе промысла мы имѣемъ слѣдующія официальныя свѣдѣнія. По отчетамъ мѣстнаго горнаго исправника въ 1880 г., доставка владѣй на принскіи производилась по слѣдующимъ цѣнамъ: изъ енисейскаго округа 40—60 к., канскаго—50—65 к., красноярскаго—80—85 к. и изъ г. Томска по 1 р. 10 к. за пудъ; въ 1883 г. изъ Енисейска 30—45 к., изъ канскаго округа 30—40 к., красноярскаго 50—70 к., изъ Томска 1 р. 25 к.—1 р. 70 к. (Арх. южн.-енис. горн. испр., дѣло 1880 г. № 41, 1883 г. № 56); въ 1886 г. изъ енисейскаго округа 25—45 к., изъ канскаго 40—50 к., изъ красноярскаго 60—75 к., изъ томскаго 1 р. 60 к.—2 р. (дѣло томск. горн. упр. 1888 г. № 31/2). Поставка припасовъ въ тайгу не обогащала массъ мѣстныхъ крестьянъ, а давала возможность наживаться только кулакамъ. См. „Сибирь“ 1879 г. № 9.

золотопромышленника превосходила 35%. Рабочіе очень много закупают на промыслахъ масла и сала. Въ 1888 г., по отчету окружного инженера южно-енисейскаго округа, 1 п. коровьяго масла на мѣстѣ покупки обходился въ 9—14 р., на промыслахъ же онъ продавался по таксамъ 12—20 р., пудъ сала на мѣстѣ покупки стоилъ 6—8 р., а на прискахъ 1 п. топленого сала продавался за 7 р. 20 к.—16 р.; пудъ сахару на мѣстѣ покупки стоилъ 8—10 р., а на прискахъ продавался по 14—20 р.

Мы приводили цѣны присковыхъ таксъ въ томъ видѣ, въ какомъ онѣ утверждались горнымъ исправникомъ, золотопромышленники же очень часто желали назначить болѣе дорогія цѣны. Въ этомъ отношеніи очень любопытно письмо горнаго исправника Поротова въ главную контору В. И. Базилевскаго отъ 7 мая 1872 г. „Разсмотрѣвъ представленную ко мнѣ конторою Отраднаго приска К^о Малевинскаго... таксу“, писалъ исправникъ, „я нахожу, что цѣны... выставленныя въ той таксѣ, весьма высоки, въ особенности на сахаръ, что можно видѣть изъ прилагаемой при семъ вѣдомости, а потому я утвердить тѣхъ цѣнъ не могу. Имѣя по сему предмету строжайшее распоряженіе г. генерал-губернатора Восточной Сибири, не позволяющее допускать возвышенія цѣнъ на предметы, отпускаемые изъ магазиновъ, противъ дѣйствительной ихъ стоимости, я, вслѣдствіе этого, возирающаю означенную таксу въ главную квартиру г. Базилевскаго и покорнѣйше прошу пересоставить оную сообразно съ существующими цѣнами въ Енисейскѣ и провозною на товары платою отъ г. Енисейска до промысловъ“ ¹⁾. Уполномоченный В. И. Базилевскаго возражалъ, что провозная плата дороже указанной горнымъ исправникомъ и соглашался сбавить только цѣну на сахаръ съ 60 к. до 50 к. за фунтъ. Не знаемъ, какъ рѣшенъ былъ исправникомъ вопросъ о таксѣ В. И. Базилевскаго на операцію 1872 г., но въ слѣдующемъ 1873 г. многія изъ указанныхъ въ его таксахъ цѣнъ явились въ томъ же видѣ, другіе же припасы и товары продавались дешевле ²⁾. Въ 1880 г. управляющій промыслами В. И. Базилевскаго и Черемныхъ (сѣв.-енис. окр.) писалъ горному исправнику, что не можетъ согласиться на назначенную имъ цѣну кирпичнаго чаю въ 1 р. 80 к., такъ какъ самому управленію онъ обходится въ 1 р. 90 к., а между тѣмъ на промыслахъ Асташева (того же округа) въ этомъ году цѣна чая назначена была въ 1 р. 50 к., на прискахъ Баландина въ 1 р. 60 к. ³⁾.

¹⁾ Къ этому письму было приложена вѣдомость, изъ которой мы приводимъ нѣкоторые данныя въ Дополненіи VI.

²⁾ А именно крупа ячная и гречневая 2 р. 10 к. за пудъ, пшеничная мука 2 р. 10 к., сахаръ 50 к. за фунтъ, ситецъ аршинъ—26 к. и сукно крестьянское—20 к. Арх. В. И. Базилевскаго въ Енисейскѣ.

³⁾ Дѣло Ирк. Горн. Упр. 1881 г. № 35, л. 129—131, 137.

При утвержденіи таксъ горные исправники нѣсколько ограничивали чрезмѣрные притязанія золотопромышленниковъ, сбавляя цѣны нѣкоторыхъ товаровъ и припасовъ, но нельзя не замѣтить, что они дѣлали это довольно несистематично, быть можетъ, руководствуясь нерѣдко не только тѣмъ, во что дѣйствительно обошелся товаръ приисковому управленію, сколько особыми соображеніями, основанными на личныхъ отношеніяхъ къ тому или другому приисковому управленію. Такъ, напр., при утвержденіи таксъ на 1880 г. горный исправникъ южно-енисейскаго округа справедливо обратилъ вниманіе на слишкомъ высокую цѣну сахара и у нѣкоторыхъ золотопромышленниковъ понизилъ цѣну съ 60—55 к. за фунтъ до 40 к., но у другихъ осталось 60 и 50 к., и между прочимъ 50 к. было оставлено у такого крупнаго золотопромышленника, какъ В. И. Асташевъ, который могъ, конечно, заготовить сахаръ по болѣе дешевой цѣнѣ, чѣмъ какой-нибудь мелкій предприниматель, которому цѣна была сбавлена до 40 к. Точно также въ сѣверно-енисейскомъ округѣ въ 1889 г. только у одного крупнаго золотопромышленника А. П. Кытманова цѣна сахара равнялась 40 к., а у всѣхъ остальныхъ была не болѣе 35 к. По словамъ г. Уманьскаго, ржаная мука, которая въ 1884 г. покупалась въ городѣ весною по 37 к. за пудъ, въ тайгѣ продавалось по 2 р. 25 к.; а пшеничная, стоившая 50 коп., продавалась по 2 руб. 55 коп.; между тѣмъ провозъ въ тайгу стоилъ всего 50—60 к. за пудъ ¹⁾, бывало иной разъ и такъ, напр., въ 1879 г., что почти всѣ таксы оставались въ совершенно неприкосновенномъ видѣ, и пониженіе весьма многихъ цѣнъ раздражалось надъ какою нибудь одною компаніею ²⁾, между тѣмъ какъ у другихъ компаній оставались безъ пониженія и болѣе высокія цѣны. Словомъ, въ этомъ дѣлѣ сказывалась не какая-либо правильная система, а скорѣе, личное усмотрѣніе и произволъ. Чаше другихъ товаровъ и припасовъ горные исправники южной части Енисейскаго округа понижали цѣны на сахаръ, кирпичный чай, ржаную муку, коровье масло, черкасскій табакъ, холстъ, спички. Не смотря на эти пониженія цѣны оставались крайне неравномѣрными на разныхъ промыслахъ.

Данныя о барышахъ, получаемыхъ золотопромышленниками, мы можемъ почерпнуть изъ статистическихъ свѣдѣній о промыслахъ В. И. Ва-

¹⁾ Уманьскій, стр. 60. Другіе примѣры слишкомъ большихъ цѣнъ товаровъ и припасовъ на промыслахъ см. „Сибирь“ 1878 г. № 36, стр. 5, 1880 г. № 5, стр. 5. Нужно замѣтить еще, что при продажѣ рабочимъ припасовъ въ большомъ размѣрѣ практиковалось обвѣшиваніе. Уманьскій, стр. 96. Въ 1885 г. исправнику сѣверно-енисейскаго округа пришлось напомнить золотопромышленникамъ, что не дозволяется записывать огуломъ выдачу вещей и припасовъ какъ на приискахъ, такъ и во время найма. „Сиб. Газ.“ 1885 г. № 17, стр. 420.

²⁾ Въ данномъ году компаніею Шарнинова и Мильштейна.

зилевскаго (сѣв.-енис. окр.) за 1877 — 87 гг. ¹⁾ Сравнивъ стоимость заготовки и продажную цѣну 2 припасовъ, на которые на принскихъ существуетъ большой запросъ, а именно масло и сахаръ, мы найдемъ, что барышъ на масло составлялъ въ 1878 г. 31%, въ 1879 г. 22—51%, въ 1880 г. 63%; на сахаръ: въ 1878 г. 72%, въ 1879 г. 61%, въ 1880 г. 78—86%. Неудивительно послѣ этого, что К^о Бозилевскаго получила на этихъ промыслахъ въ теченіе 11 лѣтъ барыша „отъ отпуска товаровъ, припасовъ, матерьяловъ и имущества“ 86,520 р. или среднимъ числомъ ежегодно 7865 р. ²⁾

Въ 60-хъ годахъ Корсаковъ, исполнявшій тогда должность генералъ-губернатора Восточной Сибири, запретилъ золотопромышленникамъ особымъ циркуляромъ брать плату за лѣченіе рабочихъ. Поэтому почти во всѣхъ контрактахъ 70-хъ, 80-хъ и начала 90-хъ годовъ упоминается о томъ, что лѣченіе рабочихъ на золотыхъ промыслахъ производится безвозмездно и лишь поясняется, что за дни болѣзни рабочіе не имѣютъ права требовать платы. Въ договорѣ Базилевскаго (1891 г. сѣв.-енис. окр.) сказано: „Въ случаѣ, если мы, нанявшіеся, находясь на принскихъ у Базилевскаго, заболѣемъ, то лѣченіе и содержаніе должно быть на счетъ Базилевскаго, за исключеніемъ заболѣванія отъ пьянства, дракъ и т. п., зависящихъ отъ нашей вины или неосторожности: въ этихъ случаяхъ лѣченіе и содержаніе должно быть на счетъ виновнаго съ запискою въ листокъ для отработки, безъ всякаго со стороны Базилевскаго вознагражденія“. По договорамъ съ Асташевымъ (1875 и 87 гг. южн.-енис. окр.) бесплатное лѣченіе обѣщалось рабочимъ впредь до выздоровленія только „во время болѣзни, приключившейся отъ причинъ, независимыхъ отъ золотопромышленника, или въ случаѣ *легкаго* увѣчья“. По договору съ К^о Кытманова и Фунтусова (1871 г.) бесплатное содержаніе и лѣченіе больныхъ рабочихъ было обѣщано лишь въ теченіе 5 дней, а затѣмъ больные должны были платить за прокормленіе ихъ и лекарства по 15 к. въ день, что уже было нарушеніемъ предписанія Корсакова (см. т. I, 415—416).

По договору съ Асташевымъ (1870 г.), лѣченіе производилось безплатно, но если бы кто изъ рабочихъ „скрылъ при наймѣ какія-либо застарѣлыя болѣзни и подъ уклончивостью (sic) отъ работъ вошелъ на излеченіе въ больницу, то компанія имѣетъ право не только дѣлать вычетъ за всѣ употребленные во время болѣзни медикаменты, но и заставить отработывать всѣ дни нахожденія въ больницѣ и послѣ раз-

¹⁾ См. Дополненіе VI.

²⁾ „Статистика по золотымъ принскимъ В. И. Базилевскаго“. На принскихъ Асташева (южн.-енис. окр.) въ операцію 1895 г. чистый доходъ отъ продажи припасовъ былъ около 15% на затраченный капиталъ „Вѣст. Золот.“ 1896 г. № 1 стр. 15.

счета; а въ контрактъ съ К^о Иваничкаго, Жилля и Потапова (1888 г.) съ такихъ рабочихъ сверхъ того опредѣленъ штрафъ по 50 к. въ день. А между тѣмъ въ отчетахъ горнаго исправника южно-енисейскаго округа за 1874, 75 и 80 гг. и въ отчетѣ начальника енисейскаго жандармскаго управленія за 1874 г. сказано, что лѣченіе вездѣ производится безвозмездно.

Крайне тяжелый трудъ на золотыхъ промыслахъ очень вредно отзывается на здоровьѣ рабочихъ. По наблюденіямъ доктора Крутовскаго, общій типъ промысловаго рабочаго рисуется слѣдующимъ образомъ: „къ 40—50 годамъ жизни послѣ 10—16 л. прискоковой работы рабочій представляетъ изъ себя преждевременно состарившагося субъекта съ расширенными венами, перерожденными артеріями, съ гипертрофированнымъ сердцемъ, которое уже отказывается работать; появляются отеки, застой крови, эмфизема легкихъ, гипертрофія и перерожденіе печени, параличи и масса другихъ заболѣваній, начиная нефритами и оканчивая общимъ маразмомъ. Все это хроническія, неисправимыя нарушенія цѣлости организма, обязанныя своимъ происхожденіемъ условіямъ прискоковой жизни и работъ. Вотъ тотъ печальный типъ присковаго инвалида, искалѣченнаго непосильнымъ трудомъ, для котораго нѣтъ спокойнаго угла, нѣтъ богадѣльни, и удѣлъ его преждевременной старости—нищета, голодъ, холодъ и смерть или въ больницѣ, или гдѣ-нибудь подъ заборомъ“¹⁾.

Очень вредно вліяетъ на здоровье рабочихъ, при чрезвычайной интензивности ихъ труда, крайне малое количество праздничныхъ и льготныхъ дней.

По договору съ золотопромышленникомъ Черныхъ (1870 г.) рабочіе зимою до 1 марта, а по другому договору того же года до 25 апрѣля, имѣли 2 льготныхъ дня въ теченіе мѣсяца, а лѣтомъ льготой могло пользоваться, „по усмотрѣнію завѣдующаго, то число рабочихъ, какое будетъ имъ отпущено по очереди“, слѣдовательно, здѣсь назначеніе рабочимъ отдыха совершенно зависѣло отъ произвола присковаго управленія. По другому договору Черныхъ (того же года), находившимся въ ортовыхъ работахъ было предоставлено 2 льготныхъ дня. По договору съ Навалихинымъ (1871 г.) и съ К^о Зотовыхъ (1877 г.), рабочимъ былъ назначенъ всего 1 льготный день въ мѣсяцъ²⁾. По договору съ Дрянинымъ (1890 г. на ортовую работу), рабочимъ опредѣлены были слѣдующіе праздники: 3 дня Пасхи, 2 дня Рождества, 2 дня масленицы, 1 день Троицы и 1 день Благовѣщенія и кромѣ того зимою до 1 мая по 1 льготному дню, лѣтомъ же

¹⁾ Крутовскій. „Предварительныя данныя о вліяніи условій жизни и работы на золотыхъ промыслахъ на физическое здоровье рабочихъ 1892 г. отд. от., стр. 31. (Приложеніе къ протоколамъ общества врачей Енисейской губ.).

²⁾ Въ проектѣ контракта, составленномъ горнымъ исправникомъ южно-енисейскаго округа (1874 г.), предлагалось установить 8 праздниковъ и по 1 льготному дню въ мѣсяцъ „для отдыха, починки одежды и обуви“.

назначеніе льготныхъ дней предоставлено было усмотрѣнію присковаго управленія. По договорамъ съ Базилевскимъ (1890—91 гг.), праздники назначены тѣ же, а льготныхъ дней дается кромѣ того по 1 дню въ мѣсяцъ въ теченіе всего года ¹⁾. По словамъ г. Уманьскаго, въ его время, въ 80-хъ годахъ, на прискахъ было всего 6 дней праздниковъ въ году, и кромѣ того льготный день ежемѣсячно (стр. 119—120). Окружной инженеръ южно-енисейскаго округа въ отчетѣ за 1888 г. свидѣтельствуетъ, что льготный день давался 1 разъ въ мѣсяцъ, а въ слѣдующемъ году онъ говоритъ уже о 2 льготныхъ дняхъ, „только не цѣлою артелью, а поочередно“, и еще праздновали 10 церковныхъ праздниковъ въ году. По словамъ Ячевскаго, въ сѣверно-енисейскомъ округѣ зимою рабочимъ давали 2 льготныхъ дня. Въ время моей повѣдки по промысламъ Енисейскаго округа въ 1891 г. я слышалъ, что льготныхъ дней въ мѣсяцъ обыкновенно назначаютъ то 1, то 2, но были приски, гдѣ не полагалось ни одного льготнаго дня.

И суровый климатъ, и работа въ сырыхъ мѣстахъ должны были содѣйствовать усиленію заболѣваній. Исправникъ сѣверно-енисейскаго округа въ отчетѣ за 1881 г. писалъ: „Приски сѣверной системы находятся приблизительно на 60° сѣв. шир. на сѣверо-востокъ отъ Енисейска въ мѣстности гористой, покрытой лѣсами и болотами, почему климатъ ихъ суровый и сырой съ очень короткимъ и позднимъ лѣтомъ и съ продолжительной зимою. Лѣто начинается съ первыхъ чиселъ іюня, а въ концѣ сентября бываетъ уже зимній путь“. Ночи даже въ іюлѣ холодныя, а въ маѣ и августѣ случаются холодные утренники, такъ что замерзаетъ вода ²⁾. По словамъ исправника южно-енисейскаго округа въ отчетѣ за 1883 г., „климатъ южной системы вообще сносный, но отъ продолжительнаго таянія снѣга въ лѣсахъ въ продолженіе весеннихъ мѣсяцевъ является сильная влага и сырость, отчего развивается среди рабочихъ цынготная болѣзнь ногъ. Южные промысла находятся приблизительно подъ 58° сѣв. шир. и разбросаны на пространствѣ почти 200 верстъ въ длину и ширину... На возвышенныхъ мѣстахъ условія работъ, въ особенности ортовыхъ, весьма сносны, но въ низменныхъ при открытыхъ работахъ даже и въ сухое время года бываетъ сырость и мокрота, порождающія большой процентъ заболѣванія“.

Здоровье присковыхъ рабочихъ сильно подрывается еще частыми кровопусканіями, которыя невѣжественные фельдшера иногда производятъ въ такихъ случаяхъ, когда это можетъ самымъ вреднымъ об-

¹⁾ На промыслахъ Базилевскаго 1877—87 гг. льготныя поденщины составляли 4,3% всего числа поденщинъ (количество же больныхъ поденщинъ 3,1%), а тѣхъ и другихъ вмѣстѣ 7,4%, т. е., 2,2 дня въ мѣсяцъ. На промыслахъ Удереиской К⁰ (1876 г.) у мужчинъ было 7,7% нерабочихъ дней (льготныхъ больныхъ и прогульныхъ поденщинъ), т. е. 2, 3 дня въ мѣсяцъ; на Гавриловскомъ прискѣ К⁰ Рязановыхъ и Гороховыхъ въ 1874—75 г. 7%, т. е. 2, 1 нерабочихъ дня въ мѣсяцъ.

²⁾ „Приложеніе I къ выпуску I Сборн. офф. докум. по управ. Вост. Сиб.“ т. VII. Отчетъ горн. ревиз. енис. окр., стр. 4. „Вѣст. Золот.“ 1896 г. № 7, стр. 148.

разомъ отозваться на рабочемъ. По свидѣтельству врача, служившаго на промыслахъ южно-енисейскаго округа, „почти на каждомъ промыслѣ существуетъ обычай еженедѣльно производить общее кровопусканье известному числу рабочихъ“, послѣ чего имъ дается двухдневный отдыхъ. „Золотопромышленники въ большинствѣ случаевъ тоже смотрятъ на кровопусканье, какъ на средство неизбежное и весьма цѣлебное... На промыслахъ трудно встрѣтить рабочаго, у котораго кровь не была бы пущена нѣсколько разъ; не мало найдется и такихъ, у которыхъ кровопусканье дѣлается въ годъ два, три раза. Это само по себѣ громадное зло увеличивается еще тѣмъ, что кровопусканья, производимыя безъ всякаго разбора, часто дѣлаются въ началѣ острыхъ или во время теченія хроническихъ процессовъ“ ¹⁾. Врачъ В. М. Крутовскій, 20 лѣтъ позднѣе, также говоритъ: „что касается кровопусканій, то известно, что простой народъ любитъ къ нимъ прибѣгать въ различныхъ случаяхъ при заболѣваніи, но нигдѣ и никогда бросаніе крови, даже безъ всякой болѣзни, не достигаетъ такой частоты и такой сильной потребности, какъ это бываетъ на промыслахъ“. Въ подтвержденіе своихъ словъ авторъ рассказываетъ слѣдующій фактъ изъ недавняго прошлаго. На одинъ изъ присковъ южной системы былъ на мѣсто фельдшера приглашенъ студентъ 5 курса. Онъ не хотѣлъ шаблонно относиться къ своимъ обязанностямъ и сталъ отказывать рабочимъ ставить кровавыя банки и пускать кровь безъ всякой видимой причины... Рабочіе остались ужасно недовольны подобною мѣрою фельдшера и черезъ исправника просили или перемѣнить его, или заставить удовлетворять ихъ потребностямъ къ кровопусканіямъ... Студенту пришлось уступить... Сколько разъ приходилось и мнѣ“, продолжаетъ г. Крутовскій, „слышать отъ рабочихъ слѣдующую фразу: „На прискахъ, баринъ, если водки не пить да крови не пускать,—пропадешь совсѣмъ!“ ²⁾.

Въ настоящее время найдено научное объясненіе этой настоятельной потребности рабочихъ. Г-жа Манассеина, въ своей статьѣ объ усталости ³⁾, говоритъ: „Ранке доказалъ, что усталыя мышцы, доведенныя тѣмъ или инымъ способомъ до полнаго истощенія, снова пріобрѣтаютъ способность сокращаться, если ихъ подвергнуть вліянію кровотеченія“. Теперь очевидно, что вредный обычай кровопусканія исчезнетъ на золотыхъ прискахъ лишь тогда, когда трудъ рабочихъ будетъ введенъ въ известныя границы, и ихъ не будутъ доводить до такого крайняго переутомленія, при которомъ продолженіе работы возможно лишь послѣ кровопусканія.

¹⁾ Н. Д. „Санитарный очеркъ золотыхъ промысловъ“. „Сборн. соч. по судеб. медицинѣ“. 1875 г. т. I.

²⁾ „Восточ. Обзоръ.“ 1892 г. № 24, стр. 9—10.

³⁾ „Сѣв. Вѣстн.“ 1892 г. кн. 4, стр. 160.

Медицинская часть на прискахъ была по прежнему въ неудовлетворительномъ состояніи. „Въ больницахъ“, писалъ въ началѣ 1871 г. начальникъ Енисейскаго жандармскаго управленія, „на большинствѣ присковъ южной части Енисейскаго округа не содержится надлежащей чистоты, а у нѣкоторыхъ грязь и нечистота доходятъ до безобразія: больные поступаютъ въ больницы и остаются въ томъ же бѣльѣ, въ которомъ работали въ разрѣзахъ; постельнаго бѣлья нѣтъ; аптеки въ той же системѣ, за исключеніемъ больницъ крупныхъ золотопромышленниковъ, находятся въ жалкомъ состояніи“ ¹⁾. На Алексѣевскомъ прискѣ Ягунова, по словамъ того же жандармскаго офицера, въ 1870 г. въ больницѣ была „грязь и нечистота, аптека безъ медикаментовъ, больные безъ присмотра, въ рубищахъ, грязи и, въ заключеніе всего, не получаютъ никакой пищи, кромѣ ржаного хлѣба: одинъ изъ больныхъ, ушибленный землей“ вслѣдствіе допущеннаго подкашливанія въ забояхъ и находившійся въ больницѣ 3 недѣли, получалъ „къ хлѣбу еще $\frac{1}{2}$ ф. сырого мяса въ сутки“, которое ему предоставлялось употреблять въ пищу „по своему усмотрѣнію“ ²⁾. Въ отчетѣ горнаго исправника сѣверно-енисейскаго округа за 1874—75 г. указано на то, что лучше другихъ больницы на прискахъ Асташева, Толмачева и Кытманова, а на одномъ прискѣ больные жаловались, что ихъ „дѣчаютъ діэтою, даже не всегда даютъ мяса, а содержатъ на ржаномъ хлѣбѣ и кирпичномъ чаѣ, что, конечно, не поддерживаетъ выздоравливающихъ, а только длитъ слабое ихъ состояніе“ ³⁾. Но каковы бы ни были отзывы представителей администраціи о состояніи медицинской части на промыслахъ, мы не вполне можемъ на нихъ положиться, такъ какъ они не компетентны въ этомъ вопросѣ: настоящіе судьи въ этомъ дѣлѣ—врачи. Мы видѣли въ своемъ мѣстѣ, какъ отзывался Кривошапкинъ о больницахъ Енисейскаго округа въ концѣ 50-хъ и въ началѣ 60-хъ гг.; а вотъ что говоритъ о нихъ врачъ, служившій въ первой половинѣ 70-хъ годовъ на промыслахъ южной части Енисейскаго округа:

Здѣсь или на каждомъ прискѣ есть „своя собственная больница, или же существуетъ одна общая больница для нѣсколькихъ сосѣднихъ промысловъ“; есть однако же „и такіе промыслы, которые не имѣютъ своихъ больницъ и не могутъ помѣщать заболѣвшихъ рабочихъ на другіе промыслы“, такъ какъ не вошли „съ этими послѣдними ни въ какое соглашеніе...“ „Промысловыя больницы въ большинствѣ случаевъ малы, тѣсны, грязны, зимою холодны, безъ всякой вентиляціи или съ крайне недостаточною. На зиму многія изъ нихъ закрываются по случаю прекращенія работъ въ это время года“. Нѣкоторыя изъ больницъ, по описанію автора, просто ужасны. Одна изъ нихъ „въ январѣ мѣсяцѣ, когда холода дости-

¹⁾ Арх. Ирк. Горн. Упр. К. 2545, дѣло № 57/112, л. 295.

²⁾ Ibid. № 58/113, л. 2.

³⁾ Ibid. К. 2574, № 189/243, л. 236.

гали 30° R. и болѣе, представляла слѣдующій видъ: это была небольшая комната съ неровнымъ и до крайности грязнымъ поломъ; входъ въ нее прямо съ улицы; входная дверь затворяется не плогомъ, и въ самомъ низу ея находится нѣсколько довольно большихъ, ничѣмъ не заколоченныхъ, щелей, черезъ которыя несетъ страшный холодъ; рамы ординарныя, сверху до низу покрытыя льдомъ, со множествомъ щелей; посрединѣ стѣны, противоположной окнамъ, стоитъ большая желѣзная печь. Такимъ образомъ больные съ одной стороны находятся подъ дѣйствіемъ жара желѣзной печки, съ другой—подъ вліяніемъ холода, имѣющаго свободный доступъ черезъ множество щелей въ окнахъ, дверяхъ и полу. Кровати разставлены тѣсно; тюфяки на нихъ грязные, ничѣмъ не прикрытые, а на нѣкоторыхъ кроватяхъ ихъ и совсѣмъ нѣтъ. Больные ходятъ въ тѣхъ же грязныхъ рубахахъ и штанахъ, въ которыхъ они были на работѣ. Ни одѣялъ, ни простынь, ничего нѣтъ; покрываются армяками, шубами или чѣмъ попало. Въ другой больницѣ на нѣкоторыхъ кроватяхъ не было вовсе матрацовъ или лишь какая-нибудь подстилка. Въ 2 окнахъ совсѣмъ не было рамъ, и они были заколочены досками, сквозь которыя свободно проникалъ вѣтеръ, а между тѣмъ дѣло было весною, когда по временамъ стояли сильные холода.

Остальныя больницы, по словамъ автора, хотя и лучше, „однако оставляютъ желать весьма многого. Помѣщенія для больницъ въ большинствѣ случаевъ выбираются наименѣе пригодныя, кое-какъ сколоченныя, какъ, впрочемъ, и большинство промысловыхъ построекъ, особенно предназначенныхъ для рабочихъ. Крыши устроены весьма плохо; при всякомъ, сколько-нибудь значительномъ, дождѣ или таяніи снѣга въ различныхъ мѣстахъ оказывалась течь. Во многихъ больницахъ вентиляціи нѣтъ никакой, въ другихъ же она производится посредствомъ круглыхъ отверстій, просверленныхъ въ верхней части стѣны подъ потолкомъ. Рамы вездѣ ординарныя и почти во всѣхъ больницахъ не створчатныя и не поднимающіяся. Слѣдовательно, въ тѣхъ больницахъ, гдѣ нѣтъ отверстій въ стѣнахъ, невозможно производить вентиляцію даже и такимъ путемъ“, и приходилось, для очищенія воздуха, просто открывать дверь. „Можно себѣ представить, какъ это бываетъ удобно въ то время, когда холода достигаютъ 20° и болѣе“. Матрацовъ, постельнаго бѣлья, бѣлья для больныхъ и перевязочнаго матеріала въ больницахъ крайне мало. „Нерѣдко случается, при большомъ стеченіи больныхъ, что нѣкоторые изъ нихъ принуждены лежать на полу; хорошо еще, если для нихъ найдется матрацъ, а то они ложатся прямо на полу на какомъ-нибудь армякѣ, шубѣ и проч.“ Матрацы представляютъ обыкновенно холстяные мѣшки, набитые сѣномъ или соломой, которые „употребляютъ до тѣхъ поръ, пока они не загрязнятся до послѣдней возможности и вообще не сдѣлаются никуда негодными“. Постельное бѣлье и бѣлье для больныхъ „имѣется только въ весьма немногихъ больницахъ, да и въ большей части этихъ послѣднихъ рѣдко употребляется только въ экстренныхъ случаяхъ, когда ожидается посѣщеніе какого-либо начальствующаго лица. Въ обыкновенное время лежатъ въ больницѣ въ томъ же грязномъ бѣлѣ, въ которомъ они были на работахъ. Часто эти грязныя рубахи и штаны остаются на нихъ несмѣняемыми въ продолженіе двухъ, трехъ и болѣе недѣль. Перевязочные матеріалы, какъ-то: корпія, компрессы, бинты находятся въ больницахъ въ крайне ничтожномъ количествѣ, по крайней мѣрѣ въ большинствѣ ихъ. Поэтому очень часто бываетъ, что язва или рана, вмѣсто того, чтобы быть перевязанной посредствомъ корпіи, просто обмотана какою-нибудь грубою грязною тряпкою. Чистый бинтъ на больномъ—большая рѣдкость, потому что онъ употребляется большею частью до тѣхъ поръ, пока совершенно не загрязнится и не пропитается разными отдѣленіями раны или язвы. Бываетъ и

такъ, что грязный бинтъ, служившій одному больному, тотчасъ же употребляется для другого¹⁾.

Пищу больные, по свидѣтельству того же врача, получали такую же, какъ и здоровые рабочіе, съ тою только разницею, что она отпускалась имъ въ значительно меньшемъ количествѣ. „Она ограничивается главнымъ образомъ мясомъ и чернымъ хлѣбомъ. Почти во всѣхъ больницахъ больной получаетъ только $\frac{1}{2}$ ф. мяса²⁾. На самомъ дѣлѣ и этого не бываетъ; въ счетъ идутъ кости, слѣдовательно, собственно мяса окажется гораздо меньше... Разницы между больными относительно количества пищи не дѣлается., и всѣ одинаково подвергаются голодной діетѣ... О молокѣ и бѣломъ хлѣбѣ, когда они оказываются необходимыми, не можетъ быть и рѣчи. Назначить больному молоко возможно только въ рѣдкихъ, совершенно исключительныхъ, случаяхъ и при томъ на болѣе богатыхъ промыслахъ... Нужно еще замѣтить, что на всѣхъ промыслахъ безъ исключенія въ пищу, какъ здоровымъ, такъ и больнымъ, дается солонина, которая „нерѣдко бываетъ испорчена“³⁾.

Въ сентябрѣ 1875 г. генералъ-губернаторъ Восточной Сибири, баронъ Фредериксъ, предложилъ енисейскому губернатору обревизовать больницы и аптеки на золотыхъ промыслахъ, командировавъ для этого одного изъ членовъ енисейской врачебной управы. Губернаторъ просилъ врачебную управу дать свое заключеніе по этому вопросу, но она лишь *черезъ 4 года*, т.-е. въ іюнѣ 1879 г. отозвалась, что „распоряженіе это не могло быть приведено въ исполненіе вслѣдствіе того, что на каждомъ изъ членовъ управы лежатъ обязанности, недопускающія отлучекъ, въ особенности на продолжительное время, какое потребовалось бы для командировки, а потому управа предполагаетъ съ своей стороны назначить“ для этой цѣли мѣстныхъ окружныхъ врачей. Послѣ этого прошло еще 9 мѣсяцевъ прежде, чѣмъ енисейскій губернаторъ довелъ объ этомъ до свѣдѣнія уже другого генералъ-губернатора Восточной Сибири⁴⁾, а самой ревизіи присковскихъ больницъ, если мы не ошибаемся, и вовсе не было. Въ отчетѣ горнаго исправника южно-енисейской системы за 1883 г. изъ 47 больницъ 18 называются благоустроенными, а о больницахъ на промыслахъ Асташева, Саввинныхъ, Захарова, Мотонина и Хилкова сказано, что онѣ „представляются по присковскому быту образцовыми, остальные же будутъ справедливе называть приемными покоями“. При всѣхъ больницахъ состояло 18 фельдшеровъ, „которые завѣдывали и остальными“, слѣдовательно на

¹⁾ Крайне печальное положеніе больницъ на енисейскихъ промыслахъ подтверждается и другими наблюдателями: см. „Сибирь“ 1881 г. № 29, ср. „Енис. Губерн. Вѣдом.“ 1874 г. № 31, стр. 119.

²⁾ По словамъ г. Уманьскаго, въ его время, т.-е. въ 80-хъ годахъ, выдавали больнымъ 1 ф. мяса или солонины (стр. 120).

³⁾ Н. Д. „Санитарный очеркъ золотыхъ промысловъ“. Сборн. соч. о судебн. медицинѣ 1875 г. т. I, 161.

⁴⁾ Арх. Ирк. Горн. Управ. К. 2568 № 167/221, л. 243.

1 фельдшера приходилось въ среднемъ по 2¹/₂ больницы ¹⁾). Въ отчетѣ окружного инженера южно-енисейскаго округа сказано было, что болѣе благоустроенныя больницы находились на промыслахъ Асташева, Хилкова, Иванецкаго, Захарова, Саввинныхъ и на 1 приискѣ Переплетчикова (изъ 20 имъ разрабатываемыхъ), „на остальныхъ же были собственно приемные покои“ ²⁾). Въ отчетѣ за слѣдующій 1889 г. тотъ же окружной инженеръ къ числу названныхъ „болѣе благоустроенныхъ“ прибавилъ еще больницу Базилевскаго, а объ остальныхъ сказалъ, что въ нихъ „врачебная помощь подается *крайне медленно*, и въ серьезныхъ случаяхъ какъ рабочіе, такъ и служащіе подвергаются вслѣдствіе этого большой опасности“ ³⁾).

При приисковыхъ больницахъ всегда бываютъ аптеки.

„По количеству имѣющихся въ нихъ средствъ“, говоритъ врачъ, служившій на енисейскихъ промыслахъ въ первой половинѣ 70-хъ годовъ, „аптеки весьма разнообразны, нѣкоторыя имѣютъ большой выборъ лѣкарственныхъ веществъ и притомъ въ достаточномъ количествѣ. Такихъ аптекъ, впрочемъ, весьма немного... При этомъ обыкновенно наиболѣе дѣйствительныхъ лѣкарственныхъ веществъ нѣтъ. Неудовлетворительность состава аптекъ понятна, потому что составленіемъ аптечныхъ каталоговъ занимаются фельдшера. Въ рѣдкихъ случаяхъ удается врачу добиться того, чтобы золотопромышленники или ихъ управляющіе обращались къ нему съ просьбой составить аптечный каталогъ или по крайней мѣрѣ прислали къ нему на просмотръ каталогъ, составленный фельдшеромъ... Легко себѣ представить, каковъ будетъ каталогъ, составленный фельдшеромъ, который нигдѣ ничему не обучался и едва умѣетъ читать и писать... Инструментами и другими необходимыми вещами большинство аптекъ снабжено или въ ничтожномъ количествѣ, или ихъ совсѣмъ нѣтъ. Есть и такія больницы, которыя не имѣютъ фельдшерскихъ наборовъ и даже клистирныхъ трубокъ“. Когда этотъ врачъ пріѣхалъ на промысла, „ни въ одной изъ больницъ не было гипса,— вещества, служащаго для накладыванія неподвижныхъ повязокъ при переломѣ и проч.“... Несмотря на то, что онъ обратился черезъ исправника съ формальнымъ предложеніемъ къ золотопромышленникамъ приобрести гипсъ для больныхъ, только немногіе изъ нихъ запаслись имъ. Понятно, что онъ не встрѣтилъ на промыслахъ ни одного рабочаго, вполне выздоровѣвшаго послѣ перелома ноги или руки: „всѣ они въ большей или меньшей степени остались калѣками съ весьма значительной хромотой“ ⁴⁾).

Въ 1875 г. пачальникъ енисейскаго жандармскаго управленія предлагалъ обрѣзывать приисковыя аптеки черезъ особо командированныхъ врачебною управою врачей, такъ какъ врачи на промыслахъ нахо-

¹⁾ Арх. Испр. южн. енис. окр. 1888 г. № 56.

²⁾ Дѣло Томск. Горн. Упр. 1888 г. № 31/2, л. 465.

³⁾ Дѣло Томск. Горн. Упр. по отчету за 1889 г., ср. отчетъ 1890 г. въ „Горномъ Журналѣ“ 1891 г. № 12, стр. 530.

⁴⁾ „Сборн. соч. по судебн. медицинѣ“ 1875 г. т. I. Во время моей поѣздки въ 1891 г. я также слышалъ жалобы на то, что гипсъ имѣется весьма плохого качества.

дятся „въ полной зависимости отъ золотопромышленника“ и потому они по необходимости „на многое смотрятъ сквозь пальцы“ ¹⁾).

Какъ бы ни были приличны по виѣшности присковья больницы, и то лишь на болѣе крупныхъ промыслахъ, врачебная помощь не можетъ быть въ хорошемъ состояніи, если въ извѣстномъ присковомъ районѣ не будетъ хорошаго врача и порядочныхъ фельдшеровъ, а между тѣмъ это-то главное условіе и не выполняется. „Приглашая врача“, говоритъ г. Н. Д., „золотопромышленники смотрятъ на это, какъ на неизбѣжную, но вмѣстѣ съ тѣмъ очень неприятную обязанность“ ²⁾. Они прямо высказываютъ, что легко могутъ обойтись съ одними только фельдшерами. Во всякомъ случаѣ для нихъ желательно, чтобы врачъ ограничивался только производствомъ судебно-медицинскихъ вскрытій и исполненіемъ другихъ официальныхъ требованій и оставался по возможности безучастнымъ къ положенію рабочихъ въ гигиеническомъ и санитарномъ отношеніяхъ... При такихъ условіяхъ столкновенія съ золотопромышленниками могутъ происходить на каждомъ шагу и чаще всего по поводу освидѣтельствованія рабочихъ въ способности или неспособности ихъ къ промысловымъ работамъ... Такъ какъ золотопромышленники въ огромномъ большинствѣ случаевъ предполагаютъ со стороны рабочихъ притворство, то на врача, признавашаго того или другого изъ нихъ больнымъ или неспособнымъ къ работамъ, смотрятъ весьма недоброжелательно и видятъ въ немъ своего личнаго врага“.

Нужно, впрочемъ, замѣтить, что золотопромышленники умѣли находить и подходящихъ къ ихъ требованіямъ врачей. Въ 1881 г. съ сѣверныхъ промысловъ Енисейскаго округа въ одну изъ мѣстныхъ газетъ сообщали слѣдующее: „врачъ нашъ получаетъ отъ золотопромышленниковъ 5000 р. въ годъ жалованья, но никогда промысловыхъ больницъ не посѣщаетъ, никогда никого не лѣчитъ, и если бываетъ здѣсь съ весны до осени, то исключительно ради своего дѣла по разработкѣ арендуемыхъ имъ присковъ“; обязанности же его исполнялъ нанятый имъ отъ себя за 2000 р. въ годъ фельдшеръ. А между тѣмъ въ этомъ году на промыслахъ свирѣпствовалъ дифтеритъ ³⁾. На каждой системѣ промысловъ Енисейскаго округа было по 1 врачу. Начальникъ енисейскаго жандармскаго управленія Баянинъ въ отчетѣ за 1873 г. также

¹⁾ Арх. Ирк. Горн. Упр. К. 2568 № 167/221, л. 253 об.

²⁾ Жалованье, платимое доктору, раскладывается между золотопромышленниками пропорціонально числу рабочихъ на ихъ прискахъ. *Уманскій*, стр. 100.

³⁾ „Сибирь“ 1881 г. № 50, стр. 3. Въ слѣдующемъ году въ этой же газетѣ о присковскихъ больницахъ Енисейскаго округа было сказано: „На одномъ прискѣ служить за фельдшера цырюльникъ, взятый изъ парикмахерской; онъ отбываетъ службу и за фельдшера, и за самого доктора, никогда не посѣщающаго больницъ“. „Сибирь“ 1882 г. № 7, стр. 4.

говорить: „лѣченіе больныхъ въ большей части больницъ весьма жалкое, надзоръ врачей (однѣ на цѣлой системѣ съ устарѣлыми познаніями) недостаточенъ“.

Но, можетъ быть, въ новѣйшее время врачебный персоналъ болѣе соотвѣтствуетъ своему назначенію? Въ отчетѣ томскаго горнаго управленія за 1889 г. о сѣверно-енисейскомъ округѣ сказано: „общій надзоръ за лѣченіемъ фельдшерами и состояніемъ больницъ имѣлъ врачъ, обязанный, по услугію съ золотопромышленниками посѣщать больницы не менѣе 1 раза въ мѣсяцъ, кромѣ экстренныхъ случаевъ“ ¹⁾. Но авторъ отчета умолчалъ, насколько исправно исполнялъ докторъ принятую на себя обязанность, а между тѣмъ въ 1891 г. при посѣщеніи этого округа мы слышали даже отъ лицъ, хорошо относившихся къ врачу, что онъ, какъ человекъ весьма пожилой, не могъ вполне удовлетворительно исполнять свой долгъ. Окружной инженеръ южно-енисейскаго округа оказался болѣе откровеннымъ, и потому въ отчетѣ томскаго горнаго округа за 1889 г. мы находимъ о врачебной части слѣдующія свѣдѣнія: „общее состояніе медицинской части въ южной системѣ Енисейскаго округа было удовлетворительное (?), хотя и не въ такой степени, какъ это было бы желательно; главной причиной этому служитъ то, что присковъ врачъ самъ занимается разработкою присковъ, что и отвлекаетъ его отъ надлежащаго исполненія медицинскихъ его обязанностей“ ²⁾. Несмотря на заключенный золотопромышленниками контрактъ, вынуждающій въ обязанности присковому врачу посѣщать дѣломъ каждый прискъ не менѣе 1 раза въ мѣсяцъ, обязательство это исполняется лишь въ отношеніи ближайшихъ промысловъ, болѣе же отдаленные пользуются только услугами плохихъ фельдшеровъ. Развитіе мелкой золотопромышленности и незначительное содержаніе золота въ пескахъ не позволяютъ привести больничное дѣло въ надлежащее положеніе; отсутствіе же прямыхъ узаконеній, касающихся постановки медицинской части на промыслахъ, въ зависимости отъ количества рабочихъ, не даютъ возможности окружному инженеру принимать понудительныя мѣры; въ такихъ случаяхъ онъ принужденъ ограничиваться только предложеніями улучшить дѣло безъ всякой однако же надежды, что таковое улучшеніе послѣдуетъ“. Назвавъ нѣсколько золотопромышленниковъ, на промыслахъ которыхъ больницы устроены лучше, чѣмъ на другихъ (имена ихъ мы уже приводили), составитель отчета говоритъ: „на остальныхъ, не смотря на многократныя настоянія со стороны окружного инженера,

¹⁾ Дѣло Томск. Горн. Управ. Въ отчетѣ за 1890 г., напечатанномъ въ „Горн. Журн.“ 1891 г. № 12, это мѣсто измѣнено едва-ли не въ ущербъ правдѣ (ср. стр. 528).

²⁾ Указаніе на это мы находимъ и въ отчетѣ окружного инженера южно-енисейскаго округа за 1888 г. Дѣло Томск. Горн. Упр. 1888 г. № 31/2, л. 465.

врачебная помощь подается крайне медленно, и въ серьезныхъ случаяхъ какъ рабочіе, такъ и служащіе подвергаются вслѣдствіе этого большой опасности¹⁾. Въ отчетѣ томскаго горнаго управленія за 1890 г. уже не упоминается о занятіи южно-енисейскаго присковаго врача золото-промышленностью, но тѣмъ не менѣе указано на его „крайнее невниманіе“ относительно большинства золотыхъ промысловъ этого округа²⁾. Понятно, что при такомъ отношеніи присковскихъ врачей къ своимъ обязанностямъ, доктору Крутовскому пришлось подвести весьма печальный итогъ ихъ дѣятельности: „за все долгое существованіе енисейскихъ промысловъ“, говоритъ онъ въ своемъ докладѣ, „медицинская часть и врачебная помощь на нихъ была поставлена очень плохо, никто не интересовался“ вопросомъ о вліяніи тяжелаго присковаго труда на здоровье рабочихъ, „больничныхъ отчетовъ и журналовъ не осталось и не опубликовано“. Мы видѣли, правда, что въ трудахъ Кривошапкина и въ статьѣ Н. Д. можно найти любопытныя данныя о положеніи рабочихъ въ санитарномъ отношеніи, но все-таки въ общемъ упрекъ доктора Крутовскаго справедливъ.

Такъ какъ, даже въ лучшемъ случаѣ, врачъ на основаніи договора лишь разъ въ мѣсяцъ посѣщаетъ каждую присковую больницу, то понятно, какое огромное значеніе играютъ фельдшера въ дѣлѣ медицинской помощи на прискахъ. Каковы они были въ концѣ 50-хъ и началѣ 60-хъ годовъ, мы видѣли изъ свидѣтельства Кривошапкина; посмотримъ, стали ли они лучше въ первой половинѣ 70-хъ годовъ.

Н. Д. въ своей статьѣ говоритъ о нихъ: „очень немногіе имѣютъ фельдшерскія свидѣтельства, большинство же—фельдшера только по названію, никогда, нигдѣ и ничему не обучавшіеся. Нерѣдко случается, что какой-нибудь простой, едва умѣющій читать и писать рабочій на слѣдующій годъ фигурируетъ уже въ качествѣ фельдшера. При наймѣ фельдшеровъ золотопромышленники обыкновенно не спрашиваютъ фельдшерскихъ свидѣтельствъ и не считаютъ необходимымъ знать мнѣніе врача о томъ, можно ли принять того или другого искателя мѣста. Къ сожалѣнію, противъ такихъ порядковъ врачъ ничего сдѣлать не въ состояніи своими единичными усиліями. Многіе золотопромышленники и управляющіе, между которыми очень часто можно встрѣтить людей невѣжественныхъ и малограмотныхъ, нанимая ничего не знающаго фельдшера, видятъ въ этомъ для себя даже особенную выгоду. Такой мнимый фельдшеръ, изъ боязни потерять свое мѣсто, всѣми силами старается дѣлать удобное промышленному управленію: очевидно-больныхъ онъ признаетъ здоровыми и въ извѣстные опредѣленные дни щедрою рукою производитъ кровопусканія... Одинъ изъ такихъ фельдшеровъ на вопросъ,—умѣетъ ли онъ записать и разобрать рецептъ, даетъ утвердительный отвѣтъ, и диктуемый вслѣдъ за этимъ рецептъ записываетъ съ такою бойкостью и размашистостью, что одно уже это наводитъ на сильныя подозрѣ-

¹⁾ Дѣло Томск. Горн. Упр. по отчету за 1889 г. л. 21.

²⁾ „Горн. Журн.“ 1891 г. № 12, стр. 530. Въ 1894 г. въ южно-енисейскомъ округѣ было 2 врача и 1 женщина-врачъ. „Вѣстн. Золотопр.“ 1894 г. № 11, стр. 205.

нія, которыя тотчасъ же и оправдываются: вмѣсто рецепта красуются одни только крючки и каракули. Другой фельдшеръ на тотъ же самый вопросъ отвѣчаетъ также утвердительно, но прописанный рецептъ разобратъ отказывается, отсылаясь слабостью зрѣнія и невозможностью читать безъ очковъ... Въ рукахъ такихъ-то людей находится лѣченіе больныхъ и уходъ за ними; легко себѣ представить, какъ все это ведется... Вообще, у фельдшеровъ страсть приобѣгать къ употребленію сильнѣйствующихъ средствъ: сулемы, каломеля, наперсточной травы, опиѣ и проч. ¹⁾.. Кромѣ невѣжества, фельдшера и quasi-фельдшера отличаютъ крайнею степенью нахальства. Весьма часто они выдаютъ себя рабочимъ за докторовъ, стараются подорвать довѣріе къ врачу, считаютъ себя стоящими внѣ контроля и вольными дѣлать все, что имъ угодно, тѣмъ болѣе, что многіе изъ управляющихъ и служащихъ на промыслахъ предпочитаютъ обращаться за медицинскою помощью и совѣтами не къ врачу, а къ фельдшерамъ, у которыхъ единственное стремленіе—удоволить промысловому управленію... Къ замѣчаніямъ и требованіямъ врача фельдшера относятся крайне небрежно ²⁾.

„Мелкіе золотопромышленники“, писалъ г. Уманскій уже во второй половинѣ 80-хъ годовъ, „по большей части не нанимаютъ отдѣльнаго фельдшера, но подымаютъ фельдшера съ сосѣдняго пріиска, съ обязательствомъ посѣщать больныхъ или ежедневно, или два, три раза въ недѣлю“. „Издѣлка попадаются“ и знающіе свое дѣло фельдшера: такимъ былъ напр., по свидѣтельству г. Уманскаго, одинъ сосланный за возстаніе полякъ, бывшій студентъ кievскаго университета. „Больныхъ онъ осматривалъ очень внимательно, лѣчилъ прилежно, хотя и дешевыми самодѣльными лѣкарствами (онъ самъ получалъ за операцію 120 р. при своихъ лѣкарствахъ). Его постынно можно было видѣть на худой клѣтѣ... развѣзжавшимъ въ разныхъ направленіяхъ по тайгѣ“ (стр. 99, 121). Мнѣ самому пришлось встрѣтить на Александровскомъ пріискѣ Базилевскаго очень знающаго и хорошаго фельдшера (его фамилія Аппельбергъ), также не по доброй волѣ смѣнившаго 5 курсъ медицинскаго факультета на дѣятельность въ пріисковой тайгѣ: по общему свидѣтельству, онъ дѣлалъ операціи гораздо лучше промысловаго врача, интересовавшагося болѣе золотопромышленностью, чѣмъ пріисковыми рабочими. Къ несчастію въ послѣдствіи онъ покончилъ жизнь самоубійствомъ.

Въ официальныхъ свѣдѣніяхъ этого времени мы также встрѣчаемъ указанія на плохой составъ пріисковыхъ фельдшеровъ. Такъ начальникъ енисейскаго жандармскаго управленія Банинъ въ отчетѣ за 1870 г. говоритъ: „недостатокъ въ знающихъ дѣло фельдшерахъ ощу-

¹⁾ Авторъ любезной статьи о енисейской золотопромышленности говоритъ: „фельдшерами даются такія сильныя средства и въ такой большой дозѣ, что каждое такое лѣченіе, по признанію самихъ медиковъ, часто однакожъ очень недальнихъ, сокращаетъ жизнь рабочихъ лѣтъ на десять“. „Сибирь“ 1881 г. № 29.

²⁾ „Сборн. соч. по судебн. медик.“ 1875 г. т. I.

тителенъ“, и потому „приходится приглашать на эти должности поляковъ изъ политическихъ ссыльныхъ, конечно, по своимъ познаніямъ имѣющихъ на это право. Въ крайней необходимости прибѣгать къ этой мѣрѣ я лично убѣдился“ ¹⁾). Въ отчетѣ за 1873 г. то-же лицо говоритъ: „хорошихъ фельдшеровъ весьма мало, поэтому лѣченіе больныхъ на прискахъ въ большей части больницъ весьма жалкое“ ²⁾).

Въ 1874 г. на прискахъ южной части Енисейскаго округа было 15 больницъ и при нихъ фельдшера; завѣдывали ими присковый врачъ и вольнопрактикующій лѣкарь. Въ отчетѣ мѣстнаго горнаго исправника за слѣдующій 1875 г. показано уже 39 больницъ (очевидно, въ это число были включены всѣ приемные покои); завѣдывалъ медицинскою частью 1 врачъ. Въ 1883 г. больницъ на промыслахъ той же системы было 47; въ нихъ кроватей 303, т.-е. приблизительно 1 кровать на 15 чело-вѣкъ присковыхъ рабочихъ. Изъ 47 больницъ 18 исправникъ называетъ благоустроенными, а остальные онъ считаетъ болѣе справедливымъ назвать приемными покоями; фельдшеровъ было 18. Присковый врачъ получалъ отъ золотопромышленниковъ 4000 р. ³⁾). Въ 1888 и 89 гг. въ южно-енисейской системѣ было 40 больницъ съ 260 кроватями: по 21 чел. на 1 кровать въ 1888 г. и по 22 чел. въ 1889 г. Въ 1891 г. въ южно-енисейскомъ округѣ было 18 больницъ, а на остальныхъ прискахъ были или приемные покои, или же больные лѣчились на сосѣднихъ прискахъ другихъ владѣльцевъ, гдѣ были больницы. Врачъ былъ одинъ. Въ 1893 г. въ мѣстѣ жительства присковаго врача южно-енисейскаго горнаго округа выстроена была центральная больница. Лучшія больницы были на прискахъ Асташева, Переплетчикова, К^о Черемныхъ и Ратькова-Рожнова ⁴⁾).

Въ сѣверно-енисейской системѣ въ 1881, по отчету горнаго исправника, было 35 больницъ съ 294 койками (около 20 чел. рабочихъ на 1 кровать). Заболѣвающіе рабочіе тѣхъ присковъ, гдѣ больницъ не было, помѣщались въ больницахъ сосѣднихъ промысловъ по соглашенію присковыхъ управленій. При каждой больницѣ былъ фельдшеръ, а за фельдшерами и больницами наблюдалъ вольнопрактикующій врачъ, получавшій съ золотопромышленниковъ за операцію 5000 р. жалованья и за это обязанный посѣщать 2 раза въ мѣсяцъ каждую больницу, кромѣ экстренныхъ случаевъ. Въ 1888 г. въ этой системѣ было 24 больницы и 188 кроватей, а въ 1890 г. 25 больницъ и 181 кровать (20—23 чел. рабочихъ на 1 кровать). Въ 1891 г. здѣсь было только 14 больницъ, а

¹⁾ Арх. Ирк. Горн. Упр. К. 2545 № 57/112, л. 295.

²⁾ Ibid. К. 2560 № 130/184, л. 358.

³⁾ Отчеты горн. испр. въ его архивѣ.

⁴⁾ Отчеты окруж. инж. въ арх. Томск. Горн. Управ.; „Вѣстн. Золот.“ 1892 г. № 16, стр. 226, 1893 г. № 15, стр. 248.

на остальныхъ пріемные покои. Врачъ получалъ жалованья въ размѣрѣ 1 р. или 1 р. 25 к. за каждого рабочаго, такъ что содержаніе его составляло около 4000 р. въ годъ. Онъ пользовался правами государственной службы и исполнялъ обязанности судебного врача. Въ 1892 г. въ сѣверпо-енисейской системѣ было 12 больницъ; дѣкарствъ, по свидѣтельству г. Черемныхъ, выписывалось приблизительно на 1 р. на каждого рабочаго. Въ 1895 г. здѣсь было 11 больницъ на 145 кроватей ¹⁾).

Что касается болѣзней рабочихъ, то мы остановимся на тѣхъ изъ нихъ, которыя находятся въ связи съ мѣстными условіями.

„Изъ наружныхъ заболѣваній“, говоритъ Н. Д., „наиболѣе часты обмороженія, переломы различныхъ костей и другія, болѣе тяжелыя, поврежденія и разнаго рода хроническія язвы“. Случаются „переломы и вывихи позвоночника съ воспаленіемъ хребетнаго мозга и даже его раздавливаніемъ, послѣдствіемъ чего являются или смерть, или параличи нижнихъ конечностей“, а въ другихъ случаяхъ бывають „переломы реберъ съ воспаленіемъ легкихъ или легочной плевы; всего чаще случаются переломы кистей рукъ и ногъ“. Причиной такихъ поврежденій заключаются частью въ небрежности, неосмотрительности самихъ рабочихъ, главнымъ же образомъ, въ характерѣ пріисконыхъ работъ. По закону ²⁾ земляныя работы на золотыхъ пріискахъ „должны вестись уступами, при чемъ высота каждого изъ нихъ не должна превышать 1½ арш.“, очевидно съ цѣлью предупредить несчастные случаи при подобнаго рода работахъ. „Къ сожалѣнію, это правило выполняется только на немногихъ промыслахъ, въ большинствѣ же ихъ высота уступовъ достигаетъ 3 и болѣе аршинъ... Нерѣдко случается, что рабочій, отбивая землю, вслѣдствіе ли потери равновѣсія, или отъ того, что часть откапываемой пш массы обрушивается, падаетъ внизъ. Понятно, что происходитъ разница въ результатахъ паденія, упадетъ ли онъ съ высоты 1½ арш. или 3 и болѣе. Въ первомъ случаѣ дѣло обходится иногда только легкимъ ушибомъ, въ послѣднемъ зачастую происходитъ переломъ руки или ноги. Послѣдствія бывають еще плачевнѣе, если на упавшаго такимъ образомъ рабочаго свалится болѣе или менѣе значительная масса земли, которая придавитъ его. Именно, въ этихъ случаяхъ нерѣдко бывають или переломы позвоночника, или другія поврежденія, обуславливающія въ концѣ концовъ смерть или неизлѣчимыя разстройства. На промыслахъ встрѣчается также большое число страдающихъ язвами на ногахъ, часто весьма длительными и упорными. Эти язвы происходятъ главнымъ образомъ *вслѣдствіе расширенія венъ на конечностяхъ*... Нерѣдко рабочіе принуждены тамъ работать въ сырости и грязи и притомъ, исполняя тотъ или другой тяжелый трудъ, оставаться постоянно на ногахъ съ ранняго утра до 8 ч. вечера. Понятно, что такое продолжительное стояніе на ногахъ, повторяющееся безъ отдыха изо дня въ день, должно вести къ застою крови въ венахъ конечностей, послѣдовательному ихъ расширенію и къ происходящимъ отъ того разстройствамъ питанія, которыя въ концѣ концовъ обуславливають образованіе язвъ.—Изъ внутреннихъ болѣзней наиболѣе часты перемежныя лихорадки, пышка и ревматизмъ, нерѣдко влекущіе за собою тотъ или другой порокъ сердца... Въ

¹⁾ „Горн. Журн.“ 1891 г. № 12, стр. 528; *Левскій*, стр. 32; „Вѣст. Золот.“ 1892 г. № 16, стр. 226, 1892—93 гг. № 20, стр. 306, 1896 г. № 2, стр. 149.

²⁾ Вѣроятно здѣсь имѣется въ виду какой-либо циркуляръ мѣстной административной власти.

числѣ причинъ заболѣванія перемежною лихорадкою надо упомянуть и то обстоятельство, что рабочіе во время отдыха ложатся на землю, подчасъ весьма сырую¹⁾. Цынга „одна изъ самыхъ распространенныхъ болѣзней между рабочими. Какъ извѣстно, она обнаруживается припухlostью и кровоточивостію десенъ, опухоллями рукъ и ногъ... иногда вся нога представляется багрово-красною, плотною какъ дерево и не можетъ сгибаться¹⁾... Случаи заболѣванія цынгою начинаютъ появляться въ январѣ; число ихъ все болѣе и болѣе увеличивается и достигаетъ наибольшей цифры въ апрѣлѣ и, частью, въ маѣ. Лѣтомъ цынготныхъ больныхъ очень немного. На нѣкоторыхъ промыслахъ цынга развита весьма сильно, и страдающіе ею составляютъ почти половину всѣхъ больныхъ; на другихъ же промыслахъ ихъ бываетъ значительно меньше... Исключительное питаніе соленою говядиною имѣетъ рѣшительное вліяніе на заболѣваніе рабочихъ цынгою... Такую же роль играетъ отсутствіе въ пищѣ зелени и овощей... Наибольшее число цынготныхъ больныхъ замѣчается на промыслахъ, лежащихъ въ мѣстностяхъ наиболѣе болотистыхъ, особенно тамъ, гдѣ работы производятся въ ортахъ. Въ ортахъ (подземныхъ ходахъ) рабочимъ въ такихъ мѣстностяхъ приходится быть постоянно въ сырости и водѣ, доходившей иногда до колѣна“ и дышать спертымъ воздухомъ, который портится еще болѣе отъ освѣщенія салными свѣчами. „Число цынготныхъ видимо начинаетъ уменьшаться со времени появленія черемши, цѣлебное дѣйствіе которой противъ цынгы не подлежитъ никакому сомнѣнію... Едва сходить снѣгъ, какъ черемша уже показывается во множествѣ. На вкусъ она довольно пріятна, но имѣетъ въ высшей степени рѣзкій и невыносимый запахъ. Достаточно съѣсть небольшое количество ея, чтобы запахъ при дыханіи сохранился сутки и болѣе. Рабочіе охотно ѣдятъ черемшу, какъ въ сыромъ видѣ, такъ и во щажъ и проч.²⁾ Ревматизмы точно такъ же составляютъ на промыслахъ довольно частую болѣзнь, что объясняется необходимостію работать въ сырости и грязи. Это опять-таки всего болѣе примѣнимо къ промысламъ, гдѣ работы производятся въ ортахъ. Кромѣ того къ числу причинъ заболѣванія ревматизмомъ нужно отнести сильныя холода“. Губительно дѣйствуетъ также на здоровье рабочихъ на промыслахъ употребленіе ими цѣльнаго, неочищенного спирта. Тамъ трудно встрѣтить рабочаго, который не употреблялъ бы спирта; часто попадаютъ между ними такіе, которые выпиваютъ цѣлую чашку или стаканъ спирта не поморщившись... Вслѣдствіе употребленія въ большомъ количествѣ неочищенного спирта у рабочихъ развиваются пораженія желудка и кишечника, неизлѣчимыя болѣзни печени, а также бывають случаи скорострѣжной смерти отъ остраго отравленія алкоголемъ“³⁾.

¹⁾ Отъ цынгы „десны пухнуть, всѣ зубы шатаются, а тѣло, начиная съ ногъ покрывается синими пятнами и язвами“. „Сиб. Листокъ“ 1893 г. № 76.

²⁾ По словамъ г. Уманьскаго (стр. 39), „люди, пораженные цынгою, которые едва уже въ состояніи были передвигаться съ мѣста на мѣсто, съ появленіемъ черемши совершенно выздоравливали въ какихъ-нибудь 2 недѣли. Для цынготныхъ больныхъ устраиваютъ въ мѣстности, изобилующей черемшею, избушку, гдѣ они живутъ до выздоровленія, получая съ присковъ провизію. Они ѣдятъ черемшу сырою, ѣдятъ въ щажъ, натираются ею съ головы до пятъ“.

³⁾ „Оборн. соч. по суд. медц.“ 1871 г. т. I, стр. 146—168. Есть указаніе на то, что присковья женщины разносятъ сифилитическую заразу. „Сибирь“ 1881 г. № 29. Въ 1883 г. на сѣверно-енисейскихъ промыслахъ была эпидемія оспы. „Сиб. Газ.“ 1883 г. № 22, стр. 573.

Г. Саввинныхъ увѣряетъ, что заболѣваніе цынгою въ послѣднее время весьма незначительно ¹⁾; напротивъ, изъ отчета томскаго горнаго управленія за 1889 г. мы узнаемъ, что „особенно часты заболѣванія цынгою (въ началѣ весны), ревматизмомъ и лихорадочными болѣзнями; а по отчетамъ окружного инженера южно-енисейскаго округа за 1888 и 89 гг. господствующими болѣзнями на промыслахъ были цинга, ревматизмъ, Брайтова болѣзнь и лихорадки и „многія другія, происходящія какъ отъ характера и свойства работъ, такъ и отъ однообразія употребляемой пищи“ ²⁾.

Золотопромышленники стремились въ 50-хъ годахъ выдворить изъ тайги заболѣвшихъ рабочихъ, не дожидаясь ихъ выздоровленія (см. т. I, стр. 224); то же явленіе повторялось и позднѣе. 30 августа 1870 г. одинъ изъ земскихъ засѣдателей Енисейскаго округа увѣдомилъ горнаго исправника южно-енисейской системы, что нѣкоторые промысловыя управленія вывозятъ заболѣвшихъ рабочихъ въ деревню Мотыгино (первое жилое мѣсто при выѣздѣ изъ южно-енисейской тайги) „и тамъ оставляютъ ихъ на произволъ судьбы, не давъ никакихъ средствъ“ на путешествіе до мѣста причисленія, почему земскому засѣдателю приходится отправлять этихъ рабочихъ на подводахъ, „что весьма обременительно для жителей“. Вслѣдствіе этого горный исправникъ циркуляромъ 23 сентября того же года предписалъ промысловымъ управленіямъ не вывозить заболѣвшихъ рабочихъ изъ тайги и помѣщать ихъ въ больницы впредь до выздоровленія ³⁾.

На основаніи официальныхъ свѣдѣній о заболѣваемости и смертности приисковъ рабочихъ въ Енисейскомъ округѣ ⁴⁾, мы вычислили, что въ 70-хъ годахъ въ южной его части заболѣвало 18—40% рабочихъ; а въ сѣверной части заболѣваемость была сильнѣе: отъ 33 до

¹⁾ „Сиб. Вѣстн.“ 1890 г. № 66.

²⁾ Въ 1881 г. на промыслахъ сѣверно-енисейскаго округа было всего больныхъ 3043 ч. м. п.; изъ нихъ были больны лихорадками 729, скорбутомъ (цынгою) 703, горячками 443 (умерло 7), ревматизмомъ 230, воспаленіемъ дыхательныхъ органовъ 221 (умерло 10), поносами 176, воспаленіями брюшныхъ органовъ 99, ушибами и переломами 80, рожами, опухолями и вередами 77, венерическою болѣзнію 74, золотухой и худосочиємъ 65, воспаленіемъ глазъ 63 и проч. Дѣло арх. горн. испр. южн. енис. окр. 1882 г. № 19. Въ 1883 г. на промыслахъ южной части Енисейскаго округа было всего больныхъ 1801 муж. и 61 женщ.; изъ нихъ: цынгою 730 м., 20 ж. (умерло 13 м., 2 ж.), перемежающееся лихорадкою 360 м., 2 ж. (умерло 8 м., 2 ж.), ревматизмомъ и ломотою 220 м., слизистымъ поносомъ 120 м., 7 ж. (умерло 3 м.), вывихами 90 м., сифилисомъ 53 м., 12 ж. и проч. Арх. испр. южн. енис. окр. дѣло 1883 г. № 56.

³⁾ Арх. горн. испр. южн.-енис. окр. дѣло 1870 г. № 18, л. 49. По отчетамъ горнаго исправника южн.-енис. окр. 1875 г. послѣ 10 сентября въ приисковыхъ больницахъ оставалось 16 ч., въ 1883 г. 17 м. и 1 ж.; въ 1881 г. въ сѣверн.-енис. окр. оставался на выздоровленіи по окончаніи операціи 1 ч.

⁴⁾ См. Дополненіе VII.

46°/о рабочих¹⁾. Процентъ смертности въ 70-хъ годахъ колебался въ южной части округа отъ 0,3°/о до 0,5°/о, въ сѣверной части отъ 0,4°/о до 1,2°/о (въ среднемъ 0,6°/о всѣхъ рабочихъ). Въ 80-хъ годахъ заболеваемость и въ южной, и въ сѣверной части Енисейскаго округа усилилась и колебалась въ южной между 29 и 61°/о, а въ сѣверной между 29 и 56°/о (въ 1890 г. заболѣло даже 74°/о рабочихъ). Процентъ смертности въ 80-хъ годахъ колебался въ южно-енисейскомъ округѣ отъ 0,3°/о до 1,7°/о, а въ среднемъ равнялся 1,1°/о всѣхъ рабочихъ; а въ сѣверно-енисейскомъ округѣ отъ 0,4°/о до 0,7°/о всѣхъ рабочихъ.

На основаніи официальныхъ отчетовъ о золотопромышленности Восточной Сибири подъ рубрикой происшествій мы высчитали²⁾, что за 16 л. (1873—85 и 1888—90 гг.) было задавленныхъ обваломъ во время работъ во всемъ Енисейскомъ округѣ 22 чел., „убито при работахъ“ 6 ч., задавленныхъ возомъ 2 чел., еще смертныхъ случаевъ во время работъ 3 чел. и того 33 случая смерти во время самыхъ работъ³⁾. Но нельзя не отмѣтить еще и такія рубрики, въ которыхъ указаны жертвы тяжелыхъ условій присковскаго труда и труднаго пути на приски и обратно; таковы: 9 самоубійствъ, 75 скоропостижно умершихъ, 11 утонувшихъ, 3 замерзшихъ, 15 найденныхъ мертвыхъ тѣлъ, и не совсѣмъ ясна рубрика нечаянныхъ смертныхъ случаевъ, которыхъ было всего 22.

Какъ относилась горная администрація къ этимъ несчастнымъ случаямъ, видно, напр., изъ отчета горнаго ревизора частныхъ золотыхъ промысловъ Енисейскаго округа за 1883 г.: „вообще нужно замѣтить, что несчастныхъ... случаевъ получается процентъ ничтожный, и если эти случаи повторяются ежегодно, то ихъ, скорѣе всего, можно приписать неосторожности самихъ рабочихъ“⁴⁾. Но изъ мѣстныхъ газетъ мы видимъ, что далеко не всегда были повинны сами рабочіе и почему золотопромышленники обыкновенно оказывались правыми. „Въ южной тайгѣ“, писалъ въ 1884 г. корреспондентъ „Сибирской Газеты“, „на прискѣ Х—кова нынѣ было 2 случая задавливанія до смерти рабочихъ землею. Рабочіе, оставшіеся въ живыхъ, показали, что управляющій прискомъ, мѣщанинъ И—въ, вѣлъ работы неправильно, не

¹⁾ Этотъ процентъ заболѣвшихъ, по всей вѣроятности: менѣе дѣйствительнаго, такъ какъ фельдшера по небрежности не всегда заносятъ въ списки всѣхъ больныхъ и къ тому же не на всѣхъ промыслахъ есть фельдшера. Н. Д. „Санитарный очеркъ золот. промысловъ“. „Сбор. соч. по суд. медиц.“ 1875 г. т. I, стр. 161.

²⁾ См. *Дополненіе VIII*.

³⁾ Н. Боголюбскій объясняетъ болѣе частые несчастные случаи при работахъ въ южно-енисейскомъ округѣ тѣмъ, что здѣсь торфа толще. „Вѣстн. Золот.“ 1892 г. № 16, стр. 226.

⁴⁾ „Приложеніе I къ выпуску I сборника гл. офиц. докумен. по управ. Восточ. Сибирью“ т. VII, стр. 15.

согласно съ Горнымъ Уставомъ, въ чемъ, правда, онъ самъ сознался, и что подтвердила экспертиза. Такъ, напр., стѣны забоя, вышиною болѣе 3 арш., велись на 1 уступъ, тогда какъ Горный Уставъ (т.-е. правила 1880 г., опубликованныя Шелковниковымъ) „предписываетъ вести ихъ на 2 уступа. Мало этого, управляющій заставлялъ рабочихъ подкалывать забой такъ сильно, что они не разъ заявляли управляющему объ угрожающей имъ опасности быть заживо погребенными, но онъ не принималъ заявленій рабочихъ, и вотъ 25 февраля были заживо погребены, кажется, 3 человѣка и черезъ мѣсяцъ еще одинъ или двое ¹⁾. На прискѣ Б—дина задавило до смерти 2 человѣка“ ²⁾.

Когда на еписейскихъ промыслахъ открыли рудное золото и стали для разработки его примѣнять динамитъ, то это вызывало иногда весьма серьезныя несчастія, какъ это случилось въ 1887 г. на прискѣ Хилкова. Завѣдующій прискомъ зарядилъ забой динамитомъ, не предупредивъ рабочихъ, чтобы они оставили работы; произошелъ взрывъ, и нѣсколько несчастныхъ убито наповаль и ранено,—кто легко, кто тяжело. Дѣло стали замазывать; что это будетъ такъ,—никто и не сомнѣвался вслѣдствіе того, что „у того же Хилкова было замазано въ 1883 г. дѣло объ обвалившейся ортѣ, а въ 1884 г. о томъ, что нѣсколько человѣкъ убито“ ³⁾.

Въ концѣ 1888 г. на Козьмодемьянскомъ прискѣ на р. Рыбной, арендованномъ опять таки Хилковымъ, также случилось несчастіе при добычѣ руднаго золота: взрывомъ динамита изувѣчило 2 служащихъ. Сообщая объ этомъ, корреспондентъ мѣстной газеты говоритъ: „это уже другой взрывъ на этомъ прискѣ; въ первый разъ здѣсь, 2 года тому назадъ, также пострадали рабочіе, какъ при этомъ часто бываетъ, оказавшіеся сами виноватыми“. По правиламъ объ употребленіи взрывчатыхъ веществъ при горныхъ работахъ (1887 г.) работами динамитомъ должны завѣдывать спеціалисты, которыхъ Хилковъ у себя не имѣлъ ⁴⁾.

Какъ относятся нѣкоторые золотопромышленники къ своимъ пострадавшимъ рабочимъ, видно изъ слѣдующихъ свѣдѣній, сообщаемыхъ докторомъ Крутовскимъ. Въ концѣ 1891 г. въ красноярскую городскую больницу поступилъ рабочій 40 съ небольшимъ лѣтъ, который уже 15 л. работалъ въ южной тайгѣ и изъ нихъ 13 л. у г. М—на. Въ 1889 г., „при окончаніи работъ въ сентябрѣ мѣсяцѣ, была заложена штольня, которую плохо закрѣпили; произошелъ обвалъ и

¹⁾ Какъ мы увидимъ ниже, хотя управляющій прискомъ Х—кова былъ совершенно виноватъ, дѣло это было замято.

²⁾ „Сиб. Газ.“ 1884 г. № 38, стр. 932.

³⁾ „Новое Время“ 1887 г., 17 мая. Изъ дальнѣйшаго видно, что несчастіе это произошло на Козьмодемьянскомъ прискѣ на р. Рыбной.

⁴⁾ „Сиб. Вѣст.“ 1889 г. № 11, стр. 7. Ср. Розановъ, „Сводъ дѣйств. узак. о частн. золотопр. въ Россіи“, изд. 2-е. Сиб. 1891 г., стр. 20.

двух рабочих засыпало землею. Послѣ этого сейчасъ же рассчитали всю команду и 2 изуродованныхъ рабочихъ оставили на прискѣ съ какимъ-то невѣжею фельдшеромъ и караульнымъ. Такимъ образомъ, всю зиму до весны, 8 мѣсяцевъ, несчастные провалились на прискѣ, и имъ не была оказана медицинская помощь,—врача не вызывали. Наконецъ, когда весною снова на прискѣ, другой уже, пришла команда рабочихъ, то и больныхъ перевезли на новый прискѣ, и здѣсь они стали настоятельно требовать присковскаго врача. Послѣдній явился и отправилъ больного въ больницу Асташева. Три или четыре мѣсяца пролежалъ больной въ этой больницѣ и, какъ неизлѣчимый, былъ обратно препровожденъ на прискѣ М. Здѣсь вновь онъ валяется безъ всякаго призора до окончанія работъ, и тогда его вывозятъ въ первую на пути деревню, даютъ 10 р. денегъ и оставляютъ на произволъ судьбы. На эти 10 р. больной доташился до Красноярска, подавъ прошеніе, куда слѣдуетъ, и получилъ отъ М. 150 р. вознагражденія за свое уродство. Между тѣмъ у него была сломана правая нога въ шейкѣ бедра, неправильно срослась съ значительнымъ укороченіемъ всей ноги, и вотъ этотъ еще сравнительно молодой человекъ дѣлается калѣкою, не имѣетъ возможности пропитывать себя, ему нѣтъ пристанища, и вотъ расплата хозяина съ рабочимъ за 13-лѣтній тяжелый трудъ¹⁾. Позднѣе г. Крутовскому приходилось наблюдать и другіе подобные случаи.

Выше были приведены данныя о количествѣ рабочихъ, умершихъ отъ болѣзней, и о числѣ умершихъ вслѣдствіе разныхъ несчастныхъ случаевъ. Сложивъ то и другое, мы можемъ вычислить процентъ умершихъ на все количество рабочихъ²⁾. Оказывается, что въ 70-хъ годахъ смертность рабочихъ на промыслахъ сѣверной и южной системъ Енисейскаго округа колебалась между 4 и 11 на 100. Такая смертность кажется незначительною, но относительно этого мы находимъ слѣдующее разъясненіе г. Н. Д.: „Число умирающихъ на промыслахъ сравнительно невелико, но, впрочемъ, было бы весьма опрометчиво выводить изъ этого какія-либо заключенія въ смыслѣ, благопріятномъ для присковъ. Каждый годъ происходитъ смѣна рабочихъ и при наймѣ ихъ въ большинство случаевъ обращается вниманіе на то, чтобы они были, по возможности здоровы. Рабочіе съ неизлѣчимыми болѣзнями, обыкновенно, тѣмъ или другимъ путемъ удаляются съ промысловъ... За весьма рѣдкими исключеніями, на промыслахъ умираютъ только тѣ, которые заболѣли какою нибудь тяжелою острою болѣзью или получили такіа травматическія поврежденія, отъ которыхъ смерть неизбежна“ (стр. 162). Въ 80-хъ годахъ смертность на прискахъ значительно усилилась и равнялась въ 1883 г. во всемъ округѣ 14 чел. на тысячу, а въ южной части округа въ 1888 г.—15 и въ 1889 г.—17 чел. на тысячу. Такъ какъ смертность въ Россіи во всемъ населеніи въ среднемъ выводѣ за 15 л. (1862—78) равнялась 36,7 чел. на тысячу³⁾, то мы видимъ, что

¹⁾ Докладъ Крутовскаго обществу енисейскихъ врачей, отдѣльный тискъ, стр. 18.

²⁾ См. Дополненіе IX.

³⁾ Эрисманъ. „Курсъ гігіены“, т. II приложение стр. 61.

смертность на приискахъ въ эти годы, если принять во вниманіе, что тамъ находятся главнымъ образомъ взрослые рабочіе, громадно. Вообще, въ Россіи смертность въ возрастѣ между 15 и 50 годами равнялась 19‰ всей смертности ¹⁾, слѣдовательно при общей смертности въ 36 чел. на тысячу въ этомъ возрастѣ должно умирать 6,8 чел. на тысячу, а мы видѣли, что въ нѣкоторые годы и особенно въ 1883 г. во всемъ округѣ и въ 1880—81, 88 и 89 гг. въ южной его части, далеко перешла за эти предѣлы.

Въ южно-енисейскомъ округѣ въ 1874—75 гг. было 2 походныхъ церкви, при которыхъ состояли 1 священникъ и 1 дьяконъ: на ихъ содержаніе и жалованье золотопромышленники отпускали по условію 4000 р. Въ 1889 г. здѣсь было 3 церкви, которыя, вслѣдствіе недостаточности „денежныхъ средствъ у большинства золотопромышленниковъ“ южно-енисейскаго округа, по словамъ отчета за этотъ годъ томскаго горнаго управленія, находятся въ весьма плачевномъ положеніи. Приисковый священникъ по заключенному контракту получалъ за cadaго рабочаго въ годъ отъ промысловыхъ управленій по 75 к. Въ 1890 г. на средства, пожертвованныя служащими К^о Асташева, была построена часовня ²⁾, въ которой намъ пришлось быть въ 1891 г. Она можетъ быть скорѣе названа небольшою церковью, построенною весьма изящно и содержимою въ порядкѣ, но на богослуженіи мы видѣли только однихъ служащихъ: всѣ рабочіе были на работахъ. Впрочемъ, рабочіе рѣдко посѣщаютъ церковь и послѣ того, какъ по закону 1895 г. они бываютъ свободны зимою по воскресеньямъ. Въ 1893 г. на Александровскомъ приискѣ на рч. Боровой была построена церковь на общія средства золотопромышленниковъ ³⁾. „Меньше всего“, говоритъ г. Уманьскій, „нуждаются золотопромышленники въ священникѣ, которому многіе не уплачиваютъ даже слѣдующее ему жалованье по числу рабочихъ. Священникъ по преимуществу занимается крестинами, такъ какъ свадьбы здѣсь бываютъ рѣдко вслѣдствіе преобладанія въ тайгѣ вѣнчающаго сожителства, а погребаютъ рабочихъ безъ всякихъ религіозныхъ обрядовъ“ („какъ собакъ“, выражаются рабочіе). „Церковь пустуетъ, и служеніе въ ней происходитъ только по самымъ большимъ праздникамъ, да и то не всегда“.

Въ концѣ 1894 г. на Таломъ приискѣ Асташева открылась церковно-

¹⁾ Ibid. стр. 75.

²⁾ „Горн. Журн.“ 1891 г. № 12, стр. 530.

³⁾ „Сиб. Вѣстн.“ 1895 г. № 180; „Вѣстн. Золотопр.“ 1893 г. № 15, стр. 248. Въ сѣверной части Енисейскаго округа 1881 г. было 3 церкви; при нихъ 1 священникъ и 1 псаломщикъ. На жалованье и содержаніе золотопромышленники отпускали по 74 к. за cadaго рабочаго, находившагося на приискахъ къ 1 іюлю. То же количество церквей было и въ 1896 г. „Вѣстн. Золотопр.“ 1896 г. № 7, стр. 149.

приходская школа, въ которой изъявили желаніе учиться 31 человекъ (24 мальчика и 7 дѣвочекъ), почти все дѣти рабочихъ. При ней былъ устроенъ бесплатный интернатъ на 12 человекъ. Большую часть средствъ на эту школу давало присковое управленіе; затѣмъ служащіе пожертвовали въ 1895 г. 2⁰/₀ своего содержанія, и кромѣ того въ пользу школы данъ былъ спектакль. На промыслахъ Асташева (южно-енис. окр.) есть также бесплатная библіотека для служащихъ и рабочихъ. Осенью 1896 г. школа закрылась вслѣдствіе ликвидаціи золотопромышленнаго дѣла Асташева ¹⁾.

Въ 60-хъ годахъ въ весьма многихъ договорахъ золотопромышленниковъ съ рабочими встрѣчались упоминанія о тѣлесномъ наказаніи рабочихъ. Напротивъ, въ 70-хъ годахъ въ извѣстныхъ намъ контрактахъ такія условія встрѣчаются очень рѣдко. Въ договорѣ рабочихъ съ комп. Кузнецова и Щеголевыхъ (въ сентябрѣ 1870 г.) за уклоненіе отъ работъ и самовольную отлучку съ приска компанія могла налагать на рабочихъ штрафъ или „подвергать виновныхъ на основаніи 2501 ст. VII т. Св. Зак. (изд. 1857 г.) домашнему исправленію артельной расправы, а на основаніи 2502 и 2503 ст. полицейскому исправленію“, т.-е. просить горнаго исправника о наказаніи виновнаго. О взысканіи съ рабочихъ за извѣстные поступки „по суду артельной расправы“ (но безъ прямого намека на тѣлесное наказаніе, такъ какъ расправа могла наложить и денежное наказаніе или арестъ) упоминается и въ договорѣ 1888 г. съ комп. Иваницкаго, Жилля и Потапова. Уже на основаніи этого рѣдкаго упоминанія о тѣлесныхъ наказаніяхъ въ договорахъ слѣдуетъ заключить, что въ обращеніи съ рабочими произошло сравнительно съ предшествовавшимъ временемъ значительное смягченіе, но тѣмъ не менѣе присковыя нравы и въ самое послѣднее время были весьма суровы. При наказаніи рабочихъ розгами, исправники, по крайней мѣрѣ тѣ изъ нихъ, у которыхъ дѣлопроизводство въ порядкѣ, дѣлали письменное постановленіе, напр., въ такомъ родѣ: „1876 г. іюля 22 дня горный исправникъ южной части енисейскаго округа, подполковникъ К. постановилъ крестьянина Я. С — ва, находящагося въ работѣ на золотыхъ промыслахъ полковника Асташева, за картежную игру и проматываніе вещей на основаніи“ (для обозначенія статьи оставлено мѣсто) „ст., II кн. XV т. Св. Зак. уголовныхъ и 17 § инструкціи для исправниковъ горныхъ наказать десятью ударами розогъ“ ²⁾. Но нерѣдко исправникъ не безпокоился и составлять приговоръ, и наказаніе производилось по запискѣ золотопромышленника. Напр., золотопромышленникъ К. Квятковскій пишетъ въ 1881 г.

¹⁾ „Вѣст. Золотопр.“ 1895 г., стр. 32, 1896 г., стр. 15, 1897 г. стр. 31, 251.

²⁾ Арх. Горн. Испр. юж.-енис. окр. дѣло 1876 г. № 46.

горному исправнику южно-енисейскаго округа: „Поселенецъ южнаго округа Казачинской волости“ (такой-то) „уклоняется отъ работъ, лѣнится и притворяется больнымъ уже нѣсколько (дней); а фельдшеръ не признаетъ въ немъ никакой болѣзни. А потому имѣю честь покорнѣйше просить васъ сдѣлать со стороны вашей распоряженіе: взыщите съ него, какъ слѣдуетъ, котораго при семъ посылаю для надлежащаго съ него взысканія или наказанія“. Помѣта карандашемъ: „если не боленъ, то наказать“ и затѣмъ приписка: „наказанъ Ермолаевымъ“ ¹⁾. О тѣлесномъ наказаніи рабочихъ ходатайствовали не только мужчины, но и женщины: такъ „завѣдующая Степановскимъ приискомъ А. Кватковская“ пишетъ въ 1889 г. горному исправнику южно-енисейскаго округа: „Препровождаю при семъ на ваше усмотрѣніе рабочаго Степановскаго прииска ссыльпоноселенца Г. Б — ва за самовольное уклоненіе отъ работъ“. Помѣта карандашемъ: „наказанъ 15 ударами розогъ“ ²⁾.

Другою инстанціей, куда золотопромышленники могли обращаться съ жалобами на рабочихъ, были партіонныя или артельныя расправы. Относительно нихъ въ журналѣ Совѣта Главнаго Управленія Восточной Сибири 24 августа 1878 г. сдѣлано было слѣдующее заключеніе: „вниманіе мѣстнаго начальства должно быть обращено на развитіе тѣхъ началъ, какія положены въ основаніе правилъ о наймѣ рабочихъ Устава о золотопромышленности, объ устроительствѣ рабочихъ партій, назначеніи старостъ и выборныхъ для партіонной расправы, на правильное и цѣлесообразное исполненіе этихъ правилъ, а не на измышленія новыхъ, какъ недопускаемыхъ закономъ. Между тѣмъ рабочіе на промыслахъ не вездѣ раздѣлены на партіи и артели и не вездѣ существуютъ партіонныя расправы, которыя могли бы примѣнять взысканія, опредѣленныя въ правилахъ о наймѣ рабочихъ, но это доказываетъ только невниманіе горныхъ исправниковъ къ прямымъ своимъ обязанностямъ или непониманіе смысла самими промышленниками своихъ интересовъ, непосредственно связанныхъ съ устройствомъ быта ихъ рабочихъ и развитія самостоятельности къ ихъ исправленію“.

Вслѣдствіе этого постановленія Совѣта Главнаго Управленія Восточной Сибири горный исправникъ сѣверно-енисейскаго округа разослалъ мѣстнымъ золотопромышленникамъ циркуляръ, въ которомъ говоритъ: „Объ устройствѣ на промыслахъ артельныхъ расправъ для взысканій съ рабочихъ за маловажные проступки по проѣздамъ моимъ по приискамъ я неоднократно уже обращался лично къ золотопромышлен-

¹⁾ Ibid. дѣло 1881 г. № 5.

²⁾ Ibid. 1889 г. № 4. Но изъ этого дѣла видно, что приисковый врачъ нашелъ одного рабочаго малокровнымъ и страдающимъ катарромъ желудка и потому далъ заключеніе, что его можно назначать только на лѣтнюю работу.

никамъ, управляющимъ и довѣреннымъ, и нынѣ, вслѣдствіе выше объясненнаго заключенія Совѣта Главнаго Управленія“, онѣ снова просилъ ихъ заявить ему, желаютъ они или не желаютъ учредить расправы, и затѣмъ, когда онѣ будутъ учреждены, донести о званіяхъ, именахъ и фамиліяхъ артельныхъ старостъ и выборныхъ отъ артелей ¹⁾).

При выборѣ рабочими членовъ партіонной расправы составлялся письменный приговоръ, препровождавшійся на утвержденіе горнаго исправника. Вотъ, напр., приговоръ рабочихъ Михайловскаго и Александровскаго присковъ о выборахъ въ члены партіонной расправы, составленной 19 мая 1885 г.: „Мы, нижеподписавшіеся, люди разнаго званія, составили съ общаго нашего согласія настоящій приговоръ въ томъ, что за грубость, лѣность къ работамъ, пьянство, картежныя игры и тому подобныя проступки, сдѣланные кѣмъ либо изъ насъ, мы, по общему нашему словесному приговору, согласны подвергать провинившагося артельной расправѣ (на основаніи ст. 101 и 102 Общ. Полож. о крестьянахъ), для чего и выбрали изъ среды нашей членами“ (слѣдуютъ имена 2 крестьянъ ²⁾).

Приводимъ для образца одинъ изъ приговоровъ артельной расправы: 1881 г. марта 16 дня мы, нижеподписавшіеся рабочіе Екатерининскаго приска потомственной почетной гражданки Анастасіи Егоровой Рязановой, артельный староста крестьянинъ (такой-то), выборные крестьяне (2 человека) „симъ приговорили рабочаго нашей артели крестьянина“ (такого-то) „за грубости служащимъ и самовольную отлучку съ работъ наказать 20 ударами розогъ“. Присковое управленіе препроводило осужденнаго вмѣстѣ съ этимъ приговоромъ къ горному исправнику съ просьбою подвергнуть его наказанію, что и было исполнено (безъ приговора партіонной расправы горный исправникъ по закону не имѣетъ права наказывать нелишенныхъ правъ состоянія рабочихъ).

Иногда приговоръ пишется не отъ имени только артельнаго старосты и членовъ артельной расправы, а отъ имени всѣхъ рабочихъ, но подписывается только 3 рабочими, очевидно, составляющими артельную расправу; на основаніи такого приговора были наказаны горнымъ исправникомъ 4 крестьянина за побѣгъ съ Дополнительнаго участка къ Прокопьевскому приску Асташева; а безъ такого приговора по закону горный исправникъ не могъ подвергнуть крестьянъ тѣлесному наказанію ³⁾. Наконецъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ приговоръ не только пи-

¹⁾ Арх. горн. испр. сѣв.-енис. окр. 1879 г. № 23, л. 3.

²⁾ Подписалось 28 человекъ (почти все крестьяне); изъ нихъ только 1 оказался грамотнымъ, а за другихъ руку приложилъ какой-то мѣщанинъ.

³⁾ Въ числѣ подписавшихъ этотъ приговоръ былъ и ссыльнопоселенецъ.

шется от имени рабочих, но и подписывается многими из них ¹⁾.

Въ 1876 г. горный исправникъ сѣверно-енисейскаго округа, въ донесеніи енисейскому губернскому правленію по вопросу объ устройствѣ на промыслахъ одиночныхъ кардеровъ (см. ниже), ссылаясь на подобное же мнѣніе исправника Витимской системы Олекминскаго округа, настаивалъ на „необходимости наданія особыхъ, по возможности болѣе строгихъ правилъ объ исправительныхъ наказаніяхъ рабочихъ за маловажные проступки“. Сравнивъ § 12 правилъ о наймѣ рабочихъ на сибирскіе золотые промысла (о томъ, что золотопромышленникъ или рабочій, недовольный рѣшеніемъ партіонной расправы, можетъ жаловаться исправнику) съ § 17 Инструкціи горному исправнику (по которому исправникъ производитъ взысканіе *по рѣшенію партіонной расправы*), онъ предлагалъ поставить исправниковъ, „при опредѣленіи мѣры взысканія, въ независимость отъ приговоровъ артельной расправы“ и спрашивалъ, какъ поступить, если при исполненіи 12 ст. правилъ о наймѣ рабочихъ исправникъ не одобритъ рѣшенія партіонной расправы. „Раздѣленіе рабочихъ на артели“, продолжаетъ онъ, „существуетъ здѣсь только у золотничниковъ, а не у общеконтрактныхъ, а потому у по-

---

¹⁾ Вотъ одинъ изъ такихъ приговоровъ: „1881 г. іюня 6 дня мы, нижеподписавшіеся рабочіе золотопромышленника А. С. Калашникова, рабочаго же изъ среди нашей, крестьянина“ (такого-то) „за неисполненіе принятыхъ на себя обязанностей, за кражу хозяйскихъ вещей на 40 р. и побѣгъ съ пріиска съ общаго согласія приговорили наказать его розгами 20 ударами, въ чемъ и подписуемся“ (слѣдуютъ подписи 27 крестьянъ). Приговоръ былъ исполненъ горнымъ исправникомъ. Или вотъ еще подобный же приговоръ: „1876 г. іюня 22 дня мы, нижеподписавшіеся люди, находящіеся въ разныхъ работахъ на Ильинскомъ пріискѣ К^о Кирьянова и Киркилло составили сей приговоръ всей артели въ нижеслѣдующемъ: находясь съ нами вмѣстѣ въ работѣ на Ильинскомъ пріискѣ, крестьянинъ изъ поселенцевъ... Ю—въ, подъ предлогомъ мнимой болѣзни, не выходилъ на работу болѣе 40 дней, и управленіе не вынуждало его выйти на работу; но когда была выписка намъ изъ магазина припасовъ и необходимыхъ вещей, тогда и Ю—въ явился къ хозяину Кирьянову и объявилъ, что онъ здоровъ и пойдетъ на работу; вслѣдствіе этого была сдѣлана и ему выписка, и онъ, получивши выписку, въ ночь бѣжалъ. Во время мнимой болѣзни дѣлалъ въ казармѣ безпорядки, начиналъ даже драку изъ среды нашей съ рабочими. За все вышеизложенное приговариваемъ Ю—ва подвергнуть взысканію на основаніи горнаго устава о частной золотопромышленности. Приговоръ этотъ просимъ представить г. горному исправнику и препроводить туда Ю—ва, въ чемъ и подписуемся“ (слѣдуютъ подписи 10 крестьянъ). Арх. Горн. Испр. южн.-енис. окр. 1876 г. № 46. Подобнымъ же образомъ рабочіе „разныхъ званій, округовъ и волостей“ на Магдалининскомъ пріискѣ (сѣв.-енис. окр.), разрабатываемомъ Климантовичемъ, „артельнымъ приговоромъ“ присудили трехъ товарищей за пьянство и буйство („въ силу данной правительствомъ“ имъ „власти взыскать съ виновныхъ за разные безпорядки“) къ наказанію 20 ударами розогъ съ представленіемъ осужденныхъ къ горному исправнику (слѣдуютъ 9 подписей). Арх. Горн. Испр. сѣв.-енис. окр. дѣло 1887 г. № 7.

слѣднихъ нѣтъ ни старостъ, ни выборныхъ (? ср. выше), слѣдовательно, не существуетъ и самой расправы, да если бы и образовались рабочія партіи, то въ нихъ могутъ быть и мѣщане, и крестьяне, и поселенцы. Последніе, какъ неизъятые отъ тѣлеснаго наказанія, штрафуются розгами, но какъ поступать съ мѣщаниномъ и крестьяниномъ, если онъ принадлежитъ къ той же партіи и настолько же виновенъ, какъ и поселенецъ? Вотъ почему, по мнѣнію моему, необходимо подробное разъясненіе 12 ст. правилъ о наймѣ Устава о частной золотопромышленности изд. 1870 г., въ которой указано только, что недовольная сторона жалуется исправнику, и не объяснено, что можетъ дѣлать онъ, нужно ли тутъ новое рѣшеніе партіонной расправы, указываемое § 17 инструкціи. Контракты, заключаемые золотопромышленниками съ рабочими, обязательны для обѣихъ сторонъ, и кто бы изъ послѣднихъ ни подписалъ ихъ, мѣщанинъ ли, крестьянинъ ли, поселенецъ ли, онъ носить на прискахъ одно общее названіе рабочаго, подчиняясь всѣмъ контрактнымъ условіямъ, а потому и подвергаться долженъ одной общей для всѣхъ мѣрѣ взысканія¹⁾.

Однако мечты горнаго исправника о правѣ подвергать тѣлесному наказанію безъ приговора артельной расправы крестьянъ и мѣщанъ, къ счастью, и до сихъ поръ остались мечтами, хотя о распространеніи на нихъ тѣлесныхъ наказаній и хлопотали къ стыду своему золотопромышленники Енисейскаго округа еще въ 1892 г. (см. ниже).

Впрочемъ, нѣкоторые золотопромышленники расправлялись съ рабочими и не прибѣгая къ помощи горнаго исправника или артельной расправы. Такъ напр., начальникъ енисейскаго жандармскаго управленія Банинъ въ августѣ 1870 г. донесъ генералъ-губернатору Восточной Сибири о слѣдующемъ: „При объѣздѣ моемъ“, писалъ онъ, „промысловъ южной части Енисейскаго округа, на Алексѣевскомъ прискѣ купца Ягунова рабочіе объявили мнѣ жалобу на жестокое обращеніе съ ними хозяина Ягунова, между которыми рабочій А—мъ С—ъ былъ избитъ имъ палкою, а Иванъ Г— въ наказанъ розгами. На спросъ мой казака, онъ подтвердилъ это, объяснивъ, что, дѣйствительно, имъ наказаны розгами *по приказанію хозяина*“ (совершенно противозаконному), „котораго онъ послушаться не смѣлъ, ибо, при командированіи его на промысла, онъ получилъ приказаніе отъ *командира слушаться хозяина* (!)“. Ягуновъ, на вопросъ Банина о томъ, какъ онъ позволилъ себѣ наказывать рабочихъ розгами, отвѣтилъ, „что всегда будетъ пороть ихъ, пока они будутъ бѣгать, что имѣетъ на то право“ и прибавилъ: „вы не знаете законовъ, оттого такъ и говорите“. Банинъ нашелъ, что на этомъ прискѣ многіе рабочіе не имѣли паспортовъ и приказалъ горному исправнику поступить съ ними, какъ съ бродягами (безпаспортные рабочіе выгодны для золотопромышленника тѣмъ, что они народъ совершенно беззащитный, и ихъ можно эксплуатировать, какъ угодно). Кромѣ жестокаго обращенія на

¹⁾ Арх. Горн. Испр. сѣв.-енис. окр., донесеніе горн. испр. въ енисейское губернское правленіе 14 апрѣля 1876 г., № 1614.

этомъ пріискѣ, Банинъ считалъ поводомъ къ побѣгамъ и непомерно высокія цѣны на товары ¹⁾).

Любопытнѣе всего, какъ окончилось дѣло Ягунова: онъ судился въ Енисейскомъ городскомъ судѣ и былъ приговоренъ въ 1873 г. къ аресту на 1 мѣсяцъ. Онъ апеллировалъ въ енисейскій губернскій судъ, и тотъ отиѣнилъ приговоръ енисейскаго городского суда „за неподачею самими обиженными жалобы на Ягунова“, предоставивъ обиженнымъ жаловаться на него, если желаютъ. Дѣло, очевидно, на томъ и покончилось, такъ какъ по прошествіи 3 лѣтъ потерпѣвшіе рабочіе вѣроятно находились въ совершенно другомъ мѣстѣ Сибири, и Ягуновъ, а по примѣру его и другіе золотопромышленники могли безнаказанно продолжать самовольную расправу съ рабочими.

„Власть пріискаго хозяина надъ рабочими“, говоритъ г. Уманьскій, „далеко значительнѣе обычной, чисто экономической власти предпринимателя надъ трудящимися... Неповиновеніе ему рабочихъ артелию наказывается какъ возстаніе противъ властей. Съ другой стороны администрація, бездѣятельная въ отправленіи своихъ прямыхъ обязанностей, является дѣятельною пособницей хозяевъ въ ихъ отношеніяхъ къ рабочимъ. Званіе поселенца даетъ возможность наказывать поселенцевъ-рабочихъ розгами безъ суда по усмотрѣнію администрацію. Наказанію подвергаются строптивые, лѣнивые, притворно-больные, пойманные бѣглецы. Нерѣдко розгами ограничиваются и наказанія за крупныя преступленія, въ родѣ кражи золота, покушенія на убійство служащаго, такъ какъ въ тайгѣ не любятъ доводить дѣло до острога, что лишило бы компанію рабочаго въ нужную пору. Въ большинствѣ случаевъ администрація не производитъ разслѣдованія вины рабочихъ, довольствуясь одною жалобою хозяина, что, конечно, отерываетъ полный просторъ произволу. Наказаніе по закону не должно превышать 20 ударовъ, но практика доводитъ это число до нѣсколькихъ сотенъ... Иногда наказаніе производится при резиденціи исправника въ „казачьей“, иногда на пріискѣ, если желаютъ внушить спасительный страхъ другимъ рабочимъ, товарищамъ наказываемаго... Добиться приговора артели для наказанія розгами рабочихъ-крестьянъ очень трудно, почему крестьяне въ большинствѣ случаевъ не подвергаются тѣлесному наказанію или же подвергаются произвольно, съ нарушеніемъ закона. Прежде произвольное наказаніе рабочихъ крестьянъ случалось чаще, но въ настоящее время администрація избѣгаетъ этого“, такъ какъ имѣла „по этому поводу несприятности вслѣдствіе жалобъ потерпѣвшихъ лицъ!“ (стр. 85—87).

Отъ золотопромышленниковъ „часто можно услышать разсужденіе объ удивительныхъ свойствахъ лѣченія розгами, которое будто бы

¹⁾ Въ 1873 г. съ Иннокентіевскаго пріиска вж.-енис. окр. купчихи Андреевой бѣжало значительное число рабочихъ вслѣдствіе жестокаго обращенія управляющаго пріиска. „Енис. Губ. Вѣд.“, 1874 г., № 31, стр. 119.

дѣлають больныхъ здоровыми, строптивыхъ послушными, а нерадивыхъ исправными. И дѣйствительно, розги доводятъ усилія рабочихъ до виртуозности... больные, изъ страха наказанія, усердно работаютъ въ душныхъ и сирадныхъ ортахъ, съ невольными усиліями исполняютъ уроки... На одномъ изъ присковъ подобный больной, воротясь изъ орты, сталъ писать управляющему записку; въ ней онъ просилъ прощенія, что не въ силахъ работать, потому что, какъ писалъ онъ, ему совѣстно, что „нанявшись какъ конь, не въ силахъ работать какъ лошадь“. Не дописавъ записки, рабочій припалъ головою къ нарамъ; когда пришли „выгнать на работу“, нашли его уже мертвымъ съ недоконченною запиской въ сжатой рукѣ... За ревностное исполненіе наказанія урядникъ и казаки получаютъ отъ золотопромышленниковъ подарки: табакъ, сахаръ, которые иногда вписываются въ расходную книгу подъ рубриками: „за считаніе“ и „за сѣченіе“. Нѣкоторые изъ золотопромышленниковъ и ихъ довѣренныхъ приобрѣтають своего рода страсть къ сѣченію; для удовлетворенія ея они не останавливаются передъ обманами и подлогами. Крестьяне-рабочіе могутъ быть наказаны лишь по приговору артельной расправы, а такъ какъ вырвать подобный приговоръ у рабочихъ очень трудно, то иногда рабочаго застрашиваютъ высылкой по этапу на родину, убѣждая добровольно поддаться наказанію, иногда же составляютъ подложные приговоры“ ¹⁾. Тѣлесныя наказанія практикуются и въ послѣдніе годы. Въ 1893 г. корреспондентъ одной сибирской газеты писалъ, что горный исправникъ и урядникъ жестоко наказываютъ рабочихъ изъ поселенцевъ; „самая меньшая порція, какую отпускають провинившемуся рабочему,—это 50 розогъ, а то даютъ 100 и 200“ ²⁾.

Приведенные факты, документы и свидѣтельства какъ официальныхъ, такъ и неофициальныхъ лицъ показываютъ, что о беззащитности золотопромышленниковъ отъ ихъ рабочихъ, повидимому, не могло бы быть и рѣчи, а между тѣмъ енисейскіе золотопромышленники все недовольны.

Въ запискѣ своей, представленной министру государственныхъ имуществъ и директору горнаго департамента въ 1892 г. ³⁾ они пишутъ: „партионныя расправы въ настоящее время на прискахъ не существуютъ⁴⁾“, да и въ періодъ ихъ существованія ими разбирались лишь тѣ дѣла, которыя касались чисто лич-

¹⁾ „Восточ. Обзоръ“, 1885 г., № 36, стр. 6—7, ср. 1882 г., № 36, стр. 4 и „Сиб. Газ.“, 1884 г., № 31, стр. 779.

²⁾ „Сиб. Листокъ“, 1893 г., № 76.

³⁾ См. разборъ этой записки въ моей замѣткѣ „Притязанія золотопромышленниковъ“, „Русскія Вѣдомости“, 1895 г., № 7.

⁴⁾ Но мы видѣли, что при отсутствіи артельной расправы приговоръ постановляло извѣстное количество рабочихъ.

ныхъ интересовъ послѣдней. Въ данномъ случаѣ она была бы, дѣйствительно, безпощадна и безпощадна до жестокости. Такъ напр., изъ-за какой-нибудь украденной кѣмъ-либо изъ товарищей порціи мяса или пары онучъ, его подвергали такому варварскому наказанію, что присковому управленію приходилось даже защищать несчастнаго. Между тѣмъ, когда проступокъ рабочихъ касался интересовъ хозяйскихъ, какъ напр., изувѣченія лошади, стоющей сотни рублей, порчи инструмента, хозяйскаго имущества, оскорбленія служащихъ или уклоненія рабочаго отъ выполненія контракта, то эта же самая партіонная расправа судить его положительно отказывалась¹⁾ или еще того хуже, если и судила, то такъ, что отбивала у присковаго управления всякую охоту впредь обращаться къ ея суду. Въ доказательство отсутствія всякаго уваженія къ партіонной расправѣ со стороны ея избирателей, можно указать на тѣ случаи, когда она, осудивъ какой-нибудь проступокъ по своему личному убѣжденію, безъ спроса артели, подвергалась за это со стороны послѣдней такому жестокому набіенію, что представляющіе ее выборные не смѣли даже жаловаться, опасаясь худшихъ послѣдствій. Члены партіонныхъ расправъ, живя въ одиѣхъ казармахъ съ рабочими, естественно находятся подъ ихъ постояннымъ давленіемъ и потому, при всей даже своей безусловной честности и безпристрастномъ отношеніи къ данному проступку, они не могутъ судить его противъ воли рабочей артели, руководимой всегда (?) ссыльнымъ элементомъ (?), не останавливающимся передъ преступленіемъ, которое здѣсь въ глухой тайгѣ и, особенно же въ дорогѣ, такъ легко выполнить²⁾.

Въ этихъ словахъ несомнѣнно есть извѣстное преувеличеніе, но тѣмъ не менѣе они рисуютъ ростъ самосознанія рабочихъ, развитіе въ нихъ чувства человѣческаго достоинства и пониманія противоположности ихъ интересовъ съ интересами хозяевъ. Тѣмъ не менѣе съ перваго взгляда все-таки совершенно непонятенъ тотъ трагическій тонъ, въ который впадаютъ въ приведенномъ мѣстѣ своей записки енисейскіе золотопромышленники: если нехороши артельные расправы, то вѣдь золотопромышленники имѣютъ такой вѣрный оплотъ своей власти, какъ пользующіеся отъ нихъ огромною субсидіей горные исправники? Но бѣда въ томъ, что эти исправники по закону не имѣли права, безъ приговора артельной расправы, подвергать крестьянъ и мѣщанъ тѣлесному наказанію, а число рабочихъ изъ ссыльнопоселенцевъ, съ которыми могъ распорядиться такимъ образомъ по своему усмотрѣнію горный исправникъ, все уменьшается: вотъ причина тревоги золотопромышленниковъ³⁾. Казалось бы, въ рукахъ ихъ самихъ и горнаго исправника находится не мало другихъ мѣръ для весьма чувствительнаго нака-

¹⁾ Приведенные нами документы указываютъ однако на факты совершенно противоположные.

²⁾ Начальникъ енисейскаго жандармскаго управленія въ отчетѣ за 1882 г. писалъ: партіонныя расправы не желательны золотопромышленникамъ, которые видятъ въ нихъ умаленіе своего значенія и ограниченіе той власти, которою они такъ широко пользуются по отношенію къ рабочимъ. Арх. Иркут. Горн. Упр. 2768, № 63/53. л. 833 об.

занія рабочихъ; но нѣтъ, имъ нужно именно тѣлесное наказаніе. Что это именно такъ, видно изъ слѣдующихъ, не оставляющихъ никакого сомнѣнія словъ енисейскихъ золотопромышленниковъ въ той же, уже цитированной нами, запискѣ: „весьма желательно, чтобы разбирательство всевозможныхъ столкновеній между хозяевами и рабочими было возложено на горнаго исправника взамѣнъ несуществующей партіонной расправы съ тѣмъ, чтобы горный исправникъ, располагая и теперь всевозможными средствами къ немедленному удовлетворенію претензій рабочихъ къ золотопромышленникамъ, въ то же время *имѣлъ право применять тѣ же мѣры взысканія въ отношеніи провинившихся рабочихъ*“, а исправнику только и недоставало права безъ приговора артельной расправы подвергать тѣлесному наказанію полноправныхъ рабочихъ.

Для огражденія рабочихъ отъ разныхъ жестокостей на промыслахъ въ ихъ договоры съ предпринимателями вносились прежде условія въ родѣ слѣдующихъ. Управление К^о Фунтусова въ контрактъ 1870 г. обязывается обходиться съ рабочими „безъ обиды и притѣсненія, человѣколюбиво, не причиняя имъ *тяжкихъ побоевъ* или какихъ-либо жестокостей, здоровью вредныхъ“ ¹⁾. Но въ другихъ договорахъ мы встрѣчаемъ этотъ пунктъ уже въ смягченной редакціи. Такъ, В. И. Базиловскій въ договорѣ 1870 г. обязывается „не допускать со стороны своихъ прикащиковъ дѣлать“ рабочимъ „какія-либо притѣсненія или обиды“ ²⁾, а Асташевъ — „обходиться человѣколюбиво“. Несмотря на эти условія въ контрактахъ, служащіе, по словамъ г. Ячевскаго, „вносятъ въ обращеніе съ рабочими *безпрѣдѣльную грубость*“; они позволяютъ себѣ иной разъ и побои, но въ рабочихъ начинается уже развиваться чувство собственного достоинства, и бываютъ случаи, когда побой, наносимые рабочимъ какимъ-либо управляющимъ приска, вызываютъ серьезныя волненія. Не удивительно, что при тѣхъ условіяхъ, въ какихъ находятся на промыслахъ рабочіе, тяжеломъ трудѣ, суровыхъ наказаніяхъ и нерѣдкихъ штрафахъ,—между ними и служащими устанавливаются отношенія весьма недоброжелательныя ³⁾.

Иногда артельная расправа сверхъ тѣлеснаго наказанія приговаривала рабочаго и къ выдворенію изъ тайги. Такъ напр., въ іюнѣ 1881 г. „выбранные отъ рабочей артели Троицкаго приска К^о Рязановыхъ“ (южно-енис. окр.) „находящіеся въ работѣ у купца Первухина“ приговорили одного находившагося вмѣстѣ съ ними въ работѣ крестьянина „за пьянство, грубости, вносивыя хозяину и служащимъ его“ и „за невыходъ на работу подъ предлогомъ мнимой болѣзни къ наказа-

¹⁾ Тоже самое въ договорахъ Игн. Кытманова 1872 г., К^о Кузнецова и Щеголевыхъ 1870 г. и Асташева 1870 г.

²⁾ Тоже самое въ договорѣ К^о Полежаева 1877 г. и Удереѣйской К^о 1872 г.

³⁾ Ср. Уманьскій, стр. 114.

нію розгами 25 ударами, а какъ нарушителя контракта и вообще чловека подозрительнаго выдворить съ промысловъ въ мѣсто его жительства“ (Кежемскую волость Енисейскаго округа). Золотопромышленникъ Первухинъ препроводилъ этотъ приговоръ къ горному исправнику, и по его просьбѣ онъ былъ немедленно исполненъ ¹⁾).

Въ 1873 г. горный исправникъ сѣверной части Енисейскаго округа (какъ вѣроятно и исправники другихъ системъ) получилъ распоряженіе начальника Енисейской губерніи объ устройствѣ карцеровъ на золотыхъ приискахъ для одиночнаго заключенія рабочихъ за маловажные проступки. Объявивъ это распоряженіе мѣстнымъ золотопромышленникамъ, онъ предложилъ имъ составить смѣту стоимости этой постройки при резиденціи исправника и затѣмъ приступить къ ея выполненію или на деньги, собранныя съ приисковыхъ управленій, или съ помощью присланныхъ ими людей и лошадей. Золотопромышленники въ отвѣтъ на это 27 іюня постановили, что мѣстная золотопромышленность приходитъ въ упадокъ вслѣдствіе выработки приисковъ и потому, при ежегодномъ уменьшеніи количества рабочихъ, они не могутъ принять на себя значительныхъ расходовъ по устройству карцеровъ. Они указывали также на то, что отъ заключенія рабочихъ въ карцеры за маловажные проступки и потери времени на пересылку ихъ туда и обратно они будутъ терять каждаго чловека, по крайней мѣрѣ, на 10 дней, и это отзовется уменьшеніемъ количества промываемаго золота до $\frac{1}{4}$ ф. на каждаго, что составитъ въ теченіе операціи весьма крупный и совершенно непроеводительный расходъ, причемъ отъ недомывки золота потеряетъ и казна. Поэтому золотопромышленники просили губернатора ходатайствовать „объ отиѣнѣ устройства карцеровъ какъ при резиденціи горнаго исправника, такъ и вообще на приискахъ сѣверной системы“ или же о постройкѣ ихъ на средства казны, безъ всякаго участія въ расходахъ золотопромышленниковъ ²⁾. Горный исправникъ представилъ этотъ отзывъ енисейскому губернатору, и тотъ разъяснилъ, что „если Совѣтъ Главнаго Управленія, разсмотрѣвъ этотъ вопросъ, не нашелъ лишь препятствій къ устройству карцеровъ на главныхъ и многолюдныхъ резиденціяхъ, то очевидно, что такое заключеніе совѣта не обязательно для малолюдныхъ приисковъ“.

Сенатъ въ 1875 г. отклонилъ ходатайство генералъ-губернатора Восточной Сибири объ учрежденіи карцеровъ, предоставивъ ему обратиться по этому предмету въ министерство государственныхъ имуществъ и внутреннихъ дѣлъ (см. выше гл. II). Когда въ концѣ 1875 г. якутское областное правленіе возбудило вопросъ объ устройствѣ на промыс-

¹⁾ Арх. Горн. Испр. южн.-енис. окр. 1881 г., дѣло № 8.

²⁾ Горн. Испр. сѣв.-енис. окр. дѣло 1873 г. № 10, л. 18.

лахъ одиночныхъ карцеровъ, и постановленіе его было сообщено золотопромышленникамъ сѣверно-енисейскаго округа, они въ данныхъ имъ подпискахъ остались при мнѣніи, изложенномъ имъ въ постановленіи отъ 23 іюня 1873 г. Довода объ этомъ до свѣдѣнія енисейскаго губернскаго правленія, горный исправникъ съ своей стороны пояснилъ, что въ сѣверно-енисейской системѣ „раздробленіе крупныхъ присковъ на золотничныя работы все болѣе и болѣе увеличивается, а съ тѣмъ вмѣстѣ уменьшаются и средства для недешевыхъ построекъ... Если выстроить карцеръ при резиденціи исправника, то, по разбросанности и отдаленности отъ нея нѣкоторыхъ присковъ на 50 и болѣе верстъ, много потратится времени на пересылку рабочихъ въ ущербъ добычи золота“. А если допустить даже, что „одиночные карцеры устроились бы на болѣе многочисленныхъ прискахъ (хотя это многочисленство и не превышаетъ 336 рабочихъ, и то на одномъ Петропавловскомъ прискѣ Асташева), то кто же будетъ подвергать виноватыхъ этой мѣрѣ взысканія? Казакъ присковаго отряда? Но они большею частью ведутъ себя такъ, что рабочіе не видятъ въ нихъ власти и смотрятъ какъ на равнаго. Исправникъ по донесенію присковаго управленія?“ Но нельзя рѣшать дѣло безъ личнаго разбирательства, а постоянные разъѣзды исправника остановили бы все дѣлопроизводство. Дозволить самимъ управляющимъ заключать въ карцеръ виноватыхъ рабочихъ можно было бы только меньшинству, остальные же не всегда будутъ пользоваться этимъ дозволеніемъ съ полною справедливостію ¹⁾.

Въ 1878 г. Совѣтъ Главнаго Управленія Восточной Сибири отвергъ ходатайство якутскаго областного начальства о необходимости устройства на промыслахъ карцеровъ для одиночнаго заключенія на хлѣбѣ и водѣ ²⁾.

Однако въ началѣ 90-хъ годовъ въ резиденціи горнаго исправника сѣверной части Енисейскаго округа былъ карцеръ изъ 3 комнатъ: 2 для одиночнаго заключенія и одна общая, болѣе значительнаго размѣра; приговоренные горнымъ исправникомъ къ аресту содержались на хлѣбѣ и водѣ ³⁾.

¹⁾ Арх. Горн. Испр. сѣв.-енис. окр., донесеніе енис. губ. прав. 14 апрѣля 1876 г., № 1614.

²⁾ Изъ матеріаловъ, сообщенныхъ г. Субботиннымъ (въ Томскѣ).

³⁾ Бываютъ случаи, когда рабочіе приговариваютъ члена своей артели къ тѣлесному наказанію, а горный исправникъ закрѣпляетъ это наказаніе арестомъ. Такъ въ 1889 г. рабочіе Екатерининскаго приска Хилкова (юж.-енис. окр.) приговорили своего товарища, мѣщанина Т., за то, что онъ часто былъ пьянъ, напоилъ около 10 рабочихъ другого приска и отлучился на нѣсколько дней, съ общаго согласія всей артели, состоящей изъ 10 чел., къ 20 ударамъ розогъ, но исправникъ вмѣсто того арестовалъ его на 5 сутокъ (Арх. испр. юж.-енис. окр., 1889 г., № 4).

Въ апрѣлѣ 1881 г. исправникъ южно-енисейскаго округа получилъ слѣдующее слезное моленіе отъ одного золотопромышленника: „Насколько я крѣпился, не хотѣлъ беспокоить васъ... Но, положительно, не стало ни малѣйшей возможности: грубости, дерзости и, наконецъ, упрямство и невыходъ на, работу, и замахиваніе полѣвными на казака заставили меня убѣдительнѣйше просить: войдите въ наше бѣдное положеніе. Представляю при семъ поселенческаго сына К—ва и крестьянина Ф—ва, которые до того подлецы и негодяи, что и высказать невозможно: бросаются съ полѣвными на казака и не плутъ на работу, отзываясь тѣмъ, что они крестьяне, и ихъ драть не смѣютъ и бить тоже; приговора тоже не даютъ, отзываясь тѣмъ, что они опасаются мести, что они могутъ ихъ при первомъ удобномъ случаѣ чѣмъ-нибудь заразить“ (убить). „Ради Бога... дайте какое-либо наказаніе: просто дѣлають бунтъ“. Резолюція горнаго исправника (очевидно безъ всякаго разбирательства на мѣстѣ): „на четыре сутокъ арестовать на хлѣбъ и на воду, отобрать... трубку и табакъ“.

Исправникъ сѣверной части Енисейскаго округа въ концѣ 80-хъ и началѣ 90-хъ годовъ принималъ относительно рабочихъ мѣру, инструкцію горнымъ исправникамъ 1874 г. вовсе не предусмотрѣнную и не основанную на законѣ¹⁾: какъ и исправники нѣкоторыхъ другихъ горныхъ округовъ Сибири, онъ составлялъ списки рабочихъ, подвергавшихся за разные проступки взысканіямъ и бѣжавшихъ съ промысловъ, но притомъ разсылалъ ихъ золотопромышленникамъ своей системы въ печатномъ видѣ, выражая желаніе, чтобы показанные въ спискѣ рабочіе „не были нанимаемы въ новую операцію“, такъ какъ они „уже заявили о своей недобропорядочности“.

Въ одномъ такомъ печатномъ спискѣ, составленномъ въ 1889 г., перечислены, во-первыхъ, 62 чел. мѣщанъ, крестьянъ, рядовыхъ и ссыльно-поселенцевъ, которые „были подвергаемы горнымъ исправникомъ, согласно 2538 ст. Горнаго Устава, должному взысканію“. Проступки, вызвавшие наказаніе, были слѣдующіе: продажа рабочимъ спирта, наемка одновременно у двухъ золотопромышленниковъ, побѣгъ съ пріиска, уклоненіе отъ работъ подъ видомъ болѣзни, непослушаніе управляющему, требованіе лишней порціи вина и дерзости служащему, пьянство съ рабочими, развратная жизнь, подстрекательство къ дракѣ и нанесеніе раны, невыходъ на работы и требованіе разсчета, угрозы служащему, праздничателство по пріискамъ послѣ разсчета и проч. Затѣмъ слѣдовалъ списокъ 96 человекъ, бѣжавшихъ съ пріисковъ. Въ другомъ печатномъ спискѣ рабочихъ, находившихся на промыслахъ сѣверно-енисейскаго округа въ 1889—90 г., кромѣ наказанныхъ за различныя преступленія и проступки, включенъ еще перечень находившихся на промыслахъ К^о Базилевскаго и Черемныхъ въ южно-енисейскомъ горномъ округѣ и участвовавшихъ „въ бунтѣ“ 9, 10 и 23 марта 1890 г. „Желательно было бы“, говоритъ въ началѣ всего печатнаго списка исправникъ, „чтобы поименованные въ спискѣ рабочіе не были нанимаемы въ новую операцію“. Въ перечнѣ наказанныхъ рабочихъ (85 человекъ), кромѣ вышеприведенныхъ проступковъ, мы между прочимъ находимъ еще: нанесеніе дерзостей

¹⁾ Составленіе списковъ *бѣжавшихъ* рабочихъ основывается, какъ увидимъ ниже, на циркулярѣ Главнаго Управленія Восточной Сибири.

каваку, кражу вещей, подстрекательство рабочихъ къ неповиновенію управленію, неоднократное оскорбленіе служащихъ и возмущеніе команды рабочихъ. Въ томъ же спискѣ значилось 88 должниковъ и 204 чел., участвовавшихъ „въ бунтѣ“ на промыслахъ К^о Базилевскаго и Черемныхъ.

Повторяемъ, введеніе такихъ списковъ (которое, если не лишало исполнѣ рабочихъ права найма въ извѣстномъ золотопромышленномъ округѣ, такъ какъ хозяева не всегда строго придерживались этихъ списковъ, то все-таки, такъ сказать, ограничивало это право) не основано на законѣ. Въ Витимской системѣ Олекминскаго округа мы также встрѣтили у горнаго исправника, такъ называемую, „черную книгу“, въ которую заносились имена наказанныхъ рабочихъ, и представитель компаніи Промышленности въ Бодайбинской резиденціи не нанималъ тѣхъ, имена которыхъ были внесены въ эту книгу; но тамъ, по крайней мѣрѣ, списки такихъ рабочихъ, сколько намъ извѣстно, не печатались.

Присковья управленія имѣютъ въ рукахъ такое сильное средство наказанія рабочихъ, какъ разсчитываніе ихъ ранѣ срока найма. Между тѣмъ, какъ въ контрактахъ обыкновенно оговорено, что рабочіе не имѣютъ права требовать разсчета до срока, золотопромышленники предоставляютъ себѣ это право съ тѣмъ только, чтобы рабочимъ была выдана причитающаяся до дня разсчета плата ¹⁾. Золотопромышленники, вѣроятно, гораздо чаще пользовались бы этимъ правомъ, еслибы ихъ не сдерживало то, что многіе изъ рабочихъ, которыхъ имъ хотѣлось бы разсчитать, состоятъ у нихъ еще въ долгу. Тѣмъ не менѣе, количество разсчитанныхъ до срока бываетъ довольно значительное ²⁾. Взамѣнъ уволенныхъ, а также и бѣжавшихъ золотопромышленники нерѣдко предоставляютъ себѣ въ контрактахъ право нанимать другихъ рабочихъ, хотя „и съ передачею задатковъ“, причемъ за эту передачу и въ уплату долга, который могъ остаться за рабочими при разсчетѣ, виновные отвѣчали „своею собственностью“.

Наиболѣе обыкновенною формою наказанія рабочихъ являются штрафы, о которыхъ говорится въ каждомъ контрактѣ.

¹⁾ Въ нѣкоторыхъ договорахъ оговорено, что присковое управленіе можетъ увольнять рабочихъ до срока „по нерадѣнію, слабости здоровья, неспособности къ работамъ или другимъ причинамъ“, въ другихъ же нѣтъ и этой неопредѣленной оговорки, а просто такое досрочное увольненіе предоставляется усмотрѣнію управленія.

²⁾ Такъ, по отчетамъ горныхъ исправниковъ и окружныхъ инженеровъ въ сѣверно-енисейскомъ округѣ, въ 1881 г. было 80 ч. разсчитано „по болѣзни, неспособности къ работамъ, за грубости и лѣность“, въ 1882 г.—78 чел. по тѣмъ же причинамъ и за пьянство, въ 1883 г.—81 чел., въ 1884 г.—33 ч., въ 1885 г.—42 ч., въ 1886 г.—64 ч., въ 1888 г.—24 ч., въ 1889 г.—23 ч.; въ южной части Енисейскаго округа въ 1883 г. разсчитано „по неспособности“ 58, въ 1885 г.—51 ч., въ 1888 г.—92 ч.

Чаще всего штрафы назначаются за уклонение от работ. Такъ, напр. въ договорѣ съ Фунтусовымъ (1870 г.) сказано: „во время работы не должно быть между нами лѣности и нерадѣнія, и съ принска безъ позволенія не отлучаться, не окончивши своихъ уроковъ подѣ предлогомъ ложной болѣзни и проч., въ противномъ случаѣ контора въ правѣ разыскивать съ насъ: за каждый недоработанный часъ по 50 к., за половину дня по 2 р., а за цѣлый день по 3 р.“ По контрактамъ съ В. И. Базилевскимъ (1870, 75 и 83 гг.) штрафъ за опозданіе на работу, оставленіе ея раньше времени и уклоненіе отъ нея подѣ разными предлогами назначенъ по 1 р. въ день, по договору съ нимъ же 1878 г. 1—3 р., а по договору съ Востротиннымъ (1880 г.) по 3 р. По договору съ И. Кытмановымъ (1885 г.) за самовольную отлучку и уклоненіе отъ работъ назначенъ штрафъ 1—2 р. По договору съ Харченко (1882 г.) за каждый прогульный день—2 р., а по контрактамъ съ К^о Ячменева и Хотимскаго (1871 г.) и съ К^о Калининныхъ-Шушляевыхъ (1870 г.) по 3 р.¹⁾ По договору съ Вилямовскимъ (1870 г.) за ослушаніе и невыполненіе приказаній назначенъ штрафъ 50 к.—2 р. съ занесеніемъ штрафовъ въ книгу, которая должна быть за скрѣпной артельного старосты или старшины, а за неявку на работу и лѣность 2—5 р. По нѣкоторымъ контрактамъ (напр. съ К^о Жилля, Иваницкаго и Потапова 1888 г.), въ случаѣ невыхода на работу въ назначенное время, рабочіе сверхъ штрафовъ въ 50 к. обязуются отработать такое же количество дней по истеченіи срока контракта въ слѣдующую операцію²⁾.

Обыкновенно въ контрактахъ назначались также штрафы за дурное поведение рабочихъ (пьянство, игру въ карты, ссоры и драки, пріемъ къ себѣ постороннихъ лицъ, неповиновеніе и грубости служащимъ и проч.). По договорамъ съ Асташевымъ (1875 г.), Кытмановымъ (1872 г.) и Базилевскимъ (1891 г.) за всѣ эти проступки назначенъ штрафъ 1—3 р., а по договору съ этимъ послѣднимъ 1885 г. отъ 3 до 5 р.

За неявку на прински, побѣгъ съ нихъ или оставленіе работъ ранѣ условленнаго въ контрактѣ срока, по договору съ Базилевскимъ (1891 г.), назначена неустойка въ 50 рублей. По договору Асташева (1887 г.), бѣжавшіе подвергаются штрафу въ 5 р. въ пользу помѣщика. По контракту Черныхъ (1870 г.), бѣжавшій съ принска, кромѣ отвѣтственности по закону, обязанъ по высылкѣ на промыселъ уплатить за каждый день, проведенный въ бѣгахъ, по 1 р.

За утраченный инструментъ, по договорамъ Асташева (1875 и 87 гг.), полагалась уплата или отработка двойной его стоимости, а по договору съ Удереяскою К^о (1872 г.) по „стоющей цѣнѣ“.

За изувѣченіе лошади, по договору К^о Ячменева и Хотимскаго (1871 г.), рабочій долженъ былъ платить 75 р., а по договорамъ Асташева (1875 и 87 гг.) стоимость лошади; за дурное же обращеніе съ рабочимъ скотомъ безъ изувѣченія его по 3 р. за каждый разъ.

По договору Базилевскаго (1891 г.) рабочіе обязывались: „въ разрѣзахъ, въ мѣстахъ, приготовленныхъ къ работамъ, въ добытыхъ или доставляемыхъ для промывки пескахъ не рыться, золота изъ нихъ не выбирать и самихъ песковъ

¹⁾ По проекту нормальнаго контракта, составленному исправникомъ южн.-енис. округа въ 1874 г., за каждый прогульный день назначенъ штрафъ 1—3 р., „который долженъ быть или отработанъ, или внесенъ въ промысловое управленіе наличными деньгами“.

²⁾ По договору В. И. Базилевскаго (1875 г.) съ отрядными рабочими, нанявшимися на вскрышу торфа, за каждый „самовольно прогульный день“ назначенъ штрафъ въ 3 р.

никакимъ образомъ не приобрѣтать съ цѣлью сдачи изъ нихъ золота, какъ будто подъемнаго или старательскаго; въ противномъ же случаѣ всякій разъ, какъ это окажется, управленіе имѣетъ право штрафовать 5 р. и кромѣ того не давать за такое золото платы“.

За растрчиваемый рабочими хлѣбъ въ разныхъ договорахъ назначался вычетъ, равный или стоимости растрчиваемаго, или двойной стоимости, или по усмотрѣнію управленія ¹⁾. Въ договорѣ съ К^о Зотовыхъ (1877 г.) прибавлено, что если не будетъ обнаружено, кто утаилъ или растратилъ хлѣбъ, то штрафу подвергаются всѣ, помѣщающіеся въ казармахъ; въ случаѣ растраты хлѣба, соли и другихъ припасовъ управленіе предоставляло себѣ право назначить изъ среды рабочихъ старосту на всѣ казармы для присмотра за отпускаемымъ продовольствіемъ и сбереженія его и назначить ему жалованья 15 р. въ мѣсяцъ на счетъ рабочихъ.

По свидѣтельству г. Уманьскаго, особенно дожимали рабочихъ штрафами осенью ²⁾. Бывало и такъ, что тѣмъ изъ оштрафованныхъ рабочихъ, которые вновь нанимались на работу на слѣдующую операцію, штрафъ слагался со счета ³⁾. Во время поѣздки по Енисейскому округу (въ 1891 г.) я слышалъ, что не всѣ золотопромышленники взыскиваютъ штрафъ, отчасти потому, что взыскивать не изъ чего. По словамъ окружного инженера сѣверно-енисейскаго округа, г. Внуковскаго, рабочіе бывали въ такомъ долгу у хозяевъ, что писать штрафы было бы бесполезно: все равно ничего не получишь ⁴⁾.

Въ контрактахъ съ золотопромышленниками рабочіе всегда обязывались хорошо вести себя на промыслахъ. Такъ въ договорѣ Фунтусова (1870 г.) сказано: „во все время контрактнаго срока обязаны мы вести себя честно, никакихъ грубостей, какъ управляющему, такъ, равно, служащимъ и нарядчикамъ отнюдь не дѣлать, самовольно никуда не отлучаться и быть всегда въ почтительномъ повиновеніи, въ противномъ случаѣ каждый изъ насъ подлежитъ наказанію по законамъ“. По договору К^о Зотовыхъ (1877 г.) рабочіе, кромѣ того, обязывались „не самовольничать и не пьянствовать, не принимать постороннихъ людей“ и быть вѣжливыми не только съ прикащиками и служащими, но и съ ихъ семействами. По договору съ Базилевскимъ (1891 г.), рабочіе обязывались не играть въ карты и вообще въ азартныя игры, ссоръ и драки не затѣвать, съ присковъ своего хозяина даже въ свободное отъ работъ время не отлучаться. По договору Кытманова (1872 г.), рабочіе обязывались быть „въ подчиненномъ повиновеніи“. Въ договорѣ Асташева (1887 г.) мы встрѣчаемъ между прочимъ обязательство вина и спирта не покупать и не продавать и никакою торговлею не заниматься, съ

¹⁾ По договору К^о Кузнецовыхъ и Щеголева (1870 г.), записывался въ расчетный листъ штрафъ въ 1 р. 50 к.

²⁾ Стр. 155. У одного золотопромышленника къ концу операціи на каждомъ рабочемъ накапливалось штрафовъ по 15—20 р. „Сиб. Вѣстн.“ 1886 г., № 93, стр. 3.

³⁾ „Сиб. Газ.“ 1884 г., № 46, стр. 1131.

⁴⁾ Въ операціи 1892—93 г. на промыслахъ Асташева (южн.-енис. окр.) съ 355 годовыхъ рабочихъ было удержано штрафовъ 532 р. „Вѣстн. Золотопр.“, 1894 г., № 2, стр. 47.

ворами и другими подозрительными людьми связи не имѣть и къ себѣ не принимать, о всякихъ подозрительныхъ людяхъ, ихъ худыхъ поступкахъ и наитрепняхъ доводить непременно до свѣдѣнія промысловаго управленія.

Въ отчетѣ горнаго исправника сѣверно-енисейскаго округа за 1881 г. сказано: „Поведеніе рабочихъ, принимая во вниманіе разнообразность приісковаго населенія, вообще было удовлетворительно, но менѣе, чѣмъ въ предыдущемъ году: жалобъ отъ приісковыхъ управленій на слушаніе, грубости, лѣность и уклоненіе отъ работъ было болѣе. Такое измѣненіе въ поведеніи рабочихъ я отношу къ тому, что въ текущемъ году существовали, существуетъ и понынѣ въ Енисейскомъ округѣ, дороговизна на хлѣбъ, отчего было меньше и бѣжавшихъ рабочихъ, такъ какъ имъ было бы труднѣе прокормиться въ жилыхъ мѣстахъ, и рабочіе“, которые желали бы бѣжать съ приісковъ, „въ силу уже необходимости не дѣлали побѣговъ, но зато подъ разными предлогами уклонялись отъ работъ и, вообще, дѣйствіями своими вызывали жалобы, подговаривали и другихъ рабочихъ къ неповиновенію или вліяли на нихъ своими примѣромъ“.

Рабочимъ приходилось бѣжать съ приісковъ или самовольно расправляться со служащими вслѣдствіе того, что попытки жаловаться представителямъ правительственной администраціи не приводили ни къ чему; да это и неудивительно, въ виду того, что администрація, вѣдающая приісковое дѣло, находится въ полной матеріальной зависимости отъ золотопромышленниковъ.

Въ высшей степени интересныя разоблаченія по этому предмету были сдѣланы въ 1883 г. въ „Восточномъ Обозрѣніи“ въ статьѣ „Узаконенное хищничество“.

„Горные исправники и весь причтъ горнаго міра,—говоритъ авторъ статьи,—смотреть на свое закономъ положенное и изъ казначейства государственнаго получаемое жалованье только какъ на ничтожную „добавку“ къ тому „жалованью“, которое уплачивается имъ золотопромышленниками. Последнее „жалованье“ распадается на двѣ составныя части: а) собственно жалованье, фигурирующее обыкновенно подъ рубриками: „на содержаніе арестантовъ, казаковъ“ и т. п., и б) „содержаніе“. Первое; какъ золотопромышленниками, такъ и горными чиновниками признается вполне законнымъ: оно назначается ежегодно въ общемъ собраніи золотопромышленниковъ въ точно формулированномъ „постановленіи“, хранимомъ при дѣлахъ у „распорядителя дорогъ“. „Содержаніе“ собирается съ тѣхъ же золотопромышленниковъ, но уже безъ всякихъ „постановленій“, хотя и въ точно опредѣленной ими формѣ. Въ собраніи, напр., золотопромышленниковъ сѣверной системы Енисейскаго округа, состоявшемся 29 декабря 1882 г., „постановлено“ уплатить въ операцію нынѣшняго года: горному исправнику—по 1 р. 20 к. съ каждаго приісковаго рабочаго, помощнику горнаго исправника—по 30 к., кромѣ того, въ томъ же собраніи опредѣлено выдавать на „содержаніе“ горному исправнику по 1 р.; помощнику исправника—50 к., горному ревизору (теперь они называются окружными инженерами)—по 1 руб., помощнику ревизора—по 50 коп.

съ каждаго рабочаго...¹⁾ „Какъ видѣть читатель, „хищеніе“ въ данномъ случаѣ выступаетъ открыто и смѣло, въ полномъ дезабилизмѣ... Въ Сибири, благодаря ея исключительному положенію, вслѣдствіе значительно меньшаго развитія общественнаго простора для проявленія общественной инициативы и гласности, эти „хищенія“ считаются чѣмъ-то вполнѣ нормальнымъ и естественнымъ: правительственные агенты, на которыхъ возложена специальная обязанность—посредничество между двумя сторонами, капиталистами-золотопромышленниками и рабочими, состоятъ въ полномъ подчиненіи у одной стороны—капиталистовъ, доставляющихъ имъ въ 10 разъ больше доходовъ, чѣмъ правительство... Не ясно ли, что при подобныхъ условіяхъ правительственные агенты, вмѣсто роли посредниковъ, должны очутиться въ роли покровителей и ревностныхъ слугъ капитала? Призванные ограждать интересы рабочихъ въ такой же мѣрѣ, какъ и интересы капиталистовъ, правительственные чиновники только усиливаютъ эксплуатаціонное могущество послѣднихъ, ослабляя, стало быть, податную силу главнаго плательщика... налоговъ“.

Поборы эти до такой степени вошли въ обычай въ горномъ мѣрѣ, до такой степени казались вполнѣ законными, что когда между горнымъ исправникомъ сѣверной системы Енисейскаго округа и его помощникомъ произошло столкновеніе изъ-за дѣлежа „жалованья“, получаемого отъ золотопромышленниковъ, то помощникъ исправника подалъ въ Енисейское окружное полицейское управленіе *официальную жалобу* на исправника, и послѣднее приняло ее и вошло въ ея разслѣдованіе, а исправникъ обратился по этому дѣлу съ *конфиденціальнымъ письмомъ* въ енисейскому губернатору. Помощникъ исправника былъ удаленъ, по ходатайству исправника²⁾.

¹⁾ Въ письмѣ 1880 г. въ министерство государственныхъ имуществъ крестьянина Реймера указаны слѣдующіе платежи съ каждаго рабочаго: исправнику до 2 р., помощнику 1 р.... командиру казаковъ 25 к., канцелярія исправника 25 к.... горнымъ чиновникамъ до 2 р. Арх. горн. депар. дѣло отд. частной золотопромышленности 1880 г., дѣло № 71.

²⁾ „Восточное Обозрѣніе“ 1883 г., № 22, стр. 7—9. Въ „Сибирской Газетѣ“ былъ напечатанъ въ 1884 г. расчетъ того, какое жалованье и содержаніе отъ казны и золотопромышленниковъ получали представители правительственной администраціи на прискахъ сѣверно-енисейской системы. Горный исправникъ „получаетъ до 12,000 р., изъ которыхъ проживаетъ около 8,000 руб. Въ прошлую операцію было всѣхъ рабочихъ 4,062 чел.; гг. золотопромышленники платятъ исправнику за каждаго рабочаго 2 р. 20 к., на содержаніе канцеляріи и 3 казаковъ—8,936 + 1,000 руб. казеннаго жалованья—9,936 руб., да за выписку наспортивъ съ 1,200 штукъ въ операцію, по 2 руб. съ каждаго, 2,400 руб., а всего 12,336 руб. Помощнику исправника на содержаніе канцеляріи, одного казака, отопленіе и освѣщеніе по 50 к. (за каждаго рабочаго), итого казенныхъ 500 + 2,081 руб. Окружному ревизору“ (по нынѣшнему, окружному инженеру) „по одному рублю съ человѣка—4,062 руб., его помощнику по 50 к.—2,031 руб.“ (теперь помощника ревизора на прискахъ Енисейскаго округа нѣтъ, но зато въ каждой системѣ есть отдѣльный окружной инженеръ). Въ то время и жандармскому офицеру назначалось по одному рублю съ человѣка. „Сибирская Газета“ 1884 г., № 29, стр. 728.

Въ 1884 г. у исправника сѣверно-енисейской системы вновь завязалась полемика съ его помощникомъ. Исправникъ донесъ губернатору, что его помощникъ медлитъ производствомъ слѣдствій, а послѣдній сослался на то, что не имѣетъ средствъ на разѣзды, такъ какъ 30 коп. пайка, отпускаемаго ему золотопромышленниками съ каждаго рабочаго, недостаточно. Дѣло въ томъ, что золотопромышленники опредѣлили выдавать исправнику съ его помощникомъ по 1 р. 50 к. съ рабочаго; деньги долженъ былъ собирать исправникъ и дѣлиться съ помощникомъ по своему усмотрѣнiю. Исправникъ изъ 1 р. 50 к. взялъ 1 р. 20 к. себѣ, а 30 к. отдалъ помощнику ¹⁾.

Начальникъ енисейскаго жандармскаго управленiя въ отчетѣ за 1882 г. писалъ, что жалованье горныхъ исправниковъ, по крайней мѣрѣ „въ 30 разъ меньше получаемаго ими вознагражденiя отъ золотопромышленниковъ“. Въ 1881 г. исправникъ сѣверно-енисейской системы получалъ казеннаго жалованья въ годъ всего 280 р., квартирныхъ, на канцелярскiе расходы и разѣздныхъ 513 р., итого 793 р. Помощнику исправника жалованья и квартирныхъ 570 р.; въ 1888 г. добавочнаго жалованья помощнику южно-енисейскаго горнаго исправника было выдано 82 р. Но позднѣе жалованье горному исправнику было увеличено до полуторыхъ тысячъ рублей.

Военный отрядъ въ южно-енисейской системѣ состоялъ въ 1880 г. изъ 3 урядниковъ и 68 казаковъ. Казаки получали пищевое довольствiе отъ золотопромышленниковъ и, кромѣ того, денежное вознагражденiе отъ 3 до 6 р. въ мѣсяцъ. Въ 1883 г. въ южно-енисейской системѣ казаки, сверхъ пропитанiя наравнѣ со служащими, получали отъ золотопромышленниковъ по 6—25 р. въ мѣсяцъ лѣтомъ и по 5—10 р. зимою, несмотря на то, что отъ казны на ихъ содержанiе шла также значительная сумма, а именно: на жалованье, порціонны, провiантское, фуражное и приварочное довольствiе имъ было выдано 4381 р. (урядниковъ въ этомъ году было 3 и казаковъ 40) ²⁾. Въ сѣверно-енисейской системѣ въ 1881 г. было 3 урядника и 40 казаковъ; кромѣ казеннаго содержанiя (на всѣхъ 4112 р.), казаки получали отъ золотопромышленниковъ жалованья отъ 10 до 30 р. въ мѣсяцъ и кромѣ того на каждаго человека содержанiе натурою ³⁾. Такимъ образомъ, казаки нахо-

¹⁾ „Сибирская Газета“, 1884 г., № 38, стр. 982; „Вост. Обзор.“, 1885 г., № 6, стр. 6—7.

²⁾ Въ 1890 г. въ южно-енисейской системѣ было 3 урядника и 38 казаковъ.

³⁾ Они получали въ мѣсяцъ ржаной муки отъ 1 п. 20 ф. до 2 п. 10 ф., пшеничной муки отъ 20 ф. до 1 п. 20 ф., говядины отъ 1 п. 5 ф. до 1 п. 20 ф., соли 3 ф., крупъ 7½ ф., масла 2 ф., 1 кирпичъ чаю и 2 ф. сахару. Въ 1890 г. на промыслахъ сѣверно-енисейской системы было 3 урядника и 28 казаковъ. Арх. Горн. Испр.; „Горн. Журн.“, 1891 г., № 12, стр. 520.

даться въ матеріальной зависимости отъ золотопромышленниковъ. Крімъ того, многіе изъ казаковъ, для увеличенія своихъ средствъ, занимались старательскими работами, „ставя на второй планъ“, по словамъ начальника енисейскаго жандармскаго управленія въ отчетѣ за 1882 г., свои „полицейскія обязанности. Закупая такимъ образомъ полицейскую власть, присковныя управленія мало церемонятся съ рабочими, которые, понимая всю невыгодность своего положенія, терпѣливо переносятъ многое, и только крайняя несправедливость золотопріискателей и ихъ довѣренныхъ заставляетъ иногда рабочихъ высказывать свои претензіи, послѣ которыхъ претендовавшему попасть въ число присковныхъ рабочихъ въ операцію будущаго года не всегда возможно“¹⁾.

О нравственномъ уровнѣ казачьей команды сама администрація была невысокаго мнѣнія; по словамъ окружнаго инженера южно-енисейской системы въ отчетѣ за 1888 г., „промысловые казаки своими нравственными качествами, пожалуй, превосходятъ еще самыхъ отчаянныхъ ссыльнопоселенцевъ“ (sic!).

Относительно жалобъ рабочихъ на присковныя управленія южно-енисейскій горный исправникъ въ 1870 г. разослалъ слѣдующій циркуляръ: „Почти что ежедневно являются ко мнѣ рабочіе съ различныхъ присковъ съ пустяжными жалобами и просьбами, которыя могутъ быть удовлетворены не иначе, какъ на мѣстѣ. Относы подобный безпорядокъ къ праздношатательству рабочихъ, крайне вредному для дѣла, а также къ неимѣнію со стороны промысловыхъ управленій надлежащаго надзора за рабочими и желая отстранить его (т.-е. безпорядокъ) на будущее время, я счелъ необходимымъ подтвердить распоряженія моихъ предмѣстниковъ, а потому виѣнню промысловымъ управленіямъ въ обязанность слѣдующее: 1) Ежегодно къ 1 января доставлять ко мнѣ, по примѣру прежнихъ лѣтъ, книгу на записку жалобъ рабочихъ для засвидѣтельствованія. 2) Объявить всѣмъ рабочимъ, чтобы они не смѣли отлучаться съ промысла безъ вѣдома присковаго начальства и только по крайне уважительнымъ причинамъ; въ случаѣ надобности кому-либо для принесенія жалобы, жалобы эти вносили бы“ въ имѣющіеся для этого „на промыслѣ книги; записанныя въ книгу жалобы и будутъ мною при посѣщеніи промысловъ на мѣстѣ разбираться,—объявивъ при этомъ рабочимъ, что за всякую самовольную отлучку съ промысла они будутъ подвергнуты строгому законному взысканію. 3) На промыслахъ же дальнихъ отъ резиденціи моей находящіеся для порядка казаки обязаны мнѣ черезъ каждыя 2 недѣли доносить о занесенныхъ въ книгахъ жалобахъ“. Наконецъ, исправникъ предписывалъ, чтобы жалобныя

¹⁾ Арх. Ирк. Горн. Упр. К. 2768, № 63/53, л. 884.

женири были доступны для каждого находящагося на промыслѣ рабочаго вѣдѣ страхомъ отвѣтственности промысловаго управленія ¹⁾).

Однако рабочіе, очевидно, продолжали приходиться съ жалобами къ горному исправнику южно-енисейской системы, такъ какъ въ 1876 г. онъ подтвердилъ, чтобы „всѣ свои претензіи, какъ на промысловыя управленія и служащихъ, такъ и на всѣхъ своихъ товарищей“, рабочіе записывали въ заготовленные для этого тетради, „но отнюдь не отлучались бы съ пріиска съ заявленіями этихъ претензій“. Горный исправникъ обѣщалъ, что эти жалобы будутъ разобраны на мѣстѣ имъ самимъ или его помощникомъ при объѣздѣ промысловъ; за самовольную же отлучку съ пріиска съ жалобой, „незаслуживающею особеннаго вниманія“, грозилъ рабочимъ взысканіемъ прежде всякаго разбирательства ²⁾).

Енисейскіе золотопромышленники въ запискѣ, поданной въ 1892 г. министру государственныхъ имуществъ, въ очень радужномъ видѣ изображаютъ заботливость мѣстной полиціи и горной администраціи объ удовлетвореніи жалобъ рабочихъ.

„По условіямъ пріисковой жизни“, сказано въ этой запискѣ, „жалобы рабочихъ на золотопромышленниковъ могутъ быть слѣдующія: на назначеніе непосильныхъ уроковъ, на отпускъ плохой пищи, на назначеніе цѣнъ на товары и припасы выше утвержденной таксы, на неправильные вычеты и штрафы и на замедленіе или уклоненіе вовсе отъ расчета рабочихъ. Въ первомъ случаѣ удостоверяется въ справедливости жалобы на мѣстѣ окружной инженеръ и, буде признаетъ, что задаваемый уровень рабочимъ, дѣйствительно, слишкомъ обременителенъ..., тутъ же дѣлаетъ распоряженіе о сокращеніи до известной нормы урока и объявляетъ объ этомъ рабочимъ... При отпускѣ рабочимъ въ пищу недоброкачественныхъ припасовъ та же пріисковая администрація, убѣдившись черезъ пріисковаго врача въ справедливости поступившихъ заявленій, немедленно печатываетъ или уничтожаетъ оныя, обязывая золотопромышленника пріобрѣсти надлежащаго качества припасы или же, при невозможности выполнить это, — рассчитать рабочихъ... Если-бы горный исправникъ или окружной инженеръ признавали неправильнымъ вычетъ, сдѣланный за что-либо золотопромышленникомъ изъ заработка рабочаго, а равно поставленный послѣднему штрафъ или же назначеніе рабочему платы въ меньшемъ противъ договора размѣрѣ, то во всѣхъ этихъ случаяхъ они немедленно, своею властью возстановляютъ нарушенное право рабочаго“.

Все это, конечно, должно бы дѣлаться такъ, какъ рассказываютъ золотопромышленники, но еслибы все это исполнялось, мѣстнымъ наблюдателямъ, какъ напр. г. Уманьскому, не пришлось бы свидѣтельствовать, что „въ рабочей средѣ бродитъ глухое недовольство, которое нерѣдко проявляется въ безпорядкахъ, массовыхъ побѣгахъ, насиліяхъ надъ служащими“ (стр. 114).

¹⁾ Арх. южн.-енис. горн. испр. дѣло 1870 г., № 18, л. 11, 12.

²⁾ Арх. горн. испр. южн.-енис. окр., дѣло 1876 г., № 23, л. 1.

Мало вѣра въ успѣшность жалобъ, рабочіе наказываютъ иногда присковныя управленія умышленною медлительностью въ работѣ. По словамъ золотопромышленника Черемныхъ, рабочіе, въ случаѣ недовольства, „продѣлываютъ стачку по всѣмъ правиламъ своего обычнаго права съ энергичнымъ давленіемъ на непослушныхъ и проч.; словомъ производятъ „выморожку“, какъ иногда это называютъ, вполне законно. Проработаютъ они всѣ опредѣленные часы и сдѣлаютъ $\frac{2}{3}$ обычного замѣра, кончаемаго въ обыкновенную пору въ полномъ объемѣ за два, три часа ранѣе. Проведутъ все это такъ безошибочно законно, что и жаловаться начальству не будетъ ни малѣйшаго основанія“ ¹⁾.

Относительно побѣговъ рабочихъ мы находимъ въ контрактахъ слѣдующія условія. Въ договорахъ Базилевскаго (1870, 75, 78 и 83 гг.) сказано: „если кто изъ насъ отъ работъ бѣжитъ, въ такомъ случаѣ предоставляемъ управленію право ходатайствовать о высылкѣ таковыхъ изъ мѣста жительства на прискѣ черезъ сельскую стражу и по высылкѣ употреблять въ работу по своему усмотрѣнію, ставя на счетъ расходы, по пересылкѣ ихъ послѣдовавшіе“. Подобное же условіе мы находимъ и въ контрактахъ Удереиской К^о (1872 г.), Востротина (1880 г.) и Асташева (1875 и 87 гг.), при чемъ въ этихъ послѣднихъ назначенъ еще 5-рублевый штрафъ въ пользу помщика. Мы видимъ такимъ образомъ, что и въ договорахъ 1872 и 75 гг., т.-е. составленныхъ вскорѣ послѣ циркуляра ген.-губ. Синельникова 15 декабря 1871 г., устанавливается высылка черезъ сельскую стражу не только бѣжавшихъ ссыльно-поселенцевъ, но и рабочихъ свободныхъ состояній. Синельниковъ въ этомъ циркулярѣ заявилъ, что онъ не считаетъ возможнымъ принимать какія бы то ни было мѣры относительно препровожденія на приски бѣжавшихъ или неявившихся рабочихъ изъ крестьянъ, мѣщанъ и вообще лицъ свободныхъ состояній, высылка же рабочихъ изъ ссыльнопоселенцевъ должна производиться на счетъ предпринимателей. Циркуляръ Синельникова былъ крайне непріятенъ золотопромышленникамъ ²⁾, и мы видѣли (см. гл. II), что распоряженія Шелашникова и барона Фредерикса о высылкѣ рабочихъ проникнуты уже другимъ духомъ, чѣмъ циркуляръ по этому предмету Синельникова. Однако авторъ одной статьи

¹⁾ „Вѣстн. Золотопр.“, 1892—93 г., № 21, стр. 321.

²⁾ Какъ это видно изъ слѣдующихъ словъ „Енисейскихъ Губ. Вѣдомостей“: „Бѣжавшіе рабочіе не только остаются безнаказанными за побѣгъ, но даже рѣдко возвращаются къ своимъ хозяевамъ вслѣдствіе того, что отмѣнена высылка по этапамъ рабочихъ на казенный счетъ. Золотопромышленники не рѣшаются высылать впередъ на возвращеніе бѣжавшихъ рабочихъ деньги, которыхъ требуютъ иногда водостяны правленія до 20 р. на человека и, кромѣ того, пойманные и высланные рабочіе, одѣтые на счетъ золотопромышленника, снова бѣгутъ, и такимъ образомъ золотопромышленники лишаются денегъ, затраченныхъ вторично на одежду и обувь“. „Енис. Губ. Вѣдом.“, 1874 г., № 31, стр. 119.

о присковскихъ рабочихъ, напечатанной въ началѣ 80-хъ годовъ, свидѣтельствуешь, что пересылка рабочихъ производилась тогда „въ такой отвратительной формѣ, которая, пожалуй, не уступить способу препровожденія каторжанъ на рудники: „мнѣ пришлось“, говоритъ онъ, „встрѣтить двухъ бѣглыхъ рабочихъ, препровождавшихся на приски; руки ихъ были въ нарушникахъ“, которые были прикрѣплены къ одному горизонтальному, ломообразному желѣзному шесту. Хороша работа, на которую приходится препровождать „вольнонаемныхъ“ людей въ такомъ видѣ“¹⁾. По словамъ г. Уманьскаго, на прискахъ нерѣдко можно было видѣть (въ половинѣ 80-хъ годовъ) „казаковъ и служащихъ, отправляющихся на поиски въ тайгу съ веревками у сѣделъ, иногда съ собаками, что напоминаетъ поиски бѣглыхъ негровъ во времена американскаго рабства“ (стр. 90).

Пойманный рабочій иногда подвергался тяжкимъ побоямъ. Такъ напр., поселенецъ П—ко, бѣжавшій въ 1877 г. съ приска золотопромышленника Данилова (южн.-енис. окр.), послѣ поимки, на допросѣ у горнаго исправника, показалъ, что вслѣдствіе болѣзненнаго состоянія и неспособности къ промысловымъ работамъ задумалъ бѣжать, но, отойдя не болѣе 1 версты отъ приска Ракитовый Кустъ, былъ настигнутъ служащимъ Эпштейномъ, который наносилъ ему тяжкіе побои, пока сопровождалъ его до приска, прикладомъ ружья, а когда сломалъ прикладъ, то и самымъ стволомъ. Заявивъ, что вслѣдствіе этихъ побоевъ онъ не можетъ работать, рабочій ссылался въ подтвержденіе своихъ словъ на фельдшера. Для характеристики промысловыхъ нравовъ весьма любопытно, что довѣренный золотопромышленника Данилова самъ прислалъ избитаго къ горному исправнику съ просьбою освидѣтельствовать черезъ промысловаго врача, можно ли немедленно заставить избитаго работать или слѣдуетъ дать ему льготу. Присковскій врачъ нашелъ, что „рабочій оказался сильно избитымъ, замѣтны большія синевицы на обѣихъ рукахъ, на ногахъ и плечахъ, поэтому слѣдуетъ непременно помѣстить его въ больницу для излѣченія. Годенъ ли онъ или негоденъ будетъ къ работѣ послѣ такихъ сильныхъ побоевъ“, врачъ въ то время опредѣлить еще не могъ. Горный исправникъ возвратилъ рабочаго на прискъ съ предложеніемъ „позаботиться“²⁾ объ излѣченіи рабочаго, а затѣмъ прислать его обратно, для переосвидѣтельствованія. Въ началѣ августа 1882 г. у одного золотопромышленника бѣжало четверо рабочихъ. Погнавшись за ними вмѣстѣ съ казакомъ и конюхами верхами, хозяинъ настигъ одного изъ нихъ, закинулъ на него арканъ и такимъ образомъ тащилъ его 16 верстъ; тестъ хозяина на прискѣ избилъ рабочаго до

¹⁾ „Устон“, 1882 г., № 12, стр. 18, 27.

²⁾ Курсивъ подлинника.

полусмерти. Черезъ 3 дня несчастнаго отправили еще для наказанія къ исправнику, но тотъ помѣстилъ его въ больницу. Рабочій къ 1 июля долженъ былъ хозяину около 25 р., слѣдовательно, во время побѣга долгъ его былъ ничтоженъ, такъ какъ въ уплату долга онъ проработалъ мѣсяцъ. Рабочій заявилъ, что бѣжалъ съ приска вслѣдствіе варварскаго обращенія съ рабочими хозяина и его тестя ¹⁾.

Енисейскіе золотопромышленники въ своей запискѣ 1892 г. вѣдываютъ о тѣхъ временахъ, когда бѣжавшихъ крестьянъ и мѣщанъ высылали обратно на прискъ по этапу: „хотя уставомъ о частной золотопромышленности“, говорятъ они, „и предоставлено золотопромышленнику право возвращенія на прискъ неявившихся и бѣжавшихъ рабочихъ“, т.-е. только ссыльно-поселенцевъ, „но съ *отмѣною высылки полномочныхъ этапныхъ порядкомъ*, какъ было прежде, такимъ правомъ на практикѣ пользоваться золотопромышленникамъ вовсе (?) не приходится... Сельскія и волостныя власти приводъ бѣжавшихъ обыкновенно откладываютъ до слѣдующаго года, за который снова требуютъ взноса податей и повинностей, безъ чего, конечно, не выдаютъ нужныхъ паспортовъ“ (взысканіе по суду, по мнѣнію золотопромышленниковъ, за неимѣніемъ имущества у рабочихъ не возможно).

Что касается причинъ побѣговъ, то начальникъ енисейскаго жандармскаго управленія Банинъ (въ 1871 г.) винилъ въ нихъ отчасти и самихъ золотопромышленниковъ, которые „назначаютъ на товарныя вещи двойную цѣну“ и такимъ образомъ дѣлаютъ рабочаго „неоплатнымъ должникомъ“ ²⁾. Другой начальникъ того же жандармскаго управленія въ 1882 г. писалъ: „отлучки рабочихъ съ промысловъ не такъ значительны, какъ о нихъ говорятъ золотопромышленники, и большинство отлучившихся бываетъ на тѣхъ промыслахъ, гдѣ обращеніе съ рабочими болѣе жестоко, гдѣ тяжесть работъ недостаточно вознаграждается денежною платою и гдѣ строгость наказаній и требованій превышаютъ границы терпѣнія“ ³⁾. По словамъ горнаго исправника южно-енисейскаго округа, въ отчетѣ за 1885 г. побѣгамъ „способствуетъ и эксплуатація мелкихъ золотопромышленниковъ, которые, обременяваясь всѣмъ въ кредитъ, не имѣютъ возможности отпускать въ уплату своимъ рабочимъ товары по тѣмъ цѣнамъ, по которымъ отпускаетъ богатый или состоятельный золотопромышленникъ, приобретающій товары за наличныя деньги“. Наконецъ, нѣкоторые горные исправники видѣли причину побѣговъ въ большихъ задаткахъ и послабленіяхъ волостныхъ правленій ⁴⁾.

¹⁾ „Сиб. Газ.“ 1882 г., № 38, стр. 908, стр. № 40, стр. 968.

²⁾ Арх. Ирк. Горн. Упр. К. 2545, № 57/112, л. 296.

³⁾ Ibid. К. 2768, № 68/53, л. 835 об.

⁴⁾ Отчеты горн. испр. южн.-енис. окр. въ его архивѣ за 1883—85 гг.

Горный исправникъ сѣверно-енисейскаго округа въ отчетѣ за 1881 г. уменьшеніе за этотъ годъ количества бѣжавшихъ съ промысловъ ставить въ связь съ увеличеніемъ дороговизны на хлѣбъ. По справочнымъ цѣнамъ за 1885—88 гг. цѣна куля ржаной муки въ среднемъ для всей Енисейской губерніи равнялась въ 1885 г.—4 р. 62 к., въ 1886 г.—4 р. 83 к., въ 1887 г.—6 р. 42 к., въ 1888 г. она въ первые 8 мѣсяцевъ составляла въ среднемъ 6 р. 73 к. Параллельно съ этимъ увеличеніемъ цѣнъ на хлѣбъ, процентъ бѣжавшихъ долженъ былъ бы въ эти годы, согласно мнѣнію горнаго исправника, уменьшаться, а между тѣмъ мы видимъ обратное: въ сѣверно-енисейскомъ округѣ въ 1886 г. бѣжало 1,5⁰/₀ рабочихъ муж. пола, а въ 1888 г.—3⁰/₀; въ южно-енисейскомъ округѣ въ 1886 г. бѣжало 4,3⁰/₀, а въ 1888 г.—6,2⁰/₀. Слѣдовательно, рѣшающаго значенія цѣна на хлѣбъ въ вопросѣ о побѣгахъ не имѣла. Къ тому же выводу мы придѣмъ, если сопоставимъ процентъ бѣжавшихъ съ промысловъ Енисейскаго округа съ цѣнами на хлѣбъ и въ болѣе продолжительный періодъ, а именно съ 1878 по 1890 г. ¹⁾.

По словамъ г. Уманьскаго, „часть бѣглыхъ слѣдуетъ причислить къ бѣглецамъ по профессіи, которые и нанимаются съ тѣмъ, чтобы, забравши товаровъ, при первой возможности улепетнуть; значительная часть, не будучи бѣглецами по профессіи, бѣгутъ тоже вслѣдствіе причинъ экономическихъ, но къ нимъ примѣшиваются и другія — тяжесть работы и жестокость обращенія. Экономическія причины преобладаютъ въ весеннихъ побѣгахъ, когда рабочіе оказываются въ большомъ долгу у хозяина—или вслѣдствіе зимнихъ работъ, или вслѣдствіе взятаго при наемѣ задатка и стоимости слѣдованія въ тайгу; въ серединѣ лѣта въ побѣгахъ преобладаютъ причины нравственныя. Случается, что съ прискоковъ бѣгутъ рабочіе цѣлыми десятками, иногда бѣгутъ въ горы на короткое время, спасаясь отъ грозящаго тѣлеснаго наказанія, и потомъ возвращаются назадъ, войдя въ компромиссъ съ хозяиномъ“ ²⁾. По словамъ одного мѣстнаго наблюдателя, причиною побѣговъ бываетъ иногда неопредѣленная тоска, особенно весной, когда оживаетъ природа ³⁾. Но, безъ сомнѣнія, наиболѣе частою причиною побѣговъ была тяжелая жизнь на прискахъ — дурное обращеніе, обремененіе непосильными уроками и т. п. ⁴⁾.

¹⁾ „Матеріалы по изслѣдованію землепользованія и хозяйственнаго быта населенія Енисейской губерніи“. Иркут. 1893 г. т. IV, вып. 6, стр. 51. Ср. „Вѣстн. Золотопр.“, 1894 г., № 5, стр. 109—111.

²⁾ Стр. 89—90. По официальнымъ свѣдѣніямъ, въ операцію 1873 г. съ Иннокентіевскаго приска южной системы купчихи Андреевой изъ 70 чел. рабочихъ бѣжало 34 ч. вслѣдствіе жестокаго обращенія управляющаго прискомъ. „Москов. Вѣдом.“ 1874 г., № 256.

³⁾ „Сиб. Вѣст.“, 1887 г., № 68, стр. 4.

⁴⁾ О побѣгахъ съ промысловъ П—лина, Хилкова (35⁰/₀ рабочихъ), Баландина,

Въ 70-хъ годахъ (1873—79 г.) средній процентъ бѣжавшихъ съ промысловъ сѣверно-енисейской системы равнялся 3,8⁰/о, южно-енисейской системы—6,8⁰/о, а въ 80-хъ гг. съ промысловъ сѣверно-енисейской системы—2,2⁰/о, южно-енисейской—5,7⁰/о. Такимъ образомъ побѣги въ 80-хъ годахъ менѣе, чѣмъ въ 70-хъ годахъ на промыслахъ обѣихъ системъ, а въ 1891 г. они оказываются въ сѣверно-енисейской системѣ менѣе средней цифры предшествующаго десятилѣтія, а въ южно-енисейской системѣ почти равняются этой средней цифрѣ ¹). Изъ этого видно, что жалобы енисейскихъ золотопромышленниковъ (въ запискѣ 1892 г.) на увеличеніе побѣговъ въ теченіе послѣдняго десятилѣтія совершенно несправедливы. Но во время постройки сибирской желѣзной дороги побѣги дѣйствительно усилились ²). Енисейскіе золотопромышленники жаловались на пріемъ желѣзнодорожными подрядчиками безпаспортныхъ рабочихъ ³).

Въ 1878 г. горный исправникъ сѣверно-енисейскаго округа сообщилъ енисейскому губернскому правленію слѣдующее: „Циркуляромъ г. генераль-губернатора Восточной Сибири, Синельникова,.. предлагалось золотопромышленникамъ“, ради прекращенія побѣговъ рабочихъ съ золотыхъ промысловъ, „напечатаніе именныхъ списковъ бѣжавшихъ съ нихъ рабочихъ, съ тѣмъ, чтобы списки эти розданы были нанимателямъ для избѣжанія новаго найма этихъ бѣглецовъ. На основаніи этого циркуляра горный исправникъ сѣверно-енисейскаго округа „неоднократно предлагалъ“ золотопромышленникамъ „составить и отпечатать эти списки, но они отъ этого уклонялись всегда“ изъ опасенія большаго труда и значительныхъ расходовъ, нужныхъ на напечатаніе этихъ списковъ. Считаая печатаніе ихъ важнымъ средствомъ для уменьшенія побѣговъ, горный исправникъ рѣшился принять на себя трудъ составленія списковъ ⁴). Двумя такими печатными списками мы воспользовались выше. Въ одномъ изъ нихъ, составленномъ въ 1889 г., помечено 96 бѣжавшихъ рабочихъ, въ другомъ, 1890 г.,—88 рабочихъ съ обозначеніемъ въ обоихъ случаяхъ долга, оставшагося за ними.

Относительно общихъ заработковъ рабочихъ на промыслахъ Енисейскаго округа мы имѣемъ за 80-е годы въ отчетахъ горныхъ исправ-

---

Мотонина (17⁰/о) и Тонконогова см. „Сиб. Газ.“, 1884 г., № 32, стр. 791, № 46, стр. 1131, 1885 г., № 34, стр. 878, 1886 г., № 16, стр. 502, № 26, стр. 823. Г. Уманскій слышалъ, что на нѣкоторыхъ прискахъ для предупрежденія побѣговъ казармы рабочихъ строились съ рѣшетчатыми окнами, на ночь вносились „параша“, двери замирались на замки и кругомъ казармы раскачивали часовые (стр. 112).

¹) См. *Дополненіе* X.

²) „Вѣстн. Золот.“ 1894 г., № 10, стр. 190; 1895 г., № 10, стр. 163, 1896 г., № 1, стр. 18.

³) „Вѣстн. Золот.“, 1895 г., № 18, стр. 294.

⁴) Арх. горн. испр. сѣв.-енис. окр., дѣло 1878 г., № 48, л. 1.

никовъ свѣдѣнія по слѣдующему образцу. Напр., по отчету исправника сѣверной части Енисейскаго округа за 1881 г., заработокъ рабочихъ всей системы принсковъ былъ слѣдующій: 4109 человекъ, неимѣющихъ семействъ и хозяйствъ въ жилыхъ мѣстахъ, заработали—на хозяйской работѣ 388650 р., на старательской 14764 р., итого 403414 р.; 1655 человекъ, имѣющихъ семейства и хозяйства, заработали: на хозяйскихъ работахъ 197923 р., на старательской 24496 р., итого 222419 р. А всѣми рабочими заработано 625834 р. Такимъ образомъ, за 1881 г. здѣсь сообщены данныя о заработкѣ 5764 чел.¹⁾, т.-е. всѣхъ рабочихъ сѣверно-енисейской системы, но при этомъ не указано отдѣльно количества общеконтрактныхъ и золотничныхъ рабочихъ; слѣдовательно, мы можемъ сдѣлать средній выводъ о заработкахъ рабочихъ не по этимъ двумъ категоріямъ, а лишь относительно всѣхъ рабочихъ извѣстной системы. Сдѣлавъ такое вычисленіе, мы получили, что въ сѣверно-енисейской системѣ рабочіе зарабатывали въ среднемъ въ 1881 г. по 108 р., въ 1882 г. по 112 р., въ 1883 г. по 90 р., въ 1884 г. по 142 р., въ 1885 г. по 129 р., въ 1886 г. по 142 р., въ 1888 г. по 125 р., въ 1889 г. по 129 р. Если взять среднюю изъ всѣхъ этихъ цифръ, то окажется, что средній заработокъ рабочихъ въ сѣверно-енисейскомъ округѣ въ 80-хъ годахъ равнялся 122 р.

Въ официальныхъ отчетахъ о золотопромышленности Восточной Сибири мы находимъ слѣдующія свѣдѣнія о „средней заработной платѣ“, причемъ, очевидно, имѣется въ виду валовой *годовой* заработокъ: въ 1879 г. въ сѣверно-енисейской системѣ: рабочихъ муж. п. 140 р., женщинъ 84 р., дѣтей 38 р.; въ енисейскомъ округѣ вообще: въ 1880 г. мужчинъ 140 р., женщинъ 90 р., дѣтей 60 р.²⁾; въ 1881 г.—мужчинъ 150 р., женщинъ 80 р., дѣтей 60 р.³⁾.

Окружной инженеръ сѣверно-енисейской системы въ отчетѣ за 1889 г., приводя данныя, полученные отъ горнаго исправника, по которымъ средній заработокъ рабочаго равнялся 129 р., съ своей стороны говоритъ: „Средняя цифра заработка *въ операцию* составляла: для рабочаго мужчины 125 р., для женщины 80 р. и для несовершеннолѣтняго 60 р., причемъ ссыльнопоселенцы и инородцы получали плату наравнѣ съ рабочими изъ другихъ сословій“. Въ отчетѣ за 1890 г., быть можетъ, замѣтивъ, что его среднія цифры противорѣчатъ проводимымъ имъ са-

¹⁾ Изъ нихъ 4109 чел. (т.-е. 71%), составлявшихъ тотъ рабочій пролетаріатъ, который съ самаго начала сибирской золотопромышленности содѣйствовалъ ея развитію.

²⁾ Арх. горн. департ.

³⁾ „Горн. Журн.“, 1882 г., № 9, стр. 374. Горный исправникъ сѣверно-енисейскаго округа принималъ въ половинѣ 70-хъ годовъ средній годовоі заробокъ рабочаго въ 80—100 р. Арх. Горн. Испр. дѣло 1875 г., № 80, л. 123.

нимъ даннымъ горнаго исправника, тотъ же окружной инженеръ значительно повысилъ среднюю цифру заработка, а именно, по его словамъ, „средній заработокъ“ въ операцію „не превышалъ“ 160 р.; а средніе заработки женщинъ и несовершеннолѣтнихъ показаны тѣ же, что и въ предъидущемъ году ¹⁾).

Въ южно-енисейской системѣ, по отчетамъ горнаго исправника, средній заработокъ рабочихъ равнялся въ 1883 г. 147 р., въ 1884 г. 167 р., въ 1885 г. 157 р. ²⁾).

Является вопросъ, можемъ ли мы при опредѣленіи средняго заработка рабочихъ пользоваться свѣдѣніями, сообщаемыми въ отчетахъ горныхъ исправниковъ? Отчеты эти оказываются не вполне пригодными для нашей цѣли или, лучше сказать, требующими извѣстной поправки. благодаря смѣшенію въ нихъ общеполицейскихъ и золотничныхъ рабочихъ, способы вознагражденія которыхъ различны: общеполицейскій рабочий получаетъ извѣстное денежное вознагражденіе *сверхъ готового содержанія*, золотничникъ же, работая за опредѣленную плату съ золотника добытаго имъ золота, самъ покупаетъ себѣ содержаніе въ присланныхъ лавкахъ. Такъ какъ, слѣдовательно, въ его денежномъ вознагражденіи заключается и стоимость его содержанія, то это валовое денежное вознагражденіе золотничника должно обыкновенно превышать вознагражденіе чернорабочаго общеполицейскаго, хотя за вычетомъ стоимости содержанія можетъ быть и ниже его. Въ прежніе періоды мы вездѣ высчитывали заработокъ рабочаго *при готовомъ содержаніи*. Теперь на основаніи отчетовъ горныхъ исправниковъ мы сдѣлать этого не можемъ, такъ какъ тутъ включенъ повышенный заработокъ нѣкоторой части рабочихъ на своемъ содержаніи и, благодаря этому, вся сумма заработка нѣсколько повышена. Слѣдовательно, *среднія цифры заработка рабочихъ, вычисляемая на основаніи отчетовъ горныхъ исправниковъ и окружныхъ инженеровъ* ³⁾ *выше действительныхъ*, если имѣть въ виду заработокъ при готовомъ содержаніи, и значительно ниже действительныхъ сравнительно со всею стоимостью вознагражденія (вмѣстѣ съ пищевымъ довольствіемъ).

Правда, въ отчетахъ горныхъ исправниковъ обыкновенно различается вознагражденіе на хозяйской работѣ „старательской“ или „золотничной“. На основаніи этихъ отчетовъ мы вычислили, что въ сѣверной части Енисейскаго округа заработокъ на „старательской“ работѣ составлялъ въ 1881 г. 6⁰/о общаго заработка всѣхъ рабочихъ, въ 1882 г. — 11⁰/о, въ 1883 г. — 9⁰/о, въ 1884 г. — 11⁰/о, въ 1885 г. — 15⁰/о, въ 1886 г. —

¹⁾ „Горн. Журн.“ 1891 г. № 12, стр. 527.

²⁾ Арх. горн. испр. южн.-енис. сист.

³⁾ Последніе приводятъ цифры, полученныя отъ горныхъ исправниковъ.

10⁰%, въ 1888 г. заработокъ на „золотничной“ работѣ составлялъ 11⁰%, въ 1889 г. 10⁰%. ¹⁾ Въ южной части Енисейскаго округа заработокъ на „старательской или золотничной работѣ“ составлялъ болѣе значительный процентъ общаго заработка, а именно: въ 1883 и 84 гг. — 32⁰%, въ 1885 г. — 22⁰%. Но вычислить отдѣльно средній заработокъ обще-контрактныхъ рабочихъ и золотничниковъ на основаніи этого источника всетаки невозможно, какъ потому, что очень часто неизвѣстно точное число тѣхъ и другихъ, такъ и потому, что одинъ и тотъ же рабочій бываетъ иной разъ одно время золотничнымъ, а другое — обще-контрактнымъ. Мы знаемъ, что въ 1880 г. въ сѣверной части Енисейскаго округа старатели-золотничники составляли 21⁰% всего числа рабочихъ этой мѣстности. Судя по этому и имѣя въ виду, что валовой заработокъ золотничниковъ долженъ быть выше заработка обще-контрактныхъ (такъ какъ онъ заключаетъ въ себѣ и содержаніе этихъ рабочихъ), мы думаемъ, что приведенное нами процентное отношеніе старательскаго и золотничнаго заработка рабочихъ сѣверной части Енисейскаго округа къ общему заработку всѣхъ рабочихъ этой мѣстности едва ли можно считать точнымъ; скорѣе можно думать, что оно ниже дѣйствительнаго ²⁾. Но предположимъ, что оно именно таково и попробуемъ исключить изъ этой части общаго заработка стоимость содержанія золотничниковъ. Авторъ одной статьи о приисковыхъ рабочихъ Енисейскаго округа ³⁾ принимаетъ стоимость содержанія золотничника равную 60⁰% его заработка (90 р. изъ 150 р.). Но авторъ разумѣетъ тутъ не только „содержаніе“ въ обычномъ на приискахъ смыслѣ этого слова, т. е. пищевой паекъ рабочаго, а также и заборъ разныхъ вещей изъ приисковой лавки, который дѣлаютъ и обще-контрактные рабочіе. Мы же хотимъ выдѣлить изъ вознагражденія золотничниковъ стоимость ихъ „содержанія“, т. е. пропитанія, такъ какъ обще-контрактные получаютъ пищу отъ хозяина. Для того, чтобы опредѣлить, хотя приблизительно, какой процентъ заработка золотничники тратили на пропитаніе, мы выдѣлили изъ расчетной книги по дѣламъ К⁰ Малевинскаго за операцію 1874—75 г. всѣхъ золотничниковъ (118 чел.) и вычислили, что стоимость ихъ содержанія равняется 26⁰% вознагражденія, полученнаго за добытое ими золото. Если мы, примемъ для круглаго счета 30⁰%, уменьшимъ размѣръ старательскаго заработка, указаннаго въ отчетахъ горныхъ исправниковъ, на 30⁰%, сложимъ его съ заработкомъ на хозяйской работѣ и раздѣлимъ на все число рабочихъ, то получимъ, если и не точную, то все таки

¹⁾ Въ отчетахъ нѣкоторыхъ приисковъ сказано: „на старательской и золотничной работѣ“.

²⁾ Впрочемъ, нѣкоторою поправкою могутъ служить старательскіе заработки обще-контрактныхъ рабочихъ, которые включены въ общую сумму заработка.

³⁾ „Устой“, 1882 г., № 12, стр. 6—8.

болѣе близкую цифру средняго вознагражденія рабочихъ, считая его при готовомъ содержаніи. А именно, *въ сѣверной части Енисейскаго округа*: въ 1881 г.—106 р., въ 1882 г.—108 р., въ 1883 г.—88 р., въ 1884 г.—138 р., въ 1885 г.—124 р.; въ 1886 г.—138, въ 1888 г.—120 р., въ 1889 г.—126 р., а въ среднемъ за 9 лѣтъ 118 р. *Въ южной части Енисейскаго округа* въ 1883 г. 138 р., въ 1884 г.—159 р., въ 1885 г.—141 р., а въ среднемъ за 3 года 146 р. При этомъ, на указанномъ выше основаніи, мы склонны думать, что эти цифры скорѣе выше, чѣмъ ниже дѣйствительныхъ.

Другое обстоятельство, на которое слѣдуетъ обратить вниманіе при анализѣ данныхъ о среднихъ заработкахъ рабочихъ, это болѣе или меньшая продолжительность операціи.

По отчету окружнаго инженера южно-енисейскаго округа за 1888 г., „число рабочихъ дней въ году, за исключеніемъ высокаторжественныхъ праздниковъ и льготныхъ дней, въ операцію отчетнаго года составляло для годовыхъ рабочихъ 338, для операціонныхъ 171 день“. Но въ отчетѣ окружнаго инженера того же округа за 1889 г. мы находимъ инныя цифры. „Годовой рабочей, считая годъ съ 1 октября, имѣетъ льготныхъ 44 дня, рабочихъ же 321, *операціонный, считая операцію съ 1 марта по 1 октября*,—льготныхъ 20 и рабочихъ 190. *Приведенныя цифры можно отнести къ категоріи высшихъ*; что же касается среднихъ и меньшихъ, то о нихъ... ничего сказать нельзя, такъ какъ помянутыя свѣдѣнія... окружнымъ ревизорамъ золотопромышленниками не доставлялись“. Эти же цифры окружной инженеръ показалъ въ своемъ отчетѣ и за 1890 г.¹⁾ По отчету окружнаго инженера сѣверно-енисейскаго округа за 1890 г., въ *операціонное время* высшее число рабочихъ дней 250, среднее 185 и меньше 30, а *сверхъ операціоннаго времени* высшее 100, среднее 75, меньшее 30. Очевидно окружной инженеръ сѣверно-енисейской системы относилъ къ операціонному періоду большее количество времени, чѣмъ инженеръ южно-енисейскаго округа, и присоединялъ къ операціи и осень. Соотвѣтственно этому и въ отчетѣ горнаго исправника сѣверно-енисейской системы за 1880 г. въ операцію включаются весна, лѣто и осень, а о зимнихъ работахъ совсѣмъ не упоминается. „Временемъ весеннихъ работъ“, сказано въ этомъ послѣднемъ отчетѣ, „называется періодъ“ съ „прихода рабочихъ весною на приски для лѣтнихъ работъ до открытія промывки, но такъ какъ приходъ рабочихъ на приски былъ не въ одно время... и промывка золота“ открывалась неодновременно, „то періодъ этотъ можно приблизительно опредѣлить 30—60 днями... Періодъ лѣтнихъ работъ считается съ открытія промывки золота и до окончанія, т.-е. съ мая по 15 и 20 сентября и имѣетъ дней отъ 110 до 130... Осеннія работы считаются съ 15—20 сентября по 15—20 октября и по 1 ноября, такъ что число дней для нихъ отъ 30 до 45“. Такимъ образомъ, minimum количества рабочихъ дней (за исключеніемъ зимы) горный исправникъ считалъ 170, maximum 235. Но окружной инженеръ сѣверно-енисейской системы въ отчетѣ за 1889 г. даетъ гораздо меньшія цифры: по его словамъ, „высшее

¹⁾ Томское горное управленіе при сводкѣ отдѣльныхъ отчетовъ ошибочно помѣстило ихъ въ графѣ высшихъ и среднихъ чиселъ рабочихъ дней въ операціонное время. „Горн. Журн.“ 1891 г., № 12, стр. 521.

число рабочих дней *въ операцию* было 200, меньшее 18, на большинствѣ же при-исковъ работы производились среднимъ числомъ въ теченіе 110 дней¹⁾, а рабочіе, оставшіеся на приискахъ по окончаніи операциі, проработали нѣкоторые 98, большинство 60, остальные же только 30 дней²⁾. Слѣдовательно, максимумъ количества рабочих дней въ теченіе года 298, minimum 48, а наиболѣе обыкновенное 140 дней, въ теченіе же операциі наиболѣе обыкновенное 110 дней³⁾.

Такъ какъ показанія эти значительно разнятся между собою, то мы опредѣлимъ среднее число рабочихъ дней, проработанное каждымъ рабочимъ (безъ различія возраста и пола), на промыслахъ Енисейскаго округа за тѣ годы, въ которые это позволяютъ наши матеріалы.

Въ сѣверно-енисейскомъ округѣ въ 1881 г. всего поденщинъ, за исключеніемъ больныхъ и не бывшихъ въ работѣ по разнымъ случаямъ, было 1.038.381; такъ какъ число рабочихъ въ этомъ году равнялось здѣсь 5,764 чел., то получимъ въ среднемъ 180 поденщинъ. Въ 1882 г. въ сѣверно-енисейскомъ округѣ поденщинъ, также за исключеніемъ больныхъ и небывшихъ въ работѣ, было 717.461⁴⁾, а рабочихъ об. п.—4,278⁵⁾, слѣдовательно, среднее число поденщинъ на каждого 168. Въ 1883 г. въ томъ же округѣ такихъ же поденщинъ было 855.892, а число рабочихъ обоого пола 4.463⁶⁾, слѣдовательно, среднее число поденщинъ на каждого рабочаго 192. Въ среднемъ за 1881—83 гг. количество поденщинъ на каждого рабочаго равнялось 180.

Въ южно-енисейскомъ округѣ въ 1881 г. такихъ же поденщинъ было 913.880, а число рабочихъ 4.424, среднее число поденщинъ на каждого 207. Въ 1882 г. въ той же системѣ рабочихъ поденщинъ 802.039, число рабочихъ 4.297, среднее число поденщинъ на каждого 187. Въ 1883 г. въ томъ же округѣ поденщинъ 1.010.819, рабочихъ 4.682, среднее число поденщинъ на каждого 216. Въ среднемъ за 1881—83 гг. число поденщинъ на каждого рабочаго равнялось 203.

Большее количество рабочихъ поденщинъ въ южно-енисейскомъ округѣ объясняется, во-первыхъ, нѣсколько болѣе мягкимъ климатомъ, что даетъ возможность нѣмного ранѣе начинать и позднѣе оканчивать операцию. А во-вторыхъ, болѣшимъ количествомъ рабочихъ, оставляемыхъ на зиму, что вызывается ортовыми и шахтовыми работами на нѣко-

¹⁾ По официальнымъ отчетамъ въ министерство государственныхъ имуществъ за 1880 и 81 гг. число рабочихъ дней въ теченіе операциі равнялось максимумъ 130, minimum 110, въ среднемъ 120 днямъ. Арх. Горн. Департ., „Горн. Журн.“ 1882 г. № 9, стр. 374.

²⁾ Сводѣнія о числѣ поденщинъ за 1881—83 г. вычислены на основаніи данныхъ, приведенныхъ въ „Приложеніи II къ выпуску I официальныхъ документовъ по управленію Восточной Сибирью“, т. VII, Иркутскъ, 1885 г.

³⁾ „Приложеніе I къ выпуску I Сборн. офиц. докум. по упр. Вост. Сиб.“, отч. горн. отд. Глав. Упр. Вост. Сиб. за 1882 г., стр. 9.

⁴⁾ Отчетъ о золотопромышленности В. Сибири за 1883 г. въ горн. департаментѣ.

торых промыслахъ. Въ сѣверно-енисейскомъ округѣ въ 1881 г. рабочіе, пробывшіе на промыслахъ весь годъ, составляли лишь 8% всего числа рабочихъ, а въ 1888 г. по отчету окружного инженера еще меньше—5%. Напротивъ того, въ южно-енисейскомъ округѣ, по отчетамъ горныхъ исправниковъ, рабочихъ, пробывшихъ круглый годъ на прискахъ, было въ 1883 г.—35%, въ 1884 г.—33%, въ 1885 г.—34%. Большимъ количествомъ поденщинъ въ южно-енисейской системѣ объясняется и большій заработокъ рабочихъ въ этой части Енисейскаго округа.

Размѣръ средняго вознагражденія за каждую поденщину безъ различія возраста и пола виденъ изъ слѣдующихъ цифръ. Если мы раздѣлимъ полученный нами средній заработокъ рабочаго въ сѣверно-енисейской системѣ въ 1881 г. (106 р.) на среднее число поденщинъ (180), то мы получимъ среднее вознагражденіе за поденщину 59 к., въ той же сѣверно-енисейской системѣ среднее вознагражденіе за поденщину въ 1882 г. равнялось 64 к., а въ 1883 г.—46 к., а въ среднемъ за 1881—83 гг. составляло 56 к. Въ статистическихъ свѣдѣніяхъ за 11 лѣтъ съ 1877 по 1887 г. относительно промысловъ В. И. Базилевскаго сѣверно-енисейскаго округа мы нашли данныя о числѣ поденщинъ за каждый годъ и итогъ платы обще-контрактнымъ и золотничикамъ. Первыхъ было громадное большинство, потому что итогъ „платы рабочимъ“ (очевидно обще-контрактнымъ) за 11 л. равнялся 620.024 р., а итогъ „платы золотничикамъ и за старательское и подъемное золото“, также за 11 л., равнялся всего 35,225 р, слѣдовательно, эта вторая сумма изъ всей рабочей платы составляла лишь 5,4%. Такимъ образомъ, заработокъ золотничиковъ (быть можетъ, нѣсколько повышенный сравнительно съ обще-контрактными, такъ какъ въ составъ его входятъ расходы на пропитаніе) составлялъ очень ничтожный процентъ, и мы можемъ игнорировать мало замѣтное повышение поденной платы, которое можетъ получаться вслѣдствіе этого. Раздѣляя итоги платы рабочимъ на число рабочихъ поденщинъ, мы получили слѣдующій средній дневной заработокъ на прискахъ В. И. Базилевскаго: въ 1877 г.—58 к., въ 1878 г.—56 к., въ 1879 г.—51 к., въ 1880 г.—60 к., въ 1881 г.—53 к., въ 1882 г.—65 к., въ 1883 г.—64 к., въ 1884 г.—79 к., въ 1885 г.—61 к., въ 1886 г.—57 к., въ 1887 г.—70 к. Въ среднемъ выводѣ за всѣ эти годы дневной заработокъ рабочаго равняется 61 к. Изъ этихъ цифръ, относящихся къ промысламъ Базилевскаго, видно, что дневной заработокъ постепенно повышался. Въ 1877—79 г. онъ составлялъ въ среднемъ 55 к., въ 1881—83 г.—61 к. (слѣдовательно, на 5 к. выше средняго заработка за эти годы на всѣхъ промыслахъ сѣверно-енисейскаго округа) и въ 1884—87 гг.—67 к.

Въ южно-енисейскомъ округѣ средній заработокъ рабочаго въ

1883 г. равнялся 138 р., а среднее число поденщинъ было здѣсь 216, слѣдовательно, средній заработокъ въ поденщину равнялся 64 к., т.-е. равнялся среднему заработку рабочихъ сѣверно-енисейскаго округа въ 1882 г., но былъ выше ихъ заработка въ 1881 г. и гораздо выше заработка 1883 г.

Заработки рабочихъ Енисейскаго округа близки къ заработкамъ въ Томскомъ горномъ округѣ, но гораздо ниже, чѣмъ въ Олекминскомъ и Амурскомъ округахъ.

Желательно было бы сравнить средній заработокъ рабочихъ Енисейскаго округа первой половины 80-хъ годовъ съ заработками первой половины 60-хъ годовъ, чтобы опредѣлить, какому измѣненію подверглось вознагражденіе за трудъ, Къ сожалѣнію, для 60-хъ годовъ мы не имѣемъ такихъ общихъ цифръ для всѣхъ промысловъ сѣверной и южной системъ Енисейскаго округа; въ своемъ мѣстѣ (см. т. I, стр. 445). мы могли сдѣлать выводъ лишь относительно средняго годового заработка промысловъ главнѣйшихъ золотопромышленныхъ компаній южно-енисейской системы за 1860—63 гг. и получили средній заработокъ въ 80 р.; между тѣмъ для всѣхъ промысловъ южно-енисейской системы въ 1883—85 гг. средній заработокъ равнялся 146 р., что составляетъ повышеніе въ 80%. Это даетъ намъ возможность сказать, что размѣръ заработка въ теченіе 20 лѣтъ несомнѣнно повысился, но указать размѣръ этого повышенія съ полною точностью мы не можемъ, такъ какъ тутъ сравниваются не вполне одинаковыя величины: для 60-хъ годовъ средній заработокъ лишь въ некоторыхъ промыслахъ, а для 80-хъ годовъ всѣхъ промысловъ южной системы. Къ тому же увеличеніе вознагражденія можетъ отчасти объясняться увеличеніемъ продолжительности операціи, а, слѣдовательно, количества рабочихъ дней.

Попробуемъ еще сравнить размѣры заработковъ на промыслахъ отдѣльныхъ компаній, насколько это возможно по имѣющимся у насъ матеріаламъ. Средній заработокъ на промыслахъ Удереиской К^о Бенардаки, Рязановыхъ и др. равнялся въ 1860 и 1862 гг. 79 р. и въ 1863 г. — 67 р. 50 к., а въ среднемъ за 3 года равнялся 75 р. Между тѣмъ по расчетной книгѣ Удереиской К^о, Бенардаки и Рязанова за 1876 г. средній заработокъ 165 рабочихъ м. п. равнялся 96 р. на каждого, а каждой изъ 24 женщинъ 16 р.¹⁾ или для 189 рабочихъ обоого пола средній заработокъ равнялся 86 р., слѣдовательно, съ первой половины 60-хъ до половины 70-хъ годовъ заработокъ повысился на 15%. Рабочихъ дней на каждого рабочаго м. п. въ 1876 г. приходилось въ среднемъ 188 и среднее поденное вознагражденіе равнялось 51 к.; для каждой женщины среднее поденное вознагражденіе равнялось 13 к., а въ среднемъ для рабочихъ обоого пола получается 41 к., т.-е. поденное вознагражденіе меньшее, чѣмъ средняя плата за поденщину въ первой половинѣ 80-хъ годовъ. На промыслахъ Савви-

¹⁾ Арх. А. А. Саввинныхъ, „Расчетная съ рабочими Удереиской К^о гг. Бенардаки и Рязановыхъ (операціи 1876 г. № 11“), съ № 198 по 394.

ныхъ (прежней Удереиской К^о) въ операцію 1880 г. 222 рабочихъ м. п. заработали въ среднемъ по 130 р., работая также въ среднемъ по 170 дней, что составляетъ по 76 к. въ день ¹⁾. 28 женщинъ заработали почти по 18 р., работая по 160 дней, что составляетъ въ среднемъ по 11 к. въ день. — На промыслахъ Асташева (Прокопьевскомъ, Спасопреображенскомъ и Казанскомъ) въ 1862 г. средній заработокъ равнялся 71 р. 83 к. ²⁾. По расчетной же книгѣ съ рабочими Асташева въ операцію 1881 г. — 121 рабочихъ м. п. получали въ среднемъ по 187 р., а 12 женщинъ по 46 р. 67 к., а тѣ и другія (133 раб. об. п.) въ среднемъ по 174 р. Слишкомъ большое возвышеніе заработка (на 143%) нѣсколько случайно: оно объясняется тѣмъ, что въ имѣвшейся у насъ одной части расчетной книги по промысламъ Асташева за этотъ годъ не мало мастеровыхъ и отрядныхъ рабочихъ, такъ что рабочіе м. п. работали круглый годъ (среднее количество рабочихъ дней на каждого рабочаго м. п. 305); средняя поденная плата мужчинъ 61 к. въ день. Женщины получили въ среднемъ по 22 к. въ день, проработавъ по 210 дней ³⁾. Но во всякомъ случаѣ общая тенденція повышенія заработка со времени 60-хъ годовъ несомнѣнна ⁴⁾.

Въ сѣверной части Енисейскаго округа на промыслахъ Гавриловскомъ и Никольскомъ и Усть-Питской резиденціи К^о Рязановыхъ, Гороховыхъ и Мошарова въ операцію 1860 г. 201 рабочій м. п. заработали въ среднемъ по 72 руб. (средняя рабочая плата въ день 65 к.; среднее количество рабочихъ дней 114) ⁵⁾. На Гавриловскомъ прискѣ К^о Рязановыхъ, Горохова и др. въ операцію 1869—70 гг. 414 рабочихъ заработали въ среднемъ по 84 р. (повышеніе заработка сравнительно съ 1860 г. на 16%). Точно такой же размѣръ заработка рабочихъ м. п. мы встрѣчаемъ на томъ же прискѣ и въ операцію 1874—75 г., причѣмъ среднее число рабочихъ дней (53 рабочихъ м. п.) было 144 и средняя поденная плата составляла 59 к., слѣдовательно, повышеніе заработка было слѣдствіемъ не повышенія рабочей платы (средній заработокъ въ день даже понизился сравнительно съ 1860 г.), а увеличенія средняго количества рабочихъ дней ⁶⁾. Наконецъ, на томъ же прискѣ въ операцію 1880—81 г., принадлежавшемъ тогда И. П. Кытманову и К^о, средній заработокъ 109 рабочихъ мужчинъ равнялся 77 р. ⁷⁾,

¹⁾ Къ сожалѣнію, изъ расчетной книги не видно, не было ли въ числѣ этихъ работниковъ золотничниковъ, что повышаетъ, отчасти фиктивно, размѣръ заработка. Арх. Саввинныхъ. Расчетная книга съ рабочими опер. 1880 г. № 5.

²⁾ На Сергіевскомъ промыслѣ Асташева въ 1870—71 г. 62 р., при среднемъ количествѣ 126 рабочихъ м. п. и средней поденной платѣ въ 50 к.

³⁾ Арх. Дополн. участ. Прокопьев. приск., 1 часть „Расчетной книги по управленію П. К. Гудкова“ за операцію 1881 г. (по описи № 7).

⁴⁾ На присклахъ южной части Енисейскаго округа М. А. Крутовскаго въ операцію 1872 г. 142 рабочихъ заработали въ среднемъ только по 82 р. (въ томъ числѣ около 6% за золотничныя работы). Рукоп., получ. отъ В. М. Крутовскаго.

⁵⁾ Расчетная книга по Гавриловскому и Никольскому прискамъ и Усть-Питской резиденціи опер. 1860 г., съ № 1218 по 1401. Арх. Гавриловскаго приска Кытманова.

⁶⁾ Средній заработокъ 12 женщинъ равнялся 56 р. „Расчетная съ рабоч. по Гаврилов. пр. К^о Рязановыхъ, Гороховыхъ и проч.“ операціи 1874—75 г. Арх. Гаврилов. приска Кытманова.

⁷⁾ Количество рабочихъ дней неизвѣстно (на Петропавловскомъ прискѣ Кытманова рабочіе мужчины проработали въ среднемъ въ операцію 1883 г. по 196 дней). Средній заработокъ 22 женщинъ на Гавриловскомъ прискѣ 29 р. „Расчетная съ рабочими Гавр. приска Кытманова“ операціи 1880—81 г. Арх. этого приска.

т.-е. сравнительно съ заработкомъ 1860 г. онъ повысился на 7%, а сравнительно съ 1870 г. понизился на 8%.—На Ольгинскомъ приискѣ Малевинскаго въ 1866 г. средній заработокъ 43 рабочихъ м. п. (въ числѣ которыхъ были и годовые, но большинство работало лишь по нѣсколькимъ мѣсяцамъ лѣтомъ или осенью) равнялся 78 р. Въ операцію 1880—81 г. на приискахъ К^о Базилевскаго (Отрадномъ, Михайловскомъ, Николаевскомъ и Константиновскомъ) и енисейской резиденціи 541 рабочій обоего пола заработали въ среднемъ по 82 р.¹⁾ На промыслахъ Константиновскомъ и Раздольномъ сѣверной части Енисейскаго округа В. И. Базилевскаго въ операцію 1886—87 г. заработокъ 154 мужчинъ равнялся въ среднемъ 127 руб., а средній заработокъ 22 женщинъ — 46 руб., слѣдовательно, средній заработокъ 176 рабочихъ обоего пола равнялся 117 руб.²⁾ Такимъ образомъ и на этомъ примѣрѣ мы видимъ значительное возвышеніе заработка въ 80-хъ годахъ. Что касается того, насколько это увеличеніе зависѣло отъ возвышенія рабочей платы, то, чтобы опредѣлить это точнѣе, нужно было бы сравнить количество рабочихъ дней и размѣръ поденной платы въ разные періоды, но для этого мы не имѣемъ данныхъ; мы знаемъ только, что въ операцію 1887 г. на названныхъ промыслахъ Базилевскаго сѣверно-енисейскаго округа каждый изъ 154 мужчинъ проработалъ въ среднемъ по 183 дня и получилъ платы за каждый день по 70 к., а каждая изъ 22 женщинъ проработала въ среднемъ по 213 дней и получила по 22 к. въ день.

Мы видимъ, такимъ образомъ, что заработки рабочихъ въ 80-хъ годахъ сравнительно съ 60-ми на промыслахъ Енисейскаго округа несомнѣнно возрасли, но не всегда это объясняется увеличеніемъ вознагражденія за трудъ, а иной разъ лишь увеличеніемъ продолжительности операціи, чего можно было ожидать и а priori въ виду уничтоженія по Уставу о золотопромышленности 1870 г. прежняго обязательнаго срока окончанія промыски золота.

Нужно помнить также, что приведенныя нами цифры заработковъ суть среднія для всѣхъ рабочихъ, безъ различія годовыхъ и лѣтныхъ, или операціонныхъ, что, слѣдовательно, лѣтніе заработки ниже приведенныхъ среднихъ цифръ, а годовые выше³⁾. Но въ сѣверно-енисейской системѣ количество годовыхъ рабочихъ было ничтожно (въ 1881 г.—8%, въ 1888 г.—5%) и такъ какъ при томъ плата за трудъ зимою ниже, чѣмъ лѣтомъ, то слѣдовательно, заработокъ „въ операцію“ не много ниже полученной нами средней цифры заработка (118 р.)⁴⁾.

¹⁾ „Счетъ платы рабочихъ въ операцію 1880—81 г. въ Арх. Базилевскаго въ Енисейскѣ.

²⁾ Расчетная книга приисковъ Константиновскаго и Раздольнаго въ операцію 1886—87 г. Арх. Базилевскаго въ Енисейскѣ.

³⁾ Г. Уманскій считаетъ заработокъ средняго рабочаго въ лѣтнюю операцію 110 р., а во весь годъ 140 р. (стр. 71, 74); изъ этого видно, какъ невелика разница между лѣтнимъ и годовымъ заработкомъ.

⁴⁾ Въ 70-хъ годахъ заработокъ на промыслахъ сѣверно-енисейской системы былъ меньше: горный исправникъ этой системы считалъ въ 1875 г. весь годовой заработокъ равнымъ 80—100 р., въ томъ числѣ задатокъ 40—60 р., заборъ на приискахъ 20 р. и додача 20—25 р. Арх. Горн. Испр. сѣв.-енис. окр. дѣло 1875 г. № 30, л. 123.

Напротивъ, въ южно-енисейской системѣ количество годовыхъ рабочихъ было довольно велико (въ 1883 г.—34%, въ 1884 г.—29%, въ 1885 г.—37%), и потому полученную среднюю цифру заработка (146 р.) нужно значительно понизить, если мы желаемъ получить заработокъ въ (дѣтнюю) „операцию“ и безъ большой ошибки мы можемъ принять этотъ послѣдній заработокъ въ южно-енисейской системѣ въ первой половинѣ 80-хъ годовъ въ среднемъ въ 115—120 р. Н. С. Боголюбскій принимаетъ для 1891 г. плату рабочимъ за операцию въ сѣверно-енисейскомъ округѣ 90—135 р., а въ южно-енисейскомъ 72—125 р. ¹⁾).

Разсмотримъ теперь, какую часть заработка рабочіи получаетъ во время работъ на промыслахъ и какую при окончательномъ разсчетѣ (такъ называемая *додача* ²⁾). Данные для этого представляютъ отчеты горныхъ исправниковъ (а съ 1888 г. окружныхъ инженеровъ), но, къ сожалѣнію, какъ мы уже знаемъ, въ нихъ не отдѣлены золотничники отъ общеконтрактныхъ рабочихъ, а это нѣсколько повышаетъ процентъ выдачи натурою ³⁾).

Такъ какъ задатокъ выдается частью деньгами, частью вещами, то на основаніи этихъ отчетовъ нельзя съ точностью вычислить, какую часть всей выдачи рабочіе получаютъ деньгами; но это можно видѣть изъ расчетныхъ книгъ отдѣльныхъ промысловъ. Въ сѣверной части Енисейскаго округа на Гавриловскомъ прискѣ К^о Рязановыхъ, Гороховыхъ и др. въ операцию 1874—75 г. изъ выдачи, полученной рабочими до разчета (вмѣстѣ съ задаткомъ), 56% было получено деньгами и 44% вещами, при чемъ заборъ до разчета составлялъ 73% всего заработка. На прискахъ Базилевскаго Константиновскомъ и Раздольномъ (сѣв.-енис. окр.) въ операцию 1886—87 г. рабочіе 62% выдачи до разчета получили деньгами и 38% припасами, товарами, матеріалами и имуществомъ⁴⁾, при чемъ заборъ до разчета превосходилъ весь заработокъ рабочихъ, т.-е., рабочіе (почти всѣ) ничего не вынесли съ промысловъ. Для сравненія упомянемъ, что въ операцию 1860 г. на Гавриловскомъ прискѣ весь заборъ до разчета составлялъ 84% всего заработка, при чемъ 79% выдачи было получено деньгами и 21% вещами.

Въ южно-енисейскомъ округѣ на промыслахъ Удереиской К^о Бенардаки и Рязановыхъ въ операцию 1876 г. весь заборъ до разчета (вмѣстѣ съ задаткомъ) доставлялъ 88% всего заработка, при чемъ 57% этого забора было получено деньгами и 43% „припасами, товарами, матеріалами и имуществомъ“. На промыслахъ А. Саввинныхъ, арендовавшаго приски бывшей Удереиской К^о, въ операцию 1880 г. заборъ до разчета составлялъ 66% заработка, при чемъ 37% этого забора было получено деньгами, а 63% вещами. На Сергіевскомъ прискѣ Аста-

¹⁾ Годовое же вознагражденіе рабочимъ, принятое имъ для сѣверно-енисейскаго округа (160—260) и для южно-енисейскаго (150—200 р.), несомнѣнно выше дѣйствительнаго средняго годового вознагражденія. „Вѣсти. Золотопр.“ 1892 г. № 16, стр. 225.

²⁾ О томъ, какой процентъ всей выдачи составляетъ задатокъ, было указано выше (стр. 149).

³⁾ См. *Дополненіе XI*.

шева въ операцію 1870—71 г. выдача до разчета превосходила заработокъ, т.-е, почти всѣ рабочіе ничего не вынесли съ промысловъ, при чемъ 69% выдачи было получено рабочими деньгами и 31% вещами. На промыслахъ Асташева 1881 г. 133 рабочихъ об. п. забрали до разчета 86% всего заработка, при чемъ 46% получили деньгами и 54% вещами.

Весьма значительную часть (по свѣдѣніямъ горныхъ исправниковъ и окружныхъ инженеровъ $\frac{1}{2}$ — $\frac{2}{3}$) всего заработка (вмѣстѣ съ додачей) рабочіе получали вещами и припасами изъ пріисковыхъ магазиновъ ¹⁾. Относительно выдачи вещей окружной инженеръ сѣверно-енисейскаго округа въ своемъ отчетѣ за 1888 г. говоритъ, что „до отработки долга, съ которымъ рабочій явился на пріискъ, ему отказывали въ выдачѣ чего бы то ни было, даже предметовъ необходимости, но какъ только ему приходилась на руки деньги“ (т.-е. заработокъ превышалъ заборъ), „отпускалось все по желанію, часто вещи совершенно ненужныя, вслѣдствіе чего заборъ нѣкоторыхъ рабочихъ одними только припасами доходилъ до 40 р.“; вообще же средній заборъ товарами и припасами, по словамъ этого окружного инженера, равнялся въ сѣверно-енисейскомъ округѣ 40 р.

По расчетнымъ книгамъ южно-енисейскаго округа, бывшимъ въ нашихъ рукахъ, на промыслахъ Удереиской К^о (Бернадаки и Рязановыхъ) средній заборъ въ операцію припасами, товарами, матеріалами и имуществомъ 165 рабочихъ м. п. равнялся 37 р. на каждого; на промыслахъ Саввинныхъ въ операцію 1880 г.—по 53 р. на каждого рабочаго м. п. На Сергіевскомъ пріискѣ Асташева въ операцію 1870—71 г. средняя выдача вещами равнялась 21 р., а на промыслахъ Асташева въ операцію 1881 г. 133 рабочихъ об. п. получили натурою всего по 81 р. на каждого. Въ сѣверной части Енисейскаго округа на Гавриловскомъ пріискѣ К^о Рязанова, Горохова и др. въ операцію 1874—75 г. средній заборъ на 65 рабочихъ об. п. равнялся 25 руб., а на пріискахъ Базилевскаго въ операцію 1886—87 г. средній заборъ 176 рабочихъ об. п. равнялся 45 р.

По свѣдѣніямъ горныхъ исправниковъ и окружныхъ инженеровъ, додача составляетъ отъ $\frac{1}{6}$ до $\frac{1}{3}$ *всего* заработка. Горный исправникъ сѣверно-енисейскаго округа въ 1875 г. считалъ болѣе обычною додачею 15—25 р. Окружной инженеръ сѣверно-енисейскаго округа въ отчетѣ за 1888 г., между прочимъ, сообщаетъ, что „наличными деньгами на надобности рабочихъ и вообще при разчетѣ“ рабочіе получили 124.704 р., что составляетъ въ среднемъ на каждого 33 р. „Но если принять во

¹⁾ Тутъ вошли въ расчетъ не только общеконтрактные, а также золотничники, вслѣдствіе чего процентъ забора натурою нѣсколько повышенъ. Изъ отчета окруж. инж. южн. енис. окр. за 1890 г. видно, что на промыслахъ этого округа (вмѣстѣ съ додачей) было выдано деньгами 68%, вещами и припасами 32%. „Горн. Журн.“ 1891 г. № 12, стр. 529. О наиболѣе обычныхъ предметахъ забора рабочихъ см. *Уманьскій*, стр. 71.

вниманіе", продолжаетъ онъ, „что рабочіе, явившіеся для найма на приски, были наняты безъ задатковъ и золотничныя артели рабочихъ таковыхъ не получали, вслѣдствіе чего какъ тѣмъ, такъ и другимъ пришлось по расчету, конечно, болѣе 30 р., и что не вся сумма... была выдана при расчетѣ, а часть ея роздана до работъ, то окажется, что только немногіе рабочіе, не бравшіе задатковъ и довольствовавшіеся отпускаемымъ бесплатно содержаніемъ, унесли съ присковъ болѣешую часть заработанныхъ денегъ", а „остальные получили при расчетѣ самую незначительную часть заработной платы". Имѣя въ виду эти оговорки, мы приведемъ среднюю додачу (считая на *всѣхъ* рабочихъ) на промыслахъ сѣверно-енисейской системы: въ 1881 и 82 гг. *одной додачи* были выданы въ 1881 г. по 25 р., въ 1882 г.—29 р. (считая на *каждаго* рабочаго); въ слѣдующіе же годы додача рассчитана вмѣстѣ съ денежною выдачею во время работъ на прискахъ „на *надобности рабочихъ*"; въ 1883 г. по 40 р., въ 1884 г.—38 р., въ 1885 г.—37 р., въ 1886 г.—43 р., въ 1888 г.—33 р., въ 1889 г.—41 ¹⁾. На промыслахъ южно-енисейской системы *одной додачи* рабочими получено въ среднемъ въ 1883 г.—39 р., въ 1884 г.—52 р., въ 1885 г.—45 р., въ 1894 г. на 47 прискахъ—47 р. ²⁾.

Укажемъ теперь размѣръ *одной додачи* на нѣкоторыхъ промыслахъ. Въ сѣверно-енисейской системѣ на Гавриловскомъ прискѣ К^о Рязановыхъ, Горохова и др. въ операцію 1874—75 г. изъ 55 рабочихъ м. п. получили додачу только 30 ч., т.-е. 56%, при чемъ средняя додача равнялась 41 р. (маxim. додачи 182 р.); изъ 12 работницъ додачу получили 8 (66%), въ среднемъ по 24 р. (маxim. додачи 76 р.). На Екатерининскомъ прискѣ Базилевскаго въ операцію 1872—73 г. 124 рабочихъ об. п. получили въ среднемъ додачи по 31 р. (маxim. 282 р.); на Татьянинскомъ прискѣ Базилевскаго въ ту же операцію 46 человекъ об. п. получили въ среднемъ по 37 р. додачи (маxim. 362 р.). На Петропавловскомъ прискѣ И. Кытманова и В. Базилевскаго 1 октября 1883 г. 129 рабочихъ м. п. получили въ среднемъ додачи по 26 р. (маxim. 153 р.), а 20 женщинъ получили додачи въ среднемъ по 29 р. (маxim. 96 р.). На промыслахъ Константиновскомъ и Раздольномъ В. И. Базилевскаго въ операцію 1886—87 г. изъ 154 рабочихъ м. п. только 6, т.-е. 4%, получили додачу въ среднемъ по 52 р., а изъ 22 женщинъ только 1 (менѣе 5%) получила додачу въ 45 р.

Въ южной части Енисейскаго округа на промыслахъ Удереиской К^о Бенардаки и Рязановыхъ, въ операцію 1876 г., изъ 165 рабочихъ м. п. 80 чел. получили додачу въ среднемъ по 30 р. (маxim. 110 р.), а изъ 24 женщинъ 9

¹⁾ Въ 1894 г. на 27 прискахъ сѣверно-енисейскаго округа додача (очевидно вмѣстѣ съ денежною выдачею на прискахъ до расчета), по показаніямъ золотопромышленниковъ, равнялось 66 р. *Шостакъ*, табл. V.

²⁾ Въ операцію 1861—62 г. средній размѣръ додачи равнялся въ южно-енисейской системѣ 28 р. 60 к., слѣдовательно, средній размѣръ додачи съ тѣхъ поръ увеличился.

(т.-е. 37%) получили додachu по 9 р. (махімум 19 р.) ¹⁾. На промыслахъ Саввинныхъ (бывшихъ Удереиской К^о) въ операцію 1880 г. изъ 213 рабочихъ м. п. 179 (т.-е. 84%) получили додачи въ среднемъ по 60 р. (махімум 356 р.), а изъ 28 женщинъ 23 (т.-е. 80%) получили додачи въ среднемъ по 17 р. (махімум 78 р.). Въ 1878 г. г. Саввинныхъ писалъ въ официальной бумагѣ горвому исправнику, что въ этомъ году имъ было уплачено деньгами на 140 рабочихъ до 7500 р., т.-е. на каждаго въ среднемъ болѣе 53 р.: „это такая крупная додача денегъ при расчетѣ“, прибавляетъ г. Саввинныхъ, „что я безошибочно предполагаю, что она изъ самыхъ высокихъ на приискахъ южной части Енисейскаго округа“ ²⁾. На Сергіевскомъ приискѣ Асташева въ операцію 1870—71 г. изъ 99 рабочихъ м. п. получили додachu 33 чел. (т.-е. 33%) въ среднемъ по 10 р. (махімум 36 р.) ³⁾. На промыслахъ того же Асташева въ операцію 1881 г. изъ 121 рабоч. м. п. получили додachu 75 чел. (т.-е. 62%) въ среднемъ по 49 р. (махімум 297 р.), а изъ 12 женщинъ получили додachu 6 (50%), въ среднемъ по 18 р. (махімум 44 р.) ⁴⁾. На промыслахъ К^о Базилевскаго и Черемныхъ въ операцію 1888 г. 195 рабочихъ об. п. получили додачи въ среднемъ по 51 р. (махімум 228 р.). На Николаевскомъ приискѣ Дементьева въ ту же операцію 1887—88 г. 23 рабочихъ об. п. получили додачи въ среднемъ по 45 р. (махімум 103 р.) ⁵⁾.

Нѣкоторымъ дополненіемъ къ небольшой додачѣ рабочихъ служить тайно похищенное ими золото, но количество его учесть совершенно невозможно. Замѣтимъ только, что и авторъ одной статьи о приисковыхъ рабочихъ Енисейскаго округа ⁶⁾, и г. Уманскій отводятъ значительную роль въ заработкахъ рабочихъ кражѣ золота. Г. Ячевскій (стр. 27) указываетъ на образцовую солидарность рабочихъ въ утайкѣ золота. Лишь въ немногихъ отдѣльныхъ случаяхъ удается, если не опредѣлить, то по крайней мѣрѣ заподозрить разницу между тѣмъ, что рабочій получилъ въ додachu за работу, и тѣмъ, что онъ дѣйствительно вынесъ съ промысловъ. Такъ напр., въ 1878 г. при расчетѣ на приискѣ Асташева одинъ рабочій получилъ 36 р., но при обыскѣ на дорогѣ по выходѣ съ прииска при немъ было найдено 216 р. На вопросъ о томъ, откуда онъ получилъ остальные деньги, рабочій отвѣчалъ, что онъ принесъ ихъ изъ дому. Его заподозрили въ тайной про-

¹⁾ Арх. Саввинныхъ, Расчетная 1876 г. № II (съ № 189 по 394). Въ операцію 1861—62 г. на промыслахъ Удереиской К^о 72% рабочихъ получили додachu въ среднемъ по 24 р.

²⁾ Арх. Горн. Испр. южн. енис. окр., дѣло 1878 г. № 9.

³⁾ Арх. Дополнительнаго уч. Прокоп. прииск.; Расчетная книга по Сергіевскому прииску, операція 1870—71 г. № 10, ч. II, съ № 232.

⁴⁾ Арх. Дополн. уч. къ Прокоп. пр., Расчетная съ рабочими по управленію П. К. Гудкова, операція 1881 г. ч. I, по описи № 7. Въ операцію 1861—62 г. на Прокопьев. пр. Асташева 27% рабочихъ получили додачи въ среднемъ по 33 р.; на Спасопреображенскомъ промыслѣ его же 67% получили додачи въ среднемъ по 28 р. и на Казанскомъ 28% въ среднемъ по 38 р.

⁵⁾ Арх. Горн. Испр. южн.-енис. окр., дѣло 1888 г. № 27.

⁶⁾ „Устонъ“ 1882 г., № 12, стр. 8.

дажѣ вина и „переводѣ“ золота, но, несмотря на то, что фактическихъ данныхъ для обвиненія его не было, у него было отобрано 179 р., и деньги эти отосланы къ управляющему промыслами Асташева Гудкову, который подалъ прошеніе о разслѣдованіи дѣла въ Маріинское полицейское управленіе, а рабочій, крестьянинъ Томской губерніи, подалъ жалобу на отобраніе у него денегъ енисейскому губернатору. Чѣмъ кончилось это дѣло, намъ неизвѣстно ¹⁾).

Многіе рабочіе остаются въ долгу у золотопромышленниковъ. Относительно задолженности рабочихъ горные исправники сообщаютъ свѣдѣнія по слѣдующимъ рубрикамъ: сколько долгу за 1) неявившимися, 2) бѣжавшими, 3) умершими, 4) рассчитанными по болѣзни, неспособности къ работѣ, за грубости и лѣность и 5) вообще за неотработавшими выдачъ (ко времени расчета). Такъ напр., въ отчетѣ горнаго исправника сѣверно-енисейскаго округа за 1881 г. мы находимъ слѣдующія свѣдѣнія: у золотопромышленниковъ осталось долговъ за рабочими—за 245 чел. неявившимися—12.213 р., за 139 бѣжавшими—7.742 р., за 27 умершими 1.168 р., за 80 рассчитанными по болѣзни, неспособности къ работамъ, за грубости и лѣность—2.699 р., за 820 вообще неотработавшими выдачъ—17.365 р. Итого остается долговъ 41.187 р. (Если раздѣлить общую сумму долга на все число рабочихъ, находившихся на промыслахъ, то это составитъ всего 7 рублей добавочнаго расхода на человѣка). По этому образцу мы находимъ свѣдѣнія и въ отчетахъ другихъ горныхъ исправниковъ, а съ 1888 г. въ отчетахъ горныхъ инженеровъ. Изъ приведенныхъ цифръ видно, что въ сѣверно-енисейскомъ округѣ въ 1881 г. за 1.311 рабочими осталось долгу въ среднемъ за каждымъ по 31 р. Въ слѣдующіе годы въ томъ же сѣверно-енисейскомъ округѣ—въ 1882 г. за 852 такими должниками (т.-е. считая съ неявившимися, бѣжавшими и умершими) было долгу въ среднемъ по 36 р., въ 1883 г. за 816 чел. по 37 р., въ 1884 г. за 483 должниками по 42 р., въ 1885 г. за 563 чел. по 35 р., въ 1886 г. за 574 должниками по 33 р., въ 1888 г. за 442 должниками по 34 р., въ 1889 г. за 406 должниками по 51 р. Въ среднемъ размѣръ долга за всѣ эти годы (1881—86, 88 и 89 г.) равняется 37 р. на каждого должника.

Теперь изъ общей суммы долговъ рабочихъ сѣверно-енисейскаго округа мы выдѣлимъ долги, оставшіеся за тѣми изъ нихъ, которые проработали до расчета. Такихъ въ 1881 г. было 820 чел. съ долгомъ на каждого по 21 р., въ 1882 г. за 472 рабочими по 28 р., въ 1883 г. за 541 чел. по 25 р., въ 1884 г. за 312 рабочими по 35 р., въ 1885 г. за 418 рабочими по 30 р., въ 1886 г. за 352 должниками по 26 р.

¹⁾ Арх. Горн. Испр. южн.-енис. окр., дѣло 1878 г. № 11.

въ 1888 г. за 256 рабочими по 25 р., въ 1889 г. за 216 рабочими по 38 р.; средній долгъ ко времени разсчета за всѣ эти 8 лѣтъ былъ меньше 29 р. на каждого.

Отмѣтимъ нѣкоторыя свѣдѣнія объ отдѣльныхъ промыслахъ сѣверно-енисейскаго округа. На Екатерининскомъ принскѣ Базилевскаго въ концѣ операціи 1872—73 г. осталось 33 должника съ долгомъ около 13 р. на каждого (маxim. долга 51 р.). На Петропавловскомъ принскѣ К^о Игн. Кытманова и В. И. Базилевскаго въ операцію 1883 г. къ 1 октября было 76 должниковъ м. п.; средній долгъ 13 р. (маxim. долга 49 р.). На Раздольномъ и Константиновскомъ принскахъ Базилевскаго въ операцію 1886—87 г. оказалось 15 должниковъ (10% всѣхъ рабочихъ); въ среднемъ на каждого приходилось по 28 р. долгу (маxim. долга 72 р.) и 1 должника (изъ 22 работниковъ) съ долгомъ въ 2 р. На Гавриловскомъ принскѣ Рязановыхъ, Горохова и др. въ операцію 1874—75 г. изъ 53 рабочихъ было 7 должниковъ (13%), въ среднемъ около 5 р., а должницъ не было вовсе. На томъ же Гавриловскомъ принскѣ Кытманова (въ операцію 1880—81 г.) изъ 102 рабочихъ было 36 должниковъ (35%), въ среднемъ по 28 р. долгу¹⁾.

Въ южной части Енисейскаго округа въ 1883 г. за 489 чел. было долгу въ среднемъ по 54 р., въ 1884 г. за 542 рабочими по 39 р., въ 1885 г. за 674 рабочими по 44 р., въ 1888 г. за 989 рабочими по 44 р. на каждого должника. За всѣ эти четыре года средній размѣръ долга на каждого должника равнялся 45 р. (болѣе чѣмъ въ сѣверно-енисейскомъ округѣ).

Если мы возьмемъ только тѣхъ рабочихъ, которые остались должны въ окончательному разсчету, то окажется, что въ 1883 г. ихъ было 289 чел. съ среднимъ долгомъ по 20 р. на каждого должника, въ 1884 г. 177 чел. съ долгомъ по 35 р., въ 1885 г. 273 чел. съ долгомъ по 25 р., въ 1888 г. за 565 рабочими осталось въ среднемъ долгу по 38 р. Средній долгъ ко времени разсчета за эти четыре года равняется 29 р. на каждого должника, т.-е. такой же, какъ и въ сѣверной части Енисейскаго округа. Въ операцію 1861—62 г. средній размѣръ долга въ южно-енисейской системѣ равнялся 25 р.

Укажемъ на нѣкоторые отдѣльные промысла южно-енисейскаго округа. На промыслахъ Удереиской К^о Бенардаки и Рязановыхъ въ операцію 1876 г. изъ 161 рабоч. м. п., о которыхъ мы имѣемъ свѣдѣнія, было (если не считать неявившихся и бѣжавшихъ) 15 должниковъ (т.-е. 9%) по 27 р. въ среднемъ на каждого (маxim. долга 49 р.). Изъ 24 работниковъ ни одна не осталась въ долгу²⁾.

¹⁾ Ср. о задолжавшихъ рабочихъ Чудновскій. „Енисейская губ.“ 1885 г., стр. 109.

²⁾ Изъ 161 чел. 66 рабочихъ (т.-е. 41%) не получили додати, но и не остались въ долгу. Разсчетная книга съ рабочими Удереиской К^о за 1876 г. № II, съ № 198 по 394 (Арх. Саввинныхъ). Въ операцію 1861—62 г. должниковъ на промыслахъ Удереиской К^о было гораздо болѣе, а именно 28%.

На промыслах Саввинных (бывших Удереиской К^о) въ 1880 г. изъ 213 рабочихъ м. п. (не считая неявившихся и бѣжавшихъ, но вмѣстѣ съ умершими и разсчитанными по неспособности) было 29 должниковъ (т.-е. 13%), въ среднемъ за каждымъ долгу по 15 р. Изъ 28 работницъ долгъ былъ за 2, въ среднемъ по 6 р.¹⁾ На промыслахъ Асташева въ 1881 г. изъ 121 извѣстныхъ намъ рабочихъ остались должными 20 (т.-е. 16%), въ среднемъ долгъ равнялся 26 р. (maxim. долга 89 р.)²⁾ Въ операцію же 1861—62 г. на Прокопьевскомъ промыслѣ Асташева было 73% должниковъ (долгъ въ среднемъ 29 р.), на Спасо-Преображенскомъ прискѣ его же 26% должниковъ (долгъ въ среднемъ около 32 р.) и на Казанскомъ прискѣ Асташева—70% должниковъ (долгъ въ среднемъ 16 р.).

Въ контрактахъ съ рабочими золотопромышленники всегда условливались, чтобы рабочіе оставшіеся за ними долгъ отработывали и послѣ срока найма, а нѣкоторыя компаніи (напр. Зотовыхъ въ договорѣ 1877 г. и Кытманова 1872 г.) предоставляли себѣ право (если не найдутъ нужнымъ или возможнымъ удержать рабочихъ на своихъ промыслахъ) передать ихъ въ другую компанію для отработки этого долга. По договору съ В. И. Базилевскимъ 1891 г. (сѣверно-енисейск. окр.) должники обязывались уплатить долгъ „наличными деньгами тотчасъ же, не уходя съ присковъ его, или отработать на работѣ по назначенію“ хозяина сряду же по окончаніи срока условія, или въ срокъ, назначенный присковымъ управленіемъ. По договору съ К^о Кытманова и Фунтусова (1870 г.) рабочіе обязывались отработать свой долгъ на тѣхъ же промыслахъ „или, поступивши къ другому золотопромышленнику (однако же съ согласія этой компаніи или ея управленія), непременно внести весь долгъ безъ всякаго промедленія въ платежъ и отпирательства“. К^о Григоровыхъ и Полежаева (сѣв.-енис. окр.) по договору 1877 г. предоставила себѣ право относительно тѣхъ должниковъ, которые не захотятъ остаться на промыслахъ послѣ срока найма для отработки долга, ходатайствовать о высылкѣ ихъ изъ мѣста жительства съ помощью сельской стражи. По договору Асташева (1887 г.) должникъ, не отработавшій долга и по окончаніи срока, не имѣлъ права наниматься къ другому золотопромышленнику, если тотъ не приметъ на себя обязательства уплатить за должника всего долга.

Какъ ни строги всѣ эти условія контракта, золотопромышленникамъ далеко не всегда удавалось взыскивать съ рабочихъ свои долги. Горный исправникъ сѣверно-енисейскаго округа въ отчетѣ за 1881 г. говоритъ, что въ большинствѣ случаевъ эти долги не взыскиваются подлежащими учрежденіями „и въ дѣйствительности при бѣдности присковыхъ рабочихъ взыскивать“ ихъ „почти невозможно“, и потому

¹⁾ Разсчитанъ съ рабочими Саввинныхъ 1880 г. № 5.

²⁾ Арх. Дополн. уч. Прокопьев. пр., Разсчитанъ съ рабочими по управленію Гудкова за операцію 1881 г. ч. I, № 7.

сумму, которую рабочіе остались должными хозяевамъ „нужно считать пропавшею безвозвратно“. Правильнѣе нужно было бы сказать—большую часть этой суммы, такъ какъ должники все-таки нерѣдко поступаютъ на тѣ же промысла, и тогда долгъ вычитается изъ заработка слѣдующаго года. Въ своей запискѣ 1892 г. енисейскіе золотопромышленники предлагали заставить волостное начальство не выдавать рабочимъ увольненій на пріиски прежде, чѣмъ они не уплатятъ или не отработаютъ состоящаго за ними долга. Но такія притязанія, конечно, не найдутъ удовлетворенія уже потому, что они идутъ въ разрѣзъ съ интересами государства; стѣсненіе рабочихъ въ хожденіи на промысла вызвало бы увеличеніе недоимокъ въ уплатѣ податей. Енисейскимъ золотопромышленникамъ такъ хотѣлось бы получить хоть часть тѣхъ долговъ, которые накопились за рабочими, что они готовы великодушно отказаться отъ половины этихъ мало надежныхъ взысканій. „Въ виду того“, говорятъ они въ запискѣ 1892 г., „что подобныхъ долговъ за рабочими за предшествовавшіе 10 лѣтъ числится до сотни тысячъ рублей и *всѣдствие невозможности получить оныя*, мы находимъ необходимымъ, чтобы взысканія по этому предмету неупустительно производило само крестьянское общество черезъ волостные суды, съ отдачею въ случаѣ надобности должниковъ въ работу, и чтобы изъ возвращенныхъ такимъ образомъ суммъ половина обращалась на образованіе особаго фонда для обезпеченія быта престарѣлыхъ и лишившихся возможности работать промысловыхъ рабочихъ и ихъ семействъ“. Такъ великодушно отдаютъ енисейскіе золотопромышленники инвалидамъ пріисковаго труда такіе суммы, которыя, по ихъ собственнымъ словамъ, невозможно взыскать (по свидѣтельству горнаго исправника сѣверно-енисейскаго округа „по бѣдности рабочихъ“). Изъ этого видно, что разсчитывать на серьезную помощь такимъ рабочимъ со стороны золотопромышленниковъ невозможно, пока не будетъ учреждено государственное страхование или изданъ законъ объ отвѣтственности предпринимателей за увѣчья рабочихъ.

По свидѣтельству окружного инженера южно-енисейскаго округа (въ отчетѣ за 1888 г.), разсчитываніе рабочихъ на промыслахъ этой системы начинается съ 20 сентября и продолжается съ перерывами до 10 октября. Окружной инженеръ сѣверно-енисейскаго округа въ отчетѣ 1889 г. считаетъ временемъ окончанія операціи 10 октября. Деньги по разчету рабочимъ сѣверно-енисейской системы выдаются теперь частью на пріискахъ, частью въ енисейскихъ резиденціяхъ.

Въ 1873 г. золотопромышленники южно-енисейской системы встрѣтили затрудненіе въ исполненіи предписанія генераль-губернатора Восточной Сибири относительно выдачи рабочимъ причитающихся имъ денегъ въ жилыхъ мѣстахъ, и потому генераль-губернаторъ разрѣшилъ осенью того же года не производить разчета рабочихъ въ жилыхъ мѣстахъ тѣмъ золотопромышленникамъ, которые

не имѣли тамъ резиденцій. Но затѣмъ въ декабрѣ 1873 г. енисейскій губернаторъ подтвердилъ горному исправнику сѣверно-енисейскаго округа, чтобы рабочіе его системы получали деньги по расчету не на прискахъ, а въ деревнѣ Нифантьевой (на берегу Енисея близъ Енисейска). Въ отвѣтъ на это предписаніе горный исправникъ сѣверно-енисейской системы донесъ, что только 2 золото-промышленныя компаніи этой системы имѣютъ резиденціи въ деревнѣ Нифантьевой, нѣкоторые имѣютъ ихъ въ Енисейскѣ, а арендаторы промысловъ, производящіе разработку незначительнымъ количествомъ рабочихъ, вовсе не имѣютъ резиденцій и въ большинствѣ случаевъ затрудняются производить расчетъ въ деревнѣ Нифантьевой, такъ какъ для этого пришлось бы нанимать тамъ квартиры и содержать довѣренныхъ. Кромѣ того, расчетъ въ этой деревнѣ „требуется заготовленія большаго противъ дѣйствительной потребности капитала, но невозможно опредѣлить вѣрно количество денегъ на расчетъ рабочихъ“ въ Нифантьевой и на расчетъ тѣхъ, которые остаются на прискахъ на зиму, такъ какъ рабочіе измѣняютъ иногда свои намѣренія, и такимъ образомъ можетъ не хватить денегъ для расчета или на прискахъ, или въ названной деревнѣ. Вслѣдствіе этого енисейскій губернаторъ въ 1874 г. далъ знать, что расчеты съ рабочими должны производиться въ Нифантьевой только тѣ золотопромышленники, которые имѣютъ тамъ свои резиденціи, а остальные обязаны рассчитываться съ рабочими на прискахъ ¹⁾.

Въ нѣкоторыхъ договорахъ включено условіе, что рабочіе могутъ требовать заработанныхъ ими денегъ только при расчетѣ (такъ напр., по договору И. Кытманова, 1884 г.), по другимъ же договорамъ выдача денегъ до расчета предоставлялась усмотрѣнію присковаго управленія. Послѣ того какъ генераль-губернаторъ Синельниковъ для охраны заработковъ рабочихъ отъ растраты сталъ пропагандировать мысль о пересылкѣ денегъ рабочимъ, если они того пожелаютъ, на мѣсто ихъ жительства, въ нѣкоторыхъ договорахъ мы встрѣчаемъ условія въ родѣ слѣдующаго: „заработку нашу управленіе обязано заплатить намъ при расчетѣ 1 октября, если же кто изъ насъ, согласно распоряженія г. генераль-губернатора, половину причитающихся на 1 октября денегъ пожелаетъ получить по приходѣ въ свою волость, черезъ особыхъ чиновниковъ отъ г. генераль-губернатора, а другую половину на прискѣ въ первое число октября, то долженъ это оговорить при подписи своей“. Г. Ячевскій справедливо указываетъ на необходимость для рабочихъ получать деньги и ранѣе расчета. „Присковый режимъ“, говоритъ онъ, „создалъ крайне зловредную форму расчета рабочихъ. Перваго октября, послѣ окончанія работъ, бросается въ толпу въ одинъ день масса денегъ. Рабочій получаетъ возможность въ одинъ моментъ удовлетворить всѣ тѣ потребности, которыя онъ въ теченіе казарменной жизни вынужденъ былъ такъ или иначе умѣрять. Разгулъ рабочаго—естественное психическое послѣдствіе присковыхъ порядковъ, и никакими полицейскими мѣрами и нагайками онъ не можетъ быть уничтоженъ

¹⁾ Арх. Горн. Испр. сѣвер.-енис. окр. дѣло 1873 г. № 34, л. 163—165.

до тѣхъ поръ, пока не будетъ устранена основная его причина. Необходимо, чтобы рабочій получалъ деньги не заразъ, а по частямъ, чтобы онъ имѣлъ возможность расходовать ихъ по своему усмотрѣнію“.

Впрочемъ, небольшую часть заработка рабочіе получаютъ и во время работъ: такъ въ 80-хъ годовъ въ сѣверно-енисейской системѣ было выдано имъ на прискахъ для отсылки семействамъ и вообще на поддержаніе хозяйства отъ 2 до 3% заработка, а въ южно-енисейской системѣ отъ 2 до 4%; выдано было деньгами на ихъ личныя надобности и на уплату долговъ разнымъ лицамъ въ сѣверно-енисейскомъ округѣ въ 1881 г. 3,8%, въ 1882 г. 3,2% заработка, а въ южно-енисейскомъ округѣ (въ 1883—85 и 88 гг.) отъ 1,7 до 5,7%; наконецъ, на уплату податей и полученіе новыхъ видовъ въ 80-хъ годахъ отъ 2,5 до 5,8%, а въ южно-енисейскомъ округѣ отъ 3,4 до 5,2%, но это все-таки очень небольшая доля, въ видѣ же додачи рабочіе получали, какъ мы видѣли отъ $\frac{1}{6}$ до $\frac{1}{3}$ заработка.

Въ 1891 г. мы слышали отъ исправника сѣверно-енисейскаго округа, что расчетъ рабочихъ производится довольно неаккуратно, но они относятся къ этому слишкомъ пассивно, и если получаютъ нѣсколько рублей додачи, то махаютъ рукой на неправильность расчета. Впрочемъ, начальникъ енисейскаго жандармскаго управленія въ отчетѣ за 1872 г. говоритъ, что хотя „расчетъ рабочихъ по окончаніи лѣтнихъ работъ произведенъ довольно аккуратно, но за всѣмъ тѣмъ *поступаетъ мною жалобъ*, которыхъ повѣрить по разбросанности присковъ невозможно“ ¹⁾.

Случалось, что золотопромышленникъ выдавалъ рабочимъ на прискѣ вмѣсто денегъ квитанціи, по которымъ расплата производилась не всегда аккуратно. Такъ напр., не всегда исправно оплачивала свои квитанціи К^о Полежаева и Булычевой ²⁾. Расплата квитанціями бываетъ и въ настоящее время и при томъ по нимъ въ жиломъ мѣстѣ вмѣсто денегъ рабочимъ иной разъ вручаютъ разную рухлядь изъ лавки владѣльца приска ³⁾. И прежде бывали случаи, что какая-нибудь разорившаяся компанія производила расчетъ съ рабочими товарами и припасами, съ которыми эти бѣдняки не знали что дѣлать и принуждены были продавать первому встрѣчному за ничтожную цѣну ⁴⁾.

У нѣкоторыхъ компаній не хватало иной разъ денегъ на расплату съ рабочими и въ такомъ случаѣ на основаніи закона налагался вѣрстѣ на золото.

¹⁾ Арх. Иркут. Горн. Упр. К. 2555, № 106/160, л. 296.

²⁾ „Сиб. Газ.“ 1886 г. № 49, стр. 1482.

³⁾ „Сиб. Вѣстн.“ 1895 г., прибавленіе къ № 73.

⁴⁾ „Сиб. Вѣстн.“ 1886 г. № 42, стр. 3.

Начальникъ енисейскаго жандармскаго управленія въ отчетѣ за 1872 г. говоритъ: „носятся слухъ, и весьма основательный, что въ число платы“ (при расчетѣ) „идутъ водка и спиртъ по баснословнымъ цѣнамъ (бутылка спирта до 5 р.)“¹⁾. Эксплоатація рабочихъ при расчетѣ производилась и въ другой формѣ. Такъ, въ первой половинѣ 80-хъ г. на Татьянинскомъ прискѣ Базилевскаго главный бухгалтеръ каждую осень собиралъ разный хламъ и разыгрывалъ въ лотерею, на которую подписчиками являлись рабочіе съ платою по 2 р. за билетъ. Разыгрывали въ лотерею и на другихъ прискахъ съ платою по 3 р. за билетъ такіа, никому не нужныя вещи, какъ изношенныя платья со шлейфомъ, юбки, ночные чепчики, поломанные зонтики и т. п. и уговаривали рабочихъ брать билеты „изъ уваженія въ хозяину“²⁾. Я также слышалъ на прискахъ Енисейскаго округа, что тамъ бывають лотереи при расчетѣ, причемъ рабочіе ставятъ условіемъ выдачу водки.

Многіе рабочіе прокучивають на обратномъ пути съ присковъ значительную часть полученныхъ ими денегъ, но кутежей, подобныхъ тѣмъ, какіе происходили въ сороковые года, теперь уже не бываетъ.

Въ 1875 г. сѣверно-енисейскій горный исправникъ въ своемъ донесеніи енисейскому губернатору указывалъ на то, что прежде срокъ окончанія работъ во всѣхъ компаніяхъ былъ одинъ, т.-е., 11 сентября, и тогда „какъ говорятъ, назначался сборный пунктъ, съ котораго рабочіе и отправлялись цѣлою массою“ (ср. т. I, стр. 153—154, 255—256). Теперь же срокъ окончанія работъ не одинаковъ и выходъ съ присковъ продолжается болѣе мѣсяца, въ теченіе котораго рабочіе уходятъ ежедневно партіями въ 10, 15 и 25 человекъ, а потому и сопроводить партіи отдѣльной казачьей командой совершенно невозможно. „Тутъ бываетъ не сопроводеніе въ буквальный смыслъ, а скорѣе послѣдованіе за вышедшими и постоянное наблюденіе“, не отстанетъ ли кто отъ партіи по болѣзни и усталости³⁾. Отъ Енисейска два отряда казаковъ сопроводжали рабочихъ одинъ до границы Томской, а другой—Иркутской губерніи.

Климовскую дорогу (съ промысловъ южно-енисейскаго округа) корреспондентъ одной газеты называетъ мѣстомъ „разврата, сбыта краденаго золота, пьянства, картежныхъ игръ; сюда съ цѣлыми легкой наживы являютя шулера и всевозможные жулики, которые безцеремонно обирають рабочихъ, такъ что тѣ всѣ свои обпошки, купленныя по баснословно-высокимъ цѣнамъ у хозяевъ присковъ или у торговцевъ, нахлынувшихъ въ тайгу, почти даромъ оставляють у зимовщиковъ“.

¹⁾ Арх. Иркут. Горн. Упр. К. 2555, № 106/160, л. 296.

²⁾ „Сиб. Газ.“ 1884 г. № 37, стр. 914, 1885 г. № 9, стр. 218—219.

³⁾ Арх. Горн. Испр. сѣв.-енис. окр., дѣло 1875 г. № 80, л. 122.

Неизбѣжнымъ слѣдствіемъ пьянства и разгула были преступленія: рабочіе иногда убивали товарищей, имѣющихъ деньги. Цѣны на зимовьяхъ въ 1884 г. были слѣдующія: за чашку спирта менѣе шкалика брали 50 к., фунтъ ржаного хлѣба 10 к., пшеничнаго 20 к., осьмушка махорки 30 к. ¹⁾.

Прежде содержаніе зимовьевъ на Климовской дорогѣ было предпріятіемъ вольнымъ, но вотъ Переплетчиковъ заявилъ, будто бы для пріисковъ, мѣста подъ зимовьями, которыя и были ему отведены. Зимовья эти онъ сейчасъ же сдалъ въ аренду, и содержатели зимовьевъ стали обирать возчиковъ и рабочихъ ²⁾.

То же творилось и на Ново-нифантьевской дорогѣ, которая ведетъ изъ сѣверно-енисейской системы въ городъ Енисейскъ. На этой дорогѣ съ 1881 г. также появилось не мало пріисковъ, которые заявлены были исключительно съ цѣлью обирая рабочихъ; они не разрабатывались и даже не развѣдывались, а между тѣмъ, на нихъ находились различныя постройки, въ которыхъ круглый годъ проживали хозяева. Такихъ пріисковъ насчитывали въ 1883 г. болѣе 10. Рабочіе постоянно жаловались на хозяевъ этихъ пріисковъ. Въ 1884 г. ихъ насчитывалось уже 20 ³⁾.

На Ново-нифантьевской дорогѣ было выстроено золотопромышленниками 6 зимовьевъ. Въ 1883 г. казна отдавала ихъ съ торговъ, но потомъ, по ходатайству золотопромышленниковъ, велѣно было передать зимовья въ ихъ пользу. Въ 1884 г. золотопромышленники нанимали подрядчиковъ для содержанія зимовьевъ и платили имъ отъ 75 до 700 р. за зимовье, смотря по разстоянію отъ Енисейска ⁴⁾. Зимовщики обязаны были содержать въ исправности дорогу и помѣщеніе и имѣть своихъ лошадей для провоза почты и пассажировъ за опредѣленные прогоны. Здѣсь рабочимъ приходилось платить за фунтъ сухарей по 9 к., за фунтъ ржаного хлѣба отъ 9 до 15 к., за кринку молока 20—30 к., за шкаликъ водки на половину съ водой 20—60 к. ⁵⁾.

Въ деревнѣ Нифантьевой (на правомъ берегу Енисея, гдѣ былъ устроенъ перевозъ на лѣвую сторону) пропившіеся и обобранные рабочіе встрѣчали уже иной разъ предложенія вновь наняться на промысла, причемъ бывали и такіе наемщики, у которыхъ рабочіе подписывали предварительное условіе съ обязательствомъ наняться у того, у кого наемщикъ возьметъ подрядъ найма рабочихъ, такъ что, подписыв-

¹⁾ „Сиб. Газ.“ 1884 г. № 45, стр. 1100.

²⁾ „Сиб. Газ.“ 1883 г. № 2, стр. 43.

³⁾ „Сиб. Газ.“ 1883 г. № 46, стр. 1176.

⁴⁾ Въ 1891 г. зимовщики получали болѣе высокое вознагражденіе.

⁵⁾ „Сиб. Газ.“ 1882 г. № 35, стр. 848, „Вост. Обзор.“ 1882 г. № 86, стр. 7, 1884 г. № 13, стр. 8.

вая предварительное условіе, рабочій даже не зналъ, на какихъ промыслахъ ему придется работать. Во время выхода рабочихъ въ Нифантьевскую деревню наѣзжали изъ Енисейска торгаша и сбывали рабочихъ, которыхъ не выпускали довольно долгое время въ Енисейскъ, свои товары. Какъ только рабочіе закупали все, что имъ было нужно, застѣдатель выгонялъ ихъ на карбазъ и переправлялъ за Енисей, тамъ полиція осматривала виды рабочихъ и обыскивала ихъ и если находила золото, то подвергала аресту, а затѣмъ препровождала рабочихъ на старо-ачинскій или красноярскій трактъ ¹⁾.

Какія затрудненія и опасности встрѣчались присковымъ рабочимъ при возвращеніи съ промысловъ въ суровое осеннее время, видно изъ слѣдующаго случая. Въ 1883 г. на Ново-нифантьевской дорогѣ возлѣ Питскаго зимовья во время выхода рабочихъ паромъ, устроенный черезъ р. Питъ, поднятый отъ ненастья водой, оборвало и унесло. Когда была устроена переправа уже не на канатѣ, а на веслахъ, то этотъ другой карбазъ унесло и посадило на мель. Между тѣмъ въ это время (6 октября) на берегу скопилось до 300 человѣкъ рабочихъ, ожидавшихъ переправы. Пришлось доставлять рабочимъ съ приска сухари, и въ четырехъ лодченкахъ они переправлялись въ теченіе трехъ дней на другой берегъ ²⁾.

Въ 1871 г. генералъ-губернаторъ Синельниковъ запретилъ возвращающимся рабочимъ входить въ городъ Енисейскъ. Мѣстное чиновничество счумѣло обратить это запрещеніе въ доходную статью, беря съ рабочихъ деньги за право посѣщенія города. Вслѣдствіе такихъ обходовъ запрещенія Енисейскъ оживлялся. По улицамъ сновала масса пьяныхъ съ пѣснями и музыкой, кабаки и притоны разврата были переполнены, тутъ же рабочіе сбывали и украденное золото ³⁾. Запрещеніе рабочимъ входить въ Енисейскъ было, наконецъ, отиѣнено въ 1885 г. генералъ-губернаторомъ Восточ. Сибири гр. Игнатьевымъ.

Новѣйшія свѣдѣнія показываютъ, что при выходѣ съ промысловъ рабочіе попрежнему встрѣчаютъ много искушеній, содѣйствующихъ опустошенію ихъ кармановъ. Окружной инженеръ южно-енисейскаго округа въ отчетѣ за 1888 г. говоритъ: послѣ расчета рабочіе, не нанятые на зимнія промысловыя работы, выходятъ двумя дорогами—Мотыгинскою и Климовскою „партіями“ отъ нѣсколькихъ до 400 человѣкъ. Въ это время горнымъ исправникомъ командируются нѣсколько казаковъ для наблюденія за порядкомъ, сохраненіемъ тишины на

¹⁾ „Восточ. Обзор.“ 1882 г., № 36, стр. 7—8, 1884 г. № 13, стр. 8.

²⁾ „Сиб. Газ.“ 1883 г. № 46, стр. 1176.

³⁾ „Восточ. Обзор.“ 1882 г., № 36, стр. 7—8, „Устоп“ 1882 г. № 12, стр. 15, ср. „Вост. Обзор.“ 1883 г. № 50, стр. 5. и „Сиб. Газ.“ 1885 г. № 52, стр. 1432“.

зимовьяхъ, предупрежденія пьянства и картежной игры, но подобныя командировки приносятъ мало пользы, такъ какъ промысловые казаки нравственными своими качествами, пожалуй, превосходятъ самыхъ отчаянныхъ ссыльнопоселенцевъ". Расчетъ рабочихъ—самое веселое и... прибыльное время для многихъ лицъ, обрѣтающихся въ тайгѣ. Не только прїѣзжіе мелочные торговцы, но и нѣкоторые изъ золотопромышленниковъ устраиваютъ на перекрестныхъ дорогахъ походныя лавки, въ которыхъ можно найти (конечно, не каждому) все что угодно. Здѣсь рядомъ съ какимъ-нибудь... кускомъ ситца запрятано нѣсколько ведеръ спирта"... 1). Эксплуатація рабочихъ, выходящихъ съ промысловъ, не прекращается и за предѣлами тайги. По свидѣтельству доктора Крутовскаго, „по низовью Ангары и по енисейскому тракту цѣлый рядъ селеній живетъ и кормится исключительно выходомъ осевью рабочихъ"; жители этихъ селеній называютъ обирание рабочихъ „своею жатвою“, дающею имъ хлѣбъ на цѣлый слѣдующій годъ 2).

По окончаніи лѣтней операціи тутъ же на пріискахъ стараются нанять необходимое количество рабочихъ, для зимнихъ работъ 3), причемъ дѣло не обходится безъ выдачи въ счетъ задатка извѣстнаго количества спирта. „Вездѣ на всѣхъ пріискахъ“, говоритъ г. Уманьскій (я не слышалъ объ исключеніяхъ, хотя и могутъ найтись праведники), часть задатка при наймѣ въ тайгѣ выдается спиртомъ по нѣсколько бутылокъ на брата, который вписывается въ расчетный листикъ подъ наименованіемъ „особыхъ припасовъ“ (стр. 64). То же подтверждаетъ и крестьянинъ Реймерсъ. Рабочіе, не возвращающіеся послѣ осенняго расчета въ деревню, писалъ онъ въ 1880 г., „занимаются къ тѣмъ золотопромышленникамъ, которымъ необходимо производить развѣдку пріиска, вскрышу глубокихъ торфовъ, проведеніе канавъ, ортовыя и шахтовыя работы для добычи песковъ для лѣтней промывки, постройку машинъ и проч.“ При этомъ они требуютъ, чтобы имъ дали до 10 дней отдыха, а „главное, выдачи имъ вмѣсто денегъ отъ 7 до 10 бутылокъ спирта 4)..., назначая цѣну за бутылку 2 р.“ Въ расчетный листъ рабочаго вносится общая сумма „за подати, одежду и отпущенный спиртъ“, т.-е.,

1) Арх. Томск. Горн. Упр. дѣло 1888 г. № 31/2, л. 466—469. Новѣйшія свѣдѣнія см. въ „Сиб. Вѣстн.“ 1892 г. № 49, стр. 3—4.

2) „Отчетъ общества врачей Енисейской губерніи за 1889—90 г.“, протоколъ № 11, стр. 3.

3) Часть рабочихъ, не оставаясь на всю зиму, остается для осеннихъ работъ. Такъ, въ 1888 г. въ сѣверно-енисейскомъ округѣ, по отчету окружного инженера, изъ 3.776 рабочихъ осталось для осеннихъ работъ (вскрыши торфа) 612 чел., а на зиму для производства развѣдокъ осталось только 204 чел.

4) Г. Уманьскій, подтверждая выдачу нѣсколькихъ бутылокъ спирта при осенней наемкѣ упоминаетъ и о денежныхъ задаткахъ въ 10—15 р. (стр. 156).

выдача большого количества спирта прикрывается огульной записью, въ которой главную роль какъ будто играетъ выдача на подати и одежду¹⁾.

Число рабочихъ, оставшихся на промыслахъ на весь годъ, по официальнымъ свѣдѣніямъ, было слѣдующее: въ сѣверной части Енисейскаго округа—въ 1879 г. 1745 чел. м. п. (изъ 6221 чел. м. п., бывшихъ въ этомъ году на лѣтней операціи, это составляетъ 28%), въ 1880 г.—228 чел. м. п. (4% мужчинъ), въ 1881 г.—480 чел. рабочихъ об. п. (8%), въ 1883 г.—575 ч. м. п. (14%), въ 1884 г.—589 ч. (13%), въ 1886 г.—245 ч. м. п. (7%), въ 1887 г. 282 ч. (8%), въ 1888 г.—204 ч. (5%), въ 1889 г.—59 ч. (1,6% мужчинъ), въ 1890 г.—72 ч. (2,2% мужчинъ).

Въ южной части Енисейскаго округа оставалось на промыслахъ на весь годъ: въ 1879 г.—1556 человекъ м. п. (25%), въ 1883 г.—1614 ч. (35%), въ 1884 г.—1200 ч. (33%), въ 1886 г.—1700 ч. (34%), а въ 1890 г.—2991 ч. об. п. (50%, очевидно—всего прискоковаго населенія)²⁾. Такимъ образомъ, въ южно-енисейскомъ округѣ количество рабочихъ, остававшихся на весь годъ, въ теченіе 80-хъ годовъ значительно увеличилось и было гораздо болѣе, чѣмъ въ сѣверно-енисейской системѣ: это объясняется довольно значительнымъ развитіемъ въ этой системѣ подземныхъ работъ, а также вѣроятно и болѣе легкимъ допущеніемъ семействъ рабочихъ на промысла³⁾.

Вознагражденіе за трудъ зимою, какъ мы видѣли, было гораздо менѣе лѣтняго. „Зимняя плата общеконтрактныхъ рабочихъ“, говоритъ г. Уманскій, „ничтожна даже по сравненію съ городскою, принявъ во вниманіе таежныя цѣны... Зимній рабочий почти неизбѣжно входить въ долгъ и задолжалъ бы еще больше, если бы на большинствѣ присковъ заборъ не ограничивался управляющимъ или хозяиномъ, которые выдаютъ товары изъ амбара съ расчетомъ, чтобы рабочий не зарвался сильно, что могло бы его побудить весною къ побѣгу“... „На зимнія работы нанимаются въ большинствѣ случаевъ самые невоодержимые изъ рабочихъ, получающіе задатокъ на будущую операцію въ тайгѣ и пропивающіе его вмѣстѣ съ оставшимися отъ прошлой операціи деньгами. Такіе рабочіе живутъ въ тайгѣ безвыходно по 10—15 лѣтъ на одномъ и томъ же прискѣ, такъ какъ безпаспортность ставить ихъ въ полную зависимость отъ хозяевъ“ (стр. 70, 74).

Дѣйствительно, значительная часть рабочихъ многіе годы проводятъ на промыслахъ. Такъ напр., на Новомаріинскомъ прискѣ К^о Базилевскаго и Ратькова-Рожнова оказалось, что изъ 77 рабочихъ 30 человекъ (39%) перебивали на прискахъ отъ 1 года до 5 лѣтъ, 18 ч.

¹⁾ Арх. Горн. Департ., отдѣленіе частн. золотопр., дѣло 1880 г. № 71.

²⁾ Отчеты Горн. Испр. и окруж. инж.; „Горн. Журн.“ 1891 г., № 12, стр. 520.

³⁾ Въ 90-хъ годахъ на промыслахъ Асташева (южно-енис. окр.) была устроена зимняя теплая промывка золота. См. „Вѣстн. Золот.“ 1894 г., стр. 15, 1895 г., стр. 294, 1896 г., стр. 14; „Сиб. Вѣстн.“ 1895 г., № 180.

(24%) отъ 6 до 10 л., 10 ч. (13%) отъ 12 до 15 л., 12 ч. (16%) 16—20 л., 6 ч. (7%) 21—26 л. и 1 ч.—даже 40 л.! Золотопромышленникъ Черемныхъ свидѣтельствуесть, что это явленіе не исключительное; „какой огромный процентъ рабочихъ“, говоритъ онъ, „не выходить съ промысловъ по 5, 10, 15 и даже 20 лѣтъ и жить здѣсь безвыходно!“¹⁾.

---

¹⁾ „Вѣсти. Золотопр.“ 1892 г. № 11, стр. 153—154.

ГЛАВА VI:

Общеконтрактные рабочіе и ссыльнокаторжные на промыслахъ Олекминскаго округа съ 1870 до начала 1890-хъ гг.

Наемъ рабочихъ.—Задатки.—Путь на пріиски.—Контракты.—Техника работъ.—Доходы предпринимателей.—Продолжительность рабочаго дня.—Подземныя работы.—Величина уроковъ.—Старательскіе работы.—Вознагражденіе за трудъ.—Подъемное золото.—Жилища и пища рабочихъ.—Винныя порціи.—Продажа вина на пріискахъ.—Спиртоносы.—Пріисковые лавки.—Таксы.—Условія нравственной жизни рабочихъ.—Гигіеническія условія.—Медицинская помощь.—Несчастные случаи и вознагражденіе за нихъ.—Школы.—Наказанія.—Горная администрація.—Побѣги рабочихъ.—Величина валового заработка.—Додача.—Выходъ рабочихъ съ промысловъ.—Ссыльнокаторжные рабочіе.

Наемъ рабочихъ на промысла Олекминскаго округа, какъ и въ другихъ горныхъ округахъ, производится частью на самихъ промыслахъ по окончаніи лѣтной операціи, частью въ разныхъ мѣстахъ Сибири. Въ началѣ 1872 г. якутскій губернаторъ писалъ генералъ-губернатору Восточной Сибири: „Нѣкоторыя изъ пріисковыхъ управленій“, по окончаніи операціи „дозволяютъ своимъ приказчикамъ заманивать рабочихъ въ тайгу бесплатною чаркою, а затѣмъ сплавляютъ ихъ на ихъ же счетъ до потери соображенія и вербуютъ невыгодными для рабочихъ условіями, которыхъ послѣдніе ни разсмотрѣть, ни сообразить во время найма не въ состояніи, и узнаютъ обязательность и невыгодность ихъ только впоследствии, по тягости работъ и принудительнымъ мѣрамъ къ выполненію таковыхъ съ совершеннымъ изнуреніемъ силъ“¹⁾. Циркуляромъ генералъ-губернатора того времени было предписано не производить найма въ Витимской волости (Киренскаго округа) и въ Нохтуй-

¹⁾ Арх. Иркут. Горн. Упр. К. 2549. № 126—71, л. 156.

скомъ селеніи (Олекминскаго окр.) рабочихъ, принадлежащихъ къ другимъ волостямъ (въ этихъ двухъ мѣстахъ происходили, какъ мы увидимъ, особенно сильныя кутежи по выходѣ рабочихъ съ промысловъ), а нанимать ихъ въ мѣстахъ причисленія; однако это воспрещеніе было впоследствии забыто.

Но и въ мѣстахъ причисленія наемъ рабочихъ представлялъ весьма грустную картину. Олекминскій горный исправникъ въ отчетѣ за операцію 1873—74 г., указавъ на то, что контингентъ присковыхъ рабочихъ преимущественно состоитъ изъ ссыльно-поселенцевъ и бывшихъ ссыльно-ваторжныхъ, говоритъ: „Находясь въ мѣстахъ причисленій въ самомъ жалкомъ положеніи, частью по лѣности, дурнымъ наклонностямъ, пьянству и т. п., частью по недовѣрію вообще къ нимъ мѣстнаго населенія, эти парии, при появленіи присковаго довѣреннаго, съ радостью „рукоприкладствуютъ“ къ промысловымъ контрактамъ, никогда не читая ихъ, торопясь получить задатокъ деньгами и одеждою (обыкновенно не менѣе 50 руб.) и, такимъ образомъ, послѣ продолжительной голодовки, при лишеніяхъ въ самой необходимой одеждѣ, они сразу становятся сытыми и одѣтыми; но это благоденствіе продолжается не долго—много два три дня; затѣмъ все полученное въ задатокъ поголовно пропивается тутъ же до необходимости вновь идти къ нанимателю съ просьбою о выдачѣ второго комплекта одежды... Буйство и возмутительные въ это время поступки рабочихъ извѣстны всей Сибирѣ“¹⁾.

Для найма рабочихъ въ промысловъ золотопромышленныя компаніи отправляли своихъ довѣренныхъ, снабжая ихъ подробными инструкціями. Такъ Прибрежно-Витимская К^о дала подобную инструкцію довѣренному, отправленному для найма рабочихъ на операцію 1872—73 г. въ Киренскомъ, Верхотенскомъ, Балаганскомъ и др. округахъ, въ которой было предписано давать задатки отъ 40 до 45 руб., Иркутскихъ мѣщанъ не нанимать, кромѣ бывшихъ уже на промыслахъ и извѣстныхъ своимъ поведеніемъ, не нанимать рабочихъ старѣе 55 лѣтъ, а также тѣхъ людей, „на паспортахъ и билетахъ которыхъ имѣются надписи о ихъ неблагонадежности“, или которые значатся въ спискѣ, выданномъ довѣренному. При этомъ ему было дано три списка: 1) неспособныхъ рабочихъ, бывшихъ на прискахъ К^о Промышленности; 2) рабочихъ, которыхъ „по разнымъ случаямъ не слѣдуетъ нанимать въ работу“, и 3) рабочихъ, находящихся на промыслахъ Ленскаго золотопромышленнаго Т-ва въ операцію 1871—72 г., замѣченныхъ „въ уклончивости отъ работъ, лѣности, грубостяхъ и совершенно неспособныхъ къ горнымъ работамъ“. Изъ этого видно, что золотопромышленныя компаніи

¹⁾ Арх. Ирк. Горн. Упр. К. 2566, № 206—152, л. 50 об.—51.

обмѣнивались между собою списками дурныхъ рабочихъ, желая обезопасить себя отъ ихъ найма ¹⁾. Въ это время довѣренныя встрѣчали иногда затрудненія въ наймѣ ²⁾.

Но въ концѣ концовъ дѣло налаживалось, и довѣренный доносилъ, что нанято столько-то „штукъ“, хотя затѣмъ начинались жалобы на неявку рабочихъ, трудность „выгонки“ и проч. Въ свою очередь, рабочіе жаловались на неправильные вычеты довѣренныхъ и т. п. ³⁾

Въ официальномъ отчетѣ о золотопромышленности въ Восточной Сибири за 1879 г. о наймѣ рабочихъ на промысла Олекминскаго округа сказано: Въ Витимской системѣ „самый значительный наемъ рабочихъ производится К^о Базанова, Сибирякова и Нѣмчинова въ Енисейской и Томской губерніяхъ... Прочіе золотопромышленники производятъ наемъ изъ рабочихъ, рассчитавшихся съ другихъ присковъ Олекминской и Витимской системъ, а также изъ Иркутской губерніи и Якутской области. Въ Олекминскомъ исправничествѣ рабочіе нанимаются большею частью въ Иркутской губерніи и областяхъ Якутской и Забайкальской“. По словамъ отчета за слѣдующій годъ, наемъ рабочихъ для присковъ Олекминскаго округа, включая... и витимскіе приски, въ послѣднее время производится большею частью на самыхъ прискахъ изъ числа желающихъ остаться на слѣдующую операцію. Кромѣ того наемъ дѣлается въ г. Иркутскѣ, въ Качугскомъ и Витимскомъ селеніяхъ и даже въ Забайкальской области, въ Томской и Енисейской губерніяхъ. Въ видѣ опыта К^о Базанова и Сибирякова командировала одного служащаго въ Вятскую губернію для найма до ста человекъ... плотниковъ“ ⁴⁾. Часть крестьянъ европейской Россіи нанималась и въ Томскѣ, куда они пріѣзжали въ качествѣ извозчиковъ ⁵⁾.

Въ 80-хъ гг. наплывъ рабочихъ все болѣе увеличивался, и наемъ ихъ постепенно стали производить все въ большей степени на самыхъ промыслахъ. Въ 1885 г. горный исправникъ Олекминской и Витимской системъ донесъ Якутскому губернатору, что въ 1883—84 гг. въ Витимской системѣ и въ Витимской волости замѣтенъ громадный наплывъ людей, ищущихъ заработка. Вслѣдствіе этого наемъ рабочихъ „преимуще-

¹⁾ Арх. К^о Промышленности, дѣло № 454. Подобныя же инструкціи, съ ничтожными вариантами, давались и въ слѣдующіе года.

²⁾ Въ ноябрѣ 1872 г. довѣренный Прибрежно-Витимской К^о донесъ, что „по Ленѣ въ волостяхъ рабочихъ было очень мало, да и то все должники разныхъ компаній... Я удивляюсь, куда подѣвались люди: прежде, бывало, какъ только пріѣдешь, то сейчасъ начнутъ ходить къ найму“.

³⁾ См. рассказъ рабочаго, нанявавшагося на приски Сибирякова, Базанова и Нѣмчинова въ газетѣ „Сибирь“, 1878 г. № 4, стр. 2.

⁴⁾ Дѣло Горн. Деп.

⁵⁾ Арх. Иркут. Горн. Упр. К. 2765, № 37—30, л. 48.

ственно производится на пріискахъ ¹⁾ изъ рабочихъ, изъявившихъ желаніе оставаться на другую операцію, рассчитанныхъ изъ другихъ компаній и приходящихъ на промысла по волѣ; „нѣкоторые нанимали чрезъ своихъ довѣренныхъ въ Витимѣ (запрещеніе этого, состоявшееся въ началѣ 70-хъ гг., утратило со временемъ силу) и на Мачинскихъ резиденціяхъ, а недостающее число пополнялось въ Якутской области и Иркутской губерніи ²⁾. „Практиковавшійся ранѣе способъ“ найма посредствомъ посылки довѣренныхъ „въ отдаленныя губерніи Сибири и частью Россіи, какъ невыгодный для К^о, вслѣдствіе большихъ затратъ и вслѣдствіе того, что, недостатка въ рабочихъ не ощущается при наймѣ ихъ на пріиска, оставленъ“ ³⁾. Объ этомъ явленіи—увеличеніи наплыва рабочихъ на пріиски Олекминскаго округа въ 80-хъ и 90-хъ гг., мы встрѣчаемъ цѣлый рядъ официальныхъ и неофициальныхъ свидѣтельствъ. „За послѣднія пять лѣтъ“, писалъ съ этихъ пріисковъ корреспондентъ газеты Сибирь“ въ 1887 г., „замѣчается усиленное движеніе рабочихъ на промысла, преимущественно изъ Западной Сибири и даже внутреннихъ губерній Россіи, которое съ каждымъ годомъ усиливается и вытѣсняетъ съ промысловъ прежній ссыльный элементъ; движеніе это объясняется распространившеюся ложною молвою о пресловутыхъ пріисковыхъ заработкахъ“ ⁴⁾. Въ 1892 г. набралось такъ много рабочихъ изъ голодающихъ мѣстностей Тобольской губерніи, что около 800 человекъ осталось безъ дѣла и увеличило собою массу бродячаго народа на пріискахъ и въ Витимѣ ⁵⁾. При этомъ рабочіе рисковали быть высланными изъ Витимска, такъ какъ полиція не допускаетъ такого скопленія людей безъ занятій ⁶⁾. „Въ тайгѣ такой наплывъ рабочихъ“, свидѣтельствовалъ витимскій горный исправникъ Траскинъ въ 1894 г., „что положительно нѣтъ отъ нихъ никакого отбоя... Я неоднократно писалъ и просилъ установить по р. Ленѣ заставы (!) ⁷⁾, дабы

¹⁾ Это замѣтно было уже и въ 1881 г. Арх. Ирк. Горн. Упр. К. 2766, № 37—45, л. 256. Въ 1880 г. было нанято внѣ пріисковъ только 33% рабочихъ, въ 1881 г. — 38%, въ 1882 г. — 47%. „Прилож. I къ вѣстн. I Сборн. оффич. докум. по управл. Вост. Сиб.“, т. VII, Отч. Горн. Отд. за 1882 г., прил. № 3.

²⁾ Отчасти конечно и въ Енисейской, Томской и Тобольской. „Памят. книжка Якут. обл.“ на 1891 г., стр. 108.

³⁾ Арх. Витим. Горн. Исправ., дѣло 1885 г. № 17; Арх. Ирк. Горн. Упр. К. 2772, № 135—124, л. 185.

⁴⁾ „Сибирь“ 1887 г., № 14—15, стр. 15—16.

⁵⁾ „Восточ. Обзор“, 1892 г. № 31, стр. 4. Такъ что изъ населенныхъ мѣстъ нанимали только въ Витимѣ и Иркутскѣ. „Сибир. Вѣстн.“ 1892 г. № 51. Справ. Крѣжевъ, „Письма объ обитателяхъ Олекм. тайги“, „Русск. Живн“, 1894 г., № 84.

⁶⁾ „Вост. Обзор.“ 1896 г. № 27, стр. 2.

⁷⁾ Мѣстный горный инженеръ говоритъ, что въ 1892 г. „были приняты даже мѣры не допускать лишній народъ въ тайгу, оказавшіяся къ счастью ненужными“ „Вѣстн. Зол.“ 1893 г. № 2, стр. 31.

не пропускать рабочихъ въ тайгу, но, не смотри на это, изъ Россіи—симбирцы, нижегородцы, вятчи, пермяки, пензенцы и уфимцы, со всей Сибири, даже и съ Амура, гдѣ есть свои богатые золотые промысла, рабочіе тянутся въ Витимскую систему. Я въ своей жизни много ѣздилъ, много видѣлъ, но такого народнаго стремленія въ теченіи многихъ лѣтъ въ одно мѣсто я нигдѣ не видѣлъ¹⁾. Иногда въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и ранѣе замѣчалось лихорадочное стремленіе народа на прински. Въ 1879 г. число рабочихъ на промыслахъ Олекминскаго округа достигло небывалой цифры: около 10.000 чел. Соответственно этому особенно усердно производился и наемъ осенью 1878 г. Населеніе Красноярскаго и Ачинскаго округовъ было рѣшительно охвачено „золотою лихорадкою“: „олекминскіе наниматели... не десятками отсыпали задатки, а сотнями“. Крестьяне бросали свои хозяйства и закабаливали себя въ работу. Въ одной подгородной деревнѣ крестьянинъ, имѣвшій хорошее хозяйство, работавшій на девяти лошадахъ, распродалъ все, что имѣлъ, и нанялся на Олекму,—и это былъ не единичный фактъ²⁾.

Съ увеличеніемъ наплыва рабочихъ ихъ оказывалось для многихъ компаній достаточное количество на самихъ промыслахъ и нанимать въ другихъ мѣстахъ не приходилось. „Даже большія дѣла обходятся теперь безъ найма извнѣ“, читаемъ мы въ запискѣ г. Михайлова (1890 г.), „а если и нанимаютъ, то лишь незначительное число рабочихъ. Такъ въ К^о Промышленности въ 1889 г. внѣ принсковъ вовсе не было наемки“.

5 сентября 1891 г. я присутствовалъ при наймѣ рабочихъ на Бодайбинской резиденціи К^о Промышленности (на р. Витимѣ). Наемъ начался съ 25 августа и сопровождался медицинскимъ осмотромъ, который производилъ фельдшеръ. Рабочіе раздѣвались въ сѣняхъ и голые входили въ комнату. При мнѣ у одного рабочаго фельдшеръ нашелъ грыжу, и его не наняли; у другого оказались на шей пластыри; его рѣшили полѣчить, и фельдшеръ приказалъ ему придти опять черезъ три дня, не нанимаясь въ другихъ компаніяхъ. При наймѣ наводили справки въ такъ называемой „грязной“ книгѣ, куда исправникъ съ 1882 г. заносилъ всѣхъ рабочихъ, въ чемъ нибудь провинившихся. На вопросъ мой, сообщаются ли свѣдѣнія изъ этой книги и другимъ золотопромышленникамъ, резидентъ К^о Промышленности отвѣчалъ, что исправникъ и радъ былъ бы, чтобы ею руководствовались, но нанимаютъ, кого случится. Женатыхъ рабочихъ резидентъ К^о Промышленности на этотъ разъ не нанималъ, такъ какъ стремились уменьшить число женатыхъ до 50%. Нѣсколькими днями позже я присутствовалъ

¹⁾ „Вост. Обзор“, 1894 г., № 28.

²⁾ „Сибирь“, 1878 г., № 45—46, стр. I.

при наймѣ рабочихъ и на главномъ стану К^о Промышленности. Всего для работъ этой и Прибрежно-Витимской К^о нужно было 2 тыс. рабочихъ; около тысячи рабочихъ осталось отъ прежней операціи; изъ остальной тысячи около 250 чел. К^о по разнымъ причинамъ не хотѣла вновь нанять ¹⁾, другіе сами не захотѣли остаться, но эта тысяча была легко замѣнена новыми рабочими (наемъ продолжался съ 25 августа по 10 сентября). Я видѣлъ, какъ при этомъ нѣкоторые рабочіе униженно просили принять ихъ вновь; однихъ брали послѣ нѣкотораго наставленія, другимъ, особенно „говорунамъ“, „грубиянамъ“ и т. п., рѣшительно отказывали. Во время найма на промыслъ Бодайбинской К^о многіе рабочіе были выпивши. Въ Ленскомъ Т-вѣ наемка производится въ теченіе всей операціи, но наибольшее количество рабочихъ въ операцію 1893—4 г. было нанято въ маѣ и іюнѣ, а затѣмъ въ сентябрѣ; въ операцію 1894—5 въ іюнѣ и іюлѣ ²⁾.

Въ 1874 г. задатокъ деньгами и одеждою при наймѣ вѣ промысловъ обыкновенно былъ не менѣе 50-ти рублей, а къ прибытію на приискъ послѣ забора на пути и разныхъ путевыхъ расходовъ доходилъ до 75—150 руб. ³⁾. Офицеръ, завѣдывавшій рабочими-арестантами въ Олекминскомъ округѣ, считалъ въ 1875 г. средній задатокъ свободного рабочаго въ 45 руб. ⁴⁾. При наймѣ въ Витимѣ въ это же время по окончаніи операціи рабочіе получали задатокъ до 60 руб. ⁵⁾. Въ 1878 г. при наймѣ въ Енисейской губерніи задатки доходили до 70 руб. ⁶⁾.

Прибрежно-Витимская К^о въ 1872 г. въ инструкціи довѣренному предписывала давать задатки при наймѣ въ Иркутской губерніи 40—45 руб., въ дѣйствительности же выданные имъ задатки колебались между 8 и 60 рублями. Въ инструкціяхъ той же К^о за 1873—74 гг. предписывалось давать задатки въ 45—50 руб., а должникамъ компаніи 10—15 руб. ⁷⁾. Изъ списка рабочихъ-должниковъ Прибрежно-Витимской К^о 1882 г. видно, что рабочіе получили при наймѣ въ задатокъ, на одежду и проч. отъ 2 до 131 руб., въ среднемъ 73 р., товарами и деньгами въ дорогѣ отъ 3 до 157 руб., въ среднемъ 38 р., и уплачено за провозъ отъ 53 до 215 руб. (лишь за нѣсколько человекъ не было

¹⁾ Напр., не хотѣли брать самовольно прогулявшихъ отъ 3 до 10 рабочихъ дней въ году.

²⁾ „Вѣстн. Золот.“ 1895 г. стр. 381, 1896 г., стр. 188. Въ 1894 г. въ январѣ, февралѣ и мартѣ разсчиталось много рабочихъ съ приисковъ Ленскаго Т-ва для найма на постройку сибирской жел. дор.

³⁾ Арх. Иркут. Гор. Упр. К. 2566, № 206—152, л. 50 об.—51 об.

⁴⁾ Арх. витим. горн. испр., дѣло о рабочихъ-арестантахъ 1875 г. № 5.

⁵⁾ Арх. Витим. Горн. Испр., дѣло 1875 г. № 38, л. 10.

⁶⁾ „Сибирь“ 1878 г., № 45—46.

⁷⁾ Арх. К^о Пром., дѣло № 454.

платы за провозъ), въ среднемъ 75 р.; такимъ образомъ рабочіе эти явились на приски съ долгомъ отъ 7 до 315 руб., въ среднемъ 186 р.¹⁾ Нельзя не придти въ изумленіе отъ такихъ громадныхъ долговъ, съ которыми рабочіе являлись на промысла К° Промышленности (въ Енисейскомъ округѣ мы не встрѣтили ничего подобнаго). Послѣ этого мы найдемъ скорѣе умѣренными, чѣмъ преувеличенными слѣдующія слова г. Калагеорги, штабъ-офицера для особыхъ порученій при иркутскомъ генералъ-губернаторѣ, командированнаго въ 1882 г. въ Олекминскій округъ для собранія свѣдѣній о мѣстной золотопромышленности: „Нанятые рабочіе препровождаются иногда съ мѣста найма ихъ партіями, при чемъ всѣ расходы по дорогѣ производятся нанимателями въ счетъ будущей заработной платы; расходы эти бывають очень велики, и взятые вмѣстѣ съ полученными при наймѣ задатками, *достигающими до 200 р.*, составляютъ нерѣдко сумму, которую рабочему приходится отработывать въ теченіе многихъ мѣсяцевъ“²⁾. Въ 1880 г. К° Промышленности нанимала рабочихъ въ Сибири и въ Вятской губерніи съ задатками отъ 50 до 150 руб. и даже болѣе, смотря по достоинству рабочаго, при чемъ тутъ очевидно еще не принимаются во вниманіе путевые расходы³⁾. Въ 1881 г. Прибрежно-Витимская компанія при наймѣ рабочихъ въ Енисейской губерніи давала задатки въ 50—100 руб., также не считая дорожныхъ расходовъ⁴⁾.

Съ первой половины 80-хъ годовъ, какъ мы видѣли, усиливается наплывъ рабочихъ на промысла, а вмѣстѣ съ тѣмъ долженъ былъ уменьшаться размѣръ задатковъ при наймѣ какъ на прискахъ, такъ и внѣ ихъ. Въ 1880 г. при наймѣ на промыслахъ Витимской системы давали задатки въ 5—15 руб.⁵⁾ Въ отчетѣ за 1884 г. исправникъ Витимской системы говоритъ: „задатки сами по себѣ не велики, но вмѣстѣ съ расходами по доставкѣ на приски они достигаютъ значительныхъ размѣровъ: до 100 руб. и болѣе“⁶⁾. При наймѣ на промыслахъ по окончаніи операціи въ 1882 г. давали задатки отъ 20 до 30 руб. и двѣ бутылки водки. Иногда промысловыя управленія поручали наемъ рабочихъ мѣстнымъ купцамъ-мироѣдамъ, и тѣ вмѣсто денегъ старались всучить рабочему гнилой товаръ или водку, такъ что, по словамъ рабочихъ, задатокъ значился въ листикѣ 25—40 руб., „а на дѣлѣ-то только два дня пьянъ былъ“⁷⁾. Въ промысловъ и въ

¹⁾ Арх. К° Промышл. дѣло № 1156.

²⁾ Арх. Иркут. Горн. Управ. К. 2765, № 37—30, л. 48.

³⁾ Арх. Иркут. Горн. Упр. К. 2766, № 37—45, л. 257.

⁴⁾ Арх. К° Промышл. № 1147.

⁵⁾ Арх. Иркут. Горн. Упр. К. 2766, № 37—45, л. 256.

⁶⁾ Арх. Иркут. Горн. Упр. К. 2771, № 110—100, л. 302.

⁷⁾ „Сибирская Газета“ 1882 г. № 27.

1887—89 гг. рабочіе получали задатокъ 60—100 р.¹⁾ Но такъ какъ съ наплывомъ рабочихъ на пріиски наемъ ихъ вѣ промысловъ все сокращался, то и размѣръ задатковъ уменьшался, и наконецъ стали иной разъ нанимать и вовсе безъ задатка. Въ запискѣ г. Михайлова, въ которой изложены факты, собранные во время поѣздки въ 1890 г. иркутскаго генераль-губернатора А. Д. Горемыкина на промысла Ленскаго горнаго округа, максимумъ задатка указанъ въ 45 руб., но сдѣлана оговорка, что чаще задатки въ 5, 10 и 15 руб. По словамъ главнаго управляющаго промыслами О. И. Базилевскаго въ запискѣ, поданной иркутскому генераль-губернатору (1891 г.), на резиденціяхъ наемъ „въ большинствѣ случаевъ производится безъ задатковъ или съ очень ограниченнымъ задаткомъ“, при наймѣ же вѣ промысловъ рабочій является на работу съ долгомъ въ 50—100 р. Въ дѣлѣ Базилевскаго давали въ это время настолько небольшіе задатки, что на 141 чел., нанятыхъ въ операцію 1888—89 г., пришлось въ среднемъ по 23 р. на человѣка²⁾. И по моимъ наблюденіямъ въ 1891 г. нанимались на промыслахъ съ задаткомъ въ 10 р., а то и вовсе безъ задатка. Одинъ мѣстный наблюдатель также говоритъ, что задатки въ это время часто колебались между 3 и 10 рублями³⁾. Нельзя сочувствовать тому порядку найма, когда, какъ это было въ 1882 г., рабочіе приходили на пріиски съ долгомъ въ 200—300 р., такъ какъ при этомъ несомнѣнно не мало денегъ пропадало непроизводительно—на кутежи, заборъ одежды, которая также пропивалась и проч., но теперешніе ничтожные задатки или отсутствіе задатковъ приводятъ къ тому, что пріисковыя управленія менѣе церемонятся съ рабочими и рассчитываютъ ихъ до срока найма за малѣйшую провинность. Вотъ что писалъ объ этомъ бывшій начальникъ иркутскаго горнаго управленія г. Карпинскій еще въ 1886 г.: „На нѣкоторые пріиски, гдѣ есть подъемное золото, рабочіе нанимаются охотно и даже идутъ туда безъ задатковъ, почему на такихъ пріискахъ долговъ за рабочими весьма мало,—такъ за то и пользуются же этимъ пріисковыя управленія! За малѣйшую провинность, за неповиновеніе какому-нибудь десятнику и часто не заслуживающему повиновенія, рабочаго выгоняютъ съ пріиска, не давая ему ни гроша на проѣздъ до дома и ни куска хлѣба. Результатомъ такого произвола является то, что въ теченіе пріисковой операціи третья часть рабочихъ перемѣняется: прогнанные съ одного пріиска рабочіе нанимаются

¹⁾ „Памятная книжка Якутск. обл. на 1891 г.“, стр. 109.

²⁾ Въ 1889 г., какъ видно изъ записки г. Михайлова, задатки 53 рабочихъ вмѣстѣ съ доставкою сплавомъ обошлись почти въ 33 р. на человѣка. Въ Бодайбинской же К^о въ томъ же году задатки вмѣстѣ съ доставкою на лошадахъ 104 рабочихъ составили по 138 р. на cadaго.

³⁾ „Сибир. Вѣстн.“ 1892 г. № 51.

на другой, съ котораго только-что тоже уволили рабочихъ. И такъ вся тайга переполнена шляющимися рабочими въ самое нужное для работъ время. Но это еще ничего, если прогнанный рабочий наймется на другой прискъ, а то бываетъ и такъ, что шляется отъ одного къ другому и, не попавъ нигуда, направляется на Бодайбинскую резиденцію, гдѣ для такихъ праздношатающихся людей даже устроена отдѣльная казарма, въ которой они и содержатся большею частью на счетъ К^о Промышленности. Наконецъ такіе люди добираются какъ-нибудь до селенія Витима и тутъ уже становятся положительно бичемъ приленскихъ крестьянъ: тѣ должны и накормить ихъ, и везти на своихъ лошадяхъ, лишь бы только избавиться отъ такихъ непрошенныхъ гостей. Между тѣмъ присковья управленія остаются въ сторонѣ, и какъ будто это дѣло вовсе ихъ не касается ¹⁾“). Это свидѣтельство официальнаго лица освѣщаетъ съ новой стороны вопросъ о задаткахъ: мы видѣли, какъ много ратовали и администрація, и сибирская печать противъ большихъ задатковъ, считая ихъ средствомъ закабаленія рабочихъ. Однако всѣ принимаемыя правительствомъ и администраціею мѣры не достигали цѣли, такъ какъ онѣ разбивались о конкуренцію довѣренныхъ золото-промышленниковъ во время найма рабочихъ; теперь съ наплывомъ рабочихъ они нуждаются въ золотопромышленникахъ болѣе, чѣмъ тѣ въ рабочихъ. Нужно замѣтить, что часть задатка и прежде употреблялась производительно (на уплату податей и вспомошествованіе семьѣ). Однимъ словомъ, въ первой половинѣ 90-хъ годовъ приходилось безпокоиться не о томъ, что задатки слишкомъ велики, а о томъ, что рабочіе недостаточно гарантированы отъ произвольнаго досрочнаго расчета, благодаря ничтожности задатковъ.

Укажемъ теперь размѣръ задатковъ, на основаніи имѣющихся у насъ подлинныхъ контрактовъ нѣкоторыхъ отдѣльных крупныхъ компаній Олекминскаго округа, задатковъ, выдаваемыхъ *при самомъ подписаніи контракта* и означенныхъ въ подписяхъ. Въ К^о Промышленности въ 1870 г. при наймѣ въ Витимѣ поселенцы на основаніи закона, дѣйствовавшаго до 1870 г., получали по 7 р. 50 к., а полноправные рабочіе 15—50 р.; въ 1874 г. при наймѣ на прискахъ всѣ вообще рабочіе—отъ 7 р. 50 к. до 50 р.; въ 1878 г. при наймѣ на прискахъ отъ 5 до 60 р., а нѣкоторые были наняты и безъ задатковъ. Въ договорахъ съ этою компаніею обыкновенно опредѣлялось, что сверхъ задатковъ „К^о должна уплатить за каждаго въ счетъ задатковъ окладъ податей, недонмки же за предшествовавшіе годы, если съ кого будутъ слѣдовать, должны уже удерживаться при расчетѣ, въ размѣрѣ, значущемся въ паспортахъ или билетахъ, и въ такомъ только случаѣ, если „рабочіе будутъ имѣть заслуженныя за К^о деньги“. „Взносы же на устройство осѣлости и въ экономическій капиталъ о ссыльных—2 р. 50 к.

¹⁾ „Извѣстія Восточно-Сибирскаго отдѣла Русскаго Геогр. Общества“ 1886 г. т. XVII, № № 3—4.

должны быть въ счетъ К^ч. То же опредѣлялось и въ договорахъ Бодайбинской К^о, размѣръ же задатковъ въ ея контрактахъ колебался въ 1860 г. между 15 и 50 руб., въ 1883 г.—10—40 р. (задатокъ кузнеца въ 1884 г. равнялся 75 р.), но въ 1890 г. задатки упали до 3—5 р., а нѣкоторые нанимались и вовсе безъ задатковъ. Въ договорѣ съ Базилевскимъ 1878 г. задатки равнялись 5—40 р.

Относительно взноса за ссыльно-поселенцевъ въ экономическій капиталъ и на устройство ихъ осѣдлости нужно замѣтить, что, хотя вообще, согласно съ закономъ, золотопромышленники Олекминскаго округа принимали этотъ взносъ на свой счетъ, но одинъ изъ нихъ, Плетюхинъ, пытался въ 1885 г. взыскать эти деньги съ самихъ рабочихъ, и притомъ не только съ ссыльно-поселенцевъ, но даже и съ полноправныхъ рабочихъ, за которыхъ сборъ этотъ и не полагался по закону. Это возмутило не только рабочихъ, но даже и управляющаго его промыслами Кузнецова, который въ заявленіи, поданномъ по этому поводу генераль-губернатору Восточной Сибири, писалъ: „Когда противъ подобныхъ беззаконій возстала рабочая команда Скалистаго пріиска въ 120 чел., то владѣлецъ распорядился, во-первыхъ, не выдавать никакой пищи и даже хлѣба рабочимъ, а во-вторыхъ, грозилъ... въ случаѣ несогласія рабочихъ... выдать додачу въ селѣ Витимѣ, что заградило бы рабочимъ, въ силу существующихъ порядковъ, всѣ способы наняться на другіе пріиски. Мѣрами этими въ теченіе двухъ дней голодная команда рабочихъ была приведена къ соглашенію съ расчетомъ, учиненнымъ Плетюхинымъ“. Дознавіемъ, произведеннымъ горнымъ исправникомъ, донесеніе это подтвердилось, но Плетюхинъ утверждалъ, что взысканіе въ экономическій капиталъ ссыльныхъ съ 5 человекъ мѣщанъ и крестьянъ было сдѣлано будто-бы по ошибкѣ конторщика, что же касается удержанія по 2 р. 50 ко всѣхъ поселенцевъ, то онъ считалъ это вполне законнымъ: онъ указалъ на то, что, хотя въ § 8 правилъ о наймѣ ссыльно-поселенцевъ на золотые пріиски и сказано, что золотопромышленникъ обязанъ по окончаніи работъ уплатить за каждого поселенца по 2 р. 50 к. въ экономическій капиталъ и на устройство ихъ осѣдлости, но что этотъ законъ будто бы обязываетъ золотопромышленника только представить деньги, взыскавъ ихъ съ поселенца, такъ какъ волостныя правленія не имѣютъ возможности сами производить эти взысканія. Правильность такого толкованія закона Плетюхинъ доказывалъ тѣмъ, что на увольнительномъ билетѣ поселенца прописано, что недоимка въ экономическій капиталъ состоитъ за нимъ, а не за золотопромышленникомъ. Иркутское горное отдѣленіе отвѣтило горному исправнику, что такое толкованіе закона противорѣчитъ ст. 680 XIV т. Уст. о ссыльн. и 2491 ст. VII т. Уст. Горн., гдѣ прямо сказано, что вышеупомянутые сборы въ размѣрѣ 2 р. 50 к. взыскиваются съ золотопромышленника, причемъ относительно рублевого сбора на устройство

осѣдлости ссыльнопоселенцевъ даже пояснено, что онъ не долженъ быть вычитаемъ изъ ихъ задатковъ ¹⁾).

На основаніи отчетовъ мѣстныхъ горныхъ исправниковъ 80-хъ годовъ мы можемъ опредѣлить, какой процентъ всего заработка рабочихъ составлялъ задатокъ со включеніемъ забора на пути и путевыхъ расходовъ. Въ операцію 1881 г. въ Витимской системѣ задатки составляли 15% всего заработка, въ 1882 г.—6%, въ 1883 г.—8%, въ 1884 г.—6%. Въ Олекминской системѣ въ 1883 г.—13%, въ 1885 г. во всемъ Олекминскомъ округѣ задатокъ составлялъ 5% всего заработка (отдѣльно же въ Олекминской системѣ болѣе 8%). Въ 1887 г. на промыслахъ обѣихъ системъ Олекминскаго округа задатокъ составлялъ 3% всего заработка, въ 1888 г.—4%, въ 1889 г.—3% ²⁾, въ 1890 г. въ Витимской системѣ 4,5%. Такимъ образомъ и изъ этихъ данныхъ видно пониженіе размѣра задатка въ 80-хъ годахъ.

Нанимаются рабочіе въ Олекминскомъ округѣ на одинъ годъ съ 10 сентября по 10 сентября (только въ К^о Промышленности въ 1880—83 гг. мы встрѣтили двухлѣтній срокъ, и то при наймѣ вѣ присковъ въ разныхъ губерніяхъ Сибири и на востокѣ европейской Россіи) или на одну лѣтнюю операцію, также до 10 сентября (у Плетюхина до 11 сентября). Нанимавшіеся вѣ промысловъ на лѣтнюю операцію обязывались являться въ извѣстные дни февраля или марта, въ контрактахъ же Плетюхина начало работъ назначено 11 мая. Олекминскій горный исправникъ въ отчетѣ за 1875 г. говоритъ: „Съ марта мѣсяца начинаютъ являться рабочіе, нанятые на приски, и прибыль ихъ продолжается въ апрѣлѣ, маѣ, іюнѣ, іюлѣ и даже августѣ. Последніе два мѣсяца приходятъ на приски рабочіе, нанимавшіеся на сплавъ по р. Ленѣ до г. Якутска“. Они обязываются являться или къ 1-му марта, или къ 1 апрѣля; но это условіе соблюдается очень немногими рабочими, „по большей части тѣми, которые, промотавъ полученные задатки и не имѣя возможности прокормить себя въ жилыхъ мѣстахъ, являются на Мачинскія и Бодайбинскія резиденціи золото-промышленниковъ гораздо ранѣе срока, назначеннаго имъ контрактомъ ³⁾“.

Относительно путешествія рабочихъ на промысла мы находимъ въ контрактахъ слѣдующія условія. Въ договорѣ съ К^о Промышленности 1870 г. сказано: „для того, чтобы отправиться на приски для работъ, мы должны быть готовы во всякое время и по полученіи проходныхъ видовъ обязаны явиться на сборный пунктъ, куда будетъ назначено, на собственный свой счетъ, а оттуда

¹⁾ Арх. Ирк. Горн. Упр. К. 2772, № 129—118, л. 1—6.

²⁾ „Памяти. книжка Якутск. обл. на 1891 г.“, стр. 111.

³⁾ Арх. Ирк. Горн. Упр. К. 2574, № 189—243, л. 192.

слѣдовать на приски и быть тамъ непремѣнно къ опредѣленному въ проходныхъ видахъ сроку. Если же управленіе К^о признаетъ полезнымъ отправить до сборнаго пункта въ артели съ другими на подводахъ, то эти издержки, какія на насъ по раскладкѣ причтутся, предоставляемъ удержать изъ нашей платы. Въ дорогѣ держать намъ себя трезво и прилично, подчиняясь во всемъ распоряженіямъ партіоннаго приказчика. „Въ договорѣ съ К^о Промышленности 1874 г. пояснено, что отъ сборнаго мѣста по таежной дорогѣ рабочіе должны дѣлать ежедневно переходы не менѣе 25 верстъ, а черезъ 2 дня въ третій могутъ имѣть дневку¹⁾; если пожелаетъ присковское управленіе, они должны ѣхать на подводахъ (въ счетъ ихъ заработка), сами же непремѣнно требовать подвозъ не имѣютъ права. Въ контрактѣ 1878 г. прибавлено, что сухарей по зимовьямъ они должны были получать по 3 фунта въ сутки на каждого человѣка. По контракту той же компаніи 1887 г. путевые расходы на подводахъ или сплавомъ рабочіе обязывались принять на свой счетъ, но въ размѣрѣ не болѣе 30 р.²⁾ „Суточные деньги“ на пути вмѣстѣ съ квартирными, если рабочіе продовольствовались сами, должны были получать въ счетъ ихъ заработка выбранные ими десятники, не болѣе 30 коп. въ сутки; дорогою по р. Ленѣ они должны были получать, очевидно также на свой счетъ, „половину кирпича чая на мѣсяцъ и черезъ каждое разстояніе въ 200 верстъ по 20 ф. ржаныхъ сухарей и не болѣе 1 руб. денегъ на каждого человѣка. Если же кто... не выйдетъ въ путь на промысла въ назначенный срокъ и будетъ проживать въ мѣстахъ найма или въ пути слѣдованія безъ особаго на это письменнаго разрѣшенія, то сопровождающій партію довѣренный или служащій К^о можетъ выслать таковыхъ черезъ мѣстное начальство, какъ неблагонадежныхъ, къ мѣсту работъ такимъ порядкомъ, какой найдеть для себя удобнымъ, и всѣ произведенные по отправкѣ такимъ способомъ расходы виновный долженъ принять въ счетъ своей заработной. Если бы кто въ пути до пристани „Виска“ заболѣлъ и находился бы гдѣ либо на излѣченіи, то всѣ расходы по излѣченію его онъ долженъ принять на собственный счетъ. При дальнѣйшемъ слѣдованіи въ зимнее время отъ пристани „Виска“ до промысловъ К^о, выдается намъ на весь путь по половинѣ кирпича чая, по 1 ф. соли повареной и на каждыя сутки по 3 ф. ржаныхъ сухарей за счетъ К^о въ мѣстахъ, указанных въ выдаваемыхъ на полученіе сухарей, такъ называемыхъ сухарницъ. При слѣдованіи отъ мѣста найма до присковъ“ пѣшими „рабочіе обязывались проходить ежедневно въ жилыхъ мѣстахъ не менѣе 25 верстъ, а по р. Ленѣ и Витиму одного станка въ сутки, съ дневками черезъ каждые два дня на третій“. Платы за время слѣдованія рабочихъ до промысловъ никакой не полагалось; но по прибытіи на пристань „Виска“, если ихъ будутъ употреблять въ работу, отъ которой они не имѣли права уклоняться, имъ полагалась плата, существовавшая въ К^о Ленско-Витимскаго пароходства и полное на ея счетъ содержаніе.

Въ контрактѣ съ Бодайбинскою К^о 1883 г. рабочіе обязывались отправиться изъ Иркутска 13 августа, принимали на свой счетъ расходы на пропитаніе и сплавъ отъ Качугской пристани до резиденціи „Виска“ и оговаривали, что

¹⁾ По договорамъ съ Малонагомскимъ Т-вомъ 1880 г. и Чаринскимъ Т-вомъ 1880 г. дневка полагалась черезъ 3 дня въ четвертый.

²⁾ По договору съ Чаринскимъ Т-вомъ 1880 г. и наследниками Трапезникова 70-хъ и 80-хъ гг.—не болѣе 20 р. По отчету горнаго исправника Витимской системы за 1875 г., на проходъ до промысловъ изъ волостей Иркутской губерніи, среднимъ числомъ до 1500 верстъ, тратится до 30 р. Арх. Ирк. Горн. Упр. К. 2574, № 189—243, л. 88.

во время плаванія на паузкѣ они должны получать содержаніе въ такомъ размѣрѣ: по 1 ф. мяса, по 2 ф. ржаныхъ сухарей, два раза кирпичный чай и два раза въ недѣлю кашу. Если во время плаванія по Ленѣ паузокъ, на которомъ они будутъ находиться, станетъ на мель, то они обязывались общими силами сглотнуть его, а въ случаѣ крайности даже и спуститься въ воду; грести на паузкѣ они обязались поочередно „безпрекословно и безъ всякой претензіи“¹⁾. По договорамъ съ К^о Плетюхина 1886 и 1889 гг. рабочіе обязывались явиться въ Качугъ не позже 1 мая „и въ случаѣ маловодія не должны быть въ претензіи“, если имъ придется пробыть тамъ до 15 мая, при чемъ содержаніе они должны были имѣть свое собственное. Изъ Качуга они должны были плыть на судахъ К^о до села Витимскаго. Если К^о найдетъ нужнымъ, она могла заставить рабочихъ нагружать и выгружать сплавляемые тяжести; въ такомъ случаѣ Плетюхинъ не долженъ былъ дѣлать съ нихъ вычетъ за доставку до Витима и обязанъ былъ выдавать имъ на пути содержаніе—3 ф. хлѣба или 2 ф. сухарей и 1 ф. мяса въ сутки на человѣка, доставка же отъ Витима до прииска на пароходахъ (а до открытія судоходства на подводахъ) должна быть на счетъ рабочихъ. По договору съ Ленскимъ Т-вомъ 1883 г. рабочіе въ томъ случаѣ, если бы приискское управленіе дало имъ возможность совершить путь на прииски не пѣшкомъ, а „на сухопутныхъ или рѣчныхъ подводахъ“, принимали расходы на свой счетъ въ размѣрѣ не болѣе одной копѣйки съ cadaго человѣка съ версты. До резиденціи рабочіе должны были продовольствоваться на свой счетъ, а отъ резиденціи до приисковъ (и обратно отъ Бодайбинской резиденціи до с. Витима) получать на хозяйскій счетъ по 3 ф. ржаныхъ сухарей²⁾.

Въ докладѣ предсѣдательствующаго въ Совѣтѣ Главнаго Правленія Восточной Сибири генераль-губернатору 1885 г. (когда по инициативѣ главнаго начальника тюремнаго управленія Галкина-Врасскаго началось составленіе новыхъ правилъ для найма рабочихъ на золотые промысла), было обращено вниманіе на то, что интересы рабочихъ при путешествіи ихъ на прииски вовсе не охранены контрактами: приискское управленіе можетъ потребовать, чтобы они ѣхали на подводахъ, но рабочіе требовать этого не должны; обыкновенно не указывается также, „какая сумма должна быть крайнимъ предѣломъ расходовъ рабочаго по такой поѣздѣ на приискъ. Допускать подобный произволъ нанимателя въ контрактахъ, хотя бы и заключаемыхъ добровольно рабочими, никоимъ образомъ невозможно, тѣмъ болѣе, что нельзя сказать, чтобы золотопромышленники не пользовались выговореннымъ себѣ правомъ провозить на приискъ рабочихъ на лошадяхъ“. При этомъ высшая администрація Восточной Сибири обратила вниманіе на тотъ же списокъ рабочихъ Прибрежно-Витимской К^о, нанятыхъ въ операцію 1881—

¹⁾ Въ контрактѣ Бодайбинской К^о 1890 г. правила о путешествіи рабочихъ на промысла тѣ же, что и въ К^о Промышленности.

²⁾ По договорамъ 1890—91 гг.—по 2½ ф. По контракту съ Ленскимъ Т-вомъ отъ резиденціи до прииска рабочіе обязывались дѣлать по 25 верстъ въ сутки, и черезъ каждыя двое сутокъ полагался отдыхъ въ одинъ сутки, по договору же 1894 г. дневки для отдыха были отмѣнены.

82 г., на который и мы уже указывали и изъ котораго видно, что „изъ числа 258 рабочихъ, помѣщенныхъ въ спискѣ, большинству поставленъ въ счетъ расходъ на провозъ на лошадяхъ отъ 74 до 79 р., а рабочимъ, имѣющимъ при себѣ женъ, до 150 р., по причинѣ чего долги послѣднихъ рабочихъ, еще до прихода ихъ на приски, достигаютъ 260 р.“ (даже болѣе, до 315 р.). „Нѣтъ ничего удивительнаго“, сказано далѣе въ этомъ докладѣ, „что при такихъ несправедливыхъ и неопредѣленныхъ условіяхъ контракта, при громадныхъ разстояніяхъ отъ мѣста найма рабочихъ до присковъ, при суровыхъ климатическихъ условіяхъ Сибири, при дороговизнѣ на всѣ жизненные продукты во многихъ округахъ, чрезъ которые рабочіе идутъ на приски, и при громадномъ числѣ питейныхъ заведеній во всѣхъ селеніяхъ,—часть нанявшихся рабочихъ отстаетъ на дорогѣ и не является на золотые промысла ¹⁾“. Рабочимъ, если они даже были наняты въ Иркутскѣ, дѣйствительно нужно было проходить и пробѣжать громадное разстояніе, а именно: отъ Иркутска до Бодайбинской резиденціи—1709 верстъ ²⁾ да еще до приска нѣсколько десятковъ, а то и болѣе сотни верстъ; если же рабочій шелъ, напримѣръ, изъ Томской губерніи, то ему приходилось пропутешествовать и болѣе 3000 верстъ.

Мѣстные горные исправники, какъ извѣстно, находящіеся въ матеріальной зависимости отъ золотопромышленниковъ, стараются объяснить большіе долги, съ которыми рабочіе приходятъ на промысла, только непредусмотрительностью и кутежами рабочихъ. Такъ горный исправникъ Олекминскаго округа въ отчетѣ за 1874 годъ, указавъ на кутежи рабочихъ при наймѣ, продолжаетъ: „Послѣ окончанія найма команда рабочихъ отправляется къ мѣсту большею частью въ сопровожденіи нанимателя, не имѣя уже на рукахъ наличныхъ денегъ, вслѣдствіе чего во всемъ продолженіи пути повторяется необходимость новыхъ выдать одежныхъ вещей...; слѣдованіе же рабочихъ безъ присмотра, отдѣльными артелями или въ одиночку, представляетъ изъ себя совершенно безобразную картину: ежегодно въ январѣ, февралѣ и мартѣ по ленскому пути пробѣжающимъ приходится обгонять живыя чучела, на которыхъ вмѣсто теплой одежды—мѣшокъ, набитый сѣномъ, а ноги и голова обернуты въ тряпки, причемъ, какъ согрѣвательное средство, употребляется какая-нибудь ненужная ноша“ ³⁾. Майоръ Ларіоновъ, наблюдавшій въ 1871—73 г. за выходомъ рабочихъ съ присковъ, говоритъ, что проходитъ на приски партій рабочихъ въ 100, 150 и болѣе чело-

¹⁾ Дѣло канц. Иркут. Гор. Упр. 1888 г. № 11, л. 60—62.

²⁾ „Восточ. Обзор.“ 1892 г. № 50, стр. 6.

³⁾ Арх. Иркут. Горн. Упр. К. 2566, № 206—152, л. 51. На безобразія рабочихъ, идущихъ на приски Олекминскаго округа, мы встрѣчаемъ указанія и въ печати. См. напр. „Сибирь“ 1880 г. № 11, стр. 6; „Сибир. Газета“ 1884 г. № 32, стр. 791.

вѣкъ „чрезвычайно отяготителенъ для поселянъ, черезъ деревни которыхъ они проходятъ. Кромѣ стѣсненія жителямъ, разиѣщаясь на ночлеги и дневки въ домахъ ихъ, они ничего не приносятъ; въ маленькихъ селеніяхъ такія партіи просто выживаютъ семейства домохозяевъ изъ ихъ лачужекъ; не пустить нельзя, а плата за проворнѣ самая скупая. Такимъ образомъ нанятыхъ рабочихъ провожаютъ до рѣки Лены и по Ленѣ до Орлинской волости, откуда, въ большинствѣ случаевъ, для дальнѣйшаго слѣдованія довѣренныя компаніи отпускаютъ ихъ въ разбродъ пѣшими, предоставляя всевозможныя съ ними хлопоты населенію и мѣстнымъ властямъ при понужденіи ихъ къ дальнѣйшему слѣдованію“. Нерѣдко, проматывъ теплую одежду, рабочіе, какъ это видно изъ донесеній иркутскаго и киренскаго исправниковъ въ 1873 г., „рѣшительно остаются на попеченіи населенія“, и „сельская власть должна стараться сбыть ихъ хотя при слѣдующихъ арестантскихъ партіяхъ, одѣвая отъ станцій до станцій“. Горный исправникъ Витимской системы въ отчетѣ за 1881 г. говоритъ, что отъ Качуга до села Витимскаго рабочіе отправляются сплавомъ подъ надзоромъ нанимателей на свой счетъ, а изъ Витимскаго до Бодайбинской резиденціи (около 300 верстъ) на пароходахъ на счетъ золотопромышленниковъ (но, какъ видно изъ договоровъ Плетьухина 1886 и 89 гг., это было не всегда такъ) и на ихъ же счетъ отправляются съ резиденціи до промысловъ. „Рабочіе, нанятые для К^о Промышленности и Прибрежно-Витимской, въ ноябрѣ и декабрѣ, въ Енисейской губерніи, Забайкальской области и въ Вятской губерніи, ѣхали до Усть-Кута, подъ надзоромъ служащихъ, на лошадяхъ, а оттуда шли пѣшкомъ, пропитываясь до Витимской резиденціи на свой счетъ; такимъ образомъ имъ приходилось пройти на приски пѣшкомъ до 1150 верстъ ¹⁾). Калагеорги же въ своей докладной запискѣ 1882 г. утверждаетъ, что „препровожденіе рабочихъ партіями практикуется рѣдко,—въ большинствѣ случаевъ слѣдованіе ихъ на приски предоставляется имъ самимъ на собственныя средства ²⁾“.

По договору рабочихъ съ КК^о Промышленности и Прибрежно-Витимской за работу на баржахъ и пароходахъ они получали плату и содержаніе, принатныя въ К^о Ленско-Витимскаго пароходства; а по свидѣтельству г. Карпинскаго нѣкоторые золотопромышленники этого не дѣлали; „опасаясь, что взявшіе задатки рабочіе не явятся, они собираютъ ихъ... и препровождаютъ на приски внизъ по Ленѣ на паузкахъ, внося въ разсчетныя книжки рабочихъ плату за проѣздъ и въ

¹⁾ Арх. Иркут. Горн. Упр. К. 2574, № 188—242, л. 75; 2766, № 37—45, л. 256; ср. „Горн. Журн.“ 1882 г. № 9, стр. 372.

²⁾ Арх. Иркут. Горн. Упр. К. 2765, № 37—30, л. 48.

то же время задолжая ихъ дорогой въ качествѣ рабочихъ на паузкахъ, а плату начинаютъ имъ производить только со времени прибытія на приски. Такимъ образомъ они сплавляютъ необходимые для прискоекъ припасы, пользуясь даровымъ трудомъ рабочихъ, и въ то же время берутъ съ нихъ деньги за доставку ихъ на приски¹⁾. Такъ поступалъ съ рабочими уже извѣстный намъ Плетюхинъ. Въ 1885 г. управляющій его промыслами заявилъ генераль-губернатору, что при расчетѣ рабочихъ 10-го сентября на Михайловскомъ прискѣ Плетюхина съ нихъ (въ количествѣ около 160-ти чел.) былъ сдѣланъ вычетъ отъ 5 до 10 р. съ каждого за провозъ до промысловъ, хотя это не только не было обусловлено контрактомъ, но никогда не допускалось ранѣе въ виду того, что рабочая команда, какъ нынѣ, такъ и всегда, спускала по рѣкѣ Лемѣ до селенія Витима нагруженные въ селеніи Качугскомъ паузки (барки) съ товарами и припасами, принадлежащими компаніи, а слѣдовательно занята была хозяйскою работою во все время пути. По произведенному исправникомъ дознанію самый фактъ подтвердился, но оказалось только, что вычетъ былъ сдѣланъ на основаніи условія съ рабочими²⁾.

Авторъ статьи объ олекминскихъ и витимскихъ прискахъ въ „Сибирскомъ Сборникѣ“, упоминая о томъ, что рабочіе, нанятые въ Тобольской, Томской, Енисейской и Иркутской губерніяхъ, „отправляются на приски пѣшкомъ изъ мѣста наемки и должны прибыть на приски къ началу весны... для приготовительныхъ къ промыслѣ золота работъ“, говоритъ далѣе, что „старый порядокъ передвиженія рабочихъ по Лемѣ на приски, удержавшійся и понынѣ въ большихъ компаніяхъ“, состоитъ въ томъ, что „для продовольствія рабочихъ въ пути заготавливаются сухари въ извѣстныхъ пунктахъ, въ которыхъ рабочіе должны запастись ими отъ времени до времени. Сухарей выдается по 3 ф. въ сутки, конечно, со включеніемъ ихъ въ счетъ задаточныхъ денегъ, какъ вписываются въ задатокъ и всѣ предметы изъ одежды, выданные рабочимъ во время пути. Однимъ словомъ, золотопромышленникъ“, продолжаетъ авторъ, „во всѣхъ случаяхъ доставки рабочихъ на приски“ ничего „не теряетъ.., а потому тѣ жалобы, которыя сыплются изъ устъ золотопромышленниковъ на удаленность олекминскихъ и витимскихъ прискоекъ, не имѣютъ смысла; онѣ скорѣе были бы справедливы со стороны рабочихъ, которымъ приходится ломать ноги 1700—1800 верстъ за свой счетъ и страхъ. Рабочій, нанятый въ Иркутскѣ,—мы не говоримъ уже о тѣхъ, которые идутъ изъ Тобольской и Пермской губерній,—долженъ употребить *больше ста дней*, чтобы придти на приски. Идти

¹⁾ „Извѣст. Восточ. Сиб. Отд. Геогр. Общ.“ 1886 г., т. XVII, № 3—4.

²⁾ Арх. Иркут. Горн. Упр. К. 2772, № 129—118.

приходится въ сильный холодъ по тракту, который никогда не бываетъ хорошо проторенъ, по глубокому снѣгу, доходящему до щиколки“ ¹⁾).

„Впрочемъ рабочему человѣку, идущему на приски“, продолжаетъ авторъ, „приходится испытывать не только физическія страданія, но и крайне недружелюбное отношеніе приленскихъ крестьянъ, заселяющихъ деревни по тракту. Это въ особенности отзывается на рабочихъ, идущихъ впередъ, когда пожива плоха, хотя тѣ же крестьяне охотно, съ распростертыми объятіями, встрѣчаютъ тѣхъ же людей, когда они идутъ обратно съ туго набитымъ кошелемъ. Въ озлобленіи крестьянъ, конечно, нельзя винить; они по-своему дѣйствительно правы, такъ какъ представляютъ въ большинствѣ случаевъ людей очень бѣдныхъ, забытыхъ и задавленныхъ мѣстными кулаками. При этомъ нерѣдко бываетъ, что крестьянину за его гостепріимство, часто безъ всякой платы, приходится терпѣть со стороны своихъ гостей отъ кражъ, которыя, какъ говорятъ, въ послѣднее время стали повседневнымъ явленіемъ. Этому легко повѣрить въ виду совершеннаго неимѣнія нѣкоторыми рабочими средствъ платить за квартиру и тепловое, потому что большая часть денегъ бываетъ издержана еще на мѣстѣ наемки“.

Авторъ упоминаетъ еще объ одномъ способѣ передвиженія рабочихъ на приски въ зимнее время, который, по его мнѣнію, долженъ бы быть наиболѣе предпочтительнымъ, какъ самый гуманный и справедливый. Онъ состоитъ въ томъ, что рабочіе, нанятые въ Иркутскѣ, получаютъ отъ довѣреннаго известную сумму, конечно въ счетъ будущаго заработка, покупаютъ лошадей, сани и, раздѣлившись на небольшія партіи, ѣдутъ на приски на свой счетъ. По пріѣздѣ на приски они сдаютъ лошадей той же компаніи, въ которую нанялись работать, или, если это оказывается для нихъ почему-нибудь невыгоднымъ, продаютъ на другіе приски. Въ случаѣ удачной покупки лошадей и благополучнаго путешествія, пріѣхавшіе такимъ образомъ рабочіе являются на приски здоровыми и мало задолжавшими хозяевамъ сравнительно съ тѣми, которые совершили свой путь пѣшкомъ, хотя въ томъ и другомъ случаѣ рабочіе совершаютъ путешествіе на свой счетъ ²⁾).

¹⁾ „Морозы доходятъ до 40°, сѣверные вѣтры и мятели, особенно по р. Витиму, почти ежедневны, идти рабочему приходится рѣкою по льду или карабкаться нерѣдко по скаламъ и самому пробивать тропу по дорогѣ, занесенной метелью. По приходѣ на ночлегъ рабочій не находитъ ничего утѣшительнаго: бѣдность жителей не позволяетъ ухлѣять часть своего продовольствія, а что продается, то по такой высокой цѣнѣ, что рабочимъ невольно приходится воздерживаться отъ покупокъ по недостатку для этого денежныхъ средствъ: напримѣръ, 1 ф. хлѣба стоятъ отъ 8 до 10 к., 1 ф. мяса 12—15 к., гарниръ картофеля 25—50 к., мелкая рыба 6 к. и т. д.“. Арх. Иркут. Горн. Упр. К. 2544, № 48—103, л. 291.

²⁾ „Сибирскій Сборникъ“ 1889 г., выш. 1, стр. 15—18.

Небольшіе приски пополняютъ составъ своей команды обыкновенно въ теченіе цѣлаго года изъ рабочихъ, не имѣющихъ въ тайгѣ опредѣленныхъ занятій ¹⁾.

Какимъ образомъ накопились за рабочими огромные долги, какой эксплуатациі они подвергались на пути,—видно изъ слѣдующаго. Въ газетѣ „Сибирь“ (1873 г.) напечатанъ рассказъ рабочаго относительно найма на приски Сибирякова, Базанова и Нѣмчинова; онъ долженъ былъ явиться къ 15-му іюля въ Оёкскую слободу (рабочій нанимался для работъ съ осени). „Къ назначенному сроку явились мы въ Оёкъ и прожили ровно десять дней безъ всякаго дѣла; это была новая доходная статья довѣреннаго: онъ за каждыя сутки вычиталъ съ рабочаго по 40 коп., хотя всѣ они были на своихъ харчахъ. Потомъ началось снабженіе одеждой прокутившихся горемыкъ; кто не имѣлъ верхней одежды, долженъ былъ брать арестантскіе халаты съ тузомъ и отдавать за перебивку каждаго по 4 руб., хотя они были куплены по 70 коп., также и всякую вещь, на которую были наложены весьма порядочные проценты“. Во время пути, пользуясь слабостью рабочихъ къ крѣпкимъ напиткамъ, довѣренный позволялъ продавать водку въ обмѣнъ на одежду и обувь, такъ какъ у нихъ не было наличныхъ денегъ. Принятая одежда поступала обратно въ руки довѣреннаго, который опять продавалъ ее рабочимъ по прежней цѣнѣ. За подводы онъ бралъ по 7 р. 25 к. за 200 верстъ съ каждаго человѣка. На р. Ленѣ для нихъ были куплены паузки (дошаники) по 150 р. за каждый. Въ каютѣ довѣреннаго находилась бочка съ водкой, за стаканъ которой рабочіе платили 10 к. Питьей служили сухари съ порядочной долей мякины и по фунту солонины на человѣка. Во время путешествія по р. Витимѣ рабочимъ давали одни сухари. За 20 верстъ до Бодайбинской резиденціи ихъ высадили вслѣдствіе мелководья, и пришлось брести пѣшкомъ. Дѣлать привалы не дозволялось. Тутъ пришлось продавать разныя вещи и одежду акутамъ за безцѣвое. Нѣкоторые для того, чтобы нести вещи и дѣтей, нанимали рабочихъ ²⁾.

Относительно продовольствія на пути въ контрактахъ съ золотопромышленниками мы находимъ слѣдующія постановленія. По договору 1870 г. К^о Промышленности при слѣдованіи отъ Витимской резиденціи до промысловъ и обратно по тайгѣ, рабочіе должны были получать на счетъ К^о по 3 ф. сухарей на человѣка въ день. Въ договорѣ 1874 г. той же К^о пояснено, что во время слѣдованія отъ мѣста жительства до резиденціи и обратно рабочіе должны имѣть свою пищу. Въ договорѣ 1887 г. той же К^о мы находимъ постановленіе о выдачѣ рабочимъ кирпичнаго чая и сухарей на пути по р. Ленѣ (въ счетъ ихъ заработка), а также отъ пристани Виска до промысловъ К^о ³⁾. Въ замѣчаніяхъ на проектъ 1887 г. найма рабочихъ на золотые промыслы Стрижевъ, одинъ изъ главныхъ служащихъ К^о Промышленности, утверждалъ, что кромѣ того въ этой К^о рабочимъ полагалось также на пути на приски по 1 ф. мяса, и онъ предлагалъ сдѣлать это общимъ правиломъ „для того, чтобы рабочій пришелъ на приски неистощеннымъ и необремененнымъ отъ плохого питанія въ дорогѣ“. По договору К^о наслѣдниковъ Трапезникова еще въ 70-хъ гг., кромѣ ржаныхъ сухарей, рабочіе на пути отъ

¹⁾ „Памят. Книж. Якут. Обл. на 1891 г.“, стр. 108.

²⁾ „Сибирь“ 1873 г., № 4—5.

³⁾ При выходѣ же съ промысловъ до Витима полагалось давать только соль и сухари по 3 ф. въ день на человѣка.

резиденціи до присковъ должны были получать по $\frac{1}{4}$ кирпича чаю въ недѣлю, а при выходѣ съ присковъ до резиденціи чая не полагалось. Въ отличіе отъ другихъ компаній въ контрактѣ Вѣрнаго Т-ва рабочіе обязывались на пути отъ резиденціи до присковъ и обратно, т.-е. нежилою тайгой, имѣть собственное продовольствіе.

Когда генералъ-губернаторъ Восточной Сибири бар. Фредериксъ учредилъ въ 1876 г. временный комитетъ по вопросу объ устраненіи разныхъ безпорядковъ на промыслахъ, то относительно путевого довольствія рабочихъ золотопромышленники большинствомъ голосовъ согласились на бесплатное снабженіе ихъ на пути не только хлѣбомъ и сухарями, но также чаемъ и приваркомъ при проходѣ отъ резиденціи до присковъ, а при возвращеніи оттуда съ платою по таксѣ, при чемъ хлѣбъ и сухари должны были отпускаться также бесплатно. Въ своемъ циркулярѣ отъ 22 апрѣля 1877 г., напечатанномъ въ „Иркут. Губ. Вѣдом.“ (№ 34), бар. Фредериксъ объявилъ объ этомъ, и улучшеніе въ пищевомъ довольствіи рабочихъ на пути отъ резиденціи до промысловъ выразилось въ контрактахъ нѣкоторыхъ, но далеко не всѣхъ, компаній лишь прибавкою кирпичнаго чая, на выдачу же мяса мы не имѣемъ другихъ указаній, кромѣ приведенныхъ словъ г. Стрижева. Горный инспекторъ Витимской системы потребовалъ отъ присковскихъ управленій, чтобы они извѣстили, исполняются ли этотъ циркуляръ. Плетюхинъ отвѣчалъ: „что касается содержанія рабочихъ въ пути до приска, то не только отъ Ленско-Витимскихъ пристаней, но даже во время плаванія по р. Ленѣ, начиная отъ селенія Качугскаго до самыхъ присковъ отпускался рабочимъ въ пищу печеный хлѣбъ, а за недостаткомъ его—сухари и ежедневно по полуфунту мяса съ приваркомъ на человѣка безвозмездно“. Плетюхинъ умалчивалъ только, что рабочіе вѣроятно обязывались работать за это на его паузахъ, на которыхъ онъ сплавлялъ разныя тяжести на промысла, какъ это было по крайней мѣрѣ впоследствии. Онъ прибавилъ также, что при выходѣ съ присковъ по окончаніи работъ рабочіе получаютъ бесплатно сухари до жилыхъ мѣстъ ¹⁾.

Въ контрактахъ предусматривался случай преждевременной явки рабочего на присковую резиденцію или пребыванія на ней по разнымъ причинамъ. Въ договорѣ К^о Промышленности 1870 г. сказано: „если по явкѣ на резиденцію мы тотчасъ на приски по распутицѣ или по другимъ причинамъ отправлены быть не можемъ, то за содержаніе свое платимъ по стоющимъ цѣнамъ за припасы, а за приготовленіе пищи и отопленіе жилыхъ помѣщеній по 60 к. въ мѣсяцъ“. Въ контрактѣ той же К^о 1874 г. это условіе изложено иначе: если рабочіе явятся ранѣе назначеннаго срока на Ленско-Витимскую резиденцію, и тамъ не будетъ для нихъ никакой работы, то за продовольствіе, которое будутъ имъ тамъ отпу-

¹⁾ Арх. Витим. Гор. Испр., дѣло 1877 г. № 32.

скасть—по 4 ф. хлѣба или 3 ф. сухарей и соль, управление можетъ записывать въ расчетные листы стоимость этихъ продуктовъ. Кромѣ хлѣба и сухарей, во все это время рабочіе могли брать въ счетъ заработка: чаю по полъ-кирпича въ мѣсяцъ, мяса, если оно будетъ, по $\frac{1}{2}$ ф. въ сутки, масла по 1 ф. въ мѣсяцъ и простого табаку также по 1 ф., но не болѣе назначеннаго количества ¹⁾. Въ договорѣ той же К^о 1887 г. это условіе опять замѣнено такимъ образомъ: если бы рабочіе прибыли на пристань Виска ранѣе назначеннаго срока, и не было бы тамъ для нихъ работъ, то они должны были довольствоваться ржаными сухарями и кирпичнымъ чаемъ въ счетъ будущаго заработка, а дрова для отопленія занимаемаго ими помѣщенія должны были заготовлять сами, пользуясь только лошадыми К^о ²⁾.

Для храненія, приѣма и выдачи припасовъ и товаровъ въ Витимской системѣ есть двѣ резиденціи: на р. Ленѣ при впаденіи р. Бодайбо, такъ называемыя Бодайбинскія резиденціи, гдѣ теперь живетъ и горный исправникъ, и въ с. Виска (въ 4 верстахъ отъ Витимска на р. Ленѣ); резиденціи же пріисковъ Олекминской системы, именующіяся Мачинскими, расположены по р. Ленѣ противъ с. Нохтуйска (мѣстопробываніе земскаго засѣдателя). Резиденціи эти, устраиваемыя лишь нѣкоторыми, болѣе зажиточными, компаніями въ мѣстахъ, удобныхъ для приѣма припасовъ и товаровъ, заключаютъ въ себѣ амбары, склады, магазины. Тутъ же находятся и помѣщенія для служащихъ, рабочихъ и проѣзжающихъ на пріиски этихъ КК^о ³⁾.

Для ремонта пароходовъ устроено на р. Витимѣ на Воронцовской пристани (почти на полъ пути отъ села Витимскаго къ Бодайбо) механическое заведеніе съ разными необходимыми станками, приводимыми въ дѣйствіе двумя паровыми машинами. Это въ то же время зимняя резиденція управленія К^о Ленско-Витимскаго пароходства Сибирякова, Базанова и Нѣмчинова; здѣсь расположены помѣщенія для служащихъ и рабочихъ, рассчитанныя на 500 душъ, больница съ аптекою и церковь. Съ 1887 г. на Воронцовской пристани сдѣланы существенныя улучшения: выстроены новыя помѣщенія для служащихъ, а также для мастеровыхъ и рабочихъ съ кухней, хлѣбопекарня, бани съ прачешной и наконецъ новая больница ⁴⁾.

¹⁾ То же въ договорѣ Бодайбинской К^о 1880 г.

²⁾ Олекминскій горный исправникъ Винниковъ въ проектѣ нормальнаго контракта, составленномъ имъ въ 1874 г., предлагалъ установить такое правило, что рабочіе ни подъ какимъ видомъ не должны были являться на промыслы или резиденціи ранѣе опредѣленнаго срока, „и промышленное управленіе самовольно явившихся ранѣе нигдѣ право даже не принимать въ свое помѣщеніе до наступленія срока“. Но якутскій губернаторъ нашелъ такое правило стѣснительнымъ для рабочихъ, такъ какъ въ тайгѣ они нигдѣ не могутъ найти пріюта, кромѣ пріисковъ. Арх. Ирк. Гор. Упр. К. 2636 № 218—16, л. 38, 40.

³⁾ Описаніе Бодайбинской резиденціи см. „Сибирь“ 1887 г. № 8, стр. 13; описаніе Мачинскихъ резиденцій см. *Абрамовъ*. „Золот. Олекма“, стр. 16—20, 27.

⁴⁾ „Памят. книжка Якут. Обл. на 1891 г.“, стр. 122—128.

Въ 1891 г., по пути на промыслы Олекминскаго округа, я останавливался на Воронцовской пристани, осматрѣлъ мастерскія, казармы рабочихъ, хорошо устроенную больницу, кухню для рабочихъ, „амбаръ“, откуда отпускаются имъ въ счетъ заработка припасы и товары. Казармы очень свѣтлыя и довольно обширныя; печи лучше обыкновенныхъ: не желѣзныя, а каменные, по одной на два прилегающихъ другъ къ другу помѣщеній. Въ казармѣ для холостыхъ обыкновенно помѣщали одного семейнаго, при чемъ на женщину возлагалась обязанность наблюдать за чистотой и мыть полы разъ въ недѣлю. Для семейныхъ рабочихъ были и особыя казармы. Зимой, какъ мнѣ сказали, здѣсь жило до 200 рабочихъ, но лѣтомъ они обыкновенно находились въ отлучкѣ—плавали на пароходахъ и баржахъ. Кухня свѣтлая и чистая, хлѣбопекарня также, но хлѣбопеки жаловались на страшное обиліе прусаковъ. Хлѣбъ замѣчательно вкусный и прекрасно пропеченный (полагалось по 4 ф. на человѣка, такіе 4-хъ-фунтовые хлѣбы и пекли); мясо было свѣжее, но показалось мнѣ неважнымъ, похлебка не дурная. Рабочіе начинали работать въ 5 часовъ утра. Въ 7 ч. они пили кирпичный чай; его полагалось по полъ кирпича на человѣка въ мѣсяцъ, но онъ варился въ общемъ котлѣ и его могли брать цѣлый день. Обѣдъ и ужинъ состоялъ только изъ одной похлебки (мясо $1\frac{1}{2}$ ф. въ день на человѣка), по праздникамъ же давали жареную говядину; въ Пасху выдавали яйца. Остающійся хлѣбъ рабочіе иногда промѣнивали на молоко; нѣкоторые содержали свой скотъ, покупая для него сѣно. Оканчивалась работа лѣтомъ въ 8 ч. Такъ какъ на два чая и обѣдъ полагалось $2\frac{1}{2}$ ч., то, слѣдовательно, лѣтній рабочий день продолжался $12\frac{1}{2}$ часовъ. Осенью работа оканчивалась въ 7 ч., зимою въ 6 ч., но тогда на обѣдъ давали 1— $1\frac{1}{2}$ часа. Въ амбарѣ, откуда отпускали рабочимъ припасы и товары въ счетъ заработка, 1 ф. сахару по таксѣ стоилъ 30 коп., тогда какъ у Асташева въ южно-енисейской тайгѣ — 50 к. Видѣлъ нѣсколько расчетныхъ листовъ, и тутъ оказались замѣчательно малые задатки: 5—20 руб. Чернорабочіе получали мѣсячное жалованье: лѣтомъ по 18 руб., зимою по 12 руб.

Воронцовская пристань, вслѣдствіе своего уединеннаго положенія и суровыхъ климатическихъ условій, представляетъ мѣсто, мало соблазнительное для жизни, несмотря на сравнительно значительные оклады служащихъ. Управляющій пристанью и капитанъ парохода жаловались мнѣ на отсутствіе здѣсь школы или по крайней мѣрѣ учителя: некому учить не только дѣтей рабочихъ, но и дѣтей служащихъ. Случалось нанимать учителей изъ поселенцевъ, но они пьянствуютъ и мало занимаются съ дѣтьми.

Лѣтомъ отъ Витима до Бодайбо и обратно сообщеніе производится на пароходахъ; для остановки проѣзжающихъ и рабочихъ въ

зимнее время устроены какъ по этой дорогѣ, такъ и по пути на приски отъ Мачинскихъ резиденцій зимовья. На берегу Витима зимовья эти состоятъ изъ домика для проѣзжающихъ и служащихъ, амбара съ сухарями, фуражемъ и т. п., конюшни, казармы для конюховъ и зимовья для проходящихъ рабочихъ. Проходить съ промысловъ на Виску не мало рабочихъ изъ числа рассчитанныхъ по требованію властей, по болѣзни и семейнымъ обстоятельствамъ, а главное рассчитанныхъ промысловыми управленіями за разныя провинности. Они тащатся пѣшкомъ, соединяясь въ группы изъ 3 — 10 человекъ, и болѣею частью несутъ свой багажъ на спинѣ въ мѣшкахъ, еле-еле вытаскивая ноги изъ глубокаго снѣга, едва успѣвая доплестись къ концу дня до слѣдующаго зимовья ¹⁾; на прискахъ они снабжаются открытымъ предписаніемъ объ отпускѣ имъ сухарей ²⁾. Содержаніе зимовьевъ распределяется между отдѣльными компаніями ³⁾.

До развитія присковъ въ Витимской системѣ вся доставка припасовъ на приски Олекминскаго округа дѣлалась черезъ Мачу, гдѣ также устроены склады. Въ настоящее время мачинскій путь отъ резиденціи до олекминскихъ промысловъ крайне запущенъ и еще въ началѣ 80-хъ гг. былъ не безопасенъ даже для верховой ѣзды. Главные промысла въ Олекминской системѣ отстоятъ отъ мачинскихъ резиденцій и отъ Нохтуйскаго селенія на 350 верстѣ. На этомъ разстояніи только въ зимнее время существуетъ удобная экипажная дорога съ зимовьями черезъ каждыя 30 верстѣ, лѣтомъ же сообщеніе производится верхомъ, и грузъ перевозятъ вьюками; только на разстояніи 70-ти верстѣ отъ Мачи существуетъ тележный путь. Отъ Бодайбо есть удобная тележная дорога до Тихонозавонскаго приска Ленскаго Т-ва ⁴⁾. Исправленіе дорогъ лежитъ на обязанности компаній, которыя на общемъ собраніи постановляютъ, сколько рабочихъ и въ какое время должна поставить съ этою цѣлью каждая компанія. Между Бодайбинскою резиденціею и присками К^о Промышленности теперь проводится желѣзная дорога на протяженіи болѣе 40 верстѣ.

Я уже говорилъ о медицинскомъ осмѣдѣтельствovanіи рабочихъ при наймѣ въ Бодайбинской резиденціи К^о Промышленности; объ этихъ медицинскихъ осмотрахъ упоминается и во многихъ контрактахъ съ

¹⁾ Зимовья по этому пути находятся на разстояніи 30 верстѣ одно отъ другого. Нанимать подводы немисливо: это стоитъ страшно дорого—20 коп. за версту съ лошади. „Восточ. Обзор.“, 1898 г. № 26, стр. 7.

²⁾ „Сибирь“ 1887 г. № 24, стр. 11.

³⁾ Ср. Розановъ. „Сводъ дѣйств. узак. о част. золот.“, изд. 2, стр. 26.

⁴⁾ „Прилож. I къ вып. I-му Сб. офиц. докум. по управл. Вост. Сиб.“, т. VII, отчетъ о частн. золот. въ округахъ Олекминскомъ и Витимскомъ за 1883 г., стр. 31—38; „Памят. Книж. Якут. Обл. на 1891 г.“, стр. 120—122.

рабочими. Въ договорѣ К^о Промышленности 1887 г. сказано, что на пристани Виска или по прибытіи на промысла рабочіе обоего пола подвергаются „полному медицинскому освидѣтельствуванію, и оказавшіеся заболѣвшими въ пути отъ простуды и другими болѣзнями лѣчатся и содержатся на счетъ К^о. Лица же, по освидѣтельствуваніи присковымиъ врачемъ или фельдшеромъ, оказавшіеся, по случаю хроническихъ и сифилитическихъ болѣзней, неспособными къ работамъ горнымъ и нетерпимыми на промыслахъ по случаю переходныхъ и вредныхъ для здоровья другихъ болѣзней, обязаны немедленно съ промысловъ возвратиться въ жилища мѣста за собственный счетъ и уплатить промысловому управленію всѣ забранныя ими при наймѣ и въ пути деньги“. Въ нѣкоторыхъ контрактахъ съ наслѣдниками Трапезникова 70-хъ и 80-хъ гг. устанавливается также медицинское освидѣтельствованіе рабочихъ, прибывшихъ на резиденціи, при чемъ оказавшіеся больными должны были лѣчиться и содержаться на счетъ К^о, кромѣ зараженныхъ сифилисомъ, которые должны лѣчиться и продовольствоваться въ счетъ своего заработка. Въ другихъ контрактахъ съ Трапезниковыми того же времени сказано, что оказавшихся больными К^о въ правѣ не принять, а заболѣвшіе послѣ подписанія условія лѣчатся на счетъ К^о, кромѣ зараженныхъ сифилисомъ. Въ договорѣ съ Ленскимъ Товариществомъ 1883 г. также установлено медицинскій осмотръ рабочихъ обоего пола при вступленіи ихъ на промысла.

За неявку на приски въ срокъ въ контрактахъ обыкновенно устанавливается обязательство отработать просроченное время послѣ 10-го сентября, а за опозданіе на сборный пунктъ или промедленіе на пути назначался денежный вычетъ или также отработка просроченнаго времени. По контракту К^о Промышленности 1874 г. за опозданіе на сборный пунктъ безъ уважительныхъ причинъ полагался вычетъ въ размѣрѣ 1 р. 20 коп. за каждый день или отработка просроченнаго времени. По договору съ К^о Арендаторовъ за промедленіе на пути на промысла съ Мачинской резиденціи назначенъ вычетъ по 1 р. за каждый просроченный день, а вообще въ случаѣ позdney явки устанавливалась отработка просроченныхъ дней. По договорамъ съ Плетюхинымъ 1886 и 1889 гг. рабочіе въ случаѣ явки на Качугскую пристань позже 1-го мая должны были платить штрафъ въ размѣрѣ 3 р. за каждый просроченный день.

Изъ числа рабочихъ, нанятыхъ отъ присковъ, не явилось на промысла Олекминскаго округа въ 1873 г.—6,6%, въ 1874 г.—6,5%, въ 1875 г.—9%, въ 1876 г.—9,4%, въ 1877 г.—5,6%, въ 1878 г.—4,5%, въ 1879 г.—3%; въ 1880 г. въ Олекминской системѣ не явилось 2,4%, въ Витимской—10%, а во всемъ округѣ почти 6%; въ 1881 г. въ Олекминской системѣ—3%, въ Витимской—7%, а во всемъ Олекминскомъ округѣ 4,5%; въ 1882 г. въ Олекминской—0,8%, въ

Витимской—3,4%, а во всемъ округѣ—1,4%. Если же взять на основаніи тѣхъ же данныхъ все количество рабочихъ м. п., *нанятыхъ какъ въ, такъ и на самыхъ промыслахъ*, то число неявившихся будетъ во всемъ Олекминскомъ округѣ въ 1880 и 1881 г. 1,7%, въ 1882 г.—0,6%¹⁾. На основаніи данныхъ о числѣ рабочихъ об. п. по отчетамъ о частной золотопромышленности, присылаемымъ въ горный департаментъ, процентъ неявившихся приисковыхъ рабочихъ Олекминскаго округа будетъ еще менѣе: въ 1879 г. изъ всего числа нанятыхъ рабочихъ не явилось 2,3%, въ 1880 г.—1,4%, въ 1881 г.—1,6%, въ 1882 г.—0,6%, въ 1883 г.—0,7%, въ 1884 г.—0,8%, въ 1885 г.—0,7%²⁾. Слѣдовательно, если въ нѣкоторыхъ официальныхъ бумагахъ первой половины 80-хъ гг. говорится о 7—10% неявившихся рабочихъ олекминскихъ промысловъ, то тутъ имѣются въ виду данныя второй половины 70-хъ гг. относительно неявившихся изъ числа нанятыхъ *въ* приисковъ.

Рабочіе, какъ и въ другихъ округахъ, занимались здѣсь или на всѣ работы³⁾,—такъ наз. общеконтрактные, или для исполненія какихъ нибудь специальныхъ обязанностей: плотника, кузнеца, конюха и т. п.; въ Енисейскомъ округѣ мы нашли очень много контрактовъ съ отрядными рабочими на вскрышу торфа; въ Олекминскомъ округѣ намъ не случилось встрѣтить ни одного такого контракта. Во всякомъ случаѣ отрядныхъ рабочихъ, нанимающихся на вскрытіе торфа, было въ Олекминскомъ округѣ гораздо менѣе, такъ какъ въ этомъ округѣ очень распространены шахтовые работы, тогда какъ въ енисейской тайгѣ золотonosный песокъ гораздо чаще добывается изъ открытыхъ разрывовъ. Свидѣтельствуются контракты по мѣсту наемки⁴⁾. Мы встрѣтили впрочемъ контракты, подписанные рабочими, но вовсе не засвидѣствованные.

Какъ мѣстная, такъ и высшая сибирская администрація обращала иногда вниманіе на то, что контракты плохо гарантируютъ интересы рабочихъ. Въ 1872 г. въ донесеніи олекминскаго горнаго исправника Лукьянова сказано: контракты, „по общему сознанію, требуютъ измѣненія съ непремѣннымъ уравниемъ, по возможности, правъ и обязанностей панимателей и нанимающихся. Доселѣ права на сторонѣ капитала и силы, которые эксплуатируютъ трудъ. Не разъ приходилось мнѣ слышать, что если хозяинъ исполнилъ относительно рабочаго обѣщанное

¹⁾ „Прилож. I къ вып. 1-му Сборн. глав. офиц. докум. по управл. Вост. Сиб.“, т. VII, отчетъ горн. отд. Главн. Упр. Вост. Сиб. за 1882 г., прилож. 3.

²⁾ Арх. Горн. Департ.; Енис. Губ. Вѣд. 1880 г. № 24, „Горн. Жур.“ 1882 г. № 9, стр. 371. „Прил. I къ вып. 1 сбор. офиц. докум. Вост. Сиб.“, т. VII, отчетъ горн. отд. за 1882 г., стр. 9, Арх. Ирк. Горн. Упр. К. 2772, № 135—124, лист. 180.

³⁾ Въ нѣкоторыхъ договорахъ—не исключая п уборки „всѣхъ нечистотъ“ (записка г-на Михайлова).

⁴⁾ Напр., мы имѣемъ контракты, засвидѣствованные олекминскимъ горнымъ исправникомъ, якутскимъ окружн. исправникомъ, иркут. полицейскимъ управленіемъ и городовымъ маклеромъ, нотаріусомъ въ Перми и витимскимъ волостнымъ правленіемъ.

имъ" (по контракту), „то послѣдній долженъ идти на работу, если бы пришлось ему и умереть на другой день" ¹⁾. Когда былъ поднятъ вопросъ о составленіи новыхъ правилъ о наймѣ рабочихъ, предсѣдательствующій въ Совѣтѣ Главнаго Управленія Вост. Сибири ген.-лейт. Педашенко въ запискѣ 1885 г., представленной генералъ-губернатору, обратилъ вниманіе на контрактъ К^о Промышленности Базанова и Сибирякова, „такъ какъ отъ этой К^о, какъ самой богатѣйшей въ Восточной Сибири, должно ожидать наиболѣе согласованнаго съ законами контракта о наймѣ рабочихъ; однакожъ и изъ этого контракта видно слѣдующее: а) въ первомъ пунктѣ говорится: „нанялись мы нижеподписавшіеся для работъ на промыслы сказанной К^о, находящіеся въ Олекминскомъ округѣ Якутской области по рѣчкамъ Накатами и др., и обязуемся явиться на сборное мѣсто, гдѣ таковое будетъ намъ назначено";... б) въ третьемъ пунктѣ сказано: „всѣ вообще работы, въ чемъ бы онѣ ни состояли, обязуемся мы исполнять, гдѣ потребуетъ дѣло К^о, на промыслахъ ли, резиденціяхъ, зимовьяхъ и пр. пунктахъ. На промыслахъ: вскрывать торфъ, добывать золотосодержащіе пески при открытыхъ и ортовыхъ работахъ, такъ равно отрядныя, старательскія и вообще пріисковыя поторжныя и горныя работы, однимъ словомъ, исполнять все безпрекословно и согласно назначенію приказчиковъ. На резиденціяхъ дѣланіе дамбъ, при нагрузкѣ и выгрузкѣ припасовъ и фуража, при вывозкѣ и переметкѣ сѣна, рубкѣ дровъ, ломкѣ барокъ и проч. работахъ, какія тамъ встрѣтятся могутъ, а также работъ... по зимовьямъ. Затѣмъ обязуемся быть въ развѣдочныхъ и разыскныхъ партіяхъ, если онѣ будутъ компаніей формированы"; в) наконецъ въ пятомъ пунктѣ перечислены самыя разнообразныя платы за работу различныхъ родовъ. „Такимъ образомъ", продолжаетъ ген.-лейт. Педашенко, „оказывается, что на основаніи подобнаго контракта рабочій можетъ только знать съ увѣренностью, что онъ нанятъ на промыслы К^о Промышленности, находящейся въ Олекминскомъ округѣ, но на какомъ именно прискѣ ему придется работать, какого рода работы онъ долженъ будетъ исполнять и какую плату получать за свой трудъ,—этого въ контрактѣ опредѣленно не выговорено, несмотря на то, что по указанію 1, 3 и 8 пп. 4 ст. правилъ о наймѣ рабочихъ на сибирскіе золотые промыслы, въ условіи о наймѣ должны быть означены: прискъ, на который рабочій нанимается, родъ работъ, для которыхъ онъ нанимается, и размѣръ наемной платы ²⁾. Понятно, что при такой неопредѣленности контракта рабочій становится „въ полную зависимость не только отъ золотопромышленника-

¹⁾ Арх. Иркут. Горн. Упр. К. 2549, № 126—71, л. 462.

²⁾ Нужно замѣтить, что и въ договорахъ другихъ компаній мы встрѣчаемъ такіе же условія.

хозяина, но и отъ каждаго его приказчика, который, въ силу такого контракта, можетъ, по своему личному усмотрѣнію, перевести каждаго рабочаго на самыя невыгодныя работы. И такъ по первому же шагу при установленіи взаимныхъ отношеній нанимателя къ наемщику совершаются несправедливыя и несогласныя съ закономъ дѣйствія по отношенію къ послѣднему“ ¹⁾).

Весьма рѣшительно осуждаетъ также контракты олекинскихъ золотопромышленниковъ иркутскій генералъ-губернаторъ А. Д. Горемыкинъ въ замѣчаніяхъ (1893 г.) на проектъ правилъ о наймѣ рабочихъ: „Какъ я убѣдился лично при обзорѣ въ 1890 г. золотыхъ пріисковъ Олекминской и Витимской системъ“, говоритъ онъ, „контракты заключались съ полнымъ нарушеніемъ интересовъ рабочихъ, создавая для нихъ, такъ сказать, кабальное положеніе. Обыкновенно составляется одинъ общій контрактъ для значительной массы рабочихъ, нанимающихся на одинъ или нѣсколько пріисковъ промышленника или К^о, которымъ опредѣляется, что рабочіе обязуются безпрекословно исполнять всѣ работы, какія будутъ назначены пріисковымъ управленіемъ, быть въ полномъ повиновеніи этого управленія, увольненія и разчета до истеченія контрактнаго срока не просить; пріисковому же управленію предоставляется полное право, во всякое время года, всѣхъ вмѣстѣ или каждаго порознь изъ нанявшихся передавать для работъ въ другія компаніи, или же вовсе отъ работъ увольнять, на что претензій и жалобъ рабочіе приносятъ не должны и объясненій о причинѣ разчета требовать ни отъ кого права не имѣютъ... При заключеніи такого контракта рабочій, особенно нанимающійся въ первый разъ, не можетъ уяснить себѣ самыхъ главнѣйшихъ условій, какимъ онъ будетъ подчиняться въ продолженіе срока найма: онъ не можетъ составить точнаго представленія, какую долженъ отбывать работу, насколько та или другая работа соотвѣтствуетъ его физическимъ силамъ и на какой онъ можетъ разсчитывать заработокъ, ибо все это зависитъ отъ усмотрѣнія пріисковаго управленія, имѣющаго единственною цѣлю соблюдать только интересы промышленниковъ. Такими только кабальными отношеніями“, продолжаетъ А. Д. Горемыкинъ, „можно объяснить часто повторяющіяся въ пріисковой сибирской жизни обоюдныя жалобы сторонъ, неповиновенія рабочихъ, нерѣдко цѣлыми массами отказывающихся отъ работъ, и создающихъ такъ называемые бунты, а отсюда возникаетъ иногда необходимость высылать на пріиски воинскія команды и подвергать виновныхъ тяжкимъ уголовнымъ наказаніямъ“ ²⁾).

¹⁾ Дѣло канц. Иркут. Горн. Упр. 1883 г. № 11, л. 56—58.

²⁾ Дѣло отд. част. золот. Горн. Деп. съ проектомъ правилъ о наймѣ рабочихъ 1882 г. № 80.

Въ запискѣ иркутскаго генералъ-губернатора указано на право, предоставляемое контрактомъ присковымъ управленіямъ передавать рабочихъ на приски другихъ компаній. Дѣйствительно, такое условіе мы находимъ во всѣхъ извѣстныхъ намъ контрактахъ Олекминскаго округа лишь съ небольшими варіантами. Въ договорѣ К^о Промышленности 1870 г. ей предоставляется это право, но съ тѣмъ, чтобы рабочіе были переданы на тѣхъ же основаніяхъ, какія устанавливались этимъ договоромъ. Въ договорахъ той же компаніи 1878 и 1883 гг. это условіе выражено нѣсколько подробнѣе: „Если управленіе найдетъ нужнымъ передать кого либо изъ насъ или всѣхъ, по излишеству нанятыхъ для работъ или по невыгодности промысловъ, къ работамъ въ другія К^о, но только въ здѣшней Олекминской системѣ, то мы не должны въ томъ спорить и обязуемся перейти безотговорочно и исполнять работы и у другихъ владѣльцевъ также съ должнымъ стараніемъ, но получать плату и содержаніе согласно сего контракта“ ¹⁾). Сравнительно съ этимъ договорѣ К^о Промышленности и Прибрежно-Витемской 1887 г. представляетъ ухудшеніе, такъ какъ онъ устанавливаетъ лишь сохраненіе обязанностей рабочихъ, не упоминая объ обязанностяхъ К^о ²⁾). По договору съ Ленскимъ Т-вомъ 1883 г. рабочіе „въ случаѣ минованія надобности“ въ ихъ трудѣ обязывались „поступить на изложенныхъ въ этомъ контрактѣ условіяхъ въ дѣла другихъ КК^о“, и отказаться отъ этого они могли только внеся Т-ву свой долгъ ³⁾). На крайнюю несправедливость присковухъ контрактовъ печать указывала еще съ самаго начала 60-хъ годовъ.

Наряду съ упоминаніемъ о правѣ К^о передавать рабочихъ другимъ золотопромышленникамъ всегда устанавливается и право присковаго управленія расчитать рабочихъ, когда ему вздумается, между тѣмъ какъ рабочіе обязаны непремѣнно оставаться до окончанія срока найма. По договору К^о Промышленности 1870 г., если бы рабочіе „почему либо оказались бесполезными (!) для приска“, то промысловое управленіе въ правѣ уволить ихъ „во всякое время съ отнесеніемъ на счетъ“ ихъ „убытковъ, какія отъ того произойти могутъ“. Въ договорахъ 1874, 78 и 83 гг. той же К^о управленію предоставлялось право всегда расчитать рабочаго „за какіе либо проступки или по неспособности его къ работамъ“. Право это К^о сохранила и по договору 1887 г., и въ немъ упоминается о расчитываніи ранѣе срока „за неблагонадежность, неспособность, пьянство, грубость, лѣность и другіе предосудительные поступки“. Въ договорахъ 1890—91 гг. Ленскаго Т-ва управленію пре-

¹⁾ То же въ договорахъ Бодайбинской К^о 1880, 83 и 84 гг.

²⁾ То же въ договорѣ Бодайбинской К^о 1890 г.

³⁾ Сходно съ этимъ и въ договорахъ той же К^о 1890—91 гг.

доставлялось право рассчитать рабочих даже въ случаѣ сокращенія работъ на какомъ-либо пріискѣ. Въ договорѣ съ Трапезниковыми 70-хъ гг. управленіе могло рассчитать рабочихъ, признанныхъ неспособными „по свидѣтельству медика“, а также за пьянство, грубости, лѣность и предосудительные поступки; въ случаѣ же увольненія рабочихъ съ пріисковъ „по недостатку припасовъ или по случаю прекращенія работъ“, Трапезниковы обязывались со дня расчета по 10-е сентября заплатить рабочимъ по 20 к. въ день и выдать безвозмездно „продовольственные листы“ для обратнаго пути по ленскому тракту ¹⁾. Рабочіе, рассчитанные до срока, обыкновенно имѣли по крайней мѣрѣ право немедленно получить свой заработокъ, о чемъ и упоминалось въ нѣкоторыхъ договорахъ. Но по контракту Аканакъ-Накатаминскаго Т-ва 1886 г. рабочіе не имѣли права требовать денегъ, числящихся за конторою „впредь до общаго расчета 10-го сентября, *хотя бы и были ранѣе этого рассчитаны*“, и до 10-го сентября должны были довольствоваться квитанціями. Это очевидно лишало ихъ возможности оставить пріисковый районъ, а между тѣмъ рассчитанныхъ рабочихъ исправники выдворяли съ промысловъ. Не понимаемъ, какъ примирялись эти противорѣчія, и еще болѣе — какъ могли свидѣтельствовать подобные договоры.

Г. Калагеорги въ запискѣ 1882 г. говоритъ: „Самый ретивый и хорошій работникъ не гарантированъ отъ произвольнаго увольненія; оказанное имъ неуваженіе кому либо изъ служащихъ въ управленіи лицъ можетъ послужить поводомъ къ обвиненію его въ дерзости, а затѣмъ къ увольненію съ пріиска. Другой причиной увольненія служить являющаяся иногда необходимость сокращенія работъ вслѣдствіе ошибочно составленной смѣты или по недостатку припасовъ. Въ этихъ случаяхъ золотопромышленники обязаны на основаніи контракта передать рабочихъ на другіе пріиски съ сохраненіемъ обоюдныхъ условій. Но исполненіе этихъ обязательствъ зависитъ единственно отъ доброй воли владѣльца пріиска; при затрудненіи передачи рабочихъ другому лицу, ничто ему не мѣшаетъ уволить въ одну недѣлю по-одиночкѣ необходимое число людей; предлогъ найти нетрудно. Хорошо, если уволенные неожиданно рабочіе найдутъ себѣ работу на другомъ пріискѣ; въ противномъ же случаѣ пришедшіе иногда издалека должны возвращаться домой, потерпѣвъ значительные расходы и испытавъ много лишеній. Конечно нельзя лишить хозяина права уволить работника нерадиваго, неспособнаго или даже вреднаго для дѣла, но съ другой стороны необходимо оградить рабочаго отъ произвола хозяина“ ²⁾.

¹⁾ Въ договорѣ съ Трапезниковыми 80-хъ гг. нѣтъ этого условія

²⁾ Арх. Иркут. Горн. Упр. К. 2765, № 37—30, л. 62—64.

При генералъ-губернаторѣ Синельниковѣ въ началѣ 70-хъ гг. администрація требовала измѣненія нѣкоторыхъ невыгодныхъ для рабочихъ правилъ контрактовъ. Такъ олекминскій горный исправникъ въ циркулярѣ отъ 7-го августа 1872 г. указалъ на то, что „условія оканчивающихся операцій во многомъ не сходны съ Горнымъ Уставомъ, напр., въ нихъ введены калтайскія работы“ (т.-е. оканчиваніе другими рабочими несработанныхъ ихъ товарищами уроковъ)¹⁾ и „излишняя вывозка на машину или въ отвалъ извѣстнаго числа таратаекъ песковъ и торфовъ за баню“, между тѣмъ какъ послѣдняя, „при тяжести работъ, служить не столько средствомъ къ поддержанію чистоты, сколько лѣкарствомъ при простудѣ и боли въ спинѣ отъ натуги, и самое человѣколюбіе требуетъ, чтобы пользованіе ею рабочими было безвозмездно“²⁾.

Въ контрактѣ витимскаго золотопромышленника Плетюхина 1889 г. заключаются четыре совершенно несходныхъ одинъ съ другимъ договора, причемъ рабочіе обязываются исполнять тотъ изъ нихъ, какой будетъ угодно выбрать золотопромышленнику. Рабочіе или должны быть общеконтрактными и получать вознагражденіе за исполненіе урока, а ремесленники — поденную плату, или по усмотрѣнію хозяина обратиться въ старателей-золотничниковъ на своемъ или хозяйскомъ содержаніи, при чемъ Плетюхинъ могъ установить три разныхъ условія. Слѣдовательно, въ этомъ случаѣ рабочіе были вполне беззащитны передъ золотопромышленникомъ. Подобные договоры были возможны потому, что не существовало никакого контроля надъ заключеніемъ контрактовъ золотопромышленниковъ съ рабочими. Такъ, напр., Плетюхинъ свидѣтельствовалъ контракты у иркутскаго городского маклера, гдѣ ихъ вписывали въ книгу, брали извѣстныя пошлины, — и договоръ получалъ законную силу. Между тѣмъ было время (50-ые, начало 60-хъ гг.), когда въ Олекминскомъ округѣ договоры присылались на разсмотрѣніе мѣстнаго исправника, и онъ понуждалъ золотопромышленниковъ измѣнять слишкомъ обременительныя для рабочихъ условія. Мы слышали отъ бывшаго окружного инженера Ленскаго горнаго округа, что вслѣдствіе волненія рабочихъ на промыслахъ Плетюхина въ 1893 году якутскій губернаторъ понудилъ его измѣнить контрактъ.

Въ 1874 г. исправляющій должность олекминскаго горнаго исправника Винниковъ вновь поднялъ вопросъ, занимавшій администрацію Восточной Сибири и въ 60-хъ гг., о составленіи нормальнаго контракта между золотопромышленниками и рабочими; но составленный имъ проектъ контракта былъ весьма неудовлетворителенъ и почти не гарантировалъ

¹⁾ Такія калтайскія работы устанавливались, напримѣръ, въ контрактѣ Ленскаго Т-ва начала 70-хъ гг. Арх. Иркут. Горн. Управ. К. 2544, № 48—103, л. 128.

²⁾ Арх. Иркут. Горн. Упр. К. 2549, № 126 — 71, л. 457, Арх. К^о Приб.-Витим., дѣло 1873 г. № 454, л. 1.

интересы рабочихъ. Предложеніе Винникова встрѣтило возраженіе со стороны золотопромышленниковъ, указывавшихъ, что невозможно предусмотрѣть всѣ разнообразныя условія въ одномъ нормальномъ контрактѣ. Послѣ двухъ-трехъ неудачныхъ попытокъ въ этомъ направленіи (въ 60-хъ и 70-хъ гг.) наконецъ додумались до той справедливой мысли, что нуженъ не нормальный контрактъ, а законодательное регулированіе отношеній хозяевъ и рабочихъ, и что въ предѣлахъ постановленія закона золотопромышленникамъ необходимо предоставить право устанавливать условія по своему усмотрѣнію.

Слѣдуетъ замѣтить, что на промыслахъ можно встрѣтить и рабочихъ, нанятыхъ безъ всякихъ контрактовъ. Такъ изъ дѣла о безпорядкахъ на Благовѣщенскомъ присѣхъ К^о Сибирякова и Вазанова въ маѣ 1882 г. видно, что присѣсковое управленіе имѣло въ числѣ другихъ рабочихъ 220 такихъ, съ которыми вовсе не были заключены контракты. Указывая на этотъ фактъ, генералъ-лейтенантъ Педашенко въ запискѣ 1885 г. напомнилъ, что это составляло прямое нарушеніе 3 ст. правилъ о наймѣ рабочихъ, предписывавшей заключеніе договоровъ не иначе, какъ явочнымъ порядкомъ. Чиновникъ особыхъ порученій Осташкинъ, производившій слѣдствіе по этому дѣлу (тотъ самый, который приобрѣлъ вслѣдствіе печальную извѣстность знаменитой якутской исторіи), обратилъ вниманіе на то, что промысловое управленіе этой К^о налагаетъ на рабочихъ безъ контракта, въ случаѣ ихъ уклоненія отъ работъ и другихъ проступковъ, такіе денежные штрафы, какіе установлены въ контрактѣ, хотя, не заключивъ его вовсе, оно не имѣло на то права.

На присѣкахъ оказывались иной разъ безпаспортныя рабочіе, но въ этомъ всего болѣе были повинны волостныя правленія, производившія чрезмѣрные вымогательства. Г. Калагеорги въ своей запискѣ 1882 г. говоритъ: „накопленію долговъ рабочихъ способствуетъ эксплуатация ихъ волостными правленіями“; суммы, вносимыя рабочими на уплату податей, „доходятъ до баснословныхъ размѣровъ: въ 1880 г. за одного крестьянина было вытребовано въ три пріема 65 руб., и все-таки паспортъ не выслали; при выпискѣ паспорта другому было послано въ 1881 г. 25 руб., но волостное правленіе потребовало еще 53 руб. „безъ объясненія, по какому разсчету“; то же волостное правленіе, получивъ за другого крестьянина 30 руб., потребовало еще 82 руб. безъ всякихъ объясненій; за четвертаго было послано 25 руб., но волостное правленіе потребовало 98 руб. недоимки, несмотря на то, что уволило его по паспорту на годъ безъ всякой оговорки о недоимкѣ ¹⁾. „Подобныхъ

¹⁾ Тѣ же жалобы см. въ дѣлѣ Арх. Промыш. 1881 г. № 1147. Наиболѣе обычными размѣрами податей и другихъ повинностей управленіе К^о Промышленности считало: за поселенцевъ 3 — 8 руб., за крестьянъ изъ ссыльныхъ 10 — 15 руб., за крестьянъ-старожиловъ 20—50 р.

примѣровъ", продолжаетъ г. Калагеорги, „можно привести очень много; перечисленные волостныя правленія не составляютъ исключенія, и произвольное требованіе съ рабочихъ денегъ на уплату податей и недоимокъ составляетъ явленіе обыкновенное. Рабочіе поставлены въ невозможность оспаривать эти требованія и вынуждены просить присковое управленіе выслать за нихъ просимую сумму, такъ какъ въ противномъ случаѣ они разсчитываются и увольняются, потому что присковыя управленія не имѣютъ права держать людей безъ паспорта. Кромѣ излишняго требованія денегъ, волостныя правленія отличаются крайнею неаккуратностью въ высылкѣ паспортовъ рабочимъ, переноска тянется очень долго, высылается иногда паспортъ всего на три мѣсяца; пока онъ получитъ, срокъ его уже прошелъ. Все это дѣлается съ цѣлью разнаго рода выматательства“ ¹⁾. И въ настоящее время приходится иногда хлопотать о высылкѣ паспорта въ теченіе одного, полутора года или даже двухъ лѣтъ, а между тѣмъ рабочій за неимѣніемъ законнаго вида можетъ быть высланъ въ это время съ промысловъ ²⁾.

Климатъ въ Олекминской и Витимской системахъ крайне суровый, такъ какъ онѣ расположены между 57° и 60° сѣв. шир. и 115°—117° восточн. долг. По наблюденіямъ, произведеннымъ на Вознесенскомъ прискѣ Трапезниковыхъ, съ 1856 по 66 г., температура съ 29 сентября по 9 мая, т.-е. въ теченіе 222 дней, стоитъ ниже 0; морозы бываютъ въ каждомъ мѣсяцѣ, даже въ іюлѣ; первый снѣгъ выпадаетъ обыкновенно въ сентябрѣ, съ 3 по 22 ч., но бываетъ также въ концѣ мая и даже въ іюнѣ. Средняя годовая температура была—5,7° Ц. На Благовѣщенскомъ прискѣ, на р. Накатами, средняя годовая температура около —6°. Понятно, что при такомъ климатѣ на известной глубинѣ должна быть вѣчно мерзлая почва. Однако слой вѣчной мерзлоты не такъ великъ, какъ это можно было бы ожидать на основаніи теоретическихъ предположеній. Самыя глубокія шахты Успенскаго приска по Аканаку-Накатами достигаютъ 85 метр., но и въ нихъ слой вѣчно мерзлой почвы не превышаетъ 40—50 метр., и нижняя часть торфовъ и золотоносный пластъ талые; въ менѣе глубокихъ шахтахъ вѣчная мерзлота скрываетъ не только торфъ и пластъ, но и почву, т.-е. коренныя породы, а въ другихъ такихъ же шахтахъ она далеко не доходитъ до пласта; въ нѣкоторыхъ шахтахъ вѣчно мерзлые слои чередуются съ тальными и даже, какъ говорятъ, есть шахты, гдѣ мерзлоты совсѣмъ не было ³⁾.

¹⁾ Арх. Иркут. Горн. Упр. К. 2765, № 37—30, л. 55.

²⁾ „Восточ. Обзор.“ 1896 г. № 70, стр. 2.

³⁾ Обручевъ. „Геологич. изслѣд. Олекм.-Витим. горной страны и ея золотоносныхъ россыпей“. Иркут. 1891 г. (оттискъ изъ XXII т. „Извѣст. Восточ.-Сибир. Отд. Географ. Общ.“) стр. 62—63.

Въ виду весьма значительной толщины торфа на многихъ принсахъ, доходящей на Успенскомъ принсѣ К^о Промышленности до 120 арш. (хотя есть и промыслы съ $1\frac{1}{2}$ до 4 арш. торфа)¹⁾, въ Олекминскомъ округѣ значительно распространены ортовые и шахтовые работы, а именно въ 1883 г. изъ 47 дѣйствовавшихъ промысловъ онѣ производились на 20²⁾.

Если бы вѣчная мерзлота встрѣчалась повсемѣстно, то проведеніе шахтъ было бы облегчено и удешевлено во много разъ. Шурфовка въ мерзлотѣ, производимая оттаиваніемъ дна шурфа раскладываемыми пожарами изъ дровъ и, по освѣженіи шурфа отъ угара, выемкой оттаявшей отъ пожара, на глубину нѣсколькихъ вершковъ, породы не представляютъ особенныхъ затрудненій, хотя и обходится дорого; но какъ бы дорого ни стоила шурфовка въ мерзлотѣ, она ничто въ сравненіи съ тѣми затратами, которыя приходится дѣлать предпринимателямъ при шурфовкѣ талыхъ мѣстностей, которая производится зимой поочереднымъ промораживаніемъ и оттаиваніемъ шурфовъ, при чемъ весьма часто шурфъ протаиваетъ гдѣ нибудь больше, чѣмъ слѣдуетъ, и заливается водою³⁾. Напротивъ, при добычѣ песковъ работы идутъ быстрѣе тамъ, гдѣ не приходится предварительно оттаивать землю. Вотъ какъ описываютъ этотъ послѣдній процессъ при подземныхъ работахъ: „Разрабатываемый золотосодержащій пласть земли каждую ночь оттаивается посредствомъ пожара. Пожогъ этотъ устраивается такъ: на стѣнѣ, предназначаемой къ оттаиванію, кладется сухое смолистое дерево, которое и поджигается. Когда нѣсколько разгорится пожаръ, то его засыпаютъ гашеными углями, загораживаютъ прислоненными къ забою желѣзными листами или рѣшетками во всю ширину забоя, „и въ такомъ видѣ оставляется шахта до утра, съ открытымъ люкомъ, черезъ который проходитъ дымъ“. Но входъ въ шахты запираютъ рѣшетками, чтобы кто либо изъ рабочихъ, съ цѣлю увеличенія заработка, не вздумалъ спуститься въ шахту и подбавить углей къ забою, чтобы побольше протаяло, что нерѣдко и случалось и оканчивалось большею частью смертью угорѣвшихъ рабочихъ. Такимъ образомъ готовится талая земля для разработки на каждый день. Система эта вредно дѣйствуетъ на рабочихъ. Развивающіеся отъ пожара газы дѣйствуютъ разрушительно на дыхательные органы рабочихъ, и они всегда страдаютъ ма-

¹⁾ „Сборн. стат. свѣд. о горн. завод. производ. Россіи за 1891 г.“ СПб. 1893 г., стр. 110—117.

²⁾ „Прилож. I къ вып. I Сборн. главн. оффиц. докум. по упр. Восточ. Сиб.“ т. VII, отчетъ М. Шестакова о частн. золот. промыслахъ въ округахъ Олекминскомъ и Витимскомъ за 1883 г.“, стр. 17.

³⁾ *Аврамовъ*. „Очеркъ золотопром. Олекмы“, 55—58. Объ усовершенствованіяхъ въ шурфовкѣ въ Ленскомъ Г-вѣ см. „Вѣстн. Золот.“ 1896 г., стр. 210.

локоровіємъ, одышкой и головными болями. Пески изъ шахтъ поднимаются машиной въ желѣзныхъ или деревянныхъ окованныхъ желѣзомъ бадьяхъ, вмѣщающихъ до 100 пуд. песку ¹⁾).

Несмотря на богатство многихъ олежинскихъ промысловъ, техника золотопромышленности очень мало подвинулась впередъ. Отвозка въ отвалъ добытыхъ торфовъ, доставка золотосодержащихъ песковъ на промывальныя машины и отвозка эфеля и гальки въ 70-хъ годахъ производилась просто на лошадахъ въ полукруглыхъ таратайкахъ, вмѣщавшихъ до 30 пуд. песку. Только въ 1880 г. на Благовѣщенскомъ прискѣ К^о Сибиракова съ этою цѣлью была впервые устроена конно-желѣзная дорога съ деревянными вагонами, вмѣщающими 80—100 п. Способъ этотъ примѣнили Бодайбинская К^о и нѣкоторые другіе. Затѣмъ на томъ же Благовѣщенскомъ прискѣ и на Прокопьевскомъ прискѣ Бодайбинской К^о былъ устроенъ подъемъ и отвозка торфа, песковъ и гальки по рельсамъ цѣпными канатами ²⁾). На Ивановскомъ прискѣ Прибрежно-Витимской К^о я видѣлъ, какъ силою воды вагоны съ галькою поднимаются по наклонной плоскости вверхъ и затѣмъ бѣгутъ внизъ полукругомъ также по наклонной плоскости; въ извѣстномъ мѣстѣ особыми задержками по пути автоматически открываются боковыя спинки вагона, и галька вываливается, а разбѣжавшійся вагонъ задерживается особымъ рабочимъ посредствомъ рычага, придавливающаго вагонъ къ рельсамъ. На нѣкоторыхъ промыслахъ употребляются паровики для откачиванія воды изъ шахтъ и разрѣзовъ. При горныхъ работахъ для удаленія камней употребляются взрывчатые вещества: порохъ, динамитъ, гремучій студень, гераклинъ, электрическіе запалы и проч. ³⁾ На Тихонозодонскомъ прискѣ Ленскаго Т-ва въ 1889 г. производились опыты примѣненія гидравлическаго способа, который показали и мнѣ въ 1891 г. Разрушеніе цѣлика брызгаломъ производится замѣчательно быстро, но не удается передвигать такимъ образомъ къ зумпфу всѣ тяжелые камни. Горный инженеръ Шостаковъ, устроивавшій здѣсь элеваторъ, передвигалъ ихъ дополнительнымъ брызгаломъ. Посредствомъ инжектора вода съ галькою и эфелями всасывалась на верхъ въ трубу, и тамъ было устроено въ одномъ мѣстѣ раздѣленіе: золото съ мелкими камешками падало внизъ и задерживалось на наклонной плоскости, какъ и въ обычныхъ золотопромывальныхъ машинахъ, а галька уносилась далѣе и должна была бы силою воды выбрасываться на галечный отвалъ. Примѣненіе этого способа пока не увѣчалось успѣхомъ ⁴⁾).

¹⁾ „Сибирь“ 1878 г., № 9, стр. 6; *Аэрамоуэ*, стр. 69.

²⁾ Отчетъ Шестакова, стр. 18; отчетъ Ирк. Гор. Упр. за 1889 г. въ Горн. Департ.

³⁾ „Памят. Книж. Якут. Обл. на 1891 г.“, стр. 101, 119, 120.

⁴⁾ Описаніе гидравлическаго способа сдѣлано г. Шостакомъ въ особой книгѣ.

Толщина золотосодержащаго пласта въ Олекминскомъ округѣ колеблется между 3 и 5 аршинами ¹⁾. Среднее содержаніе золота въ 100 п. песку равнялось въ 60-хъ гг.—1 з. 36 д., въ 70-хъ гг. (1870, 76—79 гг.)—3 з. 69 д. и въ 80-хъ гг.—2 з. 77 д. ²⁾. Сообразно съ наиболѣе богатѣмъ содержаніемъ золота въ 70-хъ гг., въ это время добывалось и наибольшее количество золота. Въ 50-хъ гг. (1851—59 гг.) добывалось въ среднемъ по 97 п. въ годъ, въ 60-хъ по 270 п., въ 70-хъ по 703 п. и въ 80-хъ по 622 п. ³⁾.

Естественныя условія Олекминскаго округа — толщина торфовъ, отдаленность отъ торговыхъ центровъ и проч.—привели къ тому, что здѣсь развилась преимущественно крупная золотопромышленность. Въ 60-хъ гг., при общемъ измельчаніи золотопромышленности въ Сибири, въ Олекминскомъ округѣ все же приходилось среднимъ числомъ за это десятилѣтіе по 140 человекъ на приискъ. То же было и въ 70-хъ гг., а именно въ среднемъ за 8 лѣтъ (1870, 73 — 79 гг.) приходилось на одинъ приискъ по 167 чел. рабочихъ, а въ 80-хъ гг. началось и здѣсь измельчаніе промысловъ, а именно въ среднемъ за десять лѣтъ приходилось на одинъ приискъ всего по 91 чел., т.-е. почти вдвое менѣе, чѣмъ въ 70-хъ гг. (мы беремъ во всѣхъ этихъ случаяхъ данныя горнаго вѣдомства, т.-е. число рабочихъ по расчету на одинъ годъ ⁴⁾).

Въ 70-хъ годахъ, по даннымъ горнаго вѣдомства, на промыслахъ Олекминскаго округа въ среднемъ за 10 лѣтъ было 6,700 рабочихъ, въ 80-хъ—5,808, въ 90-хъ (1890—94)—7,125. Количество дѣйствительныхъ рабочихъ обоого пола было въ 80-хъ гг. minimum 10,543 ч. (въ 1881 г.), maximum 13,166 (въ 1889 г.), а въ среднемъ за девять лѣтъ — 11,627 ч. ⁵⁾.

На сибирскихъ промыслахъ принято опредѣлять стоимость производства, раздѣляя всѣ расходы на число годовыхъ рабочихъ; поэтому, встрѣчая выраженіе „стоимость годового рабочаго“, слѣдуетъ разумѣть подъ этимъ не стоимость содержанія рабочаго вмѣстѣ съ его рабочею платою, а частное отъ раздѣленія всѣхъ расходовъ въ данномъ

О нѣкоторыхъ новѣйшихъ техническихъ улучшеніяхъ на промыслахъ Олекм. округа см. „Вѣст. Золот.“ 1895 г., стр. 276, 1896 г. стр. 210, 350, 352, 1897 г. стр. 82.

¹⁾ „Сборн. свѣд. по горнозав. произв. Россіи на 1891 г.“.

²⁾ Но на нѣкоторыхъ промыслахъ содержаніе золота доходитъ до 5—10 зол. См. „Памятная книжка Якут. обл. на 1891 г.“, стр. 100.

³⁾ См. табл. Карпинскаго въ „Трудахъ Вост.-Сиб. Отд. Геогр. Общ.“ 1890 г., т. XXI, № 4 и мои таблицы въ прил. къ I и II томамъ этой книги.

⁴⁾ Въ 60-хъ гг. было промито въ среднемъ за все десятилѣтіе по 16527 п. песковъ въ годъ на одного рабочаго, въ 70-хъ гг. въ среднемъ за 8 лѣтъ (1870, 73—79 гг.) по 11700 п., въ 80-хъ гг. въ среднемъ за 10 лѣтъ по 14140 п. на одного годового рабочаго.

⁵⁾ См. Дополненіе I.

году на одного годового рабочего. Такъ, напр., въ 1882 г. „стоимости годового рабочего“ на разныхъ промыслахъ Олекминскаго округа колебалась между 927 и 1,839 руб. (последняя цифра въ К^о Трапезникова), въ среднемъ же изъ 14 имѣющихся данныхъ — 1,334 р.; на Успенскомъ и Благовѣщенскомъ прискахъ К^о Промышленности и Прибрежно-Витимской около 1,470 р., въ Бодайбинской К^о—1,054 р., въ К^о Плетюхина 1,200 р., въ К^о Базилевскаго 1,770 р., въ Ленскомъ Т-вѣ — 1,500 р. ¹⁾), т.-е. сравнительно съ другими системами стоимость производства очень велика, что объясняется естественными условіями этой мѣстности. Въ 1887—89 гг. въ среднемъ за три года стоимость годового рабочего равнялась въ К^о Промышленности—1,747 р., въ Бодайбинской К^о—1,562 р., въ К^о Базилевскаго—1,450 р., въ Ленскомъ Т-вѣ 1,890 р. ²⁾), т.-е. только у Базилевскаго уменьшилась сравнительно съ 1882 г., а въ остальныхъ трехъ увеличилась. Вообще на промыслахъ Олекминскаго округа, по словамъ г. Михайлова, стоимость годового рабочего колебалась въ концѣ 80-хъ гг. между 1,300 и 1,800 р. Бывшій начальникъ Иркутскаго Горнаго Управленія справедливо указалъ на то, что система эта не даетъ никакого понятія о сравнительной доходности разныхъ промысловъ, и полагаетъ, что „такая расцѣнка дѣлается съ умысломъ затемнить дѣло, что очень на руку управляющему при отчетности предъ своими хозяевами“. Г. Карпинскій замѣчаетъ при этомъ, что, „разлагая расходы на число рабочихъ, они опредѣляютъ его стоимость крайне преувеличенно“ ³⁾).

Одинъ мѣстный наблюдатель въ 1881 г. писалъ, что нѣкоторыя, болѣе крупныя К^о Олекминской системы „даютъ больше, чѣмъ рубль на рубль, но онѣ кажутся бѣдными въ сравненіи съ присками К^о Базанова, Нѣмчинова и Сибирикова Витимской системы по рр. Накатами и Аканаку, впадающимъ въ Бодайбо“ ⁴⁾). По свѣдѣніямъ, заимствованнымъ изъ отчетовъ КК^о Промышленности и Прибрежно-Витимской Базанова, Нѣмчинова и Сибирикова, приски этихъ компаній дали въ 1880 г. — 106%, въ 1882 г. — 86% и въ 1890 г. — 28% чистаго дохода, а въ среднемъ за 14 лѣтъ около 58%.

Во время путешествія иркутскаго генералъ-губернатора на приски Олекминскаго округа были собраны свѣдѣнія за три года (1887—89) относительно доходности нѣсколькихъ компаній. По *собственнымъ показаніямъ* присковыхъ управленій, К^о Базилевскаго имѣла въ среднемъ

¹⁾ „Прилож. I къ вып. I-му Сборн. главн. док. по управ. Вост. Сиб.“ т. VII, отчетъ Шестакова о золот. въ Олекминск. и Витимск. окр. за 1883 г., стр. 23.

²⁾ Записка К. П. Михайлова.

³⁾ „Извѣст. Вост.-Сиб. отд. Геогр. Общ.“ 1886 г. т. XVII, № 3—4.

⁴⁾ *Малиевъ*. „Нѣсколько словъ о золотыхъ промыслахъ въ Олекмин. округѣ Якут. обл.“ „Сборн. сочин. по судебн. медиц.“ 1881 г. т. III, стр. 102.

за эти 3 года 33% чистаго дохода, К^о Промышленности и Прибрежно-Витимская 23% ¹⁾, Демидовой 17,6%, Ленское Т-во 13%, Яково-Николаевское Т-во и Бодайбинская К^о потерѣли убытки. Последняя К^о понесла убытка болѣе полутора милліона рублей, а если къ этому прибавить, что первоначально было употреблено въ дѣло капитала 2.000,000 р., то проникшій въ печать слухъ о грозившей ей несостоятельности на 4 милліона, не представлялъ ничего неправдоподобнаго. Однако К^о нашла поддержку у одного крупнаго кяхтинскаго капиталиста и продолжала вести дѣло въ надеждѣ на лучшее будущее. Надежда эта не обманула ее, и въ операционный 1893—94 г. дивидендъ дошелъ почти до полу-милліона. Ленское Т-во нѣсколько лѣтъ тому назадъ давало доходъ въ 1 милліонъ руб. Дѣло Базилевскаго прежде давало огромные доходы, но въ послѣдніе годы работы почти не производились. Дѣла Липаевыхъ и Патушинскаго въ Витимской системѣ и Демидовой въ Олекминской, а также нѣкоторые мелкіе пріиски даютъ несомнѣнный доходъ, прочіе же пріиски, если вѣрить мѣстному наблюдателю, „по скольку они разрабатываютъ свое золото, приносятъ убытокъ, и если нѣкоторые процвѣтаютъ, то исключительно благодаря побочнымъ доходамъ, главнымъ образомъ торговлѣ“ (т.-е. пріисковымъ лавкамъ, гдѣ рабочіе закупаютъ припасы и товары) „и скупу золота со стороны... Въ Олекминской системѣ мелкіе пріиски поставлены повидимому лучше... потому что тамъ въ большей мѣрѣ распространена система разработки старателями, не требующая никакихъ почти накладныхъ расходовъ... Но здѣсь уже на первый планъ выступаетъ не золото, а барышъ отъ припасовъ и товаровъ, отпускаемыхъ старателямъ“ ²⁾).

Въ контрактахъ обыкновенно опредѣлялось, что, по приходѣ на пріискъ, рабочіе могли одинъ день отдыхать, а затѣмъ поступали въ работу. „Рабочіе раздѣляются на два разряда: на надворныхъ и горныхъ. Къ первымъ относятся всѣ ремесленники: столяры, плотники, слесаря, кузнецы, портные, сапожники и т. п., назначаемые по наряду: прислуга, банщики, конюхи, сторожа при складахъ, амбарахъ, магазинахъ и т. д. Ко вторымъ: забойщики, возчики, свальщики, разборщики и промывальщики. Непосредственнымъ начальникомъ первыхъ, дающимъ каждый день въ контору отчетъ о ихъ дѣятельности, состоитъ надворный смотритель, а вторыхъ — становой, смотрители разрѣза, машинъ, отваловъ, торфа, гальки и другихъ мѣстъ, смотря по тому, гдѣ они находятся въ извѣстный день на работѣ“ ³⁾.

¹⁾ Въ 1889 г. КК^о Промышленности и Прибрежно-Витимская понесли убытокъ.

²⁾ Зал. Михайлова; „Вост. Обзор.“ 1894 г. № 28, 1895 г. №№ 22 и 25, сравн. № 17—18. О. О. „Sibirische Briefe“ 1894, S. 292.

³⁾ Г-съ. Олекминская Калифорнія. „Сборн. разсказ. изъ жизни пріисковаго люда“. Сиб. 1888 г., стр. 256 (перепечат. изъ „Литер. Сборн. изд. Восточн. Обзор.“ 1835 г.).

Продолжительность рабочаго дня опредѣлялась въ контрактахъ такимъ образомъ: въ контрактѣ К^о Промышленности 1870 г. назначено было работать съ 5 часовъ утра до 8 час. вечера съ промежуткомъ въ 2 $\frac{1}{2}$ часа для завтрака, обѣда и отдыха, т.-е. рабочий день равнялся 12 $\frac{1}{2}$ ч. Въ контрактахъ той же К^о 1874 и 78 гг. продолжительность отдыха уменьшена, а именно, съ 10-го сентября по 1-ое мая—по 1 $\frac{1}{2}$ ч. въ день, а съ 1-го мая по 2 ч.; слѣдовательно лѣтній рабочий день равнялся 13 часамъ ¹⁾, при чемъ въ договорѣ 1874 г. пояснено, что „назначеніе рабочихъ часовъ относится къ такимъ работамъ, которыя не могутъ быть опредѣлены уроками“. По контракту той же К^о 1887 г. назначено выходить на работу немедленно по сигнальному звонку, несмотря ни на какую ненастную и бурную погоду, уже часомъ ранѣе, т.-е. въ 4 часа, и работать съ 10 сентября по 1 апрѣля до 6 часовъ, а съ 1 апрѣля по 10 сентября до 8 часовъ вечера; при этомъ назначены были слѣдующіе промежутки для отдыха и принятія пищи: съ 1 апрѣля до 1 октября въ 7 часовъ утра давали $\frac{1}{2}$ часа на завтракъ, въ 11 ч. 1 $\frac{1}{2}$ часа на обѣдъ и въ 4 часа $\frac{1}{2}$ ч. на ужинъ; слѣдовательно, въ лѣтнее время рабочий день продолжался 13 $\frac{1}{2}$ часовъ, а въ зимнее время завтрака и паузина не полагалось, и на обѣдъ давали только часъ, т.-е. рабочий день продолжался 13 часовъ. Въ договорѣ съ К^о Арендаторовъ 1876 г. и съ Плетухиннымъ 1886 и 89 гг. установленъ 13-ти-часовой рабочий день. Въ контрактахъ К^о Трапезнико-выхъ 1870-хъ и 80-хъ гг. и зимою, и лѣтомъ продолжительность рабочаго дня равняется 12-ти часамъ ²⁾, а въ одномъ договорѣ съ ними 1880-хъ гг. продолжительность рабочаго дня зимою опредѣлена въ 10 $\frac{3}{4}$ часа, въ апрѣлѣ—12 $\frac{1}{2}$ часовъ, лѣтомъ до 10 сентября 13 $\frac{1}{2}$ часовъ. Въ договорахъ съ Базилевскимъ 1876, 78 и 80 гг. лѣтній рабочий день равняется 12-ти часамъ, зимній 10 $\frac{1}{2}$ часамъ. Въ договорѣ Ленскаго Т-ва 1883 г. установленъ такой порядокъ: „весною и лѣтомъ вставать въ 4 часа и выходить на работу въ пятомъ часу утра, несмотря ни на какую бурную или дождливую погоду. Отъ 7 $\frac{1}{2}$, до 8 часовъ имѣемъ $\frac{1}{2}$ часа на завтракъ, отъ 11 до часа пополудни — 2 часа на обѣдъ и отдыхъ, въ 4 $\frac{1}{2}$ часа— $\frac{1}{2}$ часа на ужинъ. Работать мы должны на поденной работѣ съ 10 марта до 10 сентября 12 час. въ сутки, а въ осеннее и зимнее время 10 часовъ. Часы выхода на работу, окончаніе ея и время для обѣда въ осенніе и зимніе мѣсяцы назначаются управленіемъ и зависятъ отъ увеличенія или уменьшенія дня. Проходитъ отъ казармъ до мѣста работъ засчитывается въ рабочіе часы,—для сего полагается часъ на 4 версты ³⁾. По договорамъ этой К^о 1890—91 гг., при той же продолжительности рабочаго дня, имѣнено время отдыха и уменьшено количество промежутковъ, а именно, лѣтомъ полагалось работать съ 5 час. утра до 11 час. и съ часу до 7 час., въ осеннее же и зимнее время съ 6 до 11 час. утра и отъ 12 до 5 час. вечера. Для подземныхъ работъ по этимъ контрактамъ продолжительность рабочаго дня опредѣлена въ 11 часовъ и зимою, и лѣтомъ, но въ до-

¹⁾ То же предлагалъ установить и горн. испр. Винниковъ въ своемъ проектѣ нормальнаго контракта, а якутскій губернаторъ считалъ необходимымъ или уменьшить продолжительность рабочаго дня на два часа, т.-е. установить продолжительность его въ 11 часовъ, или предоставить опредѣленіе рабочаго времени свободному договору хозяевъ и рабочихъ.

²⁾ Такъ же въ контрактахъ съ Малопатомскимъ Т—омъ 1880 г. и Чаринскимъ Т-вомъ 1883 г.

³⁾ Ни въ одномъ изъ контрактовъ другихъ компаній мы не встрѣтили такого постановленія.

говорѣ 1894 г. назначено уже для подземныхъ работъ 12 часовъ ¹⁾. Для мастеровыхъ, работающихъ въ мастерскихъ, по договору 1894 г., и зимою, и лѣтомъ назначено 12 рабочихъ часовъ. При разстояніи отъ казармъ до мѣста работъ болѣе $\frac{1}{2}$ версты въ договорахъ 1890—91 гг. на каждую версту полагалось по 8 минутъ на проходъ. О времени выхода на работу или ея окончанія рабочіе извѣщаются колоколомъ или свисткомъ, а по договору 1891 г. двумя звонками, при чемъ второй слѣдуетъ чрезъ $\frac{1}{2}$ часа послѣ перваго. Рабочіе, находящіеся лѣтомъ на промывательной машинѣ, обязаны оставаться при смывкѣ и послѣ вечерняго звонка до окончанія ея.

Слѣдовательно въ контрактахъ Олекминскаго округа продолжительность зимняго дня устанавливается въ $10\frac{1}{2}$ — $13\frac{1}{2}$, а лѣтнаго въ 12— $13\frac{1}{2}$ часовъ; продолжительность подземныхъ работъ только въ одномъ договорѣ Ленскаго Т-ва 1891 г. опредѣлена въ 11 часовъ, но уже въ контрактѣ 1894 г. она повышена до 12 часовъ. Генералъ-лейтенантъ Педашенко въ запискѣ 1885 г. справедливо замѣтилъ, что продолжительность рабочаго дня въ 13— $13\frac{1}{2}$ часовъ слишкомъ велика ²⁾; но въ дѣйствительности, но крайней мѣрѣ въ началѣ 70-хъ годовъ, рабочий день на нѣкоторыхъ пріискахъ доходилъ и до 14 часовъ. „Работы легкой на пріискахъ почти нѣтъ“, говоритъ офицеръ, завѣдывавшій ссыльно-каторжными, въ своемъ отчетѣ за 1872 г.: „почти съ 4-хъ час. утра рабочіе зимою и лѣтомъ находятся на работѣ. Лѣтомъ работаютъ въ крѣпкомъ грунтѣ, котораго безъ кайлы и лома нельзя взять. Зимою, въ жестокіе морозы, работаютъ на шурфахъ или добываютъ лѣсъ, заваленный на сажень снѣгомъ. На пріискахъ же Базанова зимою устраиваются зданія, водокачки и приводы, а лѣтомъ всѣ находятся только на земляной работѣ. Зимою встаютъ въ 4 часа утра, пьютъ чай до работы, съ разсвѣтомъ выходятъ на работу, на обѣдъ дается часъ, съ работы сходятъ, когда стемнѣетъ. Лѣтомъ встаютъ въ три часа утра, на чай утромъ въ 7 часовъ даютъ $\frac{1}{2}$ часа, на обѣдъ $1\frac{1}{2}$ часа, на вечерній чай въ 4 часа по-полудни $\frac{1}{2}$ часа; съ работы, кто не окончилъ урока, сходитъ въ 8 часовъ. Рабочихъ часовъ лѣтомъ можно считать 14, зимою 9“ ³⁾. Въ отчетѣ горнаго исправника Витимской системы за 1879 г. сказано, что рабочіе „задолжаются работами отъ 10 до 14 часовъ въ сутки“ ⁴⁾. По отчету о частной золотопромышленности въ Восточной Сибири за 1883 г. на промыслахъ Витимской системы наибольшая продолжительность рабочаго дня равнялась 13-ти часамъ, наи-

¹⁾ По договорамъ 1891 и 94 гг. „при переходѣ съ дневной сѣмн въ ночную или обратно рабочіе обязаны работать сверхъ своей сѣмн еще 6 часовъ“.

²⁾ Дѣло канц. Иркут. Гор. Упр. № 11, 1883 г., л. 67.

³⁾ Арх. Витим. Горн. Испр., дѣло о ссыльно-каторжныхъ, № 9, л. 109. Полковникъ Купенковъ въ запискѣ 1872 г. говоритъ: работа начинается на промыслахъ „лѣтомъ въ четвертомъ часу, а въ остальное время съ разсвѣтомъ“ (л. 146).

⁴⁾ Арх. Витим. Горн. Испр.

меньшая 8-ми часамъ (первая, очевидно, лѣтомъ, вторая — зимою), а средняя продолжительность— $10\frac{1}{2}$ часовъ, въ Олекминской же системѣ наибольшая—12 часовъ, наименьшая 10, средняя 11 часовъ ¹⁾. Бывшій иркутскій голова Катывцевъ въ запискѣ, поданной имъ генералъ-губернатору Анучину, говорить, что работы начинаются въ 4 часа и оканчиваются въ 8, при чемъ „обыкновенно задаются уроки, невозможные для выполненія“ ²⁾. Въ отчетѣ Прибрежно-Витимской К^о за 1882 г. присковое управленіе утверждаетъ, будто бы въ дѣйствительности продолжительность рабочаго дня на промыслахъ этой К^о равнялась 11-ти часамъ. Одинъ изъ главныхъ представителей КК^о Промышленности и Прибрежно-Витимской, г. Стрижевъ, въ своихъ замѣчаніяхъ на проектъ правилъ о наймѣ рабочихъ (1887 г.) говорить: „по договорамъ“ этихъ КК^о полагается „рабочихъ часовъ: зимою 13, а лѣтомъ $13\frac{1}{2}$; въ дѣйствительности же оно бываетъ далеко меньше, потому что на утреннюю раскомандировку и на время послѣобѣденнаго сбора уходитъ гораздо больше времени, чѣмъ положено по контракту. Однимъ словомъ, время выхода на работу не означаетъ еще собственно начала работъ, слѣдовательно рабочій никогда не задолжаетъ себя 13— $13\frac{1}{2}$, часовъ на работѣ“. Къ сожалѣнію г. Стрижевъ все-таки не говорить, какова же дѣйствительная продолжительность рабочаго дня, между тѣмъ сторонніе наблюдатели,—какъ, напр., офицеръ, завѣдывавшій ссыльнокаторжными,—утверждали, что на промыслахъ К^о Сибирякова, Базанова и Нѣминова рабочій день доходитъ до 14 часовъ, что не противорѣчитъ и отчету горнаго исправника за 1879 г. Плетюхинъ въ своемъ отчетѣ за 1886 г. заявляетъ, что дѣйствительная продолжительность рабочаго дня на его прискахъ—12 часовъ ³⁾. Окружной инженеръ Ленскаго горнаго округа въ отчетѣ за 1889 г. говорить: „Рабочихъ часовъ въ сутки по контракту полагается зимою 11 и лѣтомъ $13\frac{1}{2}$; на самомъ же дѣлѣ собственно горныя работы почти вездѣ урочныя и оканчиваются среднимъ числомъ въ половину (?) и не болѣе $\frac{3}{4}$ контрактнаго времени“ ⁴⁾. Но мы не считаемъ возможнымъ довѣрять этому свидѣтельству, будто бы „средняя продолжительность рабочаго дня“ равнялась 5—7 часамъ, такъ какъ даже г. Плетюхинъ показываетъ, что у него работаютъ по 12 час. Когда знаешь о 10-ти тысячныхъ субсидіяхъ окружнымъ инженерамъ отъ золотопромышленниковъ, теряешь вѣру въ ихъ оптимистическія показанія, а что свидѣтельство г. Штрауса слишкомъ оптимистично, видно, между прочимъ, изъ свидѣтельства г. Ка-

¹⁾ Арх. Горн. Деп.

²⁾ „Восточн. Обзор.“ 1882 г., № 12, стр. 6.

³⁾ Изъ бумагъ Субботина. По контрактамъ Плетюхина рабочіе обязаны были трудиться 13 часовъ.

⁴⁾ Арх. Ирк. Горн. Упр., дѣло канц. № 39, 1889 г., л. 213.

лагеорги (1882 г.), который хотя и утверждает, что „уроки не особенно велики и для здороваго человека легко выполнимы“, но все-таки не рѣшается сказать, чтобы рабочіе *среднимъ числомъ* исполняли ихъ въ половину контрактнаго времени, а говорить только, что они оканчиваютъ ихъ „гораздо ранѣе 8 часовъ вечера“: на каждомъ присѣкъ ему „случалось встрѣчать въ шестомъ часу, а иногда раньше, очень много людей, окончившихъ свои дневные уроки“. Если принять во вниманіе, что рабочіе начинали трудиться въ четвертомъ часу утра, то это не покажется слишкомъ скорымъ окончаніемъ урока для нѣкоторыхъ, очевидно болѣе ловкихъ и сильныхъ, рабочихъ. При томъ, если урочная работа оканчивалась и ранѣе контрактнаго срока, то за нею слѣдовали еще старательская, необходимая для увеличенія слишкомъ незначительнаго заработка съ одной урочной работы. „Мнѣ кажется, я буду близокъ къ истинѣ“, писалъ докторъ Маліевъ въ началѣ 80-хъ годовъ, „если скажу, что старательный работникъ кончаетъ свой урокъ обыкновенно часа въ три, часто даже раньше, начиная его въ 4 и 5 часовъ“. Но „хорошіе работники послѣ урока обыкновенно работаютъ еще нѣкоторое время; управленія поощряютъ эту „старательную“ работу, уплачивая за нее вдвое дороже (и даже больше чѣмъ вдвое). При дороговизнѣ содержанія рабочаго, для управленія выгоднѣе, чтобы каждый рабочій сдѣлалъ какъ можно болѣе“ ¹⁾. Въ настоящее время рабочій, при подходящемъ грунтѣ и исключительной ловкости, иногда кончаетъ урокъ въ 4 часа дня, но другіа артели оканчиваютъ въ 6 часовъ, а лѣтомъ иногда и въ 8 часовъ вечера ²⁾. Авторъ одной основательной статьи о присѣкахъ Олекминскаго округа говоритъ: „рабочіе нерѣдко отработываютъ уроки“ ($1\frac{1}{2}$ куб. саж. на 2 чел. при одной лошади) „къ паузину, къ 4-мъ час. дня“, но это случается, когда грунтъ сухой, не каменистый и не плотный; въ противномъ случаѣ отработка тѣхъ же $\frac{3}{4}$ куб. саж. на человека затагивается до ночи, а иногда и совершенно не вырабатывается ³⁾. Авторъ другой статьи говоритъ о „тяжеломъ 15-ти-часовомъ трудѣ“, который рабочіе не даромъ окрестили мѣткимъ, характернымъ прозвищемъ „вольной каторги“ ⁴⁾.

Почти во всѣхъ контрактахъ Олекминскаго округа золотопромышленники предоставляли себѣ право посылать рабочихъ по своему усмотрѣнію вмѣсто дневныхъ на ночныя работы. Въ договорѣ К^о Промышленности 1870 г. сказано: „въ случаѣ могущей встрѣтиться надобности на производство вмѣсто дня въ ночное время работъ, отъ таковыхъ мы отказываться не должны, а выполнять ихъ въ точности,

¹⁾ „Сборн сочин. по судебн. медиц.“ 1881 г., т. III, стр. 104.

²⁾ „Востоци. Обзор.“ 1896 г. № 28.

³⁾ „Сибирск. Сборн.“ 1889 г., вым. II, стр. 45.

⁴⁾ „Сибирск. рассказы изъ жизни присѣковаго люда“, 255.

какъ бы и днемъ". Въ контрактахъ этой К^о 1874, 78 и 83 гг. этотъ пунктъ выраженъ нѣсколько иначе, а именно, въ случаѣ производства работъ днемъ и ночью рабочіе должны были трудиться безпрекословно по половинѣ сутокъ каждой смѣны ¹⁾, слѣдовательно продолжительность и дневной, и ночной работы должна была равняться 12-ти часамъ. Въ контрактѣ 1887 г. КК^о Промышленности и Прибрежно-Витимской исчезаетъ это естественное ограниченіе продолжительности рабочаго дня: „Въ случаѣ, если бы промышленное управленіе признало нужнымъ производить работы въ ночное время, то таковыя мы должны исполнять наравнѣ съ дневными и обязаны выходить на работу въ тотъ часъ, въ который будетъ назначено отъ управленія КК^о, и ночная работа засчитывается за слѣдующій день, который полагается для отдыха работавшимъ ночью" ²⁾. Въ одномъ изъ договоровъ съ Трапезниковыми 80-хъ годовъ сказано, что ночью рабочіе „должны отдавать такіе же уроки, какъ и днемъ, получая ту же плату, при чемъ освѣщеніе должно быть хозяйское". По контракту съ Базилевскимъ 80-хъ годовъ рабочіе должны были исполнять ночныя работы, если онѣ будутъ поставлены, „наравнѣ съ дневными", при чемъ ночная смѣна должна была выходить на работу тотчасъ же по окончаніи дневныхъ горныхъ работъ. При переходѣ съ дневныхъ на ночныя работы управленіе должно было дать отдыхъ съ обѣда, т.-е. съ 11 час. утра, а выработанное считать за полный урочъ; ночная же выработка считалась за слѣдующій день, въ который рабочіе пользовались отдыхомъ. По договорамъ Ленскаго Т-ва назначеніе рабочихъ въ дневную или ночную смѣну вполне зависѣло отъ управленія, при чемъ продолжительность ночныхъ работъ равнялась дневнымъ. Окружной инженеръ Ленскаго округа въ отчетѣ за 1889 г. утѣряетъ, что вообще „часы ночныхъ смѣнъ не превышаютъ 10", но если бы это было такъ, то почему бы и не сказать этого опредѣленно въ контрактахъ. Полковникъ Купенковъ въ 1872 г. писалъ: „Ортова работы ведутся въ теченіе сутокъ на 2 или на 3 смѣны безъ всякихъ перерывовъ, такъ что каждый рабочій долженъ пробыть подъ землею 8 часовъ... На двѣ смѣны въ ортахъ работаютъ тогда, когда мерзлый грунтъ оттаиваютъ при помощи огня. Въ нѣкоторые періоды производятся на приски ночныя работы, продолжающіяся 8 часовъ. Для этихъ работъ ведется особая очередь. Вообще легкой работы на прискахъ почти нѣтъ; она скорѣе по свойству своего малоуступчиваго грунта и по числу рабочихъ часовъ можетъ быть отнесена къ тяжелымъ". Офицеръ, завѣдывавшій каторжными на прискахъ, въ от-

¹⁾ Такъ же въ контрактахъ Бодайбинской К^о 1880 и 83 гг., Плетюхина 1886 и 89 гг. и Аканакі-Нагатаминскаго Т-ва 1887 г.

²⁾ Такъ же въ договорѣ съ Бодайбинскою К^о 1890 г.

четѣ за тотъ же годъ говорить: „зимомъ много бываетъ суточныхъ работъ въ 3 смѣны по 8 часовъ, не сходя съ работъ“, т.-е. рабочіе трудятся тогда 8 часовъ безъ всякаго отдыха ¹⁾. Въ 1882 году одна мокрая штольня на Благовѣщенскомъ приискѣ Прибрежно-Витимской К^о работалась тремя смѣнами въ сутки, но уполномоченный Серебренниковъ настаивалъ, чтобы возчики смѣнялись только два раза ²⁾. Во время посѣщенія промысловъ Олекминскаго округа мы также слышали, что работа въ три смѣны производится лишь въ рѣдкихъ случаяхъ, преимущественно въ совершенно мокрыхъ шахтахъ. Въ договорахъ Ленскаго Т-ва 1890, 91 и 94 гг. сказано: „въ случаѣ надобности управление можетъ назначить работу на три смѣны, въ продолженіе конхъ мы обязываемся работать безъ отдыха (всю смѣну) въ теченіе восьми часовъ“.

Въ случаяхъ, „не терпящихъ отлагательства“, какъ то: пожара, наводненія, укрѣпленія плотинъ, поправленія дамбъ, канавъ, ортъ, шахтъ, шурфовъ, отлива воды, отвода наледей и провода весенняго льда по каналамъ, рабочіе обязывались оказывать помощь во всякое время днемъ и ночью, въ будни и праздники, и даже въ часы отдыха, при чемъ о вознагражденіи за такую работу упоминается лишь въ немногихъ контрактахъ, а за уклоненіи отъ работъ грозила отвѣтственность по закону. По нѣкоторымъ договорамъ Трапезниковыхъ 70-хъ и 80-хъ гг. за время, проведенное въ такихъ экстренныхъ работахъ, „сокращается срокъ или урокъ въ слѣдующее рабочее время, и за часы экстренной работы ставится двойная плата, опредѣленная поторжному рабочему по расчету за столько же часовъ времени“; въ одномъ контрактѣ съ Трапезниковыми 80-хъ гг. есть условіе о соотвѣтственномъ сокращеніи рабочаго времени или урока въ случаяхъ экстренныхъ работъ, но постановленіе о двойной платѣ отсутствуетъ. По договорамъ съ Вазилевскимъ 1876, 78 и 80-хъ гг. постановлено за экстренную работу давать рабочимъ „двойную плату поторжнаго рабочаго“ ³⁾. По договорамъ Ленскаго Т-ва 1890, 91 и 94 гг. за экстренную работу назначалось вознагражденіе „по усмотрѣнію управления“, а за уклоненіе отъ такихъ работъ опредѣленъ былъ штрафъ въ контрактахъ 1890—91 гг. въ 2 р., а 1894 г.—10 р. (I). Нельзя не обратить вниманія на то, что въ контрактахъ такихъ богатыхъ К^о, какъ К^о Промышленности, отсутствуютъ условія о какомъ бы то ни было вознагражденіи за экстренныя работы ⁴⁾.

¹⁾ Арх. Витим. Горн. Испр., дѣло о ссыльно-каторж. № 9, л. 110, 147.

²⁾ Арх. Иркут. Горн. Упр. К. 2766 № 47—39, л. 72.

³⁾ То же въ контрактѣ Малонатомскаго Т-ва 1880 г.

⁴⁾ Въ проектѣ нормальнаго контракта, составленномъ горн. исправникомъ Винниковымъ въ 1874 г., онъ предлагалъ опредѣлить только выдачу винной порціи всѣмъ бывшимъ на экстренной работѣ.

Въ началѣ 70-хъ гг. управленіе Прибрежно-Витимской К^о относилось къ работамъ, „не терпящимъ отлагательства“, также разгрузку барокъ съ кладью. Рабочіе жаловались полковнику Купенкову, что ихъ заставили производить такую работу въ Троицынъ день; на это одинъ изъ служащихъ объяснилъ, что въ контрактѣ послѣ переименованія работъ, „не терпящихъ отлагательства“, прибавлено: „и проч. и проч.“, а такъ какъ разгрузку необходимо было произвести немедленно, то онъ и считалъ себя въ правѣ выслать на работу въ день, назначенный для отдыха ¹⁾).

Подземныя работы начались въ Олекминской системѣ въ 1860 г. на Иннокентіевскомъ приискѣ Пермикина, съ тѣхъ поръ стали все болѣе распространяться и теперь производятся въ очень большихъ размѣрахъ ²⁾. Въ 1891 г. я спускался въ одну изъ шахтъ Ивановскаго прииска, видѣлъ тамъ вѣчную мерзлоту и взрываніе ея динамитомъ (взрывы эти производятъ особые рабочіе). Лѣстницы здѣсь были хорошия (не стремянки, какъ, напр., въ Салаирскомъ серебряномъ рудникѣ на Алтаѣ), но бленды со свѣчами тутъ не употреблялись. На вѣкоторыхъ приискахъ Ленскаго Т-ва вмѣсто хорошихъ лѣстницъ въ шахтахъ были стремянки. Это очень утомительно для рабочихъ, тѣмъ болѣе, что при отсутствіи блендъ при спусканіи и подыманіи тогда приходилось держать факелъ. Не понимаю, какъ тамъ выносили изъ шахтъ заболѣвшаго или изувѣченнаго рабочаго. Подземныя работы на столько распространены теперь въ Ленскомъ горномъ округѣ, что въ 1896 г. ⁵/₆ всего золота было добыто подземными работами ³⁾.

Почти вездѣ земляныя работы въ Олекминской и Витимской, какъ и въ другихъ золотопромышленныхъ системахъ Сибири, производятся по урокамъ, и съ окончаніемъ урока рабочіе дѣлаются свободными; „обязательное число часовъ“, говорить въ своей запискѣ г. Калагеорги, „относится только къ тѣмъ лицамъ, работа которыхъ не можетъ быть опредѣлена урокомъ, какъ-то: къ проживальщикамъ песковъ, свальщикамъ на машину, рабочимъ при уборкѣ камня изъ разрывовъ и ко всѣмъ, такъ называемымъ, поторжнымъ“.

Утромъ предъ началомъ работъ рабочіе собираются на „раскомандировку“ для распредѣленія работъ. „Порядокъ раскомандировки на торфы и пески“, по словамъ управленія Прибрежно-Витимской К^о (1882 г.), „существуетъ очередной: уроки задаются смотрителями и обозначаются шнурами для того, чтобы рабочій могъ видѣть и провѣ-

¹⁾ Арх. Иркут. Горн. Упр. К. 2544 № 48—103, л. 110.

²⁾ „Сибирь“ 1885 г. № 45, стр. 14; въ Бодайбинской К^о подземныя работы производятся въ большей мѣрѣ, чѣмъ въ другихъ КК^о. „Вост. Обзор.“ 1895 г. № 22.

³⁾ „Вѣстн. Золот.“ 1898 г. № 2, стр. 31.

рить заданный ему урокъ, который замѣняется согласно контракту, а гдѣ грунтъ неспособный, то съ назначенія промысловаго управленія. Распредѣленіе на мѣстѣ работъ принадлежитъ смотрителямъ, на пескахъ же соблюдается, кромѣ того, порядокъ, чтобы, по возможности, всѣ артели имѣли одинаковое количество подъемнаго золота. Вообще за распределеніемъ работы наблюдаютъ каждодневно управляющіе промыслами и становой смотритель“¹⁾. Во время раскомандировокъ объявляются рабочимъ и всѣ распоряженія промысловаго управленія. Такъ въ контрактѣ Ленскаго Т-ва 1891 г. сказано: „Каждое особое распоряженіе, исходящее отъ промысловаго управленія и касающееся рабочихъ людей, должно быть сообщено на раскомандировкѣ рабочихъ людей и кромѣ сего вывѣшено при присковой конторѣ. Послѣ этого никто изъ рабочихъ не въ правѣ отговариваться незнаніемъ распоряженія, а за неисполненіе его подвергается штрафу до 5 р.“. На промыслахъ въ разрѣзахъ, шахтахъ, развѣдкахъ и на машинахъ находятся присковые служащіе и казаки съ цѣлью слѣдить, чтобы рабочіе не похищали золота. Работы въ Олекминскомъ округѣ производятся или въ открытыхъ разрѣзахъ,—при чемъ предварительно снимается торфъ, покрывающій золотоносный пластъ,—или подъ землею.

Размѣръ урока на торфахъ слѣдующій. По контракту К° Промышленности 1870 г. 4 чел. должны были добыть три кубическія саж. торфа разрушистаго напластованія съ отвозкою на 2-хъ лошадяхъ. По контракту той же К° 1874 г. урокъ уменьшенъ: на вскрытіе торфа „при таломъ и способномъ грунтѣ“ съ отвозкою его въ отвалы полагалось на 1 куб. саж. 2 чел. при 1 лош.—уроку довольно умѣренный; при вскрытіи торфа „крѣпкаго и мясиковатаго напластованія“ 5 чел. должны были добыть 2 куб. саж. при 2 лош., слѣдовательно по 2½ куб. саж. на каждого. При откаткѣ торфа въ отвалъ на тачкахъ при таломъ грунтѣ полагалось 4 чел., а при мерзломъ 8 чел. на 1 куб. саж. Эта работа должна была считаться обязательною, а за сработанную сверхъ того производилась праздничная или старательская плата. При добычѣ мерзлаго торфа присковое управленіе опредѣляло количество рабочихъ по своему усмотрѣнію. По договору К° Промышленности 1878 г. урокъ былъ повышенъ (хотя онъ все-таки былъ менѣе назначеннаго въ контрактѣ 1870 г.), а именно, для вскрытія „талого и способнаго торфа“ полагалось уже не 1½ саж. на одного чел., какъ было въ 1874 г., а болѣе,—именно: на 8 чел. при 4-хъ лошадяхъ 5 куб. саж., а при вскрытіи „крѣпкаго и мясиковатаго напластованія“ на 8 чел. 4 куб. саж. при 4-хъ лошадяхъ, т.-е. тотъ урокъ, который по контракту 1874 г. полагался при „таломъ и способномъ грунтѣ“²⁾. По договору К° Промышленности и Прибрежно-Витимской 1887 г. уроки на таломъ „рѣчничковатомъ“ (удобномъ) и „мясниковатомъ“ остав-

¹⁾ Арх. К° Промышленности 1882 г. № 1156.

²⁾ Такой же урокъ, какъ по договору КК° Промышленности 1878 г., назначенъ въ контрактахъ Бодайбинской К° 1880 и 83 гг., въ договорѣ же 1884 г. онъ еще болѣе увеличенъ, а именно, при таломъ и способномъ торфѣ полагалось на 4 чел. при 2 лошад. 3 куб. саж., т.-е. по ¾ куб. саж. на 1 чел. съ отвозкою на лошадяхъ.

лены тѣ же, но уже опредѣленъ точно урокъ на мерзломъ грунѣ, разрушенномъ взрывчатыми матеріалами и пожарами, а именно 8 чел. при 4-хъ лошадахъ должны были выработать 3 куб. саж., при чемъ „уборку камней, удобныхъ для разбивки и отвозки таратайкой“, рабочіе „должны производить съ отвозкою въ отваль“, при чемъ на каждые 10 уроковъ ставились отдѣльные отвальные. При выработкѣ мерзлыхъ торфовъ нужные для оттайки горючіе матеріалы подвозятся особыми людьми, но готовить пожогъ и раскладывать по забоямъ должны сами рабочіе по указанію служащихъ. Урокъ при ручной откаткѣ на тачнахъ увеличенъ сравнительно съ договоромъ 1874 г., а именно, при откаткѣ не далѣе 60 саж. полагалось выработать и отвезти рѣчниковатаго, мясниковатаго и иловатаго торфа 1 куб. саж. уже не 4-мя, а 3-мя чел. По договору Бодайбинской К^о 1890 г. уроки на торфахъ больше, чѣмъ въ К^о Промышленности и Прибрежно-Витимской, а именно, при таломъ рѣчниковатомъ грунѣ 4 чел. при 2-хъ лошадахъ должны были выработать три кубич. саж., при мясниковатомъ съ крупными камнями 2½ кубич. саж., а при мерзломъ грунѣ, разрушенномъ взрывчатыми матеріалами и пожарами — 2 кубич. саж. Слѣдовательно въ К^о Промышленности на 1 рабочаго при отвозкѣ на лошадахъ приходилось талого рѣчниковатаго торфа ⅓ куб. саж., а въ Бодайбинской К^о ⅙. По договору К^о Арендаторовъ 1875 г. урокъ на торфахъ равнялся 1 куб. саж. на 2 чел. съ лошадью при таломъ и удобномъ грунѣ; но съ 1-го мая по 10-ое сентября къ этому прибавлялась *обязательная* выработка ⅓ куб. саж. за повышенную плату. По договору К^о Трапезниковыхъ первой половины 70-хъ гг. при вскрытіи торфа на таломъ и удобномъ грунѣ полагалось 1 куб. саж. на 2-хъ чел. при 1 лошади, а при мясниковатомъ не болѣе 3-хъ чел. ¹⁾, при мерзломъ же пли иномъ неудобномъ грунѣ должны были ставить отъ 3-хъ до 8-ми чел. ²⁾ при 1 лошади съ отвозкою въ отвалы не далѣе 120-ти саж. (по договору 1878 г. не далѣе 150-ти саж., при чемъ на каждые 10 уроковъ назначался одинъ отвальный). Выработка 1 куб. саж. считалась обязательною, однако по желанію рабочихъ позволялось выработывать и болѣе обязательнаго урока, но за обыкновенное вознагражденіе ³⁾, а также за выработку урока меньшимъ количествомъ людей они должны были получать плату, сколько придется на расчету за каждую выработанную кубич. саж. ⁴⁾. Въ договорѣ Трапезникова 80-хъ гг. обязательный урокъ уже значительно увеличенъ, а именно, 2 чел. при таломъ грунѣ должны были выработывать не 1, а 1½ куб. саж., при мясниковатомъ грунѣ полагалось ставить по 3 чел. на 1½ куб. саж., а при мерзломъ — 4 человека при 1 лошади на 1 куб. саж. Выработка урока обязательна, но дозволялось выработывать и болѣе за повышенную плату. При ручной откаткѣ урокъ также увеличенъ, а именно, 3 человека при разстояніи 60 саж. должны были выработать 1 куб. саж. По договору съ Чарынскими Т-вомъ при таломъ и удобномъ грунѣ полагался урокъ въ 1½, куб. саж. на 2-хъ чел. при 1 лошади съ отвозкой въ отвалы не далѣе 75 саж., при мерзломъ грунѣ, иловатомъ и тундрѣ по 4 чел. и 1 лош. Выработка урока обязательна, а за до-

¹⁾ По договору 1879 г. при мясниковатомъ грунѣ — 5 чел. на 2 саж. при 2-хъ лошадахъ.

²⁾ По договору съ тою же К^о 1878 г. отъ 3-хъ до 5-ти чел.

³⁾ По договору 1878 г. той же К^о назначена была повышенная плата.

⁴⁾ При ручной откаткѣ урокъ измѣнялся такимъ образомъ: при удобномъ торфѣ и разстояніи отвала въ 25 саж. 1 куб. саж. должны были выработать 2 человека, при откаткѣ 25—50 саж. 4 чел., при мясниковатомъ торфѣ и откаткѣ 25 саж. — 3 чел., при откаткѣ 25—50 с. — 4 чел.

бытое сверхъ урока платили по той же цѣнѣ, а также за выработку меньшимъ количествомъ людей выдавалась плата, какая придется по расчету за каждую выработанную сажень. Въ договорахъ съ Плетюхинымъ 1886 и 89 гг. относительно вскрытія торфа опредѣленъ размѣръ урока только при ручной откаткѣ, которая была сдѣлана для рабочихъ обязательною, и при томъ урокъ былъ назначенъ очень большой—1 куб. саж. на 2 чел. при разстояніи отвала не далѣе 40 саж. По договору съ Базилевскимъ 1876, 78 и 80-хъ гг. при вскрытіи съ отвозкою въ отвалъ полагалось талого и удобнаго торфа $1\frac{1}{4}$ куб. саж. на двоихъ, а ручнымъ откатомъ то же количество на троихъ. На разстояніи болѣе 20 саж. на каждыя лишнія 10 саж. долженъ былъ прибавляться 1 чел. на тотъ же урокъ; мерзлаго мясниковатаго торфа полагалось 1 куб. саж. на 3-хъ чел., а мерзлаго и каменистаго на 4-хъ чел. съ 1 лош. Въ Ленскомъ Т-вѣ по договору 1883 г. назначены были такіе уроки: для вскрытія торфовъ съ отвозкою въ отвалъ при торфѣ таломъ, удобномъ для добычи, по $1\frac{1}{2}$ в. саж. на 2-хъ чел. при 1 лошади ¹⁾; при торфѣ иловатомъ и тундрѣ по 1 куб. саж. на 2 чел. и 1 лош. ²⁾, при торфѣ съ крупными кореньями и пнями на 1 куб. саж. 3 чел. и 1 лошадь; при торфѣ мераломъ, глинистомъ, требующемъ предварительнаго оттаиванія огнемъ—по 2 чел. на 1 куб. саж., но приготовленіе дровъ должно было производиться другими людьми; съ ручною откаткою: при талыхъ удобныхъ торфахъ полагалось 3 чел. на 1 куб. саж., при торфѣ съ мералотою 4 чел.; разстояніе во всѣхъ этихъ случаяхъ не болѣе 35 саж., а при большемъ разстояніи прибавляется на каждыя 15 саж. разстоянія сверхъ 35 саж. по 1 чел. на забой. За выработку сверхъ урока по договору 1883 г. полагается повышенная старательская плата. Въ договорѣ 1890 г. откатка въ тачкахъ опредѣлялась по разстоянію „на основаніи казеннаго урочнаго положенія“.

Итакъ, въ договорахъ первой половины 70-хъ гг. мы находимъ еще умѣренные обязательные уроки на таломъ удобномъ торфѣ—1 куб. саж. на 2 чел. при 1 лошади. Въ договорѣ К^о Арендаторовъ 1875 г. прибавляется уже обязательная выработка— $\frac{1}{2}$ саж. за повышенную плату, а въ договорѣ Базилевского 1876 г. встрѣчаемъ обязательную прибавку въ $\frac{1}{4}$ саж. безъ повышенія платы. Затѣмъ въ договорахъ Ленскаго Т-ва 1883 г., Водайбинской К^о 1884 г. и Трапезниковыхъ первой половины 80-хъ гг. появляется уже обязательный урокъ на таломъ удобномъ грунтѣ по $1\frac{1}{2}$ в. с. на 2 чел. и 1 лошадь ³⁾. Наконецъ въ договорахъ Плетюхина 1886 и 1889 гг. даже при ручной откаткѣ и при разстояніи до 40 сажень назначается 1 куб. саж. на 2 чел. (впрочемъ у Трапезниковыхъ и въ первой половинѣ 70-хъ г. при разстояніи до 25 саж. задавался такой урокъ при ручной откаткѣ).

Горный исправникъ Винниковъ въ выработанномъ имъ въ 1874 г. проектѣ нормальнаго контракта предлагалъ установить такіе размѣры

¹⁾ То же и по договорамъ 1890—91 гг.

²⁾ По договорамъ 1890—91 гг. на 3 чел. и 1 лош., т.-е. урокъ уменьшенъ.

³⁾ Впрочемъ Купенковъ еще въ донесеніи 1872 г. указывалъ на уроки на торфахъ отъ $\frac{1}{2}$ до $\frac{3}{4}$ куб. саж. на человека. Дѣло Арх. Витим. Горн. Испр. о ссл.-кат. 1872 г. № 9, л. 146.

урока на торфахъ: при таломъ удобномъ грунтѣ на 2 чел. при 1 лошади 1 куб. саж., а при мерзломъ или трудномъ для работъ напластованіи 4—8 чел. При откатѣ торфа въ отвалы тачками при таломъ грунтѣ 4 чел., а при мерзломъ 8 чел. Въ Енисейскомъ округѣ мы видѣли значительное развитіе отрядныхъ работъ на торфахъ, при чемъ артели отрядныхъ рабочихъ заключали особые контракты. Такихъ контрактовъ въ Олекминскомъ округѣ мы не встрѣтили, но слѣдъ этихъ рабочихъ мы находимъ въ проектѣ нормальнаго контракта, составленномъ Винниковымъ, гдѣ въ таблицѣ платы встрѣчаемъ указанія на вскрытіе талого торфа при отвозѣ на лошадяхъ 1 куб. саж. на 1 чел., т. е. двойного количества противъ нормальнаго урока ¹⁾.

Добыча золотоноснаго песку производилась или въ открытыхъ разрѣзахъ, или подземными работами. Разсмотримъ сначала размѣръ уроковъ въ открытыхъ разрѣзахъ.

По контракту К^о Промышленности 1870 г. 4 рабочихъ должны были добыть 3 куб. саж. песку разрушистаго напластованія съ отвозкою таратайками при 2 лошадяхъ. По договору 1874 г. той же К^о урокъ добычи и отвозки песковъ „удобнаго напластованія“ былъ уменьшенъ, а именно 2 чел. съ 1 лош. должны были добыть 1 куб. саж.; при напластованіи утесистаго или сланцеваго ребровика 5 чел. обязаны были добыть 2 куб. саж. при 2 лош., за добычу же сверхъ урока полагалась повышенная старательская плата. Въ договорахъ К^о Промышленности 1878 и 1883 гг. урокъ на пескахъ былъ повышенъ сравнительно съ договоромъ 1884 г., а именно при удобномъ напластованіи 8 чел. должны были добыть 5 куб. саж. при 4 лош., а при напластованіи сланцеваго ребровика или мясниковатаго 8 чел. должны были добыть 4 саж., при томъ же количествѣ лошадей; при утесистомъ же ребровикѣ урокъ нѣсколько уменьшенъ, а именно 8 чел. добывали 3 куб. саж. при 4 лош. ²⁾. Въ договорѣ К^о Промышленности 1887 г. оставленъ тотъ же урокъ, только при 3 или 4 лош., смотря по разстоянію возки. Въ договорѣ Бодайбинской К^о 1890 г. урокъ болѣе, чѣмъ въ договорѣ К^о Промышленности 1887 г., и болѣе, чѣмъ въ договорѣ Бодайбинской К^о 1884 г., а именно: 4 чел. при 2 лош. должны были добыть и промыть песковъ при рѣчниковатомъ напластованіи 3 куб. саж., при напластованіи—рѣчникъ съ ребровикомъ и сланцеватый ребровикъ—2¹/₂, куб. саж. и при напластованіи утесистаго ребровика—2 куб. саж. По договорамъ К^о Трапезниковыхъ 70-хъ гг. урокъ назначенъ большой: 5 чел. при 2 лош. должны были добыть и вывезти 3¹/₂ куб. саж. Въ договорахъ Трапезниковыхъ 80-хъ годовъ урокъ еще болѣе увеличенъ, а именно то же количество песковъ должны были добыть изъ цѣлика и вывезти при 2 лош. не 5, а 4 чел. По договорамъ съ Базилевскимъ 1876, 78 и 80-хъ гг., забойщики и возчики песковъ на машину должны были 5 чел. съ 2 лош. добыть и отвезти 3 куб. саж. При ручной откатѣ песковъ въ тачкахъ на разстояніи до 20 саж. съ отборкою крупнаго камня, очисткою его и откаткою въ особое мѣсто полагалось выработать и отвезти 1 куб. саж. на тронхъ; при разстояніи болѣе 10 саж. на

¹⁾ Арх. Ирк. Горн. Упр. К. 2765, № 37—30, л. 51.

²⁾ Такой же урокъ въ контрактахъ Бодайбинской К^о 1880 и 1883 гг. Въ договорѣ 1884 г. уроки увеличены.

каждыя 10 саж. откатки прибавлялся одинъ человѣкъ на каждый урокъ. По договору Ленскаго Товарищества 1883 г. 4 чел. при 2 лош. должны были добыть 3 куб. саж. Учетъ урока для каждой артели производился смотрителемъ разръза куб. мѣрою или опредѣленіемъ вѣса одной полной таратайки земли и числомъ вывезенныхъ таратаекъ, принимая вѣсъ одной кубической сажени среднимъ числомъ въ 1200 пуд. Такой же урокъ при добычѣ песковъ изъ разръзовъ назначенъ и въ договорахъ Ленскаго Т-ва 1890—91 гг., при добычѣ же песковъ изъ отваловъ и перевозкѣ ихъ на машину 4 чел. и 2 лош. должны были поставить $3\frac{1}{2}$ куб. саж., т.-е. значительно умѣреннѣе, чѣмъ въ договорѣ Трапезниковыхъ. По договору Малопахотскаго Т-ва 1880 г. урокъ при добычѣ и отвозкѣ песковъ изъ разръзовъ такой же, какъ и въ договорахъ Ленскаго Т-ва, при добычѣ же изъ готовыхъ отваловъ болѣе, а именно $3\frac{1}{2}$ куб. саж. должны были добыть и отвезти при 2 лош. не 4, а 3 чел. Огромные уроки были назначены въ Аканакъ-Накатминскомъ Т-вѣ по договору 1886 г.: 2 чел. при 1 лош. должны были вывезти $1\frac{1}{2}$ куб. саж., а при откаткѣ на тачкахъ 2 чел. 1 куб. саж. У Плетюхина въ договорахъ 1886 и 89 гг. на пескахъ, какъ и на торфахъ, полагался огромный урокъ съ обязательною ручною откаткою въ тачкахъ (не далѣе 40 саж.)—1 куб. саж. на 2 чел. Такъ какъ въ 1 куб. саж. песку считается 1200 пуд. и такъ какъ въ тачкѣ помѣщается 5 пудовъ песку, то слѣдовательно возчикъ долженъ былъ сдѣлать 19200 саж. пути, т.-е. 38 верстъ, что едва ли возможно: нужно думать, что или разстояніе откатки было менѣе, или урокъ не выполнялся и рабочіе могли подвергаться штрафованію.

Итакъ, уроки на пескахъ при добычѣ изъ разръзовъ удобнаго напластованія и при отвозкѣ на лошадяхъ равнялись на каждого человѣка $\frac{1}{2}$ саж. (договоръ К^о Промышленности 1874 г.), $\frac{3}{5}$, $\frac{5}{8}$, $\frac{7}{10}$, $\frac{3}{4}$ и $\frac{7}{8}$ куб. саж. (последній въ К^о Трапезниковыхъ 80-хъ гг.), т.-е. замѣтно увеличеніе размѣровъ уроковъ на пескахъ, какъ и на торфахъ. Урокъ съ ручною откаткою доходилъ въ нѣкоторыхъ договорахъ до $\frac{1}{2}$ куб. саж. на человѣка. Уменьшеніе размѣра уроковъ К^о Промышленности въ 1874 г., сравнительно съ контрактомъ 1870 г., вѣроятно было слѣдано въ виду тогдашнихъ заботъ высшей администраціи Восточной Сибири о прискоковыхъ рабочихъ. Въ проектѣ нормальнаго контракта горный исправникъ Винниковъ предлагалъ назначить урокъ при добычѣ золотосодержащаго песку изъ разръза съ доставкою на машину на лошадяхъ—1 куб. саж. на 2 чел., но считая въ томъ числѣ забойщиковъ, возчиковъ, свальщиковъ и разборщиковъ гальки.

Въ запискѣ завѣдывающаго ссыльно-каторжными рабочими на приискахъ Олекминскаго округа 1876 г. указанъ такой размѣръ уроковъ на пескахъ: 10 чел. при 2 лош. должны были добыть отъ 4 до 6 куб. саж. золотосодержащаго пласта, т.-е. отъ $\frac{2}{5}$ до $\frac{3}{5}$ куб. саж. на человѣка, но при весьма небольшомъ количествѣ лошадей ¹⁾.

При подземныхъ работахъ выработка была конечно менѣе, такъ какъ работа замедлялась установкою стоекъ, огнивѣ и подхватовъ.

¹⁾ Дѣло Арх. Вят. Горн. испр. 1875 г. № 5 (о ссыльно-каторж.), л. 128.

Определение уроковъ при добычѣ песковъ подземными работами въ контрактахъ К^о Промышленности мы встрѣчаемъ впервые въ договорѣ 1874 г.¹⁾: въ ортовыхъ работахъ урокомъ полагается при добычѣ песковъ въ ортахъ, подкатахъ и нагрузкѣ для подъема изъ шахтъ, считая 12 огнивъ въ одной погонной сажени, при ширинѣ орты 4 арш. и вышины 3 арш., 3 чел. на 2 огнива, т.-е. по 2 куб. арш. на человѣка²⁾. Въ договорѣ той же К^о 1878 г. урокъ уже увеличенъ: „при добычѣ песковъ изъ орты и штоленъ дневной урокъ полагался: 2 забойщикамъ вынуть и подкатить къ зунфу шахты, на каждого человѣка, по 3 куб. арш.; при ширинѣ орты въ 4 арш. ставить по 2 забойщика, которые обязаны выработать 6 куб. арш., при ширинѣ же орты въ 6 арш. ставить 3 забойщика, которые обязаны выработать 9 куб. арш.: стойки и огнивы устанавливать обязаны забойщики, равно въ случаѣ мерзлоты для оттаиванія предварительно класть дрова и уголь: подхваты устанавливаетъ особый плотникъ“. За выработку сверхъ урока полагалась повышенная старательская плата. „Въ случаѣ дальней отвозки песковъ изъ орты посредствомъ лошадей добавляется, смотря по отдаленности, 1 возчикъ съ лошадыю на 1 или на 2 забоя, а забойщики обязаны подкатывать вагоны къ штольнѣ, гдѣ проложена конная дорога“³⁾. Въ контрактѣ К^о Промышленности 1887 г. уроки въ подземныхъ выработкахъ опредѣлены подробнѣе, а именно: „При добычѣ песковъ изъ орты съ подкаткою песковъ ко двору шахты, зунфу, или устью штольни дневной обязательный урокъ полагается на каждого человѣка при откаткѣ не менѣе 40 саж.: а) при напластованіи рѣчниковатаго слабого грунта по 3½ куб. арш. на человѣка; б) при напластованіи рѣчниковатомъ со связью и съ ребровикомъ по 3 куб. арш.; в) при напластованіи съ задировъ съ болѣе крѣпкимъ и крупнымъ ребровикомъ по 2½ куб. арш. Забойщиковъ ставится при ширинѣ орты, штольни и др. 4-аршинной 2, при 1 откатчикѣ, а при ширинѣ 6-ти аршинной 2 забойщика и 2 откатчика“, и эти рабочіе, кромѣ выработки указаннаго урока, обязаны ставить и укрѣплять стойки, огнивы, а въ случаѣ мерзлоты класть дрова и уголь. Для взрыва камней назначается особый бурильщикъ⁴⁾. Въ договорѣ Трапезниковыхъ 1878 г. урокъ опредѣленъ такимъ образомъ: 2 рабочимъ выработать и выкатать ко двору шахты, „по размѣру орты шириною 5 арш. и вышиною 3 арш., погонной мѣры вдоль орты 1½ арш., что составитъ 7½ куб. арш., и выбранное мѣсто закрѣпить.... Откатка песковъ ко двору шахты должна быть не далѣе 30 саж., въ противномъ случаѣ прибавляется на забой 1 чел. Въ договорѣ Трапезниковыхъ 80-хъ гг. увеличено и максимальное разстояніе откатки, и размѣръ выработки, а именно 2 чел. полагалось выработать и выкатать песковъ „по принятому размѣру орты 9 куб. арш., выработанное мѣсто закрѣпить, а крупный камень, оставшійся отъ работъ, убирать на указанное мѣсто... Откатка песковъ не должна превосходить 50 саж., въ противномъ же случаѣ ставится на забой 3 чел... Потребные для подземныхъ работъ освѣтитель-

¹⁾ Въ договорѣ этой К^о 1870 г. объ ортовыхъ работахъ говорится условно: „если изъ насъ нѣкоторые потребуются для работъ ортами, штреками, шурфами“, то отказываться не должны.

²⁾ Такой же урокъ предлагалъ установить гори. испр. Винниковъ въ проектѣ нормальнаго контракта 1874 г.

³⁾ Тоже въ контрактахъ Бодайбинской К^о 1880, 83 и 84 гг.

⁴⁾ Тоже въ контрактѣ Бодайбинской К^о 1890 г. Въ 1894—95 гг. въ Бодайбинской К^о рабочій долженъ былъ выработать уже 4½ куб. арш., но въ мѣстахъ наиболѣе мокрыхъ и тамъ, гдѣ встрѣчается особенно твердая порода, урокъ остался въ 3 куб. арш. „Вост. Обзор.“ 1895 г. № 22.

ные материалы и горючіе для тайки забоевъ должны быть хозяйскіе, отъ рабочихъ же требовалось раскладывать ихъ по забоямъ и зажигать. По договорамъ съ Базилевскимъ 1876, 78 и 80 гг. забойщикъ и откатчикъ должны были 6³/₄ куб. арш. въ 1 или 2 забояхъ протаять, закрѣпить готовыми крѣпями и выкатать пески. По договору съ Ленскимъ Т-вомъ 1883 г. на каждого человѣка полагалось выработать 3 куб. арш.¹⁾ „съ оттайкою мерзлоты дровами или углями, съ подкаткою подземнымъ ходомъ до мѣста подъема и съ постановкою крѣпи. Доставлять же до шахтъ материалы для оттайки и крѣпленія, а также устанавливать подхваты должнъ особо назначаемые для этого рабочіе“. Въ договорѣ Ленскаго Т-ва 1891 г. вмѣсто назначенія уроковъ установлена задѣльная плата по количеству вынутыхъ пудовъ песку (см. ниже). По договору К^о Арендаторовъ 1875 г. при добычѣ песковъ въ ортахъ и подземѣ ихъ изъ шахтъ на поверхность назначено дневнымъ урокомъ на одного чел. поставить обязательно одно огниво, полагая 12 огнивъ въ одной погонной сажени, при чемъ въ одномъ огнивѣ или одной погонной четверти опредѣлено было считать половину въ старанье (слѣдовательно на двухъ урокъ былъ ¹/₂ погон. арш.). По договору съ Малопатомскимъ Т-вомъ 1880 г. назначенъ былъ урокъ на Романовскомъ принскѣ: „каждому человѣку протаять, выбрать, выкатать въ отвалъ или къ зунфу шахты,... принести крѣпи, закрѣпить выработку въ просѣчкахъ“ въ штольняхъ различной ширины и вышины 4 куб. арш. или одну погонную четверть въ просѣчкахъ 4-хъ арш. ширины и 4-хъ вышины, а на Кадаликанѣ на Ненасытномъ принскѣ—по 2¹/₄ куб. арш. и приготовить пожогн на слѣдующій день. Если откатка земли будетъ далѣе 25 саж., то управленіе обязано прибавлять на каждыя 16 куб. арш. земли 1 чел. сверхъ 4 чел., обязанныхъ ихъ выработать. „Подноски къ забоямъ угля, дровъ, крѣпей“ возлагалась на обязанность рабочихъ „безъ помощи управленія, которымъ эти материалы должны быть доставлены только къ шахтѣ или ортѣ“. По договору съ Чаринскимъ Т-вомъ 1880 г. 2 чел. обязывались выбрать и выкатать по принятому размѣру орты (6 арш. ширины и 3¹/₂ арш. вышины) ¹/₂ арш. погонной мѣры, что составляетъ 10¹/₂ куб. арш. на 2, или 5¹/₄ арш. на каждого—самый большой изъ всѣхъ извѣстныхъ намъ уроковъ подземной выработки²⁾.

Слѣдовательно, въ подземныхъ выработкахъ по разнымъ договорамъ на каждого человѣка приходилось добыть и откатить ко „двору“ шахты, иногда въ вѣчной мерзлотѣ, по 2¹/₄, 2¹/₂, 3³/₈, 3¹/₂, 3³/₄, 4, 4¹/₂ и 5¹/₄ куб. арш. (послѣдній урокъ по договору съ Чаринскимъ Т-вомъ 1880 г.). Офицеръ, завѣдывавшій ссыльно-каторжными рабочими, въ отчетѣ за 1876 г. такъ опредѣляетъ урокъ въ ортовыхъ работахъ: на 2 забойщиковъ и 2 откатчиковъ полагалось поставить 2 огнива, т.-е. выработать ¹/₂ арш. погона при 4¹/₂ арш. вышины и 5—6 и болѣе арш. ширины, т.-е. по 2³/₄, 3³/₈ и болѣе куб. аршинъ на человѣка³⁾. Это свидѣтельство показываетъ, что требованія контрактовъ не оставались мертвою буквою.

Въ 1875 г., какъ мы видѣли, по договору К^о Арендаторовъ по-

¹⁾ То же въ договорѣ Ленскаго Т—ва 1890 г.

²⁾ „Откатка песковъ ко двору“ шахты „должна быть не далѣе 20 саж., въ противномъ случаѣ управленіе обязано было прибавлять одного чел. на забой.

³⁾ Дѣло Арх. Вит. Горн. Испр. 1875 г. о ссыльно-кат. № 5, л. 128 об.

лагалось на одного человека поставлять одно огниво, т.-е. выработать $\frac{1}{4}$ арш. погону, при чем половина считалась въ „стараніе“. Отсюда слѣдуетъ заключить, что было время, когда обязательная выработка на *двухъ* должна была равняться только $\frac{1}{4}$ арш. погону или на одного— $\frac{1}{8}$ арш. погону. Это подтверждается записною книжкою одного стараго присковаго служащаго (г. Субботина), который сообщаетъ между прочимъ слѣдующія свѣдѣнія объ ортовой выработкѣ песковъ зимою 1871 г. на Вознесенскомъ прискѣ компаніи Трапезниковыхъ по рч. Хомолко. „Одинъ забойщикъ и 1 возчикъ или откатчикъ должны выработать хозяйскихъ одну огниву, т.-е. пройти впередъ $\frac{1}{4}$ арш., вышиною $3\frac{1}{2}$, а шириною 4 арш., что составитъ... кубическихъ $3\frac{1}{2}$, арш.“ (на двоихъ). „Слѣдовательно, на кубическую сажень выходитъ 15,4 подешницъ. Но сверхъ хозяйской огнивы вырабатываютъ еще старательскую 1 и даже 2, если оттайка была благопріятна и проникла на глубину 3 огнивъ... Вообще это обстоятельство не доведено до настоящей выработки. Рабочіе хозяйскую огниву кончаютъ рано,—такъ къ 12 ч. утра, что замѣчено предъ наступленіемъ льготныхъ дней масляницы. Можно сказать, что хозяйскій урокъ долженъ состоять изъ 2 огнивъ“ (это требованіе и было скоро введено въ контрактъ Трапезниковыхъ, какъ мы видѣли выше). „Начинаютъ работать въ ортахъ съ семи часовъ утра“ (ранѣе оттаиваются забои) „и когда подберутъ талые пески, идутъ на обѣдъ около 10 часовъ, забои немного затапливаютъ, преимущественно однимъ углемъ, и часа черезъ три, т.-е. въ одинъ часъ, какъ прогорятъ угли, выходятъ на работу и продолжаютъ до 3 часовъ хозяйскую и старательскую работу“. Тутъ мы наглядно видимъ, какъ въ ортовыхъ работахъ повторился тотъ же процессъ увеличенія уроковъ, что и въ надземныхъ работахъ: первоначально задаются небольшіе обязательные уроки, потомъ налагается обязательный старательскій урокъ, далѣе этотъ старательскій урокъ включается въ обязательную норму за обыкновенную плату, а затѣмъ урокъ растетъ и далѣе, при чемъ желающимъ предоставляется право увеличивать заработокъ добровольнымъ стараніемъ, но уже по окончаніи весьма значительнаго урока. Впрочемъ слишкомъ громадныя уроки, какъ въ Чаринскомъ Т-вѣ (1880 г.), очевидно, вызываютъ раздраженіе рабочихъ: не даромъ на прискахъ этого товарищества было волненіе въ 1884 г. Любопытно, что мотивомъ возможности увеличенія урока г. Субботинъ выставляетъ то, что передъ масляницею рабочіе очень рано оканчиваютъ заданную имъ работу. Такіе случаи бывають и теперь. Такъ г. Кряжевъ, быть можетъ, черезчуръ обобщая наблюденія, сдѣланныя имъ на нѣсколькихъ прискахъ, говоритъ: „Обыкновенно къ кануну отдыха рабочіе отрабатываютъ двойной урокъ, чтобы и этотъ день имѣть свободнымъ. На однихъ прискахъ рабочіе въ канунъ отдыха вовсе не ходятъ на ра-

боты, сдавъ урокъ за этотъ день, а на другихъ—рабочихъ заставляютъ придти хоть урокъ сдать“¹⁾. Такимъ образомъ, передъ кануномъ отдыха, особенно напрягая свои силы, рабочіе вырабатываютъ двойной урокъ, чтобы затѣмъ имѣть, вмѣсто одного, два дня отдыха, но такое напряженіе, если и проходитъ имъ даромъ, то только потому, что они отдыхаютъ потомъ 2 дня, но ввести такой двойной урокъ ежедневно было бы совершенно невозможно при нынѣшнихъ размѣрахъ уроковъ.

За недоработку уроковъ въ контрактахъ назначались вычеты или штрафы, превышающіе размѣръ платы за недоконченную работу; гораздо рѣже встрѣчаемъ условія объ отработкѣ недоработаннаго урока. Въ контрактахъ Базилевскаго 1876, 78 и 80-хъ гг. сказано: „за недоработку уроковъ, за подвозъ неполныхъ таратаекъ песковъ и торфовъ, если урокъ заданъ счетомъ ихъ, за самовольную отлучку съ работъ и за поздній выходъ на оныя подвергаемъ себя вычетамъ изъ заработка *одное* противъ получаемой виновными изъ насъ въ тотъ день платы, но если недоработка произойдетъ отъ слишкомъ большой твердости грунта и не будетъ превышать на 1 чел. 1 куб. арш. въ подземныхъ работахъ или 3 куб. арш. въ работахъ открытыхъ, то вмѣсто штрафа выставить“ (т.-е. заносить въ расчетные листы уменьшенную) „плату, определенную контрактомъ за работы поторжныя, т.-е. 30 коп.“ (въ договорѣ 80-хъ гг. 40 коп.) зимою и 60 коп. лѣтомъ“. По договору Ленскаго Т-ва 1883 г., „если урокъ не будетъ выработанъ до окончанія срока дневной работы, то приставленные къ этому уроку рабочіе должны его покончить и подогнать въ теченіе слѣдующихъ трехъ дней; въ противномъ случаѣ съ насъ вычитается за недоработку въ размѣрѣ платы за старательскую работу“. Но въ договорахъ Ленскаго Т-ва 1890 — 91 гг. не упоминается уже ни объ отработкѣ уроковъ, ни о вычетахъ въ размѣрѣ старательскаго вознагражденія, а назначенъ штрафъ въ размѣрѣ поденной платы. Въ договорѣ съ Аканакъ-Накатаминскимъ Т-вомъ 1886 г. сказано: „Въ порученныхъ намъ урочныхъ работахъ обязываемся отвращать недоработки, и если таковыя будутъ нами допущены изъ лѣности или нерадѣнія, то за недоработку уроковъ управленіе Т-ва имѣетъ право съ насъ вычитать изъ платы, слѣдующей намъ за урокъ“. При недоработкѣ урока въ подземныхъ работахъ рабочіе, должны были получать плату, положенную для поторжныхъ работъ, или даже менѣе, смотря по количеству вынутыхъ песковъ и по расчету платы, слѣдующей за полный выработанный урокъ²⁾. Г. Михайловъ въ своей

¹⁾ „Русская Жизнь“ 1894 г. № 44. По словамъ другого мѣстнаго наблюдателя, „стремленіе золотопромышленниковъ къ увеличенію интенсивности труда и между прочимъ уроковъ, назначаемыхъ рабочимъ, несомнѣнно существуетъ“. „Восточ. Об.“ 1895 г. № 28, стр. 2.

²⁾ Ср. „Сибирскій Сборникъ“ 1889 г., вып. II, стр. 45.

запискѣ (1890 г.), говорить, что на прискѣ Патушинскаго „опредѣляется, несмотря ни на какія условія, выработать артели изъ 4 чел. $3\frac{1}{2}$ куб. саж. песку, при чемъ за каждую такую сажень назначается плата по 1 руб. 50 коп., а за каждую недоработанную сажень вычитается по 5 руб. 40 коп.“ Далѣе, въ той же запискѣ г. Михайловъ высказываетъ мысль, что „всякія условія вычета за недоработку, а тѣмъ болѣе того количества урока, за которое назначалась увеличенная плата, безусловно должны быть запрещены“. Отъ одного олекминскаго золотопромышленника мы слышали, что рабочіе стараются нагнать недоработку въ слѣдующіе дни. Постановление объ отработкѣ недоработаннаго урока, кромѣ приведеннаго условія въ контрактѣ Ленскаго Т-ва 1883 г., мы встрѣтили изъ всѣхъ извѣстныхъ намъ договоровъ только въ контрактѣ К^о Промышленности 1870 г., гдѣ сказано: „если мы, почему бы то ни было, не выработаемъ назначенныхъ въ день уроковъ торфа или золотоноснаго песку... или же не окончимъ другой какой либо урочной работы, то мы должны все это отработать на другой день сверхъ урочной работы этого дня“. Въ контрактѣ К^о Промышленности 1887 г. и въ сходномъ съ нимъ договорѣ Бодайбинской К^о 1890 г. за недоработку урока „по лѣности и нерадѣнію“ назначенъ штрафъ каждый разъ по два рубля ¹⁾.

Въ 50-хъ и 60-хъ гг. прежде необязательныя старательскія работы въ воскресныя и праздничныя дни сдѣлались постепенно обязательными, о чемъ мы и встрѣчали постановленія въ контрактахъ этого времени ²⁾. Подробныя условія объ этомъ золотопромышленникамъ приходилось вносить въ договоры до 1870 г., потому что по дѣйствовавшему тогда закону 1838 г. работы по воскресеньямъ и праздникамъ были необязательны. Послѣ того какъ это правило не было повторено въ законѣ 1870 г., золотопромышленники могли уже не церемониться съ рабочими, и слѣдъ прежней необязательности воскресной и праздничной работы остался только въ повышенной платѣ за эти дни (и то не во всѣхъ договорахъ) ³⁾, при чемъ въ договорахъ устанавливалась всегда обязательность работы какъ въ будни, такъ и въ праздники. Въ договорахъ

¹⁾ Въ концѣ 1871 г., по предложенію высшей мѣстной власти, должны были быть отменены, такъ называемыя „калтайныя работы, по которымъ рабочій, окончившій свой урокъ ранѣе другихъ, долженъ былъ помогать недоработавшимъ“. Арх. Ир. Горн. Упр. К. 2549, № 126—71, л. 457.

²⁾ Остатокъ этихъ старыхъ условій мы находимъ въ контрактѣ К^о Промышленности 1870 г.

³⁾ Такъ въ договорахъ съ Базилевскимъ 1876, 78 и 80 гг. рабочіе обязывались работать въ праздники за ту же плату, что и въ будни, и повышенное вознагражденіе полагалось лишь за сверхурочную работу. Ту же плату въ праздники, что и въ будни, рабочіе должны были получать и по договорамъ Ленскаго Т-ва 1883, 90, 91 и 94 гг. и Малопатомскаго Т-ва 1880 г.

К^о Промышленности 1874, 76 и 83 гг. прямо сказано, что „всѣ производимыя въ воскресные и табельные дни работы считать старательскими“ (съ повышенной платою). Затѣмъ изъ всѣхъ извѣстныхъ намъ контрактовъ мы встрѣтили упоминаніе объ обязательномъ стараніи лишь въ договорѣ К^о Арендаторовъ 1875 г., гдѣ на работахъ въ разрѣзахъ сверхъ урока—1 куб. саж. на 2 чел. съ 1 лошадыю — съ 1-го мая по 10-е сентября полагалось еще выработать $\frac{1}{2}$ старательской кубической сажени, а при ортовой работѣ въ одномъ огнивѣ или одной погонной четверти, обязательныхъ для каждаго рабочаго, половину условлено было считать въ стараніе ¹⁾).

Купенковъ въ своей запискѣ, составленной въ 1872 г., говоритъ, что хозяева, давая за старательскую работу повышенную плату, „въ то же время при посредствѣ этой приманки заставляютъ работать людей въ праздничные дни и сверхъ положеннаго урока, въ ущербъ ихъ силъ и времени для восстановленія ихъ. Сущность старательской работы заключается въ желаніи золотопромышленника, прокармливая меньшее число людей, выполнить ими возможно большее количество работы, т.-е. заставляя рабочихъ вмѣсто 25 дней работать 30, сберегать этимъ путемъ содержаніе отъ тѣхъ людей, которые потребовались бы на выполнение работы въ остальные 5 дней или на $\frac{1}{6}$ часть команды“. При этой системѣ требовалось и меньшее количество лошадей ²⁾).

Въ другихъ договорахъ мы встрѣчаемъ упоминаніе о старательскихъ работахъ въ смыслѣ необязательнаго добавочнаго сверхъ урока труда за повышенную плату (нѣкоторыя изъ такихъ постановленій мы приводили, когда говорили о размѣрахъ уроковъ). Такъ, напримѣръ, въ контрактахъ Базилевскаго 1876, 78 и 80-хъ гг. сказано: „При урочной работѣ, окончивъ данный намъ урокъ, мы въ тотъ день должны быть свободны, если сами не пожелаемъ заняться старательскою работою“. Въ договорѣ Ленскаго Т-ва 1883 г. сказано: „что выработается въ день сверхъ дневнаго урока, то называется старательскою работою“. Такія сверхурочныя старательскія работы болѣе въ обычаѣ тамъ, гдѣ менѣе подъемнаго золота.

Кромѣ общихъ сверхурочныхъ старательскихъ работъ, такими работами называются еще отдѣльныя старанія на золото. Въ этомъ смыслѣ главный управляющій Ѳ. Базилевскаго въ запискѣ 1890 г. го-

¹⁾ Въ проектѣ нормальнаго контракта, составленномъ Винниковымъ въ 1874 г., онъ предлагалъ постановить, чтобы лѣтомъ рабочіе исполняли полуторный урокъ съ особою платою за добавочную половину урока (старательскую), въ зимнее же время въ будни работать одинъ урокъ, а добавочную работу (старательскую) производить только въ воскресные и праздничные дни, при чемъ всякая затѣмъ земляная добавочная работа должна производиться по обоюдному соглашенію.

²⁾ Ср. „Сибирскій Сборникъ“ 1889 г., вып. II, стр. 45—47.

ворить: „на Вѣрномъ прискѣ нѣтъ подъемнаго золота, и только въ видѣ награды каждому рабочему поочередно дозволяется стараться, при чемъ, смотря по прилежанію и поведенію, управленіе позволяетъ имъ представлять въ контору старательскаго золота отъ 20 до 70 руб.“¹⁾. О подобныхъ же старательскихъ работахъ въ одной газетной статьѣ сказано: нѣкоторые разночинцы „получаютъ отъ становаго старательскія записки на 15 руб.“ (очевидно съ правомъ намыть золота на 15 руб.). „Съ этими записками они идутъ къ штейгеру, который и отводитъ имъ пески“. Обыкновенно нѣсколько человѣкъ соединяются въ одну артель и общими силами устраиваютъ бутары и вашгерды для промывки песковъ, а нѣкоторые предпочитаютъ стараться въ одиночку, промывая пески на лоткахъ²⁾. Въ К^о Промышленности поторжнымъ рабочимъ, не работающимъ въ шахтахъ и получающимъ подневное вознагражденіе (по 60 к. въ день) компанія раздаетъ билеты на старательскую работу въ мѣстахъ отработанныхъ или разработка которыхъ на счетъ компаніи не удобна. Тѣ изъ нихъ, которые не могутъ по роду своей службы или не желаютъ сами „стараться“, продаютъ свои билеты или отдаютъ съ половины такъ называемой „летучкѣ“, т.-е. рабочимъ, тайно добывающимъ золото, а иногда и якутамъ³⁾. Когда начала строиться сибирская желѣзная дорога и рабочіе съ промысловъ стали уходить на желѣзнодорожныя работы, нѣкоторые золотопромышленныя компаніи открыли старательскія работы для всѣхъ безъ исключенія рабочихъ, чтобы удержать ихъ на прискахъ⁴⁾. Водайбинская К^о, для облегченія положенія школьниковъ, даетъ имъ старательскія работы, и они, учась въ школѣ, въ то же время зарабатываютъ на свое содержаніе⁵⁾.

Мы приводили уже отзывы нѣкоторыхъ официальныхъ лицъ о тяжести присковаго труда. Генералъ-губернаторъ Синельниковъ въ циркулярѣ отъ 21 декабря 1871 г., по поводу введенныхъ при немъ работъ ссыльнокаторжныхъ на олекминскихъ прискахъ, говоритъ: „есть работы на частныхъ прискахъ, которыя не легче рудничныхъ, напримѣръ, работы на Олекминской системѣ почетнаго гражданина Базанова, углубленныя свыше 10 саж.“⁶⁾. Офицеръ, завѣдывавшій ссыльнокаторжными,

¹⁾ Въ договорѣ съ Плетухинимъ 1889 г. рабочіе обязывались „никакого старанія не требовать“.

²⁾ „Сибирь“ 1873 г. № 9; „Сибир. Сборн.“ 1889 г., 43. Въ такъ называемыхъ „отрядныхъ“ работахъ вознагражденіе полагается не за исполненіе извѣстнаго урока, а бываетъ задѣльное: угольщикамъ съ куб. саж. угля, пильщикамъ съ сотни тесу, дроворубамъ за куб. саж. дровъ, колесникамъ за каждое колесо, кожевникамъ за выдѣлку одвой кожи, кирпичникамъ съ тысячи штукъ кирпича, за гонку смолы съ пуда и проч.

³⁾ „Восточн. Обзор.“ 1894 г. № 127.

⁴⁾ „Вост. Об.“ 1894 г. № 130.

⁵⁾ „Вост. Об.“ 1895 г. № 23.

⁶⁾ „Иркут. Губ. Вѣд.“ 1871 г. № 82.

въ отчетѣ за 1876 г. говорить: „условія пріисковыхъ работъ, по своему трудно уступающаго человѣческой силѣ грунта земли, по суровости климата, особеннымъ условіямъ мѣстности, изолированной отъ всякаго населенія, и по числу рабочихъ часовъ могутъ быть отнесены къ крайне тяжелымъ“ ¹⁾. Г. Калагеорги въ 1882 г. свидѣтельствуетъ, что пріисковая работа „не легка: приходится работать подѣ дождемъ, иногда по поясъ въ водѣ, подвергаться риску быть ушибленнымъ обвалившеюся землею и сдѣлаться калѣкой“. По словамъ мѣстнаго горнаго исправника (1872 г.), „силы рабочихъ къ концу операціи совершенно истощены, частью и самой погодой, холодной и съ дождемъ, послѣ котораго они иногда не успѣваютъ и обсушиться, какъ слѣдуетъ. Уклоняются въ это время отъ работъ не одни должники, для которыхъ заработокъ одного или нѣсколькихъ дней не можетъ значительно уменьшить цифру долга; уклоняются и тѣ, коимъ слѣдуютъ отъ управленій не малыя додачи, нисколько не обращая вниманія на то, что чрезъ прогулъ они теряютъ при разчетѣ“ ²⁾. Якутскій губернаторъ въ отчетѣ за 1887 г. также говоритъ о „непосильной физической работѣ“ пріисковыхъ рабочихъ ³⁾. По словамъ олекминскаго горнаго исправника (1884 г.), „работы на пріискахъ исполняются обыкновенно принудительными мѣрами, въ особенности гдѣ нѣтъ подземнаго золота, а безъ постоянного надзора производятся только отрядныя работы“ ⁴⁾.

На пріискахъ занято работою небольшое количество женщинъ, которыя нанимаются для мытья половъ, стирки бѣлья и т. п. работъ, а также въ услуженіе у служащихъ ⁵⁾.

Что касается работы дѣтей, то ихъ бываетъ на работѣ еще менѣе; по словамъ витимскаго горнаго исправника (1882 г.), „11 дѣтей, имѣющихъ отъ роду отъ 8 до 15 лѣтъ, употреблялись лишь для прислугъ и посылокъ, имѣющія же 14 и 15 лѣтъ хотя и находились погонщиками лошадей при вагонахъ, но работали не болѣе шести часовъ въ сутки“ ⁶⁾. Въ отчетѣ за 1888 г. тотъ же исправникъ говоритъ: „очень небольшое число дѣтей отъ 10 до 15-ти лѣтнаго возраста задолжалось въ прислугахъ, остальные находились безъ дѣла при родителяхъ“.

Плата за горныя работы, какъ и въ другихъ округахъ, была преимущественно поурочная, т.-е. за исполненіе извѣстнаго урока въ день.

¹⁾ Дѣло Арх. Витим. Горн. Испр. (о ссыльно-катор.) 1875 г. № 5, л. 129 об.

²⁾ Арх. Иркут. Горн. Упр. К. 2549, № 126—71, л. 466 об.

³⁾ Арх. Канц. Иркут. Ген. Губ. № 611, л. 37.

⁴⁾ Арх. Иркут. Горн. Упр. К. 2566, № 206—152, л. 52.

⁵⁾ Всего женщинъ на олекминскихъ промыслахъ въ 80-хъ гг. было отъ 8 до 11%. См. *Дополненіе I*.

⁶⁾ Арх. Иркут. Горн. Управ. К. 2768, № 63—53, л. 5.

По договору К^о Промышленности 1870 г. за вскрытіе 1 куб. саж. торфа полагалось по 1 руб., въ праздники по 2 руб. съ отвозкою въ отвалъ на лошадахъ, а ручнымъ откатомъ въ будни по 2 руб. 40 коп., въ праздничные и табельные дни по 4 руб. 80 коп., т.-е. въ томъ и въ другомъ случаѣ рабочіе должны были получать плату каждый день, сколько будетъ причитаться имъ на каждого человѣка за вскрытый ими торфъ по числу людей. Такъ какъ по этому договору предполагался урокъ при конной отвозкѣ по 3 куб. саж. на 4 чел., то слѣдовательно 1 чел. въ будни могъ получить по 75 к., а въ праздники по 1 руб. 50 к. По договору 1874 г. уроки были нѣсколько уменьшены, и вмѣстѣ съ тѣмъ уменьшился и заработокъ, а именно за исполненіе урока каждый рабочій могъ получить въ будни 50—60 коп., въ праздники 1 руб. 20 коп., а за сверхурочную работу, какъ въ будни, такъ и въ праздники по расчету праздничной платы съ сажени. По договору 1878 г. съ увеличеніемъ уроковъ была нѣсколько увеличена и плата, а именно за урочную работу рабочій могъ получить въ день 62—75 к. въ будни и 1 р. 24 к.—1 р. 50 к. въ праздники, а за работу на мерзлыхъ торфахъ, гдѣ число рабочихъ опредѣлялось по усмотрѣнію управленія, положена плата за поденщину не болѣе 50 коп. въ будни, а въ праздники до 1 руб. По договору КБ^о Промышленности и Прибрежно-Витимской 1887 г. плата вообще нѣсколько возвышена, а именно въ зимнюю операцію каждый рабочій долженъ былъ получать за исполненіе урока при отвозкѣ на лошадахъ въ будни 75 коп., въ праздники 1 руб. 20 к., а съ 10-го мая по 10-е сентября въ будни 90 к., въ праздники 1 р. 75 к.; при ручной откаткѣ за исполненіе большого урока въ зимнюю операцію каждому рабочему въ будни 90 коп., въ праздники 1 р. 20 к., въ лѣтнюю въ будни 1 р. 20 к., въ праздники 1 р. 60 к. По договору Бодайбинской К^о 1890 г. за исполненіе большого урока плата нѣсколько выше, а именно въ зимнюю операцію въ будни 1 р. 10 к., въ праздники 2 р. 10 к.

По договору К^о Арендаторовъ 1875 г. въ зимнюю операцію полагалась поденная плата по 20 коп. въ будни и по 60 коп. въ праздники, въ лѣтнюю же операцію за выработку *полutorнаго* урока (вмѣстѣ съ обязательною половиною старательскою) каждый человѣкъ получалъ съ отвозкою на хозяйскихъ лошадахъ въ будни и въ праздники по 60 к., а ручнымъ откатомъ по 50 к. По договору К^о Трапезниковыхъ первой половины 70-хъ гг. въ зимнюю операцію рабочіе получали поденную плату по 15 к. въ будни и 50 к. въ праздники, съ 1-го же мая по 10-е сентября за исполненіе урока, смотря по удобности грунта, каждый рабочій могъ заработать въ будни по 50—75 к., въ праздники отъ 1 р. 20 к. до 1 р. 50 к., при чемъ за сверхурочную выработку полагалась не повышенная, а та же плата. По договору Трапезниковыхъ 1878 г. за исполненіе урока, какъ съ отвозкою на лошадахъ, такъ и ручнымъ откатомъ, рабочіе должны были получать: въ будни по 60 коп., въ праздники 1 руб. 90 коп., а за сверхурочную работу плата назначалась повышенная. По договору Трапезниковыхъ 1880 г. (при увеличеніи урока на таломъ грунтѣ) работникъ могъ заработать ежедневно въ будни 80—90 коп., въ праздники отъ 1 руб. 40 коп. до 1 руб. 65 коп. (при ручномъ откатѣ до 1 р. 80 к.), за сверхурочную же работу полагалась значительно повышенная плата. У Плетюхина по договорамъ 1886—89 гг. условіе о платѣ выражено такимъ образомъ: „за каждую куб. саж. отъ 1 до 2 р. въ будни и отъ 3 до 4 руб. въ праздничные и табельные дни“ (при чемъ никакого различія въ свойствахъ грунта не сдѣлано); такъ какъ 1 куб. саж. при ручной откаткѣ на такѣ должны были выработать 2 чел., то слѣдовательно каждый долженъ былъ получать за исполненіе этого огромнаго урока отъ 50 коп. до 1 руб. въ будни и отъ 1 р. 50 к. до 2 р. въ праздники, но условіе это выражено такъ неопредѣленно,

что Плетюхинъ всегда могъ записать не максимальную, а минимальную плату. Въ договорахъ Базилевскаго 1876 и 78 гг. рабочій на разныхъ сортахъ торфа получалъ въ зимнюю операцію отъ 40 до 90 к. въ день, а въ лѣтнюю—60—90 к., за сверхурочную же работу назначена была значительно повышенная плата. По договору съ Ленскимъ Т-вомъ 1883 г. полагалось за исполненіе урока на та-ломъ грунтѣ по 90 к. съ значительно повышенной платой за сверхурочную работу. По договору съ Малопатомскимъ Т-вомъ 1880 г. за исполненіе урока рабочій получалъ 75 к. въ день и значительно повышенную плату за сверхурочную работу. По договору съ Чаринскимъ Т-вомъ 1880 г. рабочіе получали за исполненіе урока на торфахъ по 60—70 к. въ будни и праздники, а съ 1-го мая по 10-е сентября по 25 руб. въ мѣсяцъ, считая въ немъ и будни, и праздники, а за исполненіе сверхурочной работы назначена также плата по расчету.

Итакъ лишь въ немногихъ договорахъ встрѣчаемъ зимою по-денную плату на торфахъ въ будни 15—20 коп., въ праздники 50—60 коп., обыкновенно же зимою и лѣтомъ полагалась поурочная плата, или одинаковая въ будни и праздники, или въ праздники повышенная. Въ первомъ случаѣ, по извѣстнымъ намъ договорамъ, плата за исполненіе урока въ день равнялась 50—90 коп. (только въ договорѣ Базилевскаго встрѣчаемъ плату зимою 40 коп.), во-второмъ случаѣ рабочій получалъ въ будній день 50 коп.—1 руб. 20 к., въ праздники отъ 1 руб. до 2 руб. 10 коп. Одинъ случай мѣсячной платы лѣтомъ на горныхъ работахъ (въ Чаринскомъ Т-вѣ) былъ только что указанъ.

Плата за добычу золотоноснаго песку изъ открытыхъ разрѣзовъ производилась по договорамъ въ слѣдующемъ размѣрѣ. По контракту К^о Промышленности 1870 г. „за добычу и подвозку на машину или къ приводу вагоннаго каната одной куб. саж. золотоноснаго пласта съ отвозкою камней въ отвалы въ будни по 1 р. 40 к., а въ праздничные и табельные дни по 2 р. 80 к., какъ будетъ причитаться на каждого человѣка“. Такъ какъ урокъ на пескахъ по этому договору былъ назначенъ въ размѣрѣ 3 куб. саж. на 4 чел., то слѣдовательно за исполненіе урочной работы каждый рабочій долженъ былъ получить въ день 1 р. 5 к., а въ праздники 2 р. 10 к. По договору 1874 г. той же К^о уроки на удобномъ грунтѣ были уменьшены, и плата каждому рабочему за исполненіе урока равнялась 80—84 к. въ будній день и 1 р. 60 к.—1 р. 68 к. въ праздники (за исполненіе сверхурочной работы въ будни и праздники назначалась старательская плата выше будничной, но нѣсколько ниже праздничной). По договорамъ К^о Промышленности 1878 и 83 гг. урокъ былъ повышенъ, но плата осталась почти та же самая: 87½ коп. въ будни и 1 р. 75 к. въ праздники на каждого человѣка (за сверхурочную работу полагалась праздничная плата). По договору К^о Промышленности 1887 г. за исполненіе урока рабочій долженъ былъ получать въ будни 90 к., въ праздники 1 р. 83 к. По договору Бодайбинской К^о 1890 г. за исполненіе урока, превышающаго урокъ К^о Промышленности, каждый рабочій долженъ былъ получать въ будній день 1 р. 10 к., въ праздники 2 р. 20 к. По договору К^о Арендаторовъ 1875 г. за исполненіе обязательнаго полоторнаго урока на пескахъ каждый забойщикъ и возчикъ долженъ былъ получать въ будни и праздники по 70 к., прочіе же, находящіеся при промывкѣ песковъ — отвозчики гальки и эфеля, люковщики, отвальные и при поторжныхъ работахъ, въ будни по 55 к., въ праздники по 1 р. По договору Трапезниковыхъ первой половиной

70-х гг. каждый забойщик и возчик должен был получать въ будни по 52 к., въ праздники по 1 р. за исполненіе урока; по договору же 1878 г. эта ничтожная плата была значительно увеличена, хотя урокъ остался все тотъ же: каждый рабочий получалъ за исполненіе его въ будни 82 к., въ праздники 1 руб. 90 к. Въ договорахъ Трапезниковыхъ 80-хъ гг. съ увеличеніемъ урока нѣсколько увеличена и плата, а именно, за исполненіе урока при добычѣ песковъ каждый изъ забойщиковъ и возчиковъ долженъ былъ получать въ будни 1 р. 5 к., въ праздники 1 р. 92 к. По договорамъ Бавилевского 1876, 78 и 80-хъ гг. забойщики и возчики получали каждый за исполненіе урока въ будни и праздники по 90 к., а за сверхурочную работу повышенную плату. По договору Ленского Т-ва 1883 г. за исполненіе урока полагалось каждому по 90 к. въ будни и праздники, съ значительно повышенной платою за сверхурочную работу, по договорамъ же 1890—91 гг. о вознагражденіи болѣе возвышенномъ за сверхурочную работу не упоминается. По договорамъ Плетюхина 1886 и 89 гг. плата при добычѣ золотосодержащихъ песковъ столь же неопредѣленна, какъ и при добычѣ торфа, а именно, рабочий при ручной откаткѣ на тачкѣ долженъ былъ за исполненіе весьма тяжелаго урока получать въ будни 50 к.—1 р., въ праздники 1 р. 50 к.—2 р. По договору Чаринского Т-ва 1890 г. забойщики и возчики получали за исполненіе урока по 85 к. въ день въ будни и праздники, свальщики песковъ на машинѣ такое же вознагражденіе, а прочіе рабочіе при промывкѣ по 65 к.

Слѣдовательно плата за исполненіе уроковъ при добычѣ песковъ изъ открытыхъ разрѣзовъ была или одинаковая въ будни и праздники, или повышенная въ праздники. Въ первомъ случаѣ плата въ извѣстныхъ намъ договорахъ на каждаго рабочаго за исполненіе урока колебалась отъ 60 до 90 коп., во второмъ случаѣ—отъ 52 коп. до 1 руб. 10 коп. въ будни и отъ 1 руб. до 2 руб. 20 к. въ праздники ¹⁾.

Что касается платы за уроки при добычѣ песковъ подземными работами, то въ договорахъ К^о Промышленности мы впервые встрѣчаемъ опредѣленіе этой платы въ договорѣ 1878 г., хотя размѣръ урока при ортовой добычѣ песковъ былъ опредѣленъ уже ранѣе. По этому договору за исполненіе урока (3 куб. арш. на чел.) забойщикъ долженъ былъ получать въ зимнее время по 60 к., въ лѣтнее—по 90 к.; возчикъ зимой 50 к., лѣтомъ 70 к. За выработку сверхъ урока, считающуюся старательскою, полагалось въ зимнее время за каждый куб. арш. по 60 к., въ лѣтнее время по 75 к. Плата за сверхурочную работу должна была длиться поровну на всѣхъ забойщиковъ и возчиковъ. По договору К^о 1897 г. за исполненіе урока на ортовыхъ работахъ вознагражденіе нѣсколько повышено, а именно: съ 10-го сентября по 1-е мая 70 к. въ день, а въ лѣтнюю операцію 1 р. 20 к., за старательскую же сверхурочную выработку плата уменьшена: зимою 45 к. и лѣтомъ 60 к. за куб. арш. По договору съ Трапезниковыми первой половины 70-хъ гг. забойщики и возчики при ортовыхъ работахъ должны были получать зимою по 67½ к. на чел. въ будни и по 1 р. 5 к. въ праздники, лѣтомъ же будничная плата менѣе—55 к. на чел., а праздничная болѣе—2 руб. 45 к. По этимъ цѣнамъ рабочіе рассчитывались только за выработку полныхъ

¹⁾ Горн. исправ. Вянниковъ въ проектѣ норм. контракта 1874 г. предлагалъ назначить за исполненіе уроковъ на пескахъ каждому рабочему 70 коп. въ будни и 1 руб. 40 коп. въ праздники.

уроковъ; за исполненіе же половинныхъ уроковъ забойщики получали въ будни 20 к. и въ праздники 60 к. По договору съ Трапезниковыми 1878 г. будничная лѣтняя плата повышена до 82 к. на чел., по договору Трапезниковыхъ 80-хъ гг. за увеличенный урокъ плата нѣсколько увеличена, а именно: зимою въ будни рабочій долженъ былъ получать за выработку урока 90 к. и 1 р. 35 к. въ праздники, а лѣтомъ 1 р. 35 к. въ будни и 1 р. 80 к. въ праздники. По договорамъ Базилевскаго 1876 и 78 гг. забойщики и откатчики должны были получать за исполненіе урока по 60 к. зимою и лѣтомъ, а за сверхурочную работу по 40 к. за куб. арш.; по договорамъ же 80-хъ гг. плата за тотъ же урокъ повышена: зимою 70 к., лѣтомъ забойщику 90 к., откатчику 70 к., а за сверхурочную работу по 50 к. аршинъ. По договорамъ Ленскаго Т-ва 1883 г. забойщикъ получалъ за исполненіе урока 40 к. и за сверхурочную работу 45 к. за каждый куб. арш.; по договору же 1890 г. за тотъ же урокъ забойщикъ — 50 к. и за каждый куб. арш. сверхурочной выработки 40 к. По договору Ленскаго Т-ва 1891 г. плата установлена не поурочная, а задѣльная, по количеству вынутыхъ пудовъ песка (см. ниже). По договору К^о Арендаторовъ за исполненіе урока и обязательнаго старанія рабочіе должны были получать зимою 20 к. въ будни и 60 к. въ праздники, а лѣтомъ 52 к. въ будни и 2 р. 42 к. въ праздники. По договору Малопатомскаго Т-ва 1880 г. каждый рабочій получалъ 80 к. за исполненіе урока и 30—40 к. за выработку каждого сверхурочнаго аршина. По договору Чаринскаго Т-ва 1880 г. зимою за выполненіе урока каждый рабочій получалъ 70 к., а лѣтомъ 83 к. въ день или 25 р. въ мѣсяцъ. Въ случаѣ недоработки *половины* урока рабочіе должны были получать по 35 к. въ день.

Слѣдовательно, плата при добычѣ песковъ подземными работами въ тѣхъ случаяхъ, когда она назначалась одинаковая въ теченіе всего года, колебалась отъ 40 до 80 коп.; при различномъ же вознагражденіи зимою и лѣтомъ,—зимою отъ 50 до 70 коп., лѣтомъ отъ 70 до 1 руб. 20 коп. въ день за исполненіе урока, кромѣ повышенной платы за сверхурочную работу. Наконецъ въ третьихъ договорахъ плата различалась не только зимою и лѣтомъ, но еще въ будни и праздники. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ зимою въ будни она равнялась 20—90 коп., въ праздники 60 коп.—1 руб. 35 коп., лѣтомъ въ будни 52 коп.—1 руб. 35 коп., въ праздники 1 руб. 80 коп.—2 руб. 45 коп. ¹⁾.

Особая система поурочнаго вознагражденія установлена въ послѣднее время при ортовыхъ работахъ въ Бодайбинской К^о; размѣръ урока тамъ увеличенъ въ полтора раза: вмѣсто прежняго средняго урока въ 3 куб. арш. назначенъ урокъ въ 4½ арш., причемъ рабочій получаетъ за первые 3 арш. 70 коп., за 4-ый 35 коп. и за остальные

¹⁾ Въ запискѣ г. Михайлова (1890 г.) указанъ одинъ, довольно рѣдкій въ то время, случай, когда по договору всѣ рабочіе получали поденную плату 1 руб. 25 коп.—1 руб. 50 коп. за исполненіе известнаго урока на торфахъ и пескахъ, но на всемъ своемъ содержаніи, которое забиралось изъ принсковыхъ амбаровъ по таксѣ. Такъ какъ пищевое довольствіе въ это время на принскахъ обходилось около 75 коп. на человѣка, то слѣдовательно вознагражденіе было меньше, чѣмъ на другихъ промыслахъ.

$1\frac{1}{2}$ арш. тоже 35 коп., такъ что за полный урокъ приходится въ день 1 руб. 40 коп. на хозяйскихъ харчахъ ¹⁾).

По договору Ленскаго Т-ва 1891 г. установлена не поурочная, а задѣльная плата съ пуда добытаго изъ ортъ и шахтъ песку съ вычетомъ за матеріалы (уголь, динамитъ, затравки, пистоны и свѣчи). Относительно этого перевода рабочихъ на задѣльную плату въ „Вѣстникѣ Золотопрмышленности“ было сообщено слѣдующее: „Съ операціи 1891—92 г. выемочныя подземныя работы производились съ платою за пудъ вынутыхъ песковъ, причемъ изъ этой платы исключалась стоимость угля, употребленнаго на оттайку вѣчномерзлыхъ забоевъ, динамита и свѣчей. Переходъ этотъ, послѣ длиннаго ряда лѣтъ работъ съ урока или съ аршина безъ вычета за матеріалы, могъ быть осуществленъ только при условіи, что рабочіе убѣдятся въ выгодности его для себя. Поэтому управленіе первый годъ не извлекло изъ этого перехода никакой пользы, а вся экономія въ матеріалахъ увеличила заработки рабочихъ и указала управленію, до какихъ размѣровъ расходъ матеріаловъ можетъ быть сокращенъ безъ ущерба производительности рабочаго. Съ операціи слѣдующаго года (1892—93 г.) управленіе измѣнило цѣну и подѣлилось съ рабочими сбереженіями, вызванными сокращеніемъ матеріаловъ, отдавъ имъ половину этихъ сбереженій“ ²⁾. Дальнѣйшія свѣдѣнія мы находимъ въ „Восточ. Обозр.“, гдѣ сообщаютъ о „радикальной“ реформѣ въ организаціи работъ Ленскаго Т-ва: „Всѣ рабочіе переведены на свое содержаніе“, т.-е. на свои харчи, „они обязаны на свой же счетъ пріобрѣтать въ складахъ Т-ва динамитъ, уголь и свѣчи, потребныя при работѣ въ шахтахъ. Горныя рабочіе получаютъ плату съ пуда добытаго песку, которая рассчитана такъ, что въ нее вошли расходы на пищу и на вышеупомянутыя вспомогательныя средства. Если въ теченіе болѣе или менѣе значительнаго времени задѣльная плата выходитъ менѣе установленной управленіемъ поденной (напр., для забойщиковъ 1 руб. 40 коп.), то рабочій рассчитывается по послѣдней, хотя объ этомъ и не упоминается въ контрактахъ; введя это условіе, управленіе находитъ, что оно не только не уменьшило вознагражденія рабочихъ, получаемого ими при прежней системѣ, но дало случай расторопнымъ и прилежнымъ изъ нихъ заработать болѣе... Назначивъ рабочимъ задѣльную плату, управленіе заботится о томъ, чтобы заработокъ выходилъ болѣе или менѣе равномернымъ; поэтому переводятъ ихъ изъ трудныхъ, маловыгодныхъ, работъ на болѣе легкія—и наоборотъ, наблюдая извѣстную очередь“. Многіе отрицательно относятся къ введенію задѣльной платы: „Отъ

¹⁾ „Вост. Об.“ 1895 г., № 22.

²⁾ „Вѣстн. Золотопр.“ 1895 г., № 7, стр. 127.

рабочихъ, работающихъ на прискахъ Т-ва, можно иногда слышать, что въ теченіе болѣе или менѣе долгаго времени имъ приходится тратить на содержаніе свое, динамитъ, уголь и свѣчи весь свой заработокъ¹⁾. Къ сожалѣнію мы не имѣемъ матеріаловъ для того, чтобы рѣшить вопросъ о томъ, какъ отразилось введеніе задѣльной платы на заработкахъ рабочихъ. Плата съ пуда была выше въ 1895 г., чѣмъ въ 1891 г., при первомъ введеніи задѣльной платы, но это объясняется тѣмъ, что въ 1891 г. рабочіе были на хозяйскомъ содержаніи, а въ 1895 г. на своемъ¹⁾.

Въ собственно горныхъ работахъ, т.-е. при добычѣ и отвозкѣ торфа и пласта, преобладаетъ поурочная плата, но при выработкѣ шахтъ, шурфовъ и проч. встрѣчаемъ и поденное, а не поурочное вознагражденіе по договорамъ КК⁰ Промышленности и Прибрежно-Витимской 1887 г. и Бодайбинской 1890 г. Въ этомъ случаѣ назначена плата зимою въ будни и праздники 50—70 коп., лѣтомъ 70 коп.—1 руб.; при перевозкѣ и промывкѣ песковъ—отъ 60 до 90 к. зимою и 60 коп.—1 руб. 20 коп. въ день лѣтомъ. По послѣднимъ свѣдѣніямъ работающіе въ шахтахъ получаютъ въ К⁰ Промышленности вознагражденіе лѣтомъ 1 руб. въ день и зимою 90 коп. (кромя подъемнаго золота)²⁾.

За поторжныя работы по договору К⁰ Промышленности 1870 г. было назначено зимою по 15 коп. въ будни и 50 коп. въ праздники, лѣтомъ въ будни 45 коп., въ праздники 1 руб.; по договорамъ же К⁰ Промышленности и Прибрежно-Витимской и Бодайбинской 1890 г. за поторжныя работы въ будни и праздники мужчинамъ 50—70 коп., женщинамъ 25—35 коп.³⁾.

Поденная плата мастеровымъ и разночинцамъ была обыкновенно не одинакова зимою и лѣтомъ. Зимою она колебалась отъ 30 коп. до 1 руб., лѣтомъ же тамъ, гдѣ не дѣлалось различія между будними днями и праздниками, она равнялась 55 коп. — 1 руб., а тамъ, гдѣ существовало особое праздничное вознагражденіе, оно равнялось 1 руб.—2 руб. Сравнивая приведенныя въ таблицѣ данныя о поденной платѣ 70-хъ и 80-хъ гг., мы видимъ, что она несомнѣнно возросла.

Подростки моложе 16 лѣтъ, по договору Базилевскаго 1876 г., получали поденную плату 30 коп., а по договору 80-хъ гг. 40—50 коп. По договору Ленскаго Т-ва подросткамъ отъ 12 лѣтъ опредѣлена плата въ 50 коп.

Поденная плата женщинамъ равнялась 20 — 35 коп.⁴⁾ и только

¹⁾ „Восточн. Об.“ 1895 г. № № 22, 23 и 25.

²⁾ „Восточн. Обзор.“ 1894 г. № 127.

³⁾ См. данныя о поденной платѣ въ таблицѣ, напечатанной въ *Дополненіи XII*.

⁴⁾ Средній заработокъ женской прислуги Аврамовъ принимаетъ въ 23 к. въ день (стр. 104).

въ договорѣ Базилевскаго 80-хъ гг. 40—50 коп. Въ договорѣ Ленскаго Т-ва 1891 г. сказано: „Если бы кто изъ рабочихъ получилъ разрѣшеніе привести съ собою свою семью, то мы обязуемся посылать въ работу пришедшихъ съ нами женщинъ или взрослыхъ дочерей за плату по 1 руб. за смѣну на своихъ харчахъ или же по 40 коп. и харчи. По договору 1895 г. женщины на своихъ харчахъ получали отъ 50 коп. до 1 руб. 20 коп. Если бы какая либо женщина была назначена въ прислуги, то она получаетъ по 40 коп. въ сутки и готовое содержаніе отъ лица, у котораго состоитъ въ услуженіи“.

Мѣсячное жалованье въ Олекминскомъ округѣ менѣе распространено въ собственно горныхъ работахъ, чѣмъ въ Енисейскомъ округѣ, не считая впрочемъ развѣдокъ и шурфованія, но тѣмъ не менѣе оно встрѣчалось. Офицеръ, завѣдывавшій рабочими—ссылно-каторжными на промыслахъ Сибирякова и Базанова, въ 1876 г. писалъ: „въ ортахъ и развѣдкахъ плата производится помѣсячно отъ 12 до 20 руб. въ мѣсяцъ и болѣе“. По договору съ Чаринскимъ Т-вомъ 1880 г. рабочіе, находящіеся при отливѣ воды, уборкѣ камня, подчисткѣ ортъ, и погонщики получали плату зимою по 15 руб. въ мѣсяцъ, лѣтомъ по 20 руб., а при добычѣ песка изъ ортъ и готовыхъ отваловъ полагалась мѣсячная плата по 25 руб.

Мѣсячное жалованіе составляло всегдашнее и единственное вознагражденіе въ поисковыхъ или развѣдочныхъ партіяхъ; при этомъ рабочіе обязывались трудиться во всѣ дни мѣсяца и не требовать никакого старанія и повышенной платы въ праздничные дни. По договорамъ К^о Промышленности 1870, 74, 78 и 83 гг. въ этомъ случаѣ полагалась мѣсячная плата 12—25 руб.; по договорамъ Трапезниковыхъ первой половины 70-хъ гг. назначена плата зимою 10 руб., лѣтомъ 15 руб., 1878 г. зимою 15 руб., лѣтомъ 25 руб., въ первой половинѣ 80-хъ гг. зимою 18, лѣтомъ 24 руб. По договору К^о Арендаторовъ 1875 г. зимою 10—15 руб., лѣтомъ 15—20 р. По контрактамъ Плетюхина 1886 и 89 гг. полагалась плата по усмотрѣнію управленія отъ 15 до 25 руб.; по договору Чаринскаго Т-ва 1880 г.—зимою 12 руб., лѣтомъ 25 руб.

Такимъ образомъ, по этимъ контрактамъ тамъ, гдѣ различается лѣтнее и зимнее вознагражденіе, лѣтняя плата колеблется между 15 и 25 руб., зимняя между 10 и 18 руб., а тамъ, гдѣ указана одна цифра для зимы и лѣта, 12—25 руб.

Въ отчетахъ горныхъ исправниковъ указывается размѣръ мѣсячнаго жалованья отдѣльно для мастеровыхъ и чернорабочихъ. По отчетамъ исправника Витимской системы за 1883 и 88 гг. чернорабочіе получали зимою 10—20 руб., лѣтомъ 15—30 руб. По отчету Прибрежно-Витимской К^о за 1882 г. чернорабочіе получали жалованья отъ 18 до

35 руб., но въ слѣдственномъ дѣлѣ о волненіи въ 1882 г. на Благовѣщенскомъ пріискѣ этой К^о мы находимъ указаніе, что мѣсячное жалованье простыхъ рабочихъ зимою равнялось 15—17 руб., т.-е. менѣе минимума, указаннаго въ отчетѣ К^о ¹⁾).

Мѣсячное жалованье мастеровыхъ и разночинцевъ въ 70-хъ гг. колебалось для взрослыхъ рабочихъ мужского пола между 6 и 30 руб., а лѣтомъ между 15 и 40 руб., въ 80-хъ гг. оно равнялось зимою 9—40 руб., а лѣтомъ 15—50 руб. Въ теченіе этихъ двухъ десятилѣтій мѣсячное вознагражденіе мастеровыхъ и разночинцевъ значительно возрасло. По отчету горнаго исправника Витимской системы за 1882—83 гг. мѣсячное жалованье кузнецовъ и слесарей равнялось 15—50 руб., плотниковъ, маляровъ, печниковъ и т. п. 15—45 руб.; по отчету того же исправника за 1878 г. кузнецы и слесари получали 20—60 руб., плотники, столяры и проч. 18—45 руб. ²⁾). По отчету за 1890 г. мастеровые, а именно слесари и кузнецы, получали въ годъ жалованья отъ 400 до 800 руб., плотники 300—600 руб., рабочіе при мастерскихъ 200—300 руб.; такъ называемые разночинцы — конюхи, караульные, прислуга и т. п. 200—400 руб. въ годъ ³⁾).

Мѣсячное жалованье женщинъ равнялось въ 70-хъ гг. 4 руб. 50 коп.—9 руб., во второй половинѣ 80-хъ гг. 8—20 руб.; въ 90-хъ гг. женщины получали обыкновенно 6—10 руб. въ мѣсяцъ, и только спеціалистки (хорошія кухарки, прачки) получали иногда больше — до 25 руб. ⁴⁾). По договору Плетюхина 1889 г. плата женщинамъ назначалась „по усмотрѣнію управленія“.

Золотопромышленники обыкновенно выговаривали въ контрактахъ право переводить рабочихъ съ одного пріиска на другой, и во многихъ договорахъ за время, потраченное на переходъ, назначалось вознагражденіе. Такъ въ договорахъ КК^о Промышленности и Прибрежно-Витимской 1887 г. сказано: „со вступленія нашего на промыслахъ или на зимовьяхъ и Бодайбинской резиденціи въ работу и при дальнѣйшемъ переводѣ насъ тоже для работъ съ одного пункта на другой за время перехода полагается плата и довольствіе согласно сего обязательства“. Въ этомъ же родѣ есть условіе въ контрактѣ К^о Трапезниковыхъ первой половины 70-хъ гг., въ договорѣ же 1878 г. сказано: „людямъ, переходящимъ съ пріиска на пріискъ по назначенію управленія, полагается плата за проходные дни: лѣтомъ въ будни по 50 к., а въ праздники по 1 р. на человѣка; зимою въ будни по 20 к., въ праздники по 50 к. на человѣка“. По договорамъ Базилевскаго 1876, 78 гг. при переходѣ съ одного мѣста на другое за каждыя

¹⁾ Арх. Ирк. Горн. Упр. К. 2766 № 47—39, л. 59.

²⁾ Тѣ же цифры указаны для всего Олекминскаго округа въ „Памят. Книж. Якут. Обл. на 1891 г.“, стр. 112; ср. „Сибир. Вѣстн.“ 1898 г. № 87. Нужно помнить, что за дни отдыха и болѣзни жалованья не полагалось.

³⁾ Ср. таблицу въ *Дополненіи XIII*.

⁴⁾ „Сибир. Вѣстн.“ 1892 г. № 97.

25 верстъ рабочіе получали 30 к. зимою и 60 к. лѣтомъ; по одному договору этой К^о 80-хъ гг.—и зимою, и лѣтомъ по 50 к., а по другому—40 к. зимою и 60 к. лѣтомъ. По контракту Чаринскаго Т-ва 1880 г. за переходъ съ одного приска на другой полагалась ничтожная плата: 10 к. зимою и 20 к. лѣтомъ. По договору Ленскаго Т-ва 1890—91 гг. за каждый переходъ болѣе 5 верстъ назначено вознагражденіе 50 к., а по договору 1894 г. 1 р., переходы же менѣе 5 верстъ рабочіе обязаны были дѣлать въ свободное отъ работъ время бесплатно.

Въ Олекминскомъ округѣ весьма важную роль въ дѣлѣ вознагражденія рабочихъ играетъ подъемное золото. Въ контрактахъ этого округа, какъ и другихъ округовъ, мы встрѣчаемъ условія о представленіи подъемнаго золота присковому управленію и о размѣрѣ вознагражденія за него. Но подъемное золото встрѣчается не на всѣхъ промыслахъ Олекминскаго округа, и туда, гдѣ его нѣтъ, не такъ охотно нанимаются рабочіе, не такъ усердно тамъ и работаютъ. По словамъ мѣстнаго исправника (1876 г.), „работы на прискахъ исполняются обыкновенно принудительными мѣрами, въ особенности, гдѣ нѣтъ подъемнаго золота“ ¹⁾.

Въ договорѣ К^о Промышленности 1870 г. сказано: „Золото, самородки и другія драгоцѣнности и рѣдкости, какія будутъ найдены нами во время работъ, вообще тотчасъ представлять въ присковую контору или тому смотрителю, который будетъ завѣдывать работами, подъ опасеніемъ за противное наказанія по военному суду“. По договору 1874 г. вознагражденіе полагалось „за подъемное крупное золото и самородки, находимые случайно при работахъ“, и при этомъ пояснено, что „крупнымъ подъемнымъ золотомъ“ считаютъ „тѣ золотины, которыя не будутъ проходить сквозь дыры бочечной рѣшетки“; рабочіе обязывались въ забояхъ не рыться и не выбирать золота подъ угрозой отвѣтственности. По договору К^о Промышленности 1887 г., „находимое во время работъ въ забояхъ золото“ рабочіе должны были класть въ артельные кружки, и вознагражденіе за него дѣлилось по усмотрѣнію управленія на всю артель или на всѣхъ лицъ, работавшихъ въ томъ забой. „На розсыпи, находящіяся въ разрѣзѣ или шахтахъ и содержащія въ себѣ болѣе подъемнаго золота, такъ называемые золотые забои, промысловое управленіе и служащіе ставятъ для работъ артели, строго соблюдая очередь ихъ, въ видахъ того, чтобы всѣ рабочіе одинаково могли воспользоваться счастьемъ на подъемное золото. Въ видахъ же поощренія промысловому управленію не воспрещается для работъ въ золотые забои ставить по одиночкѣ или цѣлыми артелями и помимо очереди, и на это мы претензіи имѣть не должны. При всѣхъ вообще работахъ на золотосодержащихъ розсыпяхъ строго воспрещается рыться въ забояхъ и нарочно искать золото, чрезъ что, если у кого будетъ недоработокъ урока, то таковыя лишаются платы какъ за произведенную въ этотъ день работу, такъ и за подъемное золото. Равнымъ образомъ строго воспрещается искать золото въ пескахъ при ихъ вывозкѣ... За золото, находимое случайно на работахъ каждымъ изъ насъ отдѣльно или цѣлою артелью и сдаваемое смотрителямъ или особымъ служащимъ, управленіе платитъ наличными деньгами или записываетъ въ расчетные листы въ заслугу каждый оч-

¹⁾ Арх. Прк. Горн. Упр. К. 2566, № 206—152, л. 52.

щенный от породы золотник". Следовательно, по контракту управление оставляет за собою право не уплачивать за подъемное золото наличными деньгами, а записывать вознаграждение в расчетные листы. За золото, „находимое на разборкѣ гальки на машинѣ, плата назначается та же“, какъ и за остальное, „но съ тѣмъ, что пріисковое управление имѣетъ полное право плату эту дѣлить по своему усмотрѣнію на всѣхъ рабочихъ, задолжавшихся при промывальной машинѣ“¹⁾. Въ контрактахъ Трапезниковыхъ 70-хъ годовъ опредѣлено, что подъемнымъ золотомъ слѣдуетъ „считать золотины не менѣе 6-ти доль“; подѣлъ угрозомъ большого штрафа запрещалось пріобрѣтать подъемное золото посредствомъ хищнической промывки песковъ. Подъемное золото клалось въ кружки, и вознаграждение за него дѣлилось на весь забой. Изобличенные въ утайкѣ золота лишались права на вознаграждение за него и подвергались уголовному преслѣдованію, суду и взысканію по законамъ. По договору Трапезниковыхъ 80-хъ гг. деньги ни въ какомъ случаѣ не выдавались на руки, а записывались ежедневно и въ концѣ мѣсяца заносились въ расчетныя книги. По договорамъ Базилевскаго 1876 и 78 гг. плата за подъемное золото записывалась въ счетъ нашедшаго его или дѣлилась на всю артель поровну на каждого, какъ найдеть это болѣе удобнымъ управленіе, и выдавалась при окончательномъ разсчетѣ за всю операцію, „за исключеніемъ цѣнности выданныхъ подѣлъ найденныя драгоцѣнности марокъ или записокъ на получение изъ пріисковыхъ запасовъ или другихъ предметовъ“. Въ контрактѣ Ленскаго Т-ва 1891 г., въ отличіе отъ контрактовъ КК^о Промышленности 1887 г. и Бодайбинской 1890 гг., постановлено, что золото, находимое при разборкѣ гальки во время промывки, не считается подъемнымъ. Въ контрактѣ Малопатомскаго Т-ва 1880 г. сказано: „Если золото или другіе драгоцѣнные металлы найдены однимъ человѣкомъ, т.-е. не составляющимъ рабочей артели, какъ, напр., отвальнымъ, поторжымъ, возчикомъ гальки и эфеля и проч., то плата производится ему одному, если же будетъ найдено кѣмъ-либо, составляющимъ рабочую артель, т.-е. забойщикомъ, возчикомъ, свальщикомъ, то плата въ такомъ случаѣ производится на всѣхъ рабочихъ, составляющихъ артель нашедшаго. Плата или записывается въ расчетный листъ, или, если нашедшій пожелаетъ, производится деньгами при сдачѣ“.

Слѣдовательно, въ контрактахъ: 1) обыкновенно не устанавливаются обязательства управленія немедленно выдавать на руки рабочимъ плату за подъемное золото; 2) иногда устанавливается очередь въ золотыхъ забояхъ, и 3) не всегда устанавливается раздѣленіе золота поровну на всѣхъ рабочихъ, трудящихся въ одномъ забой или составляющихъ одну артель. Изъ отчетовъ горныхъ исправниковъ 70-хъ гг. видно, что рабочіе иногда скрывали найденное золото, чтобы не дѣлиться имъ съ артелью.

Авторъ статьи объ олекинскихъ промыслахъ въ „Сибирскомъ Сборникѣ“ въ 1889 г., указавъ на то, что договорами признается за рабочими право на подъемное золото, говоритъ, что этимъ правомъ они пользуются въ самыхъ широкихъ размѣрахъ, почти не соблюдая устанавливаемыхъ ограниченій относительно размѣра золотинъ, которыя

¹⁾ Подобное же постановленіе въ договорѣ Бодайбинской К^о 1890 г.

слѣдуетъ считать подъемнымъ золотомъ и проч. ¹⁾. „Но несмотря на это, подъемное золото представляетъ очень ненадежное основаніе для регулированія заработной платы, такъ какъ во-первыхъ золото рѣдко встрѣчается въ розсыпяхъ при обстоятельствахъ, благопріятныхъ для собиранія: въ большинствѣ случаевъ оно бываетъ разсыяно въ пескахъ въ видѣ незначительныхъ крупинокъ, и во-вторыхъ — въ силу того обстоятельства“, что подъемнаго золота бываетъ мало, рабочий „начинаетъ брать золотоносные пески и тайкомъ промывать ихъ для получения золота“. Это уже считается воровствомъ и преслѣдуется казачьею командою. По мнѣнію автора, подъемное золото не должно было бы служить основаніемъ для регулированія заработной платы, такъ какъ „кража и случай“ не могутъ вознаграждать трудъ человѣка. Между тѣмъ, при нынѣшнихъ присковыхъ порядкахъ, подъемное золото служить главною приманкою на присковыя работы. „Не будь подъемнаго золота“, писалъ г. Калагеорги въ 1882 г., „не нашлось бы желающихъ наняться на приски. Рѣшимость идти за тысячи верстъ на такую трудную работу является только вслѣдствіе возможности быстрого обогащенія при помощи подъемнаго золота, а также и посредствомъ воровства золота и другихъ аферъ. Безъ этихъ постороннихъ средствъ рабочий, какъ бы ревностно ни трудился, не въ состояніи сдѣлать сбереженія. На каждомъ прискѣ работы крайне различаются между собой по степени представляемой ими выгоды для рабочихъ: при вскрышѣ торфовъ, проводѣ канавъ и т. п. работающіе лишены возможности поднять золото, тогда какъ при добычѣ золотосодержащихъ песковъ работа представляетъ шансы въ одинъ день вознаграждать себя за долгій трудъ; наконецъ, и въ самомъ золотоносномъ пластвѣ есть извѣстныя мѣста, отличающіяся богатствомъ подъемнаго золота. Распределеніе на эти мѣста дѣлается по очереди, при чемъ ловкіе люди умѣютъ иногда попадать не въ очередь; на одномъ же прискѣ назначеніе на выгодныя мѣста дѣлается по жребію; этотъ послѣдній порядокъ... укрѣпляетъ рабочаго въ сознаніи, что не личный трудъ вознаграждается, а что весь успѣхъ его зависитъ исключительно отъ счастья“. „Всѣ расчеты рабочаго“, продолжаетъ г. Калагеорги, „основаны на количествѣ подъемнаго золота и на возможности скорой наживы посредствомъ воровства золота. На приски, небогатые подъемнымъ золотомъ, рабочіе нанимаются неохотно, и большая часть ихъ состоитъ изъ людей или уволенныхъ большими компаніями за дурное

¹⁾ Однако олекминскій горный исправникъ въ отчетѣ за 1875 г. говоритъ: „на одномъ прискѣ“ К^о Сибирякова и Базанова „вознагражденіе выдавалось только за крупное подъемное золото; высываемое же сквозь рѣшетку мелкое золото не считалось подъемнымъ и поступало въ распоряженіе мѣстнаго управленія“. Арх. Ирк. Горн. Упр. К. 2574, № 189—243, л. 93.

поведеніе, или же пришедшихъ на промыслы и не принятыхъ на богатые прииски за неимѣніемъ въ нихъ надобности; эти люди волей-неволей нанимаются на маленькіе прииски и все-таки имѣютъ въ виду не заработную плату, а полную возможность имѣть сношенія съ рабочими богатыхъ приисковъ и служить имъ агентами для сбыта краденаго золота. Прииски Сибирякова и К°, какъ самые богатые количествомъ подъемнаго золота, составляютъ главное мѣсто, откуда производится кража его ¹⁾. Каждый рабочій старается утаить поднятое золото и не опускать его къ кружку; ущерба своимъ товарищамъ онъ этимъ не дѣлаетъ, такъ какъ всѣ члены артели съ общаго согласія поступаютъ точно такъ же ²⁾.

Не слѣдуетъ однако преувеличивать выгодъ, приносимыхъ рабочимъ подъемнымъ золотомъ, о которомъ они начинаютъ мечтать при самой наемкѣ на приискъ. „Мнѣ не разъ приходилось слышать“, говоритъ г. Кряжевъ, „что рабочій еще въ жиломъ мѣстѣ, при наемкѣ на приискъ, заказывалъ себѣ сапоги съ разными фокусами, имѣя въ виду по окончаніи контрактнаго срока принести въ этихъ сапогахъ домой золото“, но эти мечты далеко не всегда могутъ осуществиться. Приискъ считается очень выгоднымъ (и такихъ немного), если въ немъ въ 100 пудахъ песку содержится 5, 6 золотниковъ золота. Найти такое золото не вездѣ крупное, весьма не легко, а тѣмъ болѣе если въ 100 пудахъ песку находится его 1—2 золот. Случаи очень большаго заработка при находкѣ самородка лишь рѣдкія исключенія. Кромѣ того каждый самородокъ по обычаю долженъ быть „спрыснутъ“, и на это расходуется нерѣдко всѣ полученныя за него деньги ³⁾.

Подъемное золото встрѣчается не на всѣхъ промыслахъ и на нѣкоторыхъ лишь въ незначительномъ количествѣ. Такъ по отчету витимскаго горнаго исправника за 1881 г. изъ 8 компаній этой системы подъемное золото встрѣчалось въ то время лишь на приискахъ 5 компаній; при томъ заработокъ на подъемномъ золотѣ составлялъ весьма неодинаковый процентъ всего заработка: на приискахъ Прибрежно-Витимской К°—29%, К° Промышленности—4%, Бодайбинской К°—1%, К° Плетюхина почти 2%, на Степановскомъ приискѣ Дмитріева—40% ⁴⁾.

¹⁾ Впрочемъ на одномъ приискѣ этой К° вовсе нѣтъ подъемнаго золота.

²⁾ Арх. Ирк. Горн. Упр. К. 2765, № 87—80, л. 52, 53, 66, 67. Въ нѣкоторыхъ контрактахъ упоминается о подъемномъ золотѣ, находящемъ въ галькѣ. Дѣйствительно, не даромъ около гальки на промывальной машинѣ находится караульный и казакъ. Находимое здѣсь золото опускаютъ въ кружку; часть его идетъ служащимъ на машинѣ, а остальная, „по крайней мѣрѣ на нѣкоторыхъ промыслахъ“, дѣлится между прислугою, конюхами, словомъ между незнающими въ горныхъ работахъ и, слѣдовательно, не имѣющими иной возможности попользоваться подъемнымъ золотомъ.

³⁾ „Русская Жизнь“ 1894 г. № 50.

⁴⁾ Арх. Ирк. Горн. Упр. К. 2766, № 37—45, л. 311.

Въ 1884 г. подъемное золото составляло около 6% всего золота, добытаго на Олекминской и Витимской системахъ. На олекминскихъ промыслахъ Базилевскаго заработокъ на подъемномъ золотѣ составлялъ слѣдующій процентъ всего заработка рабочихъ: въ 1877 г.—42%, въ 1878 г.—25%, 1879—7%, въ 1880 г.—16%, въ 1881 г.—12%, въ 1882 г.—21%, въ 1883 г.—23% ¹⁾. Въ 1894 г. на прискахъ К^о Промышленности было уплачено за подъемное золото (болѣе 38 пудовъ) 439.776 р., что составляло 32% всего заработка. Въ Ленскомъ Т-вѣ подъемное золото составляло 5% всего добытаго въ операцію 1894 г. золота, а въ операцію слѣдующаго года 7%. Плата за подъемное золото составляла въ Ленскомъ Т-вѣ въ операцію 1893 г.—15%, въ 1894 г.—17%, въ 1895 г.—19% ²⁾.

Мы видѣли, что въ контрактахъ присковья управленія не принимали на себя обязательства непремѣнно уплачивать за подъемное золото деньгами, а предоставляли себѣ право записывать его въ расчетную книгу. Въ дѣйствительности однако почти всегда плата за подъемное золото выдавалась на руки деньгами ³⁾. Въ запискѣ г. Михайлова (1890 г.) сказано: „у рабочихъ деньги имѣются, ибо за подъемное золото они получаютъ наличными. Только въ одномъ дѣлѣ Базилевскаго плата за подъемное золото записывается въ книжку“. Авторъ одной новѣйшей статьи объ олекминской тайгѣ также говоритъ: плата за подъемное золото „поступаетъ въ пользу рабочаго немедленно и непосредственно, хотя бы онъ и состоялъ должнымъ К^о“ ⁴⁾.

По контракту К^о Промышленности 1870 г. за подъемное золото назначена плата по 60 к. за золотникъ ⁵⁾. Въ договорѣ этой К^о 1874 г. назначена плата и за подъемное золото, и за самородки по 60 к. за золотникъ. По договору 1878 г. за подъемное золото и самородки до 1 ф. рабочіе должны были получать по 60 к.

¹⁾ Дѣло канц. Иркут. Ген. Губ., К. 2055, № 109—558, л. 143; Матеріалы сообщ. Л. О. Пантелѣевымъ. Въ К^о Промышленности и Прибрежно-Витимской получено подъемнаго золота въ 1865 г. 5 пуд., въ 1869 г. 38 пуд., въ 1875 г. 18 пуд., въ 1879 г. 72 пуд., въ 1885 г. 48 пуд., въ 1889 г. 15 пуд. Арх. Иркут. Горн. Упр. К. 2574, № 189 — 243, л. 92.

²⁾ „Восточн. Об.“ 1891 г. № 127; „Вѣсти. Золот.“ 1895 г., стр. 331, 1896 г. стр. 187, 1897 г., стр. 117.

³⁾ Во время слѣдствія по поводу волненія на Благовѣщенскомъ прискѣ Прибрежно-Витимской К^о (1882 г.) уполномоченный Серебренниковъ показалъ, что изъ платы наличными деньгами за подъемное золото золотопромышленникъ не можетъ сдѣлать вычета въ уплату долга рабочаго, „если не хочетъ рисковать, чтобы его подъемное золото ушло въ руки скупщиковъ хищническаго золота“. Арх. Иркут. Горн. Упр. К. 2766, № 47—39, л. 76 об.

⁴⁾ „Сибир. Вѣстн.“ 1892 г. № 51.

⁵⁾ За самородки отъ $\frac{1}{2}$ ф. до 1 ф. по 30 руб., отъ 1 до 2 ф. по 60 руб., отъ 2 до 3 ф. по 75 руб., а выше 3 ф. по 100 руб. за каждый, а за прочія драгоцѣнности и рѣдкости по усмотрѣнію управленія.

за золотникъ, а болѣе фунта по усмотрѣнію управленія, но не дороже 25—50 р. за штуку, а за драгоценные камни и другія рѣдкости также по усмотрѣнію управленія, но однако не менѣе 10% ихъ стоимости. По контракту 1883 г. вознагражденіе за подъемное золото и самородки до 1 фунта было увеличено до 1 р. 44 к. за золотникъ; за золото же, находимое подъ надзоромъ служащаго при разборѣ афеля,—60 к. за золотникъ, и деньги эти должны были дѣлиться рабочими по усмотрѣнію управленія. Такимъ образомъ на прінскахъ одной К^о существовали двѣ цѣны за золото, смотря по тому, гдѣ оно было найдено ¹⁾; по контракту 1887 г. это различіе было устранено, и плата значительно поднята, а именно назначено по 2 р. 50 к. за золотникъ золота, будетъ ли оно найдено въ заборѣ или въ галькѣ на промывальной машинѣ. Въ договорѣ Бодайбинской К^о 1880 г. за подъемное крупное золото и самородки до 1 ф. рабочіе должны были получать за золотникъ „по установленной правительствомъ платѣ“ (вѣроятно тутъ имѣется въ виду циркуляръ генералъ-губернатора Вост. Сибири 22 апрѣля 1877 г., по которому опредѣлено было платить за подъемное золото не менѣе 1 руб. 44 коп. за золотникъ), за самородки же такъ же, какъ по договору 1878 г. К^о Промышленности, а по договору 1883 г. плата за золото, находимое въ забояхъ, повышена до 1 р. 44 к.; по договору Бодайбинской К^о 1884 г. плата была повышена за крупное подъемное золото и самородки не болѣе 1 ф. до 2 руб. за золотникъ, а выше 1 фунта по 96 к. за золотникъ. Наконецъ, въ договорѣ Бодайбинской К^о 1890 г. плата за золото повышена до 3 р., т.-е. болѣе чѣмъ въ договорѣ К^о Промышленности 1887 г., безъ сомнѣнія потому, что подъемнаго золота на промыслахъ Бодайбинской К^о было очень немного. По договору К^о Арендаторовъ 1875 г. была назначена плата по 96 к. ²⁾, столько же и по договору К^о Трапезниковыхъ первой половины 70-хъ годовъ; по ихъ договору 1878 г.—1 р. 44 к., а по договору 80-хъ г.—3 р. По контрактамъ Шлетюхина 1886 и 1889 гг. плата за подъемное золото назначена меньшая, чѣмъ на другихъ промыслахъ въ это время, а именно, по 96 к. за золотникъ ³⁾. Въ контрактахъ Исаева, Герасимова, Катышевцева и Корвухина начала 70-хъ г. за подъемное золото назначено 1 р. за золотникъ. По договору Аканакъ-Накатаминскаго Т-ва 1886 г. за крупное подъемное золото и самородки до 1 ф. назначено по 3 р. за золотникъ, а выше фунта по усмотрѣнію управленія; за золото же, находимое подъ надзоромъ служащихъ, по 2 р. за золотникъ, и деньги эти должны были дѣлиться рабочими по усмотрѣнію управленія. По договорамъ Базилевскаго 1876 г. плата за подъемное золото назначена по 1 р. 68 к. за золотникъ, въ 80-хъ гг. по нѣкоторымъ договорамъ Базилевскаго та же плата, по другимъ—2 р., по третьимъ по 2 р. 50 к. По договору Ленскаго Т-ва начала 70-хъ гг. платили за золотникъ по 96 к. (и за самородки до 24 золот. вѣсомъ), 1883 г. по 1 р. 44 к.; по договорамъ 1890—91 гг. до 3 ф. не менѣе 2 р. за золотникъ подъемнаго и старательскаго золота, а выше 3 фун. по 1 руб. за золотникъ ⁴⁾.

¹⁾ Изъ записки Калагеорги (1882 г.) видно, что въ послѣдніе дни передъ расчетомъ плата за подъемное золото увеличивалась до 2 р. для того, чтобы побудить рабочихъ не уносить краденаго золота, а сдавать его въ контору.

²⁾ Но въ операцію 1877 г. на прінскахъ К^о Арендаторовъ существовала плата въ 1 р. 50 к. Арх. Вит. Горн. Испр., дѣло 1877 г. № 32, л. 14.

³⁾ Въ 1877 г. на Крещенскомъ прінскѣ Шлетюхина вознагражденіе за подъемное золото равнялось 1 р. 44 к. Арх. Вит. Горн. Испр. 1877 г. № 32, л. 14.

⁴⁾ Въ контрактѣ Вѣрнаго Т-ва начала 70-хъ гг. плата за подъемное золото вовсе не опредѣлена. По проекту нормальнаго контракта, составленнаго Винниковымъ

И такъ въ контрактахъ К^о Промышленности назначена плата по 60 к., въ другихъ КК^о 96 к.—1 р. 68 к.. въ 80-хъ годахъ плата повышается до 1 р. 44 к.—3 р., и только у Плетюхина находимъ плату 96 к. за золотникъ. Въ началѣ 90-хъ г. плата равнялась 2 р. 50 к.—3 р. 50 к. за золотникъ ¹⁾).

Однако съ помощію нѣкоторыхъ ухищреній плата за подъемное золото въ дѣйствительности понижалась даже ниже 60 к. Такъ во время слѣдствія на промыслахъ К^о Базанова 1876 г. было дознано, что припасы, забираемые рабочими изъ прискоковыхъ лавокъ, записываются по низшей цѣнѣ, чѣмъ тѣ же припасы въ общинѣ за подъемное золото: „Въ листикѣ рабочихъ“ цѣны за сахаръ, чай и масло „ставятся низшія, на кассу же“ (т.-е. какъ бы выданныя наличными деньгами) „эти же предметы отпускаются по цѣнѣ высшей“. Это дѣлалось съ тою цѣлью, чтобы какъ можно дешевле получить отъ рабочихъ подъемное золото, за которое они берутъ на кассу названные предметы. Такъ, напр., цѣна фунта чаю записывается въ листикѣ 1 р. 20 к., а на кассу 1 р. 40 к., „и поэтому золото обходится владѣльцамъ золотникъ копѣекъ въ 40 или немного болѣе“ ²⁾). Мѣстный горный исправникъ въ отчетѣ за 1875 г. также говоритъ: „На промыслахъ К^о Сибирякова и Базанова вознагражденіе за подъемное золото выдавалось по 60 к. за золотникъ, когда въ то же время на всѣхъ другихъ промыслахъ вознагражденіе это простиралось отъ 96 к. до 1 р. 92 к. за золотникъ. Кромѣ того вознагражденіе еще уменьшалось, когда рабочій за подъемное золото или на деньги, получаемыя за него, бралъ изъ промысловаго амбара разные припасы; напр., цѣна на сахаръ, при выдачѣ его въ счетъ платы, установлена 45 к. за фунтъ, а на деньги или за подъемное золото 60 к.; такимъ образомъ рабочій за золотникъ золота получаетъ не 60 к., а только 45 к., или фунтъ сахару“. Исправникъ считалъ необходимымъ увеличить вознагражденіе за подъемное золото и отмѣнить взысканіе долговъ изъ денегъ, причитающихся за это золото ³⁾).

Изъ свѣдѣній, сообщеннымъ намъ управленіемъ КК^о Промышленности и Прибрежно-Витимской, видно, что въ 1865 г. на промыслахъ Прибрежно-Витимской К^о выдавалась плата за подъемное золото по

въ 1874 г., предполагалось назначить за подъемное золото и самородки не болѣе $\frac{1}{2}$ ф. по 60 к. за золотникъ, но якутскій губернаторъ нашелъ, что это вознагражденіе недостаточно и что его слѣдуетъ повысить до 1 р. 20 к.

¹⁾ „Сиб. Вѣст.“ 1892 г. № 51; „Вѣст. Золот.“ 1895 г. № 20, стр. 332. У мелкихъ золотопромышленниковъ вознагражденіе за золото иногда уменьшается посредствомъ фальшивыхъ вѣсовъ. О. О. „Sibirische Briefe“ 1894 г., S. 280, 281.

²⁾ Арх. Ир. Горн. Упр. К. 2578, № 215—269, л. 20.

³⁾ Арх. Ир. Горн. Упр. К. 2574 № 189—243, л. 98.

80 к., въ 1875 г. на промыслахъ обѣихъ КК^о по 60 к. и 1 р. 20 к., въ 1879 г. по 60 к., 1 р. 44 к. и 2 р., въ 1885 г. по 60 к., 2 р. и 2 р. 50 к., въ 1889 г. по 3 р. Разница въ размѣрѣ платы очевидно зависѣла отъ большаго или меньшаго количества золота на разныхъ приискахъ этихъ компаній.

Полковникъ Купенковъ при посѣщеніи имъ приисковъ Олекминскаго округа въ 1872 г. обратилъ вниманіе на необходимость повышенія платы за подъемное золото ¹⁾. Въ томъ же году на собраніи управляющихъ олекминскихъ промысловъ было постановлено возвысить плату за подъемное золото до 1 р. 20 к.; но, по словамъ мѣстнаго исправника, не отъ всѣхъ хозяевъ послѣдовало на это разрѣшеніе ²⁾.

Въ 1877 г. циркуляромъ генераль-губернатора Восточн. Сибири было предложено золотопромышленникамъ платить за подъемное золото не менѣе 1 р. 44 к. за золотникъ, „какъ меньшій размѣръ платы, опредѣленный экспертами“, но горный исправникъ въ февралѣ 1878 г. донесъ, что золотопромышленники считаютъ это для себя невыгоднымъ и въ виду большого подъема золота по случаю крупности и богатства его. Такъ, напр., въ минувшую операцію на одномъ лишь приискѣ К^о Промышленности поднято за надзоромъ слишкомъ 26 пуд. золота, за которое и было уплачено рабочимъ по 60 к., слишкомъ 60 т. р.³⁾, а если бы платить по 1 р. 44 к., то всего пришлось бы выдать рабочимъ еще до 84 т. р. ⁴⁾.

Въ 1872 г. собраніе управляющихъ золотыми промыслами, кромѣ К^о Базанова, опредѣлило отнюдь не платить за подъемное золото спиртомъ подъ угрозою штрафа: за первый разъ 1000 р., за второй 2000 р. и въ третій 5000 р. въ пользу благотворительныхъ заведеній въ распоряженіе генераль-губернатора Восточ. Сибири, но нѣкоторые промысловыя управленія, какъ, напр., Базанова, заявили, что рабочіе настоятельно требуютъ спирта за подъемное золото ⁵⁾. Выдача водки за подъемное золото производилась на промыслахъ этой К^о и въ началѣ 80-хъ г., какъ это видно изъ дѣла о волненіи рабочихъ на Благовѣщенскомъ приискѣ Прибрежно-Витимской К^о 1882 г. Въ это время водка выдавалась на отливъ за подъемное золото за каждые 3 золотника по $\frac{1}{100}$ ведра ⁵⁾.

Кромѣ подъемнаго золота, заработокъ рабочихъ увеличивало еще старательское золото. Плата за него, какъ и за поднятое внѣ надзора, равнялась въ 1877 г.—1 р. 44 к., въ 1879 г. колебалась между 1 р.

¹⁾ Арх. Ирк. Горн. Упр. К. 2544 № 48—108, л. 117.

²⁾ Ibid. К. 2549, № 126—171, л. 470.

³⁾ Арх. Вит. Горн. Испр. дѣло 1877 г. № 82, л. 26.

⁴⁾ Арх. Ирк. Горн. Упр. К. 2549, № 46—71, л. 208.

⁵⁾ Ibid. К. 2766, № 47—89, л. 73.

44 к. и 2 р., а въ 1882 г. между 1 р. 44 к. и 2 р. 50 к. ¹⁾). Въ 1884 г. во всемъ Олекминскомъ округѣ было добыто старательскаго золота при хозяйскихъ работахъ болѣе 2-хъ пуд. и „въ хозяйскихъ работахъ, т.-е. въ свое время“, почти 3 пуд., обыкновенно же данныя о количествѣ старательскаго золота сообщаются вмѣстѣ со свѣдѣніями о подъемномъ золотѣ ²⁾). По договору К^о Трапезниковыхъ 80-хъ гг. деньги за старательское золото, какъ и за подъемное, „ни въ какомъ случаѣ не выдаются на руки, а записываются ежедневно по табели и въ концѣ мѣсяца въ расчетныя книжки. Мы уже указывали на печальныя особенности контракта Плетюхина 1889 г. и видѣли, что въ числѣ 4-хъ совершенно несходныхъ между собою контрактовъ, слитыхъ въ одинъ договоръ, съ правомъ хозяина выбрать изъ нихъ любой, кромѣ обыкновеннаго общаго контракта, есть такое условіе, по которому рабочіе получали на хозяйскихъ харчахъ поденную плату 50 к.—1 р. и по 48 к. съ золотника всего добытаго золота, т.-е. и подъемнаго. По третьему условію имъ назначена плата съ золотника на своихъ харчахъ: въ этомъ случаѣ они превращались въ обыкновенныхъ старателей-золотничниковъ и получали съ золотника по 1 р. 68 к. и за подъемное золото по 1 р. 92 к. По четвертому условію рабочіе получали на хозяйскомъ содержаніи поденную плату отъ 50 до 80 к. съ условіемъ добыть 2 золотника золота, а за добытое сверхъ того по 96 к. съ золотника.

Относительно помѣщеній рабочихъ мы обыкновенно находимъ въ контрактахъ Олекминскаго округа слѣдующее постановленіе: „Постройки для жительства нашего на резиденціяхъ и промыслахъ должны быть устроены отъ владѣльцевъ, равно бани и больницы“.

Но въ договорѣ К^о Промышленности 1874 г. встрѣчается постановленіе о постройкѣ жилищъ, въ случаѣ ихъ отсутствія, самими рабочими въ формѣ, весьма для нихъ невыгодной: помѣщенія должны быть устроены отъ К^о, „но если готовыхъ помѣщеній при сборѣ окажется недостаточно, то обязаны мы построить ихъ сами, сколько намъ нужно, для чего и должно быть дано намъ время, достаточное для постройки необходимаго помѣщенія безъ особаго за то вознагражденія“ ³⁾). Избушки или шалаши рабочіе должны были устраивать сами также „во временныхъ командировкахъ въ понсковыхъ и развѣдочныхъ партіяхъ и другихъ мѣстахъ, гдѣ нѣтъ постоянного жительства“ ⁴⁾). Отопленіе и освѣщеніе казармъ рабочіе должны были припасать сами въ свободное отъ работъ время. По

¹⁾ Арх. Ирк. Горн. Упр. К. 2766 № 37—45, л. 311; Арх. Вятим. Горн. Испр. 1877 г. № 32, л. 26.

²⁾ Дѣло канц. Ирк. Генералъ-Губернатора К. 2055, № 109—558, л. 148—146.

³⁾ Это мѣсто было исключено въ договорахъ той же К^о въ 1878 и 88 гг.

⁴⁾ Все это повторилъ Винниковъ въ проектѣ нормальнаго контракта 1874 г., но якутскій губернаторъ замѣтилъ, что заставлять рабочихъ бесплатно строить для себя помѣщенія несправедливо.

договору КК^о Промышленности и Прибрежно-Витимской 1887 г. постановление о жилищах рабочих развито подробно: „Помѣщеніе для нашего жительства на промыслахъ и резиденціяхъ, а также бани и больницы должны быть отъ промысловыхъ компаній и отапливаться дровами, доставляемыми рабочими людьми и лошадьми К^о, но расписка ихъ и отопленіе зданій должно производиться самими нами ¹⁾... Во всѣхъ занимаемыхъ нами зданіяхъ, называемыхъ казармами, обязываемся соблюдать чистоту... помои и мусоръ выбрасывать въ указанное мѣсто... Если въ занимаемыхъ нами помѣщеніяхъ будутъ жить „женщины, и въ особенности оставшіяся на льготѣ, то онѣ обязаны соблюдать въ казармахъ, а также и около нихъ чистоту и порядокъ и, въ случаѣ уклоненія ихъ отъ исполненія этихъ работъ, таковыя женщины немедленно удаляются съ промысловъ въ жилия мѣста. Эта работа возлагается на женщинъ въ виду того, что онѣ, состоя на льготѣ, изъ личныхъ своихъ интересовъ занимаются стиркою рабочимъ бѣлья, печеньемъ булокъ и проч., пользуясь готовыми помѣщеніями, отопленіемъ и освѣщеніемъ“. По договору К^о Арендаторовъ 1875 г. жилища рабочихъ должны быть устроены отъ хозяевъ ²⁾. Въ договорахъ Трапезниковыхъ 70-хъ гг. къ этому прибавлено, что „помѣщенія должны быть удобныя“, и рабочіе обязывались сами приготавливать дрова для отопленія; лошади же для подвозки должны быть хозяйскія ³⁾. По договору съ Малопахомскимъ Т-вомъ 1880 г. помѣщеніе для рабочихъ должно быть устроено теплое и сухое.

Въ донесеніи генераль-губернатору Восточной Сибири въ январѣ 1872 г. олекминскій горный исправникъ говоритъ, что большая часть казармъ не отличается опрятностью. На нѣкоторыхъ пріискахъ казармы старой постройки до того низки, что приходилось стоять, наклонивъ голову; „другія хотя и недавно выстроены, но съ двойными нарами, и въ нихъ, особенно наверху въ ночное время воздухъ удушливый ⁴⁾. Окна отчасти стеклянныя, отчасти слюдяныя, а есть и обтянутыя коленкоромъ (преимущественно на пріискахъ Базанова, гдѣ это вошло какъ

¹⁾ Обязательство строить шалаши и избушки въ поисковыхъ и развѣдочныхъ партіяхъ сохранено и въ этомъ договорѣ.

²⁾ По договорамъ съ Плетьухинимъ 1886 и 89 гг. „кромя случаевъ временныхъ хѣтныхъ работъ, удаленныхъ отъ главнаго стана“, сходно съ этимъ и въ договорахъ Аканакъ-Накатаминскаго Т—ва 1886 г., Базилевскихъ 80-хъ гг.,—и Ленскаго Т—ва 1883, 90—91 гг., по которымъ въ развѣдкахъ рабочіе должны были сами устраивать временныя помѣщенія—шалаши, палатки, балаганы и проч. По договорамъ Ленскаго Т—ва 1890 и 91 гг. рабочіе обязывались подчиняться въ казармѣ избранному ими старостѣ.

³⁾ Теперь дрова и вода въ казармы рабочихъ доставляются на хозяйскихъ лошадяхъ особыми рабочими. „Эта послѣдняя реформа“, говоритъ авторъ статьи въ „Сибир. Сбор.“, „совершилась на нашихъ глазахъ: мы еще застали то время, когда рабочіе обязаны были заготавливать то и другое для себя сами въ свободное отъ работъ время. Впрочемъ въ пріисковыхъ контрактахъ... сохранился тотъ пунктъ, по которому управленіе пріисками можетъ заставить рабочихъ обходиться въ этомъ случаѣ безъ посторонней помощи“ (1889 г. вып. II, 82).

⁴⁾ Тутъ на поляхъ краснымъ карандашомъ, безъ сомнѣнія Синельниковымъ, написано: „въ особенности я бы желалъ, чтобы въ 2 яруса наръ не было устраиваемо“.

бы въ обычай, несмотря на то, что коленкоръ, пѣскольکو разъ перемѣняемый, обходится дороже стекла; нынѣ впрочемъ подражено для строящихся новыхъ казармъ 2500 стеколъ, но они не были еще доставлены), отъ послѣднихъ свѣту больше, но проникаетъ вѣтеръ, а потому я предложилъ закрывать ихъ снаружн ставнями изъ кошмы; первыя же до того обледеѣли, что при входѣ съ трудомъ можно разсмотрѣть предметъ... На нѣкоторыхъ прискахъ (Базанова и Малопа-томскаго Т-ва) казармы строятся вновь и будутъ окончены къ началу операціи. Въ нихъ поставятся русскія печи, такъ что рабочіе могутъ изъ забираемыхъ ими припасовъ стряпать себѣ пищу и тѣмъ разнообразить обычную присковую. Лучшія казармы на Константиновскомъ прискѣ Трапезниковыхъ и у Базилевскаго; на Вознесенскомъ же прискѣ первой К^о онѣ и тѣсны, и темны, и грязны. На прискахъ Базанова семейные рабочіе помѣщаются вмѣстѣ съ прочими, для чего имъ обыкновенно отводится одинъ уголъ, отдѣляемый отъ наръ занавѣскою. Управляющій заявилъ, что на будущее время семейные будутъ имѣть помѣщенія, отдѣльными отъ холостыхъ ¹⁾“.

Необходимость серьезныхъ улучшеній въ жилищахъ рабочихъ на олекминскихъ промыслахъ поддерживается и свидѣтельствомъ иркутскаго жандармскаго штабъ-офицера въ 1871 г. Онъ говоритъ, что казармы одно-этажныя и двухъ-этажныя „построены изъ тонкаго таежнаго лѣса за неимѣніемъ хорошаго строевого; для лѣтнаго времени онѣ довольно сносны, но для холоднаго и зимняго требуютъ заботливости“: нужно было бы выбирать получше лѣсъ, хорошенько проконопатить казармы, сдѣлать оконныя рамы побольше и вставить стекла взамѣнъ слюды. Печи вездѣ желѣзныя. „Крыты казармы плохо—дранью или корой, такъ что въ ненастное время у нѣкоторыхъ крыши протекаютъ, и рабочій не можетъ согрѣться и обсушиться; на резиденціи Прибрежно-Витимской К^о Сибирякова и Базанова казачья казарма даже вмѣсто мха поставлена на сѣнѣ. Какое же можетъ быть тепло?!“ ²⁾

Въ донесеніи генералъ-губернатору въ октябрѣ 1872 г. горный исправникъ писалъ: „Предложивъ управляющимъ при первомъ осмотрѣ присковъ въ минувшемъ январѣ заняться исправленіемъ казармъ и больницъ, я въ іюнѣ мѣсяцѣ увидѣлъ уже, что на нѣкоторыхъ онѣ были не только приведены въ лучшее противъ прежняго положеніе, но и многія выстроены вновь... Прежде всего окончены исправленіемъ и новой постройкой казармы на прискахъ Базанова... На Константиновскомъ прискѣ Трапезниковыхъ казармы исправлены такъ, что вполне удовлетворяютъ своему назначенію, хотя впрочемъ онѣ и раньше были изъ лучшихъ. На ихъ же другомъ прискѣ, Вознесенскомъ, старыя казармы замѣ-

¹⁾ Арх. Иркут. Горн. Упр. К. 2549 № 126—71, л. 202—204.

²⁾ Арх. Иркут. Горн. Упр. К. 2551 № 81—36, л. 195.

нены новыми ¹⁾. Управление принсками Пермякина сначала отказалось было рѣшительно отъ исправленія казармъ, походившихъ тамъ и внутренней грязью, и наружнымъ безобразіемъ на хлѣба, а не на жиле человеческое, — отъзываясь дальностью возки хлѣба изъ-за 20 верстъ, но такъ какъ причины эти не заслуживали уваженія, я потребовалъ, чтобы въ тѣхъ казармахъ, гдѣ были двойныя нары, эти послѣднія были уничтожены, а кровли перекрыты; но вмѣстѣ съ тѣмъ управленіе нашло возможнымъ выстроить одну новую казарму, затѣмъ подвинулась и другая, такъ что теперь, помѣстивъ въ нихъ рабочихъ, оно имѣетъ возможность исправить и тѣ изъ старыхъ, которыя еще не совсѣмъ смотрятъ развалинами... Новыя казармы выстроены на Петровскомъ принскѣ Ленскаго Т-ва и на Романовскомъ Малопатомскаго; у Арендаторовъ онѣ только исправлены. Словомъ не осталось ни одного принска, на которомъ не было бы исправленія, хотя казармы и теперь еще не совсѣмъ удовлетворяютъ требованіямъ ²⁾.

Съ оставленіемъ Синельниковымъ поста генералъ-губернатора Восточной Сибири вниманіе мѣстной администраціи къ дѣлу улучшенія жилищъ рабочихъ вновь ослабѣло, и потому не мудрено, что г. Калагеорги пришлось (въ 1882 г.) сообщить малоотрадныя свѣдѣнія въ этомъ отношеніи.

„Казармы“, говоритъ онъ, „болѣе или менѣе на всѣхъ принскахъ одинаковы: деревянный домъ, раздѣленный на 2 или на 3 отдѣленія, имѣющія каждое по выходной двери на улицу, по срединѣ комнаты поставлена желѣзная печь, кругомъ устроены нары; семейные помѣщаются по угламъ, отдѣляя себя занавѣсками. Размѣръ комнатъ отъ 600 до 800 кв. футовъ при 9 или 10 фут. высоты; въ каждой комнатѣ живетъ отъ 20 до 25 человекъ, слѣдовательно, на каждого приходится болѣе 300 куб. фут. воздуха“ (только!). „Но есть и такіе прински, гдѣ помѣщенія крайне тѣсны: на Крещенскомъ и другихъ, принадлежащихъ Плехину и К^о, а также на принскахъ Бодайбинской К^о, въ казармахъ меньшихъ размѣровъ помѣщается иногда болѣе 30 чел.; тамъ часто рабочіе не имѣютъ своей постоянной койки: одинъ день въ комнатѣ спать 20 чел., а на другой ихъ собирается до 40. Правда, что эти прински составляютъ исключеніе; на всѣхъ же остальныхъ—рабочіе помѣщены довольно широко, и при поверхностномъ взглядѣ помѣщеніе ихъ можетъ показаться даже удовлетворительнымъ, въ особенности тамъ, гдѣ болѣе обращено вниманія на чистоту..., но тѣмъ не менѣе нельзя не желать серьезныхъ улучшеній и измѣненія конструкціи казармъ. Въ нынѣ существующихъ казармахъ невозможно соблюденіе опрятности и чистоты воздуха: желѣзная печь, находящаяся посреди комнаты, кромѣ отопленія, служить и для приготовленія пищи, на ней рабочіе сушатъ свое бѣлье и обувь. Варка пищи и развѣшанныя всюду грязныя тряпки распространяютъ такой тяжелый запахъ, что даже лѣтомъ, когда всѣ двери и окна постоянно открыты, при посѣщеніи казармъ нельзя не испытывать непріятнаго чувства; какой же

¹⁾ „Вообще на принскахъ Трапезниковыхъ“, говоритъ исправникъ, „и заработки велики, и помѣщенія опрятны, и пища вкусна, такъ что отсюда рабочіе менѣе всего переходятъ на другіе, живутъ по нѣскольку лѣтъ и выносятъ заработки до 300 и болѣе рублей“. Во время своей поѣздки я слышалъ отъ рабочихъ, бывшихъ прежде на принскахъ Трапезниковыхъ, самыя лучшіе отзывы объ этой компаніи.

²⁾ Арх. Ирк. Горн. Упр. К. 2549 № 126—71, л. 470—473.

воздухъ долженъ быть въ нихъ зимою?! На прискѣ Малопатомскаго Т-ва управляющимъ сдѣлано пополновненіе къ нѣкоторому улучшенію: въ казармѣ, состоящей изъ трехъ комнатъ, онъ помѣстилъ рабочихъ только въ двухъ крайнихъ, а среднюю предназначилъ для варки пищи и сушенія бѣлья; при этомъ сдѣлалъ проходныя двери. Къ сожалѣнію, эта мѣра не принесла пользы: рабочіе продолжаютъ по-прежнему готовить пищу и развѣшивать бѣлье подлѣ себя въ жилыхъ комнатахъ... Другой недостатокъ казармъ состоитъ въ томъ, что двери изъ жилыхъ комнатъ выходятъ прямо на улицу, нѣтъ ни сѣней, ни корридора; при непрерывномъ хожденіи взадъ и впередъ, двери безпрестанно открываются, на порогѣ накапливается отбиваемый отъ ногъ снѣгъ, который замерзаетъ и мѣшаетъ затворить плотно дверь, вслѣдствіе чего холодная струя воздуха проникаетъ спящихъ людей. Можно съ достовѣрностью предположить, что значительное число заболѣваній ревматизмомъ находится въ зависимости отъ дурного устройства казармъ. Третій недостатокъ состоитъ въ неимѣніи отхожихъ мѣстъ; на нѣкоторыхъ прискахъ они устроены, но такъ далеко, что рабочіе, ночью въ особенности, не считаютъ нужнымъ пользоваться ими“¹⁾.

Въ отчетѣ богатой Прибрежно-Витимской К^о за 1882 г. сказано, что въ каждой казармѣ, вмѣщающей 24 куб. саж. воздуха, помѣщается отъ 18 до 22 чел. Хотя и это не Богъ знаетъ какъ просторно, но едва ли все-таки свѣдѣніе это справедливо, по крайней мѣрѣ на Благовѣщенскомъ прискѣ этой К^о, какъ видно изъ дѣла о волненіи рабочихъ въ томъ же 1882 г. Слѣдствіемъ было обнаружено, что казармы „по ветхости и тѣснотѣ помѣщенія не удовлетворяютъ своему назначенію... Помѣщенія рабочихъ представляютъ всѣ условія для развитія цынготной болѣзни... Казармы до того неудобны, что по заявленію, сдѣланному врачомъ Рабиновичемъ, только вызываютъ въ рабочихъ цынготныя и простудныя болѣзни, при чемъ сухость воздуха отъ желѣзныхъ печей въ зимнее время тоже скверно вліяетъ на здоровье помѣщающихся въ казармахъ людей“²⁾.

По отчету горнаго исправника Олекминской и Витимской системъ за 1885 г., средній размѣръ „отдѣльныхъ номеровъ—11 кв. аршинъ, и при 3³/₄ арш. высоты въ каждомъ номерѣ живетъ отъ 15 до 20 чел., слѣдовательно на cadaго приходится около 400 куб. фут. воздуха“; казармы неудовлетворительны, „и нельзя не желать улучшеній... Справедливость требуетъ сказать, что новыя, построенныя въ послѣдніе годы, казармы замѣтно отличаются отъ старыхъ и болѣе крупнымъ размѣромъ“, и лучшимъ устройствомъ³⁾. Однако бывшій начальникъ иркутскаго горнаго управленія въ своемъ докладѣ (1886 г.) о положеніи рабочихъ на олекминскихъ промыслахъ говорить: „помѣщенія рабочихъ почти на всѣхъ промыслахъ совершенно неудовлетворительны: казармы

¹⁾ Арх. Иркут. Горн. Упр. К. 2765, № 37—30, л. 41—43.

²⁾ Арх. Иркут. Горн. Упр. К. 2766, № 47—39, л. 82, 134, 135 об.

³⁾ Арх. Иркут. Горн. Упр. К. 2772, № 135—124, л. 134 об.—135.

тѣсны, низки, грязны. На всѣхъ олекинскихъ промыслахъ я нашелъ только одну порядочную казарму, построенную на Бодайбинской резиденціи К^о Промышленности, обстановка которой вообще лучше другихъ, хотя и отъ этой К^о можно было бы требовать большаго при ея значительныхъ оборотахъ ¹⁾“.

Всѣ эти официальные свидѣтельства, вообще весьма неутѣшительныя, подтверждаются и неофициальными показаніями ²⁾. Мои личные наблюденія во время поѣздки въ 1891 г. на Витимскую и Олекминскую системы привели меня относительно жилищъ большинства рабочихъ къ неблагоприятнымъ выводамъ. Всѣ старыя казармы были въ высшей степени неудовлетворительны, не исключая и казармъ на главномъ стану такихъ богатыхъ компаній, какъ КК^о Промышленности и Прибрежно-Витимская. Новыя казармы (на нижнемъ прискѣ Базилевскаго, на Водянистомъ прискѣ и Воронцовской пристани К^о Промышленности) выше и лучше, но это только отдѣльныя попытки, также не вполне удовлетворительныя (хотя бы, напр., по отсутствію особнхъ помѣщеній для сушки одежды); огромное же большинство казармъ по тѣснотѣ помѣщенія, по размѣщенію вмѣстѣ холостыхъ и женатыхъ, по грязи и обилію клоповъ и другихъ насѣкомыхъ представляли весьма печальное зрѣлище. Когда я указывалъ на эту неблагоприятную сторону въ жизни присковыхъ рабочихъ, я слышалъ возраженія, что недостатки помѣщеній объясняются будто бы неувѣренностью хозяевъ въ томъ, что работы долго продлятся въ данной мѣстности, но при правильномъ веденіи дѣла, при извѣстномъ количествѣ развѣдокъ работы должны идти не на авось, и это оправданіе во всякомъ случаѣ не примѣняется къ такимъ богатымъ КК^о, которыя уже четвертью столѣтія измѣряютъ продолжительность своей дѣятельности. Нужно замѣтить, что никакого освѣщенія въ казармахъ не полагалось (керосинъ здѣсь дорогъ и употребленіе его не въ обычаѣ), поэтому желающіе имѣть вечеромъ освѣщеніе должны были сами покупать свѣчи.

Впрочемъ новѣйшія извѣстія о казармахъ КК^о Промышленности и Прибрежно-Витимской и нѣкоторыхъ другихъ представляютъ ихъ въ гораздо болѣе утѣшительномъ видѣ. „Для рабочихъ построены казармы съ койками на 2 чел. и столиками между косякѣ“, говоритъ мѣстный наблюдатель о КК^о Промышленности и Прибрежно-Витимской.

¹⁾ „Извѣст. Восточ. Сибир. Отд. Географ. Общ.“ 1886 г., т. XVII, № 3—4.

²⁾ См. *Малиевъ*. „Сбор. соч. по суд. мед.“, 1881 г. т. III, 108; „Сибир. Сбор.“ 1889 г. вып. I, 22—23, вып. II, 29; ср. „Сибир. Вѣстн.“ 1892 г. № 51. По свидѣтельству г. Кряжева, духота въ казармахъ бываетъ такъ велика, что „зимой рабочіе даже мохъ выдергиваютъ изъ стѣнъ, чтобы хоть немного освѣжить воздухъ“. „Русск. Жизнь“ 1894 г. № 44.

„При казармахъ устраивается теплая комната—передняя для просушки платья и обуви зимою послѣ окончанія шахтовыхъ работъ. Прежде, когда этой комнаты не было, рабочіе должны были сушить свои вещи въ общихъ камерахъ... Нынѣ казармы представляютъ собою опрятныя зданія достаточной высоты, свѣтлыя и теплыя. Для устройства новыхъ казармъ К^о пользуется планомъ, предложеннымъ въ „Вѣстникѣ Золотопром.“, безъ всякихъ измѣненій. По срединѣ казармы стоитъ плита съ топкою особой системы, которая окончательно вытѣснила бывшія прежде въ ходу желѣзныя печки. Кухни, хлѣбопекарни и проч. устроены вездѣ хорошо и опратно“. Съ Ленской К^о сообщаютъ, что новыя казармы „строились хорошо и съ достаточнымъ количествомъ воздуха. Въ казармахъ вмѣсто желѣзныхъ печей начали строить плиты съ духовыми желѣзными шкафами. Типъ этотъ принятъ и другими прискискими управленіями съ небольшими измѣненіями“ ¹⁾).

Мы встрѣтили не мало указаній на необходимость особыхъ помѣщеній для сушки одежды, чтобы сдѣлать болѣе сноснымъ воздухъ казармъ. Въ двухъ контрактахъ есть упоминанія о возможности устройства такихъ помѣщеній ²⁾. Однако въ позднѣйшихъ договорахъ этихъ компаній условіе это исключено: очевидно, оно осталось мертвою буквою, вѣроятно потому, что, устраивая помѣщенія для храненія одежды рабочихъ „вблизи работъ“, а не въ казармахъ или около нихъ, преслѣдовали болѣе полицейскія, чѣмъ санитарныя цѣли, а именно, желали прекратить похищеніе золота, уносимаго въ обуви и одеждѣ. Понятно, что рабочіе не могли сочувствовать такимъ заботамъ о ихъ здоровьѣ, такъ какъ похищеніе золота служить хотя и незаконнымъ, но все же

¹⁾ „Восточ. Об.“ 1894 г. № 127; „Вѣст. Золот.“ 1895 г., стр. 127.

²⁾ „Если промышленное управленіе найдетъ нужнымъ“, сказано въ контрактѣ К^о Промышленности 1878 г., „для сохраненія нашего здоровья и для соблюденія постоянной чистоты въ казармахъ, устроить въ извѣстномъ пунктѣ вблизи работъ особыя помѣщенія, въ которыхъ мы должны переодеваться въ одежду, предназначенную собственно только для работъ, то отъ этого условія переодеванія мы не должны отказываться, а обязываемся неупустительно исполнять слѣдующее: а) при выходѣ на работу заходить въ назначенное помѣщеніе, гдѣ въ особой комнатѣ снимать все чистое и нерабочее платье и надѣвать рабочую одежду и въ ней тотчасъ же идти на работу; б) возвращаясь съ работъ, каждый изъ насъ долженъ заходить въ то же помѣщеніе и тамъ переодеваться указаннымъ выше порядкомъ, надѣвая платье нерабочее; в) ни подъ какимъ предлогомъ никто изъ насъ, возвращаясь съ работъ, не имѣетъ права уходить въ казармы въ рабочей одеждѣ, а долженъ оставлять таковую въ объясненномъ помѣщеніи и на указанномъ мѣстѣ и каждый изъ насъ непремѣнно обязанъ знать это мѣсто. Одежду, какъ предназначенную въ употребленіе при работѣ, такъ и для носки вѣдъ работъ, каждый изъ насъ долженъ имѣть свою, а употребляемая при работѣ должна состоять только изъ самыхъ необходимыхъ вещей. За нарушеніе условія, изложеннаго въ этомъ пунктѣ, подвергаемся взысканію по усмотрѣнію мѣстной полиціи“. (То же въ договорѣ Бодайбинской К^о 1883 г.).

дополненіемъ ихъ заработковъ. Что именно такую цѣль преслѣдовали приведенныя условія контрактовъ,—видно изъ свидѣтельства г. Калагеорги, бывшаго на промыслахъ въ 1882 г.: „одинъ изъ управляющихъ приискомъ при обсужденіи мѣръ для борьбы съ золотокрадствомъ высказался за пользу обыска и предложилъ выстроить отдѣльныя казармы для переодеванія рабочихъ, какъ при выходѣ ихъ на работы, такъ и по окончаніи ихъ. Казармы эти должны быть раздѣлены на 2 части: въ одной изъ нихъ рабочіе будутъ раздѣваться и оставлять до окончанія работъ свое платье, а въ другой одѣваться въ рабочее платье; тутъ же могутъ быть устроены умывальники ¹⁾). Во время посѣщенія нами въ 1891 г. Тихонозодонскаго прииска Ленскаго Т-ва главный управляющій, г. Грауманъ, говорилъ намъ, что онъ мечтаетъ объ устройствѣ особыхъ раздѣваленъ для рабочихъ, но одинъ мѣстный докторъ высказалъ мнѣніе, что рабочіе не станутъ переодеваться, и что поэтому онъ находитъ болѣе практичнымъ устройство такихъ высокихъ казармъ, чтобы можно было устроить полати на верху для просушки мокрой одежды и валины для вентиляціи воздуха.

Въ контрактахъ всегда упоминается о томъ, что отъ приисковаго управленія должны быть устроены бани. Въ контрактахъ Базилевскаго 1876 и 78 гг. сказано: баню „отапливать должно на хозяйскій счетъ въ зимнее время по 1-ое мая два раза въ мѣсяцъ, а въ лѣтнее ежедневно по 2 раза; въ договорѣ 80-хъ гг. постановлено всегда топить ее 2 раза въ недѣлю; по договорамъ Ленскаго Т-ва 1883 и 91 гг. баня назначена одинъ разъ въ недѣлю. Г. Кражевъ говоритъ: на одномъ приискѣ „баня для рабочихъ была старая и очень маленькая, не больше избушки. Баня была одна какъ для мужчинъ, такъ и для женщинъ. Между тѣмъ команда рабочихъ состояла зимою изъ 300 человекъ, а времени для того, чтобы вымыться, было немного: баня топится только по субботамъ, и только послѣ работъ рабочій можетъ идти мыться, т. е. съ 5 час. вечера. Можно представить себѣ, какова тѣснота въ такой банѣ. Раздѣваться и одѣваться приходилось на крыльцѣ подъ открытымъ небомъ не только лѣтомъ, но даже зимою. Кромѣ того нерѣдко случалось, что не доставало воды; тогда раздѣтый рабочій выбѣгалъ съ шайкой изъ бани и черпалъ воду въ протекавшей вблизи рѣчкѣ“, не только лѣтомъ, но и зимою. „Каковы послѣдствія отъ раздѣваній и одѣваній зимою на улицѣ и отъ того, что мужчины и женщины моются вмѣстѣ,—обо всемъ этомъ нечего и говорить“ ²⁾). На нижнемъ приискѣ Базилевскаго мы видѣли хорошо построенную баню, не знаемъ только, достаточна ли она для вмѣщенія всѣхъ рабочихъ.

¹⁾ Арх. Ирк. Горн. Упр. К. 2765, № 37—30, л. 84.

²⁾ „Русс. Жизнь“ 1894 г. № 44.

Изъ донесенія г. Калагеорги (1882 г.) видно, что обыкновенно „рабочіе одинъ разъ въ недѣлю бывають въ банѣ, а затѣмъ никогда не моются, спятъ въ томъ же платѣ, въ которомъ работаютъ, т.-е. въ грязномъ и пропитанномъ сыростью“.

Продовольствіе на прискахъ общеконтрактные рабочіе до послѣдняго времени вездѣ получали хозяйское, и лишь въ недавнее время они на нѣкоторыхъ промыслахъ переведены на свое содержаніе.

Относительно этого мы находимъ такія условія въ присковхъ контрактахъ. По договору К^о Промышленности 1870 г. рабочіе должны были получать на прискахъ въ артели ежедневно ржаного печенаго хлѣба съ солью, сколько потребуется, говядины или солонины для щей по 1 ф. и крупы $\frac{1}{4}$ ф. ежедневно и столько же крупы для каши каждый праздничный день. За разбрасываніе хлѣба они должны были отвѣчать „по стоящей К^о цѣнѣ“. По договору той же К^о 1874 г. пищевое довольствіе опредѣлено такимъ образомъ: „На прискахъ и резиденціяхъ и вообще въ мѣстахъ постоянныхъ работъ получать намъ продовольствіе пищею отъ промысловаго управленія ежедневно ржаного печенаго хлѣба 4 ф., свѣжаго или соленнаго мяса по 1 ф.; затѣмъ въ мѣсяцъ: соли по 3 ф., масла коровьяго или сала по $\frac{1}{2}$ ф. и крупы ячневой по 10 ф. на каждого. Въ мѣстахъ же непостоянныхъ работъ, какъ, напр., въ поисковыхъ развѣдочныхъ партіяхъ, при проводѣ или исправленіи дорогъ и проч., гдѣ нѣтъ запасныхъ заготовленій, получать намъ каждодневно взамѣнъ печенаго хлѣба ржаныхъ сухарей по 3 ф., а взамѣнъ свѣжаго или соленнаго мяса по $\frac{3}{4}$ ф. сушеннаго“ ¹⁾. По договору 1878 г. количество мяса увеличено до $1\frac{1}{2}$ ф., соли до 4 ф. ²⁾. По договору 1887 г. той же К^о пищевое довольствіе улучшено введеніемъ въ него кирпичнаго чая, и рабочіе должны были получать „муки ржаной въ печеномъ хлѣбѣ по потребности, но не болѣе 3 ф. мукою на человѣка“, мяса свѣжаго или соленнаго $1\frac{1}{2}$ ф. ежедневно и кромѣ того въ мѣсяцъ ячневой или гречневой крупы 10 ф., коровьяго масла на кашу $\frac{1}{4}$ ф., кирпичнаго чая полъ-кирпича ³⁾. „Щи и каша должны приготовляться въ общихъ артельныхъ котлахъ. При употребленіи свѣжаго мяса потроха, головы и ноги должны отпускаться въ счетъ мяса. Приготовленіе на прискахъ и резиденціяхъ хлѣба, щей и каши, а также въ лѣтнее время кваса, должно быть производимо особою, отъ управленія назначенною, прислугою за счетъ КК^о. По договору К^о Арендаторовъ 1875 г. печенаго хлѣба полагалось по $4\frac{1}{4}$ ф., говядины 1 ф., крупы ячневой по $\frac{1}{4}$ ф. въ день и столько же для каши въ воскресные дни, „каша же въ половинѣ недѣли должна быть экономическая; масла для каждой каши отпускать по 6 золот. на человѣка“. Въ поисковыхъ партіяхъ вмѣсто хлѣба—сухари и сушеннаго мяса по $\frac{3}{4}$ ф.; остатки хлѣба они не должны были растрчивать, а передавать, кому слѣдуетъ, „и за такую аккуратность нашу, какъ бы въ вознагражденіе, полагается варить намъ съ 1 іюня по 15 августа квасъ“; въ противномъ же случаѣ „мы не имѣемъ права его требовать“. По договорамъ Трапезниковыхъ 70-хъ гг. полагалось въ мѣсяцъ на каждого рабочаго: печенаго хлѣба 3 пуда, соли 4 ф., крупы ячневой или гречневой 10 ф., масла $\frac{1}{4}$ ф., мяса

¹⁾ То же по договору Бодайбинской К^о 1880 г., только мяса по $1\frac{1}{4}$ ф. За разбрасываніе хлѣба опредѣлено вычитать двойную его стоимость.

²⁾ То же по договору Бодайбинской К^о 1883 г., но по контракту 1884 г — $1\frac{1}{4}$ ф. мяса.

³⁾ То же по договору Бодайбинской К^о 1890 г.

свѣжаго или соленого 30 ф. „Приготовление хлѣба, кваса, щей и каши должно быть производимо хозяйскимъ коштомъ“, для чего „и избираются изъ среды нашей артельный староста, хлѣбопек, кашевары и квасовары. Въ случаѣ неостатка, по неисправности подрядчиковъ, а не по винѣ управленія, котораго-либо изъ упомянутыхъ здѣсь производителей, допускается замѣна одного другимъ“. Въ договорѣ той же К^о 80-хъ гг. количество мяса увеличено до 1½ ф. По договору съ Плетюхинымъ 1886 и 89 гг. мяса полагалось лишь 1¼ ф., печенаго хлѣба по 4 ф., крупы въ мѣсяцъ 10 ф., соли 4 ф., масла ¾ ф. въ мѣсяцъ; вмѣсто кваса выдавалось полъ-кирича чаю. По договору Аванакъ-Накатамискаго Т-ва 1886 г. мяса назначено по 1½ ф. въ день, скоромнаго масла или сала ½ ф. въ мѣсяцъ. По договору Базилевскаго 1876 г. говядины свѣжей или соленой по 1¼ ф., а по договору 1878 г. 1½ ф. Въ одномъ договорѣ той же К^о 1880-хъ гг. прибавлено, что „кромя положенія, получаютъ еще въ праздники Пасхи, Рождества Христова, масленицы и въ день коронаціи по одной крупичатой булѣи и по 1 ф. мяса на каждаго“. По договору Ленскаго Т-ва 1883 г. къ обычнымъ предметамъ довольствія (4 ф. ржаного хлѣба, 1½ ф. мяса въ день, 8 ф. крупы и ½ ф. коровьяго мяса въ мѣсяцъ) прибавлено еще 2 ведра квашеной капусты на каждаго человека. Въ контрактѣ того же Т-ва начала 70-хъ гг. рабочіе обязывались не имѣть „никакой претензіи“ на приготовляемую имъ пищу. Въ договорахъ Т-ва 1890 и 91 гг. количество крупы уменьшено до 6 ф., капуста отпускалась „по усмотрѣнію управленія“ (т.-е. ея могло и не быть), но зато прибавлено на каждаго по ¼ кирича чаю; въ лѣтнее время рабочіе получаютъ 3½ ф. хлѣба и квасъ. По договору Малонатомскаго Т-ва 1880 г. масла скоромнаго полагалось по 1 ф. и мяса по 1½ ф.

Такимъ образомъ въ различныхъ контрактахъ количество хлѣба въ день колебалось между 3 и 4½ ф., мяса въ 70-хъ гг. полагалось по 1 ф., но съ конца этого десятилѣтія количество его было повышено во многихъ компаніяхъ до 1½ ф. (однако еще въ концѣ 80-хъ гг. Плетюхинъ давалъ лишь 1¼ ф. мяса), крупы въ мѣсяцъ полагалось отъ 6 до 10 ф., соли 3—4 ф., масла ½—1 ф.; кромѣ того въ нѣкоторыхъ компаніяхъ давали или квасъ, или ¼—½ кирича чаю въ мѣсяцъ, а по договору Ленскаго Т-ва 1883 г. 2 ведра квашеной капусты.

Современныя свидѣтельства показываютъ, что въ первой половинѣ семидесятихъ годовъ пища рабочихъ была крайне неудовлетворительна. По словамъ иркутскаго жандармскаго офицера въ отчетѣ за 1871 г., „рабочіе получаютъ по 1 ф. мяса на человека и крупу, изъ которой готовятъ кашу, прибавляя ревеня, и кромѣ того 2 раза въ недѣлю крутую кашу съ масломъ изъ гречневой или ячменной крупы. Мясо свѣжее, доставляемое изъ Якутскаго, Вилюйскаго и Олекминскаго округовъ, вообще очень незавидное; скоть хотя и не очень мелокъ, но плохъ, сала ничего нѣтъ. Лучшее всего доставляется солонина изъ Иркутска; пища изъ нея готовится гораздо питательнѣе и вкуснѣе“¹⁾.

¹⁾ Арх. Иркут. Горн. Упр. К. 2551, № 81 — 86, л. 197. Генералъ-губернаторъ Восточной Сибири Синельниковъ въ письмѣ отъ 30 ноября 1871 г. къ министру

Въ 1872 г. (9 янв.) по предложенію олекминскаго горнаго исправника, главноуправляющіе промысловъ постановили отпускать съ 1-го мая на счетъ хозяевъ по 1 ф. масла (вмѣсто прежняго $\frac{1}{2}$ ф.) въ мѣсяцъ ¹⁾; относительно прибавки мяса главноуправляющіе сослались на то, что для настоящей операціи его доставлено на прински въ размѣръ 1 ф. на рабочаго и потому увеличить количество его невозможно, а взаимѣнъ этого рѣшено было пополнить пищу прибавкою въ каждую недѣлю каши и масла столько, сколько позволяли сдѣланные запасы; для приправы они обѣщали купить лавроваго листу и перцу, а на будущее время заготовлять капусту.

„Нынѣ она въ количествѣ 800 ведеръ выписана была изъ Якутска на прински Базанова“. доноситъ горный исправникъ генераль-губернатору, „но прислана такого дурного качества, что послѣ осмотра доктора уничтожена вся безъ остатка. Трудность заключается не въ покупкѣ капусты (она есть и въ Биренскѣ, и въ Якутскѣ), а въ доставкѣ. Приготовленная въ концѣ августа—она едва успѣетъ быть приплавлена съ послѣднимъ рейсомъ по Ленѣ и Витиму на резиденціи, гдѣ и оставляется до открытія навигаціи, и при немѣвѣн хорошихъ погребовъ замерзаетъ и портится.. Въ лѣтніе мѣсяцы на нѣкоторыхъ принскихъ собираютъ ревень, изъ котораго рабочіе и варятъ себѣ щи; посленный онъ замѣняетъ капусту. Пища зимою не готовится въ общей кухнѣ (кромя принсковъ Базанова и Ленскаго Т-ва), а готовится рабочими по казармамъ. Лучшія щи нашелъ я на Константиновскомъ принскѣ Трапезниковыхъ. Пробовалъ пищу и приготавливаемую въ мѣдныхъ котлахъ вмѣсто прежнихъ желѣзныхъ, но—или кашевары не искусны, или ужъ мясо плохо (оно впрочемъ было несоленое),—но только ни вкусу, ни питательности мною не найдено. У Базанова солонина плоха, такъ какъ, по рассказамъ, доставлена въ бочкахъ изъ подъ омулей и приняла ихъ вкусъ; хлѣбъ хорошъ повсемѣстно и выпеченъ надлежащимъ образомъ. Впрочемъ на одномъ принскѣ встрѣтилъ я хлѣбъ, испеченный изъ затхлой муки.. Квасъ зимою не готовится нигдѣ: онъ составляетъ принадлежность лѣтнихъ мѣсяцевъ; вкуса лука и не знаютъ“ ²⁾. Въ отчетѣ исправника за 1874 г. говорится о „несообразномъ съ трудомъ“ (т.е. недостаточномъ) „количествѣ пищи“ ³⁾, а въ отчетѣ за тотъ же годъ офицера, завѣдывавшаго ссыльно-каторжными, онъ утверждалъ, что капуста, сравнительно съ прошлою операціею, выдавалось гораздо меньше и худшаго качества ⁴⁾.

финансовъ говоритъ: „на золотыхъ промыслахъ рабочіе... содержались скудно, чрезъ что должны были покупать изъ принсковыхъ же складовъ по высокимъ цѣнамъ необходимыя для жизни припасы и потребности“. Арх. Горн. Деп. отд. золот., дѣло 1872 г. № 4, л. 2. Офицеръ, завѣдывавшій ссыльно-каторжными, въ отчетѣ за 1872 г. также говоритъ, что рабочіе питаются „скудною и однообразною пищею“. Арх. Витим. Горн. Испр., дѣло № 9, л. 110.

¹⁾ Въ концѣ 70-хъ и началѣ 80-хъ гг., какъ мы увидимъ ниже изъ официальныхъ отчетовъ, обыкновенно давали рабочимъ $\frac{1}{2}$ ф. масла и $\frac{1}{2}$ ф. сала.

²⁾ Синельниковъ на поляхъ написалъ: „желательно, чтобы готовился квасъ и чтобы доставлялся лукъ; неужели и это растеніе невозможно сѣять на мѣстѣ?“ Арх. Ирк. Горн. Упр. К. 2549, № 126—71, л. 206.

³⁾ Арх. Ирк. Горн. Упр. К. 2566, № 206—152, л. 55.

⁴⁾ Арх. Витим. Горн. Испр., дѣло 1873 года, № 19, л. 110.

Въ газетѣ „Сибирь“ былъ напечатанъ, со словъ рабочаго, слѣдующій рассказъ о продовольствіи въ началѣ 70-хъ годовъ на промыслахъ самой крупной компаніи: „Пища весьма плоха: 1 ф. говядины на человѣка въ сутки, это еще хорошо, но капусты и въ поминѣ нѣтъ: мы шей не ѣли, а какое-то варено съ ачменной крупой; два раза въ недѣлю гречневая жидкая каша; чаю рабочему не полагается, а каждый долженъ покупать свой по 1 р. за кирпичъ... Говядина дается двухъ сортовъ: соленая и свѣжая. Соленая отпускается съ сентября по июнь мѣсяцъ; она готовится якутами и зовется якутское мясо; а съ июня свѣжая, но она не свѣжая, а вяленая, употребляемая обыкновенно въ лѣтнихъ экспедиціяхъ... Говядина такая, что, когда откроешь бочку, въ которой она привезена, то по всей казармѣ такой запахъ, такая вонь, что хоть бѣги вонь! Поварь какъ ни промываетъ,—ничего не беретъ: цѣломъ синяя, противная. Великимъ постомъ давалось тоже мясо; кто не хотѣлъ скоромиться, — отпускались омули съ такимъ расчетомъ, что одинъ омуль отвѣчалъ за 2 ф. говядины; слѣдовательно 1 омуль давался на 2 дня. Извольте тутъ быть сытымъ послѣ такой тяжелой работы! Откажешься отъ омулей,—предложить гороховый супъ, гдѣ, по поговоркѣ, „крупинка за крупинкой гоняется съ дубинкой“¹⁾.

По словамъ отчета за 1875 г. витимскаго горнаго исправника, рабочимъ давали попрежнему 1 ф. свѣжаго или соленаго мяса, изъ котораго готовился одинъ обѣдъ; 2 раза въ недѣлю давали кашу. „Но нельзя сказать, чтобы рабочій одною хозяйскою пищею поддерживалъ свои силы. При крайне тяжелыхъ земляныхъ работахъ и при неблагоприятныхъ климатическихъ условіяхъ, одного обѣда далеко недостаточно, особенно если принять въ соображеніе, что пригоняемый изъ Вилюйска и Забайкальской области скотъ, во время прогона на значительныхъ пространствахъ, при отсутствіи хорошаго корма, изнуряется и приходитъ на промысла крайне истощеннымъ и здѣсь также вслѣдствіе неимѣнія пастбищъ убивается ранѣ наступленія морозовъ и засаливается на круглый годъ. Изъ такой солонины не только не получается хорошаго навара, но и самыя порціи выходятъ въ $\frac{1}{2}$ ф. (!), вслѣдствіе чего для поддержанія своихъ силъ рабочіе выписываютъ изъ промысловыхъ амбаровъ чай, сахаръ, масло, пшеничную муку и проч., и на эту добавочную пищу уходитъ не мало изъ заработной платы. Желательно улучшеніе пищи рабочихъ прибавкою по крайней мѣрѣ $\frac{1}{2}$ ф. мяса на ужинъ и отпускомъ чаю отъ хозяевъ“²⁾.

Якутскій областной медицинскій инспекторъ Проскуряковъ послѣ обзрѣнія 1875 г. пріисковыхъ больницъ и между прочимъ посѣщенія Инокентіевскаго пріиска Гинцбурга въ донесеніи якутскому губернатору писалъ: „По заявленію доктора Стоянова, главная причина цыгги—ничтожная питательность якутскаго соленаго мяса, по преимуществу употребляемаго на пріискѣ Гинцбурга. Однообразіе пищи, недостатокъ

¹⁾ „Сибирь“, 1873 г. №№ 5 и 8. О дурномъ мясѣ на пріискахъ Базанова см. также „Сибир. Газ.“ 1884 г. № 8, стр. 204.

²⁾ Арх. Ирк. Горн. Упр. К. 2574, № 189—243, л. 86 об.

растительныхъ пищевыхъ веществъ и преимущественно овощей производятъ хроническое голоданіе, вслѣдствіе чего вновь прибывшіе рабочіе дѣлаются жертвою цынги, чему еще болѣе способствуютъ неблагоприятныя климатическія и почвенныя условія тайги и характеръ работъ“ ¹⁾).

Въ 1876 г. окружной ревизоръ олекминскаго округа Вецель донесъ генералъ-губернатору, что „продовольствіе рабочимъ на золотыхъ промыслахъ Олекминской системы отпускается вездѣ одинаковое: въ дневную порцію на каждого человѣка полагается 1¹/₄ ф. мяса соленого или свѣжаго и для приварка въ достаточномъ количествѣ крупа, капуста или ревень, соль и стручковый перецъ,—послѣдній дается по желанію; кромѣ того выдается квасъ и еженедѣльно два раза каша съ масломъ, за исключеніемъ, впрочемъ, присковъ Базанова и Сибирякова, гдѣ порція мяса, при вышесказанномъ же приварочномъ довольствіи, отпускается уполномоченнымъ Беклемишевымъ весьма скудная, а именно 1 ф. соленого мяса на человѣка, изъ котораго по произведенной пробѣ получается только 36 золот., а если при этомъ отбросить кости, то мяса останется не болѣе 30 зол., что для дневной порціи рабочаго, при тяжелыхъ работахъ, весьма недостаточно“. По мнѣнію Вецеля, слѣдовало бы обязать всѣхъ золотопромышленниковъ выдавать рабочимъ не менѣе 1¹/₂ ф. соленого мяса, а свѣжаго не менѣе 1¹/₄ ф. Генералъ-губернаторъ бар. Фредериксъ предписалъ горному исправнику наблюдать за тѣмъ, чтобы это предложеніе было исполнено на золотыхъ промыслахъ, а „въ случаяхъ отступленія отъ принятаго порядка вообще и уменьшенія отпуска говядины въ особенности, доносить безотлагательно“ ²⁾. Плохое продовольствіе рабочихъ на прискахъ К^о Базанова въ томъ же 1876 г., подтверждается и подполковникомъ Грамотинымъ, производившимъ слѣдствіе о причинахъ волненія на этихъ промыслахъ: „Я освѣдомился“, писалъ онъ генералъ-губернатору Восточной Сибири 28 ноября 1876 г., „что минувшею весною и зимою присковое управленіе, отпуская въ пищу рабочимъ соленое мясо, нерѣдко давало протухшее и худого качества. Мясо на промыслахъ есть въ настоящее время двухъ-и трехгодовой засолки до 3000 пуд., которое издаетъ отъ себя запахъ и худого качества. Вообще могу сказать, что на пищу рабочихъ на промыслахъ мало обращается вниманія“ ³⁾.

Рабочимъ изъ ссыльнокаторжныхъ на промыслахъ отпускалась та же пища, что и свободнымъ рабочимъ, и вотъ что говорится о ихъ пищѣ въ отчетѣ за 1876 г.: „Пища арестантамъ приготовлялась и от-

¹⁾ Арх. Витим. Горн. Упр. 1875 г. № 20, л. 4.

²⁾ Арх. Ирк. Горн. Упр. К. 2574, № 189—248, л. 357.

³⁾ Арх. Ирк. Горн. Упр. К. 2578, № 215—269, л. 19, стр. 28 об.

пускалась по примѣру прежнихъ лѣтъ: на завтракъ, паужинъ и ужинъ приварка не полагается, одного же фунта худосочной говядины въ день на человѣка крайне недостаточно, вслѣдствіе чего для поддержанія силъ и здоровья арестантовъ и для поощренія ихъ къ труду было необходимо выдавать имъ въ счетъ заработка масло и сахаръ¹⁾.

Всѣ эти официальные донесенія не могли не обратить вниманія высшей администраціи Восточной Сибири на крайнюю неудовлетворительность продовольствія присковыхъ рабочихъ, и мы видѣли (см. выше, стр. 42), что генераль-губернаторъ бар. Фредериксъ нашелъ нужнымъ принять мѣры для его улучшенія. На его запросъ въ концѣ 1876 г. большинство золотопромышленниковъ изъявило согласіе выдавать рабочимъ говядины по 1½ ф. въ день на человѣка, вслѣдствіе чего онъ и приказалъ циркуляромъ отъ 22 апрѣля 1877 г. предложить золотопромышленникамъ выдавать рабочимъ говядину въ этомъ количествѣ, а наблюденіе за исполненіемъ этого распоряженія возложилъ на горнаго исправника.

Витимскій исправникъ въ маѣ 1877 г. разослалъ запросъ мѣстнымъ присковымъ управленіямъ о томъ, какія мѣры приняты ими для исполненія воли генераль-губернатора. Управление К^о Промышленности сообщило, что прибавка рабочимъ мяса съ 1¼ до 1½ ф. въ сутки можетъ быть произведена только съ разрѣшенія владѣльца, почему этотъ вопросъ будетъ возбужденъ при посѣщеніи ими присковъ²⁾. Управление Прибрежно-Витимской К^о отвѣчало, что воля генераль-губернатора имъ не исполнена, во-первыхъ, потому, что не получено никакого распоряженія отъ уполномоченнаго и владѣльцевъ промысловъ, а во-вторыхъ потому, что всѣ заготовленія по содержанію рабочихъ произведены по смѣтѣ на дѣйствующую операцію, и потому увеличить мясную порцію можно съ разрѣшенія владѣльцевъ только съ начала будущей весны. Хорошо извѣстный намъ золотопромышленникъ Плетюхинъ сообщилъ, что циркуляръ генераль-губернатора имъ читанъ и „съ большимъ удовольствіемъ принятъ къ руководству. Жалѣю (?) объ одномъ только“, продолжаетъ онъ, „что я имѣлъ смѣлость за 3 года впередъ, т.-е. съ 1875 г. или, вѣрнѣе сказать, съ начала разработки принадлежащихъ мнѣ присковъ озабочиться объ улучшеніи быта промысловыхъ рабочихъ именно настолько, насколько позволяетъ возможность бороться со всевозможными препятствіями къ улучшенію, въ особенности въ продовольствіи. Такъ напр.: мяса соленого или свѣжаго я отпускалъ и отпускаю ежедневно по 1¼ ф. на человѣка, чего нигдѣ на олекминскихъ прискахъ, сколько мнѣ извѣстно, до полученія настоящаго циркуляра не бывало“ (!); чай отпускался и отпускается безплатно и варится въ артельномъ котлѣ два раза въ день. Исправникъ не оставилъ заявленія Плетюхина безъ отвѣта и написалъ ему, что 1¼ ф. мяса выдавалось рабочимъ и ранѣе циркуляра генераль-губернатора на промыслахъ КК^о

¹⁾ Арх. Витим. Горн. Испр., дѣло о ссыльнокат. 1875 г., № 5 л. 129 об.

²⁾ Нѣсколько позднеѣ, въ августѣ 1877 г., управление К^о Промышленности дало знать горному исправнику, что, хотя владѣльцы промысловъ и были на нихъ лично, но вопросъ объ улучшеніи быта рабочихъ не рѣшенъ ими одними, и они обѣщали вырѣшить его по пріѣздѣ въ Иркутскъ вмѣстѣ съ другими золотопромышленниками и тогда сообщить управленію.

Прибрежно-Витимской и Промышленности съ 10 сентября 1876 г., а въ управленіи Владимірской К^о выдавалось даже 1¹/₂ ф. На вопросъ о томъ, отпускается ли рабочимъ въ лѣтнее время квасъ, Плетюхинъ отвѣчалъ, что на Крещенскомъ прискѣ квасъ замѣняется чаемъ. Въ октябрѣ 1877 г. управленія КК^о Промышленности и Прибрежно-Витимской донесли, что съ 10-го сентября рабочимъ выдается по 1¹/₂ ф. мяса.

Въ февралѣ 1878 г. горный исправникъ донесъ якутскому губернатору, что до 10 сентября 1877 г., вслѣдствіе незаготовленія мяса, рабочимъ отпускалось по 1¹/₄ ф., кромѣ Владимірской К^о, гдѣ выдавалось по 1¹/₂ ф., съ 10-го же сентября, согласно циркуляру генералъ губернатора, золотопромышленники разрѣшили отпускать по 1¹/₂ ф. мяса, что всѣми ими исполняется. До пригона рогатаго скота на прискахъ К^о Базанова и Сибирикава давалась рабочимъ солонина, а потомъ въ продолженіе всей операціи выдавалось свѣжее мясо. Въ приварокъ отпускались капуста, крупа, соль. Въ продолженіе лѣта варился квасъ ¹⁾).

Въ мартѣ 1878 г. якутскій губернаторъ потребовалъ свѣдѣній о томъ, въ какое время и въ какомъ количествѣ рабочіе продовольствуются соленымъ мясомъ. Витимскій горный исправникъ отвѣчалъ, что въ Прибрежно-Витимской К^о рабочіе получали соленое мясо съ 10-го сентября по 1 ноября 1877 г. „вслѣдствіе невозможности сохранить въ это время отъ порчи въ большомъ количествѣ свѣжее мясо и за неимѣніемъ подножнаго корма для рогатаго скота. Затѣмъ соленое мясо будетъ отпускаться въ продолженіе мая мѣсяца до пригона скота подрачникомъ“. Въ К^о Промышленности ежедневно на 1 ф. свѣжаго мяса выдается ¹/₂ ф. соленаго, кромѣ апрѣля и мая мѣсяцевъ, въ которые до пригона скота выдавалось на ¹/₂ ф. свѣжаго 1 ф. соленаго. На Крещенскомъ прискѣ Плетюхина, съ начала операціи выдавалось свѣжее мясо, что будетъ продолжаться до 1 іюня, а затѣмъ до пригона скота будетъ даваться соленое пополамъ со свѣжимъ. На промыслахъ Бодайбинской К^о мясо выдавалось на половину соленое и на половину свѣжее, на остальныхъ же промыслахъ свѣжее мясо отпускалось рабочимъ круглый годъ. Въ это время, по словамъ исправника, во всей системѣ выдавалось рабочимъ по 1¹/₂ ф. мяса.

Въ отчетахъ о золотопромышленности Восточной Сибири находимъ слѣдующія свѣдѣнія о продовольствіи рабочихъ. По отчету за 1879 г. рабочіе получаютъ въ мѣсяцъ яричной муки „по потребности“, крупы 7¹/₂ ф., мяса 1 п. 5 ф., соли—сколько потребуется; по отчету за 1881 г. полагалось муки или печенаго хлѣба 3 пуда, крупы 10 ф., мяса 1 п. 5 ф., масла ¹/₂ ф., сала ¹/₂ ф., соли 4—5 ф. ²⁾). По отчету 1882 г., муки яричной въ Витимской системѣ 2¹/₄—3 п., въ Олекминской 2¹/₄ до 2¹/₂ пуд., крупы въ Витимской системѣ 10 ф., въ Олекминской 7—10 ф., мяса во всемъ округѣ 1 п. 5 ф., въ Витимской системѣ ¹/₂ ф. масла и ¹/₂ ф. сала, въ Олекминской 1 ф. масла, соли 4—5 ф. ³⁾). Въ отчетахъ за 1883—84 гг. добавлено, что сверхъ этого полагались въ приварокъ еще квашеная капуста и лукъ, перецъ и лавровый листъ, а на нѣкоторыхъ прискахъ для питья рабочимъ

¹⁾ Арх. Вит. Горн. Испр. 1877 г. № 32.

²⁾ „Горн. Журн.“ 1882 г. № 9, стр. 375.

³⁾ „Прилож. I къ вып. I Сбор. глав. докум.“ т. VII, стр. 16.

приготавлился квасъ ¹⁾. По свѣдѣніямъ, сообщаемымъ Аврамовымъ (1884 г.), разночинцы перваго разряда (нарядчики и ремесленники) получали ржаной муки 2 пуд., пшеничной 20 ф., втораго разряда (старосты артельный и конюховскій, промывальщики, старшіе конюхи и нѣкоторые ремесленники) 2 п. 10 фун. ржаной и 10 ф. пшеничной; рабочіе только ржаной 2 п. 10 ф.; мяса разночинцы получали 1 п. 5 ф., рабочіе 30 ф. (?), крупы всѣ по 10 фун., масла разночинцы перваго разряда 3 ф., втораго разряда 2 ф., рабочіе 1 ф., соли всѣ по 4 ф., чаю фамилнаго разночинцы перваго разряда 1 ф., разночинцы втораго разряда 1 ф. кирпичнаго, а простымъ рабочимъ чаю не полагалось (стр. 103). По отчету горнаго исправника Олекминской и Витимской системъ 1885 г. рабочіе получали мяса свѣжаго или пополамъ съ соленымъ отъ 1½ до 1¾ фун.²⁾ максимальное количество давалось развѣ разночинцамъ; въ приварокъ отпускали соленую капусту ²⁾.

Г. Калагеорги въ своемъ донесеніи генералъ-губернатору (1882 г.) говоритъ о пищѣ присковыхъ рабочихъ слѣдующее: „количество продуктовъ на всѣхъ прискахъ положено одинаковое, за исключеніемъ только двухъ небольшихъ присковъ, гдѣ мяса дается по 1¼ ф. въ день и, взамѣнъ кваса, полагается по ½ ф. кирпичнаго чая. Почти вездѣ есть заготовленія квашеной капусты и другихъ овощей. Но продовольствіе рабочихъ, вслѣдствіе отсутствія порядка въ приготовленіи пищи и въ выдачѣ ея рабочимъ, нельзя признать удовлетворительнымъ. На большихъ прискахъ пища готовится въ общемъ котлѣ и разносится рабочимъ въ котелкахъ въ казармы; варится пища не на всѣхъ, а только на желающихъ, остальные же получаютъ провизію на руки и готовятъ сами себѣ, причемъ холостые обыкновенно пристраиваются въ семейнымъ; на нѣкоторыхъ же прискахъ всѣ безъ исключенія получаютъ одинъ разъ въ день положенное количество продуктовъ на руки и приготавливаютъ пищу по своему усмотрѣнію. На каждомъ прискѣ рабочіе выбираютъ артельнаго старосту, который получаетъ провизію отъ матеріальнаго и затѣмъ приготавливаетъ пищу совершенно безконтрольно“. „Опыты, произведенные мѣстнымъ врачомъ на одномъ прискѣ“ (Рабиновичемъ), „доказали, что изъ отпускаемыхъ управленіемъ полутора фунтовъ мяса рабочіе въ дѣйствительности получаютъ только 55 золотниковъ“. Выдача провизіи на руки рабочимъ „влечетъ за собою весьма вредныя послѣдствія: мясо проигрывается въ карты, продается или мѣняется на водку, и очень многіе не обѣдаютъ, а питаются чаемъ съ хлѣбомъ и масломъ, благо послѣднее дается въ долгъ. При разсмотрѣніи расчетныхъ листовъ поражаетъ количество забираемаго рабочими масла: большинство съѣдаетъ до 15 ф. въ мѣсяцъ. Подобнаго рода пища, состоящая только изъ чая, хлѣба и масла, при отсутствіи овощей и мяса, не можетъ удовлетворять условіямъ правильнаго

¹⁾ Дѣла Гори. Дец.

²⁾ Ср. „Памят. книж. Якут. обл. на 1891 г.“, стр. 112.

и здороваго питанія, а потому не удивительно, что цынготная болѣзнь составляетъ обыкновенное на прискахъ явленіе. Нѣкоторые изъ золото-промышленниковъ желали завести у себя довольствіе рабочихъ всѣмъ вмѣстѣ и давать горячую пищу два раза въ день; съ этою цѣлью устроены столовые; но осуществленію этихъ благихъ намѣреній помѣшало нежеланіе самихъ рабочихъ. Предпочтеніе ими нынѣ существующаго порядка понятно: одни, получая на руки продукты и пристроившись къ семейнымъ, въ состояніи разнообразить пищу и даже, покупая мясо у товарищей, улучшить ее; другіе же видятъ въ немъ одно изъ средствъ для удовлетворенія своихъ дурныхъ инстинктовъ¹⁾.

Бывшій начальникъ иркутскаго горнаго управленія Карпинскій въ своемъ докладѣ въ Восточно-Сибирскомъ отдѣлѣ Географическаго Общества въ 1886 г. говоритъ: хлѣба рабочимъ „дается, сколько хотятъ и всегда свѣжаго, потому что все, что испечено, съѣдается въ одинъ день; мяса отпускается достаточно и довольно хорошаго качества; затѣмъ дается каша 2 раза въ недѣлю, кирпичный чай и квасъ. Хотя въ общемъ пища довольно питательная, но рабочіе жалуются на однообразіе. На одномъ изъ присковъ, вмѣсто свѣжаго мяса, которое тамъ очень легко сохранить, такъ какъ почва мерзлая, даютъ солонину и не даютъ кваса. Хозяинъ приска уверяетъ, что ему трудно доставить свѣжее мясо, хотя нужно замѣтить, что его прискъ одинъ изъ самыхъ ближайшихъ къ Бодайбинской резиденціи, а другіе, болѣе отдаленные, имѣютъ возможность кормить рабочихъ свѣжимъ мясомъ. Квасъ съ этого приска изгнанъ потому, что хозяинъ находитъ его вреднымъ для желудка рабочихъ (1), а потому они пьютъ грязную воду изъ Бодайбо... На другихъ прискахъ вездѣ даютъ квасъ, однако же никто отъ этого не страдаетъ“; необходимо устранить крайнее однообразіе пищи; „напр., почему бы не давать иногда, вмѣсто мяса, рыбу²⁾, не употреблять приправъ, какъ горохъ, хрѣнъ, картофель; да еслибы даже содержаніе рабочихъ и было отъ этого дороже, такъ вѣдь не мѣшаетъ на это пожертвовать, потому что жалобы промышленниковъ на дороговизну рабочихъ не основательны, и непомѣрная стоимость ихъ чисто фиктивная“³⁾.

Чтобы дополнить пищу, получаемую отъ золотопромышленниковъ и сдѣлать ее болѣе разнообразною, рабочимъ приходится брать не мало припасовъ изъ присковыхъ лавокъ. Такъ въ К^о Промышленности въ операцію 1887 г. изъ всей суммы заработанныхъ рабочими 638.640 руб. слишкомъ 100 т. р., т.-е. почти шестая часть, пошла на выписку съѣстныхъ

¹⁾ Арх. Иркут. Горн. Упр. К. 2765 № 37—30, л. 38—40.

²⁾ Авторъ одной позднѣйшей газетной статьи говоритъ, что въ посты допускалась, по желанію рабочихъ, такая замѣна. „Сиб. Вѣст.“ 1892 г. № 51.

³⁾ „Извѣст. Восточ. Сиб. Отд. Геогр. Общ.“, т. 17, 1886 г. № 3—4.

припасовъ ¹⁾, въ 1888 г. 113.498 руб. и въ 1889 г.—102.437 р., что въ среднемъ составляло по 63 р. на годового рабочаго или болѣе 14⁰/₀ заработка (считая заработокъ вмѣстѣ съ подъемнымъ золотомъ). Въ Яеово-Николаевскомъ Т-вѣ, по свѣдѣніямъ за два года (1888 и 89), значится отпущенныхъ припасовъ на 18.231 руб., что по числу 173 годовыхъ рабочихъ составить въ среднемъ по 105 руб. на каждого или 29⁰/₀ заработка. „Основываясь на приведенныхъ данныхъ“, говоритъ г. Михайловъ, „и имѣя въ виду, что въ К⁰ Промышленности, какъ самой богатой, содержаніе рабочихъ отличается отпускомъ значительнаго количества приварочныхъ продуктовъ, какъ то: капусты, картофеля“ (въ 1887—89 гг. было отпущено въ среднемъ на человѣка по 1¹/₄ ведра капусты), „и вообще лучшимъ продовольствіемъ, надлежитъ придти къ тому выводу, что въ силу особыхъ климатическихъ условий, норма довольствія, установленная нынѣ на пріискахъ, является недостаточной, при чемъ главнѣйшій недостатокъ... заключается въ маломъ количествѣ жировыхъ веществъ“. „Хотя при посѣщеніи пріисковъ г. генераль-губернаторомъ“, говоритъ г. Михайловъ, „пища въ общихъ котлахъ найдена на вкусъ достаточно хорошей, но она оказалась жидкой и, слѣдовательно, мало питательной“.

Каковы бы ни были недостатки продовольствія рабочихъ въ послѣднее время, нельзя не признать, что въ немъ все-таки произошло значительное улучшеніе сравнительно съ первой половиной 70-хъ годовъ.

Очень важное наблюденіе сдѣлано было докторомъ Маліевымъ въ началѣ 80-хъ годовъ: на основаніи научныхъ данныхъ гигиены онъ показалъ, что въ пищѣ рабочихъ слишкомъ мало жиру. Это видно и изъ того, что рабочіе берутъ изъ лавокъ на свой счетъ большое количество коровьяго масла. Напр., въ Малопатомскомъ Т-вѣ въ операцію 1878—79 г. 450 рабочихъ въ теченіе года взяли 990 пудовъ, да кромѣ того хозяйскаго масла было израсходовано на нихъ 200 пуд. (больше, чѣмъ полагалось); такимъ образомъ на каждого рабочаго приходилось 1¹/₂ ф. хозяйскаго и 7¹/₂ ф. на книжку въ мѣсяцъ (фунтъ масла стоилъ 40 коп.). Въ томъ же году въ Ленскомъ Т-вѣ на каждого рабочаго пришлось болѣе ¹/₂ ф. хозяйскаго и по 6¹/₂ ф. масла, купленнаго самими рабочими, въ мѣсяцъ. Кромѣ масла, рабочіе брали также сахаръ и чай. Въ Малопатомскомъ Т-вѣ въ 1878—79 г. пришлось на каждого рабочаго въ мѣсяцъ сахару 4²/₃ ф., чаю нѣсколько менѣе одного кирпича (кирпичъ около фунта вѣсомъ); въ Ленскомъ Т-вѣ сахару 4¹/₂ ф., чаю нѣсколько болѣе ¹/₂ ф. На основаніи своихъ наблюденій докторъ Маліевъ пришелъ къ выводу, что слѣдовало бы рекомендовать золото-

¹⁾ Арх. Канц. Иркут. Генер. Губ. 1887 г. № 611, л. 39.

промышленникамъ выдавать рабочимъ по 8 ф. масла, по 5 ф. сахару и по 1 ф. чаю въ мѣсяцъ на человѣка ¹⁾); къ сожалѣнію, на указаніе г. Маліева относительно необходимаго количества масла высшая администрація, которой была хорошо извѣстна его статья, не обратила вниманія, а между тѣмъ, оно нисколько не было преувеличено: мы видѣли, что, по словамъ г. Калагеорги, рабочіе потребляли даже до 15 ф. масла на человѣка въ мѣсяцъ.

На эту потребность рабочихъ въ жировыхъ веществахъ обращали еще ранѣе вниманіе и другія компетентныя лица. Такъ въ первой половинѣ 70-хъ годовъ одинъ изъ присковскихъ управляющихъ Олекминскаго округа писалъ: „Нигдѣ не случалось мнѣ видѣть и слышать, чтобы рабочіе люди такъ нуждались въ маслѣ, какъ здѣсь. Масло для нихъ, кажется, болѣе необходимо, чѣмъ мясо,—особенно соленое... Потребность въ маслѣ является уже не прихотью, а необходимостью, которая всего нагляднѣе выражается въ томъ, что рабочіе, преимущественно якуты, сѣддаютъ съ хлѣбомъ остатки салныхъ свѣчей, которыя выдаются имъ для работъ въ ортахъ. Сахаръ такъ же, какъ и масло, и по тѣмъ же самымъ причинамъ, составляетъ для рабочаго не одно лакомство, но и насущную потребность для надлежащаго питанія его организма ²⁾. На недостатокъ жира въ пищѣ рабочихъ указываетъ и авторъ статьи въ „Сибирскомъ Сборникѣ“ 1889 г. Онъ полагаетъ, что получаемого рабочимъ содержанія „было бы достаточно для одинокаго, здороваго человѣка, если бы мясо, доставляемое на эти приски, было надлежащаго достоинства; но такъ какъ оно въ большинствѣ бываетъ очень сухое, то недостатокъ въ немъ жира, потребнаго для организма рабочаго, занятаго исключительно мускульной работой, приходится восполнять масломъ, которое и приобрѣтается въ счетъ заработной платы изъ присковскихъ амбаровъ. Хлѣба же всегда хватаетъ, если только рабочіе имъ не торгуютъ и не сбываютъ спиртоносамъ и якутамъ“ ³⁾.

По моимъ личнымъ наблюденіямъ въ 1891 г. рабочіе получали хлѣбъ обыкновенно вполнѣ хорошаго качества и въ достаточномъ количествѣ, но похлебка нерѣдко бывала недостаточно наварною; относительно мяса нужно не забывать, что 1½ ф. выдавалось вмѣстѣ съ костями, и что иногда вмѣсто мяса выдавались потроха, хотя, какъ намъ говорили, въ количествѣ, нѣсколько превышающемъ 1½ ф. Соловина бывала не всегда свѣжая, по крайней мѣрѣ присутствуя при раскупориваніи ея на главномъ стану Водайбинской К⁰, я чувствовалъ

¹⁾ „Сборн. сочин. по судеб. медик.“ 1881 г., т. III, стр. 113.

²⁾ Аврамовъ. „Очеркъ золотопромышленной Олекмы“. Варн. 1884 г. стр. 112.

³⁾ „Сибир. Сборн.“ 1889 г., вып. 2, стр. 31.

непріятный запахъ; если было справедливо увѣреніе управляющаго, что это свѣжая кяхтинская солонина, то остается думать (такіе случаи мы видѣли выше), что для ея доставки употребляются какія либо нечистыя, напр., омулевныя, бочки (хотя, быть можетъ, это просто отговорка). Указанія доктора Маліева и другихъ на недостаточное количество жировъ въ пищѣ я нашелъ совершенно справедливымъ: рабочимъ приходилось покупать въ пріисковыхъ магазинахъ 10—15 ф. масла въ мѣсяцъ. На главномъ стану К^о Промышленности я нашелъ хорошій хлѣбъ, хотя хуже, чѣмъ на Воронцовской пристани. Мыѣ сказали здѣсь, что изъ 1½ ф. говядины съ костями приходится чистаго мяса золотниковъ 60. Рабочіе, —особенно семейные, —берутъ мясо на руки, но такъ какъ многіе изъ нихъ потомъ все-таки желаютъ получить и сваренную похлебку или щи, то приходилось варить на большее количество людей, чѣмъ осталось невзятыхъ порцій мяса; вслѣдствіе этого, по единогласному показанію какъ пріискаваго управленія, такъ и рабочихъ, горячее кушанье выходитъ мало наварнымъ. На Ивановскомъ пріискѣ Прибрежно-Витимской К^о, вслѣдствіе дальняго разстоянія работъ отъ казармъ, приходится возить горячее кушанье къ шахтѣ. Я слышалъ отъ одного золотопромышленника, что на пріискахъ К^о Базанова, Нѣмчинова и Сибирякова прежде были такъ дурно устроены погреба, что отъ нихъ шелъ страшный запахъ; хотя ихъ покрывали снѣгомъ, но мясо въ нихъ портилось. На промыслахъ этой К^о докторъ самъ мыѣ рассказывалъ, что однажды онъ призналъ годною партію мяса въ нѣсколько тысячъ пудовъ, которое издавало запахъ; хотя онъ и находилъ, что мясо это потеряло всякую питательность, но „жалко было бросить“, и онъ считалъ, что употребленіе его не принесетъ прямого вреда; по словамъ доктора, оно сошло вперемежку съ другимъ мясомъ.

Относительно стоимости продовольствія рабочихъ мы имѣемъ слѣдующія свѣдѣнія. На пріискахъ Ѳ. Базилевскаго стоимость содержанія рабочаго въ день (вмѣстѣ съ винною порціею) равнялась въ 1877 г. — 47 коп., въ 1878—79 гг. — 54 к., въ 1880 г. — 70 к., въ 1881 г. — 1 р., въ 1882 г. — 90 к., въ 1883 г. — 82 к. На Романовскомъ пріискѣ Мало-патомскаго Т-ва стоимость содержанія рабочаго въ день равнялась въ 1880 г. — 58 к., въ 1881 г. — 67 к., въ 1882 г. — 87 к., въ 1883 г. — 86 к.¹⁾ Въ Прибрежно-Витимской К^о стоимость содержанія рабочаго въ сутки равнялась 1881 г. — 66 к., въ 1882 г. — 72 к., въ 1888 г. — 69 к., въ 1884 г. — 76 к.²⁾ Аврамовъ въ своей книгѣ (1884 г.) опредѣляетъ приблизительно стоимость содержанія въ день разночинца 1-го разряда

¹⁾ Матеріалы, сообщенныя Л. Ѳ. Пантелѣевымъ.

²⁾ Матеріалы, сообщенныя г. Субботиннымъ.

въ 73 к., разночинца 2-го разряда въ 67 к., простого рабочаго въ 57 к. ¹⁾). Въ 1890 г., какъ видно изъ записки г. Михайлова, стоимость суточнаго пищевого довольствія рабочаго равнялась на промыслахъ Демидовой—59 к., на промыслахъ Базилевскаго—61 к., въ Ленскомъ и Яково-Николаевскомъ Т-вахъ по 70 к., въ КК^о Промышленности и Прибрежно-Витимской—72 к., въ Бодайбинской К^о—85 к.; такимъ образомъ средняя стоимость суточнаго довольствія рабочихъ равнялась 70-ти коп.

Для приѣма припасовъ и приготовленія пищи рабочіе выбирали артельныхъ старостъ. Въ контрактахъ мы встрѣчаемъ относительно этого еще слѣдующее постановленіе. Въ контрактъ К^о Промышленности 1887 г. сказано: „вся хозяйственная часть, заключающаяся въ принятіи изъ промысловыхъ амбаровъ припасовъ и приготовленіи для насъ пищи, возлагается на избранныхъ нами изъ своей среды, такъ называемыхъ, артельныхъ старостъ, кашеваровъ, хлѣбопекотъ и квасоваровъ, которые содержатся на счетъ компаній, и изъ которыхъ первому, т.-е. артельному старостѣ, довѣряемъ мы соблюдать наши интересы, и въ случаѣ какихъ либо непредвидѣнныхъ обстоятельствъ и недоразумѣній, касающихся всей команды, онъ обязанъ заявлять о томъ претензіи и объяснять таковыя промысловому управленію вмѣстѣ съ другими избранными собственно на этотъ предметъ тремя лицами. Собираться же толпою ни въ какомъ случаѣ мы не должны,—и за всякое сборище, нарушающее тишину и спокойствіе, подвергаемся законной отвѣтственности по уложенію о наказаніяхъ, какъ за нарушение порядка. Всякая толпа, собравшаяся съ цѣлью переговоровъ съ управленіемъ болѣе 10 человекъ, считается за сборище бунтовщиковъ или за сборище съ неблагонамѣренною цѣлью“ ²⁾). По свидѣтельству мѣстнаго наблюдателя, „почти вездѣ, гдѣ рабочіе живутъ на хозяйскихъ харчахъ, существуетъ общій котель... Послѣ звонка на обѣдъ рабочіе или ихъ жены отправляются въ „кашеварку“, гдѣ получаютъ обѣдъ, и уносятъ въ свои помѣщенія. Ужинъ не готовится, и рабочіе или оставляютъ часть изъ полученнаго на обѣдъ, или запасаются продуктами изъ присковскихъ амбаровъ“ ³⁾).

На промыслахъ Олекминскаго округа рабочіе не всегда получаютъ хозяйское содержаніе: въ 1891 г. я встрѣтилъ золотопромышленника Олекминской системы Полевого, который выдавалъ на продовольствіе рабочимъ деньгами, если не ошибаюсь, по 56 к. Аканакъ-Накатамин-

¹⁾ „Очеркъ золот. Олекм“, стр. 103.

²⁾ То же въ договорѣ Бодайбинской К^о 1890 г. Въ контрактѣ Малопатомскаго Т—ва 1880 г. сказано: „приготовлять пищу на каждые 200 человекъ долженъ одинъ кашеваръ на счетъ управленія“.

³⁾ „Восточ. Обзор.“ 1894 г. № 132.

ское Т-во по договору 1886 г. также предоставляло себѣ право перевести рабочихъ на ихъ содержаніе ¹⁾. Съ операціи 1892—93 г. Ленское Т-во перевело всѣхъ своихъ рабочихъ на собственное ихъ содержаніе, при чемъ въ рабочей платѣ было прибавлено по 50 к. на поденщину взаимнѣй хозяйскаго продовольствія. Въ 1890 г. Ленскому Т-ву обошлось продовольствіе каждаго рабочаго въ 70 к., но вѣроятно вмѣстѣ съ винными порціями. Такъ какъ К^о обязывается и по позднѣйшимъ контрактамъ выдавать каждому рабочему по одной порціи, стоимость которой равняется до 10 к., то слѣдовательно К^о обшчитала каждаго рабочаго на 10 к. въ день. „Рабочимъ выданы кромѣ разсчетныхъ книжекъ еще припасныя, по которымъ они могли получать отъ старосты ежедневно мясо, хлѣбъ, соль, капусту и крупу, а также овощи по доставкѣ ихъ. Каждый отпускъ отмѣчается у старосты въ книгѣ и въ книжкѣ у рабочаго, которая и остается у него. Въ концѣ мѣсяца подсчитывается стоимость взятыхъ припасовъ, согласно цѣнамъ, обусловленнымъ контрактомъ, и вносится въ разсчетную книжку. Не возбраняется покупать припасы у вольныхъ продавцевъ. Для варки пищи управленіе назначило на каждый № казармы по одной кашеваркѣ. Оказалось“, по свѣдѣніямъ, сообщаемымъ управленіемъ Ленскаго Т-ва, „что рабочіе при собственныхъ харчахъ сократили количество ржаного хлѣба съ 4 ф. до 2³/₄, а количество мяса увеличили съ 1¹/₂ до 2 ф. При лучшемъ питаніи рабочіе рѣдко расходуютъ на перечисленные припасы болѣе 12—13 руб.“ (?) „на человѣка (присковые рабочіе выписываютъ еще обыкновенно ежемѣсячно 8 ф. масла топленого, 5 ф. сахару, 10—20 ф. крупчатки и ¹/₂ ф. кирпича или ¹/₂ ф. чаю), варятъ они пишу артелями въ нѣсколько человѣкъ. Процентъ больныхъ за 2 года не только не увеличился“, если справедливо показаніе присковаго управленія, „но даже нѣсколько сократился: особенно незначителенъ былъ процентъ цынготныхъ“ ²⁾.

Переводъ рабочихъ Ленскаго Т-ва на свое содержаніе первое

¹⁾ „Если управленіе найдетъ выгоднымъ въ видахъ своихъ и нашихъ интересовъ устроить на прискахъ, резиденціяхъ и проч. пунктахъ, чтобы мы состояли на своемъ собственномъ харчевомъ содержаніи, то мы противъ этого спорить и прекословить не должны, а обязаны выполнять условіе управленія, но съ тѣмъ, чтобы всѣ потребныя продукты для нашего продовольствія были готовы при требованіи ихъ въ условленное симъ договоромъ время и въ потребномъ количествѣ, за каковыя мы обязаны уплачивать по существующимъ въ районѣ цѣнамъ по утвержденной таксѣ“.

²⁾ „Вѣстн. Золотопр.“ 1895 г. № 7, стр. 128. Въ контрактѣ указывалось, по какимъ цѣнамъ, утвержденнымъ исправникомъ, рабочіе могутъ пріобрѣтать изъ амбаровъ Т-ва слѣдующіе главные припасы: ржаной хлѣбъ, мясо, крупу гречневую и ячневую, коровье масло, кирпичный чай, капусту и соль. Въ контрактѣ оговорено, что, если за кѣмъ либо изъ рабочихъ состоитъ долгъ, то управленіе имѣетъ право отпускать должнику только хлѣбъ, мясо, соль и чай.

время вызвалъ съ ихъ стороны протестъ, но потомъ, по свидѣтельству мѣстнаго наблюдателя, „они вскорѣ привыкли къ новому порядку и, если жалуются, то не на самый принципъ реформы, а на то, что *отъ заработковъ у нихъ мало остается*“. Авторъ цитируемой статьи объясняетъ это большими штрафами, установленными въ Ленскомъ Т-вѣ ¹⁾, но мы видѣли, кромѣ того, что переводъ на денежный паекъ, въ замѣнъ пищевого, былъ произведенъ на невыгодныхъ для рабочихъ основаніяхъ.

Въ одной газетной статьѣ (1894 г.) есть извѣстіе, что въ Олекминской системѣ, кромѣ Ленскаго Т-ва, „почти на всѣхъ мелкихъ промыслахъ рабочіе переведены года 2 тому назадъ на свое содержаніе“ ²⁾. Между тѣмъ въ официальныхъ данныхъ о золотопромышленности въ Восточной Сибири въ 1895 г. сказано, что въ этомъ году въ Ленскомъ горномъ округѣ рабочіе находились на своемъ содержаніи только на прискахъ Ленскаго и Малопатомскаго Т-вѣ ³⁾.

По поводу перевода рабочихъ на свое содержаніе авторъ статьи въ „Восточномъ Обзорѣ“ говоритъ: старые таежники „нападаютъ на переводъ рабочихъ на свое содержаніе...; здѣсь, какъ и во всякомъ дѣлѣ, есть свои выгодныя и невыгодныя стороны... рабочему иногда приходится терпѣть отъ злоупотребленія стряпокъ и переплачивать на нѣкоторыхъ продуктахъ, поставкою которыхъ не занимается управленіе, какъ, напр., на овощахъ, молокѣ и проч.; правда, управленіе содѣйствуетъ тому, чтобы частные торговцы привозили на продажу рабочимъ рыбу, овощи и прочее, но въ общемъ еще далеко до правильно организованнаго базара, и цѣны часто колеблются. Впрочемъ, послѣднее имѣетъ крайне относительное значеніе: очень часто цѣны на предметы, заготавливаемые товариществомъ, бываютъ ниже въ вольной продажѣ, чѣмъ по подрядамъ. Во всякомъ же случаѣ несомнѣнно, что рабочіе, умѣющіе вести свое домашнее хозяйство, пользуются, при новыхъ порядкахъ, болѣе разнообразною пищею, чѣмъ прежде. Наконецъ противъ новой системы дѣлаютъ еще такое возраженіе: рабочій, пропивъ всѣ свои деньги, идетъ на работу полуголодный или питается однимъ чаемъ съ хлѣбомъ“ ⁴⁾. Во всякомъ случаѣ, когда, послѣ изданія закона 1895 г. о наймѣ рабочихъ на золотыя промысла, многіе золотопромышленники Ленскаго горнаго округа перевели рабочихъ на собственное ихъ продовольствіе, то это повело къ послѣдствіямъ, печальнымъ не только для рабочихъ, но и для золотопромышленныхъ КК⁰.

¹⁾ „Восточн. Обзор.“ 1895 г. № 22.

²⁾ „Восточн. Обзор.“ 1894 г. № 132.

³⁾ „Вѣстн. Золот.“ 1897 г., стр. 82.

⁴⁾ „Восточн. Обзор.“ 1895 г. № 23.

За продовольствіе женщинъ, не занятыхъ хозяйскою работою на приискахъ, производится опредѣленный вычетъ.

Въ договорѣ К^о Промышленности 1870 г. сказано: „Если кто изъ насъ будетъ слѣдовать, съ согласія довѣреннаго, на прииски съ семействомъ, т.-е. съ женою, то долженъ всѣ расходы по содержанію ея принять на свой счетъ, по явля же на прииски жены наши непремѣнно должны исполнять какую-либо работу по силамъ своимъ, какъ-то: мытье половъ и бѣлья, шитье рубахъ и шароваръ и проч., задолжаться въ помощь поварамъ, хлѣбопекамъ, кашеварамъ и квасоварамъ непремѣнно какъ въ будничные, такъ и табельные дни, получая за то плату по усмотрѣнію промысловаго управленія и содержаніе наравнѣ съ прочими черно-работными людьми, а если кто изъ женъ нашихъ будетъ уклоняться отъ назначенныхъ управленіемъ работъ, то съ таковыхъ удерживаетъ К^о по 8 р. с. въ мѣсяцъ на содержаніе и проч. или тотчасъ же высылаетъ съ прииска, чему мы, мужья, прекословить не должны“. По договору той же К^о 1874 г. съ неработающихъ женщинъ за одинъ хлѣбъ назначенъ вычетъ по 7 р. 50 к. въ мѣсяцъ, а съ дѣтей половиною. Женщины или дѣти, привезенныя безъ согласія управленія, могутъ быть высланы съ приисковъ въ первое жилое мѣсто ¹⁾. Вычетъ за хлѣбъ по договорамъ 1878 и 83 гг. повышенъ до 9 р. (за дѣтей половиною) ²⁾. По договору КК^о Промышленности и Прибрежно-Витимской 1887 г. „строго воспрещается“ рабочимъ „брать съ собою на промыслы безъ письменнаго разрѣшенія, прописаннаго въ разсчетномъ листѣ, свои семейства, т.-е. и женъ, и дѣтей, а въ особенности постороннихъ женщинъ, а потому всѣ семейства, прибывшія съ нами, рабочими людьми, на пристань Виска безъ письменнаго разрѣшенія, не могутъ быть пропущены на промыслы КК^о и немедленно должны возвратиться обратно, а рабочій, приведшій семейство, безотговорочно долженъ слѣдовать къ мѣсту работъ“. Вычетъ за одинъ хлѣбъ назначенъ съ женщинъ 25—30 к. въ день, съ дѣтей половина ³⁾. По договору К^о Арендаторовъ 1875 г. рабочимъ ставилось непремѣннымъ условіемъ не приводить съ собою на прииски женъ и дѣтей, „въ особенности женъ частныхъ“; приводъ женъ и дѣтей допускался только съ согласія довѣреннаго или приисковаго управленія; за ихъ содержаніе вычетъ производился по стоимости припасовъ; по договору Аканатъ-Накатаминскаго Т-ва 1876 г. вычетъ за одинъ хлѣбъ незанятыхъ въ работѣ женщинъ назначенъ по 12 р. зимою и 9 р. лѣтомъ въ мѣсяцъ; „если же кто изъ этихъ женщинъ вовсе будетъ отказываться или уклоняться отъ работъ, соотвѣтственныхъ ихъ полу и здоровью, то управленіе имѣетъ право, сверхъ немедленнаго (выдворенія такихъ женщинъ съ приисковъ безъ мужей, подвергать самихъ мужчинъ единовременному штрафу въ 25 р. (!); мужья и содержатели не въ правѣ претендовать и въ особенности просить разсчета и увольненія съ приисковъ“. По договору Базилевскаго 1876 г. вычетъ за содержаніе ненанятыхъ женщинъ назначенъ по 30 к. (за дѣтей половиною), при чемъ женщины не должны отказываться отъ работы, если того потребуетъ управленіе, подѣ страхомъ штрафа на общемъ основаніи, который записывается тому, на чей счетъ относится содержаніе женщины; приведенныхъ безъ разрѣшенія управленіе можетъ выслать до перваго жилого мѣста

¹⁾ По договорамъ 1878 и 83 гг.—на счетъ рабочихъ.

²⁾ То же по договорамъ Бодайбинской К^о 1880 и 83 г.; по договору 1884 г. вычетъ 10 р.

³⁾ Сходно съ этимъ по договору Бодайбинской К^о 1890 г. назначенъ вычетъ 30 к. со взрослыхъ женщинъ и 15 к. съ дѣтей.

съ вычетомъ по 5 р. съ каждой; по договору Базилевскаго 1878 г. вычетъ за содержание неработающихъ женщинъ повышенъ до 40 к. Въ договорахъ Ленскаго Т-ва 1890, 91 и 94 гг. сказано: „Если бы кто-либо изъ насъ, рабочихъ, получилъ разрѣшеніе привести съ собою свою семью, то мы обязуемся посылать въ работу пришедшихъ съ нами женщинъ или взрослыхъ дочерей за плату“, опредѣленную въ контрактѣ и указанную нами выше. За уклоненіе отъ работъ безъ уважительныхъ причинъ налагался штрафъ: по договорамъ 1890—91 гг. въ размѣрѣ 1 р. 50 к. за каждый разъ, а по договору 1894 г.—2 р. По договору 1891 г. хлѣбомъ съ женщинъ производится вычетъ на квасъ по 2 р. въ мѣсяцъ; по договору 1894 г. вычетъ этотъ дѣлается въ продолженіе 4 мѣсяцевъ. Въ запискѣ г. Михайлова (1890 г.) есть указаніе, что вычетъ съ неработающихъ женщинъ (по 40 к. или по 30 к. за одинъ хлѣбъ) производится и въ томъ случаѣ, если онѣ не берутъ хлѣба, при томъ стоимость хлѣбнаго пайка менѣе 30 к.¹⁾

Говоря о пищевомъ довольствіи рабочихъ, мы не упоминали еще объ отпускѣ имъ винныхъ порцій.

Въ договорахъ К^о Промышленности 1874 и 78 гг. „подача винныхъ порцій какъ на прискахъ, такъ и на резиденціяхъ и другихъ пунктахъ, предоставляется усмотрѣнію управленія; рабочіе же требовать ихъ не имѣли права²⁾. По договору Аканакъ-Накатаминскаго Товарищества 1886 г. устанавливается въ такихъ же выраженіяхъ необязательность выдачи винной порціи, но вслѣдъ затѣмъ сказано: „управленіе выдаетъ намъ двѣ порціи въ недѣлю—въ четвергъ и воскресенье. Исполнившіе же уроки со стараніемъ получаютъ винную порцію“³⁾. Въ договорѣ Ленскаго Товарищества 1890 г. уже устанавливается ежедневная *обязательная* выдача $\frac{1}{100}$ водки, но сдѣлана оговорка, что управленіе можетъ лишитъ порціи въ видѣ наказанія или штрафа за мелкіе проступки, а также за недоработку урока. Рабочіе были обязаны заявить въ началѣ каждаго мѣсяца о томъ, будутъ ли они пить порцію или нѣтъ; въ послѣднемъ случаѣ вмѣсто водки записывалось по 10 к. за каждую порцію. Напротивъ по договорамъ 1891 и 94 гг. той же К^о за невыпитыя винныя порціи никакой особой платы не полагалось, и водка на отливъ не отпускалась. Послѣ перевода рабочихъ на собственное продовольствіе управленіе Ленскаго Т-ва обязывалось ежедневно отпускать имъ бесплатно по $\frac{1}{100}$ ведра водки въ день на каждаго мужчину; кузнецы же, слесари, промывальщики, мазики при машинѣ,

¹⁾ Арх. Витимск. Горн. Испр., дѣло 1889 г. № 6, л. 312. По контрактамъ рабочимъ воспрещалось приводить съ собою на приски и животныхъ подъ угрозой вычета. Такъ по договору К^о Промышленности 1883 г. за приведенную собаку управленіе могло вычитать по 3 р. въ мѣсяцъ или истребить ее; по договору Базилевскаго 70-хъ и 80-хъ гг. за собакъ и другихъ животныхъ назначенъ вычетъ въ 5 р.

²⁾ Сходно съ этимъ и въ договорѣ той же К^о 1887 г., Бодайбинской К^о и во многихъ другихъ договорахъ. То же и въ проектѣ нормальнаго контракта, составленномъ Винниковымъ 1874 г.; по этому проекту обязательная выдача винной порціи устанавливалась лишь послѣ экстренныхъ работъ.

³⁾ Въ договорѣ Малопатомскаго Т-ва 1880 г. сказано: „выдача намъ винныхъ порцій зависитъ волею отъ управленія, но должна быть производима здоровымъ изъ насъ не менѣе 4 разъ въ мѣсяцъ по одной сотой ведра каждому, въ случаѣ же болѣзни или проступковъ кого-либо изъ насъ управленіе порцію эту можетъ не давать“.

свальщики, хлѣбопеки и повара должны были получать, какъ и по договору 1891 г., по $\frac{2}{100}$ ведра въ сутки. Если оказывалось, что въ теченіе недѣли рабочей добывалъ болѣе урочнаго количества песковъ, то за вычетомъ этихъ старательскихъ песковъ ему полагалось по $\frac{1}{100}$ ведра на каждую половину уроча.

Относительно того, въ какомъ количествѣ дѣйствительно выдавалось рабочимъ вино пріисковыми управленіями, мы имѣемъ слѣдующія свѣдѣнія. Въ докладѣ олекинскаго горнаго исправника 1873 г. онъ говоритъ: винныя порціи отпускались не въ праздничные только дни, а и въ будни въ случаѣ дурной погоды, но все-таки онѣ выдавались не часто. На нѣкоторыхъ пріискахъ вино употребляли для усиленія количества выработки и давали винныя порціи за исполненіе старательской работы ¹⁾. Въ отчетѣ за 1874 г. горный исправникъ также упоминаетъ о „скупости въ выдачѣ винныхъ порцій“, что подтверждаетъ и офицеръ, завѣдывавшій ссыльно-каторжными ²⁾; якутскій областной медицинскій инспекторъ, обозрѣвавшій въ 1875 г. пріисковыя больницы, считалъ необходимымъ введеніе „учащенной и увеличенной винной порціи“ ³⁾.

Такъ какъ высшую администрацію беспокоило усиленіе тайной продажи вина спиртоносами, то учрежденный бар. Фредериксомъ въ концѣ 1876 г. комитетъ для обсужденія различныхъ безпорядковъ на промыслахъ и мѣръ къ ихъ устраненію, поднялъ, между прочимъ, вопросъ о томъ, „не слѣдуетъ ли установить ежедневную выдачу винныхъ порцій пріисковымъ рабочимъ, въ какомъ размѣрѣ и на чей счетъ“, и въ случаѣ установленія порцій на счетъ золотопромышленника, — чѣмъ замѣнить ихъ для рабочихъ, не пьющихъ вина. Большинство золотопромышленниковъ и ихъ уполномоченныхъ, которымъ были разосланы поставленные комитетомъ вопросы, высказалось за подачу винныхъ порцій по $\frac{1}{100}$ ведра каждому рабочему на счетъ золотопромышленника, съ замѣною для непьющихъ выдачею порцій соотвѣтственной стоимости масла, сахара и чаю, но только одни изъ этого большинства предлагали установить выдачу порцій ежедневно, а другіе —

¹⁾ Въ томъ же отчетѣ исправникъ говоритъ: „Произведенныя мною въ минувшую операцію слѣдствія, а особенно происшествіе, случившееся на пріискѣ К^о Арендаторовъ, доказали, что поводомъ къ преступленіямъ со стороны рабочихъ служило болѣею частью пьянство, усиливавшееся вслѣдствіе отпуска на нѣкоторыхъ пріискахъ старательскихъ порцій, а потому, въ виду устраненія этихъ безпорядковъ, я предписалъ выдачу эту немедленно прекратить, замѣнивъ ее или возвышеніемъ платы за такія работы, или отпускомъ вмѣсто водки сахару, маслу и табаку. Мѣра эта оказалась мало полезною“. Арх. Ирк. Горн. Упр. К. 2560, № 180—184, л. 8, 10, 85.

²⁾ Арх. Ирк. Горн. Упр. К. 2566, № 206—152; л. 54. Арх. Витим. Горн. Испр. дѣло 1873 г. № 19, л. 110.

³⁾ Арх. Витим. Горн. Испр., 1875 г. № 20, л. 6.

по усмотрѣнію присковскихъ управленій. Вслѣдствіе этого въ циркулярѣ 22 апрѣля 1877 г. бар. Фредериксъ потребовалъ отпуска „достаточныхъ для поддержанія силъ винныхъ порцій, въ особенности въ ненастное время“, причемъ, слѣдовательно, не были точно опредѣлены ни размѣръ порцій, ни время ихъ выдачи ¹⁾.

На запросъ витимскаго горнаго исправника въ концѣ мая того же года присковымъ управленіемъ о томъ, что сдѣлано для исполненія этого циркуляра, Т-во Владимірской К^о отвѣтило, что постоянно подаетъ винную порцію два раза въ недѣлю, но если рабочіе перемокнутъ или устанутъ, то подается винная порція сверхъ положенія. Управление Прибрежно-Витимской К^о заявило, что увеличеніе винной порціи можетъ быть начато, съ разрѣшенія владѣльцевъ, только съ начала будущей весны. Плетюхинъ отвѣтилъ, что винныя порціи подаются ежедневно по $\frac{1}{100}$, а иногда, смотря по заслугамъ, мѣсту работъ и погодѣ, — по 2 и 3 раза въ день. „Подачу винныхъ порцій я, по крайнему разумію, сдѣлать обязательной для себя, хотя бы въ счетъ платы рабочаго, считаю въ принципѣ вреднымъ для всякихъ дѣлъ, а золотопромышленныхъ въ особенности, не потому, что я желалъ бы отвергать ежедневную подачу, а потому, что вино—такой продуктъ, что имъ“ (т.-е. лишеніемъ его) „можно наказать рабочаго. Когда же рабочій знаетъ, что ему, хотя бы и за его же деньги (8 или 10 к. найдеть каждый) золотопромышленникъ долженъ дать вина, то большинство изъ нихъ, ежели только не вѣтъ, привыкутъ къ себѣ лѣнность и праздность, признаки которыхъ проявляются уже и теперь. Кромѣ того обязательная выдача винныхъ порцій можетъ создать широкое поле для глумленія рабочаго надъ золотопромышленникомъ или его управляющимъ: тогда рабочій можетъ и отдыхать, сколько захочетъ, и работать на столько нерадиво, на сколько ему заблагоразсудится“. Порціи отпускались Плетюхинымъ на его счетъ, а непьющихъ водки на Крещенскомъ прискѣ лѣтомъ 1877 г. было только 2, которые, взаимѣнъ водки, получали изъ присковскихъ запасовъ по своему желанію. Управление Бодайбинской К^о сообщило, что вслѣдствіе циркуляра генералъ-губернатора оно опредѣлило подавать ежедневно во время работъ винную порцію по $\frac{1}{100}$, а непьющимъ замѣнять ее сахаромъ или масломъ. Управление К^о Арендаторовъ заявило, что, хотя имъ и сдѣлано распоряженіе „записывать въ листикъ рабочимъ за невыпитыя порціи по 20 к. за каждую“, но рабочіе постоянно выпивали ихъ ²⁾.

Г. Калагеорги въ своемъ донесеніи (1882 г.) говоритъ: „Количество винныхъ порцій въ контрактахъ не опредѣляется, и вездѣ выдача водки предоставляется усмотрѣнію присковаго управленія. На нѣкоторыхъ прискахъ водка выдается только по праздникамъ, табельнымъ днямъ и въ дурную погоду; на другихъ—3 раза въ недѣлю; на тѣхъ же, гдѣ водка служитъ приманкой краденаго золота, количество винныхъ порцій не опредѣлено; тамъ пьютъ ее больше, чѣмъ слѣдуетъ... Количество выдаваемой рабочимъ водки, несмотря на то, что оно въ послѣдніе годы увеличено, все-же недостаточно: мнѣ кажется, что ра-

¹⁾ „Ирк. Губ. Вѣд.“ 1877 г. № 34; Сборникъ *Стрыкаловскаго*, I, 142—149.

²⁾ Арх. Витим. Горн. Испр. дѣло 1877 г. № 32.

бочему челоѣку необходимо хотъ разъ въ день выпить рюмку водки. Увеличеніе числа порцій можетъ быть отнесено даже на счетъ самихъ рабочихъ, но только по дѣйствительной ихъ стоимости; теперь они все равно ежедневно пьютъ водку, но платятъ за нее въ 10 разъ дороже.“ „Всѣмъ признано, что страсть къ пьянству составляетъ одну изъ самыхъ главныхъ побудительныхъ причинъ' золотокрадства, а потому казалось бы, что интересъ владѣльцевъ пріисковъ долженъ вызывать постоянную съ ихъ стороны заботливость объ устраненіи пьянства: необходимо было бы точно опредѣлить количество выдаваемой рабочимъ водки, а главное—установить правильный порядокъ выдачи ея. Между тѣмъ на эту часть хозяйства не обращается ни малѣйшаго вниманія. Водка выдается не въ опредѣленное время, а какъ придется; на право полученія порціи водки выдаются записки разными служащими; по этимъ запискамъ составляются вѣдомости о расходѣ водки, контроля почти не существуетъ. Записки въ рукахъ рабочихъ служатъ ходячей монетой: чарка стоитъ 1 р.; на нихъ играютъ въ карты и скупаютъ одинъ у другого золото ¹⁾; женщинамъ также полагается водка, и тѣмъ изъ нихъ, которыя не желаютъ пить, выдается на руки (на отливъ), а онѣ продаютъ рабочимъ“. Винное хозяйство, по мнѣнію г. Калагеорги, требовало серьезныхъ измѣненій: „записки на право полученія водки, служащія ходячей монетой, отнюдь не должны быть допускаемы, точно такъ же, какъ и выдача на отливъ женщинамъ и всѣмъ непьющимъ; этимъ послѣднимъ водка можетъ быть замѣнена денежной платой по стоимости ея. Вообще водку могутъ получить только тѣ, кто ее пьетъ, торговля же ею должна быть устранена“ ²⁾. По словамъ горнаго исправника Олекминской системы въ отчетѣ за 1884 г., „винныя порціи рабочимъ подаются въ воскресные и табельные дни, въ сырую и ненастную погоду, при занятіяхъ въ сырыхъ мѣстахъ и при сдачѣ отработанныхъ уроковъ отъ одной до двухъ сотыхъ ведра въ полугарѣ на каждаго рабочаго въ сутки. За старательскія же работы, кромѣ положенныхъ порцій, выдавалось денежное вознагражденіе“. По отчету горнаго исправника Олекминскаго округа 1885 г., женщинамъ винныя порціи выдавались по $\frac{1}{100}$ по воскреснымъ и табельнымъ днямъ.

Золотопромышленники Олекминской системы, въ замѣчаніяхъ на иркутскую редакцію проекта о наймѣ рабочихъ на промысла (1887 г.), говорятъ: „По отчетамъ промысловыхъ управленій извѣстно, что среднимъ числомъ на рабочаго въ мѣсяцъ выходитъ спирту отъ 14 до 15 сотыхъ ведра, что и составить почти по $\frac{1}{100}$ водки въ день на ра-

¹⁾ Въ К^о Промышленности, гдѣ водка давалась на отливъ и въ половинѣ 90-хъ гг., можно было покупать купоны на водку у рабочихъ даже по 20 к. „сотка“. „Вост. Обозр.“ 1894 г. № 129.

²⁾ Арх. Ирк. Горн. Управ. К. 2765, № 37—301.

бочаго, причѣмъ выдача винныхъ порцій производится, сообразуясь съ добросовѣстностью и трудностью исполненія работъ, а нѣкоторымъ назначается даже до $\frac{3}{100}$ въ день; рабочимъ же, находящимся на легкихъ надворныхъ работахъ, водка подается только по воскресеньямъ и днямъ праздничнымъ и табельнымъ¹⁾. Тѣмъ не менѣе золотопромышленники возстали противъ устанавливаемой проектомъ обязательной подачи винныхъ порцій, находя это вреднымъ, но не подкрѣпая своего мнѣнія никакими доказательствами. Совершенно неудобнымъ находили они и дозволеніе отпуска рабочимъ водки на счетъ рабочихъ, „во-1-хъ, потому, что этимъ правомъ воспользуются въ широкихъ размѣрахъ тѣ изъ золотопромышленниковъ, которые всю свою дѣятельность основываютъ на продажѣ спирта и скупѣ хищническаго золота, проконтролировать дѣйствія которыхъ тогда не будетъ ни малѣйшей возможности, и во-2-хъ, потому, что порядокъ этотъ поведетъ къ страшнымъ неурядицамъ съ рабочими, и кромѣ пьянства, буйства и разгула ничего хорошаго ожидать нельзя“²⁾. Одинъ изъ главныхъ служащихъ К^о Промышленности Стрижевъ въ своихъ замѣчаніяхъ на тотъ же проектъ не возражалъ противъ обязательной выдачи $\frac{1}{100}$ ведра водки въ день, но находилъ совершенно неудобною выдачу еще $\frac{1}{100}$ за деньги. „Къ тому же“, говоритъ онъ, „вторая сотая водки выдается рабочимъ почти на всѣхъ прискахъ въ дурную погоду за работу при неблагоприятныхъ, трудныхъ условіяхъ и даже просто за исправное исполненіе денной работы, а не за сверхурочную работу, за которую полагается особая, увеличенная плата“.

По словамъ окружного инженера Ленскаго округа въ отчетѣ за 1889 г., винныхъ порцій полагалось рабочимъ на всѣхъ прискахъ среднимъ числомъ по $\frac{1}{100}$ въ сутки спиртомъ (?) на человека—чернорабочимъ ежедневно, а разночинцамъ 2 раза въ недѣлю³⁾. Показаніе горнаго инженера о выдачѣ $\frac{1}{100}$ спиртомъ въ среднемъ на всѣхъ прискахъ противорѣчитъ и вышеприведеннымъ свидѣтельствамъ, а также и отчету иркутскаго горнаго управленія за 1889 г., въ которомъ сказано: „водка дается на нѣкоторыхъ прискахъ ежедневно³⁾, а на другихъ по 3 раза въ недѣлю по чаркѣ, заключающей $\frac{1}{100}$ часть ведра. Крѣпость водки должна быть въ 40°, т.-е. такъ называемый полугарь, но въ дѣйствительности 80° спиртъ, приобретаемый хозяевами изъ складовъ, по свидѣтельствамъ губернаторовъ, разбавляется больше

¹⁾ Дѣло Канц. Ирк. Горн. Управ. № 14, т. II.

²⁾ Дѣло Канц. Ирк. Горн. Упр. № 39, л. 212.

³⁾ Въ „Пам. Книж. Якут. Обл. на 1891 г.“ сказано: „въ праздники и табельные дни, а на нѣкоторыхъ прискахъ и ежедневно, если работы производятся усиленно и представляютъ значительныя трудности, рабочимъ выдаются и винныя порціи“ (стр. 112).

чѣмъ на половину, и водка получается слабѣе 40°. Рабочимъ, которые не пьютъ водки, въ расчетныя книжки вносится вмѣсто каждой порціи, по 10 к.¹⁾ По словамъ бывшаго иркутскаго головы Катышевцева въ запискѣ, поданной ген.-губ. Анучину, „отпускаемая въ праздничные и воскресные дни порція, по $\frac{1}{100}$ золотника разведеннаго спирта въ 30—35° представляется молочнаго цвѣта“. Г. Кряжевъ также свидѣтельствуешь, что „водка на прискахъ въ очень рѣдкихъ случаяхъ имѣетъ узаконенную крѣпость, и это тѣмъ удобнѣе сдѣлать, что для порцій разводить спиртъ на мѣстѣ²⁾“.

Въ Прибрежно-Витимской К°, какъ видно изъ отчета ея за 1882 г., винныя порціи отпускались рабочимъ 2 раза въ недѣлю и въ праздники во время общаго отдыха команды въ размѣрѣ по $\frac{1}{100}$ ведра на человѣка, и сверхъ того давались винныя порціи въ такомъ же размѣрѣ тѣмъ изъ рабочихъ, которые находились на сырыхъ и болѣе тяжелыхъ работахъ³⁾. Непьющимъ рабочимъ обыкновенно записывалась стоимость порціи въ ихъ расчетныя листы, но это началось лишь въ 80-хъ гг. Въ КК° Промышленности и Прибрежно-Витимской въ 1885 г. было записано рабочимъ „въ заслугу“ за невыпитыя винныя порціи на прискахъ 13.345 р., въ 1889 г.—27.541 р., на Бодайбинской резиденціи въ 1885 г.—1849 р., въ 1889 г.—2486 р.⁴⁾ Докторъ Маліевъ говоритъ: „Управленія даютъ рабочимъ водку, хотя контрактъ и не обязываетъ ихъ къ этому, по воскресеньямъ и табельнымъ днямъ и кромѣ того за старательскую работу (сверхъ платы) и при мокрыхъ работахъ; въ 1878—79 г. въ Малопатомскомъ Т-вѣ израсходовано 941 ведро на 450 человѣкъ; такимъ образомъ, на каждого рабочаго приходится $17\frac{1}{2}$ сотыхъ спирту въ мѣсяцъ или $\frac{35}{100}$ водки; въ Ленскомъ Т-вѣ въ ту же операцію вышло 783 ведра спирту, или около $\frac{21}{100}$ на человѣка въ мѣсяцъ“⁵⁾. На Вѣрномъ прискѣ Базилевскаго въ операцію 1888—9 г. было израсходовано по 3 ведра вина на каждого рабочаго въ годъ или около $\frac{2}{100}$ вина въ 40° ежедневно⁶⁾. Пропитаніе рабочаго на этомъ прискѣ обходилось въ годъ въ 62 к., а стоимость $\frac{2}{100}$ вина—20 к., слѣдовательно все продовольствіе рабочаго стоило присковому управленію 82 к. По словамъ главноуправляющаго промыслами Базилевскаго въ запискѣ, поданной иркутскому генералъ-губер-

¹⁾ Дѣло Канц. Иркут. Горн. Упр. № 39.

²⁾ „Вост. Об.“ 1882 г. № 12, стр. 6; „Русск. Жизнь“ 1894 г. № 50.

³⁾ Въ томъ же году во время слѣдствія по поводу волненія на Благовѣщенскомъ прискѣ Прибрежно-Витимской К°, уполномоченный Серебренниковъ показалъ, что „винныя порціи за исполненіе урка отпускаются на отливъ артели изъ 8 человѣкъ“.

⁴⁾ Арх. Комп. Промышленности.

⁵⁾ „Сборн. сочин. по судебн. мед.“ 1881 г. т. III, стр. 106.

⁶⁾ Въ началѣ 80-хъ гг. на прискахъ Базилевскаго рабочему полагалось по $\frac{25}{100}$ въ мѣсяцъ.

натору (1890 г.), многія присковныя управленія, „зная слабость рабочаго къ вину, узаконили широкую раздачу его и тѣмъ только испортили работника, повредивъ его здоровье“. На промыслахъ Базилевскаго, „но издавна заведенному порядку“, рабочіе получали порцію послѣ работы въ обѣдъ и вечеромъ, причемъ всѣ пили ее вмѣстѣ въ присутствіи полиціи, подходя по очереди, „но безъ права передачи своей порціи одинъ другому, талоновъ же, или записокъ на „сотки“, какъ то заведено въ другихъ дѣлахъ, не принято выдавать, такъ какъ при подобной системѣ всегда существуетъ и широкая торговля среди рабочихъ, и масса талоновъ сосредоточивается въ однихъ рукахъ“. На отливъ вина у Базилевскаго не давали; рабочій же, заявившій въ началѣ мѣсяца, что онъ не желаетъ получать порцію, не получалъ ея уже ни подъ какимъ видомъ, и ему записывали въ расчетный листъ даже болѣе, чѣмъ стоитъ вино, въ видѣ поощренія“. Въ К^о Промышленности купоны на вино давались не именные, и потому была возможна ихъ перепродажа, въ Ленскомъ же Т-вѣ выдавались именные купоны. Намъ говорили въ 1891 г., что Плетюхинъ отпускалъ рабочимъ порцію только 2 раза въ недѣлю, и лишь когда прорветъ дамбу или случится другое несчастье, онъ выставлялъ боченокъ водки и поилъ рабочихъ. По свѣдѣніямъ, собраннымъ въ 1890 г. во время поѣздки иркутскаго ген.-губернатора, на одного годового рабочаго было дѣйствительно выдано спирта у О. Базилевскаго 2,03 ведра, въ КК^о Промышленности и Прибрежно-Витимской—2,38, въ Бодайбинской К^о—2,72, въ Яково-Николаевскомъ Т-вѣ—3,34 ведра. Изъ этого видно, что нигдѣ въ среднемъ не выходило по $\frac{1}{100}$ *спирта* на каждого рабочаго въ день, если считать всѣхъ рабочихъ, но въ видѣ водки могло выходить и болѣе $\frac{1}{100}$. По словамъ мѣстныхъ наблюдателей, въ 1894 г. на прискахъ К^о Промышленности одна винная порція выдавалась только поторжнимъ рабочимъ, прочіе же получали не менѣе двухъ; вообще же на прискахъ Витимской системы безплатныя порціи выдавались въ размѣрѣ отъ $\frac{1}{100}$ до $\frac{5}{100}$ ведра „и въ рѣдкихъ случаяхъ даже больше“. Эти максимальныя нормы выдачъ—явленіе, разумѣется, вовсе не желательное, тѣмъ болѣе, что назначеніе ихъ объясняется стремленіемъ заставить рабочаго выполнить особенно тяжелую работу; „среднею нормою мы можемъ считать $\frac{2}{100}$, но отнюдь не меньше“. Эту норму признавали и сами промысловыя управленія. Рабочій, не желавшій пить вино, могъ получать деньгами или товарами на сумму, равную стоимости причитающейся ему водки, считая по 10 к. на $\frac{1}{100}$ ведра, что составитъ не менѣе 6 руб. въ мѣсяцъ. На одномъ прискѣ количество отказавшихся отъ винныхъ порцій было около половины годовыхъ рабочихъ ¹⁾. Выдача порцій на руки

¹⁾ „Вост. Обзор.“ 1894 г. № № 129 и 132.

существует почти исключительно на присках К^о Промышленности, на остальных же промыслах рабочим предоставляется на выбор—или выпивать все отпускаемое им вино, или получать взамен его по 10 к. за „сотку“. Есть в Витимской системѣ прискъ, гдѣ золото-промышленникъ считаетъ для себя выгоднымъ платить непьющимъ рабочимъ по 20 к. за „сотку“ ¹⁾). На промыслахъ Левскаго Т-ва за невыпитое вино денегъ не выдается.

К^о Промышленности будто бы для того, чтобы, съ одной стороны, пресѣчь въ корнѣ спиртоношество и, съ другой,—улучшить бытъ рабочихъ, представила въ 1894 г. горному исправнику проектъ замѣны порцій вина, выдаваемыхъ теперь бесплатно, 6-ю фунтами сахара или масла, по желанію рабочаго; водку же по этому проекту рабочій могъ брать изъ кабачка К^о по цѣнѣ не болѣе 8 коп. за сотку, но въ количествѣ, не превышающемъ $\frac{5}{100}$, или бутылки въ день. Проектъ этотъ горный исправникъ представилъ высшему начальству, а золотопромышленникамъ былъ сдѣланъ запросъ, не пожелаютъ ли они присоединиться къ мѣрѣ, проектируемой К^о. Но проектъ этотъ вызвалъ рѣзкую и вполне основательную критику въ печати.

„Не знаешь, чему удивляться“, говоритъ авторъ одной статьи: „наглости ли его составителей, прикрывающихъ свою выгоду пользой рабочихъ, или ихъ наивности“. Рабочій, не желающій выпивать положеннаго ему вина, можетъ по этому проекту получать деньгами или товарами на сумму, равную цѣнности причитающагося ему вина, считая по 10 к. за $\frac{1}{100}$ ведра, что составитъ не менѣе 6 р. въ мѣсяцъ. „Взаменъ этихъ 6 р. составители проекта предлагаютъ выдавать по 6 ф. масла или сахару. Если взять цѣны, существующія въ К^о Промышленности на эти продукты, по 32 к. ф. того и другого, то окажется, что рабочимъ предлагаютъ припасовъ на 1 р. 92 к. взаменъ 6 р.; такимъ образомъ у рабочаго отнимаютъ по 4 р. 8 к. въ мѣсяцъ, или 48 р. 96 к. въ годъ. Итакъ, заботливость объ „улучшеніи быта рабочаго класса въ тайгѣ и увеличеніи ихъ заработка“ выразится въ томъ, что изъ кармановъ рабочихъ управленіе приска съ 120 годовыми рабочими переложитъ въ свой 5875 р. въ годъ, а авторы проекта сэкономятъ (считая въ К^о Промышленности не менѣе 3000 рабочихъ) 146880 р.; къ этой цифрѣ нужно еще прибавить прибыль, которая получится отъ процента, налагаемаго на масло и сахаръ, и ту, которая получится отъ продажи водки 8000 потребителей“... „Въ смыслѣ морализующаго вліянія проектъ также не выдерживаетъ критики. Онъ будетъ способствовать развитію большого пьянства и дать возможность одной части рабочихъ наживаться на счетъ другой. Непьющіе рабочіе не преминутъ воспользоваться своимъ правомъ пріобрѣтенія ежедневно одной бутылки вина, хотя бы для продажи его якутамъ или для того, чтобы въ благоприятное для нихъ время, т.-е. когда разгулявшіеся товарищи ихъ почувствуютъ усиленную потребность въ винѣ, перепродать таковое по своему усмотрѣнію вдвое или втрое дороже... Даже если посмотрѣть на проектъ съ точки зрѣнія интересовъ золотопромышленности, то и тогда онъ пора-

¹⁾ „Вост. Об.“ 1893 г. № № 22 и 26.

жають своимъ недомыслиемъ... Если даже и теперь, при нѣкоторомъ контролѣ, бывають довольно часто случаи, когда закутившійся съ вечера рабочій на другой день не можетъ выйти на работу, то какой же будетъ процентъ самовольно льготныхъ, когда количество обращающагося вина будетъ вдвое или втрое больше“ ¹⁾?

Винныя порціи нерѣдко служатъ вознагражденіемъ, единственнымъ или добавочнымъ, за разныя работы и подѣлки. Олекминскій горный исправникъ въ отчетѣ за 1874 г. говоритъ: „за сдѣланную въ рабочее время подѣлку или оказанную услугу каждый рабочій, вмѣсто предложенныхъ ему по стоимости сдѣланнаго 5 или 10 руб., всегда предпочитаетъ получить стаканъ водки“ ²⁾. По словамъ г. Карпинскаго, „самая ужасная язва для рабочихъ—это водка. Вмѣсто того, чтобы давать ее въ умѣренномъ количествѣ ежедневно, присковыя управленія сдѣлали ее какой-то наградой, и эта эксплоатація страсти рабочихъ къ водкѣ доходитъ до того, что на нѣкоторыхъ прискахъ такимъ образомъ заставляютъ исполнять самыя тяжелыя работы, выдавая въ день по 5 и по 6 порцій водки, такъ что, по окончаніи работъ, вся команда поголовно пьяна“. На Благовѣщенскомъ прискѣ Прибрежно-Витимской К⁰ существовалъ обычай вознаграждать прислугу, страпокъ, поваровъ и т. п. разnochинцевъ, сверхъ жалованья, еще виномъ. Кто изъ служащихъ не подчинялся этому порядку, тотъ подвергался со стороны прислуги всевозможнымъ непріятностямъ. По свидѣтельству г. Кражева, „обыкновенно управленіе прискомъ опредѣляетъ, сколько и за какую работу будетъ выдаваться водки, причемъ также заблаговременно объявляется способъ выдачи, т.-е. будетъ ли она выдаваться „на отливъ“, или же должна быть потребляема на мѣстѣ выдачи... Обыкновенно по $\frac{1}{100}$ ведра получаютъ всѣ, но многіе—по $\frac{2}{100}$ и даже по $\frac{3}{100}$ ведра“ ³⁾.

Г. Калагеорги въ 1882 г. писалъ: „На многихъ прискахъ для приманки дается порція водки за каждый золотникъ золота; водка цѣнится рабочими дороже денегъ, а потому на эти... приски приписывается золото съ сосѣднихъ. Всѣ эти средства для приманки и соблазна рабочихъ понятны еще въ рукахъ лицъ, главная забота которыхъ состоитъ въ скупѣ золота; но они не объяснимы въ виду вреднаго вліянія ихъ на дѣло, когда принимаются солидными золотопромышленниками. Вмѣсто того, чтобы принимать разныя ухищренія для привлеченія краденаго своего же золота, было бы болѣе полезнымъ стараться воспрепятствовать воровству и измѣнить порядокъ уплаты за подъемное золото“. По

¹⁾ „Вост. Обзор.“ 1894 г. № 129, 132 и 133.

²⁾ Арх. Ирк. Горн. Упр. К. 2566 № 206—152, л. 52.

³⁾ „Сиб. Сборн.“ 1890 г. вып. I, стр. 135; „Русская Жизнь“, 1894 г. № 50.

мѣнѣю г. Калагеорги, выдача водки за подъемное золото— „мѣра безнравственная и ничѣмъ не оправдываемая“, и она „должна быть безусловно воспрещена. Во избѣжаніе же нарушенія этого запрещенія было бы полезно признать выдачу водки за подъемное золото преступленіемъ, равносильнымъ способствованію казнокрадству“ ¹⁾.

Приучивъ рабочихъ къ выдачѣ водки за подъемное золото, золото-промышленники ссылаются потомъ на то, что рабочіе сами, во что бы то ни стало, требуютъ водки. Такъ олекминскій горный исправникъ въ донесеніи 1872 г. говоритъ: „Требованія рабочими спирту, вмѣсто денегъ на прискахъ, напр. Базанова, превосходятъ всякое вѣроятіе... Въ послѣдніе дни передъ расчетомъ въ минувшую операцію масса рабочихъ въ присутствіи жандармскаго унтеръ-офицера буквально осаждали домъ пріемщиковъ золота, отказываясь принимать за приносимое золото деньги и требуя водки; нѣкоторые, не получивъ ея, бросали тутъ же золото, другіе при отказѣ кидали его въ отвалы, а третьи прямо говорили, что понесутъ его съ собою и продадутъ. Это будто бы и было причиною выдачи всѣмъ водки, а деньги сверхъ того по 4 р. вписывались уже потомъ оставшимся на зиму въ расчетные листы, а вышедшимъ раздавались, когда они сходили съ парохода, бывшимъ исправникомъ“. Мы уже упоминали о постановленіи управляющихъ присками (1871 г.), воспрещающемъ выдачу спирта, *вмѣсто* платы за подъемное золото подъ угрозою большого штрафа ²⁾, но едва ли такая выдача исчезла, выдача же вина за подъемное золото несомнѣнно существовала. Во время слѣдствія по поводу волненія на Благовѣщенскомъ прискѣ Прибрежно-Витимской К^о 1882 г. присковое управленіе сообщило слѣдователю, что за подъемное золото рабочимъ подается за каждыя 3 золотника сверхъ платы по одной порціи водки. Порядокъ этотъ существовалъ съ 1878 г. ³⁾. Уполномоченный Серебренниковъ во время того же слѣдствія далъ слѣдующее показаніе относительно подачи винныхъ порцій за подъемное золото: „Дачу водки на отливъ за подъемное золото“ онъ „признавалъ мѣрою въ высшей степени вредною. Эта водка развращаетъ рабочаго, онъ относится къ своимъ обязанностямъ съ пренебреженіемъ, отучается отъ труда, надѣется на счастье, случай приобрѣсть и перепродать хищническое золото. Эта водка породила постоянное пьянство на промыслахъ, тайную продажу,... она деморализовала и самихъ казаковъ. Встрѣтивъ полное неодобреніе своихъ взглядовъ относительно дачи водки на отливъ, онъ не принималъ никакихъ мѣръ противъ этого величайшаго присковаго зла“. Настоящій

¹⁾ Арх. Ирк. Горн. Упр. К. 2765 № 37—80, л. 69, 86.

²⁾ Арх. Ирк. Горн. Упр. К. 2549, № 126—71, л. 208. О продажѣ вина за подъемное золото ср. „Сибирь“ 1873 г. № 5.

³⁾ Арх. К^о Промышл., дѣло Прибрежно-Витимс. К^о 1882 г. № 1156.

порядокъ вызываетъ хищничество и выгоденъ только для недобросовѣстныхъ служащихъ и тѣхъ золотопромышленниковъ, которые занимаются скупомъ чужого золота ¹⁾). Выдача водки за подъемное золото производилась и въ новѣйшее время. „Водкою“, говоритъ г. Кряжевъ, „уплачивается часть стоимости подъемнаго золота. Прежде всего устанавливается (понятно, безъ участія рабочаго) норма, сколько денегъ и сколько водки выдавать за подъемное золото, напр., 2 р. и 2 кружка водки“ (²/₁₀₀ ведра ²⁾).

Слѣдователь по дѣлу о волненіи на Благовѣщенскомъ прискѣ 1882 г., чиновникъ особыхъ порученій Осташкинъ, въ весьма опредѣленныхъ выраженіяхъ описываетъ присковое „винное хозяйство“: „на каждомъ прискѣ существуетъ почти форменный кабакъ“ ³⁾, и „надъ этимъ виннымъ хозяйствомъ нѣтъ никакого контроля. Записки на получение водки выдаются многими служащими безотчетно... Эти записки служатъ ходячей монетой между рабочими, на нихъ играютъ въ карты, скупаютъ золото и дѣлаютъ всякія другія аферы... Уполномоченный Серебrenниковъ съ первыхъ же дней своего вступленія на прискъ потребовалъ измѣненія существовавшихъ порядковъ, замѣчалъ распушенность служащихъ и рабочихъ, чѣмъ и навлекъ на себя неудовольствіе служащихъ и ропотъ, дошедшій до заявленія, что, если онъ будетъ ходить по работамъ и дѣлать замѣчанія, то они служить не будутъ. Изъ писемъ Серебrenникова къ главному распорядителю дѣлъ Черныхъ видно, что онъ всѣми зависящими отъ него мѣрами старался, если не искоренить, то по возможности уменьшить развившееся на прискахъ Сибирякова и Базанова пьянство между рабочими, а главное—воспрепятствовать скупу золота и вещей на водку, продажѣ водки подрядчиками, приобретенной ими за доставку деревянныхъ матеріаловъ отъ промысловаго управленія... и вообще старался улучшить хозяйство промысловъ и положеніе рабочаго люда, на что получалъ отъ управляющаго отзывъ, что измѣнить существующій порядокъ нельзя, что измѣненіе въ обстановкѣ хозяйственной и промышленной части породить неудовольствіе рабочихъ и служащихъ и вызоветъ бунты и т. п., и наконецъ требованіе Серебrenниковымъ улучшенія присковаго управленія въ будущемъ породило совершенный разрывъ въ обоюдныхъ дѣйствіяхъ его по управленію Благовѣщенскимъ прискомъ съ управляющимъ Жарковымъ, который письменно просилъ Серебrenникова остановить вмѣшательство въ дѣло управленія на томъ основаніи (какъ выразился Жарковъ), что „2 медвѣдя въ одной берлогѣ вмѣстѣ не жи-

¹⁾ Арх. Ирк. Горн. Упр. К. 2766 № 47—39, т. 73 об.—77.

²⁾ „Русская Жизнь“ 1894 г. № 50.

³⁾ Это составляетъ нарушение 2538 ст. Горн. Уст.

вуть“¹⁾. Слѣдователь прямо предъявилъ эти обвиненія управленію Благовѣщенскаго прииска²⁾. То же было и позднѣе. По словамъ автора статьи въ „Сибирскомъ Сборникѣ“, „водка покупается тутъ же на стану въ огромномъ количествѣ въ кухняхъ, прачешныхъ, баняхъ и т. п. кабакахъ, которыхъ число увеличивается пропорціонально величинѣ прииска. Напр., на Благовѣщенскомъ приискѣ,... почти для всѣхъ сколько-нибудь значительныхъ служащихъ имѣются свои отдѣльныя кухни, и, разумѣется, въ нихъ недостатка вина не бываетъ. Въ данномъ случаѣ спиртоносцы не при чемъ: вездѣ расходуется вино К°“³⁾.

Торговля виномъ не составляла исключительной принадлежности приисковъ Прибрежно-Витимской К°. Якутскій губернаторъ въ 1872 г. донесъ генералъ-губернатору Восточной Сибири, что приисковыя управленія не сочувствовали мѣрамъ начальства относительно прекращенія тайной продажи вина и даже снисходительно относились къ своимъ приказчикамъ и разночинцамъ, производившимъ ее. Олекминскій горный исправникъ сообщилъ въ 1872 г. о слѣдующихъ, принятыхъ имъ, мѣрахъ для уменьшенія торговли спиртомъ. Узнавъ, что приисковыя управленія обыкновенно отпускаютъ тунгусамъ за разныя послуги, кромѣ денежной платы, еще по бутылкѣ спирту, и что этотъ спиртъ тунгусы продаютъ тутъ же рабочимъ, вслѣдствіе чего между послѣдними распространяется пьянство,—просилъ немедленно прекратить такой отпускъ вина подѣ страхомъ отвѣтственности по закону. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ приказалъ объявить тунгусамъ, что они должны довольствоваться тою порціею спирта, которую будутъ подносить имъ при приѣмѣ крѣпей и сѣна. Сверхъ того исправникъ прекратилъ выдачу билетовъ на покупку спирта на дорогу возчикамъ и рабочимъ, такъ какъ узналъ, что вмѣсто одной четверти или 1/2 ведра они покупали по 5 и 10 ведеръ и распространяли пьянство какъ по дорогѣ, такъ и на приискахъ, гдѣ спиртъ припрятывали и пролавали по огромной цѣнѣ⁴⁾. По словамъ олекминскаго горнаго исправника въ отчетѣ за 1873 г., оказалось, что продавцами вина являются не одни тунгусы, а и сами служащіе, которые продаютъ получаемыя ими порціи рабочимъ или за наличныя деньги, или записывая ихъ въ видѣ долга въ расчетный листъ. Виновный въ этомъ, по требованію исправника, былъ немедленно расчитанъ и удаленъ съ приисковъ⁵⁾. Тѣ же порядки были и значительно позднѣе. Г. Калагеорги въ 1882 г. писалъ: „Служащіе, не пьющіе водки, занимаются продажей ея; къ этому нужно прибавить продажу

¹⁾ Арх. Ирк. Горн. Упр. К. 2766 № 47—89, л. 134.

²⁾ Арх. К° Промышл. и Прибреж.-Витим., дѣло 1882 г. № 1156.

³⁾ „Сиб. Сборн.“ 1890 г., вып. I, стр. 135.

⁴⁾ Арх. Ирк. Горн. Упр. К. 2549 № 126—71, л. 155, 207.

⁵⁾ Арх. Ирк. Горн. Упр. К. 2560, № 130—184, л. 10.

разными подрядчиками, прислужой служащих и разного рода шатающимися на присках людьми. Однимъ словомъ, торговля водкой ведется почти открыто, и развитію пьянства предоставленъ широкій просторъ. Борьба съ нимъ выражается только арестами пьяныхъ, что, конечно, не можетъ принести никакой пользы ¹⁾. Г. Карпинскій свидѣтельствуется, что нѣкоторые золотопромышленники „прямо торгуютъ водкою, продавая ее на краденное съ сосѣднихъ присковъ золото“ ²⁾; въ запискѣ г. Михайлова (1890 г.) упоминается о томъ, что на прискѣ одного еврея продается рабочимъ вино по 65 р. за ведро. И позднѣе цѣна водки равнялась обыкновенно 3 рублямъ за бутылку, хотя бывала и гораздо выше—отъ 4 до 10 р. ³⁾.

Рабочіе могли купить спиртъ на прискахъ не только у золотопромышленниковъ, но и у спиртоносовъ. Олекминскій горный исправникъ въ 1872 г. указывалъ на трудность поимки хорошо знакомыхъ съ мѣстностью спиртоносовъ по таежнымъ тропинкамъ, доступнымъ лишь пѣшеходамъ ⁴⁾: „появившееся въ теченіе лѣта на нѣкоторыхъ прискахъ пьянство доказывало, что спиртоносы успѣвали проносить спиртъ и сбывать его за подъемное золото, утаиваемое рабочими, или и за деньги (ведро спирту, по показанію одного пойманнаго съ нимъ, куплено за 85 р.,—цѣна, которая не можетъ не соблазнить смѣльчаковъ), но такихъ случаевъ пьянства было два—три, не болѣе“ ⁵⁾. Въ 1873 году цѣна за ведро спирта доходила до 300 р., а въ 1874 г. покупали спиртъ по 10—15 р. бутылка и по 75—100 ведро. По словамъ исправника Витимской системы въ отчетѣ за 1875 г. большинство пой-

¹⁾ Арх. Ирк. Горн. Упр. К. 2765, № 37—80, л. 72, ср. „Сибир. разск. изъ жизни приск. люда“, 1888 г., стр. 263.

²⁾ „Изв. Вост. Сиб. Отд. Геог. Общ.“ 1886 г. Т. 17 № 3—4; сравн. „Вост. Обзор. 1888 г. № 44, стр. 10. О продажѣ спирта низкаго качества мелкими золотопромышленниками въ газетѣ „Сибирь“ (1885 г. № 52, стр. 5) читаемъ: „новіе золотопроискатели изобрѣли особый способъ провоза спирта на свои (и чужіе) приски въ ящикахъ, внутри которыхъ посуда со спиртомъ обложена разными присковыми товаромъ“.

³⁾ „Восточ. Обзор.“ 1894 г. № 129, 1895 г. № 22. О томъ, какъ торгуетъ виномъ такъ называемый „цѣловальникъ“, т.-е. служащій, который выдаетъ рабочимъ винныя порціи, см. „Сиб. Вѣст.“ 1892 г. № 79. О золотопромышленникѣ, фабрикующемъ изъ спирта скверную, сильно разбавленную водку съ разными примѣсями — перцомъ, имбиремъ и проч. см. О. О. „Sibirische Briefe“, 1894, S. 280.

⁴⁾ „Да и самое бѣгство рабочихъ съ присковъ“, говорятъ исправникъ, „имѣетъ цѣлью отнюдь не отдохъ. Собрать отъ товарищей извѣстную сумму, одинъ изъ знающихъ нетерпѣли тропинки уходитъ или въ Витимъ, или на Крестовую и Мачу. Проходя въ 2 или 3 недѣли, бѣглецъ является опять, наказывается за побѣгъ; но съ его возвращеніемъ множество рабочихъ оказываются пьяными и притомъ въ такой день, когда винной порціи не выдавалось“.

⁵⁾ Арх. Ирк. Горн. Упр. К. 2549, № 126—71, л. 469, 478.

манныхъ спиртоносовъ были крестьяне Томской и Тобольской губерній, начавшіе свою дѣятельность на енисейскихъ приискахъ. Промыселъ спиртоносовъ съ каждымъ годомъ усиливался: они бродили цѣлыми вооруженными шайками и послужили, какъ увидимъ ниже, поводомъ къ волненію рабочихъ на промыслахъ Базанова 1876 г. ¹⁾).

Г. Калагеорги, въ своей запискѣ 1882 г, говорятъ: „На сколько выгодна тайная торговля спиртомъ,—свидѣтельствуетъ установившаяся было и долго существовавшая плата за водку: ведро спирта обмѣнивалось на 1 ф. золота. Правда, что теперь, вслѣдствіе увеличенія платы за подъемное золото, а также и увеличенія количества винныхъ порцій, выдаваемыхъ рабочимъ, спиртоносы не въ состояніи уже продавать водку такъ выгодно, какъ прежде; но тѣмъ не менѣе ведро спирта оцѣнивается и теперь въ 80 руб.“ ²⁾).

Однимъ изъ главнѣйшихъ пунктовъ, гдѣ спиртоносы запасались спиртомъ, былъ Витимъ. Мѣстнымъ жителямъ не разъ случалось видѣть плоты и лодки, на которыхъ спиртоносы доставляли свой товаръ до удобныхъ пунктовъ, откуда по разнымъ тропинкамъ они проносили его на приiski за плечами въ деревянныхъ флягахъ. Они продавали его зимовщикамъ на зимовья и на самыхъ приискахъ рабочимъ, занимавшимся тайной торговлей спиртомъ рублей по 80—90 за ведро, а эти послѣдніе перепродавали его рабочимъ и служащимъ, причемъ цѣна доходила не только до 10, но даже до 25 р. за бутылку ³⁾). Шайки спиртоносовъ состояли иногда изъ нѣсколькихъ десятковъ человекъ; такъ, напр., извѣстный спиртоносъ Чагинъ ходилъ съ партіей въ 40 чел., а Петрушевъ—въ 20 чел.; часть дороги они дѣлали на лошадяхъ. Подойдя къ прииску верстъ за 5—10, они зарывали свою ношу зимою въ

¹⁾ На какія смѣлыя продѣлки отваживались спиртоносы, видно изъ того, что въ 1876 г. по дорогѣ отъ Водайбинской резиденціи мимо приисковъ К^о Промышленности проѣхала тройка лошадей съ однимъ служащимъ казакомъ и конюхомъ, которые будто бы везли бочку спирта на приiski Трапезникова. Впослѣдствіи оказалось, что это были спиртоносы, и въ одежду казака былъ переодѣтъ простой конюхъ. Арх. Ирк. Горн. Упр. К. 2544, № 48 — 103, л. 283 — 287. О спиртоносахъ см. также въ цирк. бар. Фредерикса 26 марта 1876 г. (см. выше, гл. II). Ср. „Ирк. Губ. Вѣд.“ 1877 г. № 34 или Сборникъ *Стрѣкаловскаго* ч. I, 143.

²⁾ Въ 1881 — 1883 г. въ Витимской системѣ было задержано 32 спиртоноса. Арх. Витим. Горн. Испр., дѣло 1883 г. № 92. Въ Олекминской системѣ въ продолженіе 1883 г. было поймано 45 спиртоносовъ, изъ которыхъ 24 чел. оказались бродягами. „Прилож. I къ вып. I Сбор. офиц. документовъ“, т. VII, отчетъ ревиз. Олекминскаго округа за 1883 г. стр. 36. Выносъ спиртоносами золота вызвалъ другую промышленность. Образовались партіи охотниковъ, которые, вооружась огнестрѣльнымъ и холоднымъ оружіемъ, отправляются въ тайгу и, избравъ укромное мѣстечко около таежной тропы, ожидаютъ возвращенія спиртоносовъ съ золотомъ. Они убиваютъ ихъ и у убитыхъ отбираютъ золото. „Сибирь“ 1875 г. № 11, стр. 5.

³⁾ „Сибирь“ 1882 г. № 31, стр. 8.

снѣгъ, а лѣтомъ въ мохъ, и одинъ изъ нихъ, болѣе храбрый и бывалый, шелъ на „станъ“. Здѣсь онъ иногда среди бѣлаго дня смѣшивался съ толпою рабочихъ, а чаще ночью пробирался въ казармы. Здѣсь они всегда были желанными гостями и могли не опасаться предательства; послѣднее случалось чрезвычайно рѣдко и постоянно наказывалось жестокимъ мщеніемъ со стороны спиртоносовъ. Придя въ казарму, спиртоносъ находилъ своего агента, который шелъ на условленное мѣсто и тамъ бралъ флягу со спиртомъ и распродалъ ее артели. Лишь ничтожное количество спирта рабочіе покупали у спиртоносовъ на деньги, а больше вымѣнивали его на похищенное золото. Въ 1875 г. одна партія спиртоносовъ вывезла изъ тайги до 5 пудовъ золота ¹⁾. Шайки спиртоносовъ состояли изъ крестьянъ и поселенцевъ и, между прочимъ, ссыльных черкесовъ и татаръ.

Съ 1885 г. особенно усилилось движеніе спиртоносовъ, преимущественно по дорогѣ съ промысловъ Олекминской системы на Бодайбинскую резиденцію, и въ это время начались небывалые прежде грабежи и кражи. Съ приближеніемъ общаго разсчета (10 сентября) спиртоносы, нисколько не стѣсняясь, начали являться ночью на приски и забирали изъ кухни и хлѣбопекарни нужные имъ припасы и въ ближайшихъ окрестностяхъ производили торговлю виномъ. Однажды въ половинѣ сентября одиннадцать спиртоносовъ явились ночью въ казачью казарму одного приска и, глумясь надъ казаками, заставили ихъ приготовить для себя ужинъ, а сами угощали ихъ спиртомъ. Такую же продолжку устроили они чрезъ нѣсколько дней въ казачьей казармѣ на другомъ прискѣ и при этомъ грозили уряднику, что, если онъ попытается задержать ихъ, то будетъ немедленно убитъ. Приски находились какъ бы въ осадномъ положеніи. Съ наступленіемъ сумерекъ, вооруженные флягами спирта на плечахъ съ пѣснями и гармоніей, они входили на приски и начинали продавать вино. Такое положеніе дѣлъ продолжалось до конца сентября, т.-е. до наступленія холодовъ и зимняго пути, и въ это время спиртоносы для обратнаго выѣзда изъ тайги начали отнимать оленей у якутовъ, съ помощью которыхъ и были переловлены ²⁾.

По словамъ главноуправляющаго К^о Базилевскаго въ запискѣ, представленной иркутскому генералъ-губернатору въ 1890 г., спиртоносы приносятъ, а иногда и привозятъ, спиртъ, чаще всего изъ села Витима, Нохтуйска и даже изъ Киренска, платя за него на мѣстѣ отъ 16 до 28 р. за ведро. Изъ ведра выходитъ до 60 бутылокъ разбавленной водки, цѣна которой 3—5 р. за бутылку. Любопытно въ этой за-

¹⁾ „Сибирская Газета“ 1882 г. № № 31 и 33.

²⁾ „Сибирь“ 1886 г. № 17, стр. 8. Ср. „Сборн. соч. по судеб. мед.“ 1881 г. т. III, 106; Н. Г. „Олекминская Калифорнія“ въ „Литерат. Сбор.“, изд. „Восточ. Обоз.“ 1885 г.

пискѣ слѣдующее признаніе: „Съ тѣхъ поръ, какъ золотопромышленники отбили пальму первенства въ дѣлѣ тайнаго спиртоношества у настоящихъ промышленниковъ этого запретнаго промысла, число ихъ значительно сократилось“. Но что все-таки ихъ не мало, — видно изъ слѣдующихъ свѣдѣній „Восточнаго Обзорѣнія“: „Партіи спиртоносовъ иногда состоятъ изъ 3—4 человекъ; случается однако, что число людей въ партіи доходитъ до 40. Партіи организуются и на артельномъ началѣ, но преимущественно мелкія, всѣ же крупныя по большей части имѣютъ во главѣ своей предпринимателя. Работники въ послѣднемъ случаѣ получаютъ отъ 50 до 100 р. за одинъ походъ, и при этомъ пользуются правомъ провезти на хозяйскихъ лошадяхъ отъ $\frac{1}{2}$ до 1 ведра своего спирту для продажи на пріискахъ. Хорошо организованная партія спиртоносовъ основательно вооружена: она запасается лучшими берданками, дальнобойными револьверами и тонко отточенными кинжалами изъ англійской стали въ ножнахъ съ дорогою оправой ¹⁾. Во время посѣщенія мною олекминской тайги осенью 1891 г. пароходъ „Пермякъ“ привезъ спиртоносовъ и высадилъ ихъ, за нѣсколько верстъ не доѣзжая Бодайбинской резиденціи; казаки настигли ихъ, но тѣ защищались, и одинъ казакъ былъ убитъ наповалъ, а другой раненъ. Подѣзжая къ главному стану К^о Промышленности вечеромъ, я увидѣлъ огонекъ на сосѣдней высокой горѣ; кучеръ пояснилъ мнѣ, что это спиртоносы ²⁾.

Слѣдствіемъ всѣхъ указанныхъ выше условій жизни рабочаго на пріискахъ, какъ, напр., вознагражденія водкою за нѣкоторыя работы и потребности въ винѣ вслѣдствіе непомѣрно тяжелаго труда и работъ въ сырыхъ мѣстахъ, является пьянство рабочихъ въ такихъ размѣрахъ, что, по словамъ г. Кряжева, „черезъ 5—6 лѣтъ жизни въ тайгѣ рабочій превращается въ неизлѣчимаго пьяницу“; лишеніе винной порціи—самое тяжелое для него наказаніе ³⁾.

Получая отъ пріисковаго управленія готовое содержаніе, рабочіе

¹⁾ „Восточн. Обзор.“ 1891 № 44, т. 7; ср. ст. Кряжева въ „Рус. Жизнь“ 1891 г. № 94.

²⁾ Г. Михайловъ въ запискѣ (1890 г.) говоритъ: „Благодаря, съ одной стороны, недостаточности законной кары за спиртоношество, а съ другой — медленности судебного производства, на пріискахъ Олекминской системы, вопреки закону, дѣла о спиртоношествѣ разрѣшаются домашнимъ образомъ: казаки получаютъ деньги по стоимости отобраннаго спирта, пріисковныя управленія—спиртъ, а спиртоносы—освобожденіе отъ взысканія. Въ проигрышѣ остается только казна, которая теряетъ штрафныя деньги за каждый случай поимки спиртоносы въ размѣрѣ двойной стоимости натеента“. Бываетъ и такъ, что особаго рода спиртоносовъ поддерживаютъ сами золотопромышленники. По новѣйшимъ свѣдѣніямъ спиртоносы продавали спиртъ не менѣе 5 руб. за бутылку. „Восточ. Обзор.“ 1894 г. № 129; „Вѣстн. Золот.“ 1896 г., стр. 168.

³⁾ „Рус. Жизнь“ 1894 г. № 50. О пьянствѣ якутовъ см. „Сиб. Сбор.“ 1890 г. вып. I, 134—136.

должны были имѣть свою одежду и обувь ¹⁾; всѣ эти вещи, а также недостающее количество сѣвстныхъ припасовъ (масло, сахаръ и проч.) имъ приходилось, какъ и въ другихъ горныхъ округахъ, забирать въ присковскихъ лавкахъ.

Въ договорѣ К^о Промышленности 1874 г. сказано: „Одежду и обувь, а также и другіе необходимые предметы, собственно до нашей надобности относящіеся,... имѣть намъ собственную свою, а при необходимости, исключая предметовъ роскоши, несвойственной нашему званію, можемъ брать оную на промыслахъ или резиденціяхъ, но отпускъ ихъ долженъ быть отнюдь не произвольно, а по усмотрѣнію управленія, отпуская намъ таковыя въ счетъ нашей заработной платы... по утвержденной таксѣ ²⁾. Пока мы не заработаемъ взятыхъ нами денегъ и одежды, выдачи таковыхъ, хотя бы и въ маломъ количествѣ, требовать не должны“. Въ договорѣ той же К^о 1888 г. условіе это выражено иначе: „Одежду и обувь должны мы имѣть собственную, и еслибы встрѣтилась въ ней надобность, то можемъ приобрѣтать таковую въ промысловыхъ амбарахъ за наличныя деньги или въ счетъ заработка. Точно также и другіе необходимые при работѣ предметы, какъ-то: рукавицы, бродни, бахилы и др., не составляющіе предметовъ роскоши, а равно чай, сахаръ, масло, пшеничную муку ³⁾ и черкасскій табакъ, выписываются нами *одинъ разъ въ мѣсяцъ* по усмотрѣнію промысловаго управленія, и всѣ вышеозначенные предметы могутъ выписывать *каждомѣсячно* только тѣ изъ насъ, кои отработаютъ состоящій за ними долгъ и имѣютъ заработки; въ противномъ же случаѣ промысловое управленіе въ выдачѣ означенныхъ предметовъ можетъ каждому изъ насъ отказать..., а сами требовать себѣ выписки въ счетъ будущаго заработка не имѣемъ права“. По договору Базилевскаго 1876 г. рабочіе могли брать нужные имъ вещи и припасы „изъ промысловыхъ запасовъ по утвержденной управленіемъ таксѣ, съ надбавкою не болѣе 15%, на продажную цѣну таковыхъ въ ближайшихъ городахъ—Киренскѣ и Олекминскѣ, и съ провозною оттуда платою“ ⁴⁾.

Въ нѣкоторыхъ договорахъ мы встрѣчаемъ ограниченіе количества товаровъ и припасовъ, которые рабочіе могли взять въ счетъ заработка изъ лавокъ.

Такъ въ договорахъ К^о Трапезниковыхъ въ 70 и 80-хъ гг. постановлено, что рабочіе могли брать вещи и припасы „въ количествѣ, не превышающемъ

¹⁾ Впрочемъ въ отчетѣ горн. исправ. Олекмин. окр. за 1885 г. сказано: „отъ присковскихъ управленій отпускается иногда не въ счетъ платы при занятіяхъ въ сырыхъ мѣстахъ только обувь, пальто кожаное и рукавицы“. Арх. Ирк. Горн. Упр. К. 2772 № 135—124, л. 185.

²⁾ Въ договорѣ той же К^о 1870 г. сказано: „по установленнымъ отъ К^о цѣнамъ“.

³⁾ Въ старыя годы все это относилось къ предметамъ роскоши, слѣдовательно уровень потребностей рабочихъ значительно повысился. Въ контрактѣ К^о Арендаторовъ 1875 г. сдѣлана оговорка, что предметами роскоши не должно считать „припасовъ, полезныхъ для поддержанія силъ и здоровья, каковы масло и т. п.“.

⁴⁾ Въ договорѣ Базилевскаго это ограниченіе надбавки исключено. По договору Малопадомскаго Т—ва полагалась надбавка не болѣе 20%, но въ отчетахъ начала 80-хъ годовъ она указана въ 15%.

слѣдующаго: шубу или полушубокъ на всю зиму, смотря по времени, въ какое придутъ на пріискъ, на полгода: 1 азамъ, 1 кожаный или суконный шаровары, 3 рубахи дабовыя или ситцевыя и 3 шаровары дабовыя и холщевыя, 6 паръ рукавицъ, 4 пары варежъ, 2 онучи суконныя, 4 пары бродней и 2 пары головокъ бродянныхъ. Каждомѣсячно можемъ выписывать также: по 1 кирпичу чаю, по 1 ф. сахару ¹⁾, по 2 ф. масла ²⁾ и 1¼ ф. табаку на человѣка; затѣмъ, сверхъ этого, выдача со стороны управленія не обязательна, и мы требовать права не имѣемъ. Выдача вещей тѣмъ изъ насъ, которые будутъ состоять въ большихъ долгахъ управленію, зависитъ вполне отъ усмотрѣнія, и оно выдаетъ такимъ изъ насъ только крайне необходимое, безъ чего невозможно обойтись. Все же, что нужно будетъ намъ сверхъ вышеупомянутаго назначенія, и если мы будемъ имѣть заработную додѣчу, то по полученіи записки отъ управленія, какъ на наличныя деньги, можемъ брать изъ запасовъ пріиска или другихъ мѣстъ по вольной цѣнѣ“.

Горный исправникъ Витимской системы въ отчетѣ за 1875 г. приблизительно опредѣляетъ годовой заборъ рабочаго изъ пріисковыхъ амбаровъ въ теченіе года, „по самому умѣренному разсчету, судя по той выдачѣ, какая производится арестантамъ, на одежду, обувь и добавочную пищу“ до 100 р. ³⁾. Но для второй половины 80-хъ гг. эта цифра слишкомъ мала, и авторъ статьи въ „Сибирскомъ Сборникѣ“ 1889 г. вычисляетъ, что общая сумма расходовъ одинокаго рабочаго на промыслахъ—не-пьяницы и не-мота—равняется около 250 р. ⁴⁾.

Еще въ концѣ 50-хъ гг. таксы на промыслахъ Олекминскаго округа утверждались, какъ мы видѣли (см. т. I), горными исправниками. Быть можетъ, во второй половинѣ 60-хъ гг. мѣстный исправникъ пренебрегалъ обязанностью регулированія таксъ, по крайней мѣрѣ въ запискѣ полк. Купенкова сказано, что только съ 1872 г. ⁵⁾ начали „руководствоваться утвержденною исправникомъ таксою“. Это объясняется тѣмъ, что на необходимость внимательнаго отношенія мѣстной администраціи къ пріисковымъ таксамъ обратилъ вниманіе генераль-губернаторъ Синельниковъ и въ циркулярѣ 26 октября 1871 г. ⁶⁾ возложилъ наблюденіе за добросовѣстнымъ соблюденіемъ таксъ на горныхъ исправниковъ и губернское жандармское управленіе. Въ январѣ слѣдующаго 1872 г. олекминскій горный исправникъ сообщилъ, что вслѣдствіе этого циркуляра онъ потребовалъ отъ управляющихъ пріисками представленія таксъ на его утвержденіе. „Оставляя въ сторонѣ товары высшихъ сортовъ, до которыхъ рабочимъ надобности не будетъ, я обратилъ вниманіе лишь на тѣ предметы, ко-

¹⁾ Въ договорѣ 80-хъ гг. 2 ф. сахару.

²⁾ Насколько эта норма недостаточна, видно изъ свидѣтельства Калагеорги, что рабочіе забирали въ мѣсяцъ до 15 ф. масла.

³⁾ Арх. Ирк. Горн. Упр. К. 2574, № 189—243, л. 88.

⁴⁾ Вып. II, стр. 33—34.

⁵⁾ Арх. Ирк. Горн. Управ. К. 2544, № 48—103, л. 123.

⁶⁾ Стрѣкаловскій, часть I, 94—98.

торые чаще всего ими требуются, и достигъ пониженія на масло и сахаръ, предписавъ, чтобы самыя таксы вездѣ были вывѣшены въ амбарахъ. Желательно было бы, чтобы цѣны эти были одинаковы во всѣхъ компаніяхъ или по крайней мѣрѣ разнились незначительно, но достигнуть этого почти невозможно, потому что лишь нѣкоторыя управленія покупаютъ на наличныя деньги, а большая часть въ кредитъ, и притомъ не въ Иркутскѣ, а на Мачинской резиденціи, гдѣ, конечно, все дороже... впрочемъ 60 к. 1 ф. сахару болѣе уже не будетъ: цѣна его понижена до 45 к.¹⁾

О таксахъ на Олекминскихъ промыслахъ мы можемъ привести слѣдующее краснорѣчивое свидѣтельство иркутскаго генералъ-губернатора, основанное на его личныхъ наблюденіяхъ въ 1890 г.: „Утвержденіе таксъ“, писалъ А. Д. Горемыкинъ въ замѣчаніяхъ на проектъ правилъ о наймѣ рабочихъ на золотые промысла, „дѣйствующими нынѣ правилами предоставляется горнымъ исправникамъ, однако-жъ такой порядокъ не представляетъ никакой гарантіи къ устраненію вкоренившихся съ давняго времени злоупотребленій по продажѣ рабочимъ товаровъ и припасовъ. При обзорѣнн въ 1890 г. золотыхъ присковъ Олекминской и Витимской системъ, я лично убѣдился, что участіе горныхъ исправниковъ въ данномъ случаѣ ограничивается одною формальною стороною, безъ всякаго отношенія къ существу дѣла. Обыкновенно таксы составляются присковыми управленіями и утверждаются исправниками безъ всякихъ соображеній и провѣрки стоимости товаровъ, вслѣдствіе чего является значительное разнообразіе цѣнъ, установленныхъ для присковъ не только одной системы, но и расположенныхъ одинъ отъ другого на весьма близкихъ разстояніяхъ, нисколько не вліяющихъ на увеличеніе или уменьшеніе провозной платы. Такъ, напримѣръ, на прискахъ Витимской системы, расположенныхъ въ районѣ 20 верстъ, установлены слѣдующія цѣны: за фунтъ масла на одномъ прискѣ 38 к., на другомъ 40 к., на третьемъ 45 к. и на четвертомъ 50 к.; фунтъ сахара—34, 40, 45 и 50 к.; азиямъ—5 р. 20 к., 5 р. 75 к. и 6 р. и

¹⁾ Арх. Иркутск. Горн. Упр. К. 2549, № 126—71, л. 208. Исправникъ въ этомъ отчетѣ указывалъ и на то, что вслѣдствіе злоупотребленій присковыхъ довѣренныхъ при закупкѣ товаровъ и припасовъ, увеличивается ихъ цѣна, а также страдает и качество, такъ что рабочіе, „плата высокую цѣну за необходимые для нихъ предметы, получаютъ ихъ такого дурного качества, что они служатъ имъ самое короткое время. Отъ этого и происходитъ, что въ расчетномъ листѣ нерѣдко можно встрѣтить денежный заборъ въ 50 руб., а вещевой—въ 120 руб.“. Въ отчетѣ о работахъ ссыльно-каторжныхъ на прискахъ К^о Сибирякова и Базанова за 1874 г. сказано: „Изъ вещей полушубки и азиямы выписываются по одному на годъ и въ теченіе года совершенно изнашиваются; обуви и бѣлья было выписано несравненно болѣе противъ прежнихъ лѣтъ, такъ какъ эти вещи въ присковомъ амбарѣ плохого качества и дорогой стоимости“. Арх. Витимскаго горнаго исправника, дѣло о ссыльно-каторжныхъ № 19, л. 110.

т. д. ¹⁾). При сравненіи же нѣкоторыхъ пріисковыхъ цѣнъ на товары съ дѣйствительными продажными цѣнами иркутскаго рынка, получаются выводы, свидѣтельствующіе о непомѣрно высокихъ цѣнахъ, устанавливаемыхъ пріисковыми таксами: такъ, напримѣръ, сахаръ продается въ Иркутскѣ по цѣнѣ 8—10 р. за пудъ, провозъ до витимскихъ пріисковъ обходится отъ 1 р. 50 к. до 2 р. съ пуда, на пріискахъ же продажная цѣна достигаетъ 20 р., что составляетъ болѣе 70% надбавки ²⁾).

По словамъ мѣстнаго наблюдателя, главные предметы забора рабочими изъ лавокъ составляютъ масло, сахаръ и крупчатка. Благодаря покупкѣ крупчатки, рабочіе не сѣдали всей своей порціи хлѣба, и потому, особенно зимою, въ казармахъ ютились якуты, прислуживавшіе имъ и получавшіе за это хлѣбъ ³⁾).

Бывали случаи, что на промыслахъ брали съ рабочихъ плату за припасы и дороже назначенной таксы: такъ въ запискѣ Михайлова (1890 г.) указано, что по таксѣ на пріискѣ Патушинскаго была назначена цѣна сахара по 45 к. за 1 ф., а въ дѣйствительности брали 50 к. При покупкѣ на подъемное золото припасы обходились рабочимъ дороже.

„Въ послѣдніе годы“, писалъ г. Калагеорги въ 1882 г., „цѣны на предметы, покупаемые рабочими, значительно понижены, и, судя по всему видѣнному мною, эксплоатація рабочихъ пріисковыми управленіями въ тѣхъ размѣрахъ, какъ было прежде, не существуетъ, но тѣмъ не менѣе заготовленіе вещей и продажа ихъ не обуславливаются только необходимостью, а представляютъ собой особое коммерческое дѣло“ ⁴⁾). Нѣкоторые органы сибирской печати еще сильнѣе отмѣчали прибыльность пріисковой торговли. Въ корреспонденціи одной газеты съ Успенскаго пріиска К^о Промышленности (1887 г.) сказано: „пріисковые амбары для отпуска припасовъ и товаровъ (послѣдніе часто бываютъ сомнительнаго качества) даютъ чистой прибыли десятки тысячъ рублей ⁵⁾“. По отчетамъ о пріискахъ Ѳ. Базилевскаго ⁶⁾), прибыли „отъ продажи и расцѣпки“ получено было въ 1878 г. 70,059 р., въ 1879 г.—56.949 р., въ 1880 г.—33.117 р., въ 1881 г.—33.943 р., въ 1882 г.—29.947 р.; по выраженію г. Михайлова (1890 г.) у многихъ мелкихъ золотопромышленниковъ „все дѣло носить характеръ мелочной лавки, а не горнаго промысла“.

¹⁾ См. *Дополненіе XIV*, В.

²⁾ Дѣло горн. депар. отд. частн. золотопром. 1882 г. № 80. См. *Дополненіе XIV*, А. О мѣстѣ закупки и количествѣ припасовъ, закупаемыхъ на пріиски Олекминскаго округа, см. „Памятная книжка Якутской области на 1891 г.“, стр. 118—119.

³⁾ „Восточ. Обзор.“ 1894 г. № 127, стр. 3.

⁴⁾ Арх. Иркут. Горн. Управ. К. 2765, № 37—30, л. 54.

⁵⁾ „Сибирь“ 1887 г. № 7, стр. 45.

⁶⁾ Сообщены Л. Ѳ. Пантелѣевымъ.

Кромѣ присковъ амбаровъ, гдѣ продаются товары для рабочихъ по таксѣ, утвержденной горнымъ исправникомъ, въ Олекминскомъ округѣ на промыслахъ есть нѣсколько магазиновъ, гдѣ продаются товары на наличныя деньги безъ всякой таксы; въ 1881 г. было 3 магазина: два на Бодайбинской резиденціи, отстоящей отъ присковъ 42 версты, и одинъ на Успенскомъ прискѣ К^о Промышленности ¹⁾. Въ 1891 г. былъ еще магазинъ, если не ошибаюсь, на промыслахъ Бодайбинской К^о. Если справедливо извѣстіе газеты „Сибирь“ (1887 г.), магазинъ К^о Промышленности торговалъ тогда на 300 т. р. въ годъ. По словамъ г. Калагеорги (1882 г.), въ нѣкоторыхъ магазинахъ находились и предметы роскоши: пливовыя поддевки, сигары, дамскія ботинки по 21 р. пара, въ которыхъ иногда щеголяли жены рабочихъ. Различіе между магазинами и лавками состоитъ лишь въ томъ, что въ первыхъ продажа производится на наличныя деньги и безъ таксы, а во вторыхъ товары отпускаются въ счетъ заработка.

Въ контрактахъ съ рабочими всегда включались условія относительно ихъ поведенія на промыслахъ ²⁾. Въ договорахъ съ Трапезниковыми 70-хъ годовъ о поведеніи рабочихъ, между прочимъ, сказано: „въ случаѣ какой-либо претензіи артельного голоса не возвышать, а предоставляемъ артельному или избушечному старостѣ заявлять претензіи управленію“. Но постановленія эти, разумѣется, сплошь и рядомъ не соблюдались. О пьянствѣ присковъ рабочихъ мы уже говорили; другимъ серьезнымъ зломъ ихъ жизни была картежная игра. Олекминскій горный исправникъ въ донесеніи генералъ-губернатору (1873 г.) писалъ: столько же, какъ любовь къ водкѣ, „развита и страсть къ картежной игрѣ, за которою, забывая утомительную цѣлодневную работу, рабочій готовъ просидѣть до утренней раскомандировки... Не смотря на строгое преслѣдованіе и на ночныя обходы казакъ по казармамъ, не смотря на отобраніе у игроковъ картъ и де-

¹⁾ Арх. Ирѣ. Горн. Управ. К. 2766, № 37—45, л. 266.

²⁾ Такъ въ договорѣ КК^о Промышленности и Прибрежно-Витимской 1887 г. сказано: „Во время найма, гдѣ бы мы ни находились, т.-е. на прискахъ или резиденціяхъ, обязуемся вести себя честно, трезво, къ промысловому управленію, служащимъ и нарядчикамъ сохранять должную почтительность, отнюдь не пьянствовать, самовольно никуда не отлучаться, не грубить, не упрямствовать, съ ворами и подозрительными людьми связи не имѣть, безъ вѣдома промысловаго управленія и безъ письменныхъ видовъ къ себѣ никого не принимать и въ своемъ помѣщеніи никого не держать, ни въ какія азартныя и запрещенныя игры не играть, въ чемъ и обязываемся слѣдить другъ за другомъ и о виновныхъ доводить до свѣдѣній промысловаго управленія. Спирта или водки при себѣ не имѣть, торговлею оными не заниматься и работъ до срока окончанія сего обязательства ни подъ какими предлогами не оставлять. Виновные въ нарушеніи сего пункта подвергаются штрафу, полицейскому наказанію и взысканію по закону“.

негъ, самыя наказанія мало ихъ удерживаютъ“. Рабочіе проигрываютъ въ карты, часто не имѣя и двухъ перемѣнъ бѣлья ¹⁾. По словамъ корреспондента одной газеты, картежная игра почти постоянно ведется на прискахъ. Есть специалисты, которые только тѣмъ и занимаются, что играютъ въ карты, нанимая за себя на присковыя работы тѣхъ рабочихъ, которые „на льготѣ“, т.-е. пользуются днемъ отдыха ²⁾. Игра усиливается послѣ расчета рабочихъ, такъ какъ тогда у многихъ бываютъ деньги на рукахъ. Когда я находился въ сентябрѣ 1891 г., во время расчета, на Тихоно-Задонскомъ прискѣ Ленскаго Т-ва, туда дошелъ слухъ, что на Унакитское зимовье наѣхали шуллера и уже обобрали рабочихъ на 2000 р., вслѣдствіе чего исправникъ распорядился послать туда казачій кордонъ. Когда я ѣхалъ на баржѣ съ рабочими, на пути изъ Бодайбинской резиденціи до Витима, рабочіе подтрунивали надъ однимъ картежникомъ, выходившимъ изъ тайги съ пустыми руками: это былъ стройный красивый полякъ, любившій не только поиграть въ карты, но и покурить хорошій табакъ. По словамъ г. Кражева, „нерѣдко бываетъ, что, просидѣвъ за картами всю ночь, рабочий, не заснувъ ни минуты, идетъ на работу.... Случается, особенно съ записными игроками, что въ недѣлю приходится спать лишь ночи три, а остальные на-пролѣтъ проиграть въ карты“. При этомъ рабочіе чаще проигрываютъ, чѣмъ выигрываютъ, „такъ какъ обыкновенный партнеръ рабочихъ—„летучка“ не стѣсняется и плутовать, хотя за это иногда приходится выносить жестокіе побои. Слѣдовательно въ результатѣ получается проигрышъ и безсонныя ночи“ ³⁾.

Присковые рабочіе вообще не отличаются бережливостью. Бережливѣе всѣхъ рабочіе изъ крестьянъ; прежде считались бережливыми и якуты, которые выходили всегда съ деньгами, такъ какъ выписывали нужные для себя предметы съ крайнею осторожностью и дозволяли себѣ излишекъ лишь въ маслѣ, до котораго они такіе охотники, что ѣдятъ его даже часто безъ хлѣба; но въ послѣднее время это совершенно измѣнилось, и якуты тратятъ много денегъ на вино и картежную игру: бываютъ такіе случаи, что вечеромъ якутъ имѣетъ паръ 20 оленей, а утромъ идетъ наниматься въ работники ⁴⁾. Поселенцы никогда не придавали значенія деньгамъ и на замѣчанія, что съ лѣтами уходятъ силы, и что подъ старость работа дѣлается труднѣе, отвѣчали, что тогда ихъ прокормить общество, гдѣ они поселены ⁵⁾.

Страстью рабочихъ къ азартной игрѣ и вину нѣкоторые приско-

¹⁾ Арх. Ирк. Гор. Упр. К. 2560, № 130—184, л. 86; 2566 № 206—152, л. 52.

²⁾ „Сибирь“ 1882 г. № 31, стр. 38.

³⁾ „Русская Жизнь“ 1894 г. № 50.

⁴⁾ „Сиб. Вѣстн.“ 1892 г. № 79.

⁵⁾ Арх. Ирк. Гор. Упр. К. 2549, № 126—71, л. 210.

вые служащіе пользовались для того, чтобы устраивать лоттерей, давая вина подписавшемуся на извѣстное число билетов ¹⁾).

Кромѣ вина и картъ, развлеченіями рабочихъ, особенно въ дни общаго отдыха, бываютъ пѣніе, пляска ²⁾; но и въ пѣніи ихъ слышалось сплошь и рядомъ сознаніе своей грустной доли: и здѣсь поютъ присковую пѣсню, приведенную нами въ описаніи промысловъ Енисейскаго округа (см. стр. 208).

При тѣхъ условіяхъ, въ которыхъ жили присковые рабочие, нельзя было предъявлять къ нимъ особенно высокихъ нравственныхъ требованій. Олекминскій горный исправникъ въ отчетѣ за 1873 г. писалъ: „Не легко опредѣлить степень нравственности рабочаго люда на прискахъ, такъ какъ онъ составляется изъ самыхъ разнородныхъ элементовъ. Большинство рабочихъ состоитъ изъ поселенцевъ, порочность которыхъ довела ихъ до ссылки и, конечно, и здѣсь не остается безъ нравственнаго вліянія на другихъ. Развратившіеся въ тюрьмахъ и во время продолжительнаго слѣдованія въ Сибирь, они являются сюда уже все испытавшими, продолжая нерѣдко и здѣсь развивать свои дурныя наклонности. Но и за всѣмъ тѣмъ они имѣютъ свои понятія о нравственности. Артельная жизнь, страхъ подвергнуться насмѣшкамъ со стороны товарищей, а иногда и расправѣ своимъ судомъ, которая бываетъ всегда тяжелѣе полицейскаго исправленія,—вотъ причины, что мошенничество, воровство, обманъ между ними рѣдко имѣютъ мѣсто. Часто ссужаютъ они другъ друга деньгами, и никогда не случается, чтобы занявшій не уплатилъ долга или отперся отъ него. Одинъ общій порокъ—это пьянство, и ему подвержены всѣ рабочіе безъ исключенія.... Для приобрѣтенія водки рабочій ни передъ чѣмъ не останавливается, продавая, за неимѣніемъ денегъ, послѣднюю одежду и забывая о наказаніи, которому долженъ подвергнуться. Рабочій рѣдко пьетъ одинъ; онъ непременно подѣлится съ товарищами; но не долго длится миръ: выпитая лишняя чарка вызываетъ ссору, а отъ нея иногда недалеко и до преступленія“ ³⁾.

Авторъ статьи въ „Сибирскомъ Вѣстникѣ“ даетъ весьма любопытную характеристику присковыхъ рабочихъ: „Сами рабочіе величаютъ себя то *шпанкою*, то *кобылкою*, то *летучкою*, то *каторною*. Последнее изъ этихъ названій не требуетъ комментарій.... Основная группа рабочихъ составляется изъ поселенцевъ, крестьянъ и разнаго мастерового люда различныхъ званій, національности и вѣроисповѣданій. Ее можно раздѣлить на *отчаянныхъ* или присковыхъ *Ивановъ* и забытыхъ.

¹⁾ См. ниже, гл. X.

²⁾ „Сиб. Газ.“ 1882 г. № 31, стр. 750.

³⁾ Арх. Ирк. Горн. Упр. К. 2560, № 130—184, л. 85—86.

изработавшихся, истаскавшихся людей, которые слынутъ подъ именемъ *богадѣльщиковъ, христарѣльниковъ*.

„Иваны—люди полные силъ и жизненнаго задора; они не боятся того, что пойдутъ по міру и пропадутъ съ голода.... Всѣ они представляютъ изъ себя физически здоровыхъ людей и составляютъ для прискоковъ, что называется, бѣду и выручку: при качествахъ хорошаго рабочаго, они умѣютъ, съ другой стороны, и постоять за себя, и не даться въ обиду. Иваны охотно принимаются въ артель рабочихъ, въ виду того, что если они и не въ состояніи будутъ... работать наравнѣ съ другими, то во всякомъ случаѣ съумѣютъ „сочитать“ урокъ и вступить, когда нужно и съ кѣмъ слѣдуетъ, въ объясненія, а иногда проведутъ служащихъ съ такимъ искусствомъ, которое смѣло можно противопоставить физической силѣ товарища изъ крестьянъ. Иваны составляютъ душу всѣхъ прискоковыхъ протестовъ, или, такъ называемыхъ, бунтовъ. Задорная запальчивость, значительная доля страстности въ поступкахъ и словахъ присущи Иванамъ; между ними попадаются иногда люди совершенно изнервованные, а подчасъ и душевно-больные. Благодаря этимъ свойствамъ, они подвергаются частымъ изгнаніямъ съ прискоковъ“. За ними остается неоспоримая заслуга „ходатаевъ за улучшение быта прискоковыхъ рабочихъ. Все, что сдѣлано по настоящее время и хозяевами, и администраціей въ этомъ направленіи, хотя бы, напр., по сравненію съ 50-ми гг. (когда, какъ говорятъ защитники старины, у рабочаго въ шапкѣ черви заводились, и то онъ не смѣлъ разговаривать съ начальствомъ), несомнѣнно вызвано протестами и частыми недовольствами“ Ивановъ, для которыхъ „вольная или казенная каторга большой разницы не представляетъ. Конечно, не мало ихъ и погибло за эти бунты.... Время безпардонной порки рабочихъ на прискокахъ не за горами; порка существуетъ и теперь, но уже не въ такихъ широкихъ размѣрахъ, какъ это было 10—12 лѣтъ тому назадъ. Съ того времени не мало воды утекло, и нравы какъ будто измѣнились къ лучшему. Однако замѣтное смягченіе нравовъ произошло не въ силу гуманныхъ началъ, которыми могли проникнуться наши промышленники и ихъ агенты за этотъ промежутокъ времени. О, нѣтъ! пусть не ошибается читатель: сердца и души этихъ людей до сихъ поръ остаются такими же черствыми, какъ это было 12 лѣтъ назадъ.... Относительная мягкость обращенія вызвана чисто шкурнымъ вопросомъ безопасности передъ частыми бунтами рабочихъ съ одной стороны и недовольствомъ высшей администраціи—съ другой.

„Дальнѣйшая судьба Ивановъ заканчивается метаморфозой ихъ въ типъ богадѣльщиковъ, что естественнымъ образомъ происходитъ вслѣдствіе вѣчнаго скитанія по тайгамъ и исканія насущнаго хлѣба, который они раньше получали очень часто съ прибавкою значительнаго количества сивухи...

„Третью небольшую группу присковъхъ рабочихъ составляютъ, такъ называемые, *смирные*... Эти люди, обыкновенно пришлые изъ волостей, приносятъ съ собою изъ деревни трудолюбіе и честное отношеніе къ дѣлу и обязанностямъ и служатъ опорой всѣхъ расчетовъ нашихъ присковъхъ управленій.... Но увы! кротость новичковъ, ихъ неспорченность продолжается очень не долго. Черезъ годъ, много два, они поразительно измѣняются и становятся неотличимы отъ заправскихъ Ивановъ“ ¹⁾.

Семейные рабочіе, какъ мы уже говорили, помѣщаются въ одной казармѣ съ неженатыми, и женщинъ бываетъ вообще очень мало на промыслахъ, что весьма вредно отражается на нравственности присковъхъ рабочихъ.

„При измѣненіи отношенія между числомъ женатыхъ и холостыхъ развратъ мало-по-малу самъ собою уменьшился бы, а вмѣстѣ съ тѣмъ убавилось бы и число преступленій на прискахъ. Но этого невозможно ожидать при существующихъ порядкахъ... Присковыя управленія ставятъ первымъ условіемъ при наемѣ рабочихъ, чтобы они не приводили съ собою женъ и семействъ. Это дѣлается въ видахъ того, чтобы не затрудняться въ постройкѣ излишнихъ помѣщеній, а также избѣгнуть излишней заготовки съѣстныхъ припасовъ, хотя тѣ же управленія присковъ всегда сознаютъ, что съ женатымъ человѣкомъ дѣло имѣть лучше, чѣмъ съ холостымъ, потому что его можно удобнѣе согнуть въ дугу и заставить быть послушнымъ, но тѣмъ не менѣе наниматели руководствуются только тѣмъ, чтобы нанять съ женами столько человѣкъ, сколько бываетъ нужно женщинъ на прискахъ для домашняго обихода управляющихъ, служащихъ и отчасти рабочихъ. Мѣриломъ со стороны довѣренныхъ по отношенію къ нанимаемымъ женщинамъ бываетъ дородность, молодость и привлекательныя черты, а не какія либо нравственныя качества. На нужды рабочихъ менѣе всего обращается вниманіе, почему нерѣдко бываетъ, что рабочіе изнашиваютъ свое бѣлье безъ стирки, за неимѣніемъ свободныхъ женскихъ рукъ, которыя становятся совершенно недоступными для нихъ по своей высокой цѣнѣ; иногда бываетъ, что рабочіе стираютъ бѣлье сами.

„Отсутствіе женщинъ на прискахъ,—или того еще хуже, крайне незначительное ихъ число, рассчитанное только для служащихъ лицъ, производитъ деморализующее вліяніе на прискахъ. Искусственный celibатъ рабочихъ въ продолженіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ дѣлаетъ то, что, вырвавшись съ присковъ, они необузданно предаются страстямъ: впадаютъ въ развратъ. Извѣстна всѣмъ характеристика золотопромышленныхъ рабочихъ, какъ населенія развращеннаго, распутнаго. Но надо обратить вниманіе, отъ чего это происходитъ ²⁾, какими лишениями съ одной стороны на прискахъ и соблазнами съ другой, по выходѣ съ присковъ, окруженъ рабочій... Развратъ рабочихъ является гибелью для нихъ самихъ, рабочіе соперничаютъ, ведутъ борьбу изъ-за одиночныхъ женщинъ, допущенныхъ на приски... Женщина, въ свою очередь, окруженная соблазнами, те-

¹⁾ „Сибир. Сборн.“ 1889 г., вып. 2, стр. 52—55, 59—60.

²⁾ „Приски отличаются развитіемъ противоестественныхъ пороковъ, свойственныхъ тому положенію, гдѣ находятся одни мужчины“. Сравни случай изнасилованія рабочимъ двухлѣтнаго мальчика. „Восточ. Об.“ 1895 г. № 147.

ряеть честь, совѣсть. Прински изъ женщины дѣлають жертву темперамента рабочаго и развращають ее въ конецъ. Изъ-за одинокой женщины совершаются ссоры, драки, преступленія; женщина, идущая съ рабочими съ принска, раздѣляетъ ихъ безпутную жизнь и ничѣмъ не отличается отъ нихъ въ развратѣ; у принсковой женщины вѣсколько любовниковъ... По возвращеніи съ принсковъ женщина, ушедшая на прински отъ мужа, потерявъ для семьи, какъ и мужчина. Все это происходитъ отъ того, что рабочій лишень возможности перевести сюда свою семью... Только полное пренебреженіе нуждами, грубое и негуманное отношеніе къ положенію принсковаго рабочаго могло создать такое запрещеніе для нихъ¹⁾.

Нѣкоторые рабочіе, правда, получаютъ позволеніе привести свою жену, но далеко не всѣ, этого желающіе. Въ 1891 г., во время осенняго пайма рабочихъ, КК^о Промышленности и Прибрежно-Витимская вовсе не нанимали женатыхъ, находя, что на принскахъ уже довольно женщинъ, между тѣмъ въ 80-хъ гг. на промыслахъ Олекминскаго округа было всего женщинъ отъ 8 до 11% принсковаго населенія.

Ужасное положеніе женщины на промыслахъ доходитъ до того, что ее иногда „проигрываютъ въ карты, уступаютъ одинъ другому по особому договору“. Въ тайгѣ есть обычай подъ названіемъ „помочи“, который заключается въ томъ, что артель рабочихъ, желая наказать какую-либо женщину, преимущественно болѣе легкаго поведенія, заводитъ ее въ болѣе отдаленное мѣсто, по очереди насилуетъ, замучиваетъ ее, и она умираетъ отъ непосильныхъ страданій²⁾. Считаю, однако, своимъ долгомъ прибавить, что, по свидѣтельству нѣкоторыхъ интеллигентныхъ лицъ, живущихъ на промыслахъ, дурная репутація принсковыхъ женщинъ слишкомъ преувеличена, что нѣкоторыя изъ нихъ остаются вѣрными мужьямъ, хотя весьма трудно соблюсти вѣрность тамъ, гдѣ на 10 здоровыхъ мужчинъ приходится одна женщина, гдѣ большинство служащихъ также холостые (домъ для холостыхъ служащихъ на промыслахъ носитъ иногда характерное названіе „кадетскаго корпуса“).

Условія принсковой жизни и особенно помѣщеніе женатыхъ и холостыхъ рабочихъ въ одной казармѣ вредно отражаются на нравственности ихъ дѣтей. Они рано начинаютъ понимать все, приучаются пить водку, курить табакъ и даже развратничать. Рабочіе весьма легкомысленно приучаютъ дѣтей къ вину, отчасти не понимая, какъ это вредно. „Случается, что принсковый мальчикъ въ 12 лѣтъ уже курить табакъ; онъ свободно пьетъ за одинъ взмахъ шкаликъ водки и распознаетъ въ ней вкусъ; онъ искусно промываетъ золото на лоткахъ, крадетъ золото и играетъ въ карты не хуже взрослого рабочаго. Въ эти годы онъ

¹⁾ „Сиб. Сборн.“ 1889 г., вып. I, стр. 23, 25.

²⁾ „Сибирь“ 1878 г. № 38; „Сиб. Сборн.“ 1889 г., вып. 1, стр. 25; „Сиб. Вѣст.“ 1892 г. № 79; *Кряжевъ* въ „Русск. Жизни“ 1894 г. № 50; записка г. Михайлова.

умѣть ругаться самой утонченной площадной бранью и не прочь похвастаться передъ своими товарищами любовными похождениями. Конечно, не отстаютъ отъ мальчиковъ и дѣвочки, для которыхъ присковый омутъ оказывается еще убійственнѣе по свойству ихъ пола и недостатку вообще женщинъ на прискахъ ¹⁾). Намъ приходилось наблюдать, какъ родители радуются, когда ихъ дѣти добываютъ много золота и денегъ, не взирая на то, какими путями приобрѣтаются они. Безобразіе отцовъ и матерей иногда доходитъ до того, что они прямо отбираютъ все, что видятъ у дѣтей, и, конечно, совокупно или порознь пропиваютъ. Подобные родители не стыдятся удерживать дѣтей дома и не пускаютъ ихъ въ школу, посылая въ разрывъ на старанье. Съ невыразимымъ нахальствомъ эти люди требуютъ отъ своихъ малолѣтнихъ дѣтей повиновенія и возврата средствъ, потраченныхъ на ихъ воспитаніе! ²⁾).

Возвращаясь на баржѣ съ присковыми рабочими съ олекминскихъ промысловъ, я видѣлъ не мало дѣтей, весьма бойкихъ и развитыхъ: сами рабочіе въ шутку называютъ ихъ „прискателями“ и „прискательниками“ и вообще весьма любовно относятся даже къ чужимъ дѣтямъ.

Каковы бы ни были отрицательныя стороны присковыхъ рабочихъ, въ нихъ есть и свои достоинства. Есть вещи, противъ которыхъ не можетъ устоять присковый рабочій—это золото и вино,—ихъ нельзя класть плохо, но въ другихъ отношеніяхъ мѣстные наблюдатели свидѣтельствуютъ о честности рабочихъ (о возвращеніи найденныхъ денегъ), о деликатности относительно тѣхъ служащихъ, которые хорошо обращаются съ ними ³⁾, о щедрости относительно нуждающихся. Во время голода 1891 г. въ Европейской Россіи на промыслахъ Ленскаго Т-ва было собрано болѣе 2000 р. въ пользу голодающихъ, и, кромѣ того, всѣ служащіе и громадное большинство рабочихъ изъявили желаніе жертвовать въ теченіе всей операціи 1891—92 г. по 2 коп. съ рубля жалованья или заработной платы ⁴⁾). Но въ то же время они недовѣрчиво относятся къ нѣкоторымъ сборамъ, инициатива которыхъ принадлежитъ золотопромышленникамъ. Такъ, мы слышали, что въ 1891 г. между олекминскими золотопромышленниками была мысль собрать капиталъ на вспомошествованіе больнымъ и увѣчнымъ рабочимъ, привлечь къ подпискѣ самихъ рабочихъ и поднести этотъ капиталъ одному высокопоставленному лицу; но рабочіе отнеслись къ этому пред-

¹⁾ Бываютъ случаи, что забеременѣваютъ 12-лѣтнія дѣвочки. „Сибирь“ 1884 г. № 13, стр. 7.

²⁾ „Сиб. Сбор.“ 1889 г., вып. 2-й, стр. 27 — 28; ср. О. О. „Sibirische Briefe“, 114 — 115.

³⁾ См. ст. *Кряжева* въ „Русской Жиз.“ 1894 г. № 44.

⁴⁾ „Вост. Об.“ 1892 г. № 3 стр. 7; „Вѣст. Золот.“ 1895 г. стр. 127.

ложению несочувственно, а между тѣмъ въ пользу голодающихъ въ 1891—92 гг. они охотно жертвовали 2% своего заработка.

Чтобы покончить съ вопросомъ о нравственности прискоковыхъ рабочихъ, укажемъ на количество преступлений на Олекминскихъ прискахъ по официальнымъ даннымъ. Въ продолженіе 14 лѣтъ (1873 и 1875—1887 гг.) на прискахъ Олекминскаго округа произошло 71 убійство (не считая 51 найденнаго мертвца тѣла и 3 безъ вѣсти пропавшихъ), 12 покушеній на убійство и 72 случая нанесенія ранъ ¹⁾.

Въ числѣ гигиеническихъ условий, вредно отзывающихся на рабочихъ, первое мѣсто занимаетъ чрезмѣрная продолжительность труда и недостаточное количество дней отдыха. Въ то время, какъ въ Енисейскомъ округѣ, особенно сѣверной его системѣ, подземныя работы менѣе распространены, въ Олекминскомъ округѣ онѣ встрѣчаются очень часто, и потому, во-первыхъ, средняя продолжительность операций болѣе, а, во-вторыхъ, работа подъ землею менѣе здорова, чѣмъ на открытомъ воздухѣ. При этихъ условіяхъ особенно важно было бы для работы пользоваться достаточнымъ количествомъ отдыха въ праздники и льготные дни, но воскресенья на прискахъ не праздновались; что же касается праздниковъ и льготныхъ дней, то относительно нихъ мы находимъ въ договорахъ съ рабочими слѣдующія постановленія.

Олекминскій исправникъ въ донесеніи 1872 г. говоритъ, что лишь съ операциіи 1870—71 г. „стали появляться въ контрактахъ праздничные дни“, въ которые рабочіе освобождались отъ работы ²⁾. Дѣйствительно въ договорѣ К^о Промышленности 1870 г. мы не находимъ еще относительно праздниковъ *никакого условія*, въ контрактахъ же этой К^о 1874, 78 и 83 гг. сказано, что рабочіе должны праздновать въ зимнее время: въ сентябрѣ послѣ разчета три дня, въ октябрѣ и ноябрѣ по 2 дня, въ декабрѣ 3 дня, въ январѣ, февралѣ и мартѣ по 2 дня, въ апрѣлѣ 3 дня со включеніемъ дней Пасхи; „всѣ эти дни должны быть зачтены намъ за льготные и отдыхи, и особо иныхъ требовать мы не должны. Съ мая же мѣсяца по 10 сентября для отдыха и льготы табельныхъ и праздничныхъ дней“ рабочимъ обязательно не предоставлялось, а каждый мѣсяцъ слѣдовало увольнять ихъ отъ работъ на 2 дня, и то не всѣхъ заразъ, а поочередно, по назначенію управленія. Такимъ образомъ, во весь годъ рабочіе имѣли только 27 дней отдыха. Въ договорѣ съ тою же К^о 1887 г. были прямо назначены числа, въ которыя приходились праздники, а именно, съ 10 сентября по 1 мая 18 дней, въ томъ числѣ въ сентябрѣ 3 дня послѣ разчета, но въ дѣйствительности давали 5 дней и затѣмъ съ 1 мая по 10 сентября по 2 дня отдыха въ мѣсяцъ: такимъ образомъ, по договору назначено 27, въ дѣйствительности же бывало 29—30 дней, но все-таки, очевидно, рабочіе имѣли отдыхъ въ крайне недостаточномъ количествѣ ³⁾. По договору Трапезниковыхъ 70-хъ и 80-хъ гг. было назначено еще

¹⁾ См. табл. въ *Дополненіи* XV.

²⁾ Арх. Ирк. Горн. Управ. К. 2549 № 126—71, л. 467.

³⁾ Г. Стрижевъ считалъ (въ запискѣ 1887 г.) наиболѣе обычнымъ на прискахъ 30-дневный отдыхъ, а ленскій горн. инженеръ въ отчетѣ 1889 г. — 27-дневный. Канп. Ирк. Горн. Упр., дѣло № 39, л. 212.

менѣ, а именно, 23 праздника (въ томъ числѣ въ маѣ, іюлѣ и іюлѣ рабочіе должны были отдыхать поочередно по 2 дня въ мѣсяцъ—одинъ будній, другой праздничный день, а въ августѣ 1 будній день). Въ договорѣ Базилевскаго 1876 г. указано было 10 праздничныхъ дней, и сверхъ того предоставлялось каждому рабочему попеременно, а по желанію управленія и всѣмъ вмѣстѣ, по 2 дня въ мѣсяцъ безъ вычета за то содержанія; слѣдовательно, всего рабочимъ предоставлялось 34 дня отдыха, въ остальные же затѣмъ праздники и воскресенья рабочіе должны были работать какъ и въ будни; за льготные же дни сверхъ назначенныхъ присковое управленіе могло вычитать за содержаніе рабочаго по 60 к. за каждый день. Если у кого либо изъ рабочихъ будетъ болѣе двухъ „больныхъ“ дней въ мѣсяцъ, то такіе причислялись за льготные дни безъ вычета за содержаніе, но съ потерей права на назначенные 2 льготныхъ дня. По договору Базилевскаго 1878 г. въ тѣ мѣсяцы, когда бываетъ Пасха, Рождество и масленица, полагалось по одному дню отдыха (вмѣсто двухъ), слѣдовательно вмѣсто 34 былъ назначенъ 31 день отдыха. По договорамъ Базилевскаго 1880 г. вычетъ рабочихъ за лишніе льготные дни съ 60 к. повышенъ до 70 к. По договорамъ Ленскаго Т-ва 1883 и 90 гг. назначено 29 дней отдыха (въ томъ числѣ съ 1-го мая по 1 сентября ежемѣсячно по два дня отдыха по очереди и 5 дней съ 10-го сентября); по договору этого Т-ва 1891 г. число праздниковъ уменьшено до 28, а по договору 1894 г. повышено до 31, кромѣ того прибавлено: „по усмотрѣнію управленія очередные отдыхи могутъ быть замѣнены общими. Люди магометанскаго вѣроисповѣданія, взамѣнъ положенныхъ по условію общихъ и очередныхъ отдыховъ, могутъ по разрѣшенію управленія имѣть отдыхи въ дни своихъ праздниковъ“; но только, если отработаютъ соотвѣтственное число дней въ христіанскіе праздники¹⁾. По договору съ Малопатомскимъ Т-вомъ 1880 г. назначено 32 праздничныхъ дня²⁾. По договорамъ съ Плетухиномъ 1886 и 89 гг. хозяинъ, по своему усмотрѣнію, могъ устроить работы четырьмя различными способами; относительно двухъ изъ нихъ прямо сказано, что при нихъ никакихъ дней отдыха не полагается, „а желающій пользоваться таковымъ, и то не иначе, какъ съ согласія управленія, платитъ за содержаніе по 90 к. въ день“; при двухъ другихъ способахъ назначено во все лѣто (у Плетухина только лѣтнія работы) всего два дня отдыха въ августѣ мѣсяцѣ.

Наиболѣе распространеннымъ обычаемъ былъ отдыхъ въ теченіе лѣтней операціи два раза въ мѣсяцъ³⁾. Зимой до начала промывки песковъ дни отдыха назначались преимущественно въ большіе праздники, и рабочіе отдыхали тогда всей компаніей: это называлось „общіе отдыхи“; лѣтомъ же, съ начала промывки, рабочіе праздновали два раза въ мѣсяцъ, но уже поочередно, небольшими артелями, чтобы не было остановки въ работахъ.

¹⁾ Въ договорѣ Ленскаго Т-ва 1894 г. находимъ еще слѣдующія оговорки: 1) если бы въ дни, опредѣленные для отдыха, была назначена работа, то отдыхъ дается позднѣе по усмотрѣнію управленія. 2) Во время весенней промывки на промыслахъ, не обезпеченныхъ все лѣто водою, отдыхи даются лишь по окончаніи этой промывки.

²⁾ Дни, проведенные въ больницѣ, засчитываются по этому договору въ тотъ же мѣсяцъ за льготные дни безъ вычета за содержаніе, и просить отдыха въ эги мѣсяцы уже не дозволялось. По договору Чаринскаго Т-ва 1880 г.—24 праздничныхъ дня, а Аканахъ-Накатаминскаго Т-ва 1886 г.—28 дней. Въ проектѣ нормальнаго контракта Вияникова 1884 г. назначено 27 праздничныхъ дней.

³⁾ Арх. Витим. Испр., отчетъ за 1879 г.

Понятно, что такого количества дней отдыха было недостаточно, какъ это подтверждается и свидѣтельствами мѣстныхъ наблюдателей. Олекминскій горный исправникъ въ 1872 г. писалъ: нѣкоторые рабочіе, обезсилѣвъ отъ работы, идутъ въ больницы вмѣсто того, чтобы отдохнуть, „въ чемъ имъ нерѣдко отказываютъ, такъ какъ дни отдыха обусловлены контрактомъ. Не разъ случалось мнѣ разбирать“ жалобы на „такихъ мнимыхъ ослушниковъ и оканчивать дѣло приказаніемъ дать непризнаннымъ фельдшерами за больныхъ день отдыха, послѣ котораго безпрекословно шли они опять на работу. Гдѣ промысловыя управленія обращаются человѣчно и справедливо, снисходятъ къ проступкамъ недоразумѣнія или превратнаго пониманія, тамъ и дѣлъ возникаетъ менѣе, и работа идетъ успѣшнѣе“. Упомянувъ о случаяхъ невыхода на работу рабочихъ К^о Трапезниковыхъ, тотъ же исправникъ говоритъ, что случаи уклоненія отъ работъ передъ 10-мъ числомъ сентября бывали и въ прежніе годы, и это объясняется частью и тѣмъ, что силы рабочихъ къ концу операціи совершенно истощены. „На прискахъ Базанова уже не часть, а всѣ рабочіе, ссылаясь на то, что 8 сентября день праздничный, не вышли было на работу, но при первомъ появленіи полк. Купенкова, которому дано было объ этомъ знать, казармы мгновенно опустѣли, и работа пошла, какъ въ будни. Пріѣхавъ въ этотъ день на приски“, продолжаетъ исправникъ, „я доискивался, кто первый изъ нихъ затѣялъ эту выходку, и какая была причина общей стачки. Отвѣчали, что зачинщиковъ среди нихъ нѣтъ, что они совершенно выбились изъ силъ, что день этотъ большой праздникъ“ ¹⁾. Вѣроятно, вслѣдствіе этого донесенія якутскій губернаторъ предписалъ исправнику наблюдать, чтобы „тѣмъ изъ рабочихъ, которые по старости лѣтъ или слабости здоровья придуть въ изнеможеніе и не въ силахъ будутъ работать, давать дни отдыха, хотя бы они и не были обусловлены въ контрактахъ“, и чтобы при заключеніи контрактовъ въ нихъ непременно было включено условіе о праздничныхъ дняхъ, въ которые рабочіе не должны были бы работать ²⁾. Въ 1893—94 г. въ Ленскомъ Т-вѣ по совѣщаніи съ рабочими былъ устроенъ пріютъ для отдыха, гдѣ утомленные рабочіе могли бы отдыхать 2—3 недѣли, получая полное содержаніе. На это была употреблена часть штрафныхъ денегъ, а также пожертвованія рабочихъ и сборъ съ благотвори- тельнаго спектакля ³⁾.

Въ объясненіе того, что лѣтомъ даются рабочимъ не общіе празд-

¹⁾ Арх. Иркут. Горн. Управ. К. 2549, № 126 — 71, л. 462, 466 об. О ходатайствѣ 1880 г. иркутскаго архіерея Веніаміна объ установленіи обязательныхъ воскресныхъ отпусковъ, не получившемъ удовлетворенія, см. гл. II.

²⁾ Арх. Иркут. Горн. Управ. К. 2544, № 48—103, л. 202 об.

³⁾ „Вѣстн. Золот.“ 1895 г., стр. 128, 1896 г., стр. 209.

ники, а льготные дни по очереди, управляющіе обыкновенно говорят, что если уволить отъ работъ всю команду заразъ, то они всё перепьются, и тогда съ ними не справиться ¹⁾; но г. Карпинскій, бывшій начальникъ иркутскаго горнаго управленія, возражая противъ этого, указываетъ, что управляющій Базилевскаго „въ день коронаціи, 15-го мая, прекратилъ всѣ работы, устроилъ рабочимъ праздникъ, угостилъ ихъ водкой, и никакого безпорядка не произошло, и на другой день всѣ вышли на работы, а пьяными оказались только приставленные для присмотра за рабочими казаки“ ²⁾. Въ Ленскомъ Т-вѣ въ 90-хъ гг. очередные отдыхи лѣтомъ были замѣнены общими въ церковные и царскіе праздники, и главноуправляющій присками держится того мнѣнія, что, нѣсколько усиливъ суточную промывку, можно нагнать время, потерянное въ праздники, и рекомендуетъ не только замѣнить очередные отдыхи двумя общими въ каждый мѣсяцъ, но добавить еще два дня отдыха въ виду трудности горныхъ присковыхъ работъ ³⁾.

Понятно, что, не имѣя достаточнаго отдыха, изнеможенные рабочіе иногда уклонялись отъ работы, хотя и подвергались за это штрафу.

Кромѣ чрезмѣрной продолжительности труда и недостаточности отдыха, работы въ Олекминской тайгѣ представляли и другія антигигиеническія условія. Слѣдователь по дѣлу о волненіи въ 1876 г. на одномъ изъ присковъ К^о Базанова, подполк. Грамотинъ, говоритъ: „въ ортахъ въ минувшую зимнюю операцію работы, за недостаткомъ свѣтъ, освѣщались зажженной соломой“, вслѣдствіе чего „сильная копотъ, издаваемая ею при горѣніи, вредно вліяла на дыхательные органы работавшихъ въ ортѣ, такъ что, спустя даже 2 недѣли послѣ выхода съ этихъ работъ, рабочіе выплевывали при откашливаніи черную слюну; рабочіе и служащіе, находясь въ ортахъ, покрывались толстымъ слоемъ сажи“. Правда Базановъ въ письмѣ къ генераль-губернатору увѣрялъ, что это былъ только опытъ освѣщенія „съ участіемъ смолистыхъ веществъ“, который оказался неудачнымъ, и освѣщеніе производится свѣчами ⁴⁾. Однако и позднѣе освѣщеніе въ штольняхъ присковъ К^о Промышленности и Прибрежно-Витимской производилось не свѣчами, а жиромъ, и, по словамъ мѣстнаго доктора, г. Рабиновича, оно очень неблагоприятно отзывалось на здоровьѣ рабочихъ, такъ какъ продукты горѣнія вредно вліяли на ихъ горло и легкія ⁵⁾.

¹⁾ Противъ общихъ отдыховъ высказывается и г. Стрижевъ въ запискѣ 1887 г.

²⁾ „Извѣст. Вост. Сибир. Отд. Геогр. Общ.“ 1886 г., т. XVII, № 3—4.

³⁾ „Вѣсти. Золотопр.“ 1895 г. № 7, стр. 127.

⁴⁾ Арх. Иркут. Горн. Управ. К. 2578, № 215—269, л. 20, 29.

⁵⁾ По контракту Ленскаго Т-ва 1894 г. на счетъ присковаго управленія освѣщаются только главные откатные пути въ выработкахъ; до нихъ забойщики употребляютъ бленды со своими свѣчами, если разстояніе до главнаго отводнаго пути не превышаетъ 15 саж.

Вслѣдствіе оттаиванія мерзлой земли въ штольняхъ рабочіе гибли иной разъ отъ угара: такъ въ апрѣлѣ 1879 г. погибли вслѣдствіе этого двое рабочихъ на Николае-Иннокентіевскомъ присѣкѣ К^о Перевадова и Борисова. „Такіе печальные факты“, по словамъ корреспондента мѣстной газеты, „весьма нерѣдки въ промысловой жизни. Главныя причины: плохая вентиляція, неосторожность зрителей и очень часто безчеловѣчное требованіе воротилъ „не терять времени“. Обычай заpirать шахты въ свободное отъ работъ время практикуется далеко не на всѣхъ присѣкахъ“, а между тѣмъ „многіе изъ усердныхъ рабочихъ имѣютъ привычку приходить ранѣе опредѣленнаго времени на работу и нерѣдко подвергаются опасности умереть отъ угара“ ¹⁾.

Вотъ что доносилъ въ 1875 г. якутскій областной медицинскій инспекторъ Проскуряковъ якутскому губернатору о санитарныхъ условіяхъ одного изъ олекинскихъ промысловъ: Святителя-Иннокентіевскій присѣкъ бар. Гинцбурга, находящійся на р. Атырканы-Бириваны, съ 250 рабочими, „расположенъ въ глубокой ложбинѣ на тундристой и болотистой почвѣ, окруженной съ обѣихъ сторонъ высокими гольцами (горы, вершины которыхъ болѣею частью въ теченіе лѣта покрыты снѣгомъ); трудныя и тяжелыя работы въ глубокихъ шахтахъ и отсутствіе наблюденія при производствѣ этихъ работъ“ и несоблюденіе „основныхъ правилъ гигиены... производятъ громадное число заболѣваній и травматическихъ поврежденій“. Упомянувъ о цынгѣ, какъ слѣдствіи дурного питанія рабочихъ, Проскуряковъ продолжаетъ: „При одинаковыхъ условіяхъ питанія, къ заболѣванію расположены тѣ рабочіе, которымъ приходится работать въ сырыхъ мѣстахъ, гдѣ въ непродолжительное теплое время года вскрывается масса торфовъ, а еще болѣе которымъ доводится работать въ тѣсныхъ, душныхъ, дурно провѣтриваемыхъ и угарныхъ шахтахъ“. Проскуряковъ указываетъ также на отсутствіе „врача, по указанію котораго можно было бы своевременно отдѣлять людей слабыхъ и распредѣлять рабочихъ по работамъ по состоянію ихъ здоровья. Въ нѣкоторыхъ шахтахъ иногда работаютъ до 35 чел., воздухъ бываетъ невыносимо тяжелъ, вслѣдствіе крайней сырости, множества частицъ угля, недостатка кислорода, избытка окиси углерода и угольной кислоты по причинѣ отсутствія всякихъ приспособленій къ искусственной вентиляціи; на глубинѣ 150 четвертей и при случающихся навалахъ земли производятъ огромное количество пыли, окиси углерода и другихъ вредныхъ для организма газовъ. Нерѣдко случается, что въ теплое и сырое время въ такихъ шахтахъ нѣтъ возможности работать по цѣлымъ днямъ“. Въ числѣ другихъ мѣръ, необходимыхъ для улучшенія здоровья рабочихъ, Проскуряковъ считалъ необходимыми устройство въ шахтахъ „правильной искусственной вентиляціи“, тщательную очистку жилищъ и самого присѣка отъ всякихъ нечистотъ и, если возможно, осушеніе почвы въ окрестностяхъ присѣка, такъ какъ теперь „почва подъ жилищами содержитъ много воды, протекающей съ высокихъ горъ“ ²⁾. Генералъ-губернаторъ обратилъ вниманіе на факты, замѣченные Проскуряковымъ, и вслѣдствіе его предписанія окружной инженеръ Олекминскаго округа просилъ мѣстнаго горнаго исправника объявить всѣмъ управлѣющимъ К^о, чтобы они приняли мѣры для лучшей вентиляціи воздуха въ

¹⁾ „Сибирь“ 1879 г. № 21, ср. 1885 г. № 45, стр. 14.

²⁾ Арх. Витим. Горн. Испр. 1875 г. № 20, л. 4, 6.

рудникахъ, „располагая извѣстное число люфтиховъ въ необходимыхъ для того мѣстахъ, ставили бы желѣзныя съ высокими трубами печи или употребляли бы для вытягиванія рудничнаго воздуха вентиляторы и, въ предупрежденіе случаевъ угара, принимали бы мѣры предосторожности, опубликованныя въ № 67 „Иркут. Губерн. Вѣдом.“ за 1871 г.; а также чтобы во всѣхъ внутреннихъ работахъ была непременно употреблена надежная крѣзь, смотря по расположенію пласта россыпи и пустой породы, совершенно достаточная для безопасности работающихъ, лѣстница въ шахтахъ располагалась бы удобно и была бы достаточной плоскости, шахты для подъема песковъ были бы достаточной прочности и бадьи или ящики прикрѣплялись бы прочно“ ¹⁾.

По словамъ Проскуракова, „долгое пребываніе рабочихъ въ испорченной атмосферѣ дурно провѣтриваемыхъ, сырыхъ и угарныхъ шахтъ располагаетъ къ слѣдующимъ болѣзнямъ: малокровію, блѣдной немочи, цыннгъ, страданію глазъ, страданію грудныхъ органовъ, легкихъ и сердца и къ медленному (хроническому) отравленію окисью углерода и угольной кислотой, за которыми развивается жировое перерожденіе сердца и медленная, но вѣрная смерть“ ²⁾. Зимой 1874—75 гг. была эпидемія оспы.

По словамъ доктора Маліева, первое мѣсто въ ряду болѣзней, господствовавшихъ между рабочими въ концѣ 70-хъ гг., занимала цынга. „Картина скорбута (цынги) чаще всего такая: опуханіе голеностопнаго сочлененія, кровоизліяніе въ подкожную ямку, сведеніе колѣна, мелкія пятна на кожѣ ногъ и сильная опухоль десенъ, кровоточивость ихъ, разрыхленіе. Бываютъ и другія формы: развивается опухоль цынготнаго характера на мѣстѣ ушиба—на тылѣ руки..., на бедрѣ и т. п. Всѣ наружныя болѣзни, подъ влияніемъ скорбутнаго худосочія, видоизмѣняются: раны, прежде зажившія, расползаются, края ихъ опухаютъ и т. д.: я наблюдалъ также кровоизліяніе въ полость плевры. Случаи смерти отъ скорбута рѣдки, но бываютъ; смерть наступаетъ при явленіяхъ сильнѣйшаго истощенія организма, при потерѣ аппетита, сильныхъ болахъ конечностей и т. д. или съ симптомами заболѣванія органовъ груди. Иной разъ послѣ цынготныхъ опухолей остаются контрактуры, атрофія мышцъ. Громадное большинство выздоравливаетъ совершенно въ 2—3 недѣли; очень немногіе требуютъ для своего лѣченія 2—3, 4 и болѣе мѣсяцевъ. Обыкновенно такіе больные просятъ, чтобы ихъ отправили на Лену или на Витимъ, въ больницы присковскихъ

¹⁾ Арх. Иркут. Горн. Управ. К. 2566, № 218—164, л. 37.

²⁾ Аврамовъ въ своей книгѣ говоритъ, что, „по словамъ присковскихъ медиковъ, въ Олекмѣ, послѣ цынги... наиболѣе часто встрѣчаются болѣзни сердца“ (124 стр.). Это подтверждаетъ наблюденіе д-ра Крутовскаго. Цынготныя болѣзни, какъ мы слышали на прискахъ отъ мѣстнаго доктора, начинаются съ марта и продолжаются до іюня. Онѣ поддаются излѣченію при хорошемъ питаніи и уходѣ. Цынга до сихъ поръ представляетъ довольно распространенную болѣзнь. „Восточ. Обзор.“ 1894 г. № 129.

резиденцій; тамъ, говорятъ они, мы скорѣе поправимся, тамъ „воздухъ легче“, и дѣйствительно выздоравливаютъ быстро. Послѣ цынги самыя обыкновенныя болѣзни, чаще всего встрѣчающіяся: ушибы, ревматизмы, катарры дыхательныхъ вѣтвей. „При рабочей командѣ отъ 2 до 3¹/₂ тыс. въ 1876, 77 и 79 гг. было: въ 1876 г. изъ 1623 заболѣвшихъ—случаевъ ушиба 207, ревматизма 122, цынги 254; въ 1877 г. изъ 2953 заболѣвшихъ—случаевъ ушиба 431, ревматизма 168, цынги 398; въ 1879 г. изъ 2537 всѣхъ заболѣвшихъ—случаевъ ушиба 394, ревматизма 152, цынги 265. Такимъ образомъ ушибы составляли 13—16⁰/₀, ревматизмъ 5—7⁰/₀ и цынга 10—16⁰/₀ заболѣваній. „Кромѣ того довольно значительное число пользовалось амбулаторно, при чемъ большинство изъ нихъ страдало ревматизмомъ и въ лѣтніе мѣсяцы цынгой; между ними былъ нѣкоторый процентъ притворно больныхъ, захотѣвшихъ отдохнуть денекъ-другой. Число используемыхъ на ходу среднимъ числомъ равно половинѣ числа лежащихъ въ больницѣ“ ¹⁾).

По отчету горнаго исправника Олекминской и Витимской системъ за 1885 г. „господствующими болѣзнями въ обѣихъ системахъ были: ушибы и раны, ревматизмъ и ломота, поясничныя боли, цынга и лихорадка. Ушибы и раны были преимущественно пальцевъ рукъ и ногъ, иногда головы и туловища камнями изъ забоевъ, таратайками, лошадьми и паденіемъ въ пьяномъ видѣ; ревматизмомъ, ломотами и поясничными болями страдали преимущественно рабочіе отъ ежедневнаго спуска и подъема въ шахту по лѣстницамъ и отъ работъ въ наклонномъ положеніи. Цынга, собственно говоря, появлялась только на рабочихъ, поступившихъ истощенными и мало привыкшихъ къ горнымъ работамъ. Лихорадки появляются преимущественно весною при разлитіи горныхъ рѣчекъ, омывающихъ разныя нечистоты; отчасти онѣ являются во время лѣтнихъ жаровъ и обильныхъ дождей“ ²⁾).

Зимой 1891—92 г. на Олекминскихъ промыслахъ, какъ и во всей Сибири, свирѣпствовала инфлюэнца. „Усиленная смертность“ между рабочими, говоритъ д-ръ Рабиновичъ, „объясняется тяжелыми климатическими условіями тайги вообще, весьма суровой зимой 1891—92 г., предварительной надорванностью здоровья таежнаго рабочаго, запусканіемъ болѣзани до-нельзя и не менѣе тяжелыми условіями подземныхъ присковокъ работъ при несовсѣмъ правильномъ образѣ жизни и полной небрежности по отношенію къ одеждѣ“ ³⁾).

¹⁾ „Сборн. соч. по судебн. медик.“ 1881 г. т. III, 107, 109—110.

²⁾ Арх. Иркут. Горн. Управ. К. 2772, № 135—124, л. 194 об. Справ. отчетъ врача Ленскаго Т-ва 1894—95 гг. въ „Вѣст. Золот.“ 1896 г. № 10, стр. 208 (изъ 907 стационарныхъ больныхъ—только 13 цынгой).

³⁾ „Восточ. Обзор.“ 1892 г. № 33, стр. 7.

Въ 1875 г. среди населенія приленскаго края и Якутской области было замѣчено значительное распространеніе сифилиса. „Для изслѣдованія и сокращенія“ этой болѣзни былъ командированъ по распоряженію министра внутреннихъ дѣлъ дѣйст. стат. совѣт. Августиновичъ. Онъ заявилъ иркутскому губернатору и генералъ-губернатору Восточной Сибири, что болѣзнь эта распространяется между жителями приленскаго края приисковыми рабочими, „въ большинствѣ случаевъ между женщинами въ приисковыхъ больницахъ и нерѣдко высаживаемыми на берегъ Лены въ селѣ Витимѣ съ пароходовъ, несмотря на тяжкія страданія, болѣзнями рабочими, которые неоднократно умирали при волостномъ правленіи“. Вслѣдствіе этого иркутскій губернаторъ по предложенію генералъ-губернатора поручилъ олекминскому горному исправнику „предложить всѣмъ золотопромышленникамъ рабочихъ, зараженныхъ сифилисомъ и вообще прилипчивыми болѣзнями, оставлять на излѣченіе въ приисковыхъ больницахъ до совершеннаго выздоровленія, а не высылать съ промысловъ больными“. Горный исправникъ отвѣчалъ, что г. Августиновичъ не убѣдился „на мѣстѣ и воочію, какъ бы слѣдовало, въ степени распространенія сифилиса на промыслахъ“, не изслѣдовалъ „корень зла на мѣстѣ и основалъ свои предположенія... вѣроятно на слухахъ и разсказахъ жителей с. Витима. Изъ свѣдѣній, доставленныхъ врачами Стояновымъ, видно, что на промыслахъ Ленскаго Т-ва, Базилевскаго, К^о Арендаторовъ, Гинцбурга, Переяславцевой, Малопатомскаго Т-ва и на промыслахъ Катыхшецевой съ 1-го мая 1872 г. по 30 апрѣля 1875 г., т.-е. за три года, на 6200 больныхъ, лѣжившихся за это время въ промысловыхъ больницахъ и на домахъ, сифилитиковъ было 66 чел., изъ коихъ съ явленіями вторичнаго и третичнаго сифилиса (давняго) было 58 и первичнаго 8. Изъ этого числа женщинъ больныхъ первичнымъ сифилисомъ было только 2.. Изъ настольнаго журнала больницы Константиновскаго прииска Трапезниковыхъ видно, что съ 10-го сентября 1872 г. по 10 іюля 1875 г. почти на 3000 рабочихъ изъ служащихъ больныхъ сифилитиковъ было 13 чел., а именно въ 1872 г. 1 чел., въ 1873 г.—5 чел., въ 1874 г.—4 чел. и въ 1875 г.—3 чел. Основываясь на этихъ цифрахъ, очевиднымъ становится, что причины распространенія сифилиса въ приленскомъ населеніи, выставленныя г. Августиновичемъ, не совсѣмъ вѣрны и доказательны, и затѣмъ, если принять въ соображеніе и сопоставить врачебныя силы и средства частныхъ золотыхъ промысловъ и приленскихъ волостей и селеній, то можно придти къ совершенно противоположнымъ выводамъ и заключеніямъ, т.-е., что не золотые промысла и приисковые рабочіе составляютъ рассадникъ сифилиса, а напротивъ того—приленскія селенія и ихъ жители, и особенно с. Витимъ, остающіеся безъ всякой врачебной помощи, а также якуты и тунгусы, между которыми эта болѣзнь, къ несчастію, очень распространена“. Указывая на с. Витимъ, какъ источникъ заразы, горный исправникъ забывалъ, что с. Витимъ могло сдѣлаться источникомъ заразы именно потому, что до начала 80-хъ гг. оно было постояннымъ мѣстомъ кутежей олекминскихъ приисковыхъ рабочихъ при выходѣ ихъ изъ тайги. Въ заключеніе горный исправникъ утвѣждалъ, что всѣ рабочіе, приходящіе на промысла, непременно подвергаются медицинскому осмотру и изъ нихъ больные принимаются въ приисковыя больницы, гдѣ и содержатся до окончательнаго излѣченія. „Только въ случаѣ упорнаго сифилиса, соединеннаго съ цынгой, неизлѣчимаго на промыслахъ вслѣдствіе климатическихъ условій, больные вывозятся съ приисковъ на Мачу, гдѣ имѣется прекрасная больница и докторъ, а не въ с. Витимъ, куда никогда не вывозились съ приисковъ ни одинъ больной“ ¹⁾. Однако новѣйшіе на-

¹⁾ Арх. Витим. Горн. Испр. 1875 г. № 1120.

блюдатели подтверждают слова Августиновича; авторъ статьи въ „Сибирскомъ Сборникѣ“ говоритъ: „извѣстно, что среди присковъ рабочихъ... распространяется сифилисъ; онъ разносится въ послѣдствіи по деревнямъ“¹⁾.

Въ общихъ контрактахъ съ рабочими почти вездѣ встрѣчаемъ условіе, что медицинская помощь рабочимъ оказывается бесплатно, и больницы на прискахъ содержатся на счетъ промысловаго управленія. „Такъ, напр., въ договорѣ К^о Промышленности 1887 г. сказано: „Если кто изъ насъ сдѣлается боленъ, то врачевныя пособія и содержаніе... даются на счетъ К^о, но платы какъ во время болѣзни, такъ равно и за льготныя по болѣзни дни никакой не полагается“. Въ договорѣ К^о Арендаторовъ 1875 г. къ постановленію о безвозмездномъ лѣченіи прибавлено: „съ тѣхъ же, которые поступаютъ въ больницу безъ дѣйствительной болѣзни и будутъ изобличены въ томъ при осмотрѣ медикомъ, управленіе имѣетъ право вычитать за эти дни, какъ съ уклоняющихся отъ работъ“. Вычетъ съ уклоняющихся отъ работъ (подъ предлогомъ болѣзни) находимъ и во всѣхъ другихъ контрактахъ. Въ договорахъ съ Базилевскимъ 1876, 78 и 80-хъ гг., къ условію о безвозмездности лѣченія прибавлено, что пищевое довольствіе производится больнымъ также безвозмездно въ обычномъ размѣрѣ, только хлѣба полагается вмѣсто 3¹/₂—2¹/₂ ф. въ день, въ томъ числѣ пшеничнаго 1¹/₄ ф., „что для больного признаемъ достаточнымъ“, а мяса по 1¹/₂ ф. [здоровымъ полагалось въ договорѣ 1876 г. по 1¹/₄ ф., въ остальныхъ также по 1¹/₂ ф.]. Въ договорахъ Ленскаго Т-ва 1890—91 гг. медицинскій осмотръ рабочихъ и ихъ семействъ предоставлялось присковому усмотрѣнію дѣлать во всякое время. По контракту Вѣрнаго Т-ва начала 70-хъ г., въ отличіе отъ другихъ договоровъ, присковое управленіе не принимало на свой счетъ лѣченія заболѣвающихъ на прискѣ рабочихъ, а обязывало ихъ платить за него, полагаясь въ исчисленіи издержекъ за лѣченіе на добросовѣстность тѣхъ лицъ, которымъ это дѣло будетъ поручено отъ управляющаго, при чемъ артельный староста не долженъ былъ вмѣшиваться въ дѣла больницы.

Въ нѣкоторыхъ договорахъ устанавливаются вычеты за лѣченіе женщинъ, не состоящихъ на хозяйскихъ работахъ, а также и дѣтей. Такъ въ договорахъ Базилевскаго 1876, 78 и 80 гг. сказано: „за лѣченіе приведенной къъмъ либо изъ насъ женщины или дитяти управленіе имѣетъ право вычитать по 50 к. за каждый день“, очевидно, кромѣ вычета за содержаніе ихъ.

¹⁾ „Сибир. Сборн.“ 1889 г., вып. 1, стр. 24. Несмотря на осмотръ рабочихъ при наймѣ, сифилитики обоюго пола попадаютъ на промыслахъ и въ настоящее время: въ операцію 1894—95 г. на промыслахъ Ленскаго Т-ва было 9 случаевъ сифилиса. „Вѣстн. Золотопр.“ 1896 г., стр. 208.

Въ договорахъ съ Ленскимъ Т-мъ 1890—91 гг. находимъ такое условіе: „На устройство пріемнаго покоя для рабочихъ на Мачинской резиденціи управленіе вноситъ за каждого изъ рабочихъ по 2 р. с., каковая сумма зачитывается въ счетъ платы нашей—рабочихъ“. Дѣло въ томъ, что Мачинская больница (или пріемный покой) содержалась всѣми золотопромышленниками Олекминской системы. Въ 1871 г., по ихъ постановленію, на „содержаніе и ремонтъ больницы“ съ прислугою, отопленіемъ освѣщеніемъ и содержаніемъ одной лошади было опредѣлено 1500 р.¹⁾ Въ 1877 г. лѣкарю больницы Мачинской резиденціи было назначено 6000 р. жалованья въ годъ, съ тѣмъ, чтобы на его обязанности лежало вскрытіе труповъ. Въ 1882 г. содержаніе Мачинской больницы обходилось золотопромышленникамъ 14909 р., а въ 1883 г.—5443 р.

Въ 1888 г. на Бодайбинской резиденціи былъ устроенъ такъ называемый „пріютъ“, гдѣ призрѣвались больные разныхъ компаній (черезъ двѣ недѣли послѣ того, какъ они разсчитались, такъ какъ до этого срока ихъ обязанъ былъ лѣчить тотъ золотопромышленникъ или та компанія, гдѣ они прежде работали). На содержаніе этого пріюта, находившагося въ непосредственномъ завѣдываніи горнаго исправника, съ рабочихъ Витимской системы ежегодно взимается по 2 р. съ каждого, хотя въ контрактахъ объ этомъ сборѣ не упоминается и никакимъ закономъ онъ не установленъ²⁾. Позднѣе на Бодайбинской резиденціи была больница, „учрежденная на средства всѣхъ золотопромышленниковъ“. Въ Январѣ 1897 г. она сгорѣла³⁾.

Относительно состоянія больницы на прискахъ Олекминскаго округа въ донесеніи горнаго исправника 1873 г. сказано: „на прискахъ Ленскаго Т-ва, Трапезникова и КК^о Базанова и Сибирякова больницы и въ минувшую операцію были таковы, что не оставляли желать ничего лучшаго. Аптеки при этихъ больницахъ не уступаютъ городскимъ, а медикаменты для нѣкоторыхъ выписываются не изъ Иркутска, а изъ Петербурга“⁴⁾. Однако показанія рабочихъ не совпадаютъ съ оффиціальными свѣдѣніями; такъ одинъ рабочій рассказывалъ въ 1873 г., что въ больницы К^о Сибирякова, Базанова и Нѣмчинова нѣтъ „ни бѣлья, ни халатовъ: кто въ чемъ пришелъ съ работы, въ томъ и ложись

¹⁾ Въ постановленіи золотопромышленниковъ Олекминской системы 1874 г. сказано: „содержаніе въ центральной больницѣ больныхъ, поступающихъ на общій счетъ, должно быть принято нами по раскладкѣ съ каждого пуда золота, включая въ это число и дѣла, участвующія въ содержаніи центральной больницы, которыя принимаютъ сумму, отнесенную на ихъ счетъ, по стоимости каждой общей поденщины“. (Бумаги Субботина).

²⁾ Арх. Ирк. Горн. Упр. К. 2775, № 196—210, л. 4 об.; сравни „Вѣст. Золот.“ 1895 г. № 20, стр. 838.

³⁾ „Вост. Об.“ 1894 г., № 129; „Сибирь“ 1897 г., № 62.

⁴⁾ Арх. Ирк. Горн. Упр. К. 2560, № 130—184, л. 7 об.

на койку, на которой находится грязный, набитый залежалой соломой, матрацъ. А простынь, полотенецъ, столовой посуды для каждодневнаго употребленія для больныхъ и въ заводѣ нѣтъ. Оно, если хотите, все есть, даже другой комплектъ матрацовъ со свѣжей соломой; но все это хранится въ цейхгаузѣ на случай прїѣзда исправника. Въ 1871 г. во всей больницѣ былъ только одинъ служитель¹⁾. Въ случаѣ прїѣзда исправника „выдадутъ чистое бѣлье, посуду; на кухнѣ неожиданно является капуста, говядина какъ-то иначе смотреть“¹⁾. Были прїиски и совсѣмъ безъ больницъ: такъ въ 1875 г. якутскій медицинскій инспекторъ Проскуряковъ о Святителе-Иннокентіевскомъ прїискѣ Гинцбурга говоритъ, что тамъ нѣтъ ни помѣщенія для больныхъ, ни фельдшера, и онъ обязалъ управленіе немедленно устроить больницу съ полнымъ комплектомъ кроватей по положенію.

По словамъ г. Калагеорги (1882 г.), „въ Олекминской системѣ лѣченіе больныхъ обставлено такъ хорошо, что лучше и желать нельзя: на каждомъ прїискѣ имѣются просторныя больницы, содержащіяся въ большой чистотѣ; нѣкоторыя изъ нихъ, какъ, напр., въ Малопатомскомъ Т-вѣ и на Константиновскомъ прїискѣ Трапезникова,—отличаются даже роскошью; бѣлье вездѣ хозяйское и имѣется въ достаточномъ количествѣ; пища улучшенная, а слабымъ больнымъ дается хорошее вино и молоко... Медицинскій персоналъ состоитъ изъ одного врача на всѣ прїиски Олекминской системы и изъ фельдшеровъ по одному при каждой больницѣ. Врачъ получаетъ 10000 р. содержанія, а фельдшера по 1000 и болѣе рублей въ годъ жалованья при полномъ содержаніи отъ управленія²⁾; судя по состоянію больницъ и аптекъ, по количеству и разнообразію хирургическихъ инструментовъ и всякаго рода машинъ, а также и по содержанію, получаемому врачемъ и фельдшерами, видно, что золотопромышленники Олекминской системы не жалѣютъ средствъ на возможно лучшее устройство медицинской части. Кромѣ того здѣсь замѣтно исполнѣнъ человѣчное отношеніе къ людямъ, которымъ разстроенное здоровье не позволяетъ исполнять тяжелую работу: много есть рабочихъ, живущихъ на прїискахъ по нѣскольку лѣтъ, вся обязанность которыхъ заключается въ чисткѣ дворовъ и въ сторожевой службѣ. Почти въ каждой больницѣ встрѣчаются больные съ хроническими болѣзнями; они содержатся въ больницѣ по году и болѣе. Къ сожалѣнію нельзя то же самое сказать о прїискахъ Витимской системы; здѣсь исключеніе составляютъ только прїиски Сибирякова и К^о, на которыхъ больные пользуются хорошимъ содержаніемъ, лѣченіемъ и уходомъ.... На Скалистомъ прїискѣ (Плетюхина?) больницы въ ужасномъ видѣ: зданіе

¹⁾ „Сибирь“ 1873 г., № 8, стр. 1.

²⁾ На прїискахъ Базилевскаго фельдшера получали по 800 р. въ годъ.

ветхое и грязное, бѣлья нѣтъ, больные лежатъ почти на голыхъ доскахъ въ своемъ грязномъ рабочемъ платьѣ... На другихъ сосѣднихъ прискахъ больницы нѣтъ, а заболѣвшихъ помѣщаютъ за условленную плату въ больницы Сибирякова и К^о или Трапезниковыхъ на Бодайбинской резиденціи. Но здѣсь больные не могутъ быть задерживаемы противъ желанія ихъ хозяевъ и по настоянію послѣднихъ нерѣдко выписываются изъ больницъ не совсѣмъ еще выздоровѣвшими, затѣмъ рассчитываются и отправляются въ Витимъ ¹⁾. Не будучи въ силахъ слѣдовать на мѣста жительства, они стараются пріютиться въ волостной больницѣ, назначеніе которой вовсе не составляетъ лѣченіе присковскихъ рабочихъ. Содержаніе больницы въ Витимѣ стоитъ крестьянскому обществу 3000 р. въ годъ, а между тѣмъ она занята исключительно оставленными безъ пріюта присковскими рабочими ²⁾... Рабочіе, не успѣвшіе наняться или не принятые по слабости здоровья, а также и рассчитанные за ненадобностью, остаются въ случаѣ болѣзни безъ призрѣнія. Витимская волостная больница, имѣющая всего восемь кроватей, не можетъ пріютить всѣхъ нуждающихся, да кромѣ того и несправедливо возлагать на крестьянъ одной Витимской волости обязанность содержать и лѣчить людей, совершенно для нихъ постороннихъ. Кромѣ волостной больницы, есть еще двѣ по сосѣдству на резиденціяхъ золотопромышленныхъ компаній, но эти больницы имѣютъ свое опредѣленное назначеніе и не могутъ быть обязательно открыты для людей постороннихъ ³⁾.

Въ 1884 г. была построена очень большая больница на Успенскомъ прискѣ КК^о Промышленности и Прибрежно-Витимской. Въ ней 7 комнатъ, изъ которыхъ 3 большихъ были отведены для заболѣвающихъ мужчинъ, одна для женщинъ, одна для пріемной, одна для родильницъ и одна для помѣщенія служителей, ванной и умывальной. При больницѣ находились особыя службы: кухня, прачешная, баня и подвалъ для храненія припасовъ. Больница была устроена на 39 кроватей для зимняго времени, когда больныхъ бываетъ меньше; для лѣтняго предполагалось ставить хорошо устроенныя палатки, въ которыхъ можно было помѣстить отъ 50 до 60 человѣкъ. На каждого больного отпускалось въ сутки 1½ ф. свѣжаго мяса, 4½ ф. чернаго хлѣба, ка-

¹⁾ О случаяхъ смерти рабочихъ на пути, рассчитанныхъ по болѣзни, см. Ирк. Губ. Вѣд. 1872 г., № 115; „Сиб. Сбор.“ 1889 г., вып. 2, ст. Ангарскаго, стр. 63.

²⁾ Тоже повторяетъ г. Ангарскій въ „Сиб. Сборн.“ 1889 г., вып. 2, стр. 47.

³⁾ Арх. Ирк. Горн. Упр. К. 2765, № 37—30, л. 45—47. Въ 1882 г. въ Витимской системѣ было шесть больницъ съ 101 кроватью, въ Олекминской 18 больницъ съ 214 кроватями. Въ 1883 г. въ Витимской системѣ 7 больницъ съ 94 кроватями; въ Олекминской 16 больницъ съ 189 кроватями, въ 1884 г. въ Олекминской системѣ было уже лишь 14 больницъ съ 145 кроватями. „Прил. 1 къ вып. 1-му Сборн. главн. докум. по упр. Вост. Сиб. т. VII“, стр. 19; отчеты о золотопр. Вост. Сиб. въ Горн. Деп.

пусты, овощей и крупъ—сколько потребуется. По свидѣтельству горнаго исправника, для трудно-больныхъ врачъ могъ требовать изъ амбара и магазина вино, бѣлый хлѣбъ, молоко, яйца и проч. Больнымъ приготавливали супъ, щи, котлеты, различное жаркое, иногда рыбу и два раза въ недѣлю давали кашу гречневую, манную или рисовую съ масломъ. Отопленіе производилось голландскими печами. Изъ другихъ промысловъ Витимской системы болѣе или менѣе правильно устроенныя больницы, хотя и маленькія, были на пріискѣ Бодайбинской К^о на 10 кроватей и на нѣкоторыхъ другихъ на 4—5 кроватей. Промысла, не имѣвшія больницъ, отправляли своихъ больныхъ за извѣстную плату въ больницу Успенскаго пріиска или въ больницу той же К^о на Бодайбинской резиденціи ¹⁾). Больница Успенскаго пріиска была открыта къ пріѣзду гр. Игнатьева, перваго изъ генералъ-губернаторовъ, посѣтившаго въ 1886 г. промыслы Олекминскаго округа ²⁾). Мы должны засвидѣтельствовать, что больница эта устроена дѣйствительно прекрасно: большое зданіе, масса инструментовъ, вѣсы для взвѣшиванія больныхъ, хорошее бѣлье (отдѣльное для сифилитиковъ); изолированіе больныхъ заразительными болѣзнями возможно вслѣдствіе того, что есть зданіе старой больницы и бараки. Теперь въ больницѣ Успенскаго пріиска 60 кроватей. КК^о Промышленности и Прибрежно-Витимской имѣютъ доктора, 7 фельдшеровъ и акушерку; кромѣ того пріемный покой на Водянистомъ пріискѣ ³⁾). Всего на промыслахъ Олекминскаго округа было въ 1887—89 гг. слѣдующее количество больницъ. Въ 1887 г. въ Витимской системѣ было 10 больницъ съ 145 кроватями, въ Олекминской—16 больницъ съ 133 кроватями, въ 1889 г. въ Витимской системѣ было 12 больницъ съ 152 кроватями, въ Олекминской—16 больницъ съ 105 кроватями, такъ что въ общемъ хотя за это время число больницъ и увеличилось на двѣ, но число кроватей нѣсколько уменьшилось. (Въ 1887 г. 1 кровать приходилась на 40 рабочихъ об. ч., въ 1889 г. на 57 ч.). На очень многихъ мелкихъ промыслахъ нѣтъ никакихъ больницъ, а если онѣ и были, то въ нихъ не было никакихъ необходимыхъ приспособленій; не было даже фельдшера ⁴⁾). Но на пріискахъ нѣкоторыхъ, болѣе крупныхъ, компаній, больницы, не говоря уже о больницѣ Успенскаго пріиска, произвели на насъ въ 1891 г. благоприятное впечатлѣніе. На Тихоно-Задонскомъ пріискѣ Ленскаго Т-ва, зданіе больницы глинобитное, въ немъ находится большой корридоръ, палаты довольно высокія, хотя расположеніе ихъ не совсѣмъ удобное.

¹⁾ Отчетъ горнаго исправника Витимской системы за 1885 г.

²⁾ „Вост. Обоз.“ 1886 г., № 40, стр. 6.

³⁾ „Сиб. Вѣстн.“ 1893 г., № 87; „Вост. Об.“ 1894 г., № 129.

⁴⁾ „Памяти. книж. Якут. об. на 1891 г.“, стр. 14; „Вост. Об.“ 1886 г., № 50, стр. 10.

Впрочемъ, по словамъ доктора другой К°, зданіе это холодно. Въ этой больницѣ теперь 47 кроватей ¹⁾. Въ больницѣ Бодайбинской К° хорошія печи изъ кирпича съ желѣзною покрышкой, камеры довольно просторныя, есть корридоръ. Но на Нижнемъ прискиѣ Базилевскаго строилась тогда „временная“ больница, весьма маленькая и неудовлетворительная, а пока былъ еще меньшій приѣмный покой. На Воронцовской пристани мы нашли прекрасную больницу: нѣсколько большихъ высокихъ комнатъ, бѣлье довольно тонкое, байковыя одѣяла. Отопленіе паровое, неудобное въ томъ отношеніи, что для нагрѣванія до 14° самой большой палаты приходилось нагрѣвать первую комнату, по которой проходитъ труба; впрочемъ фельдшеръ увѣрялъ, что въ эту послѣднюю комнату больныхъ не клали. Есть особое отдѣленіе для сифилитиковъ: несмотря на то, что при наймѣ въ Витимѣ осматривали рабочихъ, попадалось на 25 больныхъ до 3-хъ сифилитиковъ. Я засталъ одного больного съ бѣльмами на глазахъ, который лѣчился уже 10-й мѣсяцъ; фельдшеръ почему-то впускалъ ему въ глаза порошокъ каломеля.

По словамъ горнаго исправника Олекминскаго округа въ донесеніи 1872 г. „вездѣ есть опытные фельдшера, но врачъ съ правомъ составленія медицинскихъ актовъ имѣется только на прискахъ Базанова, на другихъ—врачи лишь съ правомъ пользованія“ ²⁾. По официальнымъ отчетамъ, въ Олекминскомъ округѣ въ 1880 г. было 3 врача и 1 повивальная бабка, въ 1887 г. врачъ въ Витимской системѣ и 3 въ Олекминской (въ томъ числѣ одна женщина-врачъ), въ 1888 г. 1 врачъ въ Витимской и 2 въ Олекминской, въ 1889 г. 2 въ Витимской и 2 въ Олекминской, въ 1891 г. всего 3 врача. Такъ какъ врачи и здѣсь получаютъ жалованье отъ золотопромышленниковъ, то, какъ и вездѣ, они

¹⁾ „Вѣсти. Золотопр.“ 1895 г., стр. 398; ср. 1896 г. стр. 208.

²⁾ По постановленію золотопромышленниковъ Олекминской системы лѣкаря Лозовскому за завѣдываніе Мачинскою центральною больницею было назначено жалованья съ его содержаніемъ, общественною квартирою, освѣщеніемъ и отопленіемъ 2000 р. въ годъ при особомъ фельдшерѣ, которому при его собственномъ содержаніи полагалось жалованья 600 р. въ годъ. Въ 1874 г. Мачинскою больницею завѣдывалъ уже не докторъ, а фельдшеръ. Въ 1875 г. якутскій областной медицинскій инспекторъ Проскуряковъ предложилъ „ссылно-поселенца изъ поляковъ, завѣдывающаго центральною больницею на Мачинскихъ резиденціяхъ, Бахинкевича, какъ неимѣющаго никакого права на медицинскую практику, по неимѣнію на это доказательствъ удалить отъ должности“. Проскуряковъ отозвался съ большою похвалою о дѣятельности присковскихъ врачей Стоянова и Зибина, много способствовавшихъ прекращенію оспенной эпидеміи, а также служащаго при Успенской больницѣ К° Арендаторовъ фельдшера Кокорина; послѣднему Проскуряковъ предложилъ возратить 70 р., которые онъ изстратилъ на переѣзды по тунгускимъ стойбищамъ для привитія предохранительной оспы. Въ 1877 г. центральною больницею на Мачинской резиденціи завѣдывалъ опять Лозовскій съ жалованьемъ въ 6000 р.

далеко не всегда обнаруживаютъ самостоятельность, необходимую для защиты интересовъ рабочихъ. Мы рассказывали, напр., о приѣмѣ врачомъ нѣсколькихъ тысячъ пудовъ испорченнаго мяса (этотъ врачъ К^о Промышленности получалъ жалованья 6 или 7000 р.). Относительно этого же врача мы нашли въ дѣлопроизводствѣ витимскаго исправника такой курьезъ. Въ 1881 г. одинъ рабочій явился въ контору Бодайбинской К^о съ подложной запиской о расчетѣ. Когда его препроводили къ исправнику, послѣдній обратился къ доктору К^о Промышленности съ просьбою освидѣтельствовать, можетъ ли этотъ рабочій вынести тѣлесное наказаніе: рабочій, писалъ исправникъ, „надѣлалъ пронасть пакостей; можно ли его драть?“ Докторъ на официальной бланкѣ далъ такое заключеніе: „назвать больнымъ“ этого рабочаго нельзя, но онъ ослабленъ пьянствомъ и работой и принадлежитъ къ числу, такъ наз., „выработавшихся“ рабочихъ, которые только въ силу привычки, голода и любви къ таежной жизни берутъ на себя непосильную работу, неофициально же, на запискѣ исправника, далъ такой отвѣтъ карандашомъ: „полагаю, что ничего вреднаго не будетъ, если немного дадите для страха, если ужъ это нужно“,—а юмористъ-исправникъ все это подшилъ къ официальному дѣлу ¹⁾).

Фельдшеровъ въ 1887—88 гг. было въ Витимской системѣ 10, въ Олекминской 15—16; кромѣ того въ Олекминской системѣ была одна акушерка ²⁾. Приісковые фельдшера далеко не всегда удовлетворяли своему назначенію. Въ 1875 г. областной медицинскій инспекторъ Проскуряковъ предложилъ проживающаго на Святителе-Иннокентіевскомъ приискѣ Гинцбурга „въ качествѣ фельдшера Ясевича, не имѣющаго никакого свидѣтельства, а слѣдовательно и никакого права на какую бы то ни было практику, немедленно удалить отъ обязанности фельдшера“, но какъ мы уже указывали, фельдшеръ другой К^о Кокоринъ удостоился местного отзыва за его дѣятельность во время оспенной энзиміи ³⁾).

На основаніи официальныхъ свѣдѣній о количествѣ заболѣвшихъ и умершихъ рабочихъ мы вычислили, что въ 1879 г. заболѣло 59⁰/о, въ 1880 г.—73⁰/о, въ 1881 г.—109⁰/о приісковаго населенія (т.-е. нѣкоторые обращались за медицинской помощью болѣе одного раза), въ 1883 г.—84⁰/о, въ 1884 г.—67⁰/о; во второй половинѣ 80-хъ гг. забо-

¹⁾ Арх. Вит. Горн. Испр., дѣло 1887 г. № 19.

²⁾ „Памят. книж. Якут. обл. 1891 г.“ стр. 114. Въ 1877 г. акушерка получала отъ золотопромышленниковъ 1200 р. жалованья при готовой пищѣ и квартирѣ. Въ 1888 г. акушерка была и въ Витимской системѣ.

³⁾ Въ 1882 г. на фельдшера Кокорина (не извѣстно того ли же) жаловались рабочіе Благовѣщенскаго прииска Прибрежно-Витимской К^о во время слѣдствія о волненіи на этомъ приискѣ.

лѣвѣемость была значительно ниже: въ 1887 г.—49⁰/о, въ 1888 г.—34⁰/о, въ 1889 г.—35⁰/о. Такимъ образомъ заболѣваемость представляла значительныя колебанія. Напротивъ, смертность отъ болѣзни и несчастныхъ случаевъ постепенно понижалась; въ 1879 г. она равнялась 13-ти человѣкамъ на 1000 душъ присковаго населенія, въ 1880—81 г.—11 чел. на 1000, въ 1882—83 г.—10, въ 1884 г.—9 и въ 1887 г.—8 человѣкъ на тысячу ¹⁾).

Въ официальныхъ отчетахъ, а также и въ отчетахъ отдѣльных присковыхъ управленій мы встрѣчаемъ данныя о количествѣ больныхъ поденщинъ. Въ 1881 г. въ Витимской системѣ больныя поденщины составляли 2,1⁰/о всѣхъ поденщинъ, въ Олекминской системѣ 4,2⁰/о, въ 1882 г. въ Витимской системѣ 1,1⁰/о, въ Олекминской 3,5⁰/о, въ 1883 г. въ Витимской 1,7⁰/о, въ Олекминской 4,5⁰/о; слѣдовательно въ Олекминской системѣ количество больныхъ поденщинъ приблизительно вдвое или втрое превышаетъ количество такихъ же поденщинъ въ Витимской системѣ ²⁾. Та же разниа видна и въ данныхъ отдѣльныхъ компаній: такъ въ КК^о Промышленности и Прибрежно-Витимской (Витимской системы) больныя поденщины въ 1881—90 гг. составляли отъ 1—2,6⁰/о всѣхъ поденщинъ ³⁾, а на прискахъ Ѳ. Базилевскаго (Олекминской системы) въ 1877—83 гг. отъ 2,8 до 4⁰/о, въ Малопатомскомъ Т-вѣ въ 1880—83 гг. 3,7—4,8⁰/о. Впрочемъ въ Ленскомъ Т-вѣ въ операцію 1893—94 г. больныя поденщины составляли только 1,4⁰/о ⁴⁾.

Данныя о различныхъ „присшествіяхъ“, по терминологіи присковыхъ отчетовъ, за 14 лѣтъ (1873, 1875—87 гг.) приведены нами въ особой таблицѣ ⁵⁾, и изъ нихъ не легко выдѣлить несчастные случаи во время работъ отъ происшедшихъ внѣ работъ; такіе термины, какъ „угорѣвшіе до смерти“—38 человѣкъ ⁶⁾, „задавленные обваломъ“—18 человѣкъ, „смертные случаи во время работъ“—6 человѣкъ, „умершіе отъ взрыва пороха“—2 человѣка, „ушибленные при работахъ“—71 человѣкъ—сомнѣнія не возбуждаютъ, но, напр., „замерзшіе“—4 человѣка, „нечаянные смертные случаи“—43 человѣка—термины, недостаточно опредѣленные.

О несчастныхъ случаяхъ съ 1888 г. подробныхъ свѣдѣній не имѣемъ, извѣстно только, что въ 1892 г. въ Ленскомъ горномъ округѣ

¹⁾ Смотри табл. въ *Дополненіи XVI*.

²⁾ „Прил. II къ вып. 1 сборн. глав. оф. докум. по управ. Вост. Сиб.“, т. VII 1885 г., Иркутскъ.

³⁾ На основаніи данныхъ, сообщенныхъ докторомъ Рабиновичемъ.

⁴⁾ Матер., сообщ. Л. Ѳ. Пантелѣевымъ; „Вѣст. Золот.“ 1896 г., стр. 174.

⁵⁾ См. *Дополненіе XV*.

⁶⁾ Хотя часть ихъ угорѣла и при кражѣ песковъ. См. отчетъ *Шестакова* въ „Прил. 1-мъ къ вып. 1-му сборн. оф. докум.“, стр. 31.

было 25 несчастныхъ случаевъ; изъ нихъ 12 со смертельнымъ исходомъ. При взрывахъ пострадали 4, отъ обваловъ 5 (изъ нихъ 2 умерли), упали въ выработки 4, причемъ 2 убились до смерти, остальные пострадали главнымъ образомъ отъ угара ¹⁾. Въ 1894 г. въ томъ же горномъ округѣ было 33 несчастныхъ случая, изъ нихъ 8 со смертельнымъ исходомъ; въ 1895 г. 34 случая, изъ нихъ 11 со смертельнымъ исходомъ ²⁾.

Относительно вознагражденія за увѣчья мы имѣемъ очень мало свѣдѣній, такъ какъ къ сожалѣнію объ этомъ почему-то вовсе не упоминается въ отчетахъ горныхъ исправниковъ и окружныхъ инженеровъ. Относительно первой половины 70-хъ гг. мы не встрѣтили ни одного упоминанія о вознагражденіи за увѣчья. Что они были не въ обычаѣ, видно и изъ того, что мѣстная администрація даже указывала, что слѣдовало бы установить такіа вознагражденія ³⁾. Между тѣмъ уже правилами о наймѣ рабочихъ 1870 г. (п. 14-й) предписывалась выдача тройной за весь наемный срокъ платы въ случаѣ смерти или тяжкаго увѣчья рабочаго вслѣдствіе непринатія золотопромышленникомъ предписанныхъ въ законѣ мѣръ предосторожности. Въ отчетѣ Прибрежно-Витимской К^о за 1882 г. мы находимъ уже упоминаніе о „выдачѣ вознагражденія получившимъ увѣчья“—675 р. ⁴⁾. Окружной инженеръ Олекминскаго округа въ отчетѣ за 1883 г. говоритъ: „большую пользу въ этомъ дѣлѣ могло бы принести установленіе денежныхъ вознагражденій въ пользу самихъ пострадавшихъ или ихъ наслѣдниковъ, такъ какъ подобная мѣра, кромѣ справедливости относительно рабочаго, служила бы еще и побужденіемъ для пріисковыхъ управленій къ тщательному и исправному исполненію установленныхъ правительствомъ правилъ о производствѣ горныхъ работъ и употребленіи взрывчатыхъ матеріаловъ“ ⁵⁾. Такимъ образомъ окружной инженеръ не зналъ даже правилъ о наймѣ рабочихъ 1870 г., которыми въ это время регулировались отношенія золотопромышленниковъ къ рабочимъ. Понятно, что этотъ законъ плохо соблюдался. Начальникъ иркутскаго

¹⁾ Въ числѣ пострадавшихъ—4 служащихъ, изъ нихъ одинъ угорѣвшій до смерти. „Вѣст. Золот.“ 1883 г., № 2, стр. 31. О смерти многихъ рабочихъ отъ угара въ шахтѣ въ 1891 г. см. О. О. Sibirische Briefe, S. 284—286.

²⁾ „Вѣст. Золот.“ 1895 г., стр. 894; 1897 г., стр. 81.

³⁾ Такъ якутскій губернаторъ въ замѣчаніяхъ на проектъ нормальнаго контракта Винникова 1874 г. предлагалъ включить постановленіе о томъ, что „за поврежденія членовъ рабочихъ полагается особая плата, а при смертныхъ случаяхъ (которые не разъ бывали) вознаграждать родственниковъ, буде есть таковые, приличнымъ вознагражденіемъ“. Арх. ирк. гор. упр. К. 2566, № 206—152, л. 38.

⁴⁾ Арх. К^о Промышл., № 1147.

⁵⁾ Отч. М. Шестакова (стр. 30) въ „Прил. 1, къ вып. 1-му Сборн. оф. докум. по упр. Вост. Сиб. т. VII“, 1884 г.

жандармскаго управленія, который въ то время также былъ обязанъ наблюдать за присками, лучше зналъ законы. Въ своемъ отчетѣ за 1883 г. онъ говоритъ: „Что касается до вознагражденія изувѣченныхъ на работѣ наемщиковъ, сдѣлавшихся неспособными къ снисканію пропитанія трудомъ, равно семействъ убитыхъ, вознагражденія выдачею со счета золотопромышленниковъ тройной за весь наемный срокъ платы, а при легкомъ увѣчьи излѣченія въ присковскихъ лазаретахъ, то, на основаніи 14-й ст. правилъ о наймѣ, подобныя вознагражденія дѣлаются только въ случаяхъ непринятія промышленниками предписанныхъ мѣръ предосторожности при веденіи работъ, и при томъ по удостовѣренію ближайшаго врача и мѣстнаго исправника или по рѣшенію судебныхъ мѣстъ. А какъ по селеніямъ и городамъ нерѣдко встрѣчаются искалѣченные въ присковскихъ работахъ люди и обезображенные при порохострѣльныхъ работахъ, а также пріобрѣвшіе неизлѣчимыя хроническія болѣзни, то мы приходимъ къ заключенію, что положеніе этихъ тружениковъ заслуживаетъ полнаго вниманія“¹⁾. По словамъ г. Калагеорги (1882 г.) на олекминскихъ промыслахъ рабочимъ, получившимъ увѣчья на работахъ, выдавалось единовременное вспомошествованіе отъ 50 до 250 р.; за послѣднія передъ тѣмъ 5 лѣтъ были выданы пособія 47 чел., всего 5620 р.²⁾, т.-е. въ среднемъ на каждаго почти по 120 р.

Въ отчетахъ горныхъ исправниковъ и окружныхъ инженеровъ не приводится данныхъ о вознагражденіи за увѣчья; это тѣмъ болѣе странно, что въ архивѣ Витимскаго горнаго исправника мы встрѣтили особыя дѣла (напр. 1887 и 90 гг.) „о рабочихъ, получившихъ вознагражденія за увѣчья на работахъ и вывезенныхъ съ промысловъ по трудно излѣчимымъ болѣзнямъ“.

Изъ одного такого дѣла мы выписываемъ всѣ случаи вознагражденія за увѣчья въ Витимской системѣ въ теченіе 1887 г.: 1) одному рабочему К^о Промышленности упавшею землею переломлена нога, что вызвало ея ампутацію; ему выдано вознагражденіе въ размѣрѣ тройной годичной платы, считая по 300 р. въ годъ, т.-е. всего 900 р., и даны средства на проѣздъ до Киренска. 2) Рабочій К^о Промышленности упалъ въ шахту, вышибленный бадьею; лѣчился 15 мѣсяцевъ; дано вознагражденія 500 р. 3) „Ушибъ“ праваго глаза динамитомъ; рабочій этотъ получилъ пособія 150 р., 32 р. 90 к. платы за 47 дней, проведенныхъ въ больницѣ, и списано со счетовъ присковому управленію до 100 р. 4) За переломъ ключицы, излѣченный въ больницѣ К^о Промышленности, не дано никакого вознагражденія. 5) У рабочаго К^о Базилевскаго поврежденія динамитомъ, которыя были излѣчены; пособія 366 р. 6) Изувѣчена рука рабочаго Бодайбинской К^о; выданъ годичный заработокъ—900 р. 7) Рабочій К^о Промышленности. Переломъ ноги; лѣчился 8 мѣсяцевъ; выдано пособія 300 р.; даровой проѣздъ на пароходѣ и списанъ долгъ въ 25 р. 8) Рабочій К^о Промышленности; пораненіе динамитомъ;

¹⁾ Арх. Ирк. Горн. Упр. К. 2769, № 58—68, л. 15 об.

²⁾ Арх. Ирк. Горн. Упр. К. 2765, № 37—30, л. 46.

лѣчился 12 дней и выздоровѣлъ; пособіе въ 300 р. и за лежаніе въ больницѣ 98 р. Въ подобномъ же дѣлѣ витимскаго горнаго исправника 1890 г. максимальное вознагражденіе также равнялось 900 р.¹⁾ Въ контрактѣ Ленскаго Т-ва 1890—91 гг. мы находимъ такое условіе относительно вознагражденія за время лежанія въ больницѣ: „Если бы кто-либо изъ рабочихъ во время производства работъ получилъ ушибъ или легкое увѣчье по причинамъ, не зависящимъ отъ него самого, то управленіе выдаетъ ему за все время лѣченія, кромѣ продовольствія, по 50 к. (въ день), въ случаѣ, если бы онъ не могъ производить работы. Но ленскій окружной инженеръ считалъ нормальнымъ вознагражденіе по одному рублю въ день.²⁾ Во время посѣщенія принсковъ въ 1891 г. мы также слышали, что въ случаѣ увѣчій, по крайней мѣрѣ въ болѣе порядочныхъ КК^о, и е ли окружной инженеръ дастъ заключеніе, что это несчастіе произошло по винѣ хозяевъ,—увѣчному рабочему или семьѣ умершаго дается пособіе отъ 150 до 900 р.³⁾ Въ операцію 1890—91 г. въ Витимской системѣ 14 рабочихъ, какъ сообщилъ мнѣ окружной инженеръ Штраусъ, получили вознагражденія болѣе 6000 р., т.-е. въ среднемъ 428 р. Одного изъ этихъ рабочихъ, пострадавшаго при обвалѣ набушки, которую имъ велѣно было разбирать, мы встрѣтили на пароходѣ при выѣздѣ изъ Олекминскаго округа. Онъ получилъ отъ Бодайбинской К^о прогоны сверхъ билета на пароходъ, который выдается всѣмъ рабочимъ, 50 р., платы подсчитано за время лѣченія (по одному руб. въ день) 39 р. и выдано пособія 90 р., итого 179 р., кромѣ того 2 ф. сахару, 1 ф. табаку, рубашка и шаровары, которые въ счетъ ему не поставлены, и до Бодайбинской системы онъ былъ отправленъ на лошади. Врачъ далъ заключеніе, что онъ можетъ поправиться черезъ 3 мѣсяца, но рабочий просилъ отпустить его во время общаго расчета, не желая возвращаться зимнимъ путемъ. Такъ какъ рабочий этотъ возбуждалъ сожалѣніе, то я написалъ мѣстному окружному инженеру и просилъ выхлопотать ему прибавку и получилъ отвѣтъ, что Бодайбинская К^о согласилась прибавить ему 60 рублей.

На собраніи довѣренныхъ золотопромышленниковъ, если не ошибаемся, Олекминской системы, въ 1881 г., было постановлено отчислять извѣстное количество денегъ съ пуда золота на вспомошествованіе пострадавшихъ рабочихъ, но мы не знаемъ, было ли оно утверждено хозяевами принсковъ; во всякомъ случаѣ дѣло помощи пострадавшимъ рабочимъ можетъ быть правильно организовано здѣсь, какъ и вездѣ, только законодательнымъ путемъ, несмотря даже на громадное пожертвованіе съ этою цѣлью въ 1894 г. (420.000 р.) Иннокент. Мих. Сибиряковымъ (см. ниже)⁴⁾.

Кромѣ рабочихъ, получившихъ увѣчья, а также семей убитыхъ

¹⁾ Арх. витим. горн. испр. 1887 г. № 34, 1890 г. № 28.

²⁾ „Вѣстн. Золотопр.“ 1897 г., стр. 117.

³⁾ Иногда получившіе увѣчья, по словамъ г. Кряжева, остаются на принскихъ караульняхъ. „Русск. Жизнь“ 1894 г. № 44.

⁴⁾ Теперь начинаетъ входить въ обычай страхованіе рабочихъ въ страховыхъ обществахъ: такъ на Ленскихъ золотыхъ принскахъ въ страховомъ обществѣ „Россія“ застраховано рабочихъ отъ несчастныхъ случаевъ на 200,000 руб. „Томск. Лист.“ 1897 г. № 41.

или умершихъ отъ болѣзней на промыслахъ, заслуживаютъ участіа также рабочіе „выработавшіеся“, т.-е. потерявшіе силу на присковыхъ работахъ (изъ капитала имени М. А. Сибирякова предполагается оказывать помощь и такимъ рабочимъ). Витимскій горный исправникъ въ отчетѣ за 1887 г. говоритъ: „Побѣги съ промысловъ рабочихъ и уклоненія ихъ отъ работъ нерѣдко совершаются рабочими, негодными по своимъ силамъ къ присковому труду, рабочими, такъ сказать, выработавшимися, что является результатомъ долгой жизни въ тайгѣ и непосильной физической работы въ теченіе одного-двухъ десятковъ лѣтъ. Люди эти, положительно отвыкшіе отъ сельской жизни, составляютъ съ каждымъ годомъ все большій и большій по количеству присковый пролетаріатъ и, такъ сказать, язву здѣшнихъ мѣстъ“¹⁾. При неудовлетворительныхъ помѣщеніяхъ, не вполне достаточномъ питаніи и тяжелой работѣ рабочіе скоро „вырабатываются“. По словамъ доктора Рабиновича, работающіе нѣсколько лѣтъ сряду вырабатываются лѣтъ въ 5. Поэтому является вполне понятнымъ и законнымъ послѣ 2—3 лѣтъ присковой работы желаніе выйти на время или навсегда изъ тайги. Одни уходятъ на родину, другіе, пробывъ нѣкоторое время въ Витимѣ, вновь возвращаются въ тайгу. Въ настоящее время одряхлѣвшихъ рабочихъ содержатъ крестьяне. На пути на олекминскіе промыслы мы слышали на Ленѣ разсказъ одного крестьянина о томъ, какъ имъ приходится возиться съ бывшими присковыми рабочими, теперь уже совершенно состарившимися. Одинъ такой старикъ сначала пасъ у нихъ овецъ, но затѣмъ до того одряхлѣлъ, что его съ трудомъ переводили изъ одной избы въ другую и держали столько дней, сколько душъ во дворѣ. Этотъ несчастный былъ до того покрытъ вшами, что къ нему было страшно прикоснуться, и онъ заражалъ ими дѣтей. Такія таготы должно было бы снять съ неповинныхъ крестьянъ и возложить содержаніе одряхлѣвшихъ присковыхъ рабочихъ на золотопромышленниковъ. Витимскій горный исправникъ, указавъ на увеличеніе количества выработавшихся рабочихъ, въ отчетѣ за 1887 г. говоритъ: „Къ искорененію этого зла и на помощь этимъ несчастнымъ людямъ, отдавшимъ золотопромышленникамъ единственное свое достояніе—здоровье и физическую силу, должны бы явиться тѣ же золотопромышленники, но къ сожалѣнію въ этомъ отношеніи не только пока ничего не сдѣлано, но даже и вопроса не возникаетъ. Единственная К^а Сибирякова, Базанова и Нѣмчинова нѣсколько лѣтъ тому назадъ устроила въ Киренскомъ округѣ, недалеко отъ с. Витима, богадѣльню, въ которой проживаютъ и прокармливаются человѣкъ до десяти разслабленныхъ, параличныхъ и увѣчныхъ рабочихъ“.

¹⁾ Арх. витимск. горн. исправн.

Въ 1880 г. якутскій губернаторъ Черняевъ, увидѣвъ изъ отчета витимскаго горнаго исправника, что на золотныхъ промыслахъ нѣтъ никакихъ школъ, „хотя количество пригодныхъ къ обученію дѣтей значительно“, просилъ исправника доставить свои соображенія о томъ, сколько школъ нужно для витимскихъ промысловъ и гдѣ можно ихъ устроить. Горный исправникъ донесъ, что, по его мнѣнію, главная потребность въ школѣ чувствуется на промыслахъ Успенскомъ К^о Промышленности и Благовѣщенскомъ Прибрежно-Витимской К^о. Дождавшись пріѣзда одного изъ пайщиковъ этой К^о—Нѣмчинова и уполномоченнаго Черныхъ, горный исправникъ пригласилъ ихъ, въ присутствіи управляющихъ промыслами и мѣстнаго священника, всесторонне обсудить этотъ вопросъ. Оказалось, что самое большое число дѣтей, а именно 194, находилось въ то время на двухъ вышеупомянутыхъ пріискахъ, въ томъ числѣ старше семилѣтняго возраста 40 человекъ (все неграмотные), и такъ какъ оба эти пріиска находятся по сосѣдству другъ съ другомъ, то слѣдовательно и необходимо здѣсь устроить школу. Нѣмчиновъ изъявилъ согласіе какъ на постройку зданія для училища, такъ и на содержаніе учителя или учительницы на счетъ К^о. Что касается объема преподаванія въ училищѣ, то участвующіе въ совѣщаніи выразили желаніе, чтобы дѣти могли подготовляться въ немъ къ поступленію въ первый классъ уѣзднаго или техническаго училища. На счетъ К^о было выстроено большое деревянное зданіе для помѣщенія школы съ квартирою учительницы и, по полученіи разрѣшенія на открытіе школы по программѣ народныхъ училищъ, въ январѣ 1881 г. началось преподаваніе; въ школу поступили приходящими 22 мальчика и 12 дѣвочекъ ¹⁾. Въ 1882 г. въ ней обучалось 29 мальчиковъ и 8 дѣвочекъ (послѣднія были дѣти служащихъ, а мальчики—на половину рабочихъ). Дѣти, въ возрастѣ отъ 7 до 13 лѣтъ, обучались Закону Божію, русскому языку, ариметикѣ, географіи, нѣкоторымъ свѣдѣніямъ изъ русской исторіи и чистописанію, а вновь поступающіе—письму, чтенію и ариметикѣ ²⁾. Учащіеся раздѣлялись на 4 группы, такъ какъ учительскій персоналъ увеличился помощницей учительницы, которая занималась съ приготовительною группою. Пріемъ въ школу былъ 2 раза въ годъ, въ октябрѣ и мартѣ: съ 10-го сентября производится расчетъ съ рабочими и наемъ новыхъ, въ началѣ марта нанимаютъ еще новыхъ рабочихъ; поэтому пріемъ и былъ установленъ на 1-ое октября и 10-е марта, когда выясняется, кто изъ семейныхъ рабочихъ и служащихъ, дѣти которыхъ могутъ поступить въ школу, остаются на пріискѣ. Въ первыхъ числахъ іюня производится экзамены, и съ

¹⁾ Арх. Витим. Горн. Испр. дѣло № 45.

²⁾ Арх. К^о Промышленности № 1147.

10-го июня до 15-го августа бывали каникулы. Въ январѣ 1883 г. въ школѣ было 41 учащійся, въ январѣ 1885 г.—28 человѣкъ. Многимъ мѣшало окончить курсъ ученія оставленіе промысловъ ихъ родителями ¹⁾. Въ отчетѣ ленскаго окружного инженера за 1889 г. упоминается еще о другомъ училищѣ на промыслахъ Ленскаго округа, а именно, въ Малопатомскомъ Т-вѣ, но въ томъ же году оно было закрыто „вслѣдствіе упадка дѣлъ Т-ва“ ²⁾. Изъ доставленнаго намъ отчета о школѣ К^о Промышленности за 1889—90 учебный годъ видно, что къ 1-му января 1890 г. учащихся было 22 дѣвочки и 21 мальчикъ. Окончательные экзамены въ маѣ сдали только 2 дѣвочки. Въ октябрѣ того же года было 50 учащихся. Весь курсъ ученія рассчитывается на 3½ г. За все время существованія училища выпущено было вполне грамотныхъ учениковъ 35 человѣкъ; чаще кончаютъ курсъ дѣти служащихъ, такъ какъ родители ихъ живутъ подолгу на промыслахъ. Самое большое разстояніе, которое долженъ былъ проходить ученикъ изъ дому до школы, равнялось 2½ верстамъ. Изъ дѣтей инородцевъ въ теченіе 10 лѣтъ существованія школы училось 3, изъ которыхъ одинъ прошелъ полный курсъ. Содержаніе училища стоило К^о въ 1890 г. 4795 руб. При посѣщеніи нами школы въ 1891 г., дѣти учились въ 2 большихъ комнатахъ. Младшимъ отдѣленіемъ руководила опытная учительница, бывшая слушательница высшихъ женскихъ курсовъ, г-жа Попова, преподававшая до того въ разныхъ школахъ Восточной Сибири (она скоро оставила преподаваніе въ этой школѣ), а старшимъ—ея помощница. При школѣ есть библіотечка, пожертвованная И. М. Сибиряковымъ ³⁾.

Школа для дѣтей рабочихъ есть теперь также въ Бодайбинской К^о. Въ 1891 г. устроена школа и Ленскимъ Т-вомъ, при чемъ въ этомъ послѣднемъ, по совѣщанію съ представителями рабочихъ разныхъ приссковъ Т-ва, рѣшено было устроить интернатъ для дѣтей рабочихъ на деньги, пожертвованныя служащими, полученныя отъ благотворительнаго спектакля и перечисленныя изъ штрафнаго капитала. Въ школѣ Ленскаго Т-ва преподавателемъ состоитъ учитель, окончившій курсъ учительской семинаріи. Посѣщеніе школы бесплатное; учебныя пособія выдаются также бесплатно; а въ концѣ учебнаго года учебники предоставляются въ собственность учениковъ; программа преподаванія та же, что въ министерскихъ начальныхъ школахъ. На содержаніе школы Ленское Т-во ежегодно отпу-

¹⁾ „Восточ. Обозр.“ 1886 г., № 30, стр. 9.

²⁾ Дѣло канцеляріи Иркут. Горн. Управ. № 39, л. 213 об.; „Памят. Книж. Якут. обл. на 1891 г.“, стр. 117.

³⁾ Доставленіемъ отчета за 1890 г. мы обязаны г-жѣ Поповой. Ср. „Восточ. Обоз.“ 1894 г., № 129.

скаеть до 3 тыс. рублей. Въ 1894—95 г. было 27 учащихся, — 22 мальчика и 5 дѣвочекъ (изъ нихъ 20 дѣтей рабочихъ). Зданіе для интерната было открыто въ ноябрѣ 1896 г., а до тѣхъ поръ управленіе Т-ва помѣщало учениковъ съ дальнихъ пріисковъ у рабочихъ Тихоно-Задонскаго пріиска, которымъ платило за содержаніе пансіонеровъ изъ капитала интерната по 10 руб. въ мѣсяцъ. Въ 1896 г. здѣсь была открыта и воскресная школа, которая, однако, влечить жалкое существованіе: въ первое время явилось семь рабочихъ, но и то пятеро изъ нихъ постепенно выбыли ¹⁾).

При школѣ Ленскаго Т-ва открыта библіотека о двухъ отдѣленіяхъ: первое назначается преимущественно для служащихъ съ подписной цѣной по 50 коп. въ мѣсяцъ; второе—для рабочихъ; оно заключается въ себѣ преимущественно книги для народнаго чтенія, изданія „дешевой библіотеки“ и проч.; во второмъ отдѣлѣ числилось 1229 книгъ при 1180 названіяхъ; книги эти выдаются для чтенія бесплатно. На главномъ пріискѣ есть читальный залъ для рабочихъ, а для живущихъ на другихъ пріискахъ Т-ва книги разсылаются по пріискамъ. Года два тому назадъ начала устраивать библіотеку для рабочихъ и Бодайбинская К^о ²⁾).

Въ 1896 г. въ Ленскомъ Т-вѣ были открыты чтенія для рабочихъ. Главноуправляющій пріисками Грауманъ выписалъ волшебный фонарь и туманныя картины: къ сожалѣнію большинство картинъ оказалось мало пригодными для народныхъ чтеній. Вслѣдствіе этого была выписана новая коллекція, при чемъ уже обратились къ болѣе добросовѣстной и понимающей дѣло фирмѣ. Въ первой половинѣ 1896 г. чтенія происходили только на главномъ Тихоно-Задонскомъ пріискѣ Ленскаго Т-ва. Изъ 200 рабочихъ, жившихъ на этомъ пріискѣ, на чтеніяхъ бывало только 20 — 30 человекъ, что объясняли неимѣніемъ хорошихъ, интересныхъ картинъ среди выписанныхъ въ первый разъ. Легкія беллетристическія произведенія слушались охотно, и рабочіе были видимо довольны такимъ времяпрепровожденіемъ. Зимой 1896—7 г. число посѣтителей значительно увеличилось и доходило до 150 — 170 чел. ³⁾. Бодайбинская К^о въ началѣ 1897 г. также выписала волшебный фонарь и предполагала устроить воскресныя чтенія для рабочихъ ⁴⁾. Всѣ эти мѣры для поднятія умственнаго уровня рабочихъ сдѣланы возможными и плодотворными лишь съ установленіемъ по закону 1895 г.

¹⁾ „Восточ. Обзор.“ 1894 г. № 21, 1895 г. № 22 и 23; „Вѣст. Золот.“ 1895 г. № 7, стр. 127, 1896 г., стр. 209, 217, 1897 г. стр. 457.

²⁾ „Вѣст. Золот.“ 1895 г., стр. 127, 1896 г., стр. 209; „Восточ. Обзор.“ 1895 г. № 22, стр. 2.

³⁾ „Вост. Об.“ 1896 г. № 49; „Вѣст. Золот.“ 1896 г., стр. 217, 1897 г. стр. 457.

⁴⁾ „Сибирь“ 1897 г. № 62.

общихъ воскресныхъ отдыховъ зимою, лѣтомъ же и теперь отдыхи бываютъ не общіе, а очередные, и потому въ такіе дни невозможны общія разумныя развлечения.

На Прокопьевскомъ прискѣ Бодайбинской К^о были даны зимою 1895 г. 2 бесплатныхъ спектакля для рабочихъ. Въ Ленскомъ Т-вѣ въ день Св. Тихона Задонскаго (присковный праздникъ) было гулянье для рабочихъ. Въ 1896 г. на томъ же прискѣ давались любительскіе спектакли для рабочихъ въ помѣщеніи училища ¹⁾. Въ Бодайбинской К^о зимою 1896—97 г. допускались рабочіе на генеральныя репетиціи любительскихъ спектаклей, и даже устраивались спектакли исключительно для рабочихъ,—въ томъ и другомъ случаѣ бесплатно. 26-го декабря 1896 г. давали Островскаго „Свои люди—сочтемся“, а на масленицѣ 1897 г. какой-то фарсъ. Народу было каждый разъ очень много, и залъ, рассчитанный на 200 человекъ, не могъ вмѣстить всѣхъ желающихъ. Зрители вели себя образцово и остались очень довольны доставленнымъ имъ удовольствіемъ ²⁾. Въ 1892 г. на прискахъ Ленскаго Т-ва и Бодайбинской К^о были устроены елки для дѣтей рабочихъ ³⁾.

Въ 1879 г. на промыслахъ Олекминскаго округа была 1 церковь, въ 1882 г. 5 церквей, въ концѣ 80-хъ гг. три церкви и три часовни (приписныхъ церквей); церкви и причтъ содержались на счетъ присковыхъ К^о. Причты исполняли требы и у окрестныхъ инородцевъ; для исполненія требъ католиковъ пріѣзжалъ ксендъ ⁴⁾. Но обязательныя

¹⁾ „Вост. Об.“ 1895 г. № 148; „Новое Время“ 1896 г. № 7397.

²⁾ „Сибирь“ 1897 г. № 62. Вниманіе къ рабочимъ начинаетъ проявляться и въ кое-какихъ другихъ фактахъ, хотя бы и довольно ничтожныхъ. Въ Ленскомъ Т-вѣ на Пасху 1891 г. было устроено общее розговенье по окончаніи церковной службы. „Сравнительно небольшой расходъ,—по 50 к. на чел.,—кромя водки, вызвалъ и ежегодно вызываетъ искреннюю благодарность“. По поводу этой присковой идилліи лицо, очевидно близкое къ присковому управленію, замѣчаетъ: „какъ мало надо заботиться о рабочемъ людѣ, чтобы получить его признательность“ („Вѣстн. Золотопр.“ 1895 г., стр. 128, 1896 г., стр. 217). Мы думаемъ однако, что это розговенье не уничтожило неудовольствія, причиненнаго штрафами, которые доходили тогда въ этой К^о за нѣкоторыя провинности до 25—50 р. съ человека.

³⁾ „Вѣст. Золот.“ 1895 г. № 7, стр. 127.

⁴⁾ Отчеты о золотопромышленности Вост. Сибири въ Горномъ Департаментѣ; „Приложеніе первое къ вып. 1 сборника офиц. докум. т. VII“, отчетъ гор. отд. Главнаго Управленія Восточной Сибири за 1882 г., стр. 21; „Памят. книж. Якут. обл. на 1891 г., стр. 116. Въ 1871 г. священнику при Мачинской церкви полагалось жалованья „съ содержаніемъ и причетникомъ 1200 р. въ годъ при готовой квартирѣ“. Въ 1877 г. ему полагалось „съ содержаніемъ себя, причетника и караульнаго 1600 р.“; расходы по содержанію священника распределялись по количеству получаемого золота (бумаги г. Субботина). Въ 1882 г. содержаніе священника стоило золотопромышленникамъ Олекминской системы 4958 р., въ 1883 г.—священника 6 тыс. руб. и Мачинской часовни и причта 2320 р. (Матеріалы, сооб. Л. Θ. Цантлѣвнымъ).

работы въ воскресные дни отучили рабочихъ отъ посѣщенія церквей. Бывшій начальникъ иркутскаго горнаго управленія г. Карпинскій говоритъ: „Нѣкоторые рабочіе, нанимаясь ежегодно на пріиски, по 15 лѣтъ не бывали въ церкви“ ¹⁾. Не давая рабочимъ воскреснаго отдыха и такимъ образомъ отучивъ ихъ отъ церкви, золотопромышленники однако сами обвиняютъ ихъ въ отсутствіи религіозности: такъ, по словамъ олекминскихъ золотопромышленниковъ въ замѣчаніяхъ на проектъ правилъ о наймѣ рабочихъ (1887 г.), „мнѣнія нѣкоторыхъ моралистовъ о томъ, что отдыхи въ праздничные и воскресные дни послужатъ къ поднятію религіознаго уровня среди пріисковыхъ рабочихъ,—шатки и бездоказательны.... Явленіе обыкновенное на пріискахъ, что храмъ Божій, даже въ такіе дни, какъ Рождество и Воскресеніе Христово, посѣщается самымъ незначительнымъ процентомъ рабочихъ людей“. „Въ зимнюю операцію“, продолжаютъ они, „праздники—это дни разгула, пьянства, картежной игры, дракъ и т. п....“—„Чтобы поднять нравственность“ пріисковаго люда, „нужны мѣры радикальныя“ ²⁾. Такими радикальными мѣрами и должно быть уменьшеніе продолжительности рабочаго дня, установленіе празднованія воскресеній не только зимою, но и лѣтомъ и устройство разумныхъ развлеченій. Когда Ленское Т-во замѣнило лѣтніе очередные отдыхи общими, то рабочіе стали усердно посѣщать церковь ³⁾. Установленіе празднованія воскресеній необходимо не только для подъема умственнаго и нравственнаго уровня пріисковыхъ рабочихъ, но и для спасенія ихъ физическаго здоровья, гибнущаго отъ непосильнаго труда; воскресный отдыхъ лѣтомъ особенно необходимъ въ виду непомѣрнаго напряженія силъ рабочихъ на пріискахъ въ это время.

Мы приводили выше постановленія контрактовъ, обязывавшія рабочихъ хорошо вести себя на пріискахъ. Само собою разумѣется, что при значительномъ скопленіи рабочихъ на промыслахъ не могло не случаться нарушеній установленныхъ правилъ. Наиболѣе обыкновенными проступками олекминскій горный исправникъ (въ отчетѣ за 1873 г.) считаетъ: „уклоненіе отъ работъ (не всегда отъ лѣни, иногда отъ усталости), грубость служащимъ (нерѣдко вызываемая и послѣдними), пьянство (иногда по винѣ самого управленія, позволяющаго пьющему выпить за непьющаго, или отъ поднесенія спиртоносами), несвоевременная сдача подъемаго золота (не всегда въ видахъ утайки, а чаще, чтобы, не дѣлясь съ артелью найденнымъ, получить за него что либо подъ выписку)“. Это, по словамъ исправника,—„такіе проступки, кото-

¹⁾ „Изм. Вост. Сиб. Отд. Геогр. Общ.“ 1886 г. т. XVII, № 3—4.

²⁾ Дѣло канцеляріи ирк. горн. управ. № 14, т. II.

³⁾ „Вѣст. Золот.“ 1895 г., стр. 127.

рые существуют съ начала открытія олекминскихъ присковъ и неизбѣжны въ семитысячной массѣ народа, большую половину которыхъ составляютъ все уже испытавшіе поселенцы, которымъ ни терять нечего, ни приобретать не для кого, и для которыхъ день окончанія работъ есть вѣстѣ и день кабалы на новый тяжкій трудъ¹⁾.

За утайку золота рабочимъ грозило по договорамъ лишеніе вознагражденія за него и уголовное преслѣдованіе, судъ и взысканіе по законамъ. Уголовное преслѣдованіе грозило также за растрату хозяйскаго имущества и нѣкоторые другіе проступки. На прискахъ же примѣнялись слѣдующія наказанія: тѣлесное наказаніе, арестъ, штрафы, лишеніе винныхъ порцій, перемѣщеніе на другую—хуже оплачиваемую—работу, досрочный расчетъ и выдвореніе изъ тайги, внесеніе въ списки подлежащихъ наемкѣ на приски.

Для наказанія рабочихъ за маловажные проступки законъ требовалъ учрежденія на прискахъ артельныхъ расправъ; о нихъ упоминается въ нѣкоторыхъ контрактахъ (напр., К^о Арендаторовъ 1875 г., Плетюхина 1889 г.). Въ донесеніи олекминскаго горнаго исправника 1872 г. упоминается о существованіи артельныхъ расправъ, хотя и прибавлено, что онѣ „дѣйствуютъ не только снисходительно, но и съ явною поблажкой виновнымъ, страхъ мести которыхъ парализуетъ рѣшеніе выборныхъ“²⁾. Но уже въ 1876 г., во время слѣдствія о волненіи рабочихъ на прискахъ К^о Вазанова, оказалось, что тамъ не было артельныхъ расправъ. То же было замѣчено и во время слѣдствія о волненіи 1882 г. на Благовѣщенскомъ прискѣ Прибрежно-Витимской К^о, гдѣ наказаніе рабочихъ за маловажные проступки налагалось не артельною расправою, а присковою полиціею. Управляющій промыслами показалъ, что „установленный порядокъ артельной расправы былъ примѣняемъ на здѣшнихъ промыслахъ, но оказался неудовлетворительнымъ, а потому нигдѣ на промыслахъ не существуетъ“³⁾. Изъ одного дѣла витимскаго горнаго исправника 1885 г. видно, что штрафныя книги партіонныхъ расправъ возвращались или совершенно чистыми, или налагался арестъ въ 1—3 дня по распоряженію урядника⁴⁾.

¹⁾ Арх. Ирк. Горн. Управ. К. 2560, № 130—184, л. 9.

²⁾ Арх. Ирк. Горн. Управ. К. 2549, № 126—71, л. 464. На прискахъ Вазанова въ 1872 г. рабочіе отказались замѣнить выборнаго, которымъ было не довольно присковое управленіе, другимъ. На основаніи штрафныхъ журналовъ (розданныхъ горноисправникомъ для записыванія полицейскихъ взысканій за маловажные проступки) въ операцію 1873 г. олекминскій горный исправникъ подсчиталъ, что изъ 8070 всѣхъ присковскихъ рабочихъ было подвергнуто на прискахъ полицейскимъ взысканіямъ 314 чел. (неизвѣстно, — сколько по приговору артельныхъ расправъ и сколько по усмотрѣнію полицейскихъ властей). Арх. Ирк. Горн. Управ. К. 2560, № 130—184, л. 86.

³⁾ Арх. Ирк. Горн. Управ. К. 2578, № 215—269, л. 20; К. 2766, № 47—89, л. 66.

⁴⁾ Арх. Витим. Горн. Испр., 1875 г., № 34.

Вѣроятно потому, что во время слѣдствія о волненіи 1882 г. на Благовѣщенскомъ примскѣ было замѣчено отсутствіе артельныхъ или партіонныхъ расправъ, циркулярнымъ предписаніемъ генералъ-губернатора Восточной Сибири (22 февраля 1883 г.) было потребовано, чтобы наказанія на прискахъ за маловажные проступки налагались по приговору этихъ расправъ, учрежденіе которыхъ и было поэтому предписано якутскимъ губернаторомъ горнымъ исправникамъ.

При введеніи ихъ горные исправники встрѣтили нѣкоторые затрудненія; такъ, витимскій исправникъ донесъ, что, хотя нѣкоторыя артельныя расправы и были выбраны, но практическаго примѣненія онѣ не имѣли. Далѣе, указавъ на то, что на прискахъ КК^о Промышленности и Прибрежно-Витимской сосредоточено до 2000 чел. рабочихъ, горный исправникъ спрашивалъ, на сколько партій слѣдовало раздѣлить всю эту рабочую команду, и должна ли быть избрана на всѣхъ рабочихъ одна партіонная расправа или въ каждой партіи особо. Онъ спрашивалъ также, должно ли посылать на работу старость и выборныхъ, составляющихъ расправу, такъ какъ они могутъ быть постоянно занаты разбирательствомъ жалобъ и назначеніемъ наказаній; наконецъ, обязательно ли для КК^о предписаніе учреждать артели, такъ какъ законъ не обязываетъ золотопромышленниковъ имѣть ихъ, а только „дозволяется“ имъ раздѣлять на партіи и учреждать артели для удобнѣйшаго производства работъ. Исправникъ Олекминской системы въ 1884 г. указалъ на то, что по закону партіонной расправѣ предоставляется право подвергать рабочихъ по словесному приговору за маловажные проступки денежному взысканію (до 3 р.), аресту (до семи дней) или наказанію розгами до 20 ударовъ. „Въ числѣ же присковъ рабочихъ преобладаетъ элементъ ссыльныхъ и преимущественно поселенцы ¹⁾ или лица, не одобренныя по суду въ поведеніи, то при выборномъ началѣ число голосовъ ссыльныхъ всегда будетъ имѣть перевѣсъ противъ числа голосовъ лицъ полноправныхъ. Затѣмъ по приговору поселенцевъ будутъ наказываться лица полноправныя — крестьяне, мѣщане и нерѣдко (?) почетные граждане и дворяне. Образованіе же этими послѣдними особой партіонной расправы съ выборными изъ своей среды не всегда возможно, особенно на такихъ прискахъ, производительность которыхъ требуетъ незначительнаго количества рабочихъ рукъ. Между тѣмъ циркуляромъ генералъ-губернатора 22 февраля 1883 г. „воспрещается подвергать рабочихъ, если они не изъ поселенцевъ, тѣлесному наказанію, а предписывается производить о ихъ поступкахъ изслѣдованіе и предавать виновныхъ суду. По приведенному же порядку выбора представителей партіонныхъ расправъ... легко можетъ случиться, что расправа приговоритъ къ наказанію такое лицо, которое по закону отъ этого наказанія изъято“. Вслѣдствіе этого горный исправникъ просилъ разъяснить: „должны ли существовать въ партіонныхъ расправахъ сословныя различія, или же въ этихъ случаяхъ“, при свободномъ выборномъ началѣ, они „не должны быть принимаемы въ уваженіе при опредѣленіи за проступокъ наказаній. Если сословное различіе должно существовать и въ партіонныхъ расправахъ, то какъ поступать въ тѣхъ случаяхъ, когда артель, выбравшая изъ среды своей представителей, будетъ состоять изъ лицъ различныхъ сословій, а представителями будутъ ссыльные“.

¹⁾ Это не справедливо: въ 1884 г. ссыльнопоселенцы составляли только 37% рабочихъ на олекминскихъ промыслахъ.

Общее присутствіе областного якутскаго управленія нашло, что по точному смыслу 10 ст. правилъ о наймѣ рабочихъ на сибирскіе золотые промыслы „для золотопромышленниковъ не обязательно раздѣленіе своихъ присковыхъ рабочихъ на партіи съ учрежденіемъ партіонныхъ расправъ, но лишь въ интересахъ самихъ же золотопромышленниковъ законъ предоставляетъ имъ введеніе на прискахъ этого порядка; на сколько же партій должна быть раздѣлена рабочая команда, въ каждой ли партіи должна быть своя расправа, а также должны ли задолжаться въ работу староста и выборные расправы,—въ законѣ нѣтъ указаній, потому что все это зависитъ отъ золотопромышленниковъ. Что же касается до вопроса о томъ, должны ли подчиняться приговорамъ расправы какъ ссыльно-поселенцы, такъ и лица свободного состоянія, и при опредѣленіи тѣлеснаго наказанія слѣдуетъ ли принимать во вниманіе сословное различіе рабочихъ, то, по мнѣнію общаго присутствія, рабочіе—ссыльно-поселенцы не должны входить въ составъ расправы, образуемой для рабочихъ свободныхъ состояній, но могутъ имѣть свою расправу, назначаемую изъ среды ссыльно-поселенцевъ. Наказаніе же за маловажные проступки налагается или расправой, гдѣ таковая будетъ учреждена, или же въ подлежащемъ случаѣ горнымъ исправникомъ“. Постановленіе это было утверждено губернаторомъ въ сентябрѣ 1885 г. и сообщено присковой полиціи.

Во время посѣщенія въ 1886 г. присковъ Олекминскаго округа генераль-губернаторъ Восточной Сибири гр. Игнатьевъ обратилъ вниманіе на то, что циркуляръ бывшаго генераль-губернатора отъ 22-го февраля 1883 г. объ учрежденіи артельныхъ расправъ остался неисполненнымъ, и что постановленіе по этому предмету якутскаго областного совѣта не было представлено на разсмотрѣніе Главнаго Управленія Восточной Сибири. Указывая на это якутскому губернатору, гр. Игнатьевъ (19-го августа 1886 г.) писалъ: „Между тѣмъ вопросъ объ устройствѣ партіонныхъ расправъ имѣетъ весьма серьезное значеніе въ установленіи должнаго порядка между присковыми рабочими, и разрѣшеніемъ его въ положительномъ смыслѣ могли быть устранены постоянныя недоразумѣнія, возникающія между присковыми управленіями и рабочими. О всѣхъ этихъ недоразумѣніяхъ сообщается горному исправнику, который или уклоняется отъ разрѣшенія ихъ, или иногда собственною властью налагаетъ на рабочихъ взысканія“ ¹⁾.

На это новый якутскій губернаторъ Свѣтлицкій отъ 31 іюля 1887 г. отвѣчалъ: „Горный исправникъ Олекминской системы, подполковникъ Калагеорги, донесъ мнѣ нынѣ, что партіонныя расправы на золотыхъ

¹⁾ При отсутствіи артельныхъ расправъ наказанія всегда назначались присковою полиціей.

пріискахъ никогда не существовали; на нѣкоторыхъ пріискахъ при предмѣстникахъ его сдѣланы были попытки введенія расправъ, и назначены были выборные судьи, но проба эта не удалась. Судьи, отговариваясь необходимостью заниматься разборомъ дѣлъ, на работу не выходили, что вызывало протестъ со стороны пріисковыхъ управленій; эти выборные сразу почувствовали себя въ ложномъ положеніи: завися отъ пріисковыхъ управленій и зная, что во всякое время могутъ быть уволены, они старались заискивать предъ управляющими и жаловаться на своихъ товарищей, объясняя, что ничего не могутъ сдѣлать, что боятся примѣнять наказанія, въ виду получаемыхъ ими угрозъ; съ другой стороны они жаловались рабочимъ на пріисковыя управленія. Такимъ образомъ, вмѣсто пользы для дѣла, они только разжигали страсти и усложняли взаимное отношеніе управленій съ рабочими. Долго ли это длилось, ему неизвѣстно, такъ какъ, вступивъ въ должность въ 1884 г., онъ партіонныхъ расправъ уже не засталъ, хотя приложилъ старанія ввести ихъ, пробовалъ при ссорахъ между собою рабочихъ или мужа съ женой передавать разборъ дѣла выборнымъ на этотъ случай нѣсколькимъ человѣкамъ изъ рабочихъ, но всегда получалъ съ ихъ стороны отказъ, причемъ они заявляли, что судить своего брата не могутъ, и что на это есть начальство.... Онъ собиралъ рабочихъ и объяснял имъ пользу для нихъ отъ введенія расправъ, но всѣ доводы его были безуспѣшны; точно также и предмѣстники его въ Олекминской системѣ старались ввести партіонныя расправы и также ничего сдѣлать не могли". На основаніи этого донесенія горнаго исправника Свѣтлицкій высказывалъ мнѣніе, что „ввести партіонныя расправы на золотыхъ пріискахъ не представляется возможности" ¹⁾. Артельныхъ расправъ не существовало и въ началѣ 90-хъ гг.

О тѣлесныхъ наказаніяхъ рабочихъ упоминается въ нѣкоторыхъ контрактахъ. Такъ въ договорахъ Базилевскаго 70-хъ и 80-хъ гг. послѣ упоминанія объ обязательствѣ рабочихъ хорошо вести себя на пріискахъ, далѣе сказано: „въ противномъ случаѣ подвергаемся штрафу на основаніи сего контракта, полицейскому исправленію и наказанію по закону"; въ нѣсколькихъ контрактахъ за побѣгъ полагалось исправительное наказаніе ²⁾. Золотопромышленники очень оплакивали запрещеніе горнымъ исправникамъ подвергать тѣлесному наказанію полноправныхъ рабочихъ-крестьянъ, мѣщанъ и пр. „Не мало было въ теченіе операціи ропота и на то, что уничтожилась мѣра взысканія съ мѣщанъ и крестьянъ

¹⁾ Арх. Ирк. Горн. Упр. К. 2773, № 150—139, л. 22, 54—55, 59—61.

²⁾ Договоры Трапезниковыхъ 70-хъ гг., Аканакъ-Накатаминскаго Т-ва 1886 г., К^о Промышленности до 1887 г. Въ отчетѣ Витимскаго горнаго исправника за 1875 г. упоминается о полиц. исправленіи, „т.-е. тѣлесномъ наказаніи рабочихъ за утайку подземнаго золота". Арх. Ирк. Гор. Упр. К. 2574, № 189—243, л. 93.

нѣтъ, которою руководствовались мои предшественники“, доноситъ генералъ-губернатору олекминскій горный исправникъ въ октябрѣ 1872 г., „и необходимость которой въ нѣкоторыхъ случаяхъ признаю и я, тѣмъ болѣе что Горнымъ Уставомъ предоставлена же она партіонной расправѣ“. Но тутъ же горный исправникъ напоминаетъ о такихъ приско-выхъ порядкахъ: „долго всякая жалоба управленій служила поводомъ къ немедленному наказанію и постоянному обвиненію рабочаго люда“¹⁾. Какъ сильно желали олекминскіе золотопромышленники расширенія тѣлесныхъ наказаній на прискахъ, видно изъ заявленія, поданнаго ими въ комитетъ, учрежденный въ 1873 г. въ Иркутскѣ, въ которомъ они, между прочимъ, просили—„въ случаѣ, если рабочій сдѣлаетъ болѣе важный проступокъ, дозволить уряднику, не дожидаясь пріѣзда горнаго исправника, наказывать виновныхъ розгами. Какъ управляющій, такъ и урядникъ должны записывать въ штрафной журналъ имя виновнаго рабочаго, проступокъ и наказаніе, ими сдѣланное, и на обязанности горнаго исправника—слѣдить, справедливо, или нѣтъ, сдѣлано наказаніе, и въ случаѣ, если управляющій прискомъ или урядникъ сдѣлаютъ несоотвѣтственное вину наказаніе или накажутъ невиннаго, то взыскивать съ нихъ по закону. Для того же, чтобы рабочіе знали, что управляющій и урядникъ имѣютъ право подвергать ихъ наказаніямъ, объявить о томъ командѣ циркуляромъ до начала лѣтнихъ работъ“. По этому поводу исправникъ Лукьяновъ пояснилъ, что „наказаніе розгами поселенцевъ производилось и ранѣе, производится и теперь старшимъ урядникомъ съ занесеніемъ въ штрафной журналъ... Взысканіе это должно оставаться и на будущее время“²⁾.

Главною причиною волненія на прискахъ К^о Базанова въ 1876 г. было, по словамъ рабочихъ, „несправедливо строгое обращеніе съ ними“ горнаго исправника Попова³⁾. Во время слѣдствія о волненіи 1882 г. на Благовѣщенскомъ прискѣ Прибрежно-Витимской К^о одинъ рабочій показалъ, что управленіе назначало рабочимъ слѣдующія наказанія: арестъ въ арестантской казачьей, розги и штрафъ. Бывало такъ, что „непринятаго въ больницу рабочаго отсылаютъ въ казачью; тамъ продержатъ въ карцерѣ нѣсколько дней и иногда выскрутъ, а управленіе съ своей стороны за дни, проведенные подъ арестомъ, пишетъ штрафъ, какъ за самовольный прогулъ; случается и такъ: больной рабочій, не принятый въ больницу, боясь попасть въ казачью и быть наказаннымъ, уходитъ лѣтомъ въ лѣсъ и лежитъ тамъ, пока поправится, причемъ отлучка сама собою пишется штрафомъ“. Рабочій жаловался также на

¹⁾ Арх. Ирк. Гор. Упр. К. 2549, № 126—71, л. 464.

²⁾ Арх. Ирк. Гор. Упр. К. 2544, № 48—103, л. 148, 151 об.

³⁾ Арх. Ирк. Гор. Упр. К. 2578, № 215—269, л. 19.

„дерзкое обращеніе урядника Нѣмчинова съ рабочими“, которое „давно породило къ нему ненависть... Онъ, кромѣ ареста, продолжающагося иногда по нѣскольку дней, и наказанія розгами, постоянно и крѣпко билъ рабочихъ собственноручно, приказывалъ рабочему, кромѣ наказанія арестомъ, чистить ретирады, около помѣщенія рабочихъ: такое наказаніе считается у рабочихъ постыднымъ“. Полицейскіе казаки подъ присягой показали, что урядникъ Нѣмчиновъ „дерзко обращался съ рабочими: билъ арестованныхъ и наказывалъ ихъ розгами до 50 ударовъ“. Изъ штрафного журнала, выданнаго уряднику Благовѣщенскаго привска, видно, что рабочіе подвергались наказанію розгами даже до 100 ударовъ, аресту болѣе семи дней и вмѣстѣ съ тѣмъ штрафу. При этомъ бывали случаи одновременнаго наказанія арестомъ на хлѣбъ и водѣ на трое сутокъ и розгами (по приказанію горнаго исправника) не только поселенцевъ, но и полноправнаго крестьянина. Урядникъ Нѣмчиновъ показалъ, что подвергалъ рабочихъ аресту „по словесному приказанію надворнаго“ (т.-е. присковаго служащаго), „и отъ нихъ зависѣло назначать срокъ содержанія подъ арестомъ (1) ¹⁾“; наказаніе же розгами производилъ только по распоряженію исправника. По поводу жалобъ рабочихъ на то, что нѣкоторыхъ арестованныхъ онъ заставлялъ чистить отхожія мѣста, Нѣмчиновъ заявилъ, что дѣлалъ это не по собственному усмотрѣнію, а по распоряженію исправника или *промысловаго управленія*. „По запискамъ исправника дѣйствительно управленіе штрафовало виновныхъ рабочихъ деньгами помимо ареста. Бывали случаи, что арестовалъ рабочихъ по приказанію смотрителей разрѣзовъ, надворныхъ и другихъ служащихъ (1) и на другой день утромъ отводилъ „на работу“ и по требованію смотрителей вновь водилъ въ карцеръ подъ арестъ, который продолжался иногда по нѣскольку дней, но объ этомъ докладывалъ исправнику“ ²⁾. Мы видимъ такимъ образомъ, что за отсутствіемъ артельныхъ расправъ на промыслахъ царилъ произволъ присковыхъ управленій, прикрытыхъ властью экономически зависящихъ отъ нихъ горныхъ исправниковъ и полицейскихъ урядниковъ.

Аврамовъ въ своей книгѣ, изданной въ 1884 г., говоритъ (стр. 120), что тѣлесное наказаніе рѣдко практиковалось. Это справедливо относительно Витимской системы, когда горнымъ исправникомъ въ ней былъ г. Калагеорги, дѣйствительно чувствовавшій отвращеніе къ этому способу расправы ³⁾. Но дѣло совершенно измѣнилось съ назначеніемъ при

¹⁾ Между тѣмъ законъ не предоставлялъ присковому управленію права наказывать рабочихъ, на что обратилъ вниманіе еще полк. Купенковъ въ 1872 г. Арх. Ирк. Горн. Управ. К. 2544, № 48—108, л. 136.

²⁾ Арх. Ирк. Горн. Управ. К. 2766, № 47—39, л. 58—65, 250—262.

³⁾ Въ дѣлѣ 1885 г. (при Калагеорги, о наказаніи рабочихъ за маловажные

гр. Игнатьевъ витимскимъ горнымъ исправникомъ бывшаго гвардейскаго офицера (кавалергарда) Траскина, который запугалъ рабочихъ такъ, что при разговорѣ съ нимъ они кланялись ему въ ноги. Въ Сибири народъ зоветъ чиновника бариномъ; тутъ эта кличка дѣйствительно вполне оправдывалась. Траскинъ, который, вслѣдствіе своей чрезмѣрной полноты, не могъ даже, какъ слѣдуетъ, исполнять своихъ обязанностей,—не могъ спускаться въ шахту и ѣздить верхомъ,—нещадно сѣкъ рабочихъ, не различая крестьянъ и поселенцевъ, хотя первые по закону избавлены отъ тѣлесныхъ наказаній. Прежде онъ не безпокоился даже составлять каждый разъ по этому поводу постановленіе, какъ этого требуетъ законъ, такъ что эта небрежность вызвала ему замѣчаніе со стороны иркутскаго генералъ-губернатора А. Д. Горемыкина во время посѣщенія имъ олекминскихъ промысловъ въ 1890 г. Онъ давалъ иной разъ поселенцамъ до 200 ударовъ розгами.

Въ подтвержденіе нашихъ словъ мы приведемъ выписки изъ подлинныхъ дѣлъ витимскаго горнаго исправника. Въ дѣлѣ 1888 г. читаемъ, что урядникъ Малышевъ представляетъ 12 ноября на „зависящее распоряженіе“ горнаго исправника 6 чел. рабочихъ „Кулагина съ товарищами., взятыхъ на Николае-Иннокентіевскомъ прискѣ Аристархова... за хищничество золота, и Кулагина за побѣгъ съ пути слѣдованія“. Надпись горнаго исправника: „высл.(аны) на Витимъ“. Всѣ они были поселенцы и безъ вида. Противъ имени ихъ краснымъ карандашемъ выставлены цифры. Противъ имени Кулагина цифра 200, противъ остальныхъ 100 (розогъ). Въ томъ же дѣлѣ находимъ, что управляющій Еленинскимъ прискомъ Бодайбинской К^о представляетъ горному исправнику двухъ рабочихъ этого приска: поселенца Зуева и изъ *крестьянъ* Сысоева съ жалобой на „уклончивость отъ работъ и неявку на оныя подъ предлогомъ болѣзни“ и съ просьбой взыскать съ этихъ рабочихъ по закону и затѣмъ прислать обратно на прискъ. Надпись исправника: „выпороти и выгнали вонъ“, т.-е. изъ тайги (31 декабря 1888 г.); формальнаго постановленія о наказаніи нѣтъ. Тутъ мы видимъ, слѣдовательно, случай наказанія розгами полноправнаго рабочаго изъ крестьянъ.

Въ дѣлѣ архива витимскаго исправника 1889 г. (№ 19) „о взысканіяхъ, налагаемыхъ горнымъ исправникомъ за маловажные проступки“, опять встрѣчаемся съ именемъ поселенца Кулагина въ отношеніи исправника Траскина фельдшеру: „Прошу васъ освидѣтельствовать посылаемаго при семъ поселенца Алексѣя Кулагина, можетъ ли онъ вынести тѣлесное наказаніе въ количествѣ 100 ударовъ розогъ, и меня на семъ же увѣдомить“. Фельдшеръ извѣщаетъ, что можетъ. Этимъ и ограничивается дѣлопроизводство о наказаніи Кулагина. На такое безпорядочное веденіе дѣла исправникомъ Траскинымъ обратили вниманіе лица, производившія ревизію дѣлъ исправника при посѣщеніи присковъ генералъ-губернаторомъ А. Д. Горемыкинымъ въ 1890 г.

Въ подобномъ же дѣлѣ витимскаго горнаго исправника 1890 г. (№ 28) встрѣчаемъ тѣлесныя наказанія за слѣдующіе проступки: за праздношатательство, за самовольную отлучку съ приска (*крестьянина и рядового*), за невыходъ на

проступки) мы нашли только одно постановленіе, имъ подписанное, о наказаніи рабочаго 10 ударами розогъ. Арх. Витим. Горн. Исправ. дѣло 1885 г. № 34.

работу (*мѣщанина*), одного рабочаго „за возмущеніе работающей съ нимъ артели въ числѣ 10 чел. и похвальбу, что онъ сдѣлаетъ то, что вся команда не будетъ зарабатывать заданнаго урока“; наконецъ было произведено наказаніе „за полное неповиновеніе полицейской власти и подстрекательство къ тому другихъ рабочихъ“. Всего въ дѣлѣ 1890 г. упомянуто о наказаніи 44 человекъ, но всѣ ли это наказанные ¹⁾? Вѣроятно не всѣ, по крайней мѣрѣ въ другомъ дѣлѣ того же 1890 г. ²⁾ мы встрѣтили тѣлесное наказаніе *крестьянина* за то, что вывалилъ таратайку „назло“ около самаго забоя ³⁾. Въ моемъ присутствіи бывшій горный исправникъ г. Калагеорги и мѣстный докторъ нападали на Траскина за чрезмѣрное сѣченіе рабочихъ, а тотъ напомнилъ доктору, что онъ самъ однажды прислалъ ему рабочаго для тѣлеснаго наказанія. Другой докторъ на одесинскихъ прискахъ сообщилъ мнѣ, что однажды послалъ къ горному исправнику для сѣченія рабочаго, упорно притворявшагося больнымъ.

Несмотря на неблагопріятные для него результаты ревизіи 1891 г., Траскинъ до 1894 г. оставался горнымъ исправникомъ, да и то не былъ удаленъ со службы (какъ удаленъ тогда же горный инженеръ), а переведенъ на мѣсто иркутскаго окружного исправника, впрочемъ менѣе выгодное ⁴⁾. И послѣ всѣхъ своихъ подвиговъ по части сѣченія рабочихъ Траскинъ, въ опроверженіе одной корреспонденціи, писалъ слѣдующее: „прежніе бунты въ тайгѣ, когда она далеко была не такъ многолюдна, и когда рабочіе были гораздо смирнѣе, осизательно доказываютъ, что изображать какого-то Нерона, Калигулу и т. п. весьма рискованно; здѣсь надо большую волю и твердый характеръ, чтобы довести рабочихъ до полнаго довѣрія къ исправнику. За шесть лѣтъ моего пребыванія здѣсь въ тайгѣ не было случая, чтобы при недоразумѣніяхъ съ управленіями рабочіе сами бы не требовали вызова исправника. И всегда все приводилось ко взаимному соглашенію. Я думаю, что этого не было бы, если бы исправникъ былъ такъ глупъ, что, входя въ тысячную толпу, крикнулъ бы: „розогъ“. *Да причемъ тутъ розги?*“ ⁵⁾. Вызовъ рабочими горнаго исправника рѣшительно ничего не доказываетъ, такъ какъ въ тайгѣ, на нѣсколько сотъ верстъ отстоящей отъ жилыхъ мѣстъ, вызывать, въ случаѣ столкновенія съ присковыми управленіями, рѣшительно болѣе некого; о розгахъ же г. Траскину ужъ лучше было бы не упоминать, хотя дѣйствительно

¹⁾ Въ нашемъ присутствіи мѣстный врачъ сказалъ горному исправнику (въ 1891 г.), что изъ казачьей на Бодайбинской резиденціи чуть не ежедневно слышатся стоны.

²⁾ „О разрѣшеніи недоразумѣній между рабочими и присковыми управленіями“ (№ 24, л. 7).

³⁾ О тѣлесномъ наказаніи полноправныхъ рабочихъ свидѣлствуетъ и г. Кражевъ въ „Рус. Жизни“ 1894 г. № 4.

⁴⁾ Вскорѣ послѣ того Траскинъ оставилъ службу въ Сибири.

⁵⁾ „Восточ. Обзор.“ 1894 г. № 9, стр. 2.

онъ прибѣгалъ къ тѣлесному наказанію не въ присутствіи тысячной толпы, что было бы не совсѣмъ безопасно, а у себя на Бодайбинской резиденціи.

Въ послѣднее время стало возрастать у рабочихъ чувство собственнаго достоинства, что объясняется увеличеніемъ количества полноправныхъ рабочихъ, и тѣлесныя наказанія начинаютъ вызывать среди нихъ энергическій протестъ. По словамъ одной сибирской газеты, эти „новыя вѣянія“ проникли въ тайгу, акклиматизировались въ ней не по почину откуда-либо извнѣ, а какъ-то сами собой, и проникли непосредственно въ среду рабочихъ, вызвавъ съ ихъ стороны ко всѣмъ подобнымъ варварствамъ оппозицію, хотя, быть можетъ, и несознательную, а инстинктивную, исходящую изъ того же „права сильного“, оппозицію, возникшую изъ пока еще смутнаго сознанія рабочихъ, что на прискахъ они „сила“, такъ какъ ихъ много, масса. И дѣйствительно, всѣ примѣры подобной оппозиціи носятъ на себѣ характеръ артельный, хотя, конечно, встрѣчаются и единичные, но тѣмъ не менѣе довольно внушительные и поучительные примѣры“ ¹⁾.

Въ запискѣ, поданной въ иркутскій комитетъ 1873 года, олекминскіе золотопромышленники говорятъ: „Чтобы прекратить буйства и неповиновеніе рабочихъ, необходимо разрѣшить управляющимъ присками подвергать рабочихъ за ослушаніе, невыходъ на работы, уклоненіе отъ работъ, пьянство, грубости, лѣность, картежную игру и т. п. проступки аресту въ карцерахъ на время отъ 3 до 5 дней. При этомъ дозволить арестовывать, какъ поселенцевъ, такъ и крестьянъ, и мѣщанъ. Безъ этого прекратить безпорядки немыслимо, и, если теперь не будутъ приняты строгія мѣры, то прискамъ грозить въ будущемъ болѣе худшее положеніе дѣлъ. Крестьяне и мѣщане сознаютъ вполнѣ, что въ настоящее время всѣ проступки ихъ проходятъ безнаказанно, и потому безпорядки на прискахъ съ каждымъ годомъ увеличиваются. Мѣщане и крестьяне—главные зачинщики тѣхъ безпорядковъ“. На это горный исправникъ Лукьяновъ замѣтилъ, что „аресты рабочихъ, по заявленію управляющихъ, исполняются и нынѣ..., только аресты эти продолжаютъ не болѣе дня или двухъ“ ²⁾.

Въ донесеніи генераль-губернатору въ 1873 г. олекминскій горный исправникъ говоритъ: „устройство одиночныхъ карцеровъ, на которое сначала глядѣли съ сомнѣніемъ, принесло такую пользу, что провинившіеся согласны были лучше быть наказанными розгами, нежели подвергнуться заключенію въ нихъ“ ³⁾. Въ одномъ официальномъ источ-

¹⁾ „Сибир. Вѣст.“ 1892 г. № 51.

²⁾ Арх. Ирк. Горн. Упр. К. 2544, № 48—108, л. 148, 151.

³⁾ Арх. Ирк. Горн. Упр. К. 2560, № 130—184, л. 9. Въ дѣлѣ о волненіи на

нигѣ мы находимъ указаніе, что „въ Олекминской системѣ, гдѣ работающихъ присковъ не болѣе 25 и золотопромышленныхъ КК^о только 16, устройство одиночныхъ карцеровъ достигало своей цѣли главнымъ образомъ потому, что самые дальніе приски находились отъ резиденціи исправника въ 35 верстахъ, всѣ прочіе расположены вокругъ нея на разстояніи 3—16 верстъ, а потому и присылка провинившихся рабочихъ не отнимала много времени. Приски Витимской системы хотя и отдалены на 90 верстъ, но тамъ постоянно жилъ казачій офицеръ, который до наданія инструкціи горнымъ исправникамъ 1874 г., „по распоряженію исправника, могъ, при обнаруженіи со стороны рабочихъ предосудительныхъ проступковъ, употреблять—какъ мѣру взысканія—одиночное заключеніе и доносить о томъ исправнику“ ¹⁾. Въ 1875 г. сенатъ отмѣнилъ распоряженіе объ учрежденіи карцеровъ на золотыхъ прискахъ (см: гл. II, стр. 30), но они продолжали существовать. При арестованіи рабочихъ въ „каталажкѣ“ (присковое названіе карцера) давали, по словамъ Аврамова, горячую пищу черезъ 2 дня въ 3-й (стр. 121), но въ штрафномъ журналѣ урядника Нѣмчинова Благовѣщенскаго приска Прибрежно-Витимской К^о (1880—82 гг.), гдѣ записывались аресты и тѣлесныя наказанія рабочихъ, мы встрѣтили случай арестованія ихъ на хлѣбѣ и водѣ въ теченіе 9 сутокъ ²⁾. Мы видѣли выше, что на этомъ прискѣ арестъ не всегда освобождалъ отъ тѣлеснаго наказанія за тотъ же проступокъ.

Во время поѣздки на олекминскіе промыслы генераль-губернатора гр. Игнатъева въ 1886 г. и производства ревизіи дѣлъ горнаго исправника Витимской и Олекминской системъ „при осмотрѣ ревизующими арестантскихъ камеръ при казачьемъ помѣщеніи въ мѣстѣ пребыванія горнаго исправника въ нихъ оказалось 15 чел. арестованныхъ“, причемъ нѣкоторые изъ нихъ „содержались въ ножныхъ кандалахъ, но постановленій объ арестованіи ихъ не составлено, и слѣдственныхъ дѣлъ о нихъ у исправника не было“ ³⁾.

прискахъ Вазанова 1876 г. есть указаніе на арестованіе рабочихъ за кормленіе лошадей кусками хлѣба, отпускаемаго на продовольствіе этихъ рабочихъ. Арх. Ирк. Горн. Управ. К. 2578, № 215—269, л. 19.

¹⁾ Арх. Горн. Испр. Енис. системы, 1873 г. № 10.

²⁾ Арх. Ирк. Горн. Управ. К. 2766, № 47—39, л. 253.

³⁾ На сдѣланное по этому поводу замѣчаніе, вызванное заявленіемъ нѣкоторыхъ арестованныхъ о неправильномъ ихъ задержаніи, подполк. Калагеорги (горный исправникъ) „объяснилъ, что скопленіе арестантовъ произошло вслѣдствіе выѣзда его изъ резиденціи на приски К^о Сибирякова для окончанія слѣдствій. По его словамъ, двое изъ арестованныхъ... подвергнути аресту управленіемъ присковъ Малопадомскаго Т-ва за уклоненіе отъ работъ, а крестьянинъ Серебренниковъ закованъ въ кандалы въ виду обвиненія въ спиртоносничествѣ, но что ему неизвѣстно, кто распорядился ихъ задержаніемъ, такъ какъ бумагъ о нихъ еще не получилъ“.

„Вообще было замѣчено“, продолжаетъ гр. Игнатьевъ въ отноше-
ніи къ якутскому губернатору, „что на прискахъ и въ другихъ каме-
рахъ при казачьихъ арестанты содержатся по нѣскольку дней безъ
всякихъ постановленій, хотя о всѣхъ лицахъ, содержащихся подъ стра-
жей за уголовныя преступленія, исправникъ ежемѣсячно представляетъ
въ якутское областное правленіе вѣдомости съ указаніемъ, когда и за
что арестованы, и въ какомъ положеніи дѣло находится; но сколько
ежемѣсячно арестуется рабочихъ за лѣность, пьянство и ослушаніе
промысловыми управленіями, а также какому они подвергаются за это
взысканію и по чьему распоряженію,—свѣдѣній объ этомъ въ дѣлахъ
исправника не имѣется... Отсутствие какого-либо въ этомъ отношеніи
порядка установило полный произволъ промысловыхъ управленій, тре-
бованія которыхъ о задержаніи рабочихъ подъ стражею исполняются
урядниками безпрекословно, и рабочіе, какъ было замѣчено, содержатся
иногда по этимъ требованіямъ въ теченіе болѣе или менѣе продолжи-
тельного времени до тѣхъ поръ, пока исправникъ не выдастъ имъ пу-
тевого вида для слѣдованія къ мѣсту приписки. Хотя горный исправ-
никъ Балагеорги и заявлялъ, что онъ всегда лично разбираетъ каждую
жалобу присковаго управленія на рабочихъ, но, за отсутствіемъ въ
дѣлахъ его подобныхъ производствъ, трудно судить, насколько удовле-
творяютъ справедливости производимыя имъ разбирательства“¹⁾.

Золотопромышленники въ договорахъ съ рабочими всегда пре-
доставляли себѣ право расчитывать ихъ до срока найма по своему
усмотрѣнію. Чиновникъ, производившій слѣдствіе по поводу волненія
рабочихъ въ 1882 г. на Благовѣщенскомъ прискѣ Прибрежно-Витим-
ской К^о, нашелъ, что расчитываніе рабочихъ производится иногда не-
правильно, что управленіе можетъ расчитать рабочаго за основатель-
ную жалобу на служащаго, „словомъ, рабочій не можетъ ручаться, что
на завтрашній день будетъ имѣть работу и заработокъ“. Наконецъ, по
словамъ того же слѣдователя расчитываніе рабочихъ, „убившихъ здо-
ровье на тяжелыхъ присковыхъ работахъ, здѣсь вещь обыкновенная;
заболѣлъ рабочій. разъ два побывалъ въ больницѣ, и если докторъ
найдетъ, что здоровье плохо, и работникъ не надеженъ, то такового
расчитываютъ и, не снабжая никакими пособіями, отправляютъ на
Ленскую резиденцію“²⁾.

¹⁾ Арх. Ирк. Горн. Управ. К. 2773, № 150—139, л. 21—23.

²⁾ Арх. Ирк. Горн. Управ. К. 2766, № 47—39, л. 58, 60, 135. По словамъ мѣст-
ной газеты, К^о Сибирякова и Базанова расчитывала рабочихъ „за малѣйшіе про-
ступки“. Былъ даже такой случай: „управляющій пароходствомъ“ этой К^о „Г—въ
идетъ по разрѣзу; одинъ рабочій, снявъ шапку, называетъ его по имени и отчеству и
раскланивается“. На вопросъ управляющаго, какъ онъ знаетъ его,—рабочій отвѣчалъ,
что знаетъ его съ тѣхъ поръ, какъ онъ былъ еще нарядчикомъ. „Черезъ сутки рабо-

Одинъ служащій этой компаніи, рассказывая намъ про бывшаго управляющаго С—ва, называлъ его „варваромъ“, такъ какъ ему ничего не стоило сразу расчитать сто человѣкъ. Бывшій начальникъ иркутскаго горнаго управленія также свидѣтельствуетъ о досрочномъ расчетѣ рабочихъ „иногда за самые маловажные проступки“ ¹⁾. Иной разъ рассчитывали рабочихъ безъ всякой вины съ ихъ стороны, только потому, что расчеты хозяевъ на предполагавшуюся добычу золота не осуществились и нанятыхъ рабочихъ оказывалось слишкомъ много; „этотъ порядокъ заведенъ давно и предосудительнымъ не считается“ ²⁾. По словамъ г. Михайлова, „рабочихъ до срока всегда рассчитывается весьма значительное число. На одномъ изъ пріисковъ, представляющемъ всѣ характерныя явленія олекминской тайги, удалось“ (во время поѣздки иркутскаго генералъ-губернатора въ 1890 г.) „извлечь изъ дѣлъ свѣдѣнія о движеніи пріисковаго рабочаго населенія за три года (1887—89 гг.). Оказалось, что изъ всего числа рабочихъ (въ среднемъ за три года 1489 чел.) 25,8% получили расчетъ до срока контракта „по лѣности и другимъ причинамъ“; 4,1% по неспособности къ горнымъ работамъ; 1,4% за грубость и дерзости и 2,6% за торговлю спиртомъ и нетрезвое поведеніе; 3,5% рассчитались до срока по собственному желанію.

Досрочный расчетъ тѣмъ болѣе ужасенъ для рабочаго, что такъ какъ тайга считается нежилымъ мѣстомъ, то рабочіе, не нанятые ни на какихъ промыслахъ, выдворяются изъ нея въ первое жилое мѣсто.

Въ 1883 г. генералъ-губернаторъ Восточной Сибири пожелалъ узнать, сколько рабочихъ было выслано въ теченіе двухъ лѣтъ съ олекминскихъ промысловъ этапнымъ порядкомъ, кѣмъ, по чьему распоряженію и по какимъ причинамъ. Мы имѣемъ отвѣтъ только горнаго исправника Витимской системы. Изъ донесенія исправника видно, что было выслано въ 1881 г. рабочихъ крестьянъ, мѣщанъ, поселенцевъ и ивородцевъ 43 человѣка, ссыльно-каторжныхъ 60, всего 103 чело-

---

чій былъ расчитанъ, потому что Г. всегда тщательно скрывалъ свое прошедшее“. „Восточ. Об.“ 1883 г. № 32, стр. 5.

¹⁾ „Извѣст. Восточ. Сибир. Отд. Геогр. Общ.“ 1886 г. т. XVII, № 3—4; срав. „Сибир. Сборн.“ 1889 г., вып. 1, стр. 21.

²⁾ „Сибирь“ 1887 г. № 14—15, стр. 5. Въ нѣкоторыхъ контрактахъ прямо предоставлялось пріисковому управленію право расчитать рабочихъ до срока „за излишествомъ и сокращеніемъ работъ“, напр., въ договорѣ Прибрежно-Витимской К^о начала 70-хъ гг. Въ 1890 г. въ Бодайбинской К^о прорвало дамбу, и пріисковое управленіе стало расчитывать рабочихъ за всякій пустякъ; а между тѣмъ, ранѣе этого въ Иркутскѣ и Балаганскомъ округѣ были наняты рабочіе для этой К^о и отправлены на промыслы. Расчитанные рабочіе встрѣтились съ худшими на пріиски, и въ концѣ концовъ человѣкъ 300 было принято на пріиски К^о Промышленности, но не въ. Бодайбинская К^о дала нанатымъ рабочимъ по полушубку и еще какой-то пустакъ.

нѣка; въ 1882 г. крестьянъ, мѣщанъ, поселенцевъ и запасныхъ рядовыхъ 52 человекъ, ссыльно-каторжныхъ два, всего 54 человекъ; въ 1883 г. крестьянъ, рядовыхъ, поселенцевъ и инородцевъ 53 человекъ, ссыльно-каторжныхъ 2, итого 55, а всего въ 1881—83 гг.—212 человекъ.

Въ томъ числѣ въ 1881 г. 44 чел. были высланы „по распоряженію горнаго исправника Витимской системы и отправлены витимскими волостнымъ правленіемъ“. Причины высылки: за спиртоношество и сопротивленіе поимщикамъ—для заключенія въ киренскій тюремный замокъ, за нанесеніе ранъ ножомъ—для заключенія въ якутскій тюремный замокъ (ссыльнокаторжный), за кражу для отдачи подъ надзоръ общества, за приобрѣтеніе фальшиваго вида, за бродяжество, „за произнесеніе оскорбительныхъ словъ противъ особы Государя Императора“ (поселенецъ Витимской волости М—скій), за побѣгъ и приобрѣтеніе фальшиваго вида, „за хищническую добычу золота на спорномъ Михайловскомъ прискѣ“ (4 поселенца), за спиртоношество и неимѣніе письменнаго вида, за побѣгъ и приобрѣтеніе фальшиваго вида, за правдошатательство, за кражу со взломомъ, за неимѣніе письменныхъ видовъ, за скупъ золота, за побѣгъ изъ подъ стражи и бродяжество, за подлоги, за оказанное сопротивленіе полиціи, за предосудительное поведеніе и сношеніе со спиртоносами. Въ томъ же году 59 чел. (въ томъ числѣ 8 женщинъ ссыльнокаторжныхъ) высланы одни „вслѣдствіе ходатайства промыслового управленія по распоряженію горнаго исправника по неспособности къ никакимъ промысловымъ работамъ“, другіе „по распоряженію завѣдывающаго ссыльнокаторжными на промыслахъ К^о Базанова и Сибирякова по болѣзненному состоянію и неспособности къ присковымъ работамъ“.

Въ 1882 г. по распоряженію горнаго исправника 33 чел. были высланы, кромѣ прежнихъ причинъ, за составленіе подложнаго документа, за убійство и грабежъ (3 чел.), за проживаніе подъ чужимъ именемъ, по подозрѣнію въ убійствѣ и составленіи шайки для спиртоношества (3 чел.), за покушеніе на убійство, за нанесеніе смертельныхъ ранъ, „за хищническую добычу золота изъ орты“ съ поврежденіемъ задѣланнаго входа (9 чел.), за кражу золота, за перемѣну имени (поселенецъ), и одна женщина, красноярская мѣщанка, „за дурное поведеніе вслѣдствіе просьбы мужа“. Въ томъ же году 20 чел. крестьянъ и поселенцевъ, по распоряженію слѣдователя—чиновника особыхъ порученій Осташкина, были высланы горнымъ исправникомъ за участіе въ возмущеніи на Благовѣщенскомъ прискѣ К^о Базанова и Сибирякова.

Въ 1883 г., кромѣ тѣхъ же причинъ, были высылки рабочихъ „за оскорбленіе горнаго исправника“, за кражу денегъ, за неповиновеніе полиціи и промысловому управленію, за дурное поведеніе и разныя угрозы, „для исполненія судебного приговора“, по болѣзненному состоянію и неимѣнію средствъ, за сопротивленіе казакамъ при отобраніи золота ¹⁾.

¹⁾ Арх. Витим. Горн. Испр., дѣло 1883 г. № 92, л. 1—8. Въ Ленскомъ Т-ѣ, въ операцію 1893—94 г. было разсчитано до срока контракта 29% рабочихъ, но многіе изъ нихъ по собственному желанію. „Вѣстн. Золот.“ 1895 г., стр. 398, 1896 г., стр. 188. О высылкахъ зачинщиковъ волненій см. „Восточн. Обзор.“ 1895 г. № 28. При высылкѣ рабочихъ до срока имъ иногда не выдавали даже сухарей. „Вост. Об.“ 1895 г. № 17—18.

Сами горные исправники признавали совершенную бесплодность высылки рабочихъ изъ тайги, такъ какъ лишеннымъ работы сплошь и рядомъ ничего не оставалось, какъ вновь, но уже тайкомъ, возвратиться въ тайгу. Витимскій горный исправникъ въ отчетѣ за 1886 г. говоритъ: „практикуемая высылка бродячаго люда въ Витимъ, кромѣ возбужденія общаго неудовольствія, никакихъ результатовъ не имѣетъ: высылаемые десятками, они изъ Витима снова возвращаются въ тайгу, затѣмъ снова высылаются, снова возвращаются“. Исправникъ возлагалъ надежду на измѣненіе этихъ порядковъ послѣ изданія циркуляра генералъ-губернатора, предписавшаго считать жилищемъ мѣстомъ для разсчитанныхъ рабочихъ не село Витимъ, а г. Киренскъ. Горный исправникъ Траскинъ, какъ мы видѣли, вообще мало церемонившійся съ рабочими, особенно усердно производилъ это выдвореніе, хотя бесполезность его онъ самъ отлично сознавалъ. Особенно много выдворялось рабочихъ въ случаѣ какого-либо волненія, какъ это было, напр., въ 1888 г. на промыслахъ К^о Промышленности: въ этомъ году, какъ писалъ Траскинъ бывшему начальнику иркутскаго горнаго управленія, ему приходилось „постоянно выдворять“ рабочихъ „по желанію Стрижева“, управляющаго К^о Промышленности, „несмотря на ихъ долги“, а именно, во этомъ году было выслано изъ тайги съ первыми пароходами рабочихъ К^о Промышленности 184, Водайбинской К^о—37, Базилевскаго—11, Громова—4, Искрицкаго—4 и празднующихся бродягъ—72, итого—312 рабочихъ ¹⁾. По словамъ г. Траскина, „самое большое наказаніе для рабочихъ—выдвореніе за счетъ хозяина въ жилое мѣсто, главная забота исправника—очищеніе тайги отъ лишняго народа и постоянная война съ пароходо-владѣльцами за провозъ въ тайгу никѣмъ ненанятыхъ рабочихъ“ ²⁾. При высылкѣ изъ тайги Траскинъ тоже сплошь и рядомъ не соблюдалъ необходимыхъ формальностей, какъ и при тѣлесномъ наказаніи рабочихъ. „Вотъ мнѣ нужно выдворить изъ тайги 80 человѣкъ“, сказалъ онъ мнѣ: „не писать же мнѣ 80 постановленій!“ Изъ этого видно, какъ велико безправіе личности рабочаго на пріискахъ.

Досрочный расчетъ рабочихъ, часто безъ достаточно серьезныхъ причинъ, содѣйствуетъ накопленію въ тайгѣ бродячаго, голоднаго люда. Такіе преждевременно разсчитанные, по словамъ одной газеты, „не успѣвъ заработать сколько-нибудь денегъ, для снисканія куска хлѣба кочуютъ съ пріиска на пріискъ и, если удастся запасть хлѣбомъ, хотя на нѣсколько дней, ютятся по зимовьямъ, угольнымъ и покинутымъ избушкамъ, выжидая исхода суровой зимы и питаются надеждой,

¹⁾ Арх. Иркут. Гор. Упр. К. 2775. № 196—210, л. 3, 7.

²⁾ „Вост. Обзор.“ 1894 г. № 28, стр. 2.

что съ весной явится потребность на рабочія руки“¹⁾. По словамъ витимскаго горнаго исправника въ отчетѣ за 1887 г., въ зимнее время въ тайгѣ набирались сотни праздношатающихся рабочихъ. Въ 1888 г. исправникъ предложилъ генераль-губернатору сдѣлать общую облаву, чтобы выдворить людей безпаспортныхъ и неимѣющихъ опредѣленныхъ занятій. Генераль-губернаторъ нашелъ нужнымъ обсудить этотъ вопросъ въ присутствіи иркутскаго губернатора, начальника горнаго отдѣленія и киренскаго исправника. При этомъ выяснилось, что неимѣющіе видовъ могутъ быть отправлены этапнымъ порядкомъ въ мѣста причисленія съ выдачею имъ кормовыхъ денегъ отъ казны; имѣющіе же видъ, но выдворенные за неприсканіемъ работы, не могутъ слѣдовать тѣмъ же порядкомъ, а потому и кормовыхъ имъ не можетъ быть выдано. „Сопровожденіе ихъ по Ленѣ отъ Витима ляжетъ тяжелымъ бременемъ на приленское населеніе, вовсе не обязанное исполнять такой повинности. Выдвореніе наводняющихъ тайгу людей предполагалось сдѣлать въ интересахъ золотопромышленниковъ, а потому, казалось бы, и слѣдовало расходъ этотъ принять на ихъ счетъ; но такъ какъ наиболѣе крупные представители золотопромышленности относятся къ этому несочувственно и не только не примутъ никакихъ расходовъ, но даже не находятъ полезнаю и самую облаву“, то генераль-губернаторъ выразилъ желаніе, чтобы общая облава не производилась, а ограничилась бы полицейскими мѣрами, какія до тѣхъ поръ принимали относительно праздношатающихся въ тайгѣ²⁾. Однако Траскинъ все-таки очень усердствовалъ въ ловлѣ и высылкѣ рабочихъ. Какъ видно изъ его письма (1888 г.) начальнику иркутскаго горнаго управленія, „перваго апрѣля команда казаковъ, назначенная (присковымъ) попечительствомъ въ распоряженіе“ горнаго исправника, „спеціально занималась ловленіемъ праздношатающихся и бродягъ, такъ что“, по словамъ Траскина, къ прибытію первыхъ пароходовъ у него собралось на Бодайбо до 300 человѣкъ „всякой дряни“, которые, по степени ихъ виновности, были отправлены въ Киренскъ съ дальнѣйшимъ слѣдованіемъ одни этапнымъ порядкомъ, другіе съ путевыми видами“ (т.-е. съ проходными, т. наз. „волчьими“ билетами до мѣста прибытія), а нѣкоторые просто выдворены³⁾.

Разсчитанныхъ золотопромышленниками рабочихъ не только высылали изъ тайги, но обыкновенно еще лишали возможности наняться впередъ на промыслы этого округа. Уже въ 70-хъ гг. (если не ранѣе)

¹⁾ „Сибирь“ 1887 г., № 14—15, стр. 5.

²⁾ Дѣло канцеляріи ирк. гор. упр., № 14, т. II, л. 358.

³⁾ Арх. Ирк. Горн. Упр., К. 2775, № 196—210, л. 2; „Сиб. Вѣст.“ 1892 г. № 51. Отношеніе Траскина земскому засѣдателю 2-го Киренскаго уч. съ просьбою выдворяемыхъ имъ выдворять и изъ Витима см. въ дѣлѣ архива витим. исправника 1888 г. № 11.

горные исправники, на основаніи непротѣренныхъ свѣдѣній пріисковъ управленій, составляли списки рабочихъ, „не подлежащихъ найму“. Исправникъ разсылалъ съ этою цѣлью такой циркуляръ: „Для заблаговременнаго составленія общаго списка рабочихъ, которые по разнымъ законопротивнымъ поступкамъ не могутъ быть нанимаемы на промыслы ввѣренной надзору моему системы и для распубликованія его по всѣмъ промышленнымъ управленіямъ прошу управленіе (такихъ то) промысловъ въ возможно непродолжительномъ времени представить ко мнѣ именныя списки тѣмъ рабочимъ, которые не должны быть нанимаемы за дурное поведеніе и противозаконныя поступки“. Пріисковыя управленія представляли списки такихъ рабочихъ, по своему усмотрѣнію, съ указаніемъ на ихъ неспособность, слабость здоровья, дурное поведеніе. При этомъ бывали аттестаціи такого рода: „никуда негоденъ“, „дрянной работникъ, картежникъ и буянъ“, „дерзкій лодырѣ“, „подстрекатель и нѣсколько мѣсяцевъ хвораетъ цынгой“, „спиртоносъ“. Въ 1877 г. одна К^о Промышленности представила горному исправнику списокъ въ 144 человекъ, „неподлежащихъ найму по неспособности и къ пріисковымъ работамъ“ безъ всякихъ подробныхъ объясненій, всего же, со включеніемъ этихъ 144 человекъ, было зачислено пріисковыми управленіями въ подлежащіе найму 503 человекъ ¹⁾. Въ слѣдующемъ 1878 г. одна К^о Базилевскаго представила списокъ 128 человекъ ²⁾. Книга, въ которую заносились имена всѣхъ этихъ несчастныхъ, носить въ Витимской системѣ названіе „грязной книги“. Къ счастью для рабочихъ, немногія компаніи руководствуются при наймѣ этими списками, но КК^о Промышленности и Прибрежно-Витимская (самыя крупныя въ Ленскомъ горномъ округѣ) не нанимаютъ рабочихъ, имена которыхъ въ нихъ включены.

Въ прежнее время дозволялось даже дѣлать отмѣтки на паспортахъ „вредныхъ“ рабочихъ; эта мѣра была допущена въ 1872 г., по представленію олекминскаго горнаго исправника, „вслѣдствіе настояній пріисковыхъ управленій“ ³⁾; но теперь этого не дѣлается ⁴⁾.

Въ олекминскихъ пріисковыхъ контрактахъ находимъ очень подробныя постановленія о штрафахъ съ рабочихъ.

Такъ, напр., въ договорахъ К^о Промышленности 1874, 78 и 83 гг. сказано: „За всякое самовольное уклоненіе наше отъ работъ, невяку въ срокъ на резиденцію и пріискъ и вообще за всякія дѣянія, клонящіяся къ нарушенію хозяй-

¹⁾ Кромѣ К^о Промышленности, много содѣйствовала увеличенію этого списка К^о Трапезниковыхъ, представившая списокъ 102 чел.

²⁾ Арх. Витим. Горн. Испр. 1877 г., № 5, л. 274—281.

³⁾ Арх. Иркут. Горн. Управ. К. 2549, № 126—71, л. 476. Исправникъ предлагалъ переносить эту отмѣтку на паспортъ еще на одинъ годъ, но это принято не было.

⁴⁾ См. ст. *Кряжева* въ „Рус. Жив.“ 1894 г. № 44.

скихъ интересовъ, имѣютъ производиться, въ видѣ штрафа, вычеты въ слѣдующихъ размѣрахъ: за несвоевременную явку на сборный пунктъ, если не будетъ представлено нами удостовѣреніе подлежащихъ лицъ о трудной болѣзни или прекращеніи сообщеній (согласно 7-ой ст. правилъ о наймѣ рабочихъ на сибирскіе промыслы), несвоевременную явку на принскъ и за самовольное уклоненіе отъ работъ подѣ предлогомъ мнимой болѣзни и пр., виновный обязанъ отработать всѣ просроченные дни или заплатить по 1 р. 20 к., т.-е. сумму, равную двойной хозяйской платѣ за каждый рабочий день и платѣ за старательскую работу за каждый же просроченный день; за побѣги съ принска сверхъ законнаго исправительнаго взысканія бѣжавшій подвергается отработкѣ всѣхъ дней, которые онъ находился въ отлучкѣ съ принска и единовременному денежному взысканію въ 5 р. въ пользу помщика; за жестокое обращеніе съ животными по 1 р. за каждый разъ, если же отъ подобнаго обращенія животное погибнетъ или сдѣлается вовсе неспособнымъ къ работѣ, то взыскивается уже вся стоимость за оное.; за всякіе прочіе дурные поступки, влекущіе за собою уголовнаго преслѣдованія, какъ-то: пьянство, картежныя и другія азартныя игры и пр., въ первый разъ штрафъ по 2 р. с., если не было прогульныхъ дней, въ противномъ же случаѣ еще отработкѣ, какъ выше сказано, за уклоненіе отъ работъ, а затѣмъ въ слѣдующее время подвергаемъ себя, кромѣ отработки и штрафа, еще законному взысканію. Если кто будетъ разбрасывать выдаваемые намъ въ пищу хлѣбъ и пр. и будетъ изобличенъ въ томъ, съ того вычитается двойная стоимость брошеннаго. По договору К^о Промышленности и Прибрежно-Витимской 1887 г. постановленія о штрафахъ нѣсколько измѣнены, и назначено: за несвоевременную явку на сборный пунктъ или прински за каждый просроченный день по 1 р.; за самовольное уклоненіе отъ работъ подѣ предлогомъ мнимой болѣзни за каждый разъ по 2 р.; за лѣченіе получившаго увѣчье или въ дракѣ между собою за каждый день по 1 р.; за увѣчье рабочей лошади и быка 5 р.; и сверхъ того взыскивается стоимость животнаго, если оно умретъ или сдѣлается неспособнымъ къ работѣ; за уклоненіе женъ рабочихъ отъ работы по 25 р. за каждый разъ и сверхъ того выдвореніе жены съ принска на счетъ мужа; за недоработку урока по лѣности и нерадѣнію за каждый разъ по 2 р.; за рытье въ забояхъ и въ отвалахъ золотоносныхъ песковъ съ цѣлью отсыкиванія золота и сдачи его какъ случайно поднатяго за каждый разъ по 25 р. и сверхъ того отобраніе золота безвозмездно, если оно окажется при обыскѣ; за хищничество и промывку золотоносныхъ песковъ за каждый разъ по 20 р. По договору К^о Арендаторовъ 1875 г. вычеты за прогульные дни назначены въ 1—3 р.; за недоработку урока, за самовольныя отлучки съ работъ, за поздній выходъ на нихъ, „притворство въ болѣзни и за другіе ложные предлоги“—вычетъ изъ заработной платы вдвое противъ слѣдующей въ день дѣйствительной работы по обязательству или взысканіе артельной расправы. По договорамъ К^о Трапезниковыхъ въ 70-хъ гг. за самовольное уклоненіе отъ работъ назначено по 1 р., а по договору 80-хъ гг. по 3 р. По договорамъ съ Плетюхинымъ 1886 и 89 гг. за нерадѣніе, лѣность и проч. принсковое управленіе могло назначать вычеты отъ 1 до 5 р., а при платѣ съ золотника на хозяйскомъ содержаніи даже отъ 3 до 10 р. По договорамъ Базилевскаго 70-хъ и 80-хъ гг. за уклоненіе отъ работъ подѣ предлогомъ мнимой болѣзни назначенъ штрафъ въ 3 р.; за неявку или побѣгъ 10 р. и взысканіе долга и расходовъ на помку и высылку виновнаго; за пьянство, картежную игру, дерзости и проч. по 3 р., а если были при этомъ прогульные дни, то еще по 1 р. за каждый; за привосъ спирта въ первый разъ 5 р., во второй 10, въ третій 25 р.; спиртъ отбирался въ пользу хозяевъ, при чемъ стоимость его выдавалась

поимщику ¹⁾. Въ договорѣ Ленскаго Т-ва 1883 г. размѣръ штрафовъ не указанъ, и только за прогульные дни назначенъ штрафъ 3 р., по договорамъ же этого Т-ва 1890—91 г. назначены слѣдующіе штрафы: за невыходъ на раскомандировку 2 р., за самовольную отлучку съ пріиска безъ дозволенія становаго (управляющаго пріискомъ или станомъ) 2 р., за самовольный прогулъ 3 р., за пьянство, грубость и непослушаніе по 5 р., за недоработку урока штрафъ въ размѣръ подневной платы (по контракту 1894 г. двойной стоимости недоработаннаго урока, во всѣхъ другихъ непредвидѣнныхъ случаяхъ штрафъ до 3 р.). За уклоненіе отъ работъ женщинъ, пришедшихъ съ дозволенія управленія, каждый разъ по 1 р. 50 к. (по договору 1894 г.—2 р.). Въ контрактѣ Ленскаго Т-ва 1894 г. за торговлю спиртомъ штрафъ по 5 р. за бутылку и спиртъ конфискуется; а во всѣхъ непредвидѣнныхъ случаяхъ управленіе вправе назначать штрафъ до 25 р. Съ лицъ, арестованныхъ за пьянство, назначенъ штрафъ въ 2 р. 50 к. Въ пользу полиціи за открытіе утайки золота по 5 р. за каждый золотникъ ²⁾, за уклоненіе отъ экстренныхъ работъ штрафъ до 10 р. Въ договорѣ Аканадъ-Накатаминскаго Т-ва 1886 г. встрѣчаемъ такое оригинальное условіе: „ни подъ какимъ предлогомъ не должны дѣлать между собой общей стачки, сговора, забастовки, чтобы не выходить на работы, а если это учинимъ, то лишаемся всей причитающейся каждому изъ насъ заработной платы въ пользу Т-ва“ (!). Въ договорахъ Базилевскаго въ 70-хъ и 80-хъ гг. есть еще такое постановленіе въ заключеніе условій о штрафахъ: „въ томъ случаѣ, если управленію не удастся опредѣлить виновныхъ, то таковыхъ обявляемся найти и указать управленію сами, въ противномъ случаѣ штрафъ навъывается по раскладкѣ на каждого изъ насъ въ одномъ мѣстѣ работавшихъ или живущихъ“ ³⁾. По договорамъ Ленскаго Т-ва 1890, 91 и 94 гг., уходящіе самовольно до окончанія срока договора должны платить неустойку въ 50 р.

Ленское Т-во, какъ мы видѣли, приняло нѣкоторыя мѣры на пользу рабочихъ, но оно же установило весьма большіе штрафы ⁴⁾. Дѣятельность этого Т-ва въ послѣдніе годы одинъ мѣстный наблюдатель характеризуетъ слѣдующими словами: „цѣлымъ рядомъ мѣръ, направленныхъ къ урегулированію своихъ отношеній къ рабочимъ, управленіе очевидно стремится, хотя явно не высказываетъ этого, къ воспитанію рабочихъ въ духѣ дисциплины, требуемой современными условіями капиталистическаго-производства“ ⁵⁾.

Постановленія контрактовъ не оставались мертвою буквою: такъ мы имѣемъ указанія о штрафованіи рабочихъ за прогулъ въ 1871 г. на пріискахъ Трапезниковыхъ по 50 к., а въ 1872 г. „согласно контракту“ по 1 р. ⁶⁾. Въ операцію 1879 г. за уклоненіе отъ работъ на

¹⁾ На имѣющемся у насъ экземплярѣ договора Базилевскаго 80-хъ гг. сдѣлана пометка, что большинство этихъ штрафовъ примѣняется въ рѣдкихъ случаяхъ.

²⁾ Этотъ огромный штрафъ за сокрытіе подъемнаго золота вызвалъ сильное недовольство рабочихъ. „Вост. Обз.“ 1895 г. № 22.

³⁾ Постановленія контрактовъ о вычетахъ за недоработку уроковъ приведены нами въ главѣ о размѣрѣ уроковъ.

⁴⁾ Впрочемъ не малы штрафы и въ КК^о Промышл. и Прибрежно-Витимской.

⁵⁾ „Вост. Обозр.“ 1895 г. № 25.

⁶⁾ Бум. г. Субботина; Арх. Иркут. Горн. Упр. К. 2549, № 126—71, л. 466.

присках КК^о Промышленности и Прибрежно-Витимской было оштрафовано 375 чел.; величина штрафа не превышала 1 р. 20 к. съ каждого. На присках Прибрежно-Витимской К^о въ операцію 1882 г. подверглись денежному штрафу за прогульные дни 437 человекъ; количество прогульныхъ дней—1688 ¹⁾, взыскано всего штрафовъ—2041 р., въ среднемъ, за каждый разъ въ отдѣльности, по 1 р. 20 к. въ день, что и соотвѣтствуетъ контракту К^о Промышленности. Во время слѣдствія по поводу волненія на прискѣ Прибрежно-Витимской К^о въ 1882 г. было замѣчено, что К^о подвергала штрафамъ и безконтрактныхъ рабочихъ наравнѣ съ контрактными ²⁾. Штрафъ соединялся иногда съ арестомъ, какъ видно изъ штрафного журнала ³⁾. Въ операцію 1884—85 г. на прискахъ К^о Промышленности было взыскано штрафовъ за 717 самовольно-льготныхъ дней по 2 р. за каждый ⁴⁾. Генералъ-лейтенантъ Педашенко въ запискѣ 1885 г. говоритъ: „нельзя не замѣтить, что на уменьшеніе заработковъ рабочихъ вліяютъ различнаго рода штрафы“, причемъ нѣкоторые „представляются по меньшей мѣрѣ странными; такъ, напр., въ 14 пунктѣ одного контракта между прочимъ говорится: „за всякіе прочіе дурные поступки, не влекушіе за собою уголовнаго преслѣдованія, какъ-то: пьянство, картежныя и другія азартныя игры и проч. въ первый разъ“ рабочіе подлежали „штрафу по 2 р. с., если не было прогульныхъ дней, въ противномъ случаѣ еще отработкѣ за уклоненіе отъ работъ“. Подобный штрафъ „за мало-важные проступки, говоритъ ген.-лейт. Педашенко, еще возможно было бы налагать на рабочихъ въ пользу приказа общественнаго призрѣнія, но уже никакъ не въ пользу владѣльцевъ присковъ; между тѣмъ подобныя штрафы взыскиваются въ дѣйствительности. Въ дѣлѣ о безпорядкахъ, произведенныхъ рабочими на Благовѣщенскомъ прискѣ, есть особый штрафной журналъ, заведенный витимскимъ горнымъ исправникомъ Гофманомъ, въ которомъ записано, что двое рабочихъ „за кар-

¹⁾ Наибольшее количество прогульныхъ дней—31, а въ среднемъ на всѣхъ оштрафованныхъ—по 4 прогульныхъ дня, на всю же рабочую команду, которая въ этой К^о очень велика, выйдетъ, безъ сомнѣнія, менѣе 2-хъ дней.

²⁾ Во время того же слѣдствія одинъ рабочій въ своемъ показаніи говоритъ: „Пойдетъ больной рабочій въ больницу, такъ фельдшеръ признаетъ его здоровымъ; рабочій по неволѣ идетъ въ казарму, будучи не въ состояніи идти на работу, и лежитъ, пока не поправится, а управленіе это считаетъ днемъ самовольнаго прогула, нишегъ штрафъ согласно контракту по 3 р. въ день, тогда какъ рабочій въ зимній день зарабатываетъ 60 к., получалъ жалованья въ мѣсяцъ 15—17 р.“; но показаніе о 3 рублевомъ штрафѣ за прогулъ не подтверждается указанною выше вѣдомостью, гдѣ всѣ штрафы за прогулъ назначены въ размѣрѣ 1 р. 20 к. въ день.

³⁾ Арх. К^о Пром. и Прибрежно-Витим. №№ 1147 и 1156. Арх. Ирк. Горн. Упр. К. 2766, № 47—39, л. 59, 62.

⁴⁾ Арх. К^о Пром. № 1685.

тежную игру ночью оштрафованы по 15 р.¹⁾ По отчету горного исправника Олекминской и Витимской системъ въ 1885 г. удержано штрафовъ за неисполненіе контрактныхъ условій и другіе проступки, „влекущіе за собою убытокъ золотопромышленниковъ“, 10679 р. (около $\frac{1}{2}\%$ всего заработка). Въ 1888 г. было удержано штрафовъ въ Олекминской системѣ 3005 р., въ Витимской 5850 р., въ 1889 г. въ Олекминской 4555 р., въ Витимской 4279 р.²⁾ Въ Бодайбинской К^о было взыскано штрафовъ въ 1887—89 гг. въ среднемъ на годового рабочаго по 2 р. 87 к., въ Ленскомъ Т-вѣ за тѣ же годы по 3 р. 24 к.³⁾ Въ операцію 1893—94 гг. на приискахъ К^о Промышленности и Прибрежно-Витимской было удержано штрафовъ съ рабочихъ 3622 р. Въ Ленскомъ Т-вѣ было взыскано штрафовъ въ операцію 1893 г.—4357 р., а въ 1895 г.—5193 р.⁴⁾ А между тѣмъ бывшій витимскій горный исправникъ Траскинъ рѣшился печатно утверждать, что въ Витимской системѣ никакихъ штрафовъ не берутъ⁵⁾.

Какъ и въ другихъ округахъ, въ контрактахъ съ промышленными управленіями есть условіе, чтобы съ рабочими обходились человѣколюбиво и справедливо⁶⁾. Условія эти, конечно, далеко не всегда соблюдались. Олекминскій горный исправникъ въ донесеніи 1872 г. говоритъ: „Долго въ приисковой жизни господствовалъ произволъ служащихъ, да и теперь еще онъ прорывается иногда наружу. Былъ уже при мнѣ на одномъ приискѣ случай, что наемка на зиму пошла тогда лишь успѣшно, когда уволенъ былъ смотритель разрѣза, дерзкій допелся въ обращеніи. Долго всякая жалоба управленій служила поводомъ къ немедленному наказанію и постоянному обвиненію рабочаго люда, а потому и неудивительно, что малѣйшее указаніе на то, что должна же быть выслушана и другая сторона, кажется уже послабле-

¹⁾ Арх. Ирк. Горн. Упр. д. Канц. № 11.

²⁾ Арх. Ирк. Горн. Упр. К. 2772, № 135 — 124, л. 182 об. и табл. „Памят. книж. Якут. обл. на 1891 г.“, стр. 111.

³⁾ Записка г. Михайлова.

⁴⁾ „Вост. Об.“ 1894 г. № 127; „Вѣсти. Золот.“ 1897 г., стр. 117.

⁵⁾ „Вост. Об.“ 1893 г. № 59, стр. 2.

⁶⁾ Такъ по контракту К^о Промышленности 1870 г. К^о должна была всѣмъ служащимъ поставить за правило, чтобы они обходились съ рабочими „безъ обиды и притѣсненія, не подвергая“ ихъ „никакимъ несправедливымъ взысканіямъ, а въ договорахъ 1874, 78, 83 гг. той же К^о обязывались „обходиться и поступать“ съ рабочими „человѣколюбиво, не причинять тяжкихъ побоевъ или какихъ-либо жестокостей, поврежденіе здоровью нанести могущихъ“. Въ договорѣ 1887 г. находимъ обязательство „обходиться съ рабочими безъ обидъ и притѣсненій, человѣколюбиво“. По договору Траскиныхъ 70-хъ и 80-хъ гг. К^о должна была обращаться съ рабочими „безъ обидъ и самоуправства“. Въ проектѣ нормальнаго контракта, составленномъ Винниковымъ въ 1874 г., тѣлесное наказаніе допускалось только за побѣгъ, и то при посредствѣ полиціи.

нѣмъ и на разбирательство смотрятъ, какъ на униженіе присковой власти. Трудно нѣкоторымъ сойти съ того пьедестала, на которомъ недоступными стоили они такъ долго“. Въ другомъ мѣстѣ исправникъ вновь упоминаетъ о „грубости обращенія служащихъ“ ¹⁾. Въ отчетѣ за 1873 г. исправникъ говоритъ, что нѣкоторые изъ служащихъ „позволяли себѣ такіе поступки“, что онъ долженъ былъ садить ихъ въ карцеръ или совершенно удалять съ присковъ. По словамъ исправника въ отчетѣ за 1874 г., на прискахъ „нерѣдко“ бываетъ „грубая несправедливость и пристрастіе къ рабочимъ со стороны служащихъ“ ²⁾. Во время слѣдствія о волненіи 1876 г. на прискѣ К^о Базанова рабочіе заявили претензію на грубое обращеніе съ ними одного станowego смотрителя, причемъ справедливость этой жалобы призналъ и самъ Базановъ ³⁾. Одной изъ причинъ волненія на Благовѣщенскомъ прискѣ Прибрежно-Витимской К^о было также грубое обращеніе одного смотрителя. Рабочіе претендовали на него за то, что онъ не соблюдалъ очереди при поставкѣ артелей на золотые забои (гдѣ есть подъемное золото), безвинно садилъ въ казачью на нѣсколько дней, а иногда и билъ, не выдавалъ рабочимъ назначенныхъ имъ винныхъ порцій и держалъ долго на работѣ, требуя непосильной выработки урока; несмотря на требованіе рабочихъ, онъ не дозволилъ убрать камень, вѣсѣвшій надъ дорогой, и отвѣчалъ: „если васъ всѣхъ передавить, найму еще тысячу“, и впослѣдствіи этимъ камнемъ дѣйствительно смертельно изувѣчило рабочего ⁴⁾. Аврамовъ свидѣтельствуетъ о враждебномъ отношеніи рабочихъ къ присковымъ управленіямъ ⁵⁾.

Высшая администрація Восточной Сибири въ началѣ 70-хъ годовъ, въ лицѣ генералъ-губернатора Синельникова, обратила серьезное вниманіе на положеніе присковыхъ рабочихъ. Въ особой главѣ мы разсмотрѣли циркуляры Синельникова и послѣдующихъ генералъ-губернаторовъ и видѣли, что вниманіе высшей администраціи къ быту присковыхъ рабочихъ не осталось безъ послѣдствій: улучшена была ихъ пища, увеличено количество винныхъ порцій и пр. При Синельниковѣ олекминскій исправникъ присылалъ генералъ-губернатору обстоятельныя донесенія о положеніи рабочихъ, Синельниковъ внимательно прочитывалъ ихъ и клалъ свои резолюціи, свидѣтельствующія о его заботливомъ отношеніи къ рабочимъ. На докладѣ олекминскаго исправника (24 января 1872 г.) Синельниковъ написалъ: „благодареніе Богу, если дѣлается лучше; теперь остается продолжать наблюденіе“, и въ разныхъ

¹⁾ Арх. Ирк. Горн. Упр. К. 2549, № 126—71, л. 464, 474 об.

²⁾ Арх. Ирк. Горн. Упр. К. 2560, № 130—184, л. 89, 2566 № 206—152, л. 54.

³⁾ Арх. Ирк. Горн. Упр. К. 2578, № 215—269, л. 18, 28.

⁴⁾ Арх. Ирк. Горн. Упр. К. 2766, № 47—39, л. 62.

⁵⁾ „Золот. Олекма“, 1884 г., стр. 104.

мѣстахъ того же доклада сдѣлалъ различныя указанія на пользу рабочихъ: такъ, напр., тамъ, гдѣ исправникъ говоритъ о необходимости увеличить плату за подъемное золото съ 60 и 96 к. до 1 р. 20 к., Синельниковъ написалъ: „необходимо“ ¹⁾. Много заботился также Синельниковъ и объ охраненіи заработка рабочихъ отъ растраты, хотя въ этомъ отношеніи его заботы едва-ли имѣли какіе-либо мало-мальски серьезные результаты. При баронѣ Фридериксѣ было также обращено вниманіе на улучшеніе быта рабочихъ, и мы видѣли, что предписаніе его въ этомъ отношеніи принесло свою долю пользы. Въ 1882 г. (при генералъ-губернаторѣ Анучинѣ) былъ командированъ штабъ-офицеръ для особыхъ порученій Калагеорги на пріиски Олекминскаго округа, и онъ представилъ обстоятельный докладъ, послужившій полезнымъ матеріаломъ для позднѣйшихъ соображеній высшей мѣстной администраціи: напр., генералъ-лейтенантъ Педашенко въ запискѣ 1885 г. воспользовался, въ интересахъ рабочихъ, наблюденіями г. Калагеорги. Въ 1886 г. пріиски Олекминскаго округа посѣтилъ генералъ-губернаторъ гр. Игнатьевъ. При произведенной при этомъ ревизіи дѣлопроизводства горнаго исправника обнаружены были безпорядки (скопленіе немалаго количества арестованныхъ безъ всякихъ постановленій), но назначеніе горнымъ исправникомъ Траскина, отличавшагося замашками временъ крѣпостного права, была, безъ сомнѣнія, мѣрою крайне вредною для рабочихъ. При разсмотрѣніи проекта правилъ о наймѣ рабочихъ гр. Игнатьевъ сдѣлалъ нѣсколько замѣчаній въ ихъ пользу (напр., объ улучшеніи пищи). Въ 1890 г. олекминскіе пріиски посѣтилъ нынѣшній иркутскій генералъ-губернаторъ А. Д. Горемыкинъ. При этомъ была произведена внимательная ревизія, обнаружившая массу безпорядковъ въ дѣлопроизводствѣ витимскаго горнаго исправника и игнорированіе имъ интересовъ рабочихъ, но, къ сожалѣнію, этотъ исправникъ еще долго оставался на мѣстѣ. На основаніи матеріаловъ, собранныхъ во время этой поѣздки ²⁾, была составлена г. Михайловымъ весьма любопытная записка, къ сожалѣнію, не получившая дальнѣйшаго движенія, но зато личное посѣщеніе пріисковъ дало возможность А. Д. Горемыкину въ запискѣ, составленной вполнѣ въ интересахъ рабочихъ, высказать въ 1893 г. свои замѣчанія на проектъ правилъ о ихъ наймѣ.

Въ Олекминскомъ округѣ былъ первоначально одинъ горный исправникъ (Олекминскаго и Киренскаго округовъ); до 1872 г. онъ жилъ на Мачинской резиденціи, но въ этомъ году переѣхалъ въ центръ

¹⁾ Арх. Иркут. Горн. Упр. К. 2549, № 126—71, л. 202, 203, 207, 208.

²⁾ Генералъ-губернаторъ посѣтилъ 14 пріисковъ и собралъ, при участіи заведывающаго дѣлами его путевой канцеляріи, кол. секрет. Михайлова, необходимыя свѣдѣнія, причемъ, кромѣ опросовъ мѣстныхъ дѣателей, свѣдѣнія были извлекаемы изъ отчетовъ пріисковыхъ конторъ.

присковъ. Съ 1873 г. была учреждена должность горнаго исправника Витимской системы, затѣмъ одно время (въ 1886 г.) опять былъ одинъ исправникъ, теперь же съ 1887 г. ихъ вновь два. При Синельниковѣ горный исправникъ Лукьяновъ составлялъ весьма интересныя донесенія о томъ, что случалось на промыслахъ и какія мѣры были приняты имъ въ пользу рабочихъ. Общій тонъ этихъ донесеній (вызываемый, конечно, участіемъ генераль-губернатора къ присковымъ рабочимъ) виденъ хотя бы изъ слѣдующихъ словъ донесенія 1872 г. „Присковая грязь накоплялась десятилѣтіями, и вынести ее въ какіе-нибудь восемь мѣсяцевъ если не совсѣмъ невозможно, то тѣмъ не менѣе трудно уже и потому, что самое слово гуманность звучитъ здѣсь чѣмъ-то незнакомымъ ¹⁾..... Почему осмѣливаюсь надѣяться, что в. выс-во снисходительно отнесется къ тому, если, въ короткій срокъ завѣдыванія моего олекминскими присками, я не успѣлъ еще сдѣлать всего, что требуетъ моя обязанность и долгъ службы и что желательно стоящей надо мною власти, заботящейся о достиженіи всевозможнаго улучшенія быта присковыхъ рабочихъ на золотыхъ прискахъ Восточной Сибири“ ²⁾).

Всѣ эти добрыя намѣренія, однако, парализовались матеріальною зависимостью горныхъ исправниковъ отъ золотопромышленниковъ, неизбежною при томъ ничтожномъ жалованьи, которое исправники получали отъ казны. Вотъ что писалъ по этому поводу олекминскій горный исправникъ въ отчетѣ за 1874 г.: „О положеніи лица, занимающаго эту должность, достаточно сказать, что, имѣя въ своемъ вѣдѣніи до 7000 человѣкъ.., при разѣздахъ до 2000 вер. въ окружности преимущественно верхового пути и до 12000 номеровъ общаго движенія бумагъ, существованіе горнаго исправника, при весьма незавидныхъ климатическихъ условіяхъ, обезпечивается отъ правительства 150 р. въ годъ квартирныхъ денегъ, безъ возможности нанять квартиру на прискахъ, 280 р. жалованья и столовыхъ, при стоимости муки ржаной до 4-хъ р. и пшеничной до 5 р. за пудъ, 7 р. пудъ мяса, до 25 р. пудъ сахару и т. д., съ жалованіемъ мужской прислуги не менѣе 120 р. въ годъ, не считая содержанія, и 585 р. на разѣзды и канцелярскіе расходы, при стоимости по 5 р. въ день за содержаніе одной лошади съ конюхомъ. Самое механическое исполненіе по перепискѣ требуетъ уже не менѣе двухъ сотрудниковъ съ жалованьемъ по мѣстнымъ условіямъ до 1000 р. каждому на полномъ содержаніи исправника. Понятно, что, при такой обстановкѣ, власть горнаго исправника изъ законной

¹⁾ Въ 1872 г. якутскій губернаторъ предписалъ горному исправнику предложить всѣмъ золотопромышленникамъ по возможности снисходительнѣе относиться къ проступкамъ рабочихъ, „происходящимъ отъ недоразумѣній или превратнаго пониманія смысла контрактовъ“. Арх. Ирк. Горн. Упр. К. 2544, № 43—103, л. 203.

²⁾ Арх. Ирк. Горн. Упр. К. 2549, № 126—71, л. 479.

ставовится фиктивной, и этот единственный здесь представитель закона *de facto* есть только старший служащий у золотопромышленника: а такъ какъ бюджетъ на его содержаніе главнымъ образомъ составляется изъ средствъ не государственнаго казначейства, а промышленныхъ конторъ, то само собою разумѣется, что онъ можетъ только „покорнѣйше просить“ въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ по должности обязанъ требовать и предписывать“ ¹⁾. Но при содѣйствіи золотопромышленниковъ это жалкое и затруднительное положеніе превращалось въ блестящее и завидное.

Въ 1871 г. олекминскіе золотопромышленники ассигновали исправнику „на содержаніе канцеляріи съ жалованьемъ и прочими расходами по 1 р. съ челоуѣка“, что составляло 6000 р. и столько же было ассигновано на содержаніе казачьей команды, арестантовъ, перевоза и лошадей“. Въ 1872 г. на содержаніе горнаго исправника, канцеляріи и казачьей команды было назначено золотопромышленниками 24000 р., на покупку дома для исправника—5000 р., на устройство резиденціи, перевозку съ Мачи или другіе расходы—1970 р., итого 30970 р. ²⁾. Въ 1877 г. „на содержаніе горнаго исправника, его канцеляріи, лошадей и мачинской казачьей команды, состоящей изъ одного урядника и четырехъ казаковъ“, опредѣлено было вносить въ годъ 23000 р. по третямъ года „по числу поденщинъ рабочей команды“ ³⁾. Въ 1881 г. горному исправнику Олекминской системы ассигновано было 24632 р., причемъ. на содержаніе арестантовъ было назначено особо 4396 р., въ 1882 г. тому же горному исправнику—19520 р., а на содержаніе арестантовъ 3991 р.; въ 1883 г. на содержаніе того же горнаго исправника и его канцеляріи 17707 р.; сверхъ того, на содержаніе мачинской казачьей и казачьей при резиденціи горнаго исправника 5149 р., да еще на содержаніе арестантовъ 3594 р. ⁴⁾.

Понятно, что горные исправники являлись вѣрными слугами золотопромышленниковъ и не защищали интересовъ рабочихъ. Въ запискѣ г. Михайлова, составляющей результатъ поѣздки г. иркутскаго генералъ-губернатора на олекминскіе промыслы въ 1890 г., о присковой администраціи сказано: „Исправники, особенно витимскій, не производятъ личныхъ удостовѣреній по жалобамъ рабочихъ и въ своихъ рѣшеніяхъ по нимъ всецѣло основываются на рапортахъ завѣдывающихъ полицейскою частью на прискахъ урядниковъ и казаковъ. Помимо всего ревизія выяснила рядъ незаконныхъ дѣйствій исправниковъ: медленность дѣло-

¹⁾ Арх. Ирк. Горн. Упр. К. 2566, № 206—152, л. 56—57.

²⁾ Въ 1874 г. на содержаніе казачьей команды изъ урядника и 6 казаковъ олекминскіе золотопромышленники ассигновали 2700 р.

³⁾ Матеріалы, сообщенные г. Субботиннымъ.

⁴⁾ Матеріалы, сообщенные Л. Ѳ. Пантелѣевымъ.

производства, бездѣйствія, превышенія власти, оставленіе многихъ просьбъ безъ разбирательства и потворство различнымъ неправильнымъ поступкамъ присковыхъ дѣателей. Одинъ изъ горныхъ исправниковъ (витимскій), „совершенно не исполняя правилъ инструкции, утвержденной министертвомъ внутреннихъ дѣлъ въ 1874 г., во-первыхъ, допускаетъ тѣлесныя наказанія рабочихъ безъ разбирательства вины и безъ различія сословія; во-вторыхъ, разрѣшаетъ ввозъ на приски спирта безъ разрѣшенія на то губернатора и въ количествѣ, превышающемъ опредѣленную закономъ норму, и, въ третьихъ, индифферентно относится къ столь важному дѣлу, какъ утвержденіе таксъ на припасы и товары, выдаваемые рабочимъ въ счетъ платы и вполне безучастно къ случаямъ увѣчій рабочихъ ¹⁾. Собранными на прискахъ свѣдѣніями выяснено, что горный исправникъ Витимской системы получаетъ дополнительнаго содержанія отъ присковъ, кромѣ квартиры, 18000 р. въ годъ, а олекминскій—12000 р., причемъ послѣдній обязанъ имѣть лишь своихъ лошадей для разѣздовъ, получая на нихъ готовый фуражъ. Эти данныя подтверждаются отчетами присковыхъ конторъ. Такъ, въ grossъ-бухѣ Бодайбинской К^о значится отосланными на содержаніе горнаго исправника и окружного инженера за двѣ трети 1889 г. 6179 р. и затѣмъ отослано К^о Промышленности, для передачи по принадлежности, 3089 р. По отчетности Ленскаго Т-ва этотъ расходъ показанъ въ слѣдующемъ размѣрѣ: въ 1887 г. 8202 р., въ 1888 г.—8374 р., въ 1889 г.—9107 р. Раскладка дополнительнаго содержанія между присками производится на сѣздахъ золотопромышленниковъ, а самая выдача денегъ въ Витимской системѣ чрезъ К^о Промышленности, а въ Олекминской чрезъ контору Ленскаго Т-ва ²⁾. Полученіе столь значительнаго вознагражденія естественно ставитъ лицъ, занимающихъ должности по надзору за присками, въ сильную зависимость отъ золотопромышленниковъ. Но, несмотря на это, главная власть края, которой, безъ сомнѣнія, всегда было извѣстно объ этихъ нелегальныхъ поборахъ, не принимала существенныхъ мѣръ къ ихъ прекращенію въ виду... полной невозможности существованія горныхъ исправниковъ, при чрезвычайной дороговизнѣ жизни, на получаемое ими отъ казны содержаніе. Если принять во вниманіе, что стоимость содержанія простого рабочаго на прискахъ доходитъ до 400 р.“ (вѣроятно, считая съ жилищемъ и врачебною помощью) „и что семейному исправнику, напр., при пяти

¹⁾ Во время слѣдствія о волненіи на Благовѣщенскомъ прискѣ было также замѣчено, что „присковая полиція, вообще, оставляетъ безъ разслѣдованія“ несчастные случаи съ рабочими во время работъ. Арх. Ирк. Горн. Упр. К. 2766, № 47 — 39, л. 81 об.

²⁾ „Плата исправникамъ и инженеру идетъ не только съ большихъ присковъ, но и съ мелкихъ“ (прим. г. Михайлова).

душахъ семейства и двухъ слугахъ, получаемаго ими жалованья не хватить даже на такое прокормленіе, не говоря ни о квартирѣ, которой на прискахъ негдѣ нанять, ни объ одеждѣ, то стануть вполне понятными причины снисходительнаго отношенія высшей власти къ получаемому этими чиновниками дополнительному вознагражденію отъ присковъ¹⁾.

Казакѣ для исполненія полицейскихъ обязанностей²⁾ и для кордонной службы по надзору за спиртоносами и хищниками золота распредѣлялись по прискамъ горными исправниками, которымъ и подчинялись на прискахъ. Наставленіемъ урядникамъ, даннымъ горнымъ исправникомъ въ началѣ 70-хъ гг., имъ разрѣшалось подвергать за проступки рабочихъ изъ ссыльно-поселенцевъ тѣлесному наказанію до 25 розогъ, а полноправныхъ рабочихъ штрафовать деньгами или заключеніемъ подъ арестъ, хотя бы и на хлѣбъ и на воду, но въ послѣднемъ случаѣ не долѣе трехъ сутокъ³⁾. Жалованья, кромѣ казеннаго, отъ присковъ управленій, несмотря на трудность службы, урядники получали отъ 300 до 900 р., а казаки отъ 180 до 360 р. Кромѣ жалованья, урядники довольствовались на прискахъ пищею наравнѣ со служащими, а казаки наравнѣ съ нарядчиками⁴⁾. Казачій офицеръ, такъ наз. „отрядной командиръ“, получалъ отъ золотопромышленниковъ въ 1881 г. 3498 р., въ 1882 г. 3043 р., въ 1883 г.—3085 р. У казаковъ бываютъ еще и другіе доходы. Г-нъ Калагеорги въ своемъ донесеніи 1882 г. говоритъ: „Казаки, приставленные для надзора, обязаны отбирать у рабочихъ утаенное ими золото, при чемъ въ видѣ поощренія получаютъ по 2 р. за золотникъ. Чтобы имѣть возможность отобрать у рабочихъ золото и получить вознагражденіе, казаки.... даютъ рабочимъ полную свободу заниматься выборкою золотинъ. На однихъ только прискахъ Сибирякова и К^о уплачено казакамъ за представленное ими

¹⁾ Здѣсь на поляхъ рукою ген.-губ. А. Д. Горемыкина замѣчено: „хотя бы исправники и были обезпечены отъ казни содержаніемъ хорошо, но золото заставитъ получать добавочныя“.

²⁾ Въ 1880 г. на прискахъ Олекм. окр. казачья команда состояла изъ 2-хъ офицеровъ, 39 урядниковъ и 250 казаковъ (сверхъ того въ конвоѣ за ссыльно-каторжными 32 казака). Въ 1891 г. въ Ленскомъ горн. окр. было всего 218 чел. каз. командъ, въ 1894 г.—320. „Горн. Журн.“ 1891 г., № 11, стр. 348; „Вѣст. Золот.“ 1895 г. стр. 395.

³⁾ Арх. Ирк. Горн. Упр. К. 2544, № 48—103, л. 152.

⁴⁾ „Пам. книж. якут. обл. на 1891 г.“, стр. 103. Въ 1886 г. на прискахъ Плетюхина урядникъ получалъ слѣдующее мѣсячное пищевое довольствіе: ржаной муки 1 п. 25 ф., пшенич.—20 ф., крупчатой—10 ф., мяса 2½ п., крупъ ячнев. и гречи. 10 ф., соли 4 ф., масла скоромнаго 10 ф., чаю фамильнаго 1½ ф., сахару 6 ф., вина въ 40°—30 сотыхъ; довольствіе казака: муки ржан. 2 п. 5 ф., муки пшенич. 20 ф., мяса 2 п., крупъ 10 ф., соли 4 ф., масла скор. 3 ф., чаю фамильн. 1 ф., сахару 3 ф., вина 30 сотыхъ ведра.

золото въ операциі 1878—79 г.—7922 р., въ 1879—80—8546 р.¹⁾. Въ запискѣ г. Михайлова (1890 г.) мы находимъ подробныя свѣдѣнія о положеніи казаковъ на олекминскихъ промыслахъ; „Кромѣ вознагражденія отъ казны, коего причитается въ среднемъ на одного чел. 283 р., выдается имъ содержаніе припасами въ мѣсяцъ“ въ достаточномъ количествѣ. „Кромѣ того, урядники и казаки получаютъ отъ присковъ готовыя квартиры и лошадей съ полнымъ содержаніемъ, затѣмъ денежное вознагражденіе отъ 180 до 1000 р. въ годъ. Чаше встрѣчается плата въ 20—25 р. въ мѣс. казаку и 35—45 р. уряднику. Нельзя умолчать объ одной доходной статьѣ казачьей по лицейской стражи, установленной съ вѣдома горныхъ исправниковъ присковыми управленіями: это выдача денегъ за конфискованное у спиртоносовъ вино по стоимости его. Получаемыя за конфискованное вино деньги иногда составляютъ значительныя суммы и служатъ для казаковъ мотивомъ къ особой энергіи въ преслѣдованіи спиртоносовъ... Выдача добавочнаго жалованья и содержанія урядникамъ и казакамъ, хотя и незаконна, но она находитъ себѣ оправданіе въ мѣстныхъ условіяхъ, ибо на отпускаемые изъ казны 283 р. нѣтъ возможности прожить годъ на Олекмѣ. Въ интересахъ присковаго управленія хорошо обставить стражу и тѣмъ устранить проявленіе со стороны казаковъ желаніе пользоваться какими-нибудь доходами отъ рабочихъ. Однако нельзя отрицать вреднаго вліянія такого положенія дѣлъ, при которыхъ присковая стража находится въ полной экономической зависимости отъ золотопромышленниковъ и ихъ довѣренныхъ. Въ большинствѣ случаевъ нынѣ можно наблюдать полное подчиненіе урядниковъ и казаковъ промысловымъ управленіямъ, нисколько не отличающееся отъ подчиненія обыкновенныхъ наемниковъ. Въ дѣлахъ объ охранѣ присковаго рабочаго въ борьбѣ съ спиртоношничествомъ и т. п. такое подчиненіе не ведетъ къ особымъ неправильностямъ, но во всѣхъ случаяхъ столкновенія рабочихъ съ управленіями казаки невольно являются сторонниками послѣднихъ и ревностными исполнителями ихъ приказаній. Ревизія дѣлъ горныхъ исправниковъ показала, что фактической полиціей на прискахъ являются эти низшіе чины и что они, хотя и снабжены инструкціею, но ею не руководствуются и часто допускаютъ весьма произвольныя дѣйствія по отношенію къ рабочимъ, въ особенности по лишенію ихъ свободы. Книги постановленій объ арестѣ нигдѣ не ведутся, а между тѣмъ арестовъ бываетъ много. Указанныя вредныя дѣйствія низшихъ агентовъ присковой полиціи до значительной степени являются послѣдствіемъ отсутствія дѣйствительнаго надъ ними надзора со стороны, какъ горныхъ исправниковъ, такъ

¹⁾ Мат. сообщ. Л. О. Пантхтевымъ; Арх. Ирк. Горн. Упр. К. 2765, № 37—30, л. 75.

и отрядных командировъ, положеніе которыхъ въ свою очередь въ высшей степени ненормально". Отрядный командиръ живетъ на Мачѣ, а „Мачинская резиденція отстоитъ отъ центральныхъ присковъ Олекминской системы на 300, а отъ Витимской системы на 400 верстъ.... Такимъ образомъ, картина состоянія правительственного надзора на прискахъ, гдѣ особые условія жизни и самый составъ населенія предъ-являютъ въ отношеніи власти строгія требованія, представляется весьма неутѣшительною. А если ко всему прибавить, что подсудность возникающихъ тамъ гражданскихъ и уголовныхъ дѣлъ якутскому окружному суду, дѣйствующему по правиламъ дореформеннаго производства, влечетъ за собою невозможность искать правосудія въ судѣ, отстоящемъ за 1500 вер., то вопросъ о реорганизации административнаго и судебного устройства въ олекминской тайгѣ представляется дѣломъ первостепенной важности".

Мы полагаемъ, что для прекращенія зависимости мѣстной администраціи отъ золотопромышленниковъ возможно только одно средство: взять съ золотопромышленности въ видѣ особаго сбора все, что нужно для содержанія этихъ лицъ при данныхъ мѣстныхъ условіяхъ (имѣя въ виду, разумѣется, нормальныхъ людей, а не одаренныхъ чрезвычайными аппетитами) и выдавать имъ это жалованье отъ казны, а затѣмъ всякіе добавочные поборы преслѣдовать, какъ лихоимство.

Горные ревизоры (по нынѣшнему окружные инженеры) въ 70-хъ и въ первой половинѣ 80-хъ гг. жили не на промыслахъ, а въ Иркутскѣ, откуда горный ревизоръ принужденъ былъ переселиться на промыслы лишь въ 1886 г. Понятно, что при такихъ условіяхъ олекминскій горный исправникъ въ отчетѣ за 1874 г. указываетъ на „пассивную роль“ горнаго ревизора, на несоразмѣрность въ распредѣленіи труда между нимъ и горнымъ исправникомъ и на почти постоянное нарушеніе законовъ горной техники. Въ смѣтахъ общихъ промысловыхъ расходовъ ¹⁾ мы не находимъ въ прежнее время указанія на неофициальное вознагражденіе окружному инженеру, хотя нужно полагать, что пріѣздъ его изъ Иркутска не обходился безъ нѣкоторой мзды отъ золотопромышленниковъ, но въ 1891 г. окружной инженеръ Ленскаго округа получалъ отъ золотопромышленниковъ 10000 р. Вѣроятно это заставляло его чувствовать нѣкоторую слабость къ интересамъ золотопромышленниковъ, судя по тому, что начальство предложило ему подать въ отставку. Нужна, однако, не столько смѣна лицъ, сколько перемѣна всей системы.

При всей отдаленности олекминскихъ промысловъ, рабочіе все-таки бѣжали иной разъ вслѣдствіе тяжелыхъ присковыхъ работъ, накопив-

¹⁾ См. объ обще-промысловыхъ или попечительскихъ расходахъ *Аврамовъ*, стр. 125.

шихся долговъ и т. п. причинъ. Побѣги усиливались, доносили исправникъ въ ноябрѣ 1873 г., „особенно съ открытіемъ теплыхъ лѣтнихъ дней, когда тайга даетъ столько средствъ скрыться, если еще къ тому бѣглець запасся предварительно сухарями и знакомъ съ таежными дорогами. Стоитъ ему только добраться до Лены, а тамъ ужъ паспорта не спросать, и онъ свободно проработаетъ въ любомъ селеніи. Пристаютъ иногда рабочіе и къ кочующимъ въ тайгѣ тунгусамъ, занимаясь у нихъ сѣнокосеніемъ въ мѣстностяхъ, отдаленныхъ отъ присковъ, гдѣ отыскать ихъ трудно“ ¹⁾. Въ отчетѣ за 1874 г. олекминскій горный исправникъ говоритъ, что возвращеніе на приски бѣжавшихъ должниковъ или не явившихся рабочихъ „дѣлается невыгоднымъ для золотопромышленниковъ, ибо земская мѣстная власть, основываясь на журналѣ Совѣта Главнаго Управленія ²⁾, официально обязываетъ, чтобы вмѣстѣ съ требованіемъ о возвратѣ бѣжавшаго или неявившагося должника промысловыя управленія высылали на каждого по 25 р. на покупку одежды, безъ чего должники не высылаются, а такъ какъ побѣгъ такого рода будетъ непремѣнно повторяться, пока земская власть не будетъ серьезно относиться къ этому“ (т.-е. энергичнѣе высылать рабочихъ), „то само собою разумѣется, что высылка 25 р. въ этомъ случаѣ немыслима, и должники остаются невысланными“ ³⁾.

Вмѣсто того, чтобы жаловаться на невозвращеніе имъ бѣжавшихъ рабочихъ, золотопромышленники должны были бы лучше подумать объ устраненіи побѣговъ. Г. Калагеорги въ своей запискѣ 1882 г. говоритъ: „Гдѣ болѣе обращается вниманіе на вредное вліяніе долговъ, гдѣ содержаніе рабочихъ хорошо и трудъ достаточно вознаграждается, тамъ число случаевъ побѣговъ не можетъ быть значительно“. Разсматривая данныя о бѣжавшихъ и неявившихся за пять лѣтъ (1877—82 г.), г. Калагеорги нашелъ, что между тѣмъ, какъ „число бѣжавшихъ и неявившихся на нѣкоторыхъ прискахъ весьма незначительно, на другихъ оно доходитъ до невѣроятныхъ размѣровъ, составляя 20 и даже 30% общаго числа нанятыхъ рабочихъ.... Въ операцію 1879—80 гг. число нарушившихъ контрактъ на всѣхъ прискахъ не превышало 6%, и только на

¹⁾ Арх. Иркут. Горн. Упр. К. 2560, № 180—184, л. 87.

²⁾ Въ жур. Совѣта Глав. Управ. Восточ. Сиб. 30 окт.—4 дек. 1871 г. между прочимъ сказано: „самая пересылка бѣжавшихъ и неявившихся рабочихъ изъ *ссылно-поселенцевъ* должна производиться на счетъ золотопромышленниковъ, и для этого золотопромышленники каждой системы обязаны имѣть общаго довѣреннаго, которому и выдавать авансомъ извѣстное количество денегъ на кормовныя и одежду пересылаемыхъ рабочихъ. По понимѣ бѣглыхъ сельскія и полицейскія начальства должны обращаться къ упомянутымъ довѣреннымъ съ требованіемъ о высылкѣ денегъ и по полученіи таковыхъ высылаютъ рабочаго. Для высылки же неявившихся довѣренные должны представлять деньги при самихъ требованіяхъ своихъ о высылкѣ“.

³⁾ Арх. Иркут. Горн. Упр. К. 2566, № 206—152, л. 52.

одномъ Крещенскомъ" (Плетюхина) „оно составляло 21⁰/. Объяснить это случайностью нельзя, и можно съ достовѣрностью сказать“, что бѣгство, опаздываніе и неявка „рабочихъ находятся въ прямой зависимости отъ содержанія ихъ, вознагражденія за трудъ и отъ условій, при которыхъ совершается наемъ ихъ и препровожденіе на пріискъ“ ¹⁾. Въ отчетѣ за 1885 г. горный исправникъ Олекминскаго округа говорить: „въ дѣлахъ крупныхъ, гдѣ заработная плата, а въ особенности подъемное золото даютъ возможность отработать долгъ, тамъ бѣгство представляетъ крайне рѣдкое и почти исключительное явленіе; въ небольшихъ же дѣлахъ, при отсутствіи подъемнаго золота, прибавленіе ежемѣсячной выписки въ долгъ продуктовъ и одежды ставитъ рабочаго въ положеніе неоплатнаго должника, а потому совершенно понятно, что нѣкоторые изъ нихъ, сознавая это положеніе и чтобы избавиться отъ непріятнаго для нихъ труда, уходятъ самовольно съ пріиска“ ²⁾.

На основаніи официальныхъ данныхъ ³⁾ мы вычислили, что за 70-е гг. средній процентъ бѣжавшихъ съ пріисковъ Олекминскаго округа равнялся 3,3⁰/, а въ первой половинѣ 80-хъ годовъ—1,2⁰/, т.-е. почти втрое менѣе; въ первой половинѣ 60-хъ гг. процентъ бѣжавшихъ съ промысловъ Олекминскаго и Киренскаго округовъ равнялся 3,9⁰/, слѣдовательно процентъ бѣжавшихъ постепенно уменьшался.

По словамъ олекминскаго горнаго исправника въ отчетѣ за 1873 г., „количество пріобрѣтаемыхъ рабочими на пріискахъ заработковъ зависитъ отъ ихъ способностей, отъ знанія какого либо ремесла, отъ времени явки на работу и отъ степени его здоровья и силъ. Высшій заработокъ можетъ простираться до 275 руб., низшій до 120 руб., вообще среднюю цифру можно опредѣлить въ 200 р.“ ⁴⁾. Эта цифра подтверждается свѣдѣніями, которыя мы находимъ въ бумагахъ одного лица, служившаго на олекминскихъ промыслахъ, и которыя, очевидно, взяты изъ первыхъ рукъ ⁵⁾. Во всѣхъ этихъ десяти КК⁰ средній заработокъ

¹⁾ Арх. Иркут. Горн. Управ. К. 2765, № 37—80, л. 49. На основаніи таблицы, приложенной къ донесенію г. Калагеорги, отмѣтимъ тѣ промысла, гдѣ былъ болѣе другихъ процентъ собственно бѣжавшихъ (не считая неявившихся): въ 1877 г. на промыслахъ Трапезниковыхъ 8⁰/, бар. Гиндбурга и Шмотина по 9⁰/, Катинцевой 10⁰/, Исаева 11⁰%; въ 1878 г. Герасимова 10⁰/, Ворисова 11⁰/, Исаева 16⁰%; въ 1879 г. Герасимова 8⁰/, Исаева 11⁰%.

²⁾ Арх. Иркут. Горн. Упр. К. 2772, № 185—124, л. 181.

³⁾ См. *Дополненіе XVII*.

⁴⁾ Арх. Иркут. Горн. Упр. К. 2560, № 130—184, л. 83.

⁵⁾ По этимъ даннымъ годовой заработокъ рабочаго въ операцию 1871 или 72 г. равнялся: на пріискахъ Передславцева 148 р. (среднее содержаніе золота 44 д.—1 з. 29 д.), на пріискахъ Катинцевца или Олекминскаго Т-ва 170 р. (сод. золота 6 з. 55 д.), Малопатомскаго Т-ва 219 р. (сод. золота 1 з. 34 д.—2 з. 21 д.), Ленскаго

рабочаго равняется 225 руб., т.-е. почти совершенно совпадаетъ съ показаніемъ исправника; указанные этимъ послѣднимъ максимумъ и минимумъ заработка также вполне оправдываются, если принимать это, какъ максимумъ и минимумъ средняго годового заработка на разныхъ промыслахъ. Но если таковы среднія цифры, то у отдѣльныхъ рабочихъ заработокъ могъ быть и меньше, и больше. Въ отчетѣ за 1874 г. горный исправникъ говоритъ: „Отрадное явленіе представляютъ рабочіе внутреннихъ губерній европейской Россіи, ежегодно выносящіе изъ промысловъ отъ 250 до 500 руб. чистаго заработка; къ этой категоріи разумныхъ рабочихъ можно отнести только ничтожную цифру съ сибирскихъ крестьянъ и рѣдкіе случаи изъ числа поселенцевъ“ ¹⁾. Среднею же цифрою валового заработка и по отчету горнаго исправника Витимской системы за 1875 г. оказывается въ годъ 200 руб., а въ лѣтнюю операцію 125 руб. ²⁾. По „счету платы К^о Промышленности“ за 1873 г. 1567 рабочихъ обоего пола заработали въ среднемъ (вмѣстѣ съ платою за золото) по 186 руб. Изъ этихъ же данныхъ богатой К^о Промышленности видно, что не только чистый, но даже валовой заработокъ въ 500 руб. составлялъ весьма рѣдкое явленіе ³⁾; весьма рѣдки могли быть чистые заработки и въ 250 р. По расчетной книгѣ съ рабочими Прибрежно-Витимской К^о 1876 г. средній заработокъ 186 рабочихъ равнялся 221 руб. ⁴⁾. По отчету горнаго исправника Витимской системы за 1879 г. на промыслахъ К^о Базанова и Сибирикава, Бодайбинской К^о, К^о Плетюхина и Владимірской К^о рабочіе, „согласно заключеннымъ контрактамъ“, заработали 649745 руб., платы за старательское и подъемное золото они получили 388954 руб., а весь заработокъ ихъ равнялся 1.032,699 руб., т.-е. около 223 руб. на человѣка, считая въ этомъ числѣ и женщинъ“ ⁵⁾. На основаніи отчета горнаго исправника Витимской системы за 1881 г. средній заработокъ рабочаго (со включеніемъ рабочихъ у подрядчиковъ и въ присковомъ пароходствѣ) равнялся 173 руб.; средній заработокъ въ одну поденщину—73 коп. Въ 1882 г. въ Витимской системѣ общая сумма заработка рабочихъ была 1.361.254 руб., а рабочихъ обоего пола 5935 чел., слѣдовательно средній заработокъ равнялся 230 руб., а такъ какъ всѣхъ рабочихъ поден-

---

Т-ва 220 р. (сод. золота 70 д.—1 з. 40 д.), К^о Арендаторовъ 225 р. (сод. золота 4 з. 12 д.), К^о Трапезниковыхъ 239 р., К^о Сибирикава и Базанова 247 р. (сод. золота 4 з. 35 д.—5 з. 13 д.), Пермикина 248 р. (сод. золота 3 з. 76 д.), Базилевскаго 259 руб. (сод. золота 2 з. 58 д.), К^о Промышленности 280 р. Матер. Субботина.

¹⁾ Арх. Иркут. Горн. Упр. К. 2566, № 206—152, л. 58.

²⁾ Арх. Иркут. Горн. Упр. К. 2574, № 189—243, л. 88.

³⁾ Арх. К^о Промышленности, № 13—284.

⁴⁾ „Расчетная съ рабочими Прибрежно-Витимской К^о“ № 566, т. I.

⁵⁾ Арх. Витим. Гор. Испр.

щинъ было 1.259.650, то, слѣдовательно, средній заработокъ въ поденщину равнялся 1 р. 8 к. ¹⁾ Въ 1883 г. въ Витимской системѣ средняя цифра заработка рабочихъ (со включеніемъ рабочихъ у подрядчиковъ) равнялась 219 руб., средній заработокъ въ поденщину—1 руб. 17 коп. ²⁾ Въ 1884 г. въ той же системѣ средній заработокъ равнялся 213 руб., средній заработокъ въ поденщину 1 руб. 6 коп. ³⁾ Г. Калагеорги (въ своемъ донесеніи 1882 г.) относительно заработковъ рабочихъ говоритъ, что вознагражденіе за трудъ если не абсолютно, то относительно тѣхъ условій, съ которыми сопряжена работа, „крайне недостаточно“: „рабочій, исправно выполняющій ежедневный урокъ свой, зарабатываетъ лѣтомъ въ мѣсяцъ около 30 руб., а зимой значительно менѣе, если же случается заработать болѣе, то не иначе, какъ при помощи старательской работы, но и при этомъ усиленномъ трудѣ онъ не въ состояніи заработать и въ лѣтній мѣсяцъ болѣе 50 руб. По расчетнымъ листкамъ рабочихъ видно, что сравнительно незначительное число ихъ зарабатываетъ 300 руб. въ годъ, большинство же около 200 р. Сумма эта при полномъ хозяйскомъ содержаніи можетъ показаться и не особенно малой, но, принимая во вниманіе расходы рабочихъ на дорогу, на одежду и обувь, на улучшеніе своей пищи и на уплату податей по произвольному требованію волостного начальства, нельзя признать заработокъ въ 300 руб. достаточнымъ“. Средній заработокъ на промыслахъ Базилевскаго въ 1882 г.—178 р. ⁴⁾ Въ Прибрежно-Витимской К^о въ 1882 г. 1903 рабочихъ м. п. (въ томъ числѣ 58 казенныхъ) и 261 женщина заработали въ среднемъ по 200 р.; если же взять отдѣльно мужчинъ и женщинъ, то мужчины заработали въ среднемъ по 221 р., женщины по 53 р. ⁵⁾ По отчету горнаго исправника Олекминской системы за 1883 г. средній заработокъ рабочаго равнялся 160 р., средній заработокъ въ поденщину—84 к.; тамъ же въ 1884 г. средній заработокъ рабочаго—171 р., средній заработокъ въ поденщину 88 к. ⁶⁾ На прискахъ Базилевскаго средній заработокъ въ поденщину (вмѣстѣ съ подъемнымъ золотомъ) равнялся въ 1877 г.—1 р. 22 к., въ 1878 г.—1 р. 12 к., въ 1879 г.—89 к., въ 1880 г.—1 р. 1 к., въ 1881 г.—97 к., въ 1882 г.—1 р. 15 к., въ 1883 г.—1 р. 23 к., а въ среднемъ за эти семь лѣтъ—1 р. 8 к.; на резиденціяхъ Базилевскаго заработокъ

¹⁾ Арх. Иркут. Горн. Упр. К. 2768, № 63—63, л. 4 об., 65 об.

²⁾ Арх. Иркут. Горн. Упр. К. 2769, № 58—68, л. 74.

³⁾ Арх. Иркут. Горн. Упр. К. 2771, № 110—100, л. 300—303.

⁴⁾ Арх. Базилевскаго, краткій счетъ рабочихъ за 1882 г.

⁵⁾ Арх. К^о Промышлен. и Прибрежно-Витим., расчетъ съ рабочими Прибр.-Витим. К^о за 1882 г.

⁶⁾ Арх. Иркут. Горн. Упр. К. 2769, № 58—68, л. 136, 138; 2771, № 110—100, л. 157 об., 159.

былъ гораздо меньше, а именно: въ среднемъ за поденщину въ 1877—83 гг. равнялся 51 к. въ день ¹⁾. На Романовскомъ приски Малопатомскаго Т-ва средній заработокъ всѣхъ рабочихъ обоюго пола равнялся въ 1880 г.—74 к., въ 1881 г.—67 к., въ 1882 г.—87 к., въ 1883 г.—86 к. По отчету горнаго исправника Олекминской и Витимской системъ за 1885 г. заработокъ рабочихъ въ этомъ году въ среднемъ на обѣихъ системахъ равнялся 189 р., а въ одну поденщину—1 р. 6 к. ²⁾. Изъ отчета исправника Витимской системы за 1888 г. видно, что средній заработокъ въ поденщину равнялся тогда въ этой системѣ 98 к. ³⁾. Въ томъ же году 1425 рабочихъ Ленскаго Т-ва Олекминской системы работали въ среднемъ вмѣстѣ съ подъемнымъ золотомъ по 221 р. ⁴⁾. Въ 1887 г. средній заработокъ рабочаго въ Олекминской системѣ равнялся 187 р., въ Витимской системѣ 201 р. и во всемъ Олекминскомъ округѣ въ обѣихъ системахъ въ среднемъ 195 р. Въ 1888 г. средній заработокъ рабочаго Олекминской системы равнялся 172 р., Витимской системы 154 р., въ среднемъ во всемъ округѣ 161 р.; въ 1889 г. въ Олекминской системѣ—181 р., въ Витимской—192 р., во всемъ Олекминскомъ округѣ 187 р. ⁵⁾. Въ запискѣ г. Михайлова (1890 г.) мы находимъ среднія данныя за 1887—89 гг. относительно нѣсколькихъ отдѣльныхъ компаній. На промыслахъ К^о Промышленности и Прибрежно-Витимской, по показанію ихъ управленій, средній заработокъ рабочаго вмѣстѣ съ подъемнымъ золотомъ равнялся за эти годы 242 р., въ К^о Базилевскаго—248 р., въ Ленскомъ Т-вѣ—169 р., въ К^о Демидовой—144 р., въ Яковъ-Николаевскомъ Т-вѣ—114 р., въ Бодайбинской К^о—152 р. ⁶⁾.

И такъ по отчетамъ горныхъ исправниковъ средній заработокъ рабочаго равнялся:

¹⁾ Матеріалы, сообщенные Л. О. Пантелѣевымъ.

²⁾ Арх. Ирх. Горн. Управ. К. 2772, № 135—124, л. 180 об., 182 об.

³⁾ При этомъ принимаются во вниманіе рабочіе у подрядчиковъ и на Воронцовской пристани. Арх. Горн. Испр. Витим. системы.

⁴⁾ Краткій расчетъ съ рабочими Ленскаго Т-ва за 1878 г.

⁵⁾ „Памят. книжка Якут. обл. на 1891 г.“, стр. 111.

⁶⁾ Въ настоящее время рабочіе Ленскаго Т-ва состоятъ на своемъ содержаніи. Средній заработокъ (вмѣстѣ съ подъемнымъ золотомъ) дѣйствительнаго рабочаго (а не годового) на своемъ содержаніи равнялся въ этой К^о въ 1893 г.—310 р., въ 1894 г.—336 р., въ 1895 г.—353 р. Цифры эти вычислены на основаніи данныхъ объ общемъ размѣрѣ заработка годового рабочаго и средней продолжительности дѣйствительнаго пребыванія на прискахъ, приведенныхъ въ „Вѣстн. Золотопр.“, 1895 г., № 20, стр. 331, 1896 г., стр. 188 и 1897 г., стр. 117.

	Въ Витимской системѣ	Въ Олекминской системѣ.	Во всемъ Олекмин- скомъ горномъ округѣ.
Въ 1881 г.	173 р.	—	—
— 1882 "	230 "	—	—
— 1883 "	219 "	160 "	—
— 1884 "	213 "	171 "	—
— 1885 "	—	—	189 р.
— 1887 "	201 "	187 "	195 "
— 1888 "	154 "	172 "	161 "
— 1889 "	192 "	181 "	187 "

Слѣдовательно средніе заработки въ Олекминскомъ округѣ выше, чѣмъ въ Енисейскомъ, но нужно при этомъ не забывать болѣе отдаленности промысловъ Олекминскаго округа, а слѣдовательно и затраты рабочимъ большаго времени и денегъ на проходъ до приисковъ. Въ Олекминской системѣ средніе заработки обыкновенно ниже, чѣмъ въ Витимской системѣ. Исследуя размѣръ заработковъ въ Енисейскомъ округѣ, мы указали на то, что данныя горныхъ исправниковъ должны быть нѣсколько выше дѣйствительныхъ заработковъ общеконтрактныхъ рабочихъ, такъ какъ въ составъ этихъ данныхъ входятъ и заработки золотничниковъ, состоящихъ на своемъ содержаніи; но въ Олекминскомъ округѣ гораздо менѣе золотничниковъ, чѣмъ въ Енисейскомъ, и потому данныя горныхъ исправниковъ ближе къ дѣйствительной величинѣ заработковъ общеконтрактныхъ рабочихъ.

Средній заработокъ на промыслахъ Олекминскаго округа въ одну поденщину (вмѣстѣ съ подземнымъ золотомъ) на хозяйскихъ харчахъ равнялся:

	Въ Витимской системѣ.	Въ Олекминской системѣ.	Во всемъ Олекмин- скомъ горномъ округѣ.
Въ 1881 г.	— р. 73 к.	—	—
— 1882 "	1 " 8 "	—	—
— 1883 "	1 " 17 "	84 к.	—
— 1884 "	1 " 6 "	88 "	—
— 1885 "	—	—	1 р. 6 к.
— 1888 "	— " 98 "	—	—

Въ сѣвероенисейской системѣ среднее вознагражденіе за поденщину въ 1881—83 гг. равнялось 56 к., въ южноенисейской системѣ въ

1883 г.—64 к. На амурскихъ промыслахъ вознагражденіе за поденщину, какъ мы увидимъ ниже, было почти такое же, какъ на прискахъ Олекминскаго округа.

Сравнимъ данныя относительно отдѣльныхъ КК^о за различное время. Въ 1866 г. рабочіе Прибрежно-Витимской К^о заработали въ среднемъ по 122 р., въ 1872 г. К^о Сибирякова и Базанова—247 р., въ 1876 г. Прибрежно-Витимской К^о—221 р., въ 1882 г.—200 р., въ 1887—89 гг. КК^о Промышленности и Прибрежно-Витимской вмѣстѣ 242 р. На промыслахъ К^о Базилевскаго въ 1870 г. рабочіе заработали въ среднемъ по 123 р., въ 1872 г. 259 р., въ 1887—89 г.—248 р. На промыслахъ Ленскаго Т-ва въ 1869 г. средній заработокъ равнялся 119 р., въ 1872 г.—220 р., въ 1888 г.—221 р., въ 1887—89 гг.—169 р. Слѣдовательно *со времени 60-хъ годовъ заработки значительно увеличились*. Это видно и изъ размѣра заработка въ одну поденщину: въ 1866 г. средній заработокъ въ поденщину на промыслахъ Прибрежно-Витимской К^о равнялся 61 к., въ 80-хъ же гг. средній заработокъ въ Витимской системѣ колебался между 73 к. и 1 р. 17 к. Средній заработокъ въ поденщину по извѣстнымъ намъ даннымъ 80-хъ гг. равнялся въ Витимской системѣ 1 р. Если вспомнить, что тутъ принимаются обыкновенно во вниманіе и рабочіе подрядчиковъ, и рабочіе въ присковомъ пароходствѣ, то средній заработокъ собственно на прискахъ долженъ бы быть нѣсколько выше, еслибы только данныя горныхъ исправниковъ не были нѣсколько увеличены заработками золотничниковъ, состоящихъ на своемъ содержаніи. *Поэтому 1 р. въ день на хозяйскихъ харчахъ и можно считать среднимъ заработкомъ рабочаго въ Витимской системѣ*. Въ Олекминской системѣ заработки были нѣсколько меньше: средній заработокъ въ поденщину въ 1883—84 гг. равнялся 86 к. Но мѣстная правительственная администрація принимала и здѣсь среднимъ числомъ заработокъ 1 р. въ день на хозяйскихъ харчахъ, когда приходилось опредѣлять слѣдующее рабочимъ вознагражденіе въ какихъ-либо спорныхъ случаяхъ. Тотъ же средній поденный заработокъ мы находимъ и въ началѣ 90-хъ гг. Въ 1892 г. средній заработокъ въ поденщину равнялся въ К^о Промышленности 1 р. 6 к., въ Бодайбинской К^о—1 р. 8 к., въ Ленскомъ Т-вѣ—1 р. 3 к. на хозяйскомъ содержаніи ¹⁾.

Въ Ленскомъ Т-вѣ въ 1893 г. рабочіе обоого пола заработали вмѣстѣ въ поденщину *на своемъ содержаніи*—1 р. 56 к., въ 1894 г.—1 р. 67 к., въ 1895 г.—1 р. 75 к. ²⁾. Такъ какъ по оцѣнкѣ самой К^о стоимость содержанія въ день въ концѣ 80-хъ гг. принималась въ 70 к.

¹⁾ „Восточ. Обзор.“ 1895 г., № 23.

²⁾ „Вѣстн. Золотопр.“, 1897 г., № 5, стр. 117.

(а за исключеніемъ стоимости обязательной винной порціи будетъ равняться теперь нѣсколько болѣе 60 к.), то слѣдовательно, если вѣрна цифра средняго заработка въ 1892 г., то заработокъ рабочаго Ленскаго Т-ва въ 1893—94 г. былъ менѣе, чѣмъ въ 1892 г. ¹⁾), но сравнительно съ 1887—89 гг. онъ нѣсколько увеличился.

Относительно средняго заработка, вычисленнаго нами на основаніи отчетовъ горныхъ исправниковъ, нужно помнить, что это именно средній заработокъ, а въ Олекминскомъ округѣ есть и такіа КК^о, гдѣ работа идетъ круглый годъ, благодаря подземнымъ работамъ, и такіа, гдѣ работы производятся только въ лѣтнія операциіи (напр. у Плетюхина). Понятно, что въ первыхъ заработкахъ рабочихъ будетъ выше, чѣмъ во вторыхъ. Размѣръ заработка очень измѣняется также въ зависимости отъ того, есть или нѣтъ на промыслахъ извѣстной К^о подъемное золото.

Въ указанныхъ нами выше данныхъ о заработкахъ рабочихъ уже включенъ заработокъ на подъемномъ и старательскомъ золотѣ; посмотримъ теперь, (гдѣ мы имѣемъ для этого данныя), какой % общаго заработка составляетъ вознагражденіе за подъемное золото. Такъ въ 1881 г. въ общей суммѣ заработка рабочихъ Витимской системы, какъ видно изъ отчета горнаго исправника, заработокъ на подъемномъ золотѣ составлялъ почти 15%, а на старательскомъ почти 18% ²⁾. По промысламъ отдѣльных КК^о это вознагражденіе распределялось такимъ образомъ: на промыслахъ Прибрежно-Витимской К^о вознагражденіе за подъемное золото составляло 29% общаго заработка, а заработка на старательскомъ золотѣ не было вовсе; въ К^о Промышленности заработокъ на подъемномъ золотѣ равнялся лишь 4%, на старательскомъ 25%, Бодайбинской К^о на подъемномъ—1%, на старательскомъ—52% общаго заработка; въ К^о Плетюхина на подъемномъ золотѣ 17%, на старательскомъ 48%, наконецъ, на пріискахъ Дмитріева на подъемномъ 40%, на пріискахъ же Владимірской К^о, К^о Гинцбурга и К^о Громова, Дьячкова и Демидова не было заработка ни на подъемномъ, ни на старательскомъ золотѣ ³⁾. На пріискахъ одной и той же К^о въ разные годы заработокъ на подъемномъ золотѣ былъ не одинаковъ. Такъ на пріискахъ Базилевскаго въ 1877 г. заработокъ этотъ составлялъ 42% общаго заработка, въ 1878 г. 25%, въ 1879 г.—7%, въ 1880 г.—16%, въ 1881 г.—12%, въ 1882 г.—28%, въ

¹⁾ Отчасти это можетъ зависѣть отъ уменьшенія средней продолжительности пребыванія рабочихъ на промыслахъ, которая равнялась на промыслахъ Ленскаго Т-ва въ 1891 г.—201 дню, въ 1892 г.—209 д., въ 1893 г.—195 д., въ 1894 г.—201 д., въ 1895 г.—204 д. „Вѣстн. Золотопр.“ 1895 г., стр. 331, 1896 г., стр. 188.

²⁾ Часть этого старательскаго золота должна быть добыта старателями-золотничниками, но не вся, такъ какъ въ томъ же отчетѣ за 1881 г. указано, что „подъемнаго, т.е. полученнаго при хозяйскихъ урочныхъ работахъ“ золота добыто болѣе 45 п., а „собственно добытаго старателями, т.е. золотничниками“ болѣе 10 п., между тѣмъ вознагражденіе за подъемное золото составляетъ 15%, а за старательское 18%. Очевидно, большая часть старательскаго золота добыта общеконтрактными рабочими въ свободное время.

³⁾ Арх. Ирк. Горн. Упр., К. 2766, № 37—45, л. 311 об.—312.

1883 г.—24%, следовательно заработок на подъемномъ золотѣ колебался отъ 7 до 42% ¹⁾. Изъ записки г. Михайлова (1890 г.) видно, что въ среднемъ за 1887—89 гг. на каждого дѣйствительнаго рабочаго приходилось платы за подъемное золото въ КК^о Промышленности и Прибрежно-Витимской по 46 р. (19% всего заработка) ²⁾, у Базилевскаго по 36 р. (15% всего заработка), въ Ленскомъ Т-вѣ по 47 р. (28%), у Демидовой по 51 р. (36% заработка), а въ Яково-Николаевскомъ Т-вѣ и Бодайбинской К^о подъемнаго золота почти не было; въ первомъ вознагражденіи за него пришлось на каждого рабочаго по 87 к., во второй, по 10 копѣекъ.

Въ большинствѣ контрактовъ выдача денегъ на промыслахъ представляется усмотрѣнію управленія; иногда прибавлено, что рабочіе могутъ просить о выдачѣ лишь по отработкѣ уже забраннаго ими. Лишь въ немногихъ контрактахъ рѣшительно воспрещается требовать деньги за работу на промыслахъ до общаго разсчета ³⁾. Главноуправляющій промыслами Базилевскаго въ запискѣ, представленной иркутскому генералъ-губернатору въ 1890 г., говоритъ: „на руки рабочему въ управленіемъ мною дѣлѣ не выдается денегъ, и это обусловлено въ контрактѣ, за исключеніемъ развѣ большихъ праздниковъ, и то въ очень ограниченномъ размѣрѣ ⁴⁾, даже по контракту болѣе 25 руб. онъ не имѣетъ право имѣть на рукахъ; зато ему не возбраняется пересылать на родину хоть весь свой заработокъ, но вкладываетъ деньги сама контора“ ⁵⁾. Дѣйствительно, въ договорахъ Базилевскаго 1878 и 80-хъ гг. сказано: „Такъ какъ всякаго рода припасы и предметы заготовлены въ присковыхъ складахъ, потому никому изъ насъ при себѣ большихъ денегъ не держать безъ вѣдома управленія подъ опасеніемъ, что если при обыскѣ у кого либо будетъ найдено болѣе 25 р., то по 10 коп. съ рубля удерживать въ пользу открывателей, остальные же записываются

¹⁾ Матеріалы, сообщенные Л. О. Пантелѣевымъ.

²⁾ Въ КК^о Промышленности и Прибрежно-Витимской въ операцію 1893 г. заработокъ на подъемномъ золотѣ составлялъ 31%, а въ Ленскомъ Т-вѣ въ операцію 1894 г. 18% общаго заработка. „Восточ. Об.“, 1894 г., № 127: „Вѣсти. Золотопр.“, 1895 г., стр. 332.

³⁾ Такъ, напр., въ договорахъ К^о Промышленности 1870 г. и Малопатомскаго Т-ва 1880 г.

⁴⁾ Вмѣсто денегъ на прискахъ Базилевскаго выдаютъ квитанцію, по которой рабочій можетъ получить все, что ему нужно въ присковомъ магазинѣ. Если же ему нужны именно деньги, то приходится продать купленные предметы со скидкой 20—30% тутъ же на прискѣ, или на сторонѣ, или просто продать квитанцію со скидкой 10—30% или и болѣе. „Но и передъ такою скидкой рабочій не останавливается: такъ какъ покупка на сторонѣ обходится рабочимъ все-таки дешевле, чѣмъ въ присковомъ магазинѣ“. „Восточ. Об.“, 1896 г., № 3.

⁵⁾ Отъ того и бываетъ, что денежные письма рабочихъ ихъ семьямъ по цѣлымъ мѣсяцамъ ждутъ вложенія на резиденціяхъ по немѣннѣ у К^о денегъ. „Восточ. Об.“, 1895 г., № 17—18.

въ заслугу того, у кого будутъ найдены. Но какъ по опыту оказывалось, что большія деньги держатся рабочими на рукахъ исключительно для запрещенной торговли спиртомъ и для скупа золота, то если при деньгахъ окажутся улики незаконнаго ихъ приобрѣтенія, всѣ деньги отбираются въ пользу открывателей. Для безопаснаго же сохраненія денегъ должны мы отдавать ихъ мѣстному управляющему или при посредствѣ его можемъ таковыя отсылать въ банкъ для приращенія процентами¹⁾.

Въ 1893 г. Ленское Т-во открыло сберегательную кассу, въ которую принимаются вклады отъ 25 руб.; на всѣ внесенныя суммы промышленное управленіе уплачиваетъ 6% въ годъ²⁾.

Посмотримъ теперь, какъ распредѣляется весь заработокъ рабочего³⁾.

Мы указывали уже, какой процентъ составляетъ задатокъ въ общемъ заработкѣ рабочихъ; распредѣленіе остальнаго заработка (въ процентахъ) указано въ только что приведенной таблицѣ. Изъ нея видно, что въ уплату податей и своимъ семействамъ рабочіе отправляли въ 80-хъ гг. деньгами съ промысловъ Витимской системы отъ 6,8 до 13,9% заработка, въ Олекминской системѣ въ 4 года, относительно которыхъ мы имѣемъ данныя, отъ 6,2 до 8,8%; отослано на сбереженіе въ „банковыя учрежденія“ въ Витимской системѣ отъ 1 до 5,3%, въ Олекминской системѣ отъ 1,7 до 2; выдано на пріискахъ товарами и припасами въ Витимской системѣ отъ 27,5% до 59%, въ Олекминской системѣ отъ 39,8 до 64,9% (въ 1885 г. въ обѣихъ системахъ вмѣстѣ даже 65,3%), причемъ процентъ забора на пріискахъ въ концѣ 80-хъ гг. выше, чѣмъ въ первой половинѣ этого десятилѣтія. Додача составляла въ общемъ заработкѣ рабочаго въ Витимской системѣ отъ 23,7 до 56%, въ Олекминской отъ 19,1 до 47,1%, причемъ *додача въ концѣ 80-хъ годовъ меньше, чѣмъ въ первой половинѣ этого десятилѣтія.*

Такъ какъ задатокъ выдавался частью деньгами, частью вещами, то на основаніи данныхъ въ отчетахъ горныхъ исправниковъ мы не можемъ опредѣлить, какой процентъ всего заработка былъ полученъ рабочими деньгами и какой вещами, но приведемъ нѣкоторыя указанія относительно отдѣльныхъ промысловъ изъ расчетной книжки.

На основаніи расчетной книги съ рабочими Прибрежно-Витимской К^о за операцію 1876 г. ⁴⁾ мы вычислили, что 186 рабочихъ получили ровно половину

¹⁾ Сходное съ этимъ постановленіе есть только въ договорѣ Ленскаго Т-ва 1883 г.

²⁾ Въ операцію 1894—95 г. изъ рабочихъ ею воспользовались 208 вкладчика, внесшихъ 79667 р. (въ среднемъ по 392 р.). „Вѣст. Золот.“, 1896 г., № 10, стр. 209.

³⁾ См. таблицу въ *Дополненіи XVIII.*

⁴⁾ По описи—№ 566, т. I.

своего заработка деньгами (не считая подъемного золота) и половину вещами. На прискахъ Базилевскаго въ операцію 1879 г. деньгами и вещами было выдано также почти одинаковое количество вмѣстѣ съ подъемнымъ золотомъ (по даннымъ относительно 115 рабочихъ). Въ Бодайбинской К^о въ операцію 1884 г. преобладала выдача вещами; по крайней мѣрѣ изъ всей выдачи 72 рабочимъ въ размѣрѣ 17939 р. (считая и вознагражденіе за подъемное золото) выдано было „имущества“ 10725 р., „кассы“ (т.-е. деньгами) 4949 р. и „другихъ счетовъ“ 2265 р. Въ запискѣ г. Михайлова (1890 г.) есть данныя относительно нѣкоторыхъ промысловъ о томъ, сколько изъ заработанныхъ рабочими денегъ, кромѣ вознагражденія за подъемное золото, было получено товаромъ и припасами въ среднемъ за 1887—89 гг., а именно, на промыслахъ К^о Промышленности и Прибрежно-Витимской 27,5%, Базилевскаго 30,4%, Ленскаго Т-ва 67%, Демидовой 70%, Яково-Николаевскаго Т-ва 59% и Бодайбинской К^о 70%. Распределение вознагражденія за подъемное золото неизвѣстно, но на него рабочіе въ нѣкоторой степени также закупали товары и припасы изъ присковъ амбаровъ и магазиновъ. Меньшій процентъ забора припасами и товарами въ К^о Промышленности и Прибрежно-Витимской тѣмъ и объясняется, что, какъ замѣчаетъ г. Михайловъ, „плата за подъемное золото въ этой К^о даетъ рабочимъ возможность, при существованіи особаго магазина, продающаго товары на деньги, менѣ брать товаровъ и припасовъ изъ амбара въ счетъ заработка“. Такимъ образомъ, говоритъ г. Михайловъ, „процентъ выдачи платы товарами и припасами въ большинствѣ случаевъ превышаетъ процентъ денежной уплаты. Можно почти съ увѣренностью сказать, что 2 первыя дѣла единственныя, гдѣ выдача денегъ преобладаетъ надъ отпускомъ товаровъ и припасовъ въ счетъ платы. О мелкихъ прискахъ говорить излишне: тамъ на долю товаровъ падаетъ свыше 90%“. По словамъ г. Михайлова, „чрезмѣрная выдача рабочимъ товаровъ и припасовъ въ счетъ платы“ составляетъ „одну изъ самыхъ прискорбныхъ сторонъ золотого промысла“.

Мы указывали, какую часть всего заработка составляетъ додача, и видѣли, что въ концѣ 80-хъ годовъ она падала до $\frac{1}{4}$ и даже $\frac{1}{5}$ заработка. Но такъ какъ не всѣ получаютъ додачу, а многіе остаются въ долгу, то для получающихъ додачу она будетъ составлять большую долю заработка. Приведемъ нѣкоторыя указанія относительно абсолютной величины додачи. Горный исправникъ Витимской системы въ отчетѣ за 1875 г. говоритъ: „Съ болѣе или менѣе значительнымъ заработкомъ выходятъ только тѣ, которые пробыли на прискахъ не менѣе двухъ, трехъ лѣтъ... Въ истекшую операцію, по окончаніи лѣтнихъ работъ, съ промысловъ Базанова и Сибирякова рассчитано до 1200 рабочихъ; изъ нихъ 625 чел. додано при расчетѣ 27700 р. или окло 45 р. на каждого“ (слѣдовательно додачу получили лишь не много болѣе половины рабочихъ), „а 575 чел. остались въ долгу на сумму около 16750 р. или болѣе 27 р. на человѣка; но цифра додачи еще уменьшится, если принять во вниманіе, что многіе рабочіе получили свой заработокъ не за одну настоящую операцію, а за нѣсколько лѣтъ работъ на промыслахъ“¹⁾. Если исключить долгъ

¹⁾ Арх. Ирк. Горн. Управ., К. 2574; № 189—243, л. 89.

изъ чистаго заработка и остатокъ раздѣлить на всѣхъ 1200 рабочихъ, то окажется, что средняя додача на всѣхъ равнялась бы 9 руб. И это въ самой богатой К^о Витимской системы.

На основаніи одного тома разсчетной книги Прибрежно-Витимской К^о 1876 г. ¹⁾ мы опредѣлили, что изъ 186 чел. рабочихъ м. п. 127 чел. получили додачу въ среднемъ по 42 р. (наибольшая додача 397 р.). Если же мы изъ додачи получившихъ ее вычли бы долгъ и раздѣлили бы остатокъ на все число (186) рабочихъ, то средній чистый заработокъ равнялся бы всего 22 р. На основаніи одного тома разсчетной книги Ленскаго Т-ва за 1876 г. ²⁾ мы вычислили, что изъ 233 чел. об. п. получили додачу лишь 81, т.-е. 34% (наибольшая додача 276 р.). Въ среднемъ, каждому изъ получившихъ додачу пришлось по 51 руб., но долгу за должниками осталось болѣе, чѣмъ получили додачи 81 чел., такъ что, если взять всѣхъ 233 чел., то въ среднемъ они не только не получили никакой додачи, но еще остались должны около 4 р. каждый. На основаніи одного тома разсчетной книги Базилевскаго за 1879 г. мы опредѣлили, что изъ 115 чел. рабочихъ об. п. 80 чел. получили додачу въ среднемъ по 107 руб. (максимумъ додачи 568 р.), а если вычесть небольшой долгъ и раздѣлить остатокъ на всѣхъ 115 чел. рабочихъ, то средній чистый заработокъ получится въ 68 руб. На основаніи одного тома разсчетной книги Бодайбинской К^о 1884 г. мы вычислили, что изъ 77 чел. получили додачу 61 чел., въ среднемъ по 89 р. (наибольшая додача 591 р.). Если же изъ додачи вычесть небольшой долгъ, оставшійся за должниками, и раздѣлить остатокъ на 77 чел., то получимъ средній чистый заработокъ въ 69 р.

Среднія цифры должны удерживать отъ увлеченія нѣсколькими случаями крупныхъ додачъ, да и то эти крупныя додачи могутъ быть результатомъ труда не одного, а нѣсколькихъ лѣтъ. Такъ какъ въ указанной выше таблицѣ въ данныхъ за 1887—89 гг. процентъ долговъ обозначенъ, то, вычтя изъ процента заработка процентъ долговъ и вычисливъ величину этой разницы на основаніи данныхъ о среднемъ заработкѣ, мы получимъ величину средняго чистаго заработка *въсѣхъ* рабочихъ, а не только получившихъ додачу, а именно: въ Витимской системѣ въ 1887 г.—87 р., въ 1888 г.—31 р., въ 1889 г.—47 р.; въ Олекминской системѣ въ 1887 г.—86 р., въ 1888 г.—30 р., въ 1889 г.—46 р. Изъ этого видно, что не особенно большія богатства выносили рабочіе съ этой богатой золотоносной системы.

Въ контрактахъ обыкновенно говорилось, что рабочіе, задолжавшіе золотопромышленнику, должны были или уплатить свой долгъ, или отработать его, не выходя съ промысловъ ³⁾. Что условіе объ отра-

¹⁾ По описи № 566, т. I.

²⁾ По описи № 34.

³⁾ Купенковъ въ своей запискѣ 1872 г. обратилъ вниманіе на то, что подобныя мѣры на основаніи правилъ 1870 г. разрѣшались золотопромышленникамъ принимать лишь относительно ссыльно-поселенцевъ, о другихъ же рабочихъ, не принадлежащихъ къ этой категоріи, въ параграфахъ 15 и 16 сказано: разсчетъ между золотопромышленникомъ и рабочими производится ежегодно, по окончаніи промысловой операціи.

ботѣ долга не оставалось мертвою буквою, по крайней мѣрѣ относительно поселенцевъ, видно изъ слѣдующихъ словъ горнаго исправника, 1872 г. При объѣздѣ присковъ въ августѣ мѣсяцѣ этого года онъ потребовалъ исполненія той ст. Горнаго Устава, по которой оставшемуся въ долгу по найму поселенцу паспортъ не выдается до возвращенія имъ долга, и наемъ къ другому золотопромышленнику обусловленъ принятіемъ имъ на себя долга рабочаго прежнему хозяину. Управляющіе просили горнаго исправника заставить должниковъ отработать свой долгъ. Рабочіе отвѣчали, что ранѣе этого не бывало, и такого обязательства они не давали. И исправникъ, и членъ совѣта Главнаго Управленія Восточной Сибири Купенковъ прочитали имъ ст. Горнаго Устава съ разъясненіемъ, что это законъ Государя, и что законъ издается не для обсужденія, а для исполненія; исправникъ напомнилъ, что при засвидѣтельствованіи контрактовъ онъ самъ читалъ имъ статью въ договорахъ объ отработѣ долга, а также заставлялъ грамотныхъ рабочихъ читать и то, и другое своимъ неграмотнымъ товарищамъ. Подъ влияніемъ этихъ убѣжденій многіе изъ должниковъ остались отработать долгъ, попросивъ только позволенія выѣхать на резиденцію отдохнуть, другіе же перешли въ новыя КК^о, обязавшіяся при наймѣ уплатить за нихъ долги ¹⁾. Изъ одной официальной бумаги мѣстнаго окружнаго инженера 1887 г. видно, что даже въ это время бывали „незаконныя надписи со стороны учреждений на паспортахъ полноправныхъ лицъ о долгахъ“ ²⁾. Золотопромышленники обыкновенно жаловались на то, что за рабочими пропадаетъ много долговъ, но г. Михайловъ въ своей запискѣ (1890 г.) справедливо замѣчаетъ, что „задолженность рабочаго находится въ сильной зависимости отъ присковскихъ управленій, въ особенности на небольшихъ промыслахъ, часто основывающихъ свои дѣла, главнымъ образомъ, на сбытѣ изъ своихъ лавокъ товаровъ“.

Посмотримъ, дѣйствительно ли были велики долги, оставшіеся за рабочими. По отчету горнаго исправника 1881 г. въ Витимской системѣ за рабочими бѣжавшими, умершими и по другимъ причинамъ „пропало“ долговъ 25796 руб.,

По истеченіи срока найма рабочій получаетъ отъ золотопромышленника свой паспортъ и окончательно рассчитывается по условію. Арх. Ирк. Горн. Управ. К. 2544, № 48—103, л. 124.

¹⁾ Арх. Ирк. Горн. Упр. К. 2549, № 126—71, л. 461. Съ задолжавшихъ рабочихъ, какъ видно изъ дѣлъ Прибрежно-Витимской К^о, брались росписки.

²⁾ Дѣло Канц. Ирк. Горн. Управ., № 14, т. II. Одинъ изъ главныхъ служавшихъ въ КК^о Промышлен. и Прибр.-Витим. г. Стрижевъ въ замѣчаніяхъ на проектъ правилъ о наймѣ рабочихъ 1887 г. жалуетъ на запрещеніе этого мѣстнымъ ревизоромъ. Авторъ ст. въ „Сибирскомъ Сборникѣ“ (1889 г., вып. II, стр. 37) говоритъ объ обозначеніи долга на паспортахъ, какъ объ общепринятомъ обычаѣ, не выдѣляя при томъ поселенцевъ.

что при общей суммѣ заработка болѣе 1 милліона рублей составляет самую ничтожную величину, а при раздѣленіи на все количество наличныхъ рабочихъ въ эту операцію оказывается небольшимъ накладнымъ расходомъ по 4 р. на каждого. Въ 1882 г. въ той же системѣ за бѣжавшими, умершими и неявившимися „пропало“ долговъ 73791 руб. при общемъ заработкѣ въ 1.361,254 руб.; на каждого наличнаго рабочаго это составитъ по 12 руб. Въ 1883 г. въ той же системѣ „пропало“ долгу всего 67607 руб. (при раздѣленіи на всѣхъ наличныхъ рабочихъ получимъ 10 съ небольшимъ рублей), сумма сама по себѣ небольшая, да къ тому же значительная часть этого долга осталась за неявившимися рабочими (12700 руб.) и 12580 р. за умершими пропали у подрядчика, занимавшагося поставкою лѣсныхъ матеріаловъ для К^о Базанова и Сибирякова. „Не явились для отработки долга“, говоритъ горный исправникъ, „исключительно все инородцы изъ якутовъ по случаю существовавшей въ Олекминскомъ округѣ оспенной эпидеміи“. Изъ этихъ словъ видно, что отработка долга все-таки существовала, слѣдовательно часть долговъ могла быть отработана и въ слѣдующую операцію. Нужно еще замѣтить, что 58% всей суммы долга въ эту операцію осталось за рабочими, рассчитанными присковыми управлениями „по неспособности и другимъ случаямъ“. Въ 1884 г. въ Витимской системѣ пропало за рабочими 41430 р., въ томъ числѣ 75% за рассчитанными „по неспособности и другимъ случаямъ“; это составляетъ менѣе 6 руб. на каждого наличнаго рабочаго. Въ Олекминской системѣ въ 1883 г. пропало долговъ 17305 р., что на каждого наличнаго рабочаго составитъ менѣе 4-хъ руб.; въ 1884 г.—21733 р.,—около 5 р. на каждого наличнаго рабочаго. Въ 1885 г. въ обѣихъ системахъ Олекминской и Витимской пропало долговъ 38481 р. (въ томъ числѣ 70% за рассчитанными по болѣзни и другимъ причинамъ), что составитъ на каждого наличнаго рабочаго нѣсколько болѣе 3-хъ руб. Мы видѣли изъ таблицы, напечатанной въ Дополненіи XVIII, что пропавшіе долги составляли въ 1887—89 гг. въ Витимской системѣ всего отъ 2-хъ до 3,6% всей выдачи, а въ Олекминской еще менѣе—отъ 1 до 1,4%, что въ обѣихъ системахъ вмѣстѣ составитъ на каждого наличнаго рабочаго всего 3—4 руб. ¹⁾, а въ 1890 г. въ Витимской системѣ даже менѣе 3-хъ руб. ²⁾.

Приведемъ нѣкоторые данныя относительно отдѣльныхъ КК^о. Въ операцію 1873 г. въ К^о Промышленности за 221 рабочимъ осталось долгу 13447 р., что составитъ въ среднемъ почти по 69 р. на каждого должника (наибольшій долгъ 378 р.), при раздѣленіи же на всѣхъ рабочихъ К^о, это составитъ менѣе 9 руб. на каждого ³⁾. Въ 1875 г., на промыслахъ К^о Базанова и Сибирякова осталось въ долгу 575 чел. (около 48%) на сумму 16750 р., или по 29 р. на чел., при раздѣленіи же долга на все число рабочихъ—около 14 р. на каждого ⁴⁾. Въ 1882 г. въ К^о Промышленности за 265 рабочими осталось 21368 р. долгу или въ среднемъ по 80 руб. на каждого должника, а при раздѣленіи на всѣхъ рабочихъ—по 11 р. на каждого ⁵⁾. На промыслахъ Базилевскаго въ 1887—89 гг. оставалось самое ничтожное количество долговъ (въ 1889 г. на Вѣрномъ приискѣ 18 р. на всѣхъ рабочихъ). Въ 1894 и 95 гг. долги, пропавшіе за рабочими, составляли лишь 0,7% всей выдачи ⁶⁾.

¹⁾ „Памяти. Книж. Якут. Области, на 1891 г.“, стр. 111.

²⁾ Отчетъ Горн. Исправ.

³⁾ Арх. К^о Промышл. 1873 г., № 13—284.

⁴⁾ Арх. Ирк. Горн. Управ. К. 2574, № 189—248, л. 89.

⁵⁾ Отчетъ К^о Промышл. за 1882 г., Прил. подъ л. Н.

⁶⁾ „Вѣстн. Золот.“ 1895 г., стр. 333; 1896 г., стр. 188.

Рабочіе выносили въ среднемъ съ олекминскихъ промысловъ незначительныя додачи; пополненіемъ ихъ служили нелегальные заработки—тайное хищеніе золота ¹⁾). Количество его, разумѣется, мало поддается учету, но иногда слишкомъ преувеличивали размѣръ такого хищенія. Исправникъ Витимской горной системы въ отчетѣ за 1875 г. говоритъ: „существующее понятіе о баснословной цифрѣ выносимаго съ промысловъ“ К^о Базанова и Сибирякова „золота не заключаетъ въ себѣ никакого вѣроятія. Быть можетъ хищничество золота принимало широкіе размѣры въ прежніе годы, когда не было такого строгаго надзора, какой установленъ въ настоящее время“ ²⁾). По словамъ г. Калагеорги (1882 г.), безъ подъемнаго золота, воровства золота и другихъ аферъ „рабочій, какъ бы ревностно ни трудился, не въ состояніи сдѣлать сбереженія“. Сбывали рабочіе краденое золото въ селеніяхъ Витимъ и Нохтуфъ. „Прежде въ с. Витимъ рабочіе послѣ расчета носили въ карманахъ золото, которое горстями предлагали купить всякому встрѣчному, называя золото пшеничкой; бывали случаи находженія золота, разсыпаннаго на улицѣ; теперь ничего подобнаго нѣтъ, но тѣмъ не менѣе кража золота и тайный скупъ его продолжаютъ и, судя по общему голосу, размѣры воровства увеличиваются“ ³⁾). Ген. Педашенко въ запискѣ 1885 г. указываетъ на то, что находящимся на промыслахъ казакамъ „даже не выгодно стараться объ искорененіи хищничества золота, такъ какъ за отобраніе отъ рабочаго утаеннаго при работѣ золота промысловое управленіе платитъ казакамъ по 2 р. за золотникъ“ ⁴⁾), и изъ донесенія Калагеорги видно, что на однихъ только прискахъ Сибирякова и К^о было уплачено казакамъ за представленное ими золото въ операцію 1879—80 г. 8546 р.“ ⁵⁾). Авторъ статьи въ „Сибирскомъ Сборникѣ“ указываетъ на то, что рабочіе считаютъ золото божьимъ ⁶⁾). Количество обнаруженнаго хищническаго золота ничтожно: въ 1873—83 гг. самое большое количество его въ годъ равнялось 35 фун. ⁷⁾). Между тѣмъ, если вѣрны свѣдѣнія, сообщаемыя одною газетою, количество его въ дѣйствительности весьма значительно ⁸⁾).

¹⁾ Преданія военному суду за кражу золота въ рассматриваемое время уже не существовало. Ср. *Розановъ*, изд. I, стр. 126—127.

²⁾ Арх. Иркут. Горн. Управ. К. 2574, № 189—248, л. 92.

³⁾ Арх. Иркут. Горн. Управ. К. 2765, 37—80, л. 52, 58, 65—86.

⁴⁾ Теперь нѣкоторые КК^о платятъ по 5 рублей.

⁵⁾ Дѣло кавц. Иркут. Гор. Упр. № 11.

⁶⁾ „Сиб. Сборн.“ 1889 г., вып. II, стр. 39.

⁷⁾ „Приложеніе I къ выпуску I сборника гл. офиц. докумен.“ т. VII, отчетъ о золотопр. Восточ. Сиб. за 1882 г., прил. № 13.

⁸⁾ Авторъ этой замѣтки говоритъ, что „на рынокъ поступаетъ корчемное золото отъ старателей, отъ хозяйскихъ рабочихъ, отъ скупщиковъ, отъ казаковъ, отъ крупныхъ и мелкихъ спиртоношескихъ партій“. Главные пункты сбыта корчемнаго золота

Скупкою золота, по свидѣтельству Калагеорги (1882 г.), занимаются подрядчики, поставляющіе лѣсъ и уголь и живущіе въ лѣсу по сосѣдству пріисковъ, затѣмъ нѣкоторые конюхи, кучера и пр. ¹⁾, спиртоносы и наконецъ сами золотопромышленники и ихъ довѣренныя. По словамъ г. Михайлова (1890 г.), „большинство незначительныхъ производствъ, ютящихся около богатыхъ промысловъ, или представляютъ такъ называемую сухую промывку, т.-е. тайный скупъ золота отъ рабочихъ другихъ промысловъ, или оперируютъ на продажѣ товаровъ, припасовъ и вина съ надбавкою большихъ процентовъ, отдавая заарендованные ими пріиски въ разработку „золотничникамъ“ ²⁾.

Разсчетъ рабочихъ въ Витимской системѣ производится 10-го сентября, а въ Олекминской ранѣе, чтобы рабочіе могли поспѣть на пароходы, которые отправляются изъ Бодайбинской резиденціи 11—15 сентября. Разсчетъ производится по разсчетнымъ листамъ или книжкамъ.

Отмѣтимъ нѣкоторыя постановленія контрактовъ относительно разсчета рабочихъ. Въ договорѣ К^о Промышленности 1870 г. сказано: „правильный и безобидный разсчетъ получать намъ отъ промысловаго управленія не позднѣе 10-го сентября, а деньги, слѣдующія намъ по разсчетамъ, выдаются по квитанціямъ тамъ, гдѣ управляющій сочтетъ удобнымъ, т.-е. на пріискѣ или на Ленско-Витимской резиденціи“. Въ договорѣ К^о Промышленности и Прибрежно-Витимской 1887 г. это условіе выражено такимъ образомъ: „Для разсчета нашего съ промысловымъ управленіемъ выдаются намъ разсчетные листы и книжки, въ которыхъ записывается весь нашъ заборъ и заработокъ каждомѣсячно. Листы эти обязываемся хранить при себѣ, и утратившій его безпрекословно разсчитывается по книгамъ конторы и никакихъ жалобъ начальству на неправильность разсчета предъявлять не имѣетъ права. Всѣ претензіи на неправильность записей, слѣдующихъ въ разсчетныхъ листахъ, каждый изъ насъ обязанъ заявлять конторѣ промысловъ своевременно, т.-е. въ теченіе послѣдующаго мѣсяца ³⁾... А передъ окончаніемъ операціоннаго разсчета, т.-е. 10-го сентября, и окончанія срока настоящаго обязательства всѣ претензіи и справки должны вырѣшаться до 15-го августа, и по прошествіи этого срока мы никакихъ жалобъ и претензій о неправильномъ разсчетѣ приносить не имѣемъ права. По окончаніи срока настоящаго обязательства промысловое управленіе на причитающіяся намъ къ полученію суммы выдаетъ ордера или подлинныя разсчетные листы на полученіе по нимъ денегъ въ ближайшемъ пунктѣ. Увольнительныя наши виды, паспорта и

сехенія Витимское и Мача; въ с. Мачу, по мнѣнію автора, сбывается до 30 пуд., въ Витимѣ до 50 пуд. въ годъ. „Восточ. Обзор.“ 1891 г., № 44. Мы впрочемъ сомнѣваемся, чтобы эти цифры имѣли хотя бы приблизительную точность.

¹⁾ „Имъ управленіе платить, въ видѣ особой награды, по 2 р. за золотникъ“ (1882 г.), „желая увеличенной платой за золото предостератить продажу его на сторону“.

²⁾ Ср. „Восточ. Обзор.“ 1895 г., № 22, стр. 3.

³⁾ Условіе о мѣсячномъ срокѣ на заявленіе претензій встрѣчаемъ и въ другихъ договорахъ.

билеты съ удостовѣреніями въ отсылаемыхъ деньгахъ выдаются намъ на руки“. По договору Ленскаго Т-ва 1883 г. „причитающаяся доплата рабочимъ производится наличными деньгами въ первомъ по выходѣ изъ тайги жилищѣ мѣстѣ, именно на Мачинской резиденціи или въ с. Витимскомъ, назначеннымъ для этого довѣреннымъ отъ управленія. Въ договорѣ той же К^о 1890 г. прибавлено, что если кто-либо изъ рабочихъ „пожелаетъ получить свой расчетъ на принскѣ, то такой можетъ быть выданъ лишь послѣ общаго расчета на Бодайбинской резиденціи по полученіи вѣдомости о лицахъ, конхъ расчетъ не былъ произведенъ на названныхъ резиденціяхъ“. Въ томъ же договорѣ сказано, что „съ 1-го по 10-е сентября никакихъ выдачъ имущественныхъ управленіе не производитъ, кромѣ выписки на наличныя деньги“. Наконецъ въ договорѣ той же К^о 1891 г. находимъ еще слѣдующее добавленіе: „Всѣ расчеты по минувшей операціи обязательно заканчиваются не позже 1-го ноября. Послѣ этого срока книжка считается недействительной“.

Посмотримъ, какъ происходилъ расчетъ въ дѣйствительности. Олекминскій горный исправникъ въ своемъ донесеніи генералъ-губернатору осенью 1872 г. говоритъ: „Конечно, въ самый день расчета 10-го сентября безъ жалобы на принскахъ Базанова опять не обошлось, и разбирательствъ на неправильность додачъ было не мало“. Но все-таки въ нынѣшнемъ году ихъ было значительно менѣе сравнительно съ прошлымъ годомъ; „это произошло отъ того, что расчетные листы, хранившіеся постоянно почти въ конторахъ, отданы были рабочимъ нынѣ на руки, и они могли каждую неправильность отмѣтокъ обжаловать въ теченіе того мѣсяца, когда она занесена, да и самыя отмѣтки заработной платы и заборъ припасами и вещами велся съ большею, чѣмъ прежде, аккуратностью. Невозможностью кажется разбирательство съ рабочими, разъясненіе имъ или ошибокъ, или непониманія, но что это нетрудно и можно сдѣлать безъ крику и брани“, продолжаетъ исправникъ, „я испыталъ самъ, убѣдивъ, напримѣръ, рабочихъ на принскахъ Перелаславцевой, что плата разносится имъ въ расчетные листы вѣрно, и убѣдилъ лишь тѣмъ, что терпѣливо объяснилъ каждому отдѣльно, имѣя при этомъ одного изъ нихъ грамотнаго и прочитывая каждому раскомандировочный журналъ, въ которомъ отмѣчается, гдѣ и на какой работѣ ежедневно былъ рабочій и какую получилъ плату“ ¹⁾. Олекминскій исправникъ считалъ очень важнымъ передачу расчетныхъ листовъ на руки рабочимъ; но этотъ порядокъ не удержался. По словамъ г. Калагеорги (1882 г.), „во избѣжаніе потери рабочіе оставляютъ расчетные листы въ конторѣ. Просматривая эти листы“, продолжаетъ онъ, „и провѣряя ихъ за нѣсколько мѣсяцевъ опросомъ рабочихъ, я вынесъ убѣжденіе, что рабочіе отлично знаютъ свой расчетъ и что нигдѣ ихъ не обчитываютъ, но на нѣкоторыхъ небольшихъ принскахъ

¹⁾ Арх. Ирк. Горн. Управ. К. 2549, № 126—71, л. 461 и слѣд.

листы ведутся крайне нерашливо, заработокъ записывается небрежно и неопредѣленно, такъ что въ случаѣ претензіи рабочаго трудно рѣшить, насколько она справедлива. Бѣльшій порядокъ и аккуратность въ этомъ отношеніи можно встрѣтить на пріискахъ Трапезниковыхъ, гдѣ вмѣсто листовъ заведены переплетенныя книжки, въ началѣ которыхъ напечатаны болѣе важныя статьи контрактовъ, затѣмъ плата за работу записывается съ подробнымъ обозначеніемъ рода занятій и числа дней, употребленныхъ на извѣстную работу¹⁾. Въ отчетахъ о золотопромышленности Восточной Сибири за 1879 и 80 гг. сказано: „выдача заработныхъ денегъ по квитанціямъ производится на баржахъ во время пути въ присутствіи горнаго исправника“²⁾. Однако не всегда бывало такъ: „ужаснымъ зломъ на пріискахъ“, говоритъ авторъ одной газетной статьи, „является выдача заработной платы рабочимъ и служащимъ, вмѣсто заслуженныхъ денегъ, квитанціями и товарами, каковая система практикуется у многихъ золотопромышленниковъ. Нѣкоторые на квитанціяхъ пишутъ: „выдача денегъ въ такомъ-то мѣстѣ у довѣреннаго“, а кто довѣренный—не обозначаютъ; между тѣмъ случается, что взявшій квитанцію тщетно розыскиваетъ въ назначенномъ мѣстѣ довѣреннаго пріиска, и, не находя его и не зная куда дѣваться съ квитанціею, принужденъ бываетъ продавать ее за полъ-цѣны, т.-е. получить 50 коп. за 1 руб., а то иногда человѣку, идущему въ расчетъ, вмѣсто денегъ выдаютъ товары, съ которыми ему и дѣваться некуда, но если бы ему и можно было куда-нибудь сдать эти товары, то мѣшаютъ цѣны неимоверныя³⁾“. Не малое затрудненіе съ пріисковыми ордерами приходилось испытывать и поставщикамъ товаровъ на пріиски, въ числѣ которыхъ бывали мѣстные инородцы⁴⁾. Изъ донесенія горнаго исправника Олекминской системы за 1888 г. видно, что расчетъ съ рабочими производился или на самыхъ пріискахъ, или на Бодайбинской резиденціи⁵⁾. Но изъ записки Михайлова видно, что выдача квитанцій практиковалась нѣкоторыми пріисковыми управленіями и въ 1890 г. Г. Ангарскій говоритъ, что большія толпы рабо-

¹⁾ Арх. Ирк. Горн. Упр. К. 2765, № 37—80, л. 57. Есть указаніе, что въ это время при расчетѣ на пріискахъ рабочимъ выдавали лишь часть денегъ, а на остальные вручали имъ квитанціи, по которымъ они получали деньги въ Иркутскѣ, въ конторахъ золотопромышленниковъ. „Сибирь“ 1882 г., № 31, стр. 8. Позднѣе это было запрещено, но при мѣѣ (1891 г.) былъ случай жалобы рабочаго бывшему начальнику иркутск. горн. управ. на неполученіе денегъ въ Иркутскѣ, на что начальникъ только сказалъ: „затѣмъ же они берутъ ордера, когда это запрещено“.

²⁾ Дѣло Горн. Деп.

³⁾ „Вост. Обозр.“, 1886 г., № 50, стр. 10. Ср. „Сибир. Сборн.“ 1889 г., выпускъ II, ст. Ангарскаго, стр. 49.

⁴⁾ „Сибирь“, 1887 г., № 23, стр. 4.

⁵⁾ Арх. Ирк. Горн. Упр. К. 2775 № 196—210, л. 12.

чихъ съ присковъ Ник-вой ходили по селу Витиму, имѣя на рукахъ только ордера на получение денегъ, по которымъ денегъ имъ никто не выдавалъ. „Положеніе ихъ было самое отчаянное: безъ гроша, въ холодной, плохой одеждѣ, при лютыхъ морозахъ, шлялись они по Витиму, ища суда и управы, а главное крова и хлѣба. Десятками являлись они то въ волость, то къ засѣдателю и съ воплемъ, терзаемые голодомъ и холодомъ, просили разсчета. Многіе даже официальнымъ лицамъ заявляли, что голодъ можетъ вынудить ихъ на преступленія“ ¹⁾.

Относительно выхода рабочихъ съ промысловъ олекминскій горный исправникъ въ 1872 г. доносилъ генералъ-губернатору: „опытъ прошлогодняго выхода рабочихъ на Витимъ показалъ, что промысловыя управленія не выдаютъ рабочимъ на дорогу достаточнаго количества сухарей, такъ что многіе изъ нихъ, придя на Бодайбо и не попавъ на пароходъ, должны ожидать прибытія новаго или идти пѣшкомъ и плыть на плоткахъ, терпя недостатокъ въ продовольствіи. Кромѣ того, больные изъ рабочихъ не снабжались лошадьми, и для подавіи помощи заболѣвающимъ не командировались присковые врачи“. Горный исправникъ предписалъ обратить на это особое вниманіе, и вслѣдствіе этого рабочихъ сопровождали при выходѣ два врача и одинъ фельдшеръ. „Сухарей роздано въ избытѣ, и рабочіе продовольствовались ими не только въ ожиданіи парохода на Бодайбо и при переѣздѣ въ Витимъ, но запасныхъ взяли съ собой при слѣдованіи до Киренска; что же касается до сухарницъ“ (т.-е. предписаній на выдачу сухарей) „на дальнѣйшемъ пути до станціи Жигаловой, то таковыя выдавались лишь только К^о Трапезниковыхъ. Всѣ же другія управленія отозвались, что заготовляютъ сухари только для тѣхъ рабочихъ, которые, будучи наняты въ верховьяхъ Лены, пойдутъ потомъ зимою на приски, и объясняли необходимость ихъ для возвращающихся тѣмъ, что рабочіе вынесли съ собою заработки, достаточные, чтобы прокормиться въ пути. Отъ Бодайбо до Витима рабочіе ѣхали на пароходѣ на счетъ золотопромышленниковъ. При посадкѣ на баржи сдѣланъ былъ на Бодайбо обыскъ всѣхъ рабочихъ; дѣлались такіе же ранѣе и на дорогѣ“ ²⁾.

Маіоръ Ларіоновъ, наблюдавшій за выходомъ рабочихъ съ частныхъ промысловъ 1871—73 гг., сообщаетъ, что рабочіе выходятъ съ присковъ съ трехъ пунктовъ: а) на Мачинскую резиденцію противъ Нохтуйской станціи Олекминскаго округа Якутской области; б) на станцію Крестовскую, Иркутской губерніи, въ 57 верст. отъ села Витимскаго и в) въ село Витимское и витимскія резиденціи, куда рабочіе

¹⁾ „Сиб. Сборн.“ 1889 г., вып. II, ст. Ангарскаго, стр. 49. Ср. случай задерживанія денегъ при разсчетѣ. „Вост. Об.“ 1895 г., № 17—18.

²⁾ Арх. Ирк. Горн. Упр. К. 2549, № 126—71, л. 458, 468.

послѣ операціи доставлялись съ принсковъ по р. Витиму на пароходахъ большими массами. „Сюда выходятъ, почти одновременно, больше 3000 челов., и затѣмъ эта масса направляется вверхъ по Ленѣ внутрь губерніи. Населеніе по Ленѣ существуетъ только по берегамъ; другого пути, кромѣ берегового, до впаденія въ Лену рр. Куты и Илги нѣтъ. Отъ Усть-Куты надзоръ за слѣдованіемъ рабочихъ затрудняется; рабочіе изъ ангарскихъ волостей Киренскаго округа, всѣ изъ Нижнеудинскаго округа поворачиваютъ вверхъ по Кутѣ на заштатный городъ Илимскъ. Съ устья Илги сворачиваютъ съ Кутскаго тракта всѣ рабочіе изъ Балаганскаго округа и Верхоленскаго—Илгинской волости. Такимъ образомъ рабочіе, все больше и больше разсыпаются по Киренскому округу, оставаясь въ деревняхъ Петропавловской и Витимской волостей зимовать до срока явки на приiski и отъ с. Усть-Кутскаго идутъ уже не партіями, а по нѣскольку человѣкъ, большею частію уже прогулявшіе свои заработки и нерѣдко ища поденнаго заработка у населенія. При такомъ положеніи надзоръ за ними все больше и больше ослабляется, и наконецъ они вовсе выходятъ изъ подъ какого-либо надзора на рр. Кутѣ и Илимѣ ¹⁾“. По словамъ отчета олекминскаго горнаго исправника за 1874 г., „пьянство и безразсудная трата денегъ, съ такимъ трудомъ заработанныхъ, по прибытію въ жилия мѣста, были тѣ же какъ и всегда ²⁾“. Въ виду того, что въ селѣ Витимскомъ ежегодно производилось систематическое спайваніе и обирание рабочихъ, какъ мѣстными жителями, такъ и прїѣзжавшими въ этому времени изъ другихъ мѣстъ, по распоряженію генералъ-губернатора съ 1881 г. рабочихъ перестали высаживать въ Витимѣ, и большая часть изъ нихъ прямо съ баржей пересаживалась на пароходы, которые уже за плату, взимаемую съ рабочихъ, отвозили ихъ или до с. Усть-Кутскаго или до Киренска ³⁾. Въ 1883 г. часть рабочихъ была доставлена бесплатно прямо до Киренска, находящагося отъ с. Витимскаго въ разстояніи 434 верстъ, а другая часть отправилась до с. Усть-Кутскаго за плату ⁴⁾. Рабочіе вывозились на пароходахъ не всегда безъ замедленія. Въ 1884 г. въ газету „Сибирь“ писали: „пароходству К^о Сибиракова и Базанова положительно не везетъ. Въ прошломъ году поломался паро-

¹⁾ Арх. Ирк. Горн. Упр. К. 2574 № 188—242, л. 75—77.

²⁾ Арх. Ирк. Горн. Упр. К. 2566, № 206—152, л. 54. Однако киренскій окружной исправникъ въ 1876 г. сообщалъ, что „въ настоящіе годы не тѣ уже заработки, не то уже и пьянство, что было раньше; много рабочихъ выходятъ съ промысловъ совершенно безъ денегъ, даже должниками; этимъ нечего пропить, даже нечего и поѣсть“.

³⁾ „Горн. Журн. 1882 г. № 9, стр. 372; Арх. Ирк. Горн. Управ. К. 2669, № 343—450, л. 1, 5—8. При посадкѣ на пароходъ рабочіе подвергались обыску. Ихъ предписано было вывозить на пароходахъ возможно ближе къ Киренску.

⁴⁾ Дѣло Горн. Департамента съ отчетомъ о золот. Вост. Сиб. за 1883 г.

ходъ „Гонецъ“, нынѣшнимъ лѣтомъ—„Иннокентій“ и въ сентябрѣ мѣсяцѣ что-то сломалось у „Генерала Синельникова“, доставлявшаго присковскихъ рабочихъ въ Киренскъ. Пароходъ этотъ, остановившись для исправленія въ деревнѣ Ильинской (Петропавловской волости), ниже Киренска 120 верстъ, не хотѣлъ везти рабочихъ дальше, но рабочіе взбунтовались и потребовали, чтобы управленіе пароходства обязательно доставило ихъ до Киренска. Капитанъ парохода уѣхалъ въ Киренскъ, откуда черезъ сутки были посланы сухари для содержанія рабочихъ и инструменты, необходимые для исправленія сломавшихся частей; наконецъ, черезъ нѣсколько дней „Синельниковъ“ подошелъ къ Киренску, плывя черепашинымъ шагомъ, высадивъ въ городѣ 600—700 чел. рабочихъ и сейчасъ же отправился во-свояси, напутствуемый не весьма лестными эпитетами рабочихъ, озлобившихся за медленную доставку ихъ. Въ прошломъ году, при взорваніи котла на пароходѣ „Гонецъ“ было убито 11 чел. ¹⁾“.

Въ 1887 г. генераль-губернаторъ издалъ циркуляръ, которымъ обязалъ золотопромышленниковъ вывозить рабочихъ бесплатно до Киренска ²⁾. Вывозка расчитанныхъ рабочихъ съ Бодайбинской резиденціи начиналась съ 12 сентября, послѣдній пароходъ уходилъ въ началѣ 20-хъ чиселъ. Въ контрактахъ начала 90-хъ гг. мы встрѣчаемъ уже упоминанія объ обязанности золотопромышленниковъ бесплатно вывозить рабочихъ до Киренска, напр. въ договорахъ Ленскаго Т-ва 1890 и 1891 гг.

Будучи на пароходѣ по Витиму на олекминскіе промыслы, я немало слышался отъ капитана парохода о неспокойномъ поведеніи рабочихъ при возвращеніи съ промысловъ послѣ расчета. Но нужно замѣтить, что ихъ везутъ на особой баржѣ, которую тащить пароходъ, и набиваютъ, по словамъ рассказчика, какъ сельдей въ бочку. Болѣе смиренныя рабочіе иной разъ даже боятся ѣхать на баржѣ и просятъ позволенія помѣститься на пароходѣ, что нѣкоторымъ и разрѣшается. Въ 1890 г. на баржѣ рабочіе не мало волновались. Исправникъ, ѣхавшій на пароходѣ, посылалъ на баржу урядника, но тотъ не посмѣлъ туда явиться. Рабочіе выкрикивали исправнику разныя ругательства, негодуя на то, что ихъ не выпускаютъ на берегъ (съ цѣлю охраненія отъ

¹⁾ „Сибирь“ 1884 г., № 44, стр. 7.

²⁾ Арх. Витим. Горн. Испр., 1888 г. № 5. Золотопромышленники, не имѣвшіе собственныхъ пароходовъ, вносили въ 1888 г. Ленско-Витимскому пароходству за провозъ рабочихъ слѣдующую плату: отъ Бодайбо до Витима 8 р., отъ Витима до Киренска 9 р. 40 к.; содержаніе изъ вольнаго буфета на сухаряхъ стоило тамъ 50 к. въ день, на полномъ содержаніи 1 р. Арх. Витим. Горн. Испр., 1888 г., № 11. Далѣе Киренска рабочіе ѣдутъ на свой счетъ; отъ Киренска до Усть-Кута (около 400 верстъ) съ нихъ берутъ на пароходѣ 6 р. „Вост. Об.“ 1891 г., № 46, стр. 6.

эксплоатаціи со стороны торговцевъ водкою), прогоняли матросовъ, говоря, что сами будутъ управлять баркою. По словамъ капитана, вина съ парохода имъ не продаютъ, но въ Витимѣ подливаютъ на лодкахъ евреи и другіе торговцы и сбываютъ вино.

Однако, на меня выходъ рабочихъ произвелъ гораздо болѣе благоприятное впечатлѣніе. 12 сентября 1891 г. я выѣхалъ изъ Бодайбо на пароходѣ „Генераль Синельниковъ“, который велъ за собою на буксирѣ переполненную рабочими баржу. При посадкѣ рабочихъ промышленъ КК^о Промышленности и Прибрежно-Витимской забрались на пароходъ человека 3 изъ чужихъ рабочихъ; хотѣли ли они проѣхаться на даровщинку, или это были жулики и шулера, но рабочіе розыскали ихъ и столкнули съ баржи въ воду (они выбрались на берегъ). Баржа, на которой плыли рабочіе, была устроена такимъ образомъ. Въ ней есть подъ палубой два люка, въ которыхъ устроены нары; рабочіе помѣщаются какъ на нарахъ, такъ и подъ нарами. Но не всѣ помѣстились въ люкахъ; весьма большое количество расположилось на палубѣ. Въ одномъ мѣстѣ на ней была крытая рубка, но занята была народомъ и вся открытая палуба; для защиты отъ дождя надъ нею былъ протанутъ брезентъ, но на носу и кормѣ оставались еще совершенно открытыя мѣста, также занята рабочими. Въ трехъ мѣстахъ на палубѣ были устроены очаги, на которыхъ рабочіе готовили себѣ пищу. Къ счастью, только въ первый день плаванія шелъ небольшой дождикъ, а затѣмъ все стояла ясная, хорошая погода. Рабочіе получаютъ отъ золотопромышленниковъ только сухари, но приказчикъ, состоящій при баржѣ, закупаетъ заранѣе разную провизію и продаетъ ее рабочимъ. Соленое мясо стоило 15 к. за фунтъ, бѣлая булка, фунта въ два,—также 15 к. На баржѣ нѣкоторые рабочіе играютъ въ карты; одинъ грамотный рабочій досталъ отъ биржевого приказчика гадательную книгу и гадалъ товарищамъ. Рабочіе вели себя совершенно спокойно и прилично, въ чемъ я могъ убѣдиться, такъ какъ отъ Воронцовской пристани до Витима ѣхалъ съ ними на баржѣ. 14 сентября мы вышли на Лену, но верстѣ 60 за Витимомъ сломалась машина, и мы 3 дня простояли на мѣстѣ. Въ это время была превосходная, совершенно лѣтняя погода, но, конечно, задержка на пути не могла не раздражать рабочихъ, тѣмъ болѣе, что нѣкоторые изъ нихъ возвращались въ Тобольскую и даже Нижегородскую губерніи. 17 сентября они прислали уполномоченному компаніи Шамарину, который ѣхалъ со мною на пароходѣ, написанную карандашемъ записку и требовали въ ней, чтобы, въ виду задержки, ихъ или бесплатно провезли далѣе, чѣмъ обязана К^о, а именно до Усть-Кута, или уплатили за каждый день простоя по 2 р. каждому и просили дать имъ отвѣтъ. Шамаринъ ѣздили на

берегъ къ рабочимъ объясняться въ сопровожденіи капитана, полицейскаго надзирателя и урядника. Рабочіе припомнили Шамарину, что К^о штрафовала ихъ лѣтомъ за прогулъ по 2 р. въ день, а потому они требовали за задержку по 2 р. въ день; указывали они и на то, что многіе просились въ іюлѣ отпустить ихъ домой, но имъ этого не разрѣшили (по контракту они обязаны работать до 10 сентября). Шамаринъ предлагалъ сначала на человѣка по 2 р. за всѣ 4 дня, а потомъ согласился дать 3 р., и на этомъ помирились, съ тѣмъ, чтобы деньги были выданы въ Киренскѣ. Сначала рабочіе повѣрили Шамарину на слово, но затѣмъ, по совѣту нѣкоторыхъ товарищей, потребовали письменное удостовѣреніе, которое и выдалъ имъ полицейскій надзиратель, сопровождавшій партію. Уже ниже Киренска, пересѣвъ на другой пароходъ, на который сѣли съ нами и нѣкоторые рабочіе К^о Промышленности и Прибрежно-Витимской, я слышалъ, какъ одинъ рабочій сказалъ другому: „напрасно мы взяли по 3 р. съ К^о, лучше бы ихъ вотъ такъ“,—и онъ сдѣлалъ довольно выразительный жестъ кулакомъ. Была, значить, и болѣе радикальная партія среди рабочихъ, желавшая по-свойски расправиться со служащими К^о ¹⁾.

Въ 1896 г. нѣсколько золотопромышленныхъ КК^о Ленскаго горнаго округа согласились между собою отправлять рабочихъ только на тѣхъ пароходахъ, которые назначаютъ срочные рейсы и заблаговременно объявлять свои таксы ²⁾.

Мы говорили выше (см. гл. II) о заботахъ генералъ-губернатора Восточной Сибири Синельникова объ охраненіи заработка присковскихъ рабочихъ ³⁾ и о посылкѣ съ этою цѣлью на олекминскіе промыслы

¹⁾ Во время стоянки одинъ рабочій заболѣлъ психически, какъ видно манією преслѣдованія: онъ сдалъ предварительно деньги (700 р.) на храненіе полицейскому надзирателю и, снявъ валенки, въ одномъ нижнемъ бѣлѣ убѣжалъ 15 сентября въ лѣсъ. Дѣло было уже къ ночи, пробовали искать его съ факелами, но не нашли. Съ нимъ ѣхала и его жена, женщина довольно видная, которую онъ повидимому ревновалъ къ другимъ рабочимъ. 17 сентября онъ нашелся. Онъ бродилъ по лѣсу, хотя стало уже гораздо холоднѣе и хотя слышалъ, какъ его искали; по возвращеніи онъ говорилъ, что бовтсѣя, и страдалъ бессонницею. Нѣсколько поспавъ, онъ сталъ какъ будто покойнѣе. Въ Киренскѣ было еще слѣдующее приключеніе: одинъ рабочій настигъ здѣсь свою жену, уѣхавшую съ другимъ, и полицейская власть сочла своимъ долгомъ возвратить ее мужу, но жена категорически заявила, что жить съ мужемъ не станетъ: „довольно онъ сосалъ мою кровь“, сказала она.

²⁾ „Вост. Обзоръ.“ 1896 г. № 71.

³⁾ Въ контрактахъ Трапезниковыхъ '70-хъ и 80-хъ гг. даже было прописано, что рабочимъ объявлено распоряженіе Синельникова относительно выдачи тѣмъ изъ нихъ, которые этого пожелаютъ, половиннымъ заработанныхъ денегъ на мѣстѣ расчета, а другой половины на мѣстѣ ихъ жительства чрезъ особо командированныхъ отъ губернатора чиновниковъ.

полковника Купенкова. По этому поводу олекминскій горный исправникъ въ январѣ 1872 г. доносилъ Синельникову: „При нынѣшнемъ осмотрѣ пріисковъ внушалъ рабочимъ о бережливости и предлагалъ передавать мнѣ часть заработанныхъ ими денегъ съ тѣмъ, что таковыя будутъ возвращаемы имъ по прибытіи въ свои волости. Рабочіе не вдругъ отвѣчали общимъ согласіемъ, и нерѣшительность эта, какъ оказалось впоследствии, происходила оттого, что выдача денегъ черезъ водостныхъ писарей соединена для нихъ съ тратою. Когда же я объяснилъ имъ, что деньги будутъ выдавать не писаря, а адъютанты“ генералъ-губернатора „и чиновники особыхъ порученій (1), то рабочіе... общали воспользоваться моимъ предложеніемъ и благодарили за заботливость о нихъ, сознаваясь, что, вырвавшись послѣ трудной работы на свободу, они дѣйствительно не умѣютъ сберечь денегъ, которыя не столько впрочемъ пропиваютъ, сколько отбираютъ у нихъ люди недобросовѣстные, пользующіеся безсознательнымъ положеніемъ опьянѣвшаго. Но это слышалось лишь со стороны крестьянъ: поселенцы, какъ безсемейные и не имѣющіе своей осѣдлости, не придавая деньгамъ никакого значенія, выражали, что беречь ихъ не къ чему“; на возраженіе исправника, „что съ лѣтами уходятъ силы и что подъ старость работа дѣлается труднѣе“ они отвѣчали, что „тогда общество ихъ прокормить и призрѣть. Вообще на расчетъ установился такой взглядъ, что въ это время весь заработокъ надо истратить на свое удовольствіе, безъ малѣйшаго сожалѣнія, какъ о деньгахъ, такъ и о потерянныхъ силахъ и безъ думы о томъ, что новый заработокъ потребуетъ новыхъ тяжелыхъ трудовъ“ 1). Осенью того же года олекминскій исправникъ въ донесеніи Синельникову говоритъ: „За принятыми предварительно г. Купенковымъ мѣрами, особаго разгула въ Витимскомъ селеніи при мнѣ не было. Пароходъ „Гонецъ“, на которомъ я сопровождалъ рабочихъ, пришелъ туда 18 сентября, когда уже смерклось, и рабочіе по распоряженію моему на ночь съ баржей спущены не были. Когда же на другое утро сошли они на берегъ, то всѣ кабаки были закрыты, и хотя на постоянныхъ дворахъ они и выпили, а выпивши и запѣли пѣсни и заиграли на гармоникахъ и скрипкахъ, но учрежденный надзоръ не давалъ усиливаться разгулу, инструменты были отбираемы (?) 2), бурлившіе запирались, деньги для сбереженія отбирались и передавались полковнику Купенкову, словомъ, веселіе это было далеко не то, свидѣтелями котораго я былъ въ 1870 г., когда передъ однимъ пьянымъ рабочимъ товарищъ его разстилалъ кусокъ ситцу аршинъ въ 15, и онъ шелъ по нему черезъ грязь, а другой при мнѣ же заплатилъ 80 р.

1) Арх. Ирк. Горн. Упр. К. 2549, № 126—71, л. 210.

2) Изъ этого видно, что охранители хватили въ своемъ усердіи черезъ край.

шарманщику, игравшему будто бы для него одного на дворѣ, тогда какъ кругомъ были десятки слушателей“. По приказанію генералъ-губернатора исправникъ предлагалъ рабочимъ вносить деньги въ сберегательную кассу; на это ему отвѣчали—одни, что у нихъ мало денегъ, другіе, что онѣ имъ нужны на домашніе расходы, а нѣкоторые заявляли, что получать деньги изъ кассы очень долго, а проценты на небольшую сумму уйдутъ на пересылку по почтѣ. По мнѣнію исправника, сберегательная касса дѣйствительно не удобна для присковскихъ рабочихъ, тѣмъ болѣе, что, по своимъ правиламъ, она не входитъ ни въ какую переписку и денегъ и книжекъ не пересылаетъ. Но вслѣдствіе убѣжденій исправника рабочіе въ Витимѣ передали полковнику Купенкову на храненіе около 18000 р. съ тѣмъ, чтобы получить ихъ или въ Иркутскѣ, или въ мѣстахъ ихъ причисленія; исправнику было также передано 1590 р., изъ которыхъ большую часть онъ препроводилъ иркутскому губернатору для выдачи на мѣстѣ, а остальные отослалъ по указанію рабочихъ ¹⁾. Осенью слѣдующаго года тотъ же исправникъ писалъ, что рабочіе „въ послѣдніе три года стали отдавать свои деньги на сохраненіе инспектировавшему приска полковнику Купенкову, приобрѣвшему полную ихъ довѣренность, и оставлять себѣ лишь необходимыя для прохода до Иркутска“ ²⁾, но безъ сомнѣнія рабочіе отдавали на храненіе лишь небольшую часть своего заработка. По словамъ Г. Стрижева въ его замѣчаніяхъ на проектъ правилъ о наймѣ рабочихъ, Купенковъ первый изъ представителей администраціи „здѣсь поработалъ надъ улучшеніемъ положенія присковаго рабочаго“. Многія изъ мѣръ Синельникова не достигли своей цѣли, но все таки его заботливость принесла нѣкоторые плоды, пересылка же денегъ чрезъ особыхъ чиновниковъ скоро прекратилась, а предложеніе пересылать свои заработки чрезъ горныхъ исправниковъ не встрѣтила сочувствія рабочихъ. Осенью 1875 г. витимскій горный исправникъ донесъ якутскому губернатору, что по окончаніи лѣтныхъ работъ онъ предлагалъ рабочимъ сдавать ему свои трудовыя деньги для пересылки въ мѣста причисленія, но ни одинъ изъ нихъ не сдалъ своихъ денегъ подъ разными предлогами ³⁾. Это весьма естественно: было бы гораздо удивительнѣе, если бы рабочіе почувствовали вдругъ довѣріе къ горнымъ исправникамъ, которые развѣ только при Синельниковѣ стали нѣсколько болѣе вникать въ интересы рабочихъ, а по оставленіи имъ своего мѣста вновь обратились въ большинствѣ случаевъ въ вѣрныхъ слугъ мѣстныхъ предпринимателей. Циркуляръ генералъ-губернатора бар. Фредерикса

¹⁾ Арх. Иркут. Горн. Упр. К. 2549, № 126—71, л. 459—460.

²⁾ Арх. Иркут. Горн. Упр. К. 2560, № 130—184, л. 84.

³⁾ Арх. Витим. Горн. Испр., 1875 г., № 33, л. 9.

21 апрѣля 1876 г. объ охраненіи присковъ рабочихъ при выходѣ съ присковъ былъ изложенъ нами выше (см. гл. II) ¹⁾. Мы видѣли, что теперь по желанію рабочихъ отсылается нѣкоторая, хотя и небольшая, часть заработка въ банковыя учрежденія, а именно, въ 80-хъ гг. въ Витимской системѣ отъ 1 до 5,30%, въ Олекминской системѣ отъ 1,7 до 2%.

Среднія додачи, выносимыя рабочими съ промысловъ, были невелики, но у нѣкоторыхъ отдѣльныхъ рабочихъ бывало на рукахъ по нѣскольку сотъ рублей, особенно послѣ работъ на промыслахъ болѣе одного года. Такіе бережливые рабочіе подвергались при выходѣ съ присковъ большимъ опасностямъ. Олекминскій горный исправникъ въ отчетѣ за 1874 г. говоритъ объ убійствѣ выносящихъ значительную додачу рабочихъ, какъ о весьма обычномъ явленіи: по его словамъ, „они, будучи завлечены мѣстными ленскими жителями, преимущественно Петропавловской волости Киренскаго округа, болѣею частью пропадаютъ безъ вѣсти“ ²⁾. Указаніе на то, что населеніе Витима занималось охотою на горбачей, мы встрѣчаемъ еще въ началѣ 80-хъ гг. ³⁾. Убийство совершалось иногда и товарищами убитаго: такъ во время пребыванія нашего въ Олекминской системѣ во время расчета рабочій черкезь, выходившій съ промысловъ съ деньгами, былъ убитъ товарищами черкесами.

Но гораздо опаснѣе всякихъ убійцъ и грабителей были тѣ соблазны, которымъ подвергались рабочіе, на обратномъ пути и главнымъ средоточіемъ которыхъ былъ Витимъ. Здѣсь рабочихъ встрѣчали въ 1870-хъ гг. пушечной пальбой, устраивали для нихъ иллюминацію, театръ маріонетокъ, сюда привозили для нихъ публичныхъ женщинъ, здѣсь матери торговали своими дочерьми, мужья женами. „У пьянаго появляются разныя фантазіи. Вдругъ посылаетъ онъ купить двѣ штуки алаго ситца, потому что желаетъ идти по ситцу, какъ по ковру, въ другой кабакъ, на другой конецъ села. Музыканты отправлены впередъ, за ними по разостланному ситцу идетъ нашъ одичавшій рабочій; праздная толпа рветъ на куски этотъ ситецъ. Вотъ онъ уже раздумалъ идти въ тотъ кабакъ, а вздумалось идти въ трактиръ, но пѣшкомъ онъ не идетъ, извозчиковъ нѣтъ, запряженной лошади вблизи не слу-

¹⁾ Въ 1881 г. съ 1 января по 14 сент. горному испр. Витимской системы было поредано рабочими 24.100 р.; изъ нихъ отослано въ банковыя учрежденія 19.050 р., окружнымъ исправникамъ 730, волостнымъ правленіямъ 1.020 р. и выдано на руки при выходѣ съ присковъ 3.800 р. Арх. Иркут. Горн. Упр. К. 2669, № 343—450, л. 8.

²⁾ Арх. Иркут. Горн. Управ. К. 2566, № 206—152, л. 54.

³⁾ „Сибирь“, 1881 г., № 25, стр. 4. Въ Витимѣ были даже особые дома съ подземнымъ спускомъ въ Лену, чтобы легче было выбрасывать трупы убитыхъ рабочихъ. „Сиб. Газ.“ 1882 г. № 26.

чилося. Вотъ у забора валяются опрокинутыя пошевни. Онъ велитъ ихъ положить на жерди, садится въ нихъ и предлагаетъ желающимъ донести его до трактира за 10 руб. Въ трактирѣ онъ требуетъ вина— „пробку въ потюшокъ“; ему подають русское игристое и берутъ 8 руб. Сильно захмѣлѣвъ, уходитъ онъ въ спальню. На другой же день пробуждается не на кровати, не въ объятіяхъ красавицы, а гдѣ нибудь подъ заборомъ, въ грязи, хватается денегъ, но ихъ нѣтъ, нѣтъ и брововой шапки, за которую только наканунѣ заплатилъ 10 руб.; нѣтъ на немъ нѣсколькихъ блузъ, надѣтыхъ одна на другую, шали въ 8 руб. Онъ въ одной сорочкѣ и безъ сапогъ. Голова трещитъ и надо опохмѣлиться: а гдѣ денегъ взять? Идетъ горемыка къ какому нибудь довѣренному и опять нанимается въ работу, и опять закабаливаетъ себя въ каторгу“ ¹⁾).

Въ первой половинѣ 70-хъ годовъ кутежи происходили и на Мачѣ, но потомъ рабочіе Олекминской системы все чаще стали выходить черезъ Бодайбинскую резиденцію въ Витимъ. Разгулъ въ Витимѣ сталъ уменьшаться и торговля въ немъ пришла въ упадокъ съ тѣхъ поръ, какъ рабочихъ стали провозить на пароходахъ далѣе вверхъ по Ленѣ. Г. Калагеорги въ своемъ донесеніи говоритъ: „большинство рабочихъ сами вполне сознають опасность и вредъ пребыванія въ Витимѣ и очень довольны, когда представляется возможность миновать это селеніе. Въ прошломъ году партія въ 500 чел. съ базановскихъ присковъ провезена была на баржахъ мимо Витима, причемъ пароходъ прибылъ поздно вечеромъ и отправился далѣе только въ 10 ч. дня; почти никто изъ рабочихъ не просился выпустить его на берегъ; всѣ выражали удовольствіе, что ихъ избавляютъ отъ соблазна и разоренія: на баржахъ раздавались пѣсни и насмѣшки надъ мѣстными жителями, которые стояли грустно на берегу и не могли примириться съ совершившимся фактомъ; многіе изъ нихъ говорили, что никакой пожаръ не принесъ бы имъ столько убытку, сколько это событіе. Если бы по примѣру прошлаго года нѣсколько лѣтъ сряду провозили рабочихъ мимо Витима, то многіе изъ нихъ были бы спасены отъ разоренія. Но при этомъ необходимо, чтобы мѣсто высадки на берегъ не было постоянно одно и то же, заранѣе опредѣленное, такъ какъ въ противномъ случаѣ на новомъ пунктѣ можетъ создаться второй Витимъ“. Съ 1887 г. стали обязательно довозить рабочихъ до Киренска, но, разумѣется, вполне обезопасить ихъ отъ соблазна при нынѣшнемъ строѣ присковой жизни

¹⁾ „Сибирь“, 1878 г., № 8; ср. 1881 г., № 25, 1837 г., № 14—15; „Сибирская Газ.“, 1882 г., № 26. Подробное описаніе Витима см. въ ст. г. Авгарскаго въ „Сиб. Сборн.“, 1889 г., вып. II. Въ приленскихъ селахъ даже дѣти зазывали присковъ рабочихъ, шедшихъ послѣ расчета, къ своимъ сестрамъ („Сибирь“, 1887 г., № 14—15); матери ложились рядомъ съ дочерьми.

невозможно. Нужно, чтобы рабочіе получали на прискахъ вино, въ видѣ ежедневныхъ винныхъ порцій, въ достаточномъ количествѣ, нужно, чтобы они могли привозить туда своихъ женъ, и тогда выходъ съ присковъ не будетъ вызывать кутежей. Но до послѣдняго времени было иначе, и въ 80-хъ гг. мы находимъ еще много извѣстій объ эксплуатаціи рабочихъ по выходѣ ихъ изъ тайги, о прокучиваніи ими своихъ заработковъ до того, что они оставались буквально голыми и укрывали свою наготу мѣшками съ соломой и рогожей ¹⁾.

Въ 1888 г. въ Витимъ былъ назначенъ новый засѣдатель Заруденко, человѣкъ черезчуръ энергичный; онъ безъ перерыва расправлялся съ разными гуляками, но въ 1891 г. поплатился за это жизнью. Рассказываютъ, что онъ хотѣлъ подвергнуть тѣлесному наказанію какого-то присковаго рабочаго; тотъ далъ взятку письмоводителю засѣдателя, чтобы избавиться отъ наказанія, но тѣмъ не менѣе былъ все-таки наказанъ. Тогда онъ убилъ Заруденку выстрѣломъ изъ пистолета. Убийцу судили въ Иркутскѣ военнымъ судомъ и повѣсили; мѣстное общество было возмущено этою смертною казнью, находя, что высшая мѣстная власть должна была даровать ему жизнь въ виду того, что отъ рабочаго была принята взятка. Но сибирская администрація цѣнить человѣческую жизнь еще очень дешево и возлагаетъ надежды на устрашеніе тамъ, гдѣ настоятельно нужны серьезныя реформы.

Часть рассчитавшихся 10-го сентября рабочихъ уходила домой; другіе, не вынося съ собою никакого заработка или прокутивъ его на пути, спѣшили вновь наняться на промыслы, но такъ какъ на зиму требовалось рабочихъ менѣе, чѣмъ на лѣто, то часть рабочихъ, оставшихся безъ средствъ, принуждена была жить въ долгъ въ приленскихъ деревняхъ, а нѣкоторые возвращались даже на резиденціи золотопромышленниковъ, гдѣ ихъ иногда прокармливали въ долгъ въ счетъ заработка въ будущую лѣтнюю операцію ²⁾. Мы видѣли, что теперь нѣкоторые КК^о всѣхъ нужныхъ имъ рабочихъ нанимаютъ осенью на самыхъ промыслахъ. Хотя въ меньшей степени, и прежде часть рабочихъ нанималась на промыслахъ ³⁾. Въ такомъ случаѣ они ставили условіемъ позволить имъ покутить нѣсколько дней въ жилыхъ мѣстахъ ⁴⁾. Выдача спирта во время этой осенней наемки была дѣломъ вполне обычнымъ, какъ это видно изъ циркуляра горнаго исправника

¹⁾ „Сибирь“, 1887 г., № 14—15. Въ послѣднее время разгулъ рабочихъ при выходѣ съ промысловъ сильно уменьшился. „Вост. Об.“, 1895 г., № 147.

²⁾ Отчетъ олект. исправ. за 1874 г. Арх. Иркут. Горн. Управ. К. 2566, № 206—152, л. 53.

³⁾ Г. Калагеорги говоритъ: „съ первыхъ чиселъ сентября начинается наемъ изъ находящихся на прискѣ людей на слѣдующій годъ“.

⁴⁾ Донесеніе олект. горн. испр. въ 1872 г., К. 2549, № 126—71, л. 154.

(10-го августа 1872 г.), который свидѣлствуетъ, что „по заведенному прежде порядку“ промысловыя управленія выдавали желающимъ остаться на зиму по двѣ бутылки спирту и болѣе. Такъ какъ эта выдача была запрещена циркуляромъ генераль-губернатора отъ 26 октября 1871 г. ¹⁾, то горный исправникъ потребовалъ прекращенія этого обычая, о чемъ и должно было быть объявлено рабочимъ до начала наемки ²⁾. „Распоряженіе это было исполнено“, доносилъ исправникъ, „и, вмѣсто выдачи спирта на руки, нанявшимся выдавалось въ теченіе недѣли и болѣе ежедневно по двѣ и болѣе винныхъ порцій. Мѣра эта хотя и встрѣтила возраженія со стороны управляющихъ присками, опасавшихся, что при несоблюденіи этого главнаго и укоренившагося обычая наемка не пойдетъ столько же успѣшно, какъ прежде, и окажется недостатокъ въ рабочихъ для вскрыши осеннихъ торфотъ, но опасенія эти не сбылись. Рабочіе, узнавъ, что распоряженіе это общее для всѣхъ промысловъ, нанимались по прежнему, и никакого замѣшательства въ работахъ не послѣдовало, пьянства же было менѣе“. Однако полк. Купенковъ донесъ, что запрещеніе это плохо соблюдалось; впрочемъ выдавали вино въ меньшемъ, чѣмъ прежде, количествѣ по—5 чарокъ въ день ³⁾. Циркуляромъ генераль-губернатора отъ 12-го мая 1873 г. воспрещена была выдача рабочимъ спирта даже чарками. Тѣмъ не менѣе выдача его при наемкѣ на промыслахъ продолжала существовать: на однихъ промыслахъ выдавали по нѣскольку сотыхъ, на другихъ отъ 3 до 6 бутылокъ. Предъ наемкой болѣе прочихъ, по мѣстному выраженію, „забутыливали“ тѣ, у кого значительныя суммы считались „за конторой“, т.-е. у кого было болѣе чистаго заработка ⁴⁾.

Такъ какъ на олекминскихъ промыслахъ очень развиты подземныя работы, то здѣсь оставался на зиму большій процентъ рабочихъ, чѣмъ въ другихъ округахъ. Многіе рабочіе десятки лѣтъ проводили на промыслахъ. По словамъ олекминскаго горн. исправ. (1873 г.), „большинство“ (рабочихъ) „въ теченіе десятковъ лѣтъ лишь переходить съ одного приска на другой, пропивая каждый годъ весь полученный заработокъ, нисколько не думая ни объ уtratѣ силъ, ни о старости, и ссылаясь обыкновенно на то, что общество, къ которому они приписаны, призритъ ихъ, и что они дѣлали взносы въ поселенческій капиталъ для будущаго своего обезпеченія“ ⁵⁾.

¹⁾ „Ирк. Губ. Вѣд.“, 1876 г., № 59, 5-й пун. циркуляра.

²⁾ Арх. К^о Промыш. и Прибр.-Витм., № 454.

³⁾ Арх. Ирк. Горн. Управ. К. 2549, № 126—71, л. 456; К. 2544, № 48—108, л. 201; ср. К. 2560, № 180—184, л. 11.

⁴⁾ „Сибирь“ 1878 г. № 38.

⁵⁾ Арх. Ирк. Горн. Управ. К. 2560, № 180—184, л. 83; К. 2574, № 189—248, л. 88. По закону, какъ мы знаемъ, взносы эти должны были падать на золотопромышленниковъ.

Теперь все болѣе увеличивается на промыслахъ процентъ полноправныхъ рабочихъ изъ сибирскихъ крестьянъ, „съ измѣненіемъ состава мѣняется и типъ присковаго рабочаго. Вымираетъ прежній „вѣчный таежникъ“, періодически выходившій изъ тайги въ жилое мѣсто лишь для того, чтобы прокутить тяжелымъ трудомъ нажитыя сбереженія. Нынѣшній рабочій тяготѣетъ уже не къ тайгѣ, на которую онъ смотритъ только какъ на средство поправить свое разстроенное хозяйство. Вслѣдствіе такого сосредоточенія интересовъ большей части рабочихъ внѣ тайги команда мѣняется въ своемъ составѣ гораздо больше, чѣмъ въ прежнее время, и въ ней оказывается меньшій процентъ опытныхъ горныхъ рабочихъ“¹⁾. Мѣстный горный инженеръ въ 1892 г. также подтверждаетъ это наблюденіе: „Поселенецъ былъ постояннымъ жителемъ тайги, поэтому болѣе опытнымъ рабочимъ, но другія его качества, въ сравненіи съ вновь прибывшимъ изъ Россіи или Западной Сибири крестьяниномъ, заставляютъ, по меньшей мѣрѣ, мириться съ новымъ явленіемъ“²⁾.

Такъ какъ зимой рабочій гораздо болѣе нуждается въ золотопромышленникѣ, чѣмъ лѣтомъ, то они, по признанію хозяевъ, работаютъ усерднѣе, меньше бываетъ, такъ называемыхъ, самовольно-льготныхъ дней.

Количество рабочихъ, оставшихся на зиму въ 1871 г., по отчету олекминскаго горнаго исправника, равнялось 3400 чел. По отчетамъ о золотопромышленности и другимъ официальнымъ источникамъ, въ 1879 г. изъ числа 9725 рабочихъ м. п. оставалось на весь годъ 5696 рабочихъ (58%), въ 1880 г. изъ 10798 чел. об. п. оставалось 2965 чел. об. п. (28%), въ 1882 г. изъ 9584 рабочихъ м. п.—3313 (35%), въ 1883 г. изъ 9711 рабочихъ м. п. оставалось весь годъ 3056 (31%)³⁾.

Разсматривая дѣятельность генераль-губернатора Восточной Сибири Синельникова относительно присковыхъ рабочихъ, мы говорили уже (см. гл. II) о введеніи имъ на прискахъ труда ссыльноаторжныхъ; тамъ же были изложены временныя правила объ употребленіи ихъ въ работы, составленныя на основаніи высочайшаго повелѣнія 16-го августа 1872 г. Матеріалы, хранящіеся въ архивѣ витимскаго горнаго исправника показываютъ, что правила эти представляютъ лишь переработку, съ небольшими измѣненіями, особой записки и инструкціи отправлявшемуся съ ссыльноаторжными офицеру, составленныхъ въ 1881 г., по порученію Синельникова, Купенковымъ, который былъ по-

¹⁾ Отчетъ управл. промыслами Ленскаго Т-ва за 1893—94 г. „Вѣст. Золотопр.“ 1895 г., № 20, стр. 331.

²⁾ „Вѣст. Золотопр.“ 1893 г. № 2, стр. 31—32.

³⁾ Арх. Ирк. Горн. Управ. К. 2549, № 126—71, л. 202; „Арх. Горн. Дел.“ „Прилож. I къ вып. I Сборн. офиц. докум.“, стр. 9.

сланъ генералъ-губернаторомъ на олекинскіе промыслы. Не повторяя поэтому названныхъ правилъ, мы остановимся только на тѣхъ параграфахъ инструкціи составленной Купенковымъ, которые представляютъ существенныя отличія отъ соотвѣтственныхъ постановленій „Временныхъ правилъ“ ¹⁾. Слѣдующія постановленія инструкціи Купенкова вовсе отсутствуютъ во „Временныхъ правилахъ“: „Если арестантъ, сдѣлавъ самовольную отлучку, въ продолженіе сутокъ явится къ офицеру самъ, то такового подвергать аресту не болѣе 3-хъ дней и денежному взысканію, не превышающему 2 руб. Товарищи съ нимъ по артели штрафуются въ этомъ случаѣ 50 коп. каждый“. Изъ штрафныхъ денегъ по инструкціи Купенкова предполагалось выдавать награды арестантамъ, „обратившимъ на себя вниманіе трудолюбіемъ и хорошимъ поведеніемъ“. Во „Временныхъ правилахъ“ этого нѣтъ, точно также какъ и слѣдующаго параграфа инструкціи Купенкова: „Кромѣ поощренія, назначеннаго арестантамъ предыдущимъ параграфомъ, офицеру предоставляется войти съ ходатайствомъ о зачисленіи времени прослѣдованія на приски и нахожденія на нихъ за время пребыванія въ отрядѣ исправляющихся и соотвѣтственномъ вслѣдствіе того сокращенія срока каторжныхъ работъ, опредѣленнаго судебнымъ приговоромъ, принятымъ къ 582 ст. XIV т. Уст. о ссыл.“ ²⁾. Представленная Купенковымъ записка легла и въ основаніе тѣхъ пунктовъ „Временныхъ правилъ“, которые касаются путешествія арестантовъ на приски. Въ запискѣ впрочемъ упомянуто, что во время пути „этапнымъ порядкомъ“ до пристани Жыгальной на р. Ленѣ арестанты освобождаются отъ оковъ (во „Временныхъ правилахъ“ этого нѣтъ). Продовольствіе арестантамъ на пути назначено было Купенковымъ нѣсколько въ иномъ количествѣ, а именно, вмѣсто одного фун. солонины, какъ назначено во „Временныхъ правилахъ“, — $\frac{3}{4}$ фун. и также нѣсколько менѣе кирпичнаго чая: $\frac{1}{4}$ кирпича чаю вмѣсто $\frac{3}{5}$ ф., назначенныхъ во „Временныхъ правилахъ“. Купенковъ предлагалъ также назначать для сопровожденія аре-

¹⁾ „Всякій арестантъ, усердно работавшій въ продолженіе мѣсяца и не записанный въ штрафномъ журналѣ“, сказано въ инструкціи Купенкова, „на третью часть своего заработка имѣетъ право получать изъ промысловаго магазина дозволенные предметы необходимости и прихоти, но означенная выдача производится не иначе, какъ по собственноручной отпѣткѣ офицера въ расчетномъ листѣ, безъ которой промысловое управленіе выдавать не должно“. Во „Временныхъ правилахъ“ это постановленіе выражено такимъ образомъ: „До окончанія срока каторжныхъ работъ воспрещается выдавать арестантамъ деньги на руки; но, въ видѣ поощренія, предоставляется офицеру, кромѣ необходимыхъ одежныхъ вещей, на счетъ заработка отпускать арестантамъ въ разрѣшенномъ количествѣ: чай, сахаръ, масло, табакъ, мыло и др. необходимыя мелочи“ (§ 35).

²⁾ Арх. Витим. Горн. Испр., дѣло объ арестантахъ 1871 г., № 7, л. 11—15; Аврамовъ. „Очеркъ золотопр. Олекми“, прилож. стр. 17—27.

стантовъ фельдшера, а „Временныя правила“ предоставляли употреблять необходимыя лекарства самому офицеру.

Изъ записки Купенкова мы узнаемъ, что изъ заработанныхъ каторжными денегъ должны были покрываться слѣдующіе расходы по содержанію офицера, завѣдывавшаго ими, и его канцеляріи, по содержанію конвоя, по постройкѣ и содержанію одиночныхъ карцеровъ, по провозженію арестантовъ на пріискъ; оставшіяся отъ этихъ расходовъ деньги поступали въ собственность арестантовъ. Содержаніе въ исправности зданій, гдѣ помѣщались арестанты, конвой и офицеры, а также отопленіе и освѣщеніе этихъ зданій относилось на счетъ промысла. За прокормленіе конвоя и арестантовъ, содержавшихся въ карцерѣ, промысловое управленіе должно было удерживать деньги изъ арестантскихъ заработковъ. Больные арестанты лѣчились въ промысловомъ лазаретѣ на счетъ пріисковаго управленія, а конвойные на счетъ арестантовъ; призванные докторомъ неизлѣчимыми доставлялись на счетъ золотопромышленниковъ въ Киренскъ. Вознагражденіе за трудъ и продовольствіе арестантовъ производились наравнѣ съ вольнонаемными.

Принять въ работу арестантовъ прежде другихъ изъявилъ готовность Базановъ, который и внесъ, въ видѣ аванса платы за ихъ работы, сумму денегъ, нужную для снаряженія и отправленія партій. Въ 1871 г. на промыслы Базанова было назначено 200 ссыльнокаторжныхъ, въ числѣ которыхъ были и „политическіе преступники“ (такъ называютъ въ Сибири сосланныхъ за польское возстаніе 1863 г.).

Изъ доклада Купенкова о работахъ арестантовъ видно, что дѣйствительно въ сентябрѣ 1871 г. на пріиски Базанова и К° поступило 160 арестантовъ (изъ нихъ политическихъ 67 чел.). Въ юнѣ 1872 г. было вновь доставлено на промыслы „изъ категорій гражданскихъ ссыльнокаторжныхъ“ 100 чел.; за исключеніемъ отправленныхъ за неблагонадежностью и по болѣзни въ другія мѣста, бѣжавшихъ, умершихъ и проч., къ 10 сентябрю 1872 г. на пріискѣ оставалось 184 арестанта¹⁾. На операцію 1873—74 г. оставалось на пріискахъ этой К° 136 ссыльно-каторжныхъ и прибыло вновь 98 (въ томъ числѣ одна женщина), слѣдовательно, всего въ началѣ операціи 1873—74 г. состояло 234 чел., изъ нихъ 35 политическихъ. За исключеніемъ умершихъ, бѣжавшихъ, возвращенныхъ и проч. къ 10-го сентября 1874 г. на пріискахъ этой К° оставалось 165 каторжныхъ. Кромѣ пріисковъ Базанова въ Олекминскомъ округѣ въ первой половинѣ 70-хъ гг. арестанты работали еще и на промыслахъ К° Арендаторовъ и Малопатомскаго Т-ва. Въ отчетѣ о трудѣ арестантовъ въ К° Сибирикова и Базанова за 1875 г. сказано: „къ 10-му сентября 1875 г. оставалось на лицо ссыльнокаторжныхъ 149 мужчинъ и 2 женщины. Къ тому поступило съ Успенскаго пріиска К° Арендаторовъ 39 мужчинъ, итого 190 человекъ“; за исключеніемъ отбывшихъ сроки, бѣжавшихъ, умершихъ, отправленныхъ по неспособности ихъ къ работѣ и проч., къ 10 сентября осталось

¹⁾ Арх. Витим. Горн. Исправ., дѣла объ арестантахъ 1871 г., № 7, л. 1—8, 1872 г., № 9, л. 140.

на промыслахъ Сибирякова и Базанова 91 ссыльнокаторжный, въ томъ числѣ 80 гражданскихъ, 9 политическихъ и 2 женщины. Въ эту операцію каторжные на олекминскихъ промыслахъ работали только въ К° Базанова¹⁾.

Относительно путешествія каторжныхъ на прински въ докладѣ Купенкова 1872 г. сказано: „Какъ въ минувшемъ году, такъ и въ настоящемъ, арестанты, отправленные на прински по якутскому тракту, почти не имѣющему на своемъ протяженіи организованныхъ этапныхъ помѣщеній, въ сопровожденіи незначительнаго конвоя, благополучно доставлены по назначенію. Изъ 262 отправленныхъ на промыслы ссыльнокаторжныхъ бѣжало съ дороги 2 человека, изъ коихъ одинъ пойманъ и преданъ суду. Въ пути арестанты вели себя вполне одобрительно и за время дороги ни одинъ изъ нихъ наказаніямъ не подвергался“. Конвой въ операцію 1873—74 г. состоялъ на промыслахъ К° Базанова изъ двухъ урядниковъ и 13 казаковъ, въ операцію 1875—76 г.— 2 урядниковъ и 6 казаковъ. Для наблюденія за арестантами на промыслахъ постоянно находились вблизи ихъ дежурные казаки, а остальной конвой помѣщался около казармъ. Купенковъ жаловался, что казачій конвой „слишкомъ патріархально“ относился къ своей службѣ, что облегчало ссыльно-каторжнымъ побѣги.

Уроки арестантамъ задавались такіе же, какъ и вольнонаемнымъ рабочимъ, но для многихъ изъ нихъ горныя работы были слишкомъ тяжелы. Въ отчетѣ о работахъ арестантовъ на промыслахъ К° Базанова въ 1871—72 г. сказано: „новоприбывшимъ работа здѣшняя сначала казалась очень трудна; изъ нихъ лишь къ концу лѣта, и то только нѣкоторыя артели, стали выстаивать въ золотыхъ забояхъ и кончать уроки“. По отчету за 1874 г., „прибывающіе на прински осенью привыкаютъ къ работѣ постепенно: сентябрь и октябрь на торфахъ, потомъ въ развѣдкахъ и поторжной работѣ, мартъ и апрѣль то же на торфахъ и потомъ уже лѣтомъ поступаютъ на самую трудную работу—добычу золотосодержащихъ песковъ, а поступившіе на работу лѣтомъ должны съ непривычки стать съ самаго начала на трудную работу, почему хотя и работаютъ усердно, но скоро отбиваютъ руки и совершенно обезсиливаютъ“. Понятно, что часть арестантовъ оказывалась совершенно неспособною къ принсковому труду, и ихъ приходилось отсылать обратно. Въ 1874 г. за неспособностью къ работѣ было возвращено съ промысловъ Базанова 37 человекъ (15%), въ 1876 г.—54 чел. (28%).

Плата за подъемное золото по „Временнымъ правиламъ“ поступала не къ нашедшему его, а дѣлилась между арестантами. По первоначальнымъ правиламъ (1871 г.) эта плата должна была составлять возна-

¹⁾ Арх. Витим. Горн. Исправ.; Арх. Ирк. Горн. Управ., К. 2574, № 189—243, л. 350.

граждение всѣхъ арестантовъ и дѣлиться между ними поровну. Но подобный порядокъ оказался невыгоднымъ для промысловъ и потому, по просьбѣ промысловыхъ управленій, Купенковъ рѣшилъ записывать эту плату въ расчетные листы, такъ же, какъ у вольнонаемныхъ, т.-е. на десятокъ, стоящій въ забой. Этотъ порядокъ былъ затѣмъ утвержденъ и „Временными правилами“. Въ 1872 г. подъемнаго золота было доставлено арестантами, считая по 96 к. за золотн., на 10,118 р.,—по 38 р. на каждого (что составляло 26% всего заработка). Въ операцию 1874 г. заработокъ арестантовъ на подъемномъ золотѣ составлялъ на промыслахъ Сибирякова и К^о лишь 8% всего заработка. Въ отчетѣ за операцию 1876 г. сказано, что „подъемное золото съ каждымъ годомъ прогрессивно уменьшается“, такъ что въ этомъ году на двухъ смежныхъ прискахъ КК^о Базанова и Сибирякова было поднято его арестантами только на 346 р. (1,5% всего заработка). Вѣроятно каторжныхъ мало ставили въ томъ году на золотые забои.

Въ отчетѣ о работахъ каторжныхъ на промыслахъ Сибирякова, Базанова и К^о за 1872 г. мы находимъ слѣдующія свѣдѣнія о представленіи рабочими подъемнаго золота (съ начала промывки песковъ въ маѣ мясцѣ): „Артели, простоявшія, не разбиваясь, на торфахъ, ставятся въ золотые забои, и которыя артели оканчиваютъ уроки, ставятся, какъ бы въ вознагражденіе, подъ конецъ и въ такіе золотые забои“, гдѣ „есть подъемное золото, котораго инныя артели поднимаютъ до 4-хъ фунт. Такимъ образомъ каждая артель проходитъ всѣ забои или по порядку, или по жребію, и потомъ поступаетъ опять на торфа, пока не дойдетъ до нея очередь. Артели же, не оканчивающія уроковъ или не могущія исполнять работы по приводѣ (на приски), въ золотые забои не ставятся, а подъ конецъ уже лѣта такимъ рабочимъ даютъ стараніе, которое заключается въ томъ, что они накладываютъ золотосодержащаго песку въ небольшой ящикъ, промываютъ его на вашгердѣ и полученное золото поступаетъ въ пользу ихъ... Такія старанія бывають отъ 7 до 25 р. Мастерские получаютъ старанія два и три раза въ лѣто. При исполненіи работъ арестантами находятся казаки; если работаютъ въ разныхъ мѣстахъ на торфахъ, то назначаются 2 казака. Для наблюденія за мастерскими назначаются казаки отдѣльно. Въ развѣдкахъ находится 6 казаковъ“, лѣтомъ же къ каждому забою назначается казакъ, такъ какъ было замѣчено, особенно относительно новоприбывшихъ, хищничество золота.

Въ операцию 1872 г. арестанты работали въ теченіе всего года ежедневно, за исключеніемъ 22-хъ дней.

Каторжные должны были имѣть отдѣльныя помѣщенія отъ остальныхъ рабочихъ, но въ 1872 г. такихъ не оказалось, и ихъ пришлось распределить въ казармахъ, занимаемыхъ вольнонаемными, но въ осо-

быхъ комнатахъ. Въ 1873 г. на Успенскомъ прискѣ К^о Арендаторовъ выстроено было два новыхъ корпуса для арестантовъ и конвоя.

„Снабженные отъ казны одеждою на дорогу по лѣтнему арестантскому положенію“, писалъ Купенковъ въ отчетѣ за 1872 г., „ссылно-каторжные по прибытіи на прискѣ получили всю теплую одежду въ счетъ будущихъ заработковъ изъ промысловыхъ складовъ. Суровый климатъ Олекминскаго округа съ морозами, доходящими до 40°, побуждаетъ дѣлать весьма значительный расходъ на эту статью. Провозная плата и другіе накладные расходы до того увеличиваютъ цѣнность одежды, что на первыхъ порахъ для соотвѣтственнаго обмундированія людей пришлось затратить около 25 р. на чел. (нѣкоторые изъ политическихъ преступниковъ, имѣя собственную теплую одежду на прискѣ, таковой не брали) и въ теченіе года расходовать на одежду болѣе $\frac{1}{3}$ всего заработка, потому что нѣкоторыя вещи скоро приходятъ въ негодность отъ частаго прикосновенія съ огнемъ, съ мерзлымъ или каменистымъ грунтомъ, а лѣтомъ отъ постоянной сырости“.

„Для поощренія арестантовъ въ работѣ имъ выдавалось“ въ 1872 г. „на счетъ ихъ заработковъ, независимо отъ пищевого содержанія, получаемого на счетъ промысла, наравнѣ съ вольно-наемными рабочими, ежемѣсячно на человѣка по 1 $\frac{1}{2}$ ф. сахару, по 1 $\frac{1}{2}$ ф. масла, по $\frac{1}{2}$ кирпича чаю и по 1 ф. табаку. Размѣръ этой выдачи при значительномъ представленіи артелью подземнаго золота приходилось увеличивать, потому что въ противномъ случаѣ арестанты или совѣмъ не подымали золота, или, поднявъ его, скрывали и передавали вольнымъ рабочимъ, съ которыми входили въ соглашеніе относительно вознагражденія“ за него. Въ 1874 г. обыкновенно выписывали по 2 ф. сахару и масла и 1 ф. табаку, но зарабатывавшимъ болѣе другихъ выдавали по лишнему фунту сахара и масла.

Нѣкоторые арестанты не выдерживали присковскихъ работъ. Въ 1876 г., по словамъ отчета о каторжныхъ, работавшихъ на прискахъ К^о Базанова и Сибирякова, „упадокъ силъ въ нѣкоторыхъ арестантахъ вслѣдствіе продолжительнаго пребыванія на прискахъ, тяжести труда и неблагопріятныхъ климатическихъ условій“, вынудилъ отправить въ Иркутскъ 54 чел.

Вновь присланные на промыслы арестанты часто заболѣвали. Въ 1872 г. въ первый мѣсяцъ было 20 чел. больныхъ, потомъ, по мѣрѣ привычки къ работамъ, число больныхъ уменьшалось. „Каждая царапина, малѣйшій ушибъ не остаются здѣсь безъ послѣдствій, и если рабочій не объявилъ вовремя, то черезъ недѣлю поступаетъ въ больницу цынготнымъ“. Отъ цынги рабочіе вообще медленно поправлялись здѣсь, арестанты же были особенно воспріимчивы къ этой болѣзни, такъ какъ они подготовлялись къ ней продолжительнымъ содержаніемъ въ сибир-

скихъ, крайне переполненныхъ, тюрьмахъ; цынга у четвертой части больныхъ ею арестантовъ въ 1872 г. доходила до свѣденія конечностей. Другія же болѣзни были рѣдки среди арестантовъ. Въ 1872 г. по случаю развитія цынг и другихъ болѣзней въ Усть-Кутскій солеваренный заводъ было переведено 36 арестантовъ. Процентъ больныхъ каторжанъ въ 1872 г. колебался между 4 и 8%. Въ отчетѣ за 1874 г. находимъ также жалобы на развитіе цынг. „Пища была обыкновенная, пріисковая, капусты сравнительно съ прошлою операціею выдавалось гораздо меньше и худшаго качества. При этой пищѣ изнурительная земляная работа зимою въ большіе холода и скудная подача порцій при открытіи весны и лѣта отразились въ эту операцію на работахъ цынготною болѣзнію съ самаго открытія весны, и хотя больные были посылаемы для поправки въ мѣста, болѣе обильныя растительностію, въ особенности лукомъ, но здоровье ихъ почти не улучшалось“, вслѣдствіе чего и возвращеніе съ промысловъ неспособныхъ къ работамъ было въ большей степени, чѣмъ въ прежнія операціи. Въ 1875 г. число поденщинъ „больныхъ, оставляемыхъ по усмотрѣнію пріисковаго врача для пособій и открытія крови“ было 1794, что составляло около 4% всѣхъ поденщинъ. Въ 1876 г. число заболѣвшихъ цынгою было незначительно.

Поведеніе арестантовъ на промыслахъ было вообще весьма удовлетворительно. Въ 1871—72 г. изъ 260 чел. было совершено преступленіе однимъ (нанесеніе топоромъ раны женщинѣ), но и тотъ признанъ невиннымъ вслѣдствіе болѣзненного состоянія. Въ эту же операцію тѣлеснымъ наказаніямъ въ теченіе года подвергались 14 чел.¹⁾ Въ 1874 г. арестантами вовсе не было совершено преступленій, кромѣ того, что одинъ изъ нихъ былъ замѣченъ два раза въ воровствѣ у товарища и, какъ слабый къ тому же работникъ, былъ совсѣмъ высланъ съ пріисковъ²⁾. Въ 1876 г. изъ 190 арестантовъ только 2 были замѣчены въ торговлѣ спиртомъ, изъ которыхъ одинъ былъ наказанъ 100 ударами розогъ и денежнымъ штрафомъ въ 2 р., а другой содержаніемъ въ карцерѣ 7 дней и денежнымъ штрафомъ въ 3 р., и „какъ плохой работникъ и долгосрочный“, онъ былъ отправленъ съ пріисковъ въ распоряженіе иркутскаго губернскаго правленія.

Относительно побѣговъ арестантовъ, Купенковъ въ своей запискѣ 1872 г. говоритъ: „процентное отношеніе бѣжавшихъ съ частныхъ золо-

¹⁾ Изъ нихъ за грубость противъ лицъ промысловаго надзора и конвойныхъ 3 чел., за покушеніе на кражу золота—7 чел. и за самовольную отлучку и драку—4 человека.

²⁾ „Дерзость противъ казаковъ проявлялась въ двухъ случаяхъ, ослушаніе служащему К^о въ одномъ случаѣ, драка въ одномъ случаѣ и за лѣность къ работѣ одинъ арестантъ подвергнутъ наказанію два раза“.

тыхъ присковъ ссыльно-каторжныхъ по сравненію съ побѣгами, совершаемыми арестантами съ промысловъ Кабинета Его Величества можетъ быть названо удовлетворительнымъ, и есть основаніе полагать, что цифра бѣжавшихъ съ 9⁰/₁₀ на будущее время значительно уменьшится, такъ какъ до настоящей осени арестанты не вѣрили, что заработанныя ими деньги, за исключеніемъ удержанныхъ на расходы по содержанію ихъ и управленію, будутъ передаваемы имъ по окончаніи срока каторжныхъ работъ и выходѣ на поселеніе. Примѣръ рассчитанныхъ въ сентябрѣ мѣсяцѣ трехъ арестантовъ, изъ которыхъ двое получили по 100 р., а одинъ 66 р., осязательно докажетъ всю пользу для нихъ задолжанія на подобный производительный трудъ, съ помощью котораго они приобретутъ средство безбѣдно обставить себя на первое время по прибытіи на поселеніе, а не явятся, какъ теперь, полными пролетаріями, вынужденными нерѣдко изъ-за предметовъ первой необходимости совершать новыя преступленія и опять возвращаться на каторгу“ ¹⁾. Въ 1874 г. изъ 235 чел., работавшихъ на прискахъ К^о Базанова, бѣжало всего 11, но изъ нихъ 4 были пойманы и отправлены для преданія за это суду; въ 1876 г. изъ 190 рабочихъ арестантовъ той же К^о бѣжало всего 3. За побѣги наказывались не только сами бѣжавшіе, но кромѣ того штрафовалась та артель, къ которой они принадлежали. Въ 1872 г. на прискахъ К^о Базанова „штрафамъ исключительно подвергались арестанты за бѣжавшихъ товарищей. За каждого бѣжавшаго налагался на артель денежный штрафъ въ размѣрѣ 3 р. на человѣка. Изъ этой суммы за поимки арестантовъ выдавалось по 15 р. за каждого, на что и израсходовано 90 р.“. Въ операцію 1874 г. на тѣхъ же промыслахъ за отлучку съ приска одинъ человѣкъ былъ наказанъ розгами, другому же за побѣгъ, въ виду его цынготнаго состоянія, тѣлесное наказаніе было замѣнено работою въ цѣпяхъ въ теченіе мѣсяца безъ льготныхъ дней. За побѣги оштрафовано 107 человѣкъ (т.-е. члены артелей бѣжавшихъ рабочихъ) по 3 р. Въ 1876 г. тамъ же за побѣги подвергнуты денежному штрафу артели, въ которыхъ находились бѣжавшіе въ числѣ 27 человѣкъ по 3 р. каждый и артели, въ которыхъ находились замѣченные въ торговлѣ спиртомъ 18 чел. по 1 р. Въ операцію 1873—4 г. съ арестантовъ, работавшихъ въ К^о Арендаторовъ, было взыскано штрафа 549 р., что въ среднемъ на 117 арестантовъ составитъ безъ малаго по 5 р. (наибольшее количество штрафныхъ денегъ, взысканныхъ съ одного арестанта, равнялось 18 р.).

Изъ записки Купенкова 1872 г. мы узнаемъ, что мѣсячный за-

¹⁾ Въ отчетѣ за операцію 1871—72 г. объ арестантахъ, работавшихъ на прискахъ К^о Базанова и Сибирякова пояснено, что побѣги по срокамъ работъ были слѣдующіе: осужденныхъ на 4—8 лѣтъ 12 чел. и на 10—15 л.—12 чел., всего 24 чел. Дѣло витимск. горн. исправи. о ссыльно-каторжныхъ № 9, л. 111, 143—144.

работокъ арестантовъ въ горныхъ работахъ зимою равнялся 12 р. и болѣе, въ ортовыхъ доходилъ до 18 р. въ мѣсяцъ, а въ поторжныхъ работахъ—менѣе 7 р.; 80 арестантовъ, проработавшихъ на промыслахъ Сибирякова и Базанова всю операцію 1871—72 г., заработали въ среднемъ вмѣстѣ съ подъемнымъ золотомъ по 211 р., причемъ подъемное золото составило 34% общего заработка, а 80 чел., проработавшихъ лишь три лѣтнихъ мѣсяца 1872 г., заработали въ среднемъ по 86 р., причемъ подъемное золото составляло 44% общего заработка. Въ К^о Промышленности въ операцію 1872—3 г. 69 арестантовъ заработали въ среднемъ по 213 р. На промыслахъ К^о Арендаторовъ въ операцію 1873—4 г. 98 арестантовъ заработали въ среднемъ вмѣстѣ съ подъемнымъ золотомъ по 151 р. въ годъ. Въ операцію 1875—76 г. всего заработано было арестантами на промыслахъ К^о Сибирякова и Базанова 23370 р. (со включеніемъ подъемнаго золота, котораго, впрочемъ, было очень мало), поденщинъ же въ теченіе операціи (со включеніемъ льготныхъ и больныхъ) было 48131, слѣдовательно средній заработокъ въ поденщину менѣе 50 к.; если взять только одни рабочіе поденщины (43769), то средній заработокъ въ поденщину будетъ равняться 53 к. ¹⁾

Относительно размѣра чистаго заработка или додачи мы имѣемъ слѣдующія данныя. Купенковъ въ своемъ отчетѣ за 1871—72 г. сообщаетъ, что валовой заработокъ рабочихъ равнялся 38658 р., а за исключеніемъ забора вещами и припасами, стоимости препровожденія арестантовъ до промысловъ, расходовъ по надзору за арестантами и штрафовъ за бѣжавшихъ и проступки, чистый заработокъ равнялся 17396 р. По чистому заработку Купенковъ раздѣлилъ рабочихъ на слѣдующія категоріи: заработавшихъ болѣе 200 р.—1 чел., отъ 150 до 200 р. 6 чел., отъ 100 до 150 р.—56 чел., отъ 75 до 100 р.—40 чел., отъ 50 до 75 р.—60 чел., отъ 25 до 50 р.—45 чел., менѣе 25 р.—31 чел., не заработавшихъ своего содержанія 21 чел. Средній чистый заработокъ, по вычисленію Купенкова, равнялся 74 р. ²⁾ Въ операцію 1875 г. на 159 ссыльно-каторжныхъ, работавшихъ на промыслахъ К^о Сибирякова и Базанова, средняго чистаго заработка пришлось болѣе 106 р. на человека, тогда какъ вольно-наемнымъ рабочимъ (если взять ихъ всѣхъ) пришлось всего по 18 р. ³⁾ Эта разниа объясняется тѣмъ, что арестанты работали круглый годъ и выдача имъ вещей и припасовъ въ счетъ заработка была болѣе регламентирована ⁴⁾.

¹⁾ Арх. Витим. Горн. Испр., дѣла объ арестантахъ, №№ 282, 48; 1875 г., № 5, л. 112; Арх. К^о Промышлен. дѣло № 284.

²⁾ Собственно должно быть 67 р.

³⁾ Арх. Витим. Горн. Испр. дѣло 1875 г., № 33, л. 9.

⁴⁾ Свѣдѣнія о работѣ арестантовъ заимствованы, кромѣ указанныхъ, изъ слѣдующихъ дѣлъ Архива Витим. Горн. Испр. о ссыльно-каторжныхъ: №№ 7, 9, 19 и 5.

Кромѣ общеcontrактныхъ рабочихъ и золотничниковъ, о которыхъ мы будемъ говорить въ особой главѣ, на прискахъ Ленскаго горнаго округа бываетъ много отрядныхъ рабочихъ, занимающихся у подрядчиковъ доставкою лѣса, угля и тяжестей, положеніе которыхъ неизмѣримо хуже общеcontrактныхъ. Отрядные рабочіе живутъ зимою и лѣтомъ въ жалкихъ лачугахъ инородцевъ, которыя часто не имѣютъ стеколъ въ отверстіяхъ, замѣняющихъ окна, и переполнены обитателями ¹⁾).

---

¹⁾ „Вѣстн. Золотопр.“, 1893 г., № 2, стр. 31.

ГЛАВА VII.

Общеконтрактные рабочіе на золотыхъ промыслахъ Амурской и Приморской областей.

Историческія свѣдѣнія о золотопромышленности.—Число рабочихъ.—Предложеніе рабочихъ рукъ превышаетъ теперь спросъ на нихъ.—Задатки.—Путешествіе рабочихъ на прииски.—Техника работъ.—Доходность золотого дѣла.—Продолжительность рабочаго дня.—Величина уроковъ.—Плата за трудъ.—Подъемное и старательское золото.—Пища.—Винныя порціи.—Тайная продажа вина.—Жилища.—Приисковые лавки.—Семейства рабочихъ.—Денежные штрафы и другія наказанія.—Горная администрація.—Праздники и льготные дни.—Болѣзни.—Врачебная помощь.—Школы.—Побѣги.—Заработки.—Додачи.—Долги.—Возвращеніе съ приисковъ.

Присутствіе золота въ Амурской области въ долинѣ р. Зеи открыто было еще въ концѣ сороковыхъ годовъ; изслѣдованія по порученію гр. Муравьева-Амурскаго продолжались здѣсь и въ 50-хъ гг., но частная золотопромышленность разрѣшена была позднѣе. Опасаясь, что открытіе частныхъ золотыхъ промысловъ и связанная съ этимъ закупка значительнаго количества хлѣба для рабочихъ могутъ вызвать затрудненія въ продовольствіи войскъ и переселяемыхъ на Амуръ казаковъ, ген.-губернаторъ Восточной Сибири гр. Муравьевъ вошелъ въ 1858 г. въ Сибирскій Комитетъ съ представленіемъ, чтобы дозволеніе частной золотопромышленности на Амурѣ было приостановлено до 1862 г. Мнѣніе его было уважено, а затѣмъ онъ исходатайствовалъ по тѣмъ же причинамъ дальнѣйшую приостановку разрѣшенія частнаго золотого промысла до 1865 г., кромѣ прибрежныхъ мѣстъ Восточнаго Океана по правую и лѣвую сторону Амурскаго лимана, гдѣ золотопромышленность была дозволена еще въ 1861 г. ¹⁾ Въ 1865 г. частный золотой про-

¹⁾ *Изв. Барсуковъ*. „Гр. Н. Н. Муравьевъ-Амурскій“. М. 1891 г., кн. II, 210—212, 318—320; *Рисел.и*, 11.

мысль быть разрѣшенъ и въ Амурской и Приморской областяхъ, за исключеніемъ участка, приграниченнаго къ Нерчинскому округу; дозволено было также нанимать на эти промыслы рабочихъ китайцевъ ¹⁾.

Въ 1866 г. горный инженеръ Аносовъ открылъ богатѣйшія золотосныя розсыпи между Амуромъ и Зеей на р. Джалиндѣ; для ихъ эксплуатаціи составила, такъ называемая, Верхне-Амурская компанія, главнымъ участникомъ которой былъ Д. Бенардаки ²⁾.

Въ Приморской области въ системѣ р. Амгуни (притока Амура) первые приски были отведены въ 1869 г. купцу Тетюкову, который вскорѣ и началъ ихъ разрабатывать. Затѣмъ въ половинѣ 70-хъ годовъ была открыта группа присковъ въ системѣ р. Селимджи, притока Зеи, для разработки которыхъ составила Средне-Амурская К^о, но надежды владѣльцевъ не оправдались, и значительныя затраты не дали благоприятныхъ результатовъ. Однако позднѣе, съ начала 90-хъ годовъ, по рѣчкѣ Бомъ системы Селимджи начинается весьма успѣшная добыча золота ³⁾. Въ 1876 г. началась разработка по притокамъ рѣкъ Гилля и Брянты, текущихъ въ Зею (притокъ Амура): это одна изъ богатѣйшихъ золотопромышленныхъ системъ. Приски этой группы принадлежатъ Верхне-Амурской и Зейской компаніямъ. Около того же времени открыты и приски, расположенныя въ системѣ Нимана, притока Буреи, впадающей въ Амуръ. Въ Хинганской системѣ начались работы въ 1886 г. ⁴⁾.

„Въ настоящее время“, говоритъ г. Бацевичъ, „Амурскій край представляетъ мѣстность съ громаднымъ преобладаніемъ крупныхъ золотопромышленныхъ предпріятій. До сихъ поръ по крайней мѣрѣ около 90% добываемаго золота приходилось на долю присковъ, принадлежащихъ тремъ главнымъ компаніямъ: Верхне-Амурской, Зейской и Ни-

¹⁾ П. С. З. т. 40, № 42328.

²⁾ Съ начала постановки работъ до 1890 г. Джалинда дала болѣе 2500 пудовъ золота. *Янчуковский*. „О прискахъ Верхне-Амурской К^о“; „Горн. Журн.“ 1890 г., т. II, 358.

³⁾ Въ Приморской области золотосныя розсыпи открыты, между прочимъ, на островѣ Аскольдѣ (близъ Владивостока), гдѣ золотосный пласть составляетъ морское дно, откуда и добываются золотосодержащіе пески.

⁴⁾ *Оранскій*. „Краткій очеркъ Амурскаго края въ золотопромышленномъ отношеніи“. Томскъ. 1886 г., стр. 20—28. *Дейхманъ*. „Горная промышленность на Амурѣ и побережьяхъ Приморской области“. „Горн. Журн.“ 1871 г., № 5, стр. 307—308; *Бацевичъ*, 43, 61, 84, 141—143; „Приамур. Вѣдомости“ 1894 г., № 26, „Золотые промыслы въ Амурской области въ 1893 г.“, стр. 2; *Михайловъ*. „Очеркъ разработки Ниманскихъ золотыхъ присковъ на Амурѣ“. „Горн. Журн.“ 1879 г., № 7, стр. 12. *Н. Боголюбскій*. „Описаніе золотыхъ промысловъ Амурско-Приморскаго края“. Приложеніе къ трудамъ Коммис. для собр. свѣд. о сибир. золот. т. II, ч. I, в. 2. Спб. 1897, стр. 173.

манской, и только 10% извлекали мелкія золотопромышленныя компаніи и арендаторы. Въ 1891 г., напримѣръ, изъ 57 пріисковъ, дѣйствовавшихъ въ Амурской и Приморской областяхъ на 22-хъ, принадлежащихъ тремъ помянутымъ крупнымъ компаніямъ, было добыто 380 п. золота изъ 444 пудовъ. Въ 1890 г. это отношеніе для трехъ компаній было еще болѣе благопріятно... Болѣе мелкія золотопромышленныя компаніи—это явленіе новое на Амурѣ ¹⁾. Мелкая золотопромышленность на Амурѣ начала развиваться въ 1884 г., и теперь она съ каждымъ годомъ все увеличивается; благодаря мелкой золотопромышленности развился здѣсь и золотничный способъ разработки площадей ²⁾.

Рабочихъ на промыслахъ Амурской обл. въ семидесятыхъ годахъ было minimum 1606 чел., maximum 3606 ч., а въ среднемъ за все десятилѣтіе равнялось 2153 ч.; въ Приморской области рабочихъ было въ 1872, 75—77 и 79 гг. minimum 116, maximum 482. Въ первой половинѣ 80-хъ годовъ количество рабочихъ въ Амурской области все увеличивалось и съ 3682 (въ 1880 г.) постепенно дошло до 5861 ч. (въ 1884 г.), въ среднемъ же равнялось 4293 ч. Въ Приморской области въ тѣ же годы число рабочихъ колебалось между 276 и 612 ч. Въ 1885—88 гг. въ Амурской и Приморской областяхъ вмѣстѣ рабочихъ было minimum 4712, max. 6134, въ среднемъ 5404. Затѣмъ въ одной Амурской области число рабочихъ равнялось въ 1889 г. 5036, въ 1890 г.—4683, въ 1891 г. 6540, въ 1892 г.—6296 (въ среднемъ за эти 4 года 5839), а въ Приморской области въ 1893 г. 699 ч.; такимъ образомъ число рабочихъ здѣсь все увеличивалось ³⁾, въ 1895 г. въ Амурскомъ горномъ округѣ считали 6000 рабочихъ, въ Приморскомъ — 1007 ⁴⁾.

Относительно найма рабочихъ на пріиски Амурской области въ отчетѣ о золотопромышленности Восточной Сибири за 1880 г. сказано: „для промысловъ Верхне-Амурской и Зейской КК^о и товарищества бр. Бутиныхъ рабочіе нанимаются въ Иркутской губерніи и Забайкальской области и частью Амурской... Нижанская К^о нанимаетъ рабочихъ исключительно въ Благовѣщенскѣ изъ числа такихъ, которые остаются въ городѣ съ цѣлью вновь наняться на промыслы ⁵⁾. Изъ жителей Амур-

¹⁾ *Бацевичъ*. „Матеріалы для изученія Амурскаго края въ геологическомъ и горнопромышленномъ отношеніи“. С.-Пб., 1884 г., стр. 143.

²⁾ Въ 1885 г. изъ 25 пріисковъ Амурской области было добыто: менѣе пуда золота на 1 пріискѣ, отъ 1 до 2 п. на 4 пріискахъ, отъ 2 до 10 п.—на 11 пріискахъ, отъ 10 до 20 п. на 2 пріискахъ, отъ 20 до 40 п. на 6 пріискахъ, болѣе 40 пуд. на 1 пріискѣ. „Обзоръ Амур. Обл. за 1885 г.“, стр. 10.

³⁾ См. *Дополненіе I* (въ концѣ этого тома).

⁴⁾ „Вѣстн. Золотопр.“ 1897 г., № 4, стр. 81.

⁵⁾ Въ 1893 г. рабочіе Верхне-Амурской К^о нанимались въ Верхнеудинскомъ и Нерчинскомъ округахъ Забайкальской области, а также на Зейской пристани и на

ской области, въ виду ея малой населенности, золотопромышленникамъ было воспрещено нанимать рабочихъ на промыслы. Противъ допущенія мѣстнаго земледѣльческаго и рабочаго населенія на приски высказался второй Хабаровскій съѣздъ въ 1886 г. Запрещеніе это существуетъ и въ настоящее время: въ интересахъ развитія сельскаго хозяйства въ край воспрещается золотопромышленникамъ нанимать на приски крестьянъ Амурской и Приморской областей ¹⁾. Ниманская К^о въ первой половинѣ 80-хъ гг. нанимала рабочихъ и въ Забайкальѣ изъ такъ называемыхъ „семейскихъ“ (раскольниковъ). Въ 1884 г. эта компанія, находя „семейскихъ“ слишкомъ требовательными, сдѣлала попытку нанять рабочихъ въ Западной Сибири, но результаты этого опыта были весьма плачевны. Нанятые въ Томскѣ рабочіе оказались, по словамъ мѣстнаго окружнаго ревизора Оранскаго, „совершенно неспособными къ тяжелымъ присковымъ работамъ и при посѣщеніи имъ присковъ наполняли больницы, которыхъ было даже недостаточно“ ²⁾. Отъ наемки въ Забайкальѣ „семейскихъ“, весьма сильныхъ и рослыхъ людей, отказалась въ 1884 г. и Зейская К^о. Въ газетѣ „Сибирь“ было по этому поводу сказано: „Съ пріѣздомъ генераль-маіора Ш. на приски Зейской К^о начались различныя стѣсненія рабочихъ, вслѣдствіе чего стали не рѣдки столкновенія этихъ послѣднихъ со служащими и самимъ управленіемъ присками. Нынѣ генераль-маіоръ Ш., неправильно понимая причины этого грустнаго явленія, распорядился не производить наемокъ въ прежнихъ мѣстахъ, а именно, въ Тарбагатайской и Мухоршибирской волостяхъ Верхнеудинскаго округа, а отыскать такихъ рабочихъ, которые не умѣли бы отстаивать и защищать свои интересы. Благодаря этому, Тарбагатайская, Мухоршибирская и Урлукская волости, разоренныя неурожаемъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, „находятся въ полномъ отчаяніи“ ³⁾. Компаніонъ-распорядитель Зейской К^о генераль А. Шанявскій возразилъ на это, что „отказъ отъ наемки семейскихъ рабочихъ, т.-е. тарбагатайцевъ, мухоршибирцевъ и куналейцевъ, вызванъ ежегодными, крайне неблагоприятными, поступками этихъ рабочихъ, изощрившихся въ постоянныхъ вымогательствахъ и дерзкихъ выходкахъ... Семейскіе или старообрядцы-раскольники, люди хотя съ желѣзными му-

---

самыхъ прискахъ. На приски Зейской К^о рабочіе нанимались въ Благовѣщенскѣ, на Лунгинскомъ складѣ по р. Зеѣ и на промыслахъ. „Приамурскія Вѣдомости“, 1894 г., № 26, стр. 11 (отчетъ Оранскаго).

¹⁾ *Дейгманъ*. „Горн. промысл. на Амурѣ“. „Горн. Журн.“ 1871 г., № 5, стр. 299; *Надаровъ*. „Второй Хабаров. съѣздъ“, 1886 г., стр. 41; „Вост. Обзор.“ 1886 г., № 82, стр. 9; „Труды III Хабаров. съѣзда“, 1893 г., стр. 142.

²⁾ *Оранскій*. „Краткій очеркъ Амурскаго края въ золотопромышленномъ отношеніи“. Томскъ, 1886 г., стр. 27.

³⁾ „Сибирь“ 1884 г., № 40, стр. 5.

скулами, но зато и съ закаленными характерами, крѣпко сплочены между собой вѣковой привычкой бороться общими силами противъ всякихъ посягательствъ кого бы то ни было на то, что они считаютъ своимъ правомъ или своимъ убѣжденіемъ... Въ нихъ искони выработалась полнѣйшая самостоятельность, отсутствіе всякой привычки подчиненія, а главное, весьма глубокое... убѣжденіе..., что вся ихъ сила... въ ихъ крѣпкой сплоченности. *Прежде, чѣмъ подписывать контрактъ, они очень внимательно его выслушиваютъ и, конечно, не допустить въ немъ ничего для себя невыгоднаго*¹⁾. Понятно, что такіе люди оказались непригодными для Зейской К^о. Что же касается поведенія рабочихъ-„семейскихъ“, то отзыву генерала Шанявскаго можно противопоставить слѣдующее официальное свидѣтельство отчета иркутскаго горнаго управленія за 1889 г.: „въ отношеніи состава рабочихъ находятся въ лучшихъ условіяхъ амурскіе и забайкальскіе прински: тамъ контингентъ ихъ пополняется изъ сектантовъ, такъ называемыхъ „семейскихъ“... Рабочіе изъ этой среды *добросовѣстно относятся къ принятымъ на себя обязательствамъ, меньше пьянствуютъ и вообще нравственнѣе, чѣмъ рабочіе въ другихъ округахъ*“²⁾.

Неудачный опытъ наймки рабочихъ въ Томскѣ заставилъ Ниманскую К^о вновь возвратиться къ найму въ Забайкальѣ и на Амурѣ (не изъ жителей Амурской области). Въ 1889 г. наемъ рабочихъ Ниманской и Зейской КК^о былъ произведенъ въ Благовѣщенскѣ. По официальному свидѣтельству (1886 г.), „крестьянское и казачье населеніе Амурской области на принсковыя работы не ходитъ³⁾; большею частью рабочіе (въ этомъ году) были нанимаемы въ Забайкальѣ и другихъ мѣстахъ Сибири, незначительное количество—изъ внутреннихъ губерній Россіи и частью изъ ссыльнопоселенцевъ“⁴⁾.

На амурскіе промыслы приходятъ рабочіе не только изъ Сибири, но и изъ Европейской Россіи. Въ 1891 г. вмѣстѣ со мною ѣхало 50 человѣкъ изъ Нижегородской губ. на пароходѣ отъ Тюмени до Томска; ихъ велъ на прински Зейской К^о одинъ, уже побывавшій тамъ, рабочий. Въ 1892 г. на промыслахъ Ниманской К^о 29% рабочихъ были изъ Европейской Россіи—изъ губерній Нижегородской, Симбирской, Пермской и Вятской. На Амгунской системѣ въ 1893 г. рабочіе были

¹⁾ „Сибирь“ 1885 г., № 34, стр. 8—11.

²⁾ Арх. Иркут. Горн. Упр., дѣло канцеляріи, № 39, л. 6.

³⁾ „Обзоръ Амурск. обл.“ за 1886 г., стр. 20. Это не мѣшаетъ ему, впрочемъ, заниматься доставкой на промыслы товаровъ и хлѣба.

⁴⁾ Ссыльнопоселенцы составляли въ 80-хъ годахъ на промыслахъ Амурской области отъ 3 до 7% всѣхъ рабочихъ. Въ 90-хъ годахъ амурскіе золотопромышленныя компаніи нанимали рабочихъ въ Благовѣщенскѣ или въ Забайкальѣ. „Амурская Газета“ 1895 г., № 6, стр. 224, № 21, стр. 748.

преимущественно из Западной Сибири, а также губерній Нижегородской, Самарской, Саратовской и других. Они панимались на приски по большей части въ Благовѣщенскѣ, а частью въ Николаевскѣ ¹⁾).

Въ началѣ золотопромышленности на Амурѣ чувствовался недостатокъ въ рабочихъ. По свидѣтельству г. Дейхмана (1871 г.) „трудность найма рабочихъ на мѣстѣ и необходимость приобрѣтать ихъ изъ за Байкала задерживаютъ развитіе поисковъ“ ²⁾. Г. Оранскій говоритъ: „до 1884 г. амурскіе золотопромышленники встрѣчали не мало затрудненій въ присканіи рабочихъ рукъ, которыхъ на Амурѣ было вообще весьма недостаточно. Приходилось нанимать людей въ отдаленныхъ отъ Амура губерніяхъ Восточной и Западной Сибири,—Енисейской, Томской, Тобольской“. Послѣ разгрома китайской Желтуги (въ 1885 г.) значительная часть собравшихся тамъ рабочихъ „разсѣялась по всей Амурской области, надѣясь устроиться на прискахъ“, а такъ какъ на золотые приски нельзя было нанять всѣхъ нахлынувшихъ рабочихъ, то „значительная часть ихъ осталась безъ всякихъ занятій и всякихъ средствъ къ существованію“. „Въ послѣднее время“, свидѣствуетъ г. Оранскій въ томъ же отчетѣ за 1889 г., „предложеніе рабочихъ рукъ на Амурѣ далеко превышаетъ спросъ на нихъ“. На избытокъ рабочихъ рукъ на промыслахъ Амурской области указывали и на третьемъ Хабаровскомъ сѣздѣ въ 1893 г. Г. Бацевичъ также говоритъ, что еще лѣтъ 10 тому назадъ спросъ на рабочихъ для золотыхъ присковъ въ Амурской и Приморской областяхъ сильно превышалъ предложеніе, и потому золотопромышленники „должны были посылать своихъ агентовъ для найма рабочихъ въ Забайкалье и даже Западную Сибирь“; въ то время „очень часто нанимались люди завѣдомо сомнительной нравственности“, а иногда даже „бѣглецы и безпаспортные... Разказы о высокой заработной платѣ на Амурѣ разнеслись далеко на западъ и распространились даже за Уралъ“, такъ что „теперь на амурскихъ прискахъ самое обычное явленіе встрѣтить рабочаго изъ Нижегородской губерніи. Лѣтъ пять тому назадъ отношеніе между спросомъ и предложеніемъ стало на Амурѣ измѣняться не въ пользу рабочихъ и достигло въ настоящее время того, что только Верхне-Амурская К^о по традиціи еще посылаетъ агентовъ въ Забайкалье для найма рабочихъ, Зейская К^о производитъ эту операцію въ Благовѣщенскѣ, этимъ центрѣ торгово-промышленной дѣятельности въ Амурской области, а на приски Ниманской К^о рабочіе сами идутъ привлекаемые туда крупнозернистымъ золотомъ... На всѣ промыслы этой компаніи требуется приблизительно

¹⁾ „Вѣстн. Золот.“ 1893 г., № 11, стр. 178; „Примур. Вѣдом.“, 1894 г., № 22, статья *Марковича*, стр. 4.

²⁾ „Горн. Журн.“ 1871 г., № 5, стр. 308.

800 чел., а приходится наниматься разновременно 1500, слѣдовательно половинѣ пришедшихъ отказываютъ въ работѣ“ ¹⁾).

Недостатокъ рабочихъ въ прежнее время и изобиліе ихъ теперь вызвали постепенное уменьшеніе задатковъ. При наймѣ рабочихъ въ 1871 г. въ Марининскомъ округѣ Томской губ. на пріиски Верхне-Амурской К^о они получили при подписаніи контракта задатки отъ 50 до 90 р. Въ 1875 г. въ Нерчинско-заводскомъ округѣ при наймѣ на промыслы Верхне-Амурской К^о выдавались задатки отъ 80 до 130 руб. ²⁾. По словамъ г. Бацевича, еще лѣтъ 10 тому назадъ при наймѣ рабочихъ на лѣтнюю операцію задатки въ 150—200 р. на человека были явленіемъ обыкновеннымъ (стр. 148). Послѣ разгрома Желтуги (1885 г.) размѣръ задатковъ сталъ быстро падать ³⁾. Осенью 1886 г. въ Благовѣщенскѣ оказалось „рабочаго люда гораздо больше, чѣмъ спроса на него“, и потому Ниманская К^о давала рабочимъ въ задатокъ всего 25—30 руб. ⁴⁾. Мѣстный окружной инженеръ Оранскій въ отчетѣ за 1889 г. указывалъ, какъ на причину увеличенія наплыва рабочихъ на амурскіе промыслы, кромѣ разгрома Желтуги, на „уменьшеніе производительности пріисковъ Забайкалья, освободившее не мало рабочихъ рукъ, также ищущихъ и не находящихъ заработка на Амурѣ“. Прежде, по словамъ г. Оранскаго, рабочаго можно было нанять не иначе, какъ съ задаткомъ въ 50—100 руб., *нынѣ же обычай давать задатокъ выходитъ изъ употребленія, и безъ него можно нанять сколько угодно рабочихъ*. Но этого мало. Бываютъ случаи, что рабочіе сами являются на пріиски и просятъ работы за одно только содержаніе *безъ всякой платы...*, въ чему ихъ вынуждаетъ перспектива—умереть голодною смертью“ ⁵⁾. Въ отчетѣ за 1893 г. Оранскій говоритъ: „При наймѣ ра-

¹⁾ Арх. Ирк. Горн. Упр., дѣло канц. № 39; „Труды III Хабар. съѣзда“, Хабар. 1893 г., стр. 67, 137; Бацевичъ, стр. 148—149; „Приамур. Вѣдом.“, 1894 г., № 26, отчетъ Оранскаго, стр. 11; „Амурская Газета“ 1895 г., № 6, стр. 226; № 21, стр. 748.

²⁾ „Сибирь“ 1875 г., № 22, стр. 3. Въ 1885 г. при наймѣ въ Забайкальѣ Верхне-Амурская К^о давала задатки до 150 р. (Дѣло канц. Иркут. Горн. Упр. № 14, т. I, л. 64), а въ среднемъ при наймѣ въ Забайкальѣ задатки „перешли за сто рублей“ (отчетъ главноупр. Ниманской К^о Л. О. Пантелѣва за 1882 г.). При наймѣ рабочихъ на промыслахъ въ началѣ амурской золотопромышленности выдавалось по 5 бутылкозъ спирта; позднѣе нѣкоторыя компаніи отказались отъ этого обычая, не рискуя остаться безъ рабочихъ, но Зейская К^о продолжала держаться его еще въ 1886 г. „Восточн. Обзор.“ 1886 г., № 5, стр. 9.

³⁾ Въ первый разъ въ концѣ 1882 г. Л. О. Пантелѣвъ сдѣлалъ опытъ въ Ниманской К^о наемки безъ задатка (человѣкъ 30), за что имъ былъ предоставленъ третій льготный день въ мѣсяцъ.

⁴⁾ „Владивостокъ“ 1886 г., № 52, стр. 5.

⁵⁾ Арх. Ирк. Горн. Упр., дѣло канц. № 39. Дѣйствительно при наймѣ, наприм., на промыслы Ниманской К^о въ 1891 г. задатковъ не выдавалось. „Вѣстн. Золотопр.“ 1893 г., № 11, стр. 178.

бочихъ недостатка въ нихъ не было; наоборотъ, предложеніе рабочихъ рукъ далеко превышало спросъ. Обычай выдавать задатки, безъ чего прежде нельзя было нанять рабочаго, въ настоящее время уже почти не практикуется. Только 2—3 компаніи выдавали въ задатокъ 20—50 р., громадное же большинство присковыхъ рабочихъ охотно нанималось безъ задатковъ, лишь бы только поступить на прискъ¹⁾.

Въ 1876 г. дозволено было нанимать рабочихъ на приски Амурской и Приморской областей срокомъ не на одинъ, а на 2 года. Въ контрактъ Верхне-Амурской К^о 1871 г. рабочіе наняты были на 1 годъ, но и въ контрактъ той же компаніи 1883 г. срокъ найма также годовой. Ниманская К^о наняла рабочихъ въ ноябрѣ 1883 г. срокомъ по 1-е марта 1885 г., т.-е. на 16 мѣсяцевъ, но время явки въ контрактъ не обозначено и сказано только, что рабочіе должны явиться на сборный пунктъ къ назначенному времени, а такъ какъ зимнихъ работъ на амурскихъ промыслахъ бываетъ мало, то и тутъ, вѣроятно, рабочіе провели на промыслахъ не болѣе года. Въ 90-хъ годахъ Ниманская К^о нанимаетъ на годовой срокъ. Рабочіе весьма нерѣдко, вновь нанимаясь на промыслы, проводятъ на нихъ по нѣскольку лѣтъ²⁾, но тѣмъ не менѣе весьма важно, чтобы законъ не допускалъ найма на слишкомъ продолжительные сроки.

Относительно путешествія рабочихъ на промыслы въ извѣстныхъ намъ контрактахъ мы находимъ слѣдующія условія. Въ договорѣ Верхне-Амурской К^о, заключенномъ въ сентябрѣ 1871 г. въ Маринскомъ округѣ Томской губерніи сказано: „По первому извѣщенію довѣренныхъ К^о обязаны мы явиться на сборный пунктъ, откуда должны слѣдовать съ партіонными приказчиками на пристань К^о, чтобы явиться намъ туда не позднѣе 20 марта 1872 г. Если довѣренный К^о найдетъ выгоднымъ доставить насъ на прогонахъ (sic) или подводахъ, то мы отказываться отъ этого не можемъ. За все время нашего слѣдованія изъ мѣстъ жительства до станціи Срѣтенской К^о принимаетъ на свой счетъ прогоновъ и разныхъ путевыхъ издержекъ по 15 р. на человѣка, а что будетъ сверхъ этого передержано, то мы обязаны принять на нашъ личный счетъ и болѣе 15 р. отъ компаніи никакого вознагражденія за путешествіе требовать не можемъ“. По договору съ тою же К^о 1883 г. рабочіе выговаривали себѣ полученіе извѣстной суммы по прибытіи на сборный пунктъ на путевые расходы до Читы и добавочную выдачу въ этомъ послѣднемъ городѣ, но и то, и другое въ счетъ заработка. Изъ Срѣтенска К^о обязывалась отправить рабочихъ на пароходахъ или паромахъ до Джалиндинской пристани на Амурѣ, а оттуда должны были идти на промыслы пѣшкомъ. Со дня явки въ Срѣтенскъ (но не ранѣе извѣстнаго числа) и до дня отправки оттуда К^о обязывалась выдавать рабочимъ ежедневно по 2½ фунта сахара, по 1 ф. мяса или взамѣнъ мяса по 15 коп. деньгами, по 1 кирпичу на мѣсяцъ чаю и, кромѣ того, на квартиры по 10 коп. каждому въ день. На пути отъ Срѣтенска до мѣста работъ выдавалось тоже продовольствіе, кромѣ квартир-

¹⁾ „Приамур. Вѣдом.“, 1894 г., № 26, стр. 11.

²⁾ „Амур. Газ.“. 1895 г., стр. 224, 748.

ныхъ денегъ. По другому договору Верхне-Амурской К^о того же года рабочіе получали на дорожные расходы отъ сборнаго пункта до станицы Покровской на Амурѣ не въ счетъ заработка по 2 руб. на человѣка, а оттуда до мѣста работъ то же продовольствіе, какъ въ первомъ договорѣ 1883 г. Въ контрактѣ съ Ниманскою К^о 1883 г. сказано: „К^о обязывается доставить насъ отъ сборнаго пункта до г. Благовѣщенска на Амурѣ на компанейскихъ лошадяхъ, приче́мъ дозволяется намъ брать не болѣе 20 ф. своего имущества. Стоимость провоза нашего отъ сборнаго пункта до Благовѣщенска К^о опредѣляетъ въ 25 р. на каждого и сумму эту относить въ счетъ каждому изъ насъ. Во время путешествія мы обязаны во всемъ подчиняться довѣренному или лицамъ отъ него назначеннымъ для сопровожденія насъ. Слѣдовать мы должны ежедневно и, если по усмотрѣнію довѣреннаго, повадоби́ться сдѣлать дневу для отдыха, то на слѣдующій день обязаны мы одинъ станокъ идти пѣшкомъ. Въ сложности отдыхъ дается намъ черезъ каждыя 9 дней путешествія. Если К^о найдетъ нужнымъ отправить насъ изъ Благовѣщенска до Путиловой на подводахъ, то стоимость провоза относится на нашъ счетъ; далѣе же до мѣста назначенія мы должны слѣдовать пѣшкомъ, приче́мъ отъ К^о на каждыя 5 человѣкъ дается лошадь съ санями для перевозки слѣдующихъ съ нами припасовъ, фуража для лошадей и нашего имущества; при слѣдованіи въ одиночку какъ имущество свое, такъ и припасы обязаны мы нести на себѣ“. На продовольствіе во время пути отъ сборнаго пункта до Благовѣщенска К^о давала кормовыя деньги въ счетъ будущаго заработка, а на время путешествія изъ Благовѣщенска до присковъ она выдавала на свой счетъ по 3 ф. ржаныхъ сухарей, по $\frac{1}{2}$ ф. сушеного мяса въ сутки и по $\frac{1}{2}$ кирпичка чая въ мѣсяцъ. Въ договорѣ съ Зейскою К^о (въ 80-хъ гг.) между прочимъ было постановлено, что во время путешествія на пароходѣ рабочіе обязывались рубить и носить дрова, снимать въ случаѣ надобности пароходъ съ мели и т. п., „получая за все это время вознагражденіе отъ командира парохода по обоюдному уговореннымъ цѣнамъ, но не болѣе платы, назначаемой матросамъ“. Отъ Лунгинскаго склада до присковъ рабочіе обязывались идти пѣшкомъ, но въ случаѣ мелководья Зеи, если пароходы не будутъ въ состояніи подняться вверхъ, рабочіе обязывались идти пѣшкомъ на приски съ мѣста останова.

О путешествіи рабочихъ на промыслы въ отчетѣ г. Оранскаго за 1893 г. сказано: рабочіе, нанятые для Верхне-Амурской К^о въ Верхнеудинскомъ и Нерчинскомъ округахъ Забайкальской области, слѣдуютъ въ мартѣ и апрѣлѣ до Срѣтенска, затѣмъ продолжаютъ путь на пароходахъ К^о до Благовѣщенска и далѣе вверхъ по Зеѣ до Зейской пристани или Дамбукинскаго склада (650 и 740 верстъ), откуда уже слѣдуютъ на приски пѣшимъ порядкомъ: отъ пристани 140 и отъ склада около 35 верстъ. Рабочіе, нанятые въ Благовѣщенскѣ для Зейской К^о, ѣдутъ на пароходѣ до Лунгинскаго склада, т.-е. верстъ 650, а отъ склада на приски идутъ пѣшкомъ 140 в. Рабочіе для ниманскихъ присковъ были наняты исключительно въ Благовѣщенскѣ; нѣкоторые изъ нихъ ѣдутъ на лошадяхъ до деревни Бахиревой (200 верстъ отъ Благовѣщенска), а затѣмъ 450 в. идутъ пѣшкомъ до присковъ по льду р. Буреи и около 100 в. тайгою; другіе дѣлаютъ весь путь пѣш-

комъ отъ самаго Благовѣщенска ¹⁾). На пути рабочіе получаютъ отъ нанимателей такое продовольствіе: въ среднемъ имъ выдается на каждыя въ сутки 2½ ф. сухарей, 1 ф. мяса (или вмѣсто него 10—15 в.) и на 30 человѣкъ ³/₄ кирпича чаю. Продовольствіе это получали только такъ называемые общеконтрактные или „хозяйскіе“ рабочіе, золотникамъ же его не полагалось ²⁾).

Ниманская К^о, при наймѣ рабочихъ въ Благовѣщенскѣ, подвергаетъ ихъ строгому медицинскому осмотру, производящемуся врачомъ, и при этомъ, кромѣ больныхъ, не принимаютъ и малокровныхъ. Въ Зейской К^о, кромѣ медицинскаго осмотра при наймѣ, производилось вторичное освидѣтельство всѣхъ рабочихъ по прибытіи на промыслы, и оказавшихся серьезно больными, особенно заразительными болѣзнями, немедленно отправляли съ присковъ въ Благовѣщенскъ ³⁾).

Хотя въ контрактахъ, заключаемыхъ рабочими, обозначалось, на приски какой компаніи они нанимаются, но золотопромышленники обыкновенно предоставляли себѣ право передавать ихъ и въ другія компаніи. По договорамъ Верхне-Амурской К^о 1871 и 83 гг. и Ниманской 1883 г. при такой передачѣ условія этихъ договоровъ должны были соблюдаться и на прискахъ той компаніи, куда переходили рабочіе.

Какъ и въ другихъ системахъ, золотопромышленники обыкновенно предоставляли себѣ право разсчитывать рабочихъ по своему усмотрѣнію во всякое время ⁴⁾). Прежде пользоваться этимъ правомъ въ слишкомъ значительномъ размѣрѣ мѣшали большіе задатки; однако въ 1874 г. въ Верхне-Амурскомъ золотопромышленномъ округѣ изъ числа 1350 человѣкъ было въ теченіе операціи разсчитано и вывезено на пароходахъ до Срѣтенска 110 чел. (8% ⁵⁾); напротивъ, г. Оранскій въ отчетѣ за 1889 г. говоритъ, что рабочимъ, разсчитаннымъ до срока, предоставляется возвращаться, какъ имъ угодно: „ни лодокъ, ни пароходовъ компаніи давать имъ не обязаны по контракту“ ⁶⁾).

¹⁾ Иногда рабочіе вѣдутъ на купленной ими лошади, которую потомъ продаютъ присковому управленію или якутамъ, а не то даже на быкахъ, которыхъ потомъ сдаютъ хозяину по городской цѣнѣ. „Амур. Газета“ 1895 г., № 6, стр. 225; № 21, стр. 748.

²⁾ „Приамур. Вѣдом.“ 1894 г., № 26, стр. 11 (отчетъ Оранскаго); *Н. Бюлюбскій*, 100, 126. Въ 70-хъ годахъ мясо не входило въ составъ путевого продовольствія, какъ видно изъ проекта нормальнаго контракта, составленнаго въ 1875 г. амурскимъ губернаторомъ барономъ Оффенбергомъ. Арх. Ирк. Горн. Упр. К. 2566, № 206—152, л. 99.

³⁾ „Владивостокъ“ 1886 г., № 52, стр. 5; „Сибирь“ 1885 г. № 34.

⁴⁾ Случай возмутительнаго злоупотребленія этимъ правомъ см. „Амур. Газ.“ 1895 г. № 6, стр. 225.

⁵⁾ Арх. Ирк. Горн. Упр. К. 2568, № 167—211.

⁶⁾ Въ договорѣ Верхне-Амурской К^о 1886 г. сказано: „такъ какъ К^о не мо-

Изъ числа нанятыхъ рабочихъ на пріиски Амурской области въ 1879 г. не явилось менѣе 2⁰%, на пріиски Амурской и Приморской областей въ 1880—81 гг.—3⁰%, въ 1882—83 гг.—2⁰%, въ 1884 г.—1⁰%. По мѣрѣ того, какъ наплывъ рабочихъ на пріиски увеличивался, число неявившихся рабочихъ уменьшалось; такъ, по официальному отчету о золотопромышленности въ Амурской и Приморской областяхъ, въ 1887 г. не явился всего 1 рабочий ¹⁾.

Отдаленность амурскихъ промысловъ отъ населенныхъ мѣстъ и многія мѣстныя условія, затрудняющія доставку лошадей, сѣна и всего необходимаго для веденія дѣла, вызвали стремленіе по возможности замѣнять трудъ людей и животныхъ силою машинъ. Такъ, напримѣръ, на Ниманскихъ пріискахъ во второй половинѣ 70-хъ гг. была устроена желѣзная дорога съ вагонами, вмѣщающими каждый до 70 п. земли, такъ что при вскрышѣ торфовъ было постепенно устранено участіе лошади и таратайки: „все исполнялъ самъ собою скатывающійся съ мѣста свалки породы къ мѣсту работъ по рельсамъ вагонъ, который подходилъ прямо къ забою и послѣ нагрузки породы отталкивался отъ мѣста работъ своею артелью къ подъему, къ которому катился опять самъ собой; у подъема безъ участія рабочихъ онъ подхватывался безконечной цѣпью и поднимался на ту высоту, съ которой доставленная порода должна была сваливаться въ отвалы“. Въ 1878 г. на Ниманскихъ пріискахъ была установлена заказанная въ Германіи бочечная промывальная машина, съ вагоннымъ подъемомъ песковъ на машину и такимъ же способомъ откачиванія гальки по желѣзнымъ дорогамъ. Двигателемъ всѣхъ приводовъ былъ локомобиль. На Капитолининскомъ пріискѣ бр. Бутинныхъ (Амурской области) были устроены конно-желѣзные дороги. Въ половинѣ 80-хъ гг. примѣненіе паровой силы для приведенія въ движеніе золотопромывальныхъ бочечныхъ машинъ и для отвозки гальки по рельсовому пути было уже довольно распространено на амурскихъ промыслахъ, а именно, въ 1887 г. на пріискахъ Амурской и Приморской областей было всего 14 локомобилей и 2 паровоза. Въ 1886 г. въ Верхне-Амурской К⁰ устроено было, для предупрежденія кражи ночью золотоносныхъ песковъ, электрическое освѣщеніе, и стали соединять одинъ пріискъ съ другимъ

жесть имѣть всегда въ готовности пароходы для вывоза во всякое время рабочихъ, то тѣ изъ насъ, которые будутъ рассчитаны ранѣе или поздиѣ общаго расчета въ сентябрѣ, не имѣютъ права вывоза ихъ пароходомъ и, получивъ провизію, Джалиндинскіе на 10 дней и деньгами по 5 р., а Зейскіе на 20 дней и деньгами по 10 руб. должны выбыть съ пристаней“ (Прил. стр. 8).

¹⁾ Отчеты о золот. В. С. въ Горномъ Деп.; „Гор. Жур.“ 1882 г., № 9, стр. 371; „Прилож. I къ вып. 1 Сборн. офф. док. по упр. В. С., т. VII“, отч. горн. отд. за 1882 г., стр. 9; Арх. Ирк. Горн. Упр. К. 2775 № 200—188, л. 220.

телефонною сѣтью ¹⁾. Г. Оранскій въ отчетѣ за 1889 г. говоритъ: „Техническая часть золотого дѣла на Амурѣ, несмотря на относительно еще недолгое его существованіе, значительно опередила технику всѣхъ другихъ золотоносныхъ системъ Восточной Сибири, да пожалуй и не одной Сибири... Въ какомъ другомъ округѣ въ тайгѣ можно встрѣтить прекрасныя химическія лабораторіи, телеграфы, телефоны, электрическое освѣщеніе разрѣзовъ, правильно организованную почту?.. Въ послѣднее время только владѣльцы амурскихъ присковъ были отзывчивы къ движенію техники впередъ“. По словамъ отчета Иркутскаго Горнаго Управленія за тотъ же годъ, „на многихъ прискахъ отвозка гальки и эфеля производится въ вагонахъ посредствомъ безконечнаго проволочнаго каната“, а на одномъ прискѣ пески отъ забоевъ къ машинѣ доставлялись также проволочнымъ канатомъ; на двухъ прискахъ Верхне-Амурской К^о пески подвозились къ машинѣ въ вагонахъ, прицепленныхъ къ маленькому локомотиву по 25 штукъ; на третьемъ прискѣ той же К^о для доставки песковъ отъ забоевъ на машину устроена была однорельсовая желѣзная дорога системы Лартига, по которой одна лошадь везла до 25 нагруженныхъ вагоновъ, а возвращались они пустыми по наклонному рельсу (впрочемъ, эта желѣзная дорога системы Лартига вскорѣ оказалась непрактичною и была снята). Промывальныя машины на нѣкоторыхъ прискахъ приводятся въ дѣйствіе паромъ. Телефонъ существуетъ на прискахъ Верхне-Амурской (180 верстъ) и Зейской К^о (130 в.). Въ 1893 г. электрическое освѣщеніе было введено и на Амгунской системѣ ²⁾.

Вслѣдствіе неблагоприятныхъ мѣстныхъ условій, въ которыхъ находятся золотые промыслы Амурской области, сумма *всѣхъ расходовъ* при раздѣленіи на одного годового работника здѣсь весьма высока. Такъ на Ниманскихъ промыслахъ въ первые два года ихъ дѣйствія (во второй половинѣ 70-хъ гг.) эта сумма доходила почти до 2000 р. на одного годового работника; въ 1881 г. на тѣхъ же промыслахъ она была меньше (1416) р. ³⁾, но все-таки весьма высока сравнительно съ большинствомъ сибирскихъ золотоносныхъ системъ. Въ 1886 г. эта, такъ

¹⁾ „Горн. Журн.“ 1879 г., № 7, стр. 24, 1882 г., № 9, стр. 369; „Обзоръ Амур. обл. за 1885 г.“ стр. 10; тоже за 1886 г., стр. 17; Арх. Ирк. Горн. Упр. К. 2775 № 200—188, л. 220; „Вост. Об.“ 1887, № 28, стр. 4.

²⁾ Бацевичъ, 156; Арх. Ирк. Горн. Упр., дѣло канц. № 39; „Горн. Журн.“ 1890 г., т. II, стр. 361—370; „Примур. Вѣдом.“ 1894 г., № 26, прил. стр. 4, № 23, прил. стр. 3; „Амур. Газета“ 1895 г., № 20, стр. 718, срав. *Levat*, „L'or en Sibirie orientale“, Р. 1897, т. II, passim; „Вѣстн. Золотопр.“ 1897 г., № 4, стр. 82; *Н. Боголюбовскій*, 89, 94, 124, 125.

³⁾ П. Михайловъ. „Очеркъ разработки ниманскихъ золотыхъ промысловъ“ „Горн. Журн.“ 1879 г., № 7, стр. 18, матер. сообщ. Л. Θ. Пантелѣевымъ.

называемая, „стоимость въ годъ одного рабочаго“ на амурскихъ прискахъ колебалась между 850 и 1700 р. ¹⁾), въ послѣдніе же годы по системѣ Зен отъ 1000 до 1500 руб., а на Ниманѣ даже отъ 1500 до 1900 р. ²⁾). Стоимость добытаго золота въ Амурской области равнялась въ 1889 г.—9,200,000 руб., въ 1890 г.—9,725,000 р., въ 1891 г.—7,682,108 р. Раздѣливъ эти суммы на число рабочихъ по расчету на весь годъ, мы получимъ, что каждый годовой рабочій добылъ золота въ Амурской области въ 1889 г. на 3406 р., въ 1890 г. на 3487 р. и въ 1891 г. на 2260 руб.

Такимъ образомъ, несмотря на значительныя затраты на рабочихъ и другіе присковныя расходы, амурскіе золотопромышленники вслѣдствіе богатаго содержанія золота, получаютъ огромные доходы. Такъ, напримеръ, Ниманская К^о въ операцію 1881 г. затратила 556,269 р., а получила чистой прибыли 484,957 р., т.-е. 87% прибыли на затраченный въ этомъ году капиталъ, а въ 1892 г. та же К^о получила 83% ³⁾). Въ 1886 г. Верхне-Амурская К^о на затраченный капиталъ въ 1,930,600 р. получила чистой прибыли 1,921,400 руб., т.-е. почти 100%, Зейская же К^о затратила 485,800 р., а получила чистой прибыли 886,700 р., т.-е. 171% на затраченный капиталъ! ⁴⁾). Изъ золотопромышленныхъ компаній по системѣ р. Зен Джолонская въ 1890—94 гг. имѣла дохода отъ 43 до 196%, въ среднемъ 122%, Иликанская въ тѣ же годы отъ 17 до 112%, въ среднемъ 48%, соединенныя Зейская и Верхнезейская въ 1892—94 гг. отъ 3 до 53%, въ среднемъ почти 12%; всѣ эти три компаніи имѣли барыша въ 1890—94 гг. отъ 28 до 162%, а въ среднемъ за 5 лѣтъ 90% ⁵⁾).

По роду занятій присковныхъ хозяйскихъ рабочихъ (т.-е. кромѣ золотничниковъ) мѣстный окружной инженеръ Оранскій раздѣляетъ на 4 разряда: 1) горныхъ работниковъ, 2) мастеровыхъ, 3) надворныхъ и

¹⁾ *Надаровъ*. „Второй Хабаровскій съѣздъ“, 1886 г., стр. 41.

²⁾ „Сибирь и великая сиб. желѣз. дорога“, изд. 2-е, Спб. 1896 г., стр. 171; *Н. Боголюбовскій*, 72, 113, 187; въ томъ числѣ „стоимость годового рабочаго, въ буквальномъ смыслѣ этого слова, т.-е. плата ему и стоимость продовольствія составляли лишь небольшую часть, а именно, въ 1874 г. на Верхне-Амурскихъ промыслахъ средній заработокъ годового работника равнялся 265 р., а стоимость его продовольствія 175 р., итого 440 р. Арх. Гор. Упр. К. 2568, № 167—221, л. 178.

³⁾ Материалы, сообщ. Л. Ф. Пантелѣевымъ; „Вѣстн. Золотопром.“ 1893 г., № 21, стр. 192.

⁴⁾ „Обзоръ Амурск. обл. за 1886 г.“, стр. 17, ср. „Восточн. Обзор.“ 1889 г., № 14, стр. 8; „Труды III Хабар. съѣзда“, стр. 67. Впрочемъ нужно имѣть въ виду, „что въ золотомъ дѣлѣ основного, затраченнаго на предпріятіе капитала, погашаемаго въ болѣе или менѣе значительный періодъ времени, обыкновенно не существуетъ, а расчеты ведутся только на оборотный капиталъ“. *Бацевичъ*, стр. 146.

⁵⁾ *Levat.* „L'or en Sibérie orientale“ P. 1897, t. II, 417—420.

4) отрядныхъ. Мастеровыми онъ называетъ плотниковъ, кузнецовъ, слесарей, шорниковъ, печниковъ и пр., а надворными—конюховъ, хлѣбопеконъ, кашеваровъ, поваровъ, прислугу присковъ служащихъ и пр. Отрядные рабочіе заняты рубкою и распилкою лѣса, дровъ и перевозкою ихъ и получаютъ задѣльную плату по мѣрѣ сдачи работъ ¹⁾. Поденщины на горное дѣло составляли въ Ниманской К^о въ 1879 г. 31⁰/о, въ 1880 г. 45⁰/о, въ 1881 г. почти 49⁰/о, въ 1882 г. 42⁰/о, въ 1893—95 гг. на одномъ прискѣ этой К^о въ среднемъ 56⁰/о, на другомъ 64⁰/о (считая и вспомогательныя и приготовительныя горныя работы, т.-е. работы на канавахъ, штрекахъ и разнаго рода выемки). Въ Верхне-Амурской К^о въ 1881 г. поденщины на горное дѣло составляли почти 49⁰/о, въ 1895 г.—52⁰/о. ²⁾

Продолжительность рабочаго дня въ контрактѣ Верхне-Амурской К^о 1871 г. назначена съ 5 ч. утра до 8¹/₂ ч. вечера, причеъ на завтракъ, обѣдъ и отдыхъ полагалось 1¹/₂ часа, слѣдовательно 14 часовъ труда, работающіе же поурочно не должны были оставлять работу ранѣе исполненія урока. По контракту съ тою же К^о 1883 г. начало работы назначено въ 5 ч., окончаніе не ранѣе 8 ч., а въ теченіе этого времени 2 часа на завтракъ, обѣдъ и отдыхъ, т.-е. 13 часовъ рабочаго времени. По позднѣйшему контракту той же К^о 1886 г. рабочіе обязались трудиться зимою съ 1 ноября по 1 февраля съ 7 ч. утра до 5 вечера, а въ остальное время года съ 5 утра до 8 вечера, причеъ зимою на завтракъ, обѣдъ и отдыхъ полагалось 1¹/₂ часа, а въ остальное время 3 часа, слѣдовательно зимою рабочій день равнялся 8¹/₂ часамъ, а въ другіе мѣсяцы 12 часамъ. Работающіе по урокамъ должны были оставлять работу лишь по окончаніи урока ³⁾. По договору съ Ниманскою К^о 1883 г. рабочій день назначенъ въ 13 часовъ, а по договору съ Зейскою К^о первой половины 80 гг.—13¹/₂ часовъ ⁴⁾.

По официальнымъ отчетамъ о золотопромышленности въ Восточной Сибири въ 1879 г. на прискахъ Амурской области работали maximum 13 часовъ (очевидно лѣтомъ), minimum 7 ч. (безъ сомнѣнія зи-

¹⁾ „Приамур. Вѣдом.“ 1894 г., № 27, Прил. стр. I.

²⁾ Отчетъ главноупр. Ниман. К^о Л. О. Пантелѣева за 1882 г.; „Вѣстн. Золот.“ 1896 г., № 12, стр. 238—239; срав. „Восточн. Об.“ 1889 г. № 14, стр. 7—8; „Горн. Журн.“ 1890 г., т. II, 860, 865; „Амурск. Газ.“ 1895 г., № 22, стр. 778; *Н. Боголюбовскій*, 99.

³⁾ *Бацевичъ*, прилож. стр. 2.

⁴⁾ Арх. Ирк. Горн. Упр. К. 2689, № 259—313 л. 35. Если вѣрить доведенію одного врача, въ 1877 г. на Алексѣевскомъ прискѣ Верхне-Амурской К^о работали 9—10 часовъ въ сутки; въ 1895 г., по словамъ Н. Боголюбскаго, на прискахъ Верхне-Амурской К^о дѣйствительная продолжительность рабочаго дня равнялась 10 час. (стр. 105).

мою), въ 1880 и 81 гг. въ Амурской области maximum 12, minimum 6, въ Приморской области въ 1881 г. maximum 12, minimum 8. По отчету о золотопромышленности Амурской и Приморской областей за 1886 г. зимою рабочихъ часовъ полагалось 7—8, весною и осенью 9—10, лѣтомъ 12—13. Лѣтомъ было назначено на чай утромъ около 9 ч. и вечеромъ около 5 ч. по полчаса и на обѣдъ отъ 1½ до 2 ч. между 12 и 2 ч. дня ¹⁾).

На Тимофеевскомъ приискѣ Ниманской К^о была вычислена продолжительность присковыхъ работъ. Въ операцію 1893—94 г. чистая работа на пескахъ продолжалась отъ 9 ч. 16 м. въ сентябрѣ, до 12 ч. 16 м. въ июнѣ мѣсяцѣ, въ среднемъ же за 5 лѣтнихъ мѣсяцевъ равнялась 11 ч. 10 м. Но за это время не вырабатывался полный урокъ, для выработки же такого урока (7 куб. с. на артель въ 8 человекъ) требовалось отъ 11 ч. 48 м. въ маѣ и июнѣ до 13 ч. 46 м. въ сентябрѣ, а въ среднемъ за всю лѣтнюю операцію 12 ч. 46 м. Напротивъ на торфахъ полный урокъ вырабатывался въ 6 ч. 50 м. въ маѣ и въ 9 ч. 47 м. въ сентябрѣ, а въ среднемъ во всю лѣтнюю операцію въ 8 часовъ. Изъ приведенныхъ цифръ видно, что, по мѣрѣ приближенія осени, „энергія работы уменьшается, рабочий вырабатывается, и это явленіе происходитъ на столько правильно, что на него стоитъ обратить вниманіе“.

Служащіе на приискахъ объясняютъ болѣе медленную работу на пескахъ тѣмъ, что рабочіе стараются набрать побольше подъемнаго золота, а на торфахъ, напротивъ, работаютъ самымъ напряженнымъ образомъ, чтобы заняться затѣмъ старательскими работами. На обѣдъ лѣтомъ дается большой промежутокъ въ 2 ч. 20 м., чтобы успѣть выкормить лошадей, но рабочіе, на скоро пообѣдавъ, бѣгутъ стараться въ разрѣзѣ, „удлиняя такимъ образомъ рабочий день до 12—13 часовъ“.

На томъ же приискѣ было сдѣлано интересное наблюденіе: „на верхней машинѣ, *иде рабочий день былъ короче, производительность рабочаго была болѣе и работа шла интенсивнѣе*“ ²⁾).

О ночныхъ работахъ упоминается во всѣхъ извѣстныхъ намъ договорахъ золотопромышленниковъ Амурской области. Въ контрактѣ Верхне-Амурской К^о 1871 г. сказано: „если управленіе дѣлами компаніи найдетъ нужнымъ назначить насъ на ночныя работы, то мы не вправѣ ничѣмъ отговариваться и должны производить ихъ съ 7 ч. ве-

¹⁾ Дѣла Горн. деп., „Горн. Журн.“ 1882 г., № 9, стр. 374, Арх. Ирк. Горн. Упр. К. 2774, № 169—158, л. 208 об.

²⁾ Кирхнеръ, „О распредѣленіи продолжительности и производительности присковыхъ работъ“. „Вѣсти. Золотопр.“ 1896 г., № 18, стр. 255—258; срав. „Амурская Газета“ 1895 г., № 22, стр. 777—779.

чера до 6 ч. утра ¹⁾, само собою разумѣется, что при исполненіи работы ночью отдыхъ дается намъ днемъ" (тоже въ договорахъ этой компаніи 1883 г. и Ниманской К^о 1883 г.). По договору Зейской К^о (первой половины 80-хъ гг.) ночныя работы должны были продолжаться съ 6 ч. вечера до 6 ч. утра, а по договору 90-хъ гг. 10 часовъ дѣйствительной работы, съ перерывомъ въ одинъ часъ для отдыха ²⁾. Въ дѣйствительности такія работы могутъ существовать лишь при подземныхъ выработкахъ, а онѣ въ Амурской области мало распространены, такъ какъ работы вездѣ ведутся здѣсь открытыми разрѣзами, за исключеніемъ Ниманской системы ³⁾.

На промыслахъ Ниманской К^о работы идутъ круглый годъ. Промывка песковъ кончается между 10 и 25 сентября, затѣмъ до конца ноября производится вскрыша торфовъ, особенно, если они состоятъ изъ ила и тундры, которая работаетъ успѣшно и при мерзлотѣ. Развѣдки начинаются въ декабрѣ и усиливаются въ январѣ; въ февралѣ вывозится лѣсъ, и начинаются постройки; въ мартѣ снова вскрытіе торфа и разныя хозяйственныя работы; въ апрѣлѣ усиливается вскрытіе торфовъ. Кромѣ того, зимой добываютъ пески изъ шахтъ. Промывка песковъ начинается въ маѣ ⁴⁾.

Громадное большинство присковъ расположено въ предѣлахъ вѣчной мерзлоты, и почва въ теченіе дня оттаиваетъ лишь до $\frac{1}{2}$ арш. въ глубину (Зейская и Ниманская системы). Добычу золотоснаго пласта и доставку песковъ къ промывальнымъ машинамъ обыкновенно производятъ артелью по 7—8 чел. въ каждой при 3 или 4 лошадяхъ съ таратайками ⁵⁾.

Относительно уроковъ на горныхъ работахъ находимъ слѣдующія условія въ извѣстныхъ намъ контрактахъ. Въ договорѣ Верхне-Амурской К^о 1871 г. сказано: „артель изъ 8 человекъ при 3-хъ (а при дальній возкѣ при 4-хъ) лошадяхъ обязана вырабатывать ежедневно какъ на торфахъ, такъ равно и на пескахъ не менѣе 6 куб. саж. Если управленіе найдетъ нужнымъ выѣсто отвозки торфовъ лошадьми производить откатку ихъ тачками, то мы обязаны вырабатывать 8-ю человекѣми, при откаткѣ не далѣе 25 саж.,—5 куб. саж.“ (а по договору 1883 г. не менѣе 4-хъ саж.). Въ договорѣ Верхне-Амурской К^о 1886 г., урокъ измѣняется сообразно измѣненію разстоянія отвозки: „Артель изъ 7 человекъ, при отвозкѣ до 60 саж. при 2-хъ, до 150 саж. при 3-хъ и до 200 саж. при 4-хъ лош. должна вырабатывать ежедневно, какъ на торфахъ, такъ и на пескахъ не менѣе 5 куб.

¹⁾ Въ проектѣ нормальнаго контракта, составленнаго въ 1875 г. амурск. губ. Оффенбергомъ, онъ предлагалъ установить продолжительность ночной работы съ 7 ч. вечера до 5 ч. утра. Арх. Ирк. Гор. Упр., К. 2566, № 206—152, л. 100.

²⁾ *Levat*, II, 486.

³⁾ *Бацевичъ*, 72, 74—75, 156; „Амур. Газ.“ 1895 г., № 20, стр. 717.

⁴⁾ „Вѣст. Золот.“ 1893 г., № 9, стр. 139—140.

⁵⁾ *Бацевичъ*, 156—157.

саж.». При откатѣ на тачкахъ не далѣе 30 саж. артель изъ 7 чел. обязана выработать не менѣе $3\frac{1}{2}$ саж. По договору Ниманской К^о 1883 г. ¹⁾ урокъ при обычной отвозкѣ на лошадяхъ такой же, какъ въ договорахъ Верхне-Амурской К^о 1871 и 1883 гг., а далѣе сказано: „Если вмѣсто подвозки и отвозки песковъ, торфовъ, гальки и эфелей въ таратайкахъ на лошадяхъ будутъ устроены желѣзныя дороги и вагоны, то мы обязаны сами, безъ помощи лошадей, вагоны отъ мѣста спуска ихъ съ машины подкатывать къ забоямъ или къ другимъ назначеннымъ мѣстамъ и затѣмъ нагруженные откатывать къ мѣсту подъема ихъ на машину или на отвалы, отдавая при этомъ столько же работы, сколько должны отдавать при работѣ на лошадяхъ въ таратайкахъ и за ту же плату,“ т.-е. оставался тотъ же урокъ— $3\frac{1}{4}$ куб. саж. на человѣка. При отвозкѣ торфовъ и подкатѣ песковъ къ золотопромышленной машинѣ на тачкахъ 8 чел. рабочихъ должны были при откатѣ не далѣе 50 саж. выработать не менѣе $4\frac{1}{2}$ к. с. По договору 80-хъ гг. съ Зейскою, Верхнезейскою, Моготскою и Джолонскою К^о артель въ 8 чел. при 3-хъ лошадяхъ „или вагонами при оттаскиваніи паровою силою“ должна была выработать на торфахъ и пескахъ не менѣе 6 куб. саж. въ день, т.-е. такъ же, какъ въ договорахъ Верхне-Амурской и Ниманской КК^о, но далѣе сдѣлана такая оговорка: если же „артель на торфахъ или пескахъ будетъ отрабатываться ранѣе 7 час. вечера, то управленіе вправе увеличить выработку до 8 саж. съ повышевною платою за 2 добавочныхъ сажени. При откатѣ тачками не далѣе 30 с. артель въ 8 ч. должна была выработать не менѣе 4 саж. На пріискахъ Бутиныхъ урокъ въ 1884 г. былъ обычный: 8 чел. при 3-хъ или 4-хъ лошадяхъ должны были выработать 6 к. с., 7-ю же сажень за старательскую плату; въ томъ же году на Степано-Дмитріе-Харлампіевскомъ пріискѣ Тетюкова на торфахъ 5 чел. при 2 лошадяхъ должны были выработать 3 куб. саж., а на пескахъ $2\frac{1}{2}$ к. с. ²⁾, если же выработывали еще $\frac{1}{2}$ с., то получали старательскую плату какъ на

¹⁾ До 1883 г. уроки въ Ниманской К^о были гораздо менѣе. Вотъ какъ описываетъ процессъ увеличенія этихъ уроковъ въ началѣ 80-хъ годовъ главноуполномоченный этой К^о Л. О. Пантелѣевъ. Въ 1879 г. онъ засталъ на промыслахъ этой К^о такой порядокъ: нерѣдко можно было видѣть, что рабочіе не только распивали въ разрывѣ чай, но даже ложились отдыхать, „благодаря частымъ и продолжительнымъ остановкамъ машины. Не было тогда ни ухода въ лѣсъ, ни чрезмѣрнаго напыва въ больницы... Съ лѣта 1880 г., вслѣдствіе нѣкотораго урегулированія желѣзнодорожнаго способа, оказалась возможность потребовать отъ рабочихъ опредѣленной выработки. ...Въ тотъ же годъ появились случаи самовольнаго уклоненія отъ работъ и ухода въ лѣсъ, увеличился напывъ въ больницу, хотя лѣто было вообще благопріятное. На слѣдующій годъ обязательный урокъ былъ нѣсколько повышенъ—до $3\frac{1}{4}$ к. с. на артель въ 6 человѣкъ вмѣсто 3 к. с. предшествовавшего лѣта... Самовольныя отлучки въ лѣсъ если и не особенно увеличились, за то число больныхъ возросло до небывалаго размѣра. Правда стояло весьма ненастное лѣто“. Затѣмъ вслѣдствіе дальнѣйшаго улучшенія въ желѣзнодорожномъ способѣ доставки песковъ на машину „урокъ былъ повышенъ въ сложности до $3\frac{1}{2}$ к. с.... Число самовольно уклонившихся отъ работъ, особенно съ конца іюня стало болѣе, чѣмъ когда нибудь“. (Донесеніе Л. О. Пантелѣева директору Ниманской К^о). Однако въ контрактѣ Ниманской К^о 1883 г. находимъ урокъ еще болѣе значительный (артель въ 8 человѣкъ должна была выработать не менѣе 6 куб. саж.).

²⁾ Такой же урокъ былъ на пріискахъ Тетюкова на Амгунѣ въ 1893 г. „Приамурск. Вѣд.“ 1894 г., № 23, стр. 1.

торфахъ, такъ и на пескахъ ¹⁾. Въ 1889 г. въ Зейской К^о урокъ имѣнялся, смотря по времени года: артель въ 8 чел. при 3-хъ лошадяхъ обязывалась вырабатывать на торфахъ отъ 17 до 23 куб. арш. на человека (прежде около 20 куб. арш.), а при мерзлотѣ лишь 14 куб. арш. на человека (около $\frac{1}{4}$ куб. саж.) ²⁾.

Въ 1893 г. Оранскій въ своемъ отчетѣ о золотопромышленности въ Амурской области указываетъ такіе размѣры уроковъ: „Чѣмъ труднѣе пески поддаются кайлѣ“, говоритъ онъ, „чѣмъ больше въ нихъ крупныхъ камней, тѣмъ число куб. саж. на урокъ меньше... Такъ въ одномъ случаѣ урокъ на артель изъ 7 чел. при 3-хъ хозяйскихъ лошадяхъ составляетъ $5\frac{1}{4}$ к. с. песковъ или торфовъ“ ³⁾ (за добытое сверхъ урока полагается повышенная плата). „Въ другомъ случаѣ артель изъ 8 чел. обязана вскрыть 6 куб. саж.“, и въ первомъ, и во второмъ случаѣ на 1 чел. приходится по $\frac{3}{4}$ к. с., разница только та, что во второмъ случаѣ то же количество лошадей очевидно полагается не на 7, а на 8 чел.; въ третьемъ случаѣ полный урокъ на артель изъ 8 чел. при 3-хъ хозяйскихъ лошадяхъ составляетъ 7 куб. с. торфовъ или песковъ ⁴⁾. Въ Ниманской К^о на торфахъ и пескахъ, смотря по времени года, характеру наслоеній и золотосодержащаго пласта, артель изъ 8 человекъ при 3—4 лошадяхъ обязана выработать дневной урокъ отъ $\frac{1}{4}$ до $\frac{1}{2}$ куб. сажени на человека; мерзлыхъ же торфовъ требуется $\frac{1}{4}$ куб. саж. на человека ⁵⁾. На Тимофеевскомъ принскѣ Ниманской К^о въ операциі 1893—94 и 94—95 гг. урокъ полагался 7 куб. саж. на 8 человекъ, и на торфахъ онъ вырабатывался вполне, но на пескахъ въ 1894—95 г. было выработано въ среднемъ лишь 79, 5% полного урока (полный урокъ вырабатывался лишь въ маѣ мѣсяцѣ) ⁶⁾.

Слѣдовательно на горныхъ работахъ задавались слѣдующіе уроки: при отвозкѣ на лошадяхъ на каждого человека приходится урокъ на талыхъ торфахъ и пескахъ отъ $\frac{5}{7}$ до $\frac{7}{8}$ куб. саж. въ день (въ Зейской К^о въ 1889 г. 17—23 куб. арш. талого торфа и 14 арш. мерзлаго); теперь на нѣкоторыхъ принскахъ урокъ доходитъ до 1 куб. саж. на человека ⁷⁾. Наименьшіе уроки, вѣроятно по условіямъ почвы, находимъ на принскахъ Тетюкова на Амгуни въ 1884 г.—на торфахъ $\frac{2}{3}$ и на пескахъ $\frac{1}{2}$ куб. саж. на человека. При откаткахъ на тачкахъ урокъ приходился на каждого на торфахъ отъ $\frac{1}{2}$ до $\frac{2}{3}$ куб. саж. ⁸⁾. Но вы-

¹⁾ Тѣ же уроки были и въ 1886 г. Оранскій, „Кратк. очеркъ Амурск. края“. Томскъ, 1886, стр. 51—52.

²⁾ Отчетъ Оранскаго въ Арх. Иркутск. Горн. Упр., дѣло канцел. № 89. Такой же урокъ былъ въ 1893 г. на принскахъ К^о Ельцова и Левашова на Амгуни при 3-хъ, а при дальней возкѣ при 4-хъ лошадяхъ. „Приам. Вѣд.“ 1894 г., № 23, прил. стр. 1.

³⁾ На принскахъ Амгунской К^о въ 1893 г. 7 чел. при отвозкѣ до 60 саж. на 2-хъ лош., до 150 саж. на 3-хъ и до 200 саж. на 4-хъ лош. обязаны были выработать 5 к. с. въ день. „Приам. Вѣд.“ 1894 г., № 23, прил. стр. 1.

⁴⁾ „Приам. Вѣд.“ 1894 г., № 27, Прил. стр. 1.

⁵⁾ „Амурская Газета“ 1895 г., № 22, стр. 779.

⁶⁾ „Вѣстн. Золот.“ 1896 г., № 13, стр. 255—256.

⁷⁾ Н. Боголюбскій, 29. 118, 165.

⁸⁾ Въ шахтовыхъ работахъ Ниманской К^о, производящихся зимою, установилась такая норма выработки: $\frac{1}{8}$ куб. саж. на человека, при чемъ обязаны ставить и крѣпи, а также откатывать и золотоносный песокъ къ зунфу, если разстояніе отъ мѣста ра-

работкою урока количество труда рабочих обыкновенно не ограничивается: оно значительно увеличивается вследствие обѣщанія повышенной платы за сверхурочную работу.

Повышенная старательская плата за сверхурочную работу по-нуждает рабочих напрягать свои силы. Въ 1889 г. урокъ Верхне-Амурской К^о равнялся 5 саж. торфовъ или песковъ на 7 рабочихъ, но посредствомъ повышенной платы за сверхурочную работу „всегда принимаются мѣры обезпечить 6-ю и 7-ю сажени“; однако „подобную каторжную работу способенъ вынести не всякій изъ прискателей; самые дюжіе къ половинѣ лѣта слабѣютъ, спускаются до 6 саж., потомъ до 5 и до *четырехъ*“ ¹⁾, слѣдовательно подъ конецъ уже не выполняютъ урока. Это свидѣтельство позволяетъ правильно понять показаніе г. Бацевича, что „хорошая артель обыкновенно (?) часамъ къ 3, 4 пополудни заканчиваетъ урокъ и продолжаетъ еще работать сверхъ урока до 6—7 ч. вечера“ (стр. 151): мы видѣли, что такое напряженіе силъ можетъ быть только временнымъ и приводитъ къ тому, что рабочіе бьвають, наконецъ, не въ силахъ вырабатывать я урокъ.

За недоработку урока въ Ниманской К^о (а вѣроятно и въ другихъ) полагаются вычеты, но если были уважительныя причины недоработки (дальняя возка, дождь, крѣпкая порода), то вычета не дѣлають. Рѣшеніе этого вопроса предоставляется смотрителю работъ ²⁾.

Старательскій трудъ хозяйскихъ рабочихъ допускается не только въ видѣ продолженія обязательной урочной работы, но также и въ видѣ отдѣльных стараній на золото съ платою съ золотника. „Даже самыя богатныя компаніи на Амурѣ“, говоритъ г. Бацевичъ, „прибѣгаютъ къ старательскимъ работамъ. Обыкновенно послѣ отработаннаго урока разрѣшается стараться на почвѣ и въ бортахъ. Часовъ послѣ 4 или 5 пополудни на любомъ прискѣ можно видѣть рабочихъ всевозможныхъ профессій, ихъ женъ, даже дѣтей и подростковъ съ лотками, подскребающихъ почву и роющихъ въ бортахъ“. Авторъ прибавляетъ, что это занятіе очень полюбили мѣстные инородцы—орочоны и тунгусы (стр. 153). Въ Ниманской К^о разрѣшается рабочему въ свободное отъ занятій время добывать на выработанныхъ мѣстахъ остатки песковъ, промывать на лоткахъ или небольшихъ бутаркахъ и сдавать пріемщику. Главный контингентъ этихъ старателей составляютъ разночинцы: конюхи, повара, квасовары и т. п. Артели, стоявшія на торфахъ или занимавшіяся поторжными работами, также идутъ стараться ³⁾.

боты до зунфа не болѣе 30 саж. Въ противномъ случаѣ дается особый отвѣтъ.
„Амурская Газета“ 1895 г., № 22, стр. 717, 718, 780; срав. Бацевичъ, 75.

¹⁾ А. Я. „Наша золотопромышленность“, „Восточ. Об.“ 1889 г. № 14, стр. 8.

²⁾ „Амур. Газета“ 1895 г., № 22, стр. 779.

³⁾ Ibid. № 21, стр. 750.

Относительно платы за горные работы мы находимъ слѣдующія условія въ извѣстныхъ намъ договорахъ. Въ контрактъ Верхне-Амурской К^о 1871 г. (при урокѣ на торфахъ и пескахъ *на лошадей* въ 6 куб. с. на 8 чел.) плата за торфа назначена *съ будни* 8-ми человѣкамъ 8 р. на артель, а именно за 4 первыя сажени по 1 р. за каждую, а за пятую и шестую—по 2 р.; *на пескахъ* по 10 р. на артель, а именно, за первыя 4 сажени по 1 р., а за пятую и шестую по 3 р. Въ *праздники* (въ табельные и воскресные дни) за исполненіе урока *на торфахъ* назначено 14 р., а именно, за первыя 4 сажени по 2 р., а за 5-ю и 6-ю по 3 р., *на пескахъ*—16 р., за первыя 4 саж. по 2 р. 50 к., за 5-ю и 6-ю по 3 р. Если же артель на пескахъ и торфахъ будетъ работать болѣе 6 сажень, то за 7-ю и болѣе сажень управленіе платитъ за торфа по 4, а за пески по 5 р.¹⁾ За исполненіе урока съ *ручной откаткою* на тачкахъ (5 куб. сажень восемью человѣками) назначена плата на торфахъ въ будни 10 р. (4 саж. по 1 р. 25 к., 5-я сажень—5 р.), въ праздники—16 р. (за первыя 4 саж. по 2 р. 50 к., а за 5-ю и 6-ю по 3 р.)²⁾ Слѣдовательно, при исполненіи урока на лошадяхъ каждый рабочій получалъ въ будни на торфахъ по 1 р. въ день, на пескахъ по 1 р. 25 к.; въ праздники—на торфахъ по 1 р. 75 к., на пескахъ—по 2 р.; при ручной откаткѣ на торфахъ въ будни 1 р. 25 к., въ праздники по 2 р. По договору съ Верхне-Амурской К^о 1886 г. артель изъ 7 чел., вырабатывая съ лошадьми на торфахъ и пескахъ не менѣе 5 куб. саж., должна была получать *съ будни и праздники* за торфа по 7 р. 50 к., а на пескахъ по 10 р. на артель; если же артель будетъ вырабатывать болѣе 5 саж., то за каждую сверхурочную сажень управленіе платитъ по 4 р., за пески по 5 р. „При откаткѣ песковъ или торфовъ *взвѣсн* лошадей вагонами по желѣзной дорогѣ не даѣе 50 саж. должна производиться та же плата, при чемъ, если для удобства нашихъ работъ потребуется передвинуть рельсовый путь въ отведенномъ для артели участкѣ, то такое передвиженіе должно дѣлаться самою артелью безъ помощи другихъ рабочихъ“. При ручной откаткѣ торфовъ и песковъ на тачкахъ (3¹/₂ к. с. на 7 чел.) артель должна была получать 10 р., а за каждую сверхурочную сажень по 5 р. (Бадевичъ, прил. стр. 2). Слѣдовательно, при исполненіи урока *съ будни и праздники* каждый рабочій получалъ при работѣ на лошадяхъ по 1 р. 7 к., на пескахъ по 1 р. 40 к., а при ручной откаткѣ по 1 р. 40 к., т.-е. плата на торфахъ съ лошадьми сравнительно съ договорами 1871 и 83 гг. была немного уменьшена (въ среднемъ за всю недѣлю около 4 к. въ день), а на пескахъ съ лошадьми и при ручной откаткѣ на торфахъ и пескахъ на столько же повышена (около 4 к. въ день). Такъ какъ работа по воскресеньямъ теперь вездѣ обязательна, то и не оказывается надобности побуждать къ работѣ въ праздничные дни повышенною платою. Ниманская К^о по договору 1883 г. давала меньшую плату, чѣмъ Верхне-Амурская К^о. Она обязывала также 8 чел. съ лошадьми вырабатывать на торфахъ и пескахъ не менѣе 6 куб. саж., но, производя меньшую плату за этотъ урокъ и давая повышенную плату за сверхурочную работу, болѣе напрягала силы рабочихъ. Въ будни на торфахъ за первыя 5 куб. саж. полагалось по 1 р. за каждую, за шестую по 2 р. 20 к., за 7-ю и болѣе сажень по 3 р., слѣдовательно, за 6 саж. артель получала 7 р. 20 к. или по 90 к. на каждого; на пескахъ за первыя 5 к. с. назначено по 1 р. за каждую, за 6-ю по 3 р., а за 7-ю и болѣе—по 4 р. 80 к.,

¹⁾ То же въ договорѣ съ Верхне-Амурской К^о 1883 г.

²⁾ По договору съ Верхне-Амурской К^о 1883 г. не менѣе 4 саж. съ платою въ 10 р.—за первыя 2 сажени по 1 р. 50 к., за третью 2 р. 50 к., за 4-ю 4 р. 50 к.; въ праздники 16 р.,—за первыя 3 сажени по 3 р., а за четвертую—7 р.

сѣдовательно, за урокъ въ 6 саж. артель получала 8 р.; т.-е. по 1 р. на каждого. Въ воскресные и неприсутственные дни на торфахъ и пескахъ производилась полutorная плата. При ручной откаткѣ торфовъ и песковъ (не менѣе 4 $\frac{1}{2}$ к. с. 8-ю человѣками) назначено за 3 $\frac{1}{2}$ к. саж. по 1 р. 20 к. за каждую, а выше—по 3 р., сѣдовательно, за исполненіе урока артель получала 7 р. 20 к., или каждый рабочій въ день (очевидно будній, хотя въ этомъ § нѣтъ оговорки относительно праздниковъ) по 90 коп. ¹⁾ Въ 90-хъ гг. Ниманской К^о плата за урокъ на торфахъ была назначена 1 р. 62 к., а на пескахъ 2 р. 16 к. каждому, но мы видѣли, какъ часто не вырабатывали здѣсь полныхъ уроковъ, а за недоработку могъ быть назначенъ вычетъ ²⁾. По договору съ Зейскою К^о (перв. полов. 80-хъ гг.) 8 чел., вырабатывая на лошадяхъ въ день 6 куб. с., должны были получать въ будни 8 р., а на пескахъ 11 р. (за первыя 4 с. по 1 р., за 5-ю—3 р., за 6-ю—4 р.); въ праздники на торфахъ 14, на пескахъ 16 р. (за первыя 4 саж. по 2 р., а за 5-ю и 6-ю саж. по 4 р.); сѣдовательно, въ будни каждый рабочій получалъ за выполненіе урока на торфахъ по 1 р., на пескахъ по 1 р. 37 к., въ праздники—на торфахъ по 1 р. 75 к., на пескахъ по 2 р. „Но если артель на пескахъ или торфахъ будетъ отрабатываться ранѣе 7 ч. вечера, то управленіе вправѣ увеличить выработку до 8 саж. (вмѣсто 6-ти!), съ платою за седьмую и восьмую саж. на торфахъ по 4 р., на пескахъ же по 5 р.“ (очевидно, что въ такомъ случаѣ рабочіе оканчивали бы работу гораздо позднѣе 8 часовъ). При ручной откаткѣ на тачкахъ 8 человѣкъ, вырабатывая не менѣе 4-хъ саж., получали 10 р. (за первыя 3 саж. по 2 р., за четвертую 4 р.), въ праздничные же дни по 16 р. (за первыя 3 саж. по 3 р., за 4-ю—7 р.), т.-е. на каждого рабочаго въ будни 1 р. 25 к., въ праздники 2 р. При откаткѣ далѣе 30 саж. плата должна увеличиваться по разсчету за каждыя 30 саж. разстоянія по 1 р. за выработанную сажень. ³⁾ Нѣсколько позднѣе въ Зейской К^о была сдѣлана обязательною выработка не 6, а 7 куб. саж.; Оранскій въ своей книгѣ (1886 г.) говоритъ: „Полный урокъ на артель изъ 8 чел. при 3-хъ хозяйскихъ лошадяхъ составляетъ 7 к. с. торфовъ или песковъ, за которые каждый рабочій артели получаетъ: за торфа въ будни 1 р. 50 к., въ праздники 2 р. 25 к. и за пески въ будни 2 р., въ праздники 2 р. 60 к.“ ⁴⁾

И такъ дневной заработокъ рабочаго при выполненіи урока на разныхъ пріискахъ равнялся при работѣ на лошадяхъ въ будни на

¹⁾ По отчету горн. исправ. Бурейской системы за 1884 г. за выработку торфовъ съ ручной откаткою на тачкахъ плата въ Ниманской К^о была на 25% болѣе, чѣмъ при работѣ на лошадяхъ. Арх. Иркут. Горн. Упр. К. 2771, № 110—100, л. 768.

²⁾ „Амурская Газета“ 1895 г., № 22, стр. 779.

³⁾ На Степано-Дмитріево-Харлампіевскомъ пріискѣ Тетюкова каждый рабочій при исполненіи урока съ лошадями получалъ на торфахъ и пескахъ въ будни по 70 коп., въ праздники 1 р. 40 к. (та же плата на пріискѣ Тетюкова была и въ 1893 г. „Приам. Вѣд.“ 1894 г., № 23, прил. стр. 1).

⁴⁾ Оранскій, стр. 5 и его отчетъ за 1889 г. въ дѣлѣ Канц. Иркут. Горн. Упр. № 39. Въ отчетѣ Бурейскаго горн. испр. за 1888 г. есть извѣстіе, что на Ниманскихъ пріискахъ въ этомъ году было нѣсколько рабочихъ, не взявшихъ при наймѣ задатковъ и потому получавшихъ на всѣхъ работахъ на 20% болѣе остальныхъ рабочихъ. Арх. Иркут. Горн. Упр. К. 2769, № 58/68, л. 679 об. Китайцы, работавшіе на пріискахъ Зейской К^о, на полномъ своемъ содержаніи получали за вскрытіе 1 куб. саж. торфовъ 2 руб. 80 к., за добычу 1 куб. саж. песковъ—3 руб. 50 коп. Оранскій, стр. 51.

торфахъ отъ 70 коп. до 1 р. 62 к., на пескахъ 70 к.—2 р. 16 к., въ праздники на торфахъ 1 р. 35 к.—2 р. 25 к., на пескахъ 1 р. 40 к.—2 р. 60 к.; при ручной откатѣ въ будни 90 к.—1 р. 25 к., въ праздники 1 р. 35 к.—2 р. (Верхне-Амурскою компаніею по позднѣйшему контракту установлена одинаковая плата въ будни и праздники, въ среднемъ выводѣ соотвѣтствующая прежней); одинаковая плата установлена и въ Ниманской К^о.

Въ предѣлахъ урока, чтобы побудить къ его выполнению, первыя сажени оплачиваются ниже послѣднихъ; такое повышеніе продолжается и за предѣлы урока, и за сверхурочную работу полагается особенно повышенная плата. Такимъ образомъ, путемъ напряженія силъ заработной на горныхъ работахъ могутъ быть увеличены и далѣе указанныхъ цифръ, но мы видѣли, что за такимъ чрезмѣрнымъ напряженіемъ наступалъ упадокъ трудовой способности. Хозяевамъ весьма выгодно давать рабочимъ такой сверхурочный заработокъ: „лошадь та же, таратайка та же, инструментъ тотъ же, рабочіе пользуются тѣмъ же содержаніемъ и проч. Вся разница будетъ состоять лишь въ томъ, что лошади и рабочіе проторчатъ въ разрѣзѣ лишніе 3—4 часа“. А отъ этого хозяевамъ громадный барышъ ¹⁾, несмотря на увеличенную плату за болѣе напряженный трудъ. Посредствомъ такого чрезмѣрнаго напряженія силъ (при которомъ на каждого рабочаго приходится добыть въ день около 1 куб. саж.) дневной заработокъ рабочаго поднимается, по словамъ г. Бацевича, до 2 р. и даже до 2 р. 75 к., не считая платы за подземное золото (стр. 148, 151).

Такъ какъ плата и въ предѣлахъ урока повышается за послѣднія сажени, вырабатываемыя артелью, то въ случаѣ его неисполненія рабочіе теряютъ непропорціонально недоработкѣ болѣе значительную часть вознагражденія. Понятно, что поэтому въ присковскихъ договорахъ Амурской области и не упоминается о вычетахъ за недоработку урока ²⁾.

За „подрядныя работы“, т. е. за пилку лѣса, выдѣлку кожъ, кирпичей, приготовленіе дегтя, смолы, угля, косьбу сѣна и проч. приско-

¹⁾ Какъ онъ великъ, см. въ статьѣ А. Я. „Наша золотопромышленность“, „Вост. Об.“ 1889 г., № 14, стр. 8.

²⁾ Изъ всѣхъ известныхъ намъ контрактовъ только въ договорѣ Ниманской К^о 1883 г. мы находимъ условіе относительно вычета за недоработку урока (при работахъ въ открытыхъ разрѣзахъ), а именно: присковому управленію предоставляется право „недоработанное количество сажень взыскать изъ переработки въ другіе дни, но если переработки въ томъ мѣсяцѣ не хватитъ для покрытія недоработки, то вычитать вообще изъ заслуги нашей по той цѣнѣ, по какой платить намъ само присковское управленіе“. Вычеты существовали въ Ниманской К^о и въ 90-хъ годахъ. „Амур-Газета“ 1895 г., № 22, стр. 779.

вое управленіе обыкновенно платитъ рабочимъ по взаимному договору задѣльную, а иногда поденную плату (по контракту Ниманской К^о отъ 40 к. до 1 р. 20 к. въ будни и отъ 50 к. до 2 р. въ праздники).

Въ договорахъ съ рабочими обыкновенно указывается размѣръ поденной платы, но въ слишкомъ неопредѣленныхъ выраженіяхъ, т.-е. не обозначено размѣра ея за ту или другую работу, а только указанъ maximum и minimum. Такъ, по договору Верхне-Амурской К^о 1871 г. „во всѣхъ вспомогательныхъ, поторжныхъ и надворныхъ работахъ, при крѣпленіи и очисткѣ канавъ, при завалкѣ песковъ, при промывкѣ, уборкѣ и отвозкѣ гальки и эфелей, на отвалахъ и прочихъ подъемныхъ работахъ, смотри по времени года и роду работъ“, условлено было платить поденно каждому отъ 30 к. до 1 р. 50 к. (въ договорѣ 1883 г. отъ 30 к. до 1 р.) въ будни, а въ праздники вдвое болѣе. По договору съ Ниманскою К^о 1883 г. поденная плата назначена была въ будни 40 к.—1 р. 25 к., въ праздники 50 к.—2 р. и при этомъ сдѣлана такая оговорка: „назначеніе платы поденной и мѣсячной, соразмѣрно количеству и качеству труда, нашему искусству и усердію, зависить отъ усмотрѣнія распорядителей компаніи, и мы не вправе требовать и просить болѣе назначеннаго, и исполнѣ предоставляемъ это назначеніе распорядителямъ К^о и претензіи никакой имѣть не должны“. По договору съ Зейскою К^о (80-хъ гг.), поденная плата равнялась въ будни 30 к.—1 р., въ праздники вдвое болѣе; въ договорѣ при этомъ добавлено, что на тѣхъ же условіяхъ и въ томъ же размѣрѣ работѣ должны получать плату за вскрытіе мерзлаго торфа.

Изъ отчетовъ мѣстныхъ горныхъ исправниковъ видно, что въ дѣйствительности рабочіе получили поденной платы въ 1881 г. въ Зейской и Верхне-Зейской К^о по 50 к.—1 р. въ будни и вдвое болѣе въ праздники, на поторжныхъ работахъ въ будни 30 к.—1 р. 20 к., въ праздники 50 к.—2 р. Въ 1883 и 84 гг. въ Ниманской К^о и на прискахъ бр. Бутиныхъ на поторжныхъ работахъ платили въ будни 30 коп.—1 р. 20 к., въ праздники 50 к.—2 р.; на прискѣ Тетюкова въ будни 25—75 к., въ праздники 50 к.—1 р. 50 к. Въ отчетѣ г. Оранскаго за 1889 г. указана поденная плата въ Зейской К^о (повидимому, въ нѣкоторыхъ работахъ, связанныхъ съ добычею и промывкою золота) въ размѣрѣ 60 к.—1 р. 20 к. въ день, на поторжныхъ работахъ—40 к., мастеровымъ 60 к.—1 р. 50 к., за надворныя и отрядныя работы 40 к.—1 р., причемъ о повышенной платѣ въ праздники не упоминается ¹⁾. Въ Ниманской К^о въ 90-хъ гг. за земляныя работы платили 80 к.—1 р. 50 к. въ день, плотникамъ зимою 1 р. 20 к., лѣтомъ 1 р. 60 к.,

¹⁾ Арх. Ирк. Горн. Упр.

слесарямъ и кузнецамъ 1 р. 50 к.—2 р. въ день, рабочіе при промы-
вальныхъ машинахъ 2 р. ¹⁾).

Женщины, находившіяся въ 1883 г. въ Ниманской Ко не въ по-
стоянныхъ, а во временныхъ работахъ, какъ-то: мытье половъ и проч.,
получали поденную плату въ 50 к. и винную порцію, но за продо-
вольствіе ихъ вычиталось 40 к. въ день.

Условія контрактовъ относительно мѣсячной платы такъ же не-
точны, какъ и относительно поденной, т.-е. такъ же обозначенъ тахішм
и мінішм платы для извѣстныхъ разрядовъ рабочихъ. Въ договорѣ
Верхне-Амурской Ко 1871 г. сказано: „Кто изъ насъ будетъ назначенъ
на постоянныя работы, то плата должна быть мѣсячная, а именно
плотникамъ, столярамъ, слесарямъ, кузнецамъ и шорникамъ отъ 25 до
45 р. (по договору 1883 г. 20—40 р.); молотобойцамъ, печникамъ и
каменщикамъ отъ 15 до 30 р. въ мѣсяцъ (по договору 1883 г. до
35 р.); конюховскому и артельному старостамъ, коноваламъ, конюхамъ,
бычникамъ, возчикамъ, поварамъ, квасоварамъ, кашеварамъ, хлѣбопе-
камъ, разсылнымъ, находящимся въ поисковыхъ и развѣдочныхъ пар-
тіяхъ отъ 15 до 35 р. (тоже по договору 1883 г.); старостамъ карауль-
нымъ, дрововозамъ, дроворубамъ и водовозамъ отъ 7 до 20 р.“ (по
договору 1883 г. 10—25 р.). Въ договорѣ Верхне-Амурской Ко 1886 г.
указаны точныя цифры мѣсячнаго жалованья разныхъ мастеровыхъ; оно
равняется съ 1 октября по 1 мая 18—30 р., а лѣтомъ 24—50 р. Въ
договорѣ Ниманской Ко 1883 г. мѣсячное вознагражденіе за постоян-
ныя занятія мужчинъ и женщинъ указаны огульно (10—45 р.), а въ
договорѣ Зейской Ко (80-хъ гг.) вознагражденіе мужчинамъ раздѣлено на
3 разряда (17—40 р., 15—30 р., 12—25 р.), и затѣмъ сказано, что
„назначеніе вышеозначенныхъ окладовъ жалованья по нашимъ трудамъ,
знанію дѣла и усердію зависитъ отъ управленія промысловъ, и мы не
вправѣ требовать и просить болѣе назначеннаго имъ оклада мѣсячной
платы“.

По отчету Верхне-Амурскаго исправника за 1880—81 г., плотники и кузнецы
получали 25—60 р. въ мѣсяцъ, чернорабочіе 12—60 р.; по отчету Бурейнскаго
горнаго исправника за 1881 г. мѣсячное вознагражденіе мужчинамъ на прискахъ
Зейской Ко раздѣлено на 3 разряда: 27—45 р., 15—30 р. и 15—25 р.; на прис-
кахъ Ниманской Ко платили: кузнецамъ 40—50 р., плотникамъ 1 разр. 35 р.,
чернорабочимъ и на отрядныхъ работахъ 20—45 р.; промысловщикамъ—45 р.,
сторожамъ 20 р. Въ 1883 г. по отчету горнаго исправника на прискахъ Ниман-
ской Ко плотники получали 25—45 р. въ мѣсяцъ зимою и 36—75 р. лѣтомъ, куз-
нецы 40—60 р., прислуга 10—25 р., а относительно присковъ Зейской Ко указаны
тѣ же цифры, что и въ 1881 г. На прискахъ Бутиныхъ въ 1883 г. кузнецы по-
лучали 30—50 р., плотники 25—45 р., чернорабочіе 15—40 р. Въ Верхне-Амурской

¹⁾ „Амур. Газета“ 1895, № 21, стр. 780.

К° въ 1883 г. зимою мѣсячное жалованье мужчинамъ равнялось 18—40 р., лѣтомъ 24—60 р. Въ 1884 г. по отчету Буренскаго исправника въ Ниманской К° указаны пять разрядовъ платы: 20—40 р. 15—30 р., 25—45 р., 15—25 р., 9—20 р., и такихъ большихъ цифръ, какъ въ 1883 г. (60, 75 р.), мы не встрѣчаемъ; на принскахъ Бутинныхъ—6 разрядовъ: 20—30 р., 20—45 р., 15—25 р., 25 р., 30 р., 10—20 р.; на Степано-Дмитріе-Харлампіевскомъ принскѣ Тетюкова мѣсячное жалованье (такъ же какъ и поурочная плата на горныхъ работахъ) ниже—10—25 р. ¹⁾ Въ 1885 г., по официальнымъ свѣдѣніямъ, мастеровые и ремесленники на амурскихъ золотыхъ промыслахъ получали жалованья отъ 20 до 45 р. въ мѣсяцъ, рабочіе на горныхъ работахъ, въ принсковыхъ и развѣдочныхъ партіяхъ 15—40 р., прислуга 10—25 р. ²⁾ Въ 1889 г. по отчету Оранскаго, на принскахъ Зейской К° за поторжныя работы платили 25—50 р. въ мѣсяцъ ³⁾. По отчету того же лица, въ 1893 г. на амурскихъ промыслахъ платили: зимою мастеровымъ 20—45 р., на дворянымъ 18—36 р.; лѣтомъ—первымъ 40—75 р., вторымъ 30—70 р. ⁴⁾ Въ Ниманской К° въ 90-хъ гг. конюхи, хлѣбопеки, сторожа и т. п. разночинцы получали отъ 30 до 40 р. въ мѣсяцъ, но жалованье нѣкоторымъ мастеровымъ доходило до 75 р. ⁵⁾ Въ Зейской К° въ 90-хъ гг. мѣсячное жалованье равнялось зимою 18—36 р., лѣтомъ 24—45 р. въ мѣсяцъ ⁶⁾.

И такъ мѣсячное жалованье мужчинамъ колебалось между слѣдующими наибольшими и наименьшими цифрами: въ 1881 и 83 гг.—15—60 р., въ 1884—85 гг.—10—45 р., въ 1889 г.—25—50 р., въ 1890-хъ гг. 18—75 р.

Женщины получали мѣсячное жалованье, какъ и въ другихъ системахъ, въ меньшемъ размѣрѣ. По договору Верхне-Амурской К° 1871 г. прачкамъ, стряпкамъ, коровницамъ, мукосѣйкамъ, прислугѣ и вообще за женскія работы полагалось 5—10 р. въ мѣсяцъ; по договору той же К° 1883 г.—5—12 р.; по договору, напечатанному г. Бачевичемъ, 10—15 р.; по договору Зейской К° (перв. полов. 80-хъ гг.) 5—12 р. По свидѣтельству горныхъ исправниковъ въ 1881 г. въ Зейской К° платили женщинамъ 5—12 р., въ Ниманской К° 7—15 р., въ 1883 г. въ Зейской К° 5—12 р., въ 1884 г. на принскахъ Ниманской К° 5—10 р., на принскахъ Бутинныхъ 8—20 р., на принскахъ Тетюкова 5—12 р. Въ 1883 г. въ Верхне-Амурской К° женщины получали 7 р. 50 к.—15 р. Въ 1885 г. женщины получали на амурскихъ промыслахъ 5—12 р., въ 1886 г. до 15 р., въ Зейской К° въ 90-хъ гг.—

¹⁾ Арх. Иркут. Горн. Упр.

²⁾ „Обзоръ Амурской области за 1885 г.“, стр. 11; въ такомъ же обзорѣ за 1886 г. сказано, что на горныхъ работахъ плата доходила до 60 р. (стр. 17). Оранскій въ 1886 г. также указывает размѣръ мѣсячнаго жалованья 10—60 р. (51 стр.).

³⁾ Арх. Иркут. Горн. Упр.

⁴⁾ „Приам. Вѣд.“ 1894 г. № 27, прил., стр. 1; ср. Ibid., № 23, прил. стр. 1.

⁵⁾ „Амур. Газета“ 1895 г., № 22, стр. 780; *Боготобскій*, 60.

⁶⁾ *Levat*, II, 438—439.

10—20 р. Следовательно, вообще мѣсячное жалованье женщинамъ колебалось между 5 и 20 р. ¹⁾).

Относительно платы за подъемное и старательское золото (которая выдавалась во время операций на руки), находимъ слѣдующія условія въ договорахъ амурскихъ золотопромышленниковъ. По договору Верхне-Амурской К^о 1871 г. за подъемное и старательское золото назначено по 1 р. 60 к. съ золотника, по договору той же К^о 1883 г.—1 р. 50 к. ²⁾; по договору ея же 1886 г.—по 2 р. 50 к. за золотникъ. По договору съ Ниманской К^о 1883 г. за подъемное золото по 2 р. („за подъемное же на машинѣ“ рабочіе не должны были требовать платы); по договору Зейской К^о (80-хъ гг.) за подъемное и старательское золото по 2 р. 50 к. за золотникъ; тѣ же цифры относительно Зейской и Ниманской К^о указываетъ горный исправникъ и въ отчетѣ 1881, 82 и 83 гг.; въ 1883 г. на прискахъ Бутинныхъ 2 р. 50 к.; въ 1884 г. въ Ниманской К^о 2 р.—2 р. 50 к., у Бутинныхъ 2 р. 50 к., у Тетюкова 1 р. 92 к. Въ 1885 г. на амурскихъ промыслахъ рабочіе получали за подъемное и старательское золото 1 р. 50 к.—2 р. 50 к. за золотникъ ³⁾. Въ 1886 г. на прискахъ Верхне-Амурской К^о за подъемное и старательское золото платили 2 р.—2 р. 50 к., на прискахъ Зейской К^о 2 р. 50 к., Ниманской—2 р. ⁴⁾ Въ 1889 г. по отчету Оранскаго, Верхне-Амурская К^о платила за подъемное и старательское золото 2 р. 50 к., Зейская 2 р. 50 к. за подъемное золото („а старательскія работы на прискахъ Зейской К^о не допускаются“) ⁵⁾. Въ 1893—95 гг. плата за подъемное золото равнялась—2 р. 50 к. съ золотника ⁶⁾, въ Ниманской К^о за подъемное и старательское золото 2 р. 88 к. ⁷⁾.

И такъ плата за подъемное и старательское золото, которая обыкновенно выдавалась во время операций на руки, равнялась въ Верхне-Амурской К^о въ 1871 и 1883 гг. 1 р. 50 к.—1 р. 60 к. за золотникъ, а на остальныхъ промыслахъ въ 80-хъ гг. 2—2 р. 50 к. Въ 1893—95 гг. плата за подъемное золото равнялась 2 р. 50 к.

На прискахъ Ниманской К^о плата за подъемное и старательское золото составляла въ 1881 г. 32% всего заработка, въ 1883, 84, 85 гг. 13%, въ 1886 г.—14%, въ 93 г. менѣе 12%, въ Зейской К^о въ

¹⁾ Въ Ниманской К^о бываетъ теперь жалованье и болѣе 20 р., но женщины неохотно идутъ на должности комнатной прислуги или, какъ выражаются рабочіе, на „кобыльи двory“. „Амур. Газета“ 1895 г. № 21, стр. 748.

²⁾ По поводу старательскаго золота въ этихъ договорахъ сдѣлана оговорка: „если присковское управленіе К^о въ видахъ увеличенія нашей зароботки, найдетъ насъ достойными допустить къ старанію на золото“. Въ 1875 г. на прискѣ на о-вѣ Аскольдѣ (южно-уссур. края) платили по 1 р. 50 к. за золотникъ подъемнаго золота. „Извѣст. В. С. Отдѣла Геогр. Общ.“ 1877 г., т. VIII, 77.

³⁾ Обзоръ Амур. Обл. за 1885 г., стр. 11.

⁴⁾ Оранскій, 51—52. Мы приводили уже выше свидѣтельство Бацевича (152 стр.) о старательскихъ работахъ на золото по окончаніи урока.

⁵⁾ Арх. Ирк. Горн. Упр.

⁶⁾ „Прим. Вѣд.“ 1894 г., № 30, прил. стр. 5; „Амур. Газета“ 1895 г., № 6, стр. 225.

⁷⁾ „Амур. Газета“ 1895 г., № 21, стр. 750.

1882 г. 9%, въ 83 г.—8%, въ 86 г. менѣе 2%; на приискахъ Бутиныхъ въ 1883 г. 14%, въ 85 г. около 20%; на приискѣ Тетюкова въ 1883 и 1885 гг. 2% всего заработка и въ Верхне-Амурской К^о въ 1886 г. 7% ¹⁾).

Въ Ниманской К^о на каждую артель въ 8 чел. дается кружка, куда и опускается подъемное золото; такъ какъ оно распредѣлено не равномерно, то артели постоянно мѣняются въ забояхъ съ подъемнымъ золотомъ и при этомъ соблюдается очередь ²⁾).

„Чтобы имѣть полное понятіе о роли подъемно-старательскаго золота“, говоритъ Л. О. Пантелѣевъ въ своемъ отчетѣ за 1882 г., „необходимо принять въ соображеніе, что оно въ извѣстной мѣрѣ восполняетъ заработную плату. На Верхне-Амурскихъ приискахъ (гдѣ подъемнаго золота меньше) въ 1879—80 г. заработная плата составляла 1 р. 3 к. на поденщину; за то же время на Ниманѣ (гдѣ много подъемнаго золота)—91 к. На приискахъ главная работа лѣтомъ, а въ эту пору въ Благовѣщенскѣ самый плохой рабочій можетъ получить не менѣе 2 р. на своемъ содержаніи, которое не дороже 50 к. въ сутки. Но мастеровой человѣкъ зарабатываетъ по 3 р. и даже болѣе. Если что и привлекаетъ рабочихъ на Ниманъ, такъ именно подъемное золото“. Въ 1896 г. на приискахъ Амгунской К^о, когда потянулось въ забояхъ богатое золото, рабочихъ перевели на худшія мѣста, но они приостановили работы, и приисковому управленію пришлось идти на компромисъ ³⁾).

Относительно продовольствія рабочихъ на промыслахъ мы находимъ слѣдующія условія въ извѣстныхъ намъ контрактахъ амурскихъ золотопромышленниковъ. По договору Верхне-Амурской К^о 1871 г., рабочіе должны были получать въ мѣсяцъ: муки ржаной или яричной, сколько съѣдятъ, но не болѣе 2 п. 10 ф. ⁴⁾), мяса свѣжаго или соленнаго по 1 п. 5 ф., а за неимѣніемъ того и другого сушеннаго по 30 ф., крупы ячной по 10 ф., сала топленнаго по 1½ ф., соли по 3 ф., чаю кирпичнаго по 1 кирпичу малаго размѣра. „Въ случаѣ недостатка крупы на кашу, управленіе можетъ замѣнить ее мясомъ, и тогда выдавать намъ вмѣсто 1½ ф. сала только по ¼ ф. При полученіи мяса мы не должны отказываться и отъ потроховъ, принимая ихъ за 30 ф. отъ каждой скотины, т.-е. за тотъ вѣсъ, какъ К^о принимаетъ отъ под-

¹⁾ Арх. Ирк. Горн. Упр.; „Обзоръ Амурск. области за 1886 г.“, стр. 18—19: „Вѣстн. Золот.“ 1893 г., № 11, стр. 178.

²⁾ „Амур. Газета“ 1895 г., № 21, стр. 749. На богатѣе золотомъ забой ставятъ также болѣе задолжавшихъ рабочихъ. „Амур. Газ.“ 1895 г., № 6, стр. 225.

³⁾ „Томскій Листокъ“ 1896 г., № 241, стр. 2.

⁴⁾ Въ дѣйствительности въ 1870 г. въ Верхне-Амурской К^о выдавалось рабочимъ печенаго хлѣба по 4½ ф. въ день. „Сибирь“, 1873 г., № 4, стр. 1.

рядчиковъ" ¹⁾. По договору Ниманской К^о 1883 г., нѣкоторыхъ припасовъ назначено было меньше. Такъ женщины, находящіяся при постоянныхъ занятіяхъ, должны были получать по 1 ф. мяса въ день, а если свѣжаго или соленого мяса не было, то мужчинамъ и женщинамъ полагалось по $\frac{3}{4}$ сушеного, крупы гречневой или ячменной по $7\frac{1}{2}$ ф., а женщинамъ по 5 ф., чаю кирпичнаго по $\frac{3}{4}$ кирпича обыкновеннаго размѣра въ мѣсяцъ. Въ случаѣ недостатка какихъ-либо припасовъ, управленіе могло замѣнить ихъ „равномѣрно“ другими. „Если компанія признаетъ нужнымъ ввести артельный котелъ, то предоставляетъ намъ самимъ въ теченіе 3 дней выбрать артельщика и кашевара, преимущественно изъ слабыхъ къ работѣ съ платою обомъ отъ компаніи; если мы не выберемъ, компанія назначаетъ“ ихъ „по своему усмотрѣнію“. Въ договорѣ Зейской К^о (первой половины 80 гг.) назначено было выдавать артельному старостѣ такое же продовольствіе на каждаго рабочаго, какъ и по договору Верхне-Амурской К^о 1871 г., только хлѣба, приготовленнаго изъ ржаной или яричной муки, полагалось не болѣе 5 ф. въ сутки на каждаго, а кирпичнаго чаю по $\frac{3}{4}$ кирпича. Въ случаѣ недостатка мяса управленіе могло замѣнить его кашею съ масломъ или саломъ. Такое же количество припасовъ указано и въ отчетахъ Иркут. Горн. Управленія о золотопромышленности Восточной Сибири въ 1879—87 гг. (въ Приморской области ²⁾ мяса выдавалось иногда меньше— $\frac{1}{4}$ ф.), и въ обзорахъ Амурской области на 1885—86 гг. Въ лѣтнее время приготовлялся квасъ ³⁾. То же выдавалось и въ 1893 г., причемъ количество хлѣба равнялось 2 п. 10 ф.—3 п. или по 4 ф. печенаго хлѣба ⁴⁾. По отчету 1895 г. мяса свѣжаго или солонины (въ Приморскомъ округѣ) рабочіе получали отъ 30 ф. до 1 п. 5 ф., крупы 7—10 ф., чаю кирпичнаго отъ $\frac{1}{4}$ до 1 кирпича, сала $1\frac{1}{2}$ —2 ф. или вмѣсто него масла скоромнаго отъ $\frac{1}{2}$ до 1 ф. въ мѣсяцъ ⁵⁾.

¹⁾ Такое же количество припасовъ опредѣлено и въ договорѣ этой компаніи 1883 г.; въ немъ было только добавлено, что $1\frac{1}{2}$ ф. сала присковое управленіе могло замѣнить 1 ф. масла. Въ договорѣ той же компаніи 1886 г., указано тоже количество припасовъ и пояснено, что кирпичъ чаю долженъ быть вѣсомъ до 2 ф. Приготовлять пищу по этому договору, кромѣ хлѣба, рабочіе обязывались сами.

²⁾ На островѣ Аскольдѣ въ Южно-Уссурийскомъ краѣ отпускалось въ 1875 г. на золотомъ промыслѣ на одного рабочаго русскаго 2 п. 10 ф. ржаной муки, 10 фун. пшеничной, 1 п. мяса, 15 ф. рыбы соленой, 1 ф. скоромнаго масла, 1 кирпичъ чаю, $2\frac{1}{2}$ ф. соли; на 1 манзу или корейца 2 п. риса, 2 п. буди, 10 ф. мяса, 15 ф. соленой рыбы, 7 ф. травяного масла, $\frac{1}{2}$ кирпича чаю, $2\frac{1}{2}$ ф. соли, причемъ содержаніе китайскаго рабочаго обходилось въ три раза дешевле, чѣмъ русскаго. „Извѣст. Вост. Сиб. Отд. Геогр. Общ.“ 1877 г., т. VIII, 77.

³⁾ „Обзоръ Амур. обл. за 1885 г.“, стр. 11.

⁴⁾ „Прим. Вѣдом. 1894 г.. Прил., стр. 1, № 27, Прил., стр. 1, № 30, Прил., стр. 4—5.

⁵⁾ „Вѣстн. Зол.“ 1897 г., № 4, стр. 82; ср. „Амур. Газ.“ 1895 г., № 21, стр. 750—

Врачъ, посѣтившій пріиски Верхне-Амурской К^о въ 1877 г., нашелъ, что рабочіе сверхъ отпускаемаго имъ количества мяса, выписываютъ его изъ пріисковой лавки еще фунтовъ по 10 въ мѣсяцъ. Пищу, по свидѣтельству врача, рабочіе получали хорошую ¹⁾. Но не на всѣхъ промыслахъ продовольствіе было удовлетворительно. Въ Верхне-Зейской К^о въ 1885 г. изъ за выдачи солонины рабочіе на нѣсколько дней прекращали работу и часть ихъ ушла съ пріиска (см. ниже гл. X). Чиновникъ, назначенный для производства дознанія по этому дѣлу, нашелъ, что „Верхне-Зейская К^о безусловно виновата, не принявъ мѣръ по заявленіямъ о порченной солонинѣ, а напротивъ того, по удостовѣреніи сего факта, продолжала выдавать рабочимъ таковую на половину со свѣжей“, чѣмъ „сама дала право“ рабочимъ не выйти на работу ²⁾.

Въ обзорѣ Амурской области за 1886 г. (стр. 18) замѣчено, что въ числѣ продуктовъ, выдаваемыхъ рабочимъ, необходимы были-бы кислая капуста и картофель, „предупреждающія цынготныя болѣзни, которыя развиваются у пріисковыхъ рабочихъ при работѣ въ сырыхъ шурфахъ“. Снабженіе этими припасами, по мнѣнію администраціи, „не можетъ затруднить золотопромышленныя компаніи, такъ усѣбно поставившія свои дѣла“, а потому военный губернаторъ рекомендовалъ завѣдывающимъ пріисками непремѣнно заготовлять эти припасы для рабочихъ въ достаточномъ количествѣ. Напротивъ окружной ревизоръ въ своей книжкѣ объ амурскихъ промыслахъ, изданной въ томъ же 1886 году, увѣряетъ, будто рабочимъ бесплатно отпускается для приправы капуста и картофель; по свидѣтельству отчета 1886 г. о золотопромышленности Амурской и Приморской областей, въ приварокъ даются рабочимъ овощи, квасъ и уксусъ. При значительномъ количествѣ рабочихъ пища приготавливалась въ общихъ котлахъ кашеварами, содержимыми на счетъ пріисковыхъ компаній подъ наблюденіемъ избраннаго рабочими старосты; при маломъ же числѣ рабочихъ они готовить пищу сами въ кухняхъ, устроенныхъ при рабочихъ казармахъ ³⁾. Но уже въ отчетѣ за 1889 г. сказано, что въ большинствѣ случаевъ рабочіе получаютъ припасы на руки и сами готовятъ пищу ⁴⁾. Въ Ниманской К^о рабочіе устраивались съ варкой пищи такъ: разбивались на артели человекъ по 8—10, подражали бабу съ платою по 1 руб. съ человекъ въ мѣсяцъ, давали ей необходимую провизію, и баба продо-

751, Н. Боголюбскій, *passim*. Въ Зейской К^о—кирпичнаго чаю 2 ф., масла 1 ф., сала 1 1/2 ф. *Levat*, II, 441—442.

¹⁾ Арх. Ирк. Горн. Упр. К. 2589 № 259—313, л. 37, 47.

²⁾ „Сибирская Газета“ 1886 г. № 5, стр. 149; „Сибирь“ 1885 г., № 39, стр. 7—8.

³⁾ *Оранскій*, стр. 52.

⁴⁾ Дѣла Горн. Департ.

вольствовала ихъ. „Какъ-то одинъ изъ управляющихъ вздумалъ-было уничтожить варку пищи въ казармахъ. Онъ хотѣлъ завести общій котелъ, гдѣ, подѣ наблюдениемъ выборныхъ изъ рабочей команды, готовилась бы пища. Но сопротивление рабочихъ было такъ велико, что пришлось отказаться отъ этой затѣи. Хлѣбъ пшеничный и крупчаточный пекутъ въ хлѣбопекарняхъ. Тамъ же готовится для команды квасъ, а лѣтомъ въ разрѣзахъ стоятъ бочки съ квасомъ, чтобы рабочіе не пили почвенной воды“ ¹⁾).

По официальному свидѣтельству, продовольствіе рабочаго въ теченіе года обходилось Верхне-Амурской К^о въ 1871 г. въ 175 р., въ 1881 г.—259 р. Ниманская К^о въ 1881 г. считала среднюю стоимость пропитанія годового рабочаго на своихъ прискахъ въ 334 р., а на складахъ въ 162 р. Стоимость прокормленія рабочаго въ одинъ день равнялась на прискахъ Ниманской К^о въ 1879 г.—86 к., въ 1880 г.—90 к., въ 1881 г.—91 к.; на складахъ той же К^о въ 1879 г.—61 к., въ 1880 г.—46 к., въ 1881 г.—44 к. На складахъ стоимость содержанія рабочихъ понижалась, „благодаря удешевизнѣ провоза и болѣе правильному обезпеченію складовъ“ ²⁾). Въ КК^о Зейской, Иликанской и Джолонской средняя стоимость прокормленія рабочаго въ день въ новѣйшее время равнялась 51 к. ³⁾).

Въ Ниманской К^о около 1893 г. перевели рабочихъ съ хозяйскаго продовольствія на ихъ собственное съ выдачею стоимости продовольствія деньгами, при чемъ, какъ водится, обсчитали рабочихъ, опредѣливъ стоимость ихъ продовольствія въ 9 р. въ мѣсяцъ, тогда какъ въ дѣйствительности она превосходитъ 13 р. ⁴⁾). Зимой привозятъ капусту, картофель, мерзлое молоко, птицъ, и рабочіе запасаются на время этими продуктами. Курица стоитъ 2 р. штука, а яйцо 10 к.; зимою привозятъ замороженные яйца ⁵⁾). Въ Амгунской К^о въ 1895 г. пищевой паекъ выдавался также деньгами, кромѣ хлѣба, который отпускали безъ ограниченія, сколько потребуется ⁶⁾).

Винныя порціи выдавались рабочимъ на амурскихъ промыслахъ еще въ 70-хъ гг., но не въ достаточномъ количествѣ. Въ 1877 г. про-

¹⁾ „Амур. Газ.“ 1895 г., № 21, стр. 751.

²⁾ Арх. Ирк Горн. Управ. К. 2586, № 167—221, стр. 178. Матер., сообщ. Л. О. Пантелѣевымъ.

³⁾ *Levat*, II, 421.

⁴⁾ Сравни. „Вѣстн. Золот.“ 1896 г., № 22, стр. 398; *Н. Боголюбскій*, 59—60 (въ 1895 г. выдавалась, какъ видно, вся стоимость продовольствія).

⁵⁾ „Амур. Газ.“ 1895 г., № 20, стр. 720, № 21, стр. 748, 751.

⁶⁾ „Амур. Газета“ 1896 г., № 2, стр. 53. Продовольствіе натурою замѣнялось въ 1895 г. выдачею деньгами и на нѣкоторыхъ другихъ прискахъ. *Н. Боголюбскій*, 157, 166, 176.

мысли Верхне-Амурской К^о посѣтилъ мѣстный губернаторъ бар. Оффенбергъ и нашелъ разныя упущенія и безпорядки. Между прочимъ, онъ замѣтилъ, что „винную порцію получаютъ не всѣ рабочіе, какъ установлено циркуляромъ генераль-губернатора Восточной Сибири 22-го апрѣля 1877 г.“ и указалъ на это прѣисковому управленію чрезъ горнаго исправника ¹⁾). Управляющій Верхне-Амурскими прѣисками Корзакъ въ докладной запискѣ по поводу различныхъ замѣчаній губернатора, представленной генераль-губернатору Восточной Сибири, по вопросу о винныхъ порціяхъ говорить, что онѣ дѣйствительно не ежедневно даются всѣмъ рабочимъ, и что въ этому золотопромышленниковъ никто не обязывалъ ²⁾). „Винная порція, между прочимъ, дается рабочимъ и въ видѣ поощренія или вознагражденія за трудъ, и съ гигиеническою цѣлью, и въ холодную и ненастную погоду. Рабочіе же далеко не всѣ заслуживаютъ поощренія и также не всѣ работаютъ ежедневно, а въ ненастную погоду не всѣ работаютъ въ разрѣзахъ. Компанія, расходуя ежедневно хлѣбнаго вина среднимъ числомъ болѣе $\frac{1}{100}$ ведра на рабочую поденщину, тѣмъ не менѣе рѣшительно не находитъ возможнымъ выдавать водку ежедневно всѣмъ безъ исключенія рабочимъ. Дать рабочимъ право требовать себѣ ежедневно винную порцію (какъ это заявилъ имъ чиновникъ, присланный на промыслы), значить лишить золотопромышленника всякой возможности пользоваться водкою „цѣлесообразно съ выгодною для рабочихъ (?) и работы“ ³⁾). Нѣсколько позднѣе въ той же К^о болѣе регулярно выдавались рабочимъ винныя порціи. Бывшій амурскій губернаторъ генераль-лейтенантъ Педашенко въ запискѣ, поданной генераль-губернатору Восточной Сибири въ 1885 г., упоминаетъ о томъ, что прежде, во время управленія имъ Амурскою областью, на промыслахъ Верхне-Амурской К^о ежедневно давалась рабочимъ отъ прѣисковаго управленія порція водки, а въ ненастное время даже два раза въ день, непьющимъ же выдавались вза-

¹⁾ Арх. Ирк. Горн. Упр. К. 2589, № 259—313, л. 37. Врачъ, осматривавшій въ этомъ году промыслы Верхне-Амурской К^о, сообщилъ, что „винная порція $\frac{1}{100}$ ведра выдается въ настоящее время не всѣмъ рабочимъ, но по заработкѣ, *прежде же выдавалась ежедневно всѣмъ*. Отказавшимся отъ винной порціи выдается чай байховый, сахаръ или что они пожелаютъ изъ пищевыхъ продуктовъ“.

²⁾ Въ циркулярѣ 22 апрѣля 1877 г. генераль-губернаторъ Восточной Сибири предписалъ горнымъ исправникамъ „предложить всѣмъ золотопромышленникамъ, чтобы рабочимъ отпускались достаточныя для поддержанія силъ винныя порціи, въ особенности въ ненастное время, съ выдачею взамѣнъ сихъ порцій тѣмъ изъ рабочихъ, которые вина не пьютъ, соотвѣстнаго количества масла, чаю и другихъ предметовъ, за исключеніемъ относящихся къ предметамъ роскоши, или съ занесеніемъ въ расчетные листы денегъ по стоимости порцій тѣмъ изъ рабочихъ, которые отъ нихъ отказутся“.

³⁾ Арх. Ирк. Горн. Упр. К. 2589, № 259—313, л. 14, 17, 37.

мѣнъ вина деньги, „и эта выдача отражалась благопріятно на здоровьѣ рабочихъ и нисколько не развивала между ними пьянства, а напротивъ, получая достаточное для поддержанія силъ количество водки, рабочіе не искали ея на сторонѣ, такъ что о спиртоносничествѣ тамъ въ это время не было и рѣчи“. Поэтому генералъ-лейтенантъ Педашенко высказался за установленіе обязательной ежедневной выдачи винной порціи въ размѣрѣ $\frac{1}{100}$ ведра ¹⁾).

Въ официальныхъ „обзорахъ Амурской области“ за 1885 и 1886 гг. сказано, что во время усиленныхъ работъ и въ праздничные дни рабочіе на каждомъ прискѣ получали винныя порціи ²⁾). На нѣкоторыхъ прискахъ порціи эти выдавались ежедневно. Бывшій главноуправляющій Верхне-Амурской К^о г. Янчуковский, въ своихъ замѣчаніяхъ по поводу проекта правилъ о наймѣ рабочихъ (1887 г.), говоритъ: „выдача водки обязательно производится“ (на прискахъ этой К^о) „въ размѣрѣ $\frac{1}{100}$ ведра на человѣка въ день и по $\frac{2}{100}$ въ праздники, но въ контрактѣ объ этомъ не упоминается, чтобы дать возможность лишать ея въ видѣ наказанія“ ³⁾). Окружной инженеръ въ отчетѣ за 1889 г. говоритъ: „водка подается рабочимъ одинъ—два раза въ недѣлю, а на нѣкоторыхъ прискахъ и ежедневно, причемъ непьющимъ рабочимъ взаменъ ихъ порцій вписываютъ въ расчетныя книжки по 10 коп. за каждую порцію“. На третьемъ Хабаровскомъ сѣздѣ (1893 г.) было засвидѣтельствовано, что опытъ выдачи непьющимъ вмѣсто порціи денегъ значительно увеличилъ число непьющихъ ⁴⁾). По отчету г. Оранскаго за 1893 г., „водка на нѣкоторыхъ прискахъ вовсе не подается рабочимъ, на другихъ 2—3 раза въ недѣлю, на третьихъ—ежедневно, а въ случаѣ ненастья и по двѣ порціи въ день“. По свидѣтельству г. Вацевича, Верхне-Амурская К^о выдавала порціи ежедневно, а другія компаніи по 2 раза въ недѣлю. Напротивъ, мѣстный горный исправникъ говоритъ, что водка отпускалась ежедневно по $\frac{1}{100}$ и на прискахъ въ бассейнѣ р. Амгуни, а въ ненастные дни и за особо трудныя работы порція удваивается ⁵⁾). Управляющій дѣлами Амгунской К^о золотопромышленникъ Першинъ въ запискѣ, представленной Хабаровскому сѣзду въ 1893 г., говоритъ: количество водки, выдаваемое каждому рабочему „въ видѣ винныхъ порцій, слишкомъ ограничено и

¹⁾ Арх. Ирк. Горн. Упр., дѣло канцел. № 11, л. 66.

²⁾ По отчету о золотопромышленности Амурской и Приморской областей за 1886 г.—„въ большіе праздники и дождливую погоду“. Арх. Ирк. Горн. Управ. К. 2774 № 169—158, л. 202 об.

³⁾ Арх. Ирк. Горн. Упр., дѣло канц., № 14, т. 2.

⁴⁾ „Труды III Хабаров. сѣзда“, стр. 68.

⁵⁾ „Приам. Вѣд.“ 1893 г., № 23, Прил. стр. 1, № 27, Прил. стр. 1. Вацевичъ, Матеріалы, стр. 151.

не удовлетворяетъ его потребности, которая по причинѣ продолжительнаго воздержанія, становится чрезвычайно настоятельной" ¹⁾. Въ Ниманской К^о винная порція давалась ежедневно всѣмъ рабочимъ, въ томъ числѣ и находящимся на работѣ женщинамъ, въ размѣрѣ ¹/₁₀₀ полугару. Въ дождливые дни выдавалось по двѣ порціи въ день: въ обѣдъ и вечеромъ. Мастерские и рабочіе, трудящіеся въ водѣ, получали по 2 порціи спирту, несмотря ни на какую погоду. Кто не желалъ пить своей порціи, тому записывали на приходъ 3 р. въ мѣсяцъ ²⁾. Амурскій губернаторъ бар. Оффенбергъ, при обзорѣ имъ Верхне-Амурскихъ промысловъ въ 1877 г., нашелъ, что ввозъ на промыслы спирта производится компаніею безъ его предварительнаго разрѣшенія. Но болѣе всего тайный ввозъ спирта производили мелкіе золотопромышленники, которые продавали его по баснословнымъ цѣнамъ инородцамъ и присковымъ рабочимъ; барыши, получаемые ими при этомъ, доходили до 450 р. на ведро. Такіе мелкіе золотопромышленники здѣсь, какъ и въ другихъ системахъ, нерѣдко фактивно заявляли прискъ, чтобы получить право провозить спиртъ, который они и обмѣнивали на краденое золото ³⁾.

Неудовлетворенная потребность рабочихъ въ винѣ вызвала появленіе на амурскихъ промыслахъ спиртоносовъ, число которыхъ увеличилось съ 1884 г., быть можетъ въ связи съ наплывомъ въ тайгу послѣ разгрома Желтуги массы ищущихъ заработка рабочихъ. Въ 1886 г. съ амурскихъ промысловъ уже писали, что „спиртоносами полна тайга. Конфискуя спиртъ и золото въ свою пользу, въ нынѣшнюю операцію на 7 прискахъ успѣли прослѣдить продажу 200 ведеръ спирта по 10 р. за бутылку или по 5 золотниковъ краденаго золота" ⁴⁾. По словамъ г. Янчуковского 1886 г., „продажа спирта въ Амурской области составляетъ хорошо организованный промыселъ". Чтобы купить спиртъ по 10—20 р. за бутылку, рабочіе крадутъ золото, обворовываютъ другъ друга. Это „до такой степени выгодный промыселъ, что спиртоносъ готовъ переносить какія угодно наказанія, не говоря уже о 50-ти рублевомъ штрафѣ или о сотнѣ розогъ, которыми его наградить какойнибудь управляющій съ досады на свое безсиліе прекратить продажу спирта, предварительно взявъ со спиртоноса росписку, что къ наказа-

¹⁾ „Труды III Хабаров. съѣзда“, 1893 г., стр. 144.

²⁾ „Амурская Газета“ 1895 г.; № 21, стр. 751. Порція на амурскихъ промыслахъ выдается лишь по выполненіи урока. „Амурск. Газета“ 1895 г., № 6, стр. 224. Непьющимъ на нѣкоторыхъ прискахъ записывается въ заработокъ по 10 к. ежедневно. *Н. Боялюбский*, 11, 21, 31, 60.

³⁾ „Сиб. Газ.“ 1883 г. № 13, стр. 333; „Труды III Хабар. съѣзда“ 1893 г., стр. 67.

⁴⁾ „Сибирь“ 1884 г. № 29, стр. 8; „Вост. Об.“ 1886 г. № 5, стр. 9.

нию себя розгами" онъ, т. е. спиртоносъ, „препятствій не имѣетъ" ¹⁾. Г. Оранскій говоритъ (1889 г.), что спиртоносовъ въ послѣднее время расплодилось очень много въ амурской тайгѣ, и что „борьба съ ними не легка". Спиртоносами, по его словамъ, бываютъ не только русскіе, но и якуты, „и это ремесло тѣмъ болѣе удастся имъ, что всѣ якуты прекрасно знаютъ тайгу и могутъ провести транспортъ спирта безъ всякой дороги". Спиртоносы продавали въ это время бутылку спирта по 8—10 руб. ²⁾, а въ первой половинѣ девяностыхъ годовъ отъ 100 до 300 руб. за ведро. Особенно развито спиртоносничество въ Зейской системѣ, куда спиртъ ввозится даже бочками. Спиртоносы нерѣдко подмѣшиваютъ въ вино табакъ, перецъ и даже дурманъ; случаи ихъ поимки чрезвычайно рѣдки ³⁾. По словамъ г. Оранскаго, „въ 1893 г. уменьшилось число лицъ, которыхъ мы привыкли называть спиртоносами въ буквальномъ значеніи этого слова, т.-е. такихъ лицъ, которые, купивъ спиртъ въ жиломъ мѣстѣ, несутъ его въ тайгу разными окольными путями, избѣгая встрѣчи съ казачьими разъѣздами. Зато въ нѣкоторыхъ системахъ Амурской области успѣшно торговали спиртомъ спиртоносы легальные, т.-е. нѣкоторые золотопромышленники, вытѣснивъ спиртоносовъ нелегальныхъ" ⁴⁾. Корреспондентъ „Восточнаго Обзорѣнія" утверждаетъ, что осѣдлый продавецъ спирта приносить болѣе вреда, чѣмъ спиртоносъ. Первый „обыкновенно приобретаетъ прискъ, ставитъ для виду 2—3 рабочихъ, а спирту вывозитъ человекъ на 200—300 и, засѣвъ въ своей берлогѣ, неуязвимо торгуетъ спиртомъ" ⁵⁾.

Бродячіе спиртоносы закупаютъ спиртъ въ Благовѣщенскѣ, вливаютъ его въ банки изъ подъ керосина, отверстія которыхъ заливаютъ оловомъ и зашиваютъ банки въ войлокъ. „Сдѣлавъ запасъ сухарей, масла, чаю, приготовивъ выюки, сговорившись съ товарищами, тщательно осматрѣвъ оружіе и приведя его въ исправность, темною ночью отправляется спиртоносъ въ тайгу. Верстъ 200 приходится ѣхать деревнями". Это пространство спиртоносы проѣзжаютъ только ночью, надѣвая на ноги лошадамъ, при проѣздѣ черезъ деревни, войлочные чулки. Въ тайгѣ спиртоносы выбираютъ близъ присковой системы высокую гору и устраиваютъ на ней свой таборъ, припрятавъ спиртъ подальше отъ шалаша. „Отдохнувъ и собравшись съ силами, два спиртоноса навьючиваютъ на свои

¹⁾ „Вост. Об." 1886 г. № 9.

²⁾ Арх. Иркут. Горн. Упр., дѣло канцел. № 39.

³⁾ „Обзоръ Амур. Обл. за 1892 г.", стр. 21; „Труды Хабар. съѣзда", стр. 67, 144; „Вост. Об." 1895 г. № 43; „Амур. Газета" 1895 г. № 22, стр. 782.

⁴⁾ „Приам. Вѣдом." 1894 г. № 27, Прил. стр. 9, ср. стр. 4. „Восточ. Обзор." 1895 г. № 43. Есть указаніе, что спиртоносничествомъ, въ виду его значительныхъ выгодъ, „не брезгаютъ даже лица, занимающія видное общественное положеніе" (конечно за чьей-либо спиной). „Вост. Обзор." 1894 г. № 27, стр. 3.

⁵⁾ „Вост. Обзор." 1895 г. № 12, стр. 2.

могучія спины по банкѣ спирта и пѣшкомъ отправляются на принскъ¹. При встрѣчѣ съ другими спиртоносами дѣло нерѣдко оканчивается убійствомъ менѣе осторожныхъ и предусмотрительныхъ. Въ 3 или 4 верстахъ отъ принсковаго стана спиртоносы прячутъ принесенныя банки и ночью крадутся на принскъ. Проникнувъ въ казарму, спиртоносы, отсчитывая извѣстное ему число спящихъ на нарахъ, безошибочно находятъ своего единомышленника изъ рабочихъ и общаются ему, гдѣ именно будетъ происходить торговля спиртомъ. На другой день рабочіе одинъ по одному то и дѣло бѣгаютъ въ лѣсъ; въ станѣ попадаются пьяные; въ казармахъ и на работахъ происходятъ драки, увѣчья; пьяные рабочіе стали требовательны, придирчивы, грубы... Ни принсковые рабочіе, ни хищники (тайно добывающіе золото на чужихъ площадяхъ), ни весь тотъ принсковый людъ, который окрещенъ именемъ „шпаны“, не питаютъ довѣрія къ спиртоносамъ и даже не любятъ ихъ. Правда, онѣ не выдастъ спиртоноса, пожалуй, поможетъ ему укрыться, очень рѣдко донесетъ на него, но это не изъ любви къ нему, а изъ страха предъ нимъ; всѣ знаютъ, на что способенъ спиртоносы. „Шпана“ удивляется подвигамъ этихъ людей, дрожитъ предъ ними, любитъ слогать, пересказывать и выслушивать разныя легендарныя исторіи объ нихъ, но съ большимъ презрѣніемъ относится лично къ нимъ и по возможности избѣгаетъ ихъ; причиною этому служить отсутствие въ спиртоносахъ всякаго чувства справедливости и даже той порядочности преступниковъ относительно сохраненія своихъ корпоративныхъ традицій, которыми такъ бахвалится и дорожитъ весь преступный людъ въ Сибири... Возвращаясь изъ тайги, дорогою спиртоносы стараются убить другъ друга, чтобы воспользоваться золотомъ убитого... При дѣлежѣ добычи у нихъ не обходится безъ ножа или револьвера, и тотъ изъ товарищей получаетъ больше, кто болѣе смѣлъ, нахаленъ и силенъ²).

Жилища рабочихъ на амурскихъ промыслахъ, несмотря на изобиліе здѣсь золота и большіе доходы здѣшнихъ крупныхъ компаній, требовали улучшеній.

Въ 1877 г. амурскій губернаторъ поручилъ полковому врачу Андреенку осмотрѣть въ санитарномъ отношеніи Алексѣевскій принскъ Верхне-Амурской К^о и Иннокентіевскій компаніи Сабашникова. О жилищахъ рабочихъ на первомъ изъ нихъ этотъ докторъ далъ весьма хорошій отзывъ³), также, какъ и о жилыхъ помѣщеніяхъ на Иннокентіевскомъ принскѣ. Но губернаторъ, при личномъ посѣ-

¹) Я. Домбровский. „Спиртоносы Амурской тайги“. „Приамурскія Вѣдомости“, 1894 г., № 142, стр. 8—10. Тайною торговлею спиртомъ занимались также и казаки, в разныя подрядчики по перевозкѣ грузовъ. „Сибирь“ 1884 г., № 29, стр. 8.

²) На Алексѣевскомъ принскѣ, для помѣщенія рабочихъ были устроены два зданія, раздѣленные капитальными стѣнами, одно на 3 отдѣленія, другое на 2. „Зданія“, по словамъ доктора, „новы, хорошей постройки, не штукатуренныя и не обѣшенныя... Печи вездѣ желѣзныя, хорошо устроенныя... Казармы свѣтлы, съ насланными изъ плахъ полами, содержатся довольно чисто... Рабочіе помѣщаются на полатахъ (нарахъ), устроенныхъ по стѣнамъ казармъ изъ досокъ. Постели у рабочихъ собственныя, состоятъ изъ войлоковъ, покрываются же онѣ верхней одеждой. Во время дня постели скатываются и убираются къ стѣнамъ казармы, такъ что полы совершенно свободны. Нѣкоторые изъ рабочихъ находятъ удобнѣе спать на чердакахъ казармъ, обширныхъ, содержимыхъ чисто, но съ однимъ только неудобствомъ, что дымовныя трубы выведены на чердаки и при тонкѣ печей наполняютъ ихъ дымомъ. Въ казармахъ помѣщается по 30 душъ“.

щенія, нѣсколько мѣсяцевъ позднѣе, Верхне-Амурскихъ присковъ, пришелъ къ нѣмъ заключеніямъ относительно жилищъ рабочихъ. Въ предписаніи къ мѣстному горному исправнику бар. Оффенбергъ говоритъ: „казармы, въ которыхъ помѣщаются рабочіе, приходятъ уже въ ветхость, худо ремонтируются, полы сгнившіе и вообще казармы имѣютъ видъ темный и грязный, что происходитъ отъ неудовлетворительнаго ихъ устройства, а главное, отъ недостатка оконъ и неимѣнія надлежащаго надзора за чистотой“. Управляющій Верхне-Амурской К^о Корзаковъ, въ докладной запискѣ генералъ-губернатору Восточной Сибири, утверждалъ, что обвиненія губернатора „отчасти вполнѣ несправедливы и искажаютъ дѣйствительность“, и возражалъ на нихъ слѣдующее: „казармы на резиденціи и Васильевскомъ прискѣ (также и на 3 другихъ работающихъ прискахъ, на которыхъ, впрочемъ, губернаторъ не былъ) построены всѣ послѣ 1872 г., почему ветхими быть не могутъ“. Указавъ затѣмъ на размѣръ казармъ и на то, что въ каждомъ отдѣленіи отъ 2 до 5 оконъ, Корзаковъ утверждалъ, что недостатка въ окнахъ нѣтъ. Губернаторъ нашель, что казармы имѣютъ видъ „темный и грязный; на это можно только замѣтить, что едва-ли возможно, чтобы по характеру и образу жизни рабочихъ, занимающихся землею работою, казармы имѣли видъ менѣе темный и грязный“. Но губернаторъ, въ объясненіи, представленномъ генералъ-губернатору въ мартѣ 1878 г., настаивалъ на своемъ прежнемъ отзывѣ: „относительно устройства, ремонта и чистоты казармъ“, писалъ онъ, „могу только повторить то, что уже мною было высказано..., а именно, что, по моему мнѣнію, помѣщенія для рабочихъ необходимо считать приходящими въ ветхость, худо ремонтируемыми и имѣющими гнилые полы, вслѣдствіе того, что почти всѣ стѣны и потолки этихъ зданій, вѣроятно когда-то прямые, искривились, а полы, какъ на Васильевскомъ прискѣ, такъ въ особенности въ казармѣ на Джагиндинской резиденціи до того измѣнили свое первоначальное, вѣроятно тоже ровное, положеніе, что приняли видъ рѣзко отдѣлившихся уступовъ, и я лично едва не подвергся паденію, проходя по одному изъ тѣхъ половъ, которые г. Корзаковъ считаетъ исправными. Кромѣ того, и отчасти по тѣмъ же самымъ причинамъ, я нашель казармы грязными, темными и неудовлетворительнаго устройства, потому что эти строенія, а въ особенности та-же Джагиндинская казарма съ своими грязными, кривыми стѣнами и сгнившими, искривленными полами и вообще грязнымъ видомъ походила болѣе на этапную тюрьму, чѣмъ на квартиру лицъ, не лишенныхъ правъ состоянія и служащихъ по вольному найму въ золотопромышленной компаніи, имѣющей кажется достаточныя средства для лучшаго устройства этихъ помѣщеній“. Г. Корзаковъ въ своей докладной запискѣ говоритъ, что едва-ли возможно, чтобы по характеру и образу жизни рабочихъ, занимающихся землею работою, казарма имѣла видъ менѣе темный и грязный. Спрашивается, неужели темнота составляетъ необходимое условіе жизни рабочаго, занимающагося землею работою? И неужели такой рабочій останется недовольнымъ, ежели его помѣстятъ въ свѣтлую и чистую казарму? Генералъ-губернаторъ поручилъ члену совѣта главнаго управленія Восточной Сибири Ефимову осмотрѣть резиденцію и приски Верхне-Амурской К^о въ полицейскомъ и санитарномъ отношеніи; но Ефимовъ, узнавъ отъ амурскаго губернатора, что замѣченные беспорядки уже исправлены присковымъ управленіемъ, осмотрѣлъ только помѣщеніе для рабочей команды на Джагиндинской резиденціи этой компаніи и донесъ, что помѣщеніе это, устроенное въ 1872 г., вполнѣ исправно, содержится очень чисто и полы въ немъ вновь передѣланы; такіа казармы рабочихъ, по его словамъ, „могли бы служить образцовыми для всѣхъ золотопромышленниковъ“ ¹⁾.

¹⁾ Арх. Ирк. Горн. Упр. К. 2589, № 259-313, л. 10, 14, 16, 27-28, 35-36, 39, 48-49.

Но и въ 80-хъ гг. жилища рабочихъ на амурскихъ промыслахъ были далеко не вполне удовлетворительны. По словамъ г. Оранскаго (1886 г.), „казармы, хотя въ большинствѣ случаевъ и просторны, но въ гигиеническомъ отношеніи оставляютъ желать много лучшаго“. Онѣ „представляютъ болѣе или менѣе тонкостѣнные деревянные зданія, мало напоминающія жилые дома. Казармы на пріискахъ Амурско-Приморскаго округа недалеко ушли отъ казармъ въ другихъ нашихъ золотопромышленныхъ системахъ. Вся ихъ обстановка состоитъ изъ наръ и общаго стола посрединѣ“ ¹⁾. Просушиванье мокраго платья около желѣзной печки дѣлаетъ „воздухъ, особенно ночью, когда рабочіе всѣ въ сборѣ, невыносимымъ. Несмотря на это, рабочіе не слушаютъ никакихъ увѣщаній и упрашиваній о перемѣнѣ мѣста просушки своего мокраго платья, по преимуществу изъ-за того только, чтобы не ходить за нимъ утромъ, когда встаютъ, на улицу или въ отдѣльное помѣщеніе. Нельзя не винить въ этомъ отношеніи и золотопромышленниковъ, которые... не устраиваютъ казармъ съ теплыми корридорами, въ которыхъ можно бы просушивать мокрое платье при помощи тѣхъ же желѣзныхъ печей и самыхъ простыхъ приспособленій для вентиляцій. На нѣкоторыхъ промыслахъ устроено правда нѣчто вродѣ галлерей при казармахъ, но эти галлерей кѣ сожалѣнію заняты кроватами тѣхъ рабочихъ, которые предпочитаютъ чистый холодный воздухъ“ ²⁾. Ко всему надо прибавить, что грязь и обиліе насѣкомыхъ присущи казармамъ богатѣйшихъ амурскихъ компаній. Углы казармъ занимаютъ жены и дѣти“ рабочихъ. „На обязанности женъ лежитъ забота о чистотѣ казармъ, за что холостые рабочіе платятъ, кажется, повсемѣстно по 1 р. съ человѣка, но платятъ, однако, напрасно, такъ какъ грязь и тяжелый воздухъ преобладаютъ во всѣхъ казармахъ. На мои замѣчанія жены отвѣчали, что, несмотря ни на какія заботы, онѣ не могутъ содержать въ казармахъ чистоту, такъ какъ сами рабочіе ея не любятъ; и мнѣ стоило не мало усилій, чтобы хотя сколько-нибудь повліять на очищеніе казармъ отъ разныхъ насѣкомыхъ“. Эти слова г. Оранскаго возбуждаютъ вопросъ, не опасаются ли рабочіе, чтобы при усердной чисткѣ казармъ не исчезло у нихъ быть можетъ припрятанное золото. Въ отчетѣ за 1893 годъ г. Оранскій добавляетъ относительно казармъ русскихъ рабочихъ на амурскихъ промыслахъ, что въ нихъ „окна малы,

¹⁾ Въ отчетѣ г. Оранскаго за 1889 г. прибавлено: „или нѣсколькихъ маленькихъ, стоящихъ у наръ“.

²⁾ Въ отчетѣ за 1889 г. прибавлено: „кромѣ галлерей, такіе немногіе рабочіе помѣщаются лѣтомъ въ шалашахъ, устраиваемыхъ ими изъ лиственничной коры“... „зимнія казармы отличаются отъ лѣтнихъ тѣмъ только, что въ нихъ увеличено число желѣзныхъ печей“. Въ 1898 г. на пріискахъ Амгунской К^о строили двухъ-этажныя казармы съ отдѣльными галлерейми для просушки платья и обуви рабочихъ.

поль земляной". Неудовлетворительность жилищъ рабочихъ видна и изъ словъ горнаго исправника Маркевича, что на плохое состояніе казармъ „неоднократно обращалось вниманіе золотопромышленниковъ. Отсутствіе въ этомъ отношеніи какихъ-либо инструкцій и правилъ крайне стѣсняетъ“ и мѣшаетъ принятію какихъ-либо понудительныхъ мѣръ. По мнѣнію Маркевича, очень полезно было бы выработать общій типъ казармъ съ тѣмъ, чтобы съ нимъ соображались при постройкѣ новыхъ и исправленіи старыхъ казармъ ¹⁾. На промыслахъ мелкихъ золотопромышленниковъ рабочимъ „часто приходится строить для себя помѣщенія за неимѣніемъ казармъ и въ этихъ случаяхъ нечего говорить о пригодности новыхъ построекъ для жилья“ ²⁾.

Золотопромышленники пользуются здѣсь полнымъ правомъ монопольной торговли на прискахъ, которая въ другихъ системахъ, наприкладъ Енисейской, нѣсколько ослабляется допущеніемъ вѣзда вольныхъ торговцевъ. Относительно цѣнъ на припасы и товары мы имѣемъ свѣдѣнія изъ таксъ съ конца 70-хъ до половины 80-хъ гг. и затѣмъ за 1892 г.

Таблица, напечатанная въ приложеніи ³⁾, показываетъ, что съ 1879 по 1884 годъ цѣны на названные припасы и товары почти не измѣнились, а въ 1892 г. сравнительно съ первой половиной 80-хъ гг. былъ гораздо дешевле сахаръ: вмѣсто 40—60 к. онъ продавался по 26—30 к. за фунтъ; нѣсколько подешевѣлъ и холстъ съ 20—27 к. до 15—25 к. Здѣсь, какъ и въ другихъ системахъ, золотопромышленники пользуются значительными доходами отъ продажи на прискахъ товаровъ и припасовъ: такъ въ операцію 1891—92 г. Ниманская К^о получила отъ этой продажи чистой прибыли 15939 руб. ⁴⁾.

Относительно семействъ рабочихъ мы находимъ въ договорахъ золотопромышленниковъ слѣдующія условія. Въ контрактѣ Верхне-Амурской К^о 1871 г. сказано: „семействъ своихъ какъ брать съ собою, такъ и вызывать въ тѣ мѣста, гдѣ будемъ производить работы, не имѣемъ права безъ дозволенія управленія дѣлами компаніи или довѣренныхъ отъ него. Женщины, которыя съ надлежащаго разрѣшенія будутъ находиться при насъ, обязаны производить по распоряженію промысловаго управленія разныя работы, собственно женскія, какъ-то: мытье

¹⁾ „Приам. Вѣдом.“ 1894 г. № 27, Прил. стр. 2—3, № 23, Прил. стр. 2. И въ новѣйшихъ источникахъ мы находимъ упоминанія о „грязныхъ казармахъ, полныхъ клопами“. „Вѣст. Золот.“, 1896 г. № 22, стр. 398. Неудовлетворительныя и грязныя казармы на многихъ промыслахъ нашелъ Н. С. Боголюбскій и въ 1895 г. См. его отчетъ, стр. 88, 91, 92, 95, 96, 127, 142, 181.

²⁾ „Амур. Газ.“ 1895 г. № 6, стр. 225.

³⁾ См. *Дополненіе XIX*.

⁴⁾ „Вѣст. Золотопр.“ 1893 г., № 12, стр. 192. Ср. статью „Амурской Газетъ“, „Эксплуатація потребителей подъ видомъ золотопромышленности“, перепеч. въ „Вѣст. Золот.“ 1896 г. № 22, стр. 397—398.

половъ, бѣлья, уходъ за коровами, огородами, приготовленіе пищи, мытье и починку кулей и т. п.; за все это они получаютъ поштучную, поденную или мѣсячную плату по назначенію пріисковаго управленія. Тѣ изъ насъ, кои будутъ исполнять обязанности постоянныя, какъ-то: кухарки, прачки и проч., вправѣ пользоваться содержаніемъ отъ компаніи... и ежемѣсячнымъ жалованьемъ по назначенію пріисковаго управленія; тѣ же, на кои не будетъ лежать такихъ обязанностей, содержанія отъ компаніи не получаютъ и обязаны платить К^о по 4 р. въ мѣсяцъ, получая за то половинное отъ пріисковъ продовольствіе въ сравненія съ рабочими... За ослушаніе, дурное поведеніе, пьянство, буйство и проч. женщины могутъ быть немедленно удаляемы съ мѣста работъ и высылаемы съ пріисковъ. По договору съ тою же К^о 1883 г., назначено за такое же содержаніе женщинъ уже по 6 руб. въ мѣсяцъ. По договору съ тою же К^о 1886 г. женщины получали за эту плату только муку, въ количествѣ, выдаваемомъ рабочимъ мужского пола. По договору съ Ниманскою К^о 1883 г., если кто изъ рабочихъ приведетъ съ собою женщинъ или дѣтей безъ предварительнаго на то разрѣшенія, то онѣ „препровождаются обратно на счетъ виновнаго, причемъ управленіе, кромѣ того, можетъ назначить за нарушеніе этого пункта контракта штрафъ до 25 руб. Со всѣхъ женщинъ, которымъ дозволено пребываніе на промыслахъ, но на которыхъ не возлагается постоянныхъ обязанностей, „пріисковое управленіе вычитаетъ по 10 р. въ мѣсяцъ“, причемъ онѣ получали одну яичную муку—до 1½ п. въ мѣсяцъ. За дурное поведеніе женщины могли подвергнуться или высылкѣ съ пріисковъ на счетъ тѣхъ рабочихъ, съ которыми онѣ пришли, или штрафу отъ 3 до 10 р.! По договору съ Зейскою К^о (первой половины 80-хъ гг.), въ случаѣ разрѣшенія привести съ собою семейство, рабочій принималъ на себя всѣ расходы по доставкѣ его на промыслы и вывозу обратно. За содержаніе женщинъ, не несущихъ постоянныхъ обязанностей, полагалась плата по 7 р. въ мѣсяцъ за муку, крупу и соль въ томъ количествѣ, въ какомъ эти продукты отпускались рабочимъ.

Жены рабочихъ на пріискахъ Верхне-Амурской К^о получали въ 1877 г. половинную порцію продовольствія сравнительно съ ихъ мужьями, со взносомъ за это по 6 р. въ мѣсяцъ. Въ 1883 г. по отчету горнаго исправника на пріискахъ Ниманской К^о женщины, занятыя лишь во временныхъ работахъ (мытье половъ, починка кулей), получали поденной платы 50 к. и винную порцію, но за содержаніе ихъ вычиталось по 40 к. въ день. Г. Оранскій въ своемъ отчетѣ за 1889 г. говоритъ: „за содержаніе такихъ женщинъ, которыя не исполняютъ никакихъ по пріиску обязанностей, съ мужей ихъ удерживается 6—10 р. въ мѣсяцъ, причемъ онѣ получаютъ изъ пріисковыхъ магазиновъ одну только муку наравнѣ съ рабочими“ ¹⁾. Такія женщины занимаются обыкновенно приготовленіемъ пищи для холостыхъ рабочихъ, шитьемъ и починкою ихъ платья и мытьемъ бѣлья и заботятся о содержаніи въ чистотѣ рабочихъ казармъ, за что получаютъ плату отъ самихъ рабочихъ. „Въ общемъ женщина на пріискахъ цѣнится высоко, какъ работница на

¹⁾ Въ 1895 г. за содержаніе неработающихъ женщинъ вычитали отъ 5 до 15 р. Н. Болюбовскій, 8, 22, 126, 162.

мужчинъ, и, даже торгуя собой, она не опускается до состоянія проститутки, а какъ бы снисходить до печальной необходимости выйти за предѣлы обычной морали. Вы тутъ не встрѣтите, даже въ дни отдыха тѣхъ сценъ, какія рабочій продѣлываетъ въ городахъ съ продажными женщинами¹⁾, хотя иногда и здѣсь изрѣдка практикуется ужасный обычай „помочей“, о которомъ мы упоминали въ главѣ объ Оленинскихъ промыслахъ. Нормальною платою за обладаніе присковой красавицей считается „наперстокъ золота“¹⁾.

Въ контрактахъ амурскихъ золотопромышленниковъ, какъ и въ другихъ системахъ, рабочіе обязывались повиноваться присковому управленію, не допускать себѣ грубостей и дерзостей, во-время являться на работу, беречь инструменты, не обращаться жестоко съ лошадьми и не увѣчить ихъ.

По договорамъ Верхне-Амурской К^о 1871 и 1883 гг., присковое управленіе за несвоевременный выходъ на работу могло назначать штрафы за каждый просроченный часъ по 20 к. (въ случаѣ же экстренныхъ работъ за каждый просроченный часъ по 50 к.²⁾), а за неявку на работу, самовольную отлучку, лѣность, пьянство, неповиновеніе, драку и буйство могло штрафовать „по своему усмотрѣнію“, или предать рабочихъ „законной отвѣтственности, какъ нарушителей порядка и контракта“. За прогулъ подъ предлогомъ болѣзни (притворной) назначенъ штрафъ въ 3 рубля. Если при переходѣ съ одного приска на другой рабочіе будутъ проходить менѣе 25 в. въ день, то также подвергались штрафу по 3 р. въ сутки и, кромѣ того, лишались за это время положенной платы. По договору этой К^о 1883 г. за неявку на сборные пункты въ Срѣтенскъ или на приски къ назначенному времени К^о вправѣ налагать на рабочихъ штрафы отъ 1 до 25 р., смотря по количеству просроченнаго времени³⁾. По договору Верхне-Амурской К^о 1886 г., за неявку на работы, за самовольныя отлучки, лѣность, пьянство, неповиновеніе, драку, буйство и другіе дурныя поступки К^о могла налагать штрафы отъ 3 до 10 р.⁴⁾ За каждый часъ, просроченный при явкѣ на работу, Зейская К^о по договору 80-хъ гг. могла налагать штрафъ по 30 к., Ниманская К^о по договору 1883 г.—по 40 к. и болѣе, Верхне-Амурская К^о въ 1895 г.—20 к.

Постановленія контрактовъ о штрафахъ не оставались мертвою буквою. Такъ въ 1890-хъ гг. въ Ниманской К^о взыскивались штрафы

¹⁾ „Амурская Газета“ 1895 г., № 22, стр. 781.

²⁾ По договору съ Ниманскою К^о 1883 г. за каждый просроченный часъ назначенъ штрафъ по 1 р.

³⁾ Тоже въ договорѣ съ Зейскою К^о первой половины 80-хъ гг.

⁴⁾ Тоже и въ 1895 г. (*Н. Бюлюскій*, 108), и по договору съ Ниманскою К^о 1883 г.

за прогулы отъ 3 до 5 р., въ Зейскихъ КК^о отъ 1 до 5 р. ¹⁾). Штрафы, взысканные въ этой К^о за утайку золота и торговлю спиртомъ, поступали въ пользу казачьяго отряда на прискахъ. Губернаторъ Амурской области въ запискѣ 1894 г. свидѣтельствуеъ, что штрафы на мѣстныхъ прискахъ взимаются въ размѣрѣ 3—10 р.

Всѣ штрафы, установленные договоромъ съ Верхне-Амурскою К^о 1886 г., „должны поступать въ пенсіонную кассу для престарѣлыхъ и увѣчныхъ присковъ рабочихъ, когда таковая будетъ учреждена, а до ея учрежденія на цѣли благотворительныя ²⁾), въ пользу же компаніи должны поступать только деньги, взысканныя съ рабочихъ за причиненный ими ущербъ, напримѣръ, порчу инструментовъ, увѣчье лошади. Въ Ниманской К^о въ 1892 г. взысканная съ рабочихъ сумма за прогулъ (533 р.) поступила въ особый капиталъ, предназначенный на устройство пріюта для престарѣлыхъ рабочихъ ³⁾).

Кромѣ штрафовъ, въ нѣкоторыхъ компаніяхъ практиковалось еще въ видѣ наказанія лишеніе винной порціи и половинной порціи мяса: такое правило было установлено контрактомъ Зейской К^о за грубости и дерзости служащимъ, если артель не накажетъ за это виновнаго ⁴⁾). Мѣстная полицейская власть подвергаетъ также рабочихъ аресту ⁵⁾).

Самымъ тяжелымъ наказаніемъ для рабочихъ бываетъ, конечно, досрочный расчетъ. Такъ зимою 1895—96 г. значительная партія рабочихъ была рассчитана Ниманскою К^о за пьянство ⁶⁾).

Пріиски Амурской и Приморской областей подчинены одному ревизору, который носить теперь названіе окружного инженера, а въ полицейскомъ отношеніи были раздѣлены на 2 округа—Верхне-Амурскій и Буреинскій, но въ 1894 г. пріиски Приморской области выдѣлены въ особый горно-полицейскій округъ ⁷⁾). Горные исправники не всегда, какъ слѣдуетъ, исполняли свои обязанности. Такъ амурскій

¹⁾ „Амур. Газета“ 1895 г. № 22, стр. 781, *Levat*, II, 436.

²⁾ Мы нигдѣ не нашли извѣстія, на что употреблялась собираемая такимъ образомъ сумма.

³⁾ „Вѣст. Золот.“ 1893 г. № 11, стр. 178; срав. „Восточн. Обоз.“ 1895 г. № 7, стр. 2; *Баисвичъ*, Прил. стр. 5—6.

⁴⁾ „Сибирь“ 1884 г. № 40, стр. 5.

⁵⁾ Въ 1877 г. врачъ Андреевко, при осмотрѣ Алексѣевского пріиска Верхне-Амурской К^о, нашелъ, что казарма, въ которой помѣщаются казаки,—свѣтлая и чистая комната, а въ углу, отдѣленномъ для арестантовъ, нѣтъ ни наръ, ни скамеекъ.

⁶⁾ „Том. Лист.“ 1896 г. № 17. Въ началѣ 80-хъ гг. по ходатайству главноуполномоченнаго Ниманской К^о рабочему, нарушившему контрактъ, было воспрещено пребываніе въ Амурской области (онъ былъ изъ Томской губерніи); эта мѣра была примѣнена администраціею еще къ 9 рабочимъ, замѣченныхъ въ разныхъ безпорядкахъ (сообщ. Л. О. Пантелѣевымъ).

⁷⁾ „Обзоръ Амур. Обл.“ за 1886—88 гг.; „Вѣстн. Зол.“ 1895 г. № 23, стр. 395.

губернаторъ баронъ Оффенбергъ въ 1878 г. донесъ генералъ-губернатору Восточной Сибири, что, при осмотрѣ Верхне-Амурскихъ промысловъ, онъ „остался крайне недоволенъ дѣйствіями горнаго исправника Гизетти, допустившаго вкорениться на прискахъ Верхне-Амурской К^о „разныя неисправности“ и „вполнѣ преданнаго не долгу службы, а интересамъ Верхне-Амурской К^о. Пристрастныя и различнаго рода произвольныя дѣйствія г. Гизетти по дѣламъ служащихъ К^о съ казаками, нерадѣніе его къ обязанностямъ горнаго исправника и непомощеніе имъ ни разу Алексѣевского приска“ заставили командировать туда своего чиновника, и Гизетти „за совокупность его противозаконныхъ дѣйствій“ получилъ строгій выговоръ съ предупрежденіемъ, что на будущій разъ онъ будетъ удаленъ отъ должности. Подчиненныхъ ему казаковъ исправникъ позволялъ себѣ даже подвергать тѣлесному наказанію безъ слѣдствія и суда ¹⁾.

Горные исправники получаютъ отъ золотопромышленниковъ субсидіи, но нѣкоторые изъ нихъ, не довольствуясь этимъ, вымогаютъ отъ золотопромышленниковъ еще большія суммы.

Такъ, мѣстный горный исправникъ, сверхъ установленнаго обычаемъ ежегоднаго пяти тысячнаго оклада отъ Ниманской К^о, потребовалъ отъ главноуправляющаго ея присками еще 5000 р. дополнительныхъ на покупку дома въ Благовѣщенскѣ и, получивъ отказъ, сталъ привлекать главноуправляющаго къ слѣдствію по разнымъ дѣламъ. Первое дѣло по жалобѣ одного рабочаго, получившаго ушибы при работахъ на прискахъ, было первоначально прекращено по докладу того же самаго горнаго исправника и болѣе трехъ лѣтъ лежало безъ движенія, но послѣ отказа въ выдать дополнительной субсидіи было снова возбуждено. Второе дѣло объ умершемъ въ 1889 г. отъ угара въ шахтѣ рабочемъ тоже пролежало болѣе 4 лѣтъ и получило движеніе послѣ вышеупомянутаго отказа. Наконецъ, третье дѣло было возбуждено по поводу отобраннаго при содѣйствіи полиціи у рабочаго, унесшаго съ присковъ 1 фунтъ золота, которое будто бы не было передано послѣ этого въ компанію, а утаено главноуправляющимъ. „Привлеченный по этимъ дѣламъ къ отвѣтственности обратился къ приамурскому генералъ-губернатору съ просьбою оградить его отъ вымогательствъ горнаго исправника, а въ окружной судъ подалъ прошеніе объ отводѣ его, какъ явно пристрастнаго слѣдователя, пользующагося обвиненіемъ въ выдахъ вымогательства. Никакихъ мѣръ къ отводу отъ производства слѣдствія горнаго исправника однако не послѣдовало, несмотря на то, что самъ исправникъ призналъ фактъ полученія по 5000 р. въ годъ отъ администраціи Ниманскихъ присковъ. Официально извѣщенный о поданныхъ на него жалобахъ, горный исправникъ продолжалъ вести слѣдствіе противъ жалобщика съ удвоенной энергіей и, какъ мѣру пресѣченія, постановилъ отдать главноуправляющаго присковъ подъ надзоръ полиціи въ г. Благовѣщенскѣ, доставивъ его къ слѣдствію съ мѣста жительства подъ конвоемъ, съ тѣмъ, что если допрошенный не представитъ доказательствъ своей невинности, то будетъ заключенъ

¹⁾ Арх. Ирк. Горн. Упр. К. 2589, № 259—313, л. 18, 33.

въ благовѣщенскую тюрьму“ ¹⁾. Мы не имѣемъ данныхъ для того, чтобы рѣшить, на сколько было невинно присковое управленіе въ дѣлахъ о полученіи рабочимъ ушибовъ и о смерти отъ угара въ шахтѣ другого рабочаго, но во всякомъ случаѣ характерно, что первое изъ этихъ дѣлъ было сначала совѣмъ прекращено тѣмъ же горнымъ исправникомъ, а второе лежало нѣсколько лѣтъ безъ движенія до тѣхъ поръ, пока оба дѣла не были возбуждены подъ вліяніемъ чувства недовольства за неудовлетвореніе денежнаго вымогательства. Это—новое лишнее доказательство, какъ ненормально поставлена правительственная администрація на промыслахъ, и какъ необходимо, давъ представителямъ ея достаточное матеріальное обезпеченіе, преслѣдовать ихъ затѣмъ за всякое лихоимство, прикрываемое именемъ субсидій.

Казачья команда на амурскихъ промыслахъ ²⁾, кромѣ продовольствія и жалованья отъ казны, получаетъ то и другое и отъ присковыхъ управленій. Въ 1887 г. въ Верхне-Амурской и Зейской КК^о казаки, кромѣ жалованья и кормовыхъ денегъ отъ казны, получали 12—18 р. въ мѣсяцъ отъ компаній и еще доходы въ видѣ вознагражденія въ размѣрѣ 20 р. за каждое конфискованное ведро спирта. Но присковая жизнь развращаетъ казаковъ такъ же, какъ и рабочаго, и не увеличиваетъ ихъ благосостоянія ³⁾. По свидѣтельству мѣстныхъ золотопромышленниковъ, эта низшая присковая администрація „до крайней степени неудовлетворительна“. Казачьи общества, при назначеніи казаковъ на промыслы, „нисколько не руководствуются пригодностью и способностями людей, а въ большинствѣ случаевъ стараются сбыть самыхъ неблагонадежныхъ: бобылей, пьяницъ... и вообще тѣхъ, которые надобѣли обществу своимъ поведеніемъ... Казаки эти не только покровительствуютъ продажѣ золота и покрываютъ спиртоносовъ, но даже сами неоднократно попадались въ кражѣ золота. Разумѣется, рабочіе, зная всѣ ихъ продѣлки, держатъ казаковъ въ рукахъ, и послѣдніе не смѣютъ имъ сдѣлать даже простого замѣчанія“ ⁴⁾. Амурскій губернаторъ Арсеньевъ также свидѣтельствуетъ (1894 г.), что урядники и казаки совершенно не подготовлены къ выполненію своихъ

¹⁾ По дѣлу о полученіи рабочимъ ушибовъ главноуправляющій былъ привлеченъ къ слѣдствію по 1494 ст. Улож. о Наказ. Благодаря отъѣзду горнаго исправника въ командировку, дѣло было передано другому слѣдователю, который установилъ, что золото, отобранное у рабочаго, было своевременно сдано въ компанію, а затѣмъ въ горную лабораторію и, по его докладу, приамурскій генералъ губернаторъ командировалъ чиновника особыхъ порученій для разсмотрѣнія дѣйствій горнаго исправника. „Русская Жизнь“ 1894 г. № 294.

²⁾ Въ 1887 г. на промыслахъ Амурской и Приморской областей было 18 урядниковъ и 88 казаковъ, въ 1890 г. всего 109 человекъ, въ 1893 г.—142 человекъ, въ 1894 г.—256 чел.

³⁾ Подробнѣе объ этомъ см. въ газетѣ „Владивостокъ“ 1887 г., № 51, стр. 5 и „Приам. Вѣдом.“ 1894 г., № 42, стр. 10.

⁴⁾ „Труды III Хабаров. съѣзда“, стр. 143—144.

обязанностей и „не пользуются среди присковского населенія авторитетомъ... Относясь къ своимъ обязанностямъ чисто формально, дабы не переступить буквы закона, они лишены всякой инициативы и, въ большинствѣ случаевъ, будучи лишь грамотными, идутъ за разъясненіями при какомъ-либо казусѣ въ присковую контору или къ управляющему. Такимъ образомъ, эту единственную фактическую власть на промыслахъ ¹⁾ рабочій привыкъ видѣть на службѣ управленія, а управление, изъ суммъ котораго выдается казакамъ жалованье и содержаніе, смотритъ на нихъ, какъ на лицъ, обязанныхъ выполнять его внушенія, если не прямыхъ распоряженія“. Въ какой матеріальной зависимости находятся эти низшіе представители администраціи отъ присковыхъ управленій, видно изъ того, что въ 1890-хъ гг. урядники на промыслахъ Амурской области получали отъ золотопромышленниковъ 30—150 р. въ мѣсяцъ, казаки 15—35 р. при готовомъ помѣщеніи и содержаніи ²⁾.

Въ договорахъ съ Верхне-Амурскою К^о 1871 и 1883 гг. рабочіе обязывались трудиться каждый день, исключая первые 3 дня Пасхи и первый день Рождества Христова; затѣмъ во всѣ остальные праздничные дни они должны были выходить на работу безъ всякихъ отговорокъ. Но такъ какъ работать непрерывно невозможно, то присковое управленіе обязалось давать рабочимъ „поочередно каждому за каждый полный мѣсяцъ работы одинъ день отдыха“; если же кто-либо изъ нихъ „проболѣетъ или по какимъ-либо причинамъ пробудетъ безъ работы, то это время должно зачитываться за отдыхъ“. Рабочіе, находящіеся на постоянныхъ занятіяхъ и получающіе мѣсячное жалованье, кромѣ плотниковъ (а по договору 1883 г. также и кромѣ кузнецовъ, молотобойцевъ, столяровъ, слесарей и печниковъ), льготными и праздничными днями пользоваться не должны. Въ договорѣ съ Верхне-Амурскою К^о 1886 г., вмѣсто 4 праздничныхъ дней, перечислено уже 18, но зато сдѣлана оговорка, что управленіе должно давать 1 день отдыха („поочередно каждому или, если признаетъ возможнымъ, то и всѣмъ работающимъ на прискѣ вмѣстѣ за одинъ разъ“) только въ тѣ мѣсяцы, въ которые не будетъ встрѣчаться указанныхъ праздниковъ, такъ что въ сущности число дней отдыха почти не увеличено ³⁾. По договору

¹⁾ Окружной инженеръ и горный исправникъ не всегда успѣваютъ объѣхать горные промыслы въ теченіе цѣлаго года.

²⁾ „Прим. Вѣдом.“ 1894 г. № 27, Прил. стр. 5; *Боголюбскій*, 108. Кромѣ обыкновенныхъ казачьихъ отрядовъ Верхне-Амурская и Зейская КК^о содержали вполнѣ на свой счетъ отрядъ конныхъ казаковъ въ 25 человекъ для преслѣдованія спиртносоовъ. „Труды III Хабар. съѣзда“, 1893 г., стр. 145.

³⁾ Разночинцы, состоящіе при постоянныхъ занятіяхъ, не должны были пользоваться льготными днями. Въ Верхне-Амурской К^о (а также вѣроятно и другихъ) давалось 8—10 дней отдыха въ сентябрѣ для рабочихъ, остающихся на зиму; въ Ниманской К^о 3—4 дня. „Амур. Газ.“ 1895 г. № 22, стр. 779.

съ Ниманскою К° въ 1883 г. количество дней отдыха болѣе чѣмъ въ Верхне-Амурской, а именно праздновались 3 дня Пасхи, Благовѣщеніе и 3 дня Рождества, и затѣмъ за каждый полный мѣсяцъ работы давалось 2 дня отдыха; въ договорѣ же Зейской К° (первой половины 80-хъ гг.) праздновались только первые 3 дня Пасхи и первый день Рождества (въ договорахъ Зейскихъ КК° 90-хъ гг. 18 дней) и за мѣсяцъ работы полагался 1 день отдыха (также и въ 90-хъ гг.). Въ контрактахъ Ниманской и Зейской КК° дѣлалась оговорка, что дни прогульные (по какимъ бы ни было причинамъ) зачитывались въ дни отдыха. По свидѣтельству окружного ревизора (1886 г.) лѣтомъ на промыслахъ Амурской и Приморской областей давалось 2 дня на отдыхъ; кромѣ того въ дождливые дни работы иногда приостанавливались ¹⁾. Амурскій губернаторъ Арсеньевъ также свидѣлствуетъ (1894 г.), что „установился обычай давать по 2 праздничныхъ дня въ мѣсяцъ, причемъ въ дни большихъ праздниковъ, приходящихся во время работъ приготовительныхъ, команда увольняется вся полностью, за исключеніемъ, конечно, тѣхъ рабочихъ, которые необходимы для безостановочнаго теченія жизни, т.-е. хлѣбопеконъ, конюховъ, сторожей, водовозовъ и т. п., а въ лѣтнее время тѣ же 2 дня отдыха даются рабочимъ артелямъ поочередно“. Въ 1895 г. на разныхъ промыслахъ Амурско-Приморскаго края было въ теченіе года отъ 23 до 39 праздничныхъ и льготныхъ дней ²⁾. На промыслахъ Ниманской К° поденщинъ въ 1892 г. „льготныхъ по разнымъ причинамъ“ было 7%, т.-е. не многимъ болѣе двухъ въ мѣсяцъ, въ 1893—95 гг. 8—9% ³⁾.

По официальнымъ отчетамъ о золотопромышленности Восточной Сибири число рабочихъ дней равнялось въ 1879—81 гг. на пріискахъ Амурской области 333—340, въ 1881 г. на пріискахъ Приморской области 150—180 (въ лѣтнюю операцію), въ 1883 г. въ Амурской и Приморской областяхъ 320—347, въ 1887 г. 332—340. Но большинство рабочихъ остается на промыслахъ только на лѣто. „Обыкновенно операція промывки золотосодержащихъ песковъ“, говоритъ г. Бацевичъ, „здѣсь производится въ теченіе 4 мѣсяцевъ съ начала мая до начала сентября и только въ Амгунской системѣ по начало октября. Зимой же ведутся только подготовительныя работы, каковы вскрыша торфовъ, проведеніе канавъ и др., а потому число рабочихъ въ эту пору сокращается болѣе, чѣмъ на половину“ (стр. 150).

Пріисковыя работы весьма неблагоприятно отзываются на здоровьѣ рабочихъ; этого не отрицаетъ и пріисковая администрація. По свидѣ-

¹⁾ Арх. Ирк. Горн. Упр. К. 2774, № 169—158, л. 203 об.

²⁾ Боголюбскій, 13, 23, 32, 63.

³⁾ „Вѣстн. Золот.“ 1893 г., № 9, стр. 139, 1896 г. № 12, стр. 288—289.

тельству уполномоченнаго Верхне-Амурской К^о, рабочіе выходятъ съ присковъ далеко не все въполнѣ здоровыми и чрезъ извѣстный промежутокъ времени нѣкоторые заболѣваютъ иногда очень сильно ¹⁾. Преобладающими болѣзнями на прискахъ бывали: перемежающаяся лихорадка, болѣзни дыхательныхъ органовъ, цынга, гриппъ, ревматизмъ, ушибы и переломы и „общее недомоганіе отъ работъ“ ²⁾. Въ графѣ болѣзней на промыслахъ Ниманской К^о значится въ 1893 г. и „мышечная усталость“, слѣдовательно переутомленному рабочему давалась изрѣдка возможность отдохнуть нѣсколько дней ³⁾. Напротивъ въ Верхне-Амурской К^о въ 1877 году рабочіе, при посѣщеніи присковъ губернаторомъ, „заявили претензію, что во время случающихся болѣзней они употребляются на работу“. Это подтвердилъ и врачъ Андреенко, которому поручено было осмотрѣть приски этой компаніи въ санитарномъ отношеніи. На работахъ въ разрѣзъ онъ видѣлъ больного, у котораго была рана на подошвѣ, требующая медицинскаго пособія и лазаретнаго лѣченія. Тотъ не разъ обращался къ лицу, игравшему на прискѣ роль фельдшера, но не находилъ у него помощи и не былъ принятъ въ больницу ⁴⁾.

Съ какимъ величайшимъ небреженіемъ относятся иногда золото-промышленники къ здоровью рабочихъ, видно изъ слѣдующихъ словъ окружнаго ревизора Оранскаго. Въ 1884 г. рабочіе, нанятые въ Томской губерніи на промысла Ниманской К^о, „прибыли на мѣсто въ числѣ 150 человекъ; но большинство изъ нихъ, проработавъ мѣсяцъ на Николаевскомъ прискѣ, гдѣ подземныя работы чрезвычайно тяжелы, должны были отказаться отъ нихъ, захворавъ обыкновенною въ болотистыхъ мѣстностяхъ болѣзью—цынгою. Лучшимъ средствомъ противъ цынги служить для рабочихъ черемша и лубовая кора, но такъ какъ въ Ниманской тайгѣ ни той, ни другой не имѣется, то больныхъ оставляли на произволъ судьбы, предоставивъ имъ купаться въ рѣчкѣ Олгѣ, вода которой исцѣляетъ будто бы цынгу. „Въ бытность мою въ Ниманской системѣ“, продолжаетъ г. Оранскій, „на Софійскомъ прискѣ

¹⁾ „Сиб. Сборн.“ 1886 г., кн. II, 131.

²⁾ „Приам. Вѣд.“ 1894 г. № 23, прилож., стр. 2; „Амур. Газ.“ 1895 г. № 20, стр. 719; *Levat*, II, 415.

³⁾ Такихъ больныхъ въ 1893 г. на прискахъ Ниманской К^о было 132 („Вост. Обзор.“ 1895 г. № 7, стр. 2. „Амур. Газ.“ 1895 г. стр. 781). Вообще же въ Амурской и Приморской областяхъ больныя поденщины на промыслахъ составляли въ 1881—83 гг. 3—5% всехъ поденщинъ („Прилож. II къ вып. I Сборн. главн. офф. документовъ по управленію Вост. Сиб. т. VII); въ Ниманской К^о въ 1893 г. — 2,4—2,7%. „Вѣстн. Золот.“ 1896 г., № 12, стр. 288).

⁴⁾ Управляющій присками увѣрялъ, будто рабочіи самъ не захотѣлъ лѣчиться, желая побольше заработать. Арх. Ирк. Горн. Упр. К. 2589, № 259—318, л. 12, 18, 39.

въ маленькой грязной избушкѣ помѣщалось 60 человекъ томскихъ рабочихъ, больныхъ цынгой; больнымъ и неработающимъ пищевое довольствіе было уменьшено, хотя цынга принадлежитъ къ числу такихъ болѣзней, которыя, не давая возможности работать, не лишаютъ тѣмъ не менѣе аппетита. За все время болѣзни, которая продолжалась ни болѣе ни менѣе какъ 3 мѣсяца, больнымъ рабочимъ не выдавали жалованья, и несчастные томики принуждены были по окончаніи операціи уйти съ присковъ круглыми нищими или же закабалить себя на слѣдующій годъ при самыхъ тяжелыхъ условіяхъ. Не ихъ вина, конечно, что вѣчная сырость на прискахъ Ниманской К^о способствуетъ сильному развитію цынги, которой особенно подвержены вновь прибывающіе, не привыкшіе къ мѣстнымъ климатическимъ условіямъ; наоборотъ, виновато вполнѣ присковское управленіе, не позаботившееся о приобрѣтеніи черемши и дубовой коры¹⁾.

А между тѣмъ, по договорамъ съ рабочими, присковья управленія обязывались оказывать имъ врачебную помощь безвозмездно. Дѣйствительно, съ этою цѣлью было устроено извѣстное число больницъ: въ 1881—87 гг. въ Амурской области было въ присковомъ районѣ отъ 10 до 18 больницъ на 175—294 кровати, въ Приморской области 1—2 больницы на 9—22 кровати²⁾. Но больницы на нѣкоторыхъ промыслахъ были далеко не удовлетворительны. Врачъ Андреевко, при осмотрѣ въ 1877 г. Алексѣевского приска Верхне-Амурской К^о, нашелъ, что больные рабочіе „помѣщаются временно въ отдѣльномъ зданіи, непригодномъ по причинѣ тѣсноты и неприспособленномъ для этой цѣли“. Больные помѣщались не на кроватяхъ, а на скамьяхъ по стѣнамъ и у печи; отхожее мѣсто находилось внѣ больницы. „Помѣщеніе аптеки вполнѣ неудобное. Замѣтно небрежное обращеніе съ медикаментами: нѣкоторыя банки не только не закупорены, но даже ничѣмъ не покрыты“. Впрочемъ, этотъ врачъ сообщалъ, что на прискѣ строилась новая удобная больница. Напротивъ, на Иннокентіевскомъ прискѣ К^о Сабашникова онъ нашелъ хорошее помѣщеніе для больныхъ. Амурскій губернаторъ баронъ Оффенбергъ въ томъ же 1877 г. вынесъ весьма неблагоприятное впечатлѣніе при посѣщеніи больницъ Верхне-Амурской К^о. Онъ нашелъ, что больные въ лазаретахъ на Джалиндинской пристани и на Васильевскомъ прискѣ носятъ ветхое и чрезвычайно грязное бѣлье, а больничное бѣлье, хранящееся въ складахъ, шито изъ самаго грубаго подкладочнаго холста и хорошо не промывается. Главноуправляющій Басинъ обѣщалъ спить для больныхъ новое бѣлье. Въ

¹⁾ Дѣло канц. Иркут. Горн. Упр. № 14, т. II.

²⁾ Арх. Горн. Деп.; „Горн. Журн.“ 1882 г. № 9, стр. 377; „Прилож. I къ вып. I Сборн. глав. офиц. докум. т. VII“, стр. 19.

1878 г. Верхне-Амурская К^о устроила 3 хороших лазарета на своих промыслах и резиденции, и членъ Совѣта Главнаго Управленія Восточной Сибири, посѣтившій больницу на Джагиндинской резиденции, состоящую изъ 3 просторныхъ и свѣтлыхъ комнатъ, далъ о ней самый лучший отзывъ ¹⁾. По словамъ горнаго инженера Оранскаго (1886 г.), „медицинская часть на прискахъ Амурско-Приморскаго округа не можетъ вообще считаться въ цвѣтущемъ состояніи... Я видѣлъ, какъ больные рабочіе Верхне-Амурской К^о отправлялись въ особыхъ телѣжкахъ въ г. Благовѣщенскъ, хотя на прискахъ этой К^о есть и докторъ, и аптеки, и больницы, устроенныя какъ нельзя лучше и снабженныя всевозможными медикаментами,—но только на прискахъ этой компаніи. На прискахъ Ниманской К^о хотя и живетъ постоянный врачъ, но больницы въ 1884 г. представляли самый жалкій видъ. Сырость, грязь, тѣснота въ нихъ влекутъ за собой слишкомъ продолжительное лѣченіе больныхъ“. Но въ то же время г. Оранскій утверждаетъ, что „вообще на прискахъ Амурско-Приморскаго округа, кромѣ Ниманскихъ, больницы содержатся довольно опрятно, снабжены главнѣйшими медикаментами и необходимыми для поданія первой помощи хирургическими приборами; въ послѣднихъ, впрочемъ, приходится прибѣгать очень рѣдко“ ²⁾. Черезъ три года г. Оранскій далъ уже совершенно иной отзывъ о больницахъ Ниманскихъ промысловъ; въ отчетѣ за 1889 г. онъ говоритъ: „медицинская часть на Ниманскихъ прискахъ обставлена весьма удовлетворительно, и въ этомъ отношеніи они занимаютъ не послѣднее мѣсто въ ряду другихъ компаній Амурскаго округа. Въ 90-хъ гг. въ Ниманской К^о было 3 больницы ³⁾. Г. Бацевичъ нашелъ въ Верхне-Амурской К^о „хорошо обставленныя больницы“ (стр. 52, 150).

На промыслахъ Амурской области въ 1879—82 гг. былъ 1 докторъ, въ 1883—91 г. два врача ⁴⁾, въ 1893 г.—3 доктора, на Нижне-Дмитріевскомъ пр. Джагиндинской системы, на Иннокентіевскомъ Зейской и на Софійскомъ Ниманской ⁵⁾. Въ Приморской области на прискахъ докторовъ въ это время не было.

Извѣстно, что присковыя фельдшера сплошь и рядомъ весьма мало пригодны для исполненія своихъ обязанностей. Докторъ Андреевко

¹⁾ Арх. Ир. Горн. Упр. К. 2589, № 259—313, л. 11, 12, 16—18, 29 об., 37—38, 40, 47.

²⁾ Стр. 54. Ср. „Приам. Вѣд.“ 1894 г. № 26, стр. 11.

³⁾ Арх. Ир. Горн. Упр., дѣло канц. № 39. Въ 1881 г. Ниманская К^о тратила на содержаніе больницъ 9228 р., въ 1892 г. почти вдвое болѣе—17411 р. Матеріалы, сообщ. Л. Ф. Пантелѣевымъ; „Вѣстн. Золот.“ 1893 г. № 12, стр. 192; „Амур. Газета“ 1895 г. № 20, стр. 718.

⁴⁾ На прискахъ Верхне-Амурской и Ниманской КК^о („Обзоры Амур. Обл.“).

⁵⁾ „Приам. Вѣд.“ 1894 г. № 26. Прил., стр. 11.

въ своемъ донесеніи (1877 г.) говоритъ, что Алексѣевскимъ прискомъ Верхне-Амурской К^о, по словамъ управляющаго, заведываетъ отставной фельдшеръ Дефинскій, по показанію же рабочихъ благовѣщенскій мѣщанинъ Ромбахъ, у котораго не было никакихъ документовъ, дающихъ право медицинской практики. „Рабочіе единогласно заявили о притѣсненіяхъ, дѣлаемыхъ Ромбахомъ больнымъ; обращавшимся за совѣтомъ и лѣкарствами онъ грубо отказывалъ, больныхъ высылалъ на работы“. Совсѣмъ другого рода фельдшеръ, по фамиліи Казаковъ, былъ на Иннокентіевскомъ прискѣ К^о Сабашникова: рабочіе не только не заявляли на него никакихъ претензій, а, напротивъ, высказали благодарность за его труды и готовность во всякое время подавать медицинскую помощь ¹⁾. По словамъ г. Оранскаго (1886 г.), фельдшера „нерѣдко въ то же время исполняютъ обязанности смотрителей, матеріальныхъ и другихъ служащихъ въ присковыхъ управленіяхъ“ ²⁾. Въ отчетѣ за 1889 г. онъ свидѣтельствуетъ, что лишь на 2—3 прискахъ съ ничтожнымъ числомъ рабочей команды не имѣется ни больницъ, ни фельдшеровъ; пособие такимъ больнымъ подается фельдшерами сосѣднихъ присковъ или ближайшихъ населенныхъ мѣстъ ³⁾.

Число заболѣвшихъ на прискахъ Амурской и Приморской областей составляло въ 1881—3, 85—7 гг. отъ 92 до 146% всѣхъ рабочихъ, въ среднемъ за эти годы 118% ⁴⁾; число умершихъ составляло 0,5—1% всѣхъ рабочихъ.

Въ 1893 г. рабочихъ, пострадавшихъ отъ несчастныхъ случаевъ, было въ Амурскомъ округѣ 153, въ Приморскомъ 37; въ 1894 г. въ Амурскомъ—53, въ Приморскомъ 1 ⁵⁾.

Въ 1883 г. управляющимъ Ниманскими промыслами Л. О. Пантелѣевымъ былъ включенъ въ контрактъ съ рабочими слѣдующій параграфъ: „Мы, рабочіе, предоставляемъ управленію компаніи удерживать съ каждаго рубля причитающейся намъ при разсѣтѣ додачи 1 копейку для образованія капитала на постройку въ г. Благовѣщенскѣ дома для

¹⁾ Арх. Ирк. Горн. Упр. К. 2589, № 259—313, л. 38—40, 48.

²⁾ То же онъ повторяетъ и въ отчетѣ 1893 г. „Прим. Вѣд.“ 1894 г. № 26 Прил., стр. 11.

³⁾ Въ 1887 г. на прискахъ Амурской области было 14 фельдшеровъ и 1 акушерка, въ Приморской—2 фельдшера; въ 1893 г. въ Амурской области 29 фельдшеровъ. Арх. Ирк. Горн. Упр. К. 2775, № 208—188, л. 220; „Прим. Вѣдом.“ 1894 г. № 26, Прил., стр. 11.

⁴⁾ Въ Ниманской К^о госпитальные больные составляли 1890—91 гг.—88%, всѣхъ рабочихъ, въ 1891—92 г.—93% (эти дѣя операциі совпали съ эпидеміею гриппа), въ 1892—93 гг.—84%, въ 1893—94 гг.—63%. *Н. Боголюбскій*, 53.

⁵⁾ „Прим. Вѣд.“ 1894 г. № 30, Прил. стр. 4; „Вѣстн. Золот.“ 1895 г. № 23, стр. 394. Данные о разныхъ „происшествіяхъ“ на промыслахъ за прежнее время см. въ *Добавленіи* XX.

престарѣлыхъ или не могущихъ работать присковыхъ рабочихъ; управленіе компаніи съ своей стороны ежегодно вноситъ для этой же цѣли сумму, равную той, какая въ этомъ году будетъ получена отъ рабочихъ" ¹⁾. Въ томъ же году г. Пантелѣевъ подалъ записку амурскому губернатору, въ которой, приведя указанный параграфъ контракта, говоритъ: „мнѣ кажется, если бы прочія золотопромышленныя компаніи на Амурѣ нашли возможнымъ ввести въ своихъ контрактахъ подобные же параграфы, то года черезъ 2 не трудно было бы приступить къ постройкѣ сначала временнаго пріюта для рабочихъ, а затѣмъ постепенно можно было бы устроить постоянную богадѣльню съ больницею. Денежная додача рабочимъ при расчетѣ на амурскихъ прискахъ по меньшей мѣрѣ составляетъ 100000 р. въ годъ, и есть много оснований полагать, что она значительно выше, но даже со 100000 р. ежегодный сборъ дастъ 2000 р. (по 1% съ рабочихъ и по столько же съ компаній). А такъ какъ золотопромышленность на Амурѣ еще въ началѣ своего развитія, то этимъ сборомъ не только можно обезпечить содержаніе пріюта, но и постепенно образовать фондъ для того времени, когда золотопромышленность на Амурѣ начнетъ упадать; а вмѣстѣ съ нею и заработокъ рабочихъ вслѣдствіе пониженія платы“. Л. О. Пантелѣевъ предлагалъ амурскому губернатору „циркулярно пригласить амурскихъ золотопромышленниковъ или ихъ представителей высказаться“ по этому предмету, и въ случаѣ благопріятнаго отзыва съ ихъ стороны созвать предварительное собраніе „для дальнѣйшаго направленія дѣла“ ²⁾. Повидимому, предложеніе г. Пантелѣева не было принято, а съ отъездомъ его сборы на богадѣльню въ Благовѣщенскѣ прекратились и на промыслахъ Ниманской К^о.

Въ „Восточномъ Обзорѣ“ были высказаны весьма дѣльные замѣчанія на проектъ г. Пантелѣева, и между прочимъ указано на то, что, по его предложенію, слишкомъ малые платежи должны были пасть на золотопромышленниковъ; затѣмъ, если даже принять общую сумму додачи не въ 100000, а въ 150000 р., то ежегодный сборъ будетъ равняться всего 3000 р. Авторъ замѣчаній полагалъ, что было бы справедливѣе обложить съ тою же цѣлью исключительно золотопромышленниковъ: „2 р. съ годового рабочаго при стоимости его болѣе чѣмъ въ 1000 р. для каждаго золотопромышленника будетъ весьма умѣреннымъ обложеніемъ, а въ итогѣ получится солидная цифра (съ 3½ тысячъ рабочихъ на амурскихъ прискахъ) въ 7000 р.,—сумма, утилизація которой по разбираемому вопросу можетъ дать весьма дѣйствительные результаты“ ³⁾.

¹⁾ „Восточн. Обзор.“ 1883 г. № 8, стр. 6.

²⁾ „Восточн. Обзор.“ 1885 г. № 22, стр. 2.

³⁾ „Восточн. Обзор.“ 1884 г. № 8, стр. 9 11.

Какъ печально въ настоящее время положеніе увѣчныхъ и выработавшихся присковыхъ рабочихъ, видно, напримѣръ, изъ слѣдующаго сообщенія: „Въ г. Николаевскѣ проживаетъ большое число нищихъ. Большинство изъ нихъ бывшіе присковыя рабочіе, получившіе тяжелыя увѣчья и ставшіе неспособными къ труду“. Присковыя управленія ограничиваются выдачею этимъ несчастнымъ „единовременнаго пособія отъ 25 до 50 р. Получивъ пособіе, калѣки стекаются въ г. Николаевскъ, становясь не малымъ бременемъ для мѣстнаго общества“ ¹⁾). Но бываетъ пособіе и въ значительномъ размѣрѣ: такъ въ Ниманской К^о, рабочему, лишившемуся вслѣдствіе несчастнаго случая способности къ труду въ 1890-хъ гг., было выдано 2000 р.; нѣкоторымъ рабочимъ, получившимъ увѣчья, давали мѣста караульныхъ ²⁾).

Школъ на промыслахъ Амурской области весьма немного. Въ отчетѣ горнаго исправника Верхне-Амурскихъ промысловъ за 1874 г. мы находимъ извѣстіе, что на прискахъ Верхне-Амурской К^о открыта въ этомъ году „первоначальная школа для безплатнаго образованія дѣтей рабочихъ и служащихъ, въ которой въ настоящее время обучается до 20 человекъ обоюго пола... Обученіе идетъ весьма успѣшно; въ помощь учителю жена управляющаго Васильевскимъ прискомъ приняла на себя занятія съ дѣвочками, преимущественно руководіемъ, а преподаваніе Закона Божьяго поручено промысловому священнику“ ³⁾). Въ 1886 г. на амурскихъ промыслахъ было 2 школы, содержащихся на счетъ компаніи: одна на Васильевскомъ прискѣ, другая на Джагиндинской резиденціи Верхне-Амурской К^о, но въ слѣдующемъ году онѣ, какъ видно, были перенесены на другіе приски. По словамъ „Восточнаго Обозрѣнія“ ⁴⁾ въ сентябрѣ 1887 г. на Зейскихъ прискахъ Верхне-Амурской К^о было открыто 2 школы съ программой двухклассныхъ народныхъ училищъ. Одна школа на 30 человекъ учащихся мальчиковъ и дѣвочекъ на Зейской пристани, расположенной въ 600 верстахъ отъ Благовѣщенска вверхъ по р. Зеѣ, другая на 60 человекъ учащихся на Иннокентіевскомъ прискѣ той же компаніи. „Школы возникли по инициативѣ самихъ служащихъ на прискахъ, содержатся исключительно на средства присковаго населенія съ поддержкой отъ мѣстнаго управленія компаніи... Въ школѣ Зейской пристани состоятъ преподаватель и учительница, а въ Иннокентіевскомъ 2 преподавателя и по-

¹⁾ „Восточ. Обзор.“ 1894 г. № 38, стр. 2.

²⁾ „Амур. Газ.“ 1895 г. № 20, стр. 719—720. См. еще случай крупной помощи, болѣе 3000 р., вдовѣ утонувшаго во время возвращенія съ промыслов рабочаго Ниманской К^о, оставившаго троихъ маленькихъ дѣтей. „Вѣстн. Золот.“ 1896 г. № 24, стр. 445.

³⁾ Арх. Ирк. Горн. Упр. К. 2658, № 167—221, л. 96.

⁴⁾ 1889 г., № 9, стр. 8—9.

стоянная классная дама. Кромѣ того, присковое населеніе выбрало изъ своей среды 6 временныхъ классныхъ дамъ для ежедневнаго дежурства въ школахъ, что вызвано необходимостью усиленнаго ухода за дѣтьми, представляющими изъ себя начальные типы маленькихъ заброшенныхъ прискателей, на которыхъ казарма такъ или иначе уже положила печать арестантскихъ нравовъ... Плата за обученіе дѣтей служащихъ по 50 р. съ cadaго... Дѣти рабочихъ учатся въ школахъ или бесплатно, или за самую ничтожную плату, что зависитъ отъ остатковъ школьнаго бюджета. За прошлый учебный сезонъ за рабочихъ было уплачено до 1000 р. изъ средствъ школъ. Несмотря на короткое время существованія школъ, онѣ въ настоящее время уже имѣютъ хорошія библіотеки учебныхъ пособій, снабжены всѣми средствами для нагляднаго обученія, какъ-то: волшебными фонарями, физическими и химическими кабинетами. Кромѣ общеобразовательныхъ предметовъ въ школахъ обучаютъ гимнастикѣ и пѣнію¹⁾. Компания давала на школы всего 1000 р., между тѣмъ какъ ихъ содержаніе стоило 7000 р. „Учредителемъ и устроителемъ школъ былъ бывшій управляющій присками Верхне-Амурской К^о А. В. Янчуковский“.

Что двѣ вышеупомянутыя школы на Зейской пристани и Иннокентіевскомъ прискѣ были учреждены не сверхъ прежде существовавшихъ двухъ школъ Верхне-Амурской К^о, а взамѣнъ ихъ, видно изъ слѣдующихъ словъ г. Оранскаго въ его отчетѣ за 1889 г.: „Несмотря на значительное число дѣтей на прискахъ въ Амурскомъ округѣ, мѣстные промышленники не особенно озабочены ихъ элементарнымъ образованіемъ. Въ этомъ отношеніи... впереди другихъ идетъ Верхне-Амурская К^о. Такъ на Иннокентіевскомъ ея прискѣ построено училище на 50 человѣкъ мальчиковъ и дѣвочекъ, въ которой преподаютъ священникъ и особые учитель и учительница... Такая же школа имѣется на Зейской пристани той-же К^о и только. На всѣхъ прискахъ другихъ владѣльцевъ нѣтъ ни школъ, ни учителей, и дѣти присковыхъ рабочихъ лишены возможности получать на мѣстѣ какое-бы то ни было образованіе“. Въ 1890 г. въ 2 школахъ Верхне-Амурской К^о было 5 преподавателей, въ 1891 г. учащихся было 4, учащихся 99 человѣкъ. Г. Бацевичъ говоритъ, что на Зейской пристани двухклассная школа, располагающая прекраснымъ просторнымъ помѣщеніемъ, такъ обставлена учебными пособиями, что ей могутъ позавидовать многія школы городовъ центральной Россіи. Дѣти учатся бесплатно (стр. 52). Въ 1895 г. на амурскихъ промыслахъ было также только 2 школы Верхне-Амурской К^о, но зимою 1895—6 г. открылись еще школы на промыслахъ Амгунской К^о и К^о Ельцова и Левашова¹⁾).

¹⁾ „Вѣстн. Золот.“ 1896 г., № 5, стр. 106; 1897 г. № 4, стр. 83. О препятствіяхъ устройству чтеній для рабочихъ со стороны мѣстной полиціи см. „Амур. Газ.“

Въ 1879 г. съ приисковъ Амурской области бѣжало 0,2% всѣхъ рабочихъ, въ 1881 г. съ приисковъ Амурской и Приморской областей 0,6%, изъ нихъ поймано 14% бѣжавшихъ. Въ 1881 г. бѣжало 1,4%, изъ нихъ поймано 15%; если же взять отдѣльно число бѣжавшихъ рабочихъ Приморской области, то окажется, что тамъ они составляютъ 15% всѣхъ рабочихъ. Въ 1882 г. съ промысловъ обѣихъ областей бѣжало 1,3%, въ 1883 г. 0,8%, а съ промысловъ одной Приморской области въ 1882 г. 8%, въ 1883 г. 5%, въ 1887 г. въ обѣихъ областяхъ 0,4%. Такимъ образомъ, на промыслахъ Амурской области процентъ побѣговъ самый ничтожный, а на приискахъ Приморской области гораздо болѣе значительный.

Средняя заработная плата на приискахъ Верхне-Амурской К^о въ 1871 г., по словамъ амурскаго губернатора, равнялась 265 р. По отчетамъ о золотопромышленности въ Восточной Сибири, средній годовоі зароботокъ на промыслахъ Верхне-Амурской К^о равнялся въ 1879 г. для мужчинъ 329 р., женщинъ 160 р., на приискахъ Зейской и Ниманской КК^о—мужчинъ 287 руб. (сверхъ того за подъемное золото отъ 100 до 600 руб.) женщинъ 90 р. По отчету 1880 г. средній зароботокъ на приискахъ Амурской области равнялся 360 р. для мужчинъ и 125 р. для женщинъ, въ 1881 г. на приискахъ Приморской области—для мужчинъ 200 р. По отчету горнаго исправника Бурейской системы за 1882 г. средняя заработная плата мужчинамъ на приискахъ Зейской и Верхне-Амурской КК^о равнялась 380 р., женщинамъ около 120 р. въ годъ ¹⁾. По отчету Ниманской К^о за 1881 г. средняя плата годовому рабочему равнялась 278 р. По свидѣтельству „Восточнаго Обозрѣнія“ средній годовоі зароботокъ приисковаго рабочаго въ Приамурскомъ краѣ въ 1885 г. былъ слѣдующій: въ Верхне-Амурской К^о 490 р., у бр. Бутиныхъ на Амгуни 430 р., у Тетюкова (тамъ же) 300 р., въ Зейской и Ниманской КК^о—420 р., у Бутиныхъ на Бурей 360 р. и на Урушинскихъ приискахъ 300 р. „Плата большая сравнительно со стоимостью труда въ Европейской Россіи, но рядомъ съ нею на приискахъ существуетъ страшная дороговизна на все необходимое, и главное—соблазнъ водки“ ²⁾. Въ официальныхъ обзорахъ Амурской области цифры вознагражденія годовыхъ рабочихъ выше только что приведенныхъ: въ 1887—90 гг. средняя годовая плата рабочаго на приискахъ Верхне-Амурской и Зейской системъ—500—600 р., Ниманской системы 410—450 р. Въ 1891 г. средняя годовая плата на приискахъ Верхне-Амурской и Зейской системъ 144—770 р., Ниманской 200—770 р. Въ „Обзорѣ за 1892 г.“ средняя годовая плата показана по отдѣльнымъ компаніямъ, а именно, на приискахъ Верхне-Амурской, Верхне-Зейской и Джолонской КК^о 396 р., Ниманской 420 р., Срѣтенскаго товарищества 350 р., Ельцова и Левашева 420 р., Смотряцкаго 180 р., Долгашева 1056 р. (?), Толмачева 700 р., Сафонова 300 р., Емельянова 246 р. По отчету Иркутскаго Горнаго Управленія за 1893 г. годовоі зароботокъ рабочаго на промыслахъ Амурской и

1895 г. № 22, стр. 781. О другихъ предположеніяхъ въ этомъ отношеніи см. „Амур. Газ.“ 1896 г., № 2, стр. 53. На Ниманскихъ промыслахъ ежегодно дается спектакль съ благотворительною цѣлью, на который за плату допускаются и рабочіе. „Амурск. Газ.“ 1896 г. № 3, стр. 84.

¹⁾ Арх. Ирк. Горн. Упр. К. 2568 № 167—221, л. 178; 2768 № 63—53, л. 495.

²⁾ „Восточн. Обзор.“ 1886 г. № 32, стр. 9.

Приморской областей колеблется между 240 и 600 р. Въ бассейнах р. Амгуни въ томъ же году, по официальнымъ свѣдѣніямъ, средній годово́й заработокъ на приски Тетюкова равнялся 307 р., Приамурскаго Т—ва 360 р., Амгунской К^о 519 р. и компаніи Ельцова и Левашева 549 р. ¹⁾

Нѣкоторыя изъ приведенныхъ цифръ выше дѣйствительнаго *средняго* годового заработка. По крайней мѣрѣ по словамъ лица, очевидно хорошо знакомаго съ положеніемъ рабочихъ на амурскихъ промыслахъ, „годовой“ рабочий, т.-е. нанимающійся на годъ сплошь на зиму и лѣто, не могъ заработать въ концѣ 80-хъ гг. болѣе 500 р. въ годъ. Если же, что зачастую бываетъ, онъ попадетъ на разныя работы, въ поторжные или въ прислугу, то рассчитывать болѣе, чѣмъ на 300 р. въ годъ, нельзя ²⁾.

Что касается заработка, въ теченіе лѣтней операціи, то, по словамъ г. Оранскаго (1886 г.), можно принять, что въ среднемъ онъ составлялъ на прискахъ Верхне-Амурской К^о около 420 р., на прискахъ Нижне-Амурскихъ 285 р. ³⁾, кромѣ платы за подъемное и намытое по окончаніи урочныхъ работъ золота (стр. 51). Но цифры эти нельзя считать средними.

На основаніи отчетовъ горныхъ исправниковъ и другихъ данныхъ ⁴⁾, мы можемъ вычислить *средній* заработокъ рабочаго обоего пола въ поденщину на Амурскихъ промыслахъ. Оказывается, что на промыслахъ Верхне-Амурской К^о средній заработокъ въ день вмѣстѣ съ подъемнымъ и старательскимъ золотомъ (на хозяйскихъ харчахъ) равнялся въ 1880 г.—1 р. 3 к., въ 1881—1884 г. колебался между 1 р. 12 к. и 1 р. 29 к., въ Ниманской К^о въ 1877 г. равнялся 68 к., въ 1878—79 гг.—83 к., въ 1880—81 гг.—91 к., а затѣмъ съ увеличеніемъ уроковъ увеличился и въ 1882—86 гг. равнялся 1 р. 9 к.—1 р. 31 к., въ Зейскихъ КК^о въ 1882 г.—96 к., въ 90-хъ гг.—въ среднемъ 1 р. 31 к. ⁵⁾, но въ другихъ компаніяхъ заработки были ниже и падали въ 1885—86 г. на прискахъ Бутиныхъ до 81 к., Тетюкова до 68—69 к. въ день ⁶⁾.

¹⁾ „Приам. Вѣдом.“, 1894 г. № 30, Прил. стр. 5, № 23, Прил. ст. 1.

²⁾ А. Я—й. „Отъ Срѣтенска по Шилкѣ и Амуру“. „Сибирскій Сборникъ“, 1889 г., т. I, 59—60.

³⁾ Почти тѣ же цифры указалъ Оранскій и въ отчетѣ за 1889 г.: 450 руб. на первыхъ и 280 р. на вторыхъ прискахъ, а въ отчетѣ за 1893 г.—400 р. на первыхъ и 350 р. на вторыхъ. „Приам. Вѣд.“ 1894 г. № 27, Прилож. стр. 1.

⁴⁾ Матеріалы, сообщенные Л. О. Пантелѣевымъ и Арх. Ирк. Горн. Упр.

⁵⁾ *Levat*, II, 421.

⁶⁾ Арх. Ирк. Горн. Упр. Въ одной мѣстной газетѣ мы находимъ указаніе, что на приски бр. Бутиныхъ по р. Амгуни мѣсячный заработокъ рабочаго вмѣстѣ съ подъемнымъ золотомъ—до 40 р., на промыслахъ Верхне-Амурской К^о 65—70 р., въ Ниманской К^о до 45 р. Такъ какъ лѣтняя операція продолжается 4 мѣсяца, то слѣдовательно весь лѣтній заработокъ равняется въ этихъ компаніяхъ 160 р., 260—280 р. и 180 р., „Владивостокъ“, 1886 г., № 2, стр. 3. Въ другой газетѣ мѣсячный заработокъ лѣтомъ опредѣляется въ 30—70 р. „Амур. Газета“ 1895 г., № 6, стр. 224.

На основаніи данныхъ о среднемъ заработкѣ въ 1 день повидимому очень легко вычислить, что могъ зарабатывать рабочій, трудившійся на промыслахъ цѣлый годъ; но эта цифра будетъ нѣсколько выше дѣйствительной, такъ какъ она получена какъ среднее изъ заработковъ всѣхъ рабочихъ, а большинство ихъ работаетъ только лѣтомъ и получаетъ плату болѣе высокую, чѣмъ зимою. Точно также если мы раздѣлимъ общую сумму заработка рабочихъ, указываемую въ отчетахъ горныхъ исправниковъ, на число рабочихъ, то получимъ сумму, которая будетъ менѣе заработка годового рабочаго и больше операціоннаго заработка, хотя и ближе къ этому послѣднему. Вычисленный такимъ образомъ средній заработокъ на промыслахъ Верхне-Амурской К^о равнялся въ 1881—84 гг. 241—248 р., на пріискахъ Зейской К^о въ тѣ же годы 183—224 р., Ниманской К^о въ 1882—86 гг. 200—314 р., на пріискахъ бр. Бутиныхъ въ 1883—85 гг. 170—225 р., на пріискахъ Тетюкова въ 1885—86 гг. 98—117 р., въ 1892 г. въ Ниманской К^о равнялся 328 р., на всѣхъ амурскихъ промыслахъ (Верхне-Амурской и Бурейской системы) средній заработокъ рабочаго равнялся въ 1885 г. 245 р., въ 1886 г.—233 р. ¹⁾.

На основаніи тѣхъ же отчетовъ горныхъ исправниковъ мы можемъ вычислить, какъ распредѣляется заработокъ рабочихъ на задатокъ при наймѣ, заборъ на пріискахъ и додачу. Оказывается, что въ 1881—86 и 1892—93 гг. на различныхъ пріискахъ сумма, выданная въ задатокъ, составляла отъ 6 до 33% всего заработка, отосланная съ пріисковъ на подати и семейства равнялась 2—16%, выданная на руки деньгами, вещами и припасами во время работъ 24—76% (тамъ, гдѣ выдача на пріискахъ деньгами и припасами показана отдѣльно, выдача деньгами равняется 7—29%, товарами 35—49%), наконецъ, додача составляетъ 10—40% заработка ²⁾. Изъ этого видно, какую значительную часть заработка рабочіе получали на пріискѣ товарами и какъ невелика была додача ³⁾.

¹⁾ Арх. Ирк. Горн. Упр. К. 2766, № 37—45, л. 422, 452—453; К. 2768, № 63—53, л. 205, 491, 492, 494, 496; К. 2769 № 58—68, л. 679—681; К. 2771, № 110—100, л. 68, 771. „Обзоръ Ам. обл. за 1885 г.“, стр. 11, тоже за 1886 г., стр. 17, 20; Арх. Ирк. Горн. Упр. К. 2772, № 135—124, л. 301, К. 2774, № 169—158, л. 160, 163—164; „Вѣстн. Золот.“ 1893 г. № 11, стр. 178.

²⁾ См. *Дополненіе XXI*.

³⁾ Мы имѣемъ мало данныхъ о дѣйствительномъ размѣрѣ додачи на Амурскихъ промыслахъ. Въ 1872 г. средняя додача на промыслахъ Верхне-Амурской К^о равнялась 95, а самая большая доходила до 400 р. (въ 1874 г. до 440 р.) (Арх. Ирк. Горн. Управ. К. 2549, № 126—171, л. 170, К. 2568, № 167—221, л. 178), но нужно помнить, что нерѣдко большая додача бываетъ результатомъ работы въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ. Полученный нами выводъ, что додачи составляютъ лишь 10—40% всего заработка рабочихъ, заставляетъ насъ съ большою осторожностью отнестись къ слѣдую-

Часть рабочих не только не получает никакой додачи, но остается еще въ долгу. Въ 1874 г. на промыслахъ Верхне-Амурской К^о остались должными 41 человекъ ¹⁾ (преимущественно больные и подлежащіе воинской повинности) на сумму 2400 р. Въ 1881 г. осталось въ долгу за рабочими, неявившимися, бѣжавшими, умершими, больными и рассчитанными по неспособности въ разныхъ компаніяхъ отъ 1 до 3% всей суммы, выданной рабочимъ. Въ 1885 г. долги, оставшіеся за рабочими на промыслахъ Ниманской К^о, составляли 4% всей суммы, выданной рабочимъ, на пріискахъ Бутинныхъ 3%.

Относительно рабочихъ, оставшихся въ долгу, мы находимъ въ контрактахъ условія, вродѣ слѣдующаго: „если по расчету кто-нибудь изъ насъ останется должнымъ компаніи, то должникъ обязывается остаться долѣе контрактнаго срока до времени отработки долга или, если управленіе согласится уволить должника съ пріисковъ, то онъ обязанъ дать обязательство въ уплатѣ своего долга компаніи въ теченіе не долѣе одного года и въ томъ, что если долга этого онъ не уплатитъ, то обязанъ явиться для отработки его компаніи въ слѣдующую операцію“ ²⁾.

Получая обыкновенно на пріискахъ небольшую додачу, рабочіе стремятся увеличить свой заработокъ незаконнымъ способомъ, а именно кражею золота. На третьемъ Хабаровскомъ сѣздѣ (1893 г.) было заявлено, что „кража эта существуетъ въ большей или меньшей степени на каждомъ пріискѣ, но едва ли она достигаетъ гдѣ-нибудь большихъ размѣровъ, чѣмъ въ Приамурскомъ краѣ“. Рабочіе похищаютъ золото съ открытыхъ разрѣзовъ и промывальной машины „не только ночью, но и днемъ, особенно въ льготные отъ работъ дни“. Сбыть краденое золото не трудно у мелкихъ золотопромышленниковъ, занимающихся такими аферами ³⁾. Въ Благовѣщенскѣ и другихъ мѣстахъ на Амурѣ

чему свидѣтельству г. Бадевича: „теперь самое обыкновенное явленіе, что рабочій послѣ лѣтней операціи (!) возвращается съ 200—300 р., а люди, пробившіе года 2 на пріискахъ выносятъ и по 500—600 р.“ (стр. 151). Въ 1894 г. на пріискѣ Т-ва Ельцова и Левашева Амгунской системы средняя додача равнялась 78 р. *Н. Боголюбскій*, 25.

¹⁾ Всего рабочихъ въ компаніи въ эту операцію (1873—74 г.) было зимою около 700, лѣтомъ 1350 человекъ.

²⁾ Договоръ съ Верхне-Амурской К^о 1871 г.; по контракту съ нею же 1883 г. должники обязывались оставаться до отработки долговъ.

³⁾ На томъ же Хабаровскомъ сѣздѣ было сообщено, что „равнаго званія люди, приобрѣта право на золотопромышленность, т.-е. запасшись дозволеннымъ свидѣтельствомъ, предпочитаютъ исканію новыхъ золотыхъ розсыпей простое хищеніе золота съ чужихъ заявленныхъ площадей... Пользуясь предоставленнымъ имъ правомъ занимать каждую свободную мѣстность“, они „стараятся обыкновенно захватить какую-нибудь площадь вблизи работающаго пріиска. Утвердившись здѣсь, они занимаются

пріисковые рабочіе продаютъ вынесенное съ промысловъ золото и китайцамъ ¹⁾).

Къ 10 сентября обыкновенно оканчивается промыска золота, и въ этотъ день производится расчетъ рабочихъ ²⁾. Ниманская К^о, въ отчетѣ за 1892 г., сообщаетъ, что пріисковое управленіе не мѣшало рабочимъ оставлять работы до наступленія контрактнаго срока, принимая во вниманіе, что многіе изъ рабочихъ, въ особенности же семейные и изъ дальнихъ губерній, рассчитывались ранѣе, чтобы возвратиться домой лѣтомъ, когда можно пробѣжать на пароходахъ. Такое благодушіе компаніи объясняется, во-первыхъ, тѣмъ, что въ этомъ году она принимала рабочихъ безъ задатковъ и слѣдовательно, работая на пріискахъ, они не могли быть въ долгу, а, во-вторыхъ, тѣмъ, что теперь предложеніе труда на амурскихъ промыслахъ въ это время превышало спросъ.

Что касается мѣста расчета, то по договору съ Верхне-Амурскою К^о (1871 г.) оно могло выдать рабочимъ деньги на пріискахъ, на пристани, или въ Горбицѣ, или въ Срѣтенскѣ (въ позднѣйшихъ договорахъ этой К^о о мѣстѣ расчета не упоминается). Напротивъ, по договору съ Ниманскою К^о (1883 г.) управленіе могло выдать рабочимъ деньги тамъ, гдѣ оно само назначить; по договору съ Зейскою К^о (первой половины 80-хъ гг.) деньги выдаются „по усмотрѣнію управленія“ въ Благовѣщенскѣ, Черныяковѣ или Срѣтенскѣ. Выдача денегъ во время операціи по просьбамъ рабочихъ или высылка ихъ родственникамъ зависѣла по контрактамъ отъ усмотрѣнія управленія.

По словамъ г. Оранскаго въ отчетѣ за 1889 г., „на тѣхъ пріискахъ, гдѣ число рабочихъ ничтожно..., рабочіе рассчитываются и получаютъ деньги на мѣстѣ въ пріисковыхъ конторахъ; тамъ же, гдѣ рабочая команда большая, расчетъ хотя производится на пріискахъ, но деньги получаютъ рабочими въ Благовѣщенскѣ или на Джагиндинской пристани по ордерамъ, выдаваемымъ пріисковыми конторами“. Г. Оранскій объясняетъ это тѣмъ, что перевозить большія суммы по тайгѣ на пріискѣ опасно, а также тѣмъ, что на пріискахъ рабочіе могутъ спустить значительную часть заработка спиртоносамъ. „Конечно,

---

покупкой краденаго золота... главнымъ образомъ у рабочихъ этого сосѣдняго съ ними пріиска, что извѣстно и административнымъ лицамъ“. „Труды III Хаб. съѣзда“, 1893 г. стр. 147, стр. 66—67, 151; срав. „Вост. Обоз.“ 1895 г., № 12, стр. 2.

¹⁾ „Труды III Хаб. съѣзда“, стр. 148, 153; „Сиб. Сборн.“ 1889 г., вып. I, 47. Бываютъ случаи, что рабочіе, выносящіе золото съ пріисковъ, запрягиваютъ его даже въ задній проходъ.

²⁾ Впрочемъ, въ Ниманской К^о промыска оканчивается 10—20 сент. „Вѣсти. Зол.“ 1893 г. № 9, стр. 139, въ Амгунской системѣ иногда и позднѣе, въ Хинганской на пріискахъ Т-ва Рубинова и К^о—10 октября. *Богдоловскій*, 178.

и въ Благовѣщенскѣ остается въ кабакахъ достаточно денегъ, полученныхъ присковыми рабочими, но покупать водку въ кабаки и у спиртоносовъ въ тайгѣ не все равно, потому что тамъ бутылка ея стоитъ 8—10 р., т.-е. за 4—5 бутылокъ рабочій отдастъ иногда всѣ деньги, полученные имъ при расчетѣ“ ¹⁾).

И здѣсь, какъ и въ другихъ золотопромышленныхъ системахъ, значительная часть заработка пропивается рабочими „или на самомъ прискѣ, или на дорогѣ, причѣмъ обираниемъ рабочаго не брезгаютъ сами присковые довѣренные и служащіе“ ²⁾. По словамъ г. А. Я. (1889 г.), „на Джалиндинской пристани производится расчетъ рабочихъ—выдача денегъ по квитанціямъ какъ рабочимъ близъ лежащихъ присковъ, такъ и зейскимъ, прибывающимъ сюда съ Зен осенью на пароходахъ. Во время расчета здѣсь скопляется до 1500 человѣкъ. Пароходы останавливаются только на сутки. За эти сутки купцы успѣваютъ однако сбыть, что возможно... Водка, конечно, первый продуктъ, золото лучшая уплата, а у прискателей всегда найдется малая толика краденаго“ ³⁾.

Благовѣщенскъ оживляется весною и осенью при проходѣ рабочихъ. Ради удовлетворенія ихъ потребностей, стѣсняемыхъ незначительнымъ количествомъ женщинъ на промыслахъ, въ Благовѣщенскѣ проституція развита въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. „Лучшія улицы заняты домами терпимости. Потребность такова, что даже Японія пришла на помощь, и въ Благовѣщенскѣ открытъ цѣлый рядъ японскихъ домовъ терпимости“ ⁴⁾.

Относительно возвращенія рабочихъ съ амурскихъ промысловъ мы находимъ слѣдующія постановленія въ контрактахъ. Въ договорѣ Верхне-Амурской К^о 1871 г. сказано: „тѣ изъ насъ, которые, по истеченіи срока сему условію, не пожелаютъ остаться въ работахъ, обязаны по окончаніи работъ немедленно слѣдовать съ присковъ на пристань К^о или въ Албазинскую станицу по указанію промысловаго управленія. Оттуда К^о обязана отправлять насъ на пароходѣ до Срѣтенска, выдавая намъ на время пути потребное количество сухарей по 2½ ф. и мяса по 1 ф. въ сутки ⁵⁾, или взаменъ мяса на приварокъ и квартиры по 15 коп. въ сутки и особо на весь рейсъ по ¼ кирпича чаю на человѣка. Если же пароходъ не будетъ имѣть возможности дойти до Срѣтенска, то можетъ высадить насъ въ одномъ изъ селеній на р. Шилкѣ, но во всякомъ случаѣ не

¹⁾ Арх. Ирк. Горн. Упр. Почти буквально то же повторяетъ г. Оранскій и въ отчетѣ за 1893 г. „Прим. Вѣдом.“ 1894 г. № 27, Прил. стр. 3—4.

²⁾ „Восточ. Обзор.“, 1886 г. № 32, стр. 10. О кутежѣ въ Благовѣщенскѣ по полученіи расчета см. „Сибирь“ 1882 г. № 48, стр. 6.

³⁾ „Сиб. Сборн.“ 1889 г., вып. I, стр. 47.

⁴⁾ „Вост. Об.“ 1893 г. № 28, стр. 5.

⁵⁾ Въ дѣйствительности въ 1871 г. выдавалось по 1½ ф. мяса. Арх. Ирк. Горн. Упр. К. 2549 № 126—71, л. 170.

ближе станціи Покровской". Въ договорѣ съ тою же К^о 1883 г. сказано, что тѣ изъ рабочихъ, которые будутъ разсчитаны ранѣе или позднеѣ срока, не имѣютъ права вывоза ихъ на пароходахъ, но получаютъ дорожное продовольствіе; разсчитавшіеся же до срока по своему желанію, хотя и съ согласія управленія, лишаются и дорожнаго пайка. По договору съ тою же К^о, 1886 г. присковое управленіе сверхъ дорожнаго продовольствія обязалось выдать на путевые расходы работавшимъ на Джалиндинскихъ прискахъ по 5 р., а на Зейскихъ по 10 р. ¹⁾. Въ договорѣ Ниманской К^о (1883 г.) ниня условія: „по окончаніи срока контракта, *выходъ* съ мѣста работъ въ г. Благовѣщенскъ, и по полученіи окончательнаго разсчета вообще всякія обязательства по настоящему контракту прекращаются": слѣдовательно, компанія не объявлялась вывозить рабочихъ. По договору Зейской К^о (первой половины 80-хъ гг.) выдача провизіи послѣ разсчета могла быть замѣнена денежнымъ вознагражденіемъ приблизительно отъ 10 до 15 р., смотря по цѣнамъ на припасы; отъ присковъ до Лунгинскаго склада рабочіе обязывались идти пѣшкомъ, а оттуда К^о должна была отправить ихъ на пароходѣ до Срѣтенска.

Въ 1871 г. рабочіе Верхне-Амурской К^о стали съ 1 сентября выходить для разсчета на Джалиндинскую пристань небольшими партіями. Нѣсколько десятковъ человѣкъ, слабыхъ и неспособныхъ къ работѣ, были разсчитаны 4-го, а остальные 13—18-го сентября. Рабочіе были отправлены на 3 пароходахъ одинъ за другимъ, причеиъ послѣдняя партія, выѣхавшая 18-го числа, должна была высадиться по мелководью въ Покровскъ ²⁾. Въ 1879 г. выходъ рабочихъ Ниманской К^о былъ въ октябрѣ мѣсяцѣ, такъ какъ разсчетъ былъ произведенъ 1 октября; рабочіе были отправлены отъ Усть-Умалты до Пайканскаго склада на лодкахъ, а оттуда шли до Благовѣщенска пѣшкомъ. Въ 90-хъ гг. рабочіе Ниманской К^о спускались на лодкахъ по Бурѣ въ Амуръ до ст. Иннокентьевской, гдѣ садились на проходящій пароходъ или плыли въ лодкахъ по Бурѣ до первыхъ деревень (Бахирево, Киселевка), а потомъ сухопутнымъ трактомъ ѣхали на свой счетъ до Благовѣщенска ³⁾. Въ 1880 г. рабочіе съ Зейской К^о, выйдя съ присковъ 11 сентября, шли пѣшкомъ до Инарагдинскаго склада на р. Зеѣ, затѣиъ плыли на лодкахъ и плотахъ до Лунгинскаго склада, а оттуда до Благовѣщенска и Срѣтенска на пароходахъ. Рабочіе энергично отстаивали свои права на вывозъ ихъ съ присковъ на пароходахъ, какъ видно, между прочимъ, изъ разсказа золотопромышленника Шанявскаго ⁴⁾. Въ половинѣ 90-хъ гг. крупныя компаніи вывозили рабочихъ на парохо-

¹⁾ Бацевичъ, Прилож., стр. 7—8.

²⁾ Послѣдніе получили по 3 р. 20 к. на человѣка, по 34 ф. сухарей, по 12 ф. мяса и по $\frac{1}{2}$ кирпича. Арх. Ирк. Горн. Упр. К. 2549, № 126—71, л. 170—171.

³⁾ „Амур. Газ.“ 1895 г. № 21, стр. 749.

⁴⁾ См. „Сибирь“, 1886 г. № 34. О вывозѣ рабочихъ въ 1893 г. см. „Приам. Вѣдом.“, 1894 г., № 27, прил., стр. 4.

дахъ на свой счетъ въ Благовѣщенскъ, а нанятыхъ въ Забайкальѣ— въ Срѣтенскъ ¹⁾).

При выходѣ рабочихъ, какъ и въ другихъ системахъ, дѣло не обходилось безъ кутежей ²⁾); но, по словамъ г. Бацевича, „прежній типъ безобразника-прискателя мало-по-малу исчезаетъ; по заявленію служащихъ, нравственный обликъ присковаго рабочаго значительно измѣнился къ лучшему. Въ настоящее время уже не слышно о тѣхъ безобразіяхъ, которыя сопровождали въ недалекомъ прошедшемъ выходъ присковыхъ рабочихъ послѣ разчета... ³⁾). Прежде не справлялись съ качествами рабочихъ и завѣдомо дурныхъ людей брали, лишь бы только имѣть ихъ въ достаточномъ количествѣ. Въ послѣдніе же годы... предложеніе повысило спросъ на столько, что явилась возможность выбирать“ (стр. 151).

Часть рабочихъ послѣ осенняго разчета вновь нанимается на присковую работу на весь годъ послѣ отдыха отъ 3 до 10 дней. „Существуютъ уже тысячи людей, которые сдѣлались буквально неспособными къ другой“ работѣ „и только годны и полезны на прискахъ въ глухой тайгѣ“ ⁴⁾).

---

¹⁾ „Амур. Газета“ 1895 г. № 6, стр. 224.

²⁾ См. „Вост. Обоз.“ 1886 г. № 5, стр. 9.

³⁾ Хотя, конечно, бываютъ случаи прокучиванія всего заработка. См. „Амур. Газ.“ 1895 г., стр. 752, 782—783.

⁴⁾ „Амур. Газета“ 1895 г., № 22, стр. 779; № 18, стр. 459; № 23, стр. 809.

ГЛАВА VIII.

Ссылно-каторжные и вольнонаемные рабочіе на Нерчинскихъ кабинетскихъ промыслахъ послѣ 1861 года.

Въ 1861 г. мастеровые Нерчинскихъ заводовъ и золотыхъ промысловъ получили свободу отъ обязательныхъ работъ на тѣхъ же условіяхъ, какъ и алтайскіе мастеровые; но и послѣ того многихъ изъ нихъ нужда заставляла продолжать прежнія работы уже по вольному найму ¹⁾. Если мастеровые превратились по большей части въ вольнонаемныхъ рабочихъ на кабинетскихъ и частныхъ золотыхъ промыслахъ, то все-таки на кабинетскихъ промыслахъ остался еще значительный контингентъ обязанныхъ рабочихъ, а именно—ссылно-каторжные: въ 1864 г. ихъ было на нерчинскихъ золотыхъ промыслахъ 2608 чел. ²⁾. Каторжные эти распредѣлялись главнымъ образомъ между Карійскими промыслами, гдѣ въ половинѣ 60-хъ гг. ихъ было около 1200 чел., и Шахтаминскими, гдѣ въ 1862 г. считалось около 1300 чел. ³⁾. Въ 80-хъ годахъ ссылно-каторжные (въ томъ числѣ и государственные преступники) были уже сосредоточены на Карійскихъ промыслахъ, гдѣ кабинетъ обязанъ былъ давать работы каторжнымъ, хотя бы и безъ выгоды для себя ⁴⁾. Въ 1885 г. на Карійскихъ промыслахъ работало около 1800 чел. каторжныхъ; всего же съ женами и дѣтьми, добро-

---

¹⁾ *Багашевъ*. „Письма изъ Приаргуны“. „Сборникъ газеты Сибирь“, т. I, 249, „Владивостокъ“ 1887 г. № 5, стр. 8.

²⁾ Арх. Ирк. Горн. Упр. К. 1668, № 99—161, л. 130.

³⁾ *Максимовъ*. „Сибирь и каторга“, I, 106, II, 226. Арх. Ирк. Горн. Управ. К. 1638, № 8, л. 72.

⁴⁾ *М. Герасимовъ* въ „Спб. Вѣд.“ 1881 г. № 103.

вольно послѣдовавшими за мужьями, было 2507 чел.¹⁾ Къ 1882 г. государственныхъ преступниковъ-каторжанъ было 123 человекъ, но ихъ уже не выслали въ это время на работы въ разрѣзахъ²⁾. Съ 1885 г. каторжныхъ вообще все менѣе и менѣе употребляли на присковныя работы и въ началѣ 90-хъ гг. уже вовсе не наряжали на нихъ³⁾.

Вольнонаемные рабочіе нанимались управляющими золотыхъ промысловъ и особо командированными для этого довѣренными. Когда, въ августѣ 1861 года, управляющій Бальджинскимъ промысломъ, поручикъ Шестаковъ, просилъ М. С. Корсакова, исправляющаго должность иркутскаго генералъ-губернатора, объ утвержденіи представленнаго имъ контракта для найма рабочихъ, то Корсаковъ отвѣчалъ ему, что „договоры съ рабочими должны быть заключаемы на точномъ основаніи правилъ, изложенныхъ въ 2484 и 2494 ст. Устава Горнаго и сообразно порядку, существующему на частныхъ золотыхъ промыслахъ, и мѣстнымъ обстоятельствамъ“ и что онъ можетъ заключать ихъ самъ⁴⁾. По отчету о нерчинскихъ промыслахъ 1883 г., наемъ рабочихъ начинался въ послѣднихъ числахъ сентября и продолжался до марта; онъ производился въ Читинскомъ, Нерчинскомъ, Нерчинско-Заводскомъ и Верхнеудинскомъ округахъ, а частью въ городѣ Иркутскѣ особо командированными довѣренными, а также и промысловымъ управленіемъ послѣ расчета команды, большею частью на зимнія работы. Какъ и въ другихъ мѣстахъ, рабочіе нанимались или на годъ, или отдѣльно на лѣтнія и зимнія работы⁵⁾.

Мы имѣемъ два договора (одинъ 70-хъ, другой—80-хъ гг.) для найма рабочихъ на нерчинскіе кабинетскіе промысла. До 1861 г. на Бальджинскомъ промыслѣ вольныхъ рабочихъ нанимали съ 1 марта до 15 сентября; управляющій промысломъ Шестаковъ назначилъ вмѣсто этого срокъ работъ съ 1 апрѣля до 1 октября „для избѣжанія производства работы въ самое худое время, въ теченіе марта мѣсяца“⁶⁾. Въ договорѣ найма на нерчинскіе промысла 80-хъ гг. сохраненъ этотъ

¹⁾ *Kennan*, Sibirien. Verlag von Reclam, II, 51. Данныя о всемъ числѣ рабочихъ и количествѣ добытаго золота на Нерчинскихъ кабинетскихъ промыслахъ см. въ *Дополненіи XXII*.

²⁾ *Kennan*, II, 108, *Анучинъ*, „Матеріалы“ т. I, *Мишля*, „Въ дали“, 314.

³⁾ „Забайкалье. Кратк. истор. геогр. и статист. очеркъ Забайк. обл.“ Изд. Забайк. обл. статист. комит. 1891 г., стр. 99. „Десять лѣтъ тому назадъ только на Карѣ на одной машинѣ работала часть изъ каторжныхъ, а теперь давно и въ поминѣ ихъ нѣтъ“. „Степной Край“ 1895 г. № 46, стр. 3.

⁴⁾ Арх. Иркут. Горн. Упр. К. 1496, № 139—218, л. 1—8.

⁵⁾ Арх. Иркут. Горн. Упр. К. 2769, № 58—68, л. 322, *Эйхвальдъ*, „Кратк. очеркъ золотого производства Нерчинск. Горн. Окр.“ „Горн. Журн.“ 1868 г. № 11, стр. 206.

⁶⁾ Окончаніе промывки золота 1 октября назначено и по „Рабочему положенію нерчинскихъ промысловъ 1876 г.“. Иркутскъ 1880 г.

сроку — 1 октября. Въ отличіе отъ договоровъ частныхъ золотопромышленниковъ, которые предоставляютъ себѣ право рассчитать рабочихъ по своему усмотрѣнію до срока найма, въ контрактѣ кабинетскихъ промысловъ 70-хъ гг. сказано: „мѣстное управленіе безъ согласія нашего не можетъ отказать намъ въ работѣ до срока, а въ случаѣ увольненія выдаетъ намъ содержаніе не въ зачетъ за три мѣсяца, а если до срока наемки кому либо изъ насъ остается пробыть менѣе трехъ мѣсяцевъ, то выдаетъ ему содержаніе только до того срока; но если же кто изъ насъ будетъ обвиненъ въ преступленіи, или уже въ работахъ по повторительной лѣности и дурному поведенію терпимъ быть не можетъ, тотъ, по засвидѣтельствованію о томъ артельною расправою, увольняется безъ вознагражденія во всякое время“. Промысловое управленіе имѣло также право прекратить договоръ ранѣе срока вслѣдствіе непредвидѣнныхъ несчастныхъ случаевъ, какъ, напр., падежа лошадей, ножара и проч. Въ договорѣ 80-хъ гг. этотъ пунктъ измѣненъ не въ пользу рабочихъ: по этому контракту, промысловое управленіе не имѣло права рассчитывать до срока рабочаго, „незамѣченнаго въ предосудительныхъ поступкахъ“, но признать поведеніе рабочаго „предосудительнымъ“ зависѣло не отъ артельной расправы, какъ въ договорѣ 70-хъ гг., а отъ усмотрѣнія управленія: „если кто будетъ замѣченъ въ лѣности, нерадѣніи, грубомъ обхожденіи съ лицами промысловаго надзора и другихъ предосудительныхъ поступкахъ, то промысловое управленіе, смотря по мѣрѣ виновности, или увольняетъ виновнаго вовсе отъ работъ *безъ всякаго вознагражденія* ¹⁾, о чемъ даетъ вмѣстѣ съ тѣмъ знать въ надлежащее сословное управленіе, или переводитъ рабочаго, по своему усмотрѣнію, на другой изъ промысловъ Кабинета Его Величества“. Въ случаѣ болѣе поздняго прихода на промыселъ, чѣмъ назначено въ контрактѣ, по болѣзни или другимъ уважительнымъ причинамъ, рабочіе по договору 70-хъ гг. должны были представить удостовѣреніе „подлежащей власти, т.-е. священника, полиціи, волостного или станичнаго правленія того мѣста, гдѣ послѣдовала остановка“ ²⁾, а за неявку безъ уважительныхъ причинъ назначался штрафъ. Подобное же постановленіе есть и въ договорѣ 80-хъ гг., въ которомъ назначенъ штрафъ за каждый просроченный день. Дорожнаго пайка рабочимъ не выдавалось ни при слѣдованіи ихъ на промысла, ни при обратномъ путешествіи ³⁾.

По рабочему положенію нерчинскихъ золотыхъ промысловъ 1876 г.,

¹⁾ Даже не пояснено, что это должно означать: безъ вознагражденія за время, оставшееся до срока найма.

²⁾ Изъ правилъ о наймѣ рабочихъ на сб. золот. промыслы, составл. прилож. къ Уставу о золотопромышленности 1870 г.

³⁾ Арх. Ирк. Горн. Упр. К. 2769, № 58—68, л. 322 об.

предписано было рабочимъ „честнаго званія“ давать задатки „на таежныхъ промыслахъ“ не болѣе 80-ти рублей, а на прочихъ—до 60 руб., ссыльно-поселенцамъ на всѣхъ промыслахъ—до 30 руб. и только въ крайнемъ случаѣ—до 50 рублей ¹⁾). При наймѣ рабочихъ осенью 1875 г. управленіе кабинетскихъ промысловъ выдавало задатки отъ 50 до 70 рублей. Въ 1882 г. задатки поселенцамъ равнялись 30—60 руб., лицамъ „честнаго званія“ 40—100 руб., въ 1883—84 гг. первымъ 25—60 руб., вторымъ 60—100 руб. ²⁾). По официальнымъ отчетамъ, средній разиѣръ задатка въ 1882 г. равнялся 42 руб., въ 1883 г.—51 руб., въ 1884 г.—56 руб. ³⁾).

Въ 1884 г. начальникъ ирчинскаго округа сдѣлалъ очень важное и полезное распоряженіе: воспретилъ нанимать рабочихъ моложе 18-ти и старше 60-ти лѣтъ ⁴⁾).

Въ 1883 г. не явилось на кабинетскіе промысла 4% всѣхъ нанятыхъ рабочихъ, въ 1884 г.—5%. Нанятые рабочіе иногда не являлись потому, что на пути нанимались къ мѣстнымъ жителямъ во время полевыхъ работъ за плату въ одинъ рубль въ день: очевидно, они находили полевую работу болѣе легкой сравнительно съ промысловыми.

По договору 70-хъ гг. отъ усмотрѣнія управляющаго зависѣло перевести рабочихъ „съ одного промысла на другой въ свободное отъ работъ время“ безъ вознагражденія за этотъ переводъ, по договору же 80-хъ гг. разрѣшалось переводить рабочихъ лишь съ одного стана на другой того же промысла.

„Въ случаѣ сильнаго ненастья“, сказано въ договорѣ 80-хъ гг., „работы могутъ быть приостановлены не иначе, какъ съ разрѣшенія управляющаго съ тѣмъ, чтобы тѣ дни отработать въ дни льготные“ ⁵⁾).

Въ праздники и воскресные дни, какъ и у частныхъ золотопромышленниковъ, рабочіе обязывались работать за исключеніемъ двухъ дней въ мѣсяцъ, назначаемыхъ для отдыха по усмотрѣнію присковаго управленія. Въ договорѣ 80-хъ гг. прибавлено, что въ число этихъ

¹⁾ Мин. Имп. Двора предписалъ въ 1876 г. давать задатки не болѣе 50 руб., но, какъ, видно приходилось давать и болѣе этой суммы. Онъ предписалъ также, чтобы при наймѣ ссыльно-поселенцевъ на кабинетскіе золотые промыслы уплата 2 р. 50 к. въ экономической капиталъ и на устройство осѣлости ссыльно-поселенцевъ производилась на счетъ рабочихъ, что противорѣчило законамъ (см. выше т. I этого труда стр. 79, 171). „Рабочее положеніе ирчинск. зол. промысл. Каб. Е. В. 1876 г.“. Иркут. 1880 г.

²⁾ „Сибирь“ 1875 г. № 22, стр. 3, Арх. Иркут. Горн. Упр. К. 2768, № 63—53, л. 420, 2769, № 58—68, л. 322 об.

³⁾ Арх. Иркут. Горн. Управ. К. 2768. № 63—53, л. 417 об., 2769, № 58—68, л. 312 об., 2761, № 110—100, л. 372 об.

⁴⁾ „Сибирь“ 1885 г. № 1, стр. 8.

⁵⁾ Подобное же правило и въ договорѣ 70-хъ гг.

льготныхъ дней не входятъ слѣдующіе праздники: первые два дня Рождества, первые два дня Пасхи, дни тезоименитства Государя, Государыни и Наслѣдника, дни Вознесенія, Преображенія, Богоявленія и Благовѣщенія, въ которые рабочіе освобождаются отъ работъ сверхъ двухъ льготныхъ дней; слѣдовательно, по этому договору рабочіе могли имѣть всего 35 дней отдыха въ годъ.

По договору 80-хъ гг. работа должна была продолжаться съ 5 час. утра до 8 вечера съ промежутками на завтракъ, обѣдъ и отдыхъ не болѣе двухъ часовъ, т.-е. продолжительность рабочаго дня равнялась 13 часамъ; если же промышленное управленіе найдетъ нужнымъ назначать рабочихъ на ночныя работы, то они должны были трудиться съ 7 час. вечера до 5 час. утра съ отдыхомъ въ теченіе одного часа, т.-е. продолжительность ночной работы равнялась 9 часамъ. По договору 70-хъ гг. также допускались ночныя работы „по промыслу золота“, при чемъ рабочіе обязывались выполнить такой же урокъ, какъ и при дневной работѣ, слѣдовательно, по контракту 70-хъ гг. ночная работа должна была быть продолжительнѣе, чѣмъ по договору 80-хъ гг. По „Рабочему Положенію нерчинскихъ золотыхъ промысловъ 1876 г.“ весною (съ 1 апрѣля по 1 мая) полагалось 8 рабочихъ часовъ въ день, лѣтомъ съ 1 мая по 1 октября—по 10 часовъ въ день, осенью съ 1 октября по 16 ноября—по 8 часовъ и зимою съ 16 ноября по 1 апрѣля—по 6 час. въ день. Въ контрактахъ, какъ мы видѣли, назначалась для вольныхъ рабочихъ большая продолжительность рабочаго дня. Каторжные рабочіе на Карѣ работали зимою съ 7 час. утра до 5 час. вечера, лѣтомъ съ 5 час. утра до 7 вечера, при чемъ значительная часть этого времени употреблялась на ходьбу изъ тюрьмы до разрѣзовъ ¹⁾).

Какъ и на частныхъ промыслахъ, вольнонаемные рабочіе могли оставлять работу ранѣе назначеннаго въ договорѣ часа, если ими былъ выполненъ урокъ.

На Балъджинскомъ промыслѣ, по договору 1861 г., въ будни 5 рабочихъ при 2 лошадахъ должны были вырабатывать на торфахъ 2 саж. въ счетъ хозяйскаго урока и ¹/₂ саж. въ старанье, а на пескахъ на то же количество полагалось 6 чел. при 3 лошадахъ. ²⁾ Урокъ этотъ не всегда могъ быть выполненъ, и нерѣдко не по винѣ рабочихъ: „отъ недостаточной подготовки промысла техническими работами именно по торфамъ“, писалъ управляющій Балъджинскаго промысла въ 1861 г., „нерѣдко встрѣчается или мерзлый грунтъ земли, или до того трудная для работъ порода, что выработать двѣ сажени торфова въ одинъ день пятью человѣками нѣтъ никакой возможности“. А между тѣмъ за недоработку урока въ будни производили вычетъ по оцѣнкѣ старательской платы ³⁾. Въ половинѣ

¹⁾ Kennan, „Sibirien“, II, 64.

²⁾ Арх. Ирк. Горн. Упр. К. 1496 № 182—218, л. 1 об.

³⁾ Арх. Ирк. Горн. Упр. Ibid. л. 1.

60-хъ гг. на выработку 1 куб. саж. торфа назначалось пѣшихъ отъ 5 до 7 чел., конныхъ отъ 2 до 4 чел. при 1—1,5 лошади съ таратайкою. При вѣчной мерзлотѣ почвы добычу торфа производили здѣсь зимою, такъ какъ только въ мерзломъ состояніи онъ легко добывался кайлою при помощи клина и молота; весною, когда протаютъ находящіеся подъ торфомъ наносные пласты, ихъ добывали, по мѣрѣ протайки, слоями. При этомъ старались, чтобы все нужное пространство золотосодержащаго пласта было непремѣнно освобождено отъ торфовъ къ июлю мѣсяцу; въ противномъ случаѣ не весь пластъ успѣвалъ протаять въ то время, когда производилась промывка, и долженъ былъ остаться невынутымъ до слѣдующаго года. На выработку одной куб. сажени золотосодержащаго пласта, смотря по дальности подвозки къ машинѣ и трудности добычи, задолжалось пѣшихъ рабочихъ отъ 4 до 6 чел., конныхъ отъ 2 до 4 чел. при 1 лошади съ таратайкою¹⁾. Въ 80-хъ гг., по договору этого времени, размѣръ уроковъ былъ значительно увеличенъ. Съ 1 мая по 1 сентября артель изъ 7 чел. при 3 лош. должна была выработывать на торфахъ и пескахъ по 4 куб. саж., получая плату и въ томъ, и въ другомъ случаѣ по 1 р. 50 к. за каждую куб. сажень. За сверхурочную работу плата была назначена повышенная: на торфахъ за первую сажень 2 рубля, за вторую—3 р. 50 к.; на пескахъ за первую сажень 2 руб. 50 коп., за вторую—3 р. 50 к. Съ половины сентября по ноябрь и съ 1 апрѣля по 1 мая одну куб. саж. должны были добыть 2½ чел. и 1 лошадь. При работахъ пѣшихъ, съ откосомъ земли на носилкахъ, съ 1 мая по 1 сентября, 4 чел. должны были выработывать одну куб. саж., получая за нее 2 руб., а за сверхурочную работу—за первую сажень 3 р., за вторую 4 руб.²⁾. Съ 1 ноября по 1 апрѣля, при пѣшей работѣ и откосѣ земли на носилкахъ, рабочіе обязывались выработывать одну куб. саж. 4-мя чел., получая плату по 2 руб. за сажень, а за сверхурочную работу—за первую сажень 3 руб., за вторую 4 руб.³⁾.

На Бальджинскомъ промыслѣ въ 1861 г., въ случаѣ недоработки урока, соотвѣтственный вычетъ производился изъ старательской платы: если рабочій въ будній день не дорабатывалъ ½ саж. хозяйскаго урока, то вмѣсто 36 коп. съ него вычитали 1 рубль старательской платы, за пески вмѣсто 41 коп. удерживали 1 р. 50 к. По предложенію управляющаго, поручика Шестакова, порядокъ этотъ былъ отмѣненъ и вычетъ стали производить по расцѣнкѣ урочной, а не старательской платы⁴⁾. Но позднѣе, на другихъ нерчинскихъ промыслахъ, мы вновь встрѣчаемъ вычетъ по расчету старательскаго вознагражденія. По до-

¹⁾ *Эйхвальдъ*, стр. 195, 196, 198, 207—208. Такой же урокъ былъ назначенъ и по рабочему положенію 1876 г.

²⁾ „Въ тѣхъ случаяхъ, когда назначенный урокъ невыполнимъ, какъ при производствѣ работъ въ пластахъ глинистыхъ и каменистыхъ, въ пловучей породѣ и почвенныхъ пескахъ, промышленное управленіе, соображаясь съ качествомъ пласта, измѣняетъ положеніе, назначаетъ другой, соотвѣтствующій работамъ урокъ, въ чемъ составляетъ удостовѣряющій актъ за подписомъ двухъ лицъ промышленнаго надзора и одного выборнаго отъ команды рабочихъ“.

³⁾ На Шахтминскомъ промыслѣ въ 1886 г. за урочную сажень платили 15 к., а за старательскую 2 р. „Владивостокъ“ 1886 г. № 2, стр. 4.

⁴⁾ Арх. Ирк. Горн. Упр. К. 1496, № 132—218; л. 1.

говору 70-хъ гг., за невыработку урока въ теченіе недѣли и неявку отъ одного до семи дней условлено было требовать работы въ льготные дни или вычитать изъ старательской и задѣльной платы вдвое противъ платы, положенной за ту же работу ¹⁾. За неявку на работу болѣе 7 дней рабочій, по договору 70-хъ гг., подвергался законной отвѣтственности, какъ за побѣгъ.

На Бальджинскомъ промыслѣ въ 1861 г. ежедневно нѣкоторое количество рабочихъ увольнялось на отдыхъ „по уважительнымъ причинамъ, а именно, вслѣдствіе изнуренія и маловажныхъ болѣзней, но въ томъ и другомъ случаяхъ по строгому освидѣтельствуванію лѣкаря“ въ присутствіи управляющаго промысломъ или его помощника. Съ людей, уволенныхъ такимъ образомъ на отдыхъ, работа, потерянная въ будній день, вычиталась по оцѣнкѣ старательскаго труда. По ходатайству управляющаго, Шестакова, въ этомъ году было разрѣшено, по примѣру частныхъ промысловъ Чикойской системы, за тѣ дни, въ которые рабочій, вслѣдствіе изнуренія или незначительной болѣзни, былъ уволенъ на отдыхъ, взысканія съ него никакого не дѣлать, тѣмъ болѣе, что за нерабочій день платы не производилось ²⁾.

Существовала также на промыслахъ для нѣкоторыхъ работъ и поденная плата: на Бальджинскомъ промыслѣ въ 1863 г. на вспомогательныхъ техническихъ работахъ платили въ будни 10—15 коп., за праздничную поденщину 50 коп.—1 руб., на работахъ по промысламъ песковъ—въ будни 50 коп., въ праздники 1 р. 25 к.

На Бальджинскомъ промыслѣ въ 1863 г. плата за самородки съ 60 коп. за золотникъ была повышена до 80 коп. Въ половинѣ 60-хъ гг. платили за подъемное золото на нерчинскихъ промыслахъ по 1 руб. за золотникъ ³⁾. Въ началѣ 70-хъ гг. плата за золотникъ золота равнялась 1 р. 50 к. ⁴⁾, а по договорамъ 70-хъ и 80-хъ гг. за золотникъ подъемнаго золота была назначена плата по 2 руб., но только при

¹⁾ Двойной вычетъ производился и въ 1884 г. „Сибирь“ 1884 г. № 45, стр. 7. По договору 80-хъ гг. назначенъ вычетъ за недоработку въ полтора раза, и то лишь въ томъ случаѣ, если она произошла не отъ нерадѣнія, а отъ трудности работы или другихъ причинъ, не зависящихъ отъ рабочаго. За неявку на работу былъ назначенъ штрафъ по 1 р. за день отлучки или отработка по окончаніи контрактнаго срока. Въ 1884 г. рабочимъ было предложено, получивъ обратно деньги, вычтенныя за недоработку, отработать недоработанное количество послѣ 15 октября. „Сибирь“ 1885 г., № 1, стр. 8.

²⁾ Арх. Ирк. Горн. Управ. К. 1496, № 132—218, л. 1.

³⁾ Арх. Ирк. Горн. Упр. К. 1661, № 68—101, л. 7 об.; *Мишля*, „Въ дали“, 256—261.

⁴⁾ „Памятная книжка Забайк. Обл.“ 1871 г., „Очеркъ Забайкалья“, стр. 97.

окончательномъ разсчетѣ. Однако, на Шахтаминскомъ промыслѣ въ половинѣ 80-хъ гг. платили 1 р. 15 к. ¹⁾.

Мастеровые и разночинцы обыкновенно получали мѣсячное жалованье. На Бальджинскомъ промыслѣ въ 1861 г. плата конюхамъ, пекарямъ и поварамъ вмѣсто 7 руб. была опредѣлена въ 11 руб., но зато они были лишены старательской платы въ 50 коп. ²⁾. Въ 1863 г. на томъ же промыслѣ артельный староста получалъ лѣтомъ жалованья въ мѣсяцъ 15 руб. вмѣсто 12 руб., конюхи, бычники и шорники 11—18 руб., сторожа—по 8 руб. (вмѣсто 7-ми), повара и пекаря 13—15 руб.; соотвѣтственно увеличенію лѣтняго жалованья уменьшено было зимнее ³⁾. Въ половинѣ 60-хъ гг. мастеровые получали въ мѣсяцъ жалованья отъ 7 до 25 руб., прочіе разночинцы 5—20 руб., надворные работники 4 р. 50 к.—12 р. ⁴⁾. Въ 1883 г. на нерчинскихъ промыслахъ кузнецы получали 15—30 руб., плотники и пилющники 13—30 руб., чернорабочіе 5—30 руб. ⁵⁾.

Экстренныя работы, въ случаѣ наводненія, пожара и проч., рабочіе, какъ и вездѣ на промыслахъ, должны были исполнять во всякое время, не исключая и льготныхъ дней; за это въ 70-хъ и 80-хъ гг. имъ полагалась небольшая плата: по договору 80-хъ гг. не ниже 40 коп. зимой и 50 коп. лѣтомъ за поденщину.

22 марта 1861 г. М. С. Корсаковъ предписалъ Нерчинскому Горному Правленію сообразить и немедленно донести, „нельзя ли употреблять тюремныхъ арестантовъ въ свободное отъ казенныхъ уроковъ время, за надлежащимъ конвоемъ, на старательскія земляныя работы... съ выдачею денегъ трудящимся на руки, за вычетомъ только расходовъ назначенныхъ по табели, на пищу и одежду“. Вслѣдствіе этого, Нерчинское Горное Правленіе предписало Шилкинской горной конторѣ назначать на старательскія работы арестантовъ въ томъ размѣрѣ и съ тою платою, какая была указана въ смѣтѣ на 1861 г., чтобы покрыть передержку на ихъ содержаніе (передержка на каждого арестанта равнялась 6 р. 45 к.). Что касается выдачи денегъ на руки, то Нерчинское Горное Правленіе, хотя и признало, что это „единственная побудительная причина старательскихъ работъ для арестантовъ“, но нашло, что эта мѣра не соотвѣтствуетъ 294 ст. XIV т. Св. Зак., по которой собственныя деньги выдаются въ руки ссыльнокаторжнымъ

¹⁾ Вслѣдствіе такой низкой платы за подъемное золото на нерчинскихъ промыслахъ было сильно развито хищеніе и тайный сбытъ его. См. *Максимовъ*, „Сибирь и каторга“ I, 256—261, *Мишля*, 363—364.

²⁾ Арх. Ирк. Горн. Упр. К. 1496, № 139—218, л. 1 об.

³⁾ Арх. Ирк. Горн. Упр. К. 1661, № 68—101, л. 4.

⁴⁾ *Эйхвальдъ*, стр. 207.

⁵⁾ Арх. Ирк. Горн. Управ. К. 2769, № 58—68, л. 320 об.

только тогда, когда они получают позволеніе жить внѣ острога. „Старательская работа для арестантовъ, содержаніе которыхъ обязательно для заводоуправленія, не представляетъ для нихъ ничего привлекательнаго, такъ какъ деньги за нея во всякомъ случаѣ должны поступать въ уплату долговъ, о которыхъ они мало заботятся, между прочимъ и потому, что большая ихъ часть, высидѣвъ въ тюрьмѣ опредѣленный срокъ, при первой возможности дѣлаютъ побѣги, вновь оставляютъ долги и являются въ тѣ же тюрьмы подъ новыми именами. Выводъ арестантовъ на работы вольностарательныя возможенъ только въ праздничные дни съ отягощеніемъ военнаго караула, сосчитаннаго лишь по крайней необходимости, или потребуется добавленіе конвоя съ расходомъ на него. Въ будничные же дни оставленіе арестантовъ на работахъ выше времени обыкновенныхъ смѣнъ не совпадаетъ съ правилами военнаго караула, о чемъ уже возникали неоднократно вопросы“. Контора Шилкинскаго горнаго округа въ отвѣтъ на предписаніе Нерчинскаго Горнаго Правленія, донесла 8 мая 1862 г., что предписаніе это препровождено ею для исполненія какъ къ приставамъ Карійскихъ и Лунжанкинскаго промысловъ, такъ и къ смотрителямъ тюремъ и принято ими къ руководству, но расходы на содержаніе арестантовъ не могутъ быть покрыты заработкомъ на старательской работѣ, такъ какъ у арестантовъ вообще очень мало свободнаго времени отъ казенныхъ работъ, и хотя въ нѣкоторые праздничные дни они не работаютъ, но имъ необходимъ отдыхъ отъ тяжелыхъ лѣтнихъ работъ. Поэтому на Верхнекарійскомъ промыслѣ арестанты совсѣмъ не производили вольностарательскихъ работъ, на промыслахъ же Нижнекарійскомъ и Лунжанкинскомъ хотя они и занимались этими работами, но въ самомъ незначительномъ размѣрѣ. На первомъ изъ нихъ заработанные деньги были обращены на улучшение арестантской пищи, а на второмъ въ теченіе лѣта 1861 года было заработано только 96 руб.; изъ нихъ часть употреблена на погашеніе артельныхъ арестантскихъ долговъ, а остальные выданы на руки работавшимъ ¹⁾.

28 ноября Кабинетъ извѣстилъ испр. должн. генералъ-губернатора Восточной Сибири Корсакова, что министръ Двора согласился на то, чтобы производить сильно-каторжнымъ задѣльную плату сообразно съ количествомъ произведенной ими работы и по цѣнамъ, установленнымъ для вольнонаемныхъ работъ, „но выдавать эту плату не на каждаго преступника отдѣльно, а на всю рабочую артель, и заработанные ею деньги употреблять на содержаніе всей артели, въ которой могутъ быть и полносильные, и слабые работники“. Мѣра эта „можетъ быть полезна и въ томъ отношеніи, что устранить уклоненіе отъ работъ,

¹⁾ Арх. Ирк. Гор. Упр. К. 1639, № 21—135, л. 58, 64—65.

подъ предлогомъ слабости силъ, преступниковъ лѣнивыхъ“, такъ какъ товарищи, трудясь за нихъ, этого не допустить ¹⁾. Корсаковъ предписалъ исполнять мѣру, разрѣшенную министромъ Двора, но вмѣстѣ съ тѣмъ довелъ до свѣдѣнія предсѣдателя Кабинета, что, по его мнѣнію, употребляя всю заработную плату на содержаніе рабочей артели и не выдавая часть этой платы на руки трудящимся, нельзя будетъ вполнѣ достигнуть желаемой цѣли возбужденія полезнаго труда и улучшенія нравственности ссыльно-каторжныхъ ²⁾.

Вольнонаемные рабочіе получали на нерчинскихъ промыслахъ въ 60-хъ гг. слѣдующее продовольствіе въ мѣсяцъ: яричной муки по 2 п. 10 ф., крупы 7½ ф., мяса 30 ф., сала 1 ф., соли 3 ф., чаю ¼ кирпича; кромѣ того, спирта по ²/₁₀ ведра на каждого въ теченіе лѣтнихъ работъ, слѣдовательно, 20 винныхъ порцій ³⁾. Изъ контракта 80-хъ гг. видно, что въ это время было назначено рабочимъ ржаной муки менѣе, а именно, 2 п., крупы болѣе—10 ф., говядины съ потрохами зимою, по прежнему, 30 ф., а лѣтомъ, съ 1 марта по 1 октября, по 1 п. 5 ф., кирпичнаго чаю ½ кирпича (вѣсомъ не менѣе 1 ф.); порція спирта должна была выдаваться по усмотрѣнію управленія. Изъ отчета же 1884 г. видно, что въ это время на каждого выдавалось ржаной муки отъ 2 п. до 2 п. 10 ф., топленнаго сала 1—1¼ ф., спирту въ мѣсяцъ ⁴/₁₀₀ ведра, т.-е. четыре раза по одной порціи въ льготные дни, въ торжественные праздники, въ ненастные дни и за переработку уроковъ ⁴⁾. Въ договорахъ 70-хъ и 80-хъ гг. было сказано, что отъ управляющаго зависитъ, кормить ли рабочихъ изъ общей артельной кухни, или выдавать имъ припасы на руки. Изъ отчетовъ за 1883—84 гг. видно, что продовольствіе выдавалось рабочимъ на руки, кромѣ яричной муки, изъ которой хлѣбопеки пекли хлѣбъ въ пекарняхъ подъ наблюденіемъ промысловаго управленія и артельныхъ старостъ ⁵⁾. Стоимость содержанія годового рабочаго равнялась въ половинѣ 80-хъ гг. 86 рублямъ ⁶⁾.

¹⁾ Арх. Комит. Министр., дѣло Сиб. Комит. 1861 г. № 210.

²⁾ Арх. Иркут. Горн. Управл. К. 1689, № 21—135, л. 68.

³⁾ Эйхвальдъ, стр. 207.

⁴⁾ Такъ какъ вина этого оказалось недостаточно, то рабочіе приобрѣтали его тайно. До 1869 г. продажа вина расписочно и на выносъ дозволялась не ближе 20 верстъ отъ промысловъ, но затѣмъ разстояніе это было увеличено до 50 верстъ. Вслѣдствіе этого на Нерчинскомъ заводѣ, находящемся въ 30 верстахъ отъ одного промысла, развелось корчемство, и оптовіе склады стали производить раздробительную продажу. *Балашевъ*, стр. 255. Въ первой половинѣ 80-хъ гг. Главное Тюремное Управленіе ходатайствовало объ увеличеніи этого разстоянія до 90 верстъ для нерчинскихъ промысловъ, такъ какъ на нихъ работали каторжные. „Моск. Вѣд.“ 1885 г. № 109.

⁵⁾ Арх. Иркут. Горн. Упр. К. 2769, № 58—68, л. 321 об.

⁶⁾ См. статью *М. Герасимова* въ „Сиб. Вѣд.“ 1881 г., № 108.

Начальникъ иркутскаго жандармскаго управленія въ отчетѣ за 1873 г. утверждалъ, что „на всѣхъ казенныхъ промыслахъ въ Сибири какъ содержаніе рабочихъ, такъ и распоряженія мѣстныхъ ближайшихъ управленій дѣлаются гораздо хуже противу частныхъ промысловъ“ ¹⁾. Начальникъ же Нерчинскаго горнаго округа увѣрялъ, будто бы жандармскій офицеръ (по поводу волненія на промыслахъ Сабашниковыхъ) сказалъ, что „если частные золотопромышленники примѣнять кабинетскій основной и общій для всѣхъ его промысловъ контрактъ, то многіе золотопромышленники останутся отъ добычи золота въ убытокъ“ ²⁾. Въ дѣйствительности же контракты нерчинскихъ кабинетскихъ промысловъ мало отличались отъ контрактовъ частныхъ золотопромышленниковъ, но все-таки въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ правила кабинетскихъ промысловъ были для вольнонаемныхъ рабочихъ выгоднѣе.

Продовольствіе сыльно-каторжныхъ и въ началѣ 60-хъ гг. оставалось въ томъ же размѣрѣ, какъ было установлено Оверскимъ въ 1852 г. (см. т. I, стр. 310). Въ 1861 г. Нерчинское горное правленіе просило дозволенія Корсакова, во избѣжаніе увеличенія на арестантахъ долговъ, вслѣдствіе возвышенія цѣнъ на мясо, отпускать имъ вмѣсто положенныхъ $\frac{3}{4}$ ф. мяса по $\frac{1}{2}$ ф. на человѣка въ сутки. Но Корсаковъ на это не согласился ³⁾. Судя по свидѣтельству г. Максимова, нищевой паекъ арестантовъ былъ въ 60-хъ гг. увеличенъ: „каждому арестанту полагается“, говоритъ онъ, „по фунту мяса лѣтомъ и по $\frac{3}{4}$ ф. въ прочее время, $\frac{1}{4}$ ф. крупы“ (по положенію 1852 г. $\frac{1}{2}$ ф.) „и 10 золотниковъ соли“ (по положенію 1852 г. 8 зол.). „Правда“, продолжаетъ г. Максимовъ, „что они ѣдятъ и щи, и картофель, и лукъ, но все это покупается на собственные арестантскіе деньги, зарабатываемыя въ праздничные дни. На это же идутъ и тѣ деньги, которыя получаютъ артелями за перевозку тяжестей на артельномъ рогатомъ скотѣ, и тѣ проценты, которые накаплиются съ разныхъ ссудъ, выдаваемыхъ частнымъ лицамъ изъ артельной экономической суммы (въ 1860 г. остатки ея простирались до 2781 руб.). Весь доходъ тюрьмы“ (Карійскихъ и Лунжанинскаго промысловъ) „состоитъ изъ платы арестантамъ въ праздничные дни... Казна даетъ только кормовыя деньги, 5 коп. въ сутки, и 4 ф. печенаго хлѣба“, а лѣтомъ, во время промысловыхъ работъ, по 5 ф. ⁴⁾.

Въ началѣ 70-хъ гг. обѣдъ каторжныхъ состоялъ изъ ковшъ горячихъ щей, весьма жидкихъ, почти безъ приварка, съ самымъ ничтож-

¹⁾ Арх. Иркут. Горн. Упр. К. 2560, № 180—184, л. 840.

²⁾ „Сиб. Вѣд.“ 1881 г., № 108.

³⁾ Арх. Иркут. Горн. Упр. К. 1839, № 21—185, л. 54—56.

⁴⁾ Максимовъ. „Сибирь и каторга“, I, 107.

нымъ количествомъ какой нибудь крупы; въ этому давали маленькую горсточку наръзаннаго на кусочки мяса (44 золотн.). Кроме того, каждому полагалось по 3 ф. 22 зол. печенаго хлѣба. И изъ этого ничтожнаго пайка мѣстныя власти умудрялись производить хищенія. Однажды каторжные два дня сидѣли безъ хлѣба, такъ какъ смотритель проигралъ казачьему есаулу двухдневное содержаніе команды, а другой разъ при составленіи смѣты на високосный годъ произвели по ошибкѣ расчетъ на 365 дней, и чтобы составить экономію на лишній день, урѣзали въ продолженіе нѣкотораго времени доли золотниковъ, а смотритель верхней тюрьмы вздумалъ и при этомъ случаѣ поживиться: онъ объявилъ, что по случаю високоснаго года велѣно выдавать хлѣба на человека по 3 ф., а не по 3 ф. 22 зол., и такимъ образомъ берегалъ въ свою пользу большое количество хлѣба. Злоупотребленіе это открылось лишь случайно, и смотритель былъ смѣненъ и отданъ подъ судъ. При проѣздѣ по Восточной Сибири одного изъ великихъ князей, каторжане принесли ему жалобу, между прочимъ, и на то, что имъ даютъ дурную пищу ¹⁾.

Въ половинѣ 80-хъ гг. Кеннанъ нашелъ продовольствіе каторжанъ на Карѣ въ слѣдующемъ видѣ: они получали ежедневно 3 ф. ржаного хлѣба, около 4 унцій говядины съ костями, нѣсколько ячменя, изъ котораго обыкновенно варили супъ, и немного кирпичнаго чаю. „Кто сверхъ урочной работы или какимъ либо инымъ способомъ добудетъ себѣ нѣсколько копѣекъ, тотъ иногда позволяетъ себѣ роскошь—картофель или немного капусты. Пища каторжанъ показалась мнѣ“, говоритъ Кеннанъ, „достаточною, но она слишкомъ однообразна. Хлѣбъ почти такой же, какъ обыкновенно ѣдятъ сибирскіе крестьяне, но только не вполне пропеченный; мясо было еще менѣе удовлетворительно: оно походило на кусочки жира, которые употребляютъ при изготовленіи мыла... Послѣ утренней переключки, каторжане пьютъ въ камерахъ кирпичный чай съ хлѣбомъ; затѣмъ они идутъ на промышленную работу, захвативъ съ собой чай и хлѣбъ для второй ѣды, которая происходитъ всегда на открытомъ воздухѣ, какова бы ни была погода, около разложеннаго костра. Лишь поздно, возвратившись съ работъ, они обѣдаютъ въ камерахъ и ѣдятъ похлебку, говядину и иногда пьютъ еще немного чаю. Затѣмъ, послѣ новой переключки, ихъ запираютъ въ камеры“ ²⁾.

Одежду каторжные получали въ началѣ 60-хъ гг. въ томъ размѣрѣ, какъ это было назначено по положенію Озерскаго 1852 г. Въ половинѣ 80-хъ гг. каторжному на Карѣ полагались: грубая холщевая рубашка

¹⁾ *Мишля* (Орфановъ). „Въ дали“, М. 1883 г., стр. 328, 325—336, 347.

²⁾ *Kenman*, II, 62.

и порты на шесть мѣсяцевъ, халаты, болѣе толстые штаны и шапка на годъ, затѣмъ на 3¹/₂, мѣсяца пара кожаныхъ бродней и лѣтомъ на 22 дня пара котовъ—обувь въ родѣ туфель¹⁾).

На содержаніе ссыльно-каторжныхъ въ 1862 г. полагалось по 27 р. 25 к. въ годъ, но этого было недостаточно, и по исчисленію мѣстнаго начальства необходимо было расходовать 33 р. 72 к., т. е. болѣе на 6 р. 47 коп.; вслѣдствіе этого, какъ мы видѣли выше, и подыять былъ вопросъ о предоставленіи ссыльно-каторжнымъ старательскихъ заработковъ²⁾. Въ половинѣ 80-хъ гг. на содержаніе каждаго каторжнаго на Карѣ отпущалось 80 руб.³⁾.

Относительно помѣщеній для вольнонаемныхъ рабочихъ въ договорѣ 80-хъ гг. сказано: „для помѣщенія нашего на промыслѣ должны быть устроены здоровыя и помѣстительныя жилища. Управление доставляетъ намъ возможность пользоваться разъ въ недѣлю банею, для чего устраиваетъ ихъ близъ мѣста работъ на свой счетъ“⁴⁾.

Тюрьмы для каторжныхъ на Карѣ расположены были (въ 70-хъ и 80-хъ гг.) на разстояніи около 30 верстъ съ большими промежутками. Первыя тюрьмы—женская и цехи находились при самомъ впадѣніи рѣки Кары въ Шилку и носили названіе вмѣстѣ съ поселкомъ: Усть-Каря. Затѣмъ, вверхъ по Карѣ, верстахъ въ девяти, въ глухой, совершенно безлюдной, хотя и очень красивой, мѣстности построена была тюрьма, носившая названіе „Новой“, отъ нея въ пяти верстахъ выше по Карѣ находился „Нижній промыселъ“, далѣе, въ четырехъ верстахъ — „Средняя Каря“, еще далѣе, черезъ пять верстъ „Верхній промыселъ“ и наконецъ тюрьма новой постройки въ мѣстности, названной почему-то „Амуромъ“. Во всѣхъ названныхъ мѣстахъ, кромѣ „Новой тюрьмы“ и „Амура“, были довольно обширныя поселки, населенныя каторжными, выпущенными въ вольную команду, и ихъ семьями. Жизнь въ тѣхъ тюрьмахъ, при которыхъ находились поселки,

¹⁾ Кеннан, II, 63. При изготовленіи одежды для каторжныхъ, какъ и во многихъ другихъ отношеніяхъ, допускались различныя злоупотребленія. Такъ, при посѣщеніи Восточной Сибири однимъ изъ великихъ князей, каторжные, между прочимъ, принесли жалобу на то, что хотя бѣлье и выдается имъ, но надѣть его невозможно, такъ какъ оно сдѣлано на ростъ 9—10-ти лѣтняго ребенка. Заявленіе это оказалось совершенно справедливымъ, и въ магазинахъ найденъ былъ большой запасъ вещей такого размѣра. Вслѣдствіе этого каторжане ходили чуть не на половину почти нагие, хотя къ пріѣзду великихъ князей имъ были розданы вещи надлежащаго размѣра. Мишля, стр. 347.

²⁾ Арх. Иркут. Горн. Управ. К. 1639, № 21—135, л. 71.

³⁾ Кеннан, II, 63.

⁴⁾ По Рабочему Положенію нерчинскихъ промысловъ 1876 г., казарма на 60 ч. должна была имѣть 10 саж. длины, 4 саж. ширины и 5 арш. вышины, такъ что на каждаго рабочаго приходилось по 1,1 куб. саж. воздуха.

была легче для каторжныхъ: тамъ, хотя и за большіи сравнительно деньги, каторжане могли достать что нибудь запрещенное, какъ, напр., чай, сахаръ, табакъ, свѣчи и проч., тогда какъ, попавши въ „Новую тюрьму“ или на „Амуръ“, они лишались этого удобства, и нужно было много ловкости и денегъ, чтобы добыть себѣ что нибудь. Вотъ какъ описываетъ одинъ интеллигентный каторжанинъ „Среднюю тюрьму“ въ началѣ 70-хъ гг.: „Это довольно большое, одноэтажное, деревянное, изъ толстыхъ бревенъ, квадратное зданіе съ дворомъ, обнесеннымъ высокимъ, изъ бревенъ же, плотнымъ частоколомъ, или пѣлями“. Во дворѣ еще нѣсколько небольшихъ зданій—кухня, баня, канцелярія смотрителя, или, какъ ее называли, контора, и по сосѣдству съ ней, подъ одной крышей, секретные темные карцеры. По срединѣ тюрьмы—широкое крыльцо, съ котораго входили въ широкій, довольно свѣтлый, но грязный и вонючій коридоръ; по сторонамъ его были камеры, вмѣщавшія въ себѣ человѣкъ по 60, а въ случаѣ большого наплыва арестантовъ и по 100 каждая. Въ камерахъ около стѣнъ были устроены нары въ два яруса; воздухъ въ нихъ отъ чрезмѣрнаго скученія людей бывалъ обыкновенно ужасный; ночью, когда камеры наглухо запирались, воздухъ до того портился, что утромъ свѣжему человѣку просто невозможно было войти ¹⁾. Вотъ каковы были зимою 1885 г. впечатлѣнія Кеннана въ Усть-Карійской тюрьмѣ, построенной еще въ то время, когда впервые были поселены въ этой мѣстности каторжные для добычанія золота. „Кто хоть разъ почувствовалъ этотъ запахъ, тотъ навѣрно никогда его не забудетъ: его невозможно сравнить со всѣми другими дурными запахами. Представьте себѣ спертый воздухъ погреба, каждая частица котораго много разъ побывала уже въ человѣческихъ легкихъ, такъ что онъ почти совершенно насыщенъ углеродомъ, и прибавьте еще къ этому острое, аммоніакальное испареніе многихъ, долго невымытыхъ тѣлъ, запахъ гнилого дерева и человѣческихъ нечистотъ,—тогда можно составить себѣ понятіе, какова здѣшняя тюремная атмосфера. Не привыкши до нѣкоторой степени къ этому проникнутому зародышами всевозможныхъ болѣзней воздуху, его нельзя вынести ни минуты... Въ камерѣ воздухъ былъ еще гораздо хуже, чѣмъ въ корридорѣ, такъ что мнѣ слѣлалось дурно. Два рѣшетчатыхъ окна не открывались и не было никакого другого приспособленія для освѣженія воздуха. Стѣны когда-то были, вѣроятно, выбѣлены, но теперь отъ грязи онѣ совершенно почернѣли и во многихъ мѣстахъ были запачканы кровью раздавленныхъ паразитовъ. Полы были, правда, выметены, но все-таки они были покрыты плотною корою грязи. Нары были устроены

¹⁾ *Мишля*, 309—312. О „политической тюрьмѣ“ на Нижнемъ прискѣ, гдѣ содержались государственные преступники, см. „Сиб. Вѣстн.“ 1885 г., № 2, стр. 8—9.

съ трехъ сторонъ, и арестанты спали на нихъ тѣсно другъ подлѣ друга, безъ всякой постели, головой въ стѣнѣ. Кромѣ нарѣ, печки и параша, въ камерѣ не было никакой другой утвари.... Арестантамъ не дають даже соломы для постели, что крайне безчеловѣчно, такъ какъ эту роскошь въ цивилизованныхъ странахъ предоставляютъ и цѣпнымъ собакамъ. Здѣсь каторжные ежедневно должны исполнять тяжелую работу въ теченіе 12-ти часовъ, и, возвратившись домой усталые, они находятъ лишь жесткое ложе да надпись на стѣнахъ изъ Св. Писанія: „прїидите всѣ труждающіеся и обремененные, и Азъ упокою вы“. (Написи эти, напечатанныя на папкахъ, висѣли въ Средне-Карійской тюрьмѣ) ¹⁾).

Время, проведенное преступникомъ на карійской каторгѣ, раздѣлялось на двѣ части: первое время онъ содержался въ тюрьмѣ, но затѣмъ, если онъ хорошо велъ себя, его переводили въ вольную команду, и съ этихъ поръ онъ жилъ въ хижинѣ или баракѣ. „Но и въ вольной командѣ онъ все еще каторжанинъ, осужденный на принудительныя работы; продовольствіе свое онъ получаетъ ежедневно въ тюрьмѣ и не можетъ сдѣлать шагу подальше безъ письменнаго разрѣшенія, но онъ можетъ съ другими, такими же колодниками, жить въ особыхъ баракахъ или поселиться съ своею семьей въ хижинѣ, можетъ работать въ свободныя часы на себя, однимъ словомъ, пользуется нѣкоторою свободою, хотя и въ очень ограниченной степени“. Послѣ отбытія срока въ вольной командѣ, каторжанинъ превращается въ поселенца. Дома вольной команды не охраняются стражей и не окружены какимъ либо кордономъ, поэтому по переходѣ въ вольную команду каторжанину не очень трудно бѣжать ²⁾).

По официальному описанію жизни каторжныхъ на Карѣ въ 60-хъ гг., надъ каждой тюрьмою былъ особый начальникъ, смотритель; у каждого смотрителя былъ помощникъ, извѣстный подъ именемъ тюремнаго надзирателя. Каждая тюремная артель выбирала изъ своей среды старосту (на 40 человѣкъ арестантовъ полагался одинъ такой выборный). Староста былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и артельнымъ экономомъ,—онъ обязанъ былъ заботиться о продовольствіи арестантовъ, и помощникомъ надзирателя,—онъ былъ комнатнымъ согладатаемъ и фискаломъ. Старость этихъ въ каждой тюрьмѣ, смотря по числу заключенныхъ, было 3, 4, 5 человѣкъ. Надъ ними былъ еще одинъ наибольшій, старшій староста, который на тюремномъ языкѣ назывался общимъ. „Смотритель завѣдуетъ, какъ хозяйственной, такъ и письменною

¹⁾ Kennan, II, 51—55, 60—62.

²⁾ Kennan, II, 51, 57—58, 60. Срав. „Сводъ Законовъ“ т. XIV, изд. 1890 г., ст. 299 и слѣд.

частью. Надзиратель заботится о пищѣ и объ одеждѣ арестантовъ и кромѣ всего этого ведетъ отчетность. Поутру въ назначенные часы для работъ, онъ идетъ на раскомандировку въ тюрьму. По приходѣ съ караульнымъ урядникомъ строятъ всѣхъ арестантовъ въ строй, дѣлаетъ переключку по имѣющейся у него табели, чтобы узнать, всѣ ли арестанты налицо (точь въ точь, какъ дѣлалось это на этажахъ)“ и затѣмъ „сдаетъ партіи военному караулу, наряженному въ конвой. По уходѣ арестантовъ на работу, онъ выдаетъ старостамъ провизію на день, слѣдующую по положенію, которая принимается заблаговременно отъ комиссара промысловъ. Окончивъ все это, идетъ въ канцелярію тюремнаго смотрителя, разводитъ арестантовъ по работамъ по имѣющемуся у него журналу (о выводѣ арестантовъ на работу)“, въ которомъ военный караулъ расписывается въ принятіи арестантовъ на работу, „а потомъ составляется кормчая табель, въ коей показывается число людей, ушедшихъ на работу, и пища, употребленная для нихъ. Съ нею идутъ на рапортъ къ смотрителю. Вечеромъ, когда арестанты сойдутъ съ работы, надзиратель дѣлаетъ счетъ, всѣ ли приведены съ работъ, и по завѣркѣ кладетъ о принятіи свою росписку въ вышеупомянутомъ журналѣ“ ¹⁾.

Въ 70-хъ годахъ въ разрѣзахъ на Карѣ трудились между прочимъ и политическіе ссыльные ²⁾, но въ 80-хъ годахъ государственные преступники уже не посылались здѣсь на земляныя работы. Къ первому января 1882 г. государственныхъ преступниковъ-каторжанъ на карійскихъ золотыхъ промыслахъ было 123 человѣка. Генералъ-губернаторъ Восточной Сибири Анучинъ во всеподданнѣйшемъ отчетѣ за 1880—81 г. говоритъ: „отправленіе ихъ для работъ на приски вмѣстѣ съ уголовными каторжными невозможно; употребленіе на эти же работы уединенно отъ прочихъ весьма затруднительно, по неимѣнію подобныхъ мѣстъ, неспособности ихъ къ тяжкому физическому труду и неимѣнію достаточнаго конвоя. Если къ этому добавить, что каторжныхъ работъ непроизводительнаго характера, существующихъ за границей собственно для подверженіи арестантовъ тяжкому физическому труду, у насъ не практикуется, то станетъ яснымъ, что собственно каторжныхъ работъ для этого разряда преступниковъ не имѣется, и мѣстныя власти, надзирающія за ними и несущія тяжкую отвѣтственность за упускъ арестантовъ, силою обстоятельствъ вынуждены ограничиться содержаніемъ государственныхъ преступниковъ въ тюрьмахъ, подѣ строгимъ карауломъ, употребляя для работъ изрѣдка внутри тюремнаго двора или недалеко отъ него. Подобныя работы не имѣютъ уже характера каторж-

¹⁾ *Максимовъ*. „Сибирь и каторга“. Сиб., 1871 г., т. I, стр. 106—108

²⁾ *Мишля*, „Въ дали“, стр. 316—319.

ныхъ и скорбе могутъ быть разсматриваемы какъ гигиеническія. Неупотребленіе на постоянныя каторжныя работы не становить однако положеніе государственныхъ преступниковъ легкимъ“, напротивъ, генералъ-губернаторъ считалъ „ихъ жизнь невыносимою“ ¹⁾).

Вольнонаемные рабочіе, какъ и на частныхъ промыслахъ, были въ большинствѣ случаевъ лишены во время работы семейной жизни. Въ договорѣ 80-хъ гг. они обязывались не приводить съ собою на промыселъ женщинъ и дѣтей безъ „особаго на то разрѣшенія управленія. Если кто съ разрѣшенія управленія будетъ имѣть при себѣ жену, то таковыя обязываются исполнять всѣ хозяйскія женскія работы на промыслѣ, какъ-то: шитье кулей, мытье половъ, бѣлья лазаретнаго и проч., за что получаютъ плату поштучно, поденную или мѣсячную, по назначенію промысловаго управленія; въ случаяхъ неповиновенія, лѣности или дурного поведенія женщины удаляются съ промысловъ“.

Дурное состояніе каторжныхъ тюремъ и тяжелыя условія труда всѣхъ рабочихъ тяжело отзывались на ихъ здоровьѣ. Весьма частою болѣзней была цынга. С. В. Максимовъ, упомянувъ о сильной смертности нерчинскихъ мастеровыхъ въ пятидесятыхъ годахъ, говоритъ: „Прошло десять лѣтъ, и на Карійскихъ промыслахъ тѣ же порядки, тѣ же тюрьмы, а съ ними та же цынга съ раннихъ весеннихъ мѣсяцевъ до глубокихъ осеннихъ... За цынгой и отъ нея нерѣдки случаи гнилости во рту (водяного рака)“ ²⁾. То же самое нашелъ Кеннанъ и двадцать лѣтъ поздѣе, зимою 1885 г.: „Цынга, тифъ, малокровіе и легочная чахотка были здѣсь, какъ и въ большинствѣ тюремныхъ госпиталей, господствующими болѣзнями.... Тюремный врачъ сказалъ мнѣ: „у насъ ежегодно свирѣпствуетъ скорбутъ... Вслѣдствіе грязи въ камерахъ и переполненія ихъ, болѣзни дѣлаются эпидемическими. У насъ теперь 140 больныхъ, весною это число дойдетъ до 250-ти“.... По официальному отчету, въ карійскихъ госпиталяхъ въ теченіе 1886 г. было 4208 больныхъ, въ среднемъ по 117 больныхъ въ день. Но въ официальныхъ отчетахъ обозначаются далеко не всѣ случаи болѣзней. Многіе арестанты, принадлежащіе къ вольной командѣ, лежатъ во время болѣзни въ своихъ хижинахъ; не считаются также и больные, остающіеся въ своихъ камерахъ, или потому, что они хвораютъ не такъ сильно, или потому, что госпитали переполнены. Нерѣдко кологдникъ въ первой стадіи скорбута лежитъ двѣ недѣли въ своей палатѣ и при этомъ заражаетъ здоровыхъ товарищей“ ³⁾.

¹⁾ „Сборникъ главнѣйшихъ офиц. докумен. по управл. Восточн. Сиб.“, т. I, Иркут. 1884 г.

²⁾ „Сибирь и каторга“, I, 102.

³⁾ Kennan, II, 55. Въ 1883 г. число больныхъ, лѣчившихся въ лазаретахъ, равнялось 1990 чел. (56% всего числа рабочихъ). Господствующими болѣзнями были:

Относительно лѣченія вольнонаемныхъ рабочихъ въ договорахъ 70-хъ и 80-хъ гг. мы находимъ слѣдующее условіе: медицинское пособіе производится на счетъ промысла въ теченіе первыхъ двухъ мѣсяцевъ, а болѣе этого „только въ особо уважительныхъ случаяхъ“.

Въ 1883 г. на ирчинскихъ кабинетскихъ промыслахъ было 8 лазаретовъ съ аптеками; ими завѣдывали, кромѣ лѣкарскихъ учениковъ, лѣкаря.

Каторжнымъ, оставшимся на домашнихъ работахъ, отпускалось менѣе пищи, чѣмъ на работахъ въ разрѣзѣ, находившимся же въ лазаретѣ, или въ такъ называемомъ „окологдѣ“, отпускалась иная пища и въ меньшемъ количествѣ, чѣмъ домашнимъ рабочимъ. „Окологдомъ“ называлось слѣдующее: „когда арестантъ такъ слабъ или боленъ, что тяжелыхъ работъ исполнять не можетъ, а между тѣмъ болѣзнь не настолько серьезна, чтобы отправить въ лазаретъ, то докторъ оставляетъ такихъ слабосильныхъ въ тюрьмѣ, иногда въ особой камерѣ, гдѣ безконечно лучше, чѣмъ въ лазаретѣ, на больничныхъ порціяхъ, съ освобожденіемъ, на время поправленія ихъ здоровья, отъ работъ; обыкновенно недѣля или двѣ отдыха,—и они поправляются; нѣкоторыхъ же упорныхъ больныхъ послѣ окологда отправляютъ въ лазаретъ, откуда уже немногіе выходятъ, благодаря безмѣрно-скверному состоянію въ санитарномъ отношеніи зданія лазарета, стѣны котораго, по выраженію доктора, насквозь пропитались миазмами“ ¹⁾.

Дряхлые каторжане содержались въ богадѣльныххъ ²⁾.

Школы, существовавшія на ирчинскихъ заводахъ и промыслахъ во время обязательнаго труда мастеровыхъ, послѣ 1861 г. были закрыты ³⁾.

На ирчинскихъ промыслахъ, какъ видно изъ договоровъ, рабочіе подлежали денежнымъ штрафамъ за просрочку и отлучку; они подвергались также аресту ⁴⁾. Въ каторжныхъ тюрьмахъ были темные, грязные, отвратительные карцеры, куда сажали за небольшіе проступки ⁵⁾.

ушибы, лихорадки, поносы, цынга, нарывы, воспаленіе легкихъ, зѣва и глазъ, водянка, грижа, глисты, худосочныя язвы и катарры дыхательныхъ органовъ. Арх. Ирк. Горн. Упр. К. 2769, № 58—68, л. 320, 324. По Рабочему Положенію 1876 г. больныхъ поденщиковъ полагалось 4%.

¹⁾ *Миша*, 323.

²⁾ Въ 1868 г. на ирчинскихъ золотыхъ промыслахъ и заводахъ употреблялись въ работахъ 2163 чел. каторжанъ обоого пола, а 1569 чел. содержались въ богадѣльныххъ. Арх. Ирк. Горн. Упр. К. 1663, № 99—161, л. 24 об.

³⁾ *Балашевъ*. „Письма изъ Приаргуны“. „Сборн. газ. „Сибирь“, 1876 г., т. I, стр. 248.

⁴⁾ На Бальджинскомъ промыслѣ, гдѣ работали вольнонаемные, въ 1863 г. рабочіе провели подъ арестомъ 286 поденщиковъ. Арх. Ирк. Горн. Упр. К. 1661, № 68—101, л. 8 об.

⁵⁾ По воскресеньямъ и праздничнымъ днямъ (въ началѣ 70-хъ гг.) карцеры эти,

По договору 80-хъ гг. вольнонаемные рабочіе предоставляли промышленному управленію, въ случаѣ лѣности и вообще дурнаго поведенія, увольнять ихъ вовсе съ промысла, переводить на другіе промысла „или же подвергать виновнаго какому либо другому изъ административныхъ взысканій“ (въ томъ числѣ, вѣроятно, и тѣлесному наказанію). По договорамъ 70-хъ и 80-хъ гг. для охраненія внутренняго порядка между рабочими, они должны были, согласно постановленіямъ Горнаго Устава, составлять артельную расправу, въ которую управляющій назначалъ отъ себя старосту, а рабочіе—двухъ выборныхъ; эти расправы могли штрафовать лѣнивыхъ, нетрезвыхъ и обличенныхъ въ картежной или иной игрѣ и наказывать по словесному приговору на основаніи Улож. о наказ.

Каторжные подвергались иногда крайне жестокому обращенію, вызывавшему даже покушенія на убійства. Тяжелое время пережили каторжные на Карѣ при комендантѣ М—вѣ. Особенную ненависть своими вымогательствами и жестокостью возбудилъ приставникъ Потемкинъ. Когда онъ во время работъ кого-то ругалъ, грозясь выпороть, къ нему подошелъ одинъ изъ самыхъ сильныхъ и ловкихъ каторжниковъ, Рожковъ, и ударомъ кайлы въ лобъ свалилъ его съ ногъ, но не убилъ; черезъ два мѣсяца Потемкинъ выздоровѣлъ и бросилъ службу. Для разбирательства дѣла была назначена „смѣшанная коммиссія военнаго суда“, которая состояла изъ мѣстныхъ офицеровъ и чиновниковъ подъ предсѣдательствомъ самого ненавистнаго коменданта М—ва, которая и приговорила Рожкова къ повѣшенію. Приговоръ былъ исполненъ на золото-промывальной машинѣ Средней тюрьмы, въ районѣ которой было совершено покушеніе, въ присутствіи всѣхъ каторжныхъ подъ усиленнымъ конвоемъ. Когда ввели Рожкова на площадку машины, онъ успѣлъ громко крикнуть: „хотя я и гибну, да вамъ будетъ легче“. Прискаты палача для экзекуціи было очень трудно, и только кое-какъ разными обѣщаніями удалось прельстить одного ссыльнаго, но онъ такъ торопливо и неумѣло накинулъ петлю, что она пришлась несчастному Рожкову на подбородкѣ, и когда онъ завертѣлся въ воздухѣ, болтая ногами, веревка оборвалась; докторъ заявилъ, что Рожковъ еще живъ. Комендантъ М—въ, по обыкновенію пьяный, досталъ изъ кармана шелковый шнуръ отъ халата, и кто-то, палачъ или казакъ, сдѣлавъ изъ этого шнура мертвую петлю, надѣлъ ее на шею полумертвому осужденному и, наступивъ ногою на грудь, затанулъ петлю. Молча разбре-

если они были свободны, караулъ обращалъ, съ вѣдома смотрителя, въ „особые кабинеты“, т. е. тамъ происходили, конечно за приличное вознагражденіе караулу, свиданія арестантовъ или съ женами, проживающими на свободѣ, или же съ дѣвками съ воли, несмотря на то, что двери съ окошечкомъ этихъ карцеровъ выходили въ кордегардію, гдѣ постоянно находились караульные. *Мишля*, 321.

лись каторжане по тюрьмамъ. Рожковъ погибъ напрасно, такъ какъ комиссія не нашла нужнымъ разсмотрѣть причины, вызвавшія покушеніе ¹⁾).

На такой открытый протестъ рѣшаются рѣдко, но побѣги среди каторжныхъ были дѣломъ самымъ зауряднымъ. Въ 1864 г. съ нерчинскихъ золотыхъ промысловъ бѣжало 755 ссыльно-каторжныхъ (при 2608 чел. всей рабочей команды), и изъ нихъ было поймано и возвращено на промысла только 19 чел. Въ 1868 г. съ промысловъ бѣжало 443 каторжныхъ обоого пола (всего на промыслахъ и заводахъ ихъ было 2163 чел.), изъ нихъ поймано и приведено обратно на промысла 84 чел. На Бальджинскомъ промыслѣ, гдѣ работали вольнонаемные, въ 1863 г. бѣжало 48 чел. (въ томъ числѣ 42 поселенца), изъ нихъ было поймано 7. Изъ числа бѣжавшихъ—12 бѣжали во второй разъ, 3—въ третій разъ и 1 сдѣлалъ съ промысловъ 6 побѣговъ. Въ 1883 г. съ промысловъ бѣжало 270 чел. вольнонаемныхъ и каторжныхъ разряда исправляющихся (изъ всего числа 3377 рабочихъ это составляло 8⁰/₁₀); изъ нихъ добровольно явилось 6 чел. и поймано 5. Въ 1884 г. съ промысловъ бѣжало вольнонаемныхъ и ссыльно-каторжныхъ разряда исправляющихся 243 чел. (изъ всего числа 3368 рабочихъ—7⁰/₁₀); изъ нихъ поймано—16 ²⁾).

Въ 1861 г. изъ Нерчинска была отправлена партія ссыльно-каторжныхъ въ 18⁰ чел. на Карійскіе промысла при конвоѣ изъ 15 конныхъ и 30 пѣшихъ казаковъ. Послѣ того, какъ партія эта была посажена вмѣстѣ съ конвоемъ на два парома, арестанты между Шилкинскимъ заводомъ и Усть-Карой взбунтовались, побросали въ воду конвойныхъ. колоды и били ихъ прикладами, затѣмъ причалили къ берегу и, человекъ 80, взявъ съ собою отобранныя у конвойныхъ ружья, бѣжали. Поэтому наказной атаманъ забайкальскихъ казаковъ, которые конвоировали каторжныхъ, просилъ М. С. Корсакова сдѣлать распоряженіе, чтобы арестантовъ отправляли водою на прочно огороженныхъ съ боковъ паромахъ и малыми партіями или даже въ закрытыхъ баржахъ, а пока этого не будетъ сдѣлано, садили конвой на особыя лодки съ гребцами ³⁾).

Бунтовъ ссыльно-каторжныхъ на Карѣ мы не знаемъ; только когда проигравшій хлѣбъ смотритель проморилъ каторжанъ два дня голодомъ, они отказались работать. Комендантъ, узнавъ о происшествіи, уволилъ смотрителя ⁴⁾).

¹⁾ *Мишля*, 343—346.

²⁾ Арх. Ирк. Горн. Упр. К. 1663, № 99—161, л. 130; 1669, № 242—424, л. 24 об.; 1661, № 68—101, л. 11; 2769, № 58—68, л. 319.

³⁾ Арх. Ирк. Горн. Управ. К. 1495, № 115—198, л. 1—3.

⁴⁾ *Мишля*, 326—331.

Вольнонаемные рабочіе по договору 70-хъ гг. не имѣли права отлучаться съ работъ для жалобы на управленіе, а если въ чемъ либо были недовольны мѣстнымъ начальствомъ, то должны были принести жалобу письменно ¹⁾, а до рѣшенія дѣла находиться въ полномъ повиновеніи управляющему и работать усердно. Между тѣмъ мѣстная администрація подавала не мало поводовъ для жалобъ. Мы уже сообщали кое-что о тѣхъ злоупотребленіяхъ, отъ которыхъ страдали каторжане на Карійскихъ промыслахъ при комендантѣ полковникѣ М—вѣ. „При отсутствіи какихъ бы то ни было служебныхъ достоинствъ, онъ обладалъ, однако, почти художественною способностью извлекать доходы даже оттуда, гдѣ, казалось, ихъ и быть не могло, затѣмъ крайней жестокостью и непробуднымъ пьянствомъ. Съ его поступленіемъ, на Карѣ началась какая-то дикая вакханалія мѣстнаго, грубаго, невѣжественнаго чиновничества. Арестанты были совершенно забыты во всемъ, кромѣ работъ, которыя никогда, по словамъ старожилловъ, исключая развѣ знаменитаго разгильдѣевского времени, не были такъ тяжки. Ходили они почти наги, ѣли отвратительно. Небывалый произволъ мелкой чиновной сошки, вродѣ приставниковъ и горныхъ урядниковъ, достигъ ужасающихъ размѣровъ. Взяточничество этой тли съ арестантовъ хлѣбомъ, деньгами, казенной одеждой, за избавленіе отъ непосильной работы или несправедливаго наказанія, практиковалось совершенно открыто. Завѣдующему все это было извѣстно, но онъ не принималъ никакихъ мѣръ и ограничивался „спускомъ шкуры“ съ тѣхъ арестантовъ, которые въ отчаяніи прибѣгали къ нему съ жалобами. Самъ онъ въ это время пилъ безъ просыпа на счетъ подрядчиковъ-евреевъ, съ которыми находился въ большой пріязни. Такой порядокъ продолжался около года, пока, наконецъ, каторга, видя бесполезность всѣхъ своихъ жалобъ, не прибѣгла къ насилію“. Попытка Рожкова убить пристава Потемкина не помогла ссыльнымъ, и М—въ, вѣроятно, еще долго мучилъ бы каторжныхъ, если бы не пріѣздъ на Кару великаго князя, котораго засыпали жалобами самаго разнообразнаго содержанія. Жалобы на дурную пищу, жестокость и несправедливость наказаній и проч. не могли быть опровергнуты, и особая комиссія, несмотря на неудовлетворительность личнаго состава, открыла такую массу злоупотребленій и такое расхищеніе казеннаго имущества, что М—въ былъ немедленно отстраненъ отъ должности и преданъ суду. Изъ 12—15 чиновниковъ всѣ оказались такъ или иначе прикосновенными къ этому грязному дѣлу ²⁾. Есть извѣстія о злоупотребленіяхъ мѣст-

¹⁾ По договору 80-хъ гг. разрѣшалось жаловаться начальнику округа, его помощнику и горному исправнику.

²⁾ *Мишля*, 342, 343, 347—348, ср. 414—416. Въ 1884 г. на Нерчинскихъ золотыхъ промыслахъ была открыта растрата 1900 руб., выславшихся государствен-

ной администраціи и на тѣхъ промыслахъ, гдѣ работали вольнонаемные ¹⁾).

Въ контрактахъ нерчинскихъ кабинетскихъ промысловъ съ вольнонаемными рабочими 70-хъ гг. было постановлено, какъ обыкновенно и въ договорахъ частныхъ золотопромышленниковъ, что деньги за работу рабочіе могли получить лишь при окончательномъ разсчетѣ ²⁾. По окончаніи работъ, мѣстное управленіе должно было разсчитать и отпустить рабочихъ не позже, какъ черезъ три дня, а за удержаніе ихъ долѣе обязано было платить имъ, какъ за рабочіе дни, съ присоединеніемъ къ платѣ пени по $\frac{1}{2}$ коп. съ рубля въ сутки и, кромѣ того, выдавать имъ пищевое довольствіе ³⁾. При возвращеніи рабочимъ паспортовъ, билетовъ и проходныхъ видовъ, на этихъ документахъ (въ первой половинѣ 80-хъ гг.) дѣлались надписи, остались ли рабочіе должными промысламъ и сколько именно ⁴⁾.

Мы имѣемъ мало данныхъ относительно размѣра заработка вольнонаемныхъ рабочихъ на нерчинскихъ промыслахъ. Въ 1862 г., когда обсуждался вопросъ о выдачѣ ссыльно-каторжнымъ задѣльной платы наравнѣ съ вольнонаемными, считали, что средній заработокъ здороваго рабочаго равняется въ годъ 120—135 рублямъ, а въ 1881 г., по мнѣнію начальника нерчинскаго горнаго округа, такой заработокъ равнялся 182 рублямъ ⁵⁾. По официальному отчету о нерчинскихъ кабинетскихъ промыслахъ, каждый дѣйствительный рабочій заработалъ въ среднемъ въ 1882 г. 135 руб., а по разсчету на годового рабочаго приходилось 230 руб.; въ 1883 г.—на дѣйствительнаго работника 144 р., на годового 239 р.; въ 1884 г.—на дѣйствительнаго работника 146 р., на годового—177 р.

Заработокъ этотъ распадался на слѣдующія составныя части: задатокъ, выданный деньгами до прибытія на промысла, составлялъ въ 1882 г.—31⁰/₁₀₀, въ 1883 г.—36⁰/₁₀₀, въ 1884 г.—38⁰/₁₀₀; отослано въ уплату податей и прочихъ повинностей и семействамъ: въ 1882 г.—7⁰/₁₀₀, въ 1883 г.—3⁰/₁₀₀, въ 1884 г.—4⁰/₁₀₀; выдано во время работъ на промыслахъ припасами и вещами и при разсчетѣ на руки деньгами: въ

нимъ преступникамъ. Обвиненіе падало на мѣстнаго жандармскаго офицера; слѣдствіе производилъ чиновникъ, командированный изъ Петербурга. „Сиб. Вѣстн.“, № 1, 1885 г. стр. 10.

¹⁾ „Сибирь“ 1887 г. № 1, стр. 8.

²⁾ По договору 80-хъ гг. рабочимъ не позволялось держать при себѣ болѣе 10 руб., а остальные деньги они должны были отдавать на храненіе промысловому управленію.

³⁾ По договору 80-хъ гг. вмѣсто всего этого была назначена плата по 50 коп. въ сутки.

⁴⁾ Арх. Ирк. Горн. Управ. К. 2769, № 58—68, л. 322 об.

⁵⁾ Арх. Ирк. Горн. Управ. К. 1639, № 21—135, л. 73 об., 75 об.; „Сиб. Вѣд.“ 1881 г., № 103.

1882 г.—62⁰/₀, въ 1883 г.—61⁰/₀, въ 1884 г.—58⁰/₀, Долговъ за бѣжавшими, неявившимися, умершими и по другимъ причинамъ не отработавшими своихъ задатковъ, было по расчету въ среднемъ на каждаго дѣйствительнаго рабочаго: въ 1883 г. около 8 руб., въ 1884 г. около 7 руб. ¹⁾).

По договору 70-хъ гг. рабочіе при окончательномъ расчетѣ должны были возвращать деньги, забранныя впередъ, но неотработанныя; если же кто не имѣетъ денегъ и не условится съ управляющимъ объ отбѣтѣ долга, то управители сообщаютъ о томъ подлежащему лицу или учрежденію для распоряженія о взысканіи долга ²⁾. По договору 80-хъ гг. должники должны были или внести въ уплату долга наличныя деньги, или оставаться на промыслахъ до отработки долговъ. Неимѣющіе денегъ и оказавшіеся по медицинскому освидѣтельству негодными къ дальнѣйшимъ работамъ обязаны были выслать деньги или отработать ихъ въ слѣдующій операционный годъ. Если работы на промыслахъ прекращались вслѣдствіе какого либо несчастія (пожара, наводненія и проч.), то увольняемые рабочіе должны были или немедленно уплатить деньги, или отработать ихъ на какомъ либо другомъ кабинетскомъ промыслѣ.

При возвращеніи рабочихъ съ кабинетскихъ золотыхъ промысловъ происходили обычныя сцены кутежа, разгула и эксплуатаціи рабочихъ разными проходимцами ³⁾.

Мы видѣли, что каторжные въ 70-хъ и первой половинѣ 80-хъ гг. отпускались на частныя золотыя промысла Восточной Сибири. Изъ сочиненія С. В. Максимова видно, что случаи отпуска каторжныхъ на вольные заработки были и въ 60-хъ гг.: „уже и теперь“, говоритъ онъ, „горное начальство каторжныхъ, оставшихся не у дѣла на Карѣ, отправляло въ качествѣ вольнонаемныхъ рабочихъ на другіе золотыя промысла, напр., на Урюмскіе, и позволяло другимъ пропитываться въ Нерчинскомъ округѣ... по ихъ личному усмотрѣнію“ ⁴⁾.

¹⁾ Арх. Ирк. Горн. Управ. К. 2768, № 63—53, л. 418; 2769, № 58—68, л. 324; 2771, № 110—100, л. 372 об.

²⁾ По правиламъ, присоединеннымъ къ Рабочему Положенію 1876 г., о должникахъ слѣдовало сообщать въ волостныя и станичныя правленія съ требованіемъ выслать ихъ на слѣдующую операцію для отработки долга или взысканія съ нихъ денегъ, а иначе имъ не должно было выдавать новыхъ видовъ для найма на другіе промысла. Между тѣмъ по правиламъ о наймѣ Устава о золотопромышленности 1870 г. ограниченіе относительно выдачи паспортовъ должникамъ относилось только къ сильно-поселенцамъ.

³⁾ „Сибирская Газета“ 1883 г., № 46, стр. 1178.

⁴⁾ „Сибирь и каторга“, III, 360.

ГЛАВА IX.

Старатели-золотничники съ 1870 г. до половины 1890-хъ гг.

Старатели-золотничники на частныхъ промыслахъ въ округахъ Енисейскомъ, Семипалатинскомъ, Тобольско-Ақмолинскомъ, Маріинскомъ, Алтайскомъ, Ачинскомъ, Минусинскомъ, Канскомъ, Нижнеудинскомъ и областяхъ Забайкальской и Амурской.—Старатели-золотничники на кабинетскихъ промыслахъ Алтайскаго и Нерчинскаго округовъ.

Въ первой половинѣ шестидесятилѣ годовъ, какъ мы видѣли, на промыслахъ Томской и Енисейской губерній начинаетъ развиваться разработка приисковъ старателями-золотничниками частью въ видѣ самостоятельныхъ артелей, частью въ видѣ артелей, содержимыхъ подрядчиками. Въ 70-хъ и 80-хъ годахъ эта система развилась еще болѣе.

Въ эти годы золотопромышленность въ Енисейскомъ округѣ не только значительно упала сравнительно съ предшествующимъ временемъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ измѣнила свой прежній характеръ. Измѣненіе это началось уже въ 60-хъ годахъ. „Прежде, и даже не особенно давно“, говоритъ авторъ одной статьи о приисковыхъ рабочихъ этого округа, „золотопромышленность сосредоточивалась въ рукахъ крупныхъ денежныхъ тузовъ, разрабатывавшихъ обширные прииски... Эти магнаты не жалѣли средствъ на развѣдочныя партіи... Нынѣ же размѣры золотопромышленности значительно сократились; крупныхъ тузовъ осталось мало. На мѣстѣ ихъ появилась масса мелкихъ арендаторовъ, работающих *въ кредитъ* и жаждущихъ нажиться *исключительно* отъ прибавочной стоимости“ рабочей силы ¹⁾. О техническихъ усовершенст

---

¹⁾ Демократизаціи золотого промысла содѣйствовало и то, что въ 1870 г. занятіе имъ было дозволено лицамъ всѣхъ состояній, не лишеннымъ правъ (за немно-

ніяхъ, о развѣдочныхъ партіяхъ имъ и думать, конечно, нельзя, они продолжаютъ разрабатывать старыя, уже сильно истощенныя пріиски... Въ Енисейскомъ округѣ уже теперь совсѣмъ не слышать, чтобы золото „гребли лопатами“, чтобы компанейскіе управляющіе задавали „валтсаровскіе пиры“... Все, что прежде производилось en grand, крупно, солидно, теперь съежилось, измелъчало... А аппетитъ этихъ арендаторовъ, между тѣмъ, отнюдь не сократился; ихъ жажда къ наживѣ отнюдь не ослабѣла, и вотъ они прибѣгаютъ ко всяческимъ ухищреніямъ, дабы довести „прававочную стоимость“ рабочей силы пріисковаго „горбача“ до крайняго ея предѣла... Болѣе крупные арендаторы, съ своей стороны, сдаютъ обыкновенно арендуемые ими пріиски еще болѣе мелкимъ арендаторамъ (арендаторъ съ артелью рабочихъ въ 5—6 человекъ теперь уже не рѣдкость), причемъ эксплуатація рабочаго растетъ пропорціонально мелъчанію аренды. Арендаторы эти работаютъ обыкновенно съ *золотника*, т.-е. обязываются доставлять все добываемое золото въ пріисковое управленіе за опредѣленную плату¹⁾.

О томъ же свидѣлствуетъ и г. Уманьскій: „Кромѣ двухъ, трехъ крупныхъ компаній, непосредственно ведущихъ дѣло черезъ своихъ довѣренныхъ, кромѣ арендаторовъ, между которыми попадаются весьма крупныя и совсѣмъ мелкія, въ тайгѣ встрѣчается еще классъ такъ называемыхъ золотничныхъ артельщиковъ. Заручившись довѣріемъ пріисковаго управленія, подобный артельщикъ нанимаетъ нѣсколько человекъ рабочихъ и, получая содержаніе на себя и на нихъ изъ пріисковаго амбара“ (за извѣстную плату) „моетъ золото на бутарѣ, а потомъ сдаетъ его въ пріисковую контору за условленную плату съ золотника золота. Съ рабочими онъ расплачивается или помѣсячно, нанимая, такъ называемыхъ, окладныхъ, или же платитъ имъ тоже за золотникъ промытаго золота, оставляя извѣстный процентъ себѣ. Сдаются пріиски на золотники и непосредственно самимъ рабочимъ артелямъ, причемъ весь провіантъ они получаютъ изъ пріисковыхъ амбаровъ за высокую цѣну. Нѣкоторые пріиски обрабатываются въ настоящее время только золотничниками, такъ какъ подобное веденіе хозяйства представляетъ для золотопромышленника меньше риска; на другихъ бываетъ только часть золотничныхъ для добыванія золота тамъ, гдѣ работы отъ компаніи не оплатились бы, напримѣръ, въ старыхъ заброшенныхъ ортахъ, сохранившихъ среди развалинъ части золотоноснаго пласта“²⁾. „Число золотничныхъ“, говоритъ г. Уманьскій, „въ послѣднее

гими исключеніями), между тѣмъ какъ ранѣе, по закону 1838 г., было разрѣшено заниматься промывкою золота только дворянамъ, потомственнымъ почетнымъ гражданамъ и купцамъ первой и второй гильдіи.

¹⁾ С.—н. „Сибирскіе рабочіе“. „Устон“, 1882 г., № 12, стр. 3—4.

²⁾ Уманьскій. „Очерки золотопромышл. въ Енисейской тайгѣ“. 1888 г., стр. 111.

время значительно увеличилось, въ чемъ слѣдуетъ видѣть дальнѣйшее раздробленіе промысла. Золотничныя работы имѣютъ основаніе въ техническихъ условіяхъ промысла, въ чемъ заключается ихъ раціональная сторона, и въ духѣ кулачества, овладѣвшаго золотопромышленностью, въ чемъ заключается темная сторона раздробленія промысла. Отношенія хозяевъ и золотничныхъ въ значительной степени напоминаютъ отношенія капиталистовъ и арендаторовъ. Хозяинъ въ этомъ случаѣ представляетъ собою кулака, беззастѣнчиво эксплуатирующаго трудъ рабочихъ" (75—76 стр.).

Дѣло поставлено такъ, что эти арендаторы только и существуютъ эксплуатаціею рабочихъ. „Золотничники“, говоритъ авторъ одной изъ статей о енисейской золотопромышленности, „въ большинствѣ случаевъ люди мало состоятельные и перебиваются кредитомъ, а отсюда понятно, что всѣ припасы обходятся имъ очень дорого. Стало быть, имъ приходится вырабатывать ренту для пріиско-владѣльца, проценты для кредиторовъ и приличную прибыль для себя. Такая задача уже совсѣмъ не по силамъ и безъ того значительно истощеннымъ пріискамъ. Весьма часто расходы арендаторовъ превышаютъ даже ихъ доходы, за ними накапливаются долги, и они дѣлаются несостоятельными: въ полицейскомъ управленіи“ (въ Енисейскѣ) „вамъ могутъ указать цѣлый рядъ лицъ, обязанныхъ подпискою о невыѣздѣ изъ города въ виду неудовлетворенія ими предъявляемыхъ противъ нихъ взысканій. Понятная вещь, что эти арендаторы усиливаютъ эксплуатацію рабочихъ до послѣдней степени... Вообще, золотничная система сдѣлала хищничество золотопромышленности еще болѣе интенсивнымъ, еще болѣе жестокимъ и грубымъ... При этой системѣ выигрываетъ одинъ пріиско-владѣлецъ... Рабочій страдаетъ еще больше, чѣмъ въ первый періодъ золотопромышленности, а весьма часто страдаетъ еще золотничникъ-арендаторъ, разыгрывающій въ данномъ случаѣ роль ирландскаго фермера“¹⁾.

Пріисковъ, работавшихся старателями золотничниками, въ 1879 г. въ сѣверной части Енисейскаго округа было 40 (37% всѣхъ пріисковъ); на нихъ было 1445 чел. рабочихъ, что составляетъ 21% всего числа рабочихъ на пріискахъ этого округа. Въ 1880 г. въ сѣверной части округа старатели разрабатывали 30 пріисковъ (28%); рабочихъ на нихъ было 1234 чел. (19% всего числа рабочихъ). Въ южной части Енисейскаго округа старательскія работы также

¹⁾ С—нъ „Итоги золотопромышленности“ (Письмо изъ Енисейска). „Сибирская Газета“, 1888 г., № 13. По словамъ г. Пантелѣева, „переходъ къ золотничной системѣ былъ послѣдствіемъ обѣдненія пріисковъ отъ выработки ихъ. Въ экономическомъ смыслѣ онъ выразился перенесеніемъ на рабочихъ значительной доли риска, связанной съ добычей золота на выработанныхъ пріискахъ“. „Сибирь“, 1897 г., № 119.

съ каждымъ годомъ развивались, и въ 1880 г. золотничники разрабатывали 31 пріискъ (22⁰/о). Въ 1882 г. въ сѣверной части Енисейскаго округа старатели разрабатывали 30 пріисковъ (38⁰/о). Въ 1883 г. во всемъ Енисейскомъ округѣ старателями разрабатывалось 68 пріисковъ (30⁰/о), отдѣльно же въ сѣверной части 31 пріискъ (36⁰/о), а въ южной 37 (27⁰/о); въ 1884 г. во всемъ Енисейскомъ округѣ— 72 пріиска (33⁰/о), а въ южной части округа 35 (27⁰/о), въ слѣдующемъ же 1885 г. въ южной части Енисейскаго округа 62 пріиска (42⁰/о) ¹). Въ 1889 г. въ южной части Енисейскаго округа (со включеніемъ Красноярскаго и Канскаго) золотничники разрабатывали 31 пріискъ (19⁰/о), а въ сѣверной части 25 пріисковъ (24⁰/о); въ 1890 г. въ сѣверной части округа старатели разрабатывали 28 пріисковъ (25⁰/о) и на нихъ трудилось 543 человека (13⁰/о всего числа рабочихъ); въ южной части въ томъ же году старатели работали на 35 пріискахъ (25⁰/о) ²). Въ 1896 г. въ сѣверномъ Енисейскомъ горномъ округѣ изъ 113 дѣйствовавшихъ пріисковъ исключительно старательскими работами разрабатывалось 27 пріисковъ (24⁰/о) съ 17⁰/о всѣхъ рабочихъ и кромѣ того 11 пріисковъ и хозяйственными, и старательскими работами; въ южноенисейскомъ горномъ округѣ золотничными работами разрабатывалось даже 62⁰/о пріисковъ, на которыхъ работало 15⁰/о всѣхъ рабочихъ ³).

Значительное распространеніе золотничныхъ работъ объясняется тѣмъ, что „безъ мелкихъ артелей золотничниковъ, извлекавшихъ сотни пудовъ золота, которое бы никогда не было добыто“, по словамъ золотопромышленника Латкина, „немыслима была бы разработка или доработка прежде выработанныхъ большими работами пріисковъ, на которыхъ невозможно ставить самостоятельныя работы въ сколько нибудь значительныхъ размѣрахъ и содержать дорого стоящее управленіе и пріисковую администрацію, поглощающія обыкновенно четверть расходовъ по разработкѣ пріисковъ. Такія артели золотничниковъ и мелкихъ арендаторовъ полезны тѣмъ, что онѣ ищутъ, роясь какъ кроты, затерявшіеся кусочки прежнихъ росыпей, раскапываютъ отвалы и почву прежнихъ разрѣзовъ или роются въ бортахъ прежнихъ работъ, нерѣдко совершенно занесенныхъ или заваленныхъ глинами, илами, эфелями и гальками. Все это потерянное золото они снова извлекаютъ на свѣтъ

¹) Арх. Горн. Испр. Южн. ч. енис. окр., дѣло 1880 г., № 41, 1885 г., № 36, отчеты о золотопр. въ Восточн. Сиб. въ Горномъ Деп.; „Горнозав. произв. Россіи“ за указанные годы; „Приложеніе 1-е къ вып. 1 Сборн. офиц. докум. по управ. Вост. Сиб.“ т. VII отчетъ о золот. Вост. Сиб. за 1882 г., Вѣдом. № 3.

²) „Горн. Журн.“ 1891 г., № 12, стр. 515, 527, 529.

³) „Вѣст. Золот.“ 1897 г., № 11, стр. 250—251.

божій и конечно принимаютъ всё мѣры какъ можно менѣе терять его при промывкѣ, ибо для нихъ каждый золотникъ его дорогъ и цѣненъ ¹⁾).

Окружной инженеръ южной части Енисейскаго округа въ отчетѣ за 1890 г. говоритъ, что старателей въ этомъ округѣ „можно раздѣлить на 2 категоріи. Къ первой слѣдуетъ отнести старателей на прискахъ не выполнѣ выработанныхъ, на которыхъ промываются оставленные въ бортахъ цѣлики и гдѣ команда рабочихъ превышаетъ 15 чело-вѣкъ, ко второй категоріи относятся тѣ, коими исключительно промываются отвалы прежнихъ лѣтъ, дѣлается задирика (подчистка) почвенныхъ песковъ, и промываются эфеля, накопившіеся въ водоотводныхъ канавахъ; на такихъ прискахъ команды бываетъ менѣе 15 чел.“ (по отчету 1889 г. отъ 3 до 15 чел.). „Приски этихъ двухъ категорій не могутъ быть разрабатываемы иначе, какъ старателями: не будь старательскихъ работъ, золото, оставшееся въ отбросахъ отъ промывки прежнихъ лѣтъ, было бы совершенно потеряно и казна никогда не получила бы слѣдующаго съ этого золота дохода“ ²⁾).

„Часть старателей“, говоритъ г. Ячевскій о сѣверной части Енисейскаго округа, „заключаетъ условія еще въ Енисейскѣ, частью же артели формируются уже на мѣстѣ въ тайгѣ; иногда изъ вольнаго, явившагося на промысла, народа, а иногда даже изъ рабочихъ, вошедшихъ въ такъ называемый общій контрактъ... Часть старателей приходитъ на приски со своими лошадьми, съ нѣкоторыми, хотя незначительными запасами провіанта и одежды, другіе же являются только съ личною способностью къ труду и прежде всего забираютъ все необходимое подѣ обезпеченіе того золота, которое ими намается въ слѣдствіи“ ³⁾).

Старатели-золотничники чаще нанимаются на лѣтнюю операцію, чѣмъ на весь годъ. Нанявшіеся на лѣтнюю операцію обязуются начать работу съ извѣстнаго числа марта, апрѣля или мая мѣсяца и продолжать ее до 10 или 20 сентября, а иногда и до 1 октября. На зиму золотничники обыкновенно нанимались для ортовыхъ работъ. Въ маѣ 1871 г. одинъ мѣщанинъ взялъ прискъ у золотопромышленника Вилямовскаго для золотничныхъ работъ на 3 года, т.-е. до 10 сентября 1873 года. Бывало и такъ, что въ договорѣ съ подрядчикомъ-золотнич-

¹⁾ Н. В. Латкинъ. „Енисейская губернія, ея прошлое и настоящее“. Сиб. 1892 г., стр. 248—249.

²⁾ „Горный Журналъ“, 1891 г., № 12, стр. 529.

³⁾ Ячевскій. „Очеркъ современнаго состоянія, причинъ упадка и условій возрожденія енисейской золотопромышленности“ („Горный Журналъ“ 1892 г., № 8—9), отд. отт., стр. 22—23. Въ большемъ размѣрѣ золотничныя артели были поставлены прямо отъ хозяевъ присковъ въ 1873 г. К^о Зотовыхъ, но очень неудачно. „Сибирь“, 1897 г., № 119.

никоимъ срокъ окончанія работъ ставился въ зависимость отъ усмотрѣнія пріисковаго управленія. Такъ одинъ мѣщанинъ въ 1871 г. взялся производить добычу золотоносныхъ песковъ на пріискѣ К^о Щеголевыхъ и Кузнецова съ 1-го мая до того времени, „сколько управленіемъ будетъ дозволено“. Иной разъ нѣсколько мелкихъ предпринимателей составляли компанію и брали вмѣстѣ пріиски для золотничныхъ работъ, или подрядчикъ-золотничникъ передавалъ другому подрядчику часть взятаго имъ пріиска для такихъ же работъ.

Въ договорахъ съ самостоятельными артелями золотничниковъ и съ подрядчиками-золотничниками (или арендаторами-золотничниками) обыкновенно опредѣляется минимумъ того числа рабочихъ, какое должно было стать на работу. Въ извѣстныхъ намъ договорахъ съ самостоятельными артелями число это колеблется между 10 и 50 (въ послѣднемъ случаѣ пояснено, что это двѣ артели), въ договорахъ съ подрядчиками между 10 и 30-ю ¹⁾. Бываютъ артели и меньшей величины: „По закону“, говоритъ г. Ячевскій, „артель должна состоять не менѣе, чѣмъ изъ 10 человекъ“ (т.-е. столько человекъ должны вмѣстѣ производить работу); „но на практикѣ законъ этотъ является невыполнимымъ: для такого числа людей нѣтъ работы на маленькомъ старательскомъ станкѣ. Въ составъ артели входятъ обыкновенно отъ 4 до 8 человекъ, иногда работаютъ только 2 человека“ (стр. 22—23). Въ договорахъ съ подрядчиками обыкновенно обозначался извѣстный минимумъ числа рабочихъ, но предоставлялось имъ право нанять и болѣе людей. Въ нѣкоторыхъ договорахъ съ подрядчиками опредѣляется неустойка за поставку на работу меньшаго числа рабочихъ, чѣмъ было условлено ²⁾.

При наймѣ золотничники, хотя вѣроятно и не всегда, получаютъ задатки, но меньшіе, чѣмъ общеконтрактные рабочіе ³⁾. Въ извѣстныхъ намъ договорахъ 70-хъ годовъ размѣръ задатковъ колеблется между 6 и 60 рублями, чаще же всего они равняются 10—25 р. Окружной инженеръ сѣверной части Енисейскаго округа въ отчетѣ за 1888 годъ говоритъ, что „золотничныя артели рабочихъ задатковъ не получали“, но едва-ли это можно считать общимъ правиломъ.

¹⁾ Въ договорѣ 1870 г. съ управленіемъ Николаевскаго пріиска В. Базилевскаго сказано: „если бы артель собралась меньше 24 человекъ, то управленіе вправѣ само такую дополнить“. Въ договорѣ 1870 г. съ Родственною (южн. ч. Енис. окр.) назначено 15 членовъ артели, но на томъ же договорѣ росписались еще 2 артели: одна изъ 12, другая изъ 10 человекъ.

²⁾ Такъ въ договорахъ съ золотопромышленникомъ южной части Енисейскаго округа Хотимскимъ (1870 г.) назначена неустойка по 50 руб., а въ договорѣ съ Виламовскимъ (1871 г.) вычетъ по 3 руб. въ день за каждаго недостающаго рабочаго.

³⁾ С— изъ „Сибирскіе рабочіе“. „Устонъ“ 1882 г. № 12, стр. 4—6.

Подрядчики, обязующиеся поставить артель золотничниковъ, также иногда выговаривали себѣ известную сумму впередъ „на вспомошествованіе“ ¹⁾. Авансъ на покупку лошадей выговаривали иногда и самостоятельныя артели золотничниковъ: такъ въ договорѣ съ К^о Малевинскихъ артель выговорила себѣ на покупку двухъ лошадей ссуду не болѣе 100 р.

Пріисковое управленіе выговаривало иногда право перевести всю артель золотничниковъ или часть ея на другой пріискъ.

Въ договорѣ съ К^о Малевинскихъ 1874 г. (Ольгинскій пріискъ сѣверной части Енис. окр.) сказано: „Если золото пойдетъ плохо, такъ что мы на этихъ золотничныхъ работахъ не будемъ отрабатывать сдѣланнаго нами забора, тогда управленіе имѣетъ право насъ всѣхъ или нѣкоторыхъ изъ артели поставить на другой пріискъ, принадлежащій той же компаніи, или на золотничныя работы, или на общія компанейскія ²⁾ или передать насъ для отработки долговъ въ другую какую либо компанію, и въ такомъ случаѣ мы, нисколько тому не препятствуя, обязываемся сразу же перейти и производить работы на всѣхъ тѣхъ условіяхъ, какія опредѣлены для общеконтрактныхъ работъ“. Въ договорѣ съ В. Базилевскимъ (1872 г. сѣв.-енис. системы) сказано: „Въ случаѣ, если бы промывка дала въ теченіе мѣсяца, перваго послѣ начатія ея, менѣе 20 золотниковъ на человѣка въ сложности, то довѣренный, завѣдующій пріисками“ (Митрофаньевскимъ и Пафнутьевскимъ), „предоставляетъ намъ право разсчитаться. Оставшіеся за нами долги мы обязаны внести наличными деньгами сейчасъ же или отработать таковыя вскрышею торфа на указанномъ намъ пріискѣ г. Базилевскаго, куда мы обязуемся отправиться немедленно п работать, получая таковую же плату за каждую по замѣру куб. сажень, какую будутъ получать на этомъ пріискѣ отрядные рабочіе. Въ случаѣ перехода на шурфовочную или другія какія работы, г. Базилевскій вправе развить нашу артель на нѣсколько артелей и послать на разные пріиски. Не изъявивъ желанія разсчитаться послѣ мѣсячной промывки, теряемъ право на шурфовочную, турфовую или другія работы и обязаны продолжать промывку песковъ до 11 сентября; разсчитаться же можемъ только въ случаѣ согласія на то пріисковаго управленія“.

Между тѣмъ какъ золотничники обязывались работать до условленнаго срока, и лишь въ немногихъ договорахъ имъ предоставляется право разсчитаться по истеченіи мѣсячнаго срока, если они будутъ добывать слишкомъ мало золота, золотопромышленники обыкновенно вы-

¹⁾ По договору съ Хотимскимъ (въ ноябрѣ 1870 г.) подрядчикъ выговорилъ себѣ на вспомошествованіе 500 р. въ два срока: 300 руб. при заключеніи условія и 200 р. въ мартѣ 1871 г. Подрядчикъ, бравшій отъ другого подрядчика для золотничныхъ работъ часть пріиска Хотимскаго (въ 1870 г.), въ свою очередь выговаривалъ отъ послѣдняго „на вспомошествованіе“ 200 р.

²⁾ Въ подобномъ же договорѣ съ Базилевскимъ (1877 г., сѣверн. части Енис. окр.) сказано: „или же на общія работы съ платою намъ въ мѣсяцъ по 24 руб. сер., *кромя содержанія*, которое должно относиться въ счетъ артельщика Волкова“ (одинъ изъ членовъ артели), слѣдовательно они должны были получать по 24 руб. на своемъ содержаніи.

товаривали себѣ право расчитать рабочихъ и до срока по своему усмотрѣнію ¹⁾).

Въ нѣкоторыхъ договорахъ пріисковое управленіе предоставляло себѣ право поставить на томъ же пріискѣ и другія артели, съ тѣмъ только, чтобы заключившихъ договоръ золотничниковъ не переводили съ занятыхъ ими мѣстъ. Въ другихъ договорахъ постановка другой артели допускалась въ томъ случаѣ, если первая артель не будетъ въ состояніи выработать занятое ею мѣсто до окончанія операци. Въ третьихъ договорахъ пріисковое управленіе предоставляло себѣ право, „въ случаѣ надобности“, поставить на томъ же пріискѣ и общія работы, съ тѣмъ только, чтобы золотничниковъ „съ занятыхъ мѣстностей не переводить и воды не отбирать“. Въ договорахъ съ артелями золотничниковъ ипогда точно обозначается мѣсто, отводимое имъ для работы ²⁾).

Золотничники ограждали себя въ нѣкоторыхъ договорахъ отъ произвольнаго перевода съ выбранныхъ ими мѣстъ ³⁾. Однако, или не всѣ золотничныя артели выговариваютъ въ контрактахъ съ промысловымъ управленіемъ, чтобы ихъ не сгоняли съ хорошихъ, выбранныхъ ими мѣстъ, или золотопромышленники не соблюдаютъ договоровъ, но только случаи перевода золотничниковъ на менѣе выгодныя имъ мѣста бывають сплошь и рядомъ. „Старательской артели“, говоритъ г. Ячевскій, „или назначается участокъ для работы, или предоставляется право свободныхъ поисковъ, причемъ какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ, если старатель попадаетъ на богатое золото, онъ ничѣмъ не гарантированъ, что его не сгонять съ даннаго участка и не поставятъ на бѣдный или совершенно неизвѣстный“. Г. Уманскій также признаетъ, что въ случаѣ надобности управленіе можетъ согнать золотничниковъ съ избраннаго ими мѣста (стр. 131). Во время поѣздки по Енисейскому округу въ 1891 г. я слышалъ, что этотъ видъ притѣсненія старателей довольно распространенъ: когда золотничники нашли хорошее мѣсто, ихъ сгоняють съ него или понуждаютъ перейти на

¹⁾ Нѣсколько большее равенство между обѣими сторонами устанавливается въ этомъ отношеніи только въ договорѣ съ К^о Малевинскаго (1874 г.), въ которомъ сказано: „Ранѣе 11 сентября 1874 г. требовать расчета не можемъ; также и управленіе при удовлетворительной добычѣ золота, вполне покрывающей нашъ первоначальный заборъ и послѣдующій расходъ, безъ особенно уважительныхъ причинъ не можетъ насъ расчитать“.

²⁾ Въ договорѣ съ Родственною (1870 г., южн. ч. Енис. окр.) упомянуто, что „если кто изъ прочихъ артелей пожелаетъ работать изъ нашего разрѣза, таковыя обязаны платить намъ по 5 р. съ человѣка“.

³⁾ Въ договорѣ съ Пекаремъ и Востротиннымъ (1881 г., сѣверн. ч. Енис. окр.) уважительными причинами удаленія артели съ избраннаго ею мѣста признается: хищничество золота, связь съ подозрительными людьми, пьянство и т. п.

общеконтрактное положеніе. Въ этомъ особенно обвиняли представителя одной богатой компаніи сѣверной части Енисейскаго округа, но прибавляли, что это дѣлають и многіе другіе. Правда, по словамъ г. Уманьскаго, управленіе иногда переводить золотничниковъ на другое мѣсто ради ихъ собственнаго блага (см. стр. 132—134), но такіе мотивы принудительнаго изгнанія золотничниковъ съ найденнаго ими мѣста являются далеко не всегда, и нужно полагать, что золотопромышленники обыкновенно руководятся въ этомъ отношеніи исключительно эгоистическими соображеніями. Къ тому же и самъ г. Уманьскій признаетъ, что „на нѣкоторыхъ пріискахъ, если мѣсто, открытое золотничными, оказывается богатымъ, управленіе безъ дальнихъ околичностей сгоняетъ ихъ“ (стр. 132).

Въ нѣкоторыхъ договорахъ съ артелями золотничниковъ определено минимальное количество золота, которое артель должна была намывать на каждого человѣка: по договорамъ съ Вилимовскимъ (1871 г.) по $\frac{1}{2}$ золотника, съ Калининными-Шушляевыми по 1 золотнику.

Золотничники обязываются въ контрактахъ соблюдать при своихъ работахъ установленныя закономъ техническія правила, обыкновенно руководствуясь при этомъ указаніями управляющаго, и г. Ячевскій свидѣтельствуєтъ, что „въ общемъ, земляныя работы производятся *даже старателями* очень правильно“ (стр. 36). Въ договорахъ съ подрядчиками-золотничниками послѣдніе принимаютъ на себя наблюденіе за правильностью работъ и отвѣтственность при несчастныхъ случаяхъ.

По словамъ г. Ячевскаго, „старательскіе станки“ для промывки золота „представляютъ большую частью жолобъ, шириною въ $1-1\frac{1}{2}$ арш., длиною до 5—6 арш., со слабымъ уклономъ... Все дно ихъ выложено листами бутарнаго желѣза. При старательской работѣ, задолжающей до 8 человѣкъ, станокъ имѣетъ обыкновенно конструкцію маленькой бутары, въ которой пески сваливаются на желѣзный листъ съ отверстіями; туда же поступаетъ вода, и пески протираются гребками. Улавливаніе золота производится на расположенномъ ниже шлюзѣ при помощи плитусовъ и желѣзныхъ бутарныхъ листовъ“.

Золотничныя артели обыкновенно обязывались работать и въ праздничные, и воскресные дни; въ договорѣ съ Базилевскимъ (1872 г. сѣвер. ч. Енис. окр.), сказано, что они „изъявили на это согласіе въ видахъ собственной пользы“ ¹⁾. Но при посѣщеніи пріисковъ сѣверной части Енисейскаго округа въ 1891 г., мы слышали, что золотничники обыкновенно (хотя и не всегда) отдыхаютъ въ воскресенье. Въ договорахъ же старатели-золотничники обыкновенно выговаривали себѣ одинъ льгот-

---

¹⁾ Такое же обязательство иной разъ давали и предприниматели, взявшіе пріискъ въ золотничную разработку.

ный день въ мѣсяцъ (напр., по договору 1871 г. съ Асташевымъ, южн. ч. Енис. окр.). Въ договорѣ съ Востротиннымъ и Пекаремъ (1881 г.) золотничники обязывались праздновать свой единственный въ мѣсяцъ льготный день „не всѣ заразъ, а по одному человѣку изъ артели по назначенію присковаго управленія“. Въ договорѣ съ Кузнецовымъ золотничники, нанявшіеся на весь годъ съ 1 октября 1870 г. по 10 сентября 1871 г. за все это время выговорили себѣ всего 15 дней отдыха, а въ остальные праздничные дни непремѣнно обязались трудиться. Въ договорѣ съ Вилимовскимъ (1871 г.) устанавливается обязательная работа по праздникамъ и табельнымъ днямъ и о льготныхъ дняхъ не упоминается. Въ нѣкоторыхъ контрактахъ золотничныхъ артелей время ежедневнаго начала работъ опредѣляется такъ: „на работу должны мы выходить согласно общаго присковаго положенія“. По договору съ К^о Малевинскаго (1874 г.) золотничники обязались начинать работу въ пятомъ часу утра и прекращать ее не ранѣе восьмого часа вечера, причемъ продолжительность отдыха не оговорена. Напротивъ, въ договорѣ съ Тонконозовымъ (1871 г.) золотничники обязались работать съ 5 ч. утра до 12-ти и съ 2 ч. до 8 ч. вечера, т.-е. 13 часовъ. Въ договорѣ съ Пекаремъ и Востротиннымъ (1881 г.) не опредѣлена продолжительность отдыха, и установлено обязательство вырабатывать не менѣе извѣстнаго количества: „работать мы должны“, сказано въ этомъ договорѣ, „ежедневно съ 5 ч. утра до 8 ч. вечера и вырабатывать въ это время столько, сколько вырабатываютъ рабочіе по общему контракту, въ противномъ случаѣ, если мы будемъ уклоняться и лѣниться, то присковое управленіе можетъ задавать намъ урочныя работы, и, не вырабатывая урокъ, не имѣемъ права сходить съ работъ даже и послѣ 8 ч. съ тѣмъ, если урокъ будетъ способенъ по усмотрѣнію присковаго управленія къ выработкѣ. Отъ работъ мы ни въ какомъ случаѣ не должны отлучаться безъ дозволенія на то присковаго управленія даже на обѣдъ и чай“ ¹⁾).

Въ нѣкоторыхъ договорахъ устанавливается обязанность золотничниковъ производить подготовительныя работы, причемъ особаго вознагражденія за нихъ не полагалось, и рабочіе довольствовались платою съ золотника промытаго золота. Сдавать золото золотничныя артели обязывались ежедневно, причемъ по нѣкоторымъ договорамъ при сдачѣ и извѣщиваніи золота должно было присутствовать не менѣе трехъ членовъ артели, и въ выданную артельному старостѣ шнуровую тетрадь

¹⁾ То же самое, лишь въ иныхъ выраженіяхъ, мы находимъ и въ нѣкоторыхъ другихъ договорахъ. Въ экстренныхъ случаяхъ (при прорывѣ плотинъ, пожарахъ и проч.) золотничники, подобно общеконтрактнымъ, обязывались выходить на работу во всякое время и не оставлять ее, пока не будетъ дозволено.

тутъ же записывалось количество золота и промытыхъ песковъ, за подписью каждый разъ управляющаго прискомъ и артельного старосты или вмѣсто него другого грамотнаго члена артели. Напротивъ, въ нѣкоторыхъ договорахъ съ подрядчиками сдача золота назначалась разъ въ недѣлю по субботамъ.

Иногда присковое управленіе выговаривало себѣ право привлекать въ извѣстной мѣрѣ старателей-золотничниковъ къ исполненію хозяйскихъ работъ. Такъ по договорамъ съ компанією Булычевой и Занадворовой (1872 г.) и Малевинскаго (1876 г.) управленію предоставлялось право потребовать весною для какихъ либо поторжныхъ работъ и лѣтомъ для шурфовки прииска не болѣе 2 человекъ изъ артели заразъ, а всего не болѣе 50 поденщинъ, причемъ продовольствіе на нихъ должно была выдавать компанія (въ договорѣ же съ Базилевскимъ 1877 г. присковое управленіе могло потребовать не болѣе 1 человека заразъ, а всего не болѣе 10 поденщинъ). По договору съ компанією Малевинскаго (1876 г.) рабочіе-золотничники кромѣ того обязались дать отъ себя служащимъ въ прислуги двухъ женщинъ, вознагражденіе и продовольствіе которыхъ принимали на свой счетъ, а по договору съ компанією Булычевой и Занадворовой (1872 г.) они обязывались давать рабочихъ и для разныхъ хозяйскихъ работъ съ платою по 50 коп. за поденщину ¹⁾).

„Несмотря на весь рискъ“, говоритъ г. Уманьскій, „золотничныя работы привлекательны для многихъ. Работая самостоятельно, рабочій чувствуетъ себя свободнѣе, измѣняется даже его способъ держать себя и говорить съ начальствомъ ²⁾“. Впрочемъ свобода его весьма призрачна: для надзора за золотничными назначается особый смотритель, который обязанъ въ одно время съ общими выгонять ихъ на работу, разбирать ссоры артелей одна съ другою, слѣдить, чтобы не было кражи золота. Когда промывка идетъ хорошо,—управленіе довольно, и узда надзора не такъ чувствительна, но чуть только явится опасность, что золотничные могутъ непроизводительно войти въ долги, обращеніе круто измѣняется: начинаются вымогательства и придиры... Золотничныя работы требуютъ отъ рабочаго сметливости, осмотрительности, умѣнья шевелить мозгами, почему рабочіе сильные и bezpečные предпочитаютъ оставаться въ разрядѣ общеконтрактныхъ, гдѣ работы тяжелѣе, но нѣтъ пужды заботиться и ломать свою голову“ (стр. 132).

Старатели-золотничники выбираютъ для завѣдыванія дѣлами ар-

¹⁾ „Камско-Волжская Газета“ 1873 г. № 73.

²⁾ „Кто сталъ ходить на золотники“, говоритъ г. Пантелѣевъ, „тотъ уже рѣдко возвращается на общія работы, каковы бы ни были превратности золотничной работы“. „Сибирь“ 1897 г., № 119. .

тели артельного старосту, на обязанности котораго лежитъ забота о всѣхъ нуждахъ артели, распредѣленіе работъ между ея членами, сдача золота, наблюденіе за правильною записью забираемыхъ въ пріисковой лавкѣ припасовъ, передача артели всѣхъ распоряженій пріисковаго управленія.

За всѣ свои работы, какъ подготовительныя (отводъ воды, вскрытіе торфа и проч.), такъ и непосредственно по добычѣ и промывкѣ золота, артели старателей-золотничниковъ получали вознагражденіе съ золотника. Въ 70-хъ годахъ это вознагражденіе колебалось между 1 р. 25 к. и 2 р. 25 к. зъ золотника ¹⁾. На пріискѣ, описываемомъ г. Уманскимъ, рабочіе получали въ половинѣ 80-хъ годовъ по 2 р. за золотникъ, на нѣкоторыхъ же пріискахъ, по его словамъ, плата доходила до 3 рублей (стр. 76, 131). По свидѣтельству корреспондента одной сибирской газеты, рабочіе въ сѣверной части енисейскаго округа получали въ 1885 г. отъ 2 р. 50 к. до 3 р. ²⁾. Въ 1889 г. плата за золотникъ въ Енисейскомъ округѣ колебалась въ сѣверной части между 3 р. 20 к. и 3 р. 50 к., въ южной части между 2 р. 80 к. и 3 р. 50 к. ³⁾. Въ 1890 г. въ сѣверной части Енисейскаго округа рабочіе получали 2 р. 50 к.—3 р., а въ южной 2 р. 40 к.—3 р. 20 к. Окружной инженеръ южной части Енисейскаго округа пояснилъ, что плата колеблется „въ зависимости отъ трудности работъ, цѣнъ на получаемые припасы, дажа на золото и добросовѣстности владѣльца пріиска. Во всякомъ случаѣ, низкій размѣръ платы способствуетъ тайной продажѣ нѣкоторой (иногда значительной) части золота на сторону, потому что золотничникъ, получая 2 р. 50 к. за золотникъ, не въ состояніи въ иныхъ случаяхъ даже пропитать себя и выходить съ пріиска неоплатнымъ должникомъ“ ⁴⁾. По словамъ же г. Ячевскаго, посѣтившаго сѣверную часть Енисейскаго округа въ 1891 г. плата значительно ниже—отъ 1 р. 80 к. до 2 р. 50 к. за золотникъ „въ зависимости отъ богатства золота и отъ степени удобства работъ“ (23 стр.), между тѣмъ какъ по официальнымъ свѣдѣніямъ за 1891 годъ плата золотничникамъ въ сѣверной части округа равнялась 3 р. 20 к.—3 р. 50 к., а въ южной части 2 р. 80 к.—3 р. 50 к. за золотникъ ⁵⁾. Эта разница въ показаніяхъ о вознагражденіи за золото происходитъ отъ того, что г. Ячевскій имѣетъ въ виду плату членамъ золотничныхъ артелей, а

¹⁾ По свидѣтельству Л. О. Пантелѣева, плата падала мѣстами и до 80 к. „Сибирь“ 1897 г. № 119.

²⁾ „Сибирь“ 1885 г., № 6, стр. 7. При тайной продажѣ рабочіе могли въ 1886 г. получить 4 р. 80 к. за золотникъ золота. „Сибир. Вѣстн.“, 1886 г. № 91, стр. 3.

³⁾ Отчетъ Томск. Горн. Управленія.

⁴⁾ „Горный Журналъ“, 1891 г., № 12, стр. 527—530.

⁵⁾ „Вѣстн. Золот.“ 1892 г., № 16, стр. 225.

мѣстные окружные инженеры очевидно говорятъ о вознагражденіи подрядчиковъ, получающихъ болѣе высокую плату, чѣмъ набираемые ими рабочіе. Во всякомъ случаѣ плата золотничникамъ сравнительно съ 70-ми годами, по крайней мѣрѣ номинально, повысилась, но такъ какъ заработки зависятъ отъ количества добытаго золота, то съ оскудѣніемъ енисейскихъ промысловъ и при разнообразныхъ вычетахъ съ рабочихъ и пріемахъ ихъ эксплуатаціи, заработки эти могли и не возрасти.

Что касается платы подрядчикамъ, ведущимъ работы артелями золотничниковъ, то въ началѣ 70-хъ годовъ въ южной части Енисейскаго округа они получали отъ 1 р. 40 к. до 2 р. 60 к. за золотникъ. Въ сѣверной части Енисейскаго округа, по договору съ К^о Малевинскаго 1873 г., крупный подрядчикъ получалъ по 2 р. за золотникъ, а самъ платилъ рабочимъ по 1 р. 40 к. и, имѣя 180 рабочихъ (80 чело-вѣкъ на своихъ работахъ и 100 чело-вѣкъ золотничниковъ), нажилъ въ годъ съ пріисковъ этой К^о 25000 рублей, уплативъ компаніи аренды не менѣе 45 т. руб. ¹⁾ По договору съ Базилевскимъ (1879 г.) крестьянинъ, взявшій въ разработку Констанскій пріискъ, выговорилъ себѣ плату по 3 р. за золотникъ золота. По договору съ Пекаремъ и Востротиннымъ рабочіе получали по 1 р. 80 к., а арендаторы-золотничники по 2 р. 80 к. за золотникъ, но изъ этихъ денегъ арендаторы-золотничники „должны платить рабочимъ, покрывать экстраординарные расходы, платить проценты (18—50⁰/о) за занимаемыя деньги, а владельцы пріисковъ получали около 8 р. за золотникъ (около этой цифры колебался курсъ золота въ 1877—82 гг.) ²⁾ По наблюденіямъ г. Ячевскаго (1891 г.) „промежуточною формою между арендою пріиска съ золотника и артельною работою является особый типъ старательской работы, состоящій въ томъ, что нѣкоторый участокъ пріиска сдается съ золотника мелкому предпринимателю, который, съ своей стороны, ставитъ на немъ или собственныя, или артельныя работы. При этой операціи дѣлается, напимѣръ, слѣдующій коммерческій оборотъ: арендаторъ пріиска получаетъ по 3 р. 50 к. за золотникъ, старатель (т.-е. подрядчикъ-золотничникъ) довольствуется уже 3 рублями или даже 2 р. 80 к., а артельщику отдаетъ за 1 р. 80 к.—2 р. 50 к. Кромѣ того въ такихъ дѣлахъ существуютъ разнообразныя комбинаціи относительно инструментовъ, припасовъ и товаровъ“ (стр. 24).

Артели золотничниковъ основывались всегда на принципѣ равнаго вознагражденія всѣхъ членовъ, кромѣ избраннаго артелью старосты. Мы встрѣтили только одно исключеніе изъ этого правила, а именно, въ

¹⁾ „Сибирь“ 1897 г., № 119.

²⁾ „Устой“, 1882 г., № 12, стр. 4, 23; „Сибирская Газета“, 1883 г., № 37, стр. 944.

договорѣ съ Базилевскимъ (1872 г. сѣв. ч. Енис. окр.) сказано: „Такъ какъ присковое управленіе оставляетъ за нами на текущую операцію Митрофановскій и Пафнутаевскій приски исключительно, то мы обязываемся, въ случаѣ надобности, увеличить артель нашу до 30 чел. и въ правѣ нанимать людей *дешевле получаемой нами платы* за золотникъ золота“. Но и тутъ сдѣлана такая оговорка: „Въ случаѣ невозможности нанять рабочихъ намъ самимъ, присковое управленіе въ правѣ увеличить таковую (артель) само и назначить вновь нанятымъ рабочимъ такую же плату, какую получаемъ и мы. Золото, добытое со времени поступленія вновь нанятыхъ, дѣлится на насъ всѣхъ по количеству поденщины“.

Снаряды для промывки золота старатели-золотничники или устраивали сами, или брали ихъ бесплатно или на извѣстныхъ условіяхъ у хозяевъ приска.

Въ договорахъ южной части Енисейскаго округа относительно этого мы находимъ слѣдующія постановленія. По договору съ Тонконозовымъ (1871 г.) старатели-золотничники обязались добытые пески промывать на устроенныхъ ими самими бутарахъ или американкахъ. По договору съ Вилановскимъ (1871 г.) они все нужное для вскрыши турфовъ, а именно мосты и тачки, а также для добычи и промывки песковъ американки, бутарки, сплотки, вашгерды—обязались готовить своими средствами; золотопромышленными машинами, если онѣ понадобятся и будутъ свободны, старатели-золотничники могли пользоваться бесплатно, но поправку ихъ они принимали на свой счетъ ¹⁾. Въ договорѣ съ К^о Малевинскаго (1876 г. сѣв. ч. Енис. окр.) сказано: что нужный для своихъ работъ лѣсъ старатели-золотничники должны рубить и вывозить сами къ мѣсту работъ на своихъ лошадяхъ, которыхъ у нихъ должно быть не менѣе 6 и которыхъ они обязаны были кормить на свой счетъ. По договору съ Калининскими-Шушпаевыми (1871 г.) вырубку и подвозку лѣса золотничники должны были производить на своихъ лошадяхъ, а если ихъ не будетъ, то на „компанейскихъ, если къ тому будетъ возможность и будутъ льготныя лошади“, за указанную въ договорѣ плату, а именно по 1 золотнику за каждую поденщину. Такая же плата полагалась и за поденщину рабочаго въ томъ случаѣ, если золотничники, съ согласія управленія, будутъ пользоваться хозяйскими рабочими, состоящими на содержаніи отъ владѣльца приска. По нѣкоторымъ другимъ договорамъ начала 70-хъ годовъ, золотничники должны были платить за пользованіе хозяйскими лошадьми по 1 р. 50 коп. или по 1 золот. золота за каждый день. По договору съ Пекаремъ и Востротнымъ (1881 г., сѣв. ч. Енис. окр.), они обязывались имѣть не менѣе 2 лошадей на каждую артель изъ 10 человекъ. Напротивъ, на прискѣ, описываемомъ г. Уманьскимъ, они не могли имѣть своихъ лошадей и въ случаѣ надобности должны были брать ихъ отъ компаніи съ платою по 2—3 руб. въ день (стр. 76, 131).

Въ началѣ 70-хъ годовъ, по нѣкоторымъ договорамъ, золотничники пользовались хозяйскими инструментами и промывательными снарядами бесплатно, но затѣмъ за это съ нихъ стали дѣлать вычеты,

¹⁾ Если они будутъ пользоваться хозяйскими таратайками, то за это дѣлается вычетъ „по стоящей управленію цѣнѣ“.

которые все возрастали, точно такъ же какъ и вычеты за лѣчение и на нѣкоторые другіе расходы. Въ договорахъ южной части Енисейскаго округа мы находимъ по этому предмету слѣдующія постановленія. По договору старателей золотничниковъ съ Родственною (1870 г.) они забирали „инструменты и посуду“ въ счетъ слѣдуемой имъ платы, но съ тѣмъ, что по окончаніи работъ управленіе должно принять все сохраненное въ цѣлости обратно и произвести вычетъ только за потерянное или испорченное. О платѣ за горные инструменты и необходимые для работъ снаряды не упоминается и въ нѣкоторыхъ другихъ договорахъ этого времени или прямо сказано, что золотничники должны были получать ихъ бесплатно, и только поправку ихъ они принимали на свой счетъ. Но въ договорѣ съ Вилямовскимъ (1871 г.) за пользованіе горными инструментами и „посудой“ уже установленъ вычетъ въ размѣрѣ 30% ихъ стоимости, по договору съ К^о Зотовыхъ (1871 г.) по 3 р. въ мѣсяцъ съ cadaго человека, а по контракту съ Асташевымъ (1871 г.) въ размѣрѣ ихъ половинной стоимости.

По договору съ Базилевскимъ (1872 г., сѣв. ч. Енис. окр.) золотничники должны были платить за пользованіе инструментами 20% ихъ стоимости. Кромѣ того на содержаніе и жалованье присматривающаго за ихъ работою служащаго они должны были вносить ежемѣсячно по 1 р. 50 к. Лѣчение больныхъ они принимали на свой счетъ, уплачивая фельдшеру по 1 р. съ человека за всю лѣтнюю операцію. По договору съ Асташевымъ (1871 г. южн. ч. Енис. окр.) за лѣкарство и лѣчение больныхъ старатели должны были вносить по 4 р. за cadaго, а по двумъ договорамъ съ Калининными-Шушляевыми (1871 г.) по 3—5 р. съ cadaго члена артели, сколько бы ни было больныхъ.

Въ нѣкоторыхъ договорахъ сѣверной части Енисейскаго округа плата за пользованіе инструментами соединяется съ вычетомъ на содержаніе больницъ. Такъ въ договорѣ съ К^о Малевинскаго (1874 г.) сказано: „За пользованіе инструментомъ и на содержаніе больницы управленіе единовременно удерживаетъ съ cadaго рабочаго по 5 р.“, хотя „обыкновенное содержаніе больныхъ, т.-е. мука, мясо и прочіе припасы относятся на счетъ артели“. Кромѣ того на содержаніе служащихъ, приставленныхъ для надзора за золотничниками, а также присковаго караула управленіе ежемѣсячно вычитаетъ по 1 р. 75 к. По договору съ тою же компаніею (1876 г.) за пользованіе инструментами, на больницу и разные другіе расходы назначенъ общій вычетъ по 12 р. съ cadaго человека, причемъ содержаніе больныхъ золотничники также принимаютъ на свой счетъ и подвергаются особымъ вычетамъ за порчу и потерю инструментовъ ¹⁾. По словамъ г. Ячевскаго

¹⁾ Такой же вычетъ по 12 р. назначенъ и по договорамъ съ Базилевскимъ (1877 г.) и съ К^о Пекаря и Востротина (1881 г.).

въ настоящее время въ сѣверной части Енисейскаго округа за пользование инструментами взыскивается 20% ихъ стоимости; кромѣ того производится вычетъ по 4 р., а иногда и нѣсколько болѣе съ cadaго человека на исполненіе присковыхъ повинностей: дорожной, содержаніе врача, священника и проч. (стр. 23) ¹⁾. На прискѣ, описываемомъ г. Уманскимъ, рабочіе обязательно платили за инструменты, хотя бы они ихъ вовсе не брали; вообще же, по его словамъ, платятъ за инструменты, „часто совершенно негодные, по 7—10 р. въ мѣсяцъ, хотя бы они брать ихъ или нѣтъ, причемъ плата увеличивается соотвѣтственно богатству золота на данномъ прискѣ“ (стр. 76).

Что касается отдѣльныхъ предпринимателей, берущихъ приски для золотничной разработки, то въ этомъ отношеніи мы встрѣчаемъ слѣдующія условія въ договорахъ южной части Енисейскаго округа. Крестьянинъ, взявшій прискѣ у Елизаровой (1870 г.) обязался заготовить инструменты на свой счетъ. По договору съ Вилимовскимъ (1870 г.) двое мѣщанъ, взявшихъ прискѣ въ золотничную разработку, должны были бесплатно пользоваться хозяйскими инструментами и таратайками. По договору съ К^о Щеголевыхъ и Кузнецова (1871 г.) горные инструменты должны быть хозяйскіе. Мѣщанинъ, взявшій прискѣ у Хотимскаго (1870 г.), долженъ былъ поддерживать горные инструменты (ломы, кайлы, лопаты и проч.) получить бесплатно, а новые по стоящей приску цѣнѣ. Въ отчетѣ окружнаго инженера южной части Енисейскаго округа за 1889 годъ сказано, что присковые инструменты и таратайки старатели-золотничники (подрядчики) берутъ напрокатъ, слѣдовательно съ платою за пользованіе ими.—Золотопромывальныя машины (вышгерды, бутары, американки) подрядчики-золотничники обыкновенно строили на свой счетъ; иногда впрочемъ присковое управленіе нуженъ для этого строительный матеріалъ давало отъ себя (договоры южной части Енис. округа 1870—71 гг.). Подрядчики-золотничники выговаривали иной разъ право пользоваться хозяйскими лошадьми, а также и общекоонтрактными рабочими, если они будутъ свободны, за извѣстную плату: по договору съ Хотимскимъ (1870 г.)—по 80 коп. въ день за лошадь и по 1 р. за человека; по договору съ Вилимовскимъ (1871 г.)—за cadaго взятаго хозяйскаго рабочаго по 5 р.

Относительно лѣченія рабочихъ, находящихся въ артеляхъ такихъ подрядчиковъ-золотничниковъ, встрѣчаемъ двоякія условія: или медицинская помощь оказывается имъ бесплатно отъ хозяина приска ²⁾,

¹⁾ По договору съ Вилимовскимъ (1871 г., южн. ч. Енис. окр.) со старателей-золотничниковъ производился вычетъ по 8 р. съ cadaго на разные присковые расходы и устройство дороги, такъ какъ они не ставятъ для этого работниковъ натурою.

²⁾ Золотопромышленникъ южн. ч. Енис. окр. Вилимовскій обязался (1870 г.) „имѣть фельдшера съ достаточнымъ количествомъ медикаментовъ бесплатно“.

или подрядчикъ платить за лѣченіе ¹⁾, пропитаніе же больныхъ было на счетъ подрядчиковъ.

Старатели-золотничники работаютъ не на хозяйской, а на своей пищѣ, забирая припасы (а также нужны имъ вещи) въ счетъ заработка изъ хозяйскихъ присковыхъ лавокъ. Что касается цѣнъ, то въ нѣкоторыхъ договорахъ назначеніе ихъ, повидимому, предоставляется присковому управленію, въ другихъ, хотя и не всегда ясно, постановляется, что онѣ не должны превышать установленныхъ таксою для общеконтрактныхъ рабочихъ, въ третьихъ же договорахъ цѣны припасовъ точно обозначены. По договору съ Булычевой и Занадворовой (1872 г. сѣв. части Енис. окр.) цѣна муки ржаной и овса назначена 1 р. 60 к., крупы и муки пшеничной 2 р. 40 к., мяса свѣжаго и соленого 3 р. 60 к., соли 2 р. 40 к., сала 8 р. и сѣна 1 р. 10 к. за пудъ; за товарныя вещи по таксѣ, а за прочее по стоящимъ присковому управленію цѣнамъ. Авторъ корреспонденціи, въ которой былъ напечатанъ цитируемый договоръ, поясняетъ, что въ 1871—72 гг. мясо свѣжее и соленое не стоило болѣе 2 р. за пудъ, крупа и пшеничная мука—70 к., овесъ и ржаная мука 40 к., сало—2 р. 50 к., соль—1 р. 18 к., сѣно въ тайгѣ—10—15 к., разумѣется если все это, какъ обыкновенно и дѣлается на прискахъ, закупать оптомъ. Доставка изъ Енисейска въ тайгу обходилась въ то время 50 коп. съ пуда; значитъ, противъ контрактныхъ цѣнъ прискъ выгадывалъ на мясѣ 44⁰%, на соли 43⁰%, на ржаной мукѣ и овсѣ 77⁰%, крупѣ и мукѣ пшеничной 100⁰%, салѣ 166⁰% и сѣнѣ 633⁰%. По мнѣнію автора корреспонденціи, за установленіе такихъ цѣнъ золотопромышленниковъ можно было бы привлечь къ суду на основаніи 913-й и 1180-й ст. Уложенія о наказаніяхъ, какъ „за стачку „къ возвышенію цѣнъ на предметы продовольствія“, потому что „вся тайга по Горному Уставу закрыта для торговли, и такимъ образомъ несчастный рабочій людъ долженъ платить за свое содержаніе то, что заблагоразсудить содрать съ него хозяева приска“ ²⁾. Г. Ячевскій говоритъ, что старатели-золотничники получаютъ припасы изъ присковаго магазина или „по цѣнамъ, утвержденнымъ присковою полиціею, или же по цѣнамъ вольнымъ, зависящимъ отъ обоюднаго соглашенія. *Вольныя цѣны всегда выше справочныхъ цѣнъ*, и это происходитъ отъ того, что мелкіе арендаторы присковъ платятъ настолько высокіе проценты своимъ поставщикамъ, что не могутъ отдавать старателямъ припасовъ и товаровъ по утвержденнымъ цѣнамъ“ (стр. 23).

Г. Уманьскій говоритъ, что старатели-золотничники того приска,

¹⁾ Договоръ южной части Енис. округа съ Хотимскимъ (1870 г.) и съ К^о Кузнецова и Щеголевыхъ (1871 г.).

²⁾ „Камско-Волжская Газета“, 1878 г., № 73.

гдѣ онъ служилъ смотрителемъ надъ ними, были „въ высшей степени невоздержны“ относительно забора припасовъ, когда промывка шла хорошо: „когда остальные рабочіе довольствовались половиною кирпича (чаю) въ мѣсяцъ, золотничные брали по цѣлому, вмѣсто 1—2 фунтовъ масла—4 фунта, въ три раза больше брали мяса сверхъ положенія и отъ 6 до 10 фунтовъ сахару въ мѣсяцъ“ (стр. 135), но это доказываетъ только, что пищевой паекъ общеконтрактныхъ, особенно относительно жировыхъ веществъ, слишкомъ недостаточенъ, и что небольшіе заработки не позволяютъ имъ забирать изъ лавокъ на свой счетъ необходимые припасы въ достаточномъ количествѣ. Тѣмъ не менѣе приисковыя управленія обыкновенно находили нужнымъ опредѣлять, по крайней мѣрѣ относительно наиболѣе важныхъ припасовъ, то количество, какое могли взять изъ приисковыхъ складовъ золотничники въ счетъ своего заработка. Въ началѣ 70-хъ гг. наиболѣе распространенною является норма, установленная въ договорѣ съ Родственною (1870 г.), въ которомъ сказано: „Полученіе нами изъ приисковыхъ запасовъ въ наше содержаніе припасовъ не должно превышать того количества, какое дѣйствительно потребуется для нашего продовольствія, а именно: муки ржаной въ мѣсяцъ по 2 п. 20 ф., говядины по 1½ ф. въ сутки на человѣка, а прочее по общему положенію въ компаніи для чернорабочихъ“. По договору съ Тонконоговымъ (1871 г.) установлена нѣсколько меньшая норма забора: ржаной муки 2 пуда, говядины 1 п., крупы 5 ф. въ мѣсяцъ на человѣка. По словамъ г. Уманьскаго, „какъ только явится опасность, что золотничные могутъ непроизводительно войти въ долги“, приисковыя управленія прекращаютъ выдачу имъ провизіи изъ амбара, „кромя самой необходимой для поддержанія жизни“ (стр. 132). Расходы по приобрѣтенію провизіи золотничники дѣлили между собою поровну.

Приготовленіе пищи возлагается въ договорахъ съ старателями-золотничниками на нихъ самихъ: по договору съ Малевинскимъ (1876 г. сѣв. ч. Енис. окр.), они не должны были при этомъ требовать отъ управленія ни дровъ, ни хлѣбопека, ни стряпчи; по договору же съ Калининскими-Шушлевыми (1871 г., южн. ч. Енис. окр.), приготовляя сами пищу, они могли печеный хлѣбъ получать изъ общей хозяйской пекарни.

Въ договорахъ подрядчиковъ-золотничниковъ съ хозяевами приисковъ также устанавливается ихъ право брать изъ приисковыхъ лавокъ съѣстные припасы и товары или по тѣмъ цѣнамъ, во что они обошлись приисковому управленію, или по цѣнамъ, указаннымъ въ договорѣ, или по утвержденной таксѣ. По договору подрядчика-золотничника съ К^о Щеголевымъ и Кузнецова (1871 г.), рабочіе подрядчика получали печеный хлѣбъ отъ приисковаго управленія, за что подрядчикъ долженъ

былъ платить за муку по таксѣ и хлѣбопеку по 1 р. въ мѣсяцъ, а по договору съ Хотимскимъ (1870 г.), хлѣбопека нанимаетъ самъ подрядчикъ.

Но цѣны, устанавливаемыя въ договорахъ золотничныхъ подрядчиковъ съ пріисковыми управленіями, не совпадаютъ съ тѣми, по которымъ онъ отпускаетъ эти припасы своимъ рабочимъ. Такъ по свидѣтельству корреспондента одной сибирской газеты¹⁾ съ енисейскихъ пріисковъ, бывшій управляющій одной компаніи взялъ въ 1881 г. пріискъ „на золотники“, всю „обстановку“ пріиска онъ взялъ въ долгъ, а изъ компанейскихъ амбаровъ получалъ припасы, товары и матеріалы по цѣнамъ компаніи. Продавая эти припасы рабочимъ, онъ бралъ съ нихъ барышъ отъ 27 до 92%¹⁾).

Нѣкоторые изъ арендаторовъ-золотничниковъ обязывались сами заготовлять необходимые для ихъ рабочихъ припасы²⁾.

Иногда подрядчики-золотничники выговаривали въ контрактѣ полученіе отъ пріисковаго управленія вина для винныхъ порцій рабочимъ³⁾, другіе же обязывались сами заготовлять водку для порцій⁴⁾. Но извѣстно, что арендаторы-золотничники очень усердно занимаются тайною торговлею виномъ и обмѣномъ его на золото, приносимое рабочими сосѣднихъ пріисковъ. „Многіе арендаторы“, говоритъ г. Уманьскій, „продаютъ золотничнымъ спиртъ въ обмѣнъ на золото, систематически спаивая ихъ“ (стр. 76).

Жилища старателямъ - золотничникамъ обыкновенно отводились отъ пріисковаго управленія, нерѣдко однако съ обязанностью произвести въ нихъ необходимыя исправленія, отопленіе же и освѣщеніе они принимали на свой счетъ. Помѣщенія эти были или отдѣльныя, или общія съ хозяйскими рабочими. По одному извѣстному намъ договору (Пекаря и Востротина, 1881 г., сѣв. ч. Енис. окр.), на старателей-

¹⁾ См. *Дополненіе XXIII*. Почти такіе же цѣны въ енисейской тайгѣ приведены въ газетѣ „Сибирь“, 1882 г., № 20, стр. 1. Ср. *Уманьскій*, стр. 71—72. Значительно болѣе высокія цѣны и большій процентъ барыша см. въ статьѣ *В. Журавскаго* „Смертные грѣхи сибирской золотопромышленности“ въ „Виржевыхъ Вѣдом.“, 1883 г. № 109.

²⁾ Договоръ съ Виллямовскимъ 1871 года.

³⁾ Въ договорѣ двухъ подрядчиковъ съ Виллямовскимъ 1870 г. сказано, что „водку или спиртъ для порцій рабочимъ они должны получать по цѣнамъ, стоящимъ пріиску съ надбавкою на усыпку и утечку 20%, каковыя порціи должны рабочимъ подаваться самимъ управленіемъ, а не нами, собственного же спирта не ввозить на пріискъ и не требовать отъ управленія на разнородныя потребности“. По договору же съ Виллямовскимъ 1871 г. подрядчики за держаніе собственного спирта или водки подвергались законной отвѣтственности и „лишенію дальнѣйшей разработки съ увольненіемъ съ пріиска“.

⁴⁾ Другой договоръ съ Виллямовскимъ 1871 г.

золотничниковъ могла быть возложена и постройка для нихъ жилищъ: „Мы должны построить для собственного жилья балаганы или бараки, если таковыхъ не будетъ вблизи работъ, дѣсь же на постройки должны добывать сами и привозить на собственныхъ лошадяхъ. За эти работы не полагается никакого вознагражденія“. Понятно, что старатели-золотничники сплошь и рядомъ помѣщаются гораздо хуже общеконтрактныхъ, какъ это видно, напр., изъ слѣдующихъ словъ горнаго исправника сѣверной части Енисейскаго округа въ отчетѣ за 1881 годъ: „Золотничные рабочіе, которыхъ содержаніе и *помѣщенія должны быть на ихъ счетъ*, помѣщаются въ большинствѣ случаевъ хуже общеконтрактныхъ рабочихъ. На новыхъ пріискахъ, гдѣ нѣтъ помѣщеній, они живутъ *въ землянкахъ* и балаганахъ и на настояніе устроиться болѣе удобно отвѣчаютъ, что они жители не на года, а на мѣсяцы, и что лѣтомъ землянки и балаганы для нихъ удобнѣе казармъ“ ¹⁾. По официальному отчету за 1896 г. „старатели *въ большинствѣ случаевъ* помѣщались въ шалахахъ или землянкахъ“ ²⁾.

Что касается подрядчиковъ-золотничниковъ, то въ однихъ договорахъ они выговаривали для себя и рабочихъ хозяйское помѣщеніе, по другимъ же обязывались построить его сами, но отопленіе и освѣщеніе (при ортовыхъ работахъ) они принимали на свой счетъ.

Старатели-золотничники, какъ и общеконтрактные рабочіе, обязывались хорошо вести себя на пріискѣ и повиноваться пріисковому управленію, „не грубить, не пьянствовать, съ пріиска безъ дозволенія управляющаго никуда не отлучаться и никакихъ постороннихъ людей къ себѣ не принимать“, а также „покупкою и продажей золота и вина не заниматься“ ³⁾. По словамъ одного мѣстнаго наблюдателя, поведеніе старателей-золотничниковъ вообще лучше, чѣмъ общеконтрактныхъ. Большинство ихъ „бываетъ по преимуществу изъ такъ называемыхъ

¹⁾ Въ 1878 г. двое рабочихъ Преображенскаго пріиска (южно-енис. сист.), работавшагося „на золотники“ мѣщанами Славинныхъ, Румянцевыхъ и Мармотовыхъ, явились къ начальнику енисейскаго жандармскаго управленія Герасимову и заявили, что они живутъ въ такой казармѣ, которая каждый часъ грозитъ обрушиться. Герасимовъ и горный исправникъ; пріѣхавъ на пріискъ, нашли, что занимаемая рабочими казарма „не только пропускаетъ сквозь крышу течь, но грозитъ ежеминутно обваломъ... Кромѣ того устроенная изъ плитняка жалкаго, обветшалаго вида печь при каждой топкѣ ея пропускаетъ дымъ, отчего стѣны и потолки покрыты массою сажи“, и рабочіе болятъ глазами; нары были гнили и наполовину развалились. Рабочіе были переведены въ болѣе безопасное помѣщеніе, а прежнее ихъ жилище по его ветхости нельзя было даже поправить. Арх. горн. испр. южно-енис. окр., дѣло 1878 г., № 11.

²⁾ „Вѣстн. Золот.“ 1897 г. № 11, стр. 250.

³⁾ Подобныя же условія находимъ и въ договорахъ съ подрядчиками-золотничниками, которые ручаются за хорошее поведеніе свое и своихъ рабочихъ, подъ страхомъ отвѣтственности какъ предъ пріисковымъ управленіемъ, такъ и предъ закономъ.

вольныхъ или отрядныхъ рабочихъ, а это вырабатывающійся новый типъ болѣе порядочнаго рабочаго" ¹⁾).

За разные провинности (невыходъ на работу, прогульные дни, пьянство, грубость, отлучку безъ разрѣшенія и различные предосудительные поступки) старателямъ-золотничникамъ, также какъ и общеконтрактнымъ, грозили въ договорахъ первой половины 70-хъ годовъ штрафы отъ 3 до 5 руб. За явку на приискъ позже назначеннаго срока по нѣкоторымъ договорамъ за каждый просроченный день опредѣленъ штрафъ въ 3 рубля.

Большіе штрафы грозили артелямъ золотничниковъ за утайку золота: по нѣсколькимъ договорамъ первой половины 70-хъ гг. виновный въ этомъ передается суду „по всей строгости законовъ“, а артель штрафуется 200 рублями, которые вычитаются изъ платы при расчетѣ, въ нѣкоторыхъ же договорахъ второй половины 70-хъ гг. за это назначенъ штрафъ въ 100 руб.

Что штрафы съ золотничниковъ существуютъ не только на бумагѣ, видно изъ слѣдующихъ словъ г. Уманьскаго: „иногда, чтобы уменьшить ихъ заработокъ, съ нихъ берутъ еще произвольные штрафы и вычеты (стр. 131).

По нѣкоторымъ договорамъ золотничники подлежали и тѣлесному наказанію по приговору артельной расправы или „полицейскому взысканію“. Впрочемъ, такихъ постановленій мы встрѣтили очень мало, а именно, въ договорѣ съ Базилевскимъ (1870 г. сѣв. ч. Енис. окр.) неповинующихся распоряженіямъ выборнаго артельного старосты относительно порядка веденія работъ, отстающихъ отъ другихъ въ работѣ, пьянствующихъ и за всякіе противозаконные поступки и нарушенія контракта рабочіе обязывались „наказывать по требованію старосты артельною расправою“; въ договорѣ съ Калининымъ-Шушляевымъ (1871 г.) упоминается о „полицейскомъ взысканіи“ за разные проступки, а въ договорѣ съ Пекаремъ и Востротиннымъ (1881 г.) лишь о „строгомъ наказаніи“ сверхъ штрафа. Очевидно, старатели золотничники, какъ поставленные болѣе самостоятельно, рѣдко соглашались на допущеніе въ договорахъ тѣлеснаго наказанія.

Однимъ изъ самыхъ тяжкихъ наказаній для старателей-золотничниковъ, какъ и для общеконтрактныхъ, могло быть увольненіе съ прииска ранѣе срока найма. По разнымъ договорамъ первой половины 70-хъ гг. присковое управленіе предоставляло себѣ право разсчитывать рабочихъ по своему усмотрѣнію во всякое время за отлучку съ прииска, грубость, драку и другіе противозаконные поступки. Въ нѣкоторыхъ договорахъ второй половины 70-хъ гг. присковому управле-

¹⁾ „Вѣстн. Золот.“, 1893 г., № 4, стр. 6.

нію предоставлялось это право лишь въ томъ случаѣ, если „артель не окажетъ управленію достаточнаго содѣйствія въ прекращеніи такихъ беспорядковъ“. Въ случаѣ досрочнаго расчета рабочаго уплату лежащаго на немъ долга принимаетъ на себя артель. Въ договорахъ съ подрядчиками-золотничниками или устанавливается неразрывность договора до условленнаго срока, или допускается прекращеніе работъ и со стороны пріисковаго управленія, и со стороны самихъ подрядчиковъ-золотничниковъ, какъ по невыгодности работъ, такъ и по несостоятельности подрядчика.

Въ нѣкоторыхъ договорахъ съ артелями золотничниковъ пріисковому управленію предоставляется право обращать членовъ артели, повинныхъ въ разныхъ проступкахъ, въ общеcontrактныхъ рабочихъ до самаго расчета. Это разрѣшалось и въ томъ случаѣ, если старатели не отбывали своего долга пріисковому управленію. Та же мѣра допускалась иногда въ томъ случаѣ, если долгъ превышалъ заработокъ, и въ нѣкоторыхъ договорахъ съ подрядчиками.

Расчетъ съ золотничниками, какъ и съ общеcontrактными, производился лишь по окончаніи срока договора.

Въ отчетахъ двухъ горныхъ исправниковъ Енисейскаго округа 80-хъ гг. есть свѣдѣнія о томъ, сколько всего было заработано старателями-золотничниками, но такъ какъ число ихъ неизвѣстно, то мы не имѣемъ возможности вычислить размѣръ средняго заработка. На основаніи этихъ данныхъ мы можемъ только опредѣлить, какой процентъ заработка всѣхъ рабочихъ даннаго округа составлялъ заработокъ всѣхъ золотничниковъ. Такъ въ южной части Енисейскаго округа въ 1883 г. заработокъ всѣхъ старателей составлялъ 22% заработка всѣхъ рабочихъ, въ 1884 году 16%, въ 1885 г.—32%, въ 1888 г.—33%. Такъ какъ нельзя предполагать, чтобы за эти немногіе годы средній заработокъ золотничниковъ сильно увеличился, то нужно предположить, что ихъ число значительно возросло. Въ сѣверной части Енисейскаго округа въ 1888 г. заработокъ золотничниковъ составлялъ 11% заработка всѣхъ рабочихъ, въ 1889 г. почти 10%.

Такихъ данныхъ, которыя указываютъ дѣйствительные заработки старателей-золотничниковъ, мы имѣемъ очень мало. По наблюденіямъ г. Ячевскаго въ сѣверной части Енисейскаго округа (1891 г.) старательская артель (8 чел. при 2 лош.) намывала въ день 6 золотниковъ и получала по 2 р. 50 коп. за золотникъ; всего слѣдовательно было получено въ день 15 р.; другая артель на томъ же пріискѣ, состоящая изъ 15 чел., намывала 16 золотниковъ въ день, т.-е. получала 40 р. Но изъ этого заработка нужно исключить плату за пользованіе лошадьми или расходъ на фуражъ, нужно помнить также, что золотничники работали на своихъ харчахъ, что съ нихъ производились

большіе вычеты на присковые расходы. Болѣе понятія о среднихъ заработкахъ старателей-золотничниковъ даетъ намъ расчетная книга съ рабочими по дѣламъ К^о Малевинскаго за операцію 1874/5 года. Мы выдѣлили изъ этой книги 119 золотничниковъ, и оказалось, что ихъ средній заработокъ на золотѣ равнялся 185 р. 25 к. ¹⁾ на каждого; почти всѣ они работали съ мая по сентябрь, въ среднемъ по 128 дней на каждого ²⁾. Работали они на своихъ харчахъ, которые брали въ счетъ заработка изъ присковой лавки, и продовольствіе обошлось въ среднемъ каждому изъ нихъ по 48 р. 76 к. (это составляетъ 26% заработка на старательской работѣ или по 36 к. въ день). Слѣдовательно, средній заработокъ на старательской работѣ во всю операцію, за исключеніемъ стоимости харчей, равняется 136 р. 52 к. Изъ всей выдачи 42% золотничники получили деньгами и 58% вещами и припасами. Изъ 119 человекъ почти всѣ получили доплату (въ среднемъ по 66 р. 86 к.); остались должными только двое, и то немного (13 р. и 21 р.). Но далеко не всегда заработки золотничниковъ и ихъ додачи были такъ велики. По свидѣтельству г. Уманьскаго, „часто по внѣшности значительный“ заработокъ ихъ „сводится къ ничтожной суммѣ“ (стр. 131). Такъ, напр., на прискѣ Крутовскаго въ 1874 году артель золотничниковъ изъ 9 человекъ получила всей додачи 86 р. 39 коп., т.-е. въ среднемъ на каждого члена артели 9 р. 60 к. (maximum додачи 26 р. 81 к., minimum 84 к.). Это совершенно совпадаетъ съ слѣдующими словами автора статьи въ „Устояхъ“ : „Золотничникъ можетъ рассчитывать свести при благопріятныхъ условіяхъ концы съ концами: онъ, пожалуй, можетъ заработать рублей полтора, а за вычетомъ задатка рублей около сотни. Но золотничникъ живетъ на своихъ харчахъ. Если онъ за 6 мѣсяцевъ съѣстъ 6 пудовъ мяса, 14 пудовъ ржаного хлѣба, 1½ п. ячменной крупы, пудъ соли..., да уплатить“ (какъ это условлено напр., въ контрактъ съ Востротиннымъ) „за инструменты, имущество, почтовые и дорожные расходы и за пользованіе въ больницѣ 12 рублей, онъ издержитъ около 90 рублей; но ему невозможно отказаться и отъ чаю, который обойдется ему въ 6 мѣсяцевъ мало-мало 6 рублей,— и вотъ у него останется въ остаткѣ рублей 5, которыхъ еле-еле хватитъ на обратное путешествіе: онъ вернется домой съ тѣмъ же, съ чѣмъ и пришелъ... Впрочемъ онъ придетъ скорѣе съ домою: вѣдь ему приходится ворочать камни, копаться днемъ и ночью въ грязи; одежда

¹⁾ Maximum заработка на золотѣ 463 р., а тѣхъ, которые работали только въ лѣтнюю операцію,—380 р., minimum 17 р.

²⁾ Если присоединить маленькіе заработки многихъ изъ нихъ по „мѣсячнымъ окладамъ“, то средній заработокъ каждого получится по 195 р. 90 коп. во всю операцію и по 1 р. 55 к. въ день.

и обувь его сильно рвутся, ему придется купить то и другое, и купить въ тайгѣ у золотопромышленника по установленной таксѣ, стало быть ему врядъ ли удастся вернуться домой безъ долга“ ¹⁾. Г. Уманьскій также говоритъ о рабочихъ старателяхъ: „Очень нерѣдкое явленіе, что золотничные въ концѣ операціи или не получаютъ ничего, или даже остаются въ долгу у хозяина, причемъ если на пріискѣ ведутся зимнія работы, они нанимаются на зиму въ качествѣ „общихъ“ отработывать долгъ. Зато если „пофартить“ (повезетъ счастье), золотничные, случается, выносятъ въ концѣ операціи больше 100 рублей, притомъ промывка золота почти всегда даетъ возможность часть его утаить и сбыть потомъ скупщикамъ краденаго золота по 4 р. за золотникъ. Хотя для надзора за золотничными назначается смотритель, но открыть утайку золота, если она производится осторожно, почти невозможно, такъ какъ не можетъ же смотритель присутствовать одновременно при всѣхъ артеляхъ, разбросанныхъ часто на далекомъ разстояніи одна отъ другой“ (стр. 76—77).

О важной роли хищенія золота въ жизни и заработкахъ золотничниковъ свидѣтельствуетъ и г. Ячевскій: „Конечно“, говоритъ онъ, „старатели только часть золота сдаютъ хозяину пріиска, который, въ свою очередь, довольствуется такими сдачами, которыя покрываютъ дѣлаемый въ его магазинѣ заборъ“.

Въ контрактахъ старателей-золотничниковъ южной части Енисейскаго округа мы находимъ относительно ихъ долговъ условія, которыя даютъ возможность неисправнаго должника или оставить на пріискѣ въ качествѣ общеконтрактнаго на зимнія работы, или передать для отработки на другіе промысла. Въ договорѣ съ Кузнецовымъ (1870 г.) мы находимъ такое постановленіе: ранѣ условленнаго срока, *„хотя бы встрѣтилось въ пескахъ и слабое содержаніе золота, оставлять работу мы не въ правѣ, а по окончаніи этого срока, если будетъ состоятъ за нами незаработанный Кузнецову долгъ, то онъ для отработки такового можетъ насъ оставить у себя или передать другимъ лицамъ на какой бы то ни было пріискѣ за плату, назначенную по его усмотрѣнію (sic!), на что послѣ претензій мы имѣть не въ правѣ“*.

Въ отработкѣ полученныхъ задатковъ слѣланнаго затѣмъ забора и вообще въ уплатѣ остающихся за ними долговъ артели золотничниковъ во многихъ договорахъ ручались круговою порукою.

По словамъ г. Уманьскаго, „если золотничники работаютъ въ убытокъ, оставить работы они не могутъ безъ дозволенія компаніи и все больше и больше погружаются въ долги“. Г. Ячевскій говоритъ: „если порядочный распорядитель пріискаго дѣла видитъ, что артель не

¹⁾ „Устой“, 1882 г., № 12

отработаетъ сдѣланнаго ею долга, то, въ случаѣ возможности, переводитъ ее на болѣе богатое мѣсто“. а не то „заблаговременно рассчитываетъ ее, большинство же золотопромышленниковъ записываетъ оставшійся за артелью долгъ въ счетъ задатка за операцію слѣдующаго года“ (стр. 23). У золотопромышленника Клемантовича, разрабатывавшаго въ 1886 г. до десятка пріисковъ, рабочіе весь заработокъ истрачивали на продаваемое имъ хозяиномъ вино и, оставшись его должниками, вновь подписывали контрактъ для отработки долговъ въ слѣдующую операцію. У него было много такихъ закабаленныхъ рабочихъ, причемъ долги, числящіеся за нѣкоторыми, доходили до 400 р. ¹⁾.

Мы остановились подробнѣе на золотничникахъ Енисейскаго округа, какъ вслѣдствіе того значенія, какое имѣетъ трудъ старателей въ этой мѣстности, такъ и вслѣдствіе обилія матеріала, находившагося въ нашемъ распоряженіи. Теперь рассмотримъ ихъ положеніе на промыслахъ другихъ округовъ Сибири.

Въ Семипалатинской области была мало развита разработка пріисковъ старателями-золотничниками. Въ 1879—89 гг. исключительно старателями разрабатывалось здѣсь отъ 2 до 4 пріисковъ, въ 1890 г.— 11 пріисковъ. Въ 1893 г. въ Семипалатинско-Семирѣченскомъ округѣ лишь 3 пріиска разрабатывались старательскими артелями, да и то не исключительно ими; работали на этихъ пріискахъ 130 старателей (3% всѣхъ рабочихъ въ этомъ округѣ) ²⁾. Напротивъ въ Тобольско-Алмодинскомъ округѣ въ Кокчетавскомъ уѣздѣ въ 1889 г. всѣ пріиски, кромѣ одного, а въ 1890 г. изъ 26 пріисковъ—22 работали старателями.

¹⁾ „Сибирская Газета“ 1886 г., № 49, стр. 1482. Что водка выдается въ плату рабочимъ,—видно и изъ слѣдующаго. Рабочіе Преображенскаго пріиска, „разрабатывавшагося на золотники“ мѣщанами Славинымъ, Румянцевымъ и Мармоновымъ, заявили тогда же въ 1878 г. жандармскому полковнику, что завѣдующій на пріискѣ хозяйственной частью Румянцевъ имъ „въ заработную плату выдаетъ спирт“, вслѣдствіе чего „они не надѣются заработать что либо не только на свои нужды, но даже и на оплату казенныхъ податей“. Герасимовъ и мѣстный исправникъ убѣдились, по прибытіи на пріискъ, что дѣйствительно спиртъ „безотказно выдается имъ по каждому требованію не только въ разнѣрѣ обыкновенной порціи, но даже и бутылками“. Для повѣрки показаній рабочихъ были потребованы ихъ расчетные листы, но въ нихъ предусмотрительный Румянцевъ не записывалъ спирта открыто, а онъ значился подъ наименованіемъ „долгу“, какъ *это всегда дѣлается подобными Румянцеву личностями*, именуя такую эксплуатарную (sic) плату рабочимъ въ листикахъ ихъ подрубкою или „долгу“, или „кассою“, или же припасами“. Однако горный исправникъ постановилъ: выдворить Румянцева съ промысловъ, но тотъ подалъ заявление, что, какъ довѣренное лицо, до сдачи находящагося на его отвѣтственности имущества, онъ не можетъ покинуть промысловъ, и потому былъ оставленъ до конца операціи. Дѣло Арх. Горн. Испр. южно-енис. окр. 1878 г., № 11.

²⁾ Отчеты о золот. Запад. Сиб. въ Горномъ Департ. и Том. Гор. Упр. „Горный Журн.“, 1882 г., № 9, стр. 386; 1891 г., № 12, стр. 522 и 1894 г., № 8, стр. 213, 218.

Большинство рабочих на промыслах этого округа—мѣстные жители, инородцы или крестьяне ближайших деревень, и потому „наплывъ или убыль рабочихъ находится въ прямой зависимости отъ домашнихъ полевыхъ работъ старателей“ ¹⁾. „Крестьянинъ, управившись съ пашней, отправляется на пріиски и работаетъ до покоса (до 1-го іюля), а затѣмъ или уѣзжаетъ домой на сѣнокосъ, или же нанимаетъ приготовить ему сѣно, смотря по тому, каковъ заработокъ на пріискахъ и что ему выгоды“ ²⁾. Въ виду этого нельзя не согласиться съ мнѣніемъ г. Крашенинникова, что слѣдуетъ разрѣшить работу на промыслахъ артелямъ старателей изъ меньшаго числа рабочихъ, напр., изъ 5 человѣкъ вмѣсто установленныхъ закономъ 10-ти чел. ³⁾. Н. Боголюбскій поясняетъ, что „въ пріисковыхъ свѣдѣніяхъ (этого округа) показываютъ въ числѣ рабочихъ всѣхъ старателей, перебивавшихъ на пріискѣ въ теченіе операціоннаго года, хотя бы нѣкоторые изъ старателей пробыли на пріискѣ всего нѣсколько дней“. По словамъ мѣстнаго окружного инженера (1892 г.) „рабочіе, при старательскомъ способѣ работъ, часто мѣняютъ хозяевъ, смотря по получаемой или ожидаемой выгодѣ отъ работъ“, но болѣе бѣдные и, вѣроятно, бездомные старатели остаются зимовать въ земляныхъ и дерновыхъ избушкахъ со своими семействами ⁴⁾.

Помѣщенія и продовольствіе старатели-золотничники имѣли свои. На Кокчетавскихъ пріискахъ старатели киргизы живутъ „впроголодь, питаются кумысомъ и надеждою на удачную урывками смывку золота; крестьяне-старатели при плохой добычѣ золота поддерживаютъ себя сбереженіями отъ домашняго хозяйства“ ⁵⁾. Рабочіе-киргизы живутъ здѣсь въ юртахъ, а русскіе рабочіе устраиваются въ шалахахъ и землянкахъ ⁶⁾.

Есть указаніе, что, при отпускѣ товаровъ золотничникамъ Кокчетавскаго уѣзда, хозяева набавляютъ отъ 40 до 50% на покупныя цѣны ⁶⁾. Это объясняется, вѣроятно, тѣмъ, что на пріискахъ Акмолинскаго округа, повидимому, не существуетъ таксы, утвержденной поли-

¹⁾ „Горн. Журн.“, 1891 г., № 12, стр. 523; ср. „Горн. Журн.“, 1895 г., № 11, стр. 298.

²⁾ „Вѣстн. Золот.“, 1893 г., № 23, стр. 356. На Кокчетавскихъ промыслахъ Тобольско-Акмолинскаго округа старатели-золотничники добываютъ пески преимущественно шурфами и только въ рѣдкомъ случаѣ изъ разрывовъ; промываютъ пески на бутарахъ и ватердахъ. „Вѣстн. Золот.“, 1893 г., № 23, стр. 248; „Сборн. статист. свѣд. о произв. силахъ Россіи“, 1891 г., стр. 83—85; отчетъ Томск. Горн. Управ. за 1889 г.

³⁾ Арх. Томск. Горн. Упр.; „Вѣстн. Золот.“, 1893 г., № 22, стр. 331.

⁴⁾ „Вѣстн. Золот.“, 1894 г., № 19, стр. 288.

⁵⁾ „Вѣстн. Золот.“, 1897 г., № 4, стр. 87, № 24, стр. 447.

⁶⁾ „Сиб. Вѣстн.“, 1889 г., № 96.

цей. По крайней мѣрѣ горный исправникъ этого округа говорить: „на приискахъ Акмолинской области все продается изъ мѣстныхъ лавокъ по цѣнамъ Кокчетавъ, съ надбавкою процентовъ за перевозку товаровъ на протяженіи 60—100 верстъ до присковъ“ ¹⁾.

Въ Семипалатинской области старатели золотничники получали въ 1879—1887 гг. 1 р. 50 к.—2 р. 10 к. за золотникъ золота, въ 1888 г. 1 р. 50 к.—2 р. 50 к., въ 1889 г. 1 р. 50 к.—3 р. 75 к., въ 1890 г. въ Семипалатинско-Семирѣченскомъ округѣ 1 р. 50 к.—4 р. за золотникъ, въ 1891 г. 1 р. 50 к.—3 р. 75 к., въ 1893 г. 2 р.—3 р., въ 1894 г. отъ 3 до 4 р. ²⁾ за золотникъ; слѣдовательно въ послѣднее время плата увеличилась сравнительно съ первою половиною 80-хъ годовъ. Въ Кокчетавскомъ уѣздѣ Акмолинской области золотничники получали въ 1885 г. по 3 р. 50 к. съ золотника, въ 1889 и 91 гг.—3 р.—3 р. 50 к. Г. Крашенинниковъ считаетъ (1892 г.) наиболѣе обычную платою 2 р. 50 к.—3 р. 50 к. за золотникъ. По вычисленію мѣстнаго горнаго инженера на Кокчетавскихъ промыслахъ заработокъ старателя при 5-ти-мѣсячной операциі составляетъ, въ среднемъ, около 4-хъ рублей въ мѣсяцъ ³⁾.

Несмотря на то, что въ Маріинскомъ округѣ Томской губ. золотопромышленность приняла въ настоящее время форму болѣе мелкихъ предприятий, чѣмъ въ Енисейскомъ округѣ, число присковъ, разрабатываемыхъ старателями и относительное число самихъ старателей менѣе, чѣмъ въ Енисейскомъ округѣ. Приiski, разрабатываемые старателями въ Маріинскомъ округѣ въ 1879—90 годахъ, составляютъ 14—20% всего числа, причемъ въ позднѣйшіе годы количество ихъ постепенно увеличивалось сравнительно съ болѣе ранними. Золотничники составляли на этихъ промыслахъ въ 1883—90 гг. 6—14% всѣхъ рабочихъ; и въ теченіе указанныхъ лѣтъ это процентное отношеніе, хотя съ нѣкоторыми колебаніями, также увеличивалось. Въ Алтайскомъ округѣ въ 1879—84 гг. разрабатывалось старателями сравнительно значительное число присковъ (20—24%) частныхъ золотопромышленниковъ; затѣмъ въ 1885—88 гг. оно быстро уменьшается (съ 16 до 9%) и возрастаетъ лишь въ 1889 и 90 гг. (23 и 17%); относительное же число рабочихъ мало измѣняется, колеблясь между 6 и

¹⁾ „Вѣстн. Золот.“, 1892 г., № 12, стр. 168. Въ послѣднее время кокчетавскіе золотопромышленники вовсе не держали у себя припасовъ для продажи рабочимъ. „Вѣстн. Золот.“, 1897 г., № 4, стр. 88.

²⁾ Дѣла Горн. Деп. и Томск. Горн. Управ.; *Н. Боголюбскій* „Очеркъ горн. пром. въ Западн. Сиб. въ 1891 г.“, стр. 19; „Горный Журн.“, 1891 г., № 12, стр. 523, 1894 г., № 8, стр. 218; „Вѣстн. Зол.“, 1894 г., № 10 стр. 182; *Шостаковъ*, табл. V.

³⁾ Дѣла Томск. Горн. Упр., „Сибир. Вѣстн.“, 1887 г., № 130, *Н. Боголюбскій*, стр. 19, „Вѣстн. Золот.“, 1893 г., № 23, стр. 356, 1894 г., № 19, стр. 288—289.

и 9% всѣхъ рабочихъ этого округа ¹⁾). Уменьшеніе числа пріисковъ разрабатываемыхъ старателями, съ 1885 г. объясняется тѣмъ, что при отдачѣ Кабинетомъ въ аренду Мальцеву, въ началѣ 80-хъ годовъ, лучшихъ площадей Алтайскаго округа (до тѣхъ поръ изъятыхъ изъ частной эксплуатаціи), арендаторъ обязался не допускать старательскихъ работъ (вѣроятно то же условіе было включено и въ договоръ съ другимъ крупнымъ арендаторомъ Асташевымъ), вслѣдствіе чего эти компаніи и стали прогонять золотничниковъ съ насиженныхъ ими мѣстъ ²⁾).

Какъ мы уже знаемъ, старатели-золотничники работаютъ или отъ подрядчика, или въ видѣ самостоятельныхъ артелей. По свидѣтельству окружнаго инженера Томскаго горнаго округа, въ вѣдѣніи котораго находятся пріиски Маріинскаго и Алтайскаго округовъ, первыхъ артелей болѣе: „золотничники“, говоритъ онъ, „работаютъ артелями, которыя, въ большинствѣ случаевъ, набираются подрядчиками“ ³⁾. То же лицо, въ отчетѣ за 1889 годъ, писало: „кулачество господствуетъ на каждомъ шагѣ: ему порабощены не только мелкіе артели золотничниковъ, которые его непосредственные слуги, но даже и хищники, открытія которыхъ становятся его достояніемъ“ ⁴⁾.

Въ имѣющихся у насъ договорахъ артелей золотничниковъ съ золотопромышленниками Маріинскаго округа начала 70-хъ гг. рабочіе обязываются явиться на пріиски по первому требованію и работать по однимъ договорамъ до 1 сентября, а по другимъ до 1 октября; въ одномъ договорѣ того же времени съ золотопромышленникомъ Алтайскаго округа срокомъ окончанія работъ назначено 20 сентября. Въ одномъ договорѣ съ золотопромышленникомъ Маріинскаго округа Миллеромъ (1885 г.) рабочій обязуется работать до 1 мая „съ общаго жалованья“ (по общему контракту), а съ 1 мая по 1 октября работать изъ платы за золотникъ на собственномъ содержаніи. Артели старателей нанимаются съ круговою другъ за друга порукою ⁵⁾. Въ нѣкоторыхъ договорахъ золотничниковъ Маріинскаго и Алтайскаго округовъ начала 70-хъ гг. мы встрѣчаемъ задатки отъ 12 до 53 рублей. Въ договорѣ съ золотопромышленникомъ Маріинскаго округа Хотимскимъ золотничники предоставляютъ ему право не только переводить ихъ на другой пріискъ, но и передать другому хозяину, впрочемъ съ соблюде-

¹⁾ Отчеты о золот. Запад. Сиб. въ Горн. Деп. и Том. Горн. Упр.; „Горн. Жур.“ 1882 г., № 9, стр. 386; 1891 г., № 12, стр. 525. Въ 1893 г. золотничники на промыслахъ Томскаго горнаго округа составляли 15% всѣхъ рабочихъ. „Вѣстн. Золотопр.“, 1896 г., № 11, стр. 226.

²⁾ „Восточн. Обоз.“, 1882 г., № 22, стр. 7.

³⁾ „Вѣстн. Золот.“, 1893 г., № 15, стр. 254.

⁴⁾ Дѣло Томск. Горн. Упр.

⁵⁾ „Сибир. Газета“ 1882 г., № 20.

ніемъ условій заключеннаго ими контракта. Встрѣчаются и договоры золотопромышленниковъ съ подрядчиками, обязывающимися поставить известное число золотничниковъ.

Вашгерды, бутарки и другіе инструменты въ имѣющихся у насъ договорахъ золотничники обыкновенно обязывались имѣть свои, причемъ въ договорѣ съ алтайскимъ золотопромышленникомъ Цыбульскимъ (1871 г.) имъ предоставлялось сдать ихъ приисковому управленію по цѣнѣ, установленной по взаимному соглашенію ¹⁾.

Работать золотничники обязывались артелями не менѣе 10. человекъ, какъ этого требовалъ законъ. Начало работъ назначалось въ нѣкоторыхъ договорахъ въ 5 ч. утра, окончаніе въ 7^{1/2}, или 8 ч. вечера, причемъ иногда, въ отличіе отъ общихъ контрактовъ, не обозначалась вовсе продолжительность отдыха.

При посѣщеніи промысловъ Алтайскаго округа въ 1891 г. я слышалъ, что старатели по воскресеньямъ на нѣкоторыхъ промыслахъ (напр., Попова) не работаютъ. По другимъ свѣдѣніямъ, золотничныя артели на промыслахъ Томскаго округа, набранныя подрядчиками и договорившіяся получать жалованье за цѣлый періодъ отъ 7 мѣсяцевъ до года, обязаны работать на хозяина только въ будни, всѣ же праздники, не исключая и воскресенья, работаютъ на себя въ томъ же заботѣ за известную плату (по 2 р. 40 к.) съ золотника золота ²⁾.

По договору золотничниковъ съ маріинскимъ золотопромышленникомъ Щепетильниковымъ (1871 г.) до 1 мая они обязывались производить работы „безурочныя“; съ 1 мая по 1 октября полагалось вырабатывать всякій день „ручною работою на трехъ человекъ“ при промывкѣ песковъ по 1 куб. сажени, при вскрышѣ торфа по 1 куб. саж. на двухъ человекъ, а „за каждую недоработку, какая бы она ни была, вычитать съ cadaго человека по 1 руб. с.“. Кромѣ того въ этомъ же договорѣ установлено количество золота, которое золотничники обязаны были, несмотря ни на какую погоду, добывать ежедневно съ 1 мая по 1 октября, а именно, по ^{1/2} золотника на cadaго ежедневно или по 15 золотн. въ мѣсяцъ, а если кто этого не исполнитъ, то назначенъ былъ вычетъ за каждый недоставленный золотникъ по 2 р. (между тѣмъ какъ плата за золотникъ была назначена 1 р. 40 к.—1 р. 60 к.). По договору съ золотопромышленникомъ Алтайскаго округа Цыбульскимъ золотничники при работѣ на лошадяхъ должны были вырабатывать вдвоемъ на торфахъ и пескахъ лѣтомъ 1^{1/2} саж. въ день, а зимою

¹⁾ Подрядчикъ, обязавшійся (1871 г.) поставить артель золотничниковъ въ 10 чел. маріинскимъ золотопромышленникамъ Денисову и Бузину, выговорилъ для себя пользование хозяйскими инструментами.

²⁾ „Вѣстн. Золот.“, 1893 г., № 15, стр. 254, прим.; 1896 г., № 11, стр. 226.

(торфовъ) $1\frac{1}{4}$ саж., безъ лошадей лѣтомъ по 1 саж., а зимою $\frac{3}{4}$ саж. По одному договору съ золотопромышленникомъ Алтайскаго округа 80-хъ годовъ 2 человека должны были при конной отвозкѣ на торфахъ и пескахъ, при дѣйствіи машины, вырабатывать $1\frac{1}{2}$ куб. саж., при промывкѣ на бутарѣ съ ручнымъ откатомъ не менѣе 1 куб. саж. Дѣйствительная выработка бываетъ и гораздо менѣе; по крайней мѣрѣ, томскій окружной инженеръ Реутовскій увѣряетъ, что „часто 10 человекъ старателей вырабатываютъ 1 или $1\frac{1}{2}$ куб. саж.“¹⁾

Въ договорѣ съ маріинскимъ золотопромышленникомъ Щепетильниковымъ (1871 г.) золотничники обазывались, если владѣлецъ промысла потребуетъ, работать и на хозяйской работѣ за ничтожную плату по 20 коп. въ день, „сколько для того потребуется дней“. (Въ договорахъ Енисейскаго округа опредѣляется при этомъ, по крайней мѣрѣ, число дней).

По официальнымъ отчетамъ о золотопромышленности въ Западной Сибири, золотничники получали въ Маріинскомъ и Алтайскомъ округахъ за золотникъ золота въ 1879—84 гг. отъ 2 р. до 3 р. 30 к., въ 1885—93 гг. 2 р. 50 к.—3 р. 90 к. Въ 1892 г. среднюю платою золотничникамъ съ золотника золота считалось въ Маріинскомъ округѣ 3 р.; на прискахъ Алтайскаго округа, арендуемыхъ у Кабинета, вознагражденіе колебалось отъ 2 р. 40 к. до 3 р.²⁾

Въ началѣ 70-хъ гг. плата была гораздо ниже: по договору съ Щепетильниковымъ (1871 г.) рабочіе договорились получать за каждый золотникъ золота по 1 р. 40 к., а кто будетъ сдавать въ мѣсяцъ болѣе 15 золотниковъ, тому платить по 1 р. 60 к. за каждый. По договору съ маріинскимъ золотопромышленникомъ Триполитовымъ (1870 г.), при обращеніи общеcontrактныхъ рабочихъ по волѣ хозяина въ золотничники (на чтó ему давалъ право контрактъ), золотничники должны были получать по 1 р. 30 к. съ золотника. По контракту съ Цыбульскимъ (1871 г., Алт. окр.) плата назначена по 1 р. 50 к. Но и въ 80-хъ гг. плата бывала ниже указанной въ официальныхъ отчетахъ. Такъ, по договору съ Миллеромъ (1885 г., Мар. окр.), старатели должны были получать по 2 р. съ золотника. По договору съ Пушниковымъ (1886 г., Мар. окр.), при обращеніи общеcontrактныхъ рабочихъ по волѣ хозяина въ золотничниковъ, они должны были получать всего по 1 р. 50 к. съ золотника. Такая же плата полагалась и по договору 1888 г. съ алтайскимъ золотопромышленникомъ Ивановымъ, а по контракту съ нимъ же въ 1889 г. по 2 р.

¹⁾ Дѣло Томск. Горн. Упр., 1891 г., № 12.

²⁾ Дѣло Горн. Деп., „Горный Журн.“, 1882 г., № 9, стр. 386, 1891 г., № 12, стр. 525—26, *Н. Боголюбскій*. „Очеркъ горн. пром. въ Запад. Сиб. въ 1891 г., стр. 19; „Вѣстн. Золот.“, 1893 г., № 15, стр. 253, № 16, стр. 259, 1896 г., № 11, стр. 226.

Что касается золотничныхъ подрядчиковъ, то по договору съ К^о Денисова и Бузина (1871 г., Мар. окр.) подрядчикъ долженъ былъ получать по 1 р. 60 к. за золотникъ. Въ 1891 г. на Воскресенскомъ приискѣ Жилля, Плотникова и Потапова подрядчикъ получалъ отъ хозяевъ по 2 р. 50 к. за золотникъ, а самъ онъ нанималъ почти всѣхъ рабочихъ за определенное жалованье: одни изъ нихъ были годовые и, исполняя всевозможныя работы, получали по 60 р. въ годъ, другіе нанимались только для золотничныхъ работъ съ жалованьемъ отъ 8 до 12 р. въ мѣсяцъ на годовомъ содержаніи отъ хозяина, а промысальщикъ получалъ по 2 р. 25 к. съ золотника, но съ вычетомъ изъ этихъ денегъ за содержаніе. Наконецъ на промыслахъ Томскаго округа въ 1892 г. подрядчикамъ хозяева платили по 2 р. 40 к.—2 р. 70 к. за золотникъ, а золотничники, „эти пролетаріи тайги“, получали „самую ничтожную плату, равняющуюся жалованью домашней прислуги“¹⁾.

Сопоставивъ всѣ приведенныя данныя, мы приходимъ къ заключенію, что официальные показанія о платѣ съ золотника въ 1879—92 гг. относятся къ подрядчикамъ, а не къ рабочимъ-золотничникамъ. Неофициальныя данныя указываютъ относительно самостоятельныхъ артелей золотничниковъ меньшую плату съ золотника, а относительно золотничниковъ, работающихъ отъ подрядчика, мѣсячное или годовое жалованье. Последнее подтверждается и другими свидѣтельствами томскаго окружного инженера: въ 1891 г. онъ писалъ, что „старатели отъ хозяина“, т.-е. очевидно нанятые подрядчикомъ, получаютъ за шестимѣсячную операцію отъ 40 р. до 60 р.²⁾ Въ статьѣ своей въ „Вѣсти. Золотопр.“ онъ сообщаетъ нѣсколько иныя и болѣе подробныя свѣдѣнія. Подрядчики, набирающіе золотничниковъ, нанимаютъ рабочихъ на двоякихъ условіяхъ: 1) съ уплатою въ мѣсяцъ, при чемъ на торфахъ съ 10 октября до марта забойщикъ получаетъ въ мѣсяцъ 9 р., возчикъ 7 р. 50 к., плотникъ и другіе по 9 р.; съ марта по май забойщикъ—10 р. 50 к.—12 р., возчикъ 9—10 р., съ мая по октябрь забойщикъ—13 р. 50 к.—15 р., плотникъ и др.—12 р.; или: 2) съ уплатою за цѣлый періодъ времени: въ продолженіе 10 мѣсяцевъ 40 и 45 р., за 7 мѣсяцевъ—45 и 50 р. или въ годъ 60, 65, 75, 90 и 120 р., смотря по качеству работниковъ³⁾.

Самостоятельныя артели золотничниковъ, если онѣ не имѣли своихъ инструментовъ и снарядовъ для работъ, за пользованіе ими подвергались извѣстнымъ вычетамъ. Такъ по договору съ Щепетильниковымъ (1871 г.) за отпускаемыя отъ хозяина бутарныя рѣшетки и за

¹⁾ „Вѣсти. Золот.“, 1894 г., № 17, стр. 277.

²⁾ Дѣло Том. Горн. Упр., 1891 г., № 12.

³⁾ „Вѣсти. Золот.“, 1893 г., № 15, стр. 254, 1896 г., № 11, стр. 226.

поддержку ихъ во время работъ до разсчета они обязывались уплатить съ каждаго человѣка по 1 р. 40 к., а за поддержку инструментовъ и машины по 10 р. съ каждаго рабочаго, если же что либо изъ инструментовъ будетъ утрачено или поломано до полной негодности, то они обязывались уплатить всю стоимость утраченнаго. За исправленіе кайлъ, лопатъ, ломовъ и другихъ инструментовъ они должны были за все время работъ до разсчета внести Щепетильникову съ каждаго человѣка по 1 р. 40 к. Уплату денегъ въ экономическій капиталъ работавшіе у Щепетильникова золотничники изъ ссыльно-поселенцевъ принимали на себя. По договору съ Цыбульскимъ (1871 г.) за пользованіе хозяйскою лошадыю производился въ пользу хозяина вычетъ, равный дневному заработку рабочаго.

Самостоятельныя артели золотничниковъ, получающія плату съ золотника золота, состоятъ на своемъ содержаніи, забирая припасы въ счетъ заработка изъ присковыхъ лавокъ. Въ одномъ договорѣ Алтайскаго округа 80-хъ гг. добавлено, что забирать припасы золотничники могутъ лишь въ извѣстномъ количествѣ, а именно, не болѣе того содержанія, какое назначено на каждаго изъ общеконтрактныхъ рабочихъ. Въ договорѣ золотничниковъ съ Щепетильниковымъ (1871 г.) установлено, что припасы и инструменты рабочіе могутъ получать изъ присковой лавки разъ въ недѣлю—въ субботу, „всякій же день подобнаго отпуска не будетъ, исключая самаго необходимаго случая, а товарныя вещи—1-го числа каждаго мѣсяца“. Въ отчетѣ Южно-Алтайской К^о Лебедской системы (Війскаго округа) за 1890 г. между прочимъ сказано, что припасы и товары выдаются золотничникамъ по той же таксѣ, что и общимъ присковымъ контрактнымъ рабочимъ. Но, повидимому, это бываетъ далеко не всегда. Чиновникъ министерства государственныхъ имуществъ Соколовъ въ своей запискѣ о положеніи рабочихъ на прискахъ Маринскаго округа, представленной горному департаменту въ 1891 г., говоритъ: „продукты, забираемые золотничниками, оцѣниваются на золото и изъ вырабатываемаго ими золота вычитается количество, соотвѣтствующее стоимости забираемыхъ товаровъ, причемъ переводъ на золото стоимости товаровъ дѣлается фантастическій, по усмотрѣнію хозяевъ, и получается такая такса (хотя рядомъ съ ней существуетъ такса на рабочіе продукты, утвержденная горнымъ исправникомъ...): кринка молока стоитъ 6 долей золота, мѣшокъ картофеля— $\frac{1}{2}$ золотника, бутылка спирта—1 золот., бутылка водки— $\frac{1}{2}$ зол., 1 фунтъ масла—18 долей золота и т. д. Этотъ разсчетъ хорошо извѣстенъ рабочимъ“. Окружной инженеръ Реутовскій, въ замѣчаніяхъ на записку Соколова, признаетъ, что старателямъ отпускается отъ хозяина „припасовъ и товаровъ по возможности меньше и дороже,

такъ какъ сами руководители получаютъ все это далеко не изъ первыхъ рукъ“.

Золотничники, нанимаемые подрядчиками за известное жалованье, получаютъ отъ нихъ готовое содержаніе ¹⁾.

Относительно жилищъ золотничниковъ на промыслахъ г. Реутовскій въ той же запискѣ говорить, что „самостоятельныя артели довольствуются... скудною пищею и помѣщеніемъ, какое Богъ послалъ: очень часто покинутымъ амбаромъ или полуразвалившеюся хижиною“; старатели отъ подрядчика также довольствуются помѣщеніемъ, „какое найдется на брошенномъ прискѣ“... „Чѣмъ несчастіе артель въ нахожденіи золота, тѣмъ положеніе хуже, такъ какъ недостатокъ въ золотѣ заставляетъ ихъ переходить съ мѣста на мѣсто и, понятно, всюду скорѣе заботиться о нахожденіи металла, чѣмъ о постройкѣ казармъ и подвозѣ надлежащаго провіанта. Положеніе такихъ рабочихъ есть положеніе развѣдчиковъ, которые“ относительно помѣщенія и пищи „въ прямой зависимости отъ нахожденія большого или меньшаго количества золота“ ²⁾. Въ статьѣ о присксахъ Томской губерніи г. В. Р. говоритъ: „Золотничники — это пролетаріи тайги... Они помѣщаются въ такихъ лачугахъ и коморкахъ, которыя имъ дала судьба только какъ наслѣдіе отъ давно минувшихъ дней. Эти помѣщенія“, бывающія высотой не болѣе 2¹/₂ арш., до того малы, что на каждого человѣка едва приходится по ¹/₂ куб. саж. воздуха. Правда, въ послѣднее время въ этомъ отношеніи „замѣтно улучшеніе (новыхъ помѣщеній не строятъ ниже 3¹/₂ арш., а присксовыя помѣщенія, оставляемыя для золотничниковъ, часто бываютъ такихъ размѣровъ, что на каждого рабочаго приходится болѣе 2 куб. саж. воздуха), но оно идетъ все таки сравнительно туго, благодаря характеру самыхъ работъ: сегодня золотничникъ работаетъ у стараго хорошаго помѣщенія, завтра онъ уже переходитъ отъ него версты на 3—4 выше и строитъ лачугу или просто шалашъ“ ³⁾.

¹⁾ Отчеты о золотопр. Западной Сибири въ Горн. Департ.—Подрядчикъ, заключившій договоръ съ К^о Денисова и Бузина (1871 г., Маріинскаго окр.) на поставку артели золотничниковъ, обязался въ немъ съѣстные припасы для рабочихъ „заготовить и имѣть свои, а также товарныя вещи и прочее потребное для рабочихъ“ обязывался „имѣть и выдавать отъ себя“. Рабочіе, работающіе отъ крупныхъ подрядчиковъ, по словамъ г. В. Р., который называетъ такихъ рабочихъ „отрядными“, получаютъ почти такое же содержаніе, какъ и общеконтрактные „за небольшими исключеніями, гдѣ рабочему вмѣсто 1¹/₂ фунта мяса даютъ 1¹/₄ ф.“ („Вѣстн. Золот.“, 1894 г., № 17, стр. 277).

²⁾ Дѣло Томск. Горн. Управ. 1891 г., № 12.

³⁾ „Вѣстн. Золот.“, 1894 г., № 17, стр. 277. Рабочіе отъ крупныхъ подрядчиковъ, „работая старые оставленные участки и дѣйствуя въ большинствѣ случаевъ на авось, вырабатывая остатки, не могутъ и обстраиваться, не будучи увѣрены въ продолжительности работъ. Въ большинствѣ случаевъ они пользуются ранѣе бывшими

Въ договорахъ золотничниковъ Маріинскаго и Алтайскаго округовъ, какъ и въ другихъ мѣстахъ, они обязываются „вести себя честно, трезво, не дѣлая никакихъ противозаконныхъ поступковъ, однимъ словомъ, быть въ должномъ послушаніи, съ пріиска на другой или на другое мѣсто безъ вѣдома промысловаго управленія не переходить“ ¹⁾.

Въ договорѣ съ Щепетильниковымъ (1871 г.) рабочіе обязываются выбрать артельного старосту для наблюденія за порядкомъ, и, если кто изъ членовъ артели напьется пьянъ, нагрубить прикащику, выкажетъ неповиновеніе, нарушитъ тишину и спокойствіе, того они, собравъ съ вѣдома хозяина артель, должны „по расправѣ артельной“ подвергнуть наказанію, „не взирая въ этомъ случаѣ ни на кого изъ рабочихъ“.

Общій заработокъ годового золотничнаго рабочаго въ Маріинскомъ округѣ въ 1892 году, по словамъ г. В. Р., не превышалъ 96—102 р., „изъ которыхъ, за исключеніемъ 72 р. обыкновенныхъ расходовъ на одежду, обувь и прочее, ему останется рублей 30. За уплатою податей (7—10 р.) и задатка (10—18 р.), онъ можетъ получить при расчетѣ не болѣе 10—15 рублей“. Средній заработокъ золотничныхъ рабочихъ на пріискахъ Алтайскаго округа, арендуемыхъ у Кабинета, авторъ считаетъ въ 100 р. На пріискахъ КК^о Южно-Алтайской и Астанева, по свидѣтельству того же автора, годовой заработокъ рабочихъ, работающихъ отъ крупныхъ подрядчиковъ (онъ называетъ ихъ „отрядными“) не превосходитъ 130 р., а золотничниковъ, разбитыхъ на мелкія артели, не болѣе 100 р. За исключеніемъ расходовъ на припасы и товары, каждый изъ „отрядныхъ“ рабочихъ можетъ получить на руки, за исключеніемъ внесенныхъ податей, но со включеніемъ, задатка около 30—40 р., а членъ артели золотничниковъ около 20 р. ²⁾.

Одинъ изъ служащихъ Южно-Алтайской К^о рассказывалъ намъ, что артели золотничниковъ, работая на свой страхъ, дѣляютъ потомъ заработокъ пропорціонально труду cadaго. Если же кто-либо изъ нихъ оставлялъ работу ранѣе конца операціи, то, по добровольному соглашенію, изъ приходившагося на его долю жалованья производили соответственный вычетъ за сдѣланныя артелью затраты на предпріятіе.

При расчетѣ рабочихъ съ подрядчиками не обходилось иной разъ

казармами, кое-какъ поправляя и улучшая ихъ“, такъ что здѣсь на cadaго человека не приходится и 1 куб. саж. воздуха. „Вѣстн. Золот.“ 1894 г., № 17, стр. 277.

¹⁾ Въ договорѣ съ Цыбульскимъ (1871 г.) особенно подчеркнуто, что золотничники не только не должны сами участвовать въ похищеніи золота, но обязаны строго наблюдать и за товарищами, и доводить о подобныхъ случаяхъ до свѣдѣнія пріисковаго управленія.

²⁾ „Вѣстникъ Золотопром.“ 1893 г., № 15, стр. 253, № 16, стр. 259—260, № 17, стр. 276—277.

безъ недоразумѣній. Такъ въ 1878 г. одинъ крестьянинъ Симбирской губерніи подалъ начальнику томскаго жандармскаго управленія жалобу на „неправильныя и стѣснительныя дѣйствія“ относительно его и двухъ его сыновей подрядчика золотничныхъ работъ Еселевича по расчету ихъ за работы на прискахъ Буткевича (Мар. окр.). Препровождая это прошеніе на разсмотрѣніе мѣстнаго горнаго исправника, начальникъ жандармскаго управленія обращалъ его вниманіе на „часто возникающія недоразумѣнія между золотопромышленниками и ихъ рабочими“ и высказывалъ увѣренность, что ничего подобнаго не могло бы быть, если бы присковая администрація добросовѣстно относилась къ своимъ обязанностямъ ¹⁾.

Оставшіеся за ними долги рабочіе-золотничники обязывались въ контрактахъ уплатить или отработать, не уходя съ присковъ.

Мы упоминали уже о томъ, что золотопромышленники выговаривали себѣ право обращать общеконтрактныхъ рабочихъ въ золотничниковъ; при этомъ, обозначая плату за золото, одни поясняли, что рабочіе вмѣстѣ съ тѣмъ переходили на свое содержаніе и за исполненіе подготовительныхъ работъ (напр., устройство сварядовъ для промывки песковъ, проводъ канавъ, шурфовку и проч.) не должны уже были требовать никакой платы; другіе выговаривали исполненіе рабочими тѣхъ же уроковъ на торфахъ и пескахъ, какіе указаны въ общихъ контрактахъ, и постановленій относительно недоработки уроковъ.

Въ Ачинскомъ и Минусинскомъ округахъ, въ 1879 и 80-хъ гг. не было присковъ, работавшихся одними старательскими работами, но тѣмъ не менѣе золотничныя работы допускались на дѣйствовавшихъ прискахъ въ бортахъ и почвѣ старыхъ разрѣзовъ. Въ 1881 г. въ этихъ округахъ старателями-золотничниками разрабатывалось уже 11 присковъ (15% всего ихъ числа), а затѣмъ въ Ачинскомъ округѣ въ 1882—88 гг. отъ 5 до 21%, въ среднемъ 14%, въ Минусинскомъ въ 1882—86 гг. отъ 7 до 24%, въ среднемъ 17% ²⁾.

Горный исправникъ Ачинскаго и Минусинскаго округовъ въ замѣчаніяхъ на выработанный въ 1887 г. проектъ закона о наймѣ рабочихъ на золотые промысла говоритъ: „Въ Минусинскомъ и въ особенности въ Ачинскомъ округахъ, гдѣ золотые промысла находятся въ близкомъ разстояніи отъ жилыхъ мѣстъ (отъ 8 до 50 верстъ), жители окрестныхъ селеній въ свободное отъ домашнихъ занятій время или по какимъ либо другимъ причинамъ, а равно и мастеровые, ходятъ на приски для заработка въ одиночку или составляютъ для этого артели

¹⁾ Арх. Дмитр. волостн. прав. въ селѣ Тисулѣ, 1878 г., № 14—12, л. 15—16.

²⁾ Дѣла Горн. Деп. и Томск. Горн. Упр.; „Горн. Журн.“ 1882 г., № 9, стр. 375; „Прилож. I къ вып. I сборн. офф. док.“, т. VII, стр. 14.

въ нѣсколько человѣкъ. Являясь на пріиски, эти рабочіе предлагают владѣльцамъ пріисковъ работать или съ извѣстной платой за каждый добытый золотникъ золота“, или на другихъ условіяхъ. „Такъ какъ эти люди являются на пріиски въ разное время года, то золотопромышленникамъ не представляется возможности нанимать ихъ по формально заключеннымъ контрактамъ, потому что въ этомъ случаѣ свидѣтельствовать контракты чрезвычайно затруднительно: вѣдь для этого, какъ нанимателямъ, такъ и нанимающимся нужно ѣхать въ волостныя правленія за 100 верстъ, да и притомъ нѣсколько разъ, такъ какъ желающіе работать являются на пріиски въ разное время. Кромѣ того составить контрактъ на срокъ о золотничныхъ работахъ чрезвычайно трудно, и какой бы подробный контрактъ въ этомъ случаѣ ни былъ написанъ, онъ всегда можетъ оказаться стѣснительнымъ и невыгоднымъ для нанимающагося, такъ какъ главную роль играетъ мѣсто работъ на самомъ пріискѣ“, а это мѣсто „можетъ оказаться съ плохимъ содержаніемъ золота“ и потребовать перемѣны. (Мы видѣли, однако, что въ другихъ округахъ это не мѣшаетъ артелямъ золотничниковъ заключать письменные контракты съ золотопромышленниками). „Большинство пріисковъ“, продолжаетъ горный исправникъ, „уже выработаны и золото осталось только въ бортахъ выработокъ, а потому большихъ работъ ставить негдѣ, и владѣльцы такихъ пріисковъ охотно пускаютъ работать съ платой за добытое золото“ ¹⁾. Окружной инженеръ Ачинско-Минусинскаго округа писалъ въ 1880 г., что золотничный способъ работъ „получилъ довольно большое распространеніе на близкихъ къ жилымъ мѣстамъ пріискахъ, и существованіе мелкой золотопромышленности, можно сказать, отъ него лишь зависитъ“ ²⁾. Въ 1892 г. тотъ же окружной инженеръ говоритъ: артели золотничниковъ „на пріиски являются обыкновенно безъ предварительнаго найма или даже предупрежденія со стороны предпринимателя и затѣмъ, не находя выгоднымъ работать на одномъ, переходятъ на другіе; продовольствуются не по опредѣленному отъ предпринимателя „положенію“, а по своему усмотрѣнію, получая однако, иногда даже обязательно, въ счетъ сданнаго золота потребныя припасы изъ пріисковыхъ заготовокъ“ ³⁾. Такимъ образомъ въ Ачинскомъ округѣ золотничанье практикуется не только какъ постоянное занятіе, но и какъ подсобный крестьянскій промыселъ.

Плата за золотникъ золота старателямъ въ Ачинско-Минусинскомъ округѣ была, по официальнымъ отчетамъ, слѣдующая: въ 1879 году 1 р. 80 к.—2 р. 50 к., въ 1880—81 гг. 2—3 р., въ 1888 г. въ Ачин-

¹⁾ Дѣло канц. Иркут. Горн. Упр., № 14, т. II.

²⁾ Дѣло Томск. Горн. Упр. по проекту правилъ о наймѣ рабочихъ.

³⁾ Дѣло Горн. Деп., отд. частн. золот. 1882 г., № 80.

скомъ округѣ 3 р.—3 р. 50 к., въ 1889 г. въ Ачинско-Минусинскомъ 2 р. 50 к.—3 р. 50 к.

Въ Канскомъ и Нижнеудинскомъ округахъ (Бирюсинская система) въ 1879 и 80 гг. болѣе половины приисковъ (51 и 54%) разрабатывалось старателями, а количество золотничниковъ въ 1880 г. значительно превосходило число общепокупныхъ (68% всѣхъ рабочихъ). Затѣмъ въ 1881—84 гг. количество приисковъ, разрабатываемыхъ одними старателями, колебалось между 14 и 41%¹⁾. Къ сожалѣнію, данныхъ о болѣе позднемъ времени мы не имѣемъ.

О золотничныхъ работахъ въ Канскомъ и Нижнеудинскомъ округахъ мѣстный окружной инженеръ сообщаетъ довольно подробныя свѣдѣнія въ отчетѣ за 1882/3 годъ: „Владѣлецъ прииска, не имѣя средствъ на наемъ рабочихъ, заготовленіе припасовъ на ихъ содержаніе въ теченіе промысловой операціи, устройство золотопромывательныхъ приборовъ и вообще на обзаведеніе полной приисковой обстановки, отдаетъ свой приискъ, такъ сказать, въ аренду отдѣльнымъ лицамъ для разработки. Послѣднія, обязываясь работать артелями или по одиночкѣ, (что не допускается закономъ), живутъ на приискѣ на своемъ собственномъ содержаніи, работаютъ собственными инструментами, сами устраиваютъ необходимыя имъ золотопромывательныя приборы, словомъ, избавляя владѣльца отъ всякихъ заботъ о разработкѣ принадлежащаго ему прииска. Все намытое золото золотничники обязываются представлять въ приисковую контору и получаютъ за него лишь условленную плату съ золотника. При такой системѣ владѣлецъ прииска, не участвуя въ его разработкѣ ни трудомъ, ни капиталомъ, избавленъ отъ всякаго съ своей стороны риска и даже въ томъ случаѣ, когда его золотничники разоряются вслѣдствіе бѣднаго содержанія золота, недостатка воды или другихъ неблагоприятныхъ для нихъ условій, не несетъ ни малѣйшаго убытка, если не считать той ничтожной подесятинной платы (1 р.), какая существуетъ въ тѣхъ именно округахъ, въ которыхъ преимущественно развита золотничная система разработки... По уставу о частной золотопромышленности старательская артель должна состоять не менѣе какъ изъ 10 человекъ; но нерѣдко мы встрѣчаемъ артели изъ 3—4 лицъ, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ“ золотничники работаютъ даже по одиночкѣ. „Нерѣдко случалось видѣть артели золотничниковъ, у которыхъ не было ни таратаекъ, ни лошадей; не получая отъ владѣльца прииска ничего, кромѣ условленной платы съ золотника, артель не въ состояніи завести ни тѣхъ, ни другихъ, а потому торфа, эфеля и галька не отвозятся, а сваливаются тутъ же возгѣ промывального устройства“. Бываетъ и такъ, что „золотничники, довольствуясь часто одной лопатой, нагружаютъ пески или прежніе отвалы въ небольшія корыны вмѣстимостью около 2, 5 пудовъ, или прямо въ мѣшки, которые и относятся ими на печахъ къ промывкѣ“. „Помимо недостатка средствъ золотничникамъ нѣтъ и разсчета заботиться о правильномъ устройствѣ промывальныхъ приборовъ, такъ какъ по окончаніи промысловой лѣтней операціи, а нерѣдко и среди ея они уходятъ съ прииска, оставляя свои устройства навсегда въ пользу хозяина золотопромышленника. Пески промываются рѣдко на бутарахъ, а въ

¹⁾ Въ нѣкоторые годы кромѣ того значительное количество приисковъ разрабатывалось и хозяевами, и старателями вмѣстѣ, напр., въ 1882 г. такихъ приисковъ въ Канскомъ округѣ было 17.

большинствѣ случаевъ на маленькихъ вапгердахъ; нигдѣ мнѣ не удалось видѣть старательскую бочку или чашу, устройство которой не подѣ силу золотничникамъ...

„Въ среднемъ можно положить, что старатели на Бирюсъ... получаютъ 2 р. 20 к. за золотникъ,—цѣна весьма не высокая. Не получая кромѣ этой платы ровно ничего отъ пріисковаго управленія и живя на пріискѣ на своемъ собственномъ содержаніи, золотничникъ при тѣхъ высокихъ цѣнахъ, какія существуютъ на пріискахъ на всѣ съѣстные припасы и товары, не можетъ существовать только на деньги, получаемыя имъ съ золотника своего золота“. Если бѣ онъ доволенъ ими, то „кромѣ исключительныхъ случаевъ не только не въ состояніи былъ бы заработать что нибудь въ теченіе лѣта, но даже сдѣлался бы неоплатнымъ должникомъ золотопромышленника. Можно ли удивляться тому, что при подобномъ веденіи дѣла значительная часть снимаемого старателями золота не попадетъ въ контору пріиска, а переходитъ въ чужія руки къ скупщикамъ, въ которыхъ нѣтъ недостатка во всѣхъ нашихъ золотоносныхъ системахъ. Въ первомъ случаѣ онъ получить не болѣе 2, 3 рублей, во второмъ 3 р. 50 к.—4 р. и даже 5 р. за золотникъ. Чѣмъ менѣе плата за сдаваемое владѣльцу пріиска золото, тѣмъ болѣе его утаивается рабочими золотничниками и тѣмъ болѣе переходитъ его къ скупщикамъ, развѣзжающимъ по тайгѣ въ теченіе всего лѣта или нарочно вывѣзжающимъ въ тайгу на встрѣчу рабочимъ по возвращеніи послѣднихъ съ пріисковъ. Но, кромѣ скупщиковъ, наши промысла окружены цѣлыми шайками спиртоносовъ, въ рукахъ которыхъ спиртъ является такимъ всемогущимъ орудіемъ, противъ котораго не устоитъ ни одинъ почти рабочій-золотничникъ, не получающій водки въ порцію отъ пріисковаго управленія. Рабочіе золотничники нанимаются на пріиски съ единственнымъ расчетомъ на кражу золота, имѣя въ виду, что ихъ работы никѣмъ контролироваться не будутъ и потому утайка золота не потребуетъ особаго труда и ловкости. И дѣйствительно... контролировать работы золотничниковъ рѣшительно невозможно..., такъ какъ они разбѣяны въ разныхъ мѣстахъ на пріискѣ, и пріисковому управленію пришлось бы имѣть много служащихъ для наблюденія за ихъ работами... Главная задача нѣкоторыхъ золотопромышленниковъ состоитъ не въ разработкѣ принадлежащихъ имъ пріисковъ, а въ скупкѣ золота у рабочихъ чужихъ пріисковъ...

„Владѣя нѣсколькими пріисками, многіе золотопромышленники, при заключеніи условій со старателями, не обозначаютъ въ контрактахъ пріискъ, на который послѣдніе нанимаются, а наоборотъ выговариваютъ себѣ право отдать имъ для разработки любой свой пріискъ по собственному усмотрѣнію, имѣя главнымъ образомъ въ виду не разработку этого пріиска, а совершенно другія цѣли. Получивъ задатокъ, старатели по приходѣ въ тайгу ставятъ на одинъ изъ бѣдныхъ пріисковъ владѣльца и не только не въ состояніи отработать ввѣятый задатокъ, но еще все болѣе и болѣе влѣзаютъ въ долги и уходятъ съ пріиска нищими, закабалывая себя и на слѣдующую промысловую операцію, или же поддерживаютъ свое существованіе кражею и продажею чужого золота. Владѣлецъ пріиска, не получая вовсе или получая мало золота отъ своего золотничника, работающаго на бѣдномъ пріискѣ и взявшаго впередъ деньги, готовъ часто прямо отказать ему въ выдачѣ припасовъ, заставляя тѣмъ рабочаго искать заступничества у пріисковой полиціи или спастись отъ голода бѣгствомъ съ пріиска. Къ стыду многимъ нашихъ мелкихъ золотопромышленниковъ, надо сознаться, что эти случаи верѣдки. Вотъ истинныя постоянныя жалобъ золотничниковъ на своихъ хозяевъ; вотъ причина частыхъ побѣговъ рабочихъ, кражъ, убійствъ и тому подобныхъ преступленій...

Относительно безопасности работ золотничники поставлены также гораздо хуже общеконтрактных рабочих. „Работая по одиночѣ или небольшими артелями и притомъ безконтрольно, золотничники имѣютъ въ виду лишь добычу возможно большаго количества песковъ; для ускоренія работы они нерѣдко не вскрываютъ торфовъ и подкайливаютъ пески до 1 саж. и болѣе въглубь забоя. Надъ роющимъ въ ямѣ золотничникомъ образуются огромныхъ размѣровъ навѣсы, которые ежеминутно угрожаютъ паденіемъ и смертью рабочаго. При осмотрѣ выработокъ трудно замѣтить золотничника, работающаго въ ямѣ и закрытаго нависшими глыбами земли и выдающимися валунами, которые, по мѣрѣ углубленія ямы, обваливаются сами собой“. Вмѣстѣ съ золотничниками работаютъ иногда и ихъ дѣти, которымъ поручаются болѣе легкія работы. Питаются старатели также хуже общеконтрактныхъ рабочихъ ¹⁾).

Всѣмъ этимъ не ограничиваются зловложенія старателей-золотничниковъ. По словамъ корреспондента одной сибирской газеты съ Бирюсинскихъ приисковъ, „бываетъ, что одна артель попала на хорошее мѣстечко..., быстро оправдались расходы на содержаніе, остается только загребать барыши и класть ихъ въ карманъ. Но другая артель на томъ же приискѣ какъ ни трудилась, ничего не приобрѣла, и вдобавокъ залѣзла въ долгъ по уши. Тогда (это обыкновенно бываетъ въ первыхъ числахъ августа) владѣтель прииска или его управляющій присоединяетъ несчастную артель къ счастливой для общихъ работъ, несмотря на протесты послѣдней, доходящіе иногда до горнаго исправника. Артель упирается на то, что она сама разыскала золото, слѣдовательно, это было „ея счастье“, которымъ только она и должна пользоваться“, но хозяинъ прииска настаиваетъ на исполненіи своего желанія ²⁾). Другіе мѣстные наблюдатели свидѣтельствуютъ, что если золотничникъ упадетъ на богатое золото, у него нерѣдко отбираютъ найденный имъ участокъ и переводятъ на другой.

На Бирюсинскихъ промыслахъ (Канскаго и Нижнеудинскаго округовъ), какъ и въ другихъ мѣстахъ, работаютъ не только самостоятельныя артели золотничниковъ, но и нанятые подрядчиками.

Корреспондентъ одной сибирской газеты писалъ въ 1877 г. съ Бирюсинской системы: „Съ нѣкотораго времени начали появляться на бирюсинскихъ промыслахъ, такъ называемые, артельщики, т.-е. содержатели готовыхъ артелей. Какой нибудь прогорѣвшій купчина, проворовавшійся приказчикъ, оставленный за взятки волостной писарь, проштрафившійся кабачный судѣецъ, однимъ словомъ, отъяв-

¹⁾ „Приложеніе первое къ выпуску 1 Сборн. главн. офиц. докум. по управл. Восточной Сибири, изд. по распоряженію ген.-губ. В. С. Д. Аучина“, т. VII, Иркутскъ, 1884 г. „Отчетъ о состояніи частн. золот. промысловъ Канскаго и Нижнеудин. окр.“, стр. 50—52, 19, 53—60, 33, 34.

²⁾ „Сиб. Вѣстн.“ 1885 г. № 28, стр. 11.

ленные плуты и аферисты являются къ золотопромышленникамъ и заключаютъ съ ними условія на поставку рабочихъ, челоѣкъ 10, 15, 20... Аферисты нанимаютъ бѣдняковъ съ платою 10, 12 или 15 р. въ мѣсяцъ и прѣзжаютъ съ ними на приски. Хорошо, если имъ удастся добыть порядочное количество золота, платы за которое достанетъ на расчетъ съ нанятыми ими рабочими. Но большею частью имъ этого не удается, и бѣдняки рабочіе, проработавъ 6 мѣсяцевъ за одно плохое содержаніе, возвращаются домой ни съ чѣмъ. Золотопромышленники знаютъ не хотѣть такихъ рабочихъ и ссылаются на то, что не они ихъ нанимали, а артельщики. Съ послѣднихъ же взятки гладки... Горный исправникъ обратилъ вниманіе на горестное положеніе рабочихъ, нанимаемыхъ артельщиками, и принудилъ золотопромышленниковъ рассчитывать этихъ рабочихъ сполна, а съ артельщиками вѣдаться, какъ знаютъ. Золотопромышленники на первый разъ согласились. Но что будетъ въ будущемъ? Тутъ личнаго вліянія горнаго исправника, кажется, недостаточно, если само правительство не приметъ въ томъ участія и не обяжетъ золотопромышленниковъ уплачивать безотговорочно рабочимъ за добытое золото, въ случаѣ несостоятельности ихъ нанявшихъ¹⁾.

За золотникъ золота старатели получали на промыслахъ Канскаго и Нижнеудинскаго округовъ въ 1879 г. среднимъ числомъ по 2 р. 5к., въ 1880 г.—2 р. 25 к. и въ 1882 г.—2 р. 20 к. На небогатыхъ прискахъ, по свидѣтельству корреспондента одной газеты, плата бываетъ больше, чѣмъ на богатыхъ, „потому что послѣдніе притягиваютъ больше старателей, но вообще не превышаетъ 2 р. за золотникъ“²⁾. Относительно размѣра всего заработка золотничниковъ мѣстный окружной горный ревизоръ говоритъ въ своемъ отчетѣ за 1882—83 г.: „Ихъ операціонный заработокъ, являясь задѣльнымъ, зависитъ отъ количества намытаго ими золота. Полагая, что золотничникъ на Бирюсѣ въ состояніи добыть въ теченіе промысловой операціи приблизительно 70 золотниковъ золота, за которое получаетъ въ среднемъ 2 р. 20 к. съ золотника, заработокъ его составитъ 154 р.“ на всемъ своемъ содержаніи. По мнѣнію этого окружного ревизора, только расчетъ золотничниковъ „на кражу золота или на особо благопріятныя условія заставляетъ многихъ рабочихъ наниматься на приски“.

Въ Олекминскомъ округѣ мы находимъ сравнительно ничтожное число золотничниковъ. Въ 1879 г. ими разрабатывалось тамъ 6 присковъ (12% всего числа), на которыхъ было 500 чел. рабочихъ, въ 1880 г. золотничники работали на 3 прискахъ (6%) и ихъ было всего 265 чел. (болѣе 2%), въ 1881 г. старатели разрабатывали 9 присковъ (16%), въ 1882 г. 13 присковъ (21%), въ 1884 г. 15 присковъ (26%).

По нѣкоторымъ договорамъ присковое управленіе могло обращать общеконтрактныхъ рабочихъ въ старателей золотничниковъ.

¹⁾ „Сибирь“, 1877 г., № 44.

²⁾ „Сибирскій Вѣстникъ“ 1885 г., № 23, стр. 10.

Такъ въ контрактѣ Чаринскаго товарищества 1880 г. сказано: „Если управленіе принскамп найдетъ необходимымъ производить работы вольностарательскія, то таковыя мы должны исполнять безпрекословно и вмѣсто дневной платы получать (вознагражденіе) съ золотника золота, добытаго нами... Вышполненіе уроковъ на старательскихъ работахъ должно быть, какъ и при общихъ работахъ. Промывку должны производить на бутарахъ или машинахъ, согласуясь съ желаніемъ управленія. Самовольно при старательскихъ работахъ мы располагать таковыми безъ разрѣшенія управленія не имѣемъ права. Находясь на старательскихъ работахъ, мы должны имѣть свое содержаніе, отопленіе и освѣщеніе нашихъ помѣщеній, а равно и все имущество и матеріалы, нужные для работъ нашихъ, получая таковыя изъ магазина по таксъ, а также должны устраивать сами бутары, таратайки, тачки и все необходимое для добычи золота. Изъ взятаго нами имущества, если мы возвратимъ въ цѣлости обратно, то управленіе должно взять съ насъ за пользованіе таковыми половину его стоимости. Если при старательскихъ работахъ будутъ задолжены нами лошади, то таковыя должны считаться въ числѣ поденщины артели и должны получать равный съ нами пай золота. Содержаніе лошади должно быть за счетъ управленія. На вышеизложенныхъ условіяхъ... мы должны получать по 1 р. 92 к. за каждый добытый золотникъ золота. Добытое нами золото должно записываться каждодневно въ книжки каждой артели, а по окончаніи мѣсяца должно дѣлиться по ровной части на поденщину и записываться каждому въ расчетный листъ“.

Золотопромышленникъ Олекминскаго округа Д. В. Плетюхинъ также предоставлялъ себѣ право обращать общеконтрактныхъ рабочихъ въ золотничники, которые должны были состоять на своемъ или хозяйскомъ содержаніи.

Въ договорахъ съ нимъ 1886 и 1889 гг. сказано слѣдующее: „Отъ управленія зависитъ установить еще два способа работъ, которыя для насъ обязательны. 1-й способъ. По прибытіи на принскъ мы должны производить слѣдующія работы: а) проводить дамбы и готовить необходимые для того матеріалы, какъ-то: мохъ, дернъ, гѣсъ и прочее, и подносить къ указаннымъ мѣстамъ, б) проводить водоотводныя каналы на столько глубоко, чтобы явилась возможность осушить пласть и устанавливать промывальныя машины, вашгерды и прочія потребныя для промывальной операціи. Способъ этотъ, какъ имѣющій видъ старательскихъ работъ, хотя обязуетъ насъ работать опредѣленное выше число часовъ (13 въ сутки), но платы за всѣ przygotowательныя работы не полагается, и за все это время мы должны платить управленію за содержаніе по существующей таксъ. Все же добытое нами по этому способу работъ золото сдается въ управленіе не болѣе двухъ разъ въ сутки за каждый золотникъ по 1 р. 68 к. или по $1\frac{3}{4}$ коп. за долю, а за поднятое во время работъ по 1 р. 92 к. за золотникъ. Причемъ полученіе денегъ и вещей, кромѣ крайне необходимыхъ, возможно только по отработкѣ всего забраннаго нами отъ управленія, и то только небольшими суммами, а вся остальная доплата должна быть произведена 11 сентабря, т.-е. въ день общаго расчета... При первомъ способѣ старательскихъ работъ весь потребный инструментъ мы должны приобрести изъ матеріальнаго амбара по стоящей промысловому управленію цѣнѣ. По окончаніи операціи, если инструментъ окажется годнымъ къ употребленію, мы можемъ сдать его обратно съ удѣлкою въ половину его стоимости. Бутары, вашгерды, помпы, ядовки, тачки, выкаты и проч. должны быть также наши. Если же управленіе сочтетъ возможнымъ все это дать намъ

готовое, то мы обязуемся платить по 20 р. съ каждого человѣка и по окончаніи работъ сдать все обратно. Ежели при этомъ способѣ кто либо изъ насъ заболѣетъ, то кромѣ того, что платить за содержаніе по 90 коп. въ сутки, платить еще за медицинскую помощь по 40 коп. въ день; если же кто изъ насъ будетъ участвовать при проведеніи дамбы и заболѣетъ и потому будетъ лишенъ возможности участвовать въ добычѣ золота и притомъ будетъ оставаться управленію должнъ, то долгъ за таковымъ расписывается на всю артель поровну, такъ какъ по выбытіи участвующаго въ этихъ приготавительныхъ работахъ остальные въ артели воспользуются его трудами. 2-й способъ: Каждый изъ насъ должнъ работать указанное выше число часовъ и сдавать въ контору управленія ежедневно по 2 зол. золота, за что получать отъ управленія ежедневной платы отъ 50 до 80 коп. и въ содержаніе по 1¼ ф. мяса соленого или свѣжаго, по 4 ф. ржаного печенаго хлѣба, крупы, соли и масла по положенію, сколько назначено въ этомъ контрактѣ... Такъ какъ добыча золота за плату и содержаніе назначается въ 2 зол. ежедневно, то не сдавшій въ контору полнаго количества хотя и не лишается платы за тотъ день, но обязанъ въ слѣдующіе дни пополнить весь недостатокъ до положеннаго количества и за исполненіемъ такового, т.-е. ежели добыча золота будетъ превышать ежедневное условленное количество, за все излишне добытое и сданное получать какъ за старательское золото по 96 к. за золотникъ. При назначеніи работъ по этому послѣднему способу мы должны также исполнять всѣ приготавительныя работы¹⁾, не получая за нихъ „никакой платы. При этихъ двухъ способахъ дней отдыха не полагается, а желающій пользоваться таковымъ, и то не иначе какъ съ согласія управленія, платить за содержаніе до 90 коп. въ день. Въ видахъ устраненія праздности и лѣни управленіе имѣетъ право дѣлать съ каждого виновнаго вычеты за каждый потерянный день отъ 3 до 10 руб.“²⁾. Въ 1886 г., при этомъ послѣднемъ условіи, подѣ предложомъ, что золото на промыслахъ Плетюхина было бѣднѣе, установленъ былъ еще вычетъ съ каждого рабочаго, состоящаго на промыслѣ въ артели, по 1 золотнику въ пользу хозяина. Въ контрактѣ Плетюхина 1886 г. вычетъ этотъ установленъ не былъ и слѣдовательно былъ введенъ вопреки контракту³⁾.

Такимъ хитроумнымъ или, лучше сказать, прямо противозаконнымъ контрактомъ Плетюхинъ совершенно опутывалъ рабочихъ. Но эксплуатация рабочаго золотничника не ограничивалась еще тѣмъ, что указано въ договорѣ: здѣсь, какъ и въ Енисейскомъ округѣ, его нерѣдко сгоняютъ съ хорошаго, имъ найденнаго мѣста. Вотъ что сообщаетъ „Восточное Обозрѣніе“: „Есть въ Витимской системѣ золотопромышленникъ Д. В. П.; на приискѣ у него рабочій-старатель по контракту добываетъ пески и промываетъ золото на избранномъ имъ мѣстѣ или на мѣстѣ, указанномъ управленіемъ... Рабочій на свой счетъ отгораживаетъ избранное имъ мѣсто отъ воды дамбой, на свой счетъ отыскиваетъ мѣсто съ золотомъ и подготавливаетъ къ работѣ. Едва только мѣсто, подготовленное къ добычѣ золота, окажется съ хорошимъ золотомъ и рабочему

¹⁾ Бумаги А. К. Субботина и Арх. Ирк. Думы, книга актовая 2-го ирк. город. маклера на свидѣт. о наймѣ рабочихъ 1889 г., л. 81.

²⁾ Изъ бумагъ А. К. Субботина.

представляется возможность къ заработку, какъ владѣлецъ прогоняетъ его... или укажетъ ему мѣсто съ бѣднымъ содержаніемъ,... или рабочій принужденъ будетъ опять искать "новый участокъ, а отобранное мѣсто хозяинъ пріиска заставляетъ вырабатывать уже своихъ рабочихъ, а не старателей. „Такимъ путемъ рабочій, цѣлое лѣто проработавъ, не только не имѣетъ никакого заработка, но выходитъ отъ него должнымъ, а если захвораетъ, то и лѣчиться негдѣ, такъ какъ было время, что этотъ золотопромышленникъ даже не считалъ нужнымъ имѣть больницу“ ¹⁾). Изъ отчета исправника Витимскаго округа за 1879 годъ видно, что за старательское золото въ КК^о Прибрежно-Витимской, Промышленности и Бодайбинской платили отъ 1 р. 44 к. до 2 р. за золотникъ, а на пріискахъ Плетюхина и Горѣлова только по 96 коп. По договорамъ Плетюхина 1886 и 89 гг., какъ мы видѣли, платы старателямъ золотничникамъ за подготовительныя работы не полагалось; повидимому, это не было общимъ правиломъ, по крайней мѣрѣ, по отчету ленскаго окружного инженера за 1889 г. „въ тѣхъ случаяхъ, когда старатели золота еще не добывали, а были заняты какими либо подготовительными работами, пріисковыми управленіями платилось, смотря по условію, отъ 60 к. до 1 р. въ день“ ²⁾).

Старатели-золотничники работаютъ здѣсь то на своемъ, то на хозяйскомъ содержаніи; чаще было первое, по крайней мѣрѣ, чиновникъ Калагеорги, посланный въ 1882 г. ген.-губернаторомъ Восточной Сибири для изученія пріисковыхъ рабочихъ Олекминскаго округа, вовсе не упоминаетъ о золотничникахъ на хозяйскомъ содержаніи. „На пріискахъ“, говоритъ онъ, „гдѣ работы производятся исключительно вольно-старателями, управление заботится только о заготовленіи продуктовъ, довольствуются же рабочіе на свой счетъ, покупая изъ склада мясо и все, что желаютъ, а за хлѣбъ, выдаваемый имъ безъ вѣсу и квасъ, они платятъ по расчету за 2 1/2 пуда въ мѣсяцъ“. Продовольствіе золотничниковъ на свой счетъ считаетъ общимъ правиломъ и ленскій окружной инженеръ (отчетъ за 1889 г.), но, какъ мы видѣли изъ договора съ Плетюхинымъ, они могли быть и на хозяйскомъ содержаніи; то же слышали мы во время посѣщенія Олекминскаго округа въ 1891 г. Мы видѣли также, что по контракту съ Плетюхинымъ золотничники платили за лѣченіе и за содержаніе во время болѣзни.

Если казармы общеконтрактныхъ рабочихъ были нерѣдко неудовлетворительны, то не удивительно, что золотничники сплошь и рядомъ были помѣщены изъ рукъ вонъ плохо. Якутскій губернаторъ въ всеподаннѣйшемъ отчетѣ за 1887 г. говоритъ: „Въ лѣтнее время многіе

¹⁾ „Восточное Обозрѣніе“ 1886 г., № 50, стр. 10.

²⁾ Дѣло канцел. Иркут. Горн. Управ., № 39, л. 204.

изъ рабочихъ, въ особенности семейные, устраиваютъ отдѣльные балаганы или шалаши изъ коры. Большею частію такимъ образомъ устраиваются рабочіе на приискахъ на рѣкѣ Бодайбо на старательскихъ и золотничныхъ работахъ" ¹⁾. И въ настоящее время золотничники Олекминскаго округа живутъ иногда съ своими женами въ шалахахъ и землянкахъ ²⁾.

Нерѣдко большая часть заработка золотничника уходитъ на уплату за забранные припасы и товары. Главноуправляющій Базилевскаго Краснофѣвцевъ въ запискѣ, поданной имъ въ 1890 г., говоритъ: на такихъ приискахъ, „гдѣ работаютъ старательскими работами, хозяинъ только тѣмъ и заинтересованъ, чтобы коммерція у него процвѣтала; поэтому онъ не заботится ни о порядкахъ хозяйственной части, ни о порядочныхъ помѣщеніяхъ, ни о пищѣ, ни о чемъ другомъ: рабочіе обязаны брать изъ амбара все рѣшительно, и чѣмъ больше они берутъ, тѣмъ хозяинъ болѣе и наживается“.

Въ западной части Забайкальской области старательскія работы въ настоящее время особенно развиты. По отчету о золотопромышленности въ Западно-Забайкальскомъ горномъ округѣ за 1889 годъ, „большая часть рабочихъ добываетъ золото артелями на собственные средства и сдаетъ его съ золотника золотопромышленникамъ Верхнеудинскаго и Баргузинскаго округовъ“.

Окружной ревизоръ Забайкальской области въ отчетѣ за 1882—83 г. враждебно относится къ золотничнымъ работамъ съ технической точки зрѣнія ³⁾; но окружной ревизоръ Бирюсинской системы Оранскій, также вообще осуждающій по той же причинѣ золотничную разработку приисковъ, говоритъ: „Я допускаю пользу старательскихъ работъ въ тѣхъ только мѣстностяхъ, которыя находятся вблизи осѣдлаго населенія, могущаго заниматься имъ непосредственно; въ такомъ случаѣ эта система разработки служить населенію подспорьемъ и является промысломъ народнымъ, кустарнымъ. Въ такомъ положеніи, напр., находится вся Чикойская золотоносная система“ (Верхнеудинскаго округа Забайкальской области) ⁴⁾. То же горный инженеръ Оранскій повторяетъ и въ другомъ своемъ официальном отчетѣ (1889 г.) объ амурской золотопромышленности: въ Чикойской системѣ Забайкальской области, „гдѣ сельское населеніе, имѣя тутъ же подъ руками прииски, ра-

¹⁾ Арх. Канц. Иркут. Горн. Управ. К. 2054, № 70—527.

²⁾ О. О. „Sibirische Briefe“, 1894, S. 240.

³⁾ Ихъ считаетъ также крайне невыгодными для компаній *Levat* въ своемъ сочиненіи: „L'or en Sibirie orientale“, Р., 1897, I, 57, 59, 62—63.

⁴⁾ „Прилож. I къ вып. 1 сборн. офф. док.“, т. VII, отчетъ окружн. рев. Забайк. обл., стр. 27.

ботаетъ на нихъ на золотники, въ свободное отъ прямыхъ своихъ занятій время, этотъ промыселъ является народнымъ" ¹⁾).

Но и на этихъ промыслахъ между владѣльцами пріиска и рабочими являются посредники-подрядчики, эксплуатирующіе рабочихъ и, въ свою очередь, эксплуатируемые своими, болѣе, крупными собратьями.

Въ мѣстности Дарасунскихъ пріисковъ бр. Бутныхъ (Нерчинскаго округа Забайкальской области) подрядчикъ Кл—чъ пригласилъ въ 1892 г. старателя крестьянина Θ—ва съ тѣмъ, чтобы тотъ на его участіе мылъ со своею артелью золото за плату въ 2 р. 50 к. съ золотника, изъ которой однако 50 к. вычиталось, какъ бы за аренду участка. Θ—въ долженъ былъ содержать рабочихъ на своемъ довольствіи, которое обязанъ былъ покупать у того же подрядчика по цѣнамъ, какія будетъ угодно ставить этому послѣднему. Авторъ корреспонденціи, сообщающей эти свѣдѣнія, поясняетъ, что „таксы на товары и продукты ни у одного изъ подрядчиковъ не имѣются вслѣдствіе того, что всѣ они должны получать ихъ изъ пріискаго амбара; поэтому сверхъ цѣны, платимой подрядчиками пріисковому управленію, каждый изъ нихъ болѣе 20% на рубль беретъ еще съ товара себѣ. Продажа же водки рабочимъ ими производится открыто: порція, мѣрой не болѣе $\frac{3}{4}$ сотой (ведра) и крѣпостью не выше 30 градусовъ, уступается рабочимъ отъ 10 до 15 коп. и записывается на разсчетныхъ листахъ подъ названіемъ „разнаго товару“, а болѣе предусмотрительные подрядчики записываютъ въ разсчетные листы“ подъ видомъ спичекъ или махорки. Крестьянинъ Θ., не заключивъ формальнаго договора съ подрядчикомъ, истратилъ свои деньги на наемъ 15 рабочихъ, которымъ онъ выдалъ задатки отъ 35 до 50 р. и приступилъ къ промывкѣ. Разыскавъ порядочное золото, онъ сталъ съ своими рабочими промывать въ день до 50 золот., между тѣмъ какъ подрядчикъ Кл—чъ съ 50 рабочими едва намывалъ отъ 10 до 20 золотниковъ. Чтобы завладѣть участкомъ Θ—ва, подрядчикъ наговорилъ на него управляющему, и Θ—ва удалили. Построенная имъ бутара и вскрытые для промывки пески достались подрядчику; у мѣстной полицейской власти Θ—въ не получилъ никакого удовлетворенія. У другого подрядчика на такихъ же условіяхъ подрядился рабочій пятаеромъ съ товарищами. Послѣ того, какъ онъ проработалъ уже мѣсяцъ, его вызвали въ станичное управленіе по какому-то тяжѣбнымъ дѣламъ. Подрядчикъ не отпускалъ его, но онъ потѣхалъ, боясь ослушаться начальства. По возвращеніи онъ узналъ, что его рабочіе разсчитаны, а промывательные снаряды—американку и вашгердъ—подрядчикъ взялъ себѣ ²⁾).

Плата старателямъ съ золотника производилась на промыслахъ Забайкальской области въ слѣдующемъ размѣрѣ: въ 1879 г. въ Верхнеудинскомъ и Баргузинскомъ округахъ въ среднемъ по 1 р. 92 коп., въ 1880 г. по 1 р. 50 к. Въ 1882 г. на промыслахъ Забайкальской области старатели при хозяйскихъ инструментахъ, снарядахъ и лошадяхъ получали по 1 р. 50 к. за вычетомъ стоимости харчей, отпускаемыхъ ежедневно въ томъ же размѣрѣ, въ какомъ получали ихъ и общекон-

¹⁾ Арх. Ирк. Горн. Упр., дѣло канц., № 39, л. 147/367.

²⁾ „Сибирск. Вѣстн.“, 1892 г., № 123, стр. 4.

трактные рабочіе; обыкновенно считалось, что дневное пропитаніе рабочаго стоило 40—45 к. Въ 1883 г. на промыслахъ Верхнеудинскаго и Баргузинскаго округовъ старатели получали по отчету мѣстнаго горнаго исправника по 2 р.—2 р. 50 к. за золотникъ, а по свѣдѣніямъ, собраннымъ командированнымъ въ Забайкалье чиновникомъ Калагеорги, 1 р. 50 к.—2 р. Въ 1888 г. по официальнымъ отчетамъ плата съ золотника равнялась въ Западно-Забайкальскомъ горномъ округѣ 2 р. 50 к.—3 р., въ 1889 г.—2 р.—3 р. ¹⁾.

Въ Амурской области старатели-золотничники появились лишь въ 1884 г. ²⁾. По словамъ мѣстнаго окружного инженера Оранскаго, золотничный способъ работъ особенно распространился въ 1893 г., и посредствомъ его разрабатывается „огромное число амурскихъ приисковъ“, а именно: Уньинская, Бомская, Хинганская, Джагиндинская системы и часть Зейской. Старательскія работы преобладаютъ въ настоящее время на приискахъ Амурскаго края ³⁾.

Весь путь на приискъ и обратно золотничники совершаютъ на свой счетъ и на своемъ содержаніи. Предложеніе труда превышаетъ спросъ, и потому рабочіе соглашаются на всякія условія лишь бы попасть на приискъ. Такъ по нѣкоторымъ контрактамъ рабочій, желающій быть принятымъ на приискъ въ качествѣ старателя, обязывается пригнать быка и доставить 1½ пуда сухарей: то и другое принимается въ приисковый амбаръ по базарной цѣнѣ жилого мѣста, съ наложеніемъ расходовъ на доставку. Если же рабочему потребуются тѣ же сухари или мясо, то ему отпускаютъ эти припасы уже по цѣнѣ, установленной приисковымъ управленіемъ. Другіе золотничники вносятъ золотопромышленнику въ видѣ залога опредѣленную сумму денегъ ⁴⁾. Золотничники состоятъ на приискѣ на собственномъ продовольствіи и не имѣютъ права запасаться провизіей въ другомъ мѣстѣ, кромѣ приискаго амбара. Если у нихъ окажется остатокъ отъ дорожнаго запаса, то они обязаны сдать его въ амбаръ по низшей цѣнѣ, сравнительно съ приисковой таксой, по которой имъ приходится получать тѣ же запасы изъ приисковой лавки ⁵⁾.

Жилище для себя золотничники на промыслахъ Амурской об-

¹⁾ Арх. Ирк. Горн. Упр. К. 2769, № 58—68, л. 43 об., К. 2767, № 41—49, л. 18 об., К. 2772, № 135—124, л. 492.

²⁾ *Оранскій*. „Краткій очеркъ Амурскаго края въ золотопромышленномъ отношеніи“, 1886 г., стр. 30.

³⁾ *Н. Боголюбскій*. „Описаніе золот. пром. Амурско-Приморскаго края. Прил. къ трудамъ комм. для собр. свѣд. о сиб. золот.“ Спб. 1897, стр. 10.

⁴⁾ „Вост. Обоз.“ 1893 г., № 23, стр. 5, 1895 г., № 41—42, стр. 2.

⁵⁾ „Вост. Обоз.“ 1895 г., № 139, 1893 г., № 43; „Амурская Газета“ 1895 г., № 6, стр. 225.

ласти обыкновенно условливаются построить сами, и это условие имъ сплошь и рядомъ приходится выполнять, такъ какъ они попадаютъ на брошенные или совершенно неразвѣданные пріиски. Помѣщаются золотничники гораздо хуже хозяйскихъ рабочихъ; обыкновенно они строятъ себѣ жилище „на самое короткое время и потому гораздо хуже казармъ урочныхъ рабочихъ. Потолки низкіе, свѣта мало, надъ входною дверью нѣтъ часто навѣса, въ самой казармѣ грязь и темнота“. На нѣкоторыхъ промыслахъ часть золотничниковъ живетъ въ шалашахъ изъ лиственничной коры и парусинныхъ палаткахъ ¹⁾).

Золотничники обязываются въ контрактахъ провести водоотводныя канавы, иногда даже выстроить теплыя промывальни: инструменты и бутары, необходимые для промывки, они должны имѣть свои ²⁾, а за пользованіе хозяйскою лошадію, по нѣкоторымъ контрактамъ, они платятъ по 2 р. въ день. Съ золотничниками работаютъ и ихъ дѣти, иногда моложе 12 лѣтъ ³⁾).

И здѣсь, какъ и въ другихъ мѣстахъ, съ золотничниками, нашедшими обильное золото, не церемонятся и переводятъ ихъ въ другое мѣсто, какъ только они отработали свой долгъ за провизію, а на ихъ мѣсто ставятъ другую артель, состоящую еще въ долгу ⁴⁾).

Наиболѣе обычное вознагражденіе старателей-золотничниковъ въ Амурской области—2 р. 50 к. за золотникъ, рѣже 2 р. 65 к., 2 р. 88 к., 3 р., но денегъ рабочій до окончательнаго расчета требовать не можетъ, а только въ счетъ заработка получаетъ припасы, товары и инструменты изъ пріисковаго амбара. Такъ какъ китайцы, тайные скупщики золота, платятъ на Амурѣ отъ 4 р. до 4 р. 75 к. за золотникъ и такъ какъ по близости пріисковъ всегда шныряютъ спиртопосы и тайные скупщики, то понятно, что весьма значительная часть золота не сдается золотничниками въ промысловыя конторы ⁵⁾).

Припасы отпускаются пріисковымъ рабочимъ иногда по неизвѣрно высокимъ цѣнамъ. По даннымъ, приводимымъ г. Оранскимъ, на одной изъ золотоносныхъ системъ Амурской области, мука яричная отпускалась рабочимъ по 5 р. 20 к. за пудъ, сѣянка 6 р. 40 к., крупчатка 8 р. 80 к., сахаръ 18 р., рисъ 12 р., мясо свѣжее и соленое 10 р., скоромное масло 30 р., соль 6 р., крупа гречневая 6 р. 50 к. и стеариновыя свѣчи 24 р. за пудъ. Сравнивъ съ цѣнами въ Благовѣщенскѣ и принявъ во вниманіе стоимость провоза въ эту систему (зи-

¹⁾ „Приам. Вѣд.“ 1894 г., № 26--27; *Н. Боголюбскій*, 76, 78, 79.

²⁾ По окончаніи работъ, инструменты, забранные изъ пріисковыхъ амбаровъ, рабочіе сдаютъ обратно за полцѣны.

³⁾ *Н. Боголюбскій*, 81, 114.

⁴⁾ „Амурская Газета“ 1895 г., № 6, стр. 225.

⁵⁾ *Бацевичъ*, стр. 152—153.

мою 1 р. 80 к. за пудъ), окажется, по свидѣтельству г. Оранскаго, что владѣлецъ пріиска при продажѣ припасовъ своимъ рабочимъ-золотничникамъ выручалъ барыша съ пуда муки 2 р. 30 к. до 4 р. 20 к. (79—145⁰/о), сахара 8 р. 20 к. (84⁰/о), рису 4 р. 20 к. (54⁰/о), маса 4 р. 90 к.—5 р. 60 к. (96—127⁰/о), масла 14 р. 20 к. (90⁰/о), соли 3 р. (100⁰/о), крупы 3 р. 50 к. (117⁰/о), свѣчей 10 р. 20 к. (74⁰/о) ¹⁾. „При такихъ условіяхъ“, продолжаетъ г. Оранскій, „не трудно быть золото-промышленникомъ, но можетъ-ли рабочій вынести что-нибудь изъ тайги, хотя бы онъ работалъ и на пріискѣ даже съ хорошимъ содержаніемъ золота? Конечно денегъ не вынесетъ, но вынесетъ золото, которое при-нужденъ утаить, а если это ему не удастся, то вернется домой нищимъ“. Такіе порядки порождаютъ „не мало пролетаріевъ, погнавшихся за легкой наживою въ тайгѣ“. Положеніе золотничниковъ крайне неопредѣленно, иногда даже безвыходно. „Операціонный заработокъ ихъ опредѣлить трудно, такъ какъ онъ прямо зависитъ отъ намытаго ими, сданнаго въ контору и утаеннаго золота“, но если владѣлецъ пріиска не получаетъ вовсе или получаетъ мало золота отъ своихъ золотничниковъ, то онъ можетъ отказать имъ въ выдачѣ провизіи. Немалая часть заработка у нѣкоторыхъ золотопромышленниковъ выманивается у рабочихъ и посредствомъ продажи спирта за баснословныя цѣны.

За разные проступки—пьянство, буйство, невыходъ на работу, картежную игру и т. п.—по договорамъ золотничниковъ съ хозяевами, назначаются штрафы. Такъ по одному контракту за каждый такой проступокъ назначенъ штрафъ по 5 р. и кромѣ того арестъ при казачьей; за самовольную отлучку на другой пріискъ—10 р. и арестъ. Хозяинъ могъ также всегда расчитать рабочаго по своему усмотрѣнію не только за какой-либо проступокъ, но, по нѣкоторымъ договорамъ, всегда по минованіи въ немъ надобности ²⁾.

Золотничная работа—работа издѣльная и разиѣръ заработка зависитъ отъ количества добытаго въ немъ золота; поэтому, по свидѣтельству мѣстныхъ наблюдателей, золотничная работа напряженнѣе и изнурительнѣе хозяйской. Дурныя жилища и изнурительная работа порождаютъ частую заболѣваемость среди золотничниковъ: инфлуэнца, брюшной тифъ, дезинтерія—явленія между ними обычныя ³⁾. А между тѣмъ у мелкихъ золотопромышленниковъ сплошь и рядомъ не только нѣтъ своихъ больницъ, но и фельдшера, и потому медицинскую помощь рабочимъ удается получить только на сосѣднихъ крупныхъ про-

¹⁾ „Приам. Вѣдом.“ 1894 г., № 26—27. См. друг. таксу въ „Вѣстн. Золотопр.“ 1896 г. № 22, стр. 398; срав. *Н. Боголюбскій*, 39—40, 115.

²⁾ „Вост. Обоз.“ 1895 г., № 139, стр. 3; срав. *Н. Боголюбскій*, 42, 77.

³⁾ „Амур. Газета“ 1896 г., № 4, стр. 110.

мыслахъ. Но нѣкоторые золотопромышленники обязывались бесплатно дѣлать золотничниковъ ¹⁾.

Возвращаются золотничники изъ тайги какъ хотятъ, такъ какъ компаніи не были обязаны давать имъ ни лодокъ, ни пароходовъ ²⁾.

На Хабаровскомъ сѣздѣ 1893 г. Горное отдѣленіе указало на то, что „вслѣдствіе отсутствія какихъ-либо правилъ относительно работы золотничниковъ на однихъ пріискахъ заключаются опредѣленные контракты, и работы ведутся строго и толково, тогда какъ на другихъ царствуетъ полная путаница и злоупотребленія, напримѣръ, расчитываютъ за золото спиртомъ, отказываютъ совершенно въ продовольствіи, а съ другой стороны золотничники вымещаютъ хозяину пріиска“. Поэтому Горное отдѣленіе, между прочимъ, предложило: 1) выработать обязательныя для золотничниковъ постановленія и 2) вводить въ условія съ хозяевами выдачу золотничникамъ продовольствія наравнѣ съ урочными рабочими ³⁾.

Артели золотничниковъ нанимаются не только у разныхъ компаній и отдѣльных золотничниковъ, но и у подрядчиковъ. Верхнеамурская К^о сдаетъ площади, гдѣ уже производились хозяйскія работы, но гдѣ есть мѣста, пригодныя для старательскихъ работъ, на стараніе подрядчикамъ, которыми являются преимущественно служащіе, прослужившіе много лѣтъ, и такъ какъ это имѣетъ видъ награды за продолжительную службу, то компанія платитъ въ этомъ случаѣ болѣе высокую цѣну за золото. Подрядчикъ нанимаетъ старателей, размѣщаетъ ихъ на назначенномъ ему участкѣ, надзираетъ за работами, снабжаетъ припасами и ведетъ съ ними всѣ расчеты; компанія же знаетъ одного только подрядчика: отъ него получаетъ золото, съ нимъ расчитывается. „Въ Зейской К^о стараніе поставлено иначе: тамъ дѣло ведется тоже черезъ подрядчиковъ, которыми въ большинствѣ случаевъ являются артельщики отдѣльных артелей, будь то русскіе, китайцы или корейцы, и цѣна на старательское золото ниже цѣны Верхнеамурской К^о, такъ какъ здѣсь некого награждать и не зачѣмъ давать лишній полтипникъ. Въ Верхнеамурской К^о подрядчики сами являются какъ бы мелкими золотопромышленниками, Зейская же К^о поставила старательскія работы на ту же точку, на какой онѣ стоятъ у обыкновенныхъ мелкихъ промышленниковъ, имѣющихъ свои собственные пріиски“ ⁴⁾.

Если старатель-золотничникъ работаетъ отъ подрядчика, то изъ платы за золотникъ золота въ 2 р. 50 к. только 2 р. идетъ старателю, а 50 к.—золотничнику.

¹⁾ Н. Боголюбскій, 41, 76.

²⁾ „Приам. Вѣд.“ 1894 г., № 26—27.

³⁾ „Труды III Хабаровскаго сѣзда. Обраб. Крюковъ“. Хаб. 1893 г., стр. 73.

⁴⁾ „Вѣстн. Золот.“ 1896 г., № 3, стр. 53.

Среди золотничниковъ на амурскихъ промыслахъ находится весьма значительное количество китайцевъ и корейцевъ ¹⁾. Въ прежнее время на приискахъ Амурской области ихъ почти вовсе не было. По словамъ г. Оранскаго, въ 1884 г. артели китайцевъ были нанаты на прииски Зейской и Ниманской КК^о, однако, опытъ былъ неудаченъ. „Но зимою 1890—91 г. распространились слухи о баснословномъ богатствѣ (золота) въ системахъ рѣкъ Бомъ, Уньи и ихъ притоковъ. Эти слухи проникли очень скоро на прииски всѣхъ системъ Амурской области, и началось усиленное движеніе на Бомъ, Унью, Гилюй и въ другія мѣстности; словомъ, началось непримѣрное по своимъ размѣрамъ восточно-сибирскаго золотого дѣла хищничество. Само собою понятно, что при такихъ условіяхъ владѣльцамъ приисковъ сдѣлалось уже труднѣе нанимать къ себѣ рабочихъ на такіе прииски, гдѣ заработки незначительны. Особенно это было трудно для мелкихъ золотопромышленниковъ, которые, владѣя бѣдными приисками, могли разрабатывать ихъ только золотничнымъ способомъ. Если прежде золотничникъ работалъ охотно на приискѣ, гдѣ содержаніе золота, положимъ, 40 долей, то теперь эти доли уже не привлекали его, такъ какъ ему представлялась возможность отправиться на вольный промыселъ и заработать больше; этому способствовала еще перспектива полной свободы, при которой онъ могъ работать. Послѣ этого мелкимъ золотопромышленникамъ оставалось одно средство: обратиться къ китайцамъ и корейцамъ, которые притомъ менѣе требовательны, и трудъ которыхъ оплачивается дешевле, сравнительно съ нашими рабочими. На прииски, напримѣръ, Хинганской системы нашъ рабочій не шелъ, а китаецъ довольствовался и тѣми 30—40 р., которые могъ заработать въ теченіе операціи. Въ этой системѣ прииски, за исключеніемъ одного, разрабатываются китайцами и корейцами, при чемъ они, безъ всякаго участія владѣльцевъ, строятъ себѣ помѣщенія, проводятъ водоотводныя канавы, не протестуютъ, когда имъ запрещаютъ выхватывать на приискѣ мѣста съ хорошимъ содержаніемъ золота, а разрабатываютъ и бѣдные... Развѣдка одного изъ приисковъ дала такіе плачевные результаты, что владѣльцы рѣшились отпустить его въ казну; но въ 1893 г. пришли китайцы, попробовали въ одномъ-другомъ мѣстѣ, и тамъ, гдѣ развѣдочные шурфы обнаружили только слѣды золота или же считались пустыми, китайцы нашли возможность работать... Производительность нашего рабочаго больше, правда, производительности китайца, но для владѣльца прииска безразлично, получить ли онъ золотникъ золота отъ одного нашего золотничника, или отъ двухъ китайцевъ“. — „Можно безошибочно сказать“, утверждаетъ г. Оранскій, „что третья часть полученнаго въ 1893 г. (въ Амурской

¹⁾ Мѣстами есть и туагусы. *Н. Боголюбскій*, 57.

области) золота добыта корейцами и китайцами". Всѣ эти китайцы и корейцы—золотничники: урочныхъ рабочихъ среди нихъ нѣтъ ¹⁾).

Въ 1894 г. на пріискахъ одной Хинганской системы работало до 3000 китайцевъ ²⁾. По словамъ г. Оранскаго, послѣ того, какъ „хищничество уже нѣсколько стѣснено и освободило много рабочихъ руей, нерѣдко приходится слышать выраженія неудовольствія со стороны нашихъ рабочихъ, что имъ остается „хоть умирать съ голоду“, такъ какъ китайцы и корейцы завладѣли пріисками. Такія заявленія можно слышать особенно часто на зимовьяхъ по дорогѣ на Бомъ и Унью. Я рѣшаюсь“, продолжаетъ г. Оранскій, „предсказать столкновение въ будущемъ“ (между русскими и китайцами), „если число рабочихъ китайцевъ будетъ прогрессивно увеличиваться... Чрезвѣрный наплывъ китайцевъ на наши промыслы крайне нежелателенъ и долженъ быть ограниченъ“ ³⁾. Указанія мѣстныхъ наблюдателей были приняты во вниманіе, и въ 1894 г., высшею администраціе Приамурскаго края было сдѣлано распоряженіе, чтобы число китайскихъ работниковъ не превышало 50% общаго числа рабочихъ на пріискахъ. Тѣмъ не менѣе приливъ китайцевъ и корейцевъ на пріиски Амурской области не ослабѣваетъ ⁴⁾.

Китайцы путешествуютъ на пріиски Амурской области на лодкахъ, частью пѣшкомъ, а нѣкоторые, болѣе зажиточные, на пароходахъ. Идущіе пѣшкомъ испытываютъ страшныя лишенія и рискуютъ умереть голодною смертію ⁵⁾. Каждый маньчжуръ или кореецъ, пришедшій въ пріисковый раіонъ, не имѣетъ почти никакой возможности непосредственно получить работу: онъ вынужденъ обратиться къ одному изъ кулаковъ-подрядчиковъ, также маньчжuru или корейцу. Такіе подрядчики, накормивши голодныхъ рабочихъ, составляютъ изъ нихъ артели и отправляютъ работать на пріиски, взимая плату за посредничество или немедленно, или вычитая ее впослѣдствіи изъ заработка. Есть под-

¹⁾ „Приам. Вѣд. 1894 г., № 26, Прилож. стр. 5—6; № 27, Прил. стр. 4.

²⁾ „Приам. Вѣд.“ 1894 г. № 36, стр. 13; „Вѣстн. Золот.“ 1894 г., № 15, стр. 289. Кромѣ названныхъ выше системъ, китайцы золотничники работаютъ въ Джалиндинской и отчасти въ Зейской. „Вѣстн. Золот.“ 1895 г., № 23, стр. 394, 1897 г., № 4, стр. 82.

³⁾ „Приам. Вѣд.“ 1894 г. № 27; Прилож. стр. 5. „Еще на второмъ Хабаровскомъ сѣздѣ было рѣшено китайцевъ и корейцевъ къ работамъ на золотыхъ пріискахъ не допускать, но тутъ же указывали, что пришлось бы сдѣлать исключеніе для Южно-уссурійскаго края, гдѣ подобное запрещеніе было равносильно воспрепятствію самаго промысла, потому что доставка рабочихъ туда обошлась бы слишкомъ дорого“. *Надаровъ*. „Второй Хабар. сѣздъ 1886 г.“ Владив., стр. 19, 41—45; ср. „Амур. Газ.“ 1895 г., № 17, стр. 586.

⁴⁾ „Вѣстн. Золот.“ 1897 г., № 4, стр. 82.

⁵⁾ „Вѣстн. Золот.“ 1894 г., № 15, стр. 288; „Амурская Газета“ 1895 г., № 23, стр. 809.

рядчики, въ распоряженіи которыхъ находятся сотни рабочихъ, разсѣянныхъ чуть не по всей системѣ; у такихъ есть свой штатъ служащихъ, своя контора, гдѣ ведутся расчеты съ отдѣльными артелями.

Маньчжурскія или корейскія артели составляютъ въ большинствѣ случаевъ изъ 10 человѣкъ; въ Зейской системѣ добываемое ими золото дѣлится на 11 частей, изъ которыхъ одна составляетъ пай подрядчика, и кромѣ того онъ удерживаетъ съ каждаго золотничника около 25 к. Подрядчикъ наживается еще на припасахъ, снабжая ими рабочихъ на такихъ промыслахъ, гдѣ золотопромышленникъ самъ не въ состояніи это сдѣлать; это практикуется даже на пріискахъ Зейской К°. Подрядчикъ хорошо знаетъ пріиски всей системы, гдѣ производятся старательскія работы, и если артель задолжаетъ на одномъ пріискѣ, онъ постепенно, по одному человѣку, переводитъ ее на другой и такимъ образомъ даетъ имъ возможность отработать долгъ, который принялъ на себя. Сплошъ и рядомъ весь заработокъ, за исключеніемъ расхода на пищевое довольствіе, незначительнаго при низкомъ уровнѣ потребностей маньчжуръ и корейцевъ, остается въ рукахъ подрядчиковъ ¹⁾.

Приступая къ работѣ, рабочіе-маньчжуры роютъ ямы, которыя на бумагѣ носятъ названіе „камерныхъ вымоковъ“. „Пройдя торфа, начинаютъ добывать пласть во всѣ 4 стороны, копаясь, какъ кроты, подъ толстымъ пластомъ торфовъ. Если золото окажется подходящимъ, работа продолжается, въ противномъ же случаѣ закладывается другая, третья яма, и если въ нихъ мало золота,—въ убыткѣ останутся только рабочіе. Промывка песковъ большею частью производится на лоткахъ и рѣдко на бутарахъ или американкахъ“. Китайцы отличаются замѣчательною трезвостью и трудолюбіемъ ²⁾. Плата за золото полагается отъ 2 р. 50 к. до 2 р. 90 к. за золотникъ, изъ которыхъ около 50 к. идетъ въ пользу подрядчика ³⁾.

Какъ и всѣ золотничники, китайцы работаютъ на своихъ харчахъ. Потребности ихъ чрезвычайно скромны, и они нерѣдко питаются исключительно зеленью, будю или рисомъ. Кромѣ того они забираютъ изъ амбаровъ мясо, свинину, рыбу, маньчжурскій табакъ. Подрядчики берутъ съ китайцевъ за припасы дороже, чѣмъ назначено по пріисковой таксѣ, иногда на 50%. Такъ, напримѣръ, рыба соленая и вяленая по пріисковой таксѣ цѣнится въ 4 р. за пудъ, а подрядчикъ беретъ съ китай-

¹⁾ „Амур. Газ.“ 1895 г., № 23, стр. 812, № 25, стр. 880; „Вѣстн. Золот.“ 1896 г. № 22, стр. 398 (изъ „Амур. Газ.“).

²⁾ „Амур. Газ.“ 1895 г., № 23, стр. 814, № 18, стр. 645.

³⁾ „Вѣстн. Золотопром.“ 1894 г., № 15, стр. 288; „Амур. Газ.“ 1895 г., № 24, стр. 815.

цевъ 6 р. ¹⁾. Мелкіе золотопромышленники, не имѣющіе возможности отпускать припасы золотничникамъ изъ своего амбара, берутъ съ нихъ обязательство, что они будутъ сами себя пропитывать. По нятно, что подобныя условія приходится включать въ свои договоры мелкимъ предпринимателямъ, если даже въ Зейской К^о иной разъ чувствовался недостатокъ въ мясѣ, и на артель въ 10 человекъ корейцевъ и маньчжуръ выдавалось на двѣ недѣли пудъ мяса и столько же муки, рису и другихъ припасовъ; маньчжуры мирились съ этимъ и безропотно работали голодными. Въ 1895 г. на Хинганскихъ пріискахъ въ магазинахъ Т-ва Рубинова запасы хлѣба истощились, почему золотничковъ-китайцевъ стали рассчитывать и отправлять въ ближайшую станцію на Амуръ; они толпами уходили туда, покупали тамъ для себя рисъ и буду и возвращались на пріиски, неся на себѣ иногда до 3-хъ пудовъ припасовъ на человека ²⁾.

Золотничники-китайцы сплошь и рядомъ живутъ въ землянкахъ или шалашахъ, но во всякомъ случаѣ ихъ жилища, по словамъ г. Оранскаго, „поражаютъ своею чистотою сравнительно съ помѣщеніями нашихъ рабочихъ. У каждаго китайца чистенькая постель“, состоящая изъ войлока или тюфяка и одѣяла; „казарма содержится опрятно, хотя въ ней и нѣтъ женщинъ, на обязанности которыхъ лежитъ забота о чистотѣ въ казармахъ нашихъ рабочихъ. Подобное явленіе объясняется тѣмъ, что рабочіе-китайцы на пріискахъ почти независимы отъ пріисковаго управленія. Получая задѣльную плату, они выходятъ на работу тогда только, когда имъ вздумается; въ дождливое время китайцы сидятъ преспокойно дома, и никакія просьбы не въ состояніи склонить ихъ къ работѣ; такимъ образомъ въ китайскихъ казармахъ нѣтъ того отвращающаго воздуха, который является слѣдствіемъ просушиванія мокраго платья нашихъ рабочихъ; да и платья этого и обуви у китайцевъ гораздо меньше, такъ какъ они работаютъ совершенно нагіе въ однихъ брюкахъ (или даже безъ нихъ) и всегда притомъ безъ обуви“ ³⁾. Корейцы живутъ грязнѣе китайцевъ и также отдѣльно отъ другихъ рабочихъ ⁴⁾.

Заработки китайцевъ золотничниковъ ничтожны, и по-неволѣ пополненіемъ ихъ служитъ кража золота. „Воровство золота производится въ большихъ размѣрахъ; рабочій-маньчжуръ, задолжавши своему артельщику и подрядчику, маньчжuru же, платитъ ему за свое продовольствіе накраденнымъ золотомъ или отработываетъ на болѣе выгодной работѣ.

¹⁾ „Вѣстн. Золот.“ 1896 г., № 22, стр. 898; 1894 г., № 15, стр. 288.

²⁾ „Амур. Газ.“ 1895 г., № 23, ст. 812, 814; *Н. Боголюбскій*, 183.

³⁾ *Оранскій*. „Краткій очеркъ Амур. края въ золотопром. отношеніи“. Томскъ. 1886 г., стр. 30; *Н. Боголюбскій*, 159, 181.

⁴⁾ „Приам. Вѣд.“ 1894 г., № 27, прил. стр. 3.

Попавъ разъ въ тайгу и работая при такихъ условіяхъ, онъ вѣчно находится въ кабалѣ, вѣчно долженъ подрядчику и никогда ничего заработать не можетъ, силы его отъ постоянной голодовки падаютъ, и вы встрѣтите десятки такихъ рабочихъ, которые обезсиленные перекочевываютъ съ приска на прискъ и, будучи не въ состояніи работать, кормятся послѣдовательно у болѣе счастливыхъ артелей“ ¹⁾. Немудрено, что маньчжуры десятками просятъ подаванія, иногда бѣгутъ съ присковъ или даже рѣшаются, какъ было на одномъ изъ присковъ Хингана, поколотить казака, ихъ притѣснявшаго ²⁾.

До сихъ поръ мы говорили о положеніи золотничниковъ на промыслахъ частныхъ золотопромышленниковъ, теперь переходимъ къ кабинетскимъ прискамъ въ Алтайскомъ и Нерчинскомъ округахъ.

Въ 1873 г. кабинетскіе золотые промыслы на Алтай перестали разрабатываться на средства Кабинета и переданы были старателямъ-золотничникамъ за извѣстную плату съ золотника. Старатели еще ранѣе появились на этихъ промыслахъ. Въ 1865 г. на 4 промыслахъ, на которыхъ работы производились Кабинетомъ ³⁾, было получено 19 п. 2 ф. 55 з. шлиховаго золота, „сверхъ того старателями съ платою по-золотнично, на оставленныхъ и частью на дѣйствующихъ промыслахъ“ ⁴⁾ получено было 8 п. 15 ф. 12 з. золота, которое слѣдовательно составляло почти треть общаго количества золота, добытаго въ этомъ году на кабинетскихъ промыслахъ на Алтай ⁵⁾. Въ 1866 г. старателями было добыто „на оставленныхъ и частью на дѣйствующихъ промыслахъ“ 6 п. 35 ф. 76 з. шлиховаго золота ⁶⁾.

Въ 1871 г. былъ составленъ „проектъ правилъ на казенную старательскую добычу золота на Егорьевскомъ промыслѣ и въ окрестностяхъ его“. Этотъ проектъ разсматривался въ Алтайскомъ Горномъ Правленіи и затѣмъ въ январѣ 1871 г. былъ представленъ въ Кабинетъ и утвержденъ имъ; правила эти дѣйствовали еще въ 1891 г. По этимъ правиламъ къ старательской добычѣ золота въ золотоносныхъ мѣстностяхъ Алтайскаго округа, остающихся въ непосредственномъ распоряженіи Кабинета, могли быть допущены всѣ лица свободного со-

¹⁾ „Амур. Газ.“ 1895 г., № 23, стр. 814.

²⁾ „Амур. Газ.“ 1895 г., № 23, стр. 813; „Вост. Обоз.“ 1895 г., № 47, „Приам. Вѣд.“ 1894, № 27, прил. стр. 5.

³⁾ Царево-Александровскомъ, Царево-Маріинскомъ, Яковлевскомъ и Николаевскомъ.

⁴⁾ Царево-Александровскомъ, Егорьевскомъ, Царево-Николаевскомъ и Спасскомъ.

⁵⁾ Въ предыдущемъ 1864 г. старателями было добыто 5 п. 16 ф. 80 зол. шлиховаго золота—менѣе $\frac{1}{4}$ всего количества.

⁶⁾ Архивъ Главн. Управ. Алтайск. Горн. округа. „Изложеніе Горн. Совѣта“ 1865 г., л. 22 об., 1866 г., л. 23 об., „Вѣд. Горн. Сов.“ 1866 г., л. 131. „Излож. Гор. Сов. 1867 г., л. 28.

стоянія, за исключеніемъ ссыльно-поселенцевъ. Завѣдывать старательской добычей золота долженъ былъ смотритель, опредѣляемый Алтайскимъ Горнымъ Правленіемъ, въ распоряженіи котораго находились объѣзчики. Старатели должны были находиться на собственномъ продовольствіи. Они составляютъ артели не менѣе 10 человекъ; каждая изъ нихъ выбираетъ изъ среды своей старшаго, который сдаетъ золото за всю артель и получаетъ расчетъ или вписываетъ сданное золото въ расчетный листикъ, выданный ему смотрителемъ, а также получаетъ необходимые припасы и инструменты. По расчетному листику старшій рассчитываетъ свою артель; на отвѣтственности его лежитъ правильность сдачи золота, и онъ отвѣчаетъ въ случаѣ его утайки. Всѣ артели вмѣстѣ избираютъ двухъ выборныхъ, а смотритель старосту, которые и составляютъ втроемъ артельную расправу. Старателямъ строго воспрещалось ввозить на приски вино и предметы роскоши для торговли ими, и дозволялся лишь ввозъ необходимыхъ жизненныхъ припасовъ и инструментовъ для работъ. На мѣстѣ, избранномъ артелью, смотритель отводилъ для разработки участки, который не долженъ былъ превышать одной куб. сажени песковъ на каждого человека. Если участокъ окажется невыгоднымъ для работы, то артель имѣла право требовать отвода другого. Артель не могла зарабатывать въ участокъ другой артели, въ противномъ случаѣ по приговору выборныхъ и старосты старшій подвергался наказанію, а изъ сданнаго золота покрывался убытокъ, понесенный другою артелью ¹⁾.

Съ этого времени на алтайскихъ кабинетскихъ промыслахъ добывалось незначительное количество золота ²⁾.

Мы почти не имѣемъ свѣдѣній о числѣ старателей-золотничниковъ на кабинетскихъ промыслахъ этого округа. Въ 1887 г. на 3 прискахъ, разрабатывавшихся старателями (Егорьевскомъ, Салаирскомъ и по системѣ Катуні) было 597 ч. рабочихъ ³⁾. Въ 1893 г. Егорьевскій промыселъ (въ Кузнецкомъ и Барнаульскомъ округахъ), Калячинскій ⁴⁾ и Быстринскій (въ Війскомъ округѣ) разрабатывались артельными старателями отъ управленія округа, а отчасти и хозяйственными работами и наконецъ Салаирскій прискъ—золотничниками; на всѣхъ этихъ промыслахъ было 808 ч. рабочихъ, въ томъ числѣ на Егорьевскомъ 505 ч. и на Салаирскомъ 162 ⁵⁾. „Работы ведутся“ на Салаирскомъ кряжѣ

¹⁾ Арх. Глав. Управ. Алт. Горн. Окр., дѣло 1870 г. № 5955—11, л. 161—163.

²⁾ См. *Дополненіе XXIV*.

³⁾ „Горнозав. произв. Россіи за 1887 г.“.

⁴⁾ См. о немъ „Сибир. Газета“ 1885 г. № 32, стр. 322; „Сиб. Вѣсти.“ 1885 г. № 14, стр. 7.

⁵⁾ „Вѣсти. Золот.“ 1894 г., № 13, стр. 251; „Горноз. произв. Россіи за 1893 г.“, стр. 82.

„преимущественно такъ называемыми *печурами*, т.-е. узкими и низкими подземными не ходами, а норами, которыми вынимается богатѣйшая часть россыпей; затѣмъ старыя печуры обваливаются или затопляются, и значительная часть россыпей дѣлается непригодной для дальнѣйшей обработки. Промывка песковъ производится на маленькихъ, на скорую руку сколоченныхъ вашгердахъ“ ¹⁾. Во время посѣщенія Салаирскаго рудника 1891 г. я не рѣшился спуститься въ такую „печуру“, такъ какъ работа производилась въ мягкой, грязной почвѣ. Воздухъ внутри, надо полагать, былъ очень тяжелый, судя по тому, что рабочіе просили у управляющаго прискомъ машины, которая могла бы вентилировать подземные ходы. Промывка золота производилась не только на самыхъ первобытныхъ вашгердахъ, но и на болѣе устроенныхъ, называемыхъ станками.

Старатели получали плату съ золотника золота въ 1877—78 гг. по 1 р. 50 к. ²⁾. Въ ноябрѣ 1879 г. министръ Двора разрѣшилъ увеличить плату до 2 руб. съ золотника; плата эта производилась и въ 1881 г. ³⁾. Въ 1885 г. на Салаирскомъ прискѣ старателямъ-золотничникамъ платили 2 р. 30 к.—2 р. 50 к., а на Каянчинскомъ—по 2 р. 50 к. ⁴⁾. Въ 1886 г. на Егорьевскомъ промыслѣ плата равнялась 3 р. ⁵⁾. Такое же вознагражденіе получали золотничники на алтайскихъ кабинетскихъ промыслахъ и въ 1889 г. Въ 1891 г. въ Салаирскомъ рудникѣ старателямъ платили по 2 р. 60 к. за золотникъ, а въ 1893 г. плата на кабинетскихъ промыслахъ равнялась 2 р. 88 к. ⁶⁾.

Желая нѣсколько повысить свой заработокъ, старатели-золотничники стремились продать золото тайкомъ не въ Кабинетъ, а мелкимъ золотопромышленникамъ по правую сторону рѣки Томи. Въ 1881 г., когда Кабинетъ давалъ имъ по 2 р., отъ частныхъ золотопромышленниковъ они получали при такой тайной продажѣ по 3 р. за золотникъ; въ 1886 г., когда Кабинетъ платилъ 3 р., скупщики давали 4 р. 50 к. за золотникъ ⁷⁾.

Иногда старателямъ золотничникамъ выпадалъ недурной заработокъ: при открытіи въ 1885 г. богатой россыпи близъ с. Каянчи (Бійскаго округа) заработокъ равнялся 100—150 р., дохода иной разъ въ

¹⁾ „Сиб. Вѣстн.“ 1887 г., № 31.

²⁾ Арх. Глав. Управ. Алтайск. Горн. Окр. „Журн. Горн. Совѣта“ 1878—79 гг.

³⁾ Арх. Глав. Упр. Алт. Горн. Окр., св. 6352, л. 74; „Сибирь“ 1881 г., № 20, стр. 6, 1882 г., № 18, стр. 5.

⁴⁾ „Сибир. Вѣстн.“ 1885 г. № 29, стр. 2, № 14, стр. 7; „Сибир. Газ.“ 1885 г. № 32, стр. 822.

⁵⁾ „Сиб. Вѣстн.“ 1886 г., № 77, 1887 г., № 31.

⁶⁾ „Журн. Горн. Сов.“ 1889 г.; „Вѣстн. Золот.“ 1894 г., № 13, стр. 251.

⁷⁾ „Сибирь“ 1881 г., № 20, стр. 6; „Сиб. Вѣстн.“ 1887 г., № 31.

сутки до 5—6 р.¹⁾ На Егорьевскомъ промыслѣ въ 1886 г. на одномъ богатомъ золотомъ мѣстѣ работало до 60 артелей, заработокъ которыхъ доходилъ до 3—5 и иногда даже 11 руб. за 5—6 часовъ въ день работы каждому человѣку. Мастеровому, первому напавшему на эту россыпь, было отведено для добычи золота 70 саж., остальнымъ по 2 саж. на человѣка. По другимъ свѣдѣніямъ золотничники зарабатывали здѣсь по 15—30 р. и болѣе въ недѣлю на своихъ харчахъ, хозяйскіе же рабочіе получали 12—15 р. въ мѣсяцъ на готовыхъ харчахъ²⁾.

Наканунѣ моего пріѣзда въ Салаирскій рудникъ въ 1891 г. артель рабочихъ нашла самородокъ золота въ 1 ф. 19 з. Она состояла первоначально изъ 12 человѣкъ, но такъ какъ долго не удавалось найти золото, то 6 рабочихъ оставили артель, а остальные получили за самородокъ по 50 съ лишкомъ рублей каждый (за весь самородокъ, по 2 р. 65 к. за золотникъ, приходилось 304 р. 75 к.). Но такая пожива бываетъ рѣдко. Золотопромышленность на Салаирѣ имѣетъ характеръ скорѣе подсобнаго промысла при рудничныхъ работахъ, чѣмъ самостоятельнаго занятія. Когда нѣтъ другихъ работъ, рудниковые рабочіе начинаютъ бродить въ поискахъ за золотомъ; иной разъ долго не находятъ его, а потомъ нападаютъ на золото и зарабатываютъ обыкновенно отъ нѣсколькихъ гривенниковъ до 1 р. 40 к., въ сутки, но время, затраченное на поиски, остается безъ вознагражденія.

На Нерчинскихъ кабинетскихъ промыслахъ также допускались къ работамъ артели старателей-золотничниковъ³⁾, но въ послѣднее время Кабинетъ имѣетъ дѣло не съ самостоятельными артелями, а съ подрядчиками.

„При установившейся въ послѣдніе семь лѣтъ системѣ“, говоритъ г. Герасимовъ, „изъ 120 до 125 п. годовой добычи золота средствами Кабинета около 50 п. вымывать работами, такъ называемыми, подрядными, чрезъ особыхъ подрядчиковъ, съ платою имъ до 3 р. 25 к. съ золотника шихового золота, экономическое и нравственное положеніе вырабатывающей эти 50 п. рабочей команды вызываетъ нижеслѣдующія явленія. Полносилые рабочіе къ подрядникамъ не нанимаются; болѣе слабая команда работаетъ у нихъ за плату съ золотника, перемываетъ старые отвалы, подрѣзаетъ борта выработанныхъ разрѣзовъ, если на этихъ бортахъ не имѣется отваловъ, разрабатываетъ небольшіе дѣлки на прискахъ, частью выработанныхъ, частью вновь заложённыхъ. Переносы работъ съ одного мѣста на другое у подрядчиковъ случаются часто, что вынуждаетъ рабочихъ проживать въ шалашахъ или ежедневно переходить значительное разстояніе отъ казармъ на работы и обратно. Плата, производимая рабочимъ на подрядныхъ работахъ, значительно ниже 3 руб. съ золотника; къ тому же подряд-

¹⁾ „Сибир. Газ.“ 1885 г., № 32, стр. 822.

²⁾ „Сибир. Вѣстн.“ 1886 г., № № 77, 91.

³⁾ *Балашевъ*. „Письма изъ Приаргуны“. „Сборн. газ. Сибирь“ т. I, 1876 г., стр. 251; „Владивостокъ“ 1887 г., № 5, стр. 4.

чики, снабжая рабочихъ товарными предметами для одежды, обуви и продовольственными продуктами, накладываютъ на товары и продукты значительный коммисіонный процентъ. Всѣ эти неблагоприятныя обстоятельства, сокращая заработки рабочихъ, нанимающихся у подрядчиковъ, сравнительно съ заработками на прискахъ, производимыхъ хозяйственными работами, невольно подвигаютъ золотничниковъ-рабочихъ сбывать часть добываемаго ими золота у подрядчиковъ посторонними лицами для перепродажи въ гг. Кяхту или Айгунъ. Подобной эксплуататорской зависимости рабочихъ людей отъ подрядчиковъ возможно было бы избѣжать, составляя изъ рабочихъ артели, которымъ съ круговою ответственностью надлежитъ передавать разработку тѣхъ площадей, которыя не заслуживаютъ хозяйственныхъ работъ отъ мѣстнаго управленія и притомъ съ обязательствомъ, чтобы часть рабочихъ артелей съ ихъ семьями селились на прискахъ и имъ отводились соответственные земельныя угодья подъ усадьбы, выгонъ, для посѣва хлѣба и для поставки сѣна съ частью лѣсной площади. Такое постепенное заселеніе отработываемыхъ золотыхъ присковъ и вновь закладываемыхъ, независимо заселенія пустующихъ нынѣ земель, образовало бы со временемъ готовый штатъ горныхъ рабочихъ для развѣдокъ, разработки въ окрестныхъ, къ этимъ поселеніямъ, мѣстностяхъ россыпей и коренныхъ мѣсторожденій золота...

Что артельного хозяйства достигнуть постепенно возможно,—доказываютъ примѣры существующихъ артелей мастеровыхъ и рабочихъ людей Пермскаго горнаго округа и Абаканскаго чугуножелезнаго завода въ Минусинскомъ округѣ¹⁾.

Вполнѣ сочувствуя мысли г. Герасимова, бывшаго начальника Нерчинскаго округа, о предоставленіи разработки золотыхъ промысловъ не подрядчикамъ, а самимъ рабочимъ-золотничникамъ, мы считаемъ только нежелательнымъ ставить при этомъ условіемъ постоянное поселеніе этихъ рабочихъ на промыслахъ, такъ какъ такое прикрѣпленіе къ одному мѣсту могло бы вредно отразиться на интересахъ рабочихъ.

Мысль о желательности развитія самостоятельнаго артельного труда на золотыхъ промыслахъ уже давно высказана была въ сибирской печати.

„Золотой промыселъ—по буквѣ закона—промыселъ свободный. Но на практикѣ эта свобода ничѣмъ не обезпечена, и золотопромышленность остается фактически достояніемъ немногихъ богатыхъ людей, держащихъ въ работѣ сотню тысячъ рабочихъ въ разныхъ углахъ Сибири. Чтобы вывести золотой промыселъ на путь дѣйствительно свободной и доступной населенію промышленности, необходимо поощрять развитіе артелей золотопромышленныхъ рабочихъ, работающихъ за свой счетъ и рискъ. Казна можетъ только выиграть отъ такой постановки дѣла: она будетъ знать представителей рабочихъ артелей, съ ними вести всѣ расчеты, а для внутренняго распорядка въ артели, для опредѣленія отношеній между членами артелей, долженъ быть выработанъ нормальный уставъ, по которому и будутъ образовываться эти

¹⁾ М. Герасимовъ. „Очеркъ Нерчинскаго горнаго округа“. Изд. Кабинета Е. И. В. СПб. 1896 г., стр. 118—119.

артели. Тогда монополія настоящихъ золотопромышленниковъ исчезнетъ сама собою, конкуренція съ свободными артелями заставитъ отдѣльныхъ золотопромышленниковъ иначе относиться къ своимъ рабочимъ или, что то же самое, разрабатывать свои приiski тѣми же артелями на договорныхъ или арендныхъ основаніяхъ. Это, повторяемъ, въ нашихъ глазахъ, единственный выходъ для коренного измѣненія къ лучшему положенія, какъ присковыхъ рабочихъ, такъ и самого промысла. Работая для себя, артельщики-работіе перестанутъ и бѣгать съ присковъ, и воровать золото, и сбывать его за безцѣнокъ спиртоносамъ. Артельная отвѣтственность одного за всѣхъ и всѣхъ за одного, и сознаніе, что результаты общей работы принадлежать артели, весьма скоро создастъ среди артельщиковъ прочную нравственную дисциплину, которой никакими полицейскими мѣрами не достигнуть" ¹⁾).

---

¹⁾ „Сибир. Газ.“ 1882 г. № 26, срав. 1883 г., № 22. „Положеніе рабочихъ на золотыхъ приискахъ“. На сѣздѣ золотопромышленниковъ въ Читѣ въ 1886 г. горные инженеры Шостакъ и Герасимовъ предлагали предоставить разработку золотыхъ присковъ общинамъ или артелямъ и поощрять ее. „Амурская Газета“ 1896 г., № 16, стр. 538. Срав. о необходимости содѣйствія кустарямъ-старателямъ на золотыхъ промыслахъ въ статьѣ П. Б. „Очерки золотопромышленности южнаго Урала“. „Русск. Богатство“ 1895 г., № 6, стр. 148—150.

ГЛАВА X.

Волненія и стачки рабочихъ на сибирскихъ золотыхъ промыслахъ съ 1870 по 1895 г.

Присковые рабочіе преимущественно пассивно, посредствомъ побѣговъ съ промысловъ, выражали свой протестъ противъ того гнета и эксплуатаціи, которымъ они подвергались со стороны золотопромышленниковъ, активные же протесты были въ прежнее время явленіемъ весьма не частымъ. Правда, въ тридцатыхъ годахъ было не мало волненій на приискахъ Западной Сибири, а въ 1842 г. волненіе охватило весьма многіе промысла Енисейскаго округа, но послѣ того, какъ оно было усмирено съ помощью военной силы и признанные болѣе виновными были жестоко наказаны по приговору военного суда, на сибирскихъ промыслахъ наступило продолжительное затишье: въ пятидесятихъ годахъ намъ не извѣстно ни одного волненія, въ шестидесятихъ лишь одинъ случай коллективнаго протеста на одномъ изъ Забайкальскихъ промысловъ. Не особенно многочисленны волненія присковыхъ рабочихъ и въ послѣднее двадцатипятилѣтіе, но все-таки они бывали гораздо чаще, чѣмъ въ прежнее время, и потому заслуживаютъ вниманія и подробнаго изслѣдованія. Правда, ни одно изъ этихъ волненій не достигаетъ такихъ размѣровъ, какъ въ 1842 г. въ Енисейскомъ округѣ, но серьезному бунту мѣшаетъ разбросанность промысловъ, разношерстность рабочихъ (ими бываютъ и люди полноправные, и ссыльно-поселенцы, жители Сибири и пришельцы съ восточной окраины европейской Россіи); наконецъ тутъ дѣйствуетъ и страхъ предъ тѣми суровыми наказаніями, которымъ, какъ мы увидимъ ниже, подвергаются участвующіе въ волненіи рабочіе, особенно ссыльно-поселенцы.

Официальные документы далеко не всегда открываютъ намъ истинныя причины волненій, коренящіяся иногда въ непомѣрной тяжести труда, недостаточности отдыха, въ грубомъ и даже жестокомъ

обращеніи съ рабочими служащихъ на промыслахъ и въ недостаточно бдительномъ надзорѣ администраціи, находящейся въ экономической зависимости отъ золотопромышленниковъ.

На прискахъ въ Западной Сибири намъ извѣстно немного волненій за послѣднія 25 лѣтъ.

Въ статьѣ кн. Кострова о частныхъ золотыхъ промыслахъ Томской губ. мы находимъ слѣдующее извѣстіе: „Въ 1872 г. отъ неправильнаго пониманія нѣкоторыми рабочими распоряженія начальства относительно срока работы произошли беспорядки, выразившіеся самовольнымъ уходомъ рабочихъ съ присковъ ранѣе контрактнаго срока; но эти беспорядки тогда же прекращены разъясненіемъ рабочимъ ихъ обязанностей, къ которымъ они немедленно возвратились“ ¹⁾. Болѣе подробныхъ свѣдѣній объ этомъ волненіи мы не имѣемъ, но можно предполагать, что оно было вызвано удлиненіемъ осенняго срока работъ послѣ отміны, по Уставу о частной золотопромышленности 1870 г., установленнаго въ 1838 г. обязательнаго окончанія промыски золота 10-го сентября тамъ, гдѣ нѣтъ теплыхъ промысловъ.

Во время поѣздки на приски Южно-алтайской компаніи въ 1891 г. мы слышали отъ присковаго врача, что лѣтъ девять тому назадъ, слѣдовательно около 1882 г., въ этомъ округѣ было серьезное волненіе, но мы не нашли о немъ никакихъ документальныхъ извѣстій ²⁾.

5-го января 1884 г., на прискахъ Ф., въ Маринскомъ округѣ, команда рабочихъ до 50 человекъ почувствовала неудержимое желаніе выпить „винную порцію“ (дозволенной продажи вина на прискахъ не существуетъ, и рабочіе, состоящіе на хозяйскомъ содержаніи, получаютъ его отъ хозяевъ по ихъ усмотрѣнію); когда присковое управленіе не удовлетворило этого желанія, то „команда“ не пошла на работы. На другой день, по приглашенію выпить въ обычное время, рабочіе отказались отъ водки, но ненадолго,—искушеніе было слишкомъ велико, и затѣмъ, послѣ поданнаго угощенія, они потребовали, чтобъ имъ дали еще вина; получивъ отказъ, они вломались къ управляющему, который убѣждалъ съ приска; рабочіе избивали его жену и дѣтей, ворвались въ помещеніе, гдѣ хранился спиртъ, и черпали его, кто сколько могъ. Авторъ газетной корреспонденціи, изъ которой мы заимствуемъ эти свѣдѣнія, указываетъ на слѣдующія причины этого волненія. Владѣлецъ приска Ф., въ подспорье золотопромышленности, тайкомъ занялся запрещенною торговлею спиртомъ. „Рабочіе, разумѣется, попали въ кабалу и неоплатные долги; безцеремонность наживы доходитъ до обира-

¹⁾ „Томскія Губернскія Вѣдомости“, 1874 г., № 6.

²⁾ Въ 1883 г. конюхъ убилъ золотопромышленника, томскаго купца И. А. Петрова, за то, что тотъ избилъ его нагайкою.

тельства во время разгула; все выданное вещевое довольствие, бродни, азамы, рубахи, рукавицы и прочая одежда переходить обратно от рабочихъ въ магазинъ за спиртъ; выписанное снова ставится въ счетъ по цѣнамъ, удвоеннымъ противъ рыночныхъ, а при возвратѣ за вино принимается за безцѣнокъ. Качество, крѣпость и цѣну спирта не спрашиваютъ, только бы давали пить. Послѣдствіемъ такихъ дѣйствій управленія бывають со стороны рабочихъ вспышки въ родѣ вышеописаннаго случая, при чемъ потерпѣвшему нѣтъ даже основаній прибѣгать къ властямъ, чтобы не обнаружить собственныхъ грѣховъ и не получить непріятностей, а потому все кончается домашнимъ порядкомъ до тѣхъ поръ, пока не случится настоящей уголовщины. Подобные порядки вредно отзываются и на смежныхъ пріискахъ, гдѣ рабочіе, увлекаемые примѣромъ сосѣдей, начинаютъ пьянствовать, пропиваютъ не только заработки, но и послѣднюю одежду, которую вынуждены снова забирать у своихъ хозяевъ, чтобы снова улучшить моментъ и пропить. Такимъ образомъ спиваются рабочіе на большомъ пространствѣ вокругъ кабацкаго пріиска, спиваются и обираются, затѣмъ при окончательномъ расчетѣ не получаютъ на руки ни гроша и ждуть, какъ милости, задатка за наемъ на слѣдующій годъ“ ¹⁾).

5-го августа 1885 г. на пріискѣ Чеснокова, въ 40 верстахъ отъ Томска, гдѣ было около 30 рабочихъ, произошла стачка. Вызвана она была тѣмъ, что управляющій Кондратьевъ сталъ задавать уроки вдвое больше прежняго, кормилъ рабочихъ тухлымъ мясомъ, безчеловѣчно обращался съ ними. Поводомъ къ стачкѣ послужило то, что воскресныя порціи были выданы не всѣмъ, какъ это дѣлалось при прежнемъ управленіи, а тѣмъ только, которые „служили языкомъ“. Рабочіе прекратили работу, послали въ городъ къ хозяину депутатовъ и 5 дней не работали. Возвратившись, депутаты передали товарищамъ брань и угрозы хозяина и сообщили, что приказчикъ, уѣхавшій съ докладомъ отъ управляющаго, такъ избилъ одного рабочаго, что дѣло дошло до священника и полиціи. Не дождавшись хозяина, рабочіе пошли къ нему въ городъ ²⁾).

Иногда мѣстная полицейская власть обозначала громкимъ именемъ „бунта“ совершенно ничтожныя столкновенія рабочихъ съ пріисковою администраціей. Такъ на Чесноковскомъ пріискѣ К^о Ненашева и Чернадовой, Алтайскаго округа, 8-го мая 1887 г. произошло волненіе рабочихъ. Однимъ изъ поводовъ къ нему было то, что управляющій пріискомъ, Хворовъ, еще 16-го апрѣля одному рабочему за пьянство разбилъ носъ и выдралъ волосы. На другой день вся команда заявила на

¹⁾ „Сибирская Газета“, 1884 г., № 13, стр. 340.

²⁾ „Сибирск. Газ. 1885 г., № 33, стр. 345—346.

это полицейскому стражнику „претензію“ и просила довести ихъ жалобу до свѣдѣнія горнаго исправника. Затѣмъ 8-го мая, по окончаніи урочныхъ работъ, управляющій прискомъ устроилъ „помочь“ для завалки плотины, которая была размывта. По окончаніи этой работы хозяинъ приска попросилъ еще рабочихъ поставить мачту на золотопромывальной машинѣ, послѣ чего имъ было дано по два стаканчика водки; рабочіе просили по третьему, но управляющій отказалъ имъ. Нѣкоторые настаивали на исполненіи своей просьбы, но, наконецъ, разошлись, кромѣ одного рабочаго, котораго стражникъ вытолкалъ изъ конторы. Тотъ сталъ кричать, что его ударили въ грудь; рабочіе выбѣжали изъ казармъ, ворвались въ контору и комнату управляющаго и стали его искать, но не нашли. При этомъ рабочіе припомнили и избіеніе ихъ товарища 16-го апрѣля. Тѣмъ и кончился этотъ „бунтъ“, какъ его окрестилъ стражникъ въ донесеніи горному исправнику ¹⁾.

25-го сентября 1887 г., произошло волненіе на Магизинскомъ прискѣ Южно-алтайской К^о. 22-го сентября рабочій этого приска, Шапкинъ, ушелъ съ работы, не окончивъ заданнаго ему урока. Его отправили на Неожиданный прискъ, гдѣ управляющій приказалъ оставить его до окончательнаго разсчета. Но Шапкинъ 23-го и 24-го сентября сказался больнымъ и на работу не вышелъ. Управляющій приказалъ разсчитать его, оштрафовавъ за два дня, на основаніи контракта, по 3 р. за каждый, и препроводить на Балыксинское зимовье. Шапкинъ отказывался идти туда и хотѣлъ возвратиться на Магизинскій прискъ, но ему связали руки и заставили идти на зимовье съ двумя полицейскими стражниками. Если вѣрить донесенію одного изъ нихъ, онъ прошелъ связаннымъ не болѣе ста сажень и затѣмъ шелъ спокойно до самой Балыксы. Но высылка Шапкина взволновала рабочихъ Магизинскаго приска, такъ какъ имъ сказали, что его избіили и связаннаго отправили на зимовье, и вечеромъ 24-го сентября они заявили, что завтра на работу не выйдутъ, если Шапкинъ не будетъ возвращенъ. Утромъ рабочіе дѣйствительно не вышли по звонку на работу, а когда въ казармы къ нимъ пришли управляющій прискомъ и нарядчикъ, то рабочіе избіили ихъ, при чемъ послѣдній выстрѣлилъ изъ револьвера, никого, впрочемъ, не ранивъ. Вызванный съ Балыксы стражникъ уговорилъ рабочихъ, и 26-го сентября они возобновили работы ²⁾.

¹⁾ Арх. Горн. Испр. въ Кузнецкѣ.

²⁾ Архивъ горн. исправника въ Кузнецкѣ и донесеніе стражника, полученное мною отъ покойнаго доктора Н. А. Березовскаго. Въ сентябрѣ 1887 г. на Петропавловскомъ прискѣ, Абаканской системы, Алтайскаго округа, разрабатываемомъ братьями Должниковыми одинъ изъ рабочихъ нанесъ служащему топоромъ рану въ плечо. На слѣдствіи онъ показалъ, что сдѣлалъ это въ пьяномъ видѣ. „Сибирскій Вѣстникъ“ 1888 г., № 19, стр. 4; отчетъ о золотопр. Запад. Сиб. за 1887 г. въ Горн. Деп.

Въ 1887 г. на прискахъ Зайсанскаго у. Семипалатинской области „возникали беспорядки между рабочими, которые оказывали неповиновение, оставляли работы и даже уходили съ приска, унося съ собою инструменты. Впослѣдствіи беспорядки были устранены съ помощію мѣстной уѣздной власти“ ¹⁾).

Въ 1888 г. до Усть-Каменогорска дошло извѣстіе о бунтѣ рабочихъ киргизовъ на одномъ изъ присковъ Москвина, при чемъ говорили, что управляющій вызвалъ изъ Зайсана военную силу для ихъ усмиренія ²⁾).

Во время поѣздки на приски Южно-алтайской К^о въ 1891 г. мы слышали отъ полицейскаго стражника, что въ этомъ году было волненіе рабочихъ на прискахъ Шмотина на р. Терсяхъ, Алтайскаго округа, причемъ, какъ говорятъ, бѣжало около 40 чел. рабочихъ. Въ томъ же году было волненіе на одномъ изъ присковъ Южно-алтайской К^о, вслѣдствіе крутого обращенія управляющаго присками, полковника Янышева. Наконецъ, весной того же года было волненіе на Неожиданномъ прискѣ Южно-алтайской К^о изъ-за того, что фельдшеръ не призналъ больными нѣкоторыхъ пришедшихъ въ больницу рабочихъ.

13 февраля 1894 г. рабочіе на Быстринскомъ прискѣ Кабинета Его Величества, Алтайскаго округа, заявили, что въ этотъ день они работать не будутъ, и не вышли на работу. Считая зачинщикомъ стачки одного рабочаго, присковое управленіе требовало, чтобы онъ ушелъ съ приска, но тотъ отказался, а когда, несмотря на противоудѣйствіе рабочихъ, онъ былъ арестованъ, то товарищи отняли его у стражника. Причиной невыхода на работу 13 февраля, въ воскресенье, было то, что завѣдующій присками Ярославцевъ обѣщалъ рабочимъ по воскресеньямъ давать отдыхъ, но не исполнилъ обѣщанія. Распорядитель Быстринскаго приска, рядовой Каверинъ, оштрафовалъ каждого рабочаго по 1 р. и отказалъ въ выдачѣ требуемой ими воскресной порціи. Изъ всего состава рабочихъ (105 человекъ) 26 рабочихъ, вслѣдствіе увѣщаній пріѣхавшаго на прискъ бійскаго исправника, вышли на работу, остальные же 79 человекъ не согласились возобновить ее, требуя удаленія отъ должности Каверина, такъ какъ онъ сильно притѣсняетъ ихъ, налагаетъ непосильные штрафы, обсчитываетъ, неправильно ведетъ расчетныя книжки. При переговорахъ съ полицейскими властями рабочіе были вооружены ломами, кайлами и камнями, и изъ толпы слышались угрозы „вымотать кишки у служащихъ“. Семеро рабочихъ, которыхъ считали подстрекателями, были преданы суду, и уголовное отдѣленіе томскаго губернскаго суда приговорило ихъ къ тюремному

¹⁾ Отчетъ о золотопр. Запад. Сиб. въ Горн. Деп.

²⁾ „Сибирскій Вѣстникъ“ 1888 г., № 51, стр. 8—4

заключенію срокомъ на годъ каждого, но освободило отъ наказанія на основаніи манифеста 14 ноября 1894 г. ¹⁾).

Чаще были волненія на пріискахъ Восточной Сибири.

Раздраженные рабочіе иной разъ избивали, изувѣчивали или даже убивали золотопромышленника или какого либо пріискаго служащаго. Въ Енисейскомъ округѣ съ однимъ золотопромышленникомъ былъ даже такой случай, что рабочіе прорѣзали ему до кости сѣдалищную часть тѣла ²⁾. Есть извѣстіе, что въ 1885 г. рабочіе на пріискѣ какого-то еврея въ южно-енисейской тайгѣ избили управляющаго и казака ³⁾. Въ 1888 г. рабочіе избили золотопромышленника Е., „и много было подобныхъ случаевъ“ ⁴⁾. Въ 1879 г. рабочіе на одномъ пріискѣ южно-енисейской тайги убили брата золотопромышленника Петра Кузнецова и въ его квартирѣ оставили записку съ указаніемъ на слѣдующія причины убійства: хозяинъ обижаетъ ихъ платою, отпускаетъ товаръ по немовѣрно высокимъ цѣнамъ и беретъ его отъ нихъ обратно за бутылку водки ⁵⁾. По словамъ г. Уманьскаго, „рѣдкіе изъ старыхъ служащихъ не подвергались опасности или сами быть избитыми, или же не были свидѣтелями убійствъ, совершаемыхъ въ ихъ глазахъ надъ ихъ товарищами. Убійства служащихъ сравнительны часты въ тайгѣ“ (стр. 88—89). Тотъ же авторъ говоритъ, что подобныя убійства или попытки на убійства обыкновенно совершаются во время работы—кайлою. „Замѣчательно, что подвергшіеся этому служащіе не всегда бываютъ изъ худшихъ, часто даже это люди сравнительно хорошіе: такъ велико въ рабочихъ ослѣпленіе ненависти и такъ часто встрѣчаются между ними люди, не умѣющіе обуздывать вспышекъ гнѣва“ (стр. 114). Нужно замѣтить, что эта крайняя раздражительность рабочихъ объясняется тѣми ненормальными условіями, въ которыхъ они находятся на промыслахъ: переутомленіемъ отъ немовѣрно тяжелой работы и отсутствіемъ семейной жизни, для громаднаго большинства рабочихъ, такъ какъ женщины лишь въ весьма ограниченномъ количествѣ допускаются золотопромышленниками на промысла. Въ 1885 г. корреспондентъ одной мѣстной газеты сообщаетъ: „въ южной части Енисейскаго округа рабочій, трезвый, убилъ кайлою служащаго. На пріискахъ это происшествіе не есть выходящее изъ ряда обыкновенныхъ, а, напротивъ, явленіе часто повторяющееся“ ⁶⁾. Въ 1890 г. былъ убитъ рабочимъ смотритель

¹⁾ „Сибирскій Вѣстникъ“ 1895 г., № 178.

²⁾ „Сибирь“ 1981 г., № 33, стр. 3.

³⁾ „Сибирская Газета“ 1885 г., № 20, стр. 493—494.

⁴⁾ „Восточное Обозрѣніе“ 1882 г., № 36, стр. 7—8.

⁵⁾ „Сибирь“, 1880 г., № 5, стр. 5.

⁶⁾ „Сибирская Газета“ 1885 г., № 9, стр. 218—219.

шахты пріиска Асташева ¹⁾. Въ январѣ 1895 г. двое рабочихъ ударами кайлы въ голову убили управляющаго Модесто-Николаевского пріиска, Григорьева; на слѣдствіи они объяснили свой поступокъ нападками и бранью со стороны управляющаго ²⁾.

„Въ рабочей таежной средѣ замѣчается,—говоритъ г. Уманьскій,—глухое недовольство своимъ положеніемъ, сдерживаемое только страхомъ. Часто въ тайгѣ, ощущая силу этого скрытаго, но вѣчно дѣятельнаго недовольства, я удивлялся, что сравнительно незначительное число казаковъ (около 120 на обѣ системы Енис. округа), притомъ разбѣянныхъ по одиночкѣ на обширномъ пространствѣ, можетъ держать въ страхѣ и повиновеніи эти недовольныя толпы. Иногда недовольство проявляется въ такъ называемыхъ бунтахъ, которые отъ обычной формы отказа выходить на работу доходятъ до рѣзкихъ проявленій массовыхъ насилій надъ служащими... Мнѣ пришлось,—продолжаетъ тотъ же авторъ,—прожить на пріискѣ всего 7 мѣсяцевъ, и въ это короткое время случились въ сосѣдствѣ бунты на трехъ пріискахъ, выразившіеся въ отказѣ идти на работу и въ побитіи нѣкоторыхъ служащихъ и казаковъ“ (стр. 88—89). Къ сожалѣнію, свѣдѣнія о волненіяхъ пріисковыхъ рабочихъ далеко не всегда проникаютъ въ печать, а если появляются въ мѣстныхъ газетахъ, то обыкновенно въ весьма неполномъ видѣ.

Въ 1871 г., какъ мы слышали при посѣщеніи сѣверно-енисейской системы, было волненіе на пріискѣ Баландина: рабочіе не хотѣли оставаться работать долѣе 10-го сентября (это было первое примѣненіе контракта со срокомъ найма по 1-е октября, слишкомъ позднимъ при суровомъ климатѣ этой мѣстности). Рабочіе ушли съ пріиска, и только съ Ерудскаго зимовья исправнику и казакамъ удалось вернуть ихъ.

24-го мая 1878 г., управляющій Попутнымъ пріискомъ купца Мотонина, южно-енисейской системы, сообщилъ горному исправнику, что рабочіе въ числѣ 135 чел. оказываютъ неповиновеніе промысловому управленію и, пользуясь отдаленностью резиденціи исправника и невозможностью часто посѣщать пріискъ, вслѣдствіе затруднительности сообщенія, ежедневно десятками не выходятъ на работы, а при понужденіи ихъ ругаютъ служащихъ и казаковъ грозятъ имъ. Отправленный исправникомъ для дознанія урядникъ казачьяго отряда сообщилъ, что донесеніе управляющаго не преувеличено: рабочіе не выходятъ на работы въ назначенное время и оканчиваютъ ихъ, не отработавши уроковъ. Когда урядникъ собралъ всѣхъ рабочихъ и началъ уговаривать ихъ прекратить неповиновеніе, то человекъ 30-ть, окруживъ его, стали „наносить ему оскорбленія“, а одинъ хотѣлъ ударить его сзади, но

¹⁾ „Сибирскій Вѣстникъ“ 1890 г., № 69.

²⁾ „Вѣстникъ Золотопромышленности“ 1895 г., № 4, стр. 71.

былъ остановленъ казакомъ. Все это подтвердилъ и самъ Мотонинъ, прѣхавшій по случаю волненія на пріиски изъ Енисейска. Горный исправникъ, вмѣстѣ съ хорунжимъ (командиромъ казачьяго отряда) и 4-мя казаками, отправился на Попутный пріискъ и утромъ 8 іюня, во время раскомандировки рабочихъ, приказалъ управляющему оставить въ казармахъ 17 чел., считавшихся главными зачинщиками. Выйдя къ нимъ и найдя нѣкоторыхъ изъ нихъ, ссыльно-поселенцевъ, болѣе виновными въ подстрекательствѣ рабочихъ, горный исправникъ хотѣлъ „подвергнуть ихъ взысканію“¹⁾; но одинъ изъ нихъ, поселенецъ Кошелевъ, сталъ требовать объясненія, за что и на какомъ основаніи ихъ будутъ наказывать, и затѣмъ, бросившись въ сторону, закричалъ: „не дадимся, ребята!“; а когда исправникъ приказалъ урядникамъ взять его и отправить къ нему на резиденцію, то рабочій отбивался и, продолжая кричать: „не давай, ребята!“ схватилъ одного изъ урядниковъ за грудь. Когда его связали и привели въ кузницу, чтобы заковать въ кандалы, Кошелевъ схватилъ молотъ и бросился на одного изъ урядниковъ, но другой успѣлъ остановить его. Узнавъ объ арестованіи товарища, рабочіе перестали работать и явились къ исправнику съ требованіемъ освободить Кошелева, но тотъ заставилъ ихъ продолжать работу²⁾. На донесеніе обо всемъ этомъ енисейскому губернатору енисейское губернское правленіе въ іюлѣ 1878 г. извѣстило исправника южно-енисейской системы, что назначенъ особый чиновникъ для производства формальнаго слѣдствія о безпорядкахъ на Попутномъ пріискѣ³⁾.

6-го января 1881 г., уполномоченный золотопромышленницы Улейской донесъ горному исправнику южной части Енисейскаго округа, что

¹⁾ По инструкціи горному исправнику 1874 г., ему строго воспрещается „употреблять въ отношеніи зачинщиковъ неповиновенія, если они не изъ ссыльно-поселенцевъ, тѣлесное наказаніе“. *Розановъ*. „Сводъ дѣйств. узакон. о частн. золотопром.“, изд. 2-е, стр. 130.

²⁾ Въ дѣлѣ горнаго исправника находится, написанный тремя разными руками (вѣроятно пріисковскихъ служащихъ), слѣдующій перечень провинностей рабочихъ: „самовольная отлучка съ Попутнаго пріиска. Возвращеніе на пріиски пьяными. Проматываютъ выписанныя товарныя вещи изъ амбара. Особенная дерзость въ отношеніи казака, служащихъ, управляющаго и даже самого хозяина. Многочисленные по свидѣтельству фельдшера. Особенная смѣлость и дерзость и несознательность къ поступкамъ (sic). Встрѣчалось (случалось?) посылать лошадей и просить горнаго исправника пожаловать на пріискъ; какъ только посылаются лошади, рабочіе узнаютъ и являлись побѣги. Такимъ порядкомъ бѣжало съ Попутнаго пріиска 31 человекъ. Наконецъ, лично не стѣснялись сказать хозяину, что и всѣ бѣгутъ. На основаніи постановленія своего, состоявшагося на 19-е число января, не признаютъ никакой артельной расправы; избранные ими старосты со стороны ихъ и со стороны управленія не приносятъ никакой пользы“.

³⁾ Архивъ горнаго исправника южной части Енисейскаго округа, дѣло 1878 г., № 29.

нѣкоторые рабочіе на Екатерининскомъ и Апполинаріевскомъ пріискахъ „взбунтовались и не вышли на работу“. Исправникъ командировалъ на эти пріиски урядника съ приказаніемъ разузнать, „въ чемъ дѣло; если рабочіе виновны, то привести зачинщика“.

18-го января того же года, управленіе Боголюбовскаго пріиска Черноколпакова просило горнаго исправника пріѣхать на пріискъ или командировать кого либо для разбирательства о „самовольномъ уклоненіи отъ работы команды рабочихъ людей и невыходѣ вовсе на работу“, вслѣдствіе чего оставленные разрѣзы промерзаютъ и потребуютъ впоследствии вновь разработки. Исправникъ самъ не поѣхалъ, а отправилъ урядника съ приказаніемъ разобрать дѣло и, „въ случаѣ надобности, привести виновныхъ“.

Въ ноябрѣ того же 1881 г., завѣдующій Надеждо-николаевскимъ пріискомъ Кирьянова сообщилъ горному исправнику южно-енисейской системы, что рабочіе, „имѣя въ виду отдаленную мѣстность и не имѣя казака на пріискѣ, совершенно вышли изъ повиновенія, до того, что, несмотря ни на ласковыя убѣжденія, ни на приказанія, каждыйдневно самовольно остаются по 5-ти и 6-ти человѣкъ въ казармѣ и даже самовольно отлучаются съ пріиска“; онъ просилъ „для приведенія въ порядокъ пріиска“ командировать урядника и двухъ казаковъ. На оборотной сторонѣ донесенія поименованы четверо рабочихъ и затѣмъ сдѣлана помѣтка: „двое изъ нихъ“ (такіе-то) „наказаны по приказанію“ горнаго исправника ¹⁾).

Въ 1882 г., у одного изъ золотопромышленниковъ Енисейскаго округа рабочіе составили стачку, и всѣ, въ числѣ ста человѣкъ, не пошли на работу; но угрозами ихъ заставили работать и человѣкъ 8 отправили къ исправнику ²⁾).

Въ ночь на 2-е апрѣля 1885 г. съ Евдокіевского пріиска Мотонина, южно-енисейской системы, бѣжало четверо рабочихъ (одинъ мѣщанинъ и трое сыновей поселенцевъ). Въ погоню за ними управляющій Грязновъ послалъ служащаго, мѣщанина Гладышева, казака и конюха. Верстахъ въ 20-ти отъ пріиска они замѣтили въ сторонѣ отъ дороги дымокъ и, поѣхавъ въ этомъ направленіи, увидѣли бѣжавшихъ. Гладышевъ и казакъ избили рабочихъ, связали ихъ, затѣмъ опять били и, наконецъ, связанными отправили на пріискъ, но до этого, если вѣрить показанію бѣжавшихъ, Гладышевъ выстрѣлилъ по нимъ изъ револьвера и легко ранилъ одного рабочаго около уха. Привезенныхъ на пріискъ бѣглецовъ посадили въ амбаръ, но, вслѣдствіе холода и голода, они стали кричать и стучать. Тогда рабочіе, находившіеся въ разрѣзѣ, по-

¹⁾ Тамъ же, дѣло 1881 г., № 5.

²⁾ „Сибирская Газета“ 1882 г., № 40, стр. 968.

требовали освобожденія товарищей, и тѣ были выпущены. Въ тотъ же день, по окончаніи работъ, рабочіе собрались толпою близъ квартиры управляющаго и потребовали выдачи имъ Гладышева и казака, чтобы разспросить ихъ, зачѣмъ они такъ избили пойманныхъ рабочихъ (знаки побоевъ были видны еще на седьмой день, во время медицинскаго освидѣтельствованія). Грязновъ убѣждалъ ихъ оставить претензію до другого дня, но они отправились къ помѣщенію Гладышева и стали вызывать его, а когда онъ не вышелъ, къ нему ворвалось нѣсколько рабочихъ и одинъ изъ нихъ сталъ душить жену Гладышева, а остальные, вытащивъ на дворъ его самого, избили его до потери сознанія. Окровавленнаго Гладышева подняли и понесли домой; увидѣвъ это, рабочіе закричали: „тю!“¹⁾; впрочемъ енисейская врачебная управа признала причиненныя Гладышеву поврежденія легкими. На другое утро порядокъ самъ собою возстановился, и рабочіе возобновили работу. Семь человекъ изъ нихъ были арестованы. Енисейскій окружной судъ при разсмотрѣніи этого дѣла примѣнилъ къ нему ст. 618-ю уложенія о наказаніяхъ²⁾, но енисейскій губернский судъ, на ревизію котораго оно поступило, призналъ эту статью неподходящею, потому что ею предусматривается неповиновеніе рабочихъ артелямъ хозяину пріиска, повѣренному или приказчику, въ данномъ же случаѣ этого не было, а по обстоятельствамъ дѣла ихъ слѣдуетъ признать виновными только въ употребленіи противъ Гладышева насилія. Губернский судъ опредѣлилъ 10 человекъ (крестьянъ и пробывшихъ въ Сибири болѣе 10-ти лѣтъ ссыльно-поселенцевъ) подвергнуть аресту при полиціи и волостной тюрьмѣ на 2 мѣсяца каждого, а трехъ ссыльно-поселенцевъ, не пробывшихъ еще въ Сибири 10-ти лѣтъ, наказать розгами по 66-тъ ударовъ³⁾.

Въ южной части Енисейскаго округа, на рѣкѣ Боровой, находится Александровскій пріискъ, разрабатываемый товариществомъ Базилевскаго, Черемныхъ и Ратькова-Рожднова. Золотоносный пласть добывается подземными работами. Содержащій золото песокъ подвозится отъ забоевъ въ тачкахъ по подземнымъ галлереямъ, насыпается въ бадью и поднимается вверхъ лошадиною силою. Положеніе рабочихъ видно изъ контракта, заключеннаго въ сентябрѣ 1890 г. на годовой срокъ съ 1 октября. По этому контракту работы должны были производиться съ

¹⁾ „Затюкать“ значитъ въ Сибири—убить.

²⁾ „Рабочіе при частныхъ золотыхъ... промыслахъ на земляхъ казенныхъ... за явное неповиновеніе хозяину, повѣренному его или приказчику, оказанное на пріискѣ цѣлою артелью, подвергаются: наказаніямъ по статьямъ 263—266, 268, 269 и 273 сего Уложенія о возстаніи противъ властей, правительствомъ установленнаго“.

³⁾ Архивъ енисейскаго губернскаго суда, дѣло 1886 г., № 61; срав. „Сиб. Газ.“ 1885 г., № 20, стр. 493—494.

5 ч. утра до 8 ч. вечера, полагая на завтракъ, обѣдъ и вечерній чай два часа, слѣдовательно 13 рабочихъ часовъ въ день. Праздниковъ и льготныхъ дней рабочимъ было опредѣлено всего 20 въ году (лѣтомъ по одному дню въ мѣсяцъ). Содержаніе выдавалось рабочимъ въ слѣдующемъ размѣрѣ: ржаной муки по 2 п. 20 ф. въ мѣсяцъ, говядины свѣжей или соленой по 1¹/₄ ф. въ день, крупы ячной или гречневой по 7¹/₂ ф. въ мѣсяцъ, соли по 2¹/₂ ф. и сала по 1 ф. въ мѣсяцъ ¹). Приводить съ собою на прискѣ женъ позволялось не иначе, какъ съ разрѣшенія присковского управленія, а если онѣ будутъ безъ занятій, то за содержаніе ихъ производился вычетъ по 4 р. въ мѣсяцъ, причемъ, если онѣ будутъ отказываться отъ хозяйскихъ работъ или будутъ замѣчены въ дурномъ поведеніи, управленіе могло выдворить ихъ съ приска. Плату рабочіе должны были получать съ 1 октября по 1 мая отъ 8 до 15 р. въ мѣсяцъ, „смотря по усердію и старанію“, а въ лѣтніе мѣсяцы—отъ 13 р. 50 к. до 24 р. ²) по 8 разрядамъ, опредѣленіе которыхъ должно было исполнѣ зависеть отъ управленія, смотря по работѣ и усердію къ ней. Управленіе предоставляло себѣ право переводить рабочихъ съ одного приска на другой, принадлежащій той же К^о, или даже передавать въ другія компаніи. Находимые во время работъ золото, самородки и другія драгоцѣнности рабочіе должны были сдавать присковому управленію съ платою за золото по 2 р. 24 к. за золотникъ, а за другія драгоцѣнности и рѣдкости—по усмотрѣнію. Во время нахождения на прискѣ рабочіе обязывались „вести себя честно, трезво и добропорядочно, къ управленію и служащимъ быть почтительными, не грубить, самовольно съ приска не отлучаться и къ себѣ никого не принимать“ подъ угрозою штрафа отъ 1 до 3 р., „какъ и за самовольно прогульный день“; объ обязанности же управленія гуманно обходиться съ рабочими въ контрактѣ ничего не сказано, а между тѣмъ такое условіе мы обыкновенно встрѣчаемъ въ другихъ договорахъ. Въ болѣе раннемъ контрактѣ съ Базилевскимъ (1883 г.), при наймѣ на его приски въ сѣверной части Енисейскаго округа, управленіе обязывалось обходиться съ рабочими „справедливо“, а по контракту съ К^о Базилевскаго и Малевинскаго (1878 г.)—кромѣ того „удовлетворять ихъ во всѣхъ законныхъ и справедливыхъ требованіяхъ и не допускать со стороны своихъ приказчиковъ дѣлать имъ какія-нибудь притѣсненія или обиды“. Что касается размѣра урока, то на торфахъ двое рабо-

¹) По словамъ управляющаго промыслами, людямъ, находившимся на земляныхъ работахъ, ежедневно выдавалась винная порція.

²) По увѣренію управляющаго присками, Бастрыкова, рабочіе въ зимніе мѣсяцы получали 9 р.—10 р. 50 к. за безурочную работу, и отъ 12 до 14 р. за урочную, а съ 1 мая по 1 октября жалованье равнялось 18—24 р.

чихъ съ одною лошадыю при возкѣ не далѣе 35 сажень должны были по контракту 1890 г. вырабатывать отъ $1\frac{1}{4}$ до $1\frac{1}{2}$ саж., смотря по свойству грунта; на пескахъ же не менѣе $1\frac{3}{4}$ кубической сажени ¹⁾. „При таковомъ опредѣленіи урка“, сказано въ контрактѣ, „есть возможность кончить работы и ранѣе срока 8 часовъ; но при случаяхъ, бывающихъ отъ общаго нерадѣнія и нежеланія выполнить урка или такъ называемой общей стачки между всею артелью, съ цѣлью вынудить сбавку урка, управленію предоставляется право держать на работѣ до выработки заданнаго урка“. На остальныхъ же работахъ срокъ работъ назначенъ въ 8 час. вечера, кромѣ „случаевъ, выходящихъ изъ ряда обыкновенныхъ, какъ-то: пожара и наводненія, когда вся команда или артель должна выходить на помощь безпрекословно во всякое время и находится до прекращенія опасности“.

Управляющій промыслами этой К^о, Бастрыковъ, по свидѣтельству „Восточнаго Обзорѣнія“, „совершенно не вмѣшивался въ отношенія служащихъ къ рабочимъ и не принималъ никакихъ мѣръ для прекращенія возникающихъ недоразумѣній“. Становымъ или помощникомъ управляющаго Александровскаго прииска съ октября 1880 г. былъ „нѣкто Петръ Рязановъ, потомокъ знаменитыхъ въ свое время Рязановыхъ, молодой еще человекъ“ (32 лѣтъ), „но относительно рабочихъ совершенный звѣрь. Всѣ знавшіе Рязанова утверждаютъ, что онъ всегда жестоко обращался съ рабочими и за дѣло, и безъ дѣла пускалъ въ ходъ свои кулаки... Знакомые Рязанова не разъ предупреждали его, что онъ кончитъ плохо, если чаша долготерпѣнія рабочихъ переполнится. При работахъ въ шахтахъ рабочіе старались уносить съ собою часть золотосодержащихъ песковъ и пропивали ихъ спиртоносамъ. Рязановъ своими кулаками старался охранить интересы своихъ хозяевъ и дѣйствовалъ такъ энергично, что возбудилъ противъ себя всю команду, которая не разъ жаловалась на жестокость Рязанова управляющему, но тотъ не обращалъ на это вниманія. Недовольство рабочихъ отъ зуботычинъ, недоданныхъ порцій спирта и т. п. росло постепенно, и, какъ это бываетъ нерѣдко, непосредственной причиной бунта явился фактъ, часто повторявшійся и ранѣе, но лишь въ данный моментъ переполнившій чашу терпѣнія“ ²⁾.

Бастрыковъ, управляющій промыслами, жаловался впоследствии въ своемъ показаніи судебному слѣдователю на то, что рабочіе по ночамъ „стали устраивать походы въ шахты за хищнической добычей золота“.

¹⁾ Последній урокъ задавался при работахъ въ открытыхъ разрѣзахъ, между тѣмъ какъ на Александровскомъ приискѣ были шахтныя работы, слѣдовательно урокъ при этихъ подземныхъ работахъ былъ вовсе не опредѣленъ.

²⁾ „Восточн. Обоз.“ 1890 г., № 15. стр. 3, 8—9.

Пріиское управленіе на ночь запирало шахты на замокъ и служащіе съ казаками обходили ихъ дозоромъ, и тѣмъ не менѣе съ октября до 10 марта было взломано 16 замковъ. Пріискъ Александровскій расположенъ такъ, что на него выходятъ три провѣзжихъ дороги, и торговцы, подъ видомъ продажи разной мелочи (если вѣрить Бастрыкову), привозили спиртъ для рабочихъ, что вызывало пьянство и пропиваніе вещей. Бастрыковъ принялъ слѣдующія мѣры для прекращенія хищничества золота: удаленіе мнимыхъ торговцевъ, „а на самомъ дѣлѣ спиртоносовъ“, было поручено становому Петру Рязанову; торговцевъ Бастрыковъ приказалъ удалять съ пріисковъ, „безъ разрѣшенія торгъ производить не позволять и, какъ людей подозрительныхъ, въ присутствіи казаковъ обыскивать, за рабочими слѣдить, чтобы самовольно и безъ спросу въ ночное время не отлучались“, а за шахтами внимательно смотрѣть. „Рязановъ“, по словамъ Бастрыкова, „какъ служащій исправный, *сравнительно съ другими трезвый*, понимающій интересы хозяйскаго дѣла... исполнялъ и это порученіе аккуратно“: не допускалъ торговцевъ, самъ осматривалъ шахты съ 9 ч. вечера до 2 ч. ночи, въ 5 ч. утра обходилъ казармы, и если кто не выходилъ на работу по болѣзни, то отправлялъ въ больницу, а о другихъ, оставшихся безъ уважительной причины, сообщалъ управляющему; если же проступокъ рабочаго выходилъ изъ рамокъ домашняго разбирательства, то доносили горному исправнику, препровождая къ нему и виновнаго.

Рабочіе, арестованные послѣ происшедшаго на Александровскомъ пріискѣ волненія, заявляли въ своемъ прошеніи, что имъ приходилось вставать въ 3 ч. утра, и что уже въ 5 ч. они были на работахъ въ шахтахъ; они утверждали, что шахты „были сооружены не только неправильно, но даже и безъ всякихъ предупредительныхъ приспособленій къ отвращенію могущихъ быть вредныхъ послѣдствій съ рабочими“. Зная 107 ст. Устава о золотопромышленности ¹⁾ и 14 ст. правилъ о наймѣ рабочихъ на сибирскіе золотые промыслы ²⁾, рабочіе, по ихъ словамъ, „неоднократно заявляли, какъ управляющему Бастрыкову, такъ и горному исправнику южной части Енисейскаго округа Кубе, о тѣхъ... неправильно устроенныхъ шахтахъ“; затѣмъ просили исправника приказъ выдать свѣчей для лѣстницъ, ведущихъ внутрь шахты, имѣющей глубины болѣе 50 арш. ³⁾. Но все это, по словамъ рабочихъ, оставалось безъ вниманія, а становой Рязановъ „почелъ законнымъ безъ

¹⁾ „Добычу золота, какъ поверхностными, такъ и подземными работами, надлежитъ производить безъ вреда для здоровья и опасности для жизни рабочихъ“.

²⁾ Въ ней установленъ размѣръ вознагражденія за увѣчья.

³⁾ Одинъ рабочій также показалъ, что онъ просилъ управляющаго поставить свѣчи на лѣстницѣ, съ которой этотъ рабочій свалился.

всякихъ законныхъ причинъ наносить побои рабочимъ, что извѣстно было не только намъ, артели, состоящей изъ 270 чел., но и на сосѣднихъ промыслахъ были извѣстны его, Рязанова, звѣрскіе поступки“. Въ видѣ примѣра, въ прошеніи были названы пять рабочихъ и 14-лѣтній мальчикъ Яценевъ, находившійся у Рязанова въ услуженіи съ добавленіемъ, что было и еще много другихъ ¹⁾. „Извѣстно очень хорошо“, продолжаютъ рабочіе, „что мѣра и терпѣніе всегда имѣютъ окончательный исходъ, и вотъ мы всѣ артелью нѣсколько разъ заявляли г. исправнику Кубе о такихъ незаконныхъ поступкахъ г. Рязанова и просили, какъ начальника, завѣдывавшаго полицейскою частью на промыслахъ... войти своимъ начальническимъ вниманіемъ, заштити отъ самовольства этого Рязанова, просили и г. управляющаго Бастрыкова, но трудъ нашъ былъ бесполезенъ и напротивъ, избитый становымъ Рязановымъ рабочій если являлся къ г. исправнику, то вмѣсто защиты получалъ розги и отправлялся опять на промыслы, на работы. *Вотъ этотъ законъ* ²⁾ промысловаго управленія въ южной части (Енисейскаго округа), что наши заявленія и просьбы оставались совершенно безъ всякихъ послѣдствій и запретовъ г. Рязанову употреблять насилія“, и былъ причиною волненія на пріискѣ. По словамъ одного изъ этихъ рабочихъ въ другомъ прошеніи, ихъ командѣ „обидно стало, что Рязановъ каждый день бьетъ, и мало того, что самъ наколотится, отправить (еще) къ исправнику, а исправникъ не спроситъ рабочаго, какъ и зачѣмъ тебя прислали, скажетъ заочно уряднику наказать лозами и отправить обратно на станъ“ ³⁾, т.-е. на пріискъ, „но какой же онъ работникъ, когда онъ, изувѣченный послѣ ударовъ и послѣ этого, ложится въ больницу“... „Не разъ и не два писали г. исправнику, чтобы онъ посѣтилъ нашъ станъ, что мы имѣемъ обиду отъ управленія, но онъ не считалъ нужнымъ, и подателя прогонитъ“. Въ этомъ же прошеніи мы встрѣчаемъ указанія и на тяжесть уроковъ ⁴⁾.

При такихъ враждебныхъ отношеніяхъ рабочихъ къ промысловому управленію достаточно было малѣйшаго повода для того, чтобы произошло

---

¹⁾ По показанію одного свидѣтеля (повара), „Рязановъ вообще на руку дерзокъ и на моихъ глазахъ въ эту операцію переколотилъ болѣе десятка рабочихъ; рѣдкая раздача порцій рабочимъ, бывающая ежедневно, не обходилась безъ того, чтобы онъ за какую-либо бездѣлицу не угодилъ рабочихъ плюхами, доходившими до 7 и болѣе“. По словамъ другого свидѣтеля, Рязановъ за свою любовь къ вулачной расправѣ носилъ прозвище „тюменскаго палача“.

²⁾ Курсивъ самихъ рабочихъ.

³⁾ Такъ это будетъ всегда, пока горные исправники будутъ на жалованьи у золотопромышленниковъ.

⁴⁾ Рабочій предлагалъ допросить одного изъ служащихъ о томъ, что они не выработывали уроковъ.

столкновеніе, а Рязановъ вызвалъ серьезное неудовольствіе новымъ проявленіемъ своей наклонности къ кулачной расправѣ.

При первомъ своемъ допросѣ Рязановъ такъ разсказалъ горному исправнику этотъ случай. 9-го марта 1890 г., во время подачи винныхъ порцій рабочимъ Александровскаго приска, одинъ изъ нихъ, поселенецъ Осипъ Бариновъ, былъ лишенъ порціи за дерзкое обращеніе со служащими, что ему было заблаговременно объявлено, но онъ все-таки явился. Когда я ему отказалъ, то онъ дерзко сказалъ: „если не хочешь дать, то хватай самъ“, затѣмъ началъ наносить мнѣ разные дерзости, вслѣдствіе чего я, выйдя изъ терпѣнія, ударилъ его и вытолкалъ вонъ, но онъ вновь пришелъ и сталъ ругать меня; я попросилъ бывшихъ тутъ рабочихъ... вывести его вонъ, что они и исполнили“. Вслѣдствіи судебному слѣдователю Рязановъ далъ болѣе подробное и не вполне совпадающее съ первымъ показаніе, въ которомъ говоритъ: „Послѣ обѣда, обходя шахты., получилъ жалобу на Баринова отъ служащаго Кузнецова“, что тотъ уклоняется отъ работы, и нанесъ ему, Кузнецову, „оскорбленіе въ формѣ площадной брани. Я тутъ же сдѣлалъ Баринову выговоръ за его дурное поведеніе и предупредилъ его, что если это повторится, тогда уже придется обратиться къ мѣстной полицейской власти, и тутъ же, въ присутствіи Баринова, предлагалъ Кузнецову лишить его въ наказаніе винной порціи. Это же самое, до свиданія моего съ Кузнецовымъ, заявилъ Баринову и управляющій, бывший въ шахтѣ ¹⁾. Вечеромъ, при раздачѣ порцій рабочимъ, которою я, по желанію управляющаго, заведывалъ, въ числѣ прочихъ рабочихъ пришелъ и Бариновъ, предъявляя общую“ съ другимъ рабочимъ „порцію. Я отказалъ ему; тогда онъ началъ требовать настойчиво, *основываясь на запискѣ смотрителя шахты*. Я ему на это сказалъ, что *хотя смотритель и далъ ему записку на порцію*, но я, по предоставленному мнѣ праву, лишаю его ея. Бариновъ на это отвѣчалъ: „жри самъ, тебѣ больше нужно“ ²⁾! За эту грубость я его вытолкнулъ за дверь, но онъ схватилъ меня за грудь и сорвалъ часы; тутъ уже я его ударилъ по лицу, на что онъ отвѣчалъ большими грубостями и... на требованіе мое выйти изъ помѣщенія не исполнилъ этого; тогда я его снова вытолкалъ за дверь, гдѣ онъ продолжалъ сопротивленіе. Я обратился къ стоявшимъ тутъ рабочимъ съ просьбою увести Баринова, послѣ чего онъ уже не появлялся“. Въ этомъ показаніи Рязановъ иначе передаетъ слова Баринова, чѣмъ въ первомъ; затѣмъ оказывается, что у Баринова была

¹⁾ Рязановъ въ своемъ показаніи увѣрялъ, что лишеніе винной порціи составляетъ „единственное (?) наказаніе отъ управленія“. А денежные штрафы?

²⁾ Мы видѣли, что управляющій Бастрыковъ считалъ Рязанова только „сравнительно съ другими трезвымъ“ человекомъ.

записка отъ смотрителя шахты на получение порціи, и, слѣдовательно, онъ имѣлъ основаніе настаивать. Что же касается поведенія Баринаова и Рязанова во время этой сцены, то показанія свидѣтелей и рабочихъ даютъ о немъ совершенно иное представленіе, чѣмъ рассказъ Рязанова.

Изъ показаній этихъ видно, что на вопросъ Баринаова о причинахъ лишенія порціи Рязановъ отвѣчалъ: „Будь доволенъ и тѣмъ, что тебѣ сказано, что нѣтъ порціи“. Тогда, направляясь къ выходу, Бариновъ сказалъ Рязанову: „Ну такъ пей самъ за мое здоровье“, послѣ чего тотъ закричалъ: „Воротись, я тебѣ дамъ порцію“. Бариновъ вернулся, но, вмѣсто подачи порціи, Рязановъ, на глазахъ всѣхъ присутствовавшихъ рабочихъ, сталъ давать Баринову пощечины одну за другою. Во время этой потасовки Бариновъ, защищаясь отъ побоевъ, схватилъ Рязанова за грудь и разорвалъ ему шелковый шнурокъ отъ часовъ, а Рязановъ далъ по ошибкѣ пощечину и другому, ни въ чемъ неповинному рабочему. Когда Бариновъ возвращался за забытой имъ въ комнатѣ шапкой, Рязановъ сталъ вновь его бить, а его собака кусала этого рабочего ¹⁾.

Рабочіе, присутствовавшіе при этомъ избіеніи ихъ товарища, были сильно возмущены и, уже уходя, собирались протестовать, чтобы не дать Рязанову возможности колотить всѣхъ по одиночкѣ. Придя въ казарму, Бариновъ сталъ говорить: „докуда же будетъ продолжаться такое самоуправство Рязанова?“ Товарищи ему сочувствовали, хорошо понимая, что до каждаго изъ нихъ можетъ дойти очередь. Одинъ рабочій далъ знать и въ другія казармы, чтобы собирались на сходку около кашеварни, куда и сошлась вся артель за исключеніемъ конюховъ. Бариновъ рассказалъ о своемъ избіеніи, и всѣ рѣшили идти жаловаться управляющему промысловъ Бастрыкову и просить его „дать Рязанову угрозу или совсѣмъ устранить его съ приска“.

9-го марта, въ 8 час. вечера,—рассказываетъ Бастрыковъ въ своемъ показаніи,—къ нему на квартиру явился рабочій Лукашевскій и сообщилъ, что пришла артель и требуетъ его на улицу. Онъ тотчасъ вышелъ на крыльцо и увидѣлъ толпу людей въ сто. Поднялся такой шумъ и крикъ, что нельзя было понять, что нужно рабочимъ. Бастрыковъ предложилъ передать имъ, чтобы они перестали шумѣть,—тогда онъ

---

¹⁾ Пріисковъ врачъ Квятковскій (состоящій, какъ и всѣ пріисковые врачи, на жалованьи у золотопромышленниковъ), при освидѣтельствованіи Баринаова на другой день, 10-го марта, никакихъ знаковъ вѣшняго насилія у него не нашелъ, и потому заключилъ, „что если и были ему нанесены побои, то они должны быть отнесены къ категоріи легкихъ“. Бариновъ же въ прошеніи, поданномъ во время содержанія въ енисейскомъ тюремномъ замкѣ, говоритъ, что послѣ освидѣтельствованія его, докторъ сказалъ: „на тѣлѣ нѣтъ никакихъ знаковъ, а на рукѣ хотя и есть рана,—заживетъ, а опухоль на головѣ и тѣлѣ тоже пройдетъ“. Бариновъ, по его словамъ, *пролежалъ въ больницѣ до 30-го марта.*

ихъ выслушаетъ, и самъ вернулся въ комнату. Когда минутъ черезъ пять онъ вышелъ вновь, Лукашевскій сталъ говорить о неправильной подачѣ винныхъ порцій. Въ это время всѣ опять зашумѣли и закричали, и въ общемъ гулѣ среди бурнаго вѣтра слышны были лишь крики: „убери Рязанова, или мы завтра не выйдемъ на работу“. Бастрьковъ, по его словамъ, сказалъ: „идите сегодня по домамъ: завтра можете идти къ исправнику и принести жалобу“ ¹⁾, а рабочіе на это закричали: „что намъ исправникъ: сами управимся! Айда бить Рязанова!“—и бросились къ его квартирѣ. Бастрьковъ послалъ за казаками, но они были заняты обходомъ шахтъ и явились тогда, когда было уже поздно.

Рабочіе, какъ обвиняемые, такъ и свидѣтели, иначе передаютъ слова Бастрькова; хотя и съ нѣкоторыми вариантами, они приписываютъ ему слѣдующія выраженія: „Вы, вѣроятно, пьяны, вздумаете еще и меня смѣнить. Ступайте спать; пусть Бариновъ пожалуется завтра исправнику. Я Рязанова не смѣню. Дѣлайтесь съ нимъ, какъ знаете!“ Этими послѣдними словами Бастрьковъ, вѣроятно, хотѣлъ сказать, что рабочіе должны такъ или иначе ладить съ Рязановымъ, котораго онъ смѣнять не желаетъ; рабочіе же въ показаніяхъ своихъ утверждали, будто Бастрьковъ сказалъ: „какъ хотите, такъ и дѣлайте“, или: „ступайте сами къ Рязанову и сходитесь съ нимъ, какъ знаете“; а одинъ обвиняемый утверждалъ, будто бы Бастрьковъ сказалъ даже: „какъ знаете, такъ и распоряжайтесь съ Рязановымъ“. Нѣкоторые полагали, будто, боясь получить отъ Рязанова оскорбленіе, Бастрьковъ предоставилъ имъ самимъ съ нимъ расправиться. Они отправились „по-трепать“ его.

Относительно расправы съ Рязановымъ, самъ потерпѣвшій показалъ слѣдующее. Немного спустя послѣ того, какъ онъ избилъ Баринова, онъ услышалъ шумъ толпы рабочихъ, вошедшихъ съ задняго крыльца и направлявшихся къ его комнатѣ. Онъ выскочилъ въ сѣни передняго крыльца и подперъ собою дверь, въ которую начали ломиться рабочіе, а когда удержать ее было невозможно, вскочилъ въ чуланчикъ и тамъ затворился. Тогда одинъ рабочій со двора поднялъ крышу этого помѣщенія и вытащилъ доски изъ перегородки; затѣмъ другой схватилъ Рязанова за рубашку и оттащилъ отъ двери, чѣмъ далъ возможность выломать ее и ворваться туда. Рязанова вытащили сначала въ сѣни, затѣмъ на улицу, гдѣ и исколотили. Кто именно билъ его, онъ сказать не можетъ. Когда явились казаки, онъ, по словамъ Бастрькова, лежалъ въ безсознательномъ состояніи.

¹⁾ Въ донесеніи горному исправнику, написанномъ немедленно послѣ этого инцидента, Бастрьковъ говоритъ, что онъ „отложилъ имъ рѣшеніе этого вопроса“ (объ удаленіи Рязанова) „до завтрашняго дня“.

Показанія рабочихъ нѣсколько дополняютъ свидѣтельство потерпѣвшаго. Выслушавъ отказъ Бастрыкова,—говорить одинъ рабочій,— „мы порѣшили, что коли съ нами поступаютъ самоуправно, то и мы такимъ же образомъ поступимъ съ Рязановымъ, и тотчасъ подступили къ его квартирѣ и окружили ее“; войдя въ нее, заглядывали подъ кровать, шупали висѣвшее на стѣнѣ платье, но нигдѣ не находили его; наконецъ отправились къ чуланчику, но дверь оказалась запертою; тогда стали разбирать уличную стѣнку этого помѣщенія и при свѣтѣ кѣмъ-то зажженной спички увидѣли Рязанова.

Вскорѣ онъ былъ вытасченъ оттуда, и на улицѣ всѣ, кто только могъ проникнуть къ нему, наносили ему побои. Допрашиваемые или признавались, что били Рязанова, или заявляли, что только невозможность пробраться къ нему сквозь густую толпу помѣшала исполненію этого намѣренія. „Я замахнулся рукою,—показывалъ одинъ рабочій,—чтобы отомстить ударомъ за нанесенныя мнѣ Рязановымъ двѣ плушки, но промахнулся и толкнулъ его лишь въ спину“. „Я не билъ его вопреки своему желанію“, заявляетъ другой, т.-е. тоже вслѣдствіе невозможности протискаться сквозь толпу. „Вслѣдствіе нанесенной мнѣ обиды,—показываетъ третій, одинъ изъ поколоченныхъ Рязановымъ,—мнѣ пріятно было не только ударить его, но даже посмотреть, какъ его бьютъ“. Одинъ рабочій говорилъ повдѣе другому, что онъ билъ Рязанова „подборами своихъ сапогъ“; но когда другому рабочему приписали слова: „вотъ я сегодня поплясалъ на Рязановѣ“, то онъ это отрицалъ.

Въ тотъ же вечеръ управляющій Бастрыковъ послалъ горному исправнику Кубе донесеніе о случившемся, и тотъ на другой день съ пріисковымъ врачомъ Квятковскимъ пріѣхалъ на пріискъ. По медицинскому освидѣтельствуванію ¹⁾, врачъ отказался пока дать окончательное заключеніе о томъ, насколько серьезны нанесенныя Рязанову поврежденія. Почти черезъ мѣсяцъ, 6-го апрѣля, при новомъ освидѣтствованіи потерпѣвшаго, у него оказался подъ лѣвымъ глазомъ рубецъ около вершка, а ниже виднѣлась еще ранка около сантиметра длиною.

¹⁾ Оказалось, что Рязановъ „тѣлосложенія хорошаго; на головѣ въ области лѣваго сосцевиднаго отростка“ (т.-е. за ухомъ) „прощупывается припухлость и при надавливаніи ощущается болѣзненность; обѣ ушныя раковины припухли и мѣстами осаднены, изъ наружнаго лѣваго слухового отверстія просачивается кровь; область правого виска припухла, осаднена и болѣзненна; на верхнемъ правомъ вѣкѣ двѣ небольшихъ, поверхностныхъ, горизонтальнаго направленія ранки; оба глаза плотно закрыты поблговѣвшими и распухшими вѣками; подъ нижнимъ лѣвымъ вѣкомъ, въ области скулы, дугообразная рана, обращенная выпуклостью внизъ, около одного вершка длиною, въ срединѣ проникающая до надкостницы; на подбородкѣ двѣ небольшихъ... ссадины; передняя область шеи припухла и испещрена поверхностными ссадинами; такія же ссадины находятся на плечахъ и лопаткахъ; общее состояніе здоровья удовлетворительно“.

изъ которой выдѣлялся гной; и на этотъ разъ врачъ не далъ заключенія о „степени полученныхъ поврежденій“ и ихъ послѣдствій для здоровья Рязанова. Гораздо рѣшительнѣе выражался судебный слѣдователь Копаяскій, которому, какъ мы увидимъ, было поручено слѣдствіе; еще въ постановленіи 31-го марта 1890 г. онъ говоритъ: „По даннымъ судебно-медицинскаго осмотра съ большою вѣроятностью можно предположить, что у Рязанова существуетъ переломъ височной и верхней челюстной кости“. 8-го апрѣля, въ день отъѣзда Рязанова съ промсловъ, на допросѣ у судебного слѣдователя фельдшеръ Александровскаго прииска Аппельбергъ (бывшій студентъ 5 курса московскаго университета) показалъ: „На основаніи найденнаго мною при осмотрѣ Рязанова 9-го марта и наблюдаемаго мною теченія его болѣзни, я думаю, что онъ, Рязановъ, получилъ переломъ или трещину височной кости и верхней лѣвой челюсти“. Вѣроятно, эти свои предположенія Аппельбергъ еще ранѣе сообщалъ слѣдователю, а тотъ принялъ ихъ за положительный результатъ судебно-медицинскаго осмотра. Въ послѣдній разъ Рязановъ былъ освидѣтельствованъ 11-го іюля въ Енисейскѣ городовымъ врачомъ. Раны къ этому времени затянулись рубцомъ; врачъ нашелъ, что „скуловая кость въ средней части представляетъ углубленіе“, и что „носовые кости, повидимому, нѣсколько отклонены въ лѣвую сторону“; окончательное же его заключеніе было таково, что *„поврежденія по послѣдствіямъ слѣдуетъ отнести къ легкимъ, но тѣмъ не менѣе лишившимъ Рязанова въ продолженіе болѣе мѣсяца способности къ личному труду и оставившимъ послѣ себя въ значительной степени безобразія“*.

Возвратимся, однако, къ тому, что дѣлалось на Александровскомъ приискѣ послѣ описаннаго событія или, какъ выразился на допросѣ одинъ обвиняемый, „маленькой катастрофы“, которая вѣроятно заставитъ присковыхъ служащихъ, подобныхъ Рязанову, быть поосторожнѣе въ своемъ обращеніи съ рабочими. Чувство собственного достоинства очевидно возрасло въ рабочихъ и продѣлывать съ ними то, что легко сходило съ рукъ въ 40-хъ и 50-хъ годахъ, теперь невозможно, хотя положеніе обѣихъ сторонъ очень неравное и защита рабочими своего человѣческаго достоинства обходится имъ очень дорого.

Расправившись съ Рязановымъ, рабочіе на другой день продолжали попрежнему работать.

Горный исправникъ Кубе, прибывъ 10-го марта на Александровскій приискъ, приступилъ къ предварительному допросу свидѣтелей и, узнавъ имена наиболѣе виновныхъ, приказалъ старшему уряднику привести ихъ. Тотъ скоро возвратился и доложилъ, что „пришла вся команда“. Когда исправникъ вышелъ къ нимъ, они заявили: „Къ спросу по одному человѣку не дадимъ; мы на лицо, и можете спрашивать всѣхъ“. Исправникъ отвѣчалъ, что, производя слѣдствіе, онъ долженъ

спрашивать каждого отдѣльно, но рабочіе единогласно заявили, что въ такомъ случаѣ отвѣчать не желаютъ, а пусть пришлютъ имъ жандармскаго офицера, и затѣмъ ушли. Мотивы этого послѣдняго требованія вполне понятны: рабочіе, конечно, очень хорошо знали, что исправникъ находится въ матеріальной зависимости отъ золотопромышленниковъ, и потому желали, чтобы слѣдствіе производило лицо болѣе самостоятельное; а такъ какъ еще въ первой половинѣ 70-хъ годовъ губернское жандармское управленіе наблюдало за присылками и начальникъ его посѣщалъ ихъ, то рабочимъ и пришло въ голову потребовать присылки жандармскаго офицера.

Исправникъ въ тотъ же день послалъ донесенія товарищу енисейскаго губернскаго прокурора и губернатору о томъ, что команда рабочихъ отказалась выдать обвиняемыхъ, требуя для производства слѣдствія жандармскаго офицера, на что и получилъ отъ прокурора предложеніе передать дѣло о нанесеніи побоевъ Рязанову—судебному слѣдователю, который прибудетъ на присылку. Извѣщая о томъ же горнаго исправника, исправляющій должность губернатора предлагалъ разъяснить рабочимъ, что для командированія жандармскаго офицера „нѣтъ никакихъ законныхъ основаній, и предупредить, что если и за симъ они будутъ упорствовать въ дачѣ показаній особому слѣдователю, то вынудятъ обратиться къ мѣрамъ крайней строгости и призыву военной силы“. 22-го марта, судебный слѣдователь Енисейскаго округа Копанскій, прибывъ на присылку, приступилъ къ производству слѣдствія.

На другой день, допросивъ двухъ рабочихъ, крестьянина Пашенныхъ и поселенца Мерлина, судебный слѣдователь постановилъ заключить ихъ временно подъ стражу при резиденціи горнаго исправника и отдалъ двумъ казакамъ приказаніе арестовать обвиняемыхъ. Мерлинъ вырвался, закричавъ: „ребята, меня арестуютъ“, но тѣмъ не менѣе былъ пойманъ и отвезенъ въ резиденцію исправника. Впослѣдствіи, въ жалобѣ на имя „помощника жандармскаго начальника“, написанной лѣтомъ въ енисейскомъ тюремномъ замкѣ,—говоритъ Мерлинъ,—меня, привязаннаго на саяхъ, привезли на резиденцію, которая находилась въ 12-ти верстахъ отъ стану, въ одной рубашкѣ, что видѣли казакъ (такой-то) и другіе, бывшіе тутъ. Команда рабочихъ, пришедши къ слѣдователю, просила не арестовать меня раздѣтаго, но слѣдователь сказалъ, что это не ваше дѣло, и топая ногами, говорилъ: „я васъ всѣхъ закую“; а въ другомъ прошеніи, поданномъ товарищу прокурора Енисейскаго округа, Мерлинъ утверждалъ, что кричалъ: „меня арестуютъ“—для того, чтобы ему вынесли одежду. Судебный слѣдователь по этому поводу въ постановленіи отъ 9-го августа, написалъ: „Обвиняемые Мерлинъ и Пашенныхъ являлись къ слѣдствію и были отправлены въ резиденцію горнаго исправника, во всякомъ случаѣ, не въ однѣхъ рубашкахъ, а

имѣли при себѣ теплую одежду... Мерлинъ въ виду попытки бѣжать отъ конвоировъ, съ цѣлю произвести волненіе среди рабочихъ, можетъ быть, и былъ въ предупрежденіе бѣгства связываемъ, но не по распоряженію слѣдователя“. Однако Мерлинъ въ прошеніи, поданномъ Енисейскому губернскому прокурору въ сентябрѣ мѣсяцѣ, вновь утверждаетъ, что слѣдователь взялъ его „мокраго и неодрѣтаго съ работъ и, несмотря на 12-ти верстное разстояніе, неодрѣтаго и непереобутаго при морозахъ арестовалъ и усадъ въ заключеніе“, и что онъ будто бы только просилъ товарищей вынести ему теплую одежду. Последнее едва ли справедливо; по крайней мѣрѣ судебный слѣдователь въ постановленіи отъ 31-го марта, гдѣ онъ излагаетъ весь ходъ дѣла, говоритъ, что Мерлинъ прямо заявилъ ему: „артель не позволить меня арестовать“.

Послѣ ареста двухъ товарищей, рабочіе, недовольные тѣмъ, что при допросахъ у судебного слѣдователя присутствуетъ управляющій Бастрыковъ, рѣшилися проучить слѣдователя, какъ то видно изъ слѣдующаго постановленія слѣдователя 23 марта: „Я, судебный слѣдователь по Енисейскому округу, получилъ словесное заявленіе отъ собравшейся сего числа артели рабочихъ, что присутствіе какихъ бы то ни было постороннихъ лицъ при производствѣ слѣдствія совсѣмъ нежелательно, такъ какъ они, рабочіе, при существованіи подобныхъ условий, не могутъ давать мнѣ, слѣдователю, чистосердечныхъ показаній и будутъ сомнѣваться въ безпристрастности моихъ дѣйствій. Принимая во вниманіе, что рабочіе въ данное время находятся въ антагонизмѣ со всей присковской администраціей и что помимо контингента лицъ, входящихъ въ нее, другихъ лицъ, не имѣющихъ никакого отношенія къ настоящему дѣлу, нѣтъ на прискѣ, нашелъ ходатайство рабочихъ, въ интересахъ производства слѣдствія, заслуживающимъ уваженія, а потому постановилъ: производить допросъ рабочихъ въ отсутствіе какихъ бы то ни было постороннихъ лицъ, исключая“ трехъ „присковскихъ казаковъ“.

Дѣло, однако, на этомъ не кончилось. Если рабочіе не успѣли помѣшать аресту товарищей, то они пожелали, по крайней мѣрѣ, ихъ освободить. Черезъ нѣсколько часовъ послѣ ареста Мерлина и Пашенныхъ, 23 марта, часа въ 4 пополудни, невдалекѣ отъ квартиры управляющаго Бастрыкова стала собираться большая толпа рабочихъ, которые о чемъ-то оживленно разговаривали, размахивая руками. Слѣдователь и горный исправникъ, опасаясь насильственныхъ дѣйствій со стороны рабочихъ и чтобы узнать причину ихъ сборища, вышли къ нимъ. Прежде всего слышались изъ толпы крики: „зачѣмъ вы арестовали Пашенныхъ и Мерлина, когда мы тутъ всѣ виновны?“ Слѣдователь отвѣчалъ, что все сдѣлано имъ на законномъ основаніи, и если они считаютъ его дѣйствія неправильными, то могутъ обратиться (не ско-

помъ, а каждый отдѣльно) съ жалобой къ его начальству. Но его слова были заглушены крикомъ рабочихъ, требовавшихъ освобожденія арестованныхъ, а нѣкоторые прямо заявляли, что они выпустятъ на свободу заключенныхъ товарищей, и, при этомъ размахивали руками настолько внушительно, что слѣдователь согласился на освобожденіе арестованныхъ. Толпа, окружившая со всѣхъ сторонъ слѣдователя и горнаго исправника, стала также спрашивать этого послѣдняго, зачѣмъ онъ такихъ-то и такихъ-то рабочихъ наказывалъ розгами, а другихъ держалъ подъ арестомъ, моря ихъ голодомъ. „Однимъ словомъ, для толпы“,—по увѣреніямъ судебного слѣдователя,—„не существовало никакой власти, кромѣ грубой ихъ физической силы“, которая при „зажигательныхъ рѣчахъ“, произносимыхъ ея вожаками, угрожала личной безопасности должностныхъ лицъ. Болѣе дѣятельную агитацію среди рабочихъ, для возбужденія ихъ неудовольствія, вели 15 человѣкъ. „Особенно дерзко держалъ себя Должинскій, который доказывалъ, что рабочіе поступили вполне справедливо, расправившись съ Рязановымъ, такъ какъ послѣдній притѣснялъ рабочихъ, нанося имъ часто побои. при чемъ все происходившее называлъ ни болѣе, ни менѣе, какъ маленькою катастрофою“.

Тотчасъ послѣ этого объясненія судебный слѣдователь составилъ постановленіе, въ которомъ говорить, что „толпа рабочихъ, приблизительно въ числѣ 130 человѣкъ, предъявила мнѣ, слѣдователю, категорическое требованіе освободить арестованныхъ, въ противномъ случаѣ угрожая отправиться въ резиденцію исправника и освободить заключенныхъ, и что прежде, чѣмъ Пашенныхъ и Мерлинъ не будутъ освобождены, они по одиночкѣ отказываются давать на слѣдствіи какія бы то ни было показанія. Принимая во вниманіе, что на Александровскомъ приискѣ находится человѣкъ двѣсти съ лишкомъ рабочихъ, между тѣмъ полицейскихъ служителей-казаковъ полагается здѣсь всего лишь два человѣка, въ резиденціи же горнаго исправника четыре человѣка, ничѣмъ кромѣ шапекъ не вооруженные“, и что, слѣдовательно, „никакого физическаго воздѣйствія“ нельзя „произвести на рабочихъ, броженіе въ умахъ которыхъ еще не улеглось, постановилъ: уступая физическому давленію и во избѣжаніе какихъ бы то ни было безпорядковъ среди рабочихъ, Пашенныхъ и Мерлина изъ-подъ стражи освободить, о чемъ и донести г. енисейскому губернатору“.

Когда слѣдователь объявилъ это постановленіе рабочимъ, они стали увѣрять, что *не требовали*, а лишь *просили* его освободить обвиняемыхъ и что они физическаго давленія не оказываютъ. Слѣдователь поспѣшилъ записать эти слова съ такимъ заключеніемъ: „подобныя увѣренія значенія въ настоящее время никакого не могутъ имѣть, ибо слѣдователь стѣсненъ въ своихъ дѣйствіяхъ изъ опасенія, дабы малѣй-

шая вспышка со стороны возбужденныхъ рабочихъ не повлекла къ серьезнымъ послѣдствіямъ, угрожая личной безопасности присковой администраціи, а потому, полагая, что при отсутствіи военной силы невозможно продолжать настоящаго слѣдствія, постановилъ записать о семъ для свѣдѣнія енисейскаго губернатора“.

На другой день, 24 марта, слѣдователь составилъ особое постановление объ освобожденіи Мерлина и Пашенныхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ донесъ губернатору о своемъ затруднительномъ положеніи. Исправляющій должность енисейскаго губернатора телеграфировалъ иркутскому генералъ-губернатору, и послѣдній приказалъ отправить изъ Енисейска на прискъ вооруженную команду, которая была доставлена туда на подводахъ и 30 марта прибыла на Александровскій прискъ въ слѣдующемъ составѣ: офицеръ, два унтеръ-офицера и 30 рядовыхъ.

На другой день, т.-е. 31 марта, собрана была вся команда рабочихъ, военный отрядъ выстроился противъ нея, и судебный слѣдователь, въ присутствіи горнаго исправника, сталъ вызывать по очереди 25 рабочихъ, считавшихся наиболѣе виновными, которые и были арестованы. Во все это время остальные рабочіе соблюдали глубокую тишину. 15 особенно важныхъ обвиняемыхъ были закованы въ ножные кандалы. Эту мѣру судебный слѣдователь въ постановленіи отъ того же числа мотивируетъ слѣдующими соображеніями: „1) Исключительное положеніе, при которомъ производится настоящее слѣдствіе, допускаетъ употребленіе исключительныхъ, крайнихъ мѣръ. 2) Броженіе среди рабочихъ на Александровскомъ прискѣ отразилось неблагопріятно и на сосѣднихъ прискахъ южно-енисейскаго округа, гдѣ артелью рабочихъ были предъявлены требованія, тождественныя съ таковыми же, изложенными въ настоящемъ дѣлѣ. 3) На Александровскомъ прискѣ нѣтъ особо приготовленнаго зданія“ для безопаснаго помѣщенія арестованныхъ. „4) Въ командѣ, присланной на Александровскій прискъ, рядовыхъ 32 человѣка, т.-е. на семь человѣкъ болѣе, чѣмъ арестованныхъ, что... указываетъ на необходимость принятія по отношенію къ заарестованнымъ крайнихъ мѣръ предосторожности, дабы команда съ успѣхомъ могла наблюдать, какъ за сими послѣдними, такъ и за общимъ положеніемъ дѣла на Александровскомъ прискѣ, на коемъ оставалось еще на свободѣ человѣкъ 200 рабочихъ. 5) Препровожденіе арестованныхъ по дорогамъ южно-енисейской тайги, въ виду большихъ разстояній между станками, особыхъ условий таежной дороги и малочисленности для даннаго времени конвоя, представляется небезопаснымъ въ случаѣ попытки арестованныхъ бѣжать отъ конвоировъ, чему могутъ пособѣйствовать и сочувствующіе симъ послѣднимъ нѣкоторые изъ топарішей, оставшихся на свободѣ, и 6) важность преступленія требуетъ энергическихъ мѣръ по преслѣдованію виновныхъ“.

Три арестанта были отправлены 4 апрѣля въ енисейскую тюрьму, а черезъ нѣсколько дней предполагалось отправить туда еще троихъ. Донося объ этомъ енисейскому губернатору, горный исправникъ сообщаетъ, что „въ виду проявленія маловажныхъ безпорядковъ на сосѣднихъ прискахъ и въ предупрежденіе болѣе крупныхъ“, онъ, по соглашенію съ судебнымъ слѣдователемъ, сообщилъ командующему военнымъ отрядомъ, что этотъ послѣдній долженъ оставаться на прискѣ до окончанія слѣдствія.

И судебный слѣдователь, и горный исправникъ упоминаютъ о волненіяхъ рабочихъ на сосѣднихъ промыслахъ. Случаи неповиновенія были на прискахъ Кузнецова, Саввиныхъ, Асташева и Переплетчикова, но подробныхъ свѣдѣній объ этихъ происшествіяхъ мы не имѣемъ. Но вотъ что произошло на Николаевскомъ прискѣ Глазкова. 17 марта рабочіе этого приска явились вечеромъ къ дому управляющаго прискомъ Сахновскаго и потребовали его къ себѣ на улицу для объясненія относительно скрывавшагося уже нѣсколько дней рабочаго поселенца Ермонта, который имъ сказалъ, что его избилъ Сахновскій; рабочіе, видимо, хотѣли расправиться съ управляющимъ, но казакъ, находившійся на службѣ на этомъ прискѣ, убѣдилъ ихъ, что Ермонта въ говорить неправду, и уговорилъ разойтись. На другой день горный исправникъ пріѣхалъ на этотъ прискъ, и Ермонта въ присутствіи рабочихъ сознался, что Сахновскій его не билъ и что онъ только предполагалъ возможность этого. Горный исправникъ выдворилъ Ермонта изъ тайги, какъ вредно влияющаго на рабочихъ, а остальнымъ сдѣлалъ внушеніе.

12-го апрѣля судебный слѣдователь Копанскій выѣхалъ съ Александровскаго приска, а 24-го іюля препроводилъ къ товарищу прокурора по Енисейскому округу производство по этому дѣлу, но получилъ его обратно для нѣкоторыхъ дополненій, что дало ему возможность написать опроверженіе поданныхъ на него жалобъ. По поводу обвиненія въ томъ, что слѣдствіе производилось пристрастно и сопровождалось угрозами заковать въ кандалы, онъ между прочимъ говоритъ: „какія слѣдователь могъ употреблять по отношенію къ нимъ угрозы, когда онъ, имѣя дѣло съ артелью рабочихъ въ 220 человекъ съ лишнимъ“, могъ бы подобною безтактностью „заставить возгорѣться съ новою силою улегшееся незадолго до этого чувство недовольства противъ всей присковой администраціи“.

Въ началѣ октября 1890 г. исправляющій должность енисейскаго губернскаго прокурора, Виноградовъ, внесъ это дѣло въ губернский судъ съ своимъ заключеніемъ, гдѣ, опредѣляя составъ преступленія, счелъ прежде всего нужнымъ отмѣтить, что слѣдствіемъ не собрано данныхъ, позволяющихъ предполагать въ толпѣ рабочихъ желаніе посягнуть на

жизнь Рязанова, но, „принявъ во вниманіе особую жестокость при нанесеніи Рязанову побоевъ, въ чемъ легко убѣдиться изъ первоначальнаго осмотра присковымъ врачомъ и продолжительности его страданій, ибо, спустя уже три мѣсяца послѣ нанесенія ему побоевъ, отъ нихъ остались вполне ясны слѣды, побои, причиненные Рязанову, нельзя не отнести къ преступному дѣянію, предусмотрѣнному 1489 ст. уложенія о наказаніяхъ, хотя такое и было совершено въ состояніи запальчивости и раздраженія, не устраняющихъ, однако, возможности примѣненія приведенной статьи... Что касается до отказа команды рабочихъ давать горному исправнику показанія впредь до командированія на прискъ жандармскаго офицера, а равно предъявленія судебному слѣдователю требованія объ освобожденіи рабочихъ Пашенныхъ и Мерлина, то, принявъ во вниманіе, что *работы на прискъ все время безпрерывно продолжались, и судебнымъ слѣдователемъ не приведено никакихъ фактическихъ доказательствъ, указывающихъ на возможность какого-либо насилія противъ правительствомъ установленныхъ властей*, нельзя не придти къ заключенію, что формальное слѣдствіе по обвиненію вышеназванныхъ лицъ въ преступленіи, предусмотрѣнномъ 264 ст. улож. о наказ., подлежитъ прекращенію съ отрицною принятой противъ обвиняемыхъ мѣры обезпеченія, а виновные въ неисполненіи законнаго требованія горнаго исправника, обращеннаго къ толпѣ, разойтись по казармамъ, должны подлежать наказанію по 29 и 38 ст. мирового устава“.

Въ ноябрѣ 1890 г. енисейскій губернский судъ произнесъ приговоръ, по которому, признавая всѣхъ 27 обвиняемыхъ „виновными въ неисполненіи законныхъ требованій полицейской власти“, а 4 изъ нихъ (крестьянъ Пашенныхъ и Лукашевскаго и ссыльнопоселенцевъ Рогачевскаго и Мерлина) „кромѣ того въ причиненіи Рязанову истязаній“, опредѣлилъ крестьянъ Пашенныхъ и Лукашевскаго, по лишеніи всѣхъ особенныхъ лично и по состоянію присвоенныхъ правъ и преимуществъ, заключить въ тюрьму на 3 года и 3 мѣсяца; ссыльнопоселенцевъ Рогачевскаго и Мерлина наказъ плетью 42 ударами и обратить во временную работу на заводахъ каждого на 4 года и 6 мѣсяцевъ; затѣмъ 13 рабочихъ подвергнуть въ пользу казны взысканію съ каждого въ размѣрѣ по 25 р., а при несостоятельности аресту при полиціи (а одного личнаго почетнаго гражданина—при тюрьмѣ), каждого на 5 дней, и, наконецъ, 10 человекъ (изъ ссыльнопоселенцевъ, и въ томъ числѣ Барипова) наказъ розгами, каждого въ размѣрѣ 50 ударовъ“ ¹⁾.

¹⁾ Лукашевскій и Мерлинъ подавали жалобу на приговоръ суда въ сенатъ, но она была оставлена безъ послѣдствій. Архивы енисейскаго губернскаго суда (дѣло 1890 г. по 4 столу, № 478) и горнаго исправника южно-енисейской системы (дѣло 1890 г., № 23).

Такимъ образомъ, по суду подверглись наказанію 27 человекъ; но не только для нихъ, а для гораздо большаго количества рабочихъ участіе въ волненіи 1890 г. имѣло еще одно послѣдствіе, по усмотрѣнію мѣстной администраціи. Управляющій Бастрыковъ составилъ списокъ „рабочихъ, находившихся на промыслахъ К^о Базилевскаго и Черемныхъ въ операцію 1889—90 г. и участвовавшихъ въ бунтѣ противъ управленія 9-го марта, противъ горнаго исправника 10-го марта, противъ горнаго исправника и судебного слѣдователя 23-го марта 1890 г., *„а также замѣченныхъ управленіемъ въ разныхъ проступкахъ“*, въ который включилъ фамиліи 204 рабочихъ и препроводилъ его къ горному исправнику, а тотъ не только принялъ его, но распространилъ его и виѣ предѣловъ своей системы. По крайней мѣрѣ горный исправникъ сѣверной части этого округа присоединилъ этотъ списокъ къ составленному имъ списку подвергнутыхъ взысканіямъ за разные преступленія и проступки и бѣжавшихъ съ прискоковъ своего округа и въ печатномъ видѣ разослалъ его золотопромышленникамъ, выражая желаніе, *„чтобы поименованные въ списокѣ рабочіе не были нанимаемы въ новую операцію“*. Желательно было бы воспретить составленіе и разсылку такихъ списковъ, при составленіи которыхъ исправники руководятся непровѣренными показаніями прискоковыхъ управленій. Прокуроръ и судъ признали невозможнымъ обвинять рабочихъ по 264 ст. улож. о наказ., а управляющій Бастрыковъ и горные исправники продолжаютъ употреблять слово „бунтъ“ въ официальныхъ бумагахъ; судъ признаетъ виновными 27 чел., а управляющій Бастрыковъ и горные исправники говорятъ: „нѣтъ, виновны въ бунтѣ большинство рабочихъ“, да еще кстати накидываютъ нѣкоторое число рабочихъ, въ немъ не участвовавшихъ, но будто бы виновныхъ (по непровѣренному свидѣтельству Бастрыкова) *„въ разныхъ проступкахъ“*, и всѣ эти рабочіе включаются въ одинъ списокъ заурядъ съ главными обвиненными. И это продѣлываетъ Бастрыковъ, который самъ повиненъ въ избіеніи Рязанова, потому что не остановилъ кулачной расправы, практикуемой этимъ послѣднимъ, и не обратилъ вниманія на справедливыя жалобы рабочихъ, и горный исправникъ Кубе, который несомнѣнно повиненъ въ небрежномъ отношеніи къ своимъ обязанностямъ; на основаніи § 13 инструкции для горныхъ исправниковъ 1874 г., онъ долженъ былъ *„слѣдить, чтобы хозяева и ихъ уполномоченные обходились со служащими и рабочими кротко“*. А что ему была извѣстна наклонность Рязанова къ кулачной расправѣ, видно изъ того, что 27 декабря 1889 г. крестьянинъ Семенъ Ячменевъ подалъ ему прошеніе о нанесеніи его сыну Сергѣю побоевъ становымъ Рязановымъ. Горный исправникъ поручилъ прискоковому врачу Квитковскому освидѣтельствовать Ячменева *„въ состояніи здоровья и степени полученныхъ поврежденій“* (какъ

будто побой, не причиняющіе поврежденій, позволительны), но врачъ уже не засталъ на другой день на прискѣ Ячменева, „который неизвѣстно куда выѣхалъ“, очевидно мало разсчитывая на правосудіе мѣстной власти. Вскорѣ затѣмъ онъ подалъ прошеніе по тому же дѣлу товарищу енисейскаго губернскаго прокурора. Чѣмъ окончилось это дѣло, мы не знаемъ; но если горный исправникъ въ официальномъ отношеніи судебному слѣдователю утверждаетъ, что, „кромѣ этихъ жалобъ, ни письменныхъ, ни словесныхъ на становаго Рязанова къ нему не поступало“, то отсутствіе письменныхъ жалобъ можетъ объясняться, судя по показаніямъ на слѣдствіи, угрозами Рязанова тѣмъ, которые вздумаютъ ихъ писать, или, какъ онъ выражался, „адвокатничать“, а отсутствіе словесныхъ жалобъ (если только эти слова исправника справедливы) могло бы быть слѣдствіемъ того, что исправникъ иной разъ безъ всякихъ разговоровъ подвергалъ присылаемыхъ къ нему отъ присковскихъ управленій рабочихъ навазаніямъ, не выслушивая ихъ заявленій или не обращая на нихъ вниманія. Но нѣкоторые рабочіе на слѣдствіи утверждали, что они жаловались исправнику.

Мѣстная печать съ справедливымъ негодованіемъ отнеслась къ поведенію присковаго управленія и горнаго исправника, видя въ нихъ главныхъ виновниковъ волненій 9-го марта 1890 г. „Прежде всего надо сказать,—читаемъ мы въ „Сибирскомъ Вѣстникѣ“,—что поводомъ къ нанесенію побоевъ Рязанову всей командой было болѣе чѣмъ жестокое обращеніе Рязанова съ рабочими. Избить рабочаго, избить даже мальчика лакея, избить, наконецъ, своего брата-служаку—для Рязанова было дѣломъ обыкновеннымъ. Что это факты, а не голословное обвиненіе, тому можно привести доказательства. Рязановъ въ февралѣ избилъ мальчика-лакея, Сергѣя Ячменева, въ январѣ избилъ служащаго Селянина, бывшаго у него въ гостяхъ, избилъ арендатора Чанскаго, конторщика Башурова, а рабочихъ избивалъ многихъ. И такому жестокому человѣку, для котораго зуботычина была самымъ обыкновеннымъ жестомъ, ввѣрена была должность помощника управляющаго прискомъ, непосредственнаго распорядителя присковой жизни! Что онъ таковъ—извѣстно было раньше... подвиги его совершались на глазахъ управляющаго, на виду горнаго исправника, которому приносились не разъ на Рязанова жалобы. Казалось бы, какъ не остановить своего подчиненнаго, какъ не остановить дерзкаго на руку человѣка?... Присковская администрація несомнѣнно виновата въ этомъ прискорбномъ событіи тѣмъ, что съ ея попустительства раздувалось броженіе между рабочими, приведшее къ столь печальному финалу“¹⁾.

¹⁾ „Сиб. Вѣстн.“ 1890 г., № 69. Сочувствіе „Восточнаго Обозрѣнія“ также, какъ мы видѣли, на сторонѣ рабочихъ. „Восточн. Обоз.“ 1890 г., № 15, стр. 8, 8—9; 1892 г., № 49.

„Восточное Обозрѣніе“ ¹⁾ сообщаетъ, что золотопромышленники собирались подать петицію высшему начальству о строгомъ наказаніи рабочихъ. Они осуществляли это намѣреніе въ болѣе общей формѣ, представивъ министру государственныхъ имуществъ въ 1892 г. записку, которую мы уже не разъ цитировали и въ которой между прочимъ ходатайствовали объ увеличеніи военной силы на принскахъ, тогда какъ дѣло о волненіи на Александровскомъ принскѣ показываетъ, какъ въ сущности мирно были настроены тамъ рабочіе: они считаютъ необходимымъ „потрепать“ служащаго, который ихъ колотитъ, но въ то же время продолжаютъ работать и не оказываютъ сопротивленія военному отряду, почти въ десять разъ менѣе многочисленному, чѣмъ „команда“ рабочихъ, даже когда судебному слѣдователю вадумалось заковать въ кандалы 15 человекъ ихъ товарищей. *„Во избѣжаніе повторявшихся въ послѣднее время стачекъ принсковыхъ рабочихъ, — пишутъ енисейскіе золотопромышленники, — весьма желательно, чтобы мѣстная полицейская власть въ лицѣ горныхъ исправниковъ стояла на всей высотѣ своего призванія (!) и не была бы парализована неимѣніемъ подъ рукою военной силы, кромѣ ничтожной горсти совершенно безоружныхъ казаковъ, и потому не допускала бы малодушныхъ и незаконныхъ уступокъ, мотивируя ихъ, напримѣръ, тѣмъ, что „толпа носила буйный характеръ“, какъ это было недавно ²⁾.* „Всякая уступка буйной толпѣ и особенно уступка незаконная, — читаемъ далѣе въ запискѣ енисейскихъ золотопромышленниковъ, — есть не что иное, какъ подливаніе лишь масла въ огонь. Подобныя уступки настолько уже поколебали и пошатнули въ глазахъ рабочихъ престижъ мѣстной власти, что, для поддержанія его отъ окончательнаго паденія, безотлагательно необходимо имѣть на принскахъ большее число стражи противъ существующей, и притомъ хорошо вооруженной, дабы она представляла собою дѣйствительную военную силу, а не нѣчто въ родѣ разсыльныхъ, какими являются въ глазахъ рабочихъ наличные казаки. Въ настоящее время угрозы, а иногда и сопротивленіе открытою силою со стороны рабочихъ, при требованіи отъ нихъ выдачи зачинщиковъ и преступниковъ, сдѣлались обыкновенными явленіями, особенно съ тѣхъ поръ, какъ здѣсь, въ енисейской тайгѣ, появились выходцы съ олекминскихъ принсковъ“ ³⁾.

Прежде всего слѣдуетъ усомниться, чтобы „стачки“ въ Енисейскомъ округѣ повторялись столь часто, какъ это утверждаютъ енисейскіе золотопромышленники, такъ какъ въ этомъ случаѣ мы должны

¹⁾ 1892 г., № 49.

²⁾ Очевидно, намекъ на волненіе 1890 г., во время котораго, однако, судебный слѣдователь обнаружилъ скорѣе избытокъ, чѣмъ недостатковъ усердія.

³⁾ Дѣло Горн. Департ., отд. частн. золот., № 80.

были бы найти о нихъ свѣдѣнія въ официальныхъ отчетахъ; а затѣмъ не трудно понять, что прекратить стачки, разумѣется, можетъ не увеличеніе вооруженной силы, а только устраненіе ихъ причинъ, т.-е. улучшеніе содержанія рабочихъ, уменьшеніе тягости труда, болѣе мягкое обращеніе съ рабочими присковскихъ служащихъ. Что касается горныхъ исправниковъ, то, дѣйствительно, желательно было бы, чтобъ они стояли „на всей высотѣ своего призванія“, но эта позиція будетъ занята ими не ранѣе того, какъ они перестанутъ пользоваться неофициальными субсидіями отъ золотопромышленниковъ, далеко превышающими ихъ казенное содержаніе и лишаящими ихъ должнаго безпристрастія,—а это-то (а не мнимыя уступки и послабленія) и подрываетъ ихъ престижъ среди рабочихъ.

Волненія рабочихъ на прискахъ Восточной Сибири не ограничивались Енисейскимъ округомъ и повторялись, съ тѣмъ же характеромъ, и въ другихъ округахъ. Такъ, въ маѣ 1883 г., на прискѣ потомств. почетн. гражданки К., на границѣ Алтайскаго и Красноярскаго округовъ по р. Тубилѣ, рабочіе, недовольные присковымъ управленіемъ, отказались работать и около 15 чел. ушли съ приска. Полицейскій урядникъ съ конюхами бросился въ погоню за ними и, настигнувъ въ нѣсколькихъ верстахъ отъ приска 5 рабочихъ, ранилъ двоихъ въ ноги выстрѣлами изъ ружья, заряженнаго дробью, и, связавъ бѣглецовъ, доставилъ ихъ на прискъ. Артель рабочихъ кинулась освобождать арестованныхъ, сопровождавшій урядника конюхъ былъ избитъ до полусмерти, и самъ урядникъ едва успѣлъ скрыться въ промысловой конторѣ. Завѣдующему работами удалось остановить дальнѣйшее волненіе, но побѣги рабочихъ и отказъ отъ выполненія задаваемыхъ уроковъ продолжались. 12-го мая, губернское начальство командировало на прискъ одного изъ полицейскихъ приставовъ г. Красноярска съ двумя казаками. По возвращеніи, онъ донесъ, что рабочіе выражаютъ неудовольствіе на присковое управленіе вслѣдствіе дурной постановки работъ, „составляющихъ въ высшей степени непосильный трудъ, такъ какъ рабочимъ приходится цѣлый день стоять по поясъ въ водѣ, а присковое управленіе не заботится объ удаленіи притока воды; рабочіе жаловались также и на недостатокъ пищи. Хотя, по мнѣнію пристава, жалобы рабочихъ были неосновательны, но губернское начальство не убѣдилось его донесеніемъ (тѣмъ болѣе, что на другой день послѣ его отъѣзда съ приска бѣжали еще 16 человѣкъ) и назначило формальное слѣдствіе, поручивъ его красноярскому окружному исправнику ¹⁾).

¹⁾ „Восточн. Обоз.“ 1883 г., № 31, стр. 6. По словамъ автора корреспонденціи, прискъ этотъ находился въ завѣдываніи ачинскаго и минусинскаго горнаго исправника, но по отдаленности приска исправникъ ни разу не посѣтилъ его.

Въ 1888 г. въ „Сибирской Газетѣ“ появилось извѣстіе, что на ачинскихъ пріискахъ одного томскаго купца произошли безпорядки. Въ началѣ этого года пріисковое управленіе отказалось отпускать припасы въ кредитъ рабочимъ, вслѣдствіе чего изъ 50 человекъ 30 рабочихъ забастовали и не стали являться на работы. Урядникъ хотѣлъ наказать зачинщиковъ, но рабочіе не позволили; по приѣздѣ горнаго исправника, рабочіе также не допустили арестованія зачинщиковъ, и затѣмъ 30 чел. ушли съ пріиска ¹⁾).

Въ Минусинскомъ округѣ, по рѣчкѣ Узунжулу (притокъ Камышты, системы Абакана) находится Троицкій пріискъ Кузнецовыхъ. Въ зимнюю операцію 1889—90 г. на немъ было рабочихъ 160 человекъ; „довѣреннымъ по разработкѣ пріиска“ былъ въ это время П. О. Барташевъ (нынѣ умершій), а „управляющимъ“ пріиска—сынъ его Николай ²⁾).

О началѣ волненія на Троицкомъ пріискѣ рабочіе въ прошеніи, поданномъ горному исправнику, по приѣздѣ его на пріискъ 13-го февраля, рассказываютъ слѣдующее: „У насъ на пріискѣ сего 1890 г., января 30-го (31-го) дня случилось большое возмущеніе, какъ между нами, а равно и управленіемъ всего пріиска. Утромъ рано, во время раскомандировки людей по работамъ, надворный Суровъ... нѣкоторыхъ изъ забойщиковъ гналъ въ домъ хозяина при строгомъ повтореніи, чтобы (шли) немедленно, и тѣ, располагая слышать какое-нибудь приказаніе отъ хозяина, напротивъ, встрѣтили неожиданное угощеніе водкой, и до такой степени пили всѣ приглашенные, что начинали уже пѣть пѣсни, а равно и хозяинъ Николай Петровичъ... подражалъ гостямъ, а надворный, исполняя свою обязанность, самъ по себѣ выгонялъ возчиковъ, чтобы разбирали лошадей, и затѣмъ забойщиковъ“. Возчики собрались „на конномъ дворѣ, куда пришелъ и хозяинъ въ очень неприличномъ порядкѣ... и, по всему замѣтно,—очень былъ пьянъ, и по приходѣ начинаетъ ругать каждого извозчика съ угрозами, что васъ бить надо, подлецовъ; но извозчики молча старались каждый поскорѣе взять коня, выйти со двора, опасаясь, тѣмъ болѣе слыхавши ранѣе о его пьяномъ характерѣ и желая избѣгнуть какихъ-либо непріятностей и... дерзости Николая Петровича, но какъ ни старались, а не пришлось всѣмъ отдѣлаться благополучно, и заплатили одинъ изъ всѣхъ Рейнгольдъ Вѣникъ (Вейнигъ), который старался также охмутать коня и

¹⁾ „Сибирская Газета“ 1888 г., № 8, стр. 7.

²⁾ Нашъ рассказъ о волненіи на этомъ пріискѣ основанъ на подлинномъ дѣлѣ енисейскаго губернскаго суда (дѣло 1890 г., № 364). Нѣкоторыя, весьма немногія свѣдѣнія заимствованы изъ ненапечатаннаго очерка одного мѣстнаго наблюдателя, предоставленнаго авторомъ въ наше распоряженіе (мы будемъ цитировать его подъ буквами С. П.).

увести со двора. Подошедши къ нему, хозяинъ, ругаясь, закричалъ на него: „ты чтó еще копаешься!“ несмотря на то, что онъ не послѣдній на дворѣ, а при многихъ возчикахъ, и при этомъ ударилъ его очень больно; но тотъ, не взирая ни на что, хотѣлъ-было еще Вейнига ударить, но Вейнигъ, видя свою опасность, бросилъ коня и убѣжалъ. Онъ, Барташевъ, закричалъ: „казаки, возьмите его!“ По мнѣнію рабочихъ, казаки „повидимому слѣдили за всѣми его выходками и знали... заранѣе все, что случится“, и потому кинулись его, Вейнига, схватить, но Вейнигъ, желая избѣгнуть побоевъ дерзкой руки Николая Петровича, не сталъ даваться взять себя и затѣмъ... увернулся и убѣжалъ въ разрѣзъ, а Барташевъ господинъ съ тремя казаками, вооруженными въ сабли, Суровъ съ топоромъ, конюхъ съ арканомъ, лакей хозяина съ полѣномъ, а самъ хозяинъ съ револьверомъ въ рукѣ, а въ другую схватилъ дугу бывшаго въ то время тамъ крестьянина... Ситникова, и всѣ ударились за Вейнигомъ бѣжать и пробѣжали въ верхній разрѣзъ, гдѣ Вейнига не оказалось; тамъ хозяинъ дугу уже бросилъ, а возвратившись обратно, въ нижнемъ разрѣзѣ нашли его, несчастнаго, гдѣ по соувѣщанію нѣсколькихъ рабочихъ при условіи, чтобы не бить ни отнюдь, былъ взятъ, а затѣмъ его, Вейнига, заковали въ кандалы и наручныя и арестовали, и въ этомъ положеніи Вейнигъ находился по 8-ое февраля“ ¹⁾).

Енисейскій губернский прокуроръ Виноградовъ въ своемъ заключеніи по дѣлу о волненіи рабочихъ нѣсколько иначе передаетъ эти событія: „31-го января, рано утромъ, при отходѣ рабочихъ на работы, управляющимъ прииска, Николаемъ Барташевымъ, на конномъ дворѣ замѣчено было рабочему Вейнигъ, вышедшему на работу послѣ всѣхъ,— по показанію работника Хохрова, съ присовокупленіемъ ругательствъ, а по показанію рабочихъ Кольберга и Фокина—кромѣ того и побоевъ, что онъ всегда позже всѣхъ выходитъ на работу, за что Вейнигъ не

---

¹⁾ Въ другомъ прошеніи 6-ти обвиняемыхъ въ енисейскій губернский судъ они такъ объясняютъ ненависть Н. Барташева къ Вейнигу: „1 января сего года, по неспособности грунта земли, на которой работалъ Вейнигъ и друг., служащій Суровъ донесъ хозяину прииска Барташеву, что Вейнигъ не доработалъ урока и не хочетъ работать. Барташевъ велѣлъ Вейнига и другихъ съ нимъ рабочихъ держать на работѣ до 12-ти час. ночи. Ночь та была невыносимо суровая и бурная, такъ что невозможно было согрѣться работою. Служащіе Барташева собрались всѣ въ разрѣзъ и буквально исполнили приказаніе хозяина: продержали рабочихъ до 12-ти час. ночи. На другой день рабочимъ была дана порція вина, но Вейнигу не дали. По окончаніи работы Вейнигъ не успѣлъ отдохнуть, обсушиться и поѣсть, какъ снова погнали на работу, и когда онъ сказалъ служащему, что онъ ничего не ѣлъ, то тотъ отвѣтилъ: „послѣ поѣшь“. Вѣроятно, Вейнигъ при этомъ выругалъ хозяина, по крайней мѣрѣ, по словамъ рабочихъ, „съ этого самаго времени Николай Барташевъ возненавидѣлъ Вейнига скрытною злобою, говоря: „попадешь ты въ мои руки“.

только „скверными“ словами обругалъ управляющаго, но намѣревался его ударить имѣвшемуся у него въ рукахъ заприжною сѣделкой. Когда управляющимъ дано было приказаніе его поймать, то Вейнигъ съ криками о помощи убѣжалъ въ казармы, гдѣ и былъ пойманъ находящимися на приискѣ въ качествѣ органовъ полиціи казаками, а такъ какъ при арестѣ Вейнигъ грозилъ кого-нибудь (?) зарѣзать и вообще оказывалъ сопротивленіе, то былъ закованъ въ кандалы и посаженъ въ каталажку (пріисковая тюрьма, состоящая изъ забранной тесомъ части помѣщенія казаковъ), гдѣ и содержался до 8-го февраля, т.-е. до дня пріѣзда на приискъ арендатора Петра Барташева“.

Официальный разсказъ прокурора о дальнѣйшихъ событіяхъ также не даетъ надлежащаго понятія о томъ, какъ въ дѣйствительности было дѣло, и потому мы опять сопоставимъ его слова съ разсказомъ рабочихъ въ прошеніи, поданномъ горному исправнику 13-го февраля.

„Рано утромъ 8-го февраля,—пишетъ прокуроръ,—Вейнигъ былъ освобожденъ Барташевымъ изъ каталажки и казаки повели его въ кухню для расковки, но лишь только сняли ручные кандалы, Вейнигъ бросился бѣжать въ разрѣзъ съ крикомъ: „караулъ! бьютъ!“ но вновь былъ пойманъ казаками и приведенъ къ хозяину, который, сдѣлавъ Вейнигу выговоръ, объявилъ ему, что простить долгъ, если накажетъ розгами и выгонитъ съ прииска. Къ этому времени къ дому управляющаго собралась цѣлая толпа рабочихъ съ шумнымъ требованіемъ Вейнига не наказывать розгами и съ прииска не высылать,—отказавшись однако, по предложенію Барташева, заплатить за Вейнига долгъ, числившійся въ размѣрѣ 40 р., и послѣ этого разошедшись на работы. Вслѣдствіе этого Вейнигъ былъ наказанъ по распоряженію управленія, казакѣмъ Сипкинымъ розгами въ размѣрѣ, по утвержденію свидѣтелей наказанія, не болѣе 20—25 ударовъ, *хотя таковыхъ никто не считалъ*, и съ двумя казаками, Кузьминнымъ и Сипкинымъ, отправленъ съ прииска въ ближайшій улусъ. Послѣ отъѣзда Вейнига, нѣкоторые изъ рабочихъ пустили слухъ между своими товарищами, что его, сильно избитаго и плохо одѣтаго, да кромѣ того и наказаннаго сверхъ мѣры, казаки отвезли въ степь, почему вечеромъ того же дня артель рабочихъ, пришедши къ дому управляющаго приискомъ, настоятельно требовала немедленнаго возвращенія Вейнига, угрожая въ противномъ случаѣ до его прибытія на приискъ работы прекратить, несмотря на предложеніе управленія послать съ жалобой на его дѣйствія, если таковыя находятъ неправильными, выборныхъ. 9-го февраля, при наступленіи времени начала работъ, рабочіе, вмѣсто того, чтобы идти на таковыя,... вновь собрались передъ домомъ управляющаго съ требованіемъ показать имъ Вейнига, съ угрозой въ противномъ случаѣ прекратить

работы; а такъ какъ Вейнига не было на прискѣ и, слѣдовательно, удовлетворить желаніе рабочихъ не представлялось возможности, то управляющій, находившійся вмѣстѣ со служащими и казаками на крыльцѣ своего дома, приказалъ артели немедленно идти на работы. Услышавъ отказъ въ исполненіи предъявленнаго требованія, толпа по крику: „арестовать казака Захара!“ бросилась къ уряднику (старшій изъ казаковъ приска), который быстро отступилъ назадъ и спрятался за спину хозяина, рядомъ съ которымъ стоялъ и управляющій. Несмотря на защиту и увѣщанія, Кузьминъ былъ схваченъ нѣсколькими рабочими, вытащенъ съ крыльца, обезоруженъ и отведенъ въ каталажку, къ которой приставленъ былъ караульнымъ рабочій Гринбергъ, при чемъ шинель Кузьмина была порвана, погоны сорваны и, по показанію свидѣтелей-очевидцевъ, напр. Иванова, рабочій Драгинъ бралъ его за горло, а нѣкоторые во все время препровожденія его въ каталажку наносили Кузьмину побои. Арестовавъ Кузьмина, артель избрала изъ своей среды семь человекъ для розысковъ Вейнига, которыхъ Гринбергъ выстроилъ въ рядъ и сосчиталъ. Когда Барташевъ отдалъ распоряженіе запрячь лошадей, чтобы ѣхать къ горному исправнику, заведующему прискомъ, съ заявленіемъ о случившемся, то рабочіе не позволили конюхамъ исполнить это приказаніе, и только благодаря обману одного изъ нихъ, Барташевъ имѣлъ возможность уѣхать... 10-го февраля, не дождавшись возвращенія посланныхъ 7 человекъ, артель отправила еще 26 человекъ для розысковъ Вейнига, которые, узнавъ дорогой отъ первыхъ, что Вейнигъ цѣлъ и невредимъ, возвратились изъ улуса... назадъ. Невыходъ на работу, несмотря на настоянія присковаго управленія, продолжался, а казакъ Кузьминъ содержался подъ арестомъ, сперва подъ карауломъ, а затѣмъ, во избѣжаніе насилія, и безъ него, и былъ освобожденъ лишь по пріѣздѣ на прискъ горнаго исправника, т.-е. 12-го февраля“.

Рабочіе иначе рассказываютъ эти событія. По ихъ словамъ, 8-го февраля управленіе приска рѣшило Вейнига наказать и затѣмъ повели его въ кузницу, чтобы расковать, и спали съ него наручныя и *повели къ наказанію розами*¹⁾. Вейнигъ же, стараясь избѣгнуть наказанія, вырвался-было изъ рукъ казаковъ и съ крикомъ кинулся въ разрѣзъ, но какъ убѣжать въ кандалахъ было трудно, то въ тотъ же моментъ былъ пойманъ и уведенъ въ домъ къ хозяину, и въ то же время всачески и жестоко его на каждомъ шагу били, и видѣли всѣ эти трагическія обстоятельства, во-первыхъ, находящіеся въ больницѣ, а во-вто-

¹⁾ Рассказъ рабочихъ гораздо правдоподобнѣе, между тѣмъ какъ, по словамъ прокурора, Вейнигъ началъ кричать караулъ по снятіи ручныхъ кандаловъ безъ всякаго повода.

рыхъ, рабочіе изъ разрѣза, которые спѣшили на крикъ Вейнига. Прибѣжавши въ домъ, встрѣтили насъ на крыльцѣ Петръ Осиповичъ и сынъ его Барташевы и казакъ Кузьминъ, и послѣдніе двое были замѣчательно выпивши. Спрашиваютъ насъ: „что вамъ нужно“? Мы отвѣтили, что мы прибѣжали на крикъ, и говоримъ: „за что вы Вейнига такъ жестоко бьете?“ А самъ старикъ Барташевъ въ отвѣтъ сказалъ, что „это дѣло не ваше, мы бьемъ его за свои деньги; ему не то еще будетъ, ему нужно ребра сломать, убавить вѣку, и затѣмъ розгами наказать, а потомъ разсчитать его и прогнать съ приска“,—и съ тѣмъ прогнали насъ отъ крыльца. Мы пошли на работы, изъ дома же повели Вейнига избитаго уже, въ окровавленномъ видѣ, къ конному двору, гдѣ былъ наказанъ еще розгами, а мы по истеченіи сего дня, окончивши работу, собравшись и посовѣтовавшись между собой, пошли къ дому хозяина и спросили его, гдѣ Вейнигъ? „А онъ, говоритъ, наказанъ розгами, разсчитанъ и выпровожденъ съ приска“. Мы спросили его: „какъ же вы его выпроводили, когда онъ избитъ до такой степени, что не въ силахъ будетъ самъ идти?“— „А его, говоритъ, казаки отвезли до ближняго улуса“. Мы же ему сказали, что „вы намъ Вейнига къ утру доставьте сюда, а то мы имѣемъ сомнѣніе, что живъ ли онъ; а не воротите къ утру Вейнига, то мы не пойдемъ на работу“. Итакъ, они не позаботились возвратить Вейнига, а мы стали прискивать средства напасть на слѣды, куда этотъ несчастный спроваженъ, и затѣмъ не пошли на работу. А когда насъ выгнали на работу, то мы казаковъ спрашивали: „что, Вейнига привезли?“ Они въ отвѣтъ сказали, что вамъ дѣла нѣтъ, про это мы, если его избили и отвезли куда, то мы и отвѣчать будемъ, а что ваше дѣло—выходи на работу; но мы окончательно отказались, что не идемъ на работу, а идемъ отыскивать Рейнгольда Вейнига, потому что онъ жестоко былъ избитъ и наказанъ розгами, а отвезенъ былъ двумя казаками подъ самый вечеръ, къ ночи до перваго улуса татаръ, въ которомъ жителямъ сказали, чтобы опасались Вейнига и ни отнюдь не пускали бы ночевать. Все это мы узнали по забраннымъ справкамъ отъ посланныхъ изъ среды нашихъ рабочихъ 7-ми человѣкъ, которые командированы были 9-го февраля для розысканія Вейнига, изъ коихъ трое отъ сего улуса воротились съ симъ объясненіемъ, что Вейнигъ дѣйствительно не ночевалъ у татаръ, а ушелъ тамъ куда-то далѣе въ степь, и что онъ очень очень избитый, какъ передали татары, и уйти далеко не можетъ. Затѣмъ четыре человѣка пошли впередъ для преслѣдованія Вейнига, а трое воротились назадъ, мы же опять собрались всѣ къ дому хозяина для того, чтобы спросить, куда отвезли Вейнига, вызывали хозяина, а съ нимъ вышелъ и казакъ Кузьминъ и съ револьверомъ въ рукахъ. Мы спрашиваемъ: „гдѣ же Вейнигъ?“ мы всѣ говорили, что доставьте его намъ, а то не пойдемъ

на работу. А Кузьминъ говоритъ: „сказано вамъ, что Вейнига нѣтъ и не будетъ“, и притомъ онъ же, Кузьминъ, былъ очень пьянъ. Мы же, видя его, что онъ выдернулъ револьверъ изъ чехла, вблизи стоявшіе около него проворно таковой изъ рукъ Кузьмина выдернули изъ опасенія, чтобъ онъ не могъ сдѣлать выстрѣла, что даже могло бы случиться отъ неосторожности Кузьмина,... и таковое оружіе передали С. А. Максимовичу, служащему, а Кузьмина взяли и повели въ каталажку, гдѣ и былъ посаженъ подъ свой караулъ, а остальныхъ казаковъ спросили: „гдѣ Вейнигъ? вы покажите намъ то мѣсто, куда его отвезли или гдѣ покинули“; а они сказали, что они его потеряли.—„А когда вы его потеряли, тогда мы пойдемъ его искать“, и затѣмъ пошли еще 10-го февраля 26 человекъ для отысканія Вейнига, чтобы „представить тѣмъ явный фактъ въ обращеніи безчеловѣчному съ рабочими г. Барташева“.

Этотъ рассказъ вполне передаетъ мотивы дѣйствій рабочихъ. Они были взволнованы опасеніемъ за участь ихъ избитаго товарища (нужно помнить, что дѣло происходило зимою, въ началѣ февраля), и этимъ объясняется прекращеніе ими работъ до тѣхъ поръ, пока Вейнигъ не будетъ найденъ.

Вейнигъ на допросѣ у горнаго исправника утверждалъ, что въ разрѣзѣ ни ножомъ, ни кайлою не защищался и убить никого не грозилъ, что 8-го февраля въ домѣ управляющаго его били оба Барташевы, казакъ Кузьминъ и служащій Максимовичъ. Сколько дали ему ударовъ розогъ, онъ не знаетъ, „не считалъ“; „а потомъ два казака“,—продолжаетъ онъ,—„вели меня съ приска до улуса“. Дорогой оба они „меня также били, но за что—не знаю, должно быть по приказанію Барташева. Согласія своего на то, чтобы меня наказали розгами и уволили съ приска, я не давалъ и о томъ меня никто не спрашивалъ“. Присковые же служащіе показали, что Вейнигъ отмахивался ножомъ, но только одинъ изъ нихъ, Ивановъ (котораго С. П. характеризуетъ весьма нелестно), утверждалъ, будто Вейнигъ самъ согласился на тѣлесное наказаніе.

Относительно наказанія Вейнига очень характерно показаніе Н. Барташева: „наказали его розгами, какъ поселенца, *что дѣлается вездѣ на прискахъ безъ опредѣленія артели*“, а казакъ Захаръ Кузьминъ заявилъ, что о маловажныхъ проступкахъ рабочихъ онъ всегда сообщалъ управленію приска, и что „наказаніе *предпринимается только по требованію сею послѣдняго*“, такъ какъ по приказу „горнаго исправника безъ требованія управленія приска наказывать рабочихъ казаки не должны“; но присковому управленію въ этомъ требованіи онъ „не имѣетъ права отказать“. Изъ этого видно, что выборной артельной расправы на прискѣ не было, и что казаки являлись послушнымъ орудіемъ въ рукахъ присковаго управленія, а вовсе не самостоятельную

полицейскою властью, которая должна была бы подчиняться только приказаніямъ исправника.

Казакъ Кузьминъ утверждалъ, что Вейнигъ, когда его хотѣли арестовать, защищался ножомъ, а затѣмъ хотѣлъ схватить кайлу, но былъ остановленъ. По увѣренію Кузьмина, Вейнигъ былъ наказанъ только 20 ударами розогъ; арестованные же рабочіе, въ прошеніи къ губернатору изъ минусинскаго тюремнаго замка, утверждали, что Вейнигъ былъ наказанъ 70 ударами. Изъ рабочихъ это наказаніе видѣлъ только одинъ, который показалъ, что послѣ того Вейнигъ „едва могъ подняться и не могъ надѣть штановъ“. Въ только-что упомянутомъ прошеніи рабочіе утверждали, что Барташевъ „за самое пустое опозданіе къ работѣ наказывалъ до истязанія, по 200 жестокихъ ударовъ“. Если даже рабочіе и преувеличиваютъ размѣръ тѣлесныхъ наказаній, то во всякомъ случаѣ и изъ признаній Н. Барташева и казака Кузьмина несомнѣнно, что назначеніе тѣлесныхъ наказаній на Троицкомъ пріискѣ вполне зависѣло отъ пріискаго управленія, а г. С. П. говоритъ о Н. Барташевѣ какъ о человѣкѣ во многомъ весьма жестокомъ. Нельзя не обратить также вниманія на то, что Вейнига заковывали въ кандалы. Наконецъ, характерно для пріисковыхъ нравовъ и предложеніе, сдѣланное Барташевымъ рабочимъ,—принять на себя долгъ Вейнига, если они желаютъ, чтобы его освободили отъ тѣлеснаго наказанія.

12-го февраля, на Троицкій пріискъ пріѣхалъ горный исправникъ Мухинъ. Онъ предложилъ рабочимъ возобновить работу, заявилъ, что о всемъ происшедшемъ будетъ произведено слѣдствіе, и одному изъ грамотныхъ рабочихъ показалъ соотвѣтственныя статьи Улож. о наказ.; но рабочіе возобновить работу не согласились до окончанія слѣдствія и вмѣстѣ съ тѣмъ требовали возвращенія на пріискъ Вейнига. Приказавъ доставить его, исправникъ пожелалъ приступить къ допросу рабочихъ и потребовалъ двоихъ изъ нихъ, но посланный казакъ принесъ извѣстіе, что рабочіе по одиночкѣ къ допросамъ идти не желаютъ. Это они повторили и самому исправнику, когда онъ пришелъ объяснить имъ, что допрашивать всѣхъ вмѣстѣ законъ не дозволяетъ. Исправникъ объявилъ имъ, что въ случаѣ дальнѣйшаго упорства онъ вызоветъ военную команду, но рабочіе стояли на своемъ. Какъ показалъ впослѣдствіи одинъ рабочій, „артель рѣшила, пока не будетъ привезенъ на пріискъ Вейнигъ и пока не снимутъ съ него допросовъ,—къ слѣдствію не ходитъ“. Тогда исправникъ потребовалъ (13-го февраля) присылки военной команды въ 30 человѣкъ, о чемъ и телеграфировалъ губернатору.

Въ то время, когда исправникъ уговаривалъ рабочихъ не оказывать сопротивленія и возобновить работу, рабочій Гринбергъ передалъ ему прошеніе отъ имени всей артели. Оно начиналось такъ: „Ваше высокоблагородіе! Обратите ваше милостивое вниманіе на наше жалкое

положеніе! Во-первыхъ, мы... стѣснены здѣсь всей свободой въ настоящей жизни, и во-вторыхъ, убиты работой, а затѣмъ еще съ нами обращаются такъ безчеловѣчно: бьютъ насъ и наказываютъ розгами". Далѣе слѣдовало приведенное нами выше описаніе всего происшедшаго и въ заключеніе было сказано: „Затѣмъ покорнѣйше просимъ принять въ резонъ наше нескладное изложеніе, которое все вышесказанное можемъ подтвердить по одному и порознь словесно". Исправникъ приобщилъ прошеніе къ дѣлу.

13-го февраля, на присѣзъ доставили Вейнгта. Исправникъ снялъ съ него допросъ и произвелъ, впрочемъ безъ врача, осмотръ ¹⁾.

На слѣдующій день, 14-го февраля, *еще до прибытія военной команды*, рабочіе изъявили готовность идти къ допросу. Въ тотъ же день прибылъ и военный отрядъ, въ числѣ 27 человѣкъ нижнихъ чиновъ и одного офицера, послѣ чего были арестованы 7 рабочихъ, считавшихся зачинщиками, и въ томъ числѣ поселенецъ Гринбергъ. Исправникъ, записывая въ особомъ постановленіи имена арестованныхъ, добавилъ, что при этомъ „толпа рабочихъ хотя и волновалась, но сопротивленія не оказала, а заявила, что какъ только уйдутъ съ присѣзъ исправникъ и солдаты, то и они уйдутъ". На другой день исправникъ, заключивъ изъ этого заявленія, что рабочіе все еще не успокоились и что будто бы, какъ онъ записалъ въ новомъ постановленіи, „никакія убѣжденія на нихъ не дѣйствуютъ, нашелъ необходимымъ для острастки рабочихъ наказать розгами 10 человѣкъ поселенцевъ изъ числа ухотившихъ съ присѣзъ, давъ имъ по 25 ударовъ розогъ; но когда... исправникъ сталъ вызывать поселенцевъ къ наказанію, то трое рабочихъ, стоявшихъ впереди толпы, крикнули: „драть, такъ всѣхъ драть!"—и толпа загудѣла. Въ такой рѣшительный (!) моментъ исправнику не представлялось возможности справляться о званіи тѣхъ рабочихъ (?!), оказавшихся впоследствии крестьянами ²⁾, и они тутъ же были наказаны розгами отъ 5 до 10 ударовъ, а потомъ были наказаны поселенцы; послѣ экзекуцій рабочіе объявили, что работать будутъ и съ присѣзъ не уйдутъ, а затѣмъ вышли на работу и порядокъ былъ вполнѣ восстановленъ ³⁾.

4-го марта 1890 г. шестеро рабочихъ, содержащихся въ минусин-

¹⁾ Въ протоколѣ его онъ записалъ: „подъ правымъ глазомъ имѣется кровооттекъ или синевца безъ поврежденія кожи, а на носу... небольшое ссаженіе кожи, уже засохшее". Также имѣются знаки отъ наказанія розгами. Количество ударовъ... опредѣлить нельзя, но по оставшимся знакамъ видно, что... наказаніе было легкое".

²⁾ По инструкціи исправнику (1874 г.) онъ не имѣлъ права подвергать крестьянъ тѣлесному наказанію.

³⁾ Въ заключеніи прокурора сказано, что работы были прекращены съ 9-го по 15 февраля, а въ постановленіи суда—что „всѣ рабочіе не выходили на работы въ теченіе 4 дней, начиная съ 9 февраля".

скомъ тюремномъ замкѣ, подали прошеніе товарищу прокурора, въ которомъ просили провѣрить произведенное слѣдствіе чрезъ другого чиновника, „такъ какъ горный исправникъ, будучи кумомъ Барташева, творилъ по дѣлу пристрастіе и пополнялъ дѣло такими фактами, которые хотя и ложны, но всё служатъ къ оправданію золотойскаго, на самомъ же дѣлѣ въ беспорядкахъ болѣе виновенъ управляющій тѣмъ прискомъ сынъ Барташева., который, пьянствуя съ гостями своими, задумалъ по примѣру прежнихъ лѣтъ, для своего удовольствія, показать свою неограниченную власть надъ бѣдными рабочими“. Далѣе, просители между прочимъ говорятъ, что они не только не считали противозаконными своихъ поступковъ, но, напротивъ, были убѣждены, что виновнымъ будетъ признанъ Николай Барташевъ, „принявшій на себя роль какого-то таежнаго князька, все могущаго сокрушить и уничтожить“.

8-го марта, товарищъ прокурора предписалъ судебному слѣдователю принять это дѣло къ своему производству и при этомъ обратить особенное вниманіе на обстоятельства, предшествующія заключенію Вейнига въ присковую каталажку и содержанію его при степной думѣ, а также допросить Барташевыхъ о томъ, „чѣмъ они руководствовались, подвергнувъ Вейнига заключенію подъ арестъ, закованію въ ручныя и ножныя кандалы и, наконецъ, наказанію розгами вопреки 10 и 11 п. приложения къ ст. 110 (прим. 2) Уст. о частн. золотопр.“, по которымъ назначеніе тѣлесныхъ наказаній на прискѣ предоставлялось артельной расправѣ.

На дополнительномъ допросѣ обвиняемый поселенецъ Гринбергъ показалъ: „неправильность при слѣдствіи была та, что присутствовалъ при допросѣ и выходилъ постоянно П. О. Барташевъ и перебивалъ показанія наши“ ¹⁾.

7-го іюня, семеро рабочихъ, содержащихся въ минусинскомъ тюремномъ замкѣ, написали прошеніе губернатору, въ которомъ они, рассказавъ уже извѣстные нами факты, говорятъ: „мы народъ угнетенный, и для честнаго существованія тяжело достается копѣйка каждому рабочему у всѣхъ золотопромышленниковъ, но у Барташева это положительно каторга, съ той еще разницей, что тамъ царствуетъ произволъ, который гласенъ лишь не настолько, чтобы быть преслѣдуемымъ уголовнымъ кодексомъ, и черный людъ при полной своей правотѣ мало того, что наказуемъ произвольно хозяиномъ, еще не имѣетъ возможности оправ-

---

¹⁾ Когда 25 іюля былъ вызванъ въ контору минусинскаго тюремнаго замка содержавшійся въ немъ по дѣлу крестьянинъ изъ смыльскихъ, Корнейцевъ, для дачи, по требованію закона, подписки о нечленствѣ пристрастныхъ допросовъ, то онъ отказался дать ее потому, что горный исправникъ во время допроса кричалъ на него, велѣлъ не показывать противъ хозяина и угрожалъ въ противномъ случаѣ наказать его розгами.

даться предъ правосудіемъ. Поэтому весьма можетъ быть, что и насъ, хотя и не оказавшихъ никакого злоупотребленія, а лишь только защищавшихъ своего собрата, осудятъ, и едва ли кто можетъ насъ защитить. но для блага будущихъ нашихъ собратьевъ на прискѣ Барташева мы рѣшаемся утруждать особу вашего пр-ва... и почтительнѣйше просимъ оградить, если не насъ, то будущихъ тружениковъ на прискѣ Барташева, который жестоко истязаетъ людей и непомерный назначаетъ трудъ“.

Что уроки горныхъ работъ на Троицкомъ прискѣ были дѣйствительно тяжелы, видно изъ того, что по контракту полагалось лѣтомъ добыть песковъ въ день по $1\frac{3}{4}$ куб. саж. на два человѣка и одну лошадь, а торфа до 1-го февраля (очевидно, мерзлаго) по 1 саж., до 1-го марта—по $1\frac{1}{4}$ саж., съ 1-го марта по 1-е апрѣля по $1\frac{1}{2}$ саж. и съ апрѣля по 1-е октября по $1\frac{3}{4}$ саж. также на 2-хъ рабочихъ—забойщика и возчика и одну лошадь. Дѣйствительно же выработка даже превосходила этотъ урокъ; а именно, въ 1890 г. въ одну поденщину было выработано 0,85 куб. саж. торфа и 1,08 куб. саж. песковъ и въ 1891 г. 1,06 куб. саж. торфа и 1,04 куб. саж. песковъ ¹⁾. Объясняются такія большія выработки необходимостью исполнять сверхурочныя работы за повышенную плату, такъ какъ иначе заработокъ былъ бы слишкомъ ничтоженъ.

21-го іюля, двое изъ арестованныхъ рабочихъ написали новое прошеніе въ енисейскій губернской судъ, въ которомъ, между прочимъ, говорятъ: „какъ самъ Барташевъ, такъ равно и сынъ его Николай черезчуръ деспотически поступали со своими рабочими, то же дѣлали и его клеветы—служащіе, считая рабочаго автоматомъ, машиною и рабомъ воли и прихоти золотопромышленника. Изъ столбцовъ газетъ и многихъ книгъ можно видѣть тысячи примѣровъ деспотизма, произвола и эксплуатированія рабочимъ трудомъ со стороны золотопромышленниковъ. Въ справедливости этого можетъ воочію убѣдиться всякій, побывшій лично на какомъ-нибудь прискѣ, что бѣдный рабочій—это вѣчно-калаторжный рабочій, угнетенъ, забитъ и по отдаленности... строгаго надъ рабочими контроля, ограждающаго отъ произвола хозяевъ, въ глухой тайгѣ находится въ полной власти и зависимости золотопромышленниковъ“. Разсказавъ далѣе уже извѣстные намъ факты, рабочіе въ заключеніе говорятъ: „У сильнаго всегда безсильный виноваты! и вотъ насъ, безвинныхъ тружениковъ, добывающихъ кровавымъ трудомъ кусокъ хлѣба, обогащающихъ хозяевъ, сдѣлали въ угоду хозяину и для прикрытія его произвольныхъ съ сыномъ дѣяній... виновниками какого-то

¹⁾ См. докладъ А. П. Кузнецова въ „Отчетѣ общества врачей Енисейской губ. за 1891—92 г.“. Красн. 1892 г., стр. 103.

бунта, неповиновенія властямъ и проч., все громкія названія, но ничего подобнаго со стороны рабочихъ не было. Бѣольшая часть изъ насъ поселенцы, лишеныя правъ и не имѣющіе голоса, почему—кто повѣритъ, что мы не виноваты и промѣняетъ несчастнаго пролетарія-рабочаго на туза, капиталиста-золотопромышленника. Горный исправникъ такъ направилъ дѣло, что насъ, рабочихъ, обвинилъ, а Барташева и его служебный персоналъ оправдалъ; потребовалъ даже изъ города Минусинска военную команду, какъ бы для усмиренія бунта, котораго въ самомъ дѣлѣ и въ поминѣ не было. Военная команда, кромѣ тишины и спокойствія, ничего на пріискѣ не нашла. Вотъ вся правдивая исторія дѣла, громко оваглавленнаго—бунта на пріискѣ, неповиновенія властямъ и проч., жертвою котораго въ минусинской тюрьмѣ безвинно содержатся семь человекъ. Единственный легальный путь досконально узнать суть этой рѣзко выдающейся исторіи—это посылка инкогнито какого-либо дѣятеля, который бы частнымъ, неофициальнымъ образомъ узналъ на самомъ пріискѣ эту исторію“.

Осенью 1890 г., приговоромъ енисейскаго губернскаго суда была рѣшена участь 108 подсудимыхъ по этому дѣлу. Признавая ихъ виновными „въ явномъ противъ властей, правительствомъ установленныхъ, возстаніи, сопровождавшемся безпорядками и явнымъ насиліемъ по предварительному уговору“¹⁾, судъ постановилъ 4-хъ подсудимыхъ, по лишеніи правъ состоянія, сослать въ каторжныя работы на 15 лѣтъ каждого; трохъ, уже лишенныхъ правъ состоянія, по наказаніи плетьюми каждого въ размѣрѣ 100 ударовъ, обратитъ въ каторжную работу на 20 лѣтъ, съ содержаніемъ въ разрядѣ испытуемыхъ въ теченіе 10 лѣтъ; 7 рабочихъ, по лишеніи всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ, заключить въ тюрьму на 1 годъ и 3 мѣсяца; трохъ рабочихъ, по наказаніи плетьюми каждого по 27 ударовъ, обратитъ во временную работу на заводахъ на 1 годъ и 6 мѣс., 53 чел. заключить въ тюрьму на 4 мѣс., 11 чел.—наказать розгами по 75 ударовъ, 22-хъ—арестовать при полиціи на 1 мѣсяцъ и, наконецъ, 5 чел. наказать розгами по 25 ударовъ.

Барташевы, несмотря на то, что младшій изъ нихъ былъ главнымъ виновникомъ всего этого прискорбнаго происшествія, предъявили рабочимъ гражданскій искъ въ убыткахъ, причиненныхъ имъ пріостановкою работъ, провозомъ воинской команды, содержаніемъ 120 человекъ въ

¹⁾ Въ дѣлѣ о волненіи на Александровскомъ пріискѣ Енисейскаго округа (1890 г.) судъ не призналъ возстанія противъ установленныхъ правительствомъ властей, хотя и тамъ рабочіе первоначально отказывались давать показанія по одиночкѣ, и также вызванъ былъ на пріискъ военный отрядъ; вся разница въ томъ, что рабочіе Троицкаго пріиска посадили подъ арестъ казака Кузьмина и на нѣсколько дней прекратили работы, пока не будетъ найденъ ихъ избитый товарищъ.

теченіе 4-хъ дней, содержаніемъ лошадей и пролажею долговъ за арестованными рабочими, всего въ количествѣ 2.294 руб. Но губернский судъ нашелъ, что указанныя истцомъ цифры ничѣмъ не доказаны, и постановилъ въ искѣ отказать.

С. П. сообщаетъ, что казакъ Кузьминъ, который былъ арестованъ во время волненія, за 10 дней до объявленія рабочимъ приговора суда былъ убитъ однимъ бѣжавшимъ съ приска, котораго онъ разыскалъ и вернулъ изъ бѣговъ. По словамъ С. П., Кузьмину „при розыскахъ бѣглыхъ иногда давался одинъ или два конюха, при помощи которыхъ онъ ловилъ, связывалъ веревкою и приводилъ на прискъ своихъ плѣнныхъ, если ихъ было нѣсколько человекъ“; одиночекъ же онъ самъ возвращалъ на прискъ. „Обыкновенно на мѣстѣ самой понимки Кузьминъ производилъ кулачную и нагаечную расправу съ бѣжавшимъ, въ видѣ предварительнаго дисциплинарнаго взыскаія, ибо, по представленіи бѣглеца на прискъ, его должны были драть розгами, при чемъ тотъ же самый Кузьминъ являлся счетчикомъ ударовъ“.

П. О. Барташевъ умеръ, по словамъ С. П., „въ тотъ самый день, когда рабочимъ его приска было объявлено, что судебный приговоръ относительно ихъ вошелъ въ законную силу, и началась порка тѣхъ рабочихъ“ изъ участвовавшихъ въ волненіи 1890 г., „которые все время оставались на свободѣ и даже продолжали служить у Барташева“.

Въ заключеніе разсказа о волненіи 1890 г. на Троицкомъ прискѣ мы приведемъ слова очевидца этого волненія, заимствуя ихъ изъ очерка С. П.: „Въ тотъ моментъ, когда я пишу о „безпорядкахъ“, странно звучитъ въ моей душѣ это слово... Всѣ заявленія рабочихъ производились съ замѣчательною сдержанностью и выдержанностью: ни особеннаго шума, ни дракъ, ни ссоръ, ни ругани не было... Фактически, съ момента ареста Кузьмина до прибытія на прискъ солдатъ, рабочіе занимали господствующее положеніе. Они могли дѣлать на прискѣ все, что имъ было угодно, и перетрусившая администрація не могла оказать ровно никакого сопротивленія. Они могли разграбить и сжечь прискъ, совершить надъ кѣмъ угодно и какое угодно насиліе, разойтись съ приска въ разныя стороны, разбить каталажку въ Аскызѣ, обезоружить и перевязать солдатъ, и однако ничего подобнаго не было. Несмотря на то, что очень многіе уходили съ приска и довольно далеко, ни одинъ человекъ не бѣжалъ. Мало того,—они отказались отъ обычныхъ праздничныхъ удовольствій во время масленицы. Какого же еще порядка и какой дисциплины можно было требовать отъ нихъ? Вообще можно сказать, что рабочіе едва-ли когда нибудь вели себя болѣе порядочно, чѣмъ въ дни безпорядковъ, именующихся въ официальныхъ бумагахъ страшнымъ словомъ „бунтъ“. Все это, по моему мнѣнію, указываетъ на то, что рабочіе не имѣли никакихъ дурныхъ

цѣлей и побужденій, что если они и не руководились однимъ побужденіемъ оказать защиту несправедливо обиженному и жестоко наказанному товарищу, то во всякомъ случаѣ они желали воспользоваться этимъ фактомъ для того, чтобы хотя нѣсколько смягчить свое тяжелое положеніе и до извѣстной степени гарантировать себя отъ повторенія подобныхъ случаевъ, и что они видимо старались достигнуть своей цѣли вполне мирными въ ихъ глазахъ и законными, по ихъ мнѣнію, средствами“.

Въ Бирюсинской тайгѣ въ сентябрѣ 1894 г. на пріискахъ К^о Рязановыхъ произошла поголовная стачка, какъ общеконтрактныхъ рабочихъ, такъ и золотничниковъ. Четыре года передъ тѣмъ у управляющаго К^о Рязановыхъ Блохина и у покойнаго Токарева состоялось соглашеніе нанимать рабочихъ вмѣсто 11 по 20 сентября. При наемѣ рабочіе не отвергли этого условія, такъ какъ на словахъ имъ объяснили, что если по состоянію погоды продолжать работы будетъ нельзя, то ихъ будутъ заканчивать 15 сент. Въ первые годы расчетъ производился, какъ всегда, 11 сент., въ 1893 г.—12-го ч., а въ 1894 г. онъ былъ назначенъ на 20 число, а затѣмъ перенесенъ на 15-е, но 10-го вечеромъ общіе рабочіе, которыхъ было до 400 чел., забастовали и на протесты служащихъ отвѣчали насмѣшками, а иногда и ругательствами. Тогда управляющій вмѣсто 15-го назначилъ расчетъ на 13-е число, но утромъ 11-го общіе рабочіе на работу не вышли и вслѣдъ за ними забастовали золотничники и вольностаратели, которыхъ было до 200 человѣкъ. Всѣ они явились толпою къ пріисковой конторѣ и требовали немедленнаго расчета. Когда управляющій напомнилъ, что на основаніи контракта они должны будутъ заплатить штрафъ по 2 руб. въ день, рабочіе отправились къ горному исправнику, жившему напротивъ на другой сторонѣ р. Бирюсы, который убѣждалъ ихъ выбрать для переговоровъ двухъ, трехъ толковыхъ человѣкъ. Но толпа шумѣла и требовала немедленнаго расчета: на Бирюсѣ осень наступаетъ иногда внезапно и очень рано, и рабочіе заботятся всегда о томъ, чтобы до снѣга заблаговременно выбраться изъ тайги. Исправникъ составилъ протоколъ и попросилъ управляющаго, не вычитая съ нихъ неустойки, начать рассчитывать рабочихъ, что и было исполнено. Впрочемъ, на одномъ пріискѣ, отстоящемъ въ 35 верстахъ, довѣренный уговорилъ рабочихъ проработать и 11-е число. Во время расчета рабочіе выражали еще неудовольствіе на сдѣланныя при этомъ ошибки, врывались въ контору и наконецъ разбили въ ней окна. 11 числа были рассчитаны всѣ общіе рабочіе, а 12-го золотничники ¹⁾.

¹⁾ „Вѣстн. Золот.“ 1894 г., № 14, стр. 269; 1895 г., № 4, стр. 75—76. „Вост. Обоз.“ 1894 г., № 123—124; 1895 г., № 24.

Въ Олекминскомъ округѣ, въ 1873 г., на прискѣ К^о Арендаторовъ толпа пьяныхъ рабочихъ въ послѣдній день масленицы, по поводу арестованія одного изъ нихъ, ворвалась въ казачью и избива двухъ казаковъ; въ свалкѣ былъ убитъ и одинъ рабочий. Главные виновники буйства были отправлены въ Якутскій острогъ, и дѣло передано въ тамошній окружной судъ, а три служившіе на этомъ прискѣ казака удалены въ Иркутскъ и замѣнены другими ¹⁾. Въ 1872 г., на олекминскихъ промыслахъ былъ случай, что рабочіе, вопреки договору, отказались перейти на другой прискъ. Впрочемъ, исправникъ нашелъ, что „самая обстановка приска, не оправдавшая ожиданій хозяина и принесящая убытки вмѣсто барышей, играла не малую роль“ въ томъ упорствѣ, съ какимъ рабочіе отказались отъ перехода на другой прискъ ²⁾. Начальникъ иркутскаго жандармскаго управленія, въ отчетѣ за 1873 г., жаловался на усиленіе „самовольства“ рабочихъ. „Въ послѣднее время,—писалъ онъ,—рабочіе на промыслахъ до того набаловались, слыша, что генералъ-губернаторъ Восточной Сибири“ (Синельниковъ) „принимаетъ отъ всѣхъ ихъ жалобы, что они знаютъ не хотятъ никого изъ мѣстной полиціи, не вырабатываютъ своихъ уроковъ по условію, дерзки и позволяютъ себѣ самовольничать; такъ на Олекмѣ у Трапезниковыхъ безъ всякихъ причинъ въ прошломъ году не вышло на работу 200 человѣкъ“ ³⁾.

Несмотря, однако, на эти жалобы на усиленіе „самовольства“ рабочихъ, ихъ волненій на прискѣ Олекминскаго округа въ указанное 25-лѣтіе было немного.

¹⁾ Арх. Иркут. Горн. Упр. К. 2560, № 130—184, л. 9.

²⁾ Арх. Иркут. Горн. Упр. К. 2549, № 126—71, л. 464. На промыслахъ К^о Сибирякова, Базанова и Нѣмчинова въ 1872 г. начальникъ казачьяго отряда арестовалъ одного бранившаго его рабочаго, но товарищи освободили его. На промыслахъ Трапезниковыхъ въ томъ же году не выходило самовольно на работы по 20, а иной разъ по 100 чел. Арх. Иркут. Горн. Упр. К. 2544, № 48—103, л. 70, 73—74.

³⁾ Въ 1873 г., на Николаево-Иннокентьевскомъ прискѣ Пермикина случилось следующее: одинъ изъ служащихъ, Ставискій, застрѣлился въ своей квартирѣ; кто-то сказалъ рабочимъ, что его убилъ другой служащій, Рейнгардъ. Толпа рабочихъ, возбужденная сочувствіемъ къ погибшему, который всегда обращался съ ними кротко, и ненавидя Рейнгарда за его грубость и взыскательность, нахлынула въ квартиру застрѣлившагося и требовала арестованія Рейнгарда для того, чтобы онъ не скрылся, пока не пріѣдетъ горный исправникъ. Когда же управляющій доказалъ имъ, что Рейнгардъ во время самоубійства Ставискаго былъ въ другомъ мѣстѣ, а докторъ потребовалъ, чтобы рабочіе не мѣшали оказывать пособіе застрѣлившемуся, такъ какъ онъ былъ еще живъ, то рабочіе мало-по-малу разошлись, оставивъ, впрочемъ, выборныхъ стережъ Рейнгарда. Но по пріѣздѣ исправника рабочіе заявили ему, что Рейнгардъ былъ причиною самоубійства Ставискаго. Во время пребыванія исправника на прискѣ спокойствіе не нарушалось и работы шли обычнымъ порядкомъ, но тѣмъ не менѣе двое „главныхъ зачинщиковъ“ были отосланы въ Якутскъ для преданія суду. Арх. Иркут. Горн. Упр. К. 2560, № 130—184, л. 9—10, 339.

Въ 1876 г. произошло волненіе на пріискахъ Прибрежно-Витимской К^о Сибирякова и Базанова. Въ 1874 г., промышленное управленіе образовало вольную команду изъ черкесовъ-поселенцевъ въ помощь разъѣзднымъ казакамъ для преслѣдованія спиртоносовъ и хищниковъ золота, и это было, „въ крайности за немѣніемъ другихъ людей“, разрѣшено горнымъ исправникомъ. 31-го іюля 1876 г., двое изъ этихъ разъѣздныхъ черкесовъ задержали въ лѣсу, въ трехъ верстахъ отъ Благовѣщенскаго пріиска Прибрежно-Витимской К^о, рабочаго той же К^о, крестьянина Якова Непомнящаго, который, по ихъ предположеніямъ, направлялся къ табору спиртоносовъ для обмѣна на спиртъ сахара и новыхъ шароваръ. Одинъ изъ черкесовъ остался въ лѣсу караулить рабочаго; другой отправился на пріискъ и заявилъ о случившемся кордонному уряднику Петрову, который, отправившись съ 5-ю казаками, 3-мя черкесами и 2-мя служащими, наткнулся недалеко отъ мѣста задержанія рабочаго на шайку спиртоносовъ, которые, ранивъ выстрѣломъ изъ ружья въ лѣвую руку одного черкеса, сами разбѣжались, оставивъ пустую ведерную флягу изъ-подъ спирта. „По приводѣ задержаннаго рабочаго на пріискъ,—говоритъ мѣстный исправникъ въ донесеніи генералъ-губернатору Восточной Сибири,—команда рабочихъ Благовѣщенскаго пріиска, солидарная со спиртоносами и озлобленная дѣйствіями разъѣздной команды вообще и черкесовъ въ особенности, задержавшихъ въ послѣднее время значительное число спиртоносовъ со спиртомъ, собравшись около 9 час. вечера въ казачьей, стала требовать освобожденія арестованнаго рабочаго“, при чемъ грозила уряднику Кузнецову и въ зданіи казачьей разбила нѣсколько стеколъ. Кузнецовъ, „опасаясь дурныхъ послѣдствій“, освободилъ изъ-подъ ареста Непомнящаго, но команда рабочихъ все-таки избила „до полусмерти“ одного черкеса и направилась къ квартирѣ находившагося на пріискахъ пайщика К^о, Нѣмчинова. Горный исправникъ Поповъ, жившій на этомъ пріискѣ, пошелъ на встрѣчу рабочимъ, не желая допустить ихъ къ квартирѣ Нѣмчинова, находившейся рядомъ съ его собственной квартирой. Рабочіе потребовали немедленной высылки черкесовъ, жалуюсь, что они не даютъ имъ проходу, обыскиваютъ ихъ въ лѣсу и проч. Исправникъ обѣщалъ на другой день сдѣлать распоряженіе объ увольненіи черкесовъ съ пріисковъ, но рабочіе, большинство которыхъ, если вѣрить исправнику, были нетрезвы, стали жаловаться на станового (управляющаго пріискомъ) Сюзева. При этомъ человекъ 100, отдѣлившись отъ остальныхъ, отправились, несмотря на наступленіе ночи, съ тѣми же требованіями къ Нѣмчинову, и тотъ обѣщалъ исполнить ихъ желаніе. Остальная толпа, собравшаяся съ двухъ смежныхъ пріисковъ, въ числѣ около 700 человекъ, начала уже было расходиться по казармамъ, но въ это время, часу въ 11 ночи, рабочіе увидѣли одного изъ

возвращавшихся изъ разбѣда черкеса и, сильно избили его, а онъ, защищаясь, ранилъ двухъ рабочихъ кинжаломъ. На другой день утромъ рабочіе спокойно отправились на работы, потребовавъ только, чтобы черкесовъ не было болѣе на прискѣ, и чтобы становой Сюзевъ замѣненъ былъ другимъ, что и было немедленно исполнено.

Горный исправникъ и присковое управленіе старались убѣдить высшее начальство въ томъ, что все это волненіе вызвано исключительно желаніемъ рабочихъ ослабить надзоръ за тайнымъ проносомъ спирта на приски, такъ какъ, при крайне недостаточномъ количествѣ разбѣдныхъ казаковъ, 9 черкесовъ своею энергіею и храбростію весьма способствовали поимкѣ спиртоносовъ и задержанію значительнаго количества спирта (до 28 ведеръ), что крайне раздражало рабочихъ. „По слухамъ,—доноситъ исправникъ,—пронесеніе это произошло по подстрекательству спиртоносовъ, озлобленныхъ противъ черкесовъ за ихъ смѣлость и отпустившихъ будто бы для этой цѣли въ команду рабочихъ спирту безъ денегъ, и хотя спокойствіе водворилось, но онъ не можетъ ручаться“ за дальнѣйшее его сохраненіе, „такъ какъ вокругъ присковъ бродятъ цѣлыя шайки вооруженныхъ спиртоносовъ“. Однако отправленный генералъ-губернаторомъ для производства слѣдствія майоръ Грамотинъ указываетъ въ своемъ донесеніи иныя причины неудовольствія рабочихъ. „Изъ произведеннаго мною секретнаго дознанія о дѣйствительныхъ причинахъ неудовольствія рабочихъ на промышленное управленіе золотыхъ промысловъ Базанова и К^о оказалось слѣдующее. Рабочіе претензій своихъ мнѣ, какъ слѣдователю, никакихъ на промышленное управленіе не заявили, за исключеніемъ 12 человѣкъ, которые претендуютъ за понесенное ими отъ горнаго исправника наказаніе вслѣдствіе неправильнаго заявленія служащаго, что они не хотятъ откачать изъ шахты воду, которую, какъ они показывали, послѣ не могла откачать даже паровая машина. Нѣкоторые изъ рабочихъ претендуютъ на служащаго станового смотрителя Сюзева за его грубое обращеніе съ ними. Человѣка два или три показали, что изъ цейхгауза отпускаютъ имъ плохія вещи и, несмотря на ихъ протестъ, не даютъ выбирать лучшія“; но это показаніе другіе рабочіе опровергли, говоря, что если какая-нибудь вещь окажется худою, то по заявленію рабочаго ее принимаютъ обратно въ магазинъ и даютъ взамѣнъ хорошую. „Главною причиною ихъ неудовольствія было несправедливо строгое обращеніе съ ними исправляющаго должность горнаго исправника Попова и черкесы, къ которымъ они положительно питаютъ ненависть. Частно я освѣдомился, что минувшею весною и зимою присковое управленіе, отпуская рабочимъ пищу, верѣдко давало соленое мясо протухшее и худого качества, но на это рабочіе претензій мнѣ не заявляли. Мясо на промыслахъ есть въ настоящее время двухъ- и трехъ-годовой засолки до

3 тыс. пуд., которое издаетъ отъ себя запахъ и худого качества. Вообще могу сказать,—на пищу рабочихъ на промыслахъ мало обращается вниманія. Мясо, даже зимою, дается въ пищу соленое. Куски хлѣба, остающіеся послѣ каждого обѣда, отбираются, и если рабочіе ими кормятъ лошадей, на которыхъ они работаютъ, то таковыхъ, были примѣры, подвергали аресту, хотя они по здравому смыслу имѣли право располагать извѣстнымъ количествомъ хлѣба, каждому ежедневно отпускаемымъ. Въ ортахъ (подъ землею) въ минувшую зимнюю операцію работы за недостаткомъ свѣтъ освѣщались зажженною соломой, чрезъ что сильная копоть, издаваемая ею при горѣніи, вредно вліяла на дыхательные органы работавшихъ въ ортахъ, такъ что, спустя даже двѣ недѣли послѣ выхода съ этихъ работъ, рабочіе, какъ я слышалъ отъ нихъ, при откашливаніи выплевывали черную слюну; рабочіе, находясь въ ортахъ, покрывались сами и одежда ихъ толстымъ слоемъ сажи. Кромѣ того, цѣны на сахаръ, чай и масло существовали до ноября мѣсяца сего года разныя. Въ листикѣ рабочихъ (въ счетъ заработной платы) цѣны за эти припасы ставятся низшія, на кассу же“ (т.-е. на наличныя деньги, получаемыя рабочими за подъемное золото) „отпускаются эти же предметы по цѣнѣ высшей“. Это дѣлается съ тою цѣлью, „чтобы какъ можно дешевле получить отъ рабочихъ подъемное золото, за которое они берутъ на кассу упомянутые предметы постоянно. Такъ, напримѣръ, цѣнность фунта чаю въ листикѣ записывается 1 р. 20 к., на кассу же 1 р. 40 к., и поэтому золото обходится владѣльцамъ золотникъ копѣекъ въ 40 или немного болѣе. Въ артеляхъ рабочихъ, для поддержанія внутреннего порядка между рабочими, со стороны рабочихъ нѣтъ выборовныхъ. Нравственность большей части низшихъ служащихъ на промыслахъ немного разнится отъ нравственного состоянія рабочихъ, и вслѣдствіе этого рабочіе не питаютъ уваженія къ нимъ, а по этому самому въ глазахъ рабочихъ не могутъ заслужить того довѣрія и послушанія, какое требуется отъ рабочаго при извѣстной обстановкѣ. Часто служащіе, преимущественно завѣдующіе раздачею винныхъ порцій и матеріальные, negliжируютъ своею обязанностью и тѣмъ самымъ возбуждаютъ къ себѣ неудовольствіе и непріязнь рабочихъ. Кромѣ того я узналъ, что нѣкоторые изъ служащихъ, разыгрывая лотерей, привлекаютъ рабочихъ тѣмъ, что кто подпишетъ билетъ, тотъ выпиваетъ стаканъ вина; такъ въ прошломъ году одинъ служащій Аненгольмъ, разыгрывая лотерею, предложилъ одному рабочему“ подписаться на 40 билетовъ, по 2 р. за каждый, и рабочій, подписавшись на эти билеты, „каждый день пилъ водку отъ этого служащаго по стакану за каждый билетъ. По мнѣнію моему, рабочіе на промысловое управленіе едва ли покажутъ претензіи, если бы даже таковыя имѣли, такъ какъ они всѣ вообще заинтересованы богатымъ содержаніемъ золота на промыслахъ

Базанова и К°, съ которыхъ, при слабомъ надзорѣ, всегда имѣютъ полную возможность похищать золото; поэтому рабочій дорожить этими работами и не обращаетъ никакого вниманія на незавидную свою обстановку. Цѣль у нихъ единственная—украсть какъ можно болѣе золота, чѣмъ и вознаграждаютъ себя за всѣ лишенія на промысловыхъ работахъ. При этомъ рабочіе очень хорошо знаютъ, что если кто-либо изъ нихъ заявитъ претензію въ чемъ-нибудь, то промышленное управленіе его тотчасъ разсчитываетъ¹⁾.

По полученіи этого донесенія, генералъ-губернаторъ, баронъ Фредериксъ, въ письмѣ къ одному изъ главныхъ пайщиковъ К°, И. И. Базанову, указалъ на причины недовольства рабочихъ и просилъ принять необходимыя мѣры для ихъ устраненія, чтобы не возбуждать беспорядковъ между рабочими. Въ своемъ отвѣтѣ Базановъ защищался очень слабо, заявилъ объ увольненіи главнаго уполномоченнаго К°, объ удаленіи Сюзева (или Слюзева, какъ онъ названъ въ другомъ мѣстѣ), признавая, что жалобы на его грубое обращеніе „въ нѣкоторой степени справедливы“, что освѣщеніе соломой было допущено лишь въ видѣ опыта, и особенно настаивалъ на томъ, что положеніе рабочихъ на прискахъ ихъ К° „нисколько не хуже, чѣмъ на другихъ“¹⁾.

Въ маѣ 1882 г., вновь произошли беспорядки на Благовѣщенскомъ прискѣ той же К°. 19 мая, въ 8 ч. веч., нѣсколько рабочихъ подошли къ казачьей казармѣ и потребовали отъ дежурнаго Петрова, чтобы освободили изъ-подъ ареста рабочаго ихъ артели крестьянина Чумакина, арестованнаго исправляющимъ должность исправника Шахурдинымъ за то, что онъ, проходя пьяный мимо квартиры исправника, наигрывалъ на гармоникѣ. Петровъ отвѣчалъ, что безъ разрѣшенія исправника не можетъ освободить Чумакина; рабочіе стояли на своемъ; къ нимъ стали подходить товарищи изъ другихъ казармъ и образовалась толпа въ нѣсколько сотъ человѣкъ. Доложили Шахурдину, но прежде, чѣмъ онъ успѣлъ распорядиться, Петровъ освободилъ Чумакина,

¹⁾ Якутскій окружной судъ, разсмотрѣвъ дѣло о волненіи рабочихъ, опредѣлилъ:

1) 2 рабочихъ-поселенцевъ, „за участіе въ противодѣйствіи законной власти, заключающемся въ требованіи освобожденія изъ-подъ ареста крестьянина Якова Непомнящаго, взятаго по распоряженію кордоннаго урядника Петрова, а одного изъ нихъ и за отлучку съ приска безъ письменнаго вида, наказать плетью—одного 15 ударами, а другого 30 ударами, и обратитъ во временную работу на заводахъ на 3 года“. 2) За буйство и нарушеніе общественной тишины 6 рабочихъ-крестьянъ подвергнуть аресту на 1 мѣсяцъ и одного на 7 дней, а двухъ поселенцевъ наказать розгами по 30 ударовъ. Арх. Ирк. Горн. Упр. К. 2578, № 215—269. Лѣтомъ 1881 г. рабочіе на Успенскомъ прискѣ К° Промышленности однажды стали бросать въ окна и стѣны казачьей каменьями, требуя освобожденія арестованнаго пьянаго рабочаго. Беспорядокъ этотъ былъ прекращенъ безъ всякихъ послѣдствій. Арх. Ирк. Горн. Упр. К. 2766, № 37—45, л. 260.

опасаясь усиленія безпорядковъ. Однако толпа этимъ не удовольствова-
лась и вызвала исправника. Когда явился Шахурдинъ (уже сдавшій
свою должность сотнику Пашенко), рабочіе потребовали немедленнаго
удаленія съ пріиска урядника Нѣмчинова и служащаго Милевского,
грозя, что въ противномъ случаѣ они сами уберутъ ихъ. Шахурдинъ
обѣщалъ исполнить ихъ желаніе, и толпа вскорѣ разошлась. Однако
это обѣщаніе не только не было исполнено, но даже не было обращено
вниманія на причины, вызвавшія требованіе рабочихъ.

На другой день утромъ одинъ изъ пріисковыхъ служащихъ обра-
тился къ уряднику Нѣмчинову съ просьбою понудить выйти на работу
4 рабочихъ (тѣхъ самыхъ, которые наканунѣ первые потребовали осво-
божденія Чумакина). Нѣмчиновъ увидѣлъ, что эти рабочіе пьютъ въ
казармахъ водку, „полученную ими на отливъ изъ пріисковаго кабака“
(т.-е. помѣщенія, гдѣ выдавались рабочимъ винныя порціи; продажа
вина на пріискахъ запрещена). Рабочіе, укоряя служащаго въ стѣсненіи
ихъ при назначеніи дней отдыха, отвѣчали уряднику, что въ казачью
не пойдутъ, а если будутъ брать ихъ силою, то мало и 30-ти казаковъ,
потому что этого не допустятъ товарищи по возвращеніи съ работъ.
Принявшій должность исправника сотникъ Пашенко приказалъ Нѣмчи-
нову, взявъ нѣсколько казаковъ, арестовать рабочихъ. Нѣмчиновъ засталъ
ихъ въ казармѣ спящими; пока связывали одного, другой, проснувшись,
закричалъ: „ребята, насъ берутъ, беритесь за инструменты!“ и схватилъ
кайлу, но она была отнята казаками. Трехъ рабочихъ связали, а одинъ
успѣлъ бѣжать. Связанные кричали: „насъ берутъ, помогите!“ Рабочіе
стѣснили казаковъ, которые уводили арестованныхъ, и развязали рабо-
чихъ, несмотря на то, что урядникъ отмахивался даже пашкою (одинъ
рабочій толкнулъ его ногою въ животъ). Когда явился Пашенко, онъ
ударилъ одного изъ арестованныхъ по щекѣ, трое рабочихъ были вновь
задержаны, закованы въ ножныя кандалы и посажены въ карцеръ ¹⁾, а
четвертый бѣжалъ. При заковываніи арестованные говорили уряднику
Нѣмчинову: „напрасно куете, недолго посидимъ, вѣдь одинъ на волѣ“;
или: „куйте, куйте, до вечера только!“ Одинъ изъ зрителей сказалъ
Пашенку: „напрасно ихъ арестуете, худо можетъ быть!“ Уже съ полудня
рабочіе стали играть въ орлянку и карты между казармами въ виду
казачьей, чего прежде не бывало, но казаки не трогали ихъ, боясь
повторенія безпорядковъ.

Въ тотъ же день, часовъ въ 7—8 вечера, рабочіе, какъ бы по
уговору, стали собираться въ казачьей, при чемъ избѣжавшій ареста
рабочій кричалъ: „бей въ колокола!“ Быстро собралась толпа въ нѣсколько

¹⁾ Производившій слѣдствіе по этому дѣлу чиновникъ Осташкинъ считалъ эту
мѣру незаконною.

сотъ человекъ, изъ которой раздавались голоса: „за что заковали нашихъ, какое имѣете право?“ и т. п. Рабочіе настаивали на освобожденіи арестованныхъ, но урядникъ Нѣмчиновъ требовалъ, чтобы толпа разошлась, грозя въ противномъ случаѣ, что будутъ стрѣлять. Рабочіе разсвирѣпѣли, налегли на казаковъ, стоявшихъ въ коридорѣ своей казармы; тѣ въ заднія двери выбѣжали на улицу, а рабочіе съ крикомъ „ура“ ворвались въ казачью, смяли нѣкоторыхъ казаковъ и гнались за ними. Въ это время къ толпѣ подлѣзъ верхомъ Пашенко. Рабочіе моментально окружили его, сбросили съ лошади и начали бить ¹⁾. Одинъ рабочій попробовалъ-было защитить Пашенку, но, получивъ ударъ по головѣ, едва успѣлъ скрыться. Наконецъ раздались крики: „бросьте, бросьте!“ Рабочіе перестали бить Пашенку, и онъ, оборванный, безъ фуражки, всталъ и пошелъ въ казачью. Рабочіе бросились за нимъ туда, требуя освобожденія закованныхъ, опять начали бить его, а другіе стали ломать двери карцера. Избивъ не только Пашенку, но и казаковъ, и освободивъ всѣхъ арестованныхъ, толпа бросилась въ квартиру служащаго Милевского и, ища его, разбила шкафъ. Встрѣтивъ управляющаго К^о Промышленности (соединенной съ Прибрежно-Витимской), Стрижева, рабочіе стали жаловаться на побои отъ казаковъ и неправильный арестъ ихъ товарищей, просили удалить урядника Нѣмчинова и служащаго Милевского ²⁾, отъ которыхъ они терпятъ обиды, жаловались на сокращеніе винныхъ порцій уполномоченнымъ Серебrenниковымъ, на непринятіе больныхъ въ больницу, на грубое обращеніе фельдшера. Наконецъ, успокоенные, при участіи промысловаго священника ³⁾, обѣщаніемъ управляющаго разобрать ихъ претензію, рабочіе разошлись по казармамъ. Во время волненія урядникъ Нѣмчиновъ скрывался въ квартирѣ одного служащаго, а Милевскій—въ церкви; въ часъ ночи оба они были

¹⁾ На приискахъ этой К^о мы слышали отъ одного стараго служащаго, что рабочіе начали наносить удары Пашенку вслѣдствіе того, что, влѣзавъ въ толпу, онъ сталъ бить рабочихъ пашкою плашмя.

²⁾ Жалуясь на грубость Милевского, рабочіе приводили такой фактъ: когда убило одного изъ нихъ вагонами, Милевскій сказалъ: „пускай давятъ хоть всѣхъ насъ“. Оказалось, что слѣдствія о причинахъ смерти этого рабочаго своевременно произведено не было.

³⁾ Когда священникъ предложилъ рабочимъ выбрать депутатовъ для переговоровъ и объясненій, тѣ отвѣчали: „депутатовъ нашихъ сотрутъ и уничтожатъ, не дадутъ имъ и сказать, засудятъ какъ бунтовщиковъ“. На предложеніе искать суда и защиты у высшаго начальства они возражали: „до Бога высоко, а до царя далеко; пока дойдетъ наша жалоба до начальства, насъ всѣхъ выгонятъ“. На вопросъ, почему они не предъявляли претензій своему управляющему, рабочіе отвѣчали, что теперь онъ не имѣетъ никакого значенія, а есть выше его—„добавочный“ (такъ прозвали они уполномоченнаго Серебrenникова). Когда священникъ спросилъ, зачѣмъ они избили исправника, рабочіе сказали: „а если насъ бьютъ и рѣжутъ, это ничего?“

отправлены на Бодайбинскую резиденцію (въ 40 верстахъ на рѣкѣ Витимѣ). По осмотрѣ пострадавшихъ пріисковымъ врачомъ, оказалось, что Паценку нанесены побои, раны, ссадины и ушибы, принадлежащія не къ тяжелымъ поврежденіямъ, а шести казакамъ—маловажные легкіе побои, которые не могутъ имѣть вліянія на ихъ здоровье. У Паценка во время свалки были утащены казенныя деньги—371 руб.

Слѣдствіе по поводу этого волненія поручено было чиновнику особыхъ порученій Главнаго Управленія Восточной Сибири Осташкину. Слѣдователь, чтобы узнать дѣйствительныя причины безпорядковъ, предложилъ рабочимъ Благовѣщенскаго пріиска выбрать изъ среды своей довѣренныхъ. Выборные указали на слѣдующія причины безпорядковъ: 1) жестокое обращеніе съ рабочими урядника Нѣмчинова; 2) отнятіе винныхъ порціи по распоряженію уполномоченнаго Серебренникова и требованіе имъ работы въ большомъ размѣрѣ; 3) грубое обхожденіе съ рабочими смотрителя Милевскаго и фельдшера, который не обращаетъ вниманія на болѣзненное состояніе рабочихъ, за исключеніемъ наружныхъ болѣзней. Увеличеніе числа неявляющихся на работы (такъ называемыхъ „самовольно-льготныхъ“) послѣ 20-го мая произошло вслѣдствіе побѣговъ рабочихъ въ горы, откуда они боятся явиться, такъ какъ между ними распространился слухъ, что придетъ военная сила и начнутся экзекуціи. Указывали также на то, что ихъ дорожныя расходы во время путешествій на пріискъ (плата за подводы, выдача одежды и обуви) производятся повѣреннымъ управленія безъ всякаго контроля со стороны рабочихъ, отчего и накаплиются громадныя долги (дорожныя расходы рабочихъ КК⁰ Промышленности и Прибрежно-Витимской были дѣйствительно чрезвычайно велики). „Задолжитъ рабочаго долгомъ отъ 300 до 350 руб., промысловое управленіе что хочетъ, то съ нимъ и дѣлаетъ. Если обиженный несправедливостію рабочій принесетъ жалобу на меньшихъ служащихъ старшему, то его... разсчитаютъ, какъ грубіяна“ ¹⁾. Въ случаѣ досрочнаго расчета рабочій оказывается въ безвыходномъ положеніи: ему приходится идти домой пѣшкомъ, безъ гроша денегъ, и кормиться милостыней или дѣлать ради куска хлѣба преступленія, потому что расчитаннаго съ долгомъ рабочаго другіе золотопромышленники не нанимаютъ, а по городамъ и селамъ жить не позволяютъ. Жалобы отъ рабочихъ исправнику также преслѣдуются управленіемъ. Расчетъ рабочихъ, убившихъ здоровье на

¹⁾ Эти слова рабочихъ подтверждаются показаніемъ уполномоченнаго Серебренникова. Когда однажды къ нему явился рабочій съ жалобой на служащаго Милевскаго, то Серебренниковъ просилъ конторщика Потапова разобрать дѣло и сообщить ему, но рабочій, вѣсто всякаго разбирательства, былъ немедленно расчитанъ и высланъ съ пріиска.

тяжелыхъ присковыхъ работахъ, здѣсь вещь обыкновенная“ ¹⁾. „До прїѣзда уполномоченнаго Серебренникова рабочимъ давались извѣстнаго размѣра урки (уроки) и за выработку ихъ полагалась (винная) порція. Съ прїѣздомъ уполномоченнаго все измѣнилось... На труднѣйшѣхъ выработкѣхъ почвъ ставилось два, а въ мокрыхъ просѣчкахъ одно огниво; уполномоченный истребовалъ выработки болѣе, какъ бы работа производилась на удобной почвѣ, убавивъ въ то же время лошадей и людей. Явилась недоработка, а вмѣстѣ съ тѣмъ и лишеніе порцій. Управляющій Жарковъ 20-го мая самъ говорилъ: „я вами, ребяташки, доволенъ, у меня всегда исправно работали, я давалъ уроки, какіе возможно было выработать, и давалъ порціи, а послѣ все передѣлалъ уполномоченный“. Рабочіе постоянно болѣютъ, находясь лѣтомъ на солнцѣ или подъ дождемъ въ грязи, а зимою въ морозы въ шахтѣ, такъ что одежда ихъ къ концу рабочаго дня превращается въ ледяную кору, а тутъ на горе болѣзни не вѣрять, лишаютъ крючка водки, служившаго поддержкою силъ рабочаго“.

Между управляющимъ Жарковымъ и уполномоченнымъ Серебренниковымъ были серьезныя несогласія, что и обнаружилось въ ихъ показаніяхъ на слѣдствіи. Промысловое управленіе заявило, что Милевскій навлекъ на себя неудовольствіе рабочихъ съ тѣхъ поръ, какъ, будучи смотрителемъ развѣдочныхъ штоленъ и просѣчекъ, ему пришлось исполнять разныя личныя распоряженія Серебренникова, напр., увеличивать уроки и уменьшать порцію вина. Управляющій Жарковъ показалъ, что рабочіе хотя и исполняли приказанія Серебренникова, но не вполнѣ и постоянно роптали, а Серебренниковъ не обращалъ на это вниманія. Серебренниковъ заявилъ, что, прибывъ въ концѣ 1881 г. на Благовѣщенскій прискъ, онъ нашелъ большіе порядки и распущенность служащихъ и рабочихъ, старался уменьшить развившееся среди послѣднихъ пьянство, а главное помѣшать подрядчикамъ скупать золото и вещи на водку и продавать водку, приобретаемую ими за доставку лѣсныхъ матеріаловъ отъ промысловаго управленія, но на требованіе измѣненій существующаго порядка получалъ отвѣтъ, что это породитъ неудовольствіе рабочихъ и служащихъ. „Настойчивое требованіе Серебренникова объ улучшеніи присковаго управленія породило совершенный разрывъ въ обоюдныхъ дѣйствіяхъ его съ управляющимъ Жарковымъ. Этотъ разладъ между главными лицами присковаго управленія перехо-

¹⁾ Буквально то же относительно „разчета рабочихъ, убившихъ здоровье на тяжелыхъ присковыхъ работахъ“, повторяетъ и слѣдователь Осташкинъ... „Забогѣлъ рабочий,—продолжаетъ онъ,—разъ-два побывалъ въ больницѣ, и если докторъ найдетъ, что здоровье плохо и работникъ ненадеженъ, то такого разчитываютъ, и, не снабжая никакими пособиями, отправляютъ на Ленскую резиденцію“.

диль отъ старшаго къ младшему и, наконецъ, къ рабочимъ, которые, видя неустойчивыя распоряженія, касающіяся ихъ быта, условія работы и вознагражденія за труды, стали своими своевольными дѣйствіями требовать такихъ порядковъ, которые считали для себя болѣе выгодными". Серебренниковъ не отрицалъ увеличенія имъ урока въ мокрыхъ развѣдочныхъ просѣчкахъ, но увѣрялъ, что въ этихъ мѣстахъ была слишкомъ незначительная выработка... Онъ „предложилъ ввести отвозку земли лошадьми вмѣсто ручной откатки,—это значительно облегчило трудъ, но выработка нисколько не увеличилась отъ этого“, и увеличить ее рабочіе не захотѣли. Онъ просилъ предложить работать развѣдочную шахту за двойную плату и съ прибавкою винныхъ порцій, но ему сказали, что рабочіе отказались, объявивъ, что въ водѣ не нуждаются. Въ виду мокроты въ развѣдочной штольнѣ, „выдавалось не меньше 3-хъ винныхъ порцій на человѣка, а въ развѣдочныхъ просѣчкахъ не меньше одной, двухъ порцій, между тѣмъ при ортовой, подземной работѣ выдавалось обыкновенно только по одной порціи на человѣка ежедневно“. Лишать порцій онъ приказалъ за своевольство, ослушаніе и отказъ выполнить урокъ, такъ какъ „лишеніе винныхъ порцій, вполнѣ зависящихъ отъ усмотрѣнія управленія, представляется единственнымъ мѣрою наказанія, доступною промысловому управленію, и практикуется на всѣхъ промыслахъ, практиковалось раньше и на Благовѣщенскомъ приискѣ“.

Управляющій Жарковъ по поводу показанія Серебренникова замѣтилъ, что требованіе его объ увеличеніи уроковъ „въ мокрыхъ просѣчкахъ развѣдочной штольни было согласно съ контрактомъ, но невыполнимо по трудности работъ“. Выдачу водки на отливъ за подъемное золото Серебренниковъ считалъ мѣрою въ высшей степени вредною ¹⁾. Слѣдователь Осташкинъ также нашелъ, что „на каждомъ приискѣ существуетъ почти форменный кабакъ“, и надъ этимъ виннымъ хозяйствомъ нѣтъ никакого

---

¹⁾ „При существующихъ порядкахъ совершенно немислимъ какой-либо контроль за подъемнымъ золотомъ, и никто не можетъ сказать, что все золото поступаетъ въ собственность золотопромышленника. Подъемное или хищническое золото крадется рабочими болѣею частью во время работъ, при добычѣ и развѣдкѣ золотосодержащаго пласта. Настоящій порядокъ... вызываетъ ропотъ и нареканія рабочихъ на отдѣльныхъ служащихъ, которымъ приходится распределять рабочихъ по забоямъ на золотосодержащій пластъ. Полной справедливости въ этомъ отношеніи достигнуть положительно невозможно“. Но слѣдователь справедливо замѣтилъ, что „хищничествомъ заставляеть рабочаго заниматься незначительная плата, опредѣленная за работу“. Чтобы прекратить его, „нужно увеличить заработную плату“. „Восточное Обозрѣніе“ (1883 г. № № 9 и 25) высказалось въ пользу Серебренникова и объяснило все волненіе интригами старыхъ служащихъ. Онъ былъ несомнѣнно правъ въ своемъ недовольствѣ виннымъ хозяйствомъ и другими приисковыми безобразіями, но въ то же время онъ раздражилъ рабочихъ требованіемъ болѣе напряженной работы.

контроля. Записки на полученіе водки выдаются многими служащими безотчетно. Эти записки служатъ ходячей монетой между рабочими, на нихъ играютъ въ карты, скупаютъ золото и дѣлаютъ всякія другія аферы". Слѣдователь прямо предъявилъ эти обвиненія и управленію Благовѣщенскаго приска. Въ официальной бумагѣ, отъ 13 іюля 1882 г., онъ написалъ этому управленію слѣдующее: „на общемъ собраніи промысловой администраціи подтвердилось, что на прискахъ идетъ торговля хозяйскою водкою, что служащіе по меньшей мѣрѣ расплачиваются водкою за разныя услуги, что подрядчики торгуютъ отъ васъ же полученною водкою, словомъ, на прискахъ существуютъ худшаго рода спиртоносы,—спиртоносы своего собственнаго фабриканта, надъ которыми не можетъ быть никакого контроля“.

Во время слѣдствія о волненіи рабочихъ на Благовѣщенскомъ прискѣ оказалось также, что служащій Шнейдеръ разыгрывалъ между рабочими неразрѣшенную лотерею въ 400 р. На запросъ слѣдователя присковое управленіе отвѣчало, что, узнавъ о лотерей, оно приказало „арестовать“ ее, что и было исполнено урядникомъ, деньги съ лотерейнымъ листомъ представлены въ контору и частію возвращены рабочимъ на руки, частію записаны имъ въ расчетные листы.

Слѣдователь обратилъ также вниманіе на то, что присковое управленіе подвергало штрафамъ наравнѣ съ контрактными рабочими и такихъ, съ которыми не было заключено контрактовъ, хотя и не имѣло на это права. Наказанія за маловажные поступки рабочихъ налагались не артельною расправою, какъ это предписано было Уставомъ о частной золотопромышленности, а присковою полиціею, при чемъ урядникъ Нѣмчиновъ, по его собственному сознанию, обыкновенно подвергалъ рабочихъ наказанію по требованію присковыхъ служащихъ (см. гл. VI, стр. 443).

Слѣдователь нашелъ также нужнымъ замѣтить въ протоколѣ, что 1) „наемка рабочихъ на промысла довѣренными К°, расчетъ на мѣстѣ и записка заслугъ (заработка) не соотвѣтствуютъ ни пользѣ работника, который не принимаетъ никакого участія въ дорожныхъ расходахъ, производимыхъ на его счетъ довѣреннымъ отъ управленія, ни требованію закона, на основаніи котораго не допускаются такіе большіе задатки, которые ставятъ рабочаго должникомъ на продолжительный срокъ, тѣмъ болѣе, что контрактъ, заключаемый съ рабочими людьми, односторонне обязываетъ только рабочихъ, а промысловому управленію предоставляетъ право дѣлать съ рабочими, что хочетъ: а) во всякое время уволить безъ законнаго къ тому повода, лишивъ тѣмъ возможности найти другую работу; б) рассчитать больного, потратившаго здоровье въ тяжелой присковой работѣ; в) поставить рабочаго на такую работу, которою не окупится не только полученный задатокъ, но едва можетъ покрыться

выписка, т.-е. получаемое рабочими изъ амбара компаніи (одежда, обувь и припасы—чай, масло и т. п.), необходимое для улучшенія пищи; г) можетъ разсчитать за справедливую жалобу на служащихъ,—словомъ, рабочий не можетъ ручаться, что на завтрашній день будетъ имѣть работу и заработокъ. 2) Что промысловые рабочіе деморализуются: вблизи промысловъ, подъ разными предлогами, проживаетъ масса людей, мнимые золотопромышленники и подрядчики, ютящіе у себя отребье витимской и олекминской тайги. 3) Зданія больницы (главной) и казармъ рабочихъ далеко не соотвѣтствуютъ своему назначенію: больница низка и тѣсна, что должно печально отзываться на больныхъ, особенно въ зимнее время ¹⁾, а казармы до того неудобны, что по заявленію, сдѣланному врачомъ Рабиновичемъ, только вызываютъ въ рабочихъ цынготныя и простудныя болѣзни, при чемъ сухость воздуха отъ желѣзныхъ печей въ зимнее время тоже скверно вліяетъ на здоровье помѣщающихся въ казармахъ людей. Слѣдователь указалъ также на то, что пищевое довольствіе рабочихъ дурно организовано; по наблюденіямъ присковскаго врача Рабиновича, рабочий изъ отпускаемаго управленіемъ ежедневно 1½ ф. мяса на человѣка получалъ въ дѣйствительности въ вареной пищѣ только 55 золотниковъ. Мы видимъ такимъ образомъ, что Осташкинъ внимательно отпесся къ производству порученнаго ему слѣдствія и не скрылъ дурныхъ сторонъ въ положеніи рабочихъ крупной, богатой компаніи.

Получивъ слѣдственное дѣло о безпорядкахъ на Благовѣщенскомъ присскѣ, генераль-губернаторъ Вост. Сибири, Анучинъ, препроводилъ его къ якутскому губернатору съ предписаніемъ предать суду арестованныхъ и отправленныхъ въ Якутскъ рабочихъ, а также не назначать ни на какія обязанности по золотымъ промысламъ хорунжаго Шахурдина, сотника Пашенко и урядника Нѣмчинова ²⁾.

¹⁾ Нѣсколько лѣтъ поздиѣ на промыслахъ КК^о Промышленности и Прибрежно-Витимской выстроена новая роскошная больница.

²⁾ Осенью 1883 г. якутскій окружной судъ постановилъ слѣдующій приговоръ: 5 рабочихъ лишить всѣхъ правъ состоянія и сослать въ каторжную работу въ крѣпостяхъ, одного на 8 лѣтъ (несовершеннолѣтняго), одного на 10 лѣтъ и трехъ на 12 лѣтъ; 2-хъ сильно-поселенцевъ въ каторжныя работы на 14 лѣтъ съ наказаніемъ одного изъ нихъ 10-ю ударами плетью; 2-хъ рабочихъ лишить всѣхъ особенныхъ лично и по состоянію присвоенныхъ правъ и преимуществъ и, взамѣнъ отдачи въ исправительныя арестантскія отдѣленія гражданскаго вѣдомства на 1½ года, заключить въ тюрьму съ уменьшеніемъ срока на основаніи манифеста 15 мая 1883 г. на одну треть; наконецъ, нѣсколько человекъ было оставлено въ сильномъ подозрѣніи. О противозаконныхъ дѣйствіяхъ урядника Нѣмчинова и исправлявшаго должность горнаго исправника Витимской системы сотника Пашенко судъ постановилъ составить краткую записку и представить ее якутскому губернатору для должнаго съ его стороны распоряженія. Кромѣ наказанныхъ по суду, по распоряженію Осташкина, было выслано 20 человекъ

Въ 1883 г., были опять нѣкоторыя замѣшательства на промыслахъ той же К^о Базанова, Сибирякова и Нѣмчинова, о которыхъ мы имѣемъ подробныя свѣдѣнія въ донесеніи начальника иркутскаго жандармскаго управленія. Прибывъ 22-го іюня на Благовѣщенскій прискѣ, онъ узналъ, что на промыслахъ Витимской системы уже извѣстно о совершеніи торжества коронованія Ихъ Величествъ. Въ виду этого и „для прекращенія различныхъ толковъ по случаю замедленія празднованія дня коронованія на прискахъ Базанова, Нѣмчинова и Сибирякова“, управляющій этихъ присковъ рѣшилъ дать рабочимъ 9-го іюня, послѣ молебствія, общій отдыхъ, „такъ какъ распоряженій по этому случаю отъ якутскаго губернатора въ скоромъ времени не ожидалось“. Между тѣмъ отлучившійся съ Благовѣщенскаго приска на Бодайбинскую резиденцію священникъ сообщилъ о своемъ нездоровьѣ и о томъ, что не можетъ пріѣхать въ назначенное время на прискѣ для совершенія молебствія. Узнавъ объ этомъ, часть рабочихъ Успенскаго приска стала настоятельно просить о предоставленіи имъ давно ожидаемаго и обѣщаннаго дня отдыха, и во избѣжаніе беспорядковъ было рѣшено дать 9-го іюня общій отдыхъ на Благовѣщенскомъ и Успенскомъ прискахъ, хотя на первомъ изъ нихъ въ этотъ день рабочіе и не прочь были идти на работу. Такимъ образомъ, 9-го іюня порядокъ нарушенъ не былъ, при чемъ рабочіе получили по 2 винныхъ порціи и улучшенную пищу.

27-го іюня, горный исправникъ получилъ отъ якутскаго губернатора предписаніе о совершеніи молебствія и празднованіи дня коронованія. На Благовѣщенскомъ прискѣ молебствіе было совершено утромъ 29-го іюня, и во время его было все спокойно, но послѣ него кто-то сталъ распускать въ толпѣ слухъ, что на прискахъ полученъ манифестъ, который будто бы скрывается мѣстными властями. Увѣренія священника въ лживости этихъ слуховъ повидимому успокоили рабочихъ, и они разошлись. Въ этотъ день рабочимъ обоимъ присковъ былъ вновь предоставленъ отдыхъ и угощеніе.

Но около 10 ч. вечера въ тотъ же день толпа рабочихъ, человекъ въ 50, большею частью пьяныхъ, подошла къ квартирѣ управляющаго Аненгольма, стала требовать отдыха и на третій день, ссылаясь на повсемѣстное празднованіе коронаціи въ теченіе этого времени. Толпу уговаривали священникъ, командиръ казачьяго отряда, исправникъ и управляющій, при чемъ послѣдніе два указывали на то, что они не могутъ удовлетворить просьбы рабочихъ, такъ какъ не имѣютъ на то распо-

---

этапнымъ порядкомъ, но, безъ сомнѣнія, сверхъ того, масса рабочихъ была внесена въ списки не подлежащихъ наемкѣ. Арх. Иркут. Горн. Упр. К. 2766, № 47—39; срав. Арх. К^о Промыш., дѣло Прибрежно-Витимской К^о, № 1156, дѣло Арх. Витим. Горн. Испр. 1883 г., № 92.

ряженія отъ якутскаго губернатора и отъ главнаго распорядителя дѣлъ компаніи. Начальникъ иркутскаго жандармскаго управленія совѣтовалъ дать рабочимъ третій день отдыха, но исправникъ и управляющій отнеслись къ этому уклончиво, такъ какъ, по ихъ мнѣнію, всякая уступка рабочимъ повлечетъ за собою дѣльный рядъ новыхъ претензій. Начальникъ жандармскаго управленія болѣе часа старался успокоить рабочихъ и убѣдить ихъ разойтись по казармамъ, при чемъ они, кромѣ просьбы о лишнемъ днѣ отдыха, высказывали различныя жалобы на служащихъ и заявляли подозрѣнія, что манифестъ скрывается отъ нихъ мѣстнымъ начальствомъ. Начальникъ жандармскаго управленія предложилъ рабочимъ прислать къ нему на другой день выборныхъ изъ своей среды для представленія своихъ жалобъ и пожеланій, и вскорѣ послѣ того рабочіе разошлись. На другой день выборные не явились, и большинство рабочихъ Благовѣщенскаго прииска на работу не пошло, между тѣмъ какъ на Успенскомъ приискѣ работы шли обычнымъ порядкомъ. Тогда начальникъ жандармскаго управленія, увидя изъ представленнаго ему горнымъ исправникомъ предписанія якутскаго губернатора, что въ немъ ничего не упоминается относительно числа дней празднованія коронаціи, разрѣшилъ, по соглашенію съ горнымъ исправникомъ, всѣмъ рабочимъ на приискахъ Витимской системы праздновать коронацію въ теченіе трехъ дней, по примѣру Иркутской губерніи, и сообщилъ о томъ съ нарочнымъ горному исправнику Олекминской системы. Вслѣдствіе принятаго рѣшенія, рабочимъ Успенскаго прииска былъ данъ третій день отдыха 1-го іюля, такъ какъ они работали наканунѣ, команда же Благовѣщенскаго прииска должна была въ этотъ день идти на работы. Затѣмъ начальникъ жандармскаго управленія разсказалъ рабочимъ Благовѣщенскаго прииска, какимъ порядкомъ будетъ полученъ на приискахъ и обнародованъ манифестъ, предостерегая ихъ отнюдь не истолковывать самовольно милостей, объявленныхъ въ этомъ манифестѣ, которыя своевременно будутъ имъ разъяснены и объявлены мѣстнымъ начальствомъ, и вслѣдъ затѣмъ, по соглашенію съ горнымъ исправникомъ, 44 чел. рабочихъ, замѣченныхъ въ томъ, что они подстрекали своихъ товарищей не выходить на работу 30-го іюня и прежде дурно вели себя, были разсчитаны приисковымъ управленіемъ. На Успенскомъ приискѣ еще ранѣе было разсчитано 10 человѣкъ, которые подстрекали не выходить на работу 9-го іюня. Начальникъ жандармскаго управленія сказалъ рабочимъ обоихъ приисковъ, что третій день празднованія коронаціи былъ бы имъ предоставленъ, и что никто не имѣлъ бы права лишить ихъ третьяго дня отдыха (мы видѣли, что горный исправникъ и приисковое управленіе именно хотѣли это сдѣлать), но что „для этого не слѣдовало самовольничать, вызывая тѣмъ волненія и безпорядки среди своихъ товарищей“.

Въ 1884 г., 8-го и 9-го апрѣля, происходили небольшіе беспорядки на приискѣ Чаринскаго золотопромышленнаго Т-ва Олекминскаго округа. 8-го апрѣля, рабочіе собрались толпами къ помѣщенію пайщика К^о купца Аллакова, требовали увеличенія количества винныхъ порцій и удаленія служащаго Сурея, при чемъ избили его. На другой день нѣкоторые изъ рабочихъ разыскивали машиниста Сутагина, вслѣдствіе того, что онъ избилъ одного конюха, и при этомъ вышибли оконную раму въ помѣщеніи служащихъ, чтобы вытащить оттуда Сутагина, не слушались полицейскаго урядника, угрожали разбить зданіе, гдѣ жили казаки, если кто-нибудь будетъ арестованъ, и избили одного караульнаго.

Въ 1888 г., какъ видно изъ отчета горнаго исправника витимской системы Олекминскаго округа, произошло „возмущеніе“ рабочихъ на Прокопьевскомъ приискѣ Бодайбинской К^о противъ казачьей команды, при чемъ были побиты двое казаковъ ¹⁾). Въ отчетѣ исправника почему-то не упоминается о волненіи въ этомъ году на приискахъ К^о Базанова, Нѣмчинова и Сибиряковыхъ, о которыхъ мы узнаемъ лишь изъ письма того же горнаго исправника къ начальнику иркутскаго горнаго управленія. Въ письмѣ этомъ онъ говоритъ, что „въ мартѣ мѣсяцѣ случились крупныя беспорядки между рабочими на промыслахъ сибиряковскихъ“, въ которыхъ, по мнѣнію исправника, „было виновато все управленіе“. „Я не раздувалъ этого дѣла,—прибавляетъ онъ,—но тогда же наметилъ до 72 человекъ для немедленнаго выдворенія изъ тайги“. Въ виду того, что дорога въ это время испортилась, рѣшено было, что они будутъ дожидаться на Бодайбинской резиденціи. Вслѣдъ затѣмъ,—продолжаетъ исправникъ,—покойникъ Пемьевскій заявилъ золотничныя работы на своихъ промыслахъ, что побудило многихъ рабочихъ Бодайбинской К^о и сибиряковскихъ пожелать нарушить контракты и идти въ олекминскую тайгу: я тотчасъ же приказалъ урядникамъ всякаго рабочаго, желающаго увольненія, представлять ко мнѣ на Бодайбо, а симъ послѣднимъ объявилъ, что они будутъ выдворены въ Киренскъ. Эта мѣра оказалась крайне дѣйствительною, и всякое движеніе рабочихъ сразу прекратилось“.

Въ 1893 г., какъ мы слышали отъ бывшаго окружнаго инженера Олекминскаго округа, были беспорядки на приискахъ мѣстнаго золотопромышленника Плетюхина, пріобрѣвшаго печальную извѣстность безцеремонною эксплоатаціей рабочихъ. Вскорѣ затѣмъ на этихъ приискахъ былъ якутскій губернаторъ, который и заставилъ Плетюхина измѣнить его прежній, совершенно противозаконный контрактъ.

Въ 1894 г. произошло волненіе на Прокопьевскомъ приискѣ Ви-

¹⁾ Арх. Витим. Горн. Испр.

тимской системы Ленского горного округа. Поводомъ къ нему послужило то, что въ котелѣ, въ которомъ была принесена пища для одной группы рабочихъ, найдена была заячья лапка. Рабочіе не вышли на работу, жалуются на небрежность въ приготовленіи пищи, и вмѣстѣ съ тѣмъ требовали смѣны двухъ служащихъ, которыхъ они не любили. Разслѣдованіе показало, что лапка была не обварена и что слѣдовательно въ общемъ котлѣ ея не было. Волненіе продолжалось всего одинъ день; зачинщики были отправлены къ горному исправнику для выдворенія изъ тайги. Управление отказалось исполнить требованіе рабочихъ относительно увольненія двухъ служащихъ, но въ слѣдующую операцію одинъ изъ нихъ былъ расчисланъ, а другой переведенъ на иную должность ¹⁾.

Въ Забайкальской области въ 1873 г. произошло волненіе на Ново-Александровскомъ пріискѣ К^о Сабашникова Нерчинскаго округа. Часть рабочихъ (90 чел.) оставили работы и отправились въ г. Читѣ принести жалобу областному начальству на неправильныя дѣйствія промысловаго управленія относительно продовольствія, работъ и платы за нихъ. Въ Читѣ ихъ посадили въ острогъ, и, когда имъ было приказано возвратиться на пріискъ, они не хотѣли идти и, разломавъ печь, встрѣтили конвой кирпичами и досками съ разобранныхъ наръ. Начальникъ штаба войскъ Забайкальской области, явившись съ добавочнымъ конвоемъ, заставилъ ихъ идти обратно въ сопровожденіи конвоя. По прибытіи на пріискъ, они вновь отказались работать, повліяли и на остальную часть рабочей команды, такъ что еще 128 чел. прекратили работы. Когда на пріискъ явились слѣдователи, рабочіе окружили ихъ, и одинъ изъ нихъ ударилъ въ грудь акшинскаго исправника, а другой сказалъ капитану Вишневскому, командированному генералъ-губернаторомъ: „покажи-ка намъ бумагу, что ты присланъ отъ генералъ-губернатора“. Такой бумаги не оказалось, такъ какъ генералъ-губернаторъ Синельниковъ, проѣзжая черезъ Читѣ, приказалъ на словахъ управляющему области командировать капитана Вишневскаго (было предписаніе только отъ Забайкальскаго губернатора). Тогда рабочіе заявили ему, что словамъ его не вѣрятъ. Слѣдствіе не имѣло никакого успѣха, и слѣдователи уѣхали съ пріиска; по мнѣнію начальника иркутскаго жандармскаго управленія, „слѣдствіе производилось слабо, зачинщики не были арестованы, и вся команда... показывала по ихъ наученію“. Въ циркулярѣ предсѣдателя совѣта Главнаго Управленія Восточной Сибири генералъ-лейтенанта Шелашникова отъ 8-го мая 1874 г. было объявлено, что, по разсмотрѣніи въ совѣтѣ слѣдственнаго дѣла о безпорядкахъ на пріискахъ К^о Собашникова, „оказалось: а) рабочіе по тѣмъ

¹⁾ „Вост. Обоз.“ 1895 г., № 22, стр. 3.

причиняетъ, какія ими выставлены къ оставленію работъ на прискахъ, ни въ какомъ случаѣ не имѣли ни повода, ни права самовольно выходить оттуда цѣлой артелью, оказывая тѣмъ явное неповиновеніе хозяину и совершая преступленіе, предусмотрѣнное 618 ст. Улож. о наказ., тѣмъ болѣе, что новоды къ жалобамъ оказались неуважительными; представляемая рабочими, какъ главный предметъ неудовольствія, выдача дурного мяса, если имѣла мѣсто, то какъ единичное явленіе; вообще же, какъ доказывается слѣдствіемъ, мясо отпускалось хорошаго качества; слѣдовательно, рабочіе не были поставлены въ такое положеніе, чтобы не имѣть возможности продолжать работы. Затѣмъ другія ихъ жалобы тѣмъ менѣе давали право къ произведенію безпорядковъ и должны были принестись находящемуся на прискахъ начальнику мѣстныхъ казаковъ, чего рабочими сдѣлано не было, и б) при самомъ выходѣ съ присковъ рабочихъ и при вторичномъ отказѣ отъ работъ, по возвращеніи изъ Читы, а также при производствѣ слѣдствія не было принято, кѣмъ слѣдуетъ, должныхъ мѣръ къ пресѣченію самовольства рабочихъ и къ немедленному отдѣленію зачинщиковъ для поступленія съ ними на точныхъ основаніяхъ существующихъ правилъ; кромѣ того слѣдователями допущены съ одной стороны превышеніе власти, а съ другой бездѣйствіе ея, имѣвшія на исходѣ дѣла дурное вліяніе“. Вслѣдствіе этого „совѣтомъ Главнаго Управленія Восточной Сибири съ утвержденія бывшаго генералъ-губернатора (Синельникова) постановлено: 1) передать дѣйствія рабочихъ разсмотрѣнію суда на общемъ основаніи и 2) предложить управляющему Забайкальской областью возбудить въ установленномъ порядкѣ отвѣтственность лицъ, какъ допустившихъ бездѣйствіе власти, такъ и дозволившихъ себѣ превысить ее въ настоящемъ дѣлѣ; причѣмъ дѣйствія Забайкальскаго областного начальства по объявленію недѣйствительными контрактовъ, заключенныхъ... рабочими, совѣтъ главнаго управленія призналъ неправильными и подлежащими отмѣнѣ“ ¹⁾).

Въ февралѣ 1874 г. горный исправникъ Витимской системы Верхнеудинскаго и Баргузинскаго округовъ ²⁾ кн. Апокидзе далъ знать присковому управленію Иоанно-Домаскинскаго приска Забайкальскаго Т-ва Гинцбурга и К^о, что рабочіе, на основаніи Высочайше утвержденныхъ правилъ, должны быть, кромѣ высокаторжественныхъ и праздничныхъ дней, освобождены отъ работъ 1-го и 15-го числа каждаго мѣсяца; онъ приказалъ объявить объ этомъ рабочимъ и исполнять это предписаніе въ точности, въ противномъ случаѣ грозилъ „поступить по закону“.

¹⁾ „Иркутск. Губ. Вѣд.“ 1874 г., № 58 или въ книгѣ *Стрѣкаловскаго* „Сборн. узак. о частн. золот. и горн. промыслахъ“ ч. I, 119—120; Арх. Иркут. Горн. Управл. К. 2560, № 180—184, л. 260—279, 335, 339.

²⁾ Не слѣдуетъ смѣшивать съ Витимскою системою Олекминскаго округа.

Какъ ни симпатично желаніе горнаго исправника дать присковымъ рабочимъ болѣе частый отдыхъ, въ которомъ они дѣйствительно нуждаются, нельзя не замѣтить, что его предписаніе не имѣло основанія въ дѣйствующихъ законахъ. Управление присками Т-ва отвѣтило исправнику, что рабочіе Іоанно-Дамаскинскаго приска, по заключеннымъ ими контрактамъ, могутъ имѣть отдыхъ лишь по одному дню въ мѣсяцъ и что правилами Горнаго Устава о наймѣ рабочихъ (§ 4) золотопромышленникамъ предоставлено право въ заключаемыхъ ими контрактахъ дѣлать добровольныя условія о льготныхъ дняхъ. Такъ какъ управленіе нашло, что увеличеніе числа дней отдыха влечетъ за собою большія потери, то оно просило впредь до пріѣзда управляющаго промыслами Т-ва на Дамаскинскій прискъ отмѣнить распоряженіе о льготныхъ дняхъ, „о чемъ и дать знать управленію и снабдить для прочтенія Высочайше утвержденное правило, ибо таковое не было объявлено здѣшнему управленію“. Но горный исправникъ стоялъ на своемъ и на донесеніе присковаго управленія отвѣчалъ, что уже ранѣе имъ „было предъявляемо присковымъ управленіямъ Витимской системы о контрактахъ, заключенныхъ съ рабочими съ отступленіемъ отъ правилъ Высочайше утвержденныхъ“, о чемъ и было опубликовано имъ въ циркулярѣ, и теперь онъ вновь предлагалъ управленію, „чтобы неупустительно рабочимъ людямъ былъ дозволяемъ отдыхъ 1-го и 15-го числа каждаго мѣсяца, тѣмъ болѣе, что со стороны рабочихъ происходили жалобы“ на недачу отдыха въ эти числа, а вслѣдствіе этого можетъ случиться и бунтъ; въ предупрежденіе его, продолжаетъ исправникъ, и сдѣлано распоряженіе о предоставленіи имъ отдыха 1-го и 15-го числа. Не смотря на добровольное согласіе рабочихъ въ заключенныхъ ими контрактахъ имѣть по одному дню отдыха, исправникъ настаивалъ на исполненіи его распоряженія, предоставляя присковому управленію, если оно считаетъ его предписаніе незаконнымъ, исполнивъ его, довести о немъ до свѣдѣнія высшаго начальства.

1-го мая того же года управляющій золотыми промыслами Забайкальскаго Т-ва Гинцбурга и К^о донесъ исправляющему должность горнаго исправника (очевидно кн. Апокидзе уже оставилъ свое мѣсто), что на прискъ Іоанно-Дамаскинскомъ „произошла стачка, оказано неповиновеніе и нарушенъ контрактъ невыходомъ на работу“. Часть рабочихъ не работала, кромѣ 1-го мая, также 2-го, 3-го и 4-го мая. Для производства слѣдствія губернаторъ отправилъ Баргузинскаго окружнаго исправника, которому рабочіе заявили, что причиною невыхода ихъ на работу 1-го мая было то, что управляющій промыслами Гинцбурга на просьбы ихъ о разрѣшеніи отдыха 1-го и 15-го числа каждаго мѣсяца объявилъ имъ, что въ лѣтніе мѣсяцы будетъ оставлять изъ рабочей команды ежедневно только отъ 2-хъ до 3-хъ человѣкъ. Поэтому слѣдо-

ватель просилъ управляющаго объяснить, по какому расчету предполагается онъ разрѣшить отдыхъ, ибо, при численности всей команды до 150 человѣкъ, всѣ рабочіе не могутъ воспользоваться отдыхомъ въ теченіе мѣсяца, если для этого онъ будетъ отпускать лишь по 2—3 человѣка въ день. Управляющій отвѣчалъ, что наканунѣ 1-го мая онъ приказалъ уволить на отдыхъ въ слѣдующій день 5 человѣкъ, а затѣмъ отпускать ежедневно по 6 человѣкъ; но артель рѣшила въ этотъ день отдыхать, а на другой всеѣмъ идти на работу. Въ видѣ наказанія за невыходъ на работу управляющій, вмѣсто обычной пищи, приказалъ отпустить рабочимъ 2-го и 3-го мая только по 2½ ф. хлѣба; тогда они объявили, что на работу не пошли по распоряженію горнаго исправника, объявленному имъ урядникомъ о томъ, что они должны имѣть отдыхъ 1-го и 15-го числа каждаго мѣсяца, и представили копію съ этого приказа. Поэтому управляющій и заявилъ слѣдователю, что „главнымъ поводомъ къ неповиновенію рабочихъ и невыходу на работу 1-го мая были манифестаціи (sic) горнаго исправника, объявленные рабочимъ... чрезъ урядника“. Относительно количества оставляемыхъ на отдыхъ рабочихъ онъ заявилъ слѣдующее: „я сказалъ, что если вся команда не желаетъ отдыхать 9-го мая, то я буду оставлять ежедневно въ теченіе мѣсяца отъ 2 до 3, 5 и 15-ти человѣкъ, а иногда и ни одного“, на что давалъ ему право контрактъ, „такъ что къ 20-му числу каждаго мѣсяца долженъ кончатся отдыхъ всѣхъ рабочихъ“. Въ другомъ заявленіи слѣдователю управляющій присками Т-ва Гинцбурга говорить: „По договору моему съ рабочими... условлено: за уклоненіе отъ работъ, лѣность и нерадѣніе, и злонамѣренность при исполненіи работъ они (т.-е. рабочіе люди) подвергаются штрафу отъ 2 до 5-ти руб. и наказанію розгами (чрезъ свою артельную расправу, по приговорамъ) до 10-ти ударовъ“. Я не желаю брать съ нихъ штрафовъ, чтобы не лишать ихъ заработанной ими платы, не желаю также артельной расправы и наказанія; но въ видахъ сохраненія и пополненія присковой экономіи и... возстановленія законныхъ правъ моихъ на обязательный трудъ работниковъ, по заключеннымъ съ ними письменнымъ договорамъ“, онъ просилъ слѣдователя „силою законной власти заставить тѣхъ работниковъ, которые не работали 2-го, 3-го и 4-го мая, отработать 152 поденщины“, а такъ какъ въ эти дни они не получали въ пищу мяса, то управляющій обязывался, когда они будутъ работать двойной урокъ, давать имъ двойную порцію мяса и добавочныхъ 2 ф. печенаго хлѣба.

Рѣшеніе по этому дѣлу намъ не извѣстно, но, вѣроятно, оно было въ пользу присковаго управленія, такъ какъ въ отчетѣ окружному ревизору Забайкальской и Амурской областей за операцію 1873—4 г. управляющій Т-ва Гинцбургъ и К^о говорить: „По стачкѣ рабочихъ людей было произведено слѣдствіе, главные агитаторы обнаружены и преданы

сужденію. Съ того времени, благодаря разумнымъ дѣйствіямъ Баргузинскаго окружного исправника, порядокъ и присковая администрація находятся въ нормальномъ состояніи“¹⁾.

1-го мая 1879 г. не вышли на работу 150 чел. Иннокентьевскаго приска купчихи Краузе Чикойской системы Верхнеудинскаго округа Забайкальской области. Вслѣдствіе телеграммы присковаго управленія о неповиновеніи и будто бы бунтѣ рабочихъ засѣдатель Троицкосавскаго округа майоръ Левицкій, провѣряя это заявленіе, обнаружилъ слѣдующее: рабочіе нанимались въ Иркутскѣ не по контрактамъ, а по особымъ частнымъ запискамъ, которыми обязывались подписать контрактъ, находящійся на прискѣ, по прибытіи туда; при этомъ условія контракта не были имъ объяснены при наймѣ на работы и контрактъ не былъ засвидѣтельствованъ установленнымъ порядкомъ; рабочіе заявили неудовольствіе на условія договора и на то, что купецъ Краузе наложилъ на нихъ штрафъ по 10 р. съ каждого за невыходъ на работы съ 1-го мая. Вслѣдствіе этого главное управленіе Восточной Сибири предписало военному губернатору Забайкальской области обратить вниманіе на донесеніе майора Левицкаго и принять мѣры къ восстановленію законнаго порядка на прискахъ купчихи Краузе. Въ позднѣйшемъ циркулярѣ губернатора этой области (12-го февраля 1886 г.) упоминалось о томъ, что безпорядки на промыслахъ Краузе возникли, какъ было дознано слѣдствіемъ, исключительно отъ несоблюденія при наймѣ рабочихъ установленныхъ закономъ правилъ и дѣйствій хозяина, необусловленныхъ договоромъ²⁾.

Весною 1883 г. прекратили работу рабочіе Іоанно-Дамаскинскаго приска купца Сол. Хотимскаго. Горный исправникъ Верхнеудинскаго и Баргузинскаго округовъ Левицкій въ донесеніи генералъ-губернатору Восточной Сибири говоритъ объ этомъ слѣдующее: 1-го апрѣля на Іоанно-Дамаскинскомъ прискѣ купца Сол. Хотимскаго рабочіе, въ числѣ 56 чел., нанятые въ Иркутскѣ, по прочтеніи имъ контракта, заявили, что контрактъ имъ прочитанъ не былъ, а переданъ былъ нанимателемъ на словахъ, что вырабатывать уроки въ размѣрѣ, указанномъ въ договорѣ при тяжелыхъ условіяхъ работъ, они будутъ не въ силахъ, и что трудъ ихъ при назначенной за урокъ платѣ окупить лишь одно содержаніе; поэтому, считая себя обманутыми при наймѣ, потребовали увеличенія задѣльной платы и, получивъ отъ управляющаго прискомъ отказъ, не пожелали продолжать работы. По разслѣдованію оказалось: рабочіе нанялись въ Иркутскѣ при посредствѣ проживающаго тамъ мѣщанина А. Каминера; подлинность подписей рабочихъ на договорѣ удостовѣрена иркутскимъ городскимъ полицейскимъ управленіемъ, но порядкомъ, уста-

¹⁾ Арх. Иркут. Горн. Управ. К. 2568, № 167—221, л. 159—173.

²⁾ Арх. Иркут. Горн. Упр. К. 2605, № 304—358, л. 6—8; „Забайкальск. Обл. Вѣдом.“ 1886 г., № № 8—9.

новленнымъ правилами о наймѣ на сибирскіе золотые промысла, договоръ въ Иркутскѣ не явленъ, а долженъ былъ быть представленъ для записки въ явочную книгу горнаго исправника. Приостановка работъ продолжалась 3 дня; въ теченіе этого времени безпорядковъ не было, и рабочіе вели себя сдержанно, не смотря на то, что между ними было нѣсколько человѣкъ, принимавшихъ участіе въ прошлогоднихъ безпорядкахъ на прискахъ Прибрежно-Витимской К^о Олекминскаго округа, „которые и при настоящей стачкѣ рабочихъ были, повидимому, руководителями. Употребить принудительныя мѣры къ прекращенію стачки при такомъ настроеніи рабочихъ“, говоритъ горный исправникъ, „значило бы обратить пассивное сопротивленіе въ открытое возмущеніе, а потому я старался только убѣдить рабочихъ въ незаконности ихъ поступка, доказывая при этомъ, что приостановка въ работахъ одинаково невыгодна для нихъ и для хозяина, и что прекращеніемъ стачки они выразятъ свое уваженіе къ закону и къ распоряженіямъ правительства. На 4-ый день стачка между рабочими прекратилась, и они вышли на работу подъ условіемъ ходатайства“ предъ генераль-губернаторомъ „о назначеніи особаго слѣдователя для разбора ихъ претензій... Вслѣдствіе этого и имѣя въ виду, что *недоразумѣнія подобнаго рода между рабочими и промысловыми управленіями становятся чаще съ каждымъ годомъ, я беру смѣлость почтительнѣйше просить... о командированіи на Іоанно-Дамаскинскій прискъ для разслѣдованія настоящаго обстоятельства лица, близко знакомаго съ условіями золотопромышленныхъ работъ, и тѣмъ хотя отчасти положить предѣлъ неосновательнымъ и часто неимовѣрнымъ требованіямъ со стороны рабочихъ, а золотопромышленниковъ и присковыя управленія поставить въ болѣе рacionales къ нимъ отношенія“.*

Генераль-губернаторъ Восточной Сибири генераль-лейтенантъ Анучинъ остался недоволенъ дѣйствіями горнаго исправника Левицкаго. Признавъ ихъ неправильными и неудобными, онъ препроводилъ рапортъ Левицкаго военному губернатору Забайкальской области „на законное распоряженіе“ и просилъ его „разъяснить горному исправнику неумѣстность, какъ непосредственнаго ходатайства“ передъ генераль-губернаторомъ, помимо начальника области, такъ и „подчиненія условіямъ“, предъявленнымъ рабочими, „и обѣщанія исходатайствовать назначеніе особаго слѣдователя для разбора ихъ претензій и какъ бы гарантируя имъ успѣшность этого ходатайства“.

Присланная горнымъ исправникомъ копія съ договора рабочихъ Іоанно-Дамаскинскаго приска была препровождена горному ревизору частныхъ золотыхъ промысловъ Забайкальской области для доставленія свѣдѣній о работахъ на этомъ прискѣ. Окружной ревизоръ Вѣлосеровъ сообщилъ слѣдующее:

„1) Горныя работы на прінскѣ Хотимскаго принадлежать къ числу довольно трудныхъ работъ, заключающихся въ снятіи мерзлыхъ и только отчасти теплыхъ торфовъ и въ выемкѣ самой плотной и вязкой, растаивающей только днемъ мясники, толщиной въ 10 четвертей, не успѣвающей осушаться стокомъ по водоотводнымъ каналамъ, и потому работать приходится въ водѣ. Работы начинаются съ 4-хъ час. утра и продолжаются до 8 час. веч. съ исключеніемъ 2-хъ час. для обѣда съ отдыхомъ и по получасу на завтракъ и на паузину, т.-е. 3-хъ часовъ, что составляетъ 13 час. дневной работы, и потому мною было предложено сбавить число рабочихъ часовъ до 11-ти или до 12-ти, т.-е. оканчивать работу въ 7 час. 2) Величина задаваемыхъ уроковъ на Иоанно-Дамаскинскомъ прінскѣ довольно больша, а именно: на 5 чел. артели полагается снять 2 куб. саж. мерзалаго торфа, талалаго же торфа и песковъ 3 куб. саж. должны быть выработаны 4-мя человекъ, что, сравнительно съ другими прінсками, несоотвѣтственно съ трудностью работы, ибо на Ононскихъ прінскахъ Сабашниковыхъ, гдѣ также вырабатывался (на Благовѣщенскомъ прінскѣ) мясниковатый пласть 5-ью человекъ, вынималось только 2½ саж., и притомъ работа облегчалась подачею песковъ на машины по рельсовому пути, а такъ какъ 3 куб. саж. есть норма для выработки четырьмя рабочими въ большинствѣ прінсковъ, гдѣ пески не такъ мясниковаты, а болѣе разрушены, то на Иоанно-Дамаскинскомъ прінскѣ не слѣдуетъ давать въ урокъ болѣе 2½ саж.“ 3) На прінскѣ Хотимскаго въ первый разъ *„работы производятся на собственномъ продовольствіи рабочихъ“*, такъ какъ въ прошедшемъ году рабочіе были на продовольствіи отъ прінска. Принимая въ соображеніе назначенное въ договорѣ Хотимскаго количество выработки торфовъ и песковъ, оказывается, что рабочій долженъ заработать въ день: на торфахъ мерзлыхъ—1 р., на торфахъ талыхъ—1 р. 35 к., на пескахъ—1 р. 50 к. Но какъ выше было замѣчено, что болѣе 2½ саж. четырьмя рабочими вырабатывать мясниковатыхъ песковъ невозможно и должно быть сбавлено до 2¼ (если не до 2-хъ) куб. саж., то разработка каждаго рабочаго уменьшится при выработкѣ въ день 2½ — 2 куб. саж. до 1 р. 25 к. или до 1 руб., что естественно представляетъ весьма незначительную зарплатку, ибо если вычесть изъ нея харчевое продовольствіе (по прінсковому расчету обходящееся въ день на рабочаго по 50 к.), то у него останется всего 50 или 75 коп. въ день, изъ которыхъ онъ долженъ одѣться, обуться, заплатить подати, недоимки и кормить семью. По сравненіи этихъ цѣнъ съ платными на Алексѣевскомъ прінскѣ по Ауніку (въ той же Баргузинской системѣ) Т-ва купцовъ Малыхъ, при существованіи уже нѣсколько лѣтъ условія содержанія рабочихъ на собственномъ ихъ продовольствіи, оказывается, что цѣны (т.-е. рабочая плата) „на прінскѣ Малыхъ гораздо выше, чѣмъ у Хотимскаго, и притомъ работа ведется при болѣе разрушенныхъ пескахъ. Тамъ 4 чел. легко вырабатываютъ 3 куб. саж. въ день, какъ торфовъ, такъ и песковъ, и получаютъ за эту работу на торфахъ 6 руб., т.-е. по 1 р. 50 к. на человекъ, а на пескахъ 7 р. 50 к. или 1 р. 87½ коп. на человекъ. На прочихъ же прінскахъ и въ другихъ системахъ при хозяйскомъ продовольствіи нѣтъ заработка дешевле 60 к. на торфахъ и 70 коп. на пескахъ; а если припять во вниманіе, что работы эти съ разрушистыми породами оканчиваются такъ рано, что нелѣнные рабочіе могутъ отработать еще старательскую четвертую саж., за которую плата полагается еще больше, то заработка рабочаго достигаетъ до 1 р. 20 к. и болѣе. Изъ всего изложеннаго слѣдуетъ, что въ договорѣ Хотимскаго съ рабочими людьми, дѣйствительно, назначенъ слишкомъ большой урокъ выработки тяжелыхъ мясниковатыхъ песковъ, который выполнить весьма трудно; и притомъ“ рабочая плата „такъ мала, что заработка рабочаго можетъ выйти со-

всѣмъ ничтожною, если даже пріисковое управленіе, сообразивъ невозможность выполнить всей назначенной въ урокъ выработки, сбавить его до надлежащаго количества, т.-е. до $2\frac{1}{2}$ или до 2 саж.⁴ А потому горный инженеръ полагалъ „болѣе справедливымъ“ уменьшить уроки (на мерзлыхъ торфахъ и мясниковатыхъ пескахъ) и увеличить плату ¹⁾.

Въ 1884 г. на прискѣ Бирчинскаго Т-ва на верховьяхъ р. Онона Акшинскаго округа Забайкальской области, начиная съ 1-го мая по 15 іюля, почти каждое воскресенье происходили столкновѣнія между рабочими и управленіемъ, вслѣдствіе самовольнаго невыхода первыхъ на работу. Управляющій пріискомъ весною объявилъ рабочимъ, что въ теченіе лѣта они будутъ пользоваться отдыхомъ каждое воскресенье, а не 2 дня въ мѣсяцъ, какъ это было назначено въ контрактѣ. Рабочіе съ благодарностью приняли такое нововведеніе, но управляющій скоро увидѣлъ, что 600 человѣкъ непроизводительно пользуются хозяйскою пищею лишніхъ 2 дня и наносятъ этимъ значительный убытокъ, и потому сталъ требовать, чтобы отдыхи бывали только 2 раза въ мѣсяцъ, т.-е. 1-го и 15-го числа, но рабочіе продолжали отдыхать каждое воскресенье. Это прекратилось только съ пріѣздомъ окружнаго ревизора, который уговорилъ рабочихъ подчиниться условіямъ, изложеннымъ въ контрактѣ ²⁾.

Въ 1886 г. 11-го и 12-го мая происходили волненія на Е-вомъ (Елизаветинскомъ?) прискѣ Забайкальской области, причины которыхъ состояли въ слѣдующемъ. Съ 1-го февраля до 1-го мая расчетные листы рабочихъ не были подсчитаны, не давались на руки, а хранились въ пріисковой конторѣ. Выдача производилась почти исключительно товарами и припасами, цѣны не выставлялись, такъ что рабочій не зналъ величины своего забора и заработка. Съ 1-го мая стали рассчитывать нѣкоторыхъ рабочихъ и тутъ узнали, что лучшимъ изъ нихъ выставили плату—12 р. въ мѣсяцъ, а другимъ и того менѣе, рублей 8. „У казака или крестьянина-хозяина работникъ получаетъ болѣе и довольствуется вмѣстѣ за однимъ столомъ съ хозяиномъ, не несетъ каторжной работы, отдыхаетъ, когда хозяинъ отдыхаетъ и когда работать не позволяетъ погода. У насъ въ данную минуту“, пишетъ корреспондентъ одной сибирской газеты съ этого пріиска, „нѣтъ ни золотника крупы, и вся пища состоитъ изъ хлѣба, мяса и воды,—благо потроха и кислую солонину поѣли. Чай гнилой былъ показываемъ еще весною рабочими исправнику Перфильеву и доктору. Цѣна на чай

¹⁾ Арх. Ирк. Горн. Управ. К. 2670, № 536—359, л. 3, 7, 10—15, 23—26.

²⁾ „Сибирь“ 1885 г., № 5, стр. 7—8. Въ 1885 г. на пріискахъ барона Гинцбурга (Витимской системы Баргузинскаго округа) былъ убитъ управляющій. „Сибирь“ 1885 г., № 31, стр. 6.

1 р. 50 к. за кирпичъ, между тѣмъ какъ въ ближайшихъ селахъ продается лучший и по цѣнѣ 80 к. и 1 р. за кирпичъ. Вода содержитъ колчеданъ и настолько плоха¹⁾, что въ селеніяхъ, ниже на 18—20 верстъ, не годна къ употребленію. „Съ перемѣною управленія и служащихъ, на присскѣ не осталось ни одного человѣка, специально изучавшаго горное искусство, и нѣтъ техника; вскорѣ послѣдовали несчастные случаи одинъ за другимъ: одинъ рабочій убитъ динамитомъ, одинъ обожженъ порохомъ, нѣсколько человѣкъ получили сильные ушибы“¹⁾.

Наконецъ, въ 1890 г. въ Забайкальской области было волненіе на прискахъ Джамаргатайской К^о, опять такъ вызванное самимъ присковымъ управленіемъ. Вслѣдствіе этого волненія и крайне обостренныхъ отношеній между хозяевами и рабочими, дошедшихъ до подачи письменной жалобы исправнику на „неправильное жалованье“, на приски этой К^о прибылъ Забайкальскій вице-губернаторъ. При осмотрѣ имъ присковыхъ складовъ въ концѣ мая оказалось: 1) что въ складѣ продолжала висѣть такса, утвержденная горнымъ исправникомъ въ январѣ, хотя еще 4-го мая присковое управленіе имѣло новую таксу, въ которой цѣны припасовъ были значительно понижены; 2) что въ присковомъ складѣ вѣсы не имѣли стрѣлки, вмѣсто металлическихъ чашъ на дѣпочкахъ, были привязаны веревками 2 доски, изъ которыхъ одна сыровата, засалена и перевѣшиваетъ другую на $\frac{1}{4}$ фун. Рабочихъ на присскѣ было 325 чел. Слѣдующее каждому рабочему или мелкой артели количество припасовъ взвѣшивалось отдѣльно, и отпускъ припасовъ производился по окончаніи работъ, когда усталые рабочіе спѣшили скорѣе добраться до казармъ. По показаніямъ рабочихъ, объѣсъ былъ имъ извѣстенъ, но они считали это пустяками, сравнительно съ другими недоразумѣніями, и потому въ жалобѣ своей о томъ не заявляли. Припасы были не первой свѣжести, а иногда „отвратительнаго качества“. Указаны были такіе случаи: при приѣмѣ 11 пуд. мяса оказалась недостача въ $1\frac{1}{2}$ пуда, при 20 пуд. хлѣба—недоставало 3-хъ пуд., при 5 пуд. мяса не хватало $1\frac{1}{2}$ пуд.; при взвѣшиваніи гири не употреблялись, замѣняли ихъ клепки и желѣзные обрѣзки. Когда указывали на это, матеріальный говорилъ: „постой, дѣла пойдутъ хорошо, и гири заведутъ хорошія“; при жалобахъ на объѣсъ, матеріальный извинялся торопливостью, такъ какъ приходилось одновременно отпускать продукты цѣлой массѣ рабочихъ; если же, наконецъ, обнаруживался объѣсъ, онъ довѣшивалъ. „Однажды я принесъ женѣ котелокъ съ масломъ“, показывалъ одинъ изъ рабочихъ: „гдѣ должно было быть 4 ф. Жена прогнала меня и велѣла отнести масло назадъ: когда перевѣшивали, пришлось добавить въ котелокъ столько же масла, сколько тамъ

¹⁾ „Сибирь“ 1886 г., № 33, стр. 8—9.

было". Рабочіе обращались къ содѣйствію старосты, но староста получалъ винную порцію, и тѣмъ дѣло кончалось. Старшій казачій урядникъ не слышалъ, чтобы рабочіе жаловались на обвѣсъ.—Въ операцію 1890 г. дѣлами приска завѣдывалъ извѣстный Забайкальскій золото-промышленникъ Еремѣй Рифъ. Матеріальный Нойма и помощникъ его Губерникъ показали, что вся экономія въ припасахъ шла въ пользу присковаго управленія и матеріальный никакой выгоды отъ употребленія невѣрныхъ вѣсовъ не имѣлъ. Рифъ часто самъ присутствовалъ при отпускѣ товаровъ и припасовъ.

Забайкальскій окружной судъ оправдалъ Нойму и Губерника, а Рифа призналъ виновнымъ въ употребленіи невѣрныхъ вѣсовъ по небрежности, а также въ томъ, что онъ не вывѣсилъ новой таксы, и приговорилъ его всего къ 35 р. штрафа. Приговоръ этотъ областной прокуроръ опротестовалъ. Указывая на цѣлый рядъ свидѣтельскихъ показаній, что на прискѣ практиковался систематическій обвѣсъ, для успѣшности котораго приспособленъ былъ весь порядокъ отпуска товаровъ, что всѣ выгоды отъ невѣрности вѣсовъ шли въ пользу присковаго управленія, что, наконецъ, одинъ изъ свидѣтелей прямо говорилъ Рифу о невѣрности вѣсовъ, прокуроръ пришелъ къ заключенію, что „на прискѣ Рифа было сознательное, систематическое обвѣшиваніе трудящагося темнаго люда для мелкой личной наживы". Иркутскій губернский судъ въ 1894 г. отиѣнилъ приговоръ Забайкальскаго суда, призналъ Рифа, Нойму и Губерника виновными въ обвѣсѣ съ умысломъ для обмана и приговорилъ ихъ къ 6-ти мѣсяцамъ тюрьмы и лишенію навсегда права на торговлю ¹⁾.

Въ Амурской области на прискахъ Зейской К^о (Бурейской системы) произошло ослушаніе рабочихъ 1-го августа 1879 г. Объ этомъ событіи мѣстный горный исправникъ Павлицевъ въ своемъ отчетѣ рассказываетъ слѣдующее. Въ этотъ день всѣ рабочіе не вышли на работу. По контракту рабочимъ предоставлялся 1 день отдыха въ мѣсяцѣ, а они не выходили на работу 2 дня и, когда присковое управленіе хотѣло наложить на нихъ за это денежный штрафъ, рабочіе грозили бросить работы и уйти съ присковъ. Поводомъ къ невыходу на работу послужило то, что нѣсколько человекъ рабочихъ изъ среды команды Ивановскаго приска, состоявшей исключительно изъ крестьянъ Мухоршибирской волости Верхнеудинскаго округа распространили слухъ среди рабочихъ Ивановскаго и другихъ присковъ и убѣдили ихъ въ томъ, что компаньонъ-распорядитель Зейской К^о генералъ-маіоръ Шаняевскій, въ бытность свою на прискахъ, общалъ всѣмъ рабочимъ одинъ лишній день отдыха сверхъ опредѣленнаго въ контрактѣ, и

1) „Новое Время" 1894 г., 28 іюня, № 6224.

такъ какъ промысловое управленіе въ іюлѣ мѣсяцѣ давало имъ только 1 день отдыха, а именно, 20-го іюля, то уговорили рабочихъ всѣхъ пріисковъ не выходить на работу 1-го августа. Когда управляющій сказалъ имъ, что они будутъ за это оштрафованы, они объявили ему, что въ такомъ случаѣ всѣ бросать работу и уйдутъ съ пріисковъ. Написали объ этомъ Шанявскому, находившемуся въ то время въ Благовѣщенскѣ, и онъ отвѣчалъ, что ничего подобнаго рабочимъ не обѣщалъ и просилъ распространителей ложныхъ слуховъ „подвергнуть примѣрному взысканію по закону“. Вечеромъ 9-го сентября, наканунѣ дня разсчета, горный исправникъ собралъ всѣхъ рабочихъ Ивановскаго пріиска и спросилъ ихъ о причинѣ невыхода на работы 1-го августа; всѣ они единогласно заявили, что имѣли разрѣшеніе отъ генерала Шанявскаго. Исправникъ отвѣчалъ, что ничего подобнаго не было, и предложилъ тремъ рабочимъ, сказавшимъ, что они лично получили разрѣшеніе отъ генерала Шанявскаго, отправиться вмѣстѣ съ нимъ въ г. Благовѣщенскъ для объясненія съ Шанявскимъ. Они на это не согласились, а остальные рабочіе закричали: „вези всѣхъ насъ, не дадимъ“. Исправникъ вызвалъ артельщиковъ и спросилъ ихъ о томъ же; они также утверждали, что сами получили разрѣшеніе отъ Шанявскаго. Исправникъ предложилъ имъ отправить ихъ на счетъ компаніи въ Благовѣщенскъ на пароходѣ съ разсчитанными рабочими для объясненія съ Шанявскимъ, но артельщики бросились назадъ въ толпу, и вновь раздались крики: „не дадимъ, не дадимъ, а то уйдемъ съ пріисковъ“ и т. п. Исправникъ не могъ успокоить рабочихъ, нашелъ, что они будто бы совершаютъ преступленіе, предусмотрѣнное 618 ст. улож. о наказ. и, считая невозможнымъ при малочисленности пріисковой казачьей команды, состоявшей всего изъ 2-хъ человекъ, арестовать зачинщиковъ, рѣшилъ удалиться, о чемъ и составилъ актъ. На другой день 10-го сентября былъ общій рассчетъ годовымъ рабочимъ. Такъ называемые „главные зачинщики“ были разсчитаны и отправлены на пароходѣ вмѣстѣ съ другими, а по прибытіи въ Благовѣщенскъ, арестованы по приказанію начальника области вслѣдствіе донесенія горнаго исправника, и разслѣдованіе безпорядковъ было поручено особому слѣдователю.

Ознакомившись съ отчетомъ Бурейнскаго горнаго исправника Павлищева о происшествіяхъ на пріискахъ Зейской К^о, исправляющій должность генераль-губернатора Восточной Сибири генераль-лейтенантъ Шелашниковъ въ апрѣлѣ 1880 г. далъ предписаніе военному губернатору Амурской области, въ которомъ, упомянувъ, что онъ не имѣетъ другихъ свѣдѣній о ходѣ этого „важнаго дѣла, могущаго впоследствии послужить примѣромъ другимъ подобнымъ безпорядкамъ, даже бунту рабочихъ“, просилъ „обратить на это дѣло особенное вниманіе, поступивъ съ виновными по всей строгости закона“. 30-го мая 1881 г. горное

отдѣленіе Главнаго Управленія Восточной Сибири получило извѣстіе, что о „безпорядкахъ“ лѣтомъ 1879 г. на Зейскихъ промыслахъ слѣдствіе произведено и еще въ сентябрѣ 1880 г. препровождено въ окружной судъ Амурской области. Рѣшено было это дѣло только 28-го февраля 1883 г., и рабочіе, „по неимѣнію никакихъ данныхъ къ обвиненію“, признаны невиновными. Приговоръ этотъ былъ утвержденъ амурскимъ военнымъ губернаторомъ, генераломъ Лазаревымъ.

Окружной судъ, рассматривая это дѣло по обвиненію 169 чел. Зейской К^о въ неповиновеніи управляющему и горному исправнику, нашелъ, что, на основаніи контракта, рабочіе могли выходить на работу въ праздничные дни за особую плату, но того, чтобы они непременно должны были выходить на работу по большимъ праздникамъ, съ точностью договоромъ не обусловлено. „По смыслу того же условія, рабочіе имѣли полное право пользоваться въ мѣсяцъ однимъ днемъ отдыха по истеченіи каждаго мѣсяца; 1-го августа... большой церковный праздникъ, Спасъ Маккавея, чтимый крестьянами и всѣми вообще православными христіанами, и заставлялъ ихъ непременно работать въ этотъ день, при тѣхъ условіяхъ, которыя выражены въ договорѣ, не было резона и основанія. За неисполненіе законныхъ требованій и распоряженій полиціи виновные подлежатъ отвѣтственности по 29 ст. Уст. о наказ., налаг. миров. судьями, но для признанія виновности необходимо прежде признать законность распоряженій полиціи... А какъ между рабочими и Зейскою К^о возникаютъ гражданскія правовыя отношенія, основанныя на письменномъ договорѣ“, то „прежде разрѣшенія этихъ гражданскихъ правовыхъ отношеній... и признанія въ гражданскомъ судѣ правонарушенія нѣтъ резона, нѣтъ основаній обвинять рабочихъ въ неисполненіи распоряженій горнаго исправника и придавать ему характеръ уголовного поступка, пока не выяснится, законны ли были распоряженія горнаго исправника относительно принужденія рабочихъ идти на работы 1-го августа и имѣли ли право рабочіе... не исполнить его требованія“. Въ виду всего этого, судъ призналъ всѣхъ обвиняемыхъ „невиновными въ нарушеніи порядка и возмущеніи“ и издержки по производствѣ дѣла возложилъ на Зейскую К^о.

Не менѣе интересны мотивы утвержденія этого приговора суда губернаторомъ Лазаревымъ. По его мнѣнію, въ данномъ случаѣ слѣдовало „разрѣшить два вопроса: 1) имѣли ли право или нѣтъ рабочіе не выходить на работу 1-го августа, и вообще можно ли отказъ ихъ отъ выхода на работу признать за дѣяніе, предусмотрѣнное въ 618 ст. Улож. о наказ. (по этой статьѣ обвинилъ ихъ горный исправникъ), и 2) можно ли въ дѣйствіяхъ рабочихъ признать дѣянія, предусмотрѣнные тою же ст. Уложенія. Обращаясь къ разрѣшенію перваго вопроса“, амурскій губернаторъ нашелъ слѣдующее: „юридическія отношенія

сторонъ опредѣляются договорами по общему правилу; каждый договоръ долженъ содержать имя, отчество и фамилію каждого договаривающагося и подписи ихъ. Для найма рабочихъ на сибирскіе золотные промыслы существуютъ еще спеціальныя правила, по которымъ договоры должны быть совершаемы не иначе, какъ явочнымъ порядкомъ съ обозначеніемъ пріиска, рода работъ, размѣра рабочей платы и проч.". Въ дѣлѣ нѣтъ контракта о наймѣ рабочихъ К^о, и слѣдовательно опредѣлить юридическія отношенія сторонъ путемъ обозрѣнія договора невозможно. Договоръ, имѣющійся въ дѣлѣ въ копіи... ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть признанъ за тотъ договоръ, который требуется закономъ. Онъ не имѣетъ существенныхъ частей: не поименованы рабочіе, не указаны срокъ найма и рядная плата, нѣтъ подписей контрагентовъ, нѣтъ удостовѣренія о явкѣ. Составленъ онъ въ общихъ фразахъ и столько же относится къ тѣмъ рабочимъ, о которыхъ идетъ рѣчь, сколько и ко всѣмъ другимъ. Выраженія: „нанялись мы вышеозначенною артелью“ (выше ничего не обозначено) въ такомъ-то числѣ человекъ, срокомъ отъ такого-то до такого-то времени, получать различнымъ мастеровымъ, смотря по роду мастерства, „отъ 17 до 40 р.“, „отъ 15 до 30 р.“, „отъ 12 до 25 р.“, и „отъ 5 до 12 р.“—могутъ быть допускаемы въ общихъ фразахъ договора, но отнюдь не въ договорѣ между извѣстными контрагентами. Изъ другихъ же данныхъ, имѣющихся въ дѣлѣ видно, что, по обычаю, установившемуся на пріискахъ Зейской К^о, рабочіе по окончаніи каждого мѣсяца пользовались однимъ днемъ отдыха, и этимъ днемъ служило всегда 1-ое число наступающаго мѣсяца, въ данномъ случаѣ — 1-ое августа. Что это 1-ое августа должно было служить днемъ отдыха, этого не опровергаетъ и К^о, но „она утверждаетъ, что рабочіе потеряли право отдыхать 1-го августа, такъ какъ по добровольному соглашенію, между ними и генераломъ Шанявскимъ состоявшемуся, право отдыха было перенесено назадъ на 20-ое іюля, что отдыхъ 20-го іюля, которымъ воспользовались рабочіе, былъ данъ имъ взаменъ льготнаго дня, выпадавшаго на 1-ое августа. Рабочіе не признаютъ... заявленія компаніи и утверждаютъ, что отдыхъ 20-го іюля былъ данъ имъ не въ зачетъ, сверхъ льготныхъ дней, опредѣленныхъ договоромъ. Если бы этотъ спорный день не былъ опредѣленъ договоромъ, т.-е. если бы рабочіе не вышли на работу въ одинъ изъ дней, послѣдующихъ за первымъ числомъ того или другого мѣсяца, то очевидно, что они обязаны были бы доказать, что имѣли право не выходить на работу въ этотъ день; но такъ какъ въ данномъ случаѣ рѣчь идетъ объ отдыхѣ, опредѣленномъ договоромъ, т.-е. о такомъ днѣ, отдыхать въ который рабочіе имѣли право, а потому на обязанности К^о лежитъ доказать, что отъ этого права они, рабочіе, отступились добровольно и 1-ое августа замѣнили 20-мъ іюля; а между тѣмъ это со сто-

роны К^о ничѣмъ не доказано и, слѣдовательно, необходимо признать, что рабочіе отдыхомъ 1-го августа воспользовались по праву, имъ принадлежащему. Если это такъ, то о такомъ сопротивленіи, о которомъ говоритъ 618 ст. Улож. о наказ., не можетъ быть и рѣчи. „Обращаясь къ разрѣшенію второго вопроса, амурскій губернаторъ нашелъ, что всякій полицейскій актъ долженъ быть составленъ въ присутствіи и за подписью понятыхъ и что можно привлекать къ отвѣтственности лишь за неисполненіе законнаго требованія полиціи. Между тѣмъ актъ 9-го сентября составленъ горнымъ исправникомъ безъ понятыхъ и потому никакъ не можетъ быть основаніемъ для обвиненія рабочихъ. Затѣмъ рабочіе имѣли право не выходить на работы 1-го августа и потому „о привлеченіи ихъ къ той или другой отвѣтственности не можетъ быть и рѣчи. Точно также въ кругъ обязанностей рабочихъ не входили поѣздки въ Благовѣщенскъ для личныхъ объясненій съ г. Шанявскимъ и, слѣдовательно, они имѣли полное право отказаться отъ этой поѣздки, тѣмъ болѣе, что таковая необходимо требовала времени и, слѣдовательно, была для нихъ убыточна. Да и кромѣ того горный исправникъ не требовалъ отъ нихъ совершить эту поѣздку именемъ закона, а только пригласилъ ихъ на таковую, а отъ приглашенія всякій воленъ отказаться, и этотъ отказъ... не можетъ подвергаться отвѣтственности“. Наконецъ, губернаторъ замѣчаетъ, что „если исправникъ признавалъ необходимымъ арестовать зачинщиковъ, онъ долженъ былъ приступить къ аресту“ не только въ присутствіи двухъ казаковъ, но даже и при совершенномъ отсутствіи ихъ. Исправникъ не встрѣтилъ сопротивленія со стороны зачинщиковъ или толпы, такъ какъ не приступалъ къ аресту, а потому „замѣчаніе, что арестъ не могъ быть произведенъ по недостатку полицейскихъ казаковъ, преждевременно“. Въ виду всего этого губернаторъ Лазаревъ утвердилъ приговоръ суда.

Такимъ образомъ амурскимъ золотопромышленникамъ въ лицѣ генерала Шанявскаго данъ былъ хорошій урокъ. Грустно только, что рабочимъ такъ долго пришлось ждать своего оправданія ¹⁾.

Въ іюнѣ 1885 г. на промыслахъ Зейской К^о вновь произошло волненіе рабочихъ. Компаньонъ - распорядитель Зейской и Верхне-Зейской золотопромышленной К^о, уже извѣстный намъ генералъ Шанявскій, 5-го іюня этого года обратился къ военному губернатору Амурской области съ просьбою о водвореніи обратно 107 чел. рабочихъ, производившихъ насильственные дѣйствія и ушедшихъ самовольно съ присѣковъ. Амурскій губернаторъ велѣлъ горному исправнику произвести слѣдствіе, а полиціймейстеру г. Благовѣщенска задержать рабочихъ по прибытіи

¹⁾ Арх. Ирк. Горн. Упр. К. 2666, № 290—340, л. 1—27. О заключеніи рабочихъ въ благовѣщенскій тюремный замокъ см. „Владивостокъ“ 1885 г., № 33, стр. 7.

нихъ туда. 24-го іюня генералъ - губернаторъ получилъ отъ нихъ изъ Благовѣщенска такую телеграмму: „За отпускъ на пріискахъ Зейской К^о тухлаго съ червями мяса въ теченіе 10 дней мы всею командою не выходили на работу. Амбаръ осматрѣнъ; въ двухъ чанахъ все мясо оказалось гнилымъ съ червями. Составленъ приговоръ командою, фельдшеромъ и урядникомъ. За невыходъ одного дня на работу управленіе налагало штрафъ 25 руб. на каждого. Горный исправникъ ѣхалъ на нашъ пріискъ, но не доѣхалъ. Не имѣя возможности жаловаться, мы рѣшили уйти съ пріиска. За поступокъ этотъ благовѣщенскій полицій-местеръ насъ безъ суда и слѣдствія, въ числѣ 101 чел., подъ стражею лишилъ свободы. Просимъ вашего законнаго распоряженія“. Вслѣдствіе этого генералъ-губернаторъ предложилъ амурскому губернатору объявить рабочимъ, что уходить съ пріисковъ они все же не имѣли права и потому должны возвратиться обратно, а вслѣдъ за ними будетъ послано на пріиски довѣренное лицо отъ генералъ-губернатора для производства дознанія. Результатомъ этого дознанія, которое было поручено дѣлопроизводителю канцеляріи генералъ-губернатора фонъ-Кубе, была слѣдующая телеграмма генералъ-губернатора амурскому военному губернатору: „Верхне-Зейская К^о безусловно виновата, не принявъ мѣры по заявленіямъ о порченой солонинѣ, а напротивъ того по удостовѣреніи сего факта продолжала рабочимъ выдавать таковую наполовину со свѣжей, чѣмъ не соблюла контракта и сама дала право противной сторонѣ нарушить таковой и не выйти на работу. Вмѣсто того, чтобы объяснить рабочимъ законъ, воспреещающій уходъ съ пріиска, К^о сама предложила имъ уйти, снабдивъ ихъ продовольствіемъ. Грабежей не было, лѣсъ выданъ рабочимъ добровольно. Вслѣдствіе этого всѣ убытки, понесенные К^о по этому дѣлу, не подлежатъ удовлетворенію, равно какъ никакихъ штрафовъ съ рабочихъ не слѣдуетъ. Такъ какъ плата на пріискахъ производится ежедневно по выработкѣ (извѣстнаго) числа кубическихъ саженой, а не поденно, то рабочіе не вправе требовать отъ К^о плату за тѣ дни, въ которые не работали“ ¹⁾.

Лѣтомъ 1894 г. на пріискахъ Амгуньской К^о Приморской области были безпорядки, вызванные отобраніемъ доставленнаго спиртоносами спирта у рабочихъ, для усмиренія которой пришлось прибѣгнуть къ оружію ²⁾.

¹⁾ „Сибирская Газета“ 1886 г., № 5, стр. 149; „Владивостокъ“ 1886 г., № 33, стр. 7; „Сибирь“ 1885 г., № 39, стр. 8; „Восточн. Обзоръ“ 1886 г., № 17. Въ послѣдней газетной статьѣ приводятся слѣдующія слова изъ отчета одного горнаго исправника: „мнѣ случилось бывать при усмиреніи безпорядковъ, производимыхъ рабочими, причемъ требовалось прочитывать имъ контракты, разъяснять ихъ смыслъ и выслушивать изъ толпы возгласы: „все для нихъ, ничего для насъ, что смотритъ начальство?“

²⁾ „Вѣстн. Золот.“ 1895 г., № 23; „Дальній Востокъ“ 1895 г., № 56, стр. 3.

Въ 1895 г. въ той же компаніи была забастовка, вызванная попыткою ввести ночныя работы при электрическомъ освѣщеніи, такъ какъ при немъ не видно подземнаго золота ¹⁾.

И такъ въ теченіе послѣднихъ 25 лѣтъ намъ извѣстны 45 волненій и стачекъ рабочихъ на сибирскихъ промыслахъ, при чемъ показанія нѣкоторыхъ мѣстныхъ наблюдателей заставляютъ думать, что въ дѣйствительности ихъ было значительно болѣе. Въ 70-хъ годахъ мы имѣемъ свѣдѣнія лишь о 10 волненіяхъ, въ 80-хъ—о 23-хъ, въ первое пятилѣтіе 90-хъ—о 12-ти; несомнѣнно слѣдовательно, что въ послѣднее время волненія становятся явленіемъ болѣе частымъ. По мѣстностямъ они распредѣляются такимъ образомъ: въ Западной Сибири—12, въ Енисейской губерніи—12, въ Олекминскомъ округѣ Якутской области—10, въ Забайкальской области—7 и въ Амурской и Приморской областяхъ—4.

Причины волненій извѣстны въ 31 случаѣ. Наиболѣе частыми причинами недовольства рабочихъ являются: непосильная величина уроковъ въ горныхъ работахъ, дурная пища, недостаточность винныхъ порцій, недостаточность платы за работу, жестокое обращеніе съ рабочими со стороны хозяевъ и присковыхъ служащихъ. Затѣмъ нерѣдко причинами волненій были: желаніе имѣть болѣе дней отдыха, большіе штрафы, грубость фельдшера и слишкомъ суровое обращеніе съ рабочими мѣстныхъ полицейскихъ властей—горнаго исправника, урядника или казаковъ. Наконецъ въ отдѣльныхъ случаяхъ волненія были вызваны: продажей рабочимъ дурныхъ припасовъ изъ присковыхъ лавокъ, обвѣшиваніемъ ихъ при этой продажѣ, прекращеніемъ выдачи припасовъ въ кредитъ, эксплуатаціе рабочихъ посредствомъ продажи имъ спирта и нежеланіемъ ихъ работать долѣе 10 сентября.

Волненія эти и ихъ усиленіе въ послѣднее время доказываютъ, что необходимы серьезныя законодательныя мѣры для улучшенія быта рабочихъ на золотыхъ промыслахъ.

---

¹⁾ „Вѣстн. Золот.“ 1897 г., № 4, стр. 82.

ГЛАВА XI.

Законодательное регулирование положенія рабочихъ на золотыхъ промыслахъ въ послѣдніе годы.

Законъ 20 Февраля 1895 г. о наймѣ рабочихъ на частные золотые промыслы и его подготовка.—Основанныя на немъ обязательныя постановленія томскаго горнозаводскаго присутствія.—Законъ 2 іюня 1897 г. о продолжительности рабочаго дня.—Необходимость различныхъ другихъ мѣръ на пользу приисковыхъ рабочихъ.—Вопросъ объ обезпеченіи увѣчныхъ и семействъ убитыхъ приисковыхъ рабочихъ.—Капиталъ имени М. А. Сибирякова.—Общество вспомошествованія горнорабочимъ въ Томскѣ.—Необходимость законодательныхъ мѣръ для обезпеченія рабочихъ на случай болѣзни и лишенія трудоспособности.—Хищническая добыча золота и необходимость ея легализированія.

Начало золотопромышленности въ Сибири, какъ мы видѣли, относится къ концу двадцатыхъ и началу тридцатыхъ годовъ, а первый опытъ законодательнаго регулированія быта рабочихъ на тамошнихъ золотыхъ промыслахъ былъ сдѣланъ въ 1838 году. Каковы бы ни были недостатки этого закона, мы находимъ въ немъ нѣкоторое стремленіе оградить интересы рабочихъ: такъ, воспрещены были обязательныя работы по воскресеньямъ и въ большіе праздники, въ виду суровости сибирскаго климата опредѣленъ срокъ осенней промывки золота (10 сентября) и дальнѣйшую промывку дозволилось производить только въ теплыхъ промывальняхъ, установленъ тахімъ количества рабочихъ часовъ для урочныхъ работъ (къ сожалѣнію, слишкомъ большой—15 часовъ, со включеніемъ времени на обѣденный отдыхъ), сдѣлана была попытка (хотя и не достигшая цѣли) регулировать размѣръ задатковъ съ цѣлью помѣшать закабаленію рабочихъ, а также охранить хотя часть заработка ссыльно-поселенцевъ отъ растраты при возвращеніи съ приисковъ, и, наконецъ, хотя и не былъ узаконенъ администра-

тивный надзоръ за установленіемъ цѣнъ вещей и припасовъ, отпускаемыхъ рабочимъ изъ пріисковыхъ лавокъ, но одинъ параграфъ этого закона скоро вызвалъ утвержденіе пріисковыхъ таксъ администраціею, по крайней мѣрѣ, въ Западной Сибири (въ Восточной — гораздо позднѣе).

Нынѣ дѣйствующій Уставъ о частной золотопромышленности изданъ въ 1870 г. Въ томъ отдѣлѣ вырабатывавшей его комиссіи, которому поручено было составленіе правилъ о наймѣ рабочихъ на золотые промыслы, видную роль играли нѣкоторые золотопромышленники или лица, состоявшіе на службѣ у золотопромышленныхъ компаній (С. Соловьевъ, В. Скарятинъ, Г. Эрнъ), и экономистъ Вернадскій, извѣстный защитникъ системы невмѣшательства государства во взаимныя отношенія труда и капитала. Это невыгодно отразилось на содержаніи правилъ, регулировавшихъ (до 1895 г.) бытъ пріисковыхъ рабочихъ въ Сибири, и въ нихъ мы не нашли *ни одного* изъ указанныхъ постановленій закона 1838 года, имѣющихъ въ виду защиту интересовъ рабочихъ; полезнымъ нововведеніемъ въ правилахъ 1870 г. было только опредѣленіе вознагражденія за увѣчья. Правила эти очень скоро послѣ своего обнародованія подверглись строгому, но совершенно справедливому осужденію даже въ официальномъ органѣ горнаго департамента.

Поводомъ къ пересмотру правилъ 1870 г. о наймѣ рабочихъ на золотые промыслы послужила всеподданнѣйшая записка бывшаго начальника Главнаго Тюремнаго Управленія Галкина-Враскаго (1882 г.) по обозрѣнію тюремной части въ Сибири, въ которой онъ между прочимъ коснулся положенія ссыльныхъ, работающихъ на золотыхъ промыслахъ, и указывалъ на необходимость установить нѣкоторыя новыя правила для огражденія интересовъ и рабочихъ, и нанимателей. По мнѣнію т. с. Галкина-Враскаго, трудъ на промыслахъ нельзя считать непосильнымъ и отяготительнымъ, и побѣги съ пріисковъ происходятъ отъ причинъ, врожущихся въ условіяхъ найма, расчета съ рабочими и жизни на промыслахъ. Промысловыя работы нельзя считать особенно прибыльными: рабочій получаетъ деньгами лишь задатокъ, остальная же, большая часть, заработка забирается товаромъ на промыслѣ обыкновенно по дорогой цѣнѣ, и въ этомъ-то расчетѣ за работу проявляется невыгодная для рабочихъ сторона дѣла ¹⁾. Начальникъ Главнаго Тюремнаго управленія указываетъ на то, что золотопромышленникъ, чтобы удержать на промыслахъ рабочаго, открываетъ ему кредитъ товаромъ, а тотъ, нерѣдко сдѣлавъ заборъ на большую часть своего заработка, бѣжитъ съ пріиска и, запасшись паспортомъ, или и

¹⁾ Г. Галкинъ-Враскій упустилъ изъ виду, что многіе рабочіе получаютъ также деньгами додату при окончательномъ расчетѣ по истеченіи срока найма.

безъ него, поступаетъ на другой, нерѣдко сосѣдній пріискъ. Нанимаясь не на круглый годъ, рабочіе, по окончаніи лѣтней операціи, распускаются, причемъ ссыльные, не имѣя домообзаводства и приписанные къ дальнимъ областямъ, начинаютъ бродяжничать. Семейныхъ рабочихъ золотопромышленники обыкновенно избѣгаютъ, и ни больницъ (?), ни богадѣленъ для пріисковыхъ рабочихъ въ большинствѣ случаевъ нѣтъ.

Для измѣненія этого ненормальнаго положенія т. с. Галкинъ-Враскій считалъ самыми настоятельными слѣдующія мѣры: ссыльные нанимаются на работы не менѣе, чѣмъ на годовой срокъ, и не иначе, какъ при посредствѣ мѣстной экспедиціи о ссыльныхъ по выдаваемымъ ею видамъ; въ періодъ найма золотопромышленники должны давать ссыльному и его семьѣ готовое помѣщеніе, лѣчить его безвозмездно, а въ случаѣ увѣчья—содержать въ богадѣльнѣ; расчетъ товаромъ слѣдуетъ по его мнѣнію допускать лишь въ извѣстной долѣ заработка и, наконецъ, виды свободныхъ рабочихъ (не ссыльныхъ) прописывать въ мѣстномъ полицейскомъ управленіи, которое должно дѣлать подписи на паспортѣ о поступленіи рабочаго на пріискъ; при увольненіи съ одного, промысла на другой или въ постоянное мѣстожителство рабочимъ должны быть выдаваемы проходные билеты, а виды пересылаться по почтѣ. Г. Галкинъ-Враскій обратилъ вниманіе на то, что мѣстная полиція, получая частнымъ образомъ пособія отъ золотопромышленниковъ („едва-ли не всегда съ вѣдома губернскаго или областного начальства“), часто пренебрегаетъ своими обязанностями, и полагалъ, что было бы правильнѣе обратить это пособіе въ особый сборъ съ промышленниковъ за каждаго рабочаго и изъ получаемой такимъ образомъ суммы дѣлать выдачи на усиленіе окладовъ чиновъ полиціи и ея канцелярскихъ средствъ. На промыслахъ, гдѣ работаетъ болѣе тысячи рабочихъ, слѣдовало бы обязать промышленниковъ устраивать церкви, причемъ причтъ могъ бы обучать рабочихъ грамотѣ; необходимо также соблюдать на промыслахъ праздничные дни.

Хотя не всѣ наблюденія т. с. Галкина-Враскина относительно пріисковыхъ рабочихъ правильны и не всѣ предложенныя имъ мѣры удачны, но все таки онъ оказалъ рабочимъ большую услугу тѣмъ, что обратилъ вниманіе на необходимость установленія болѣе нормальныхъ отношеній между ними и предпринимателями. Извлеченіе изъ его записки было сообщено (въ декабрѣ 1882 г.) министерствомъ внутреннихъ дѣлъ министру государственныхъ имуществъ, статсъ-секретарю Островскому, а этотъ послѣдній, въ началѣ слѣдующаго года, препроводилъ ее генералъ-губернатору Восточной Сибири съ просьбою высказать свое мнѣніе о замѣчаніяхъ и предположеніяхъ т. с. Галкина-Враскаго, обративъ при этомъ „особенное вниманіе“ на указываемую авторомъ записки „недостаточность правилъ, опредѣляющихъ

обязанности владельцев приисковъ относительно лѣченія и призрѣнія рабочихъ“.

Горное отдѣленіе Главнаго Управленія Восточной Сибири стало собирать матеріалы для рѣшенія поставленной ему задачи. Въ ноябрѣ 1883 г. окружной ревизоръ енисейскихъ промысловъ, ознакомившись съ препровожденнымъ къ нему извлеченіемъ изъ записки Галкина-Враскаго, высказалъ совершенно справедливую мысль, что необходимо „всѣ правила, вводимыя или имѣющія быть введенными въ фабричное законодательство“ для „охраненія жизни и здоровья рабочихъ, распространить и на золотые промысла“.

Дѣло однако подвигалось очень медленно, и предсѣдательствующій въ совѣтѣ Главнаго Управленія Восточной Сибири, ген.-л. Педашенко, въ запискѣ 19 февраля 1885 года, счелъ необходимымъ напомнить генералъ-губернатору Восточной Сибири графу Игнатьеву, что все еще не исполнена просьба министра государственныхъ имуществъ о составленіи новыхъ правилъ о наймѣ приисковыхъ рабочихъ. Своєю обширною и замѣчательною запискою г.-л. Педашенко не мало содѣйствовалъ тому, что, при дальнѣйшемъ разсмотрѣніи этого дѣла, оно не приняло слишкомъ односторонняго въ интересахъ золотопромышленниковъ направленія. „Многіе изъ рабочихъ“, писалъ г.-л. Педашенко, „возвращаются съ приисковъ физически надломленными; нерѣдко рабочихъ, умирая на приискахъ, оставляетъ свою семью безъ средствъ къ существованію, и эти искалѣченные рабочіе и семьи погибшихъ на приискахъ ложатся всею тяжестью на сельское населеніе, которое, въ силу 10 ст. общаго Положенія 19-го февраля, обязано призрѣвать ихъ всѣхъ; что же касается ссыльныхъ, то, за истощеніемъ поселенческаго капитала, съ будущаго года призрѣніе ихъ придется отнести на средства казны“. Въ разныхъ мѣстахъ этой записки авторъ высказываетъ между прочимъ слѣдующія требованія и пожеланія. Относительно штрафовъ съ рабочихъ онъ полагаетъ, что ихъ возможно взимать за мало-важные проступки—пьянство, картежную игру и пр.—развѣ только въ пользу приказа общественнаго призрѣнія, а никакъ не въ пользу владельцевъ приисковъ. Онъ считалъ также необходимымъ „установить въ законодательномъ порядкѣ сборъ съ золотопромышленниковъ, хотя по 1 руб. съ cadaго нанимаемаго рабочаго съ тѣмъ, что половину сбора наниматель можетъ относить на счетъ наемщика, и изъ этихъ денегъ образовать особый капиталъ для устройства богадѣленъ“ (въ населенныхъ мѣстахъ и гдѣ жизнь наиболѣе дешева), въ которыхъ и призрѣвать увѣчныхъ приисковыхъ рабочихъ, „а также для устройства больницъ, для лѣченія рабочихъ, заболѣвшихъ дорогой“. Очень важныя указанія г.-л. Педашенко на необходимость реформы полицейскаго надзора на приискахъ. Министерство внутреннихъ дѣлъ обратило вниманіе

еще въ 1872 году на то, что горные исправники, вслѣдствіе ничтожности получаемого ими содержанія, находятся въ полной зависимости отъ золотопромышленниковъ, и вошло въ сношеніе съ министромъ финансовъ относительно увеличенія имъ жалованья. Оно указало при этомъ на то, что „подкупъ чиновниковъ, поставленныхъ закономъ для надзора за золотыми промыслами, обращенъ въ Сибирѣ въ строгую и послѣдовательную систему, которая, дѣйствуя въ продолженіе цѣлыхъ десятиковъ лѣтъ, утратила наконецъ и въ мѣстномъ общественномъ мнѣніи, и въ глазахъ самого начальства законопреступный характеръ и признана явленіемъ какъ бы нормальнымъ и естественнымъ“, и что подобною же системою дѣйствій золотопромышленники уничтожаютъ всякое значеніе состоящихъ на прискахъ и наблюдающихъ за ними горныхъ ревизоровъ и жандармскихъ офицеровъ. Затѣмъ, въ отношеніи къ генералъ-губернатору Восточной Сибири отъ 21-го ноября 1879 г. министръ внутреннихъ дѣлъ указалъ на то, что „матеріальная зависимость, въ которой находятся горные исправники и чины спеціального горнаго управленія относительно владѣльцевъ золотыхъ промысловъ, должна несомнѣнно парализовать всѣ принимаемыя правительствомъ мѣры для благоустройства частнаго золотого промысла“. Г.-л. Педашенко предлагалъ „ходатайствовать о коренномъ преобразованіи въ законодательномъ порядкѣ горной полиціи“. Онъ предлагалъ также составить образцовый контрактъ. Для охраненія рабочихъ отъ эксплуатаціи ихъ золотопромышленниками, благодаря ихъ праву монопольной торговли на прискахъ, онъ считалъ необходимымъ, чтобы таксы, утверждаемыя горными исправниками, представлялись на ревизію губернскихъ совѣтовъ съ предоставленіемъ имъ права уменьшать продажныя цѣны. Указавъ на необходимость увеличенія въ пищѣ присковъ рабочихъ жировыхъ веществъ, г.-л. Педашенко посовѣтовалъ рекомендовать золотопромышленникамъ ежедневно выдавать винную порцію по $\frac{1}{100}$ ведра, „такъ какъ это будетъ способствовать поддержанію здоровья рабочихъ и будетъ лучшимъ предупредительнымъ средствомъ противъ кражи золота и спиртоносничества“. Для этой цѣли необходимо также рекомендовать увеличеніе платы за подъемное золото ¹⁾).

И. К. Педашенко очень долго служилъ въ Сибирѣ, былъ губернаторомъ на Амурѣ, въ Забайкальѣ, въ Иркутской губерніи, множество разъ предсѣдательствовалъ въ совѣтѣ Главнаго Управленія Восточной Сибири, затѣмъ былъ назначенъ енисейскимъ губернаторомъ и считался знатокомъ края, такъ что его записка не могла не имѣть большого значенія въ глазахъ высшей мѣстной администраціи. Она была однимъ изъ поводовъ къ созванію амурскимъ генералъ-губернаторомъ въ декабрѣ

¹⁾ Дѣло Канц. Ирк. Горн. Упр. № 11, л. 9—10, 53—79.

1885 г. съѣзда золотопромышленниковъ Амурской и Забайкальской областей въ городѣ Читѣ. На съѣздѣ этомъ были прочитаны также записки губернатора Забайкальской области г.-м. Барабаша, очень долго служившаго въ Сибири, и горнаго инженера при амурскомъ генераль-губернаторѣ Иордана. Эти лица также свидѣтельствовали о крайне печальномъ положеніи пріисковыхъ рабочихъ и вредномъ вліяніи золотопромышленности на мѣстное населеніе; но мѣры, предложенныя г.-м. Барабашемъ, нельзя признать удачными. Онъ считалъ необходимымъ „установить и неуклонно поддерживать правило, чтобы рабочіе нанимались на пріискахъ только въ мѣстахъ постоянного ихъ причисленія, т.-е., въ волостяхъ или станичныхъ округахъ, на срокъ не болѣе одного года, какъ и закономъ требуется, и не иначе, какъ по приговорамъ волостныхъ или станичныхъ правленій“. Разрѣшеніе должно давать только тѣмъ, чей уходъ на пріиски не повлечетъ за собою разстройства ихъ хозяйства. Полезно было бы и совершенно запретить домохозяевамъ наниматься на пріиски. Задатки не слѣдуетъ выдавать рабочимъ на руки полностью, а часть ихъ на мѣстѣ заключенія контрактовъ должна идти на уплату податей, на поддержаніе семьи и хозяйства нанимающагося. Подобная административная опека, въ духѣ проектовъ сороковыхъ годовъ, звучитъ очень странно нѣсколько десятковъ лѣтъ позднѣе; за это время пора было додуматься до того, что необходимо регулированіе положенія рабочихъ на промыслахъ и ихъ отношеній къ предпринимателямъ, а не опредѣленіе того, кто можетъ наниматься на пріиски. Г.-м. Барабашъ совѣтовалъ привлекать на золотые промыслы китайцевъ, что, конечно, не могло содѣйствовать улучшенію быта пріисковыхъ рабочихъ. Наконецъ онъ вскользь упоминалъ о необходимости большаго, чѣмъ прежде, примѣненія на пріискахъ „артельнаго начала“.

Болѣе значенія имѣетъ записка горнаго инженера Иордана. Онъ въ энергическихъ выраженіяхъ указываетъ на вредное вліяніе золотопромышленности: „Здѣсь болѣе, чѣмъ гдѣ либо, видно подавляющее вліяніе капитала на трудъ. Третье десятилѣтіе... существуетъ“ (въ Приамурскомъ краѣ) „частная золотопромышленность, а между тѣмъ... уровень благосостоянія обращающагося въ работѣ населенія нисколько не повысился. Напротивъ того, по отзывамъ старожиловъ и знатоковъ края, онъ значительно понизился. Съ развитіемъ золотопромышленности созданъ рабочій пролетаріатъ, котораго раньше не было“. По словамъ автора, по приходѣ рабочаго на пріискъ, „онъ поступаетъ въ полное распоряженіе пріисковой администраціи; здѣсь начинается беззастѣнчивая эксплуатація его труда... При всемъ томъ у золотопромышленниковъ хватаетъ духу“ утверждать, „что нравственность рабочихъ стоитъ на низкомъ уровнѣ. Но сдѣлано ли ими хоть что нибудь для

поднятія его, и не они ли сами являются первыми деморализаторами народа?" Выразивъ желаніе, чтобы золотопромышленность „не стояла внѣ закона“, авторъ предлагаетъ обсудить на сѣздѣ ея представителей слѣдующіе мѣры и вопросы: 1) „Улучшеніе быта рабочихъ на началахъ солидарности интересовъ труда и капитала“. 2) „Обязательный отдыхъ отъ работъ на пріискахъ въ воскресные дни... Воскресная работа на пріискахъ“, продолжаетъ авторъ, „какъ-то не вается съ обязательными постановленіями думъ въ городахъ Восточной Сибири, въ силу которыхъ въ эти дни воспрещается такой легкій трудъ, какъ торговля. При продолжительности промысловой операціи, отъ 16 до 20 недѣль, весь расчетъ сводится къ 8—10 днямъ“ (два дня въ мѣсяцъ и прежде назначались на отдыхъ). 3) „Обязательная ежедневная выдача рабочимъ, выполнившимъ уроки, винныхъ порцій. При нелегкой работѣ водка, конечно въ умѣренной дозѣ, является не удовлетвореніемъ пріхоти, а необходимымъ возбуждающимъ организмъ элементомъ“. Авторъ напрасно только обусловливаетъ выдачу винной порціи исполненіемъ урока: довольно и того, что за недоработку полагаются разные штрафы, вычеты и отработки, и вовсе не желательно, чтобы опасеніе лишиться вина побуждало рабочихъ во что бы то ни стало выполнять непосильные уроки ¹⁾.

Весьма странно, что на Читинскій сѣздъ были приглашены только золотопромышленники и ихъ управляющіе, и что (не говоря уже объ отсутствіи представителей рабочаго класса) единственнымъ представителемъ администраціи былъ горный инженеръ Іорданъ, назначенный предсѣдателемъ сѣзда. Главноуправляющій Верхне-Амурской К^о, инженеръ-технологъ Янчуковский, поднялъ весьма важный вопросъ объ учрежденіи пенсіонной кассы, указалъ на необходимость обязательнаго учрежденія школъ на пріискахъ и наконецъ высказалъ мысль, что „будущность нашего золотого дѣла и его польза для государства кроется исключительно въ развитіи мелкой золотопромышленности, для чего необходимо развитіе кредита“ ²⁾. Г. Янчуковский не договорилъ, какого рода мелкую золотопромышленность онъ считаетъ полезною: въ видѣ ли отдѣльныхъ предпринимателей или артелей рабочихъ. За него это сдѣлали въ своей запискѣ горные инженеры Герасимовъ и Шостакъ. Они предложили: а) поощрять разработки золота сельскими обществами или артелями; б) разрѣшить принимать золото въ ближайшихъ отъ пріисковъ казначействахъ или в) разрѣшить обороты золотомъ, какъ товаромъ, т.-е. покупку и продажу его. Собраніе золотопромышленниковъ нашло для себя это предложеніе невыгоднымъ и отклонило его. Сѣздъ не

¹⁾ Дѣло Канц. Ирк. Горн. Упр. № 14, т. I, л. 68—68, 74—80.

²⁾ „Восточн. Обзор.“ 1886 г. № 9, стр. 9—11.

обошелся безъ весьма прискорбнаго курьеза. Предсѣдатель сѣзда, горный инженеръ Иорданъ, въ запискѣ, представленной амурскому генералъ-губернатору бар. Корфу, въ весьма рѣшительныхъ выраженіяхъ говорилъ о вредномъ вліяніи золотопромышленности и печальномъ положеніи рабочихъ. Теперь на сѣздѣ онъ неожиданно раскаялся и повинился въ своихъ прежнихъ заблужденіяхъ ¹⁾. Сообщая объ этомъ оригинальномъ казусѣ, „Восточное Обозрѣніе“ справедливо замѣтило: „при такомъ составѣ сѣзда“ (изъ однихъ золотопромышленниковъ) „иначе и быть не могло“.

Неудачный опытъ Читинскаго сѣзда не разочаровалъ горное отдѣленіе Главнаго Управленія Восточной Сибири, и начальникъ его Карпинскій испросилъ у генералъ-губернатора разрѣшеніе пригласить находившихся въ Иркутскѣ представителей золотопромышленности на совѣщанія, которыя начались 25-го февраля 1886 г.

„На приглашеніе мое“, рассказываетъ г. Карпинскій, „откликнулись немногіе..., тѣмъ не менѣе на первомъ совѣщаніи собравшіеся золотопромышленники выбрали изъ своей среды семь человекъ, которые очень усердно посѣщали послѣдующія собранія. Общій отзывъ представителей былъ тотъ, что хозяева страдаютъ отъ неисполненія условій нанимающимися на пріиски рабочими и находятся отъ нихъ въ полной зависимости. Хотя въ заключаемыхъ съ рабочими контрактахъ иговорены, повидимому, для нихъ тяжелыя, условія, но они въ дѣйствительности никогда не исполняются и пишутся только для острастки рабочимъ“ (?). На совѣщаніяхъ былъ составленъ нормальный контрактъ, въ которомъ, какъ сознается г. Карпинскій, „хотя права рабочихъ были ограждены болѣе, чѣмъ въ прежнихъ, тѣмъ не менѣе въ немъ проглядывала нѣкоторая односторонность въ пользу нанимателей, потому что на совѣщаніяхъ были представители только одной стороны, а защитниками интересовъ рабочихъ являлись только мы, представители администраціи, въ числѣ четырехъ человекъ, и, нужно сказать, защитниками слабыми, не имѣющими такой подготовки, какъ наши противники. Проектъ контракта былъ представленъ генералъ-губернатору“, но онъ „предложилъ мнѣ не давать ему дальнѣйшаго хода до моей поѣздки на пріиски. Такая осторожность оказалась какъ нельзя болѣе умѣстной, потому что, побывавъ на пріискахъ и познакомившись на мѣстѣ съ положеніемъ рабочихъ, я въ значительной степени измѣнилъ свой взглядъ и пришелъ къ заключенію, противоположному тому, какое указывали представители промышленности: если наниматели и находятся въ нѣкоторой зависимости отъ рабочихъ, то и съ ихъ стороны не всегда исполняются условія и даже допускаются противозаконныя дѣйствія“ ²⁾.

¹⁾ „Восточн. Обозр.“ 1886 г. № 8, стр. 2 3.

²⁾ „Извѣст. Вост.-Сиб. Отд. Геогр. Общ.“ 1886 г. т. XVII, № 3—4.

Въ докладѣ генераль-губернатору объ осмотрѣ олекминскихъ приисковъ Карпинскій между прочимъ высказалъ мнѣніе, что водка (полугарь, т.-е. спиртъ въ 80°, разбавленный на половину водой) „должна выдаваться“ рабочимъ „въ умѣренномъ количествѣ ежедневно“. Онъ считалъ также „вполнѣ справедливымъ“, чтобы оградить рабочихъ отъ произвольнаго досрочнаго расчета, включить въ правила для найма ихъ „непремѣнное условіе, что приисковое правленіе ни подъ какимъ предлогомъ не имѣетъ права отказать въ работѣ нанятому рабочему ранѣе обусловленнаго въ контрактѣ срока. Если же рабочій по своимъ нравственнымъ качествамъ не можетъ быть терпимъ на приискѣ, то управленіе обязано заявить объ этомъ... окружному ревизору (за отсутствіемъ его—горному исправнику), и если онъ найдетъ жалобу основательной и убѣдится въ томъ, что другія мѣры къ исправленію были приняты, то тогда управленіе можетъ отказать рабочему“. Г. Карпинскій полагалъ, что за лѣность, уклоненіе отъ работъ, непослушаніе и т. п., рабочій можетъ быть посаженъ въ карцеръ при казачьей казармѣ, но не иначе, какъ по распоряженію окружного ревизора или горнаго исправника, или лица, заведующаго полицейской частью съ запискою въ назначенію для этого книгу. Увольненіе рабочихъ до срока по болѣзни г. Карпинскій находилъ также совершенно несправедливымъ. Относительно медицинской помощи онъ считалъ необходимымъ установить правило, „чтобы на всякомъ приискѣ, на которомъ число рабочихъ лѣтомъ доходитъ до пятидесяти человекъ, была бы своя больница съ фельдшеромъ, снабженная необходимыми медикаментами. На приискахъ, гдѣ число рабочихъ не достигаетъ этой цифры, слѣдуетъ имѣть хотя одну комнату, предназначенную исключительно на случай немедленной подачи помощи пострадавшимъ; при этомъ управленія такихъ приисковъ должны входить въ соглашенія съ такими, у которыхъ имѣются больницы, чтобы послѣднія принимали больныхъ рабочихъ съ ихъ приисковъ“. Управленія приисковъ, не имѣющихъ своихъ больницъ, обязаны представить горному ревизору и горному исправнику удостовѣренія, что находящіеся на ихъ приискахъ рабочіе, въ случаѣ надобности, будутъ лѣчиться въ такой-то больницѣ. Г. Карпинскій считалъ также необходимымъ поставить и назначеніе размѣра уроковъ въ горныхъ работахъ подъ контроль администраціи. „Такъ какъ не представляется возможности установить общую для всѣхъ приисковъ норму урочныхъ работъ, то, во избѣжаніе возникающихъ по этому предмету споровъ между рабочими и приисковыми управленіями“, онъ находилъ „весьма цѣлесообразнымъ“ обязать окружныхъ ревизоровъ и ихъ помощниковъ „составить для каждаго прииска таблицу, опредѣляющую урочныя работы, которая за ихъ подписью должна быть выставлена на видномъ мѣстѣ, какъ это дѣлается съ утверждаемою горнымъ исправникомъ таксою на продающіеся въ приисковыхъ мага-

знахъ предметы". Въ заключеніе г. Карпинскій высказалъ мысль, что слѣдуетъ также позаботиться объ образованіи ссудосберегательныхъ товариществъ какъ для рабочихъ, такъ въ особенности для служащихъ, что можно было бы возложить на окружныхъ инженеровъ. Къ докладу былъ приложенъ „проектъ измѣненій въ правилахъ о наймѣ рабочихъ на сибирскіе золотые промыслы, согласованный съ Высочайше утвержденными 3 іюня 1886 г. правилами о взаимныхъ отношеніяхъ фабрикантовъ и рабочихъ“, обязательными и для желѣзныхъ и другихъ горныхъ заводовъ и соляныхъ промысловъ.

Въ резолюціи 15 сентября 1886 г. генераль-губернатора Восточной Сибири гр. Игнатьева на этотъ докладъ было сказано: „1) Предварительно дальнѣйшаго направленія въ законномъ порядкѣ мѣры, предлагаемыя въ докладѣ, должны быть внесены на обсужденіе совѣщанія золотопромышленниковъ при Горномъ Отдѣленіи въ теченіе предстоящей зимы... 2) Нѣкоторыя части доклада, и въ частности предлагаемыя весьма серьезныя мѣры, должны быть разработаны полнѣе, такъ напримѣръ, при запрещеніи увольнять рабочихъ съ пріисковъ безъ выдачи паспорта (что я лично нахожу весьма желательнымъ) надо выработать весьма осмотрительно цѣлую систему взысканій, ограждающихъ ихъ хозяевъ отъ произвола и недобросовѣстности пріисковыхъ рабочихъ и въ этомъ сообразоваться съ вновь выработанными правилами для фабричныхъ и заводскихъ рабочихъ (чего я въ докладѣ не вижу), а равно и съ уставомъ о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями, предоставляя горнымъ исправникамъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ мировой судъ. Только при этихъ условіяхъ можетъ быть допущено, въ видѣ дисциплинарныхъ наказаній, арестъ въ карцерѣ и т. п. Полагаю, что, во избѣжаніе накопленія въ тайгѣ вреднаго люда, неизбѣжно предусмотрѣть случаи выдворенія изъ тайги, и при этомъ очевидно придется установить выдачу тѣхъ же проходныхъ свидѣтельствъ, а паспорта отсылать въ волость“.

Въ 1887 г. г. Карпинскій извѣстилъ Горный Департаментъ, что проектъ правилъ отпечатанъ, разосланъ владѣльцамъ промысловъ и ихъ управляющимъ, и отъ нихъ было получено до 50 представленій, вслѣдствіе которыхъ большую часть параграфовъ пришлось измѣнить или дополнить, и затѣмъ выработанныя правила въ первоначальномъ и исправленномъ видѣ были представлены генераль-губернатору, который, въ виду важности дѣла, нашелъ нужнымъ еще разъ обсудить ихъ.

14 января 1888 г. на совѣщаніе о выработанномъ проектѣ правилъ найма рабочихъ на золотые промысла въ домѣ Сиверса (одного изъ пайщиковъ самыхъ крупныхъ компаній Олекминскаго округа—Промышленности и Прибрежно-Витимской) были приглашены, кромѣ самого Сиверса, Стрижевъ, Шамаринъ (оба служащіе въ той же ком-

паніи), Славинъ, Плетюхинъ (золотопромышленникъ, съ противозаконными контрактами котораго съ рабочими мы познакомились выше), Громовъ, Демидовъ, Минъевъ, І. Огрызко (бывшій политическій ссыльный, занимавшійся въ Сибири золотопромышленностью), Корсаковъ, Трапезниковъ, администрація по дѣламъ бр. Бутиныхъ и др., всего 23 лица. Въ іюлѣ 1888 г. проектъ въ передѣланномъ видѣ былъ представленъ генераль-губернатору ¹⁾).

Мы имѣемъ такимъ образомъ проектъ правилъ, составленный въ Иркутскѣ при участіи мѣстныхъ золотопромышленниковъ, въ двухъ редакціяхъ: печатной 1887 г., разосланной сибирскимъ золотопромышленникамъ и въ редакціи сибирскихъ газетъ ²⁾, вызвавшей вслѣдствіе этого критику въ печати ³⁾, и рукописной 1888 г., представленной въ концѣ этого года въ Горный Департаментъ.

Къ первой редакціи проекта, кромѣ представителей администраціи и печати, въ общемъ сочувственно отнесся главноуправляющій Верхне-амурской К^о А. В. Янчуковскій, а всего озабоченнѣ горный инженеръ В. Кулибинъ и золотопромышленникъ Иваницкій.

Препровождая въ иркутское горное отдѣленіе свои замѣчанія на первую редакцію проекта, г. В. Кулибинъ писалъ: „Эти новыя правила, ставя въ обязанность золотопромышленника еще улучшить бытъ рабочаго на свой счетъ, не улучшаютъ положенія относительно самаго дѣла и потому могутъ скорѣе послужить только къ еще болѣе натянутымъ отношеніямъ. Съ одной стороны золотопромышленникъ будетъ недоволенъ тѣмъ, что понесетъ новыя расходы не только непроизводительно, но даже съ прямымъ убыткомъ для себя, а съ другой стороны рабочіе, видя, что всякое улучшеніе ихъ быта не можетъ касаться ихъ заработка, а признается компетентною властью прямою обязанностью золотопромышленника, могутъ стать еще требовательнѣе. Во всякомъ случаѣ эти мѣры не придадутъ рабочимъ ни болшей энергіи, ни болшого усердія къ исполненію работы... Вопросъ объ улучшеніи быта рабочаго — вопросъ весьма растяжимый, а если онъ усложняется тѣмъ, что это улучшеніе должно дѣлаться исключительно на счетъ хозяина, такъ можно дойти и до участія рабочаго въ прибыляхъ производства и, наконецъ, до равномернаго распредѣленія между хозяиномъ и рабочимъ прибылей производства: это путь скользкій ⁴⁾“. Г. Иваницкій также не прочь пугнуть жупеломъ социализма. „Въ послѣднее время, подъ вліяніемъ новыхъ учений“, писалъ онъ, „интересы капитала и труда встали въ такое непримиримое противорѣчіе, что согласовать ихъ справедливымъ образомъ одновременно съ то-

¹⁾ Дѣла Канц. Иркут. Горн. Упр. № 14, т. I, л. 175—222, 268—269, 337, № 11, л. 199, 207; дѣло Горн. Департ., отд. частн. золот. 1882 г. № 80, л. 20.

²⁾ „Сибирская Газета“ 1887 г. № 17, стр. 645—648.

³⁾ Всего подробнѣе въ „Юридическомъ Вѣстникѣ“ 1887 г. № 11.

⁴⁾ Г. Кулибинъ уже ничѣмъ не можетъ удивить насъ послѣ его циничныхъ статей по рабочему вопросу въ „Вѣстникѣ Золотопромышленности“ 1894 г., печатая которыя редакція сошла, впрочемъ, нужнымъ оговориться, что большую часть выводовъ, къ которымъ приходитъ авторъ, редакція не раздѣляетъ; но для чего въ такомъ случаѣ печатать подобныя статьи?

чекъ зрѣнія нанимателя и рабочаго невозможно. Одни находятъ капиталистическое производство безусловно вреднымъ и проповѣдуютъ замѣну его артельнымъ либо кустарнымъ производствомъ, другіе не вѣрятъ въ возможность развитія промышленности безъ участія капитала и приписываютъ отсутствію послѣдняго упадокъ производства. Привести къ одному знаменателю взгляды сторонниковъ того и другого направленія невозможно; остается, слѣдовательно, или стать на точку зрѣнія безусловныхъ сторонниковъ рабочихъ и создать законодательство, которое имѣло бы цѣлью прекращеніе въ недалекомъ будущемъ капиталистическаго производства и переходъ всей промышленности къ артелямъ и кустарямъ, или же стараться развить производство посредствомъ привлеченія къ нему капиталовъ и предпринимателей. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ урегулированіе отношеній между обѣими сторонами должно ограничиться обязанностью для нанимателей сдѣлать посильныя уступки къ улучшенію быта и положенія рабочихъ съ тѣмъ однако же, чтобы уступки эти не выходили за предѣлы возможнаго, такъ какъ чрезмѣрныя требованія привели бы промышленность къ упадку, вызвали бы при маломъ спросѣ большое предложеніе рабочихъ рукъ и въ окончательномъ результатѣ отозвались бы невыгодно для самихъ рабочихъ. Находя, что при современномъ экономическомъ строѣ никакая промышленность не можетъ развиваться безъ участія капиталовъ¹⁾, Иваницкій предупреждалъ, что будетъ разсматривать проектъ правилъ о наймѣ рабочихъ „съ точки зрѣнія развитія капиталистическаго производства золотого промысла“. Къ какимъ выгоднымъ для золотопромышленниковъ выводамъ приводитъ усвоенная г. Иваницкимъ точка зрѣнія,—мы увидимъ ниже изъ его замѣчаній на проектъ¹⁾.

Къ концу января 1888 г. была закончена выработка второй редакціи проекта, и начальникъ иркутскаго горнаго управленія представилъ ее генералъ-губернатору. Только въ ноябрѣ иркутскій генералъ-губернаторъ, гр. Игнатьевъ, отвѣчалъ, что не встрѣчаетъ препятствій къ представленію проекта правилъ министру государственныхъ имуществъ съ ходатайствомъ объ утвержденіи его въ законодательномъ порядкѣ и сдѣлалъ на него лишь нѣкоторыя замѣчанія. Препровождая министру государственныхъ имуществъ проектъ правилъ, г. Карпинскій сообщилъ, что по послѣднимъ указаніямъ генералъ-губернатора исправленій имъ не сдѣлано, хотя онъ самъ раздѣляетъ взгляды высшаго начальника края: „такъ какъ правила проектированы въ совѣщаніяхъ золотопромышленниковъ“, то онъ „не считалъ себя въ правѣ дѣлать существенныя измѣненія во избѣжаніе съ ихъ стороны нареканій“. Представляя проектъ правилъ и копію съ замѣчаній иркутскаго генералъ-губернатора, г. Карпинскій писалъ: „введеніе этихъ правилъ въ Сибири весьма желательно, чтобы сгладить тѣ обостренныя отношенія, которыя установились между хозяевами пріисковъ и рабочими и которыя

¹⁾ Первая редакція проекта была напечатана въ Иркутскѣ особою брошюрою въ 1887 г.; замѣчанія на нее см. въ дѣлѣ канц. Иркут. Горн. Упр. № 14, т. II; вторую редакцію проекта см. въ дѣлѣ Том. Горн. Упр. по вопросу о примѣненіи новыхъ правилъ и въ дѣлѣ Горн. Департ., отд. части. золот. 1882 г. № 80, л. 22—33.

не разъ служили источникомъ недоразумѣній между ними и даже вызывали болѣе или менѣе серьезные безпорядки на золотыхъ промыслахъ*.

Въ февралѣ 1889 г. Горный Департаментъ препроводилъ проектъ правилъ о наймѣ рабочихъ къ начальнику томскаго горнаго управленія и просилъ сообщить ему свое заключеніе въ самомъ непродолжительномъ времени. Г. Денисовъ немедленно прислалъ свои личныя замѣчанія, но въ то же время призналъ необходимымъ разослать проектъ на заключеніе подвѣдомственныхъ ему окружныхъ инженеровъ. Дѣло это настолько затянулось, что сводъ замѣчаній окружныхъ инженеровъ Западной Сибири былъ отосланъ въ Горный Департаментъ лишь черезъ два года, въ маѣ 1891 г. Г. Денисовъ предлагалъ рассмотреть проектъ правилъ при участіи самихъ золотопромышленниковъ, управляющихъ промыслами и горныхъ исправниковъ, а для этого созвать съѣзды золотопромышленниковъ въ каждомъ изъ горныхъ округовъ подъ предсѣдательствомъ окружныхъ инженеровъ. Министерство государственныхъ имуществъ не приняло этого предложенія, и скорбѣть объ этомъ не приходится: мы увидимъ, что широкое участіе золотопромышленниковъ въ выработкѣ второй редакціи иркутскаго проекта привело къ умаленію въ немъ правъ рабочихъ. Подобное же предложеніе томскаго губернатора Тобицена было также отклонено. Проектъ правилъ Горный Департаментъ сообщилъ на заключеніе и главнаго начальника уральскихъ заводовъ. По полученіи отзывовъ начальника томскаго горнаго управленія и главнаго начальника уральскихъ заводовъ, отдѣленіемъ частной золотопромышленности Горнаго Департамента былъ составленъ новый проектъ правилъ о наймѣ рабочихъ, и въ апрѣлѣ 1890 г., т.-е. еще до полученія замѣчаній горныхъ инженеровъ томскаго горнаго округа, министръ государственныхъ имуществъ приказалъ передать его для дальнѣйшей разработки члену Горнаго Совѣта А. А. Штофу, который черезъ четыре мѣсяца представилъ переработанный проектъ съ обширною объяснительною запискою (то и другое было напечатано). Однако, Горный Департаментъ вновь предложилъ измѣненія по нѣкоторымъ статьямъ проекта А. А. Штофа ¹⁾ и затѣмъ представилъ проектъ съ отдѣльною запискою объ этихъ измѣненіяхъ въ Горный Совѣтъ. Въ іюнѣ 1891 г. былъ, наконецъ, полученъ изъ Томска и также представленъ въ Совѣтъ сводъ замѣчаній окружныхъ инженеровъ томскаго горнаго округа на иркутскій проектъ. Рассмотрѣвъ проектъ А. А. Штофа съ замѣчаніями на него Горнаго Департамента, Горный Совѣтъ ²⁾ по нѣкоторымъ статьямъ нашелъ нужнымъ сдѣлать измѣненія, которыя и были одобрены мини-

¹⁾ При этомъ Горный Департаментъ въ своей объяснительной запискѣ ссылался иногда на статью Соловаго въ „Юридическомъ Вѣстникѣ“ 1887 г. № 11.

²⁾ Въ слѣдующемъ составѣ: предсѣдатель Н. Кулибинъ, члены В. Меллеръ, К. Скальковский, А. Штофъ, А. Таскинъ, А. Карпинскій и Н. Веселовскій.

стромъ государственныхъ имуществъ, кромѣ нѣкоторыхъ пунктовъ, вызвавшихъ передѣлки вслѣдствіе его замѣчаній. Проектъ, такимъ образомъ вновь измѣненный и напечатанный съ подробною объяснительною запиской, при всѣхъ своихъ недостаткахъ (самымъ крупнымъ изъ нихъ было установленіе шестнадцатичасоваго рабочаго дня со включеніемъ времени отдыха) имѣлъ, однако, и хорошія стороны, особенно сравнительно съ предшествующимъ законодательствомъ о пріисковомъ трудѣ и даже отчасти съ позднѣйшимъ закономъ 1895 г. о наймѣ рабочихъ на золотые промысла. Этимъ проектомъ былъ опредѣленъ размѣръ пищевого пайка на пріискахъ и на пути (что предоставлено было закономъ 1895 г. горнозаводскимъ присутствіямъ), предписано было выдавать рабочему часть платы и во время болѣзни, устранено всякое упоминаніе о тѣлесныхъ наказаніяхъ даже и для ссыльнопоселенцевъ, полагалось начало собиранію капитала на помощь рабочимъ, пострадавшимъ на пріискахъ, опредѣлено, чтобы штрафы съ рабочихъ шли въ этотъ капиталъ, а не въ пользу золотопромышленника, штрафы съ предпринимателей установлены въ размѣрѣ большемъ, чѣмъ въ законѣ 1895 г. Правда многія изъ благопріятныхъ для пріисковыхъ рабочихъ постановленій этого проекта были только примѣненіемъ къ нимъ нѣкоторыхъ параграфовъ Правилъ о наймѣ сельскихъ рабочихъ и Устава о Промышленности и желательно было бы, чтобы, въ виду трудности пріисковыхъ работъ, горное вѣдомство пошло нѣсколько далѣе въ дѣлѣ защиты рабочаго, но отъ этого оно отказывалось самымъ рѣшительнымъ образомъ: такъ, напримѣръ, предложеніе воспретить наемъ на пріиски малолѣтнихъ рабочихъ (ранѣе 16 лѣтъ) не встрѣтило поддержки со стороны высшаго представителя этого вѣдомства, и по проекту дозволялся наемъ малолѣтнихъ съ 12-лѣтняго возраста, при чемъ до 15 лѣтъ ихъ нельзя было употреблять только въ подземныя работы.

Проектъ 1892 г. былъ препровожденъ на предварительное заключеніе министровъ внутреннихъ дѣлъ, императорскаго двора, юстиціи и финансовъ, генералъ-губернаторовъ иркутскаго, приморскаго и степного, губернаторовъ томскаго и забайкальскаго, главнаго начальника уральскихъ заводовъ, горныхъ управленій томскаго и иркутскаго. Въ теченіе 1892 и 93 гг. получены были министерствомъ государственныхъ имуществъ заключенія отъ министровъ и другихъ названныхъ выше лицъ, при чемъ наиболѣе существенны и важны въ интересахъ рабочихъ указанія были сдѣланы иркутскимъ генералъ-губернаторомъ А. Д. Горемыкинымъ и томскимъ окружнымъ инженеромъ г. Реутовскимъ ¹⁾. Всѣ

---

¹⁾ Начальникъ томскаго горнаго управленія, опять не довольствуясь собственными замѣчаніями, представилъ и замѣчанія подвѣдомственныхъ ему окружныхъ инженеровъ.

замѣчанія были вновь переданы члену Горнаго Совѣта А. А. Штофу для переработки на основаніи ихъ проекта, и онъ въ обширной печатной запискѣ съ большимъ вниманіемъ отнесся ко всѣмъ высказаннымъ мнѣніямъ, но проектъ 1894 г. былъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ все-таки не лучше, а хуже проекта 1892 г.: мы разумѣемъ передачу горнозаводскимъ присутствіямъ регулированія столь важныхъ въ жизни рабочихъ сторонъ, какъ пищевое довольствіе, помѣщенія и врачебная помощь. Относительно горныхъ заводовъ это было уже установлено Высочайше утвержденнымъ мнѣніемъ Государственнаго Совѣта 9 марта 1892 г.; тѣмъ не менѣе въ проектѣ 15 апрѣля 1892 г. министерство государственныхъ имуществъ относительно золотыхъ приисковъ (очевидно, въ виду особыхъ условій производства этого промысла въ ненаселенныхъ мѣстностяхъ Сибири) нашло возможнымъ отстаивать необходимость регулированія пищевого довольствія, помѣщеній и врачебной помощи рабочимъ путемъ законодательнымъ. Правда, только пищевой паекъ былъ опредѣленъ въ проектѣ 1892 г. болѣе удовлетворительно, постановленіе относительно помѣщеній рабочихъ было слишкомъ неопредѣленно, а относительно врачебной помощи недостаточно, но въ принципѣ проектъ 1892 г. стоялъ выше въ этихъ отношеніяхъ проекта 1894 г. и закона 1895 г.¹⁾ Въ проектѣ 1894 г. отсутствуетъ позорная статья проекта 1892 г. устанавливающая шестнадцатичасовой рабочій день (хотя и со включеніемъ времени на обѣдъ и отдыхъ), но при составленіи позднѣйшаго проекта министерство государственныхъ имуществъ перешло въ другую крайность, а именно, къ сожалѣнію, рѣшило вовсе отказаться отъ регулированія продолжительности рабочаго дня, т.-е. послѣдовало въ этомъ отношеніи примѣру правилъ 1870 г. о наймѣ рабочихъ на золотые промыслы.

Послѣ передѣлки г. Штофомъ проекта, онъ вновь былъ переданъ на разсмотрѣніе Горнаго Совѣта и тотъ опять сдѣлалъ измѣненія, неблагоприятныя для рабочихъ. Послѣ того проектъ закона о наймѣ рабочихъ на золотые и платиновые промыслы принялъ окончательный видъ, но Горный Департаментъ приложилъ къ нему записки: томскаго губернатора Тобизена, военного губернатора Амурской области Арсеньева (къ которымъ присоединился и доставившій ее приамурскій генералъ-губернаторъ Духовской) и золотопромышленниковъ Енисейскаго горнаго

¹⁾ Нельзя не признать, что регулированіе пищевого довольствія общекоонтрактныхъ приисковыхъ рабочихъ законодательнымъ путемъ можетъ имѣть свои неудобства, но мы считаемъ его необходимымъ при существующемъ положеніи золотопромышленности въ Сибири до тѣхъ поръ, пока не будетъ измѣненъ составъ горнозаводскихъ присутствій, въ которыхъ въ настоящее время треть голосовъ принадлежитъ золотопромышленникамъ, а рабочіе не имѣютъ своихъ представителей.

округа о положеніи рабочихъ на золотыхъ промыслахъ ¹⁾. Эти записки имѣли въ виду защиту интересовъ золотопромышленниковъ (амурскаго губернатора Арсеньева и енисейскихъ золотопромышленниковъ всецѣло, а томскаго губернатора Тобизена преимущественно), но министръ государственныхъ имуществъ, т.-с. Ермоловъ, пожелалъ выслушать мнѣніи тѣхъ лицъ, которыя могли сказать слово въ защиту рабочихъ, и съ этою цѣлью обратился между прочимъ къ члену горнаго ученаго комитета д. с. с. Бертенсону, который своею статьею (въ „Горномъ Журналѣ“) о положеніи рабочихъ на уральскихъ золотыхъ промыслахъ показалъ, что онъ принимаетъ къ сердцу интересы рабочихъ. Въ составъ объяснительной записки къ проекту 22 марта 1894 г. вошли свѣдѣнія о весьма грустномъ положеніи рабочихъ на уральскихъ золотыхъ промыслахъ, сообщенныя г. Бертенсономъ. Но замѣчанія защитниковъ интересовъ рабочихъ почти не повліяли на измѣненія послѣдней редакціи проекта: очевидно, что эти интересы должны были вызвать болѣе вниманія къ себѣ лишь тогда, когда сами рабочіе громко заявятъ свои требованія, какъ это и случилось позднѣе послѣ извѣстныхъ стачекъ петербургскихъ рабочихъ въ 1896 г. ²⁾.

22 марта 1894 г. проектъ министерства государственныхъ имуществъ о наймѣ рабочихъ на золотые и платиновые ³⁾ промыслы былъ внесенъ въ Государственный Совѣтъ и 29 октября 1894 г. разсматривался въ засѣданіи соединенныхъ департаментовъ законовъ, государственной экономіи и гражданскихъ и духовныхъ дѣлъ. Департаменты замѣтили, „что со стороны лицъ и учреждений, принимавшихъ участіе въ его разработкѣ, высказаны далеко не одинаковыя взгляды, какъ на существо взаимныхъ отношеній между золотопромышленниками и горнорабочими, такъ и на средства къ ихъ упорядоченію. Одними изъ участвовавшихъ въ названной разработкѣ лицъ (томскимъ губернаторомъ т.-с. Тобизеномъ и амурскимъ военнымъ губернаторомъ г.-м. Арсеньевымъ) было указываемо на необходимость оградить преимущественно интересы золотопромышленниковъ, которые, вслѣдствіе недостатка рабо-

¹⁾ Записка эта была подана въ 1892 г. по довѣренности золотопромышленниковъ главноуправляющимъ промыслами Асташева въ южной части Енисейскаго округа Гудковымъ. Въ числѣ лицъ, отъ имени которыхъ подалъ записку г. Гудковъ, были А. А. Саввинныхъ и уполномоченные золотопромышленники Переплетчикова, К^о Иваницкаго, Жилия и Цотапова, К^о Базилевскаго, Ратькова-Рожнова и Черемныхъ и др.

²⁾ Мои соображенія по поводу проекта министерства государственныхъ имуществъ и одной изъ представленныхъ ему записокъ, см. въ моихъ статьяхъ: „Законодательное регулированіе быта рабочихъ на золотыхъ промыслахъ“ въ „Русской Мысли“ 1894 г. № 5 и „Притязанія золотопромышленниковъ“ въ „Русск. Вѣд.“ 1895 г. № 7.

³⁾ Въ проектѣ пояснено, „что добыча платины по закону приравнена у насъ къ добычѣ золота... положеніе рабочихъ на платиновыхъ пріискахъ очень мало отличается отъ положенія ихъ на золотыхъ пріискахъ“.

чихъ рукъ, находятся, по мнѣнію сихъ лицъ, большею частью въ зависимости отъ нанимающихся... Другія же изъ лицъ, привлекавшихся къ обсужденію проектовъ" (иркутскій генераль-губернаторъ г. отъ ии.ф. Горемыкинъ, д. с. с. Вертенсонъ, окружной инженеръ Амурскаго округа Оранскій), „отрицая зависимость золотопромышленниковъ отъ горнорабочихъ, напротивъ того, отмѣчали случаи эксплуатаціи послѣднихъ первыми и въ частности приводили примѣры неудовлетворительнаго содержанія горныхъ рабочихъ въ санитарномъ отношеніи. И тѣ, и другія, участвовавшія въ разработкѣ сего дѣла, лица заявили, однако, единогласно о недостаточности правительственнаго за золотыми промыслами надзора. Выработанный по указаніямъ т. с. Ерилова проектъ устраняетъ, повидимому, односторонность приведенныхъ взглядовъ¹⁾ и заслуживаетъ, „по мнѣнію департаментовъ, полнаго сочувствія“. 30 декабря 1895 г. проектъ разсматривался въ общемъ собраніи Государственнаго Совѣта, и 20 февраля того же года мнѣніе его было Высочайше утверждено¹⁾).

Изложивъ общій ходъ подготовки закона 1895 г., мы рассмотримъ теперь эту предварительную работу по частямъ въ систематическомъ порядкѣ.

Весьма важный вопросъ въ дѣлѣ регулированія положенія рабочихъ на золотыхъ промыслахъ составляетъ ограниченіе продолжительности рабочаго дня. По закону 1838 г. опредѣлено было работать 15 часовъ *со включеніемъ* времени на обѣдъ и отдыхъ. Въ 60-хъ гг. рабочій день на промыслахъ достигалъ иногда продолжительности, далеко превышающей эту норму, и, несмотря на то, въ приложенныхъ къ Уставу о золотопромышленности 1870 г. правилахъ нѣтъ никакого постановленія относительно числа рабочихъ часовъ. По первой редакціи иркутскаго проекта въ договоръ найма могло быть вносимо обязательство работать не болѣе, какъ съ 5 часовъ утра до 7 часовъ пополудни съ промежутками на обѣденный отдыхъ не менѣе 2-хъ часовъ, т.-е. продолжительность рабочаго дня была опредѣлена въ 12 часовъ, и ночныя работы не допускались. Противъ этой статьи проекта возражали въ своей коллективной запискѣ лишь нѣсколько енисейскихъ золотопромышленниковъ²⁾. Они предлагали установить продолжительность рабочаго дня съ 1 октября по 1 апрѣля съ 5 ч. утра до 7 ч. пополудни, а съ 1 апрѣля по 1 октября съ 4 ч. утра до 9 ч. (I) пополудни съ промежутками на обѣденный отдыхъ и чай не болѣе 3 ч., т.-е. предлагали зимю 11 ч. работы (болѣе не позволяло отсутствіе свѣта), а лѣтомъ

¹⁾ См. „Собраніе узаконеній и распоряженій правительства“ 1895 г. № 61.

²⁾ П. и А. Кытмановы, уполномоченные Григоровыхъ и Полежаева и управляющій Баладинна.

14 ч. (1); тамъ же, „гдѣ приходится съ сосѣдними пріисками чередоваться пользованіемъ водой, необходимо допустить и ночныя посмѣвныя работы, какъ это установлено прежними правилами“. Енисейскіе золото-промышленники, вѣроятно, разумѣли правила, установленныя обычаемъ, такъ какъ въ законѣ 1870 г. нѣтъ никакихъ постановленій относительно количества рабочихъ часовъ. Золотопромышленникъ Иваницкій, напротивъ, полагалъ, что устанавливаемое проектомъ опредѣленіе продолжительности рабочаго дня слѣдуетъ оставить безъ измѣненія, но лишь относительно общеконтрактныхъ рабочихъ, а не отрядныхъ и золотничниковъ. Въ „Сибирскомъ Вѣстникѣ“ (1887 г. № 42) было указано на то, что для различнаго рода пріисковыхъ работъ должна быть различная продолжительность рабочаго дня, такъ какъ не на всякой работѣ есть возможность трудиться 12 ч. въ сутки. „Сибирская Газета“ (1887 г. № 17) подняла по этому поводу очень важный вопросъ о необходимости согласованія урочной работы, какъ извѣстно, весьма распространенной на сибирскихъ промыслахъ въ горныхъ работахъ, съ узаконенною продолжительностью рабочаго дня: „должны быть строго опредѣлены часы работы, время выхода на работу, время отдыха и т. д. Количество работы опредѣляется временемъ, и *переводъ ея съ урочную посаженную можетъ быть произведенъ не иначе, какъ по взаимному соглашенію рабочихъ и хозяина*“. Г. Соловѣй, авторъ подробнаго разбора иркутскаго проекта, предложилъ уменьшить норму продолжительности рабочаго дня, установленную первою редакціею иркутскаго проекта, а именно, ограничить рабочее время 10 часами и въ крайнемъ случаѣ 11 ч. въ сутки. (Въ другомъ мѣстѣ своей статьи онъ настаивалъ на совершенномъ уничтоженіи урочной системы работъ)¹⁾. Къ сожалѣнію, при составленіи второй редакціи проекта это предложеніе не только не было принято, но былъ измѣненъ къ невыгодѣ рабочихъ параграфъ о продолжительности рабочаго дня, а именно, было отброшено указаніе на время начала работъ утромъ и окончанія вечеромъ: „число собственно рабочихъ часовъ въ сутки“, сказано было въ этой редакціи, „не должно быть болѣе 12, не включая въ это число времени на чай, обѣдъ и ужинъ“. Такимъ образомъ здѣсь допускались ночныя работы, которыя устранились первою редакціею.

Горный Совѣтъ, при выработкѣ проекта 1892 г. совершенно неожиданно, безъ всякихъ мотивовъ, безъ всякаго прецедента во всей предшествовавшей исторіи составленія проекта правилъ и даже безъ всякаго разногласія, принялъ слѣдующее чудовищное постановленіе относительно продолжительности рабочаго дня: „Вмѣсто ограниченія числа рабочихъ часовъ 12-ю въ сутки, не включая въ это число времени

¹⁾ „Юридическій Вѣстникъ“ 1887 г. № 11.

на чай обѣдъ и ужинъ, Совѣтъ полагалъ *достаточнымъ* (1), а для *промышленника болѣе удобнымъ* (еще бы!) „назначить не болѣе 16“ (sic, *шестнадцати!*), „включая въ это число время на чай, обѣдъ и ужинъ“. Такъ какъ продолжительность времени на обѣдъ, чай и ужинъ при этомъ не опредѣлялась, то, слѣдовательно, даже 15-ти-часовой рабочий день соотвѣтствовалъ бы требованію такого закона. Въ такомъ видѣ статья эта и вошла въ печатный проектъ 15 марта 1892 г., при чемъ въ объяснительной запискѣ было сказано, что „эта статья введена по желанію золотопромышленниковъ“, хотя о такомъ желаніи нѣтъ ни малѣйшаго указанія во всемъ дѣлѣ. Въ то время, когда, въ Западной Европѣ, поставленъ на очередь вопросъ о 8-часовомъ рабочемъ днѣ, у насъ предпочитали установить почти 16-ти-часовой рабочий день. Это тѣмъ болѣе странно, что въ Положеніи о частной золотопромышленности 1838 г. установленъ былъ 15-ти часовой рабочий день, также со включеніемъ времени на обѣденный отдыхъ.

Статья проекта 15 апрѣля 1892 г. о 16-ти-часовомъ рабочемъ днѣ вызвала болѣе или менѣе рѣшительныя возраженія со стороны всѣхъ лицъ, на заключеніе которыхъ былъ отправленъ этотъ проектъ ¹⁾. Одинъ только окружной инженеръ Семипалатинско-Семирѣченскаго округа Сборовскій находилъ возможнымъ допустить, чтобы число рабочихъ часовъ въ сутки не превышало 16 „при условіи 8-ми-часовой снѣны, когда между двумя снѣнами 8-ми-часовой отдыхъ“... „Трехснѣнная въ сутки работа самая удобная“ (для предпринимателя?), „здоровая (?) и спорая; этому доказательствъ не мало въ практикѣ на заводахъ, рудникахъ и пріискахъ, а потому должна считаться выгодною для обѣихъ сторонъ“. Но подобное постановленіе, очевидно, требующее и ночного труда, было бы осуществимо развѣ при подземныхъ работахъ, вообще мало распространенныхъ на промыслахъ; вѣроятно, поэтому и г. Сборовскій готовъ отступить отъ рѣдко осуществимаго на пріискахъ предложенія и находилъ возможнымъ установить болѣе человѣчную норму. „Въ противномъ случаѣ“, говоритъ онъ, „число рабочихъ часовъ не должно быть болѣе 12-ти, при чемъ въ число *этихъ часовъ должно быть включено и время, потребное на обѣдъ, чай и ужинъ*, т.-е. высказывается въ сущности за 9—10-ти часовой рабочий день“, да это и естественно, такъ какъ въ его округѣ, гдѣ работали киргизы, рабочий день короче, чѣмъ въ остальныхъ округахъ Сибири. Министръ Двора замѣтилъ, что „слѣдовало бы опредѣлить, сколько времени полагается на чай, обѣдъ и ужинъ. Министръ Финансовъ нашель,

¹⁾ Статья эта гласила: „число рабочихъ часовъ въ сутки на промыслахъ не должно превышать для *каждаго рабочаго* 16-ти, включая въ это число время на чай, обѣдъ и ужинъ“.

что норма продолжительности рабочего дня, „введенная по желанію золотопромышленниковъ, представляется, казалось бы, возвышенной, особенно, если принять во вниманіе, что работы на золотыхъ и платиновыхъ промыслахъ едва-ли могутъ почитаться болѣе легкими (особенно работы подземныя), нежели въ остальныхъ промышленныхъ производствахъ, гдѣ, какъ видно изъ имѣющихся въ министерствѣ финансовъ свѣдѣній, большая часть (80%) взрослыхъ рабочихъ заняты не болѣе 12-ти часовъ въ сутки. Въ виду сего представлялось бы, можетъ быть, соответственнымъ уменьшить эту норму для взрослыхъ рабочихъ или по крайней мѣрѣ ближайшимъ образомъ опредѣлить продолжительность перерывовъ, которые должны быть предоставлены для отдыха и пріема пищи рабочимъ, работающимъ въ подземныхъ выработкахъ или на поверхности земли“. Начальникъ уральскихъ горныхъ заводовъ предложилъ назначить 12 ч. дѣйствительной работы; такое же мнѣніе высказалъ и начальникъ иркутскаго горнаго управленія. Начальникъ томскаго горнаго управленія предложилъ „установить 10 ч. работы (и во всякомъ случаѣ никакъ не болѣе 12 ч.), не включая времени на чай, обѣдъ и ужинъ“. Окружной инженеръ Ачинско-Минусинскаго округа указалъ на необходимость различать, при опредѣленіи продолжительности рабочего дня, лѣтнее и зимнее время и назначить зимою, съ октября по мартъ, 8 рабочихъ часовъ въ сутки, а лѣтомъ, съ марта по октябрь, 12 ч., съ условіемъ, чтобы работа не продолжалась непрерывно болѣе 4 ч. Томскій окружной инженеръ г. Реутовскій, указавъ теоретически, какъ на наиболѣе справедливую норму, на 8-ми-часовой рабочий день, замѣтилъ, что на промыслахъ болѣе благоустроенныхъ число рабочихъ часовъ не превосходитъ 10-ти. „Необходимо строго разграничить“, говоритъ г. Реутовскій, „собственно рабочее время отъ того, которое употребляется рабочими на обѣдъ, чай и ужинъ. Собственно рабочее время не должно быть больше 10 ч., потому, во-первыхъ, что на большинствѣ приисковъ оно дѣйствительно таково, потому во-вторыхъ, что наибольшая выработка, въ 1½ саж. средней крѣпости пластовъ хорошимъ забойщикомъ, производится въ тѣ же 10 ч. Переходить въ настоящее время отъ 10 ч. къ 12-ти-часовому времени значить дать поводъ золотопромышленникамъ увеличивать размѣръ задѣльной работы... до 1¾, до 2 саж. Подобный переходъ былъ бы значительнымъ шагомъ назадъ въ сравненіи съ установившеюся практикою и обычаемъ большинства золотопромышленныхъ районовъ.... Золотой промыселъ“, говоритъ г. Реутовскій, — „особый промыселъ, гдѣ рабочего эксплуатируютъ“ такимъ образомъ: „1) заставляютъ работать возможно большее количество часовъ“ и 2) „заставляютъ обнаруживать едва-ли не крайнюю напряженность“ труда. Въ своемъ органѣ „Вѣстникъ Золотопромышленности“ г. Реутовскій высказался сначала за 10-ти

часовой, а черезъ годъ за 8-ми-часовой рабочій день ¹⁾. Иркутскій генералъ-губернаторъ г.-л. Горемыкинъ предложилъ установить 9-ти-часовой рабочій день. Подобное же мнѣніе высказалъ и степной генералъ-губернаторъ бар. Таубе, „такъ какъ киргизы, составляющіе преимущественный контингентъ рабочихъ на мѣстныхъ золотыхъ промыслахъ, не въ состояніи выносить 16-ти-часовой работы“. Изложивъ всѣ эти мнѣнія, г. Штофъ говоритъ: „Должно замѣтить, что проектированная золотопромышленниками и принятая первоначальнымъ проектомъ норма рабочаго времени...была уже почти равносильна назначенію никакой нормы. Норма же, вошедшая въ настоящій проектъ (1892 г.), допуская по своей неопредѣленности растяженіе собственно рабочаго времени до 13 или даже 14 ч. въ сутки, является уже совершенно невозможною. Если устанавливать норму продолжительности работъ, то правильнѣе всего было бы согласиться съ предложеніемъ г. Семевского, какъ принимающимъ во вниманіе степень утомительности разныхъ работъ ²⁾. Должно, однако, принять во вниманіе, что услѣдить за соблюденіемъ такой нормы было бы весьма трудно“. Указавъ на то, что въ то время не было закона, ограничивающаго продолжительность работъ для *взрослыхъ* рабочихъ въ какой бы то ни было отрасли промышленности, г. Штофъ высказывалъ мысль, что „едва-ли благоразумно начинать это дѣло съ той именно отрасли производства, которая представляетъ наименѣе удобныя условія надзора, а такова именно наша золотопромышленность, разбросанная на громадныхъ и въ большинствѣ безлюдныхъ пространствахъ, что позволяетъ лицамъ горнаго и полицейскаго надзора лишь рѣдко посѣщать каждый пріискъ“. Но нужно замѣтить, что это не помѣшало въ 1897 г. издать законъ объ ограниченіи рабочаго дня на фабрикахъ, заводахъ и *золотыхъ и платиновыхъ промыслахъ*. Если руководствоваться соображеніями о трудности правительственнаго надзора, то невозможно было бы и наше фабричное законодательство 80-хъ гг. объ ограниченіи женскаго и дѣтскаго труда, (такъ какъ районы, находившіеся въ завѣдываніи фабричныхъ инспекторовъ были очень велики), а между тѣмъ оно принесло большую пользу. Но соображенія г. Штофа были одобрены высшею властью горнаго вѣдомства, и опредѣленіе продолжительности рабочаго дня было предоставлено закономъ 1895 г. свободному соглашенію золотопромышленниковъ и рабочихъ.

¹⁾ „Вѣстникъ Золотопр.“ 1893 г. № 1, стр. 2; 1894 г. № 23, стр. 1—2; ср. 1895 г. № 1, стр. 2.

²⁾ Я предлагалъ назначить для собственно горныхъ работъ 8-ми часовую норму съ тѣмъ, чтобы работы продолжались не болѣе 4—4½ ч. сразу, а отдыхъ не менѣе 2 ч., для прочихъ же работъ 9—10 ч. въ день. См. „Русскую Мысль“ 1894 г. № 5, стр. 7—8.

Рабочіе на сибирскихъ золотыхъ промыслахъ, какъ мы видѣли въ главахъ, посвященныхъ изученію ихъ быта въ новѣйшее время, обязывались контрактами трудиться и по воскресеньямъ, а въ лѣтнее время имъ давали всего 1—2 льготныхъ дня въ мѣсяцъ. Первою редакціе иркутскаго проекта назначено было празднованіе 41 дня (въ томъ числѣ 23 праздника и 18 воскресеній), изъ нихъ въ 5 лѣтнихъ мѣсяцевъ 11 праздничныхъ дней. Такъ какъ рабочимъ предоставлялось такимъ образомъ болѣе льготныхъ дней сравнительно съ тѣмъ, сколько назначалось по контрактамъ, то нѣкоторые енисейскіе и олекминскіе золотопромышленники, а также представители ихъ интересовъ какъ въ названныхъ округахъ, такъ и въ Амурской области, не исключая горняжен. Кулибина и инженеръ-технолога Янчуковскаго, возражали противъ увеличенія числа праздниковъ, увѣряя, будто оно невыгодно не только золотопромышленникамъ, но и самимъ рабочимъ, заработки которыхъ вслѣдствіе этого будто бы должны непременно уменьшиться. При этомъ упускали изъ виду, во-первыхъ, что потеря здоровья, вслѣдствіе чрезмѣрнаго напряженія силъ, ничѣмъ вознаграждаема, а во-вторыхъ, что при отдыхѣ въ праздники рабочій можетъ увеличить выработку въ будни, работая съ обновленными силами. Нѣкоторые изъ оппонентовъ желали также вмѣсто общихъ праздниковъ, которые, по ихъ словамъ, приводятъ только къ поголовному пьянству, установить празднованіе льготныхъ дней поочереды, какъ это обыкновенно бываетъ на прискахъ. Но кто же мѣшаетъ золотопромышленникамъ устроить по праздникамъ какія либо разумныя развлечения и тѣмъ уменьшить пьянство рабочихъ? Енисейскіе золотопромышленники (имена ихъ были названы выше) вмѣсто 41 праздника предлагали установить только 17, да и тѣ хотѣли сдѣлать не безусловно обязательными и высказывались противъ запрещенія работать тѣмъ, которые пожелаютъ трудиться въ праздники за повышенную плату, за исключеніемъ дней Рождества, Благовѣщенія, Пасхи и Троицы. Нѣкоторые изъ оппонентовъ ссылались и на тѣ 8—10 дней отдыха вмѣсто воскресеній, которые даются послѣ расчета для вновь нанявшихся и обыкновенно ведутъ къ сильнымъ кутежамъ; но довольно продолжительный отдыхъ необходимъ послѣ слишкомъ напряженного труда въ теченіе всего лѣта. Замѣчанія золотопромышленниковъ не остались безъ вліянія, и во второй редакціи иркутскаго проекта число праздниковъ было уменьшено: въ 7 зимнихъ мѣсяцевъ вмѣсто 15 праздниковъ было назначено 13 и не было упомянуто объ обязательномъ празднованіи воскресеній черезъ двѣ недѣли, въ лѣтніе же мѣсяцы предписано увольнять рабочихъ артелями не менѣе двухъ разъ въ мѣсяцъ. Такимъ образомъ вмѣсто 41 праздника установилось только 23: золотопромышленники, значить, не даромъ участвовали въ пересмотрѣ проекта.

По проекту 15 апрѣля 1892 г. установлено было зимою, кромѣ воскресеній, еще 18 праздничныхъ дней, а лѣтомъ каждому рабочему, кромѣ составляющихъ поисковыя партіи, предоставлялось право быть уволеннымъ отъ работъ на два дня въ мѣсяцъ; такимъ образомъ устанавливалось всего 56 праздниковъ. По поводу этого параграфа проекта южно-енисейскій окружной инженеръ Стемпневскій, хлопоча объ интересахъ золотопромышленниковъ, замѣтилъ, что „вслѣдствіе невозможности безъ значительныхъ потерь и убытковъ останавливать нѣкоторыя отрасли промысловаго дѣла, необходимо освобожденіе рабочихъ отъ работъ предоставить взаимному соглашенію промышленниковъ съ рабочими, обязавъ послѣднихъ возвысить въ праздничные дни заработную плату на 20⁰/о, оставивъ имъ лишь 23 льготныхъ дня (съ 1 октября по 1 апрѣля), установленныя по настоящее время присковыми управленіями“. Нужно замѣтить прежде всего, что слова г. Стемпневскаго можно понять такимъ образомъ, будто лѣтомъ рабочіе совсѣмъ не имѣютъ дней отдыха, между тѣмъ какъ имъ предоставлялось въ это время 1—2 льготныхъ дня въ мѣсяцъ, хотя и не въ одинъ день для всѣхъ. Затѣмъ тамъ, гдѣ есть различіе въ платѣ между будними и праздничными днями, праздничная плата гораздо болѣе, чѣмъ въ 20⁰/о превосходитъ будничную. Но главное-то зло и состоитъ въ томъ, что присковыя управленія, если они и даютъ въ праздники повышенную плату, все таки предоставляютъ рабочимъ слишкомъ мало дней отдыха и, чрезмѣрно напрягая силы рабочихъ, заставляютъ искусственно поддерживать въ себѣ крайнее мышечное напряженіе кровопусканіями и излишнимъ потребленіемъ вина, покупаемого къ тому же тайно по очень дорогой цѣнѣ у спиртоносовъ или нѣкоторыхъ золотопромышленниковъ, такъ какъ открытая продажа водки на прискахъ запрещена.

Томскій окружной инженеръ Реутовскій по вопросу о праздничныхъ дняхъ высказалъ слѣдующее: „чѣмъ меньше отдыхъ, тѣмъ менѣе производительность въ работѣ. Отъ постоянной присковой работы столько теряется на возобновленіе силъ рабочаго, на нихъ постоянные отдыхи и простое уклоненіе отъ работы, что большинство золотопромышленниковъ теперь допускаетъ возможность большаго выигрыша въ производительности, если установить празднованіе воскресныхъ дней; Эти дни воскресеній прямо пойдутъ на отдыхъ, на возстановленіе силъ рабочему не будетъ необходимости выдумывать различнаго рода причины, чтобы уклоняться отъ непосильной работы....Отсюда ясно, что для наибольшей производительности въ работѣ въ лѣтнее время, такъ же какъ и въ зимнее, должно требовать: 1) или соблюденія празднованія воскресенья или 2) количество дней для отдыха съ 2-хъ увеличить на 4 (т.-е. не для всѣхъ рабочихъ въ одинъ день). На возраженія, что потеря 4 дней въ мѣсяцъ въ лѣтнее время сильно отзовется на добычѣ

золота, г. Реутовскій возражаетъ, что этого можно избѣжать, нанявъ большее количество рабочихъ ¹⁾).

Г. Штофъ пришелъ по этому вопросу къ слѣдующему заключенію: „признавая необходимость увеличенія числа свободныхъ отъ работы дней въ лѣтніе мѣсяцы и вмѣстѣ съ тѣмъ имѣя въ виду, что безусловное требованіе остановки работъ по воскресеньямъ было бы лѣтомъ во многихъ случаяхъ неисполнимо, казалось бы возможнымъ увеличить число дней, въ которые рабочій имѣетъ право на увольненіе отъ работъ въ лѣтнее время въ теченіе мѣсяца съ 2 до 4; отъ промышленника будетъ зависѣть назначить эти дни для всѣхъ рабочихъ по воскресеньямъ“, или разные дни; и въ этомъ смыслѣ г. Штофъ сдѣлалъ измѣненіе въ проектѣ. Однако, Горный Совѣтъ, при выработкѣ послѣдней редакціи проекта, понизилъ количество дней лѣтомъ (съ 1 апрѣля по 1 октября), въ которые рабочій имѣетъ право быть уволеннымъ отъ работъ съ 4 до 2 ²⁾).

Относительно труда женщинъ и малолѣтнихъ рабочихъ на прискахъ мы встрѣчаемъ въ первой редакціи иркутскаго проекта только запрещеніе допускать на какія бы то ни было подземныя работы женщинъ и мальчиковъ моложе 14 лѣтъ, и не былъ опредѣленъ возрастъ, съ котораго могъ быть производимъ наемъ малолѣтнихъ для работъ въ открытыхъ разрѣзахъ. Во второй редакціи возрастъ мальчиковъ, необходимый для допущенія къ подземнымъ работамъ, былъ повышенъ до 16 лѣтъ. По проекту Горнаго Департамента въ редакціи 1890 г. былъ запрещенъ наемъ женщинъ вообще и мальчиковъ моложе 16 лѣтъ не только на подземныя работы, но и въ работы ночныя. Г. Штофъ замѣтилъ, что „по этому предмету существуютъ у насъ подробныя правила для найма на фабричныя работы; правила эти ограничиваютъ

¹⁾ За необходимость общаго воскреснаго отдыха для всей команды г. Реутовскій высказался и въ издаваемомъ имъ „Вѣстникѣ Золотопромышленности“ 1894 г. № 23, стр. 2; ср. 1894 г. № 11, стр. 211—212.

²⁾ Въ § 28 закона 1895 г. сказано: „Между 1 октября и 1 апрѣля, праздничные, сверхъ воскресныхъ, дни, когда всѣ рабочіе на промыслахъ должны быть свободны отъ работъ, суть слѣдующіе: дни рожденія и тезоименитства Государя Императора и Государыни Императрицы, тезоименитства Государя Наслѣдника, восшествія на престолъ и коронованія, а равно октября 1-го и 22-го, ноября 21-го, декабря 6, 25 и 26-го, января 1-го и 6-го, февраля 2-го, марта 25-го, пятница и суббота сырной недѣли, пятница и суббота страстной недѣли и понедѣльникъ и вторникъ недѣли Св. Пасхи. Въ періодъ времени съ 1-го апрѣля по 1-е октября каждый рабочій на промыслахъ имѣетъ право быть уволеннымъ отъ работъ на два дня въ мѣсяцъ; причемъ, однако, относительно рабочихъ, составляющихъ поисковыя партіи, промысловымъ управленіямъ предоставляется опредѣлять, допускается ли къ отдыху вся партія разомъ, или части составляющихъ партію рабочихъ, поочередно. Въ случаѣ несчастныхъ происшествій на промыслахъ, какъ-то: пожара, наводненія и т. п., рабочіе въ праздничные дни не вправе отказываться отъ содѣйствія къ прекращенію бѣдствія“.

число часовъ, въ которые малолѣтніе рабочіе могутъ быть занимаемы работой, указываютъ время, на которое обязательно должны приходиться эти часы и т. п.". На пріискахъ былъ бы весьма затруднителенъ надзоръ за соблюденіемъ такихъ правилъ; кромѣ того, по совершенно справедливому мнѣнію г-на Штофа, „должно принять во вниманіе, что физическія и нравственныя условія жизни на пріискахъ дѣлаютъ пребываніе на нихъ малолѣтнихъ вовсе нежелательнымъ“. Въ виду всего этого онъ предложилъ *совершенно запретить наемъ на пріиски малолѣтнихъ моложе 16 лѣтъ*. Противъ этого не возражалъ и Горный Департаментъ. Въ Горномъ Совѣтѣ относительно найма на пріиски малолѣтнихъ произошло разногласіе: члены его Меллеръ, Скальковский, Карпинскій и Веселовскій считали достаточнымъ запретить наемъ въ работы на пріиски вообще только малолѣтнихъ моложе 12 лѣтъ, сохранивъ запрещеніе найма мальчиковъ моложе 16 лѣтъ лишь для подземныхъ работъ, подобно тому, какъ это установлено для горныхъ работъ вообще, а г. Штофъ остался при своемъ мнѣніи о недопущеніи найма на всякія пріисковыя работы малолѣтнихъ моложе 16 лѣтъ въ виду того, что пріисковая жизнь представляетъ вообще условія для дѣтскаго возраста слишкомъ неблагоприятныя. Министръ государственныхъ имуществъ относительно этого пункта положилъ такую резолюцію: „согласенъ съ А. А. Штофомъ; что это за договоръ о наймѣ между заводскимъ управленіемъ и ребенкомъ 12 лѣтъ“, но затѣмъ вѣроятно въ виду допущенія найма 12-лѣтнихъ дѣтей общимъ фабричнымъ законодательствомъ это правило было изложено такимъ образомъ: „запрещается нанимать въ работы на пріиски малолѣтнихъ моложе 12 лѣтъ, причемъ для подземныхъ работъ могутъ быть нанимаемы мальчики не моложе 15 лѣтъ ¹⁾. Лица женскаго пола не могутъ быть занимаемы работами подземными и ночными“. (Ночными должны были считаться работы, производимыя между 9-ю ч. вечера и 5-ю ч. утра).

Министръ юстиціи по поводу этой статьи проекта замѣтилъ, что, согласно Выс. утв. 9-го марта 1892 года мнѣнію Госуд. Совѣта, на частные горные заводы распространено дѣйствіе статей 112—126 Устава о Промышленности ²⁾ и независимо отъ того установлено правило о

¹⁾ Между тѣмъ изъ второй редакціи Иркутскаго проекта мы видѣли, что сами золотопромышленники соглашались на запрещеніе подземныхъ работъ мальчикамъ моложе 16 лѣтъ.

²⁾ Напомнимъ, что статья 114 воспрещала занимать малолѣтнихъ 12—15 лѣтъ работой болѣе 8 ч. въ сутки, причемъ, непрерывная работа должна продолжаться не болѣе 4 ч. сряду; по статьѣ 115-ой малолѣтніе того же возраста не должны работать въ воскресные и высокаторжественные дни; по статьѣ 116-ой тѣхъ же малолѣтнихъ воспрещается допускать къ производствамъ изнурительнымъ и вреднымъ для здоровья; въ статьяхъ 117—124 говорилось о школахъ и посѣщеніи ихъ дѣтьми, работающими на фабрикахъ, заводахъ и мануфактурахъ.

недопущеніи не достигшихъ 15 лѣтъ рабочихъ и женщинъ къ работамъ ночнымъ и внутри рудниковъ. Министръ юстиціи считалъ необходимымъ сдѣлать тоже и относительно золотыхъ промысловъ. Мы видимъ такимъ образомъ, что Горный Совѣтъ при составленіи проекта 15 апрѣля 1892 г. не пожелалъ, къ ущербу рабочихъ, примѣнять къ нимъ даже тѣ постановленія, какія уже были установлены для горныхъ заводовъ. Министръ финансовъ также полагалъ необходимымъ постановить, что работа малолѣтнихъ подростковъ и лицъ женскаго пола не можетъ превосходить нормъ, принятыхъ въ Уставѣ о промышленности. Начальникъ уральскихъ горныхъ заводовъ предлагалъ опредѣлить, что осенью и зимою должно считаться ночнымъ время отъ 6 ч. утра до 6 ч. вечера. Окружной инженеръ Семипалатинско-Семирѣчинскаго округа находилъ нужнымъ упомянуть, что договоръ заключается съ родителями, и чтобы были представлены удостовѣренія объ окончаніи принимаемыми на приисковыя работы малолѣтними курса хотя бы въ одно-классномъ народномъ училищѣ; 15-лѣтній возрастъ, назначаемый для подземныхъ работъ, „безусловно малъ“ и „въ этомъ случаѣ слѣдуетъ руководствоваться желѣзнодорожными правилами“, по которымъ моложе 18 лѣтъ на простыя работы, какъ, напримѣръ, стрѣлочника,—не принимаютъ. „Въ подземныя работы нельзя... посылать мальчика, не могущаго отвѣчать за свои дѣйствія“. Иркутскій генералъ-губернаторъ г.-л. Горемыкинъ указалъ еще на ст. 91, прим. 2 Уст. о Промыш. по прод. 1890 г., которою воспрещено употреблять въ ночныя работы женщинъ и подростковъ отъ 15—17 лѣтъ въ промышленныхъ заведеніяхъ, учрежденныхъ для производствъ хлопчатобумажнаго, полотнянаго, шерстяного, льнопридильнаго, льнотрепальнаго и смѣшанныхъ тканей, причемъ по соглашенію министра финансовъ съ министромъ внутреннихъ дѣлъ это ограниченіе можетъ быть распространяемо и на другія промышленныя заведенія. „Нѣтъ никакого сомнѣнія, что ночная работа въ приисковой шахтѣ нисколько не легче работы на поименованныхъ фабрикахъ“. Имѣя въ виду также и то, что среда приисковыхъ рабочихъ не можетъ быть признана полезною для подростковъ, г.-л. Горемыкинъ выражалъ желаніе, чтобы былъ вовсе запрещенъ наемъ на приiski мальчиковъ и дѣвочекъ моложе 17 лѣтъ или, по крайней мѣрѣ, ночныя и подземныя работы были воспрещены не только для женщинъ вообще, но и для подростковъ мужскаго пола до 17 лѣтъ; примѣнительно же къ ст. 115 Устава о Промышленности слѣдовало бы освободить ихъ и отъ работъ во всѣ воскресные дни, а также установить, чтобы число рабочихъ часовъ не превышало 8-ми. Нужно замѣтить, что даже по мнѣнію томскаго губернатора Тобизена, „вообще наемъ малолѣтнихъ ¹⁾ на при-

¹⁾ Въ другомъ мѣстѣ своей записки г. Тобизенъ прибавляетъ: „или несовершеннолѣтнихъ“.

сковыя работы долженъ бы быть совѣтъ запрещенъ, потому что климатическія и бытовыя условія пріисковой жизни вредно отражаются на не вполне развитыхъ организмахъ и кромѣ того пребываніе малолѣтнихъ въ средѣ распушенныхъ промысловыхъ рабочихъ портитъ дѣтей и подростковъ въ нравственномъ отношеніи⁴⁾.

Въ виду всѣхъ этихъ возраженій на статью проекта 15-го апрѣля 1892 года, ограничивающую женскій и дѣтскій трудъ на пріискахъ, г. Штофъ пришелъ къ слѣдующему заключенію: „Нельзя не согласиться съ изложенными замѣчаніями..., но надѣяться на дѣйствительное соблюденіе всѣхъ этихъ правилъ на пріискахъ было бы совершенно невозможно, ибо для этого потребовался бы тщательный надзоръ, превышающій силы ишѣющагося нынѣ состава чиновъ горныхъ и полицейскихъ. Въ виду этого и мотивовъ, указанныхъ иркутскимъ генералъ-губернаторомъ и томскимъ губернаторомъ, какъ и первоначальнымъ проектомъ правилъ, представляется наилучшимъ исходомъ въ настоящемъ случаѣ—просто запретить наемъ на золотопромысловыя работы несовершеннолѣтнихъ, если не до 17, то хотя бы до 16-лѣтняго возраста“. Однако Горный Совѣтъ возстановилъ назначенное проектомъ 15 апрѣля 1892 года запрещеніе нанимать малолѣтнихъ только моложе 12 лѣтъ; но установлено было запрещеніе занимать подземными и ночными работами не только женщинъ, но и малолѣтнихъ рабочихъ до 16 лѣтъ и вообще заставлятъ ихъ работать болѣе 8 ч. въ сутки. Согласно съ этимъ въ законѣ 1895 г. (§ 29) сказано: относительно работы дѣтей, малолѣтнихъ и женщинъ соблюдаются правила ст. 655 Уст. Горн. и 108 Уст. о Промышленности, т.-е. дозволяется нанимать дѣтей съ 12 лѣтъ, но малолѣтніе рабочіе, не достигшіе 16 лѣтъ и женщины не допускаются къ работамъ внутри рудниковъ и ночнымъ работамъ, причемъ ночными считаются работы, производимыя въ весеннее и лѣтнее время—между 9 ч. вечера и 5 ч. утра, а въ осеннее и зимнее—между 6 ч. вечера и 6 ч. утра. Малолѣтніе рабочіе сверхъ того не должны быть занимаемы работою болѣе 8 часовъ въ сутки¹⁾.

¹⁾ Напоминаю о постановленіяхъ по этому вопросу въ иностранныхъ законодательствахъ. На швейцарскихъ фабрикахъ, по закону 1877 г., запрещена подросткамъ ниже 18 лѣтъ и всѣмъ женщинамъ воскресная и ночная работа. Во Франціи, по закону 1892 г., мальчики до 18 лѣтъ и всѣ женщины вовсе не должны употребляться на ночныя работы, а также для нихъ обязательно назначается одинъ свободный день въ недѣлю, хотя имъ можетъ быть и не воскресенье. Наконецъ, дѣвушки и женщины (какъ и въ законодательствахъ многихъ другихъ государствъ) не допускаются для работъ подъ землею (въ рудникахъ), а допущеніе туда юношей отъ 13 до 18 лѣтъ возможно лишь съ разрѣшенія властей. Въ Германіи, по закону 1891 г., подросткамъ ниже 16 лѣтъ и женщинамъ совершенно воспрещена ночная и воскресная работа, а для извѣстныхъ производствъ, связанныхъ съ опасностью для здоровья и нравственности, союзному совѣту предоставлено право и вовсе запретить работу подросткамъ

Очень важное и благоприятное отличіе иркутскаго проекта въ обѣихъ его редакціяхъ отъ законовъ 1838 г. и 1870 г. составляетъ попытка регулировать пищевое довольствіе на промыслахъ. Въ виду того, что большая часть пріисковыхъ работъ производится въ мѣстностяхъ не населенныхъ и что рабочіе пополняютъ недостатокъ въ продовольствіи значительными заборами припасовъ въ пріисковыхъ лавкахъ, гдѣ торговля составляетъ монополію золотопромышленниковъ, такое регулированіе необходимо, и въ 70-хъ гг. начало этому уже было положено административнымъ путемъ посредствомъ циркуляровъ генералъ-губернаторовъ Восточной Сибири. По первой редакціи иркутскаго проекта „ежедневная выдача пищевого довольствія рабочему не должна быть менѣе слѣдующаго количества: 4 ф. печенаго хлѣба, $1\frac{1}{2}$ ф. свѣжаго мяса, $\frac{1}{2}$ ф. крупы, $\frac{1}{16}$ ф. коровьяго масла, $\frac{1}{8}$ ф. соли, $3\frac{1}{2}$ з. кирпичнаго чаю ¹⁾. Этотъ пунктъ вызвалъ многочисленныя возраженія, и нѣкоторые томскіе и енисейскіе золотопромышленники отнесли къ выставленнымъ требованіямъ съ крайнимъ озлобленіемъ. „Устанавливаемая регламентація въ выдачѣ пищевого довольствія“, писалъ изъ Томска г. Иваницкій (участвующій въ одной золотопромышленной компаніи съ г. Жиллемъ), „ни въ какомъ законодательствѣ не существуетъ“ (авторъ замѣчаній упускаетъ изъ виду, что и монопольная продажа предпринимателями товаровъ и припасовъ рабочимъ также никакимъ законодательствомъ не допускается), „и нѣтъ основанія вводить таковую на

отъ 14 до 16 лѣтъ, а также и женщинъ. По дѣйствующимъ австрійскимъ законамъ, подросткамъ до 16 лѣтъ ночная работа отъ 8 часовъ вечера до 5 часовъ утра въ фабричныхъ и ремесленныхъ заведеніяхъ и женщинамъ на фабрикахъ воспрещена. Во Франціи и Германіи малолѣтніе допускаются къ работѣ на фабрикахъ не ранѣе 13, въ Швейцаріи и Австріи не ранѣе 14 лѣтъ.

Въ Россіи, по закону 11 мая 1847 г., на уральскихъ казенныхъ горныхъ заводахъ мальчики до 15 лѣтъ могли только въ случаѣ нужды употребляться въ легкія горныя работы не болѣе 8 часовъ въ день, а по закону 8 марта 1861 г. на казенныхъ горныхъ заводахъ позволено употреблять малолѣтковъ до 15 лѣтъ лишь въ надземныя работы. Въ настоящее время на большинствѣ фабрикъ, по отчету главнаго фабричнаго инспектора за 1885 г., установлена, согласно требованію закона 1 іюня 1882 г., восьмичасовая работа малолѣтнихъ рабочихъ въ 60,3% такихъ промышленныхъ заведеній, по $6\frac{1}{2}$ — $7\frac{1}{2}$ часовъ въ 9,1% промышленныхъ заведеній, по 6 часовъ—въ 20,4% и отъ 3— $5\frac{1}{2}$ час. въ 10,2% такихъ заведеній. Изъ этого видно, что при дозволеніи найма подростковъ на золотые промыслы, сокращеніе ихъ труда до 8 часовъ является скорѣе малымъ, чѣмъ слишкомъ большимъ ограниченіемъ. Дозволеніе нанимать на золотые пріиски 12-ти-лѣтнихъ дѣтей, которое мы находимъ въ законѣ 1895 г., можетъ только ухудшить положеніе малолѣтнихъ. Какъ мы уже замѣтили, по отчету окружнаго инженера сѣверно-енісейской системы (1888 г.), тамъ наняты были малолѣтніе лишь отъ 14 до 17 лѣтъ.

¹⁾ Въ другомъ мѣстѣ проекта сказано, что „золотопромышленникъ обязанъ впадать рабочимъ пищевое довольствіе хорошаго качества“.

золотыхъ прискахъ, мѣстныя условія которыхъ далеко не вездѣ одинаковы. Напримѣръ, въ Алтайскомъ округѣ нерѣдко выдаютъ рабочимъ въ продовольствіе овощи, въ киргизской степи рабочіе-киргизы получаютъ только муку и соль, продовольствуясь главнѣйшимъ образомъ собственными баранами“. Условія продовольствія тѣхъ рабочихъ-киргизовъ, которые приковываютъ на золотые промыслы Степного генералъ-губернаторства, дѣйствительно отличаются отъ другихъ промысловъ, и въ этомъ отношеніи возможно было бы сдѣлать извѣстную оговорку, но это нисколько не колеблетъ необходимости установить достаточное пищевое довольствіе рабочихъ въ мѣстностяхъ, гдѣ они находятся въ этомъ отношеніи въ полной зависимости отъ золотопромышленниковъ. Но г. Иваницкій смотритъ на это иначе. По его мнѣнію, „назначеніе размѣра продовольствія составляетъ во всякомъ случаѣ насильственное вторженіе законодательства въ экономическія условія производства и не можетъ привести къ благопріятнымъ для промысла результатамъ во-первыхъ потому, что не вызывается рѣшительно никакою необходимостью, и во-вторыхъ, искусственное вздорожаніе продовольствія въ размѣрѣ, непосильномъ для большей части присковъ (?), на первый разъ уменьшить требованія въ рабочихъ, а затѣмъ равновѣсіе возстановится чрезъ уменьшеніе заработной платы“ (если бы это было такъ, то изъ-за чего же защитникамъ интересовъ золотопромышленниковъ негодовать на требованіи проекта закона?). „Размѣръ назначеннаго продовольствія,“ по мнѣнію Иваницкаго, „такъ громаденъ, что подобный ему едва-ли можно встрѣтить гдѣ либо въ другомъ мѣстѣ“. Это утвержденіе, какъ сейчасъ увидимъ, противорѣчитъ свидѣтельствамъ золотопромышленниковъ нѣкоторыхъ округовъ Восточной Сибири. Далѣе г. Иваницкій пускается во всевозможныя доказательства обременительности поставленныхъ золотопромышленникамъ требованій: онъ увѣряетъ, что, „если бы въ подобномъ размѣрѣ потребляло мясо въ теченіе одного только года все населеніе Сибири, то на слѣдующій годъ не осталось бы въ краѣ ни одной убойной скотины“ (какъ будто бы количество скота при обиліи земли въ Сибири не можетъ быть увеличено), хотя самъ указываетъ на то, что на прискахъ выдается рабочему мяса 1 ф.—1¹/₄ ф. и 1¹/₂ ф., „смотря по трудности работъ и другимъ условіямъ“, а слѣдовательно, регулируя количество мяса примѣнительно къ высшей, а не къ низшей нормѣ, составители проекта не вводятъ чего-то неслыханнаго. Еще болѣе старается доказать невозможность требованій, поставленныхъ иркутскимъ проектомъ, извѣстный радѣтель енисейскихъ золотопромышленниковъ, горный инженеръ В. Кулибинъ. Онъ высчитываетъ, какой процентъ вѣса рабочаго составляетъ опредѣленный ему паекъ, сравниваетъ его съ размѣромъ фуража, получаемого лошадью, и выражаетъ опасеніе, что рабочіе при-

выявуть къ хорошей пищѣ ¹⁾). Ламентации гг. Кулибина и Иваницева опровергаются запискою олекминскихъ золотопромышленниковъ, въ числѣ которыхъ находимъ уполномоченныхъ Малопатомскаго Т-ва, КК^о Трапезниковыхъ, Базилевскаго и Ленскаго Т-ва. По ихъ словамъ, на большей части пріисковъ Олекминской и Витимской системъ рабочіе получаютъ 4 ф. печенаго хлѣба и 1½ ф. свѣжаго или соленого, а въ поисковыхъ партіяхъ ²⁾ ф. сушенаго мяса въ день, 8 ф. крупы, 1 ф. коровьяго масла, 5 ф. соли, слѣдовательно менѣе крупы и масла, чѣмъ требуется иркутскимъ проектомъ (но зато, какъ указалъ докторъ Мадіевъ, очень большое количество масла рабочіе брали на свой счетъ изъ пріисковыхъ лавокъ, такъ какъ количества, выдаваемого отъ хозяевъ, оказывалось недостаточно). „Вышеприведенная норма пищевого довольствія“, говорятъ представители олекминскихъ золотопромышленниковъ, „введена на большей части пріисковъ Олекминской и Витимской системъ; практикуется она давно, между тѣмъ состояніе здоровья пріисковыхъ рабочихъ исполнѣе удовлетворительно“. Это написано какъ будто нарочно для опроверженія гг. Кулибина и Иваницева,—и ни слова о катаррахъ, ипохондріи и преступленіяхъ отъ „перееднія“! Къ ужасу г. Кулибина олекминскіе золотопромышленники еще добавляютъ, что „рабочимъ, помимо всякихъ условій, отпускается въ пишу съ ноября по іюнь мѣсяцъ кислая капуста и другія овощи въ достаточномъ количествѣ; для приправы пищи даются—мука пшеничная, листь лавровый и перецъ, а на многихъ пріискахъ въ лѣтнее время готовится за счетъ золотопромышленниковъ общій, такъ называемый, артельный чай“.

Замѣчанія золотопромышленниковъ на первую редакцію иркутскаго проекта вызвали во второй его редакціи слѣдующія измѣненія постановленія о бесплатномъ пищевомъ довольствіи: 120 ф. печенаго хлѣба дозволялось замѣнять выдачею 90 ф. ржаной муки; мясо „въ исключительныхъ случаяхъ“ разрѣшалось выдавать и соленое, „причемъ невозможность имѣть свѣжее мясо должна быть удостовѣрена горнымъ исправникомъ“, крупы вмѣсто 15 ф. назначено 10 ф., вмѣсто прежней дневной порціи ¹⁾ ф. коровьяго масла (около 2 ф. въ мѣсяцъ) назначено 1¼ ф. масла или 2½ ф. топленого сала, соли 4 ф., количество кирпичнаго чая немного увеличено (1¼ ф. въ мѣсяцъ) и въ лѣтнее время назначена выдача квасу. „Рабочимъ, находящимся въ поисковой партіи, выдается вмѣсто хлѣба 3 ф. сухарей и, за невозможностью имѣть свѣжее мясо, 1 ф. вяленаго“. Нужно не забывать, что эта вторая ре-

¹⁾ Онъ договаривается даже до такого вѣтора: „сколько катарровъ, ипохондрій, а вслѣдствіе того и преступленій происходитъ отъ перееднія... мѣра необходима во всемъ“, не замѣчалъ, что это послѣднее выраженіе примѣняется всего болѣе къ нему самому.

дакція составлялась при участіи золотопромышленниковъ, тѣмъ и объясняется уменьшеніе количества столь необходимаго пищевого вещества, какъ масло. При изданіи горными управленіями обязательныхъ постановленій о пищевомъ пайкѣ это нужно имѣть въ виду.

На представленный ему проектъ во второй редакціи иркутскій генераль-губернаторъ гр. Игнатьевъ сдѣлалъ замѣчаніе о недостаточности жировыхъ веществъ въ пищѣ рабочихъ и выразилъ мнѣніе, что назначенная въ проектѣ норма масла или сала „должна быть въ интересахъ сохраненія здоровья рабочихъ по меньшей мѣрѣ удвоена“. Горный Департаментъ при выработкѣ первой редакціи своего проекта очень оригинально воспользовался замѣчаніемъ гр. Игнатьева. Несмотря на то, что иркутскій генераль-губернаторъ указалъ лишь на недостаточность опредѣленнаго въ проектѣ количества масла, Горный Департаментъ исключилъ все постановленіе, регулирующее пищевое довольствіе рабочихъ на пріискахъ подъ предлогомъ, что эти „назначенія признаны иркутскимъ генераль-губернаторомъ слишкомъ недостаточными“, и что это весьма вѣроятно, такъ какъ въ составленіи проекта „принимали участіе одни хозяева промысловъ“ (мы видѣли, что въ этомъ дѣлѣ участвовали и нѣкоторые представители администраціи). Но вмѣсто того, чтобы увеличить количество припасовъ, назначенныхъ въ недостаточномъ размѣрѣ, Горный Департаментъ счелъ возможнымъ предоставить опредѣленіе величины пищевого пайка свободному соглашенію предпринимателей и рабочихъ, но ставилъ губернатору и окружному инженеру въ обязанность „слѣдить за продовольствіемъ“, предоставляя горному инженеру право „распорядиться улучшеніемъ пищи“ рабочихъ. Г. Штофъ по этому поводу справедливо замѣтилъ, что губернаторъ несетъ слишкомъ сложныя обязанности для того, чтобы можно было рассчитывать на сколько нибудь частое посѣщеніе имъ пріисковъ; во всякомъ случаѣ одно предоставленіе кому бы то ни было права надзора за пищевымъ довольствіемъ на пріискахъ, безъ точнаго указанія, чего именно слѣдуетъ требовать въ этомъ отношеніи отъ золотопромышленниковъ, не можетъ считаться достаточнымъ, ибо съ одной стороны ставить промышленника въ зависимость отъ произвольныхъ требованій надзирающихъ лицъ, а съ другой—не даетъ этимъ послѣднимъ дѣйствительнаго средства вынуждать исполненіе ихъ требованій; такимъ средствомъ могутъ быть въ случаяхъ, подобныхъ настоящему, только денежные штрафы *достаточно крупнаго размѣра*“ (въ законѣ 1895 г. это условіе, какъ увидимъ, вовсе не соблюдено относительно нарушенія правилъ о пищевомъ довольствіи), „установить же ихъ нельзя, конечно, иначе какъ въ точности опредѣливъ самое нарушеніе, вызывающее эту угрозу“. Поэтому въ своемъ проектѣ г. Штофъ возстановилъ точное опредѣленіе размѣровъ пищевого пайка, причемъ увеличилъ вдвое норму выдачи

рабочимъ масла или сала и, согласно предложенію главнаго начальника уральскихъ заводовъ, допустилъ замѣну $1\frac{1}{4}$ ф. кирпичнаго чая $\frac{1}{2}$ ф. обыкновеннаго и $1\frac{1}{2}$ ф. сахара. Въ Сибири г. Штофъ предложилъ сдѣлать обязательнымъ наемъ рабочихъ на хозяйскомъ продовольствіи въ виду „отдаленности огромнаго большинства тамошнихъ пріисковъ отъ населенныхъ пунктовъ“, на Уралѣ же дозволить наемъ и на своихъ харчахъ. Но Горный Департаментъ продолжалъ настаивать на исключеніи изъ проекта нормы пищевого пайка подъ предлогомъ трудности наблюденія за исполненіемъ этого правила (хотя рабочіе обыкновенно знаютъ свои права и умѣютъ постоять за нихъ) и нежеланія возводить въ законъ однообразную пищу. Желая во что бы то ни стало уничтожить постановленіе, столь важное для рабочихъ, Горный Департаментъ не отступилъ и отъ довода *reductio ad absurdum*: „ужъ если непременно нужно устроить хорошее продовольствіе рабочихъ, то слѣдуетъ“, по его мнѣнію, „взяться за это или полиціи, или горному управленію и дѣлать сборъ съ промышленниковъ на этотъ предметъ“. Еслибы даже осуществленіе такого предположенія было возможно, то рабочіе навѣрно сильно пострадали бы отъ такой *хозяйственной* дѣятельности горныхъ исправниковъ и окружныхъ инженеровъ, такъ какъ кто же наблюдалъ бы за добросовѣстнымъ исполненіемъ ими этихъ обязанностей,—они сами? Это, конечно, было бы очень выгодно для чиновъ полиціи и горнаго вѣдомства, но довольно убыточно для рабочихъ.

Окружные инженеры Западной Сибири обратили вниманіе на извѣстныя особенности тѣхъ пріисковъ, гдѣ работаютъ киргизы, относительно пищевого довольствія рабочихъ и указали на то, что проектируемый законъ долженъ считаться съ этими особенностями. Томскій окружной инженеръ сочувственно отнесся къ регулированію пищевого довольствія, но почему то не одобрилъ обязательной выдачи чая и полагалъ, что установленіе ея приведетъ къ пропорціональному уменьшенію заработной платы.

Горный Совѣтъ исключилъ статью, предложенную г. Штофомъ о томъ, что рабочіе могутъ быть нанимаемы не иначе, какъ на хозяйскомъ продовольствіи, „такъ какъ въ Сибири возможны, хотя и рѣдко, случаи найма рабочихъ на пріиски (близкіе къ селеніямъ и т. п.) съ продовольствіемъ не отъ хозяевъ; на пріиски же отдаленные отъ населенныхъ пунктовъ не наймется иначе, какъ на хозяйскомъ продовольствіи и безъ всякаго постановленія о томъ закона“ (между тѣмъ въ дѣйствительности бывали случаи найма на своихъ харчахъ даже въ Олекминскомъ округѣ). Но, допустивъ наемъ рабочихъ на ихъ собственномъ продовольствіи, Горный Совѣтъ, убѣжденный доводами г. Штофа и вопреки мнѣнію Горнаго Департамента, нашелъ нужнымъ опредѣлить размѣръ пищевого пайка, хотя и сдѣлалъ нѣкоторые урѣзки въ томъ

количество продуктовъ, которое было назначено въ проектѣ г. Штофа, но количество мяса, масла или сала и крупъ измѣнено не было.

Противъ статьи проекта 1892 г., опредѣляющей пищевое довольствіе рабочихъ, сильно ополчился защитникъ интересовъ золотопромышленниковъ, окружной инженеръ южно-енисейской тайги г. Стемпневскій. Онъ утверждалъ, будто пищевое довольствіе выдается рабочимъ въ тѣхъ же размѣрахъ, какіе указаны въ проектѣ, за исключеніемъ масла, сала, чаю и сахару, но по нашимъ свѣдѣніямъ отнюдь нельзя утверждать, чтобы въ Енисейскомъ округѣ большинство золотопромышленниковъ выдавало 1½ ф. мяса (см. стр. 193—194). Затѣмъ г. Стемпневскій увѣряетъ, что „увеличеніе выдачи продуктовъ по стоимости ихъ въ тайгѣ составитъ на каждого годового рабочаго отъ 19 р. 80 к. до 24 р. 24 к.“ и высказываетъ предположеніе, что вслѣдствіе этого „послѣдуетъ уменьшеніе заработной платы или же переходъ на собственное содержаніе рабочихъ, что крайне нежелательно, такъ какъ при удаленности пріисковъ подвозъ даже предметовъ первой необходимости затруднителен“. Г. Стемпневскій предлагаетъ уменьшить количество жировыхъ веществъ до $\frac{3}{4}$ —1 ф. въ мѣсяцъ масла или 2 ф. сала. Безвозмездная выдача рабочимъ чая и сахара, которые теперь выдаются въ счетъ жалованья, также можетъ, по мнѣнію г. Стемпневскаго, вызвать уменьшеніе вознагражденія за трудъ. Приводя мнѣніе г. Стемпневскаго, начальникъ томскаго горнаго управленія прибавляетъ: „конечно, это соображеніе не можетъ останавливать правительство въ принятіи мѣръ къ улучшенію быта золотопромысловыхъ рабочихъ, да и большинство благоразумныхъ промышленниковъ не могутъ не сознавать необходимости этого улучшенія“. Начальникъ иркутскаго горнаго управленія предложилъ исключить изъ продовольствія рабочихъ сахаръ. Начальникъ уральскихъ горныхъ заводовъ предложилъ разрѣшить замѣну въ постные дни мяса такимъ же количествомъ рыбы. Тобольско-Акмолинскій окружной инженеръ считалъ необходимымъ дозволить переводъ пищевого пайка на деньги по опредѣленной таксѣ, „съ тѣмъ, чтобы тѣми же цѣнами заносились припасы рабочему въ выдачу“. Окружной инженеръ сѣверо-енисейскаго округа полагалъ, что слѣдовало бы вмѣстѣ съ введеніемъ задѣльной платы поставить непременно условіе, чтобы „рабочій продовольствовался не отъ хозяина, а въ счетъ заработка изъ запасовъ, которые хозяинъ обязанъ имѣть и отпускать рабочему по таксѣ, утвержденной горною администраціей“, въ томъ размѣрѣ, какой указанъ въ проектѣ 15 апрѣля 1892 года. Иркутскій генералъ-губернаторъ высказалъ по этому вопросу слѣдующее: „Наемъ рабочихъ безъ хозяйскаго продовольствія на сибирскихъ пріискахъ вовсе не желателенъ. Напротивъ, въ правила о наймѣ рабочихъ обязательно должно быть включено условіе, чтобы отнюдь не дозволялось выдавать рабочимъ

вмѣсто продуктовъ деньги, такъ какъ въ противномъ случаѣ въ большинствѣ присковыхъ районовъ рабочіе принуждены были бы покупать провизію изъ магазиновъ тѣхъ же присковъ съ значительною надбавкой въ цѣнѣ, а желаніе сдѣлать экономію могло бы послужить побудительной причиною довольствоваться недостаточной пищей, что въ результатѣ повело бы къ истощенію силъ рабочихъ... Что касается жировыхъ веществъ въ пайкѣ присковаго рабочаго, то, хотя количество ихъ и увеличено сравнительно съ первоначальнымъ проектомъ, но все-таки не можетъ считаться вполне достаточнымъ; по крайней мѣрѣ золотопромышленникъ Кузнецовъ въ своемъ докладѣ обществу врачей Енисейской губерніи въ 1892 году признаетъ, что присковый рабочий нуждается въ ежедневномъ употребленіи масла въ размѣрѣ 21 золотника, что составляетъ въ мѣсяцъ около 6¹/₂ ф. При отсутствіи овощей г.-л. Горемыкинъ предлагалъ увеличить дачу крупы до 15 ф. въ мѣсяцъ и отпускать каждому рабочему по 3 зол. въ день пшеничной муки для приправы.

Сгруппировавъ эти мнѣнія о пищевомъ пайкѣ рабочихъ г. Штофъ пришелъ къ слѣдующему выводу: ввиду необходимости приравляться къ условіямъ мѣстности и высокой цѣнности нѣкоторыхъ продуктовъ „казалось бы наиболѣе удобнымъ предоставить изданіе обязательныхъ постановленій о пищевомъ довольствіи тѣхъ рабочихъ на золотыхъ и платиновыхъ промыслахъ, которые, по условіямъ найма, получаютъ пищу отъ нанимателя (бесплатно или въ счетъ заработка), присутствіемъ по горнозаводскимъ дѣламъ, установленнымъ закономъ 9 марта 1892 г.“. Согласно съ этимъ постановленіе мы и находимъ въ законѣ 1895 г. Предположеніе г. Штофа о разнообразіи пищевого довольствія рабочихъ, нанимающихся на хозяйскихъ харчахъ въ разныхъ округахъ, несправедливо: оно, напротивъ, вездѣ состоитъ изъ однихъ и тѣхъ же веществъ, количество которыхъ колеблется не столько по мѣстностямъ, сколько по большому или меньшему богатству компаніи и добросовѣстности ея мѣстной администраціи. Рѣзко отличается отъ остальныхъ рабочихъ только пищевое довольствіе киргизовъ, относительно которыхъ и можно было бы ввести въ проектъ закона особое примѣчаніе. Предоставленія нормировки пищевого пайка горнозаводскимъ присутствіямъ мы не находимъ и въ текстѣ закона 9 марта 1892 года, на который ссылается г. Штофъ, такъ какъ тамъ говорится лишь въ общихъ выраженіяхъ „о мѣрахъ, которыя должны быть соблюдаемы для охраненія жизни, здоровья и нравственности рабочихъ“. Тутъ не упоминается прямо о пищевомъ довольствіи, если же придавать этой статьѣ распространительное толкованіе, то на основаніи ея можно было бы предоставить горнозаводскимъ присутствіямъ и установленіе продолжительности рабочаго дня, такъ какъ количество рабочихъ часовъ болѣе, чѣмъ

что либо, вліяетъ на здоровье рабочихъ. Г. Штофъ уклонился отъ законодательнаго регулированія рабочаго дня подъ предлогомъ невозможности наблюдать на прискахъ за исполненіемъ этого постановленія, но вѣдь та же трудность существуетъ и при регулированіи продовольствія рабочихъ, однако это вовсе не заставило отказаться отъ его регулированія, которое было возложено на горнозаводскія присутствія. Еще въ статьѣ „Русской Мысли“ (1894 г. № 5) мы указали, что считаемъ весьма нежелательнымъ предоставлять опредѣленіе пищевого пайка рабочихъ горнозаводскимъ присутствіямъ (по крайней мѣрѣ въ нынѣшнемъ ихъ составѣ, когда $\frac{1}{3}$ членовъ составляютъ золотопромышленники, а рабочіе не имѣютъ своихъ представителей) вмѣсто законодательнаго регулированія продовольствія, какъ это было по прежнему проекту 1892 г. Теперь, послѣ изданія закона 1895 г. о наймѣ рабочихъ на золотые промыслы, наши опасенія могутъ только увеличиться. Дѣло въ томъ, что Государственный Совѣтъ установилъ максимумъ штрафа за нарушеніе постановленія горнозаводскаго присутствія всего въ 50 р. При такомъ ничтожномъ штрафѣ многіе золотопромышленники могутъ найти для себя выгоднымъ не исполнять постановленія горнозаводскаго присутствія о пищевомъ довольствіи. Можетъ показаться неудобнымъ законодательное регулированіе продовольствія рабочихъ, такъ какъ это, будто бы, поведетъ къ установленію вреднаго однообразія въ пищѣ, но во первыхъ тоже возраженіе совершенно приложимо и къ регулированію продовольствія двумя горнозаводскими присутствіями на всю Сибирь, а во вторыхъ, установивъ минимумъ пищевого пайка, законъ могъ бы предоставить внесеніе въ него нѣкотораго разнообразія по соглашенію обѣихъ заинтересованныхъ сторонъ.

Въ первой редакціи иркутскаго проекта была установлена обязательная выдача рабочимъ водки по $\frac{1}{100}$ ведра ежедневно, а пьющимъ должно было вписываться на приходъ въ расчетныя книжки по 10 к., причемъ, сверхъ обязательной порціи, рабочій могъ получить отъ хозяина приска еще порцію водки за деньги, но не болѣе $\frac{1}{100}$ ведра въ день и съ платою не дороже 10 к. Этотъ параграфъ проекта возбудилъ неудовольствіе золотопромышленниковъ, такъ какъ при необязательномъ отпускѣ вина винная порція является могущественнымъ орудіемъ въ вымоганіи отъ рабочаго болѣе напряженнаго труда. Г. Иванцкій, со свойственнымъ ему остроуміемъ, рассчиталъ, что если бы „каждый взрослый въ Россіи потреблялъ, какъ проектируютъ правила, $\frac{2}{100}$ ведра вина въ день“ (въ правилахъ говорится объ обязательной выдачѣ только $\frac{1}{100}$, правомъ же приобрести другую сотую на свой счетъ воспользуется не всякій рабочій), „то населеніе Россіи пропилося бы въ одинъ годъ, а отъ возрастанія питейнаго сбора сразу разрѣшились бы всѣ затрудненія государственнаго казначейства“. Енисейскіе золотопромышленники

просили о томъ, чтобы выдавать винную порцію не ежедневно, а лишь 3 раза въ недѣлю и (самое главное!) для тѣхъ лишь рабочихъ, которые добросовѣстно работали, а тѣхъ, которые лѣнились или оказывали какое либо неповиновеніе или грубость, порціи въ этотъ день лишать". Относительно отпуска вина за деньги на пріискахъ енисейскіе золотопромышленники указывали, что это не дозволяется акцизными правилами. Г. Кулибинъ, по вопросу объ обязательной выдачѣ винныхъ порцій, обнаружилъ еще болѣе замѣчательное остроуміе, чѣмъ г. Иванецкій. „Если потребление водки признается необходимымъ для организма при промысловыхъ работахъ", иронизировалъ этотъ защитникъ интересовъ золотопромышленниковъ, то не слѣдуетъ ли также выдавать рабочему деньги за лѣкарство, если онъ не захочетъ его принимать. Представители Олекминской золотопромышленности также возражали и противъ обязательной выдачи винной порціи, и противъ обязательной продажи второй сотой за деньги, указывая на то, что въ этомъ случаѣ совсѣмъ нельзя будетъ контролировать дѣйствія тѣхъ золотопромышленниковъ, которые занимаются скупкою золота на спиртъ (какъ будто бы прежде кто нибудь наблюдалъ, какъ слѣдуетъ, за этимъ гешефтомъ!). Г. Стрижевъ возражаетъ не противъ обязательной выдачи $\frac{1}{100}$, но противъ продажи такой же порціи, потому что „вторая сотая волки выдается рабочимъ почти на всѣхъ пріискахъ въ дурную погоду за работу, при неблагоприятныхъ, трудныхъ условіяхъ и даже просто за исправное исполненіе работы, а не за сверхурочную работу, за которую полагается особая увеличенная плата". При этомъ купленная рабочимъ третья сотая могла бы опьянить уставшаго рабочаго. Амурскій окружной ревизоръ Оранскій сообщилъ, что противъ обязательной выдачи и продажи водки „рѣшительно всѣ золотопромышленники". Впрочемъ, главноуправляющій Верхне-Амурскою К^о Янчуковскій заявилъ, что „вольная *продажа* по $\frac{1}{100}$ сверхъ обычной дачи вполнѣ необходима ради ослабленія вреда для рабочихъ отъ спиртоносовъ", что же касается обязательной выдачи порціи, то онъ замѣтилъ, что и теперь въ Верхне-Амурской К^о производится выдача водки въ размѣрѣ $\frac{1}{100}$ на человѣка, а по праздникамъ и по $\frac{2}{100}$, „но въ контрактѣ не помѣщается, какъ *единственное оружіе противъ проступковъ*",—очевидно, и здѣсь, если и нѣтъ возраженій противъ обязательной выдачи вина, то есть убѣжденіе въ невыгодности для золотопромышленниковъ потери права дѣлать изъ этого награду за усердіе. По мнѣнію амурскаго окружного инженера Оранскаго, „кажется, одной порціи водки для рабочаго вполнѣ достаточно вообще; въ такихъ тайгахъ, какъ Ниманская, можетъ быть недостаточно и двухъ, но эта тайга въ исключительномъ положеніи по своимъ климатическимъ условіямъ. Если бы порціи подавались два раза въ день, т. е. въ обѣдъ и вечеромъ", продолжаетъ г. Оранскій, „то

это, конечно, не имѣло бы вреднаго вліянія, но дѣло въ томъ, что, выпивъ одну порцію, рабочій потребуетъ другую за деньги сейчасъ же; это не подлежитъ никакому сомнѣнію, а отъ двухъ порцій онъ уже пьянѣетъ. Поэтому Оранскій полагалъ, что не слѣдуетъ дѣлать обязательною продажу вина за деньги. Во второй редакціи иркутскаго проекта было сохранено правило объ обязательной выдачѣ одной винной порціи; „въ исключительныхъ случаяхъ, по усмотрѣнію пріисковаго управленія“, разрѣшалось давать и вторую порцію, но болѣе этого не допускалось; сохранена и замѣна винной порціи вписываніемъ 10 к. въ расчетныя книжки, но отпускъ винныхъ порцій за деньги не допускался.

Горный департаментъ предложилъ увеличить выдачу винныхъ порцій, а именно, сверхъ одной для всѣхъ рабочихъ, имъ предложена была обязательная выдача и второй (но только не одновременно съ первой) промывальщикамъ и другимъ рабочимъ, трудъ которыхъ требуетъ пребыванія въ водѣ и сырости. На этомъ можно было бы и остановиться, но горный департаментъ предоставилъ промысловому управленію выдавать еще по одной порціи по своему усмотрѣнію; это было бы уже вовсе не желательно, какъ потому, что три порціи могутъ вести къ опьяненію, такъ и потому, что это даетъ возможность вымогать посредствомъ обѣщанія подачи вина болѣе напряженный трудъ. Непьющимъ рабочимъ, какъ и по иркутскому проекту, предполагалось записывать по 10 к. за порцію. Томскій окружной инженеръ Реутовскій сочувственно отнесся къ постановленію о винныхъ порціяхъ во второй редакціи иркутскаго проекта, окружной же инженеръ южно-енисейскаго округа смотрѣлъ на вопросъ о винныхъ порціяхъ глазами золотопромышленниковъ, а именно, указалъ на то, что, при установленіи обязательности ежедневной выдачи вина, она теряетъ свое теперешнее значеніе—поощреніе къ работѣ. Онъ предлагалъ сдѣлать выдачу порцій обязательною всего два раза въ недѣлю, какъ это болѣею частью бываетъ теперь въ его округѣ. Выдача винныхъ порцій была такимъ образомъ регулирована при разсмотрѣніи проекта Горнымъ Совѣтомъ: промышленникъ обязанъ выдавать всѣмъ рабочимъ одну винную порцію ежедневно; тѣмъ же, работа коихъ требуетъ пребыванія въ водѣ,—ежедневно или, по крайней мѣрѣ, черезъ день. Выдача винныхъ порцій, сверхъ указанныхъ, *зависитъ отъ усмотрѣнія промысловаго управленія*. Непьющимъ рабочимъ, сверхъ положенной по договору наемной платы, засчитываются за каждую винную порцію деньги по стоимости вина на пріискѣ. Такимъ образомъ, во первыхъ, была сильно уменьшена выдача рабочимъ вина, и притомъ еще увеличеніе этой выдачи предоставлено было усмотрѣнію пріисковаго управленія, т.-е. дана была возможность вымогать такимъ образомъ увеличеніе напряженности труда. Иркутскій генераль-губернаторъ нашелъ этотъ размѣръ выдачи рабочимъ вина

недостаточнымъ, такъ какъ, „въ виду тяжелыхъ условій присковнхъ работъ, употребленіе вина является здѣсь совершенною необходимостью... и установленіе выдачи ея лишь разъ въ недѣлю было бы шагомъ назадъ сравнительно съ существующими обычаями“, и потому предложилъ принять постановленіе по этому предмету второй редакціи иркутскаго проекта съ добавленіемъ, что выдача болѣе двухъ порцій въ сутки не дозволяется безусловно (даже и за подъемное золото). Г. Штофъ призналъ, что норма выдачи вина, установленная проектомъ 1892 г., слишкомъ мала, но предложилъ регулированіе винныхъ порцій такъ же, какъ и пищевого пайка, возложить на горнозаводскія присутствія, что и было установлено закономъ 1895 г.

Относительно продовольствія во время путешествія на прискъ и возвращенія съ него „мѣстами незаселенными“ золотопромышленникъ обязанъ былъ, по первой редакціи иркутскаго проекта, выдавать на каждыя 25 верстъ: 3 ф. ржаныхъ сухарей, $\frac{1}{4}$ ф. масла, $\frac{1}{8}$ ф. соли и на 100 вер. $\frac{1}{8}$ ф. кирпичнаго чая. Г. Стрижевъ, управляющій К^о Промышленности, въ своихъ замѣчаніяхъ на проектъ говоритъ: „выдачу масла на дорогу, въ показанномъ въ проектѣ размѣрѣ, я считаю не лишней, и далѣе было бы справедливо и полезно выдавать и мясо, хотя по 1 ф. въ день, для того, чтобы рабочій пришелъ на прискъ неистощеннымъ и необремененнымъ отъ плохого питанія въ дорогѣ. Мясо по 1 ф. въ здѣшней К^о выдается“. Однако, во второй редакціи иркутскаго проекта мясо не было введено въ путевой паекъ рабочаго, а было лишь пояснено, что, при путешествіяхъ на пароходахъ и въ лодкѣ, указанное количество припасовъ должно быть выдаваемо на каждыя сутки. Продовольствіе на пути опредѣлено было Горнымъ Совѣтомъ въ такомъ размѣрѣ: „на каждыя 100 вер. пути (а при слѣдованіи водою на каждыя 5 сутокъ) по 15 ф. ржаныхъ сухарей, по 30 зол. соли, по 1 ф. кирпичнаго чая или по 3 зол. обыкновеннаго чая и по $4\frac{1}{2}$ зол. сахара“. По закону 1895 г. назначеніе размѣра пищевого пайка во время путешествія рабочихъ на прискъ и обратно предоставлено горнозаводскимъ присутствіямъ.

Относительно жилищъ рабочихъ на промыслахъ въ первой редакціи иркутскаго проекта было недостаточно опредѣленное постановленіе: „помѣщенія для рабочихъ на золотыхъ прискахъ должны быть устроены золотопромышленниками удобныя, сообразуясь съ бытомъ крестьянъ средняго достатка, причемъ помѣщенія эти должны содержать опредѣленный объемъ воздуха по числу помѣщающихся лицъ“. Окружной ревизоръ сѣверно-енисейскаго округа, Внуковский, кромѣ общаго указанія на необходимость точнаго опредѣленія minimum'a объема воздуха, необходимаго для каждаго рабочаго, предложилъ еще: 1) обязать золотопро-

мысленниковъ имѣть отдѣльныя помѣщенія для семейныхъ рабочихъ ¹⁾ и 2) вмѣнить имъ въ обязанность устраивать въ казармахъ отдѣленія для сушки одежды и обуви“, кромѣ того „въ высокой степени желательно ввести отопленіе помѣщеній для рабочихъ кирпичными печами, вмѣсто существующихъ желѣзныхъ, что особенно важно для рабочихъ, остающихся на присскахъ круглый годъ“. Полезны также замѣчанія и бывшаго окружного ревизора Олекминскаго округа Штрауса. Онъ предложилъ постановить, чтобы вновь устраиваемыя казармы (почему же не примѣнить эту норму и къ прежнимъ?) вмѣщали бы въ себѣ не менѣе 1½ куб. саж. на человѣка. Высота зимнихъ помѣщеній должна быть не менѣе 9 фут. Для семейныхъ съ подростками дѣтьми должны быть въ срединѣ казармы отгороженные помѣщенія (по крайней мѣрѣ во вновь возводимыхъ казармахъ). Для каждаго рабочаго слѣдуетъ завести вмѣсто общихъ наръ койку и запирающійся замкомъ шкафчикъ или сундукъ. Вообще же, при постройкѣ новыхъ казармъ, въ каждой тайгѣ, должно руководствоваться чертежами, утвержденными горнымъ отдѣленіемъ главнаго управленія Восточной Сибири для каждой тайги отдѣльно на срокъ не болѣе 5 лѣтъ. Амурскій окружной ревизоръ Оранскій справедливо замѣтилъ, что „едва ли можно требовать отъ рабочаго, простоявшаго у забоя, въ грязи и подъ дождемъ, чтобы онъ, вернувшись съ работы, особенно заботился о чистотѣ своей казармы“ (по первой редакціи Иркутскаго проекта рабочему грозило штрафъ за несоблюденіе чистоты въ казармѣ). „Наблюденіе за чистотою“, продолжаетъ г. Оранскій, „должно лежать на обязанности особо назначенныхъ для этого лицъ“. Онъ предлагалъ обязать золотопромышленниковъ нанимать на свой счетъ лицъ, которыя убирали бы казармы ежедневно утромъ, по уходѣ рабочихъ на работы. Къ сожалѣнію, эти замѣчанія не содѣйствовали благоприятному для рабочихъ измѣненію этого пункта во второй редакціи проекта, въ составленіи которой принимали, какъ мы видѣли, участіе многіе золотопромышленники. Въ этой редакціи сказано: „помѣщенія для рабочихъ должны быть устраиваемы по возможности удобно и такихъ размѣровъ, чтобы содержали въ себѣ не менѣе 1 куб. саж. воздуха на каждаго рабочаго“ (мы видѣли что г. Штраусъ требовалъ 1½ саж.); въ концѣ параграфа явилась неожиданная и, въ виду суровости сибирскаго климата, весьма нежелательная прибавка: „причемъ предоставляется золотопромышленникамъ на лѣтнее время устраивать для помѣщенія рабочихъ бараки“. Горный департаментъ, въ своемъ первоначальномъ проектѣ (1890 г.), уничтожилъ это разрѣшеніе устройства барачковъ вмѣсто обычныхъ жилищъ. При разработкѣ проекта 1892 г. постановленіе относительно помѣщеній для

¹⁾ Тоже предлагалъ и амурскій окружной ревизоръ Оранскій.

рабочихъ было ухудшено Горнымъ Совѣтомъ въ томъ отношеніи, что сдѣлано менѣе опредѣленнымъ (помѣщенія „должны содержать въ себѣ достаточное (?) количество воздуха“), но за то было постановлено, что семейные рабочіе должны помѣщаться отдѣльно отъ одинокихъ, а между послѣдними мужчины отдѣльно отъ женщинъ. Неопредѣленность этого постановленія вновь вызвала цѣлый рядъ замѣчаній. Начальникъ томскаго горнаго управленія предложилъ установить, чтобы на каждого рабочаго приходилась 1 куб. саж. воздуха и чтобы помѣщенія для жилья рабочихъ въ зимнее время были съ теплыми полами, двойными рамами и имѣли надлежащее устройство для отопленія. Необходимо также обязать золотопромышленниковъ имѣть бани для рабочихъ и, по возможности, отдѣльныя помѣщенія для просушки ихъ мокраго бѣлья и обуви. По мнѣнію томскаго окружнаго инженера Реутовскаго, необходимо, чтобы на каждого рабочаго приходилось не менѣе 1 куб. саж. воздуха и чтобы высота казармъ была не менѣе 4 арш., такъ какъ только при такой высотѣ можетъ быть установлена раціональная вентиляция; на зиму казармы должны быть обмазаны и выбѣлены для удержанія тепла. Вмѣсто нарѣзъ слѣдуетъ устраивать отдѣльныя койки для каждого рабочаго, такъ какъ только при этомъ возможно требовать отъ нихъ соблюденія чистоты и опрятности, необходимо также дѣлать сѣни, гдѣ рабочіе могли бы сушить бѣлье, одежду и обувь. По мнѣнію начальника иркутскаго управленія, вѣстимость помѣщенія для рабочихъ должна быть не менѣе 1 куб. саж. на человѣка. Въ заключеніяхъ начальника уральскаго горнаго управленія мы находимъ, между прочимъ, указанія на необходимость двойныхъ оконныхъ рамъ. Окружной инженеръ Ачинско-Минусинскаго округа предлагаетъ установить, чтобы въ казармахъ на каждого рабочаго приходилось не менѣе 1½ куб. саж. воздуха и чтобы банею рабочіе могли пользоваться не менѣе одного раза въ недѣлю; такой же minimum указанъ и въ замѣчаніяхъ иркутскаго генераль-губернатора.

Въ новомъ проектѣ, составленномъ г. Штофомъ, а согласно съ нимъ и въ законѣ 1895 г., обязанность наблюденія за помѣщеніями рабочихъ также возложена на горнозаводскія присутствія.

Постановленіе относительно лѣченія рабочихъ, въ первой редакціи иркутскаго проекта, заимствовано изъ доклада г. Карпинскаго генераль-губернатору Восточной Сибири (см. выше стр. 728). Очень важное замѣчаніе сдѣлалъ по этому поводу золотопромышленникъ Иваницкій. „Въ силу установившагося обычая“, говоритъ онъ (и настояній мѣстной администраціи, прибавимъ мы отъ себя), „врачебная часть на золотыхъ промыслахъ поставлена такъ хорошо, какъ еще долго не будетъ организована въ селахъ и деревняхъ“, „и проектированныя въ этомъ отношеніи правила возлагаютъ на золотопромышленниковъ обязанности въ

меньшей мѣрѣ, чѣмъ онѣ существуютъ теперь. Поэтому, чтобы не допустить регресса, слѣдовало бы“ установить для промышленниковъ обязанность „содержать въ каждой отдѣльной системѣ общаго врача, дозволить при этомъ одному врачу завѣдывать нѣсколькими (?) незначительными системами, какъ на примѣръ, Ачинскою и Минусинскою, Маріинскою и Алтайскою“ (при значительномъ разстояніи этихъ системъ одна отъ другой это было бы совершенно неудобно). Окружной инженеръ Оранскій предложилъ постановить, что „рабочіе, во время продолжительной болѣзни, явившейся вслѣдствіе климатическихъ условій, небрежнаго содержанія и т. п. причинъ, должны получать извѣстное вознагражденіе (денежное) за все время болѣзни“. Во второй редакціи проекта добавлено, что на промыслахъ, гдѣ менѣе 50 рабочихъ, управленіе обязано „для первоначальнаго помѣщенія заболѣвающихъ имѣть особую комнату... Въ томъ случаѣ, если пріиска находится далѣе 50 вер. отъ пріиска, на которомъ имѣется фельдшеръ“, то на немъ „должна быть самостоятельная больница и фельдшеръ, хотя бы рабочихъ было менѣе 50 чел. Кромѣ того, *въ каждой системѣ* пріисковъ, имѣющей болѣе 500 чел., золотопромышленники обязаны имѣть на свой счетъ врача, который завѣдуетъ всѣми больницами этой системы“. Къ постановленію о безвозмездномъ лѣченіи рабочаго было прибавлено: „а равно и рабочій за время болѣзни не получаетъ обусловленной платы“, слѣдовательно, предложеніе г. Оранскаго принято не было. Начальникъ уральскихъ заводовъ справедливо замѣтилъ, что правила о врачебной помощи должны быть обязательны и тамъ, гдѣ на пріискѣ люди работаютъ безъ договоровъ, какъ на хозяйскихъ, такъ и на старательскихъ работахъ. Горный департаментъ, въ своемъ проектѣ 1890 г., включилъ правило, что „за время болѣзни рабочій получаетъ $\frac{1}{4}$ платы по договору“. Окружной инженеръ Ачинско-Минусинскаго округа указалъ на то, что постановленія о врачебной помощи рабочимъ во второй редакціи Иркутскаго проекта не соотвѣтствуютъ условіямъ этого округа, такъ какъ въ немъ лишь нѣсколько пріисковъ имѣетъ до 50 и болѣе рабочихъ. Инженеръ Тобольско-Акмолинскаго округа выразилъ желаніе, чтобы законъ обязывалъ золотопромышленниковъ лѣчить и содержать рабочихъ и на тѣхъ промыслахъ, гдѣ производятся золотничныя работы, такъ какъ на подобные пріиски стекается масса людей. При выработкѣ проекта 1892 г. требованія относительно врачебной помощи были понижены Горнымъ Совѣтомъ, такъ какъ они показались ему „обременительными для золотопромышленниковъ“. А именно, Совѣтъ постановилъ, что они обязаны имѣть на пріискахъ вмѣсто больницы пріемный покой, снабженный лѣкарствами, и фельдшера, а затѣмъ, при 500 рабочихъ, содержать на общій счетъ не врача, а фельдшера (неизвѣстно зачѣмъ, когда фельдшера есть уже на отдѣльныхъ пріискахъ), а при 1000 рабочихъ—врача.

Такимъ образомъ вопросъ о лѣченіи рабочихъ былъ неудовлетворительно регулированъ проектомъ 1892 г., а между тѣмъ, окружной инженеръ Ачинско-Минусинскаго округа нашелъ, что для его района и эти требованія еще высоки, а окружной инженеръ Семипалатинско-Семирѣченскаго округа выразилъ желаніе, чтобы правила эти прилагались и къ лѣченію старателей-золотничниковъ. Иркутскій генераль-губернаторъ полагалъ, что лучше бы возстановить по этому предмету правила второй редакціи иркутскаго проекта. При переработкѣ проекта, на основаніи закона 9 марта 1892 г. регулированіе лѣченія рабочихъ на промыслахъ было возложено на горнозаводскія присутствія.

Мы подробно привели мнѣнія разныхъ представителей администраціи о пищевомъ довольствіи, винныхъ порціяхъ, жилыхъ помѣщеніяхъ и лѣченіи рабочихъ, такъ какъ они могутъ послужить матеріаломъ для горнозаводскихъ присутствій при регулированіи этихъ сторонъ жизни рабочихъ.

Постановленіе проекта 1892 г. о томъ, что „лѣченіе и содержаніе больныхъ рабочихъ относится на счетъ промышленника“, не встрѣтило никакихъ возраженій; но вторая половина статьи, а именно, что „за время болѣзни рабочій получаетъ $\frac{1}{4}$ платы по договору“, вызвала замѣчанія и возраженія. По мнѣнію начальника томскаго горнаго управленія это правило крайне обременительно для предпринимателей: „При отсутствіи на большинствѣ мелкихъ промысловъ врачей и фельдшеровъ такое правило можетъ повести къ разнымъ недоразумѣніямъ между промышленниками и рабочими: въ интересахъ первыхъ не признавать больнымъ такого рабочаго, который дѣйствительно нуждается въ лѣченіи, а для рабочаго, имѣющаго въ виду получить ничтожную сумму при расчетѣ (напр., въ случаѣ разныхъ съ него взисканій), не безвыгодно, притворившись больнымъ, не работать, получая содержаніе и $\frac{1}{4}$ положенной ему платы“. Окружной инженеръ сѣверно-енисейскаго округа и начальникъ иркутскаго горнаго управленія также предлагали исключить это постановленіе. По мнѣнію окружного инженера Ачинско-Минусинскаго округа, если и можно допустить вознагражденіе за время болѣзни, то развѣ исключительно за болѣзни профессиональныя, вызванныя самимъ производствомъ. Напротивъ, министръ Двора и иркутскій генераль-губернаторъ предлагали только измѣнить редакцію статьи, а окружной инженеръ Семипалатинско-Семирѣченскаго округа выразилъ желаніе, чтобы оно примѣнялось и къ старателямъ-золотничникамъ. Г. Штофъ присоединился къ противникамъ этого постановленія (хотя оно находилось въ его собственномъ проектѣ 1891 г.) на томъ основаніи, что такое вознагражденіе не установлено ни общими правилами о фабричныхъ рабочихъ, ни особыми постановленіями о распространеніи этихъ правилъ на горнорабочихъ, и вторая половина ст. 54-й была исключена. Въ

законъ 1895 г. регулированіе врачебной помощи на промыслахъ было возложено на горнозаводскія присутствія, и, въ виду ничтожности штрафа (въ 50 р.) за нарушеніе ихъ постановленій, врачебное дѣло на промыслахъ можетъ очутиться въ положеніи весьма неприглядномъ.

Относительно присковхъ лавокъ въ первой редакціи иркутскаго проекта было сказано слѣдующее: „для удовлетворенія рабочихъ необходимою одеждою и обувью, а также припасами золотопромышленники обязаны имѣть на прискахъ достаточное количество означенныхъ вещей и продуктовъ и продавать рабочимъ по таксѣ, утверждаемой мѣстнымъ горнымъ исправникомъ“. Таксы эти предписано было вывѣсить на каждомъ прискѣ въ конторахъ и помѣщеніяхъ рабочихъ и кромѣ того было запрещено золотопромышленникамъ „продавать рабочимъ необходимы въ ихъ быту вещи“. Горный инженеръ В. Кулибинъ замѣтилъ, что таксу было бы удобнѣе и справедливѣе устанавливать „общую для дѣлой части золотопромышленнаго округа... Можетъ быть возраженіе, что многіе золотопромышленники, приобретаая вещи и припасы въ кредитъ, не могутъ безъ убытка для себя продавать изъ магазина по цѣнѣ, равной съ тѣми, которыя приобретаютъ вещи и припасы за наличныя деньги. Но такая разниа въ цѣнахъ и припасахъ, по всей справедливости, не должна отзываться на рабочемъ, и одинаковая такса на все продаваемое совершенно справедлива. Нельзя также обязать рабочаго брать все ему необходимое непременно въ магазинахъ приска, на которомъ онъ работаетъ, если цѣна на тѣ предметы будетъ ниже на другомъ прискѣ“. Г. Кулибинъ возбудилъ также важный вопросъ, имѣютъ ли право въ районахъ золотопромышленныхъ округовъ производить торговлю дозволенными вещами и припасами прѣзжающіе вольные торговцы. Наконецъ, г. Кулибинъ считалъ необходимымъ подробнѣе выяснить, что именно не можетъ быть продаваемо рабочимъ, и неужели будетъ считаться нарушеніемъ закона и подвергать золотопромышленника штрафу продажа гармоники, цвѣтныхъ рубахъ, сапоговъ, лакомствъ и т. п. Нужно напомнить, что мѣстная администрація считала необходимымъ не допускать рабочаго до приобретенія предметовъ роскоши на промыслахъ, чтобы оградить его такимъ образомъ отъ эксплуатаціи золотопромышленниковъ. Въ 30—40-хъ гг. эти ограниченія были очень строги, но затѣмъ стали постепенно ослабѣвать. Золотопромышленники, съ своей стороны, стремились къ тому, чтобы рабочіе „въ предѣлахъ своего заработка“ забирали у нихъ въ лавкахъ какъ можно болѣе припасовъ и товаровъ, такъ какъ это приносило имъ значительную прибыль, и на нѣкоторыхъ небогатыхъ промыслахъ доходъ отъ лавокъ превышалъ даже доходъ отъ самаго промысла. На такихъ богатыхъ промыслахъ Олекминскаго округа, какъ К^о Промышленности, кромѣ обычныхъ присковхъ лавокъ или амбаровъ, изъ которыхъ рабочіе получали необходимы въ

ихъ быту вещи, были учреждены магазины съ гораздо большимъ разнообразіемъ товаровъ, гдѣ могли дѣлать покупки не только служащіе, но и рабочіе, однако лишь на наличныя деньги. Вотъ почему г. Стрижевъ подробно остановился на этомъ пунктѣ проекта правилъ. Но возстававъ противъ запрещенія присковымъ управленіямъ открывать магазины, г. Стрижевъ находилъ, что „слѣдуетъ имѣть въ виду строгое отдѣленіе магазина отъ амбара собственно съ вещами, необходимыми для рабочихъ. Эти амбары должны быть снабжены только такими вещами, которыя выдаются въ выписку рабочему, напримѣръ, сапоги кунгурскіе, рукавицы, рубахи, шаровары, азамы, масло, сахаръ, чай, табакъ, спички, мыло, нитки и т. п. Такія вещи должны быть выписываемы рабочему въ расчетныя листы или книжки. Соединеніе же торговаго магазина съ выписочнымъ амбаромъ дѣйствительно можетъ быть разорительно для рабочаго, когда ему будутъ выдавать, вмѣсто выписки необходимыхъ вещей натурою, купоны въ магазинъ на известную сумму. При этомъ порядкѣ рабочій, вмѣсто необходимыхъ для него сапоговъ, рукавицъ, масла и проч., часто можетъ купить вещи для него совсѣмъ не нужныя, и при недобросовѣстности золотопромышленникъ будетъ, такимъ образомъ, эксплуатировать рабочаго. Поэтому продажу изъ магазиновъ слѣдуетъ производить только на деньги, а не на купоны“. „Сибирская Газета“ по поводу иркутскаго проекта подняла вообще вопросъ о торговой монополіи золотопромышленниковъ. „Слѣдовало бы отиѣнить“, читаемъ мы здѣсь (1887 г. № 17), „привилегію золотопромышленниковъ снабжать рабочихъ изъ своихъ магазиновъ. Вѣдь это та-же хозяйская лавочка при фабрикѣ, противъ которой воюетъ фабричная инспекція, и лавочка самаго худшаго свойства, не допускающая въ принципѣ никакой конкуренціи. Единственное возраженіе противъ допущенія вольныхъ торговцевъ на приски—опасеніе продажи золота на сторону; но для устраненія этого пусть золотопромышленникъ усилить надзоръ, пусть запасается доброкачественнымъ товаромъ. Ради случайныхъ злоупотребленій нельзя же узаконять постоянныхъ злоупотребленій, давать санкцію закона незаконной привилегіи“. Во второй редакціи иркутскаго проекта статьи о торговлѣ на прискахъ нѣсколько дополнена: во-первыхъ, вопреки предложенію В. Кулибина, было пояснено, что такса должна утверждаться „особо для каждаго присковаго управленія“ горнымъ исправникомъ, „который при этомъ руководствуется фактическими свѣдѣніями, представляемыми присковыми управленіями“. Затѣмъ присоединено особое примѣчаніе о „магазинахъ“, которое будетъ понятно въ связи съ замѣчаніемъ г. Стрижева, и которое при дальнѣйшей выработкѣ проекта возбуждало недоумѣніе тѣхъ, кто самъ не видалъ такихъ присковыхъ магазиновъ, не имѣющихъ ничего общаго съ лавками или амбарами, изъ которыхъ выдаютъ рабочимъ въ счетъ заработной платы лишь самыя необходимыя для нихъ вещи. „Торговля въ

магазинахъ на прискахъ“, сказано въ этомъ примѣчаніи второй редакціи, „предоставляется только самимъ золотопромышленникамъ и притомъ только на тѣхъ промыслахъ, гдѣ находится не менѣе ста человѣкъ годовыхъ рабочихъ. На этомъ же основаніи допускается торговля и на резиденціяхъ. Въ мѣстностяхъ ненаселенныхъ торговли совсѣмъ запрещается“. Гр. Игнатьевъ замѣтилъ по поводу второй редакціи иркутскаго проекта, что горный исправникъ, по утвержденіи и „приведеніи въ дѣйствіе“ таксы, долженъ представлять ее со всѣми документами, послужившими основаніемъ для назначенія цѣны на ревизію мѣстныхъ губернскихъ или областныхъ совѣтовъ, которые были бы вправѣ уменьшить продажныя цѣны, еслибы прибыль превышала 5% на затраченный капиталъ ¹⁾. Начальникъ томскаго горнаго управленія сдѣлалъ предложеніе о томъ, чтобы дать рабочимъ возможность самимъ защищать свои интересы дальнѣйшимъ развитіемъ артельного начала на промыслахъ. „Выборные отъ артели могли бы быть допущены къ участию въ составленіи таксы на продаваемые изъ присковыхъ магазиновъ вещи и даже самыхъ списковъ товаровъ, которые могутъ быть отпускаемы рабочимъ въ счетъ платы. Извѣстно, что на многихъ (если не на большинствѣ) присковъ торговля составляетъ значительный доходъ золотопромышленниковъ и иногда покрываетъ убытки отъ самаго промысла, причемъ изъ присковаго магазина отпускаются рабочимъ не одни только предметы продовольствія и одежды, а прямо предметы роскоши и притомъ по баснословнымъ цѣнамъ; покупка такихъ вещей совершается рабочими преимущественно въ пьяномъ видѣ при большомъ заработкѣ на старательской работѣ и за подъемное золото. Поэтому желательно, чтобы торговля такими, совершенно ненужными, вещами была правилами положительно воспрещена или ограничена тѣмъ, что допускается продажа только тѣхъ товаровъ, которые будутъ признаны необходимыми выборными отъ артели рабочихъ. Равнымъ образомъ, всякій отпускъ вина долженъ быть производимъ изъ присковаго склада не иначе, какъ подъ надзоромъ артельныхъ старостъ; этимъ только и можетъ быть предупреждена продажа (или выдача въ счетъ заработка) вина изъ склада рабочимъ сверхъ положенной ежедневно порціи“. На предложеніе начальника томскаго горнаго управленія г. Штофъ возразилъ, что „привлечь къ этому дѣлу артель рабочихъ можно было бы лишь въ томъ случаѣ, если бы присковые рабочіе представляли изъ себя матеріалъ, годный для образованія на каждомъ прискѣ одной артели; но для этого необходимо, чтобы рабочіе хорошо знали другъ друга, сжились

¹⁾ Начальникъ уральскихъ заводовъ предложилъ сдѣлать правило о таксахъ обязательнымъ и тамъ, гдѣ рабочіе трудятся безъ договоровъ, какъ на хозяйскихъ, такъ и на старательскихъ работахъ.

между собою, чего на прискахъ вообще нѣтъ". Руководствуясь примѣромъ правилъ о надзорѣ за фабриками, г. Штофъ предложилъ возложить составленіе списковъ товаровъ для присковыхъ лавокъ на мѣстныя горныя управленія, а таксы присылать на ревизію мѣстнаго губернскаго или областного совѣта, согласно предложенію иркутскаго генералъ-губернатора. По закону 1895 г. утвержденіе таксъ было предоставлено не горному исправнику, а окружному инженеру, подобно тому, какъ это было установлено относительно горнорабочихъ вообще; при этомъ утвержденіе росписаній, допускаемыхъ къ продажѣ предметовъ, а также и разсмотрѣніе утвержденныхъ инженерами таксъ съ правомъ уменьшенія цѣнъ было предоставлено не горнымъ управленіямъ, а состоящимъ при этомъ присутствіямъ по горнозаводскимъ дѣламъ.

По закону 1870 года договоры о наймѣ должны были заключаться не иначе, какъ явочнымъ порядкомъ; то же правило было сохранено и въ первой редакціи иркутскаго проекта. Енисейскіе золотопромышленники предлагали добавить, что, "тѣхъ рабочихъ, которые весной и лѣтомъ приходятъ на приски для вольныхъ работъ, дозволяется нанимать и по словеснымъ условіямъ", какъ это „практикуется въ Енисейскомъ округѣ съ давняго времени". На неудобства воспрещенія словесныхъ договоровъ указалъ также горный исправникъ Ачинскаго и Минусинскаго округовъ. Однако эти замѣчанія не заставили и при составленіи второй редакціи проекта отступить отъ требованія, чтобы договоръ найма совершался не иначе, какъ явочнымъ порядкомъ. Горный Департаментъ въ своемъ проектѣ 1890 г. допустилъ и незасвидѣтельствованные договоры съ тѣмъ, что, если окажутся на прискахъ рабочіе, нанятые по такимъ договорамъ, то они должны получать отъ золотопромышленника все, на что имѣютъ право нанятые по явочнымъ контрактамъ, а плата имъ (въ случаѣ спора) назначается окружнымъ инженеромъ по соображенію съ платою, получаемою за тѣ же работы на томъ же или сосѣднихъ прискахъ. По мнѣнію г. Штофа, „должно принять во вниманіе, что въ Сибири, при удаленности присковъ отъ населенныхъ мѣстъ, всякій споръ объ условіяхъ найма, требующій судебного разбирательства, весьма трудно разрѣшимъ", и потому „обязательное свидѣтельствованіе договоровъ, установленное дѣйствующими законами, имѣетъ здѣсь полезное значеніе", а для прочихъ мѣстностей имперіи (т.-е. для уральскихъ присковъ) „можно дозволить всякія формы договоровъ". Горный же департаментъ, кромѣ договоровъ, засвидѣтельствованныхъ въ волостномъ правленіи или въ полиціи, предложилъ дозволить повсюду и домашніе договоры, словесныхъ же договоровъ, по его мнѣнію, нельзя дозволить нигдѣ. Окружной инженеръ Ачинскаго и Минусинскаго округовъ указалъ на то, что на большей части присковъ Ачинскаго округа, а также на нѣкоторыхъ Минусинскаго работаютъ старатели-золотнщики, ко-

торые по близости приисковъ къ населеннымъ мѣстностямъ (10—15 верстъ) являются въ свободное отъ сельскихъ работъ время для добычи золота съ платою съ золотника. Къ нимъ требованіе заключенія непременно явочныхъ договоровъ непримѣнимо. Томскій окружной инженеръ находилъ, что въ нѣкоторыхъ исключительныхъ случаяхъ слѣдуетъ допускать наемъ рабочихъ даже по словеснымъ договорамъ. Напротивъ, окружные инженеры Тобольско-Алмолинскаго и Семипалатинско-Семирѣчинскаго округовъ считали необходимымъ, чтобы и съ киргизами договоры заключались явочнымъ порядкомъ. Окружные инженеры сѣверно-и южно-енисейскихъ округовъ полагали, что наемъ рабочихъ безъ формально заключенныхъ условий „не долженъ быть допускаемъ во избѣжаніе злоупотребленія со стороны нанимателей (преимущественно мелкихъ золото-промышленниковъ) и притѣсненій рабочихъ при расчетахъ“. Начальникъ томскаго горнаго управленія высказался, съ своей стороны, за то, чтобы дозволено было нанимать рабочихъ и по словеснымъ договорамъ съ примѣненіемъ при этомъ правила Устава о Промышленности (изд. 1887 г., ст. 97), что договоры о наймѣ рабочихъ могутъ быть въ исключительныхъ случаяхъ заключаемы выдачею имъ расчетныхъ книжекъ, въ которыхъ означаются условія найма. Томскій губернаторъ Тобизенъ, изъ опасенія недоразумѣній между предпринимателями и рабочими, полагалъ, что заключеніе словесныхъ договоровъ должно быть безусловно запрещено; начальникъ иркутскаго горнаго управленія стоялъ за то, что не слѣдуетъ допускать найма рабочихъ безъ явочныхъ контрактовъ. Съ другой стороны, начальникъ томскаго горнаго управленія въ 1893 г. сообщилъ, что въ степныхъ округахъ киргизы расположенныхъ близъ самыхъ приисковъ кочевовъ или ауловъ нерѣдко изъявляютъ желаніе поступить въ работы на прииски не на всю операцію, а на короткое время для заработка денегъ на разныя хозяйственныя нужды, уплату податей и т. п., чтобы имѣть возможность не продавать по очень дешевой цѣнѣ свой скотъ скупщикамъ, разоряющимъ киргизовъ. Заключать на короткое время явочные договоры какъ золотопромышленники, такъ и киргизы не находятъ удобнымъ въ виду отдаленности мѣсто-пребыванія волостного начальства, и потому начальникъ томскаго горнаго управленія, по ходатайству мѣстнаго окружного инженера, разрѣшилъ не требовать въ подобныхъ случаяхъ заключенія явочныхъ договоровъ съ тѣмъ, чтобы киргизамъ выдавались рабочія книжки съ прописаніемъ всѣхъ условій найма. Принявъ это во вниманіе, а также и свидѣтельство окружного инженера Ачинско-Минусинскаго округа о томъ, что золотничники уже и теперь работаютъ безъ заключенія явочнаго договора (что впрочемъ вызывало иногда злоупотребленія со стороны предпринимателей), г. Штофъ нашелъ возможнымъ допустить въ проектѣ 1894 г. и въ Сибири наемъ безъ явочныхъ договоровъ: а) золотнични-

ковъ и б) лицъ, нанимающихся изъ мѣстъ, лежащихъ вблизи пріисковъ, не на всю промысловую операцію.

Департаменты Государственного Совѣта нашли необходимымъ сохранять для Сибири требованіе заключенія договоровъ явочнымъ порядкомъ, кромѣ золотничниковъ (старателей) и рабочихъ, нанимающихся изъ лежащихъ вблизи промысловъ мѣстъ не на всю промысловую операцію по той причинѣ, что, при удаленности промысловъ отъ населенныхъ мѣстностей, рабочіе поступаютъ на нихъ обыкновенно издалека и притомъ большею частью не на всю операцію; при этихъ условіяхъ и нерѣдко встрѣчающейся невозможности предъявлять споры, возникашіе изъ условій найма, на судебное разсмотрѣніе вслѣдствіе отсутствія на мѣстѣ судебныхъ органовъ, необходимо „обставлять эти условія возможно твердыми основаніями“. Затѣмъ, по проекту министерства государственныхъ имуществъ, если бы на промыслахъ Сибири оказались нанятые безъ явочныхъ договоровъ (кромѣ указаннаго исключенія), то они признаются имѣющими одинаковыя права съ рабочими, нанятыми по такимъ договорамъ; размѣръ заработной платы имъ опредѣляется въ случаѣ спора окружнымъ инженеромъ, а при его отсутствіи горнымъ исправникомъ по соображенію съ платою исполняющимъ на томъ или сосѣднемъ промыслахъ однородныя работы. Департаменты Государственного Совѣта предоставили окружному ревизору или въ отсутствіе его горному исправнику разборъ подобныхъ жалобъ лишь при словесныхъ договорахъ, а въ случаѣ письменныхъ, но не явленныхъ къ засвидѣтельствованію договоровъ, споры должны подлежать судебному разбирательству (см. § 8 закона 1895 г.)¹⁾.

Еще въ началѣ 60-хъ гг. было указано въ печати, что золото-промышленники, въ договорахъ съ рабочими, обыкновенно выговаривали себѣ право передавать ихъ въ другія компаніи, нерѣдко и безъ согласія рабочихъ. Теперь, въ первой редакціи иркутскаго проекта было рѣшительно сказано, что „обязательства договоровъ не могутъ быть передаваемы договорившимися сторонами“. Правило это было очень непріятно золотопромышленникамъ, и одинъ изъ нихъ, Иваницкій, признавая, подъ вліяніемъ категорическаго требованія проекта, что „наемный трудъ не можетъ и не долженъ составлять предметъ рыночнаго торга, и потому передачу нанятаго рабочаго однимъ нанимателемъ другому, въ видѣ торга“ (безъ согласія нанявшагося), „слѣдуетъ безусловно воспретить“, указывалъ однако на нѣкоторые случаи, когда, по его мнѣнію, должно быть допущено исключеніе, если на пріискѣ золотопромышленника, владѣющаго въ этой мѣстности только однимъ пріискомъ, неожиданно

¹⁾ Теперь, со введеніемъ мирового суда на пріискахъ, сдѣлается гораздо легче разрѣшеніе споровъ судебнымъ порядкомъ.

прервется золотосодержащая россыпь, если уничтожатся разливомъ рѣки плотины и предохранительныя дамбы, сгорятъ машины и продовольственные запасы, затопятся водою шахты, откроется на приискѣ повальная болѣзнь, требующая эвакуаціи рабочихъ изъ зараженной мѣстности и другіе подобные случаи, при которыхъ продолженіе работъ на приискѣ сдѣлается невозможнымъ. На подобные же случаи указывалъ и представитель К^о Промышленности (Олекминскаго округа) Стрижевъ, считавшій достаточнымъ поводомъ для передачи рабочихъ „отсутствіе золота извѣстнаго содержанія, ожидавшагося по развѣдкѣ и предположеннаго по смѣтѣ“. Поэтому Стрижевъ предлагалъ или исключить приведенную статью, или же измѣнить ее, предоставивъ договаривающимся сторонамъ право заключать въ этомъ отношеніи договоръ по взаимному соглашенію. Напротивъ, „Сибирская Газета“ ¹⁾ высказала рѣшительно, что „передача рабочихъ съ прииска на приискъ должна быть абсолютно воспрещена, какъ вопиющее беззаконіе“. Замѣчанія золотопромышленниковъ были до извѣстной степени приняты во вниманіе, и во второй редакціи проекта, въ случаѣ „наводненія, затопленія и обвала шахтъ и разрѣзовъ, пожара и другихъ несчастныхъ случаевъ“, не дающихъ возможности продолжать работу, золотопромышленнику предоставлялось право передать рабочихъ другому предпринимателю, но не иначе, какъ съ ихъ согласіемъ и на условіяхъ заключеннаго съ ними договора, если представится къ тому возможность, при невозможности же или при несогласіи рабочихъ, онъ долженъ былъ „разсчитать ихъ *по день прекращенія работъ*“ (а не до окончанія срока договора) и доставить до того пункта, куда должны доставлять ихъ по окончаніи срока найма. Причины прекращенія работъ должны быть засвидѣтельствованы окружнымъ инженеромъ или горнымъ исправникомъ“.

По закону 1895 г. (ст. 14 б, отд. А) въ договоръ запрещено вѣлчать условія о правѣ завѣдующаго промысломъ передавать рабочихъ другому нанимателю.

Сибирская администрація издавна, хотя и неудачно, стремилась ограничить размѣръ задатковъ при наймѣ рабочихъ на промыслы. Это стремленіе отразилось и въ проектѣ разсматриваемаго закона. „Размѣръ задатковъ“, сказано въ первой редакціи иркутскаго проекта, „выдаваемыхъ золотопромышленникомъ рабочимъ деньгами, вещами и вносимыхъ податями, не долженъ превышать половины платы, обусловленной за приисковую операцію“. По этому поводу г. Стрижевъ замѣтилъ, что не слѣдуетъ допускать выдачу задатковъ вещами „во избѣжаніе злоупотребленій со стороны нанимателя, который можетъ выдать рабочему дешевую вещь за дорогую цѣну и тѣмъ увеличить задатокъ въ ущербъ рабочему;

¹⁾ 1887 г. № 17, стр. 645—648.

слѣдуетъ допустить только выдачу необходимой одежды, которую выдавать передъ самой отправкой со сборнаго пункта“ (но обыкновенно выдачею одежды и эксплуатировали рабочихъ). Кроме того г. Стрижевъ предложилъ уменьшить размѣръ задатковъ до $\frac{1}{2}$ годовой платы, „а иначе, при недобросовѣстности нанимателя, рабочіе на мѣстѣ наемки будутъ слишкомъ закабалены, забирая часто задатокъ не деньгами, а, Богъ знаетъ, чѣмъ“. Окружной читинскій исправникъ Перфильевъ предложилъ еще болѣе уменьшить размѣръ задатковъ, а именно до $\frac{1}{4}$ платы, договоренной за пріисковую операцію. „На практикѣ дознано“, говоритъ онъ, „что на тѣхъ только пріискахъ и бываютъ безпорядки со стороны рабочихъ, на коихъ послѣдніе должны хозяевамъ. Должники мало-мальски крупные стараются быть зачинщиками безпорядковъ, лишь бы ихъ прогнали съ пріиска“. Это свидѣтельство ясно показываетъ, что задатки до известной степени защищали рабочихъ отъ самоуправства золотопромышленниковъ и что низведеніе ихъ до minimum'a было вовсе не въ интересахъ рабочихъ. Задатки достигаютъ значительной величины преимущественно вслѣдствіе значительности податей и сборовъ, взыскиваемыхъ съ рабочихъ волостными правленіями; кроме того рабочій долженъ оставить кое-что на содержаніе въ деревнѣ и своей семьѣ. Въ болѣе значительныхъ задаткахъ была та хорошая сторона, что съ рабочими, состоявшими въ долгу, пріисковыя управленія болѣе церемонились изъ опасенія ихъ бѣгства. Всѣ попытки администраціи ограничить размѣръ задатка ни къ чему не приводили до тѣхъ поръ, пока количество рабочихъ, стремившихся на пріиски, было сравнительно не велико, а съ того времени, какъ предложеніе рукъ стало значительно превышать спросъ на нихъ, размѣръ задатковъ быстро упалъ. Во второй редакціи иркутскаго проекта задатки были понижены до $\frac{1}{2}$ платы, договоренной въ контрактѣ за пріисковую операцію, причемъ выдача ихъ вещами и припасами была вовсе запрещена. Горный департаментъ къ этому добавилъ, что при задѣльной платѣ задатокъ не долженъ былъ превышать 50 р., а Горный Совѣтъ повысилъ эту норму до 100 р. Несмотря на то, что регулированіе задатковъ, уже испытанное въ прежніе годы, совершенно не достигало цѣли, г. Штофъ, подъ вліяніемъ пожеланій въ этомъ направленіи представителей горной администраціи, нашелъ нужнымъ въ проектѣ 1894 г. сохранить опредѣленіе maximum'a задатка, надѣясь, что эта мѣра сдѣлается дѣйствительнѣе вслѣдствіе запрещенія, при производствѣ рабочимъ платежей, вычитать задатокъ въ большемъ размѣрѣ, чѣмъ это позволено. Но я убѣжденъ, что всякая регламентація въ этомъ отношеніи совершенно безсильна. Статья эта была лишь ухუшена дозволеніемъ выдавать задатки вещами и припасами. Измѣненіе это было произведено подъ вліяніемъ замѣчаній начальниковъ иркутскаго и томскаго горныхъ управленій. что рабочимъ, пропившимъ на

пути на принести свою одежду, необходимо выдавать ее вновь, хотя нужно заметить, что на выданные деньги рабочий сам мог бы приобрести другую одежду. Начальник томского горного управления признает, что нанимателями допускаются, при выдаче рабочим вещей, злоупотребления, но, по его мнению, предупредить их невозможно никакими правилами. Так же невозможно, по моему мнению, предупредить и обходъ закона, регулирующаго выдачу задатковъ. Въ законѣ 1895 г. установлено, что „задатки, выдаваемые рабочимъ, не должны превышать: при наймѣ съ платою задѣльной—100 р., а въ остальныхъ случаяхъ $\frac{1}{3}$ годовой наемной платы“.

Относительно взысканія податей въ проектѣ 1894 г. было сказано, что „при выдачѣ паспорта нанимаемому ссыльно-поселенцу взыскивается окладъ податей, причитающійся съ него за весь срокъ найма, недоимки же за предшествующіе годы отмиѣчаются на паспортѣ и удерживаются нанимателемъ изъ слѣдующей ссыльно-поселенцу наемной платы при окончательномъ расчетѣ съ отмиѣткою о семъ на паспортѣ... При наймѣ рабочихъ не изъ ссыльно-поселенцевъ, нанимателю предоставляется вступать, съ согласія нанимаемаго, съ учрежденіемъ, выдающимъ послѣднему паспортъ, въ соглашеніе о принятіи на себя нанимателемъ обязанности уплачивать за нанимаемаго изъ его заработка подати, повинности и недоимки въ нихъ“. Нельзя считать полезнымъ предоставленіе золотопромышленникамъ функцій правительственной администраціи: вѣдь заводчикамъ, фабрикантамъ и сельскимъ хозяевамъ такихъ функцій относительно нанимаемыхъ ими рабочихъ не предоставляется, на что и указалъ вполне справедливо министръ юстиціи, возражавшій противъ дозволенія золотопромышленникамъ взысканія податей съ полноправныхъ рабочихъ. Изъ объяснительной записки къ проекту 1894 г. видно, что при этомъ имѣлось въ виду „облегченіе найма рабочихъ“; но въ облегченіи этомъ нѣтъ никакой нужды, такъ какъ золотопромышленники находятъ достаточный контингентъ рабочихъ. По закону 1895 г. уплата податей за нанимающагося рабочаго (за ссыльно-поселенца обязательная для нанимателя, а для остальныхъ рабочихъ по соглашенію нанимателя съ согласія нанимаемаго съ учрежденіемъ, выдающимъ рабочему видъ на жительство) производится нанимателемъ не при наймѣ, какъ было въ проектѣ министерства государственныхъ имуществъ, а при окончательномъ расчетѣ.

По закону 1870 г. сроки найма на золотые промыслы были назначены для сибирскихъ мѣщанъ и крестьянъ не долѣе одного года, а для крестьянъ и мѣщанъ прочихъ частей имперіи не долѣе 7 лѣтъ, хотя по общимъ гражданскимъ законамъ договоръ найма можетъ быть заключенъ на срокъ не болѣе 5 лѣтъ. По первой редакціи проекта правилъ о наймѣ для сибирскихъ крестьянъ и мѣщанъ, а также для

ссылно-поселенцевъ срокъ былъ продолженъ до 2 лѣтъ ¹⁾, для рабочихъ остальной Россіи и другихъ сословій оставленъ 7-лѣтній срокъ ²⁾. Г. Соловьевъ въ своей статьѣ ³⁾ замѣтилъ, что „увеличеніе срока найма непремѣнно будетъ имѣть своимъ послѣдствіемъ совершеннѣйшую кабалу пріисковаго рабочаго“ и предложилъ для всѣхъ рабочихъ установить годовой срокъ найма. Мы находимъ это желаніе совершенно справедливымъ тѣмъ болѣе, что послѣ того, какъ на Амурѣ было разрѣшено въ 1876 г. нанимать рабочихъ на 2 года, въ дѣйствительности обыкновенно контракты заключались только на годъ. Окружной инженеръ Семипалатинско-Семирѣченскаго округа указалъ на то, что для киргизовъ срокъ найма долженъ быть не болѣе года, „такъ какъ при большемъ срокѣ киргизы будутъ брать больше задатковъ и попадать въ кабалу золотопромышленниковъ, вслѣдствіе чего могутъ возникнуть крупныя недоразумѣнія“. По закону 1895 г. относительно сроковъ найма для сибирскихъ крестьянъ и мѣщанъ и ссылно-поселенцевъ сохранено было дѣйствовавшее до тѣхъ поръ правило, что 2-лѣтній срокъ найма допускается только для областей Амурской и Приморской и для Олекминскаго округа, а въ иныхъ мѣстностяхъ Сибири не болѣе 1 года, для прочихъ же лицъ тахіишмъ срока установленъ былъ въ 5 лѣтъ, какъ это допускается общими гражданскими законами и Положеніемъ о сельскихъ рабочихъ.

Примѣнительно къ правилу Устава о Промышленности (прим. къ § 145 Уст. о Пром. изд. 1888 г.) въ обѣихъ редакціяхъ иркутскаго проекта были указаны уважительныя причины несвоевременнаго прібытія рабочаго на пріискъ, къ которымъ была прибавлена еще одна: „призывъ на службу въ войска или по требованію правительственнаго мѣста, а также назначеніе на должность по избранію общества“. Такимъ образомъ по закону 1895 г. уважительными причинами несвоевременной явки на промыселъ нанявшагося рабочаго признаются: а) лишеніе свободы; б) прекращеніе сообщеній; в) внезапное разореніе отъ несчастнаго случая; г) болѣзнь, препятствующая отлучкѣ изъ дома; д) смерть или угрожающая смертью болѣзнь родителей, мужа, жены, дѣтей или главы домохозяйства; е) призывъ рабочаго на военную службу и ж) отлучка для пользованія правомъ судебной защиты или по вызову судебного постановленія. Дѣйствительность означенныхъ причинъ должна быть удостовѣрена полицейскими либо общественными

¹⁾ До того двухлѣтній срокъ найма допускался для сибирскихъ крестьянъ, мѣщанъ и поселенцевъ лишь для амурскихъ и олекминскихъ промысловъ. *Розановъ*, „Св. дѣйств. узак. о золот.“, изд. 1-е, стр. 62.

²⁾ Эта ошибка была впоследствии замѣчена горнымъ департаментомъ, который въ своемъ проектѣ и назначилъ для такихъ лицъ 5-лѣтній срокъ.

³⁾ „Юридическій Вѣстникъ“ 1887 г. № 11.

властями, а въ случаѣ отсутствія сихъ властей можетъ быть удостовѣрена и священникомъ". Если рабочій совершенно не можетъ исполнить договоръ найма по названнымъ уважительнымъ причинамъ, то онъ обязанъ возвратить нанимателю задатокъ.

Первою редакціею иркутскаго проекта предоставлялось рабочимъ на пути и на прискахъ наказывать товарищей тѣлесно по приговору артельной расправы розгами до 20 ударовъ, а на прискѣ также денежнымъ штрафомъ до 3 р. и арестомъ до 7 дней. Допущеніе тѣлесныхъ наказаній для всѣхъ рабочихъ вызвало возраженія. Амурскій окружной ревизоръ И. Боголюбскій предложилъ поставить въ зависимость исполненіе приговора артельной расправы отъ согласія исправника. Г. Соловьевъ выразилъ желаніе, чтобы тѣлесное наказаніе было вовсе изъято изъ сферы наказаній, налагаемыхъ артелною расправою, какъ потому, что среди рабочихъ бываютъ лица полноправныя, такъ и потому, что „золотопромышленникъ, пользуясь своимъ вліяніемъ на артельную расправу, щедрой рукой наказываетъ рабочихъ розгами". „Сибирская Газета" (1887 г. № 17) высказалась за совершенное уничтоженіе тѣлесныхъ наказаній на прискахъ ¹⁾, а газета „Сибирь" (1887 г. № 14—15) предложила поставить артельный судъ „на надлежащую высоту", охранить выборныхъ судей отъ произвола управляющихъ, сдѣлать обязательнымъ введеніе записей всего происходящаго на такомъ судѣ, словомъ, устроить „вѣчто въ родѣ волостного суда съ вышней апелляціонною инстанціею изъ горнаго ревизора и *депутатовъ отъ управления и рабочихъ*,"—и можетъ быть много ала поубудетъ на прискахъ, быть можетъ и бунтовъ тамъ никакихъ не будетъ".—Во второй редакціи проекта артельная расправа была вовсе уничтожена; не упоминается о ней и въ законѣ 1895 г.

Горному исправнику въ первой редакціи иркутскаго проекта было предоставлено право подвергать рабочихъ аресту до 15 дней, а для ссыльно-поселенцевъ арестъ дозволялось замѣнять наказаніемъ розгами до 30 ударовъ. Олекминскій ревизоръ Штраусъ предложилъ увеличить размѣръ тѣлеснаго наказанія ссыльно-поселенцевъ до 50 ударовъ, напротивъ, „Сибирскій Вѣстникъ" (1887 г. № 42) замѣтилъ: „намъ кажется, что на прискѣ всѣ рабочіе, нанявшіеся добровольно, равноправны, и ссыльно-поселенцы, такъ же какъ и ихъ свободные товарищи, должны быть свободны отъ исключительныхъ мѣръ взысканія". Но во

¹⁾ Напротивъ, минусинскій золотопромышленникъ Войцеховскій энергически стоялъ за розги: „для наказанія подобныхъ отребьевъ общества (!), къ какому бы сословію они ни принадлежали, примѣнимъ только розги; только физическая боль и страхъ передъ ней могутъ заставить людей, погибшихъ нравственно, исполнять принятые на себя обязательства".

второй редакціи были сохранены тѣ же наказанія. Горному исправнику, по объѣмѣ редакціи проекта, было предоставлено также право налагать на рабочихъ штрафы въ размѣрѣ не болѣе 3 р. ¹⁾. Главный начальникъ уральскихъ заводовъ предложилъ вовсе упразднить арестъ рабочихъ по постановленію горнаго исправника и замѣнить его денежнымъ штрафомъ. При переработкѣ проекта г. Штофомъ тѣлесныя наказанія, которымъ по иркутскому проекту и проекту горнаго департамента дозволялось горнымъ исправникамъ подвергать рабочихъ изъ ссыльно-поселенцевъ, были устранены, и законъ 1895 г. не упоминаетъ ни о какихъ наказаніяхъ рабочихъ горнымъ исправникомъ. Это и многое другое вызываетъ необходимость передѣлки составленной въ 1874 г. инструкціи, данной министромъ внутреннихъ дѣлъ горнымъ исправникамъ.

По первой редакціи иркутскаго проекта золотопромышленникамъ предоставлялось право подвергать рабочихъ вычетамъ изъ заработной платы за неисполненіе работъ и за прогулъ; но налагаемые вычеты не должны были превышать двойной платы, причитавшейся рабочему за это время. Прогуломъ признана была отлучка рабочего не свыше 3 рабочихъ дней въ теченіе мѣсяца, причемъ прогулъ, продолжавшійся менѣе $\frac{1}{2}$ дня, долженъ былъ считаться полудневымъ, а болѣе $\frac{1}{2}$ дня за день. По поводу этихъ правилъ нѣсколько представителей золотопромышленности въ сѣверно-еврейскомъ округѣ (уполномоченный В. И. Базилевскаго—Н. Д. Черемныхъ, уполномоченный насл. Бенардаки, золотопромышленники Комягинъ, Востротинъ и нѣкоторые другіе, управляющій Баландина и проч.) высказались вообще противъ денежныхъ штрафовъ, которые, по ихъ мнѣнію, все равно не покрываютъ ущерба, причиняемаго прогуломъ рабочихъ. Они полагали, что „за всѣ проступки и нарушенія договоровъ должны быть назначены не денежные, а *личныя взысканія съ рабочихъ*“ (т.-е., очевидно, тѣлесныя наказанія, такъ какъ арестъ рабочего приносить также ущербъ золотопромышленнику). „Всякое денежное взысканіе“, по мнѣнію названныхъ золотопромышленниковъ, „какъ выяснено, можетъ лишь увеличивать безцѣльно долгъ рабочего“.

По поводу предоставленія иркутскимъ проектомъ золотопромышленнику права штрафовать рабочего, г. Соловьевъ поднимаетъ весьма важный вопросъ, который затрогивали и другіе: „Въ настоящее время пріисковныя работы“, говоритъ онъ, „ведутся уроками. Ежедневно ра-

¹⁾ Упомянутый выше защитникъ интересовъ золотопромышленниковъ, В. Кулибинъ, въ своихъ замѣчаніяхъ на иркутскій проектъ указалъ на необходимость введенія мировыхъ судей на промыслахъ. Въ 1894 г. онъ печатно поправился: „мировыхъ судей или скорѣе земскихъ начальниковъ“. „Вѣстн. Золотопр.“ 1894 г. № 9, стр. 72.

бочему задается опредѣленный урокъ, который онъ непремѣнно долженъ выработать, а въ случаѣ невыполненія его штрафуется золотопромышленникомъ въ заранѣе условленномъ размѣрѣ". Г. Соловѣй указываетъ на то, что это право находится въ противорѣчїи съ назначеніемъ въ томъ же проектѣ извѣстной продолжительности рабочаго дня, которая „тѣмъ самымъ исключаетъ обязательство для рабочаго выработать во что бы то ни стало заданную ему на урокъ работу. А разъ такого обязательства нѣтъ, не можетъ быть и взысканія за неисполненіе его“.

Во второй редакціи, однако, сохранено несовмѣстимое назначеніе опредѣленной продолжительности рабочаго дня съ вычетами за неисполненіе работы, и мы находимъ здѣсь такое постановленіе: „присковаемымъ управленіямъ предоставляется право подвергать рабочихъ вычетамъ: „а) за неисполненіе работъ въ размѣрѣ не свыше *тройной*“ (въ первой редакціи было *двойной*) „платы, которая слѣдовала бы имъ за эти работы по контракту и б) за несвоевременный выходъ на работу въ размѣрѣ не свыше 3 р. за каждый разъ ¹⁾“.

Примѣнительно къ Уставу о Промышленности (изд. 1887 г. стр. 152) по объѣмъ редакціямъ иркутскаго проекта взыскиваемая съ рабочихъ штрафныя деньги обращаются въ капиталъ для призрѣнія рабочихъ, потерявшихъ здоровье на прискахъ. Начальникъ уральскихъ заводовъ предложилъ понизить размѣръ штрафовъ, а именно, назначить штрафъ не свыше двойной платы за неисполненіе однодневной работы и отъ 50 к. до 1 р. 50 к. за несвоевременный выходъ на работу. Окружной инженеръ Ачинско-Минусинскаго округа замѣтилъ, что для присковъ этого округа штрафы, назначенные второю редакціею иркутскаго проекта, слишкомъ велики, а для киргизовъ, получающихъ въ мѣсяцъ всего отъ 2 до 5 р. жалованья, штрафъ за невыходъ на работу не можетъ быть болѣе 40—50 к. Окружной инженеръ южно-еврейскаго округа полагалъ, что эти взысканія могутъ послужить причиною многихъ недоразумѣній между хозяевами и рабочими, такъ какъ, вслѣдствіе развитія мелкой золотопромышленности, въ тайгѣ находится множество предпринимателей, стоящихъ въ нравственномъ отношеніи такъ низко, что каждый изъ нихъ не преминетъ много разъ воспользоваться предоставленнымъ ему правомъ, и въ результатъ несчастный рабочій останется у нихъ въ долгу. Во избѣжаніе этого слѣдовало бы прибавить,

---

¹⁾ Въ обѣихъ редакціяхъ иркутскаго проекта предписывалось, чтобы золотопромышленникъ, его управляющіе и служащіе „не позволяли себѣ никакихъ оскорбленій дѣйствіемъ и самоуправством“. Правило это было, очевидно, вызвано требованіями жизни, такъ какъ, по свидѣтельству г. Соловаго, „кулачная расправа пользуется въ настоящее время самымъ широкимъ правомъ гражданства на прискахъ“.

что правильность взысканій должна быть признана окружнымъ инженеромъ или горнымъ исправникомъ. Постановленіе, предоставляющее золотопромышленникамъ право производить денежные взысканія съ рабочихъ, подверглось, при выработкѣ проекта 1894 г., серьезному ухудшенію дозволеніемъ производить взысканія за неотработку заданныхъ уроковъ. Слишкомъ большими уроками золотопромышленники черезчуръ истощаютъ силы рабочихъ, размѣръ уроковъ проектомъ не нормированъ, да и мудрено это сдѣлать въ виду разнообразія мѣстныхъ условій, и потому единственною правильною мѣрою было бы опредѣленіе продолжительности рабочаго дня; предоставлять же золотопромышленнику право дѣлать вычеты за неисполненіе урока значить санкціонировать крайне ненормальную систему урочныхъ работъ.

Горнымъ Совѣтомъ былъ сильно повышенъ размѣръ штрафовъ, а именно статья проекта въ редакціи г. Штофа и въ проектѣ 1892 г., гдѣ сказано, что „взысканіе за отдѣльное нарушеніе порядка не можетъ превышать 1 р.“, теперь была измѣнена такимъ образомъ, что въ Ленскомъ и Амурскомъ округахъ штрафы были повышены до 5 р., а въ прочихъ округахъ до 2 р. По закону 1895 г. денежные взысканія можетъ налагать золотопромышленникъ на рабочихъ и за неотработку заданныхъ уроковъ. Взысканія эти „не должны превышать взысканій за прогулъ рабочаго времени, а именно, неотработка половины дневного урока можетъ быть приравнена къ прогулу половины рабочаго дня, но не болѣе и т. д.; за неотработку менѣе половины урока взысканіе можетъ быть налагаемо только какъ за несвоевременную явку на работу“, а взысканіе за прогулъ „налагается соотвѣтственно заработной платѣ рабочаго и количеству прогульнаго времени, но не можетъ превышать трехдневнаго заработка рабочаго. Сверхъ того у рабочаго удерживается заработная плата за все прогульное время. Для рабочихъ, получающихъ задѣльную плату, взысканіе за прогулъ опредѣляется не свыше 1 р. за прогульный день и не свыше 3 р. въ общей сложности“. „Взысканіе за отдѣльныя нарушенія порядка на промыслахъ Амурской области и Олекминской системы не можетъ превышать 5, а на промыслахъ прочихъ мѣстностей 2 р.

Въ общемъ собраніи Государственнаго Совѣта былъ поднятъ вопросъ о томъ, что по проекту закона на рабочихъ могутъ быть налагаемы взысканія между прочимъ за неотработку заданныхъ уроковъ. По поводу этого правила однимъ изъ членовъ Совѣта было обращено вниманіе на то, что предоставленіе горнопромышленникамъ неограниченнаго права опредѣлять размѣръ уроковъ горнорабочихъ, на-ряду съ присвоеніемъ имъ полномочія назначать денежные взысканія за неотработку этихъ уроковъ, могло бы повести къ непосильному отягощенію рабочихъ. Поэтому желательно было бы установить въ издаваемомъ законѣ какія либо правила, которыми ограждались бы въ этомъ отношеніи справедливые интересы рабочихъ. Обсудивъ это заявленіе, Государственный Совѣтъ

призналъ, что нормированіе урочнаго положенія рабочихъ слѣдуетъ, безъ сомнѣнія, считать однимъ изъ самыхъ трудныхъ вопросовъ, возникающихъ при изданіи узаконеній о личномъ наймѣ. На золотыхъ промыслахъ съ одной стороны опредѣленіе въ самомъ законѣ какой либо нормы уроковъ представляется положительно невозможнымъ; трудность работъ, а съ нею и величина уроковъ зависятъ отъ условій почвы, различныхъ, какъ на разныхъ системахъ присковокъ, такъ и на разныхъ прискахъ одной и той же системы и даже на разныхъ частяхъ одного и того же приска. Съ другой стороны предоставленіе назначать высшій размѣръ уроковъ горной администраціи было бы также неудобно. Возложеніе этой обязанности на окружающихъ инженеровъ ставило бы объ заинтересованныхъ стороны въ полную зависимость отъ этихъ должностныхъ лицъ. Промышленники подверглись бы въ этомъ случаѣ такимъ стѣсненіямъ, подобныхъ которымъ не существуетъ у насъ ни въ одной отрасли производства, а рабочіе испытывали бы верѣдко невыгоды вслѣдствіе того, что, съ уменьшеніемъ по распоряженіямъ этихъ должностныхъ лицъ установленныхъ на промыслахъ уроковъ, горнопромышленники вынуждены были бы понизить причитающуюся за эти уроки заработную плату. Трудно было бы также ожидать пользы для дѣла и отъ предоставленія указаннаго полномочія горнозаводскимъ присутствіямъ, которыя, вслѣдствіе отдаленности отъ присковокъ, должны были бы поневолѣ основать свои опредѣленія исключительно на представленіяхъ окружающихъ инженеровъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Государственный Совѣтъ полагалъ, что, и при отсутствіи регламентаціи въ этомъ отношеніи, рабочіе, получающіе на золотыхъ промыслахъ урочную плату, не могутъ считаться совершенно беззащитными. Размѣры высканій, налагаемыхъ горнопромышленникамъ на рабочихъ по проектируемымъ правиламъ, опредѣляются въ особыхъ табеляхъ, подлежащихъ утвержденію горнозаводскихъ присутствій, которыя имѣютъ полную возможность уменьшать до крайнихъ предѣловъ размѣры высканій собственно за неотработку заданныхъ уроковъ во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда они убѣдятся, что послѣдніе представляются на данномъ промыслѣ слишкомъ тяжелыми. Конечно, было бы желательно предупредить всякую возможность возникновенія какихъ либо недоразумѣній между предпринимателями и рабочими по поводу задаваемыхъ послѣднимъ уроковъ, но вопросъ этотъ требуетъ особаго соображенія, поэтому Государственный Совѣтъ рѣшилъ, не измѣняя въ настоящее время обсуждаемаго правила, представить министру земледѣлія и государственныхъ имуществъ обсудить вопросъ о томъ, не представляется ли возможнымъ изыскать какія либо мѣры противъ обремененія рабочихъ на золотыхъ и платиновыхъ промыслахъ непосильными урочными работами, и предположенія свои по этому предмету внести на законодательное разсмотрѣніе. Министръ земледѣлія и государственныхъ имуществъ не предложилъ пока никакихъ мѣръ въ этомъ направленіи. Мы съ своей стороны остаемся при убѣжденіи, что нужна не выработка нормальнаго урочнаго положенія, которое можетъ оказаться стѣснительнымъ и обременительнымъ и для рабочихъ, а установленіе умѣренной продолжительности рабочаго дня: мы видѣли, что уже не мало лицъ, знакомыхъ съ положеніемъ присковскихъ рабочихъ, высказалось за установленіе 8—9 часового рабочаго дня, по крайней мѣрѣ для горныхъ рабочихъ, и опредѣленная закономъ 1897 г. продолжительность труда въ 11½ ч. слишкомъ велика.

На пополненіе капитала для призрѣнія больныхъ и потерявшихъ на промыслахъ здоровье рабочихъ иркутскимъ проектомъ правилъ былъ предложенъ особый сборъ съ золотопромышленниковъ (по первой редак-

ціи по числу нанятыхъ, а по второй явившихся рабочихъ) по 1 р. съ каждого рабочаго. Енисейскіе золотопромышленники (Кытмановы, управляющій Баландина и нѣкоторые другіе) сѣтовали даже и на этотъ ничтожный сборъ и просили понизить его до 50 к. съ человѣка. Напротивъ Иванидскій выразилъ сочувствіе образованію названнаго капитала. Горный инженеръ Оранскій указалъ на неуравнительность сбора по числу рабочихъ, на то, что справедливѣе было бы взимать его съ фунта золота, а еще лучше съ прибыли, т.-е., другими словами, предложилъ подоходный налогъ съ золотопромышленниковъ. Однако, замѣчанія эти не были приняты во вниманіе при составленіи второй редакціи проекта. Въ тотъ же капиталъ для призрѣнія рабочихъ, потерявшихъ на пріискахъ здоровье, обращаются, по обѣимъ редакціямъ проекта, взысканія съ золотопромышленниковъ или завѣдующихъ пріисками за нарушеніе настоящихъ правилъ; взысканія эти равнялись по первой редакціи 25—300 р., а по второй 25—150 р.

Среди замѣчаній на первую редакцію проекта мы находимъ любопытную записку неизвѣстнаго автора о необходимости устройства кассы для престарѣлыхъ и увѣчныхъ пріисковыхъ рабочихъ. Указавъ на необходимость помощи увѣчнымъ, авторъ продолжаетъ: „а что же дѣлается съ тѣми работниками, которые... не были увѣчены ни разу, но, проработавъ на пріискахъ 20 или 30 лѣтъ, не приобрѣли на черныи день ничего, благодаря кабаку, кулакамъ и недостатку нравственной силы? На пріисковыя работы за старостью ихъ не нанимаютъ, отъ крестьянской дѣятельности они отвыкли или не знали ея... Они совершаютъ преступленія и попадаютъ въ остроги на даровые харчи, или просятъ милостыню, такъ какъ по своей слабости они не скопили на это время ничего“... Авторъ полагаетъ, что есть „одинъ способъ обезпечить существованіе престарѣлыхъ и увѣчныхъ рабочихъ: это пенсіонная касса... Нужно обязать золотопромышленниковъ закономъ вносить ежегодно по количеству рабочихъ извѣстную сумму въ государственное казначейство... Размѣръ ея, способъ опредѣленія права на полученіе пособія рабочимъ, размѣръ самаго пособія, контроль за поступившими суммами, словомъ, всѣ необходимыя правила должны быть выработаны при участіи *хозяевъ и рабочихъ*, и въ каждомъ округѣ, или въ каждомъ ревизорствѣ отдѣльно“. Въ иркутскомъ проектѣ хотя и есть постановленіе объ учрежденіи капитала на вспомошествованіе рабочимъ, потерявшимъ здоровье на пріискахъ, но еще нѣтъ правилъ объ его расходованіи.

Горный Департаментъ въ 1890 г. предложилъ часть вычетовъ съ рабочихъ (за неисполненную работу, за несвоевременный выходъ на нее) обратить не въ капиталъ на нужды рабочихъ, а въ пользу золотопромышленниковъ. Г. Штофъ энергически вооружился противъ этого,

но Горный Департаментъ настаивалъ на томъ, чтобы въ капиталъ на нужды рабочихъ поступали только взысканія за нарушенія порядка, а остальные шли бы въ пользу золотопромышленниковъ. Горный Департаментъ предполагалъ вовсе исключить изъ проекта сборъ по 1 р. съ каждого явившагося на приискъ рабочаго съ цѣлью образованія особаго капитала для призрѣнія потерявшихъ на приискахъ здоровье рабочихъ (несмотря на то, что на установленіе этого правила согласились золотопромышленники) подъ предлогомъ, что призрѣніе рабочихъ въ старости лежитъ на обязанности сельскихъ обществъ. Въ Горномъ Совѣтѣ относительно обращенія взысканій съ рабочихъ въ особый капиталъ или въ пользу нанимателя произошло разногласіе, а именно, члены его Кулибинъ, Скальковскій и Таскинъ полагали, что взысканія за прогулъ, какъ проступокъ, прямо приносящій убытокъ нанимателю, и притомъ вполне опредѣленный, было бы справедливо оставить въ пользу этого послѣдняго, взысканія же за другіе проступки могутъ поступать въ названный капиталъ. Напротивъ, гг. Миллеръ, Штофъ и Веселовскій находили, что дозволить обращеніе взысканій, налагаемыхъ на рабочихъ нанимателемъ безапелляціонно въ пользу послѣдняго, хотя бы въ одномъ только случаѣ прогула, значило бы открыть дверь для злоупотребленій этими взысканіями. Хотя „прогулъ“ есть проступокъ вполне опредѣленный, но установить, былъ ли онъ совершенъ даннымъ рабочимъ нѣсколько недѣль или мѣсяцевъ тому назадъ, уже весьма трудно. Поэтому, по мнѣнію трехъ послѣднихъ членовъ, правильнѣе держаться въ этомъ отношеніи постановленій нашихъ новѣйшихъ законовъ о фабричныхъ рабочихъ, не предоставляющихъ взысканій съ рабочихъ ни въ какомъ случаѣ въ пользу нанимателя. Министръ государственныхъ имуществъ по этому вопросу положилъ слѣдующую резолюцію: „сложаясь къ этому послѣднему мнѣнію, такъ какъ штрафъ есть наказаніе, а не вознагражденіе убытковъ, и онъ вовсе не соразмѣряется съ размѣромъ таковыхъ убытковъ“. При вторичномъ докладѣ министръ окончательно рѣшилъ, что „взысканія съ рабочихъ поступаютъ не въ пользу промышленника, а въ капиталъ“ для призрѣнія престарѣлыхъ и увѣчныхъ рабочихъ, да и рѣшить иначе было бы едва ли возможно, въ виду соответственныхъ постановленій Устава о Промышленности.

По первому проекту, составленному г. Штофомъ, сборъ по 1 р. на образованіе капитала для призрѣнія престарѣлыхъ и увѣчныхъ рабочихъ долженъ былъ производиться съ нанимателя за *каждымъ* нанятаго рабочаго, явившагося на приискъ, и *сверхъ того* за ссыльно-поселенцевъ наниматель обязанъ былъ вносить известные сборы въ экономическій капиталъ ссыльныхъ и для устройства осѣдлости поселенцевъ. По проекту 15 апрѣля 1892 г. рублевый сборъ въ капиталъ для призрѣнія рабочихъ предполагалось производить только съ полноправныхъ

рабочихъ. Не будемъ останавливаться на замѣчаніяхъ о неуравнительности сбора по числу рабочихъ, о томъ, что правильнѣе было бы производить этотъ сборъ съ каждаго фунта добытаго золота (послѣднее и принялъ г. Штофъ при переработкѣ проекта), наконецъ, о томъ, что желательнее было бы производить этотъ сборъ съ нанимателей и за ссильно-поселенцевъ, ибо и они нуждаются въ призрѣніи, не будемъ говорить потому, что сборъ этотъ, какъ увидимъ ниже, не былъ принятъ Государственнымъ Совѣтомъ. Штрафы, налагаемые на золотопромышленниковъ, должны были поступать и по новой редакціи проекта въ тотъ же капиталъ для призрѣнія рабочихъ, взысканія же съ рабочихъ изъ ссильно-поселенцевъ, согласно замѣчанію министра внутреннихъ дѣлъ, должны были по новой редакціи поступать въ ссильно-поселенческій экономическій капиталъ.

Общее собраніе Государственнаго Совѣта исключило изъ проекта статью, устанавливающую сборъ въ размѣрѣ одного кредитнаго рубля съ каждаго фунта золота, который долженъ былъ обращаться въ капиталъ для выдачи вспомошествованій больнымъ и увѣчнымъ горнымъ рабочимъ. Государственный Совѣтъ нашелъ, что представленіе министра земледѣлія и государственныхъ имуществъ не заключаетъ въ себѣ данныхъ, вполне удостовѣряющихъ необходимость немедленного осуществленія этой мѣры. Въ дѣлѣ упоминалось, правда, о томъ, что уплата проектируемаго сбора, при скромныхъ его размѣрахъ, не можетъ оказаться затруднительною для горнопромышленниковъ. Въ подтвержденіе этого послѣдняго обстоятельства было указано на то, что, при цѣнѣ въ 400 р. за фунтъ золота, обложеніе 1 кредитнымъ рублемъ каждаго фунта этого металла выразится въ $\frac{1}{4}\%$ дѣйствительной его стоимости. Эти данныя, по мнѣнію Государственнаго Совѣта, едва-ли можно признать вполне убѣдительными. Чтобы имѣть увѣренность въ необременительности для золотопромышленниковъ этого налога, слѣдуетъ съ одной стороны знать, сколько имъ приходится чистаго дохода съ каждаго фунта золота, а съ другой—выяснить, какіе налоги уже лежатъ на частной золотопромышленности. Поэтому Государственный Совѣтъ призналъ необходимымъ выдѣлить эту статью изъ проекта и предоставить министру земледѣлія внести свои предположенія объ установленіи этого сбора на законодательное разсмотрѣніе особо отъ настоящаго проекта. Что касается опасеній относительно обременительности предложеннаго сбора, то они опровергаются тѣмъ, что обѣими редакціями иркутскаго проекта, *въ составленіи которыхъ принимали участіе золотопромышленники*, былъ установленъ сборъ въ размѣрѣ 1 р. по числу примсковыхъ рабочихъ на образованіе особаго капитала для призрѣнія увѣчныхъ и потерявшихъ на промыслахъ здоровье. Установленіе сбора по количеству фунтовъ добытаго золота вмѣсто количества рабочихъ

было сдѣлано не для повышенія, а для большей уравнительности этого сбора, который, вопреки опасеніямъ Государственнаго Совѣта, не слишкомъ великъ, а слишкомъ малъ, если имѣть въ виду мало-мальски серьезную помощь больнымъ и увѣчнымъ рабочимъ. Кромѣ того, можно пожалуй пожелать и еще большей его уравнительности, т.-е. чтобы при установленіи такого сбора была принята во вниманіе различная стоимость добыванія золота въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи. Вообще вѣсто этого слабаго палліатива желательны болѣе серьезныя мѣры въ пользу увѣчныхъ, потерявшихъ здоровье и семействъ такихъ и умершихъ рабочихъ, но нельзя не опасаться, что это будетъ сдѣлано очень не скоро, имѣя въ виду, что проектъ закона о наймѣ рабочихъ на золотые промыслы выработывался 13 лѣтъ, а Уставъ о золотопромышленности 1870 г.— 10 лѣтъ.

По закону 1895 г. денежные взысканія, налагаемыя золотопромышленниками на всѣхъ рабочихъ, кромѣ ссыльно-поселенцевъ, и налагаемыя окружнымъ инженеромъ и горнымъ исправникомъ на золотопромышленниковъ, поступаютъ въ особый капиталъ, предназначенный для выдачи вспомоствованія больнымъ и увѣчнымъ горнымъ рабочимъ, который состоитъ въ вѣдѣніи министерства государственныхъ имуществъ по Горному Департаменту.

Всѣ предложенія по вопросу о вознагражденіи рабочихъ за увѣчье не имѣли никакого результата, такъ какъ въ концѣ концовъ рѣшено было оставить въ силѣ соотвѣтственную статью правилъ о наймѣ рабочихъ Устава о золотопромышленности 1870 г. (см. ст. 676 Устава Горнаго изд. 1893 г.), а между тѣмъ эта статья вызвала справедливыя замѣчанія со стороны нѣкоторыхъ лицъ, участвовавшихъ въ разборѣ проектовъ о наймѣ рабочихъ на золотые промыслы. Такъ, напр., начальникъ томскаго горнаго управленія, г. Денисовъ, справедливо замѣтилъ, что вознагражденіе рабочаго за тяжкое увѣчье, лишшающее его возможности работать, въ размѣрѣ тройной годовой платы слишкомъ недостаточно. Окружной инженеръ Семипалатинско-Семирѣченскаго округа также находилъ, что тройная плата за годъ по контракту для степныхъ округовъ очень незначительна: для Семипалатинской области это составитъ не болѣе 90 р., сумму, которая не можетъ обезпечить даже кочевника, получившаго такое вознагражденіе за увѣчье.

Въ случаѣ прекращенія работъ на промыслѣ до истеченія сроковъ, на которые наняты рабочіе, по закону 1895 г. должны соблюдаться слѣдующія правила. При прекращеніи работъ, вслѣдствіе распоряженія завѣдующаго промысломъ, расчетъ съ рабочими долженъ быть произведенъ по срокъ найма, причемъ плата за работы задѣльные рассчитывается по среднему дѣйствительному заработку рабочихъ за время, когда работы производились. При прекращеніи же работъ по

причинамъ, не зависящимъ отъ завѣдующаго промысломъ, рабочіе рассчитываются по день прекращенія работъ съ тѣмъ, однако, что существованіе этихъ причинъ должно быть засвидѣтельствовано окружнымъ инженеромъ, а въ случаѣ его отсутствія горнымъ исправникомъ.

Завѣдующій промысломъ, по закону 1895 г., можетъ отказать рабочему до срока найма: за неявку на работу болѣе 3 дней сряду безъ уважительныхъ причинъ, за неспособность исполнять работу, за *лѣность* и по причинамъ, указаннымъ въ п. 3—5 ст. 105-ой Устава о Промышленности (изд. 1893 г.). Рабочій имѣетъ право требовать судебнымъ порядкомъ расторгненія заключеннаго съ нимъ договора въ случаѣ призыва его на военную службу или обязательнаго поступленія въ нее члена семейства, если послѣдній доставлялъ семейству средства къ существованію и по причинамъ, указаннымъ въ п. 1—4 и 7 ст. 60-ой Положенія о наймѣ на сельскія работы ¹⁾. Если искъ рабочаго будетъ признанъ заслуживающимъ уваженія, то въ пользу его присуждается особое вознагражденіе въ размѣрѣ, не превышающемъ: при срочномъ договорѣ—двухмѣсячнаго его заработка, а при договорѣ на время исполненія какой либо работы двухнедѣльнаго.

На рабочихъ, нанявшихся на золотой промыселъ, но неявишихся на него или же явившихся поздиѣе 2 недѣль противъ срока, была распространена ст. 514 Устава о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями; тому же наказанію т.-е. аресту не свыше 1 мѣсяца должны были подлежать рабочіе, ушедшіе самовольно съ промысла до истеченія срока найма. Слѣдовательно неисполненіе гражданскаго договора было признано уголовнымъ преступленіемъ.

Въ обѣихъ редакціяхъ иркутскаго проекта было повторено постановленіе Устава о Промышленности (ст. 104 изд. 1887 г., ст. 99, изд. 1893 г.), что расплата виѣсто денегъ билетами, купонами, разными условными знаками, хлѣбомъ, товаромъ и иными предметами воспрещается. Нѣкоторые олекминскіе золотопромышленники предлагали въ своихъ замѣчаніяхъ на первую редакцію допустить расплату ордерами на резиденціяхъ, въ коммиссіонерствахъ или волостяхъ, но ходатайство это уважено не было. Правило это указано и въ законѣ 1895 г. ссылкой на ст. 99 Устава о Промышленности.

За разныя нарушенія закона 1895 г. завѣдующій промысломъ

¹⁾ „1) Несоблюденіе нанимателемъ условій относительно выдачи рабочимъ наемной платы и ихъ содержанія; 2) непосильное отягощеніе рабочаго работою; 3) обиды дѣйствіемъ, насильственные поступки со стороны нанимателя, членовъ его семейства или лицъ, коимъ нанимателемъ взрѣнъ надзоръ за работами и рабочими; 4) неспособность рабочаго, по болѣзни, а работницы и по беременности, исполнять возложенныя на нихъ работы;... 7) отводъ рабочимъ помѣщенія, зараженнаго находившимися тамъ болѣзнями заразительной болѣзью“.

(также, какъ и завѣдующій фабрикою по Уставу о Промышленности) подвергается штрафу отъ 5 до 300 р., за нарушение же обязательныхъ постановленій горнозаводскаго присутствія всего 50 р. Въ проектѣ министерства государственныхъ имуществъ было предложено назначить штрафъ за нарушение постановленій горнозаводскихъ присутствій отъ 50 до 300 р., но Государственный Совѣтъ понизилъ этотъ размѣръ штрафа до 50 р. примѣнительно къ 29 ст. Устава о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями. Замѣна эта, по нашему мнѣнію, будетъ имѣть весьма неблагоприятныя послѣдствія. При этомъ не принято во вниманіе, какія важныя стороны въ жизни пріисковыхъ рабочихъ должны нормироваться постановленіями горнозаводскихъ присутствій, а именно, эти присутствія издають обязательныя постановленія о пищевомъ довольствіи рабочихъ, о выдачѣ винныхъ порцій, о мѣрахъ для охраненія жизни и здоровья рабочихъ, о доставкѣ рабочихъ до жилыхъ пунктовъ и проч. Статьею 155-ю Устава о Промышленности за менѣе важныя нарушенія интересовъ рабочихъ установленъ штрафъ отъ 50 до 300 р. Примѣнять въ этомъ случаѣ ст. 29 Устава о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями, т.-е. ограничить размѣръ штрафа 50-ю рублями, весьма не достаточно, въ виду особенности жизни промысловыхъ сибирскихъ рабочихъ. Нужно помнить, что самыя богатыя золото-промышленныя системы—Олекминская, Амурская и др.—находятся въ мѣстностяхъ *ненаселенныхъ*, и потому соблюденіе установленныхъ правилъ о питаніи, жилищахъ, лѣченіи рабочихъ и проч. имѣетъ для нихъ громадную важность.

Разсматриваемый законъ 1895 г. распространяется на всѣхъ рабочихъ на промыслахъ, служащихъ по вольному найму, за исключеніемъ принадлежащихъ къ составу промысловаго управленія (управляющихъ, техникувъ, а также приказчиковъ, конторщиковъ и писцовъ); слѣдовательно, этотъ законъ распространяется и на старателей-золотниковъ съ тѣмъ только, что заключеніе съ ними явочныхъ договоровъ необязательно и въ Сибири. На обязанность горнозаводскихъ присутствій возлагается составленіе дополнительныхъ правилъ объ отношеніяхъ къ промысловому управленію рабочихъ, работающихъ артелями.

Главнѣйшія измѣненія, вводимыя закономъ 1895 г. о наймѣ рабочихъ на золотыя промыслы, состоятъ въ слѣдующемъ. Соблюденіе порядка и благоустройства на золотыхъ промыслахъ было поставлено подъ надзоръ присутствій по горнозаводскимъ дѣламъ; имъ же предоставлена охрана наиболѣе существенныхъ интересовъ рабочихъ. Были указаны уважительныя причины неявки рабочихъ на промыслы, а также причины расторгненія договора обѣими договаривающимися сторонами. Въ Сибири разрѣшено заключать словесные и неявленные договоры съ нѣкоторыми рабочими. Упразднены партіонныя расправы, разбиравшія до тѣхъ поръ

дѣла о маловажныхъ проступкахъ рабочихъ; взаимно этого золотопромышленникамъ дано право подвергать рабочихъ денежнымъ взысканіямъ за точно обозначенныя въ законѣ нарушенія договора. Съ другой стороны окружнымъ инженерамъ и горнымъ исправникамъ предоставлено право налагать на заведующихъ промыслами денежные взысканія въ административномъ порядкѣ въ опредѣленныхъ закономъ случаяхъ. Тѣ и другія взысканія поступаютъ въ капиталъ для выдачи пособій больнымъ и увѣчнымъ горнымъ рабочимъ, но взысканія съ поселенцевъ идутъ въ экономическій капиталъ ссыльныхъ. Установлено было празднованіе воскресеній съ 1 октября по 1 апрѣля, а въ остальные мѣсяцы назначено два обязательныхъ дня отдыха въ мѣсяцъ. Воспрещена передача рабочихъ отъ одного предпринимателя другому. Отмѣнена была большая часть особыхъ постановленій Горнаго Устава о наймѣ ссыльно-поселенцевъ, и на нихъ распространены общія правила о наймѣ рабочихъ съ сохраненіемъ лишь немногихъ особенностей. Кругъ вѣдомства горнозаводскихъ присутствій ¹⁾ устанавливается въ новомъ законѣ слѣдующимъ образомъ: они вѣдаютъ—а) разрѣшеніе разногласій, могущихъ возникать по вопросамъ надзора между окружными инженерами и чинами горной и общей полиціи; б) изданіе обязательныхъ постановленій: о наибольшемъ размѣрѣ вычетовъ изъ заработка рабочихъ на содержаніе послѣдовавшихъ за ними на пріиски женъ ихъ, если онѣ не приняли на себя никакихъ работъ, о пищевомъ довольствіи рабочихъ, получающихъ по условіямъ найма пищу отъ нанимателя (безплатно или въ счетъ заработка) на промыслахъ и на пути къ нимъ или при возвращеніи съ нихъ, причемъ присутствіямъ предоставляется издавать различныя постановленія по этому предмету для разныхъ системъ промысловъ; о выдачѣ рабочимъ винныхъ порцій и о торговлѣ спиртомъ на промыслахъ, о мѣстахъ выдачи платы рабочимъ; о мѣрахъ, которыя должны быть соблюдаемы для охраненія жизни, здоровья и нравственности рабочихъ во время работъ и при помѣщеніи ихъ въ промысловыхъ зданіяхъ, а также относительно продовольствія больныхъ рабочихъ и оказанія имъ врачебной помощи; о доставкѣ рабочихъ по окончаніи операций на средства промышленниковъ съ системъ промысловъ отдаленныхъ отъ населенныхъ мѣстъ до жилыхъ пунктовъ; утвержденіе росписанія предметовъ, допускаемыхъ въ продажу рабочимъ изъ промысловыхъ лавокъ, а также разсмотрѣніе утвержденныхъ окружными

¹⁾ Присутствія по горнозаводскимъ дѣламъ, состоящія при горныхъ управленіяхъ, образуются подъ предсѣдательствомъ начальника горнаго управленія изъ помощника начальника, представителя отъ министерства внутреннихъ дѣлъ по назначенію министра, лица прокурорскаго надзора по назначенію министра юстиціи и двухъ представителей частной горной промышленности, избираемыхъ мѣстными съѣздами горныхъ промышленниковъ на три года (Горн. Уст. ст. 162, 164).

инженерами такъ на эти предметы, составленіе дополнительныхъ правилъ о рабочихъ, работающихъ артелью, утвержденіе табелей взысканій, установленныхъ съ рабочихъ и проч. Такимъ образомъ важнѣйшія стороны въ жизни пріисковъ рабочихъ будутъ регулированы не закономъ, а обязательными постановленіями горнозаводскихъ присутствій. Дѣло слѣдовательно въ томъ, окажутся ли эти присутствія на высотѣ своей задачи и сумѣютъ ли преодолѣть тѣ неблагопріятныя для рабочихъ вліянія, которыя при составленіи обязательныхъ постановленій могутъ оказать два представителя золотопромышленности. Остальные члены горнозаводскаго присутствія должны помнить, что на ихъ обязанности лежитъ дѣло въ высшей степени важное—защита слабыхъ противъ сильныхъ, бѣдныхъ противъ богатыхъ.

1-го октября 1895 г. вступили въ силу новыя правила о наймѣ рабочихъ на пріиски ¹⁾, а 6-го октября состоялось при томскомъ Горномъ Управленіи первое засѣданіе вновь учрежденнаго присутствія по горнозаводскимъ дѣламъ ²⁾. Вслѣдъ затѣмъ это присутствіе на основаніи закона 1895 г. издало цѣлый рядъ обязательныхъ постановленій, регулирующихъ отношенія золотопромышленниковъ и рабочихъ, а также опубликовало постановленіе для разъясненія разныхъ вопросовъ, возбужденныхъ примѣненіемъ закона 1895 г., причемъ иногда дѣло доходило до Горнаго Совѣта и даже министра земледѣлія и государственныхъ имуществъ. Иркутское горнозаводское присутствіе открылось гораздо позднѣе (2 марта 1896 г.) и пока не обнаружило никакой дѣятельности въ интересующемъ насъ направленіи.

Постановленіе томскаго горнозаводскаго присутствія мы рассмотримъ въ томъ же порядкѣ вопросовъ, въ какомъ разсматривали исторію составленія закона 1895 г.

16-го октября 1896 г. въ засѣданіи томскаго присутствія по горнозаводскимъ дѣламъ былъ рассмотрѣнъ вопросъ, возбужденный окружнымъ инженеромъ Семипалатинско-Семирѣченскаго горнаго округа о томъ, могутъ ли золотопромышленники при наймѣ рабочихъ за помѣсячную плату въ условленномъ размѣрѣ указывать въ контрактахъ, что такая плата назначается за тридцать рабочихъ дней, и затѣмъ, на основаніи такого указанія, исключать изъ числа оплачиваемыхъ дни отдыха и праздники, установленные ст. 28 Вис. утв. 20 февр. 1895 г.

¹⁾ „Вѣстникъ Золотопром.“ 1896 г. № 3 стр. 58.

²⁾ Въ слѣдующемъ составѣ: предсѣдателя—начальника горнаго управленія Денисова и членовъ: помощника начальника Яцевича, представителя министерства внутреннихъ дѣлъ—предсѣдателя томскаго губернскаго управленія Философова, губернскаго прокурора Витте и представителей частной промышленности, по назначенію министра земледѣлія и государственныхъ имуществъ, золотопромышленниковъ Родюкова и Жилла. „Вѣст. Золот.“ 1895 г. № 20, стр. 380.

правилъ о наймѣ рабочихъ на частные золотые промыслы ¹⁾). Рассмотрѣвъ этотъ вопросъ, горнозаводское присутствіе нашло, что при наймѣ рабочихъ за помѣсячную или годовую плату, условленный размѣръ (окладъ) такой платы не можетъ быть уменьшаемъ удержаніемъ соотвѣтственной части заработка за установленные закономъ дни отдыха и праздники, если въ договорѣ найма нѣтъ особаго условія о томъ, что рабочій, по соглашенію съ нанимателемъ, обязывается работать въ теченіе всего мѣсяца или года, не исключая и упомянутыхъ дней (?). „При отсутствіи въ договорѣ такого условія, нанявшемуся за помѣсячную плату рабочему несомнѣнно принадлежитъ право пользоваться положенными по закону двумя днями отдыха и днями праздничными, не лишаясь за эти дни ни пищевого довольствія, если таковое, по договору, рабочій получаетъ отъ нанимателя, ни заработной платы, ибо въ противномъ случаѣ выраженія: „годовая“ или „помѣсячная“ окладная плата потеряли бы всякое значеніе и условленный размѣръ подвергнулся бы колебаніямъ въ зависимости отъ числа праздничныхъ дней, т. е. окладная, годовая или помѣсячная плата обратилась бы вопреки договору въ поденную“. Постановленіе это состоялось не единогласно, а по большинству голосовъ, и важный вопросъ, въ немъ затронутый, былъ рассмотрѣнъ Горнымъ Совѣтомъ. Какъ мы видѣли, томское горнозаводское присутствіе полагало, что договаривающіяся стороны могутъ условливаться между собою о производствѣ работы даже и въ тѣ праздничные дни, которые указаны въ законѣ какъ безусловно свободные отъ работы. Съ этимъ мнѣніемъ согласились три члена Горнаго Совѣта (т. с. Кулибинъ, директоръ Горнаго Департамента Денисовъ и князь Абамелекъ-Лазаревъ), находившіе, что „нѣтъ основанія заставлять рабочихъ проводить праздники безъ работы, когда сами они желаютъ работать, въ особенности, если за праздничную работу назначается болѣе возвышенная плата, какъ это принято на золотыхъ приискахъ. Вынужденные оставаться въ праздничные дни безъ всякихъ занятій и за отсутствіемъ на приискахъ какихъ-либо средствъ для развлеченія, рабочіе поневолѣ обратятся къ пьянству и разгулу“ (?). Эти три члена Горнаго Совѣта упустили изъ виду не только правило закона 1895 г., дѣлающее празднованіе воскресеній зимою обязательнымъ, но и то, что въ настоящее время на болѣе благоустроенныхъ приискахъ уже начинаютъ, какъ мы видѣли, заботиться о томъ, чтобы рабочіе могли съ пользою для себя проводить праздники: приобрѣтаютъ волшебные фонари, устраиваютъ спектакли, воскресныя школы и т. п. Но большинство членовъ

¹⁾ Этой статьею устанавливалось съ 1-го октября по 1-е апрѣля празднованіе воскресеній, съ 1-го апрѣля по 1-е октября двухъ дней въ мѣсяцъ и еще въ теченіе года 28 праздничныхъ дней, т. е. всего въ годъ 61 праздничнаго дня.

горнаго совѣта (Меллеръ, Штофъ, Кеппенъ, Афросимовъ, Давыдовъ и Веселовскій) было иного мнѣнія: „въ законѣ ясно выражено, что въ зимнее время отдыхъ въ теченіе указанныхъ въ немъ праздничныхъ дней обязательенъ какъ для рабочихъ, такъ и для хозяевъ, и лишь въ лѣтнее время каждый рабочій не „долженъ“, а „имѣетъ право“ быть свободнымъ отъ работъ два дня въ мѣсяцъ,—слѣдовательно можетъ и не пользоваться такимъ правомъ: въ указанномъ смыслѣ и слѣдовало бы, по мнѣнію названныхъ членовъ, разъяснить возбужденный вопросъ, „при чемъ отъ золотопромышленниковъ будетъ зависѣть озаботиться, чтобы рабочіе по праздникамъ не предавались разгулу“. Министръ государственныхъ имуществъ согласился съ мнѣніемъ большинства ¹⁾.

Очень скоро послѣ того, какъ сдѣлалось извѣстнымъ это рѣшеніе министра государственныхъ имуществъ, было издано Высочайше утвержденное мнѣніе Государственнаго Совѣта 2-го іюня 1897 г., по которому во всѣхъ заведеніяхъ фабрично-заводской промышленности Россіи, горной и горнозаводской промышленности, желѣзно-дорожныхъ мастерскихъ, а также фабричнозаводскихъ заведеніяхъ, принадлежащихъ Кабинету Е. В., Главному Управленію Удѣловъ, казѣ и правительственнымъ учрежденіямъ, было установлено „обязательное“ празднованіе *всѣхъ* воскресныхъ дней; но къ частнымъ золотымъ и платиновымъ промысламъ должна была примѣняться по прежнему 28 ст. закона 1895 г. о наймѣ рабочихъ на эти промыслы ²⁾. Этотъ фактъ составляетъ новый примѣръ того, что тотъ отдѣлъ законодательства о промышленности, который регулируетъ положеніе рабочихъ на золотыхъ промыслахъ, сильно отстаетъ отъ другихъ частей этого законодательства, вышеприведенное же толкованіе 28 ст. закона 1895 г. лишаетъ рабочихъ обязательнаго празднованія даже двухъ дней въ лѣтніе мѣсяцы, а только такое празднованіе имѣетъ значеніе; иначе, подъ давленіемъ экономической необходимости и повышенной платы за работу въ льготные дни, рабочіе вовсе не будутъ отдыхать въ лѣтніе мѣсяцы.

Необходимо и на золотые промыслы распространить обязательное празднованіе воскресныхъ дней въ теченіе всей лѣтней операціи. Мы приводили уже согласное съ этимъ мнѣніе окружнаго инженера томскаго горнаго управленія Реутовскаго. То же предлагалъ еще въ 1882 г. начальникъ главнаго тюремнаго управленія Галкинъ-Враскій. Извѣстный красноярскій врачъ В. М. Крутовскій также считаетъ совершенно необходимымъ установленіе праздничнаго отдыха „каждое воскресенье для всей команды“. За необходимость четырехъ одновременныхъ для всѣхъ рабочихъ отдыховъ въ мѣсяцъ раздаются уже голоса и изъ среды

¹⁾ „Вѣстн. Золот.“ 1897 г. № 12, стр. 269—270.

²⁾ „Новое Время“ 1897 г., 14 іюня; „Вѣст. Золот.“ 1897 г. № 14, стр. 319.

лицъ, стоящихъ во главѣ крупныхъ частныхъ предпріятій ¹⁾. Но есть недовольные даже и скромными требованіями закона 1895 г. относительно праздничныхъ дней. Въ мѣстныхъ газетахъ еще въ концѣ 1895 г. появилось извѣстіе, что сибирскими золотопромышленниками возбуждено ходатайство объ измѣненіи 28 ст. правилъ о наймѣ рабочихъ, а именно, объ уменьшеніи числа праздничныхъ дней и допущеніи работъ въ праздники по обоюдному соглашенію рабочихъ и хозяевъ ²⁾. Мы видѣли, что послѣдняя часть ходатайства увѣнчалась успѣхомъ относительно лѣтнаго времени, а слѣдовательно осуществится на дѣлѣ и пожеланіе объ уменьшеніи количества праздничныхъ дней. Напротивъ, рабочіе очень дорожатъ воскреснымъ отдыхомъ и недовольны тѣмъ, что въ весеннее и лѣтнее время по закону 1895 г. уменьшается количество праздниковъ. Вслѣдствіе желанія пользоваться воскреснымъ отдыхомъ и въ апрѣлѣ мѣсяцъ были въ 1896 г. забастовки въ южно-енисейскомъ округѣ на пріискахъ Лыкова, Оборотова, Дрямина, Сисина и Беклеминова. Въ апрѣлѣ и маѣ того же года были въ енисейской тайгѣ волненія рабочихъ вслѣдствіе желанія праздновать царскіе дни сверхъ двухъ льготныхъ дней. Въ декабрѣ 1895 г. были еще поголовныя забастовки въ южно-енисейскомъ округѣ на пріискахъ наслѣдниковъ Черемныхъ, наслѣдниковъ Переплетчикова, у Глазкова, Асташева и Хилкова. На одномъ пріискѣ олекминской тайги рабочіе не вышли на работу въ день Покрова (1-го октября 1896 г.) ³⁾.

Съ какою жадностью вырываютъ золотопромышленники у рабочихъ лишній праздничный день, видно изъ слѣдующаго случая. Въ мартѣ 1897 г. томскому присутствію по горнозаводскимъ дѣламъ было доложено прошеніе уполномоченнаго компаніей подъ фирмою „Южно-алтайское золотопромышленное дѣло“, купца П. А. Шмотина, ходатайствовавшаго о разъясненіи вопроса, имѣютъ ли пріисковыя рабочіе право быть свободными отъ работъ въ пятницу и субботу страстной недѣли и воскресенье, понедѣльникъ и вторникъ пасхальной недѣли, если всѣ эти пять дней случаются въ апрѣлѣ мѣсяцѣ. Горнозаводское присутствіе истолковало 28 ст. закона 1895 г. такимъ образомъ, что въ періодъ времени съ 1-го апрѣля по 1-ое октября каждый рабочій имѣетъ право быть уволеннымъ отъ работъ только на два дня въ мѣсяцъ и что кромѣ этихъ двухъ дней отдыха, „совпадутъ ли они съ праздничными днями

¹⁾ „Вѣст. Золот.“ 1895 г. № 7, стр. 127. Необходимость празднованія воскреснаго дня уже признана на Западѣ: оно сдѣлано обязательнымъ въ фабричныхъ и горныхъ работахъ Германіи по закону 1 іюня 1891 г. и въ Австро-Венгріи; въ Англіи также не бываетъ работы по воскресеньямъ. *Kulemann*. „Der Arbeiterschutz“, 1893, S. 46, 104, 108. *Conrad u. Lexis*. „Handwörterbuch der Staatswissenschaften“, I, 447.

²⁾ „Степной Край“ 1895 г. № 94.

³⁾ „Вѣст. Золот.“ 1896 г. № 10, стр. 217; „Вост. Обоз.“ 1896 г. № 89 и 148.

или нѣтъ—все равно“, ни въ какіе праздничные дни въ теченіе этихъ мѣсяцевъ рабочимъ не предоставлено права требовать освобожденія отъ работъ ¹⁾. Постановленіе это вызвало протестъ г. иркутскаго генералъ-губернатора, усомнившася въ правильности такого толкованія ст. 28, и вслѣдствіе его представленія состоялось распоряженіе министра государственныхъ имуществъ, чтобы томское горнозаводское присутствіе, въ случаяхъ возникновенія у него сомнѣнія по примѣненію правилъ о наймѣ рабочихъ на золотые промыслы, направляло свои представленія не непосредственно въ министерство государственныхъ имуществъ, а черезъ подлежащихъ генералъ-губернаторовъ, которымъ оно немедленно должно сообщать и свои журналы вслѣдъ за ихъ подписаніемъ ²⁾.

И такъ, повторяемъ, необходимо установить обязательное празднованіе воскресеній и на частныхъ приискахъ, какъ это установлено уже закономъ 2-го іюля 1897 г. относительно присковъ Кабинетскихъ и заведеній горной и горнозаводской промышленности. Ночныя работы мало распространены на приискахъ, но такъ какъ онѣ все таки встрѣчаются, то желательно было бы установить 36-часовой воскресный отдыхъ, иначе рабочій, проработавшій ночь съ субботы на воскресенье, не можетъ воспользоваться праздникомъ, какъ слѣдуетъ: въ Англіи по обычаю рабочіе свободны въ субботу съ часу, двухъ и не позже 4 часовъ дня ³⁾.

Относительно пищевого довольствія присковыхъ рабочихъ, получающихъ пищу по условію найма бесплатно или въ счетъ заработка, томское горнозаводское присутствіе въ засѣданіи 16-го и 28-го февраля 1896 г. выработало обязательныя постановленія, не вполне одинаковыя для двухъ группъ подвѣдомственныхъ ему горныхъ округовъ. Къ первой группѣ оно отнесло приски округовъ Томскаго, Ачинско-Минусинскаго, Семипалатинско-Семирѣченскаго ⁴⁾, Канскаго и Красноярскаго; ко второй группѣ—сѣверно- и южно-енисейскаго округовъ. На приискахъ первой группы было назначено муки ржаной въ мѣсяцъ 1 п. 25 ф., во второй 1 п. 35 ф., „въ томъ числѣ вездѣ 15 ф. полагалось на квасъ, муки

¹⁾ „Вѣст. Золот.“ 1897 г. № 7, стр. 167.

²⁾ „Вѣст. Золот.“ 1897 г. № 7, стр. 167.

³⁾ *Kuno Frankenstein*. „Der Arbeiterschutz“ 1896 г. S. 43—44; *Conrad u. Lexis*. „Handwörterbuch der Staatswissenschaften“, I, 447; *Анненскій*. „Два рабочихъ закона“ („Русское Богат.“ 1897 г. № 10, стр. 241—242), *П. Б.* „Текущіе вопросы внутренней жизни“ („Новое Слово“ 1897 г. Іюль, стр. 242).

⁴⁾ Такимъ образомъ Семипалатинско-Семирѣченскій округъ не былъ выдѣленъ по условіямъ пищевого довольствія рабочихъ изъ другихъ округовъ Западной Сибири, а между тѣмъ при выработкѣ закона 1895 г. часто указывали на него ввидѣ аргумента противъ регулированія пищевого пайка законодательнымъ путемъ, ссылаясь на особенности питанія киргизовъ.

пшеничной въ первой группѣ 20 ф., во второй 10 ф.; крупы въ первой 10 ф., во второй 15 ф., масла коровьяго вездѣ 1 ф., сала скотскаго (топленнаго) 1 ф., соли 3 ф., мяса свѣжаго или соленнаго съ 1-го октября въ первой группѣ по 1-е апрѣля, а во второй—по 1-е мая,—по $1\frac{1}{4}$ ф., а въ остальные мѣсяцы по $1\frac{1}{2}$ ф., капусты квашеной въ течение 5 мѣсяцевъ съ декабря по май по $\frac{1}{2}$ ф. въ мѣсяцъ, чаю кирпичнаго въ мѣсяцъ $\frac{1}{4}$ кирпича, вѣсомъ не менѣе 60 золотниковъ.

Кромѣ ржаной и пшеничной муки и капусты, всѣ остальные вещества должны быть выдаваемы рабочимъ или на пути къ золотымъ приискамъ, или при возвращеніи съ нихъ. Нужное на время пути количество пищевыхъ веществъ должно разсчитываться, согласно приведеннымъ выше нормамъ, по числу дней, необходимыхъ для передвиженія рабочихъ; полагая на проходъ не болѣе 30 верстъ въ день, причемъ вмѣсто ржаной и пшеничной муки опредѣлено выдавать по 3 ф. въ день ржаныхъ сухарей каждому рабочему. Всѣ названные припасы должны быть вполнѣ доброкачественныя.

Въ силу этого постановленія золотопромышленники обязаны выдавать, а рабочіе имѣютъ право требовать указаннаго вещества въ опредѣленномъ этимъ постановленіемъ количествѣ. „Но по добровольному соглашенію рабочихъ съ завѣдующими золотыми промыслами допускается замѣнять какое-либо вещество, сполна или частью, другимъ пищевымъ веществомъ, изъ числа поименованныхъ въ этомъ постановленіи, въ количествѣ, соотвѣтствующемъ стоимости замѣняемаго вещества по утвержденной окружнымъ инженеромъ таксѣ, или стоимость вещества выдавать рабочимъ деньгами. О существованіи такого соглашенія должно быть указано въ разсчетныхъ книжкахъ рабочихъ, хотя бы о замѣнѣ однихъ пищевыхъ веществъ другими или деньгами вовсе не было по-чему-либо упомянуто въ договорѣ найма“.

Въ этомъ обязательномъ постановленіи особенно поражаетъ недостаточное количество жировыхъ веществъ, на что и указывалъ въ засѣданіи томскаго горнозаводскаго присутствія томскій окружной инженеръ Реутовскій, но его мнѣніе было оставлено безъ вниманія, такъ какъ профессоръ по кафедрѣ гігіены томскаго университета Судаковъ, едва-ли стоящій, какъ можно думать на основаніи этого примѣра, на высотѣ науки, настаивалъ на томъ, что количество жировъ въ пищевомъ пайкѣ вполнѣ достаточно. Нѣкоторымъ читателямъ, незнакомымъ съ условіями прископаго труда и жизни рабочихъ на золотыхъ промыслахъ, ихъ питаніе можетъ, пожалуй, показаться слишкомъ роскошнымъ сравнительно съ тѣмъ, что ѣдятъ крестьяне Европейской Россіи. Но нужно помнить, что, во-первыхъ, уровень потребностей сибирскаго населенія, вслѣдствіе его большей зажиточности, гораздо выше, чѣмъ, напримѣръ, крестьянъ Великороссіи; во-вторыхъ, страшная напряжен-

ность присековаго труда и сѣверный климатъ вызываютъ потребность въ извѣстномъ пищевомъ режимѣ, который и выработался примѣнительно къ мѣстнымъ условіямъ, и, въ-третьихъ, что паекъ присековыхъ рабочихъ обыкновенно вовсе не содержитъ въ себѣ овощей. Регулируя размѣръ этого пайка, необходимо было ввести въ него въ бѣльшемъ количествѣ жировыя вещества, въ которыхъ вообще чувствуютъ особенную потребность всѣ рабочіе, занятые тяжелымъ физическимъ трудомъ на открытомъ воздухѣ ¹⁾.

1-го декабря 1897 г. было издано обязательное постановленіе томскаго горнозаводскаго присутствія о наибольшемъ размѣрѣ вычетовъ изъ заработка рабочихъ на содержаніе ихъ женъ, послѣдовавшихъ за ними на приски, если онѣ не приняли на себя никакихъ промысловыхъ работъ. Вычетъ этотъ можетъ быть производимъ только въ томъ случаѣ, если женамъ рабочихъ будутъ отпускаться промысловымъ управленіемъ отдѣльные пайки печенымъ хлѣбомъ или же мукой въ томъ размѣрѣ, въ какомъ отпускаются на довольствіе самихъ рабочихъ. Вычетъ этотъ былъ установленъ въ слѣдующемъ размѣрѣ: на прискахъ Семипалатинско-Семирѣченскаго округа 1 р., Томскаго 1 р. 50 к., Красноярскаго и Канскаго 2 р., въ разныхъ мѣстахъ Ачинско-Минусинскаго округа 2—3 руб., Южно-Енисейскаго 4 р. и Сѣверно-Енисейскаго 4 р. 50 к. Размѣръ этого вычета не долженъ былъ, кромѣ того, превышать стоимости отпущенной муки по таксовымъ на нее цѣнамъ, утверждаемымъ окружными инженерами ²⁾.

30-го декабря 1896 г. это обязательное постановленіе было отмѣнено и изданъ иное. Вычетъ съ женъ рабочихъ, не принимающихъ на себя никакихъ промысловыхъ работъ, если присековыя управленія не пожелаютъ отпускать имъ продовольствія бесплатно, можетъ быть производимъ только въ томъ случаѣ, если этимъ женамъ будутъ отпускаться отдѣльные пайки печенымъ хлѣбомъ или же мукой на приготовленіе хлѣба въ томъ-же размѣрѣ, въ какомъ отпускаются на довольствіе самихъ рабочихъ. При такомъ пользованіи хлѣбомъ или мукой размѣръ вычета изъ заработка рабочихъ на содержаніе въ теченіе мѣсяца ихъ женъ, не исполняющихъ ни одной изъ промысловыхъ работъ, не долженъ превышать стоимости отпущенной муки по таксовымъ цѣнамъ, утверждаемымъ окружными инженерами ³⁾.

¹⁾ На промыслахъ Ленскаго Т-ва Ленскаго горнаго округа рабочіе, состоящіе тамъ на своемъ продовольствіи, забираютъ обыкновенно изъ лавокъ 8 ф. топленнаго масла въ мѣсяцъ. А. Н. Энгельгардтъ указалъ на то, что землекопы чувствуютъ усиленную потребность въ жировыхъ веществахъ. Настоящій дровосѣкъ въ Тироли ежедневно поглощаетъ до 7 ф. жира.

²⁾ „Вѣстн. Золот.“ 1896 г. № 1 стр. 19.

³⁾ „Вѣстн. Золот.“ 1896, № 22 стр. 406.

Въ засѣданіи томскаго горнозаводскаго присутствія 19 апрѣля 1896 г. обсуждался вопросъ объ изданіи обязательнаго постановленія о выдачѣ присковымъ рабочимъ винныхъ порцій. Изъ подвѣдомственныхъ томскому горному управленію окружныхъ инженеровъ двое высказались за безусловно обязательную для золотопромышленниковъ выдачу присковымъ рабочимъ винныхъ порцій, по мнѣнію же остальныхъ инженеровъ, выдача порцій не должна имѣть обязательнаго характера. Участвовавшій въ засѣданіи присутствія профессоръ томскаго университета по кафедрѣ гігіены Судаковъ высказалъ, что необходимость алкоголя для организма человѣка не можетъ подлежать никакому сомнѣнію и что каждый удовлетворяетъ эту потребность, поглощая алкоголь въ потребляемыхъ ежедневно пищевыхъ веществахъ, содержащихъ извѣстное его количество. Тѣмъ не менѣе профессоръ Судаковъ не призналъ возможнымъ отнести спиртъ къ числу предметовъ первой необходимости, добавивъ, что безъ вреда потребление спирта въ формѣ напитковъ можетъ быть допускаемо въ весьма ограниченномъ количествѣ, норму котораго установить чрезвычайно трудно и только при условіи наивозможно совершенной очистки спирта отъ постороннихъ вредныхъ примѣсей. Далѣе при обсужденіи этого вопроса горнозаводское присутствіе нашло, что на всѣхъ золотыхъ прискахъ (за исключеніемъ находящихся въ степныхъ областяхъ, гдѣ большинство рабочихъ киргизы-магометане, не употребляющіе спиртныхъ напитковъ по причинамъ религіознаго характера и вводящіе въ организмъ алкоголь въ видѣ приготовляемаго ими кумыса) бесплатныя порціи вина по $\frac{1}{100}$ ведра выдаются рабочимъ на большей части присковъ не менѣе двухъ разъ въ недѣлю и только на очень незначительномъ числѣ присковъ однажды въ недѣлю. Поэтому горнозаводское присутствіе признало, что въ той мѣрѣ, въ какой, судя по заключенію проф. Судакова, алкоголь не можетъ имѣть разрушительнаго дѣйствія на здоровье человѣка, потребность присковыхъ рабочихъ въ спиртѣ удовлетворяется (?), слѣдовательно и не представляется неотложной надобности въ изданіи обязательнаго постановленія по этому предмету. Вопросъ этотъ былъ рѣшенъ *большинствомъ голосовъ*, причемъ, къ сожалѣнію, мы не знаемъ, кто изъ членовъ горнозаводскаго присутствія находился въ этомъ засѣданіи (нужно помнить, что изъ шести членовъ присутствія—два золотопромышленника ¹⁾).

Въ виду тяжелыхъ условій присковыхъ работъ, употребленіе вина является для рабочихъ непреодолимою потребностью, на что и обратила вниманіе сибирская администрація еще при генералъ-губернаторѣ Синельниковѣ въ началѣ семидесятыхъ годовъ. Настоятельность этой по-

¹⁾ „Вѣстн. Золот.“ 1896 г. № 10, стр. 211—212.

требности признана и въ проектѣ правилъ, составленномъ въ Иркутскѣ въ 1887 г. при участіи золотопромышленниковъ. Нѣкоторые врачи возражаютъ противъ выдачи вина рабочимъ, но на этотъ вопросъ, мнѣ кажется, слѣдуетъ смотрѣть не съ теоретической только, а и съ практической точки зрѣнія. Такъ, наприм., многіе признаютъ куреніе вреднымъ,—отсюда не слѣдуетъ, однако, что рабочимъ слѣдуетъ запретить курить. Рабочій настолько привыкъ къ вину, что если ему не будутъ давать его, онъ употребитъ всѣ усилія, чтобы добыть его тайно и, притомъ, за очень большія деньги или въ обмѣнъ на похищенное золото. Прежде этой потребности рабочихъ удовлетворяли преимущественно спиртоносы, теперь въ конкуренцію съ ними вступили и многіе золотопромышленники; нѣкоторые изъ нихъ приобрѣтаютъ такимъ образомъ не мало золота, похищенного рабочими сосѣднихъ приисковъ: это на приискахъ называется „мыть золото на деревянной бочкѣ“. Если русскій народъ вообще привыкъ къ вину, то при тяжелыхъ, утомительныхъ работахъ употребленіе его, какъ доказываютъ наблюденія современныхъ ученыхъ, является непреодолимою потребностью. Мы полагаемъ поэтому, что обязательная выдача вина необходима, тѣмъ болѣе, что и теперь приисковымъ управленіямъ приходится считаться съ этою потребностью рабочихъ.

Въ виду этихъ соображеній, намъ кажется, слѣдуетъ установить обязательную выдачу вина на счетъ золотопромышленниковъ по 1 порціи (по $\frac{1}{100}$ ведра) всѣмъ рабочимъ, а горнорабочимъ и работающимъ въ водѣ, быть можетъ, возможно опредѣлить и по 2 порціи (не въ одно время), но только не по усмотрѣнію приисковаго управленія, а обязательно, такъ какъ иначе выдача вина послужитъ въ рукахъ управленія стимуломъ къ непосильному увеличенію напряженности приисковаго труда; при этомъ непьющимъ должна записываться въ расчетный листъ соответственная стоимость винной порціи. Слѣдуетъ также установить, чтобы плата за „подъемное золото“ выдавалась на руки и не иначе, какъ деньгами, а не водкою, какъ это сплошь и рядомъ дѣлается теперь.

3-го Іюня 1897 г. томское горнозаводское присутствіе издало обязательное постановленіе о мѣрахъ, которыя должны быть соблюдаемы на подвѣдомственныхъ томскому горному управленію золотыхъ промыслахъ для охраненія жизни, здоровья и нравственности рабочихъ во время работъ и при помѣщеніи ихъ въ приисковыхъ зданіяхъ.

Упомянемъ о нѣкоторыхъ изъ этихъ правилъ. Для того, чтобы рабочіе во время работъ въ забоѣ не стояли въ грязи или въ водѣ, разрѣзъ долженъ осушаться или канавами, или водобачками. Въ случаѣ топкой глинистой почвы на мѣстахъ стоянія рабочихъ должно устраивать деревянные подмости. Въ тѣхъ случаяхъ, когда рабочіе неизбежно должны стоять въ водѣ, золотопромышленникъ долженъ на свой счетъ снабжать ихъ на время работы непромокаемою

обувью (сагиры, кожаные чулки и пр.); если же будетъ постоянный притокъ воды въ видѣ струй и капель изъ вышележащихъ слоевъ, то забойщики должны быть снабжаемы кожаными куртками и фуражками. Въ такихъ мѣстахъ продолжительность рабочаго времени для этихъ рабочихъ не должна быть болѣе 8 часовъ въ сутки. Помѣщенія для рабочихъ должны быть свѣтлы, сухи и устраиваться съ такимъ расчетомъ, чтобы на каждого человѣка приходилось не менѣе $1\frac{1}{2}$ куб. саж., а въ семейныхъ помѣщеніяхъ не менѣе 3 куб. саж. на двухъ взрослыхъ и двухъ малолѣтнихъ до 12-лѣтняго возраста. Помѣщенія безсемейныхъ рабочихъ должны быть для мужчинъ и женщинъ отдѣльными. Въ каждой комнатѣ не должно помѣщаться безсемейныхъ рабочихъ болѣе 15 человѣкъ. Для семейныхъ рабочихъ должны быть особые помѣщенія, хотя бы и въ одномъ зданіи съ безсемейными, и притомъ по возможности отдѣльные для каждой семьи. Для сна должны быть койки длиною не менѣе $2\frac{3}{4}$ арш. и ширины 18 вер. Койки должны быть подъемныя. Полы должны быть деревянные двойные, а печи непременно кирпичныя или глинобитныя. Желѣзныя печки допускаются только въ сушильныхъ для одежды и обуви. У дверей должны быть зпмнія рамы. Въ каждой казармѣ должны быть крытый корридоръ или сѣни и особое помѣщеніе для сушки одежды и обуви, а кухни и прачешныя для стирки бѣлья слѣдуетъ непременно имѣть отдѣльными отъ жилыхъ помѣщеній. Стѣны жилыхъ помѣщеній для рабочихъ должны быть очищаемы, окрашиваемы или выбѣливаемы не менѣе одного раза въ годъ. Воздухъ въ жилыхъ помѣщеніяхъ для рабочихъ долженъ быть освѣжаемъ посредствомъ форточекъ, каминовъ, печей, отдушинъ, вытяжныхъ трубъ, вентиляторовъ и т.п. Отхожія мѣста должны быть устраиваемы вблизи жилыхъ помѣщеній для рабочихъ. При каждомъ пріискѣ должна быть устроена баня съ такимъ расчетомъ, чтобы каждый рабочій могъ вымыться не менѣе одного раза въ недѣлю, причемъ одновременно могло бы мыться не менѣе $\frac{1}{10}$ общаго числа рабочихъ и во всякомъ случаѣ не менѣе 10 человѣкъ ¹⁾.

По словамъ бывшаго фабричнаго инспектора доктора Святловскаго, „современная гигиѣна требуетъ отъ здороваго помѣщенія для рабочаго... для взрослыхъ—25 куб. метровъ воздуха (800 куб. фут.)“, т. е. болѣе 2,3 куб. саж. на человѣка и половину этого количества для ребятъ до 10 лѣтъ ²⁾. Докторъ Крутовскій въ своемъ, не разъ цитированномъ нами, докладѣ говоритъ, что для пріисковыхъ рабочихъ „обязательно должны быть бани не менѣе двухъ разъ въ недѣлю для каждого“. Слѣдовательно въ обязательномъ постановленіи томскаго горнозаводскаго присутствія 3-го іюня 1897 г. предъявлены золотопромышленникамъ умѣренные требованія, а между тѣмъ золотопромышленники южно-енисейскаго округа недовольны этимъ постановленіемъ, и ихъ повѣренный Гудковъ (тотъ самый, который представилъ въ 1892 г. въ министерство

¹⁾ Дѣйствіе правилъ относительно жилищъ и бань не распространяется на золотые пріиски Тобольско-Акмолинскаго и Семипалатинско-Семирѣченскаго горныхъ округовъ. „Вѣстн. Золот.“ 1897, № 12, стр. 278—279. Въ 1896 г. на Сибирь было распространено дѣйствіе правилъ, изложенныхъ въ ст. 1—15 отд. I закона 22 февр. 1893 г. о порядкѣ производствъ горно-промышленниками подземныхъ работъ. „Вѣстн. Золот.“ 1898 г. № 3, стр. 45—47, 1898 г. № 1, стр. 16.

²⁾ Святловскій. „Фабричный рабочій“, стр. 72.

государственныхъ имуществъ извѣстное намъ ходатайство) подалъ въ томское горное управленіе прошеніе на имя министра земледѣлія и государственныхъ имуществъ объ отмѣнѣ обязательнаго постановленія 3-го іюня 1897 г. Горнозаводское присутствіе постановило представить это прошеніе по принадлежности съ объясненіемъ, что такъ какъ въ программу вопросовъ, подлежащихъ обсужденію на мѣстныхъ сѣздахъ золотопромышленниковъ, созываемыхъ осенью и зимою 1897 г., входитъ вопросъ о выработкѣ типовъ помѣщеній для рабочихъ, больницъ и другихъ построекъ на золотыхъ пріискахъ, то до тѣхъ поръ, пока сѣзды золотопромышленниковъ не выскажутъ своихъ мнѣній по этимъ вопросамъ, измѣнять въ чемъ-либо обязательное постановленіе 3-го іюня было-бы преждевременно ¹⁾).

Въ засѣданіи 10-го ноября 1897 г. томское горнозаводское присутствіе утвердило росписание предметовъ, которые могутъ быть допускаемы въ продажу рабочимъ изъ лавокъ (магазиновъ) на золотыхъ промыслахъ, подвѣдомственныхъ томскому горному управленію. Предметы, не поименованные въ этомъ росписаніи, не должны находиться въ пріисковыхъ лавкахъ и отпускаться рабочимъ ни въ счетъ заработка, ни на наличныя деньги ²⁾).

Когда утвержденное томскимъ горнозаводскимъ присутствіемъ росписание возбудило недоразумѣніе, почему рабочимъ нельзя продавать фабричный чай, крупчатку 1-го сорта и т. п., то присутствіе разъяснило, что промышленники, желающіе имѣть въ своемъ складѣ всевозможные товары и припасы, должны заручиться торговымъ свидѣтельствомъ на ихъ продажу. Впрочемъ въ засѣданіи 26-го марта 1897 г. томское горнозаводское присутствіе постановило: допустить къ продажѣ рабочимъ изъ промысловыхъ лавокъ байковый чай, табакъ II и III сорта, гильзы, папиросную бумагу, парусину и кожаныя перчатки ³⁾).

По поводу представленія горнаго исправника Алтайскаго округа, томское горное управленіе разъяснило, что золотопромышленники обязаны оказывать врачебную помощь рабочимъ золотннчникамъ, нанатымъ подрядчиками ⁴⁾).

Въ засѣданіи 17-го ноября 1895 г. томскаго горнозаводскаго присутствія была утверждена табель денежныхъ взысканій, которыя могутъ быть налагаемы на рабочихъ за вѣдующими промыслами.

¹⁾ „Вѣсти. Золот.“ 1897 г. № 22, стр. 511. Сѣзды золотопромышленниковъ Ачинско-Минусинскаго и Южно-Енисейскаго горныхъ округовъ напши обременительными для предпринимателей нѣкоторыя изъ требованій обязательнаго постановленія 3 іюня 1897 г., „Вѣсти. Золот.“ 1898 г. № 2, стр. 40—41, 43.

²⁾ „Вѣсти. Золот.“ 1896 г. № 23, стр. 397, 411—412.

³⁾ „Вѣсти. Золот.“ 1896 г. № 11, стр. 230, 1897 г. № 8, стр. 188.

⁴⁾ „Вѣсти. Золот.“ 1897 г. № 12, стр. 269.

За производство по небрежности недоброкачественныхъ матеріаловъ, порчу матеріаловъ, машинъ, сруби и проч. и за всякую неисправную работу виновные подвергаются взысканію въ размѣрѣ, соответствующемъ свойству неисправности работы и степени причиненнаго вреда, не свыше каждый разъ 2 руб., кромѣ уплаты вознагражденія за убытокъ по суду, а въ случаѣ изувѣченія животнаго и наказанію по 153 ст. Уст. о наказ., налаг. миров. судьями. За прогулъ (т.-е. неявку на работу въ теченіе не менѣе половины дня) сверхъ удержанія заработной платы за все прогульное время виновные подвергаются взысканію соответственно заработной платѣ и количеству прогульнаго времени. Такъ, напримѣръ, за прогулъ половины дня получающіе мѣсячную или поденную плату подвергаются взысканію въ размѣрѣ четверти платы, причитающейся за день, а получающіе задѣльную плату—не свыше 25 к. Съ увеличеніемъ прогула взысканіе увеличивается и наконецъ за прогулъ 3-хъ и болѣе дней сряду оно производится въ размѣрѣ тройной платы, причитающейся въ день, а съ получающихъ задѣльную плату не свыше 3 руб. ¹⁾ За несвоевременный выходъ на работу или самовольную отлучку съ нея въ теченіе менѣе половины рабочаго дня, кромѣ удержанія соответствующей пропущенному времени заработной платы, рабочіе подвергаются взысканію не свыше $\frac{1}{8}$ дневной платы или, при задѣльной платѣ, не болѣе 15 коп. За разныя другіе проступки взысканіе налагается въ первый разъ отъ 20 к. до 1 р. 50 к., въ третій разъ отъ 75 к. до 2 р. За неотработку уроковъ, сверхъ удержанія соответствующей платы, производится взысканіе: за неотработку менѣе половины дневнаго урока въ размѣрѣ $\frac{1}{8}$ платы, причитающейся въ день, или съ получающихъ задѣльную плату не свыше 15 к., а за неотработку $\frac{3}{4}$ дневнаго урока въ размѣрѣ полудневной платы или съ получающихъ задѣльное вознагражденіе не болѣе 50 к.

Взысканія, налагаемыя по этому росписанію, не должны превышать, согласно закону 1895 г., въ общей сложности $\frac{1}{3}$ заработка, дѣйствительно причитающагося къ выдачѣ рабочему къ установленному сроку расплаты, и должны быть удержаны при окончательномъ расчетѣ изъ его заработка (Уст. о Промышл. ст. 148—149). Всѣ взысканія, наложенныя на рабочихъ (кромѣ ссыльно-поселенцевъ) поступаютъ въ капиталъ, предназначенный для вспоможенія больнымъ и увѣчнымъ горнымъ рабочимъ, а взысканія съ рабочихъ и ссыльно-поселенцевъ поступаютъ въ экономическій капиталъ ссыльныхъ ²⁾.

Таковы были административныя мѣры, принятыя томскимъ горно-заводскимъ присутствіемъ на основаніи закона 20 февраля 1895 г.,

¹⁾ На тѣхъ рабочихъ (машинистовъ и т. п.), отъ которыхъ, по роду исполняемыхъ ими обязанностей, находится въ зависимости безостановочное производство работъ другими рабочими, взысканіе можетъ быть налагаемо въ высшей каждый разъ шѣрь, именно въ размѣрѣ трехдневнаго заработка, хотя бы прогулъ былъ и не болѣе половины рабочаго дня.

²⁾ „Вѣстн. Золот.“ 1895 г. № 24, стр. 426—427. Горный Совѣтъ при Горномъ Департ. 23 апрѣля 1897 г. постановилъ, что жалобы присковскихъ рабочихъ, касающіяся условія найма, заключеннаго по словесному договору, разрѣшаются окружными инженерами, а за отсутствіемъ ихъ—горными исправниками („Томск. Листокъ“ 1897 г. № 204); но это уже установлено закономъ 1895 г.

иркутское-же горнозаводское присутствіе, образовавшееся позднѣе, еще не издало своихъ обязательныхъ постановленій. Что касается непосредственнаго вліянія закона 1895 г. на положеніе присковыхъ рабочихъ, то слѣдуетъ отмѣтить прежде всего переводъ ихъ на многихъ промыслахъ на свое содержаніе, о чемъ мы упоминали при описаніи олекминскихъ и амурскихъ промысловъ; то же явленіе замѣчается и на прискахъ южно-енисейскаго округа, гдѣ многіе переводятъ рабочихъ на свое содержаніе, прибавляя къ обычной платѣ по 7 р. 50 к. въ мѣсяцъ. Многіе золотопромышленники вмѣстѣ съ тѣмъ предполагаютъ ввести задѣльную плату ¹⁾. Въ Витимской системѣ Олекминскаго округа переводъ рабочихъ на ихъ собственное продовольствіе вредно отозвался на здоровьи рабочаго населенія, среди котораго стала свирѣпствовать цынга, вслѣдствіе чего нѣкоторыя компаніи намыли меньшее количество золота. На прискахъ К^о Промышленности, вѣроятно, вслѣдствіе дурнаго питанія, распространилась цынга, и рабочіе въ значительномъ количествѣ потребовали расчета, такъ что управленіе К^о нашло нужнымъ впослѣдствіи возвратиться къ прежней системѣ, т.-е. къ выдачѣ рабочимъ готоваго содержанія. Рабочіе Витимской системы могли быть недовольны новыми порядками и потому, что золотопромышленники къ прежней заработной платѣ прибавили стоимость содержанія только въ дни работъ, а прокормленіе во всѣ праздники легло новымъ бременемъ на бюджетъ рабочаго. Мы видѣли, что и въ Амурской области золотопромышленники мѣстами давали рабочимъ, при переводѣ ихъ съ хозяйскаго на свое содержаніе, недостаточное денежное вознагражденіе замѣнъ пищевого пайка. Можетъ быть, впрочемъ, со временемъ, при предложеніи болѣе соотвѣтственной интересамъ рабочихъ приплаты къ ихъ заработку, и привьется собственное продовольствіе рабочихъ, но пока такой порядокъ еще мало распространенъ. Естественнымъ послѣдствіемъ введенія такого порядка слѣдуетъ считать уничтоженіе торговой монополіи золотопромышленниковъ, т.-е. допущеніе въ тайгу вольныхъ торговцевъ.

Болѣе плодотворное значеніе имѣло установленіе большого количества праздничныхъ дней, что вызываетъ мѣстами введеніе разумныхъ развлеченій для рабочихъ (спектакли, чтенія съ туманными картинами, устройство воскресныхъ школъ), но все это пока производится въ слишкомъ ничтожныхъ размѣрахъ.

Мы видѣли, что горное вѣдомство, при составленіи проекта закона 1895 г., въ концѣ концовъ отказалось отъ мысли о регулированіи продолжительности рабочаго дня. Но очень скоро стачки рабочихъ въ Петербургѣ и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ показали, что необходимость такого регулированія является вопросомъ общегосударственнымъ,

¹⁾ „Восточн. Обзор.“ 1895 г. № 136.

и 2 июня 1897 г. было Высочайше утверждено мнѣніе Государственного Совѣта о продолжительности и распредѣленіи рабочаго времени въ заведеніяхъ фабрично-заводской промышленности, въ томъ числѣ и на золотыхъ промыслахъ. По этому закону дневное рабочее время не должно превышать $11\frac{1}{2}$ ч. въ сутки, а по субботамъ и въ кануны двенадесятыхъ праздниковъ—10 ч. Въ канунъ Рождества работы должны быть окончены не позже полудня. Для рабочихъ, занятыхъ, хотя бы отчасти, въ ночное время ¹⁾, рабочее время не должно превышать 10 ч. въ сутки. При рудничныхъ работахъ время, употребляемое рабочимъ на спускъ въ рудникъ и на подъемъ изъ него, считается рабочимъ временемъ. Относительно праздниковъ и воскресныхъ дней на золотыхъ промыслахъ, какъ мы уже упоминали, было сохранено дѣйствіе ст. 28-ой закона 20 февраля 1895 г. Сверхурочною считается работа, производимая рабочимъ въ промышленномъ заведеніи въ такое время, когда, по правиламъ внутренняго распорядка (142 ст. Уст. о Промыш.), ему не полагается работы. Сверхурочныя работы допускаются не иначе, какъ по особому соглашенію завѣдующаго промышленнымъ заведеніемъ съ рабочими. Въ договорѣ найма могутъ быть включаемы условія только о такихъ сверхурочныхъ работахъ, которыя оказываются необходимыми по техническимъ условіямъ производства. Подлежащимъ министрамъ, по соглашеніямъ съ министромъ внутреннихъ дѣлъ, предоставлено право: 1) издавать подробныя правила и инструкціи о распредѣленіи рабочаго времени вообще и для отдѣльныхъ отраслей промышленности въ частности (о продолжительности работы, о порядкѣ смѣнъ, о числѣ комплектовъ, о перерывахъ и т. п.), а также о производствѣ, распредѣленіи и учетѣ сверхурочныхъ работъ; 2) допускать, когда это будетъ признано необходимымъ, по свойству производства (непрерывность и проч.) или по свойству работъ (уходъ за паровыми котлами, приводами, ремонтъ текущей и экстренный и т. п.) и въ другихъ особо важныхъ и исключительныхъ случаяхъ отступленія отъ требованій настоящаго узаконенія, въ смыслѣ усиленія этихъ требованій или *уменьшенія ихъ*, для отдѣльныхъ отраслей промышленности или отдѣльныхъ заведеній и разрядовъ рабочихъ, а также издавать правила, при исполненіи которыхъ допускаются эти отступленія, и 3) издавать правила о продолжительности и распредѣленіи рабочаго времени въ производствахъ и работахъ, особенно вредныхъ для здоровья рабочихъ, съ *уменьшеніемъ* установленной продолжительности рабочаго времени въ зависимости отъ свойственного этимъ производствамъ и работамъ вреда и отъ мѣръ предосторожности,

¹⁾ Ночнымъ временемъ на золотыхъ промыслахъ считается весной и лѣтомъ время отъ 9 ч. веч. до 5 ч. утра, а осенью и зимою между 6 ч. веч. и 6 ч. утра (ст. 29 закона 20 февраля 1895 г.).

которыя приняты къ его ослабленію. Надзоръ за исполненіемъ этого узаконенія на золотыхъ промыслахъ и изданныхъ на основаніи его правилъ возлагается на чиновъ горной инспекціи ¹⁾.

8 декабря 1897 г. министръ земледѣлія и государственныхъ имуществъ утвердилъ, по соглашенію съ министромъ внутреннихъ дѣлъ, правила о продолжительности и распредѣленіи рабочаго времени на горныхъ заводахъ и промыслахъ и инструкцію по этому предмету чинамъ горнаго надзора, которыя представляютъ повтореніе, съ соответственными измѣненіями, правилъ относительно заведеній фабрично-заводской промышленности и инструкціи чинамъ фабричной инспекціи, утвержденныхъ министромъ финансовъ по соглашенію съ министромъ внутреннихъ дѣлъ 20 сентября 1897 г. Мы остановимся только на тѣхъ правилахъ, которыя могутъ имѣть примѣненіе на золотыхъ промыслахъ.

При числѣ рабочихъ часовъ въ сутки болѣе 10-ти, для каждаго рабочаго долженъ быть установленъ, по крайней мѣрѣ, одинъ свободный перерывъ, продолжительностью не менѣе 1 ч., въ зависимости отъ условій производства и вообще отъ мѣстныхъ условій. Рабочему должна быть предоставлена возможность принятія пищи не рѣже, какъ черезъ каждые 6 ч. Если продолжительность рабочаго времени между двумя свободными перерывами превышаетъ 6 ч., то рабочему должна быть предоставлена возможность принятія пищи въ теченіе рабочаго времени, при чемъ въ правилахъ внутреннего распорядка должно быть обозначено мѣсто приема пищи.

Отступленія отъ правилъ относительно продолжительности работъ и праздничныхъ дней допускаются при работахъ непрерывныхъ. Изъ приложеннаго къ правиламъ перечня непрерывныхъ работъ можно отнести къ золотымъ промысламъ: поддержаніе вентиляціи, водоотлива и осушенія въ горныхъ выработкахъ, углубленіе шахтъ и вообще подземныя работы въ плавучихъ, сыпучихъ и угрожающихъ обваломъ породахъ, а также службу сторожей. На такихъ работахъ общее число рабочихъ часовъ въ теченіе двухъ послѣдовательныхъ сутокъ не должно превосходить для каждаго рабочаго вообще 24, въ теченіе же тѣхъ двухъ сутокъ, на которыя приходится ломка смѣнъ,—30. Въ инструкціи пояснено относительно непрерывныхъ работъ, что при двухкомплектной работѣ есть возможность сдѣлать такое росписаніе, при которомъ комплекты „мѣняются черезъ каждые 8 ч., что, при многихъ условіяхъ, удобнѣе какъ для нанимателей, такъ и для рабочихъ (?). Въ этомъ случаѣ каждому рабочему одни сутки приходится отработать 16 ч. (съ перерывомъ въ 8 ч.), а въ слѣдующія сутки 8 ч., при чемъ время смѣнъ можетъ быть выбрано такъ, что ежесуточно каждому рабочему на отдыхъ предоставляется часть ночи (*то первая ея половина, то вторая*). При ломкѣ смѣнъ, въ непрерывныхъ работахъ, допускается даже норма въ 30 ч. въ двое сутокъ (въ одинъ сутки 12, въ другія 18 ч.). „При слѣдующей ломкѣ эти проработанные комплектомъ сверхъ нормы 6 ч. должны возмѣщаться лишними 6 ч. отдыха“. Такимъ образомъ министры земледѣлія, финансовъ и внутреннихъ дѣлъ нашли нужнымъ сдѣлать для непрерывныхъ работъ весьма существенное отступленіе отъ общей нормы продолжительности рабочаго времени, установлен-

¹⁾ „Новое Время“ 1897 г. 14 іюня, № 7648; „Вѣстн. Золот.“ 1897 г., № 14, стр. 319—320.

ной закономъ 2 іюня 1897 г. въ 11½ ч. для дневныхъ и въ 10 ч. для работъ, приходящихся хотя бы отчасти на ночное время. Въ Швейцаріи можетъ быть дозволена ночная работа въ непрерывныхъ производствахъ, но при этомъ не допускается отступленія отъ 11-часовой нормы. Къ счастью непрерывныя работы на золотыхъ промыслахъ могутъ быть явленіемъ рѣдкимъ.

Отступленія отъ правилъ относительно продолжительности работъ и праздничныхъ дней могутъ быть допущены также: для а) рабочихъ, занятыхъ работами вспомогательными при различныхъ производствахъ, какъ-то: текущимъ ремонтомъ, уходомъ за котлами, двигателями и приводами, отопленіемъ, водоснабженіемъ, водоотливомъ, вентиляціею и освѣщеніемъ горныхъ выработокъ, сторожевою и пожарною службою; б) старшихъ рабочихъ въ забояхъ, проводимыхъ со взрывчатыми веществами, работъ по оттаиванію забоевъ, по окончательной ссылкѣ на вагнерахъ золота и платины; в) относительно экстренныхъ работъ въ случаѣ пожаровъ, обваловъ и т. п. ¹⁾

Относительно сверхурочныхъ работъ въ законѣ 2 іюня 1897 г. сказано, что въ договорѣ найма могутъ быть включаемы условія только о такихъ сверхурочныхъ работахъ, *которые оказываются необходимыми по техническимъ условіямъ производства*, а въ правилахъ пояснено, что необходимыми по этой причинѣ работами признаются лишь тѣ, которыя „вызываются исключительно случайными и притомъ зависящими отъ свойствъ самаго производства отклоненіями отъ нормальнаго его хода. Онѣ могутъ быть признаны обязательными для рабочихъ лишь тогда, когда въ правилахъ внутренняго распорядка указаны случаи, при которыхъ работы эти должны имѣть мѣсто, а въ расцѣнкахъ, тарифахъ и т. п. означены остальныя условія ихъ производства“. Число сверхурочныхъ часовъ каждаго рабочаго не должно превосходить 120 въ годъ, *причемъ въ это число не включаются часы, проведенные на сверхурочныхъ работахъ, обязательныхъ для рабочаго по договору о наймѣ*, и экстренныхъ работъ, вызванныхъ какою-либо непредвидѣнною случайностью. Слѣдовательно, сверхурочныя работы могутъ быть: включенныя въ договоръ, продолжительность которыхъ не ограничена закономъ, и не включенныя въ договоръ, число часовъ которыхъ не должно превосходить 120-ти ²⁾. Завѣдующій горнымъ промысломъ обязанъ вести точный учетъ всѣмъ сверхурочнымъ работамъ ³⁾.

¹⁾ Министромъ государственныхъ имуществъ, по соглашенію съ министрами внутреннихъ дѣлъ, могутъ быть допускаемы отступленія отъ постановленій о продолжительности и распредѣленіи рабочаго времени и въ другихъ особо важныхъ, исключительныхъ случаяхъ для отдѣльныхъ отраслей горной промышленности или отдѣльныхъ промысловъ и разрядовъ рабочихъ.

²⁾ Въ заведеніяхъ фабрично-заводской промышленности, состоящихъ въ вѣдѣніи Министерства Финансовъ, циркуляромъ министра отъ 14 марта 1898 г. допущено производство сверхурочныхъ работъ по соглашенію сторонъ безъ всякихъ ограниченій относительно ихъ продолжительности, и такимъ образомъ рабочій день можетъ быть значительно удлиняемъ сверхъ установленной въ законѣ мѣры. „Русскія Вѣдом.“ 1898 г., № 87; „Нов. Время“ 1898 г., № 7931.

³⁾ „Извѣстія министерства земледѣлія и государств. имущ.“ 1898 г., № 1 и 2.

Весьма серьезный недостатокъ закона 2-го июня 1897 г. состоитъ въ назначеніи слишкомъ большой продолжительности рабочаго дня, которая можетъ быть еще болѣе увеличена допущеніемъ сверхурочныхъ работъ. Мы видѣли (см. т. I), что именно посредствомъ сверхурочныхъ старательскихъ работъ за повышенное вознагражденіе рабочій день на золотыхъ промыслахъ достигъ чрезвычайной продолжительности ¹⁾.

Главное зло современной пріисковой жизни состоитъ въ чрезвычайномъ количествѣ труда горнорабочихъ, что отражается самыми вредными послѣдствіями на ихъ здоровьѣ. На открытомъ воздухѣ, въ такъ называемыхъ „разрѣзахъ“, рабочіе подвергаются всевозможнымъ переѣмамъ погоды и часто страдаютъ отъ холода и сырости, а въ подземныхъ шахтахъ работаютъ въ спертomъ воздухѣ и весьма нѣредко также въ сырости. Всего тяжелѣе работа въ забoѣ, гдѣ рабочій (забойщикъ) отбиваетъ кайлою землю (золотоносный пластъ или прикрывающій его торфъ, т. е. незолотоносную породу). Какъ вредно отражается такая работа на здоровьѣ рабочихъ, мы видѣли изъ изслѣдованія красноярскаго врача В. М. Крутовскаго. Законъ 2-го июня 1897 г. слишкомъ недостаточно ограждаетъ въ этомъ отношеніи интересы трудящагося класса. Огромная важность вопроса о законодательномъ регулированіи продолжительности рабочаго дня заставляетъ насъ остановиться на немъ съ особеннымъ вниманіемъ.

Прежде всего замѣтимъ, что правильное регулированіе продолжительности рабочаго времени на фабрикахъ, заводахъ и промыслахъ особенно важно въ такой странѣ, какъ Россія, законодательство которой не даетъ возможности рабочимъ самимъ защищаться отъ эксплуатаціи. Въ Западной Европѣ рабочіе имѣютъ право организовать союзы для своей защиты, могутъ устраивать стачки, у насъ же это закономъ не дозволяется и устройство стачки рассматривается какъ уголовное преступленіе. При той силѣ, какую имѣютъ рабочіе союзы, напримѣръ, въ Англіи, законодательство можетъ даже отставать отъ явленій дѣйствительной жизни: такъ еще не принятъ билль о 8-ми-часовомъ рабочемъ днѣ, а, между тѣмъ, уже въ нѣкоторыхъ угольныхъ копяхъ забойщики работаютъ лишь по 6—7½ часовъ. У насъ совершенно иныя условія: если законодательство препятствуетъ развитію самостоятельности рабочихъ, то, значить, оно должно взять на себя защиту ихъ интересовъ.

На Западѣ законы объ охраненіи женщинъ и дѣтей, занятыхъ промышленнымъ трудомъ, предшествовали законодательной охранѣ взрослыхъ рабочихъ мужчинъ: предполагалось, подѣ влияніемъ экономистовъ

¹⁾ Лучшія статьи о законѣ 2-го июня 1897 г. принадлежатъ г. П. Б. въ „Новомъ Словѣ“ 1897 г., июль и Н. О. Анненскому въ „Русскомъ Богатствѣ“ 1897 г., № 10.

школы Адама Смита, что взрослые рабочіе стѣмѣють сами охранять себя, пока, наконецъ, и тамъ не была признана ошибочность этой мысли. Русскому законодательству, напротивъ, издавна не былъ чуждъ принципъ охраны и взрослыхъ рабочихъ. По адмиралтейскому регламенту 1722 г. (5 апрѣля), продолжительность рабочаго дня съ 10 марта по 16 сентября была опредѣлена въ $12\frac{1}{2}$ —13 часовъ, а въ остальное время года начало работы было назначено за часъ до восхода солнца и окончаніе ея—часъ послѣ захода съ 2 часами отдыха ¹⁾. Грамотою городамъ 1785 г. былъ установленъ для ремесленниковъ даже 10-ти-часовой рабочей день: съ 6 часовъ утра до 6 час. веч., исключая полчаса на завтракъ и полтора часа на обѣдъ и отдыхъ. По положенію о частной золотопромышленности 1838 г. опредѣленъ былъ максимумъ рабочаго дня въ 15 часовъ, со включеніемъ обѣденнаго отдыха. Норма эта была непомятна велика, особенно при отсутствіи опредѣленія продолжительности отдыха, но, все-таки, нельзя не пожалѣть, что составители закона о частной золотопромышленности 1870 г., вмѣсто того, чтобы значительно уменьшить максимальную продолжительность рабочаго дня на прискахъ, предпочли вовсе отказаться отъ нормирования рабочаго дня. Какъ уже было указано, лица, составлявшія въ Иркутскѣ первыя двѣ редакціи проекта правилъ о наймѣ рабочихъ на золотыя промыслы, возвратились въ опредѣленію продолжительности рабочаго дня взрослыхъ, хотя и приняли слишкомъ повышенную норму. При дальнѣйшемъ обсужденіи проекта этого закона, представители сибирской горной администраціи высказались неодинаково: одни за 12-ти-часовой, другіе—за 10-ти-часовой рабочей день ²⁾.

Иркутскій генералъ-губернаторъ находилъ „совершенно необходимымъ число рабочихъ часовъ въ сутки въ юрнѣхъ присковѣхъ работахъ ограничить 12-ю, считая въ томъ числѣ 3 часа на завтракъ, обѣдъ съ отдыхомъ и послѣобѣденный чай“, т.-е. полагалъ „совершенно необходимымъ“ установить для горныхъ работъ 9-ти-часовой рабочей день. Степной генералъ-губернаторъ также высказался за опредѣленіе числа часовъ работы присковѣхъ рабочихъ въ размѣрѣ 12, „включая въ это число время на чай и обѣдъ“, т.-е. также въ пользу установленія 9 или 10-ти-часового рабочаго дня. Къ этимъ заявленіямъ офици-

¹⁾ Въ царствованіе императора Александра I въ 1803—1804 гг. относительно нѣкоторыхъ отдѣльныхъ фабрикъ (казенныхъ и посессионныхъ) правительство устанавливало 12-ти-часовой рабочей день.

²⁾ Горный инженеръ Яцевичъ высказался за то, что „никакой урокъ не можетъ быть разсчитываемъ больше, чѣмъ на 10 часовъ непрерывной работы по даннымъ справочныхъ книжекъ и рабочихъ положеній“ („Вѣстн. Золотопром.“ 1892 г., № 13, стр. 175). Теоретически томскій окружной инженеръ Реутовскій въ редактируемомъ ими „Вѣстникѣ Золотопромышленности“ высказался даже за 8-ми-часовой рабочей день.

ціальныхъ лицъ слѣдуетъ присоединить еще выводъ красноярскаго врача Крутовскаго изъ упомянутого уже нами доклада его обществу енисейскихъ врачей о вліяніи условій жизни и работы на золотыхъ промыслахъ на физическое здоровье рабочихъ: „Продолжительность рабочаго дня очень велика и произвольна. *Необходимо ограничить рабочий день максимумъ 8 часами*“ ¹⁾).

Такимъ образомъ, уже многія лица изъ горной и общей администраціи сознаютъ необходимость сокращенія рабочаго дня до 9—10 часовъ, а врачи стоятъ за 8-ми-часовой рабочій день. Мы, съ своей стороны, полагаемъ, что, быть можетъ, возможно выдѣлить изъ прискоковыхъ работъ собственно горныя (какъ подъ землею, такъ и въ открытыхъ разрѣзахъ). Для такихъ работъ, какъ дѣйствительно крайне истощающихъ силы рабочихъ, слѣдовало бы назначить рабочій день въ 8 часовъ работы, за исключеніемъ времени отдыха (съ тѣмъ, чтобы работа продолжалась непрерывно не болѣе 4—4½ час. и отдыхъ былъ бы не менѣе 2 час.), а для остальныхъ работъ (различныхъ мастеровыхъ и проч.) можно было бы назначить 9-ти- или максимально 10-ти-часовой рабочій день. У насъ защита рабочаго законодательнымъ путемъ особенно необходима, потому что, какъ мы уже замѣтили, наши законы не даютъ возможности рабочимъ собственными силами (путемъ стачекъ и проч.) защищаться отъ эксплуатаціи со стороны капиталистовъ.

Въ Западной Европѣ законодательство нерѣдко значительно отстаетъ отъ дѣйствительной жизни. Такъ, напримѣръ по австрійскому закону 21 іюня 1884 года, въ копияхъ рабочее время не должно превышать 10-ти часовъ, а, между тѣмъ, въ большинствѣ венгерскихъ рудниковъ и на казенныхъ рудникахъ въ Богеміи существуетъ 8-ми-часовой рабочій день. Въ Германіи хотя закономъ 11-ти-часовой рабочій день установленъ только для женщинъ ²⁾, въ дѣйствительности германскіе рудоперы работаютъ по большей части 8—10 часовъ ³⁾. Во Франціи хотя нѣтъ другого закона, регулирующаго работу взрослыхъ рабочихъ муж. п., кромѣ устарѣлаго фабричнаго закона 1848 г. о 12-ти-часовомъ рабочемъ днѣ, во многихъ производствахъ рабочій день гораздо короче. Въ Италіи, въ странѣ весьма отсталой въ дѣлѣ фабричнаго законода-

¹⁾ Для сравненія упомянемъ, что извѣстный врачъ и бывшій фабричный инспекторъ Святловскій въ своей книгѣ „Фабричный рабочій“ говоритъ, что на ткацкихъ фабрикахъ необходимо сократить рабочій день, по крайней мѣрѣ, до 8 час. въ сутки (стр. 214), а на сахарныхъ заводахъ предлагаетъ (стр. 198) установить даже максимумъ—6 часовъ работы.

²⁾ Въ 1896 г. союзный совѣтъ установилъ максимальное рабочее время и для взрослыхъ рабочихъ въ булочныхъ и кондитерскихъ.

³⁾ Rost, Der achtstündige Normalarbeitstag. 1896, S. 64—65; Веббъ и Коксъ. „Восьмичасовой рабочій день“, стр. 259, 77 и 74.

тельства, продолжительность дѣйствительнаго труда въ горныхъ работахъ равняется 7—10 часамъ. Въ Англіи еще не изданъ законъ о 8-ми-часовомъ днѣ ¹⁾, между тѣмъ въ копяхъ многіе рудокопы работаютъ 8 часовъ, а нѣкоторые 6—7¹/₂ часовъ, и, притомъ, въ Нортумберландѣ и Дургамѣ 8-ми-часовой день не былъ выработанъ рабочими союзами, а „добровольно установленъ хозяевами“; для забойщиковъ же, составляющихъ тамъ около 70% всѣхъ лицъ, работающихъ подъ землею, полный рабочій день равняется приблизительно 7 часамъ со времени оставленія „берега“ (отверстія шахты) и до возвращенія, а у „фаса“ они работаютъ не болѣе 6 часовъ ²⁾. Въ Америкѣ въ нѣсколькихъ штатахъ изданы законы о 8-ми-часовомъ, въ другихъ о 10-ти-часовомъ рабочемъ днѣ для взрослыхъ мужчинъ (хотя по взаимному соглашенію дозволяется устанавливать и болѣшую продолжительность рабочаго дня), а во всѣхъ правительственныхъ мастерскихъ, по закону 1 августа 1892 г., введенъ 8-ми-часовой рабочій день. Наконецъ, въ Австраліи установленіе законодательнымъ путемъ 8-ми-часового рабочаго дня оказалось ненужнымъ, такъ какъ онъ уже почти вездѣ существуетъ въ дѣйствительности (въ Викторіи уже съ 1856 г.); впрочемъ, въ нѣкоторыхъ частяхъ Австраліи въ нѣкоторыхъ производствахъ 8-ми-часовой рабочій день установленъ и закономъ, напр., въ Викторіи для горнорабочихъ, работающихъ подъ землею ³⁾.

Законодательному сокращенію рабочаго дня во многихъ странахъ противились капиталисты изъ опасенія сокращенія производства. Но опытъ показалъ, что эти опасенія не всегда основательны. Англійскій военный министръ рѣшился сократить рабочій день въ мастерскихъ военного вѣдомства не столько вслѣдствіе настояній делегатовъ рабочихъ, сколько потому, что произведенные опыты привели его къ убѣжденію, что сокращеніе рабочаго дня до 8 часовъ повліяло на количество работы очень мало, зато оказало замѣтное вліяніе на ея качество ⁴⁾. Одинъ швейцарскій фабричный инспекторъ, на основаніи фабричныхъ книгъ, вычислилъ, что при 12-ти-часовомъ рабочемъ днѣ

¹⁾ Впрочемъ во всѣхъ мастерскихъ военного и морского вѣдомства число рабочихъ часовъ сокращено до 48 въ недѣлю, при томъ безъ пониженія рабочей платы. *Rae*, Der Achtstunden-Arbeitstag, 1897, S. 55—56; *Rost*, 31—32. У насъ въ техническихъ заведеніяхъ, состоящихъ въ вѣдѣніи военного министерства, административнымъ порядкомъ установленъ 10-часовой рабочій день. „Новое Слово“, 1897 г. Іюль, стр. 218. Относительно внесенія въ парламентъ билля о 8-часовомъ рабочемъ днѣ для горнорабочихъ см. *Rost*, 202.

²⁾ *Conrad und Lexis*, Handwörterbuch der Staatswissenschaften“, 1890, I, 771, 778, ср. *Rost*, 157—160, 167.

³⁾ *Rost*, Der achtstündige Normalarbeitstag, 1896, S. 41, 48, 54, *Rae*, 212—256.

⁴⁾ Срав. болѣе раннія наблюденія въ Англіи о томъ, что сокращеніе рабочаго дня увеличиваетъ производительность рабочихъ въ копяхъ у *Rost*’а, S. 89.

вырабатывалось въ сутки на каждыя 1,000 веретенъ 372 килограмма пряжи, а при 11-ти-часовомъ днѣ, при тѣхъ же машинахъ, на той же фабрикѣ стало вырабатываться 388 килограммовъ, слѣдовательно, въ болѣе короткій день вырабатывалось большее количество пряжи. На другой фабрикѣ при 12-ти-часовомъ днѣ рабочій зарабатывалъ, получая задѣльную плату, 203 франка, а при 11-ти-часовомъ на тѣхъ же условіяхъ сталъ зарабатывать 223 фр. ¹⁾. Это для многихъ становится настолько очевиднымъ, что нѣкоторые фабриканты начинаютъ сами сокращать количество рабочихъ часовъ, и, притомъ, не только въ Западной Европѣ, но и въ Россіи ²⁾.

Въ собраніи 9 февраля 1894 г. Общества для содѣйствія русской промышленности и торговлѣ былъ прочитанъ выработанный лодзинскимъ отдѣленіемъ, по порученію общества, проектъ законодательной нормировки рабочаго времени на фабрикахъ Россіи. Убѣдившись на основаніи собранныхъ фактовъ, что производительность труда усиливается вслѣдствіе сокращенія рабочаго дня, лодзинское отдѣленіе просило ходатайствовать о слѣдующемъ законодательномъ ограниченіи рабочаго времени въ Россіи: 1) ночная работа съ 10 ч. веч. до 4 ч. утра запрещается на заводахъ, фабрикахъ и т. п. за исключеніемъ тѣхъ, которые, по характеру своего производства, должны необходимо вести работу безъ всякихъ перерывовъ (какъ, наприм., доменные печи, сахарные, винокуренные, пивоваренные, стеклоплавильные, газовые и т. п. заводы); 2) максимальная продолжительность дневной работы ограничивается для одной смѣны рабочихъ: а) въ копахъ металловъ, каменнаго угля и вообще въ подземныхъ пространствахъ 10-ю часами въ сутки; б) въ фабрикахъ желѣзныхъ, стальныхъ и вообще металлическихъ издѣлій 11-ю часами въ сутки и в) во всѣхъ прочихъ промышленныхъ заведе-

¹⁾ *Rost*, 93, срав. 95, 108—109.

²⁾ Восемичасовой рабочій день введенъ у насъ: на одномъ металлическомъ заводѣ Рязанской губ. и одной писчебумажной фабрикѣ Тверской губ. (см. ст. *Карышева* въ *Русск. Богат.* 1897, № 10, стр. 19), на Добрушской писчебумажной фабрикѣ кн. Паскевича, Гомельскаго у. Могилевской губ. (см. брошюру г. *Ступинскаго*), на писчебумажной фабрикѣ Дитятковскаго Т-ва въ Кіевской губ.; на нѣкоторыхъ фабрикахъ и заводахъ Привислянскаго края, на подмосковной фабрикѣ Бари („*Лучъ*“, 1896 г. № 53), на Успенской писчебумажной фабрикѣ А. Щербакова („*Степной Край*“, 1897 г. № 137), на нефтяныхъ промыслахъ Бекендорфа въ Баку („*Томскій Листокъ*“, 1896 г. № 258), въ двухъ отдѣленіяхъ Днѣпровскаго металлургическаго завода (при чемъ посуточная плата оставлена безъ измѣненія, „*Вост. Обзор.*“ 1897 г. № 100), въ г. Борисоглѣбскѣ на паровыхъ мельницахъ („*Сибир. Жизнь*“, 1898 г. № 16). Въ Златоустѣ горнозаводское товарищество рабочихъ записало въ протоколъ просьбу о введеніи трехъ 8-часовыхъ смѣнъ вмѣсто двухъ 12-часовыхъ. „*Вост. Обзор.*“ 1897 г. № 149. О результатахъ сокращенія рабочаго дня въ Россіи см. ст. *Карышева* въ „*Русскомъ Богатствѣ*“, 1897 г. № 10, стр. 16—22.

нихъ 12-ю часами въ сутки, съ обязательнымъ перерывомъ, по крайней мѣрѣ, на 1 часъ для обѣда. Въ тѣхъ промышленныхъ заведеніяхъ, владѣльцы которыхъ, несмотря на отсутствіе необходимости непрерывнаго хода производства, желали бы вести его долѣе 12 часовъ въ день въ 2 смѣны рабочихъ, работа каждой смѣны не можетъ превышать 9 часовъ въ сутки въ предѣлахъ времени отъ 4 часовъ утра до 10 часовъ вечера. Если бы опытъ подтвердилъ полезность этой мѣры, то черезъ 5 лѣтъ желательнѣе дальнѣйшее сокращеніе рабочаго дня каждой изъ 3-хъ категорій промышленныхъ заведеній еще на 1 часъ. Общество для содѣйствія промышленности и торговли весьма сочувственно отнеслось къ этой запискѣ и передало ее на разсмотрѣніе московскаго и варшавскаго отдѣленій общества и конторы жалѣзнодорожниковъ ¹⁾. Нельзя не признать нормъ продолжительности рабочаго дня, предложенныхъ лодзинскимъ отдѣленіемъ общества для содѣйствія промышленности и торговли, слишкомъ высокими. Это отдѣленіе тѣмъ болѣе могло бы предложить низшія нормы, что средняя продолжительность рабочаго дня въ Царствѣ Польскомъ равняется 11 часамъ, на заводахъ металлическихъ издѣлій $10\frac{1}{2}$ ч. (дневной работы), а на стеклянныхъ заводахъ даже $9\frac{1}{4}$ час. ²⁾. Но вмѣстѣ съ тѣмъ слѣдуетъ пожалѣть, что въ законѣ 1897 г. не было опредѣлено разныхъ нормъ продолжительности рабочаго дня для разныхъ производствъ, какъ это предлагали лодзинскіе фабриканты.

Въ трудѣ Брентано ³⁾ множествомъ цифровыхъ данныхъ, заимствованныхъ изъ практическихъ наблюденій, доказывается возрастаніе производительности труда отъ сокращенія продолжительности рабочаго дня. Въ еще большемъ размѣрѣ это сдѣлано въ трудѣ о работѣ и заработной платѣ знаменитыхъ инженеровъ-строителей Брассей, имѣвшихъ случай дѣлать наблюденія весьма крупныхъ размѣровъ въ различныхъ странахъ ⁴⁾. Въ Австріи законодательное сокращеніе фабричнаго труда взрослыхъ рабочихъ не только не вызвало сокращенія количества продуктовъ, но даже нѣсколько увеличило его. По заявленію президента корпорации рудокоповъ въ Германіи, рабочіе въ копяхъ добывали наибольшее количество продукта при 8-ми-часовомъ рабочемъ днѣ. Увеличеніе продолжительности рабочаго дня можетъ усилить производительность въ теченіе 3-хъ или 4-хъ недѣль, послѣ которыхъ производство

¹⁾ „Новое Время“ 1894 г., № 6450. О дальнѣйшемъ ходѣ дѣла см. „Рус. Вѣд.“ 1897 г. №№ 300, 314, 326.

²⁾ „Отчетъ И. И. Янжула по изслѣдованію фабрично-заводской промышленности въ Царствѣ Польскомъ“, Спб. 1888 г., стр. 41, прилож., стр. 94.

³⁾ Ueber das Verhältniss von Arbeitslohn und Arbeitszeit zur Arbeitsleistung, 1 изд. 1877 г., 2 изд. 1893 г.

⁴⁾ Brassey. „Work and Wages“, 1-е изд. 1872 г.

возвращается къ нормальному уровню и для 10-ти-часовой работы остается такимъ же, какъ и для 8-ми-часовой ¹⁾. Такимъ образомъ, дальнѣйшее сокращеніе рабочаго дня можетъ вовсе не сопровождаться даже сокращеніемъ добываемаго продукта, а между тѣмъ, какъ важно это сокращеніе для здоровья рабочихъ, видно, напримѣръ, изъ слѣдующаго факта. Англійскій союзъ машиностроителей ведетъ аккуратную статистику смертности своихъ членовъ, которая показываетъ, что средняя продолжительность жизни членовъ союза прежде была 38½ лѣтъ для мужчины и 37½ лѣтъ для женщины. Въ 1872 г. машиностроители добились сокращенія своего рабочаго дня до 9 часовъ, и съ тѣхъ поръ средняя продолжительность жизни находится въ постоянномъ возрастаніи и въ 1889 г. дошла до 48½, лѣтъ ²⁾. Какъ вредно вліяетъ на рабочихъ тяжелый пріисковъ трудъ, всего лучше видно изъ вышеупомянутаго доклада доктора Крутовскаго. Наконецъ, замѣтимъ, что физически измученный рабочій болѣе склоненъ къ пьянству ³⁾.

Мы видимъ, такимъ образомъ, что дальнѣйшее уменьшеніе продолжительности рабочаго дня на сибирскихъ золотыхъ промыслахъ самымъ настоятельнымъ образомъ вызывается необходимостью охраненія жизни и здоровья рабочаго класса и что оно можетъ вовсе не сопровождаться уменьшеніемъ добываемаго продукта; но если бы для добычи того же количества золота и потребовалось нѣкоторое увеличеніе числа рабочихъ, то золотопромышленникамъ есть изъ чего произвести такое увеличеніе ⁴⁾. При большихъ доходахъ и при оборотахъ въ сотни

¹⁾ См. *Веббъ и Коксъ*, стр. 116—119, 122—123, 169. По отчетамъ швейцарскихъ фабричныхъ инспекторовъ за 1890 и 1891 г., фабриканты въ очень многихъ производствахъ, уступая требованіямъ рабочихъ, сократили рабочій день до 10 часовъ (вмѣсто установленнаго закономъ 11 час.), и при этомъ многіе изъ нихъ заявляютъ, что не только не видно разницы между прежнимъ 11-ти-часовымъ и теперешнимъ 10-ти-часовымъ рабочимъ днемъ, но что болѣе короткій день, пожалуй, даже выгоднѣе („Русскія Вѣдомости“ 1893 г., № 238).

²⁾ *Гольденвейзеръ*, „Соціальныя теченія и реформы XIX столѣтія въ Англіи“, 1891 г., стр. 162.

³⁾ Срав. *Веббъ и Коксъ*, стр. 174, и статью *Манассеиной* „Объ усталости“ въ „Сѣверномъ Вѣстникѣ“ 1893 г., № 5, стр. 141—142.

⁴⁾ О доходахъ золотопромышленниковъ см. выше во II т. нашего труда, стр. 142—145, 324—325, 517. Г. Герасимовъ сдѣлалъ попытку приблизительнаго вычисленія прибылей отъ золотопромышленности въ 1891 г. По расчету, произведенному на основаніи приведенныхъ имъ данныхъ, средняя прибыль, за вычетомъ подати натурою, равнялась на промыслахъ Забайкальской области 24%, въ Якутской области 29%, въ Амурской и Приморской областяхъ 49%. „Труды комиссіи, Высочайше учрежденной для собранія и разработки свѣдѣній о сибирской золотопромышленности“. Спб. 1896 г. Записка горн. вѣж. *Герасимова* „Сибирская золотопромышленность въ 1884 и 1891 годахъ“, стр. 25—26. Изъ данныхъ приведенныхъ въ официальномъ проектѣ А. А. Штофа главныхъ основаній обложенія золотой и платиновой промышленности (1897 г.),

тысячъ, а нѣкоторыя изъ этихъ компаній и въ миллионы рублей, золото-промышленники могли бы произвести и лишніа затраты, если бы потребовалось нѣкоторое увеличеніе контингента рабочихъ. Но сокращеніе рабочаго дня можетъ вызвать, вмѣсто увеличенія числа рабочихъ, лишь улучшение техники, а это могло бы содѣйствовать значительному увеличенію количества добываемаго золота. Если возражать, что не все possible для крупныхъ компаній возможно для болѣе мелкихъ ¹⁾, то мы отвѣтимъ, что не будемъ очень скорбѣть, если мелкіе хозяева-золото-промышленники, особенно эксплуатирующіе рабочихъ, и совсѣмъ исчезнутъ и будутъ замѣнены артелями самихъ рабочихъ. Нужно замѣтить, что въ нѣкоторыхъ округахъ болѣе трети приисковъ разрабатывается артелями золотничниковъ ²⁾, и слѣдуетъ признать необходимымъ оказать содѣйствіе производительнымъ артелямъ промысловыхъ рабочихъ: когда они явятся хозяевами своего дѣла, имъ не будетъ причины утаивать золото, и хищничество въ золотопромышленности значительно уменьшится.

Такъ какъ напряженность труда при уменьшеніи количества рабочихъ часовъ возрастаетъ, то общая производительность его можетъ не уменьшиться, или уменьшится незначительно, и, слѣдовательно, нѣтъ основанія опасаться значительнаго уменьшенія рабочей платы, а если бы эта плата нѣсколько и уменьшилась, то это выкупается сбереженіемъ силъ и здоровья рабочихъ; но при сокращеніи рабочаго времени возможно, какъ мы видѣли, и увеличеніе заработковъ рабочихъ ³⁾. Нѣтъ основанія думать, что рабочіе могутъ быть противъ закона, еще болѣе ограничивающаго количество рабочихъ часовъ, какъ думаютъ нѣкоторые: потребность въ отдыхѣ при теперешнемъ непосильномъ трудѣ слишкомъ сильно сказывается въ рабочихъ и вызываетъ уклоненіе отъ работы сверхъ немногихъ льготныхъ дней, что ведетъ къ столкновеніямъ съ приисковою администраціей ⁴⁾. Чрезмѣрное переутомленіе вызываетъ и болѣе сильную потребность въ винѣ, тайно добываемомъ за огромныя деньги отъ спиртоносовъ или нѣкоторыхъ золотопромышленниковъ, а это уменьшаетъ количество заработковъ, выносимыхъ съ промысловъ.

видно, что въ восточно-сибирскихъ округахъ (кромя Енисейской губ.) доходъ золото-промышленниковъ равняется въ среднемъ 36%, а въ округахъ Западной Сибири—26%.

¹⁾ Справ. Rost, 138—140.

²⁾ Въ 1883 г. во всемъ Енисейскомъ округѣ почти 30%, въ 1884 г.—болѣе 38%, въ 1885 г. въ южно-енисейской системѣ даже 42%.

³⁾ Справ. Rost, 114—117; Rae, Der Achtstunden-Arbeitstag, 1897, S. 39, 40; 185—186, 189—190.

⁴⁾ Мы указывали выше (см. стр. 787) на стачки въ Енисейскомъ и Олекминскомъ округахъ въ 1895—96 гг., вызванныя (уже послѣ того, какъ вошелъ въ силу законъ 1895 г.) желаніемъ рабочихъ имѣть большее количество праздниковъ.

Чрезмѣрное переутомленіе ведетъ, наконецъ, и къ тому разгулу по окончаніи операціи, во время котораго иной разъ растрачивается значительная часть полученныхъ денегъ. Съ уменьшеніемъ количества рабочихъ часовъ, а слѣдовательно, и чрезмѣрнаго переутомленія, уменьшится и пьянство, и такимъ образомъ скорѣе сбережется заработокъ рабочихъ.

Мы видѣли, что въ настоящее время на сибирскихъ золотыхъ промыслахъ повсемѣстно распространена урочная система. Въ контрактахъ золотопромышленниковъ съ рабочими, обыкновенно, назначаются уроки, которые рабочіе обязываются вырабатывать ежедневно. На это обстоятельство слѣдуетъ обратить серьезное вниманіе, такъ какъ урочная система можетъ оказаться въ противорѣчіи съ необходимымъ нормированіемъ рабочихъ часовъ. Нѣкоторые предлагаютъ выработать и установить въ законодательномъ порядкѣ нормальное урочное положеніе относительно горныхъ работъ для каждой системы золотыхъ промысловъ; но въ такомъ случаѣ непременно должно было бы соблюсти условіе, чтобы уроки возможно было выполнить въ то количество часовъ, какое будетъ установлено новымъ закономъ. Трудность выработки такого положенія зависитъ отъ разнообразія мѣстныхъ условій. Для этого необходимо было бы специальное изслѣдованіе всѣхъ системъ золотыхъ промысловъ, причемъ относительно каждаго пріиска слѣдовало бы выяснитъ свойство почвы и возможный размѣръ урока. Правда, этотъ трудъ могъ бы быть выполненъ мѣстными окружнымъ инженерами, но насъ смущаютъ субсидіи, получаемыя ими отъ золотопромышленниковъ и доходящія въ нѣкоторыхъ округахъ до 10,000 руб. въ годъ; это обстоятельство не позволяетъ ожидать отъ окружныхъ инженеровъ необходимаго въ этомъ дѣлѣ безпристрастія. Контроль присутствія по горнозаводскимъ дѣламъ едва-ли внесетъ при этомъ значительную поправку, такъ какъ имъ придется руководствоваться свѣдѣніями, полученными отъ тѣхъ же горныхъ инженеровъ. Размѣръ ежедневной выработки при открытыхъ работахъ колеблется и въ зависимости отъ погоды. Въ виду этой трудности установить законодательнымъ путемъ размѣръ уроковъ, необходимо, по нашему мнѣнію, урочную систему поставить въ полную зависимость отъ опредѣленія извѣстной продолжительности рабочаго дня, и потому слѣдуетъ установить, что золотопромышленникъ не имѣетъ права ни заставить рабочаго окончить урокъ, если тотъ не успѣлъ выполнить его въ установленное закономъ время, ни штрафовать его за это. Разъ законъ опредѣляетъ продолжительность рабочаго дня (а это совершенно необходимо), назначеніе урока могло бы имѣть только одну цѣль: дать усерднымъ и сильнымъ рабочимъ возможность особенно напряженной работой сократить продолжительность своего труда сравнительно съ установленною закономъ нормой. Если же при предлагаемомъ

нами введеніи размѣровъ уроковъ въ границы опредѣленной закономъ продолжительности рабочаго дня (а только при этомъ условіи не будетъ нарушаться правило закона о количествѣ рабочихъ часовъ) золотопромышленники отказались бы вовсе отъ системы уроковъ, то это было бы самое лучшее. Опасаться, что при отсутствіи уроковъ рабочіе стануть трудиться слишкомъ небрежно, нѣтъ основанія, такъ какъ работы въ разрѣзахъ они производятъ подѣ постояннымъ наблюденіемъ особыхъ надсмотрщиковъ и за дѣлность промышленникъ можетъ отказать рабочимъ. Другимъ побужденіемъ къ усердному труду можетъ быть задѣльная плата, которую уже начинаютъ вводить на нѣкоторыхъ промыслахъ.

Въ 1897 г. въ Сибири открыты новые суды. Въ печати появились уже извѣстія о томъ, что на прискахъ Витимской системы открылъ свои дѣйствія мировой судья, несущій вмѣстѣ съ тѣмъ и обязанности судебного слѣдователя. Золотопромышленники Витимской системы Ленскаго горнаго округа получили въ февралѣ мѣсяцѣ предписаніе ленскаго окружнаго инженера (на основаніи предписаній иркутскаго горнаго управленія и иркутскаго генералъ-губернатора) о производствѣ особаго ежегоднаго сбора въ рамѣрѣ 3000 руб. въ пособіе государственному казначейству на содержаніе мирового судьи въ Витимской системѣ и назначеніе ему квартиры съ отопленіемъ и освѣщеніемъ, а также лошадей для разѣздовъ. Вслѣдствіе этого золотопромышленники Витимской системы на общемъ собраніи 20 февраля 1897 г. постановили на содержаніе камеры мирового судьи отчислять по 120 кредитныхъ рублей съ cadaго добытаго въ теченіе операціи пуда золота. Всѣ расходы на содержаніе камеры мирового судьи были опредѣлены въ 12000 руб.¹⁾ Такимъ образомъ, добавочное содержаніе мирового судьи деньгами и натурою находится уже внѣ зависимости отъ усмотрѣнія золотопромышленниковъ. Какое значеніе для рабочихъ будетъ имѣть эта реформа, покажетъ будущее. Но первыя извѣстія о дѣйствіи мирового судьи на прискахъ Ленскаго горнаго округа благопріятны: рабочіе нашли уже въ немъ защиту отъ произвола нѣкоторыхъ золотопромышленниковъ и служащихъ въ канцеляріи горнаго исправника²⁾.

Въ началѣ 1896 г. управляющій томскимъ отдѣленіемъ государственнаго банка получилъ разрѣшеніе учредить сберегательныя кассы на прискахъ Томскаго горнаго округа. Отвѣтственность за операціи сберегательныхъ кассъ возлагается на владѣльцевъ присковъ, которые и указываютъ лицъ, могущихъ вести пріемъ и выдачу вкладовъ рабочихъ. Томское общество вспомошествованія рабочимъ намѣтило 11 присковыхъ районовъ, гдѣ можно было бы на первое время учредить

¹⁾ „Вѣстн. Золотопр.“ 1897 г., № 13, стр. 294.

²⁾ „Вост. Обзор.“ 1897 г. №№ 112, 115.

кассы ¹⁾. Мы не имѣемъ свѣдѣній о томъ, приведено ли въ исполненіе это предположеніе.

Укажемъ теперь на нѣкоторыя желательныя мѣры относительно присковныхъ рабочихъ.

Серьезное улучшеніе въ бытѣ рабочихъ на золотыхъ промыслахъ не возможно безъ измѣненія нѣкоторыхъ общихъ условий въ бытѣ нашихъ промышленныхъ рабочихъ. Однимъ изъ главныхъ неблагопріятныхъ условий въ ихъ жизни является запрещеніе стачекъ. По нашему уложенію о наказаніяхъ: „за стачку между работниками какого-либо завода, фабрики или манфактуры прекратить работы прежде истеченія условленнаго съ содержателями сихъ заведеній времени для того, чтобъ принудить хозяевъ къ возвышенію получаемой ими платы, виновные подвергаются: аресту—зачинщики на время отъ 3 недѣль до 3 мѣсяцевъ, а прочіе отъ 7 дней до 3 недѣль“ (ст. 1358). „За прекращеніе работъ на фабрикѣ или заводѣ по стачкѣ между собою рабочихъ, съ цѣлью принужденія фабрикантовъ или заводчиковъ къ возвышенію заработной платы или измѣненію другихъ условий найма до истеченія срока послѣдняго, виновные подвергаются: подстрекавшіе къ началу или продолженію стачки—заключенію въ тюрьмѣ на время отъ 4 до 8 мѣсяцевъ, а прочіе участники—заключенію въ тюрьмѣ на время отъ 2 до 4 мѣсяцевъ. Участники стачки, прекратившіе таковую или приступившіе къ работамъ по первому требованію полицейской власти, отъ наказанія освобождаются“ (ст. 1358) ²⁾. Статьи эти составляютъ главное препятствіе для развитія самостоятельности рабочихъ относительно защиты ихъ правъ; сознаніе необходимости отиѣны такихъ стѣсненій правъ рабочихъ уже давно выразилось въ законодательствахъ западно-европейскихъ государствъ. Въ Англіи еще въ 1824 г. было уничтожено запрещеніе коалицій; въ Бельгіи свобода союзовъ установлена въ 1866 г., въ Саксоніи въ 1861 г., во Франціи въ 1864 г. По германскому Уставу о промышленности 1869 г. (§ 152) „всѣ запрещенія и опредѣленія наказаній относительно занимающихся промышленностью подмастерьевъ или фабричныхъ рабочихъ за сговоръ и стачку съ цѣлью достиженія болѣе благопріятныхъ условий работы и вознагражденія за нее, особенно посредствомъ прекращенія работы или отпуска рабочихъ, отиѣнены“. Законъ преслѣдуетъ только застрашиваніе тѣхъ рабочихъ, которые не желаютъ применить къ стачкѣ. Въ Австріи запрещеніе коалицій было отиѣнено въ 1870 г., въ Голландіи въ 1872 г. ³⁾.

¹⁾ „Вѣстн. Золот.“ 1896 г., № 3, стр. 56.

²⁾ Статьи 1358² и 1358³ устанавливають болѣе суровыя наказанія для участниковъ стачки, причинившихъ поврежденіе или уничтоженіе заводскаго или фабричнаго имущества или за принужденіе другихъ рабочихъ, посредствомъ насилія и угрозъ, прекратить работу.

³⁾ *Маймайъ*. „Профессіональные рабочіе союзы“. Перев. Н. Водовозова. Спб.

Въ огражденіе интересовъ рабочихъ вообще желательно также, чтобы какъ промышленники, такъ и рабочіи за неисполненіе договора одинаково подвергались лишь гражданской ответственности. Для этого необходимо отмѣнить ст. 51⁴ Уст. о наказ., налагаемыхъ мировыми судьями: „За самовольный отказъ отъ работы до истеченія найма виновный въ томъ фабричный или заводскій рабочій подвергается аресту не выше одного мѣсяца“. Постановленіе это стоитъ ниже уровня современнаго европейскаго законодательства, которое допускаетъ только гражданскую, а не уголовную ответственность рабочаго за нарушеніе контракта. Укажемъ въ видѣ примѣра на законодательство Германіи, гдѣ уничтожены прежнія наказанія рабочаго за оставленіе работы до срока найма и дѣло ограничивается лишь гражданской ответственностью ¹⁾. Въ уголовныхъ мѣрахъ за нарушеніе контракта съ золото-промышленниками нѣтъ въ настоящее время и необходимости, такъ какъ предложеніе рукъ превышаетъ спросъ и задатки весьма ничтожны. Что рабочіе вообще довольно аккуратно исполняютъ свои обязанности, видно изъ того, что въ Олекминскомъ округѣ долги, оставшіеся за нѣкоторыми рабочими, при раздѣленіи на всѣхъ рабочихъ, составляли (въ 1887—89 гг.) лишь 2—5 руб. на человѣка, т.-е. ничтожную сумму въ общемъ присковомъ бюджетѣ. Томскій окружной инженеръ Реутовскій считаетъ необходимымъ предоставить присковымъ рабочимъ „право побѣговъ“ ²⁾: это и означаетъ, другими словами, уничтоженіе уголовного преслѣдованія за оставленіе работы до срока найма.

Необходимо обратить вниманіе еще на слѣдующій, вредный для присковыхъ рабочихъ, обычай. На промыслахъ многихъ округовъ горные исправники по своему произволу, на основаніи непровѣренныхъ свѣдѣній присковыхъ управленій, составляютъ списки рабочихъ, „не подлежащихъ предъ наемъ“ (за лѣность, дурное поведеніе и проч.) ³⁾.

1895 г., стр. 113, 195, 227, 283. *Conrad u. Lexis*: „Handwörterbuch der Staatswissenschaften“, I. 611—612, IV, 691—696.

¹⁾ *Conrad u. Lexis*. „Handwörterbuch der Staatswissenschaften“. I, 757. Замѣтимъ кстати, что когда одно изъ губернскихъ присутствій установило совершенно неправильную практику по дѣламъ о неявкѣ или самовольномъ уходѣ сельскихъ рабочихъ, признавъ, что наниматель, не желающій возвращенія рабочаго, въ правѣ преслѣдовать его за неявку или самовольный уходъ въ уголовномъ порядкѣ, по ст. 51-й Уст. о наказаніяхъ налаг. мир. суд., то сенатъ разъяснилъ, что „такое преслѣдованіе возможно лишь со стороны полиціи, въ случаѣ неисполненія рабочимъ ея требованія о возвращеніи къ нанимателю, а наниматель въ правѣ либо просить полицію о представленіи такого требованія, либо исать вознагражденія за убытки въ порядкѣ гражданскомъ“. „Вѣстн. Европы“ 1894 г., № 9, стр. 361.

²⁾ „Вѣстн. Золот.“ 1896 г., № 12, стр. 244.

³⁾ Такіе списки рабочіе въ нѣкоторыхъ мѣстахъ называютъ „погаными“. См. выше т. II, стр. 122—123, 251—252, 294, 452—453.

Нѣтъ никакого основанія предоставлять такое право исправникамъ, находящимся въ полной экономической зависимости отъ золотопромышленниковъ, и присвоеніе его ими было вполне противозаконно. Въ виду этого, было бы желательно запретить горнымъ исправникамъ составленіе и распространеніе такихъ списковъ и вообще подвергнуть пересмотру инструкцію исправникамъ (1874 г.) и согласовать ее съ новыми правилами. Германское законодательство положительно воспрещаетъ нанимателямъ выражать какимъ-нибудь образомъ аттестацію рабочимъ ¹⁾).

Необходимо ограничить также слишкомъ широко практикуемую нынѣшними горными исправниками высылку рабочихъ съ присковъ. Такъ какъ присковъ районъ считается ненаселенною территоріей, то теперь разсчитанный присковымъ управленіемъ рабочій отправляется къ горному исправнику, и тотъ высылаетъ его въ первое жилое мѣсто (наприм., въ Олекминскомъ округѣ за нѣсколько сотъ верстъ). Рабочій обыкновенно опять тайно проникаетъ на приски, вновь высылается и проч., такъ что, какъ мы слышали отъ нѣкоторыхъ горныхъ исправниковъ, они сами считаютъ эту высылку нецѣлесообразной ²⁾.

Для успѣшности всѣхъ проектируемыхъ мѣръ необходимо прекращеніе указанной выше матеріальной зависимости горныхъ исправниковъ и окружныхъ инженеровъ отъ золотопромышленниковъ. Понятно, что, при, чуть не официальныхъ, приношеніяхъ со стороны золотопромышленниковъ, чины полиціи и горнаго вѣдомства чувствуютъ нерѣдко нѣкоторую слабость къ золотопромышленникамъ. Нельзя не признать справедливою мысль начальника главнаго тюремнаго управленія въ его запискѣ 1882 г., что если считать чиновъ полиціи и ихъ канцеляріи (а также, прибавимъ отъ себя, и окружныхъ инженеровъ) заслуживающими повышеннаго вознагражденія, котораго можетъ дѣйствительно требовать дороговизна жизни на прискахъ, въ такомъ случаѣ „было бы правильнѣе обложить золотопромышленниковъ особымъ сборомъ и употреблять его на усиленіе содержанія чиновъ полиціи, а также и горнаго вѣдомства“. (Эта мысль примѣнена уже теперь назначеніемъ на счетъ золотопромышленниковъ добавочнаго содержанія мировому судѣ въ витимскихъ прискахъ). Замѣтимъ, что послѣ того всякіе лишніе поборы должны преслѣдоваться, какъ лихоимство.

Въ высшей степени важный вопросъ въ жизни присковаго рабочаго (буде онъ женатъ) состоитъ въ томъ, можетъ ли онъ лѣвиться на прискъ съ женой, если она не нанята, въ то же время, на работу?

¹⁾ Гольденвейзеръ. „Соціальное законод. Герман. имперіи“, стр. 178. *Kulemann*. „Der Arbeiterschutz“, S. 69.

²⁾ См. выше т. II, стр. 449—452; срав. новые факты о высылкѣ рабочихъ съ промысловъ Томскаго горнаго округа „Міръ Божій“, 1897 г., № 12, стр. 15—16.

Въ настоящее время женщинъ на промыслахъ бываетъ весьма немного: Въ Томской губ., въ первой половинѣ 80-хъ годовъ, отъ 8 до 10%, въ Енисейской—5—10% ¹⁾, въ 1887—1889 гг. въ олекминской системѣ—9—11%, въ витимской—9—13% всего количества рабочихъ (и только на болѣе крупныхъ промыслахъ послѣднихъ двухъ системъ—12—19%). Многіе золотопромышленники стремятся уменьшить количество женщинъ, считая пребываніе ихъ на промыслахъ для себя обременительнымъ, и довести ихъ до 5%, а, между тѣмъ, и въ настоящее время малочисленность женщинъ на приискахъ вредно отзывается на здоровьѣ и нравственности рабочихъ. Это обстоятельство является причиной разврата, противоестественныхъ пороковъ и даже ужаснаго обычая „помочей“ (изнасилованіе женщины цѣлою массою рабочихъ въ видѣ мести за измѣну), а также безшабашныхъ кутежей при выходѣ съ нихъ рабочихъ (женатые рабочіе обыкновенно гораздо болѣе бережливы и сохраняѣе выносить свой заработокъ). Нельзя отрицать, что нынѣшняя приисковая обстановка неблагоприятно вліяетъ на нравственность женщинъ и можетъ вызвать нѣкоторое сомнѣніе, желательно ли увеличеніе ихъ числа на приискахъ. Но дѣло въ томъ, что съ увеличеніемъ на золотыхъ промыслахъ числа женатыхъ рабочихъ вредныя стороны приисковой жизни несомнѣнно ослабѣютъ, съ устройствомъ отдѣльныхъ помѣщеній для женатыхъ будетъ возможна болѣе нормальная семейная жизнь, и, во всякомъ случаѣ, лучше предоставить усмотрѣнію самихъ рабочихъ, брать или не брать женъ на прииски, чѣмъ насильственно вгонять ихъ въ нынѣшнія приисковыя условія.

Горнозаводскія присутствія по закону должны установить размѣръ вычета за содержаніе такихъ женъ рабочихъ, которыя не принимаютъ на себя работъ на приискѣ, и количество получаемой пищи (томскимъ горнозаводскимъ присутствіемъ это уже сдѣлано). Разъ будетъ установленъ такой вычетъ за содержаніе женщинъ на приискѣ, намъ кажется, можно дозволить рабочимъ приводить съ собою женъ безъ предварительнаго разрѣшенія приисковаго управленія или, другими словами, запретить высылку этихъ женщинъ безъ уважительныхъ причинъ и безъ разрѣшенія мѣстной администраціи.

Рабочіе получаютъ теперь расчетъ при окончаніи лѣтней операціи, и тутъ имъ выдается деньгами то, что осталось у нихъ отъ ихъ заработка за вычетомъ задатка, забора въ приисковыхъ лавкахъ вещами и припасами, а также и предварительныхъ денежныхъ выдачъ. И въ

¹⁾ Впрочемъ, въ 1890 г. женщины составляли на промыслахъ Томскаго горнаго округа почти 29% всѣхъ *взрослыхъ* рабочихъ, находившихся на промыслахъ, и въ 1888—90 гг. на промыслахъ южно-енисейскаго округа 14—15%, но позднѣе въ послѣднемъ оно опять уменьшилось.

настоящее время часть заработка выдается деньгами на прискахъ ранѣе разсчета. Но желательно, чтобы такія выдачи зависѣли не отъ произвола присковыхъ управленій, а производились всегда по желанію рабочихъ, если они не состоятъ въ долгу. По „Уставу о Промышленности“ (Св. Зак., т. XI, ч. II, изд. 1893 г., ст. 97), выдача рабочей платы должна производиться не менѣе 1 раза въ мѣсяцъ, если наемъ заключенъ на срокъ болѣе мѣсяца, и не рѣже 2 разъ въ мѣсяцъ при наймѣ на срокъ неопредѣленный. Поэтому и относительно присковыхъ рабочихъ должны быть установлены сроки, въ которые могутъ требовать выдачи денегъ тѣ, чей заработокъ превысилъ сдѣланный ими заборъ; не желающіе брать сами этихъ денегъ могутъ потребовать, чтобы золотопромышленники отправили эту сумму, куда они укажутъ. Золотопромышленники ссылаются на то, что они сами имѣютъ въ рукахъ деньги только послѣ сдачи золота; отвѣтомъ на это можетъ быть установленіе свободного обращенія золота.

Желательно также допустить пріѣздъ въ тайгу вольныхъ продавцовъ для продажи подобныхъ вещей и припасовъ. На возраженіе, что такимъ образомъ усилятся тайная торговля спиртомъ, можно отвѣтить, что торговля эта, все равно, производится, и, притомъ, самими золотопромышленниками едва ли не въ большемъ размѣрѣ, чѣмъ тайными спиртоносами; къ тому же, странствующие торговцы уже допускаются въ нѣкоторыхъ золотопромышленныхъ системахъ (наприм., въ сѣверной части Енисейскаго округа). Что касается возможности для такихъ продавцовъ тайной скупки золота, то она только побудитъ золотопромышленниковъ повысить плату за золото старателямъ. Всѣ эти возраженія падутъ съ установленіемъ свободного обращенія золота ¹⁾.

Закономъ 9 мая 1892 г. о надзорѣ за горными заводами на горныхъ инженеровъ возложено попеченіе объ учрежденіи школъ для малолѣтнихъ рабочихъ. Поэтому, при допущеніи употребленія на прискахъ такихъ рабочихъ, необходимо обязать хозяевъ всѣхъ тѣхъ присковъ, на которыхъ работаютъ болѣе 10 человекъ малолѣтнихъ рабочихъ и въблизи которыхъ нѣтъ школъ, устроить свою школу (срав. ст. 112—119 Уст. о промысл.).

Законъ 1895 г. о присковыхъ рабочихъ распространяется и на

¹⁾ Слѣдуетъ также опредѣлить, чтобы выдача вещей и припасовъ изъ присковыхъ складовъ тѣмъ рабочимъ, которые имѣютъ на нее право по своему заработку, производилась не разъ въ мѣсяцъ, какъ это обыкновенно дѣлается теперь, а во всякое время; теперь же на нѣкоторыхъ прискахъ, наприм., сносившему обувь рабочему приходится долго щеголять босикомъ до выдачи новыхъ вещей. По договору 1888 г. съ золотопромышленниками Иванцкимъ и Жилемъ, рабочимъ, нанявшимся на нихъ промыслы въ южной части Енисейскаго округа, разрѣшалось брать изъ ховяцкихъ складовъ одежныя вещи въ счетъ заработка не чаще одного раза въ 2 мѣсяца.

такъ называемыхъ старателей-золотничниковъ (см. о нихъ гл. IX). Такъ какъ по этому закону „составленіе дополнительныхъ правилъ, касающихся отношеній къ промысловому управленію рабочихъ, работающихъ артелью“, возлагается на присутствіе по горнозаводскимъ дѣламъ (А, 2, п. 3), то мы считаемъ необходимымъ обратить вниманіе Иркутскаго горнозаводскаго присутствія на „Условіе на золотничныя работы на промыслахъ Ленскаго золотопромышленнаго товарищества“ Ленскаго горнаго округа, напечатанное въ брошюрѣ горн. инж. Л. Граумана объ этомъ товариществѣ. Такъ какъ контрактъ съ золотничниками напечатанъ послѣ общаго контракта операціи 1895—96 г., то слѣдуетъ думать, что и условіе съ золотничниками относится къ этой операціи, т.-е. уже послѣ изданія закона 1895 г., а между тѣмъ въ немъ есть постановленія, противорѣчащія этому закону. Такъ, напр., въ условіи (§ 17) постановлено, что „въ случаѣ если бы правленію потребовались рабочіе, то золотничники обязаны давать таковыхъ изъ своихъ артелей въ количествѣ не болѣе двухъ человекъ съ артели... За уклоненіе отъ этихъ работъ виновная артель подвергается штрафу въ размѣрѣ 3 руб. за каждую требовавшуюся поденщину“. Между тѣмъ по закону 1895 г. (§ 53) „для рабочихъ, получающихъ задѣльную плату, взысканіе за прогулъ опредѣляется не свыше одного рубля за прогульный день“. По 19 § Условія съ каждаго золотничника производится вычетъ по 2 р. одновременно на содержаніе пріюта для больныхъ и безпріютныхъ рабочихъ близъ резиденціи Горнаго Исправника. Между тѣмъ по 14 § закона 1895 г. запрещается включеніе въ договоры условій „о производствѣ завѣдывающимъ промысломъ съ рабочихъ вычетовъ и взысканій“, не предусмотрѣнныхъ этимъ закономъ. Далѣе въ § 20 „Условія“ за неявку на экстренныя работы (въ случаѣ пожара, наводненія и проч.) золотничнику грозитъ штрафъ въ 10 р., между тѣмъ по 55 ст. закона 1895 г. въ Олекминской системѣ денежное взысканіе за отдѣльное нарушеніе порядка не можетъ превышать 5 р. Наконецъ въ § 23 „Условія“ сказано: „еслибы кто-либо изъ золотничниковъ потерпѣлъ во время работъ увѣчья или ушибъ, то промысловое управленіе не отвѣтствуетъ предъ нимъ имущественно, и золотничникъ не вправе искать вознагражденія судебнымъ порядкомъ“. Этотъ пунктъ условія противорѣчитъ 676 ст. Горнаго Устава (изд. 1893 г.), сохранившей свою силу и послѣ изданія закона 1895 г. и несомнѣнно распространяющейся и на золотничниковъ, такъ какъ рабочими на промыслахъ признаны всѣ служащіе на нихъ по вольному найму, въ томъ числѣ и „работающіе артелью“ (срав. законъ 20 февр. 1895 г. А, 2, п. 3 и Б, 2). Горная администрація обязана не допускать существованія на промыслахъ такихъ противозаконныхъ контрактовъ. Не зная о существованіи рассматриваемаго до-

говора мѣстная администрація не могла, такъ какъ онъ появился въ печатномъ отчетѣ.

Пріисковыя работы принадлежать къ числу наиболѣе трудныхъ, и хорошо справляться съ ними могутъ только молодые и вполне здоровые люди. Крайне утомительно, во-первыхъ, путешествіе на золотые промыслы и обратно на родину. Какія огромныя пространства приходится проѣзжать и проходить рабочему, видно изъ того, что олекминскіе промыслы (Якутской области) почти на 2,000 верстъ отстоятъ отъ Иркутска, а нѣкоторые рабочіе приходятъ на нихъ не только изъ Западной Сибири, но и изъ Европейской Россіи. Обратный путь съ пріисковъ приходится совершать осенью, въ сентябрѣ и октябрѣ, что при суровомъ сибирскомъ климатѣ оказывается дѣломъ не легкимъ. Работа на пріискахъ производится или на открытомъ воздухѣ, такъ что рабочій подвергается всѣмъ вліяніямъ переменчиваго таежнаго климата, или (хотя и рѣже) въ шахтахъ подъ землею. Крайне неудовлетворительныя помѣщенія, питаніе большую часть года солониной,—все это подтачиваетъ здоровье рабочего, вызываетъ развитіе цинги въ большихъ размѣрахъ и, въ концѣ-концовъ, приводитъ къ преждевременной старости.

„Пріисковый рабочій,—говоритъ одинъ мѣстный наблюдатель,—изнашивается очень скоро. Лѣтъ 10 онъ работаетъ какъ забойщикъ на высшемъ окладѣ, затѣмъ онъ уже радъ, если попадетъ въ возчики, а потомъ счастливы изъ нихъ добиваются должности караульщика, рабочего при резиденціи или на зимовьѣ, большинство же пропадаетъ Богъ знаетъ гдѣ и неизвѣстно чѣмъ кормить свое старое, изможденное тѣло... Тайга быстро выбрасываетъ всѣхъ тѣхъ, въ комъ замѣтны признаки физической слабости... На резиденціяхъ нѣкоторыхъ, очень немногихъ, компаній такимъ выслужившимся рабочимъ владѣльцы выдаютъ содержаніе и небольшую пенсію на старости лѣтъ. Трудно повѣрить, глядя на этихъ дряхлыхъ, еле волочащихъ ноги стариковъ, тому, что они рассказываютъ про себя, что другіе рассказываютъ про нихъ. Оказывается, что лѣтъ пятнадцать назадъ это были геркулеса, дивившіе тайгу своею богатырскою силой и выносливостью... Но немногіе и у немногихъ лучшихъ хозяевъ находятъ пріютъ и кусокъ хлѣба на старости“¹⁾).

Когда „дряхлость, продолжительная болѣзнь или увѣче,—говоритъ г. Пантелѣевъ,—преграждаютъ дорогу на пріиски, для бывшаго пріисковаго рабочего открывается вполне безотрадное будущее. Своего дома и хозяйства, по большей части, нѣтъ, а сбереженій отъ прежнихъ заработковъ никакихъ. Сначала онъ ищетъ въ городахъ легкой работы, но постепенно и тутъ для него становится труднѣе находить средства къ

¹⁾ „Восточное Обозрѣніе“ 1891 г., № 50, стр. 2—3.

существованію; тогда онъ переселяется въ деревню, гдѣ по временамъ нанимается въ пастухи, въ сторожа поскотины, но преимущественно живетъ мірскимъ подаваніемъ. Кто часто ѣздилъ по большому сибирскому тракту, тотъ на каждомъ шагу встрѣчалъ безпріютныхъ стариковъ и калѣкъ и, вступивши съ ними въ разговоръ, нерѣдко узнавалъ, что они когда-то ходили на приски¹⁾.

Такимъ образомъ, въ помощи нуждаются рабочіе, получившіе увѣчы отъ несчастныхъ случаевъ на промыслахъ или потерявшіе здоровье и силы на присковыхъ работахъ и вслѣдствіе этого неспособные къ пропитанію собственнымъ трудомъ, семейства тѣхъ и другихъ рабочихъ, а также лишившихся жизни на промыслахъ вслѣдствіе несчастныхъ случаевъ. Между тѣмъ, въ настоящее время золотопромышленники крайне рѣдко выдаютъ пенсіи рабочимъ и ихъ семействамъ, а обыкновенно только единовременныя пособія, высшій размѣръ которыхъ рѣдко превышаетъ тысячу рублей. На эти деньги увѣчному семейству убитаго прожить невозможно.

И. М. Сибиряковъ пожертвовалъ капиталъ въ 420,000 рублей на вспомошествованіе рабочимъ и ихъ семействамъ на золотыхъ промыслахъ Якутской области, имени его отца, Михаила Александровича Сибирякова. Осенью 1893 г. жертвователь обратился ко мнѣ съ предложеніемъ составить проектъ правилъ выдачи пособій изъ процентовъ съ жертвуемаго капитала. Положеніе объ этомъ капиталѣ съ Высочайшаго соизволенія утверждено 15-го марта 1894 года министромъ государственныхъ имуществъ²⁾.

Болѣе нормальная постановка промышленнаго труда, безъ сомнѣнія, одна изъ главныхъ задачъ нашего времени; во всемъ ея объемѣ она можетъ быть разрѣшена лишь законодательнымъ путемъ, но и частныя лица, и всего болѣе тѣ, которыхъ судьба сдѣлала участниками въ веденіи промышленныхъ предпріятій, обязаны позаботиться объ облегченіи тяжелой доли рабочаго.

Организація помощи присковымъ рабочимъ затрудняется совершенно оригинальными условіями, при которыхъ производится добыча золота. Между тѣмъ какъ фабрики и заводы Европейской Россіи находятся въ мѣстахъ населенныхъ, и нерѣдко весьма значительная часть рабочихъ вербуются изъ числа мѣстныхъ жителей, Витимская и Олекминская золотоносныя системы Якутской области расположены въ районѣ, который считается ненаселеннымъ; въ немъ допускается пребываніе лишь тѣхъ рабочихъ, которые въ данное время наняты на золотые про-

1) „Вост. Обзор.“ 1885 г., № 25, стр. 2.

2) Оно напечатано въ „Собр. узак. и распор. правительства“ 1894 г., № 142, стр. 1029, а также и отдѣльною брошюрою.

мысли. Рассчитанный рабочий немедленно выдворяется изъ промысловаго района въ первое жилое мѣсто, которое отстоитъ отъ промысловъ Витимской системы на нѣсколько сотъ верстъ. Рабочіе, нанимающіеся на промыслы, обыкновенно бываютъ уроженцами не Якутской области, а приходятъ изъ болѣе отдаленныхъ отъ промысловъ мѣстностей Сибири и даже Европейской Россіи. Такимъ образомъ присковые рабочіе разсѣяны на огромной территоріи, и это составляетъ сильный аргументъ въ пользу того, чтобы организацію помощи этимъ рабочимъ взяло въ свои руки правительство, но до тѣхъ поръ, пока этого нѣтъ, пока не существуетъ никакого соглашенія между золотопромышленниками относительно помощи рабочимъ на промыслахъ извѣстнаго округа, пока въ Иркутскѣ нѣтъ общества вспомошествованія присковымъ рабочимъ, частному лицу, желающему оказать имъ существенную помощь, приходится обратиться съ этою цѣлью къ посредству мѣстнаго учрежденія, вѣдающаго золотые промыслы.

Вопросъ о томъ, кому ввѣрить расходование процентовъ съ капитала имени М. А. Сибирякова на вспомошествованіе рабочимъ, въ Положеніи о немъ рѣшается такимъ образомъ: выдача пособій рабочимъ Якутской области организуется при иркутскомъ горномъ управленіи, въ завѣдываніи котораго находятся промысла этой мѣстности. Правда, Иркутскъ далеко отстоитъ отъ Витимской и Олекминской золотоносныхъ системъ, и незнакомые съ условіями жизни присковыхъ рабочихъ могутъ подумать, что было бы цѣлесообразнѣе организовать помощь въ самомъ присковомъ районѣ; но это совершенно неудобно. На промыслахъ Олекминскаго округа, Якутской области, официальными лицами во время составленія Положенія о названномъ капиталѣ были лишь окружной инженеръ и два горные исправника, но эти лица находятся въ экономической зависимости отъ золотопромышленниковъ, а три присковыхъ врача этого округа состоятъ прямо у нихъ на жалованьѣ; такимъ образомъ, въ этомъ округѣ вовсе не было представителей власти, которые могли бы отнестись къ настоящему дѣлу съ полною самостоятельностью, а это необходимо для того, чтобы вспомошествованія изъ процентовъ съ пожертвованнаго капитала не избавляли золотопромышленниковъ отъ денежной отвѣтственности по закону при несчастныхъ случаяхъ съ рабочими. По этой же причинѣ было бы еще болѣе немислямо довѣрить расходование названныхъ суммъ самимъ олекминскимъ золотопромышленникамъ, хотя необходимость производить нѣкоторые общіе расходы создаетъ среди нихъ извѣстную организацію и хотя было бы весьма желательно, чтобы, послѣдовавъ примѣру жертвователя, они подумали о томъ, что можно сдѣлать для вспомошествованія присковымъ рабочимъ.

Въ помощи особенно нуждаются рабочіе, получившіе увѣщье отъ

несчастныхъ случаевъ на промыслахъ или потерявшіе здоровье и силы на пріисковыхъ работахъ и вслѣдствіе этого неспособные къ пропитанію собственнымъ трудомъ, семейства тѣхъ и другихъ рабочихъ, а также лишившихся жизни на промыслахъ какъ отъ болѣзни, такъ и вслѣдствіе особыхъ несчастныхъ случаевъ. Этими лицамъ и производится пособіе изъ пожертвованнаго капитала ¹⁾. При этомъ не лишаются права на помощь и тѣ рабочіе, которые пострадали вслѣдствіе собственной неосторожности ²⁾.

Выдача пособій изъ процентовъ съ жертвуемаго капитала организована при иркутскомъ горномъ управленіи, въ завѣдываніи котораго находятся золотые промыслы Якутской области. Но учрежденію этому подчинены лишь представители горной администраціи (окружные инженеры) на самыхъ промыслахъ; между тѣмъ бывшіе пріисковые рабочіе разбѣяны по всей Сибири и въ восточныхъ губерніяхъ Европейской Россіи, и слѣдовательно въ дѣлѣ оказанія имъ помощи необходимо содѣйствіе и общей администраціи. Поэтому необходимо было распределеніе пособій изъ процентовъ съ жертвуемаго капитала ввѣрить такому учрежденію, въ которомъ представители горнаго вѣдомства соединялись бы съ представителями общей администраціи и юстиціи; это обезпечиваетъ и наилучшій контроль правильнаго расходованія денежныхъ суммъ.

Такимъ учрежденіемъ является устанавливаемое Высочайше утвержденнымъ 9-го марта 1892 г. мѣншіемъ Государственнаго Совѣта присутствіе по горнозаводскимъ дѣламъ, которое образуется при горномъ управленіи, подъ предсѣдательствомъ начальника этого послѣдняго, изъ помощника начальника, представителя отъ министерства внутреннихъ дѣлъ, по назначенію министра внутреннихъ дѣлъ, лица прокурорскаго надзора, по назначенію министра юстиціи, и двухъ представителей частной горной промышленности, причемъ въ засѣданія присутствія для назначенія пособій изъ означеннаго капитала приглашаются: 1) представитель жертвователя, по его указанію (или онъ самъ, если будетъ находиться въ Иркутскѣ), и 2) врачъ, выбираемый съ этою цѣлью иркутскимъ Обществомъ врачей Восточной Сибири на три года ³⁾.

¹⁾ Состоявшіе въ личномъ услуженіи у представителей пріисковаго управленія не будутъ имѣть права на пособіе, за исключеніемъ тѣхъ, которые были вмѣстѣ съ тѣмъ и на пріисковыхъ работахъ.

²⁾ Изъ числа лицъ, имѣющихъ право на пособіе, исключены распорядители работъ и надзирающіе за рабочими, вообще такъ-называемые служащіе на золотыхъ пріискахъ. Правда, положеніе низшихъ служащихъ бываетъ силою и рядомъ не лучше положенія рабочихъ, но нѣкоторые компаніи (напримѣръ, компанія Промышленности) имѣютъ для вспоможенія имъ особый капиталъ.

³⁾ До учрежденія въ Иркутскѣ присутствія по горнозаводскимъ дѣламъ для завѣдыванія этимъ дѣломъ былъ составленъ при иркутскомъ горномъ управленіи особый комитетъ изъ начальника горнаго управленія или его помощника, представителя отъ

Пособія единовременныя, продолжительныя и постоянныя (пенсіи) назначаются пострадавшимъ пріисковымъ рабочимъ (и ихъ семействамъ), а также семействамъ умершихъ пріисковыхъ рабочихъ всѣхъ разрядовъ и наименованій безъ различія въ вѣроисповѣданіи, сословіи и правахъ состоянія, хотя бы они находились самое непродолжительное время на пріисковыхъ работахъ золотыхъ промысловъ Якутской области. Право на пособіе не обусловливается извѣстнымъ срокомъ пребыванія на промыслахъ, потому что пріисковыя работы не принадлежать къ числу такихъ, на которыя желательно было бы искусственно привлекать рабочихъ. Жертвователю желать, чтобы лишенные правъ состоянія и сосланные въ каторжную работу, если они работали на пріискахъ Якутской области (какъ это было въ 70-хъ и первой половинѣ 80-хъ годовъ по инициативѣ генераль-губернатора Восточной Сибири Синельникова), имѣли такое же право на вспомошествованіе, какъ и остальные рабочіе. Тѣмъ болѣе должны были имѣть это право ссыльнопоселенцы, которыхъ находится не мало на пріискахъ Якутской области (въ первой половинѣ 80-хъ годовъ они составляли 37—41% всѣхъ рабочихъ).

Пособія выдаются исключительно въ денежной формѣ: устройство богадѣленъ и вообще вспомошествованія натурою изъ процентовъ съ жертвуемаго капитала не допускаются. Изъ процентовъ съ капитала въ 420.000 руб. проценты съ 10.000 руб. назначаются на расходы по веденію дѣла, а изъ дохода съ остальнаго капитала (за вычетомъ почтовыхъ расходовъ на пересылку денегъ) $\frac{4}{10}$ назначается на пенсіи, $\frac{4}{10}$ на продолжительныя пособія и $\frac{2}{10}$ на пособія единовременныя. Тѣ рабочіе, которымъ будетъ назначена пенсія отъ золотопромышленниковъ, не имѣютъ права на пенсіи и пособія изъ процентовъ съ капитала М. А. Сибирякова, но выдача единовременнаго пособія отъ золотопромышленника не препятствуетъ оказанію помощи такому рабочему ¹⁾, хотя, разумѣется, при прочихъ равныхъ условіяхъ, предпочтеніе должно быть отдаваемо такому нуждающемуся рабочему (изъ имѣющихъ право на пособіе) или семейству такого рабочаго, которые не получили никакого

министерства внутреннихъ дѣлъ, по назначенію генераль-губернатора, лица прокурорскаго надзора, по назначенію губернскаго прокурора, представителя золотопромышленниковъ Якутской области, врача, по выбору якутскаго Общества врачей Восточной Сибири (два послѣднихъ лица выбирались на три года) и представителя жертвователя.

¹⁾ Впрочемъ, въ положеніи о выдачѣ пособій сдѣлана такая оговорка: „лица, имѣющія право на вспомошествованіе съ золотопромышленниковъ по закону, но не воспользовавшіяся имъ въ полной мѣрѣ, не имѣютъ права на вспомошествованіе изъ капитала имени М. А. Сибирякова“. Нарушеніе этого правила допускается лишь въ исключительныхъ случаяхъ. Цѣль этой оговорки состоитъ въ томъ, чтобы помѣшать золотопромышленникамъ уменьшать пособія пострадавшимъ рабочимъ (при добровольномъ съ ними соглашеніи) ссылкой на возможность полученія пособія изъ нынѣ жертвуемаго капитала.

вспомоществованія отъ золотопромышленника. Такъ какъ предполагалось, что число лицъ, имѣющихъ право на пособіе, будетъ всегда болѣе того числа рабочихъ, которымъ можетъ быть оказана помощь, то постановлено отдавать преимущество тѣмъ рабочимъ, которые находились или пострадали при собственно горныхъ работахъ. Это преимущество вполне заслужено, такъ какъ горныя работы (вскрываніе торфа, т. е. незолотоснаго пласта, добыча золотоносныхъ песковъ, отвозка того и другого, промывка пласта и отвозка отбросовъ послѣ нея) являются самыми тяжелыми изъ пріисковыхъ работъ.

Продолжительныя и постоянныя пособія (пенсіи) увѣчнымъ назначаются въ размѣрѣ не болѣе 10 р. въ мѣсяцъ (120 руб. въ годъ), для мѣстностей же Сибири, отличающихся особою дешевизною жизни, а также и лицамъ, не обремененнымъ семействомъ, могутъ быть назначаемы и въ меньшемъ размѣрѣ.

Такъ какъ внесенный жертвователемъ капиталъ долженъ храниться неприкосновенно въ иркутскомъ отдѣленіи государственнаго банка, а расходоваться будутъ только проценты, то естественно возникаетъ вопросъ, что дѣлать въ случаѣ существенныхъ измѣненій въ положеніи пріисковыхъ рабочихъ Якутской области. Измѣненія эти могутъ быть вызваны или принятіемъ законодательнымъ путемъ мѣръ, обезпечивающихъ положеніе тѣхъ рабочихъ, которымъ желаетъ оказывать помощь жертвователь, или паденіемъ золотопромышленности Якутской области и вмѣстѣ съ тѣмъ уменьшеніемъ количества занятыхъ въ ней рабочихъ въ такой степени, что проценты съ жертвуемаго капитала не могутъ быть всѣ израсходованы. Эти вопросы разрѣшаются въ положеніи такимъ образомъ: въ случаѣ „установленія иныхъ способовъ обезпеченія рабочихъ отъ несчастныхъ случаевъ на золотыхъ промыслахъ“ (напр., учрежденія государственнаго страхованія рабочихъ или изданія закона объ отвѣтственности отдѣльныхъ предпринимателей) проценты съ капитала имени М. А. Сибирякова обращаются на выдачу пенсій и пособій рабочимъ, потерявшимъ здоровье и силы на пріисковыхъ работахъ и семействамъ умершихъ на промыслахъ; въ случаѣ же „обезпеченія потерявшихъ здоровье и силы на промыслахъ“ (напр., введенія и для нихъ государственнаго страхованія) пособия выдаются семействамъ умершихъ тамъ отъ болѣзней и другихъ несчастныхъ случаевъ ¹⁾. Если число рабочихъ на промыслахъ Якутской области уменьшится до 1.000 человекъ наличныхъ, то пособия будутъ выдаваться рабочимъ золотыхъ про-

¹⁾ Въ виду этихъ, совершенно ясныхъ постановленій Положенія о капиталѣ имени М. А. Сибирякова, не могутъ быть приняты несогласныя съ нимъ предложенія относительно этого капитала (срав. предложеніе г. Граумана въ „Вѣсти. Золот.“ 1897 г. № 11, стр. 118).

мысловъ всей Восточной Сибири, а если бы золотопромышленность всей Восточной Сибири настолько пришла въ упадокъ, что ея будетъ занято менѣе 1.000 рабочихъ, то пособія могутъ быть выдаваемы и всѣмъ вообще горнымъ рабочимъ Восточной Сибири, причемъ заведываніе этимъ капиталомъ должно быть поручено тому правительственному учрежденію, въ вѣдѣніи котораго будутъ находиться эти рабочіе.

Таковы основныя начала Положенія о капиталѣ имени М. А. Сибирякова для выдачи пособій присконымъ рабочимъ Якутской области.

Это крупное пожертвованіе не можетъ не вызвать живѣйшаго сочувствія всѣхъ тѣхъ, кому дороги интересы рабочихъ. Исторія Сибири представляетъ примѣры и другихъ крупныхъ пожертвованій на просвѣщеніе, благотворительность и тому подобное, но до сихъ поръ не было сдѣлано никѣмъ такой крупной жертвы въ пользу рабочихъ. Это дѣло само-по-себѣ прекрасное, но оно прекрасно и какъ примѣръ, какъ громкое признаніе общественной обязанности, лежащей на всѣхъ владѣльцахъ торговыхъ, промышленныхъ и сельскохозяйственныхъ предприятий. Къ сожалѣнію, объ этой обязанности думаютъ весьма немногіе.

Та польза, которую немедленно должно было приносить пожертвованіе И. М. Сибирякова, была сильно ограничена совершенно неправильнымъ постановленіемъ въ 1895 году комитета, заведывавшаго выдачами пособій изъ этого капитала. Опасаясь, очевидно, слишкомъ большаго наплыва просителей, а также предполагая, что за старые годы невозможно будетъ получить справокъ, комитетъ совершенно произвольно постановилъ, что право на пенсіи и пособія могутъ имѣть только тѣ рабочіе, которые будутъ находиться на промыслахъ со времени утвержденія положенія о капиталѣ имени М. А. Сибирякова, т.-е. съ марта 1894 г. ¹⁾ Постановленіе это совершенно противорѣчитъ желанію жертвователя, чтобы правомъ на пенсіи и пособія пользовались всѣ рабочіе, когда-либо бывшіе на золотыхъ промыслахъ въ Якутской области, въ томъ числѣ и прежніе ссыльно-каторжные и поселенцы. Желаніе это было выражено въ проектѣ Положенія, представленномъ мною въ Горный Департаментъ, и если оно не сохранилось въ текстѣ § 2 Положенія, то только потому, что упоминаніе о немъ было признано Горнымъ

¹⁾ Комитетъ постановилъ „всѣ ходатайства рабочихъ, пострадавшихъ на прискахъ до 15-го марта 1894 г. оставлять безъ удовлетворенія, потому что пострадавшіе на прискахъ ранѣе лица или ихъ семейства получили отъ золотопромышленниковъ пособія и вознагражденія, между тѣмъ какъ вновь пострадавшіе лица не могутъ уже рассчитывать на особенное призерніе въ виду существованія капитала имени М. А. Сибирякова (?), и сверхъ того по невозможности собрать достовѣрныя свѣдѣнія о бывшихъ за прошедшее время на прискахъ рабочихъ“. Ссылка при этомъ на 60 ст. т. I, ч. I Св. Зак., изд. 1892 г. совершенно не соответствуетъ данному случаю. „Иркут. Губ. Вѣд.“ 1896 г. № 14.

Департаментомъ излишнимъ, такъ какъ въ Положеніи не сдѣлано никакихъ оговорокъ ни относительно времени нахождения рабочихъ на промыслахъ, ни относительно принадлежности ихъ къ тому или другому разряду населенія Сибири. Предположеніе о томъ, что за прежніе годы нельзя навести справокъ относительно пребыванія того или другого рабочаго на промыслахъ, совершенно неосновательно: во всѣхъ благоустроенныхъ компаніяхъ хранятся прежнія расчетныя книги, въ которыхъ и можно навести необходимую справку, если только извѣстно, въ какомъ году рабочій былъ на прискахъ. Могло бы случиться, что не оказалось свѣдѣній о рабочемъ, находившемся на прискахъ компаніи, прекратившей свое существованіе, но изъ того, что пришлось бы отказывать нѣсколькимъ рабочимъ по бездоказательности ихъ просьбъ, никакъ не слѣдовало, что нужно лишить права на пенсіи и пособія всѣхъ рабочихъ, бывшихъ на прискахъ до 15-го марта 1894 г.

Постановленіе это привело къ очень грустнымъ послѣдствіямъ: въ теченіе 1895 г. изъ капитала имени М. А. Сибирякова было выдано всего пенсій на сумму 171 р. и продолжительныхъ пособій на 52 р., въ 1896 г. пенсій—954 р. и продолжительныхъ пособій—346 р., ¹⁾ а десятки тысячъ рублей отчислены въ расходный капиталъ на будущее время ²⁾. Конечно со временемъ число лицъ, пользующихся пенсіями и пособиями, будетъ все увеличиваться, но къ сожалѣнію, безъ всякой основательной причины, уменьшается та польза, которую могъ бы приносить этотъ капиталъ особенно теперь, когда не существуетъ еще государственнаго страхованія рабочихъ.

Какъ ни велико пожертвованіе, вызвавшее настоящую замѣтку, оно могло бы обезпечить лишь часть всѣхъ нуждающихся въ помощи, если бы они пожелали обратиться за нею. Количество рабочихъ обоаго пола на промыслахъ Олекминскаго округа колебалось въ 80-хъ годахъ между 10^{1/2} и 13 тысячами человекъ, количество же умершихъ отъ болѣзни и всевозможныхъ несчастныхъ случаевъ въ среднемъ выводѣ за семь лѣтъ (1879—1884 и 1887 гг.) равняется 112 человекамъ въ годъ, не считая потерпѣвшихъ увѣчья („ушибленныхъ при работахъ“) ³⁾. А какъ много такихъ рабочихъ, которые, хотя и не получили никакого увѣчья, но тѣмъ не менѣе, вслѣдствіе продолжительной работы на прискахъ, „выработались“, какъ тамъ говорятъ, т.-е. потеряли силу и здоровье и сдѣлались инвалидами золотопромышленности! Нужно

¹⁾ Въ 1896 г. пенсій и продолжительныхъ пособій получали всего 10 лицъ.

²⁾ „Иркут. Губ. Вѣд.“ 1897 г. № 19; „Вѣстникъ Золотопромышл.“ 1897 г. № 11, стр. 253.

³⁾ Этыхъ послѣднихъ, по официальнымъ свѣдѣніямъ, было въ 1881 г. 8 чел., въ 1882—2, въ 1883—8, въ 1884—12, въ 1886—18, въ 1887—17 чел.

также помнить, что вспомошествованія изъ процентовъ съ жертвуемаго капитала будутъ выдаваться только рабочимъ Олекминскаго округа, а всего рабочихъ, занятыхъ золотопромышленностью въ Сибири и Европейской Россіи, считалось въ 1892 г., по официальнымъ свѣдѣніямъ горнаго департамента, 103.624 чел.,—цифра несомнѣнно гораздо ниже дѣйствительнаго количества рабочихъ, судя по тому, что въ Олекминскомъ округѣ, по этимъ свѣдѣніямъ, числилось всего 7.660 рабочихъ ¹⁾).

Пока государство не взяло въ свои руки обезпеченія рабочихъ, пострадавшихъ на пріискахъ, и ихъ семей, желательно было бы, чтобы сами золотопромышленники, а также и сибирское общество подумали объ организаціи помощи пріисковымъ рабочимъ. Въ этомъ направленіи не сдѣлано пока ничего, но начинается распространяться сознаніе, что нужно сдѣлать хоть что-нибудь ²⁾. Мы упоминали ³⁾ о предположеніяхъ въ этомъ отношеніи Л. О. Пантелѣева, когда онъ управлялъ Ниманскими золотыми промыслами Амурскаго округа (1883 г.). Мысль г. Пантелѣева въ нѣсколько измѣненномъ видѣ предлагать г. Черемныхъ: по его мнѣнію, рабочіе могутъ вносить по одной копѣйкѣ съ рубля додачи (какъ непосредственно за работу, такъ и за подъемное золото), а золотопромышленники вдвое большую сумму. Г. Черемныхъ полагаетъ, что средняя додача „у всѣхъ солидныхъ компаній“ въ Енисейскомъ округѣ достигаетъ 60 р. на человѣка, „а въ остальныхъ округахъ“ Енисейской губ., „считая тутъ и системы съ убогимъ содержаніемъ золота, до 40 р.“. Въ среднемъ онъ принимаетъ 50 руб. на человѣка ⁴⁾. „Всѣхъ рабочихъ въ Енисейской губерніи“,—по словамъ г. Черемныхъ,—„до 12.000 человѣкъ, слѣдовательно, въ первый же годъ поступить 12.000 р. отъ золотопромышленниковъ и 6.000 р. отъ рабочихъ, а всего 18.000 р. Капиталъ не малый для перваго года, а *по прошествіи 10 лѣтъ уже исполнѣ солидный!* Такой суммы оказалось бы достаточно, если не для устройства богадѣленъ, *съ которыхъ, пожалуй, рабочіе и жить не станутъ*, то по крайней мѣрѣ для выдачи ежемѣсячныхъ пенсій, въ размѣрѣ, вполне достаточномъ для пропитанія въ крестьянской семьѣ“ ⁵⁾. Единовременныя пособія авторъ считалъ не цѣлесообразными ⁵⁾. Въ приведенныхъ словахъ важно указаніе на то,

¹⁾ Очевидно, по вычисленію на годовыхъ рабочихъ.

²⁾ Золотопромышленники Устькаменогорскаго и Зайсанскаго уѣздовъ на сѣздѣ 1894 г. рѣшили вносить по 10 коп. съ каждаго рабочаго на помощь увѣчнымъ и выработавшимся пріисковымъ рабочимъ („Вѣстн. Золотопр.“ 1894 г., № 24, стр. 416). Вносить этотъ, разумѣется, слишкомъ ничтоженъ.

³⁾ См. т. II, стр. 553—554.

⁴⁾ Какъ средняя для всѣхъ промысловъ даже Енисейскаго округа, эта цифра слишкомъ велика; изъ отчетовъ окружныхъ инженеровъ въ сѣверной и южной его части за 1888 г. видно, что средняя додача въ этомъ году равнялась 30—35 р.

⁵⁾ „Вѣстникъ Золотопромышленности“, 1893 г., № 4, стр. 66.

что рабочіе очень несочувственно относятся къ богадѣльнямъ ¹⁾; что же касается основныхъ началъ проекта г. Черемныхъ, то, не говоря уже о томъ, что въ виду меньшаго, чѣмъ онъ предполагаетъ, средняго размѣра додачи, получилось бы денегъ менѣе, чѣмъ выходитъ по его расчету, слѣдуетъ не забывать, что теперь по закону 1895 г. о наймѣ рабочихъ на золотые промыслы (ст. 14) запрещается вносить въ договоры условіе о производствѣ нанIMATEЛЕМЪ вычетовъ, не предусмотрѣнныхъ закономъ ²⁾.

Другую попытку придти на помощь главнымъ труженикамъ золото-промышленности представляетъ томское „Общество вспомошествованія рабочимъ горныхъ и золотыхъ промысловъ“, уставъ котораго утвержденъ въ 1894 г. Это первое общество въ Сибири, труды котораго специально посвящены интересамъ рабочаго класса. По уставу, цѣль Общества состоитъ въ слѣдующемъ: 1) снабжать одеждою, пищею и пріютомъ рабочихъ, которые при работахъ на горныхъ и золотыхъ приискахъ лишились возможности трудиться, вслѣдствіе увѣчья или утраты здоровья и силъ, а въ крайнихъ случаяхъ выдавать имъ и денежныя пособія; 2) устраивать особые пріюты для такихъ рабочихъ; 3) содѣйствовать матеріальными средствами къ скорѣйшему и усиленному излѣченію увѣчныхъ и давать пособія ихъ семействамъ, и 4) оказывать содѣйствіе къ страхованію рабочихъ отъ несчастныхъ случаевъ въ страховыхъ обществахъ ³⁾.

Желательно было бы, чтобы общество вспомошествованія приисковыми рабочимъ, но съ болѣе широкою программою, было учреждено также и въ Иркутскѣ; толчкомъ къ этому можетъ послужить крупное пожертвованіе въ пользу рабочихъ И. М. Сибирякова, тѣмъ болѣе, что, на случай основанія такого общества, жертвователь сохранилъ за собою право передать ему весь капиталъ или часть его ⁴⁾.

¹⁾ Противъ богадѣленъ высказался также и г. Янчуковский на сѣздѣ золото-промышленниковъ въ г. Читѣ. „Вост. Обзор.“ 1886 г., № 14, стр. 3.

²⁾ И. Д. Черемныхъ, умершій въ 1894 г., оставилъ завѣщаніе, по которому опредѣлилъ весь свой капиталъ, имѣющій остаться за покрытиемъ болѣе 200.000 р. кредита, съ ежегоднымъ выдѣломъ по 600 р. его женѣ и дѣтямъ и 2% прибыли душеприказчику, положить въ банкъ для образованія капитала для престарѣлыхъ и увѣчныхъ приисковыхъ рабочихъ. „Вѣстн. Золот.“ 1894 г. № 3, стр. 74; ср. 1896 № 3, стр. 56. Подробный разсказъ душеприказчика И. Д. Черемныхъ, г. Лазичева, о томъ, въ какомъ затруднительномъ положеніи онъ очутился, вслѣдствіе различныхъ неблагоприятныхъ обстоятельствъ, желая исполнить волю покойнаго, см. въ газетѣ „Енисей“ 1897 г. №№ 72 и 75.

³⁾ См. уставъ этого Общества въ „Томскомъ Справочномъ Листкѣ“ 1894 г. № 57 и въ „Вѣстн. Золот.“ 1894 г. № 13. Къ 1898-му году Общество имѣло капиталъ 18233 р. „Сиб. Жизнь“, 1898 г., № 10.

⁴⁾ Мы уже указывали (т. II, стр. 431), что золотопромышленники начинаютъ страховать рабочихъ отъ несчастныхъ случаевъ въ страховыхъ обществахъ. Срав. „Вѣст. Золот.“ 1896 г. № 3, стр. 57.

Недавно обсуждался въ правительственныхъ сферахъ проектъ закона объ отвѣтственности владѣльцевъ промышленныхъ предпріятій за увѣчье и смерть рабочихъ. Проектъ, составленный 15 марта 1893 г. въ департаментѣ мануфактуръ и торговли министерства финансовъ, состоялъ, въ главныхъ чертахъ, въ слѣдующемъ. Владѣльцы фабрикъ, заводовъ, мануфактуръ, желѣзно-дорожныхъ и иныхъ механическихъ мастерскихъ, *горныхъ разработокъ всякаго рода*, а равно предпринимателей строительныхъ работъ (казна, городскія и земскія учрежденія, общества и частныя лица), въ случаѣ смерти, увѣчья и другихъ поврежденій въ здоровьѣ (профессіональных болѣзней), причиненныхъ рабочему или служащему работою въ означенныхъ предпріятіяхъ обязаны вознаградить его или его семейство за вредъ или убытокъ, отъ того проистекающіе. Отъ отвѣтственности этой владѣльцевъ вышеупомянутыхъ предпріятій предполагалось освобождать лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда *они докажутъ*, что единственною причиною являются: или 1) непреодолимая (внѣшняя или стихійная) сила, или 2) преступленіе или проступокъ, могущіе быть вѣнненными въ вину третьимъ лицамъ, къ промышленному предпріятію непричастнымъ, или 3) исключительно собственная вина или умыселъ пострадавшаго лица. Въ случаѣ обнаруженія совершенной неспособности къ труду, пенсію пострадавшему предполагалось назначить въ размѣрѣ полного послѣдняго его годового оклада содержанія, а при неполной способности къ труду—сообразно ослабленію трудоспособности. Въ случаѣ смерти пострадавшаго, послѣдовавшей прямо отъ несчастнаго случая или послѣ предварительной потери или уменьшенія трудоспособности, причиненной такимъ несчастіемъ, вознагражденіе сверхъ расходовъ на лѣченіе и погребеніе назначается въ слѣдующемъ размѣрѣ: а) вдовѣ или вдовцу, если онъ по состоянію своего здоровья неспособенъ самъ зарабатывать себѣ пропитаніе, пожизненная пенсія до 30% содержанія умершаго или умершей; производство пенсій прекращается со вступленіемъ въ новый бракъ; б) малолѣтнимъ дѣтямъ обоого пола пенсія до 15% каждому при жизни одного изъ родителей, остающимся же круглыми сиротами до 20%; производство этихъ пенсій прекращается по достиженіи этими дѣтьми 15-ти-лѣтняго возраста, и в) родителямъ потерпѣвшаго до 15% каждому. Всѣ эти пенсіи въ совокупности не могутъ превышать 60% послѣдняго полного годового оклада содержанія погибшаго лица ¹⁾.

¹⁾ „Новое Время“ 1893 г., № 6130; *Яроукий*. „Страхование рабочихъ въ связи съ отвѣт. предпринимат.“ 1895, II, 1077. Первоначальный проектъ, подвергся вполнѣ въ некоторымъ ограниченіямъ. Самое существенное измѣненіе состояло въ томъ, что, въ случаѣ такого увѣчья или поврежденія здоровья пострадавшаго, которое влечетъ за собою постоянную неспособность къ труду, владѣлецъ предпріятія обязанъ выдавать пострадавшему пенсію въ размѣрѣ не полного его годового оклада, какъ предполагалось прежде, а лишь $\frac{2}{3}$ этого оклада.

Противъ проекта министерства финансовъ ополчилась группа фабрикантовъ и заводчиковъ. Въ поданной ими въ это министерство запискѣ они въ замѣнъ изложеннаго проекта предлагали: 1) „вести общее государственное вспомошествованіе рабочимъ, получившимъ при работахъ на промышленныхъ заведеніяхъ увѣчья или иное поврежденіе въ здоровьѣ“, а въ случаѣ ихъ смерти, семействамъ этихъ рабочихъ; 2) съ этою цѣлью установить сборъ со всѣхъ промышленныхъ заведеній по числу рабочихъ или суммѣ производимой заработной платы, причемъ уплату сбора возложить на обязанность владѣльцевъ предпріятій безъ всякаго участія въ томъ рабочихъ; 3) установить максимальный размѣръ постоянныхъ вспомошествованій, *несравненно ниже предлагаемаго министерствомъ финансовъ*. Мотивомъ этого предложенія выставляется „большее удобство назначенія пособій помимо суда, при несчастіяхъ, происшедшихъ по неосторожности ли владѣльца предпріятія, или винѣ самого рабочаго“ ¹⁾.

Протесты фабрикантовъ не остались безъ результата, и есть извѣстіе, что законопроектъ объ отвѣтственности фабрикантовъ и заводчиковъ за смерть и увѣчья рабочихъ въ томъ видѣ, какъ онъ былъ разработанъ министерствомъ финансовъ, не осуществится вовсе ²⁾.

Между тѣмъ какъ министерство финансовъ руководствовалось въ своемъ проектѣ принципомъ личной отвѣтственности предпринимателей, министерство государственныхъ имуществъ склоняется къ мысли о непосредственномъ введеніи государственнаго страхованія по примѣру Германіи, Австріи и Швейцаріи. Въ № 64 „Правительственнаго Вѣстника“ за 1891 г. было сообщено, что министерство государственныхъ имуществъ, оза-

¹⁾ По поводу этой записки „Русскія Вѣдомости“ (1894 г. № 28) справедливо писали: „Забота группы фабрикантовъ и заводчиковъ объ участіи рабочихъ, пострадавшихъ по собственной винѣ, въ запискѣ тѣсно сплетается съ другою, мало похвальною заботой о новой отсрочкѣ на неопредѣленное время какого бы то ни было обезпеченія инвалидовъ труда даже въ тѣхъ случаяхъ, когда оно предоставляется по проекту министерства финансовъ. Фабриканты и заводчики даже въ той части своей записки, въ которой рисуются блестящія перспективы вѣрнаго обезпеченія рабочаго „на всякій случай“, заняты не столько вопросомъ о дѣйствительной помощи рабочимъ, сколько о томъ, чтобы и государственное вспомошествованіе, предложенное ими, не „обременяло“ владѣльцевъ промышленныхъ предпріятій: вотъ почему они не считаютъ возможнымъ „задаваться мыслью, чтобы вознагражденіе равнялось послѣднему получавшемуся содержанію“... „Авторы записки правы только до тѣхъ поръ, пока утверждаютъ, что обезпеченіе на страховомъ началѣ вѣрнѣе, нежели вознагражденіе по закону о гражданской отвѣтственности предпринимателей... Группа фабрикантовъ и заводчиковъ... повидимому, не прочь продолжить разработку вопроса объ обезпеченіи рабочихъ въ разныхъ инстанціяхъ еще десятковъ-другой лѣтъ. Но желанія небольшого числа авторовъ ходатайства и ихъ единомышленниковъ въ промышленной средѣ идутъ въ разрѣзъ съ насущными интересами многихъ тысячъ людей“.

²⁾ „Новое Время“ 1895 г., 22 авг.

бочиваясь матеріальнымъ обезпеченіемъ участи жертвъ несчастныхъ случаевъ въ горнозаводскихъ работахъ, приступило къ собранію подробныхъ свѣдѣній какъ о несчастіяхъ за продолжительный періодъ времени по отдѣльнымъ русскимъ заводамъ, рудникамъ, копамъ и промысламъ, такъ и объ устройствѣ и дѣятельности существующихъ въ Западной Европѣ учреждений по страхованію рабочихъ отъ несчастныхъ случаевъ и изданныхъ по этому предмету законоположеній. Въ настоящее время въ министерствѣ государственныхъ имуществъ имѣется уже обширный, относящійся къ этому вопросу матеріалъ, на основаніи котораго предположено выработать проектъ государственной кассы для страхованія горныхъ рабочихъ отъ несчастныхъ случаевъ¹⁾.

Въ виду этого извѣстія имѣла особый интересъ брошюра горнаго инженера А. Кеппена, члена горнаго совѣта: „Вѣроятныя финансовыя послѣдствія законопроекта объ ответственности владѣльцевъ промышленныхъ предпріятій за увѣчье и смерть рабочихъ для русской промышленности вообще и горной въ особенности“¹⁾. (Нужно замѣтить, что авторъ исключилъ изъ своего изслѣдованія золотопромышленность и нефтепромышленность „за неизмѣнимъ для нихъ сравнительныхъ данныхъ о числѣ несчастныхъ случаевъ“). Брошюра эта была вызвана вышеизложеннымъ законопроектомъ министерства финансовъ, который оно предполагало распространить и на горнопромышленность. Г. Кеппенъ высказывается противъ этого послѣдняго предположенія. Общій выводъ его таковъ: „Если для другихъ отраслей промышленности, уплаты, которыя окажутся послѣдствіемъ введенія новаго закона, не настолько велики, чтобы можно было думать объ обращеніи ихъ на страхованіе рабочихъ, то горные промыслы, могущіе легко перейти на болѣе полное обезпеченіе занятыхъ на нихъ рабочихъ, слѣдовало бы совершенно выдѣлить“ (стр. 34). Взамѣнъ предположеній министерства финансовъ г. Кеппенъ рекомендуетъ для горной промышленности страхованіе рабочихъ „отъ болѣзни, отъ увѣчій и отъ старости, т.-е. страхованіе всѣхъ трехъ видовъ, которые существуютъ въ Германіи и совокупность которыхъ, безъ сомнѣнія, составляетъ идеалъ обезпеченія рабочихъ и ихъ семействъ“ (стр. 33—34). Такимъ образомъ, г. Кеппенъ предлагаетъ воспользоваться примѣромъ германскаго государственнаго страхованія, но тутъ же онъ почему-то въ самомъ существенномъ вопросѣ отступаетъ отъ этого образца: „При учрежденіи кассъ для обезпеченія рабочихъ на случай неспособности къ труду, отъ чего бы таковая неспособность ни происходила: отъ болѣзни, отъ увѣчья или отъ истощенія силъ,—утверждаетъ онъ,—обыкновенно принято раздѣлять взносы поровну между хозяевами промышленныхъ предпріятій и рабочими“ (?), почему и предлагаетъ обложить хозяевъ предпріятій сборомъ въ размѣрѣ 6% заработка рабочихъ и такой же % заработка взыскивать и съ этихъ послѣднихъ. А между тѣмъ, въ другомъ трудѣ г. Кеппенъ совершенно справедливо говоритъ, что при государственномъ страхованіи рабочихъ *отъ несчастныхъ случаевъ, одни хозяева* вносятъ необходимыя для дѣйствія страхованія средства. Было бы очень желательно, чтобы при перенесеніи германскаго

¹⁾ Мы получили эту брошюру при циркулярѣ высочайше утвержденной постоянной совѣщательной конторы желѣзнодорожниковъ (подписанномъ Е. Рагозинимъ), изъ котораго видно, что брошюра г. Кеппена напечатана этою конторой желѣзнодорожниковъ, постановившею „сообщить ее всѣмъ желѣзнодорожникамъ на ихъ заключеніе“.

законодательства о страхованіи рабочихъ на русскую почву оно не подвергалось столь невыгоднымъ для нихъ измѣненіямъ. Въ виду того, что г. Кеппенъ весьма неточно излагаетъ постановленія иностранныхъ законодательствъ, имѣняя ихъ въ пользу предпринимателей, нельзя не порадоваться, что вмѣсто него председателемъ комиссіи, учрежденной при министерствѣ земледѣлія и государственныхъ имуществъ по выработкѣ устава государственной кассы помощи горнорабочимъ, назначенъ А. А. Штофъ.

Въ настоящее время (январь 1898 г.) комиссіею по выработкѣ устава государственной кассы помощи горнорабочимъ уже выработаны предварительные проекты: 1) закона о страхованіи горнорабочихъ, 2) положенія о больничныхъ кассахъ при горныхъ заводахъ и промыслахъ и 3) устава государственной кассы страхованія горнорабочихъ. Такъ какъ главныя основанія этихъ проектовъ, осуществленіе которыхъ можетъ положить прочное начало государственному страхованію рабочихъ вообще, нынѣ опубликованы ¹⁾, то это даетъ намъ возможность изложить здѣсь ихъ главные принципы.

Комиссія проектируетъ обезпечить помощь горнорабочимъ страхованіемъ: 1) въ случаѣ болѣзни какъ самого рабочаго, такъ и членовъ его семейства, 2) въ случаѣ смерти рабочаго, 3) въ случаѣ лишенія его въ болѣшей или меньшей степени трудоспособности на время или навсегда и 4) при наступленіи старости.

Лѣченіе горнорабочихъ лежитъ по нашимъ законамъ всецѣло на обязанности хозяина завода или промысла. Обязанность эта и не должна быть съ него снимаема, но лѣченіе членовъ семейства рабочаго и оказаніе денежной помощи больному для хозяина не обязательны; эти виды помощи и должны быть задачею страхованія. Больничныя кассы должны быть учрежденіями мѣстными; на нихъ предполагается возложить помощь лишь въ теченіе трехъ мѣсяцевъ. Напротивъ пособія, вызываемыя смертью рабочаго, а также потерю трудоспособности и наступленіемъ старости, являются пособиями весьма продолжительными, и касса, выдающая ихъ, можетъ успѣшно дѣйствовать лишь на основахъ страховой техники; существованіе ея будетъ тѣмъ прочнѣе, и страхованіе въ ней тѣмъ дешевле, чѣмъ болѣе будетъ въ ней членовъ (страхуемыхъ). Въ горной промышленности, болѣе чѣмъ въ другихъ отрасляхъ промышленной дѣятельности, возможны такіа несчастныя происшествія, которыя сразу лишаютъ жизни или трудоспособности весьма значительное число лицъ; это требуетъ учрежденія государствомъ одной общей кассы при участіи промышленниковъ. По примѣру германскаго и австрійскаго законодательствъ, предполагается предоставить застрахованнымъ рабочимъ право получать отъ кассы вознагра-

¹⁾ „С.-Петербург. Вѣдом.“ 1897 г. № 345; „Русск. Вѣд.“ 1898 г. № 10.

граждение за *всякій* причиненный при работах вредъ, отъ какихъ бы причинъ онъ ни произошелъ, сохранить за ними право искать судомъ какой-либо доплаты къ этому вознагражденію *лично отъ хозяина* лишь въ случаѣ *умышленной* причиненія послѣднимъ рабочему вреда. Затѣмъ *касса* должно быть предоставлено въ случаяхъ, когда, по мнѣнію ея правленія, причиною несчастія была вина хозяина, отыскивать судебнымъ порядкомъ съ послѣдняго возмѣщенія своихъ расходовъ, вызванныхъ этими несчастіемъ. Сверхъ случаевъ лишенія рабочихъ жизни или трудоспособности, происходящихъ по винѣ предпринимателя, существуетъ весьма много такихъ, которые вызываются условіями промысла. Сюда относятся прежде всего профессиональныя болѣзни, а затѣмъ несчастные случаи, которые, если и происходятъ съ одной стороны отъ неосторожности рабочаго, то съ другой—существеннымъ факторомъ является опасность самой работы или ея орудій. Во всѣхъ этихъ случаяхъ есть „випа промышленности“, которая и должна быть признаваема экономически отвѣтственной за ихъ послѣдствія; другими словами: профессиональный рискъ долженъ лежать на предпринимателяхъ, а не на рабочихъ. Въ случаяхъ смерти, не обусловленной работою, и лишенія трудоспособности, хотя объясняемой изнашиваніемъ силъ на пользу промышленности, но не связанной съ какимъ-либо частнымъ случаемъ, предполагается возложить одинаковые взносы какъ на рабочихъ, такъ и на предпринимателей. То же предполагается и относительно больничныхъ кассъ, подспорьемъ къ которымъ могутъ служить „штрафные капиталы“, образуемые на отдѣльныхъ горныхъ заводахъ и промыслахъ на основаніи 152 ст. Уст. Пром. изъ взысканій, налагаемыхъ на рабочихъ властью нанимателя. И такъ страхование рабочихъ на случаи смерти и лишенія трудоспособности, зависящія отъ причинъ, связанныхъ съ самими работами, должно быть относимо *всѣмъ* на счетъ хозяевъ предпріятій, страхованія же на случаи того же рода, происходящія отъ всякихъ иныхъ причинъ, а также на старость и на случаи болѣзни—пополамъ на счетъ хозяевъ и самихъ рабочихъ.

Для опредѣленія размѣра ежегодныхъ взносовъ хозяевъ и рабочихъ предполагается капитализировать стоимость пенсій, ежегодно назначаемыхъ, т.-е. ту сумму, которая, расходуемая виѣстѣ съ приносимыми ею процентами, достаточна по теоріи вѣроятности, для покрытія расходовъ на выдачу пенсій во все время жизни пенсіонеровъ; что же касается больничныхъ кассъ, то здѣсь ежегодные взносы должны быть соразмѣряемы съ ежегодными расходами при собираніи, впрочемъ, и нѣкотораго запаснаго фонда. Такимъ образомъ какъ для кассы страховой, такъ и для кассъ больничныхъ законъ долженъ опредѣлить размѣръ выдачъ, размѣръ же взносовъ будетъ зависѣть отъ этихъ послѣднихъ. Размѣръ выдачъ изъ кассъ долженъ быть опредѣленъ въ известномъ

отношеніи къ заработку. Пенсіи отъ страховой кассы предполагается назначать въ размѣрѣ не болѣе двухъ третей заработка пострадавшаго ¹⁾). Такой же размѣръ пенсіи предполагается назначить и на случай „полной выслуги“, т.-е. достиженія рабочимъ предѣльнаго возраста при производствѣ въ кассу взносовъ въ теченіе извѣстнаго числа лѣтъ. Такимъ предѣльнымъ возрастомъ, разумѣется кромѣ случаевъ потери трудоспособности, предполагается назначить 55 лѣтъ въ виду того, что средняя продолжительность жизни у насъ меньше, чѣмъ въ западно-европейскихъ государствахъ. Право на полную пенсію будутъ имѣть рабочіе, дѣлавшіе взносы. Въ управленіи больничными кассами должны принимать участіе какъ представители заводоуправляющихъ, такъ и выборные отъ рабочихъ.

Правленія больничныхъ кассъ могутъ принять на себя роль низшей инстанціи въ дѣлѣ страхованія на случай смерти, потери трудоспособности и старости; въ нихъ могутъ поступать просьбы рабочихъ и членовъ ихъ семействъ о назначеніи пенсіи; правленія собираютъ всѣ свѣдѣнія и постановляютъ предварительныя рѣшенія, которыя переходятъ на разсмотрѣніе высшей инстанціи мѣстнаго управленія кассою при каждомъ горномъ управленіи. Въ случаѣ жалобы на рѣшеніе мѣстнаго управленія кассы дѣло переносится въ центральное управленіе. Мѣстныя и центральныя управленія кассою должны быть учрежденіями коллегіальными, и въ нихъ участвуютъ и представители горнопромышленниковъ по приглашенію министра земледѣлія и государственныхъ имуществъ, которому должно быть дано право предоставлять избраніе всѣхъ или нѣкоторыхъ изъ этихъ представителей мѣстнымъ съѣздамъ горнопромышленниковъ. Составители проекта полагаютъ, что участіе въ этихъ управленіяхъ рабочихъ „трудно осуществимо и едва-ли принесло бы существенную пользу дѣлу“; но мы думаемъ, что, по крайней мѣрѣ въ мѣстныхъ управленіяхъ, такое участіе осуществимо: если представители крестьянъ участвовали, напримѣръ, въ Екатерининской законодательной комиссіи, то почему же представители рабочихъ не могутъ быть полезны въ учрежденіи, вѣдающемъ дѣла имъ хорошо извѣстныя, связанные же съ этимъ расходы (представители рабочихъ, если они сами рабочіе, не могутъ исполнять свои обязанности безвозмездно) очень мало увеличатъ общую сумму расходовъ, вызываемую страхованіемъ рабочихъ. Содержаніе правительственныхъ должностныхъ лицъ въ мѣстныхъ и центральномъ управленіяхъ кассы предполагается принять на счетъ правительства.

Правительство, по мнѣнію составителей проекта, можетъ также оказать помощь страховой кассѣ въ предоставленіи въ ея собственность двухъ капиталовъ:

---

¹⁾ Въ случаѣ несчастія съ малолѣтнимъ или подросткомъ принимается заработокъ взрослога рабочаго, занимающагося тѣмъ же дѣломъ.

1) „фонда горнозаводскихъ товариществъ“, составлявшаго къ 1-му іюлю 1897 г. 1,617,800 р. и 2) капитала, пожертвованнаго гороблагодатскими золотопромышленниками „для призрѣнія сиротъ и увѣчныхъ нижнихъ горныхъ чиновъ“, равнявшагося къ 1-му января 1897 г. 126,649 рублямъ. Сверхъ того, законъ 5-го апрѣля 1894 г. положилъ основаніе общему для всей Россіи капиталу „для выдачи вспомошествованій больнымъ и увѣчнымъ горнорабочимъ“, въ который поступаютъ денежныя взысканія: а) налагаемыя на горнопромышленниковъ за неисполненіе даваемыхъ имъ горнымъ надзоромъ указаній о недостаткахъ подземныхъ и горнозаводскихъ работъ; б) налагаемыя хозяевами золотыхъ и платиновыхъ промысловъ на рабочихъ (кромя ссыльно-поселенцевъ) и в) налагаемыя на этихъ хозяевъ въ административномъ порядкѣ за нарушеніе закона о рабочихъ. Въ настоящее время этотъ капиталъ ничтоженъ, но онъ будетъ возрастать. Кроме того, составители проекта справедливо указываютъ, что для горныхъ заводовъ и промысловъ долженъ быть изданъ дополнительный законъ, соответствующій Высочайше утвержденному 29 мая 1895 г. мѣрнію Государственнаго Совѣта, касающемуся фабрикъ и заводовъ вѣдомства министерства финансовъ. По этому послѣднему закону всѣ денежныя взысканія съ хозяевъ означенныхъ промышленныхъ заведеній, налагаемыя на нихъ судомъ или губернскими по фабричнымъ дѣламъ присутствіями за нарушеніе законовъ о рабочихъ, а равно тѣ суммы штрафныхъ капиталовъ (образуемыхъ на отдѣльныхъ фабрикахъ и заводахъ изъ взысканій, налагаемыхъ на рабочихъ властью ихъ хозяевъ), которые остаются свободными, вслѣдствіе закрытія промышленныхъ заведеній, обращаются на составленіе состоящаго въ вѣдомствѣ министерства финансовъ капитала для вспомошествованія больнымъ и увѣчнымъ рабочимъ.

Кассы горнозаводскихъ товариществъ при казенныхъ заводахъ и рудникахъ ¹⁾ предполагается проектомъ обратить въ больничныя, причѣмъ за ними можетъ быть сохранена и существующая ссудосберегательная операція. Изъ предварительнаго проекта положенія о больничныхъ кассахъ на горныхъ заводахъ и промыслахъ отмѣтимъ слѣдующія черты: устройство больничныхъ кассъ обязательно для владѣльцевъ всѣхъ тѣхъ горныхъ заводовъ и промысловъ, въ которыхъ работа производится съ помощью *наемныхъ* рабочихъ. Участвовать съ производствомъ ежемѣсячныхъ взносовъ обязаны также и тѣ рабочіе, которые работаютъ на промыслѣ и заводѣ по найму отъ подрядчика, а также служащіе, получающіе ежегодное вознагражденіе въ размѣрѣ не болѣе 500 руб. Право участія въ кассѣ предоставляется по желанію и рабочимъ, занимающимся при горныхъ заводахъ и промыслахъ рубкою лѣса, выжиганіемъ угля, сплавомъ каравановъ и перевозками разнаго рода. Средства кассы состоятъся: а) изъ ежемѣсячныхъ взносовъ членовъ кассы въ размѣрѣ не меньшемъ $\frac{1}{2}\%$ и не большемъ 2% заработной платы; б) изъ ежемѣсячныхъ взносовъ со стороны горнопромышленника, не меньшихъ суммы взносовъ всѣхъ членовъ, не исключая и участниковъ необязательныхъ; в) изъ штрафного капитала и пр. Во время болѣзни

¹⁾ См. о нихъ брошюру г. Тигранова, изд. въ 1895 г.

члена кассы отъ взноса ея освобождаются какъ онъ самъ, такъ и горнопромышленникъ. Во время беременности женъ членовъ кассы и работницъ пособія выдаются въ теченіе послѣднихъ двухъ недѣль беременности и двухъ недѣль послѣ родовъ. Въ случаѣ смерти члена кассы на погребеніе его выдается пособие въ размѣрѣ не менѣ 20-кратнаго дневнаго его заработка. Учрежденіе больничныхъ кассъ не избавляетъ владѣльцевъ горныхъ заводовъ и промысловъ отъ обязанности оказывать рабочимъ безвозмездную врачебную помощь. Но уставомъ кассы могутъ быть возложены на нее расходы по лѣченію самихъ членовъ кассы и содержанію для этого лѣчебныхъ учреждений съ условіемъ, чтобы въ такомъ случаѣ взносы горнопромышленниковъ превышали взносы членовъ кассы по крайней мѣрѣ на сумму, необходимую для покрытія этихъ расходовъ, и чтобы помѣщенія для лѣчебныхъ заведеній съ ихъ принадлежностями и со всѣми требуемыми приспособленіями были предоставлены кассѣ горнопромышленниковъ безвозмездно.

По предварительному проекту устава государственной кассы страхованія горнорабочихъ полная потеря трудоспособности навсегда, въ случаѣ увѣчья или болѣзни, полученныхъ на заводскихъ или промысловыхъ работахъ неумышленно со стороны потерпѣвшаго, даетъ ему пожизненное право на постоянное пособие въ размѣрѣ $\frac{2}{3}$ годового его заработка ежегодно ¹⁾. Временная потеря трудоспособности, продолжающаяся болѣе трехъ мѣсяцевъ вслѣдствіе болѣзни или увѣчья, полученныхъ на работахъ, даетъ ему право до восстановленія трудоспособности, на лѣченіе на счетъ кассы и на ежемѣсячное пособие въ размѣрѣ $\frac{1}{2}$ мѣсячнаго заработка одинокому рабочему или работницѣ и $\frac{2}{3}$ мѣсячнаго заработка, имѣющему на своемъ попеченіи жену (мужа), или дѣтей, или родителей. Смерть, причиненная на работахъ неумышленно со стороны потерпѣвшаго, даетъ право: а) вдовѣ его на полученіе ежегодно $\frac{1}{2}$ годового заработка мужа пожизненно или до вступленія въ новое замужество; б) дѣтямъ умершаго, а также пасынкамъ и падчерицамъ ежегодно: при жизни матери по $\frac{1}{6}$ годового заработка умершаго до достиженія 17-лѣтняго возраста или до вступленія матери ихъ въ замужество, а круглымъ сиротамъ по $\frac{1}{4}$ этого заработка до достиженія того же возраста, и в) родителямъ умершаго, находившимся на его попеченіи, каждому на полученіе ежегодно $\frac{1}{6}$ годового заработка умершаго—пожизненно; но совокупность пенсій не можетъ превышать $\frac{2}{3}$ заработка. При вычисленіи пенсій, получаемыхъ рабочими отъ хозяина пищевое довольство и квартиры оцѣниваются на деньги по мѣстнымъ среднимъ цѣнамъ и присоединяются къ годо-

¹⁾ По первому проекту министерства финансовъ объ отвѣтственности предпринимателей предполагалась выдача пенсій нѣ размѣрѣ полнаго годового заработка.

вому заработку. Смерть пенсионера дает право на ежегодное получение въ пенсію вдовѣ $\frac{1}{2}$ его пенсіи, дѣтямъ по $\frac{1}{4}$ (а круглымъ сиротамъ по $\frac{2}{3}$) и родителямъ, находившимся на его попеченіи, по $\frac{1}{4}$ его пенсіи, но съ тѣмъ, чтобы совокупность пенсій не превышала пенсіи умершаго. Смерть жены-работницы, или пенсионерки даетъ мужу право на ежегодное пожизненное полученіе въ пособіе $\frac{1}{2}$ заработка, или $\frac{1}{2}$ пенсіи лишь въ случаѣ, если онъ по нетрудоспособности находился на ея иждивеніи. Пенсионеръ, вновь поступившій на горныя работы, утрачиваетъ право на пенсію. На первый годъ дѣйствія устава взносъ рабочихъ опредѣляется въ $\frac{1}{2}$ $\%$ ихъ заработка, а взносъ владѣльцевъ заводовъ и промысловъ въ $3\frac{1}{2}$ $\%$ заработка занятыхъ на каждомъ заводѣ или промыслѣ рабочихъ.

Выгодная особенность всего этого проекта состоитъ въ томъ, что онъ можетъ быть осуществленъ немедленно и не требуетъ предварительнаго собиранія точныхъ статическихъ свѣдѣній о количествѣ рабочихъ, умершихъ, пострадавшихъ отъ несчастныхъ случаевъ и пр. ¹⁾ вслѣдствіе того, что, для пересмотра размѣра взносовъ, назначенъ годовою срокъ, т.-е. этотъ размѣръ опредѣляется ежегодно.

Мы говорили до сихъ поръ о жизни рабочихъ (общеконтрактныхъ, отрядныхъ, золотничниковъ и проч.), легально и открыто работающих на сибирскихъ золотыхъ промыслахъ. Но кромѣ нихъ на всѣхъ золотоносныхъ системахъ Сибири находится большее или меньшее количество рабочихъ, тайно добывающихъ золото—такъ называемыхъ хищниковъ, которыхъ иначе называютъ „летучкою“ ²⁾. Такими хищниками дѣлаются, во-первыхъ, рабочіе, не нашедшіе заработка на промыслахъ или рассчитанные съ нихъ, а также почему-либо оказавшіеся безъ паспорта; къ нимъ примыкаютъ рабочіе, уже выработавшіеся и потерявшіе силу, которымъ совершенно закрытъ доступъ на пріиски. Особенно большое количество „вольныхъ старателей“, какъ они сами себя называютъ, находится на амурскихъ промыслахъ, но встрѣчаются они и во всѣхъ другихъ системахъ. Они или вновь открываютъ золотоносныя мѣстности, или пользуются площадями заявленными, но не обрабатываемыми, или, наконецъ, подбираютъ остатки золота на пріискахъ, считающихся уже совершенно выработанными. Они ютятся гдѣ попало: то въ избушкахъ, разбросанныхъ по тайгѣ, то проникаютъ на пріиски и находят себѣ пріютъ и пищу у рабочихъ, живущихъ на мѣстѣ. Если имъ удастся найти неразработанное, богатое золотомъ мѣсто, имъ обыкновенно не

¹⁾ Составитель проекта указываетъ на „совершенную неудовлетворительность регистраціи случаевъ потери трудоспособности на нашихъ горныхъ заводахъ и промыслахъ“.

²⁾ См. *Нурли*. „Въ гостяхъ у летучки“. „Сѣвер. Вѣстн.“ 1890 г., № 6.

удается долго скрыть въ тайнѣ свое открытіе, и тогда являются довѣренныя золотопромышленниковъ и заявляютъ найденныя летучкою мѣста на имя своихъ довѣрителей.

Въ Ленскомъ горномъ округѣ, какъ мы знаемъ, довольно сильно развита добыча золота шахтами; здѣсь хищники сплошь и рядомъ роются въ оставленныхъ шахтахъ съ большою опасностью для жизни.

„Земляной сводъ, толщиною въ нѣсколько десятковъ, а иногда и сотенъ аршинъ, поддерживается во время производства работъ съ помощью пѣлой системы подпорокъ, изъ которыхъ надежнѣйшія состоятъ изъ четырехугольных земляныхъ колоннъ въ полторы, двѣ, а иногда и болѣе сажени длины и ширины... Но лишь работы окончены и вмѣстѣ съ тѣмъ вывезены наверхъ и эти колонны, какъ содержащія въ себѣ золото, видъ шахты быстро измѣняется. Оставляемыя въ шахтахъ деревянныя подпорки въ 1 — 1½ обхвата, не могутъ удерживать громадной, давящей на нихъ тяжести верхняго слоя земли; онѣ разламываются въ щепки и пуста постепенно заполняется... Въ такой-то подземный лабиринтъ спускаются хищники. Бываютъ случаи, что, добравшись ползкомъ къ мѣсту съ золотомъ, несчастный хищникъ не можетъ уже вернуться назадъ: пока онъ возился, добывая крупинки золота, его путь засыпало землею, и онъ оказался заживо погребеннымъ. Часто хищникамъ приходится прожить подъ землею довольно долго, и тогда туда доставляются запасы провизіи, свѣчей и орудій, необходимыхъ при подземныхъ работахъ... Давить хищниковъ земля, топить вода, гибнуть они и отъ угаровъ, которые неизбежны, такъ какъ въ шахтахъ необходимо раскладывать небольшіе костры для оттаиванія вѣчно мерзлой земли, содержащей въ себѣ золото“. Впрочемъ „въ шахтахъ, не особенно осѣвшихъ и богатыхъ золотомъ, хищникамъ удается иногда устроиться даже съ комфортомъ (съ хищнической, конечно, точки зрѣнія). Выбравъ поудобнѣе и посуше мѣсто, они устраиваютъ тамъ нѣчто вродѣ комнатъ: на деревянномъ полу возгъ стѣнъ разостланы постели изъ войлока; жаровня съ горячими углями замѣняетъ каминъ; въ стѣнѣ прибито нѣсколько полокъ, уставленныхъ чайникомъ, чашками, запасами пищи, а при удачной добычѣ золота и бутылками съ водкой; гдѣ-нибудь въ углу стоитъ ящикъ со стеариновыми свѣчами и запасными орудіями, вѣлами, лопатами, и т. п.—Въ случаѣ удачной добычи золота никакія опасности не останавливаютъ хищниковъ“. Спускаться въ шахту глубиной въ 50 и даже въ 100 аршинъ приходится по веревкѣ, такъ какъ въ большинствѣ случаевъ лѣстницы по окончаніи работъ въ шахтахъ убираются пріисковыми управленіями. Чтобы скрыть отъ казаковъ свое присутствіе въ шахтахъ, хищники, спустившись туда, часто заваливаютъ путь камнями и лѣсомъ и, благодаря этому, иногда гибнутъ тамъ. Поиски золота въ неразвѣданныхъ мѣстахъ бываютъ особенно затруднительны зимою. Работать приходится на открытомъ воздухѣ при страшныхъ морозахъ, и промыска золото-содержащихъ песковъ въ маленькихъ лоткахъ крайне мучительна ¹⁾.

На амурскихъ промыслахъ количество хищниковъ особенно увеличилось съ половины 80-хъ годовъ, со времени разгрома Желтугинскихъ пріисковъ, или, такъ называемой, Амурской Калифорніи.

Желтугинскіе пріиски, открытые въ 1883 г. въ сѣверной Маньд-

¹⁾ „Восточ. Обзоріе“, 1895 г. № 26.

журіи, получили свое названіе отъ небольшой рѣчки, извѣстной у мѣстных инородцевъ подъ названіемъ „Желта“ и переименованной русскими рабочими въ „Желтугу“. Лѣтомъ 1883 года по всему Амуру и Забайкалью быстро распространились слухи о найденномъ здѣсь богатомъ золотѣ. Въ сентябрѣ, по окончаніи пріисковой операціи, въ Благовѣщенскѣ появилось множество рабочихъ различныхъ золотопромышленныхъ компаній и, услышавъ здѣсь о найденномъ богатствѣ, они устремились на Желтугу, несмотря на то, что многіе нанялись на частные пріиски и получили задатки. Сюда явились и каторжники, бѣжавшіе съ Карійскихъ промысловъ, ссыльные и разные авантюристы. Такимъ образомъ, въ короткое время здѣсь собралось до 5—7 тысячъ человекъ, въ томъ числѣ много китайцевъ и корейцевъ, но были и представители различныхъ національностей. Въ началѣ 1885 года число рабочихъ доходило здѣсь по разнымъ источникамъ до 10—15 тысячъ, а въ концѣ этого года ихъ насчитывали около 5000. Такое скопленіе народа вызвало чрезмѣрную дороговизну припасовъ: мясо, продававшееся въ Благовѣщенскѣ по 4 р. за пудъ, стоило здѣсь 10—15 рублей; пудъ сухарей, вмѣсто 3 р. 20 к., продавался по 12 руб., позднѣе и по 16 р.; за топоръ, вмѣсто 5 р., платили 10 р.; за лопату—10 р.; бутылка ланинской шипучей воды стоила 12 р., бутылка воды—1 р. 50 к., фунтъ свѣчей 4 р. Слухи о такой дороговизнѣ вызвали наѣздъ торговцевъ изъ Забайкалья, такъ что постепенно количество лавокъ увеличилось здѣсь до 150. Появились гостиницы съ громкими названіями „Марсель“, „Бесѣда“, „Калифорнія“, двѣ бани—общая и номерная, игорные дома, въ одномъ изъ которыхъ была рулетка, буфетъ и оркестръ музыки. Появился звѣринецъ, труппа жонглеровъ, фокусниковъ, гимнастовъ, наѣздниковъ, два оркестра музыки и нѣсколько органовъ. Жили рабочіе въ зимовьяхъ, строившихся въ два ряда улицею ¹⁾. Всѣхъ зимовьевъ было болѣе 400. Образованная ими улица носила названіе Милліонной, а въ серединѣ всего стана находилась обширная площадь, называвшаяся „Орлинымъ“ или „Орловымъ полемъ“ (отъ игры въ орлянку). Здѣсь происходили общественные сходы и казни преступниковъ. Площадь была окружена со всѣхъ сторонъ магазинами и кабаками, а въ центрѣ ея помѣщалось длинное зданіе съ надписью „Управленіе Желтугинскими пріисками“, предъ которымъ было устроено возвышеніе, и на столбѣ висѣлъ двухпудовый колоколь.

¹⁾ „Зимовье, это—обыкновенный срубъ изъ бревенъ, имѣющій окна и двери и законопаченный со всѣхъ сторонъ мхомъ; для сохраненія теплоты сверху насыпаютъ на бревна, замѣняющія собою крышу, достаточное количество земли, полъ же большей частью остается земляной и только въ рѣдкихъ случаяхъ дѣлается изъ бревенъ; отапливались эти зимовья на Желтугѣ желѣзными или чаще русскими глинобитными печами“. Постройка такого жилища стоила до 200 рублей.

По бокамъ возвышенія стояли двѣ чугунныхъ пушки, а впереди видѣлась небольшая пирамидка ядеръ: тутъ же былъ выстроенъ молитвенный домъ, гдѣ совершалась служба (часы), для чего при домѣ состояли чтець, бѣглый каторжникъ изъ духовнаго званія, и ктиторъ; надъ входною дверью было написано: „Прійдите ко мнѣ вси труждающіися и обремененніи, и Азъ упокою вы“, т.-е. та же надпись, которую мы встрѣтили въ каторжныхъ тюрьмахъ на Карѣ. Съ другой стороны находилось зданіе общественнаго склада и рядомъ пороховой погребъ, врытый въ землю. Устроена была также и больница, раздѣленная на четыре отдѣленія. Въ самомъ большемъ изъ нихъ помѣщалось 15 деревянныхъ коекъ, покрытыхъ въ два ряда мягкимъ войлокомъ и застланныхъ бѣлою простынею; на нихъ находились парусинныя подушки, набитыя соломой, и байковыя одѣяла. Другое отдѣленіе было занято аптекою; третье предназначалось для пріема приходящихъ больныхъ, наконецъ въ послѣднемъ помѣщались больничная прислуга и кухня. Больные, поступившіе въ лазаретъ, лѣчились на общественный счетъ, а также съ разрѣшенія врача пользовались полнымъ продовольствіемъ, состоявшимъ изъ утренняго и вечерняго чая, завтрака и обѣда изъ трехъ блюдъ. Такое содержаніе больного обходилось до 5 р. въ сутки, что при полномъ комплектѣ на 15 человѣкъ составляло въ мѣсяцъ 2250 р. Въ лазаретъ помѣщались рабочіе наиболѣе бѣдные и страдающіе самыми тяжкими болѣзнями, особенно тифомъ и цынгой.

Все населеніе работало и жило артелями (женщины на Желтугу первоначально не допускались, а позднѣе ихъ было не много, не болѣе 5% населенія). Каждая артель состояла изъ 10—15 человѣкъ, и число артелей зимою 1884—1885 г. превышала 700. Въ началѣ существованія Желтуги здѣсь нерѣдко происходили воровство и разнаго рода насилія. Въ декабрѣ 1884 г. былъ убитъ самымъ звѣрскимъ способомъ поваръ артели бѣжавшихъ съ Кары каторжниковъ. Это убійство поразило всѣхъ; начались сходки, и черезъ 6 дней было рѣшено выбрать одно лицо, выдѣлявшееся изъ толпы своимъ образованіемъ, практическими свѣдѣніями и энергіей, для введенія порядка и дисциплины, и данъ ему титулъ старшины Желтугинскаго пріиска. Пріискъ по числу зимовьевъ былъ раздѣленъ на 5 участковъ, изъ которыхъ одинъ былъ образованъ китайцами; въ каждомъ участкѣ было выбрано по два старосты, которые вмѣстѣ со старшиной составили „правленіе“ Желтугинскихъ пріисковъ. Старшина получалъ жалованье, по однимъ свѣдѣніямъ, 400 р., по другимъ—1000 р. въ мѣсяцъ, а старосты по 200 руб. Эти лица были облечены административною и судебною властью. Старосты въ своихъ участкахъ могли приговаривать къ наказанію до 100 ударовъ, а болѣе важныя дѣла рѣшались въ присутствіи старшины. Самые тяжкія преступленія, какъ, напримѣръ, убійство, представлялись

на рѣшеніе общественнаго схода, который созывался только въ исключительныхъ случаяхъ. Сигналомъ къ этому служили выстрѣлы изъ обѣихъ пушекъ, стоявшихъ на Орлиномъ полѣ. Для руководства властямъ и общаго свѣдѣнія было выработано цѣлое уложеніе. Убіеніе наказывалось по закону Моисея: „око за око, зубъ за зубъ“. За прочія преступленія назначались тѣлесныя наказанія. За воровство, за мужеложство и другіе сверхъестественные пороки и преступленія, за ношеніе оружія въ пьяномъ видѣ, за поддѣлку золотого песка, за выстрѣлы въ предѣлахъ Желтуги безъ уважительной причины полагалось по 500 ударовъ терновникомъ, т.-е. кнутомъ, набитымъ гвоздями, что было равносильно смертной казни; за приводъ на пріискъ женщинъ—400 ударовъ палкою, за отдачу подъ залогъ рабочихъ инструментовъ 300, за ночной шумъ 200 ударовъ, за отарытое пьянство 100 розогъ. Всякій наказанный въ Желтугѣ немедленно изгонялся безъ права возвращенія и получалъ на границѣ 100 добавочныхъ ударовъ. Отъ тѣлеснаго наказанія не былъ изъятъ никто безъ различія сословія, національности и подданства за исключеніемъ лицъ, несшихъ общественную службу по выбору. Постановленія этого уложенія стали немедленно примѣняться. Если вѣрить свидѣтельству одного иностраннаго источника, въ одинъ день было повѣшено около 30 человекъ ¹⁾, обвиненныхъ въ убійствахъ, а затѣмъ, какъ видно и изъ другихъ показаній, въ теченіе двухъ недѣль происходило тѣлесное наказаніе менѣе важныхъ преступниковъ. Вѣсти о вновь введенныхъ строгихъ порядкахъ разнеслись по всему Забайкалью, торговцы стали смѣлѣе появляться на пріиски, и цѣны начали падать. Торговцы были обложены налогами въ размѣрѣ 10% стоимости товаровъ за исключеніемъ мяса и сухарей. Съ торгующихъ спиртными напитками оптомъ взималось 25%, содержатели трактировъ и увеселительныхъ заведеній вносили 20% съ общей валовой ежемѣсячной выручки. При сборѣ пошлинъ выдавалась квитанція за печатью управленія и подписью старшины. Собранныя такимъ образомъ деньги составляли общественный капиталъ желтугинскихъ вольныхъ промышленниковъ. Для заведыванія имъ избирался особый казначей. Изъ средствъ этого капитала между прочимъ содержалась стража въ 100—150 вооруженныхъ человекъ, находившихся подъ вѣдѣніемъ старшины для охраны общественнаго порядка; изъ нихъ составлялись три патруля, обходившіе каждую ночь всю Желтугу; они же исполняли обязанности пожарныхъ.

Разработка пріисковъ основывалась на артельномъ началѣ, но и

¹⁾ „Revue Française“, 1886, XII, p. 543—544. Цитата заимствована изъ сочиненія Д. Позднѣва „Описаніе Маньчжуріи“, Спб. 1897 г., т. I, 495. О томъ, что смертная казнь примѣнялась иногда въ Желтугѣ, есть и русскія свидѣтельства. „Сибир. Сборн.“ 1886 г. I, 165.

индивидуальная собственность имѣла при этомъ немалое значеніе. Каждому, вступающему въ артель, безъ различія сословій, вѣнялось въ обязанность работать наравнѣ со всѣми прочими членами.

„Капиталь для покупки жилища, инструментовъ, коня и прочихъ рабочихъ принадлежностей вносилъ каждый членъ на паяхъ поровну, за что добывавшееся золото, за вычетомъ расходовъ на содержаніе всѣхъ членовъ, ежедневно дѣлилось также поровну. Новый членъ могъ быть принятъ только съ согласія всей артели. Если кто по законнымъ причинамъ желалъ не явиться на работу, то обязанъ былъ ранѣе, за день до своего отсутствія, нанять за себя на свой счетъ поденщика. Если пайщикъ не явился на работу въ продолженіе трехъ дней, то по желанію артели могъ быть лишень участія въ паяхъ безвозвратно и безпрекословно, о чемъ своевременно должно было извѣстить старшину; изъ этого правила исключались только больные. Каждый членъ, желавшій оставить участіе въ товариществѣ, обязанъ былъ прежде всего предложить свой пай артели, которая, уплативъ ему ея стоимость, нанимала на свой счетъ поденщика и прибыль дѣлила между собою. Если артель не желала купить продаваемый пай, обладатель его имѣлъ полное право продать его кому-либо за произвольную цѣну, и артель не могла отказать отъ принятія въ свою среду новаго владѣльца.—Вначалѣ, когда населеніе на прискѣ было невелико, всѣмъ представлялась возможность соединяться въ артели и выбивать въ незанятомъ мѣстѣ яму для добыванія золота. Въ это время всѣ артели заготавливали себѣ значительное число такихъ ямъ, которыя онѣ затѣмъ сами разрабатывали или продавали другимъ, когда число рабочихъ увеличилось, а все золотоносное пространство оказалось занятымъ; цѣны за отдѣльныя ямы отъ 400 р. доходили до 2—2½ тысячъ рублей. Между тѣмъ многія артели, дорого заплативъ за яму, не находили въ ней золота и разорялись. Такимъ разорившимся оставалось только идти въ поденщики къ разбогатѣвшимъ лицамъ, которые, платя имъ отъ 3 до 5 руб. въ день ¹⁾ и давая полное содержаніе, жилище и нужные инструменты на правахъ хозяевъ, наживались за ихъ счетъ. Такихъ рабочихъ собственники ямъ могли имѣть неограниченное число; часть рабочихъ называлась половинщиками, такъ какъ они обыкновенно получали половину добывавшагося золота. Но далеко не всѣ прибывшіе на прискѣ могли найти себѣ работу; въ силу разныхъ условій образовался значительный пролетаріатъ, который влчилъ, не находя работы, крайне бѣдственное существованіе въ то время, какъ нѣкоторыя артели имѣли очень большое число запасныхъ ямъ. Въ виду этого, съ введеніемъ правильнаго устройства въ Желтугѣ, было постановлено, что артели въ 9 человекъ могутъ имѣть только 2 запасныя ямы, 18 человекъ—4 и 27 человекъ—6 ямъ; всѣ же излишнія ямы были объявлены достояніемъ желтугинской команды вольныхъ промышленниковъ и раздавались по усмотрѣнію правленія“.

Въ Желтугѣ считалось невыгоднымъ разрабатывать яму, гдѣ въ 100 пуд. песку содержалось 5 золотн. золота. Счастливыя артели добывали въ день до 150 золотн., а большинство довольствовалось 10—15 золотниками. Въ самомъ началѣ изъ 100 пуд. песку намывали отъ 1 до 1½ ф. шлиховаго золота. Полагаютъ, что за все время существованія Желтуги было намыто до 500 пуд. золота. Русская администрація ску-

¹⁾ Въ 1884 г. рабочая плата поднималась до 8 р., но въ 1885 г. падала и до 2 р.

пала золото по 3 р. 40 к.—3 р. 60 к. за золотникъ, но китайцы платили по 4 р., и потому большая часть желтугинскаго золота ушла въ Китай.

Въ январѣ 1886 года китайское правительство разогнало рабочихъ съ Желтуги, причемъ китайцы, попавшіеся въ руки отряда, посланнаго для ея разгрома, убивались съ величайшею жестокостью. Полагаютъ, что при этомъ было убито до 300 человекъ китайцевъ ¹⁾.

Со времени разгрома Желтуги мѣстные наблюдатели отмѣчаютъ значительное усиленіе хищничества на промыслахъ Амурской области ²⁾. Отъ времени до времени хищники нападали на особенно золотоносныя мѣста; вѣсть объ этомъ быстро разносилась, и на это мѣсто собиралось особенно значительное количество вольныхъ старателей. Такъ въ 1892 и 1893 годахъ прогремѣла „Бомская Калифорнія“ (по р. Бому системы р. Селемджи, притока Зеи). Для того, чтобы разогнать собравшійся туда народъ, послали военный отрядъ подъ начальствомъ хорунжаго Кузьмицкаго, который слишкомъ энергично принялся за исполненіе даннаго ему порученія и сталъ примѣнять весьма жестокія мѣры. „Разогнавъ хищниковъ съ мѣста работъ, хорунжій сталъ ихъ преслѣдовать по тайгѣ, подкарауливалъ подходящихъ, пристрѣливалъ, а золото отбиралъ... Однажды выстрѣлами онъ потопилъ лодку и убилъ мальчика, плывшаго въ ней съ отцомъ... Могильные кресты, разбѣянные по Селемджинской тайгѣ, еще долго будутъ указывать путь, по которому хищники уходили съ Бомы. Хищники разбѣялись по всей этой тайгѣ, и то тутъ, то тамъ стали открывать золото; тогда въ тайгу послали подвижной отрядъ подъ начальствомъ казачьяго офицера Черноты-де-Воары-Боярскаго. „Этотъ офицеръ, помня, что широкое примѣненіе Кузьмицкимъ огнестрѣльнаго оружія не было одобрено начальствомъ, выбралъ другое оружіе—розги“. Гоняя хищниковъ, онъ отбиралъ у нихъ золото и припасы, но затѣмъ самъ былъ удаленъ.

Суровая расправа, произведенная этими двумя офицерами, заставила хищниковъ изъ системы Селемджи перейти на р. Гилую, правый притокъ р. Зеи, гдѣ они и сдѣлали рядъ весьма удачныхъ открытій. Раннею весною 1896 г. разнеслась вѣсть о томъ, что найдено чрез-

¹⁾ Наше изложеніе желтугинской эпопеи основано на соч. *Дмитрія Позднѣева* „Описаніе Маньчжуріи“ (изд. Минист. Финансовъ, Спб. 1897 г. т. I, стр. 485—509), авторъ котораго внимательно изучилъ всѣ источники. Къ сожалѣнію нельзя того же сказать о г. А. Лебедевѣ, авторѣ интереснаго очерка „Желтугинская республика въ Китаѣ“ („Рус. Богатство“, 1896 г. № 9). Срав. „Амурская Калифорнія (по рассказамъ очевидца)“ въ „Сибирскомъ Сборникѣ“ 1886 г. кн. I или въ книгѣ „Сибир. рассказы изъ жизни пріискованаго люда“. Спб. 1888 г.

²⁾ „Обзоръ Амур. Обл. за 1892 г.“ стр. 15—20; *Бацевичъ*. „Матеріалы для изученія Амур. Обл.“ стр. 154—155.

вычайно богатое золото въ разстояніи 130 верстъ отъ Зейской пристани. Найденное богатство было такъ велико, что ключъ назвали Милліоннымъ. Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ здѣсь работало уже до 700 человѣкъ, а въ іюнѣ ихъ уже было до 3000; рабочіе называли себя „обществомъ вольныхъ старателей“.

Подобно тому, какъ на Желтугѣ и Бомѣ, и здѣсь установилось самоуправленіе, были выработаны свои законы и порядки. Работа производилась небольшими артелями; каждая артель избирала себѣ мѣсто по своему усмотрѣнію. „Для жилья построили шалаши и балаганы, изъ камней сложили печи для печенья хлѣба. Нѣкоторыя работы пришлось дѣлать сообща, какъ-то: отводъ русла ключа, устройство плотины и т. п. На работу принимался всякій, лишь бы онъ не имѣлъ правъ на золото-промышленность, лишь бы онъ не былъ контрактрованный принсковый рабочій. Если такіе попадались, то наказывались розгами и удалялись за предѣлы ключа“. Китайцы и корейцы совершенно не принимались. Женщинъ было постановлено на сходѣ вовсе не допускать. Безобразное пьянство, драка, нечестность и воровство наказывались розгами по опредѣленію схода ¹⁾. Здѣсь, какъ и въ Желтугѣ, появились балаганы съ питейными домами, ресторанами и т. п. Недостатка ни въ чемъ не было, всевозможные товары—мануфактурные, бакалейные, виноградныя вина и спиртъ доставлялись сюда въ изобиліи. Когда подходила лодка или караванъ къ устью ключа, староста съ помощникомъ встрѣчали его, осматривали привезенное и дѣлали расцѣнку. За продажу выше установленной таксы виновные наказывались розгами. Съ торговцевъ товарами и припасами, съ гостиницъ, игорныхъ домовъ и банъ собирали денежныя пошлыны ²⁾).

Работа производилась ямами при помощи пожоговъ; воду изъ ямъ выкачивали насосами; пески поднимались на поверхность въ особыхъ деревянныхъ сосудахъ, или же въ керосиновыхъ банкахъ, и промывались тутъ же на лоткахъ. Нѣкоторыя ямы были закрѣплены прочною деревянною крѣпью, которая доказывала, что здѣсь работали люди, хорошо знакомые съ дѣломъ ³⁾. Полагаютъ, что всего на Милліонномъ ключѣ было добыто хищниками отъ 40—100 пуд. золота.

Вѣсть о Милліонномъ ключѣ быстро разнеслась на далекое пространство; началось движеніе среди рабочихъ и въ Зейской, и въ Селемджинской тайгѣ, и на Нимани, и на Амгуни. Въ Джалиндинскомъ районѣ произошло волненіе на Нижне-Ивановскомъ принскѣ, арендуе-

¹⁾ Ср. „Уложеніе о наказаніяхъ“, дѣйствовавшее на Гилюѣ, въ „Томскомъ Листкѣ“ 1896 г. № 195.

²⁾ „Вѣстн. Золот.“ 1896 г., № 17, стр. 315.

³⁾ *Е. Васильевъ*. „Милліонный ключъ“. „Горный Журналъ“, 1897 г. № 1, стр. 111.

момъ Доенинымъ и К°. 31-го мая 1896 г. 82. человекъ рабочихъ не пошли на работу, потребовали управляющаго, стали жаловаться на прижимки въ пріемѣ уроковъ, на худой хлѣбъ, на дурное обращеніе съ ними служащихъ. На другой день въ квартирѣ управляющаго разбили стекла и хотѣли разнести контору; но урядникъ отстоялъ ее и съ двумя казаками арестовалъ и заковалъ въ кандалы 23 человекъ. На мѣсто происшествія изъ Благовѣщенска пріѣхалъ представитель прокурорскаго надзора, явился и горный исправникъ. Многія жалобы рабочихъ были признаны безусловно правильными, контракты, заключенные съ рабочими, найдены невозможными, установленіе урока слишкомъ неопредѣленнымъ. Тѣмъ не менѣе 22 человекъ были отвезены подъ конвоемъ до Срѣтенска, а затѣмъ имъ были выданы проходные виды для отправленія на родину.

„Вольные старатели“ на Гилію поняли, что броженіе среди присковскихъ рабочихъ вызоветъ жалобы среди золотопромышленниковъ высшему начальству, которое приметъ энергическія мѣры для прекращенія хищнической добычи золота, а потому они рѣшили не принимать къ себѣ рабочихъ, ушедшихъ съ присковъ, о чемъ и разослали объявленіе. Золотопромышленныя компаніи приглашались прислать списки бѣжавшихъ съ присковъ рабочихъ, и объявлялось, что они будутъ немедленно наказаны розгами и высланы за предѣлы Милліоннаго ключа.

Въ половинѣ іюня отъ главнаго начальника края пришелъ приказъ о немедленномъ изгнаніи хищниковъ. Въ Благовѣщенскѣ былъ сформированъ отрядъ изъ 20 солдатъ подъ командою поручика Вржосека, который 27 іюня подошелъ къ устью Милліоннаго ключа. „Не доходи сажень 100 до устья ключа, отрядъ отаборился, и поручикъ Вржосекъ послалъ сказать, чтобы къ нему вышли для переговоровъ три человекъ. Когда пришли депутаты, офицеръ объявилъ имъ, чтобы всѣ работающіе оставили работы и ушли съ ключа, въ противномъ случаѣ онъ вынужденъ будетъ силою выдворить ихъ оттуда. Депутаты вскорѣ вернулись съ отвѣтомъ, что уходить не желаютъ, а просятъ разрѣшить имъ поработать еще недѣлку, много другую, и тогда они сами уйдутъ. Кромѣ того просили офицера дать имъ для просмотра инструкцію губернатора. Получивъ отказъ въ своей просьбѣ, депутаты ушли на ключъ“. 28-го числа поручикъ Вржосекъ потребовалъ, чтобы толпа расходилась, грозя въ противномъ случаѣ открыть огонь; въ отвѣтъ слышались брань и крики: „всѣхъ не перестрѣляешь“. Сдѣланы были въ два пріема выстрѣлы поверхъ толпы, не причинившіе никому вреда. Слышались одобряющіе толпу крики, что стрѣляютъ холостыми зарядами, увѣряли, будто у офицера нѣтъ приказа стрѣлять въ народъ боевыми патронами. Послѣ третьяго требованія разойтись ружья направляются внизъ, отрядъ даетъ залпъ, и нѣсколько человекъ падаетъ. Тогда

„общество вольныхъ старателей“ выслало депутатовъ для переговоровъ. Было рѣшено, что въ теченіе двухъ дней ключъ долженъ быть очищенъ, что никого не будутъ задерживать, и каждый можетъ унести съ собою все свое имущество. Последнимъ залпомъ одинъ человѣкъ былъ убитъ и семеро ранено; ихъ отправили въ больницы Верхне-Амурской компаніи; двое изъ нихъ умерли, остальные поправились. Горный исправникъ и окружной инженеръ Оранскій, ѣхавшій на Милліонный ключъ, возвратили 4-го іюля отрядъ поручика Вржосека, считавшаго свою миссію поконченною. Оказалось, что на ключѣ вновь возобновилась работа; 24 человѣка были арестованы и высланы на родину по этапу. Отрядъ остался на мѣстѣ для охраны ключа и его окрестностей ¹⁾.

Въ 1896 г. и 1897 г. скопилось нѣсколько сотъ хищниковъ на Каменномъ ключѣ системы р. Муи, лѣвомъ притокѣ Витима. Здѣсь опять организовалось нѣчто вродѣ Амурской Калифорніи: были выборные старосты, самосудъ, извѣстная дисциплина въ работахъ ²⁾.

Сильное развитіе хищничества въ Амурской области заставило еще въ 1893 году горнаго инженера Оранскаго и горнаго исправника Маркевича на Хабаровскомъ сѣздѣ высказать мнѣніе, что слѣдуетъ облегчить доступъ къ золотопромышленности, каждому дать возможность заниматься добычею золота за извѣстную плату въ казну за землю, т.-е. „хищниковъ превратить въ законныхъ промышленниковъ“. Нужно, чтобы участки отводились желающимъ немедленно, не стѣсняясь размѣромъ, доводя ихъ по желанію заявителя до минимума хотя бы въ нѣсколько квадратныхъ сажень. Такой порядокъ существуетъ на владѣльческихъ дачахъ Урала, гдѣ каждому желающему дается участокъ въ 10 кв. сажень съ тѣмъ лишь условіемъ, чтобы все добытое золото сдавалось въ контору владѣльца земли, откуда онъ и получаетъ деньги за золото немедленно. По мнѣнію Оранскаго и Маркевича единственнымъ средствомъ для искорененія хищничества „является полная свобода золотопромышленности“ ³⁾. Эти взгляды проникли теперь и въ высшія сферы, и въ 1897 г. въ министерствѣ государственныхъ имуществъ былъ выработанъ проектъ о замѣнѣ существующей горной подати съ золота при введеніи его свободнаго обращенія ⁴⁾. Почти всѣ сѣзды золотопромышленниковъ отнесли къ этому проекту, по скопленія хищниковъ на рр. Божѣ, Гилюѣ и въ другихъ мѣстахъ вы-

¹⁾ Разсказъ о хищникахъ на Божѣ и Гилюѣ основанъ преимущественно на ст. П. Надина „Хищники и золотопромышленники на Амурѣ“. „Русск. Мысль“ 1898 г. № 2. О хищникахъ въ Уссурийскомъ краѣ см. въ книгѣ А. Я. Максимова „На далекомъ Востокѣ“ т. I—1887 г., т. II—1894 г.

²⁾ „Восточное Обозр.“ 1898 г. № 11.

³⁾ „Труды III-го Хабаровскаго сѣзда“ 1893 г., стр. 138—139.

⁴⁾ „Вѣстн. Золот.“ 1897 г. № 13, стр. 289.

зываютъ убѣжденіе, что правительству необходимо легализировать хищническую добычу золота, если оно не желаетъ, чтобы золото сотнями пудовъ уходило въ Китай, и чтобы тысячи рабочихъ трудились въ такихъ ненормальныхъ условіяхъ. Введеніе свободы обращенія золота положить конецъ промышленной и торговой монополіи золотопромышленныхъ компаній, произведетъ весьма значительныя измѣненія въ бытъ рабочихъ и, въ концѣ концовъ, вызоветъ въ нихъ ту самостоятельность, которая является главнымъ стимуломъ къ улучшенію быта рабочаго класса.

ДОПОЛНЕНИЯ.

I. Для статистики приисковых рабочих на частных золотых промыслах Западной Сибири в 70-х годах мы имеем гораздо меньше данных, чем в 60-х.

В 1870 г. на 77 приисках Марининского округа было добыто и промито 28.513.100 пудов золотосодержащего песку с средним содержанием 41 доля шлихового золота на 100 пуд. песку. Рабочих на приисках этого округа было 1754 чел. и шлихового золота получено 31 п. 25 ф. 24 зол. В Алтайском округе было 29 частных приисков; на них в том же году промито 38.511.470 пуд. песку с средним содержанием 63 доли на 100 пуд.; золота добыто 65 п. 25 ф. 13 зол., рабочих было 1600 чел. В Семипалатинской, Семиреченской и Акмолинской областях было 16 приисков, на которых промито 21.042.470 пуд. песку с средним содержанием 17 долей; добыто золота 9 п. 35 ф. 69 зол.; рабочих было 1382 ¹⁾.

В 1871 г. в Марининском округе было добыто золота 47 п. 10 ф. 38 зол., в 1872 г.—45 п. 10 ф. 63 зол. (приисков в этом году было 69). В Алтайском округе добыто золота в 1871 г. 77 п. 11 ф. 52 зол., в 1872 г.—119 п. 31 ф. 91 з. (приисков было 26). В 1871 г. на приисках обоих названных округов было 3974 чел. рабочих, в 1872 г.—3841 чел. ²⁾.

В 1876 г. в Марининском округе разрабатывалось 79 приисков, в Алтайском—33. На них промито песков 141.482.751 пуд и добыто шлихового золота 103 п. 33 ф. 37 зол.; среднее содержание золота в 100 пуд. песку на приисках Марининского округа было $24\frac{3}{4}$ доли, Алтайского— $29\frac{1}{4}$ долей; рабочих в обоих округах—4627 чел. ³⁾.

---

¹⁾ „Горный Журнал“ 1871 г. № 7, стр. 186—188, 142; Кеппен. „Статистич. таблицы горной промшл. в Россіи“, Спб. 1879 г., стр. 28; Боголюбскій. „Золото“, стр. VI.

²⁾ Кеппен, стр. 28; „Томск. Губ. Вѣд.“ 1874 г. № 6.

³⁾ „Сибирь“ 1877 г. № 5. По данным Кеппена, золота было промито нѣсколько болѣе.

Въ 1878 г. въ Маріинскомъ округѣ разрабатывалось 90 и въ Алтайскомъ 35 пріисковъ; на нихъ промыто 147.537.167 пуд. песку и добыто шлиховаго золота 118 п. 7 ф. 69 зол.; среднее содержаніе золота въ Маріинскомъ округѣ было $24\frac{1}{2}$ доли, въ Алтайскомъ $35\frac{1}{2}$ долей; рабочихъ на пріискахъ обоихъ округовъ 4605 человекъ ¹⁾

Въ 1879 г. на 90 пріискахъ Маріинскаго округа было промыто 76.530.995 пуд. съ среднимъ содержаніемъ $25\frac{3}{4}$ доли и получено шлиховаго и руднаго золота 53 п. 28 ф. 52 зол.; рабочихъ было 2824 чел. м. п. На 42 частныхъ пріискахъ Алтайскаго округа промыто 68.508.050 пуд. песку съ среднимъ содержаніемъ $43\frac{1}{4}$ доли и добыто шлиховаго и руднаго золота 80 п. 20 ф. 64 зол.; рабочихъ было 2164 ч. м. п. На 24 пріискахъ Семипалатинской области было промыто 37.559.500 пуд. песку съ среднимъ содержаніемъ $9\frac{1}{2}$ доли и добыто 9 п. 16 ф. 42 зол. шлиховаго золота; рабочихъ было 1776 чел. (въ томъ числѣ 19 дѣтей). Въ Акмолинской области былъ 1 пріискъ въ Бокчетавскомъ округѣ, на немъ промыто 1.489.600 пуд. песку съ среднимъ содержаніемъ 17 долей и добыто 26 ф. 15 зол.; рабочихъ было 90 ч. м. п. Всего въ 1879 г. на золотыхъ промыслахъ Западной Сибири было 6854 чел. рабочихъ ²⁾.

По даннымъ горнаго департамента всего въ Западной Сибири на частныхъ золотыхъ пріискахъ было:

Годъ.	Число пріисковъ.	Промыто пудовъ песку.	Число рабочихъ.	Количество добытаго шлиховаго золота.
1874	132	139.167,032	6,537	138 п. 11 ф. 19 з.
1875	124	156.239,414	6,086	120 „ 14 „ 31 „
1876	150	170.409,206	6,581	119 „ 39 „ 3 „
1877	150	165.194,019	5,872	130 „ 24 „ 37 „
1878	156	180.321,567	6,740	134 „ 5 „ 28 „
1879	157	184.088,145	6,989	144 „ 11 „ 78 „ ³⁾

По сравненію съ шестидесятью годами мы находимъ значительное увеличеніе количества рабочихъ на пріискахъ Западной Сибири: въ 1865—69 гг. среднее годовое количество рабочихъ равнялось 3655 чел., въ 1875—79 гг.—6453 чел.

Относительно Восточной Сибири мы имѣемъ для 70-хъ гг. болѣе подробныя данныя о рабочихъ на частныхъ золотыхъ промыслахъ.

¹⁾ „Сибирь“ 1879 г. № 14.

²⁾ Арх. Горн. Департ., отчетъ о частной золотопромышленности Алтайскаго горнаго округа; „Горный Журналъ“ 1881 г. № 4—5, стр. 242.

³⁾ Свѣдѣнія о золотопромышленности за 1874—79 гг. заимствованы изъ напечатанныхъ въ „Горномъ Журналѣ“ 1876—81 гг. трудовъ секретаря горн. учен. комит. К. Скальковскаго подъ заглавіемъ „Горнозаводская производительность въ Россіи“.

Годъ.	Число присковъ.	Промыто пудовъ песку.	Содержаніе золота въ 100 пуд. песку.	Число рабочихъ.	Количество добы- таго шихового золота.
-------	--------------------	-----------------------------	---	--------------------	--

Въ сѣверной части Енисейскаго округа.

1870	151	176.040,900	62 д.	9,486	295 п. 20 ф. 82 з. ¹⁾
1871	—	—	—	8,871 ²⁾	290 „ 3 „ 17 „
1872	—	—	61 ¹ / ₄ „	7,222	246 „ 15 „ — „ ³⁾
1873	—	—	50 ³ / ₄ „	6,689	192 „ — „ 36 „ ⁴⁾
1874	104	112.478,422	—	5,071 м. п.	165 „ 20 „ 83 „
1875	119	117.112,570	—	5,255 ⁵⁾ м. п.	158 „ 8 „ 9 „
1876	109	110.706,650	48 ¹ / ₂ „	5,086	176 „ 4 „ 90 „
1877	120	137.469,550	42 ³ / ₄ „	5,698 ⁶⁾	158 „ 22 „ 78 „
1878	115	171.219,750	37 ¹ / ₂ „	6,857 ⁷⁾ об. п.	175 „ 26 „ 79 „ ⁸⁾
1879	109	175.282,055	33 „	6,817 об. п.	155 „ 27 „ 45 „ ⁹⁾

Въ южной части Енисейскаго округа.

1870	131	103.163,700	52 д.	7,507	131 п. 11 ф. 19 я.
1871	—	—	—	5,393 ¹⁰⁾	139 „ 22 „ 54 „
1872	—	—	55 ¹ / ₂ „	5,871	162 „ 25 „ 11 „
1873	—	—	59 ¹ / ₄ „	5,304	165 „ 8 „ 5 „
1874	110	113.309,729	—	4,528 м. п.	173 „ 26 „ 68 „
1875	129	130.675,410	—	5,232 ¹¹⁾ м. п.	182 „ 35 „ 18 „
1876	138	132.802,200	47 „	6,401	140 „ 33 „ 18 „
1877	135	149.760,100	41 ¹ / ₆ „	5,935	167 „ 7 „ 75 „
1878	146	176.090,075	34 ¹ / ₂ „	6,673 ¹²⁾	164 „ 15 „ 70 „
1879	147	185.820,006	29 „	6,792 ¹³⁾	147 „ 25 „ 25 „

¹⁾ „Горный Журналъ“ 1871 г. № 7, стр. 136—138, 142.²⁾ Изъ матеріаловъ, сообщенныхъ г. Савинскимъ.³⁾ „Енисейск. Губ. Вѣд.“ 1874 г. № 4, стр. 13; *Кеппенъ*, 30. По другимъ свѣдѣніямъ, рабочихъ 7709 м. п. и 765 ж. п. „Ирк. Губ. Вѣд.“ 1873 г. № 51.⁴⁾ *Кеппенъ*, 30; „Енис. Губ. Вѣд.“ 1874 г. № 4.⁵⁾ „Приложеніе 1-е къ выпуску I Сборн. главн. офиц. докум.“ т. VII, отчетъ горн. отд. вѣд. № 3.⁶⁾ Въ 1876 г. рабочихъ м. п. 4708, въ 1877 г.—5369. „Приложеніе 1-е къ Сборнику офиц. докум., отчетъ горн. отд.“.⁷⁾ „Енис. Губ. Вѣд.“ 1879 г. № 30 стр. 118.⁸⁾ Свѣдѣнія о 1874—78 гг. заимствованы изъ отчетовъ о „Горнозавод. производт. Россіи“, составленныхъ Скальковскимъ и напечатанныхъ въ „Горн. Журн.“ и отдѣльно, а количество рабочихъ за 1876—77 гг.—изъ „Ирк. Губ. Вѣд.“ 1878 г. № 18, стр. 4.⁹⁾ „Енис. Губ. Вѣд.“ 1880 г. № 24; Арх. Горн. Департ., отчетъ о частн. золотопром. за 1879 г. Рабочихъ м. п. было 6221, женщинъ и дѣтей 596.¹⁰⁾ Взято изъ таблицы Савинскаго.¹¹⁾ „Прилож. 1-е къ вып. I Сборн. офиц. докум.“ т. VII, отчетъ горн. отд., вѣд. № 3.¹²⁾ Рабочихъ м. п. 6113, женщ. и дѣтей 560. „Енисейск. Губ. Вѣд.“ 1879 г. № 30.¹³⁾ Рабочихъ м. п. 6250, женщинъ и дѣтей 542. „Енисейск. Губ. Вѣд.“ 1880 г. № 24. По отчету о золотопром. за 1879 г. въ горномъ департаментѣ, 6400 раб. м. п.

Годъ.	Число присковъ.	Промыто пудовъ песку.	Содержаніе золота въ 100 пуд. песку.	Число рабочихъ.	Количество добы- таго шликового золота.
-------	--------------------	-----------------------------	---	--------------------	---

Въ Ачинскомъ округъ.

1870	29	30.960,600	26 д.	— ¹⁾	24 п. 4 ф. 13 з.
1871	—	—	—	799 ²⁾	19 " 20 " 56 "
1872	—	—	25 ¹ / ₄ "	732	15 " 33 " — "
1873	—	—	22 ³ / ₈ "	762	18 " 33 " 15 "
1874	19	15.961,100	—	577 ³⁾	16 " 32 " 13 "
1875	23	20.130,700	—	722 ³⁾	15 " 8 " 94 "
1876	23	25.299,080	21 "	722	14 " 18 " 39 "
1877	31	36.142,799	—	1,115	20 " — " 40 "
1878	32	48.271,200	17 "	815 ³⁾ об. п.	22 " 3 " 14 "
1879	32	51.049,950	14 ⁵ / ₈ "	751 ⁴⁾ об. п.	20 " 12 " 58 "

Въ Минусинскомъ округъ.

1870	45	35.645,950	29 д.	—	28 п. 21 ф. 50 з.
1871	—	—	—	1,263 ²⁾	30 " 22 " 11 "
1872	—	—	29 ¹ / ₄ "	1,896	29 " 20 " 60 "
1873	—	—	40 ³ / ₄ "	978	30 " 19 " 62 "
1874	30	30.061,300	—	1,015 ³⁾	32 " 35 " 15 "
1875	40	33.368,230	—	1,154 ³⁾	34 " — " 76 "
1876	38	36.185,420	29 ³ / ₈ "	1,124	28 " 36 " 4 "
1877	43	35.635,800	40 ¹ / ₂ "	1,085	37 " 9 " 16 "
1878	47	32.003,550	43 ¹ / ₂ "	1,250 ³⁾ об. п.	37 " 36 " 66 "
1879	38	30.417,400	37 ¹ / ₂ "	1,811 ⁴⁾ об. п.	30 " 38 " 42 "

¹⁾ Въ Ачинскомъ и Минусинскомъ округахъ вмѣстѣ было въ 1870 г. 1865 рабочихъ.

²⁾ Изъ таблицы, сообщенной Савинскимъ.

³⁾ 728 рабочихъ м. п. и 92 ч. женщинъ и дѣтей. „Енис. Губ. Вѣд.“ 1879 г. № 30, стр. 118.

⁴⁾ 650 рабочихъ м. п., 59 ж. п., 42 дѣтей. Отчетъ о золотопром. Вост. Сиб. за 1879 г. въ горн. департ.

⁵⁾ Рабочихъ м. п. 1075, женщинъ и дѣтей 175. „Енис. Губ. Вѣд.“ 1879 г. № 30.

⁶⁾ Рабочихъ м. п. 1182, ж. п. 107 и дѣтей 22.

Годъ.	Число присковъ.	Промыто пудовъ песку.	Содержаніе золота въ 100 пуд. песку.	Число рабочихъ.	Количество добы- таго шихового золота.
-------	--------------------	-----------------------------	---	--------------------	--

Въ Канскомъ и Нижнеудинскомъ округахъ.

1870	16	12.854,014	53 д.	671	18 п. 27 ф. 7 з.
1871	—	—	—	666 ¹⁾	18 " 22 " 80 "
1872	—	—	—	533 ²⁾	12 " 26 " 19 "
1873	—	—	—	523 ¹⁾	16 " 1 " 4 "
1874	20	10.876,266	—	749 ¹⁾	16 " 32 " 39 "
1875	27	13.715,157	—	1,017 ²⁾	22 " 37 " 30 "
1876	28	13.191,500	70 ³⁾ / ₄ "	1,010	25 " 22 " 94 "
1877	34	18.926,504	59 ¹⁾ / ₄ "	1,576	37 " 35 " 27 "
1878	37	23.076,371	62 "	1,407 ²⁾	38 " 36 " 7 "
1879	33	24.079,510	51 "	1,512 ²⁾	33 " 8 " 20 "

Въ Иркутскомъ округѣ.

1877	1	—	—	105	— п. 7 ф. 15 з.
1878	1	—	—	—	— " 10 " 94 "
1879	1	—	—	25 м. п.	— " 11 " 7 "

Въ Верхояленскомъ округѣ.

1872	—	—	—	—	1 п. 5 ф. 55 з.
1873	—	—	—	—	1 " 6 " 16 "
1874	—	—	—	54 ¹⁾	— " 15 " 84 "
1875	—	—	—	25 ¹⁾	— " 1 " 5 "
1876	—	—	—	—	— " 3 " 2 "
1877	—	—	61 д.	12	— " 4 " 55 "
1879	—	—	—	—	— " 3 " 40 "

¹⁾ Изъ таблицы, сообщенной Саянскими.²⁾ Рабочихъ м. п. 516, женщинъ и дѣтей 17. „Ирк. Губ. Вѣд.“ 1878 г. № 51 стр. 4.³⁾ „Приложение 1-е къ выпуску I Сборн. офиц. докум.“ т. VII, отчетъ о Нижнеудинск. окр., стр. 25.

Годъ.	Число прискожь.	Промыто пудовъ песку.	Содержаніе золота въ 100 пуд. песку.	Число рабочихъ.	Количество добы- таго шихового золота.
-------	--------------------	-----------------------------	---	--------------------	--

Въ Верхнеудинскомъ округъ Забайкальской области.

1870	19	7.917,663	93 ¹ / ₂ д.	— ¹⁾	20 п. 3 ф. 78 з.
1871	—	—	—	468 ²⁾	16 „ 5 „ 95 „
1872	—	—	—	— ³⁾	12 „ 18 „ 16 „
1873	—	—	—	425 ³⁾	8 „ 8 „ 28 „
1874	13	5.583,190	—	113 ³⁾	6 „ 4 „ 48 „
1875	12	5.612,900	—	426 ³⁾	6 „ 39 „ 20 „
1876	13	6.637,895	47 „	415	7 „ 32 „ 8 „
1877	11	12.542,711	39 ¹ / ₈ „	737	13 „ 12 „ 37 „
1878	17	10.646,478	48 ³ / ₄ „	—	14 „ 1 „ 83 „
1879	17	8.207,925	40 ¹ / ₂ „	— ⁴⁾	9 „ 1 „ 20 „

Въ Баргузинскомъ округъ.

1870.	31	22.937,117	1 в. 18 д.	—	68 п. 13 ф. 18 з.
1871	—	—	—	1,264 ²⁾	74 „ 37 „ 41 „
1872	—	—	—	—	60 „ 17 „ 6 „
1873	—	—	—	1,295 ²⁾	41 „ 25 „ 66 „
1874	22	14.658,095	—	1,112 ²⁾	39 „ 12 „ 62 „
1875	20	13.008,323	—	756 ²⁾	28 „ 14 „ 95 „
1876	20	13.860,106	89 ¹ / ₈ „	979	33 „ 22 „ 43 „
1877	21	14.207,580	70 ³ / ₄ „	1,026	27 „ 11 „ 43 „
1878	24	17.469,511	72 „	—	31 „ 23 „ 5 „
1879	29	21.786,520	67 „	—	39 „ 24 „ 2 „

¹⁾ Выходъ съ Баргузинскимъ округомъ было 2768 рабочихъ.

²⁾ Изъ таблицы, сообщенной Савинскимъ.

³⁾ Выходъ съ Баргузинскимъ округомъ, по матеріаламъ Савинскаго, было 2216 рабочихъ.

⁴⁾ Выходъ съ Баргузинскимъ округомъ 2820 рабочихъ м. н., 186 ж. н. и 66 дѣтей, всего 3072 чел.

Годъ.	Число присковъ.	Промыто пудовъ песку.	Содержаніе золота въ 100 пуд. песку.	Число рабочихъ.	Количество добы- таго шихового золота.
-------	--------------------	-----------------------------	---	--------------------	--

Въ Нерчинскомъ округъ.

1870	24	81.779,051	81 д.	4,416	180 п. 24 ф. 73 з.
1871	—	—	—	4,562 ¹⁾	176 " 17 " 52 "
1872	—	—	—	3,813 ²⁾	177 " 1 " 68 "
1873	—	—	—	3,934 ³⁾	114 " 27 " 54 "
1874	—	—	—	3,133 ¹⁾	173 " — " 85 "
1875	28	65.059,986	—	3,828 ¹⁾	169 " 20 " 53 "
1876	30	88.009,903	87 ¹ / ₂ "	3,614	192 " 17 " 26 "
1877	32	90.082,588	86 "	4,445	227 " 31 " 76 "
1878	33	103.786,080	76 "	—	214 " 36 " 2 "
1879	41	119.246,021	66 "	3,687 ⁴⁾ м. п.	213 " 28 " 57 "

Въ Олекминскомъ округъ Якутской области.

1870	40	97.761,825	23.73 д.	5,196	601 п. 19 ф. 2 з.
1871	—	—	—	5,457	761 " 15 " 51 "
1872	—	—	—	8,207 ¹⁾	630 " 29 " 72 "
1873	30 ⁵⁾	73.823,874 ⁵⁾	3 " 8 ¹ / ₄ " ⁵⁾	8,070 ⁶⁾	593 " 18 " 48 "
1874	34	64.965,235	3 " 58 " ⁵⁾	6,845 ⁶⁾	618 " 3 " 61 "
1875	40	86.285,009	3 " 47 ¹ / ₂ " ⁵⁾	6,153 ⁶⁾	592 " 4 " 72 "
1876	35	52.906,746	4 " 39 "	4,804 ⁶⁾	627 " 20 " 84 "
1877	38	64.191.174	5 " 46 "	7,171	928 " 2 " 69 "
1878	48	87.607,985	2 " 68 "	6,987 ⁶⁾	851 " 14 " 60 "
1879	50	96.125,205	3 " 26 "	8,116 ⁷⁾	825 " 10 " 25 "

¹⁾ Изъ таблицы, сообщенной Савинскимъ.²⁾ „Ирк. Губ. Вѣд.“ 1873 г. № 51, стр. 4.³⁾ Арх. Ирк. Горн. Упр. К. 2560, № 130—184, л. 256.⁴⁾ Сверхъ того 492 ж. п. и 527 дѣтей рабочихъ.⁵⁾ „Приложеніе 1-е къ Сборн. офиц. докум.“ 1883 г., таблица № 1.⁶⁾ Ibid, таблица № 3.⁷⁾ „Приложеніе 1-е къ выписку I Сборн. офиц. докум., отчетъ горн. отд. за 1882 г.“. Приложеніе № 3. По другимъ источникамъ 9726 чел. м. п., 902 ж. п. и 150 дѣтей рабочихъ; итого 10777 ч. об. п.; вѣроятно, это не одни дѣйствительно находившіеся на работахъ, а все присковое населеніе. Арх. Горн. Департ.; „Енис. Губ. Вѣд.“ 1880 г. № 24.

Годъ.	Число присковъ.	Промито пудовъ песку.	Содержаніе золота въ 100 пуд. песку.	Число рабочихъ.	Количество добы- таго шихового золота.
-------	--------------------	-----------------------------	---	--------------------	--

Въ Амурской области.

1870	6	19.026,537	2з. 72 д.	1,606	136 п. 37 ф. 74 з.
1871	4	—	—	2,291 ¹⁾ об. п.	152 „ 30 „ 38 „
1872	—	—	—	2,375 об. п.	195 „ 38 „ 44 „
1873	—	—	—	1,687 ²⁾	161 „ 37 „ 33 „
1874	4	31.068,765	—	1,993 ²⁾	150 „ 11 „ 32 „
1875	8	46.025,750	—	1,865	173 „ 6 „ 32 „
1876	10	54.446,100	1 „ 20 „	1,924	171 „ 26 „ 69 „
1877	10	50.734,825	—	1,877	172 „ 1 „ 62 „
1878	11	50.423,800	1 „ 26 „	2,978	167 „ 7 „ 33 „
1879	12	67.521,940	1 „ 27 ^{1/4} „	3,606 об. п.	225 „ 32 „ — „

Въ Приморской области.

1872	—	—	—	128	4 п. 20 ф. 1 з.
1873	—	—	—	—	4 „ 13 „ 55 „
1874	—	—	—	—	—
1875	8	3.513,469	—	458 ³⁾	7 „ 2 „ 58 ¹⁾
1876	3	9.194,290	49 ^{1/2} д.	482	12 „ 14 „ 2 „
1877	2	6.376,100	69 „	370	12 „ 29 „ 23 „
1878	3	7.640,900	74 „	—	15 „ 36 „ 64 „
1879	3	7.320,500	63 „	116	12 „ 23 „ 88 „

¹⁾ Арх. Ирк. Горн. Упр. К. 2555, № 106—160, л. 222.²⁾ Число рабочихъ за 1873, 75, 76 и 78 гг. взято изъ „Приложенія 1-го къ выпуску I Сборн. офиц. докум., отчетъ за 1882 г“. Приложение, табл. № 3.³⁾ Изъ таблицы, сообщенной Савинскимъ.⁴⁾ По Коппену 6 п. 21 ф. 89 зол.

Годъ.	Число присковъ.	Промыто пудовъ песку.	Число рабочихъ.	Количество добы- таго шихового золота.
-------	--------------------	-----------------------------	--------------------	--

На всѣхъ частныхъ золотыхъ прискахъ Восточной Сибири.

1870	492	588.087,357	33,515	1,505 п. 23 ф. 32 з.
1871	—	—	31,034	1,879 „ 38 „ 15 „
1872	—	—	32,993	1,549 „ 10 „ 64 „
1873	—	—	29,667	1,347 „ 39 „ 38 „
1874	356	398.962,102	25,190	1,392 „ 36 „ 14 „
1875	454	534.507,504	26,391	1,390 „ 19 „ 82 „
1876	447	543.239,889	26,561	1,431 „ 11 „ 95 „
1877	478	616.069,731	31,152	1,802 „ 16 „ 40 „
1878	514	728.235,700	26,967	1,734 „ 9 „ 1 „
1879	512	786.857,032	35,805	1,714 „ 6 „ 45 „

На всѣхъ частныхъ золотыхъ прискахъ Восточной и Западной Сибири.

1870	614	676.154,897	38,251	1,612 п. 29 ф. 42 з.
1871	—	—	35,008	1,804 „ 20 „ 9 „
1872	—	—	36,834	1,714 „ 13 „ 26 „
1874	488	538.129,134	31,727	1,531 „ 7 „ 33 „
1875	578	690.746,918	32,477	1,510 „ 34 „ 17 „
1876	597	713.649,096	33,142	1,551 „ 11 „ 2 „
1877	628	781.263,750	37,024	1,933 „ — „ 77 „
1878	670	908.557,267	33,707	1,868 „ 14 „ 29 „
1879	669	970.945,177	42,794	1,858 „ 18 „ 27 „

Относительно того, изъ кого состояли присковые рабочіе, мы имѣемъ для 70-хъ гг. очень мало свѣдѣній. На промыслахъ Томской губерніи (Марининскаго и Алтайскаго округовъ) въ 1876 г. изъ числа 4627 чел. рабочихъ 208 (т.-е. 4½%) были изъ великороссійскихъ губерній ¹⁾, а въ 1878 г. тамъ же изъ 4606 рабочихъ 328 чел., т.-е. 7% было изъ великороссійскихъ обывателей ²⁾, а въ 1879 г.—болѣе 4½% ³⁾.

По сособіямъ присковые рабочіе Томской губ. распредѣлялись въ 1879 г. слѣдующимъ образомъ: въ Алтайскомъ округѣ было мѣщанъ 5,7%, крестьянъ 49,7%, инородцевъ 13,3%, ссыльно-поселенцевъ 23,3%, разночинцевъ 3%; въ Марининскомъ и Томскомъ округахъ: мѣщанъ 8,3%, крестьянъ 65,1%, инородцевъ 10,4%, ссыльно-поселенцевъ 11,3%, разночинцевъ 4,9% ⁴⁾.

¹⁾ „Сибирь“ 1877 г. № 5, стр. 3.

²⁾ „Сибирь“ 1879 г. № 14, стр. 1—2.

³⁾ „Сибирская Газета“ 1881 г. № 7.

⁴⁾ Отчетъ о частн. золотопром. за 1879 г. въ горн. департаментѣ.

Въ сѣверной части Енисейскаго округа въ 1870 г. изъ числа приисковыхъ рабочихъ было сибирскихъ обывателей 87,8%, великороссійскихъ губерній 12,2%¹⁾, въ 1872 г. обывателей Сибири 91%, великороссійскихъ губерній 9%²⁾. Въ 1877 г. мѣщанъ и крестьянъ сибирскихъ губерній на промыслахъ этого округа было 62%, ссыльно-поселенцевъ 30%, итого сибирскихъ обывателей 92%, обывателей великороссійскихъ губерній 8%³⁾. Въ 1879 г. изъ числа рабочихъ на приискахъ этого округа было ссыльно-поселенцевъ 1278 чел. (20%) и инородцевъ 2%⁴⁾.

Въ южной части Енисейскаго округа въ 1870 г. изъ числа приисковыхъ рабочихъ было 68% сибирскихъ обывателей и 32% великороссійскихъ⁵⁾, въ 1872 г. первыхъ 92%, вторыхъ 8%. Въ 1874 г. сибирскіе крестьяне и мѣщане составляли на промыслахъ этого округа 41%, ссыльно-поселенцы 51%, итого сибирскіе обыватели 92%, а великороссійскіе 8%. Въ 1875 г. сибирскихъ крестьянъ и мѣщанъ было 38%, ссыльно-поселенцевъ 55%, итого сибирскихъ обывателей 93%, а великороссійскихъ 7%⁶⁾. Въ 1877 г. мѣщане и крестьяне сибирскихъ губерній составляли 50%, поселенцы 45%, итого сибирскіе обыватели 95%, а великороссійскіе 5%. Въ 1879 г. изъ числа рабочихъ на приискахъ этого округа было 47% ссыльно-поселенцевъ.

Въ Ачинскомъ и Минусинскомъ округахъ въ 1870 г. изъ числа рабочихъ было 94% обывателей Сибири и 6% великороссійскихъ; въ 1872 г. первыхъ 96%, вторыхъ 4%. Въ 1879 г. ссыльно-поселенцы составляли здѣсь 55% въ числѣ рабочихъ, инородцы—менѣе 4%.

На промыслахъ всей Енисейской губерніи въ 1873 г. сибирскіе мѣщане и крестьяне составляли 53,6%, ссыльно-поселенцы 39,8, слѣдовательно, сибирскіе обыватели вообще 93,4%, а великороссійскіе мѣщане и крестьяне—6,6%⁷⁾. Въ 1878 г. сибирскихъ мѣщанъ и крестьянъ на промыслахъ этой губерніи было 53,7%, ссыльно-поселенцевъ 37,5, инородцевъ 1,2, итого сибирскихъ обывателей 92,4%, великороссійскихъ мѣщанъ и крестьянъ 7,6%⁸⁾. Сравнивая эти данныя со свѣдѣніями о 60-хъ годахъ, мы видимъ, что процентъ ссыльных-поселенцевъ сильно понизился: въ 1863 г. ихъ было 53%, въ 1868 г.—46%, а въ 1873 г.—39,8, въ 1878 г.—37,5%.

На промыслахъ Нерчинскаго округа 1870 г. сибирскіе обыватели составляли 97%, великороссійскіе—3%; въ 1873 г. ссыльно-поселенцевъ на промыслахъ Читинскаго, Нерчинскаго, Акинскаго и Нерчинско-Заводскаго округовъ было 21%⁹⁾; въ 1879 г. тамъ же поселенцы составляли 30%, инородцы 5% и каторжные 4%.

На промыслахъ Олекминскаго округа въ 1870 г. сибирскіе обыватели составляли 97%, великороссійскіе—3%; въ 1877 г. первые—95%, вторые—5%.

На промыслахъ Амурской области въ 1870 г. сибирскихъ обывателей было 96% и великороссійскихъ 4%. Въ 1871 г. сибирскіе обыватели мужского пола (мѣщане, крестьяне, ссыльно-поселенцы и инородцы) составляли 87%, мѣщане и

1) „Горный Журналъ“ 1871 г. № 7, стр. 138.

2) „Ирк. Губ. Вѣд.“ 1873 г. № 51, стр. 4.

3) „Сибирь“ 1878 г. № 23, стр. 5.

4) Отчетъ о золотопром. за 1879 г. въ горн. департаментѣ.

5) „Горный Журналъ“ 1871 г. № 7, стр. 138.

6) Арх. горн. испр.вн. южно-енис. округа, дѣло 1874 г. № 34 и 1875 г. № 38.

7) „Енис. Губ. Вѣд.“ 1874 г. № 31, стр. 119.

8) „Енис. Губ. Вѣд.“ 1879 г. № 30, стр. 118.

9) Арх. иркутск. горн. упр. К. 2560, № 130—184, л. 256.

крестьяне Великороссии—около 3%, отставные офицеры, чиновники, почетные граждане и купцы—около 1%, ссыльно-каторжные—2% и женщины и дети рабочих—7% ¹⁾). В 1876 г. на промыслах Амурской области ссыльно-каторжных было всего 4 чел. (на приисках Верхне-Амурской К^о) ²⁾). В 1879 г. поселенцы составляли здесь всего 2%, инородцы—около 3% рабочих.

Переходимъ къ статистикѣ частныхъ сибирскихъ промысловъ въ 80-хъ гг.

Въ 1880 г. въ Томской губернии на 88 частныхъ золотыхъ промыслахъ Марининскаго округа было промыто 68.090.215 пуд. песку и кварца съ содержаніемъ въ 30¹/₂ долей и добыто 52 п. 18 ф. 40 зол. шлихового и руднаго золота; на 43 частныхъ алтайскихъ промыслахъ промыто 57.235.910 пуд. песковъ и кварца съ среднимъ содержаніемъ 54¹/₄ доли и добыто 84 п. 15 ф. 47 зол. шлихового и руднаго золота. Итого на 131 частномъ промыслѣ Томской губерніи было промыто 120.326.125 пуд. и добыто 136 п. 34 ф. 1 зол. золота ³⁾). Рабочихъ на частныхъ промыслахъ Марининскаго и Алтайскаго округовъ въ 1880 г. было 4816 чел. м. п., 478 ж. п. и 86 дѣтей ⁴⁾). Въ Семипалатинской области на 30 приискахъ было въ 1880 г. промыто 30.740.000 пуд. песковъ и кварца и добыто 8 п. 38 ф. 7 зол. шлихового золота; рабочихъ, преимущественно изъ киргизъ, было 1920 м. п., 221 ж. п. и 84 дѣтей. Въ Акмолинской области на трехъ Кокчетавскихъ промыслахъ было промыто 1.925.400 пуд. песку и кварца съ среднимъ содержаніемъ песковъ въ 26 долей и добыто 1 п. 16 ф. 92 зол. шлихового и руднаго золота; рабочихъ было 118 ч. м. п. ⁵⁾).

Въ 1881 г. на 79 приискахъ Марининскаго округа было промыто песковъ и кварца 56.143.026 пуд. съ среднимъ содержаніемъ песковъ въ 30 долей и всего добыто шлихового и руднаго золота 46 п. 7 ф. 21 зол. На 36 частныхъ промыслахъ Алтайскаго округа было промыто 52.821.000 пуд. съ среднимъ содержаніемъ въ 48 долей и добыто 70 п. 5 ф. 85 зол. шлихового золота. Всего на 115 частныхъ приискахъ Томской губерніи было промыто 108.964.026 пуд. и добыто 116 п. 13 ф. 10 зол. шлихового золота ⁶⁾). Рабочихъ на этихъ приискахъ было 4101 м. п., 412 женщинъ и 182 дѣтей ⁷⁾). Въ Семипалатинской области на 31 приискѣ было промыто 32.473.000 пуд. песковъ и кварца съ среднимъ содержаніемъ въ 10¹/₂ долей и добыто 9 п. 12 ф. 42 зол. золота, а на одномъ приискѣ Акмолинской области промыто 480.600 пуд. съ среднимъ содержаніемъ въ 32 доли и добыто всего 17 ф. 17 зол. ⁸⁾). Рабочихъ въ Семипалатинской области было 1819 чел. м. п., 178 ж. п. и 127 дѣтей, въ Акмолинской области—31 ч. м. п.

¹⁾ Арх. Ирк. Горн. Упр. К. 2555, № 106—160, л. 222. Въ 1875—76 гг. на островѣ Аскольдѣ въ Южно-уссурийскомъ краѣ находилось 331 рабочий м. п. и 4 ж. п., въ томъ числѣ русскихъ 57 м. п. и 4 ж. п., китайцевъ 158 и корейцевъ 21. „Изв. Восточно-Сиб. Отд. Геогр. Общ.“ 1877 г. т. VIII, стр. 77.

²⁾ Арх. Ирк. Горн. Упр. К. 2574, № 189—243, л. 351.

³⁾ *Иосса*. Горнозаводская производительность Россіи въ 1880 г., стр. 42.

⁴⁾ Отчетъ о частн. золотопром. Зап. Сиб. за 1880 г. въ горн. департаментѣ; „Сибирская Газета“ 1888 г. № 22; „Горный Журналъ“ 1882 г. № 9, стр. 384.

⁵⁾ *Иосса*, стр. 48.

⁶⁾ „Горный Журналъ“ 1883 г. № 5, стр. 211.

⁷⁾ „Горный Журналъ“ 1882 г. № 9, стр. 384.

⁸⁾ „Горный Журналъ“ 1883 г. № 5, стр. 212.

Годъ.	Число присковъ.	Промыто пудовъ песку.	Содержаніе золота въ 100 пуд. песку.	Число рабочихъ.	Количество добы- таго шихового золота.
-------	--------------------	-----------------------------	---	--------------------	--

Въ Маріинскомъ округъ.

1882	71	43.378,450	31 д.	1,877	34 п. 8 ф. 24 в.
1883	70	40.805,900	33 "	2,053	37 " 16 " 56 "
1884	86	42.121,035	30 ¹ / ₄ "	2,093	34 " 7 " 92 "
1885	95	33.825,940	35 ¹ / ₂ "	2,068	32 " 30 " 26 "
1886	105	39.322,275	34 ¹ / ₂ "	2,203	36 " 29 " 21 "
1887	116	44.396,596	30 "	2,490	36 " 21 " 25 "
1888	113	40.378,070	34 "	2,185	37 " 19 " 75 "
1889	118	49.077,665	30 ¹ / ₄ "	2,137	40 " 25 " 37 "

На частныхъ прискахъ Алтайскаго округа.

1882	47	72.265,300	37 ¹ / ₄ д.	2,560	72 п. 26 ф. 5 в.
1883	50	74.467,735	42 "	2,577	77 " 19 " 67 " ¹⁾
1884	53	77.841,300	35 ¹ / ₂ "	2,795	74 " 38 " 40 "
1885	56	81.652,361	35 ¹ / ₂ "	2,746	78 " 23 " 32 " ²⁾
1886	52	73.330,936	37 "	2,768	74 " 3 " 17 "
1887	56	78.897,580	38 "	2,977	81 " 25 " 25 "
1888	66	80.606,409	37 ¹ / ₂ "	3,306	82 " 11 " 46 "
1889	70	89.847,890	39 "	3,000	95 " 18 " 50 "

Въ Семипалатинской области.

1882	29	36.160,600	11 ³ / ₈ д.	1,785	11 п. 7 ф. 74 в.
1883	31	30.869,000	10 ³ / ₈ "	1,637	8 " 29 " 29 "
1884	27	24.866,400	10 ³ / ₈ "	1,601	7 " 2 " 77 "
1885	27	21.975,000	10 ³ / ₄ "	1,565	6 " 16 " 35 "
1886	26	28.484,000	10 "	1,544	7 " 34 " 69 "
1887	33	36.153,610	12 ¹ / ₄ "	1,928	12 " 4 " 75 "
1888	35	43.748,930	12 "	2,408	14 " 25 " 23 "
1889	38	42.277,650	13 "	2,114	14 " 33 " 55 "

¹⁾ По свѣдѣніямъ о полицейской части на частныхъ золотыхъ промыслахъ Томской губерніи за 1883 г. на прискахъ Маріинскаго и Алтайскаго горныхъ округовъ было 5084 рабочихъ об. пола (Арх. Горн. Департ.).

²⁾ По отчету о частн. золотопром. въ Томской губ. въ 1885 г. на прискахъ Маріинскаго и Алтайскаго округовъ было 5222 чел. рабочихъ (Арх. Горн. Департ.).

Годъ.	Число присковокъ.	Промито пудовъ песку.	Содержаніе золота въ 100 пуд. песку.	Число рабочихъ.	Количество добы- таго шихового золота.
-------	----------------------	-----------------------------	---	--------------------	--

Въ Акмолинской области.

1882	10	3.619,250	26 ¹ / ₂ д.	431	2 п. 24 ф. 3 з.
1883	12	5.373,900	21 "	884	5 " 31 " — "
1884	20	7.913,525	37 "	1,537	7 " 37 " 17 "
1885	29	9.082,850	32 ³ / ₈ "	1,897	7 " 39 " 35 "
1886	28	9.270,125	25 "	2,135	6 " 16 " 92 "
1887	30	14.843,480	16 "	3,210	6 " 19 " 23 "
1888	29	12.690,275	21 ¹ / ₄ "	2,899	7 " 13 " 88 "
1889	31	7.609,490	23 "	2,228 ¹)	4 " 28 " 24 "

На всѣхъ частныхъ золотыхъ промыслахъ Западной Сибири.

1882	157	155.423,600	—	6,653	120 п. 26 ф. 9 з.
1883	163	151.516,535	32 ³ / ₈ д.	7,148	130 " 16 " 57 "
1884	186	152.742,260	31 ¹ / ₂ "	8,026	124 " 6 " 34 "
1885	207	146.536,151	32 ³ / ₈ "	8,276	125 " 29 " 33 "
1886	211	150.407,336	33 "	8,650	125 " 4 " 7 "
1887	235	174.291,348	31 "	10,605	136 " 30 " 53 "
1888	243	177.423,672	31 ³ / ₄ "	10,798	147 " 30 " 40 "
1889	257	188.812,695	32 "	9,515	155 " 25 " 88 " *)

*) По отчету Томскаго Горнаго Управленія 2735 мужчинъ и 37 дѣтей (Арх. Томск. Горн. Упр.).

*) Всѣ данныя о промыслахъ Западной Сибири за 1882—89 гг. взяты изъ официальныхъ изданій Горнаго Департамента подъ заглавіемъ: „Горнозаводская производительность Россіи“.

Годъ.	Число прис- ковъ.	Промыто пудовъ песку.	Содержаніе золота въ 100 пуд. песку.	Число рабочихъ.		Количество добы- таго шихового золота.
				По „Горноза- вод. произво- дительности“.	По другимъ источникамъ.	

*На частныхъ золотыхъ промыслахъ Восточной Сибири.
Въ северной части Енисейскаго округа.*

1880	105	145.858,652	36 ³ / ₄ д.	—	6,387 ¹⁾ об. п.	146 п. 15 ф. 28 з.
1881	—	—	—	—	5,764	131 „ 32 „ 83 „ ²⁾
1882	86	101.278,194	34 ³ / ₄ „	4,278	4,278 ³⁾ об. п.	95 „ 36 „ 75 „
1883	95	105.349,496	33 „	4,447	4,463 ⁴⁾ „	93 „ 13 „ 54 „
1884	88	106.222,315	37 ¹ / ₁₀ „	4,698	4,722 ⁵⁾ „	106 „ 36 „ 59 „
1885	104	101.859,920	38 „	4,433	4,437 ⁶⁾ „	104 „ 35 „ 87 „
1886	89	89.116,400	40 „	3,675	4,153 ⁷⁾ „	97 „ 11 „ 22 „
1887	109	100.802,890	36 ¹ / ₂ „	3,568	4,023 ⁸⁾ „	99 „ 33 „ 29 „
1888	108	104.050,760	34 ¹ / ₂ „	3,713	3,776 ⁹⁾ „	97 „ 19 „ 2 „
1889	103	101.284,984	30 ¹ / ₄ „	3,873	3,993 ¹⁰⁾	83 „ 33 „ 48 „ ¹¹⁾

Въ южной части Енисейскаго округа.

1880	145	138.566,950	35 ¹ / ₇ д.	—	5,830 ¹⁾ об. п.	134 п. 23 ф. 32 з.
1881	—	—	—	—	4,424	121 „ 30 „ 53 „
1882	136	120.192,305	32 ¹ / ₂ „	4,297	4,297	115 „ 18 „ 45 „
1883	135	144.381,030	33 „	4,618	4,682 ⁴⁾ об. п.	125 „ 30 „ 10 „
1884	130	139.320,609	33 ¹ / ₂ „	3,626	4,080 ⁵⁾ „	126 „ 7 „ 25 „
1885	149	157.828,525	27 ⁷ / ₈ „	4,989 об. п.	—	118 „ 32 „ 33 „
1886	150	147.269,825	28 „	5,327	6,187 ⁷⁾ об. п.	110 „ 34 „ 78 „
1887	152	162.895,063	27 „	4,650	4,894 ⁸⁾ „	118 „ 27 „ 48 „
1888	144	165.783,500	26 ³ / ₄ „	4,376	5,448 ¹²⁾ „	120 „ 3 „ 24 „
1889	146	138.957,485	27 ³ / ₄ „	4,395	5,769 ¹³⁾ „	104 „ 23 „ 43 „ ¹¹⁾

¹⁾ Отчетъ о золот. Вост. Сиб. за 1880 г. въ Гор. Депар.

²⁾ Данные о 1881 г. взяты изъ таблицы, сообщенной Савинскимъ и „Гор. Жур.“ 1882 г., № 9, стр. 371. На 250 пр. Енисейскаго округа было промыто 274.018.328 п. песку.

³⁾ „Прилож. 1-е къ выпуску I Сборн. офиц. докум.“, т. VII, отчет. Гор. Отдѣленія.

⁴⁾ Отчетъ о золот. Вост. Сибири за 1883 г. въ Гор. Депар.

⁵⁾ Отчетъ за 1884 г.

⁶⁾ Отчетъ за 1885 г.

⁷⁾ Отчетъ за 1886 г.

⁸⁾ Отчетъ за 1887 г.

⁹⁾ Отчетъ мѣстнаго Гор. Инж. въ Арх. Том. Гор. Управ.

¹⁰⁾ Отчетъ Томскаго Гор. Управ. въ его Архивѣ.

¹¹⁾ Кулибинъ. Сбор. стат. свѣд. о горноз. производ. въ Россіи за 1889 г.

¹²⁾ Отчетъ мѣстн. Горн. Инжен. въ Арх. Том. Горн. Упр.

¹³⁾ Со включеніемъ Красноярск. и Канск. округовъ. Отчетъ мѣстнаго Гор. Инжен.

Годъ.	Число приис-ковъ.	Промито пудовъ песку.	Содержаніе золота въ 100 пуд. песку.	Число рабочихъ.		Количество добы-таго платинового золота.
				По „Горноза-вод. произво-дительности“.	По другимъ источникамъ.	

Въ Ачинскомъ округъ.

1880	31	44.855,900	18 ³ / ₄ д.	—	1,081 ¹⁾ об. п.	21 п. 39 ф. 84 з.
1881	34	43.227,440	19 ¹ / ₂ „	—	994 ²⁾ м. п.	23 „ 2 „ 11 „
1882	31	43.354,380	18 ³ / ₄ „	1,028	1,028	22 „ 2 „ 34 „
1883	33	35.402,840	18 ³ / ₄ „	922	940 ³⁾	17 „ 16 „ 66 „
1884	40	32.749,910	21 ¹ / ₂ „	825	948 ⁴⁾	18 „ 34 „ 32 „
1885	37	29.781,618	24 „	857	—	19 „ 15 „ 45 „
1886	37	31.047,000	21 „	876	1,117 ⁵⁾ об. п.	17 „ 21 „ 65 „
1887	42	30.400,900	22 „	1,055	—	18 „ 9 „ 2 „
1888	37	31.616,680	24 „	916	—	20 „ 29 „ 63 „
1889	36	35.640,000	24 „	935	—	23 „ 13 „ 78 „

Въ Минусинскомъ округъ.

1880	45	34.116,700	35 ³ / ₄ д.	—	1,286 ¹⁾ об. п.	32 п. 39 ф. 24 з.
1881	42	30.627,700	41 ¹ / ₄ „	—	913 ²⁾ м. п.	34 „ 8 „ 47 „
1882	41	36.331,500	31 ¹ / ₄ „	1,122	1,337 ³⁾ об. п.	30 „ 37 „ 55 „
1883	41	38.118,150	29 „	1,102	—	30 „ 3 „ 29 „
1884	42	35.221,490	36 ¹ / ₂ „	917	1,283 ⁴⁾ об. п.	34 „ 39 „ 51 „
1885	40	33.918,100	35 ¹ / ₂ „	1,128	—	32 „ 13 „ 65 „
1886	41	32.607,100	35 ¹ / ₄ „	1,167	1,477 ⁵⁾ об. п.	31 „ 10 „ 19 „
1887	41	35.469,000	31 ³ / ₄ „	1,343	—	30 „ 24 „ 64 „
1888	43	33.122,140	35 ¹ / ₂ „	1,379	—	32 „ 2 „ 3 „
1889	46	32.401,270	30 „	1,187	—	26 „ 24 „ 57 „

¹⁾ Отчетъ о золотопр. въ Сибирь за 1880 г.²⁾ Прилож. первое къ выпуску I Сб. офиц. док. Вост. Сиб., т. VII, отчет. Гор. Отд., вѣд. № 3.³⁾ Отчет. о золотопр. Вост. Сиб. за 1883 г. въ Горн. Департ.⁴⁾ Отчетъ за 1884 г.⁵⁾ Отчетъ за 1886 г.⁶⁾ Прилож. первое къ выпуску I офиц. докум., отчет. Горн. Отдѣл. стр. 9.

Годъ.	Число прис- ковъ.	Промѣто пудовъ песку.	Содержаніе золота въ 100 пуд. песку.	Число рабочихъ.		Количество добы- таго шиховатаго золота.
				По „Горноза- вод. произво- дительности“.	По другимъ источникамъ.	

Въ Красноярскомъ округѣ.

1880	4	8.122,360	25 ¹ / ₄ д.	—	316 ¹⁾ об. п.	8 п. 35 ф. 33 з.
1881	3	5.212,800	32 ¹ / ₄ "	—	297 ²⁾ м. п.	4 " 22 " 57 "
1882	1	1.543,500	48 "	60	80 ³⁾ об. п.	2 " — " 56 "
1883	3	5.290,510	24 ¹ / ₄ "	182	207 ⁴⁾ "	3 " 32 " — "
1884	3	6.021,600	36 ¹ / ₂ "	163	260 ⁵⁾ "	5 " 38 " 62 "
1885	2	6.369,800	24 ¹ / ₂ "	123	—	4 " 11 " 15 "
1886	2	6.032,000	25 ¹ / ₂ "	138	155 ⁶⁾ "	4 " 6 " 68 "
1887	4	4.202,000	25 ¹ / ₂ "	124	—	2 " 34 " 76 "
1888	3	1.678,400	37 ³ / ₄ "	51	—	1 " 28 " 93 "
1889	3	1.058,400	71 ³ / ₄ "	95	—	2 " 2 " 47 "

Въ Канскомъ и Нижнеудинскомъ округахъ.

1880	33	29.862,943	36 д.	—	953 ¹⁾ об. п.	23 п. 25 ф. 16 з.
1881	21	11.137,666	47 "	—	600 ²⁾ "	14 " 9 " 57 "
1882	26	14.089,675	46 "	368	907 ³⁾ "	17 " 31 " 70 "
1883	29	18.813,580	46 "	591	1,235 ⁴⁾ "	22 " 14 " 31 "
1884	33	27.601,110	39 "	1,599	1,619 ⁵⁾ "	29 " 9 " 23 "
1885	27	29.917,200	33 ¹ / ₂ "	1,078	—	27 " 23 " 31 "
1886	34	25.951,175	31 ¹ / ₄ "	601	—	22 " 4 " 68 "
1887	31	25.722,800	30 ³ / ₄ "	543	—	21 " 27 " 77 "
1888	27	28.992,160	30 "	762	—	23 " 22 " 25 "
1889	31	32.922,900	31 ¹ / ₄ "	1,332	—	28 " 7 " 29 "

¹⁾ Отчетъ о золотопр. Вост. Сиб. за 1880 г. въ Горн. Депар.²⁾ Горн. Жур. 1882 г. № 9, стр. 871.³⁾ Прилож. пер. къ выпуску I Сбор. офиц. док., отчет. Глав. Управ. за 1882 г., стр. 9.⁴⁾ Отчетъ о золотопр. Вост. Сиб. за 1883 г. въ Горн. Депар.⁵⁾ Отчетъ за 1884 г.⁶⁾ Отчетъ за 1886 г.

Годъ.	Число присковъ.	Промито пудовъ песку.	Содержаніе золота въ 100 пуд. песку.	Число рабочихъ.	Количество добы- таго шихового золота.
-------	--------------------	-----------------------------	---	--------------------	--

Въ Иркутскомъ округѣ.

1883	1	—	—	—	1 ф. 30 з.
1884	1	65,000	26 ¹ / ₂ л.	—	1 „ 86 „
1885	1	51,000	1 з. 10 ¹ / ₄ „	—	6 „ 88 „
1887	1	10,800	— „ 16 ³ / ₄ „	4	— „ 19 „
1888	1	196,600	— „ 31 „	—	5 „ 46 „

Въ Верхненскомъ округѣ Иркутской губерніи.

1880	1	10,600	2 з. 42 л.	6 м. п.	2 ф. 67 з.
1881	1	18,800	1 „ 68 „	— ¹⁾	3 „ 26 „
1882	1	30,800	1 „ 21 „	10	4 „ 4 „
1883	1	78,000	— „ 51 „	6	4 „ 37 „
1884	1	59,500	— „ 33 „	20	2 „ 12 „
1885	1	74,000	— „ 93 „	11	7 „ 48 „
1886	1	180,000	— „ 94 ¹ / ₄ „	23 м. п.	18 „ 50 „
1887	1	180,600	1 „ 18 „	16	22 „ 34 „
1888	1	361,700	1 „ 4 ³ / ₄ „	22	39 „ 48 „
1889	1	520,000	1 „ 74 „	40	2 п. 15 „ 74 „

Въ Биренскомъ округѣ Иркутской губерніи.

1886	1	315,900	1 з. 19 ¹ / ₂ л.	30 м. п.	— п. 39 ф. 61 з.
1888	2	372,820	2 „ 28 ¹ / ₂ „	24	2 „ 9 „ 33 „
1889	4	526,240	4 „ 1 ³ / ₄ „	159	5 „ 20 „ 24 „

¹⁾ Въ Верхн. и Иркут. округахъ было вмѣстѣ въ 1881 г. всего 8 рабочихъ.
Горн. Жур. 1882 г. № 9, стр. 371.

Годъ.	Число прис- ковъ.	Промы- словъ песку.	Содержаніе золота въ 100 пуд. песку.	Число рабочихъ.		Количество добы- таго шихового золото.
				По „Горноза- вод. произво- дительности“.	По другимъ источникамъ.	

Въ Верхнеудинскомъ округъ Забайкальской области.

1880	10	2.913,020	43 ¹ / ₂ д.	—	370 ¹) м. п.	3 п. 17 ф. 22 з.
1881	9	4.313,300	43 ¹ / ₂ „	—	206 ¹) „	5 „ 3 „ 35 „
1882	12	2.840,720	43 ¹ / ₂ „	285	285	3 „ 14 „ 36 „
1883	6	2.345,200	49 ³ / ₄ „	206	225 ²)	3 „ 6 „ 54 „
1884	9	2.525,500	27 ¹ / ₈ „	95 ³)	—	1 „ 36 „ 35 „
1885	9	2.926,400	35 „	235	—	2 „ 31 „ 24 „
1886	11	852,600	29 ¹ / ₂ „	211	278 ⁴)	— „ 27 „ 13 „
1887	12	875,350	34 ¹ / ₂ „	186	—	— „ 32 „ 72 „
1888	15	1.399,620	39 ¹ / ₂ „	179	—	1 „ 20 „ 3 „
1889	12	2.269,750	57 ³ / ₄ „	192	—	3 „ 21 „ 74 „

Въ Баргузинскомъ округъ Забайкальской области.

1880	30	15.756,230	62 ¹ / ₄ д.	—	1,260 ¹) м. п.	26 п. 25 ф. 92 з.
1881	18	9.424,522	71 ¹ / ₈ „	—	891 ¹) „	18 „ 10 „ 49 „
1882	25	13.984,920	89 ³ / ₄ „	940	1,180 ²) об. п.	34 „ 1 „ 58 „
1883	24	18.529,505	58 ³ / ₂ „	839	1,405 „	29 „ 18 „ 64 „
1884	24	11.864,310	77 ¹ / ₂ „	482	1,270 ³) „	24 „ 38 „ 24 „
1885	24	12.321,702	73 „	789	—	24 „ 15 „ 66 „
1886	37	11.940,256	78 „	643	—	25 „ 9 „ 91 „
1887	29	18.659,700	67 „	862	1,384 ¹) „	34 „ 11 „ 51 „
1888	41	9.232,590	1 з. 4 ¹ / ₄ „	1,225	—	25 „ 9 „ 53 „
1889	55	12.280,255	1 „ 8 „	1,036	—	34 „ 26 „ 22 „

¹) Прилож. 1-е къ вып. I Сборн. офиц. док., отчетъ Глав. Упр. за 1882 г., вид. № 3.²) Отчетъ о частн. золотопр. Вост. Сиб. за 1883 г. въ Горн. Департ.³) Свѣдѣнія неполны.⁴) Отчетъ о золотопр. Вост. Сиб. за 1886 г. въ Горн. Департ.⁵) Прилож. перв. къ выпуску I Сборн. офиц. док. по Упр. Вост. Сибири, отчетъ Главн. Управленія за 1882, г. стр. 9.⁶) Отчетъ о золотопр. Вост. Сиб. за 1884 г. въ Горн. Департ.⁷) Отчетъ за 1887 г.

Годъ.	Число прис- ковъ.	Промыт пудовъ песку.	Содержаніе золота въ 100 пуд. песку.	Число рабочихъ.		Количество добы- таго шихового золота.
				По „Горноза- вод. произво- дительности“.	По другимъ источникамъ.	

Въ Нерчинскомъ ¹⁾ округъ на частныхъ прискахъ.

1880	43	117.629,450	62 ² / ₃ д.	—	7,047 ²⁾ об. п.	200 п. 2 ф. 46 з.
1881	40	111.164,905	58 ³ / ₄ „	—	5,698 ³⁾ „	177 „ 14 „ 95 „
1882	39	108.183,836	60 ³ / ₄ „	5,037	5,564 ⁴⁾ „	178 „ 21 „ 47 „
1883	43	109.539,448	59 „	4,511	6,002 ⁵⁾ „	175 „ 21 „ 17 „
1884	42	114.575,980	56 ¹ / ₃ „	4,722	6,324 ⁶⁾ „	175 „ 13 „ 89 „
1885	36	65.297,815	48 „	3,082	—	84 „ 33 „ 75 „
1886	37	79.938,663	42 „	2,881	3,692 ⁷⁾ „	91 „ 22 „ 64 „
1887	43	75.108,875	38 ¹ / ₄ „	2,075	2,929 ⁸⁾ „	77 „ 37 „ 29 „
1888	42	62.220,245	—	1,783	—	58 „ 33 „ 7 „
1889	57	79.493,166	—	2,637	—	76 „ 6 „ 54 „

Въ Олекминскомъ округъ (Олекминской и Витимской системахъ).

1880	51	98.988,747	3 з. 51 д.	8,543	10,798 ²⁾ об. п.	939 п. 2 ф. 80 з.
1881	55	83.494,791	3 „ 27 „	9,256	10,543 ³⁾ „	717 „ 6 „ 51 „
1882	62	90.173,615	3 „ 22 „	4,558	10,712 ⁴⁾ „	759 „ 1 „ 57 „
1883	58	76.150,700	2 „ 82 „	3,529	10,805 ⁵⁾ „	686 „ 5 „ 52 „
1884	57	79.354,640	3 „ 39 „	5,421	11,937 ⁶⁾ „	704 „ 13 „ 13 „
1885	65	76.418,050	2 „ 67 „	5,278	12,882 ⁷⁾ „	538 „ 38 „ 85 „
1886	64	76.941,331	2 „ 31 ¹ / ₂ „	4,910	—	466 „ 32 „ 75 „
1887	75	76.421,258	2 „ 25 ¹ / ₂ „	5,073	11,256 „	451 „ 7 „ 38 „
1888	78	78.171,572	2 „ 26 ³ / ₄ „	5,638	13,046 „	464 „ 3 „ 65 „
1889	77	85.587,068	2 „ 13 „	5,880	13,166 ¹⁰⁾ „	495 „ 29 „ 23 „

¹⁾ Съ 1889 г. въ „Горнозаводскій производительности“ обозначаются округа Нерчинскій, Нерчинско-заводскій, Читинскій и Акинскій.

²⁾ Отчетъ о золот. Вост. Сиб. за 1880 г. въ Горн. Департ.

³⁾ „Горн. Жур.“ 1882 г. № 9, стр. 371.

⁴⁾ Прилож. первое къ вып. I Сбор. глав. офиц. док. по упр. Вост. Сиб., т. VII, отчетъ Главн. Упр. за 1882 г., вѣд. 3, стр. 9.

⁵⁾ Отчетъ о частн. золот. Вост. Сиб. за 1883 г. въ Горн. Департ.

⁶⁾ Отчетъ о частн. золот. Вост. Сиб. за 1884 г. въ Горн. Департ.

⁷⁾ Отчетъ о частн. золот. Вост. Сиб. за 1886 г.

⁸⁾ Отчетъ о частн. золот. Вост. Сиб. за 1887 г. въ Горн. Департ.

⁹⁾ Архивъ Ирк. Горн. Упр. К. 2772, № 185—124, л. 180 об. „на прискахъ и резиденціяхъ“.

¹⁰⁾ Свѣдѣнія за 1887—1889 гг. взяты изъ Памятной книжки Ял. обл. за 1891 г., стр. 111.

Годъ.	Число прис- ковъ.	Промыт пудовъ песку.	Содержаніе золота въ 100 пуд. песку.	Число рабочихъ.		Количество добы- таго шанкового золота.
				По „Горноза- вод. произво- дительности“.	По другимъ источникамъ.	

Въ Амурской области.

1880	13	65.721,100	1 з. 36 д.	—	3,682 ¹⁾	235 п. 35 ф. 6 з.
1881	14	77.875,700	1 „ 26 ¹ / ₄ „	—	3,490 ²⁾	263 „ 36 „ 54 „
1882	15	75.600,850	1 „ 28 „	2,307	4,059 ³⁾	254 „ 16 „ 15 „
1883	19	73.524,385	1 „ 29 „	2,969	4,374 ⁴⁾	248 „ 38 „ 65 „
1884	22	82.068,230	1 „ 64 ¹ / ₂ „	2,492	5,861 ⁴⁾	323 „ 24 „ 54 „
1885	22	78.504,600	1 „ 46 „	2,445	— ⁵⁾	302 „ 13 „ 49 „
1886	19	80.166,560	1 „ 62 ³ / ₄ „	1,997	— ⁵⁾	345 „ 15 „ 62 „
1887	21	70.611,680	1 „ 89 „	2,182	— ⁵⁾	355 „ 22 „ 88 „
1888	22	67.878,250	2 „ 13 „	2,226	— ⁵⁾	377 „ 18 „ 48 „
1889	34	83.594,600	2 „ 10 „	2,701	— ⁵⁾	458 „ 18 „ 70 „

Въ Приморской области.

1880	2	5.570,200	62 ³ / ₈ д.	—	855 ¹⁾	об. п. 9 п. 34 ф. 24 з.
1881	1	6.496,600	63 ¹ / ₄ „	—	276 ²⁾	„ 11 „ 15 „ 67 „
1882	3	8.323,450	59 ¹ / ₈ „	290	606 ³⁾	„ 16 „ 2 „ 82 „
1883	3	8.158,650	1 з. 4 ¹ / ₂ „	68	612 ⁴⁾	„ 22 „ 19 „ 98 „
1884	2	9.741,000	78 ⁷ / ₈ „	307	855 ⁴⁾	„ 20 „ 32 „ 71 „
1885	4	8.918,500	90 ⁵ / ₈ „	293	— ⁵⁾	„ 21 „ 37 „ 25 „
1886	2	5.270,895	82 „	148	— ⁵⁾	„ 11 „ 29 „ 59 „
1887	3	4.029,900	62 ³ / ₄ „	—	— ⁵⁾	„ 6 „ 33 „ 54 „
1888	4	7.184,600	46 „	203	— ⁵⁾	„ 8 „ 38 „ 49 „
1889	3	3.241,000	83 ¹ / ₂ „	175	— ⁵⁾	„ 7 „ 14 „ 2 „ ⁵⁾

¹⁾ Прибав. первое къ вѣд. I Сбор. глав. офиц. док. Вост. Сиб., отчетъ Глав. Упр. за 1882 г., вѣд. 3; по отчету о золот. Вост. Сиб. за 1880 г. (въ Горн. Департ.) въ Амур. обл. было рабоч. 3503 чел. об. п.

²⁾ Горн. Жур. 1882 г., № 9, стр. 371.

³⁾ Прил. первое къ вѣд. I Сбор. офиц. док., отчетъ Глав. Упр. за 1882 г., стр. 9.

⁴⁾ Отчеты о золот. Вост. Сиб. 1883—84 гг. въ Горн. Департ.

⁵⁾ Обзоръ Амурск. области за 1885 г. стр. 10, 1886 г. стр. 17, 1887 г. стр. 7, 1888 г. стр. 7, 1889 г. стр. 8. Число рабочихъ указано вкѣстѣ съ Приморскою областью: въ 1885 г.—5500, въ 1886 г.—4712, въ 1887 г.—5272, въ 1888 г.—6184.

⁶⁾ Всѣ данныя относительно Вост. Сиб., источники которыхъ не указаны, заимствованы изъ „Горнозаводской производительности Россіи“ за соответственные годы.

Годъ.	Число приисковъ.	Промыто пудовъ песку.	Содержаніе золота въ 100 пуд. песку.	Число рабо- чихъ.	Количество добы- таго шлиховаго золота.
-------	------------------	-----------------------------	---	-------------------------	---

Кромѣ того, въ Восточной Сибири добывалось жильнаго золота:

1885	На 1 приискъ Сѣв. части Енис. округа и 5 при- скахъ Нерчин. округа	794,180	63.80 д.	396	14 п. 5 ф. 25 з.
1886	На 2 прииск. Сѣв. части Енис. окр., 1 Южн.- Енис. и 4 Нерчин. окр.	1.042,725	10 „ — „	760	27 „ 7 „ 2 „
1887	На 1 пр. Сѣв. части Енис. окр., на 1 Южн. ч. и 4 Нерчин. округа . .	804,100	12 „ 69 ¹ / ₄ „	412	26 „ 25 „ 73 „
1888	На 1 пр. Сѣв. части Енис. окр., на 1 Южн. ч. и 1 Нерчин. округа . .	285,960	22 „ 55 ¹ / ₂ „	247	16 „ 32 „ 58 „
1889	На 1 пр. Сѣв.-Ен. окр., на 1 Южн.-Ен. и 2 Читин. окр.	620,188	12 „ 17 ¹ / ₄ „	295	19 „ 26 „ 85 „

Годъ.	Число приисковъ.	Промыто пудовъ песку.	Число рабочихъ.		Количество добы- таго шлиховаго золота.
			По „Горноза- вод. произво- дительности“.	По другимъ источникамъ.	

На всѣхъ частныхъ золотыхъ приискахъ Восточной Сибири.

1880	513	707.972,852	—	39,365	1,783 п. 18 ф. 74 з.
1881	488	657.012,052	—	34,096	1,522 „ 32 „ 13 „
1882	478	615.927,755	24,580	34,332	1,529 „ 29 „ 58 „
1883	491	635.681,494	23,990	34,950	1,458 „ 26 „ 26 „
1884	494	647.391,144	25,367	38,659	1,573 „ 8 „ 56 „
1885	527	604.981,410	25,137	—	1,297 „ 1 „ 89 „
1886	532	588.672,430	23,387	—	1,261 „ 26 „ 37 „
1887	570	606.194,916	22,043	—	1,242 „ 30 „ 82 „
1888	571	592.597,597	22,744	—	1,250 „ 25 „ 44 „
1889	612	610.377,246	24,932	—	1,372 „ 4 „ 58 „

Годъ.	Число присковъ.	Промыто пудовъ песку.	Число рабочихъ.		Количество добы- таго шихового золота.
			По „Горноза- вод. производ- тельности“.	По другимъ источникамъ.	

На всѣхъ частныхъ золотыхъ приискахъ Восточной и Западной Сибири.

1880	677	860.964,377	—	47,088	1,930 п. 27 ф. 68 з.
1881	635	798.929,678	—	40,946	1,648 „ 34 „ 82 „
1882	635	871.451,355	31,233	40,986 ¹⁾	1,650 „ 15 „ 67 „
1883	654	787.198,029	31,188	42,098 ¹⁾	1,589 „ 2 „ 83 „
1884	680	800.133,404	33,393	46,685 ¹⁾	1,697 „ 14 „ 90 „
1885	734	751.517,561	33,413	—	1,422 „ 31 „ 26 „
1886	743	739.079,766	32,037	—	1,386 „ 30 „ 44 „
1887	806	780.486,264	32,648	—	1,379 „ 21 „ 39 „
1888	814	770.021,269	33,542	—	1,398 „ 15 „ 84 „
1889	869	799.189,941	34,447	—	1,527 „ 80 „ 50 „

Въ официальныхъ отчетахъ о частной золотопромышленности въ Сибири свѣдѣнія о составѣ рабочихъ располагались по слѣдующимъ рубрикамъ: 1) мѣщанъ и крестьянъ, 2) инородцевъ, 3) ссыльно-поселенцевъ и 4) разночинцевъ.

Въ 1880 г. въ отчетѣ о золотопромышленности въ Западной Сибири изъ всего числа — 5380 рабочихъ обоего пола въ Маринскомъ и Алтайскомъ округахъ указано происхожденіе 4816 рабочихъ, т.-е. 90%. Изъ этихъ 4816 человекъ было мѣщанъ и крестьянъ 3276 (68%), ссыльно-поселенцевъ 896 (18,6%), инородцевъ 518 (10,8%) и разночинцевъ 126 (2,6%). Въ Семипалатинской области въ томъ же году было 2256 рабочихъ, преимущественно изъ киргизовъ.

Въ отчетѣ за 1881 г. въ Маринскомъ и Алтайскомъ округахъ изъ 4695 рабочихъ обоего пола указано происхожденіе 4101 чел. (87,4%). Изъ этихъ 4101 раб. было мѣщанъ 463 (11,3%), крестьянъ 2304 (56,2%), ссыльно-поселенцевъ 589 (14,3%), инородцевъ 591 (14,4%) и разночинцевъ 154 ²⁾.

По свѣдѣніямъ мѣстной полиціи на приискахъ Маринскаго и Алтайскаго округовъ въ 1883 г. было рабочихъ 5084 человека обоего пола; о происхожденіи же рабочихъ имѣются свѣдѣнія лишь о 4559 чел.; изъ нихъ было: мѣщанъ 430 (9,6%), крестьянъ 3150 (70%), инородцевъ 498 (10,9%), ссыльно-поселенцевъ 338 (7,4%) и разночинцевъ 143 (3,1%).

По отчету о частной золотопромышленности въ Западной Сибири за 1884 г. въ Семипалатинской области было 1544 рабочихъ, въ Акмолинской области 1537 и въ той и въ другой — изъ киргизъ. Въ 1885 г. всѣ 1897 человекъ рабоч. на при-

¹⁾ Дѣйствительное число рабочихъ должно было быть больше, такъ какъ для Западной Сибири взяты данныя изъ „Горнозаводской производительности Россіи“, т.-е. по расчету на всю операцію.

²⁾ „Горн. Жур.“ 1882 г. № 9 стр. 384; „Томск. Губ. Вѣд.“ 1882 г. № 24 стр. 263.

сках Акмолинской области были также из киргиз¹⁾, в 1887 г. в Семипалатинской области рабочие—все киргизы тех волостей, в район которых находятся ее золотые прииски; в отчете же за 1887 г. добавлено, что бывають на приисках киргизы и из отдаленных областей, служащие же русские²⁾.

В Томской губернии по отчету о частной золотопромышленности на приисках Марининского и Алтайского округов в 1886 г. показано 5222 чел. рабочих обоего пола; из них указано происхождение 4652 (89⁰/₁₀₀), в том числе было: мещан 468 ч. (10⁰/₁₀₀), крестьян 3154 (67,8⁰/₁₀₀), инородцев 498 (10,7⁰/₁₀₀), ссыльно-поселенцев 362 (7,8⁰/₁₀₀), разночинцев 175 (3,7⁰/₁₀₀).

Таким образом в первой половине 80-х гг. на промыслах Томской губернии в числе рабочих мещане составляли 10—11⁰/₁₀₀, крестьяне 66—70⁰/₁₀₀, ссыльно-поселенцы 7—18⁰/₁₀₀, инородцы 10—14⁰/₁₀₀, разночинцы 2—3⁰/₁₀₀.

В отчетах о частной золотопромышленности, доставленных в министерство государственных имуществ, мы находим сведения о том, сколько в числе рабочих было мужчин, женщин и детей.

В 1880 г. в Марининском и Алтайском округах из числа 5380 раб. обоего пола было: 4816 мужчин (89,5⁰/₁₀₀), 478 женщин (8,9⁰/₁₀₀) и 86 детей (1,6⁰/₁₀₀). В Семипалатинской области из числа 2225 раб., преимущественно киргиз, было мужчин 1920 (86,3⁰/₁₀₀), женщин 221 (9,9⁰/₁₀₀) и детей 84 (3,8⁰/₁₀₀).

В 1881 г. в Марининском и Алтайском округах из 4695 раб. об. п. было мужч. 4101 (87,5⁰/₁₀₀), женщин 412 (8,7⁰/₁₀₀), детей 182 (3,8⁰/₁₀₀)³⁾.

В 1883 г. в Марининском и Алтайском округах из 5084 раб. об. п. было мужчин 4565 (89,8⁰/₁₀₀), женщин 437 (8,6⁰/₁₀₀), детей 82 (1,6⁰/₁₀₀).

В 1885 г. в тех же округах из 5222 раб. было: 4652 мужчин (89⁰/₁₀₀) 467 женщин (9⁰/₁₀₀) и 103 детей (2⁰/₁₀₀).

Таким образом в первой половине 80-х гг. в числе рабочих на приисках Марининского и Алтайского округов было мужчин 87—89⁰/₁₀₀, женщин 8—10⁰/₁₀₀, детей 1,6—3,8⁰/₁₀₀. В Семипалатинской области в 1881 г. было рабочих м. п. 1819 чел. (85,6⁰/₁₀₀), ж. п. 178 (8,4⁰/₁₀₀) и детей 127 (6⁰/₁₀₀), но в отчете за 1887 г. пояснено, что „женщины и малолетние дети в работы не задолжались, а жили при своих мужьях и семействах, находившихся при работах“.

В отчетах о золотопромышленности Восточной Сибири за восьмидесять лет не указывалось, сколько было в составе рабочих мещан и крестьян, а сообщались сведения лишь о том, сколько было инородцев и ссыльно-поселенцев, а также ссыльно-каторжников, где были эти последние.

В северной части Енисейского округа в 1880 г. из 6387 раб. об. п. было 101 чел. из инородцев (менее 2⁰/₁₀₀) и 2152 ссыльно-поселенца (менее 34⁰/₁₀₀).

В 1882 г. всего рабочих об. п. было 4278, в том числе инородцев 65 (более 1⁰/₁₀₀), ссыльно-поселенцев 1086 (25⁰/₁₀₀)⁴⁾.

В 1883 г. по отчету о частной золотопромышленности Восточной Сибири было рабочих в северной части Енисейского округа 4463 раб. об. п.; в отчете окружного ревизора показано в общем итоге 4437, а при подведении итога дан-

¹⁾ В Семипалатинской области по Уставу о частной золотопромышленности запрещено было принимать на частные прииски поселенцев, которым не дозволялось и жительство в этой области.

²⁾ Архив Томск. Гор. Упр. д. 1883 г. № 31—2.

³⁾ Горн. Журн. 1882 г. № 9, стр. 884.

⁴⁾ Прилож. первое к в. в. I Сбор. глав. офиц. док. т. VII, отчет Главн. Управ. Вост. Сиб. за 1882 г., стр. 9.

ных по сословіямъ оказывается 4516 чел., а именно дворянъ 2, мѣщанъ и цеховыхъ 409 чел. об. п. (3,8%) крестьянъ всѣхъ наименованій 2684 чел. обоего п. (58%), безсрочно-отпускныхъ, отпускныхъ и запасныхъ нижнихъ чиновъ съ ихъ женами и дѣтьми 59 ч. (болѣе 1%), инородцевъ 69 об. п. (болѣе 1%), разночинцевъ 6 ч. об. п., поселенцевъ 1196 чел. об. п. (26%)¹⁾.

Въ 1884 г. изъ числа 4722 раб. об. п. было инородцевъ 55 (болѣе 1%), ссыльно-поселенцевъ 1130 (24%); въ 1886 г. изъ числа 4153 раб. об. п. ссыльно-поселенцевъ 1552 (37%); въ 1887 г. изъ 4023 раб. об. п. ссыльно-поселенцевъ 1103 (27%)²⁾.

Въ 1888 г. въ сѣверной части Енисейскаго округа по отчету мѣстнаго окружнаго инженера изъ 3776 раб. было всего болѣе крестьянъ—1845 человекъ (48,5%) и 1468 поселенцевъ (38,8%), а затѣмъ было 275 мѣщанъ, 88 безсрочно-отпускныхъ нижнихъ чиновъ, 51 чел. инородцевъ, 88 отставныхъ нижнихъ чиновъ, 14 разночинцевъ и 1 почетный гражданинъ.

Въ 1889 г. по отчету томскаго горнаго управленія изъ 3993 раб. об. п. въ сѣверной части Енисейскаго округа было ссыльно-поселенцевъ 1061 (26%) и инородцевъ 53 чел. (болѣе 1%)³⁾.

Слѣдовательно въ сѣверной части Енисейскаго округа было въ 80-хъ годахъ въ числѣ рабочихъ инородцевъ не болѣе 2%, ссыльно-поселенцевъ отъ 24 до 38,8%; что мѣщане составляли значительный, а крестьяне наибольшій процентъ рабочихъ,—это видно изъ цифръ 1883 и 1888 гг.

Въ южной части Енисейскаго округа въ 1882 г. во отчету Главнаго Управленія Восточной Сибири было 4258 раб. об. п.; въ томъ числѣ инородцевъ (52 (болѣе 1%), ссыльно-поселенцевъ 2021 (47%)⁴⁾.

Въ 1883 г. изъ 4682 раб. об. п. было мѣщанъ и цеховыхъ 291 чел. об. п. (6%), крестьянъ всѣхъ наименованій 2037 об. п. (43%), безсрочно-отпускныхъ и др. нижнихъ чиновъ съ женами и дѣтьми 90 чел., инородцевъ 28, разночинцевъ 19, поселенцевъ 1947 чел. об. п. (41%)⁵⁾.

Въ 1884 г. изъ числа рабочихъ 4060 чел. об. п. было ссыльно-поселенцевъ 1897 (46%).

Въ 1889 г. по отчету томскаго горнаго управленія на принскихъ южной части Енисейскаго округа со включеніемъ Красноярскаго и Канскаго округовъ 5769 рабочихъ об. п., въ томъ числѣ ссыльно-поселенцевъ 998 (17%) и инородцевъ 27⁶⁾.

Слѣдовательно, въ южной части Енисейскаго округа въ первой половинѣ восьмидесятихъ годовъ было ссыльно-поселенцевъ 41—47%, но въ 1889 г. они составляли уже всего 17%; судя по 1883 г., наибольшую составную часть рабочихъ здѣсь крестьяне.

Въ Минусинскомъ округѣ въ 1880, 82—84 гг. въ числѣ принсковыхъ рабочихъ было инородцевъ 2—5½%, и ссыльно-поселенцевъ 42—59%.

¹⁾ Ibid. Отчетъ окружнаго горнаго ревизора Енисейскаго округа за 1883 г. стр. 12, отчетъ о части. золот. Вост. Сиб. за 1883 г. въ Горн. Департ.

²⁾ Отчетъ о золот. Вост. Сиб. за 1884, 86 и 88 года въ Гор. Департ.

³⁾ Арх. Томск. Горн. Упр.

⁴⁾ Прилож. первое къ вып. I въ Сбор. глав. офиц. докум., отчетъ Глав. Упр. Вост. Сиб. стр. 9.

⁵⁾ Ibid. Отчетъ окружн. горн. ревиз. Енис. округа за 1883 г. стр. 12.

⁶⁾ Дѣло Томскаго Горн. Упр.

Въ *Нерчинскомъ округѣ* ¹⁾ въ 80-хъ гг. (1830—84, 86—87 гг.) инородцы составляли въ числѣ присковъ рабочихъ отъ 4 до 8%, причемъ процентъ инородцевъ постепенно все уменьшался, а ссыльно-поселенцы отъ 16 до 21%. Ссыльно-каторжные, число которыхъ въ началѣ 80-хъ гг. не превышало 3%, затѣмъ совершенно не появляются на частныхъ прискахъ этого округа.

Въ *Олекминскомъ округѣ* (Олекминская и Витимская системы) въ 1880 г. было изъ числа 10798 раб. об. п. инородцевъ 144 (болѣе 1%), ссыльно-поселенцевъ 4150 (38%) и ссыльно-каторжныхъ 303 (около 3%).

Въ 1881 г. изъ 10543 раб. об. п. было инородцевъ 415 (около 4%), ссыльно-поселенцевъ 4370 (41%) и ссыльно-каторжныхъ 171 чел. (менѣе 2%).

Въ 1882 г. изъ 10712 раб. об. пола было инородцевъ 372 (болѣе 3%) ссыльно-поселенцевъ 4188 (39%), ссыльно-каторжныхъ (въ Витимской системѣ) 95 чел. (менѣе 1%).

Въ 1883 г. изъ 10806 раб. об. п. было инородцевъ 633 (менѣе 6%), ссыльно-поселенцевъ 4262 (39%) и ссыльно-каторжныхъ 76 (менѣе 1%).

Въ 1884 г. изъ 11937 раб. об. п. было инородцевъ 590 (болѣе 5%), ссыльно-поселенцевъ 4423 (37%) и ссыльно-каторжныхъ 24.

Въ 1887 г. на промыслахъ Олекминскаго округа ссыльно-поселенцы составляли 46%, крестьяне 43%; изъ европейской Россіи было рабочихъ 9,4%, остальные были сибирскіе обыватели ²⁾.

Такимъ образомъ въ Олекминскомъ округѣ инородцы составляли отъ 1 до 6%, ссыльно-поселенцы отъ 37 до 46%; число ссыльно-каторжныхъ въ первой половинѣ 80-хъ гг. все уменьшалось, пока ихъ не перестали брать на работы.

Особенность присковъ *Амурской области* состояла въ томъ, что на нихъ употреблялось весьма мало ссыльно-поселенцевъ. Въ 1880 г. по отчету о золотопромышленности въ Восточной Сибири здѣсь было 3503 чел. рабочихъ, въ томъ числѣ 66 инородцевъ (менѣе 2%) и ссыльно-поселенцевъ 97 (менѣе 3%).

Въ 1881 г. изъ 3490 раб. об. п. было инородцевъ 47 (болѣе 1%) и ссыльно-поселенцевъ 127 (болѣе 3%).

Въ 1882 г. изъ 4059 раб. об. п. было инородцевъ 94 (болѣе 2%) и ссыльно-поселенцевъ 193 (болѣе 4%).

Въ 1883 г. изъ 4874 ч. об. п. было инородцевъ 121 (около 3%) и ссыльно-поселенцевъ 232 (5%).

Въ 1884 г. изъ 5861 ч. об. п. было инородцевъ 266 (4%) и ссыльно-поселенцевъ 406 (7%).

Слѣдовательно на прискахъ Амурской области въ первой половинѣ 80-хъ гг. инородцы составляли отъ 1 до 4%, ссыльно-поселенцы отъ 3 до 8%, причемъ процентъ ссыльно-поселенцевъ постепенно все возрасталъ.

Что касается состава рабочихъ по полу и возрасту на прискахъ Восточной Сибири, то въ Минусинскомъ округѣ мужчины составляли 78—91%, женщины 7—9%, дѣти 2—12%, въ Олекминскомъ округѣ мужчинъ 88—90%, женщинъ 8—11%, дѣтей 1—3%; въ Нерчинскомъ округѣ мужчинъ 89—92% (но въ 1880 г. 79%), женщинъ 5—10%, дѣтей 1—3% (но въ 80-хъ гг. 11%); въ Амурской области мужчинъ 92—94%, женщинъ 5—7%, дѣтей менѣе 1% (объ Енисейскомъ округѣ см. гл. V стр. 210—211).

¹⁾ Считаю въ составъ его Читинскій, Акшинскій, Нерчинскій и Нерчинско-заводскій округа.

²⁾ Арх. Канц. Ирк. Генер.-губер. № 611.

Годъ.	Число присковъ.	Промыш- ловъ песку.	Содержаніе золота въ 100 пуд. песку.	Число рабочихъ.	Количество добы- таго шихового золота.
<i>Въ Маринскомъ округъ.</i>					
1890	106	48.511,255	25 ¹ / ₂ л.	1,890	33 п. 24 ф. 92 з.
1891	104	49.285,300	24 "	1,858	31 " 34 " 85 "
1892	99	51.021,699	23 ³ / ₈ "	840	32 " 29 " 6 "
1893	103	59.362,937	23 ¹ / ₂ "	1,110 ¹)	37 " 25 " 62 "
1894	97	42.232,242	—	867 ²)	28 " 1 " 64 "
1895	76	34.539,095	—	1,448	25 " 36 " 48 "
<i>На частныхъ промыслахъ Алтайскаго округа.</i>					
1890	72	89.164,171	40 ¹ / ₂ л.	3,164	98 п. 29 ф. 53 з.
1891	72	101.482,360	38 ³ / ₄ "	3,555	107 " 2 " 58 "
1892	74	103.687,945	37 ¹ / ₂ "	1,938	105 " 36 " 33 "
1893	77	114.032,261	33 ¹ / ₂ "	1,976 ¹)	104 " 2 " 35 "
1894	79	106.546,270	32 "	1,959 ²)	92 " 24 " 50 "
1895	64	90.692,500	33 ¹ / ₂ "	3,002	82 " 32 " 48 "
<i>Въ Семипалатинской области.</i>					
1890	38	35.873,200	14 ¹ / ₄ з.	2,045	13 п. 32 ф. 57 з.
1891	42	44.556,800	13 ³ / ₄ "	2,688	16 " 25 " 47 "
1892	46	52.088,000	14 ¹ / ₂ "	2,734	20 " 9 " 12 "
1893	65	65.959,400	13,7 "	4,015	24 " 21 " 2 "
1894	69	72.583,500	—	4,378 ⁴)	28 " 12 " 63 "
1895	83	87.674,100	12,9 "	4,564	30 " 23 " 54 "
<i>Въ Семурчненской области.</i>					
1890	1	120,000	17 л.	110	— п. 2 ф. 18 з.
1891	1	742,000	11 "	101	— " 8 " 86 "
1892	1	946,000	13 ⁷ / ₈ "	130	— " 14 " 30 "
1893	4	1.550,800	8,9 "	179	— " 15 " 8 "
1894	2	1.588,000	6,4 "	76 ⁴)	— " 9 " 24 "
1895	1	1.129,000	7 "	46	— " 8 " 57 "

¹) По друг. свѣд. во всемъ Томск. горн. окр., т.-е. въ Маринской и Алтайской систем. было въ 1893 г. 4150 годов. рабочихъ. „Вѣст. Золот.“ 1896 г. № 11, стр. 226.

²) По свѣд., сообщ. Шостакомъ,—1825 ч. „Золот. въ Томск. Горн. Обл.“, табл. II.

³) По Шостаку (табл. II) 3435 ч.

⁴) Иныя цифры за 1891, 93 и 94 гг. см. въ „Вѣст. Золот.“ 1895 г. № 10, стр. 165, и 1896 г. № 14, стр. 267.

Годъ.	Число присковъ.	Промыто пудовъ песку.	Содержаніе золота въ 100 пуд. песку.	Число рабочихъ.	Количество добы- таго шихового золота.
-------	--------------------	-----------------------------	---	--------------------	--

Въ Акмоинской области.

1890	26	5.637,500	16 ¹ / ₄ д.	1,536 ¹⁾	2 п. 19 ф. 83 з.
1891	25	4.643,721	23 ¹ / ₄ "	400 ²⁾	2 " 37 " 80 "
1892	24	3,896,255	27 "	400	2 " 34 " 70 "
1893	29	5,091,936	18,3 "	1,607 ³⁾	2 " 21 " 34 "
1894	14	3,624,450	20 "	429 ⁴⁾	1 " 38 " 88 "
1895	18	2,667,960	20,6 "	311	1 " 34 " 86 "

*Жильное золото.**Въ Мариинскомъ округъ.*

1892	1	8,000	9 з. 11 д.	44	— п. 7 ф. 57 з.
1894	1	165,630	8 " 63 "	51	3 " 29 " 40 "
1895	1	175,467	4 " 83 "	61	2 " 9 " — "

На частныхъ промыслахъ Западной Сибири.

1890	243	179.306,128	32 д.	8,745	148 п. 29 ф. 15 з.
1891	244	200.710,181	30 ¹ / ₂ "	8,602	158 " 29 " 68 "
1892	245	211.597,899	—	6,086	162 " 11 " 16 "
1893	278	245.997,334	—	8,887	169 " 5 " 45 "
1894	262	226.740,092	27 ¹ / ₄ "	7,760	154 " 36 " 41 "
1895	243	216.710,655	—	9,415	141 " 23 " 62 "

¹⁾ Въ томъ числѣ 1268 м. п., 158 ж. п. и 110 дѣтей. „Горн. Журн.“ 1891 г. № 12, стр. 520.

²⁾ По свидѣніямъ, сообщеннымъ Н. Боголюбскимъ—2786 ч. (очевидно, дѣйстви-
тельныхъ рабочихъ, а не годовыхъ). „Кратк. очеркъ сост. горн. пром. въ Запад. Сиб.“.

³⁾ Въ томъ числѣ 1163 м. п., 819 ж. п. и 125 подростковъ. „Горн. Журн.“
1894 г. № 11, стр. 298.

⁴⁾ Въ томъ числѣ 298 м. п., 105 ж. п. и 31 подростк. „Горн. Журн.“ 1894 г.
№ 11, стр. 298.

Годъ.	Число присковъ.	Промыто пудовъ песку.	Содержаніе золота въ 100 пуд. песку.	Число рабочихъ.	Количество добы- таго шихового золота.
-------	--------------------	-----------------------------	---	--------------------	--

*Восточная Сибирь.**Северно-енисейскій округъ.*

1890	114	104.301,370	31 ¹ / ₄ д.	4,183 ¹⁾	88 п. 36 ф. 6 з.
1891	104	89.803,150	31 ⁵ / ₈ „	3,256	77 „ 4 „ 38 „
1892	123	106.021,000	30 ³ / ₅ „	3,700	87 „ 39 „ 80 „
1893	134	124.889,475	28,7 „	4,286	93 „ 13 „ 33 „
1894	123 ¹	114.244,380	25 ³ / ₄ „	3,602	80 „ 6 „ 86 „
1895	128	88.264,370	28 ¹ / ₂ „	3,740	67 „ 31 „ 54 „

Южно-енисейскій округъ.

1890	143	160.279,702	28 ¹ / ₄ д.	4,436 ²⁾	122 „ 28 „ 79 „
1891	138	140.128,681	30 ² / ₇ „	4,408	117 „ 1 „ 86 „
1892	145	169.109,640	25 ¹ / ₂ „	4,874	116 „ 31 „ 91 „
1893	144	195.645,755	25,4 „	5,049	134 „ 33 „ 81 „
1894	148	180.098,795	24,4 „	5,027 ³⁾	121 „ 26 „ 40 „
1895	145	153.054,275	27,6 „	5,470	114 „ 20 „ 16 „

Усинскій пограничный округъ.

1891	7	4.386,500	44 д.	267	5 п. 9 ф. 47 з.
1892	7	7.782,000	40 ¹ / ₂ „	248	8 „ 22 „ 50 „
1893	8	11.232,200	28,2 „	306	8 „ 24 „ 70 „
1894	9	10.275,600	29,3 „	334	7 „ 15 „ 67 „
1895	12	9.222,400	27,6 „	361	6 „ 35 „ 79 „

¹⁾ По другимъ свидѣніямъ 3292 ж. п., 388 ж. п. и 108 дѣтей, итого 3783 ч. „Горн. Жур.“ 1891 г. № 12, стр. 520.

²⁾ По другимъ свидѣніямъ 4586 ж. п., 838 ж. п. и 527 дѣтей, итого 5951 об. п. (очевидно это все присковое населеніе). „Горн. Журн.“ 1891 г. № 12, стр. 520.

³⁾ По Шостаку (табл. II)—5492 ч.

Годъ.	Число присковъ.	Промыто пудовъ песку.	Содержаніе золота въ 100 пуд. песку.	Число рабочихъ.	Количество добы- таго шихового золота.
-------	--------------------	-----------------------------	---	--------------------	--

Красноярскій округъ.

1890	8	1.191,600	41 ¹ / ₂ д.	85	1 п. 13 ф. 84 з.
1891	3	1.374,600	31 ³ / ₂ „	71	1 „ 8 „ 22 „
1892	3	1.752,200	29 ⁴ / ₅ „	82	1 „ 12 „ 32 „
1893	4	1.865,860	28,4 „	91	1 „ 17 „ 60 „
1894	4	1.984,200	21,2 „	91	1 „ 5 „ 57 „
1895	2	200,250	44 ¹ / ₂ „	38	— „ 9 „ 63 „

Ачинскій округъ.

1890	36	35.377,500	22 ¹ / ₂ д.	1,061	21 п. 24 ф. 8 з.
1891	33	28.201,000	33 ⁹ / ₁₀ „	952	25 „ 38 „ 12 „
1892	35	33.838,300	25 ⁹ / ₁₀ „	984	23 „ 31 „ 42 „
1893	40	36.094,500	23,5 „	984	23 „ 3 „ 34 „
1894	47	32.978,000	—	1,000	17 „ 23 „ 7 „
1895	38	31.615,900	23,4 „	1,068	20 „ 2 „ 20 „

Минусинскій округъ.

1890	46	35.601,080	29 д.	1,242	28 п. 8 ф. 35 з.
1891	35	27.345,650	39 „	1,174	29 „ 6 „ 72 „
1892	41	36.593,400	34 ⁷ / ₁₀ „	1,416	34 „ 17 „ 93 „
1893	52	42.759,615	31,5 „	1,627	36 „ 12 „ 65 „
1894	56	40.313,600	—	1,747	33 „ 1 „ 70 „
1895	65	43.323,000	27,6 „	1,844	32 „ 19 „ 82 „

Годъ.	Число присковъ.	Промито пудовъ песку.	Содержаніе золота въ 100 пуд. песку.	Число рабочихъ.	Количество добы- таго шиховатаго золота.
-------	--------------------	-----------------------------	---	--------------------	--

Банскій и Нижнеудинскій округа.

1890	34	32.626,470	28 д.	1,076	24 п. 33 ф. 43 з.
1891	29	30.672,650	29 "	1,060	23 " 30 " 75 "
1892	35	46.018,650	25 ⁹ / ₁₀ "	1,044	32 " 13 " 87 "
1893	50	48.278,060	26 "	1,927	34 " 4 " 75 "
1894	50	48.035,830	—	1,791	33 " 6 " 65 "
1895	40	30.557,070	—	1,218	22 " 26 " 87 "

Верхотуринскій округъ.

1890	1	639,000	91 д.	55	1 п. 29 ф. — з.
1891	1	819,300	13.38 "	54	2 " 35 " 21 "
1892	1	1.005,000	1 " 84 "	57	4 " 32 " 80 "
1893	3	950,000	— " 84 ¹ / ₆ "	62	2 " 9 " 1 "
1894	3	2.184,100	—	153	3 " 34 " 24 "
1895	3	795,070	1 " 54 ² / ₃ "	120	3 " 9 " 66 "

Биренскій округъ.

1890	3	410,500	23.55 ¹ / ₂ д.	65	2 п. 30 ф. 11 з.
1891	3	670,000	2 " 81 "	65	4 " 38 " 70 "
1892	3	1.149,510	1 " 30 "	135	3 " 36 " 75 "
1893	1	90,300	1 " 30 "	7	— " 12 " 37 "
1894	2	723,865	—	32	1 " 33 " 17 "
1895	3	1.803,450	81,3 "	62	3 " 39 " 27 "

Иркутскій округъ.

1891	2	610,635	42 д.	39	— п. 28 ф. 3 з.
1892	4	1.549,262	32 ³ / ₅ "	45	1 " 14 " 77 "
1893	4	3.956,900	18 ⁷ / ₈ "	87	1 " 39 " 84 "
1894	5	5.316,140	—	323	2 " 34 " 67 "
1895	5	2.653,800	22 ¹ / ₂ "	214	1 " 24 " 41 "

Годъ.	Число присковъ.	Промыто пудовъ песку.	Содержаніе золота въ 100 пуд. веску.	Число рабочихъ.	Количество добы- таго шихового золота.
-------	--------------------	-----------------------------	---	--------------------	--

Олекминскій округъ.

1890	79	92.414,991	23.37 ¹ / ₄ л.	6,464	575 п. 33 ф. 56 з.
1891	87	98.589,577	2 " 12 "	6,772	545 " 27 " 52 "
1892	92	101.299,636	2 " 47 "	7,684	657 " 13 " 57 "
1893	95	114.882,297	2 " 33 "	6,851	700 " 20 " 10 "
1894	97	129.300,492	2 " 5,9 "	7,873	692 " 19 " 64 "
1895	101	117.818,706	2 " 33,9 "	7,418	718 " 29 " 85 "

Верхнеудинскій округъ.

1890	17	3.896,915	27 л.	319	2 п. 35 ф. 53 з.
1891	15	2.867,100	45 ¹ / ₂ "	173	4 " 36 " 70 "
1892	14	5.244,410	46 "	243	6 " 6 " 75 "
1893	13	4.758,450	58 "	227	7 " 29 " 80 "
1894	15	7.110,850	—	232	5 " 13 " 61 "
1895	19	7.889,360	24 ¹ / ₂ "	406	5 " 11 " 69 "

Баргузинскій округъ.

1890	60	14.091,710	82 л.	995	31 п. 8 ф. 70 з.
1891	64	12.345,685	82 "	738	27 " 34 " 85 "
1892	69	18.195,788	75 "	1,316	38 " 12 " 81 "
1893	71	17.404,520	88 ¹ / ₄ "	1,070	40 " 16 " 16 "
1894	88	21.406,250	52 "	1,168	38 " 20 " 76 "
1895	82	18.731,555	69 "	1,156	35 " 20 " 6 "

Троицкосавскій округъ.

1893	1	21,774	1 з. 39 ¹ / ₂ л.	35	— п. 3 ф. 19 з.
1894	1	609,000	69 "	35	1 " 5 " 88 "
1895	5	4.068,550	26 "	164	3 " — " 48 "

Селенгинскій округъ.

1895	1	208,900	11 "	22	— п. 2 ф. 59 з.
------	---	---------	------	----	-----------------

Годъ.	Число присковъ.	Промыто пудовъ песку.	Содержаніе золота въ 100 пуд. песку.	Число рабочихъ.	Количество добы- таго шихового золота.
-------	--------------------	-----------------------------	---	--------------------	--

Нерчинско-заводскій, Нерчинскій, Читинскій и Акинскій округа.

1890	63	89.864,665	—	3,368	85 п. 4 ф. 59 з.
1891	66	70.237,475	—	2,912	81 " 29 " 15 "
1892	64	110.308,033	—	3,484	90 " 15 " 86 "
1893	64	123.085,950	—	3,633	92 " 16 " 44 "
1894	72	138.109,350	—	4,194	95 " 19 " 22 "
1895	66	101.083,430	—	3,541	68 " 6 " 90 "

Амурскій округъ.

1890	51	114.584,370	13.60 ¹ / ₄ д.	2,727 ¹)	495 п. 25 ф. 58 з.
1891	46	111.163,708	1 " 37 ¹ / ₂ "	3,400 ²)	427 " 22 " 75 "
1892	61	127.872,800	1 " 25 "	4,810 ²)	428 " 16 " 73 "
1893	83	151.708,325	1 " 5 ¹ / ₂ "	4,019	434 " 39 " 90 "
1894	118	158.618,925	— " 95 "	4,669	409 " 20 " 89 "
1895	142	160.136,800	1 " 3 ¹ / ₂ "	6,000	434 " 10 " 18 "

Приморскій округъ.

1890	3	5.150,000	49 ³ / ₄ д.	319	6 п. 33 ф. 29 з.
1891	6	6.480,46)	13. — "	551	16 " 35 " 52 "
1892	5	13.285,000	1 " 11 "	401	38 " 20 " 72 "
1893	5	16.738,625	1 " 62 "	699	71 " 26 " 26 "
1894	7	25.891,125	1 " 78 "	956	119 " 10 " 2 "
1895	16	25.784,251	1 " 22 "	1,079	82 " 38 " 6 "

¹) По другому источнику — 4,683 ч. „Обзоръ Амур. Обл.“ за 1890 г., стр. 6. По отчету Иркут. Горн. Управ. за 1890 г.—6,936 ч. „Горн. Жур.“ 1891 г., № 11, стр. 316.

²) По другому источнику въ 1891 г.—6,540 ч. и въ 1892 г.—6,296 ч. „Обзоръ Амур. Обл.“ за 1891 г. стр. 10, за 1892 г. стр. 13.

Годъ.	Число присковъ.	Промито пудовъ песку.	Содержаніе золота въ 100 пуд. песку.	Число рабочихъ.	Количество добы- таго шихового золота.
-------	--------------------	-----------------------------	---	--------------------	--

*Жильное золото.**Сѣверно-сибирскій и Южно-сибирскій округа.*

1890	1	37,650	3 в. 45 1/4 д.	40	— п. 13 ф. 61 з.
1891	3	117,900	3 „ 40 „	120	1 „ 2 „ 2 „
1892	5	148,008	4 „ 55 „	169	1 „ 28 „ 77 „
1893	3	120,125	3 „ 6 1/2 „	81	— „ 38 „ 37 „
1895	1	—	—	24	— „ 3 „ 7 „

Читинскій и Акинскій округа.

1890	3	440,500	—	282	17 п. 29 ф. 12 з.
1891	3	428,800	11 в. 33 д.	210	12 „ 26 „ 79 „
1892	3	481,800	11 „ 23 „	269	14 „ 4 „ 8 „
1893	2	450,600	14 „ 21 „	193	16 „ 27 „ 62 „
1894	2	505,100	—	334	12 „ 2 „ 27 „
1895	3	917,300	—	353	12 „ 14 „ 78 „

Итого на частныхъ промыслахъ Восточной Сибири.

1890	657	690.890,023	—	26,717	1,497 п. 32 ф. 88 з.
1891	645	626.247,871	—	26,212	1,406 „ 17 „ 12 „
1892	710	781.654,437	—	30,961	1,590 „ 13 „ 84 „
1893	777	894.933,331	—	31,234	1,701 „ 29 „ 60 „
1894	847	917.703,602	—	33,561	1,676 „ 30 „ 65 „
1895	877	798.128,437	—	34,298	1,633 „ 37 „ 41 „

Итого на частныхъ промыслахъ Западной и Восточной Сибири.

1890	900	870.196,149	—	35,462	1,646 п. 22 ф. 7 з.
1891	889	826.958,052	—	34,814	1,565 „ 6 „ 80 „
1892	955	993.252,336	—	37,047	1,752 „ 25 „ 4 „
1893	1,055	1.140.930,665	—	40,121	1,870 „ 35 „ 9 „
1894	1,109	1.144.443,694	—	41,321	1,831 „ 27 „ 10 „
1895	1,120	1.014.839,092	—	43,713	1,775 „ 21 „ 7 „ ¹⁾

¹⁾ Всѣ данныя о 90-хъ годахъ, приведенныя въ текстѣ таблицъ, заимствованы изъ изданій Горнаго Департамента „Горнозавод. производ. Россіи“ за соответственныя годы.

II (къ стр. 106).

Жалованье мастеровымъ и разночинцамъ въ Алтайскомъ округѣ.

	На приискахъ Данилова 80-хъ гг.		На приискахъ Южноалтайской К ^о 1890 г.			На приискахъ Попова 1890 г.	
	Съ 1 окт. по 1 мая.	Съ 1 мая по 1 окт.	Съ 1 октября по 1 марта.	Съ 1 марта по 1 мая.	Съ 1 мая по 1 окт.		
	РУБЛИ.	РУБЛИ.	РУБЛИ.	РУБЛИ.	РУБЛИ.	РУБЛИ.	РУБЛИ.
Плотники	9—12	15—18	10 р. 50 к.—12 р.	12—15	15—21	8—12	12—18
Кузнецы	12—15	18—25	12—18	15—21	18—25	12—50	15—18
Слесари	—	—	15	15	20	—	—
Шорники	—	—	10 р. 50 к.	12	15	—	—
Молотобойцы . . .	9	15	10 р. 50 к.	12	15	8—10	10—12
Старосты артельн.	—	—	12	12	18	—	—
Повара	—	—	12	12	18	—	—
Кашевары	—	—	9	9	12	8—12	10—15
Хлѣбопечи	—	—	10 р. 50 к.	12	12	8—12	10—15
Караульные	8	20	9	9	10 р. 50 к.	6—8	8—10
Дровники и водо- возы	9	15	9	10 р. 50 к.	12	—	—
Старосты конюхов- скіе			15	15	21	—	—
Конюха	9—12	15	10 р. 50 к.	12	15—18	8—12	10—15
Въ поторжныхъ и надворныхъ ра- ботахъ	9	15	—	—	—	—	—

III (къ стр. 117).

Вѣдомость о справочныхъ цѣнахъ на припасы и материалы
за 1876—77 гг.

Названіе предметовъ.	Цѣна, существующая на пріискахъ.		Цѣна, существующая въ Томскѣ.		Разность между этими цѣнами, т.-е.			
					выше.			ниже.
	РУБ.	К.	РУБ.	К.	РУБ.	К.	‰	КОП.
Мука: ржаная . . . . . 1 фун.	—	40	—	33	—	7	21	—
крупитчатая 2-го сор. 1 "	—	4	—	3	—	1	33	—
" 3-го " 1 "	—	3	—	2	—	1	50	—
Крупа: ячная . . . . . 1 "	—	3	—	2	—	1	50	—
просовая . . . . . 1 "	—	4	—	2	—	2	100	—
Горохъ . . . . . 1 "	—	3	—	2	—	1	50	—
Мясо: свѣжее . . . . . 1 "	—	5 1/2	—	4	—	1 1/2	31	—
проѣсное . . . . . 1 "	—	7	—	3	—	4	133	—
Масло: скоромное . . . . . 1 "	—	30	—	23	—	7	30	—
постное . . . . . 1 "	—	25	—	10	—	15	150	—
Сало: сырое . . . . . 1 "	—	10	—	10	—	—	—	—
топленое очищенное . 1 "	—	20	—	11	—	9	82	—
Соль озерная . . . . . 1 "	—	3	—	2	—	1	50	—
Чай: фамильный красный . 1 "	1	50	1	55	—	—	—	5
кирпичный обыкновен. 1 кирп.	—	75	—	90	—	—	—	15
Сахаръ . . . . . 1 фун.	—	30	—	30	—	—	—	—
Медъ . . . . . 1 "	—	20	—	15	—	5	33	—
Рубашка ситцевая 1-го сор. 1 шт.	2	—	1	—	1	—	100	—
2-го " 1 "	1	40	—	90	—	50	55	—
дабовая . . . . . 1 "	2	—	1	50	—	50	33	—
холщевая . . . . . 1 "	1	20	—	60	—	60	100	—
Шаровары кожан. 1-го сорта 1 пара	2	10	1	25	—	85	68	—
2-го " 1 "	1	75	1	10	—	65	59	—
Бродни: отборные . . . . . 1 "	2	60	2	20	—	40	18	—
1-го сорта . . . . . 1 "	2	25	2	—	—	25	12	—
2-го " . . . . . 1 "	2	—	1	90	—	10	5	—
Сапоги кунгурскіе: отборные 1 "	6	—	5	—	1	—	20	—
1-го сорта 1 "	5	50	4	50	1	—	22	—
2-го " 1 "	4	50	4	—	—	50	12	—
Головки броденныя: 1-го сор. 1 "	1	20	1	20	—	—	—	—
2-го " 1 "	1	—	—	70	—	30	43	—

Названіе предметовъ.	Цѣна, существу- ющая на прискахъ.		Цѣна, существу- ющая въ Томскѣ.		Разность между этими цѣнами, т.-е.			
					выше.		‰	коп.
	руб.	к.	руб.	к.	руб.	к.		
Голяшки броденныя: 1-го сор. 1 пара	1	20	1	—	—	20	20	—
2-го " 1 "	1	—	—	65	—	35	54	—
Подшвы: сапожные . . . . . 1 "	—	60	—	30	—	30	100	—
броденн. 1-го сор. 1 "	—	60	—	25	—	35	140	—
2-го " 1 "	—	40	—	20	—	20	100	—
Шубы киргизскія: большія . 1 шт.	6	—	4	50	1	50	33	—
среднія . 1 "	5	—	4	—	1	—	25	—
Тулупчики . . . . . 1 "	3	50	3	—	—	50	16	—
Азямы 1-го сорта лучш. . . 1 "	6	50	5	—	1	50	30	—
2-го " . . . . . 1 "	5	50	4	—	1	50	37	—
3-го " . . . . . 1 "	3	50	3	—	—	50	16	—
4-го " . . . . . 1 "	2	75	—	—	—	—	—	—
Шляпы сѣрыя 1-го сорта . . 1 "	1	50	1	—	—	50	50	—
2-го " . . . 1 "	1	30	—	60	—	70	117	—
Рукавицы баранья 1-го сорта 1 пара	—	60	—	40	—	20	50	—
2-го " 1 "	—	45	—	37	—	8	22	—
Вареги . . . . . 1 "	—	25	—	20	—	5	25	—
Табакъ черкасскій лучшій . 1 фун.	—	30	—	20	—	10	50	—
2-го сорта 1 "	—	20	—	16	—	4	25	—
Кожн. подшвен. дублен. . . 1 шт.	12	—	10	—	2	—	20	—
Сукно верблюжье . . . . . 1 арш.	1	40	1	—	—	40	40	—
крестьянское 1-го сор. 1 "	—	25	—	13	—	12	92	—
2-го " 1 "	—	15	—	10	—	5	50	—
Холстъ льняной . . . . . 1 "	—	15	—	12	—	3	25	—
межеумокъ . . . . . 1 "	—	12	—	8	—	4	50	—
подкладочный . . . . . 1 "	—	10	—	7	—	3	43	—
Пестрядь . . . . . 1 "	—	12	—	8	—	4	50	—
Тоже почесная . . . . . 1 "	—	14	—	10	—	4	40	—
Даба коновалов. . . . . 1 конецъ	3	—	2	60	—	40	15	—
Иглы простыя . . . . . 1 шт.	—	1	—	1/2	—	1/2	100	—
Нитки суровыя . . . . . 1 паса	—	2	—	1/2	—	1 1/2	300	— ¹⁾

¹⁾ Арх. Дмитріев. волостн. правл. въ с. Тисуль, по описи № 21.

IV (къ стр. 185).

Поденная плата на прискахъ Енисейскаго округа.

	Приски Базилевскаго (сѣв. ч. Енис. окр.) 1870—1875 г.				Приски Шанявскаго (юж. ч. Енис. окр.) 1874 г.			
	Съ начала промыски до окончанія лѣтней операций.		До начала промыски.		Съ начала промыски.			
	Въ будни.	Въ праздн.	Въ будни.	Въ праздн.	Въ будни.	Въ праздн.		
<i>Разночинцы.</i>	коп.	р. к. р. к.	коп.	коп.	коп.	р. к. р. к.		
Поваръ.	30—50	0.80—1.50	30—50	30—50	30	1 р.		
Хлѣбопекъ	35—55	1.00—2.00	30—40	30—40	35—50	1 р.		
Дровоилъ.	40—50	1 р.	25—30	25—30	30	1 р.		
Караульные	35—40	1 р.	20—30	20—30	30	1 р.		
Староста артельный. . .	50—55	1.25—1.50	—	—	30	1 р.		
Башевары и чаевары . . .	30—50	1 р.	25—30	25—30	30	1 р.		
Квасовары.	35—50	1 р.	—	—	—	—		
Прислуга { мужч.	30—40	0.50—1.00	25—50	25—50	30	1 р.		
{ женщ.	10—15	0.30—0.50	10—15	10—15	10—15	0.10—0.15		
Стряпни	10—20	0.30—0.50	15—20	15—20	10—15	0.10—0.15		
Прачки.	10—20	0.30—0.50	25	25	10—20	0.10—0.20		
Мукосѣйки.	10—20	30 к.	15	15	—	—		
Коровницы.	10	30 к.	10—15	10—15	10	10 к.		
<i>Мастеровые.</i>								
Кузнецы	35—50	1.00—2.50	25—50	30—50	40—50	1.00—1.50		
Молотобойцы.	35—50	1.00—1.50	25—30	25—30	35	1 р.		
Шорники	35—50	1.00—2.00	30—40	30—40	40	1 р.		
Плотники	40—50	0.80—2.50	25—50	40—1 р.	40—50	1.00—1.50		
Печники	35—50	1.00—1.50	25—50	25—50	—	—		
<i>Конюхи.</i>								
Староста конюховск. . . .	40—65	1.40—2.00	50	50	50	1 р. 50 к.		
Кововаль	40—55	1.00—1.60	40—50	40—50	50	1 р.		
Конюхи.	40—50	1.00—1.60	25—40	40—50	35—50	1 р.		

	Пріиски Базилевскаго (сѣв. ч. Енис. окр.) 1870—1875 г.				Пріиски Шанявскаго (юж. ч. Енис. окр.) 1874 г. съ начала промывки.	
	Съ начала промывки до окончанія лѣтней операціи.		До начала промывки.			
	Въ будни.	Въ праздн.	Въ будни.	Въ празд.	Въ будни.	Въ праздн.
<i>Въ горныхъ работахъ при промывкѣ песковъ.</i>	Р. Б.	Р. К.	Р. Б.	Р. К.	Коп.	Коп.
Забойщики.	0.45—0.60	1.40—1.60	—	—	50	1 р. 25 к.
Свальщики.	0.45—0.60	1.40—1.60	—	—	50	1 р. 25 к.
Промывальщики.	0.40—0.80	0.80—1.80	—	—	45	1 р.
Возчики песковъ.	0.40—0.50	1.15—1.50	—	—	45	1 р.
Люковщики.	0.35—0.50	0.80—1.50	—	—	35	1 р.
Возчики гальки и эфеля. . .	0.35—1.40	0.60—0.90	—	—	35	1 р.
Пробщики.	0.45—0.50	0.90—1.50	—	—	—	—
Отвалыные.	0.30—0.50	0.80—1.40	—	—	35	1 р.
<i>Въ поторжскихъ горныхъ работахъ.</i>						
При исправленіи таратаскъ, тачекъ и проч. работ. . . .	0.40—0.50	1.20—2.50	—	—	—	—
<i>При вскрытіи торфа ¹⁾.</i>						
Коннымъ отвозомъ и ручнымъ откатомъ.	0.40—0.50	0.80—1.50	25—30	50—60	35—40	1 р.
<i>Въ разныхъ работахъ.</i>						
Чернорабочіе.	0.30—0.50	0.80—1.00	—	—	40	1 р.

¹⁾ На шурфовѣ иногда также назначалась подневная плата.

V (къ стр. 216).

Изъ таксъ южно-енисейской системы.

	1864 г.	Установ. собранный 1864 г.	1879 г.	1880 г.	1888 г.	1889 г.
	Р. Е. Р. Е.	до	Р. Е. Р. Е. Р. Е. Р. Е.	Р. Е. Р. Е.	Р. Е. Р. Е.	Р. Е. Р. Е.
Сахаръ, фунтъ . . .	0.50—0.70	50 к.	0.40—0.60	0.40—0.60	0.35—0.50	0.35—0.45
Чай кирпич., 1 кирп.	0.90—1.20	1 р.	1.15—1.50	1.50—2.00	1.40—1.80	1.20—1.80
Табакъ черкас., фун.	0.23—0.35	25 к.	0.30—0.40	0.30—0.40	0.25—0.45	0.25—0.50
Холстъ 1 сортъ, арш.	0.10—0.16	12 к.	0.14—0.20	0.16—0.20	0.15—0.25	0.15—0.25
Даба, конецъ . . .	2.10—3.10	2 р. 50 к.	3.00—4.50	3.50—4.50	2.70—4.50	2.70—4.50
Вареги, пара . . .	0.20—0.30	25 к.	0.26—0.40	0.25—0.40	0.25—0.40	0.20—0.40
Рукавицы, пара . . .	0.40—0.60	50 к.	0.55—0.70	0.50—0.70	0.50—0.70	0.50—0.70
Полушубки простые.	2.75—5.00	3 р. 50 к.	кирг. 3.00—5.50	3.20—5.50	3.00—5.00	3.20—4.50
Бродни, пара . . .	1.80—2.30	2 р.	2.25—3.25	2.30—3.50	2.60—3.50	2.30—3.50
Сукно крест., 1 арш.	0.18—0.35	25 к.	0.20—0.50	0.20—0.30	0.20—0.50	0.20—0.45

Изъ таксъ сѣверо-енисейской системы.

	1878 г. ¹⁾ .	1879 г. ²⁾ .	1880 г. ³⁾ .	1889 г. ³⁾ .
	Р. Е. Р. Е.	Р. Е. Р. Е.	Р. Е. Р. Е.	Р. Е. Р. Е.
Сахаръ, фунтъ.	0.45—0.50	50 к.	0.40—0.50	0.32—0.40
Чай кирпич., 1 кирпичъ. .	1.00—1.25	1.20—1.25	1.50—1.80	1.30—1.60
Табакъ черкас., фунтъ . .	0.25—0.32	0.25—0.30	0.25—0.30	0.30—0.35
Холстъ 1 сорта, арш. . .	0.14—0.20	0.16—0.20	0.16—0.20	0.15—0.22
Даба, конецъ	2.50—4.00	кусокъ. 2.80—3.60	кусокъ. 3.00—4.00	2.80—3.40
Вареги, пара	0.25—0.30	0.26—0.32	0.27—0.35	0.25—0.40
Рукавицы пара (баран.). .	0.45—0.60	0.48—0.60	0.48—0.65	0.55—0.65
Полушубки кирг.	3.20—7.00	3.25—4.50	3.20—6.00	3.50—4.50
Бродни, пара	2.00—3.20	2.00—2.80	2.25—3.00	2.60—3.00
Сукно крест., 1 арш. . .	0.15—0.30	0.18—0.30	0.18—0.35	0.18—0.50

¹⁾ Арх. Горн. Испр. Сѣв. Енис. окр., дѣло 1878 г. № 5; дѣло Иркут. Гор. Упр. 1881 г. № 35, л. 85—90. Самые дешевыя цѣны въ этомъ году были здѣсь на промыслахъ Асташева.

²⁾ Дѣло Иркут. Горн. Управ. 1881 г. № 35, 107—112, 129—134.

³⁾ Изъ дѣла объ утвержденіи таксъ, Арх. Горн. Испр. Сѣв. Енис. Окр. 1889 г. № 4.

VI (къ стр. 218).

Изъ отношенія Горнаго Исправника Поротова въ главную контору
В. И. Базилевскаго отъ 7 мая 1872 г.

	Справочныя цѣны въ г. Енисейскѣ.		Про- возная плата.	Показанная въ таксѣ.		Насколько цѣна на при- скахъ выше цѣны въ Ени- сейскѣ.		Ба- рышъ. %
	Руб.	Коп.		Руб.	Коп.	Руб.	Коп.	
Крупа ячневая и гречн.	1	20	60	2	60	—	80	31
Мука ржаная	—	50	тоже	1	60	—	50	31
„ пшеничная . . .	—	85	тоже	2	60	1	15	44
„ крупчатая	2	60	тоже	4	80	1	60	33
Сахаръ	15	—	тоже	24	—	8	40	35
Свѣчи салныя. . . .	6	50	тоже	10	—	2	90	29
Азямы 2-го сорта. . .	3	75	—	5	50	1	75	—
„ 3-го сорта. . . .	3	—	—	4	—	1	—	—
Кожн дубленныя . . .	5	—	—	10	—	5	—	—
Кушаки	—	30	—	1	—	—	70	—
Подшвы	—	30	—	—	60	—	—	—
Ситецъ, аршинъ . . .	—	22	—	—	30	—	—	—
Сукно крестьян. . . .	—	15	—	—	25	—	—	—

Данные о барышах, получаемых золотопромышленниками, мы можем почерпнуть еще из статистических свѣдѣній о промыслахъ В. И. Базилевскаго (сѣв. ч. Енис. окр.) за 1877—1887 г. По отчетамъ приисковыхъ управленій стоимость главныхъ предметовъ за пудъ (т.-е. во что себѣ обошлось) была слѣдующая:

	1877 г.	1878 г.	1879 г.	1880 г.
Муки ржаной	1 р. 7 ¹ / ₂ к.	1 р. 7 ³ / ₄ к.	1 р. 2 к.	1 р. 33 ¹ / ₂ к.
Говядины	2 р. 17 к.	2 р. 28 ³ / ₄ к.	2 р. 8 ³ / ₄ к.	2 р. 32 ¹ / ₄ к.
Крупы	1 р. 57 к.	1 р. 57 ¹ / ₂ к.	1 р. 54 к.	2 р. 7 к.
Соли	2 р.	1 р. 94 ³ / ₄ к.	1 р. 86 к.	2 р. 1 к.
Овса	1 р. 3 к.	91 ¹ / ₄ к.	87 ³ / ₄ к.	1 р. 28 к.
Сѣна	62 к.	58 ¹ / ₂ к.	61 ³ / ₄ к.	61 к.
Масла коровьяго	6 р. 82 к.	9 р. 80 к.	10 р. 54 ³ / ₄ к.	8 р. 61 к.
Сахару	11 р. 82 к.	11 р. 60 к.	12 р. 40 к.	10 р. 76 ¹ / ₂ к.

Между тѣмъ рабочимъ тѣ же припасы и фуражъ продавались по слѣдующимъ таксамъ:

	1878 г. ¹⁾ (на промыслахъ Базилевскаго, бывш. Толкачева).	1879 г. ¹⁾ (на промыслахъ Базилевскаго, бывш. Толкачева).	1879 г. съ 1 окт. (на промыслахъ Базилев. и Малевинскаго) ²⁾ .	1880 г. (на промыслахъ Базилевскаго и Толкачева).	1880 г. съ 1 апр. (на промыслахъ Базилев. и Малевинскаго) ²⁾ .
Муки ржаной	1 р. 20 к.	1 р. 25 к.	1 р. 50 к.	1 р. 60 к.	1 р. 50 к.
Говядины	3 р. 20 к.	3 р. 20 к.	3 р. 60 к.	3 р. 30 к.	3 р. 50 к.
Крупы	—	—	2 р. 20 к.	—	2 р.
Соли	2 р.	2 р. 20 к.	2 р. 40 к.	2 р. 40 к.	2 р. 20 к.
Овса	1 р. 20 к.	1 р. 40 к.	1 р. 50 к.	1 р. 60 к.	1 р. 50 к.
Сѣна	1 р.	1 р.	1 р.	1 р. 10 к.	1 р.
Масла коровьяго	12 р. 80 к.	12 р. 80 к.	16 р.	14 р.	14 р.
Сахару	20 р.	20 р.	20 р.	19 р. 20 к.	20 р.

¹⁾ Арх. Иркут. Горн. Управ., Дѣло 1881 г. № 35, л. 446—466.

²⁾ Арх. Базилевскаго въ Енисейскѣ.

VII (къ стр. 236).

Въ южной части Енисейскаго округа.

Годъ.	Заболѣло.	% общ. числа рабочихъ.	Выздоровѣло.	Умерло.	Умерло % общ. числа рабочихъ.
1873	2,024	38	1,880	24	0,5
1874	1,813	40	1,800	13	0,3
1875	2,115	40	2,088	27	0,5
1876	1,816	28	1,795	21	0,3
1877	1,507	25	1,488	19	0,3
1878	1,203	18	1,176	27	0,4
1879	1,314	19	1,282	32	0,5
1880	1,708	29	1,647	61	0,3
1882	2,612	61	2,572	40	1 ¹⁾

Годъ.	Число больныхъ.	Число кроватей.	Число заболѣвш. лицъ.		‰ всего числа рабо- чихъ.	Число больныхъ въ поден- щинахъ.	И з њ н и х њ.				Умерло ‰ всѣхъ рабоч.
			Мужч.	Женщ.			Выздоровѣло.		Умерло.		
							Мужч.	Женщ.	Мужч.	Женщ.	
1881	38	267	2,128	64	50	34,235 ²⁾	2,083	58	44	6	1,1 ³⁾
1883	47	303	1,801	61	40	37,393 ⁴⁾	1,725	41	59	19	1,7
1884	38	270	2,028	65	51	—	1,999	59	27	6	0,8
1887	40	254	1,760	170	39	—	1,723	163	37	7	0,9 ⁵⁾
1888	40	260	1,800	125	34	—	1,735	114	65	11	1,4 ⁶⁾
1889	40	260	2,940	287	56	—	2,940	287	80	13	1,6 ⁶⁾

¹⁾ „Прилож. I къ вып. I Сборн. глав. оф. док. по управ. Восточ. Сиб.“ т. VII. Отч. Горн. Отд. Глав. Управ. о части. золот. Вост. Сиб. за 1882 г. № 4.

²⁾ По другимъ свѣдѣніямъ 39975 поденщинъ, что составляетъ 3,9% всего числа поденщинъ. „Прилож. II къ вып. I. Сборн. глав. оф. докум. по упр. Вост. Сиб.“ т. VII. Иркут. 1885 г.

³⁾ Горн. Жур. 1882 г. № 9, стр. 377.

⁴⁾ По другимъ свѣдѣніямъ 41904 поденщины, что составляетъ 3,7% всего числа поденщинъ. Прилож. II къ „Сборн. оф. докум.“.

⁵⁾ Данниа о 1883, 1884 и 1887 гг. взяты изъ официальныхъ отчет. о золот. Вост. Сиб. въ Горн. департаментѣ.

⁶⁾ Отчетъ окружн. инж. въ Томск. Горн. Управл.

Въ сѣверной части Енисейскаго округа.

Годъ.	Заболѣло.	‰ общ. числа рабочихъ.	Выздоровѣло.	Умерло.	Умерло ‰ общ. числа рабочихъ.
1873	3,053	46	2,982	68	1
1874	2,197	43	2,154	34	0,7
1875	1,856	35	1,827	27	0,5
1876	1,711	33	1,680	29	0,6
1877	2,469	43	2,425	35	0,6
1878	3,068	45	3,032	30	0,4
1879	2,426	36	2,393	33	0,5
1880	1,876	29	1,835	40	0,6
1882	1,640	38	1,618	22	0,5

Годъ.	Число больныхъ.	Число кроватей.	Число заболѣвш. лицъ.		‰ всего числа рабочихъ.	Число больныхъ въ поденщинахъ.	И з ъ н и х ъ.				Умерло ‰ всѣхъ работ.
							Выздоровѣло.		Умерло.		
			Мужч.	Женщ.			Мужч.	Женщ.	Мужч.	Женщ.	
1881	35	294	3,043	8	53	76,716 ¹⁾	3,017	5	25	3	0,5
1883	26	221	2,275	30	52	—	1,725	41	30	3	0,7
1884	23	195	2,334	142	52	—	2,307	140	26	2	0,6
1887	23	192	1,286	28	32	—	1,291	26	15	2	0,4
1889	24	188	1,693		42	—	—	—	20		0,5 ²⁾
1890	25	181	3,107		74	—	—	—	23		0,5

¹⁾ По другимъ свидѣнiямъ больныхъ въ поденщинахъ 45462, что составляло 4‰ всего числа поденщинъ. „Прилож. II къ вып. I Сборн. глав. оф. докум.“ т. VII. По тѣмъ же свидѣнiямъ въ 1882 г. больныхъ въ поденщинахъ было 25398 (что составляло 3‰ всего числа поденщинъ), а въ 1883 г.—39337 (4‰ всего числа поденщинъ). Въ 1887 г. на промыслахъ В. И. Базилевскаго больныя поденщины составляли 3,1‰ всего числа поденщинъ (Мат. сообщ. Л. Ф. Пантелѣевымъ).

²⁾ Отчетъ окруж. инженера въ Томск. Горн. Управ.

VIII (къ стр. 236).

	1873 г.		1874 г.		1875 г.		1876 г.		1877 г.		1878 г.	
	Южн. часть Енис. окр.	Сѣвер. часть Енис. окр.	Южн. часть Енис. окр.	Сѣвер. часть Енис. окр.	Южн. часть Енис. окр.	Сѣвер. часть Енис. окр.	Южн. часть Енис. окр.	Сѣвер. часть Енис. окр.	Южн. часть Енис. окр.	Сѣвер. часть Енис. окр.	Южн. часть Енис. окр.	Сѣвер. часть Енис. окр.
Убийствъ.	1	—	3	5	4	—	4	—	3	—	1	3
Самоубійствъ	1	1	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—
Скоропостижно умер- шихъ	7	—	6	—	6	1	3	—	3	—	3	1
Утонувшихъ	—	2	—	—	1	—	1	1	—	—	1	—
Замершихъ.	—	—	—	1	—	—	—	—	—	1	—	—
Задавленныхъ обжа- ломъ земли во время работъ.	—	—	—	—	2	—	2	—	—	1	2	—
Убито при работахъ .	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Задавленныхъ возомъ.	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—
Несчастныхъ случаевъ при горныхъ рабо- тахъ	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Найдено мертв. тѣлъ.	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Смертныхъ случаевъ во время работъ. .	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Ушибленныхъ при ра- ботахъ.	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—
Нечаянн. смертныхъ случаевъ	1	2	1	—	—	—	—	—	—	—	1	3

1) Окончили въ выздоровленіи пострадавшихъ.

2) „Прилож. I къ выш. I Сборн. глав. оф. докум. по управ. Вост. Сиб.“, т. VII, Отч. округ.

1879 г.		1880 г.		1881 г.		1882 г.	1883 г.	1884 г.	1885 г.	1888 г.		1889 г.		1890 г.	
Южн. часть Енис. окр.	Сѣвер. часть Енис. окр.	Южн. часть Енис. окр.	Сѣвер. часть Енис. окр.	Южн. часть Енис. окр.	Сѣвер. часть Енис. окр.	Весь Енис. округъ.	Весь Енис. округъ.	Весь Енис. округъ.	Весь Енис. округъ.	Южн. часть Енис. окр.	Сѣвер. часть Енис. окр.	Южн. часть Енис. окр.	Сѣвер. часть Енис. окр.	Южн. часть Енис. окр.	Сѣвер. часть Енис. окр.
4	3	5	3	6	—	—	4	2	—	—	5	1	—	1	2
—	1	—	—	1	—	3	—	1	—	—	—	—	—	—	—
4	6	2	1	3	4	4	—	7	1	—	7	—	3	—	3
1	—	—	—	1	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2
—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	3	3	2	—	1	1	—	5	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	4	2	—	—	—	—
—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	6	4	9	6')
—	—	3	—	3	1	—	1	—	2	—	—	4	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	3 ²⁾	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	1	2	—	2	1	—	—	—	1	1
—	—	1	1	—	—	—	12	—	—	—	—	—	—	—	—

IX (къ стр. 238).

Годъ.	Умерло.	% общ. числа рабочихъ.
-------	---------	------------------------

Въ южной части Енисейскаго округа.

1873	34	0,6
1874	23	0,5
1875	4	0,8
1876	31	0,5
1877	25	0,4
1878	35	0,5
1879	41	0,6
1880	75	1,3
1881	64	1,4
1888	80	1,5
1889	98 ¹⁾	1,7

Въ сѣверной части Енисейскаго округа.

1873	73	1,1
1874	40	0,8
1875	28	0,6
1876	30	0,6
1877	33	0,6
1878	37	0,5
1879	46	0,7
1880	47	0,7
1881	36	0,6
1889	27	0,7
1890	30	0,8

Во всемъ Енисейскомъ округѣ.

1882	72	0,8
1883	132	1,4
1884	76	0,9

¹⁾ Сверхъ того неизвѣстно, какой исходъ имѣли шесть несчастныхъ случаевъ при горныхъ работахъ.

X (къ стр. 264).

Число рабочихъ, бѣжавшихъ съ приисковъ Енисейскаго округа.

Годъ.	Въ сѣверной части.		Въ южной части.	
	Число бѣжавшихъ.	‰ всего числа бывшихъ на приискахъ.	Число бѣжавшихъ.	‰ всего числа бывшихъ на приискахъ.
1873	235	3,5	282	5,2
1874	149	2,9	270	6
1875	178	3,4	392	7,5
1876	163	3,2	319	5
1877	225	4	497	8,3
1878	391	5,7	507	7,6
1879	270	4	521	7,7
1880	186	2,9	439 ¹⁾	7,5
1881	149	2,6	397	9
1882 ²⁾	127	3	266	6,2
1883	120	2,7	261	5,6
1884	67	1,4	267	6,5
1885	58 ³⁾	1,3	265 ³⁾	5,3
1886 ⁴⁾	60	1,5	231	3,8
1887	75	1,8	178	3,7
1888	77	2,4	265	4,9
1889	96	2,4	250	4,3
1890	88	2,1	314	7,1
1891	63 ⁵⁾	1,9	257 ⁵⁾	5,8

¹⁾ По даннымъ отчета о золот. Вост. Сиб. въ Горн. департаментѣ.²⁾ Данные о числѣ бѣжавшихъ взяты изъ „Прилож. I къ вып. I Сборн. оф. докум. по управ. Вост. Сиб.“ т. VII, Отчетъ Главн. Управ. за 1882 г., Вѣдом. № 3.³⁾ Отч. Горн. Испр.⁴⁾ Данные о 1883—1887 гг. заимствованы изъ оф. отчет. о золот. въ Вост. Сиб. въ Горн. департ.⁵⁾ „Вѣст. Золот.“ 1892—1893 г. № 16, стр. 326.

XI (къ стр. 274).

По отчетамъ горнаго исправника изъ всей выдачи рабочимъ

въ сѣверной части Енисейскаго округа:

	1881 г.	1882 г.	1883 г.	1884 г.	1885 г.	1886 г.	1888 г.	1889 г.
	Въ процентахъ.							
Выдано на пріискахъ для отсылки семействамъ и вообще на поддержаніе хозяйства.	2,1	2,3	2,3	2,5	3,5	3	2,3	2,8
Выдано на пріискахъ на уплату податей и на исходатайствованіе ви- довъ на проживаніе .	2,5	3,3	3,3	3,3	3,5	3,3	5,8	3,6
Выдано на пріискахъ деньгами на личныя на- добности рабочихъ и вообще на уплату за нихъ долговъ разнымъ лицамъ	3,8	3,2	1)	1)	1)	1)	1)	1)
Выдано припасами и ве- щами изъ пріисковыхъ магазиновъ	33,7	35	33	36	34,9	34,7	30,5	39
Наличными деньгами при расчетѣ (такъ назы- ваемая <i>додача</i>) . . .	21,5	24	27 ¹⁾	26 ²⁾	26,6 ²⁾	29,2 ¹⁾	27,6 ²⁾	32,1

¹⁾ Показано вмѣстѣ съ *додачею*.²⁾ „На личныя надобности рабочихъ“ и *додача*.

Въ южной части Енисейскаго округа:

	1883 г.	1884 г.	1885 г.	1888 г.
	Въ процентахъ.			
Выдано для отсылки семействамъ и на содержание хозяйствъ. . .	2,2	2,5	2,9	4,2
Отослано на уплату податей и исхodataйствование видовъ на проживание	4,9	4,3	5,2	3,4
Выдано деньгами на личные надобности. . .	1,7	3,7	5,7	4,1
Выдано припасами и вещами изъ приисковыхъ магазиновъ	38,4	37,3	36,7	38,7
Выдано наличными деньгами по расчету . .	27,9	29,5	27,4	31,8

XII (къ стр. 351).

Поденная плата въ

	По договору съ К ^о Трапезниковыхъ первой половины 70-хъ годовъ.		По договору К ^о Трапезниковыхъ 1878 г.			
	Лѣтомъ.		Зимю.		Лѣтомъ.	
	Въ будни.	Въ праздн.	Въ будни.	Въ праздн.	Въ будни.	Въ праздн.
<i>При перевозкѣ и промывкѣ песковъ.</i>	коп.	р. к.	коп.	коп.	коп.	р. к.
Промывальщикамъ 1 разр. . .	70	1.50	—	—	—	—
Промывальщикамъ 2 разр. . .	60	1.50	—	—	—	—
Подкатчикамъ и откатчикамъ песковъ и песковыхъ вагоновъ.	—	—	—	—	—	—
Раскатнымъ и подводчикамъ .	—	—	—	—	—	—
Люковщикамъ и разборщикамъ.	55	1.20	—	—	60	1.50
Плотинщикамъ.	—	—	—	—	—	—
Пробойщикамъ и съемщикамъ.	—	—	—	—	60	1.50
Пробщикамъ	55	1.20	—	—	—	—
Водоливамъ и мазишкамъ или мазишкамъ.	—	—	—	—	—	—
Галечникамъ и эфельщикамъ .	55	1.20	—	—	60	1.50
Тормазовщикамъ	—	—	—	—	—	—
Отвальнымъ.	55	1.20	—	—	60	1.50
При возкѣ вагоновъ на песковомъ отвалѣ	—	—	—	—	—	—
При возкѣ камня.	60	1.20	—	—	—	—
При постройкѣ мостовъ. . .	—	—	—	—	—	—
Разной прислугѣ и за разныя работы и поторжнымъ . .	—	—	—	—	—	—
Свальщикамъ песковъ . . .	75	1.50	—	—	82	1.90
Подводчикамъ лошадей на машинахъ	75	1.50	—	—	82	1.90
<i>При выработкѣ шахтъ, шурфовъ и пр. поденными, вѣнчурочными работами . .</i>	—	—	—	—	—	—
<i>За поторжныя работы.</i>						
Мужчинамъ.	—	—	20	60	50	1.50
Женщинамъ	—	—	—	—	—	—

Олекминскомъ округѣ.

По договору К ^о Трапезниковыхъ 1880 г.				По договору К ^о Пром. и Прибрежно - Вятимской 1887 г.				По договору Бодайбинской К ^о 1890 г.				По договору Ленского товарищества 1891 г.
Зимом.		Лѣтомъ.		Въ будни и праздники.				Въ будни и праздники.				
Въ будни.	Въ празд.	Въ будни.	Въ празд.	Съ 10 сент. по 1 мая.		Съ 1 мая по 10 сент.		Съ 10 сент. по 1 мая.		Съ 1 мая по 10 сент.		
				Руб.	Коп.	Руб.	Коп.	Руб.	Коп.	Руб.	Коп.	
Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.									
—	—	—	—	—	90	1	20	1	—	1	20	1 р. 25 к.
—	—	—	—	—	70	—	80	—	70	—	85	1 р.
—	—	—	—	—	80	—	80	—	80	—	80	—
—	—	—	—	—	80	—	80	—	80	—	80	—
—	—	70	1.50	—	80	—	80	—	60	—	60	60 к.
—	—	—	—	—	80	—	80	—	60	—	60	—
—	—	70	1.50	—	80	—	80	—	60	—	60	—
—	—	70	1.50	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	80	—	80	—	80	—	80	—
—	—	70	1.50	—	80	—	80	—	60	—	60	60 к.
—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	1	—	—
—	—	70	1.50	—	90	—	90	—	90	—	90	—
—	—	—	—	—	60	—	60	—	60	—	60	—
—	—	—	—	—	80	—	80	—	60	—	60	60 к.
—	—	—	—	—	80	—	80	—	70	—	70	—
—	—	70	1.50	—	60	—	60	—	60	—	60	—
1.20	1.60	1.20	2.20	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	50—70	отъ	70-1 р.	—	50—70	отъ	70-1 р.	—
—	—	—	—	отъ	50	до	70	отъ	50	до	70	—
—	—	—	—	отъ	25	до	35	отъ	25	до	35	—

Поденная плата мастерамъ и разн

	По договору съ К ^о Трапезниковыхъ первой половины 70-хъ г.г.		По договору съ Базилевск 1876 г.		По договору съ Базилевск. 80-хъ годовъ.	
	Лѣтомъ ¹⁾ .		Въ будни и празд- ники.		Въ будни и празд- ники.	
	Будни.	Праздн.	Съ 1 окт. по 1 мая.	Съ 1 мая по 1 окт.	Съ 1 окт. по 1 мая.	Съ 1 мая по 1 окт.
	коп.	р. к.	коп.	коп.	коп.	коп.
Артельный (и конюховск.) ста- росты	60	2.00	50—70	75—1 р.	75	85
Конюхи 1 разряда	60	2.00	50	75	75	85
Шорники 1 разряда	60	2.00				
Конюхи 2 разряда	50	1.50				
Шорники 2 разряда	50	1.50	50	80	60	80
Кузнецъ 1 разряда	—	—				
Кузнецы (и слесари) 2 разряда .	50	1.50				
Слесари 1 разряда	—	—	40	85	75	90
Молотобойцы	50	1.50				
Слесари 2 разряда	—	—				
Хлѣбопеки	50	1.50	50	85	75	90
Столяры	50	1.50				
Повара 1 разряда	60	1.50				
Повара 2 разряда	—	—	40—60	70—85	—	—
Караульные	50	1.50	—	—	70	70
Зимовщики			35	70	75	75
Кашевары			30	50	50	50
Квасовары	70	1.50	40	60	70	80
Плотники 1 разряда			60	90	95	1 р. 20 к.
Плотники 2 и 3 разрядовъ . . .			40	80	75	95
Печники	50	1.50	40	80	75	1 р.
Бурлящики	50	1.50	—	—	—	—
Прислуга мужского пола	50	1.50	30	60	отъ 70	до 1 р.
Бондари	—	—	50	85	60	90
Дроворубы и дрововозы	—	—	—	—	75	75
Водовозы			50	70	—	—
Кановалы			—	—	—	—
Колесники	—	—	—	—	—	—
Кучера	—	—	—	—	—	—
Прачки, стрипки, поломойки . .	—	—	30	30	отъ 40	до 50
Прислуга женскаго пола	—	—	—	—	—	—
Подростки моложе 16 лѣтъ . .	—	—	30	30	отъ 40	до 50

¹⁾ Зимомъ полагалась мѣсячная плата.

²⁾ По договору съ Плетюхинымъ 1889 г. праздничная плата всѣмъ этимъ рабочимъ понѣ-

³⁾ Зимомъ плата плотниковъ опредѣляется на $\frac{1}{2}$ меньше противъ лѣтней.

Чинцамъ въ Олехминскомъ округѣ.

По договору съ Мало-патомскимъ товарищ. 1880 г.		По договору съ Шехтинскимъ 1886 г.		По договору съ Ленскимъ товариществомъ 1883 г.		По договору съ Ленскимъ товариществомъ 1891 г.	
		Лѣтомъ.		Въ день, по назначенію управленія.			
Съ 10 сент. по 1 мая.	Съ 1 мая по 10 сент.	Будни.	Празд. ²⁾ .	Отъ	До	Руб.	Коп.
КОП.	КОП.	КОП.	р. к.	КОП.	КОП.		
40	75	50—60	1.50-2 р.	70	1 р.	отъ 75 к.	до 1 р. 50 к.
60	—	{ 60	2.00	60	90	—	90
60	85	{ 60	—	—	до 90	1	25
40	80	{ 50	1.50	50	80	—	—
40	75	{ 60	2.00	отъ 50	—	—	—
—	—	60	2.00	80	1 р.	1	80
50	80	50	1.50	60	80	—	—
—	—	—	—	50	70	2	—
35—45	70—75	50	1.50	50	70	—	75
—	80	—	—	—	—	1	50
45—50	80	60	1.50	50	80	отъ 1 р. 50 к.	до 1 р. 25 к.
отъ 50	отъ 75	60	1.50	—	—	1	25
85	85	50	1.50	65	90	1	80
65	65	—	—	40	70	1	25
40	60	} 50	1.50	50	70	—	75—90
50	50			—	—	—	—
35	70			40	70	—	—
—	70	—	—	40	65	—	—
60	85	70	1.50	60	1 р.	1	25 ²⁾
40—50	70—80	40	1.50	45	75	1 ²⁾	—
50	70	50	1.50	—	—	отъ 1	25
—	—	50	1.50	—	—	—	—
35—40	65—70	40	1.50	40	80	—	—
45	75	—	—	45	75	—	—
40	60	—	—	—	—	—	75
35	55	—	—	—	—	—	75
—	—	—	—	50	80	1	—
—	—	—	—	—	—	1	25
—	—	—	—	—	—	1	—
25—33	25—33	—	—	—	—	—	—
20—30	20—30	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—

цена до 1 р.

XIII (къ стр. 353).

Мѣсячное жалованье мастеровыхъ и

	По договору К° Промышл. 1874 г.		По договорамъ К° Промышл. 1878 г. и 1883 г. ¹).	
	Съ 10 сент. по 1 мая.	Съ 1 мая по 10 сент.	Съ 10 сент. по 1 мая.	Съ 1 мая по 10 сент.
	Руб.	Руб.	Руб.	Руб.
Нарядчикамъ	12—15	20—30	15—18	20—30
Артельному старостѣ	20	25	25	30
Кашеварамъ	9—12	18—20	12	20
Хлѣбопекамъ	12—15	20—25	12—15	20—25
Поварамъ	10—15	20—25	10—15	20—25
Помощникамъ поваровъ	—	—	—	—
Мукосѣямъ	9	18	9	18
Пекарямъ бѣлаго хлѣба	12	20	—	—
Квасоварамъ	12	20	12	25
Часоварамъ	—	—	—	—
Караульнымъ	9—12	18—22	8—12	15—25
Сторожакамъ при больницахъ	9—15	15—20	9—15	15—20
Дроворубамъ, дрововозамъ	10	18	—	—
Прислугамъ мужского пола	9—15	15—20	9—15	15—20
Пастухамъ	—	18	—	18
Слесарямъ	12—15	20—25	12—18	20—30
Кузнецамъ 1 разряда	отъ 15	до 40	отъ 15	до 40
Кузнецамъ 2 разряда	12	25	12	25
Молотобойцамъ	10.50 к.-12 р.	18—22	10.50 к.-12 р.	18—22
Плотникамъ	10—15	18—25	10—15	18—25
Столярамъ	12—15	20—25	12—20	20—25
Бондарямъ	9—12	18—22	9—12	18—25
Печникамъ	10—12	20—22.50 к.	10—12	20—22
Шорникамъ	12—15	20—25	12—15	20—25
Коноваламъ	15—20	20—25	15—20	20—25
Старостѣ конюховскому	отъ 25	до 35	отъ 20	до 40
Конюхамъ	12—15	22—25	12—18	22—25
Промывальщикамъ	12—15	18—30	12—15	18—30
Плотинщикамъ	9	15	9	15
Разборщикамъ при машинахъ	—	18	—	18
Галечникамъ и эфельщикамъ	10	18	—	18
Прислугѣ мальчикамъ	6	9	—	—
Прислугѣ женщинамъ	6	9	6	9
Прачкамъ и стряпкамъ	отъ 6	до 9	отъ 6	до 9
При мытьѣ половъ и шитьѣ бѣлья	4 р. 50 к.	7	4 р. 50 к.	7
Помощникамъ поваровъ	—	—	—	—
Булочникамъ	—	—	—	—

¹) Тоже въ договорахъ Бодайбин. К° 1880, 83, 84.

²) Почти тоже въ договорѣ Бодайб. К° 1890 г.

разночинцевъ Олехминскаго округа.

По договору К ^о Промышл. 1887 г. 2).		По договору К ^о Трапезниковыхъ 1878 г.		По договору К ^о Трапезниковыхъ 80-хъ гг.		По договору съ Чаринскимъ товариществомъ 1880 г.	
Съ 10 сент. по 1 мая.	Съ 1 мая по 10 сент.	Съ 10 сент. по 10 мая.	Съ 10 мая по 10 сент.	Съ 10 сент. по 10 мая.	Съ 10 мая по 10 сент.	Съ 10 сент. по 1 мая.	Съ 1 мая по 10 сент.
Руб.	Руб.	Руб.	Руб.	Руб.	Руб.	Руб.	Руб.
21—40	25—45	15—25	25—35	25—30	30—35	15	25
40	45	15—25	25—40	15—20	25—40	—	—
18	21—25	12	25	12	25	10	20
25	30	15	30	20	30	10—15	20—25
30—40	40—50	20	25	20	30	10	20
18	25	—	—	—	—	—	—
18	21	9	22	9	25	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—
—	25	12	25	12	25	10	20
—	—	10	25	12	20	—	—
18—21	21—25	12—15	20—25	15	25	10	20
21—30	21—30	15	25	20	30	—	—
—	—	12	20	15	24	—	—
15	25	6—15	15—20	15—25	20—30	10	20
отъ 21	до 25	—	—	—	—	—	—
30—40	40—50	15	25	20	30	—	—
30—40	35—45	25	30	30	50	25	25
отъ 25	до 35	20	25	25	30	12	20
18	25	10	22	18	25	10	20
21—40	25—50	12—18	20—25	15—20	20—36	12—15	20—25
30	40	20—25	25—30	20—25	25—30	12	25
25	35	18	25	18	25	—	—
25	30	18	25	—	—	12	20
25	35	15—18	22—25	18—20	25—30	12—15	20—25
35	45	25	30	25	30	—	—
отъ 40	до 50	30	40	30	40	15	25
20—30	30—40	15—18	25—28	18—20	25—30	12—15	20—25
—	—	15	25—30	20	25—30	10—15	20—25
—	—	—	—	—	24	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	20
—	—	—	—	—	—	—	—
8	12	—	—	—	—	—	—
10—12	15	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—
12	15	—	—	—	—	—	—
15	20	—	—	—	—	—	—

XIV (къ стр. 405).

Таксы приисковъ

Наименованіе припасовъ и товаровъ, съ обозначеніемъ количества.	1879 г.							
	На Благовѣ- щенскомъ приискѣ Прибрежно- Витимской К°.		На Олекмин- скихъ проми- слахъ Ѳ. И. Базилевскаго.		На Успен- скомъ приискѣ К° Арендато- ровъ.		На проми- слахъ наслед- никовъ К. П. Трапезни- кова.	
	Руб.	К.	Руб.	К.	Руб.	К.	Руб.	К.
<i>Припасы:</i>								
Крупа гречневая и ячная . 1 пудъ	3	10	4	—	3	60	—	—
Мука ржаная . . . . . 1 "	2	80	3	40	3	—	—	—
пшеничная . . . . . 1 "	4	—	4	—	4	—	—	—
Мясо свѣжее и соленое . . 1 "	7	20	6	40	6	—	—	—
Масло скоромное . . . . . 1 фунт.	—	36	—	40	—	40	—	40
Медъ . . . . . 1 "	—	30	—	30	—	28	—	—
Сахаръ . . . . . 1 "	—	46	—	50	—	50	—	44
Соль поваренная . . . . . 1 пудъ	3	—	4	—	3	40	—	—
Чай кирпичный . . . . . 1 кирп.	1	06	1	—	1	10	1	10
байховый . . . . . 1 фунт.	1	50	1	60	1	50	—	—
<i>Товары:</i>								
Армяки 1 сорта . . . . . 1 шт.	5	40	—	—	—	—	6	70
2 сорта . . . . . 1 "	4	50	—	—	—	—	5	20
3 сорта . . . . . 1 "	4	10	—	—	—	—	4	50
Азямы суконно-вербл. . . . 1 "	7	50	{ 4 7	50	8	—	—	—
Бродни отборные . . . . . 1 пара	2	10	{ 1 3	—	3	40	3	10
Вареги . . . . . 1 "	—	30	—	30	—	30	—	30
Головки броденя. сортовые. 1 "	—	80	—	60	—	—	—	—
отборныя. 1 "	1	20	1	70	1	20	1	20
Дабы синія и бѣлыя, 1 сор. 1 кон.	3	10	3	40	3	60	3	60
2 сор. 1 "	2	80	—	—	3	20	3	20
3 сор. 1 "	2	60	—	—	—	—	—	—
Кушаки бумажные . . . . . 1 шт.	—	90	{ — 1	36 50	1 1	— 20	—	60

Олекинского округа.

1880 г.		1887 г.															
На Крещенскомъ прискѣ А. М. Плетухиной и К ^о .		На прин- скахъ К ^о Промыш- ленности.		На Сове- ременномъ прискѣ Яково- Николае- вскаго Т-ва		На Вѣр- номъ прин- скѣ И. Г. Пригор- наго.		На Утес- стомъ прискѣ П. Т. Се- ребренни- кова.		На Пара- сковьевск. прискѣ Акаянакъ- Наката- мин. Т-ва.		На Олек- минскихъ промыш- лахъ О. И. Базилев- скаго.		На про- мыслахъ Мало-Па- томскаго Т—ва.		На про- мыслахъ Ленскаго Т—ва.	
Руб.	К.	Руб.	К.	Руб.	К.	Руб.	К.	Руб.	К.	Руб.	К.	Руб.	К.	Руб.	К.	Руб.	К.
4	80	4	90	—	—	греч. 6 лчн. 5	20	—	—	—	—	—	—	5	40	5	50
4	60	3	20	—	—	4	—	—	—	4	—	—	—	4	20	4	20
5	40	4	60	—	—	—	—	—	—	—	—	5	40	5	40	5	60
7	20	9	—	—	—	8	—	—	—	7 и 8 пудъ 18	—	—	—	6	60	6	40
—	45	—	36	—	42	—	50	—	50	—	—	пудъ 16	—	—	45	—	46
—	30	—	38	—	—	—	—	—	—	—	—	пудъ 14	40	—	—	—	—
—	50	—	38	—	40	—	50	—	45	пудъ 18	—	пудъ 18	—	—	45	—	46
—	7 1/2	2	50	—	—	3	—	—	—	—	—	—	—	2	90	—	—
1	20	1	50	1	40	1	40	1	60	1	30	1	25	1	30	1	40
1	80	2	—	—	—	—	—	2	—	1	90	1	80	—	—	1	80
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
4	—	5	—	5	30	—	—	—	—	—	—	—	—	3	80	2	60
8	50	5	75	9	—	—	—	6	—	6	—	8	—	5	80	7	70
3	—	1	20	—	—	—	—	2	—	—	—	1 3	40 50	2	—	1	80
—	30	—	35	—	35	—	30	—	40	—	30	—	36	—	30	—	34
—	—	—	80	—	—	—	—	—	—	—	—	—	80	—	—	—	80
1	20	1	20	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	3	50	—	—	—	—	3	85	3	50	3	60	—	—	3	12
—	—	—	—	—	—	—	—	3	60	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
1	10	—	65	1	—	—	—	1	—	1	—	1	10 50	—	80	1	26
—	—	1	—	1	70	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—

XV (къ стр. 428).

Вѣдомость о происшествіяхъ на про

	1873 г.		1875 г.		1876 г.		1877 г.		1878 г.	
	Витимск. система.	Олекминск. система.	Витимск. система.	Олекминск. система.	Витимск. система.	Олекминск. система.	Витимск. система.	Олекминск. система.	Витимск. система.	Олекминск. система.
Убійствъ	—	3	1	5	1	7	—	4	1	1
Самоубійствъ	—	2	1	—	1	1	3	1	1	1
Скоропостижно умерш. .	—	8	4	5	2	9	3	6	5	5
Утонувшихъ	—	8	2	3	2	2	2	4	1	—
Умершихъ отъ вина. .	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Угорѣвшихъ до смерти.	—	3	—	—	—	1	—	1	—	4
Замерзшихъ	—	2	—	1	—	—	—	—	—	—
Задавленныхъ обваломъ земли во время работъ.	—	1	—	2	—	—	2	—	—	—
Смертныхъ случаевъ во время работъ	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Умершихъ отъ взрыва пороха	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Задавленныхъ возомъ .	—	—	—	—	—	—	—	4	1	—
Найдено мертвыхъ тѣлъ.	—	—	1	—	1	—	4	6	1	7
Потерявшихъ безъ вѣсти	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Нечаянныхъ смертныхъ случаевъ	—	2	3	5	—	—	3	—	3	—
Ушибленныхъ при рабо- тахъ	—	—	—	—	—	5	—	—	1	—
Покушеній на убійство.	—	—	—	4	2	—	—	—	—	—
Покушеній на самоубій- ство	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Ушибленныхъ вѣзъ при- сковыхъ работъ . . .	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Нанесеніе ранъ	—	1	—	—	4	—	5	4	2	3
Умершихъ отъ болѣзней:										
мужчинъ	—	119	45	40	16	63	28	47	23	62
женщинъ	—	8	6	6	2	3	—	2	—	3
Итого умершихъ отъ болѣзней	—	127	51	46	18	69	28	49	23	65

¹⁾ Свѣдѣнія о 1873—82 г. заимствованы изъ „Прилож. I къ вып. 1 Сбор. глав. офф. докум. 15, за 1883—87 гг. изъ отчетовъ о золот. въ Вост. Сиб. въ Горн. Деп.; свѣдѣнія объ умершихъ

мыслахъ Олекминскаго горнаго округа.

1879 г.		1880 г.		1881 г.		1882 г.		1883 г.	1884 г.	1885 г.	1886 г.	1887 г.
Витимская система.	Олекминск. система.	Витимская система.	Олекминск. система.	Витимская система.	Олекминск. система.	Витимская система.	Олекминск. система.	Олекминский округъ.	Олекминский округъ.	Олекминский округъ.	Олекминский округъ.	Олекминский округъ.
—	7	1	5	1	2	3	3	9	10	2	—	5
—	1	1	—	—	—	1	—	1	3	—	—	—
6	3	5	4	10	8	16	7	17	15	—	—	1
5	1	—	—	2	2	1	—	2	3	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	5	—	—	—	—	—
2	4	3	2	1	1	—	1	3	1	4	1	6
—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	1	1	1	1	—	2	—	—	7	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	6	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	2	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
5	—	4	2	2	8	1	1	5	1	—	2	—
1	—	—	—	—	—	—	—	1	—	1	—	—
—	—	2	—	5	3	3	2	3	3	2	3	1
—	—	—	—	—	8	2	—	8	12	—	18	17
—	—	—	—	—	—	1	—	4	1	—	—	—
—	—	—	—	—	—	2	—	—	2	—	—	—
—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—
—	6	7	5	7	4	—	6	7	7	—	—	4
} 40	69	32	57	32	28	32	25	51	59	—	—	66
				2	8	1	3	6	8	—	—	6
40	69	32	57	34	36	33	28	57	67	—	—	72 ¹⁾

по Управ. Вост. Сиб. т. VII, Отчетъ Горн. Отд. Главн. Управ. Вост. Сиб. за 1882 г., табл. 4 и
отъ богъней за 1887 г. изъ „Пам. книжки Якут. обл. за 1891 г.“.

XVI (къ стр. 428).

Число рабочихъ больныхъ и умершихъ отъ болѣзней въ Олекминскомъ горномъ округѣ ¹⁾:

Годъ.	Больныхъ.		Выздоровѣвшихъ.	Умершихъ.	
	Число.	% всѣхъ рабочихъ.		Число.	% всѣхъ рабочихъ.
1879	6,311 об. п.	59	6,183	109	1
1880	7,895 об. п.	73	7,806	89	0,8
1881	11,448 об. п.	109	11,339	70	0,7
1882	7,376 об. п.	—	7,300	61	0,7
1883	9,068 об. п.	84	8,999	57	0,5
1884	8,054 об. п.	67	7,987	67	0,5
1887	5,505 об. п.	49	5,433	72	0,6
1888	4,477	34	3,249	75	0,6
1889	4,571	35	4,510	54	0,4

Число рабочихъ, умершихъ отъ болѣзней и разныхъ несчастныхъ случаевъ въ Олекминскомъ горномъ округѣ:

Годъ.	Всего рабочихъ обоихъ пола.	Умерло отъ болѣзней и несчастныхъ случаевъ.	
		Число.	% всѣхъ рабочихъ.
1879	10,777	144	1,3
1880	10,798	120	1,1
1881	10,543	118	1,1
1882	10,712	109	1
1883	10,805	104	1
1884	11,937	103	0,9
1887	11,256	85	0,8
1888	13,046	—	—
1889	13,166	—	—

¹⁾ Данные о 1875—82 гг. взяты изъ „Приложенія I къ вып. I Сбор. офф. док. по управл. Вост. Сиб., т. VII“, 1884 г. Отчетъ Горн. Отд. Главн. Управ. Вост. Сиб. за 1882 г., Прилож. № 4; за 1883—84 г. изъ отчетовъ того же Горн. Отд. въ Арх. Горн. Департ. за 1887—89 г. (и свѣдѣнія о количествѣ рабочихъ) изъ „Памятн. Книж. Якутск. обл. на 1891 г.“, стр. 115.

XVII (къ стр. 467).

Число рабочихъ, бѣжавшихъ съ промысловъ Олекминскаго горнаго округа.

Годъ.	Бѣ ж а л о.	
	Число.	% всѣхъ рабочихъ.
1871	350	6,41
1872	173	2,1 ¹⁾
1873	252	3,12
1874	182	1,93
1875	198	3,22
1876	222	4,62
1877	256	4,16
1878	323	4,62
1879	269	3,31
1880	112	1,31
1881	139	1,5
1882	113	1,18 ²⁾
1883	112	1,03
1884	139	1,16 ³⁾

¹⁾ Свѣдѣнія о числѣ бѣжавшихъ въ 1871 и 72 гг. взяты изъ матеріаловъ Субботина; о 1872 г. см. также „Иркут. Губ. Вѣд.“ 1873 г., № 51; изъ числа бѣжавшихъ было поймано въ 1871 г.—46 чел. (13%), въ 1872 г.—39 чел. (22% бѣжавшихъ). Въ 1872 г. были летучіе кордоны для поимки рабочихъ, которыхъ не было въ 1871 г.

²⁾ Свѣдѣнія за 1878—82 гг. взяты изъ „Прилож. I къ вып. I Сборн. главн. оффиц. докум. по управл. Вост. Сиб.“, т. VII, Отчетъ о золотопр. Вост. Сиб. за 1882 г., прилож. № 2. Въ 1879 г. изъ числа бѣжавшихъ рабочихъ поймано 85 чел. (31%), въ 1881 г.—22 (15%), въ 1882 г.—16 чел. (14%).

³⁾ Свѣдѣнія о 1883—84 гг. заимствованы изъ отчетовъ о золотопр. Вост. Сиб. въ Арх. Горн. Департ. Въ 1883 г. изъ числа бѣжавшихъ поймано 14 чел. (12%), въ 1884 г.—13 чел. (9%).

XVIII (въ стр. 475).

Распределение заработка рабочих Олекминского горного округа въ процентах¹⁾.

	1881 г.	1882 г.	1883 г.	1884 г.	1885 г.	1887 г.	1888 г.	1889 г.	1890 г.	Олекминская и Витимская виѣсти. 1886 г.
<i>Витимская система.</i>										
Отослано въ уплату податей и семействамъ	10	9,8	6,8	7,1	—	13,9	13,1	8,7	7,3	8,6
Отослано въ банковыя учрежденія	1	1,7	1,4	1,2	—	2	4,3	5,3	3,2	1
Выдано на принсксахъ товарами и припасами	39	29	27,5	34,4	—	33,1	50	53,3	59 (и доплатив)	65,3
Выдано на руки во время работъ и при расчетѣ	35	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Выдано при расчетѣ (доплат).	—	53,5	56	49,8	—	45,5	23,7	26,8	25,5	19,6
Удержано штрафовъ	—	—	—	—	—	—	0,5	0,3	0,5	0,5
Пропало долговъ за работ. бѣжавшими, неявившимися и др.	—	—	—	—	—	2	3,6	2,3	—	—
<i>Олекминская система.</i>										
Отослано въ уплату податей и семействамъ	—	—	—	—	8,3	6,2	8,3	7,9	—	—
Отослано въ банковыя учрежденія	—	—	—	—	1,7	1,9	2	1,7	—	—
Выдано на руки во время работъ товарами, съѣсти. при- припасами (въ 1885 г. и деньгами)	—	—	—	—	55	39,8	64,9	59,5	—	—
Выдано при окончательномъ расчетѣ деньгами	—	—	—	—	25,5	47,1	19,1	26,2	—	—
Удержано штрафовъ	—	—	—	—	1	1	0,4	0,4	—	—
Пропало долговъ за работ. бѣжавшими, неявившимися и др.	—	—	—	—	—	1,3	1,4	1	—	—

¹⁾ Данные заимствованы изъ отчетовъ горныхъ исправниковъ, а относительно 1887—89 гг. изъ „Шамати. Книжки Якут. обл. на 1891 г.“, стр. 111. Въ этомъ послѣднемъ источникѣ указано собственно распределение не заработка, а выдачи рабочимъ, такъ какъ включены и долги рабочихъ, но такъ какъ долги составляютъ процентъ ничтожный, то и небольшую разницу между % *заработка* и % *выдачи* можно игнорировать.

XIX (къ стр. 542).

Таксы на приискахъ Амурской области.

	1879 г. Компаніи Верхне- Амурская, Бутинныхъ, Тетюкова и Ниман- ская.	1881 г. Компаніи б. Бутин- ныхъ, Зейская, Ниман- ская и Тетюкова.	1883 г. Компаніи Зейская, Ниман- ская и Бутинныхъ.	1884 г. Компаніи Ниман- ская, Бу- тинныхъ и Тетюкова.	1892 г. Зейская пристань, Верхне- Амурская К ^о , Ни- манск. К ^о , Хинганск. система.
	Р. К. Р. Е.	Р. К. Р. Е.	Р. Е. Р. Е.	Р. Е. Р. Е.	КОП.
Масло коровье фунтъ . . .	0.40—0.60	0.50—0.65	0.55—0.60	60 к.	40—60
Сахаръ	0.40—0.60	0.40—0.60	50 к.	50 к.	26—30
Чай кирпичный 1 кирп. . .	0.70—1.00	0.70—1.00	0.80—1.00	80 к.	—
Табакъ черкасскій 1 фунтъ .	0.35—0.50	0.45—0.55	0.45—0.50	0.35—0.50	—
Холстъ 1 сорта арш.	0.20—0.27	0.20—0.25	—	—	15—25
Доба кусокъ	3.00—3.85	3.00—4.50	—	—	—
Вареги пара	0.32—0.40	0.35—0.40	35 к.	0.35—0.40	—
Рукавицы	0.60—0.85	0.75—0.80	0.70—0.75	0.30—0.80	—
Полубокъ простой	5 р.	6.00—8.50	4.20	—	—
Бродни пара	2.90—4.25	3.25—4.20	2.50—4.00	2.50—4.20	—
Сукно крестьянское 1 арш. .	0.21—0.36	0.25—0.35	—	—	—

XX (къ стр. 553).

Происшествія на промыслахъ Амурской и Приморской областей.

	1873.	1874.	1878.	1879.	1880.	1881.	1882.	1883.	1884.	1885.	1887.
Скоростипно умер- шихъ	2	—	—	2	2	1	1	—	—	—	—
Самоубійствъ	—	—	—	5	1	—	—	—	1	1	2
Нанесенія ранъ	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—
Утайка и кража золота . . .	1	—	—	1	2	2	—	—	—	—	—
Покушенія на убійство . . .	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—
Убійствъ	—	—	—	—	—	1	2	2	1	—	3
Утонувшихъ	4	—	—	—	—	2	9	1	—	—	—
Найдено мертв. тѣлъ	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—
Ушибленныхъ при ра- ботахъ	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—
Потерявшихъ безъ вѣ- сти	—	—	1	—	—	—	—	—	—	1	—
Нанесеніе ранъ	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Буйствъ рабочихъ	—	2	—	—	—	—	—	1	2	1	—
Тайная торговля спир- томъ	—	2	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Нечаянныхъ смертъ	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2 ¹⁾

¹⁾ Одинъ сторгъ въ кашеварнѣ, одинъ съѣденъ медвѣдемъ.

XXII (къ стр. 566).

Кабинетскіе промыслы Нерчинскаго округа ¹⁾.

Годъ.	Число присковъ.	Промыслъ пудовъ песку.	Содержаніе золота въ 100 пуд. песку.	Число рабочихъ.	Количество добы- таго шихового золота.
1874	18	53.397,380	—	—	152 п. 9 ф. 74 з.
1875	11	57.649,030	—	—	145 " 28 " 27 "
1876	15	58.065,625	84 ³ / ₄ д.	—	141 " 7 " 52 "
1877	16	56.944,750	98 ³ / ₈ "	—	142 " 28 " 22 "
1878	18	62.627,750	81 ¹ / ₂ "	—	138 " 2 " 8 "
1879	24	58.397,000	75 ¹ / ₂ "	—	119 " 31 " 71 "
1880	19	59.946,750	75,4 "	—	122 " 24 " 22 "
1881	28	53.744,000	67 "	—	97 " 29 " 28 "
1882	9	47.458,250	67 ⁷ / ₈ "	2,188	93 " 1 " 27 "
1883	10	51.454,250	64 "	2,262	95 " 35 " 64 "
1884	10	51.766,250	59 ¹ / ₂ "	2,074	84 " 16 " 83 "
1885	10	30.197,750	63 ³ / ₄ "	2,306	52 " 10 " 87 "
1886	10	54.796,500	61 ¹ / ₂ "	2,206	91 " 28 " 27 "
1887	10	50.674,500	60 "	2,150	82 " 15 " 60 "
1888	14	38.270,250	71 ¹ / ₂ "	2,059	74 " 6 " 26 "
1889	15	42.615,750	79 ¹ / ₂ "	1,765	92 " 4 " 54 "
1890	14	44.169,300	—	1,565	101 " 7 " 38 "
1891	14	34.823,000	64 ⁴ / ₅ "	1,309	103 " 24 " 52 " ²⁾
1892	15	33.983,670	68,9 "	1,285	111 " 20 " 86 " ³⁾
1893	14	36.208,000	73 "	1,205	120 " 20 " 5 " ⁴⁾
1894	11	36.977,840	—	1,260	124 " 39 " 60 " ⁵⁾
1895	11	33.694,000	79,12	1,144	118 " 18 " 85 "

¹⁾ Всѣ данныя заимств. изъ офф. изд. Горн. Деп. „Горнозав. Промысл. Россіи“.²⁾ Въ томъ числѣ старательскаго 42 п. 10 ф. 64 з.³⁾ " " " " 47 " 18 " 51 "⁴⁾ " " " " 48 " 30 " 57 "⁵⁾ " " " " 51 " 38 " 72 "

XXIII (къ стр. 606).

Барыши золотвичнаго подрадка въ 1881 г.

	Отпущено отъ К ^о .		Продается рабочимъ.		°/о барыша.
	Руб.	Коп.	Руб.	Коп.	
Мука пшеничная пудъ	1	70	2	20	29
Сало топленое пудъ	—	15	—	25	66
Чай кирпичный кирпичъ	1	20	1	60	33
Сахаръ фунтъ	—	35	—	50	43
Азямъ 1-го сорта	5	30	7	—	32
2-го сорта	3	—	4	50	50
Бродни	2	20	2	80	27
Рубахи ситцевыя	1	30	2	50	92
Сукно крестьянское аршинъ	—	16	—	25	56
Холстъ 1-го сорта аршинъ	—	12	—	20	66
2-го сорта аршинъ	—	11	—	15	36
Табакъ черкасскій фунтъ	—	22	—	35	59
Свѣчи салныя фунтъ	—	17 ¹ / ₂	—	25	43 ¹)

¹) „Сибирь“ 1881 г. № 33, стр. 3.

XXIV (въ стр. 642).

Кабинетская золотопромышленность на Алтаѣ ¹⁾.

А) Добыто россыпного золота.

Годъ.	Число присковъ.	Промыто пудовъ песку.	Содержаніе золота въ 100 пуд. песку.	Число рабочихъ.	Количество добы- таго шихового золота.
1875	—	—	—	—	8 п. 20 ф. — з. ²⁾
1876	—	—	—	—	7 " 2 " 52 " ²⁾
1877	7	—	—	—	7 " 12 " 90 " ²⁾
1879	—	—	—	—	7 " 30 " 78 "
1880	—	—	—	—	7 " 34 " 13 "
1881	—	—	—	—	4 " 30 " 66 "
1882	—	—	—	—	1 " 20 " 66 "
1883	—	—	—	—	1 " 20 " 2 "
1884	—	—	—	—	2 " 12 " — "
1885	2	—	—	—	4 " 16 " 18 "
1886	2	—	—	508	5 " 11 " 20 "
1887	11	1.699,348	—	745	6 " 11 " 17 " ²⁾
1888	7	1.140,400	—	547	5 " 29 " 58 "
1889	3	4.550,460	63 д.	960	7 " 30 " 95 "
1890	3	4.431,038	36 "	649	6 " 16 " 61 "
1891	5	4.511,702	50 ¹ / ₂ "	743	6 " 7 " 54 "
1892	3	4.644,459	43 ¹ / ₄ "	687	5 " 18 " 46 "
1893	4	7.209,238	49,4 "	808	9 " 26 " 33 " ⁴⁾
1894	5	7.923,618	—	907	10 " 6 " 58 " ⁵⁾
1895	3	8.339,900	—	990	10 " 32 " 47 "

¹⁾ Всѣ данныя заимствованы изъ официального изданія „Горнозавод. промьш. Россіи“.

²⁾ Намыто старателями.

³⁾ Изъ 11 присковъ только 3—Егорьевскій, Салаирскій и по системѣ Катунн разрабатывались старателями (597 ч.), которые добыли 5 п. 2 ф. 77 зол.

⁴⁾ Артельными старателями и хозяйственными работами отъ Управленія округа, а также золотничниками.

⁵⁾ Артельными старат. и хозяйств. работ. отъ упр. округа.

Б) Получено из кварцевъ Зырянскаго и Риддерскаго серебряныхъ рудниковъ.

Годъ.	Число присковъ.	Промыто пудовъ песку.	Содержаніе золота.	Число рабочихъ.	Количество добы- таго золота.
1875	—	—	—	—	4 п. 15 ф. — з.
1876	—	—	—	—	4 „ 20 „ 8 „
1877	—	—	—	—	4 „ 22 „ 6 „
1879	—	—	—	—	3 „ 23 „ 19 „
1880	—	—	—	—	4 „ 5 „ 5 „
1881	—	—	—	—	4 „ 22 „ 82 „
1882	—	—	—	—	4 „ 23 „ 72 „
1883	—	—	—	—	3 „ 9 „ 78 „
1884	—	—	—	—	4 „ 28 „ 14 „
1885	—	—	—	—	4 „ 31 „ 12 „
1886	—	554,254	4 в. 30 д.	—	6 „ 8 „ 56 „
1887	—	668,000	3 „ 82 „	—	6 „ 27 „ 13 „ ¹⁾
1888	—	751,063	3 „ 38 $\frac{1}{2}$ „	175	6 „ 26 „ 24 „
1889	—	824,265	2 „ 79 „	110	6 „ 2 „ 40 „
1890	—	759,550	2 „ 91 $\frac{3}{4}$ „	118	5 „ 34 „ 3 „
1891	—	980,365	2 „ 25 „	109	5 „ 31 „ 4 „
1892	—	903,421	1 „ 78 „	123	4 „ 6 „ 69 „ ²⁾
1893	—	718,140	—	288	3 „ 6 „ 19 „ ³⁾
1894	—	696,676	—	100	5 „ 24 „ 58 „
1895	—	920,295	—	190	7 „ 39 „ 77 „ ⁴⁾

¹⁾ Въ томъ числѣ 16 ф. 76 в. старат. работами.

²⁾ Кромѣ Зырянскаго и Риддерскаго рудниковъ, на Москвинскомъ и Путинцевскомъ прискахъ.

³⁾ Въ томъ числѣ и золотничками.

⁴⁾ Общіе итоги добычи шихтоваго и чистаго золота въ Россіи съ 1880 г. см. въ книгѣ М. Кошкарлова „Денежное обращеніе въ Россіи“, Спб. 1898 г., т. I, стр. 152—153.

ВАЖНѢЙШІЯ ОПЕЧАТКИ.

<i>стр.:</i>	<i>строка:</i>	<i>напечатано:</i>	<i>должно быть:</i>
25	10 сверху	прісковъ. Обязанность	прісковъ обязанность
70	21 "	minimum 10	minimum 8
138	23 "	47319	407319
215	19 "	съ собраній	собраній
238	20 снизу	100	1000
319	20 сверху	вслѣдствіе печальную из- вѣстность	печальную извѣстность вслѣдствіе
332	18 снизу	1896	1892
357	11 "	почти 2	17
358	6 сверху	21	22
360	1 "	контрактахъ	контрактахъ 70-хъ годовъ
366	22 снизу	Слѣдствіемъ	, слѣдствіемъ
405	8 "	См. Дополненіе XIV, Б	Мыло 24—40 к.; табакъ черкасскій 36—60 к. Дополненіе XIV.
405	6 "	Дополненіе XIV, А.	труба до 20°;
426	11 сверху	труба	тройной годичный
430	5 снизу	годиный	пріискъ 1882 г.
462	6 "	пріискъ	которомъ
464	19 "	которыхъ	22
473	13 "	28	17
474	14 "	18	работіе... нуждаются
495	17 сверху	работій... нуждается	1894
507	9 снизу	1894	вмѣстѣ имѣли
517	24 сверху	имѣли	аричную
543	20 "	яичную	Олекминской системы
771	18 "	Олекминскаго округа	обязательныхъ (въ случаѣ
783	11 "	обязательныхъ	желанія рабочихъ)
790	9 "	1897	1896
795	14 снизу	и	изъ
810	23 сверху	1358	1358 ¹
824	12 "	ничего	почти ничего

ВО ВСѢХЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ ПРОДАЮТСЯ СОЧИНЕНІЯ

В. И. ГЕМЕВСКАГО:

1. Крестьянскій вопросъ въ Россіи въ XVIII и первой половинѣ XIX вѣка. Т. I (53+517 стр.). Спб., 1888. Ц. 3 р.
2. Крестьянскій вопросъ въ Россіи въ XVIII и первой половинѣ XIX вѣка. Т. II (625 стр.). Спб., 1888. Ц. 3 р.
3. Рабочіе на сибирскихъ золотыхъ промыслахъ. Т. I (LXXXIV+574 стр.). Спб., 1898 г. Ц. 3 р. (Складъ въ книжномъ магазинѣ типографіи М. М. Стасюлевича).
4. Рабочіе на сибирскихъ золотыхъ промыслахъ. Т. II (914 стр.). Спб., 1898 г. Ц. 3 р. (Складъ въ книжномъ магазинѣ типографіи М. М. Стасюлевича).
5. Василій Ивановичъ Водовозовъ. Біографическій очеркъ, съ портретомъ. Ц. 50 к.
6. Крестьяне въ царствованіе императрицы Екатерины II. Т. I. Введеніе. Крѣпостные крестьяне въ Великороссіи. Поссессионные крестьяне. Спб., 1881 г. Ц. 3 р. (Распродано, готовится къ печати новое изданіе).

Цѣна 3 р.
